

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

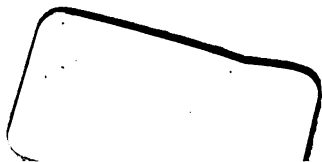
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1363

20095 d. $\frac{19}{33}$

ЗАПИСКИ

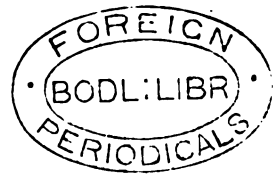
ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

РДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.

1882.

**Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ С. П. Ярошенко.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	Стран.
Годовой отчетъ, съ приложеніемъ рѣчи о. пр. Е. Ѳ. Сабинина: «Михаилъ Васильевичъ Остроградскій» . . .	1—72
Протоколы засѣданій совѣта и. нов. ун.: 22-го января—30 мая 1881 г.	1—96
Index seminum in horto botanico Un. Caes. N. Ros.	1—9

II. Часть ученая.

Воеводскій Л. Ф. доц. и. н. ун. — Введеніе въ энтологію Одессы	1—235
Кочубинскій А. А. о. пр. и. н. ун. — Итоги славянской и русской энтологіи	237—476

III. Приложение.

Кондаковъ Н. П. о. пр. и. н. ун. — Путешествіе на Синай въ 1881 году (съ картой).	IV, 1—160
---	-----------

I. Часть офіціальная.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

30-го августа 1881 года.

- 1) Отчетъ о состояніи университета въ 18⁸⁰/₈₁ акад. году.
 - 2) Рѣчь орд. проф. Е. Ѳ. Сабинина : «Михаилъ Васильевичъ Остроградскій».
-

Императорскій Новороссійскій университетъ скромную лѣтопись свою за истекшую 16 годовщину своего существованія — 1880—81 акад. годъ — долженъ начать необычайной, скорбной, страницей о невыразимо тяжелой утратѣ, понесенной имъ, какъ и цѣлой Россіей — въ мученической смерти своего Основателя и Покровителя, въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Члены совѣта, послѣ панихиды по въ Возѣ почившемъ Государѣ и молебствіи о восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, который, въ бытность свою Наслѣдникомъ, удостоилъ университетъ принятіемъ на себя званія Почетнаго Члена, собравшись въ чрезвычайномъ засѣданіи въ актовомъ залѣ, подѣ председательствомъ г. ректора, постановили повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженіе своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ въ адресѣ отъ Новороссійскаго университета и сохранить на вѣчныя времена въ актовомъ залѣ университета портретъ покойнаго Государя, съ надписью: «Александръ II, Основатель Новороссійскаго университета».

Высочайшимъ повелѣніемъ въ Возѣ почившаго Государя совѣтъ Новороссійскаго университета въ истекшемъ академическомъ году былъ призванъ къ обсужденію одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ университетской жизни: въ 1879 году, въ виду чрезвычайныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, были введены временныя правила для студентовъ, а въ 1880 г. совѣту предложено было дать свое заключеніе о правилахъ, которыя бы могли войти какъ органическая часть въ общій нормальный строй университетской жизни. Совѣтъ, въ виду особенной важности предстоявшаго предмета обсужденія, избралъ спеціально для разработки этого вопроса комиссію, по обсуж-

деніи доклада которой въ результатѣ пришелъ къ заключенію — въ смыслѣ отмены временныхъ правилъ 1879 года, каковое заключеніе и представлено въ министерство народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, по предложенію высшаго начальства, въ началѣ 1881 г. Совѣтъ ходатайствовалъ о возстановленіи должности проректора вмѣсто инспектора и о введеніи новыхъ правилъ для студентовъ. Должность проректора возстановлена, а введе- ніе новыхъ правилъ имѣетъ послѣдовать съ началомъ 1881—82 акад. года.

Истекшій годъ будетъ имѣть важное значеніе въ исторіи нашего университета и въ другомъ отношеніи — въ отношеніи учебно-вспомогательной части. Отъ высшаго начальства послѣ- довало разрѣшеніе на ходатайство совѣта объ открытіи въ уни- верситетѣ студентской читальни, которая состоитъ на попече- ніи куратора, избираемаго на каждые три мѣсяца изъ среды членовъ совѣта по очереди. Отведенное для читальни помѣще- ніе, близость къ ней студенческаго отдѣла библіотеки, попол- неніе этого отдѣла вновь приобрѣтенными книгами научнаго и беллетристическаго содержанія, наконецъ, организація пользованія читальней, все это открываетъ полную возможность серьезнаго занятія для студентовъ въ свободное отъ слушанія лекцій время.

Кромѣ выше указанныхъ выдающихся явленій, общее со- стояніе и дѣятельность Новороссійскаго университета за отчет- ный годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Университетъ состоитъ изъ трехъ факультетовъ: историко- филологическаго, физико-математическаго и юридическаго.

Историко-филологическій факультетъ раздѣляется, начиная съ III курса, на три отдѣленія: 1) отдѣленіе классической филологіи, въ коемъ главными предметами постановлены: а) греческая словесность (языкъ, древности, исторія литературы), б) римская словесность (языкъ, древности, исторія литерату- ры), в) теорія и исторія искусствъ, г) древняя исторія (изъ всеобщей исторіи), д) русская исторія, е) исторія древней фи- лософіи; — вспомогательными: а) сравнительная грамматика

индоевропейскихъ языковъ, б) славянскія нарѣчія, в) исторія русской литературы, г) исторія всеобщей литературы. 2) Отдѣленіе русско-славянской филологіи, въ коемъ главные предметы: а) сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ, б) славянскія нарѣчія (церковно-славянскій и др. языки), в) русская словесность, г) исторія славянской литературы, д) древняя русская исторія; вспомогательные: а) классическіе языки: греческій и латинскій, б) славянскія древности, в) всеобщая исторія, г) философія (логика и психологія), д) исторія всеобщей литературы. 3) Отдѣленіе историческихъ наукъ, въ которомъ главные предметы: а) всеобщая исторія, б) русская исторія, в) исторія русской литературы, г) исторія философіи, д) церковная исторія; вспомогательные: а) классическіе языки, б) славянскія нарѣчія, в) славянскія древности, г) исторія всеобщей литературы. Сверхъ сего, слушателямъ этого отдѣленія рекомендуется записываться на курсы: а) исторія русскаго права, б) международнаго права и в) политической экономіи.

Физико-математическій факультетъ раздѣляется на два отдѣленія. 1) Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ, въ которому отнесены: а) чистая математика, б) механика, в) астрономія съ геодезіей, г) физика, д) физическая географія съ метеорологіей, какъ предметы главные, и г) химія неорганическая, какъ предметъ дополнительный. 2) Отдѣленіе наукъ естественныхъ, въ которомъ положены: а) химія въ полномъ ея составѣ, б) минералогія, в) геогнозія и палеонтологія, г) ботаника, д) зоологія, е) опытная физика и ж) физическая географія съ метеорологіей въ качествѣ главныхъ предметовъ, з) агрономическая химія и и) техническая химія, какъ предметы дополнительные и притомъ послѣдній какъ необязательный предметъ.

Въ составъ юридическаго факультета входятъ каедры: а) энциклопедіи права, б) исторіи русскаго права, в) исторіи славянскихъ законодательствъ, г) римскаго права, д) государственнаго права, е) гражданскаго права, ж) гражданскаго су-

допроизводства и судоустройства, з) уголовного права и уголовного судопроизводства, и) полицейского права, і) финансоваго права, к) международного права, л) политической экономіи и статистики и м) церковнаго законовѣдѣнія.

Для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ состоитъ особая кафедра Богословія.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

I. Преподаватели:

1. По временному штату Новороссійскаго университета, нынѣ дѣйствующему, положено было: 1 проф. православнаго богословія, 25 ординарныхъ профессоровъ, 11 экстраординарныхъ, 10 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и 4 лаборанта, а по постоянному 1 профессоръ православнаго богословія, 28 ординарныхъ профессоровъ, 13 экстраординарныхъ, 16 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 4 лектора и 4 лаборанта.

2. На лицо штатныхъ преподавателей состояло къ 1 іюня 1881 года: по историко-филологическому факультету: 6 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ 1 исправл. должность, и 3 доцента, — по физико-математическому 11 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 5 доцентовъ, изъ нихъ 1 исправл. должность, 1 астрономъ-наблюдатель и 4 лаборанта, — по юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ и 2 доцента.

Кромѣ того въ университетѣ состоятъ не причисленные ни къ какому факультету 1 проф. православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

3. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей къ 1 іюня 1881 года было слѣдующее: 1 проф. православнаго богословія 24 ординарныхъ профессора, 3 экстраординарныхъ, 10 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 3 лектора и 4 лаборанта.

4. Сверхштатныхъ преподавателей было: на физико-мате-

матическомъ факультетѣ 1 ординарный профессоръ по кафедрѣ механики и 4 лаборанта.

Кромѣ того, по рѣшенію совѣта, приглашены къ чтенію лекцій въ университетѣ по найму 5 стороннихъ преподавателей: 2 на историко-филологическомъ факультетѣ: заслуженный профессоръ В. Н. Юргевичъ по римской словесности и кандидатъ Московскаго университета В. В. Сперанскій по тому же предмету; на физико-математическомъ, приватъ-доцентъ Кожевниковъ въ качествѣ частнаго преподавателя по ботаникѣ, на юридическомъ факультетѣ — заслуженный профессоръ А. М. Богдановскій по уголовному праву и приватъ-доцентъ Чижевъ въ качествѣ частнаго преподавателя по энциклопедіи права.

Остаются незамѣщенными слѣдующія кафедры: по историко-филологическому факультету: 1) философіи со 2 октября 1876 года, 2) римской словесности съ 1 января 1877 г., 3) сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ 12 октября 1874 г., 4) исторіи всеобщей литературы съ 1 мая 1865 г., на физико-математическомъ факультетѣ: 5) агрономической химіи съ 10 марта 1879 г., на юридическомъ: 6) энциклопедіи права съ 14 октября 1872 г., 7) международнаго права съ 1 мая 1865 г. и 8) церковнаго законовѣдѣнія съ 20 іюня 1875 года.

Въ теченіе года избраны въ должность доцента магистры: Палаузовъ по уголовному судопроизводству, Гамбаровъ по гражданскому праву, Рейнгардъ по ботаникѣ, Кононовичъ по астрономіи и магистрандъ Клоссовскій исправляющимъ должность доцента по физической географіи. Изъ наличнаго состава преподавателей экстраординарный профессоръ Ушовъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора.

Составъ почетныхъ членовъ университета увеличился избраніемъ въ оныя проф. Петербургскаго университета Менделѣева и проф. Харьковскаго университета Ценковскаго.

Выбыли изъ состава: экстраординарный проф. Волковъ по прошенію, ординарный проф. Беркевичъ за выслугою

лѣтъ. Университѣтъ и наука понесли чувствительную потерю въ лицѣ извѣстнаго старожилы-ученаго, Ф. К. Бруна, скончавшагося въ Славутѣ Волынской губерніи (5 іюня 1880 г.). Кромѣ того университетъ съ сожалѣніемъ заноситъ въ свою лѣтопись смерть профессорскаго стипендіата-магистранда, Д. В. Панкевича († 15 іюля 1881, въ Одессѣ).

II. Служащіе по учебно-административной и другимъ частямъ.

1) На должность ректора избранъ совѣтомъ и Высочайше утвержденъ мая 20 дня ординарный профессоръ по кафедрѣ чистой математикѣ, статскій совѣтникъ Семенъ Петровичъ Ярошенко; на должность проректора избранъ и утвержденъ ординарный профессоръ по кафедрѣ исторіи русскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳеодоръ Ивановичъ Леонтовичъ. Деканомъ историко-филологическаго факультета избранъ и утвержденъ ординарный профессоръ по кафедрѣ русской словесности дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Степановичъ Некрасовъ, деканомъ юридическаго факультета — ординарный профессоръ по кафедрѣ финансоваго права, статскій совѣтникъ Иннокентій Іустиновичъ Патлаевскій, деканомъ физико-математич. факульт. ордин. профес. по кафедрѣ химіи, дѣйств. ст. совѣтникъ Александръ Андр Вериго.

Прочихъ служащихъ, а) положено по штату 17 и неопредѣленное число хранителей кабинетовъ, б) на лицо 24, въ томъ числѣ 3 хранителя кабинетовъ.

Въ теченіе года избраны и утверждены: Геричъ — лаборантомъ зоотомической лабораторіи, Танатаръ сверхштатнымъ лаборантомъ химической лабораторіи, Тимченко исправляющимъ должность механика по найму. За перемѣщеніемъ казначея Селиванова на должность правителя канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, казначеемъ избранъ Прохоровъ.

УЧЕБНАЯ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА.

Въ отчетномъ году историко-филологическій факультетъ имѣлъ 21 засѣданіе, въ томъ числѣ одно въ присутствіи со-

вѣта, физико-математическій 21 засѣданіе, юридическій 14 и одно въ присутствіи совѣта; совѣтъ имѣлъ 25 засѣданій.

Для чтенія лекцій по вакантной каедрѣ римской словесности приглашеннымъ въ качествѣ стороннихъ преподавателей заслуженному профессору В. Н. Юргевичу было поручено 7 лекцій въ недѣлю, именно: 2 лекціи на I курсѣ «Объясненіе Цицерона», 2 л. на II курсѣ «Объясненіе Горация», 2 л. на III и IV в. «Объясненіе Виргилія», и 1 л. на III и IV в. «Объясненіе Тацита», кандидату Сперанскому были поручены 2 лекціи въ недѣлю на III и IV в. «Объясненіе метаморфозъ Овидія». — По вакантной каедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ были поручены 2 лекціи въ недѣлю, по одной для III и IV в., профессору Кочубинскому, который читалъ «Сравнительную грамматику литовскаго языка». — По вакантной каедрѣ философіи поручены 2 лекціи въ недѣлю для III и IV в. доценту Воеводскому, который читалъ «Исторію греческой философіи». Приватъ-доцентъ Маркевичъ читалъ 2 лекціи въ недѣлю для желающихъ студентовъ всѣхъ 4-хъ курсовъ «Русскую исторію-графію».

Въ физико-математическомъ факультетѣ по вакантной каедрѣ физической географіи чтеніе лекцій поручено было профессору Шведову, а преподаваніе технической химіи за находящагося въ заграничной командировкѣ проф. Петріева — профессору Веригу; на юридическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантнымъ каедрамъ — энциклопедіи права — профессору Малинину, государственнаго права — проф. Леонтовичу, — международнаго права — проф. Шпилевскому, — каноническаго права — проф. Кудрявцеву. Совсѣмъ не читались лекціи на юридическомъ факультетѣ только по каедрѣ славянскихъ законодательствъ, за нахожденіемъ проф. Богишича, занимающаго эту каедру, въ заграничной командировкѣ по Высочайшему повелѣнію.

Въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, на историко-филологическомъ факультетѣ отъ всѣхъ желающихъ

получить или удержать стипендіи или освободиться отъ взноса платы за слушаніе лекцій требовалось на всѣхъ курсахъ, кромѣ IV, представленіе въ срединѣ учебнаго года письменной работы. Кромѣ того у проф. Кочубинскаго, по приѣзду прежнихъ лѣтъ, разъ въ недѣлю происходили занятія по славянской филологіи въ «славянскомъ семинаріи» (комментація Остромірова Евангелія). На юридическомъ факультетѣ, по приѣзду прежнихъ лѣтъ, обязательно требовалось отъ всѣхъ студентовъ представленіе письменныхъ работъ; студенты I и II курса, желавшіе получить стипендіи, сверхъ того должны были подвергаться полугодичному контрольному испытанію. Кромѣ чтенія лекцій профессора Леонтовичъ, Малининъ и Посниковъ вѣли практическія занятія со студентами, каждый по предмету занимаемой имъ кафедрѣ. Изъ представленныхъ студентами письменныхъ работъ въ 1880 г., согласно отзыву и предложенію проф. Посникова, было напечатано въ «Запискахъ» университета сочиненіе кандидата правъ Ершовскаго подъ заглавіемъ «Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ».

Въ истекшемъ академическомъ году на соисканіе премій были заданы темы: по историко-филологическому факультету — «Биографія Гоголя въ связи съ его сочиненіями»; по физико-математическому факультету — «Опытное изслѣдованіе законовъ отраженія отъ тѣлъ съ поверхностнымъ свѣтомъ (Oberflächenfarbe)»; по юридическому — «Институтъ родовыхъ имуществъ по русскому праву». На заданныя темы были представлены по одной работѣ на каждомъ факультетѣ, изъ которыхъ удостоены: одна — на физико-математическомъ факультетѣ, золотой медали, двѣ другихъ — на двухъ другихъ факультетахъ — серебряныхъ медалей, согласно присужденію подлежащихъ факультетовъ и съ утверженія совѣта. По вскрытіи конвертовъ, авторами оказались: первой работы студентъ III курса математическаго отдѣленія Рубановичъ; второй — по историко-филологическому факультету — студентъ IV курса этого факультета (нынѣ окончившій) Трауцкій Александръ, третьей — по

юридическому — студентъ II курса этого факультета, Турчаниновъ Константинъ.

Въ теченіи отчетнаго года гг. профессора напечатали слѣдующіе труды:

Ординарный проф. Н. П. Кондаковъ: «Мозаики мечети (Μονή τῆς χώρας) въ Константинополѣ», съ отдѣльнымъ атласомъ рисунковъ, въ «Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго университета» т. XXXI.

Ординарный проф. А. А. Бочубинскій: 1) «Славянскія рукописи Пештскаго Музея и въ частности «русская» рукопись 1803 года» (2 первыя главы) въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» (№ 1 1881 г., 180—207); 2) «Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», книги іюнь и іюль 1881 г.; 3) «Правда жизни и правда творчества», рѣчь въ день праздника Пушкина, въ «Запискахъ» унвер. т. XXXI; 4) «М. А. Колозовъ», некрологъ въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ», отъ 21 января 1881 г.; 5) «Замѣчанія на докладъ комиссіи объ университетской инспекціи», въ протоколахъ совѣта при XXXII т. «Записокъ» университета; 6) «День памяти Пушкина въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ» въ «Запискахъ» университета т. XXXI.

Ординарный профессоръ Ѳ. И. Успенскій: 1) «Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины» въ «Жур. Мин. Народн. Просв.», двѣ статьи; 2) «Сочиненія Михаила Акомината», въ «Запискахъ» унив. т. XXXII; 3) «Документы относящіеся къ Русской исторіи», въ «Русской исторической библіотекѣ»; 4) «Филиппъ Карловичъ Брунъ», въ «Запискахъ» университета т. XXXII.

Исправляющій должность ординарнаго проф. В. М. Войтковскій: 1) «Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича (19 февраля 1881 г.) о царствѣ Божіемъ благодатномъ и его отношеніи къ царствамъ земнымъ», сказанное въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ, въ «Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ»; 2) «Слово на вспоми-

наніе страданій и смерти Господа нашего Иисуса Христа», сказанное въ Одесскомъ Кафедральномъ соборѣ въ 20-тый день послѣ мученической кончины Государа Императора Александра Николаевича, въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ.

Ординарный проф. А. С. Трачевскій: «Нѣмецкій вопросъ во Франціи при Людовикѣ XVI», съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ, въ «Запискахъ» универс. т. XXXI.

Заслуженный проф. В. Н. Юргевичъ: 1) «Псифисмъ города Херсониса о назначеніи наградъ и почестей Діофанту, полководцу Миеродота VI Евпатора за покореніе Крыма и освобожденіе Херсонисцевъ отъ владычества Скиновъ», въ XII т. «Записокъ Одесск. общ. исторіи и древностей»; 2) «Древнія греческія надписи, найденныя въ Керчи, Анатѣ и Херсонисѣ въ 1880 г.», тамъ же; 3) «Древнія греческія надписи, найденныя въ Томи въ 1880 г.», тамъ же; 4) «Надпись Царя Аспурга въ «Revue Archéologique» апрѣль 1881 г.

Доцентъ Л. Ф. Воеводскій: «О занятіяхъ по критикѣ и миеологіи гомеровскаго эпоса. Дополнительные примѣчанія: I. Миеъ о повѣшеніи Иры и толкованіе Преллера. II. О «Нѣмецкой миеологіи» Якова Гримма, о «болѣзни языка» Макса Миллера и о «теоріи заимствованія». Миеъ о Клеовіи и Витонѣ», въ «Запискахъ» университета, т. XXX.

Ординарный профессоръ Е. Θ. Сабиниятъ: «Дополненіе къ моей статьѣ, помѣщенной въ 9 томѣ Математическаго сборника подъ заглавіемъ: «Къ мемуару Коши Sur l'intégration des équations différentielles», «О началѣ наименьшаго дѣйствія» въ «Запискахъ» унив. т. XXXII.

Ординарный профессоръ И. И. Мечниковъ — отчетъ о заграничной командировкѣ.

Ординарный профессоръ И. Θ. Синцовъ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей: 1) Описаніе нѣкоторыхъ мезозойскихъ формъ раковинъ изъ Симбирской и Саратовской губерній, статья 2-я и 2) Описаніе новыхъ и малоизслѣдованныхъ видовъ раковинъ изъ третичныхъ образованій Новороссіи.

Ординарный профессор С. П. Ярошенко продолжалъ печатать въ Запискахъ университета лекціи по проективной геометріи.

Ординарный профессоръ В. Н. Лигинъ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей: «Научная дѣятельность Мишеля Шаля».

Доцентъ Спиро напечаталъ въ Запискахъ Новорос. Общ. Естествоиспытателей: «Матеріалы для азученія образованія желчи» и въ «Archiv f. Anatomie и Physiologie» — «Ueber die Gollenbildung beim Hunde».

Доцентъ А. К. Кононовичъ напечаталъ въ «Запискахъ» университета: «Вычисленіе орбиты двойной звѣзды γ Virginis».

Приватъ-доцентъ Кожевниковъ напечаталъ вмѣстѣ съ В. Я. Цингеромъ въ трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей: «Очеркъ флоры Тульской губерніи».

Ординарный профессоръ Малининъ напечаталъ «Теорію гражданского процесса», 1-й выпускъ, въ «Запискахъ» унив.

Доцентъ Палаузовъ двѣ пробныя лекціи и одну вступительную по уголовному судопроизводству въ «Запискахъ» унив. т. XXXII.

На физико-математическомъ факультетѣ подвергался устному испытанію на степень магистра чистой математики Иванъ Слешинскій и окончилъ испытаніе съ успѣхомъ.

Въ томъ же факультетѣ были разсмотрѣны и одобрены слѣдующія сочиненія на ученую степень магистра: сочиненіе Танатаръ на степень магистра химіи, на ту же степень сочиненіе Меликова, на степень магистра зоологіи — сочиненіе Репяхова, на степень магистра астрономіи сочиненіе Кононовича. Всѣ вышеозначенные авторы послѣ публичнаго защищенія своихъ сочиненій удостоены искомымъ степеней.

Изъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе существующей при историко-филологическомъ факультетѣ преміи И. Г. Вучины за лучшее драматическое сочиненіе, написанное для русскаго театра, удостоены: полной преміи по 500 руб. комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ — «На новыхъ началахъ» и драма въ 5 дѣйствіяхъ — «Неужная жизнь»; половиной, въ 250 рублей,

комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ соч. Г. Евгениѣва (псевдонимъ) «Перекрестный огонь».

По опредѣленію совѣта 4 апрѣля 1866 г. университетъ издаетъ безсрочными выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала, ученые труды подъ общимъ названіемъ «Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета», въ которыхъ печатаются съ 1870 г. и протоколы совѣтскихъ засѣданій. Редакціей завѣдываетъ, по избранію совѣта на 3 года, одинъ изъ преподавателей, въ настоящее время ординарный проф. А. А. Кочубинскій.

Въ теченіи отчетнаго года вышли въ свѣтъ томы XXX и XXXI. Кроме того печатался 4 выпускъ каталога университетской бібліотеки, подъ наблюденіемъ также редактора университетскихъ Записокъ.

Изъ окончившихъ курсъ студентовъ, а равно подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ вмѣстѣ съ студентами постороннихъ лицъ, удостоено: а) степени кандидата—3 по историко-филологическому факультету, 7 по физико-математическому, 13 по юридическому, б) званія дѣйствительнаго студента—23 по историко-филологическому факультету, 24 по физико-математическому и 9 по юридическому, изъ нихъ 46 получили право въ установленный срокъ представить диссертацию на степень кандидата.

Для приготовленія къ профессорскому званію а) оставлены при университетѣ на два года кандидаты: Гріельскій по международному праву, съ откомандированіемъ для занятій въ С.-Петербургскій и Кіевскій университеты подъ руководствомъ проф. Мартенса и Незабитовскаго, Елисафовъ по химіи, б) отправлены на два года за границу: магистранды Слешинскій по чистой математикѣ, Гохманъ по механикѣ, Волинцевичъ по астрономіи.

Сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей многіе преподаватели имѣли особня занятія, по порученію начальства. Такъ бывший ректоръ университета Головинскій съ 20 января по 28 февраля 1881 г., по предложенію г. попечителя,

управлялъ Одесскимъ учебнымъ округомъ, деканъ историко-филологическаго факультета Некрасовъ съ 16 іюня по 25 іюля 1880 года, а деканъ юридическаго факультета Леонтовичъ съ 16 мая по 1 іюня 1881 г. исправлялъ должность ректора университета; ординарный профессоръ Сабининъ, по порученію совѣта, изготовилъ рѣчь для произнесенія въ торжественномъ собраніи университета 30 августа 1881 г. подъ заглавіемъ— «Михаилъ Васильевичъ Остроградскій»; ординарные проф. Некрасовъ и Кочубинскій произнесли рѣчи въ торжественномъ собраніи университета 6 іюня, посвященномъ памяти Пушкина, первый «О значеніи Пушкина для Россіи», второй подъ заглавіемъ— «Правда жизни и правда творчества».

Командированы были съ ученою цѣлю: доцентъ Перетятковичъ въ Москву съ 18 сентября 1880 по 1-е сентября 1881 года, за границу: ординарный профессоръ Шведовъ съ 1 апрѣля по 1-е сентября 1880 г., ординарный профессоръ Кочубинскій на вакаціонное время 1880 г., ординарный профессоръ Ковалевскій съ 1 сентября 1881 по 5 августа 1882 г., ординарный профессоръ Кондаковъ съ 20 марта по 1 апрѣля 1881 года, ординарный профессоръ Успенскій на вакаціонное время 1881 г. и 15 дней. Продолженъ срокъ заграничныхъ командировокъ съ ученою цѣлю экстраординарному профессору Петріеву по 1-е мая 1881 г., ординарному профессору Трачевскому до 30 августа 1881 г.

ХОЗЯЙСТВЕННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Новороссійскій университетъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи денегъ за истекшій годъ израсходовалъ: а) на учебно-вспомогательныя учрежденія — 38,468 р. 63 к., въ томъ числѣ на бібліотеку 6,387 р. 98 к.

б) на стипендіи студентамъ — 25,629 р. 35 коп.

Кромѣ того были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій 228 студентовъ изъ общаго числа 327.

Говоря о стипендіяхъ, университетъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выказать благодарность лицамъ, пожертвовав-

шимъ, въ истекшемъ году, значительныя суммы, проценты съ которыхъ предназначены на стипендіи. Къ существующей при нашемъ университетѣ стипендіи имени умершаго нынѣ профессора Льва Алексѣевича Рафаловича присоединилось еще двѣ стипендіи его же имени, на которыя братомъ и душеприказникомъ покойнаго профессора, Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Рафаловичемъ, внесено 11,500 р. заключающихся въ 15 облигаціяхъ 3-го восточнаго займа. Товарищемъ предсѣдателя Кишиневскаго окружнаго суда, Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Крупенскимъ, пожертвовано 6,000 руб. на учрежденіе стипендіи имени жертвователя, и еврейскимъ обществомъ гор. Одессы изъ коробочнаго сбора 6,000 руб. на учрежденіе стипендіи имени Его Императорскаго Величества.

Заклячая свою годовую лѣтопись въ сугубо-знаменательный для него день 30 августа, Императорскій Новороссійскій университетъ съ твердой вѣрой взираетъ въ будущее — скорбное воспоминаніе изъ недавняго минувшаго облегчится богатой и плодотворной по всемъ отраслямъ государственной и общественной жизни дѣятельностью новаго царствованія, дѣятельностью Государа Императора Александра III, своего Покровителя!

Пропускъ къ стран. 9, стр. 5:

Профессоръ Богословія священникъ А. Н. Кудрявцевъ: 1. «Рожденіе человѣка по древнимъ религіознымъ славяно-рускимъ воззрѣніямъ.» Христ. Чт. 1881, янв. стр. 3—52. 2. «О христіанской общинѣ», слово въ день святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ Херс. Епарх. Вѣдомостяхъ. 3. «Исусъ Христосъ, какъ истинный Богъ и истинный Человѣкъ», двѣ рѣчи на великій Пятокъ, тамъ-же. 4. Христіанство и искусство, рѣчь на панихидѣ по Н. Г. Рубинштейнѣ, въ «Новорос. Телегр.» за 1881 годъ. 5. Рѣчь на панихидѣ по Ѳ. М. Достоевскомъ, тамъ-же.

I.

Хозяйственно-распорядительная часть.

1) Новороссійскій университетъ съ 1 іюня 1880 г. по 1 іюня 1881 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежныя средства:

Оставалось къ 1 іюня 1880 г. отъ суммы, ассигнованной по § 5 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ на содержаніе университета:

а) по ст. 1 на содержаніе личнаго состава	79615 р. 47 к.
б) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	30931 р. 14 к.
в) по ст. 3 на стипендіи и пособія студентамъ	7352 р. 74 к.
<hr/>	
Итого	117899 р. 35 к.

Изъ этой суммы израсходовано:

а) на жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ	73052 р. 56 к.
б) на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	34652 р. 88 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ университета.	7352 р. 74 к.
Сверхъ того причитается еще къ выдачѣ орд. проф. Вальцу въ жалованье и разнымъ лицамъ за сдѣланные университетомъ заказы	2841 р. 17 к.

Итого 117899 р. 35 к.

По финансовой сметѣ министерства народнаго просвѣщенія 1881 г. на содержаніе Новороссійскаго университета въ этомъ году назначено:

по § 5.

а) по ст. 1 на содержаніе личнаго состава	137060 р. —
б) по ст. 2 на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	49400 р. —
в) по ст. 3 на стипендіи и пособія студентамъ университета	18000 р. —

по § 19.

По ст. 10 на пособіе обществу естествоиспытателей	2500 р. —
---	-----------

Итого . . 206960 р. —

Сверхъ того ассигновано дополнительнаго предмета:

по § 16. .

По ст. 1 на приготовленіе молодыхъ людей въ профессорскому званію и научныя командировки	2131 р. 50 к.
--	---------------

По ст. 2 на біологическую станцію въ Севастополь	1500 р. —
--	-----------

Итого . . 3631 р. 50 к.

А всего . . 210591 р. 50 к.

Изъ этой суммы по 1 іюня 1881 г. израсходовано:

а) на содержаніе личнаго состава	61455 р. 60 к.
б) на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	20285 р. 72 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ	9178 р. 13 к.

г) на пособие обществу естествоиспытателей при университетѣ	2500 р. —
д) на содержаніе приготовляющихся къ профессорскому званію кандидатовъ и на ученія командировки	1837 р. 50 к.
е) на содержаніе біологической станціи въ г. Севастополь	1500 р. —
Итого	96756 р. 95 к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1881 г. состоятъ въ остаткѣ	113834 р. 55 к.
Балансъ	210591 р. 50 к.

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящія: а) изъ сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій; б) оставшіеся неизрасходованными изъ сбора со студентовъ за матрикулы; и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ на учрежденіе стипендій.

1) Сборъ платы со студентовъ за слушаніе лекцій къ 1 іюня 1880 г. осталось	803 р. 05½ к.
Съ 1 іюня 1880 г. по 1 іюня 1881 года поступило	5667 р. 50 к.
Итого	6470 р. 55½ к.

Изъ нихъ перечислено 2% въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	104 р. 40 к.
Израсходовано на разные предметы, по постановленію совѣта	5921 р. 77 к.
Итого	6026 р. 17 к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1881 г. осталось.	444 р. 38½ к.
2) Сборъ платы за матрикулы къ 1 іюня 1880 г. оставалось	157 р. 19½ к.

За прекращеніемъ означеннаго сбора, поступленій съ 1 іюня 1880 г. по 1 іюня 1881 г. не было.

Изъ этой суммы въ отчетномъ году
израсходовано 99 р. 24 к.
Затѣмъ къ 1 іюня 1881 г. оставалось. 57 р. 95¹/₂ к.

3) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ %
оныхъ стипендіатовъ къ 1 іюня 1880 г. оставалось:

Наличными деньгами 2805 р. 43¹/₄ к.
Въ процентныхъ бумагахъ. 132350 р. —
Итого . . . 135155 р. 43¹/₄ к.

Съ 1-го іюня 1880 г. по іюня 1 1881 г. поступило:

Пожертвованныхъ капиталовъ. 17500 р. —
Процентовъ съ пожертвованныхъ ка-
питаловъ 6992 р. 84 к.
Итого . . . 24492 р. 84 к.

А всего. 159648 р. 27¹/₄ к.

Изъ этой суммы съ 1 іюня 1880 г.
по 1 іюня 1881 г. выдано стипендіѣй сту-
дентамъ университета 7142 р. 78 к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1881 г. осталось:

Наличными деньгами 2665 р. 49¹/₄ к.
Процентными бумагами. 149850 р. —
Итого . . . 152505 р. 49¹/₄ к.

Балансъ . . . 159648 р. 27¹/₄ к.

II.

Вѣдомость и наименованіе учебно-вспомогательныхъ учреждений при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ и о состояніи оныхъ въ 1880 гражданскомъ году.

Число учреждений.	<p align="center">Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.</p>
1	<p align="center">Университетская библіотека.</p> <p>Книгъ русскихъ и иностранныхъ } сочиненій } томовъ Періодическихъ изданій } названій } томовъ.</p> <p>Рукописей (томовъ и тетрадей) } названій } томовъ.</p> <p>Картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей (томовъ } названій } томовъ</p>
2	<p align="center">Студентская библіотека.</p> <p>Книгъ } названій } томовъ.</p> <p>Періодическихъ изданій } названій } томовъ.</p> <p>Рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ (листовъ). . . . } названій } тетрадей или томовъ</p>
3	<p align="center">Астрономическая обсерваторія.</p> <p>Инструментовъ астрономическихъ, геодезическихъ > топографическихъ > физическихъ > механическихъ.</p> <p>Книгъ и журналовъ Моделей Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p>

Въ нихъ состо- ло въ 1 января 1880 года.			Вновь приобрѣтено въ 1880 году.				Въ теченіи 1880 года убыло				За снмъ состояло въ 1 января 1881 года			
Нуме- ровъ.	Эвек- пляр.	Нуме- ровъ.	Эвек- пляр.	На сумми		Нуме- ровъ.	Эвек- пляр.	На сумми		Нуме- ровъ.	Эвек- пляр.	На сумми		
				Руб.	К.			Руб.	К.			Руб.	К.	
1730	—	1228				4		23		42954				
1850	—	1814				10				73784				
734	—	15								749				
4815	—	469			8725	68				15319		196369	76	
127	—	2								129				
127	—	24								151				
595	—	4								599				
637	—	8								645				
4498	—	143								4641				
7291	—	214								7505		5804	21	
109	—				555	5				109				
409	—									1409				
35	—	12								47				
36	—	21								57				
34	34									34	34	13806	01	
16	16									16	16	341	50	
65	66									65	66	492	93	
1	1									1	1	100	—	
1	21									1	21	302	40	
24	24									24	24	74	56	
112	112									112	112	1076	21	

Число учреждений	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
4	<p align="center">Кабинетъ практической механики.</p> <p>Моделей</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.</p> <p>Книгъ</p>
5	<p align="center">Физическій кабинетъ съ лабораторіею.</p> <p>Инструментовъ и приборовъ</p> <p>Химическихъ препаратовъ</p> <p>Разнаго рода посуда и мебель.</p> <p>Книгъ, атласовъ и моделей</p>
6	<p align="center">Химическая лабораторія и кабинетъ.</p> <p>Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей.</p>
7	<p align="center">Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею.</p> <p>Минераловъ</p> <p>Геологическихъ и географическихъ картъ.</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p>
8	<p align="center">Кабинетъ физической географіи.</p> <p>Книгъ, атласовъ глобусовъ и картъ.</p> <p>Инструментовъ</p>

Въ нихъ состо- яло къ 1 января 1880 года		Вновь приоб- рѣтено въ 1880 году				Въ теченіе 1880 года убыло				За снѣзъ состояло по 1 января 1881 года.			
Числ. руч.	Эвек- пяр.	Числ. руч.	Эвек- пяр.	На сумму		Числ. руч.	Эвек- пяр.	На сумму		Числ. руч.	Эвек- пяр.	На сумму	
				Руб.	К.			Руб.	К.			Руб.	К.
254	—	3	—	336	93	—	—	—	—	257	—	11276	15
24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	—	710	58
18	—	2	—	34	82	—	—	—	—	20	—	128	32
615	736	5	5	355	20	131	252	—	—	489	489	18114	63
1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
9	10	—	—	—	—	2	3	7	—	7	7	120	10
56	132	—	—	—	—	—	—	—	—	56	132	475	47
480	1744	—	—	2369	61	—	—	—	—	—	—	28460	89
643	—	12	—	25	—	—	—	—	—	655	—	8110	38
23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—	222	26
171	—	18	—	101	63	—	—	—	—	189	—	4551	24
74	90	—	—	—	—	—	—	—	—	74	90	1014	21
35	40	1	1	475	30	10	10	—	—	26	31	2447	07

Число учреждений	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
9	<p style="text-align: center;">Метеорологическая обсерваторія.</p> <p>Инструментовъ и снарядовъ</p> <p>Книгъ, атласовъ и моделей.</p>
10	<p style="text-align: center;">Кабинетъ геологическій и палеонтологическій.</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Гипсовыхъ моделей.</p> <p>Коллекціи разныхъ окаменѣлостей и горныхъ породъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p>
11	<p style="text-align: center;">Ботаническій кабинетъ</p> <p>Сухихъ растений.</p> <p>Инструментовъ и приборовъ</p> <p>Коллекціи гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ и пр.</p> <p>Книгъ</p> <p>Подвижной утвари, посуды и пр.</p>
12	<p style="text-align: center;">Ботаническій садъ.</p> <p>Оранжерейныхъ растений</p> <p>Кустарниковъ и травъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.</p>
13	<p style="text-align: center;">Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею.</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Чучель и препаратовъ въ спиртъ</p> <p>Инструментовъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p>

Въ нихъ состоятъ съ 1 января 1880 года		Вновь приобретено въ 1880 году				Въ теченіе 1880 года убыло				За снѣжъ состояло къ 1 января 1881 года			
Нумеръ	Экземпляр.	Нумеръ	Экземпляр.	На сумму		Нумеръ	Экземпляр.	На сумму		Нумеръ	Экземпляр.	На сумму	
				Руб.	К.			Руб.	К.			Руб.	К.
39	53	—	—	—	—	5	5	—	—	34	48	2205	66
8	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8	8	1971	77
	На сумму												
	Р. К.												
—	1893 64	—	—	136	58	—	—	—	—	—	—	2030	22
—	103 36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	103	36
—	3489 55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3489	55
—	2295 87	—	—	29	50	—	—	—	—	—	—	2325	37
301	49301	—	—	—	—	—	—	—	—	79301	49301		
38	40	—	23	503	25	—	—	—	—	38	63	8388	70
30	30	—	—	—	—	—	—	—	—	30	30		
83	100	23	—	111	23	—	—	—	—	106	100		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
648	—	—	—	—	—	—	—	—	—	648	—		
—	1402	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1402	688	1
49	—	229	—	172	25	—	—	—	—	278	—	—	—
276	684	11	—	29	65	—	—	—	—	287	684	20688	93
666	—	1	—	37	32	—	—	—	—	3667	—		
141	—	9	—	36	70	—	—	—	—	150	—		
62	—	2	—	12	60	—	—	—	—	63	—		

Число учреждений	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
14	Зоотомическій кабинетъ съ лабораторією.
	Скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ Книгъ и другихъ изданій Инструментовъ Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.
15	Физиологическій кабинетъ.
	Приборовъ и лабораторной мебели Реактивовъ и препаратовъ
16	Технический кабинетъ съ лабораторією.
	Разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей химическихъ, препаратовъ, реактивовъ и посуды.
17	Агрономическій кабинетъ съ лабораторією.
	Точныхъ измѣнительныхъ приборовъ Платиновой и серебряной посуды Различныхъ инструментовъ, фарфоровой и проч. посуды Книгъ и другихъ изданій Подвижной утвари и другихъ принадлежностей.
18	Музей изящныхъ искусствъ.
	Изданія съ эстампами, сочиненія съ рисунками и атласами.

Из нихъ со- стояло къ 1 января 1880 года		Вновь приобретено въ 1880 году				Въ теченіе 1880 года убыло				За снмъ состояло къ 1 января 1881 года			
Числ. ровъ	Эвек. плар.	Числ. ровъ	Эвек. плар.	На сумму		Числ. ровъ	Эвек. плар.	На сумму		Числ. ровъ	Эвек. плар.	На сумму	
				Руб.	К.			Руб.	К.			Руб.	К.
316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	316	—	} 7868 15	
91	106	—	10	25	—	—	—	—	—	91	116		
128	197	—	30	217	45	—	—	—	—	128	227		
211	214	—	—	—	—	—	—	—	—	211	214		
204	—	9	—	141	—	38	—	—	—	175	—	3879	—
—	—	—	—	345	—	—	—	—	—	—	—	345	—
—	4731	—	14	213	95	—	—	—	—	—	4745	9546	39
52	145	—	—	—	—	—	—	—	—	52	145	—	—
15	24	—	—	—	—	—	—	—	—	15	24	} 11910 79	
454	1208	—	14	761	34	—	—	—	—	454	1222		
26	26	—	—	—	—	—	—	—	—	26	26		
100	—	2	—	90	—	—	—	—	—	102	—		
264	261	26	19	660	5	—	—	—	—	290	280	7083	54

Число учреждений

**Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ
учрежденій.**

Гипсовыхъ слѣпковъ, статуй, бюстовъ, барельфовъ, алтаря,
обелисковъ и утвари
Коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости
Фотографій и другихъ снимковъ
Хромофотографій, литографій и гравюръ (листовъ)
Амеоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами
Древне-греческихъ живописныхъ вазъ
Оригинальныхъ скульптуръ (терракоты и пр.)
Дактилотека Липперта
Мелкихъ древностей
Утвари

19

Минцъ-Кабинетъ.

Монетъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ
Моделей русскихъ и иностранныхъ
Утвари

Въ нихъ со- стояло въ 1 января 1879 года		Вновь приобрѣтено въ 1880 году				Въ теченіи 1880 года убыло				За снмъ состояло въ 1 января 1880 года			
Числ. ровъ	Эвек. пляр.	Числ. ровъ	Эвек. пляр.	На сумму		Числ. ровъ	Эвек. пляр.	На сумму		Числ. ровъ	Эвек. пляр.	На сумму	
				Руб.	К.			Руб.	К.			Руб.	К.
100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	100	100	2366	43
1	125	—	—	—	—	—	—	—	—	1	125	160	—
703	1784	—	—	—	—	—	—	—	—	703	1785	1368	86
133	243	—	—	—	—	—	—	—	—	133	243	166	80
169	166	—	—	—	—	—	—	—	—	169	169	—	—
10	1	—	—	—	—	—	—	—	—	10	1	664	85
77	90	—	—	—	—	—	—	—	—	77	90	55	—
2000	2000	—	—	—	—	—	—	—	—	2000	2 00	112	50
185	198	—	22	58	25	—	—	—	—	185	220	80	75
37	40	—	—	—	—	—	—	—	—	37	40	1468	—
2783	2930	60	20	141	30	—	—	—	—	2843	2950	} 2014	45
1129	1129	—	—	—	—	—	—	—	—	1129	1129		
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1		

III.

Вѣдомость объ учащихя.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей, состоявшихъ въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1879—80 и 1880—81 учебныхъ годахъ.

	Состояло на лицо		Въ 1880—81 уч. г. поступило					Въ 1880—81 учебномъ г. вышло		
	Въ 1 Июня 1880 г.	Въ 1 Июня 1881 г.	Изъ гимназій	Домашняго воспитанія по снискательствамъ	Изъ университетовъ	Изъ другихъ учебныхъ заведеній	В С Е Г О	До окончанія курса	По окончаніи курса	
Студентовъ . . .	282	258	47	4	32	6	—	89	34	79
Постороннихъ слушателей . . .	13	25								

2) Вѣдомость о числѣ учащихся къ 1 Июня 1881 г.

	Ч И С Л О С Т У Д Е Н Т О В Ъ					Всѣхъ студентовъ	Число постороннихъ слушателей	В с е г о
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ	Въ юридическомъ факультетѣ	Въ физико-математическомъ факультетѣ		Всѣхъ студентовъ			
			Отдѣленіе мате-мат. наукъ	Отдѣленіе естес-твен. наукъ.				
Въ Новороссійскомъ университетѣ	48	98	44	68	258	25	283	

3) Вѣдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета
сословіямъ, категоріямъ учебныхъ заведеній и у

Факультеты	ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ					ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКІЙ				
	I	II	III	IV	Всего	I	II	III	IV	V
Курсы										
Общее число студентовъ	4	18	23	26	71	18	11	17	11	
Въ томъ числѣ :										
Православныхъ	3	16	23	26	68	12	10	15	9	
Армяно-григоріанъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Римско католиковъ	1	1	—	—	2	4	—	—	—	—
Лютеранъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Евреевъ и караймовъ	—	1	—	—	1	2	1	2	1	—
Сыновей дворянъ и чиновниковъ. Духовнаго званія	3	1	1	3	8	9	4	4	5	—
Почетныхъ гражданъ и купцовъ	—	13	21	23	57	3	4	10	2	—
Мѣщанъ и разночинцевъ	—	1	—	—	1	3	1	1	1	—
Мѣщанъ и разночинцевъ	1	1	—	—	2	—	1	—	—	—
Крестьянъ	—	—	—	—	—	1	1	—	2	—
Иностранно-подданныхъ	—	2	1	—	3	2	—	2	1	—
Гимназистовъ	3	4	1	2	10	16	6	6	5	—
Семинаристовъ	—	11	22	22	55	—	3	11	3	—
Изъ другихъ учебныхъ заведеній.	1	3	—	2	6	2	2	—	3	—
Вообще изъ учебныхъ заведе- ній въ предѣлахъ :										
С. Петербургскаго округа	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Московскаго	—	1	—	—	1	—	1	2	—	—
Казанскаго	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Оренбургскаго	—	—	1	1	2	—	—	—	—	—
Харьковскаго	—	2	2	7	11	—	—	—	—	1
Одесскаго	4	13	10	9	36	15	4	10	4	—
Кіевскаго	—	2	9	9	20	3	6	4	4	—
Варшавскаго	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
Дерптскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

распределеніемъ ихъ по факультетамъ и курсамъ, въ роисповѣданіямъ,
и въ округахъ въ 1880—81 учебномъ году.

ТЕМАТИЧЕСКІЙ					ЮРИДИЧЕСКІЙ					На всѣхъ факультетахъ				
Отдѣленіе естество- испныхъ наукъ														
I	II	III	IV	ВСЕГО	I	II	III	IV	ВСЕГО	I	II	III	IV	ВСЕГО
23	19	23	20	85	32	29	31	22	114	77	77	94	79	327
11	13	20	19	63	18	17	25	19	79	44	56	83	73	256
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	2	—	—	2	3	—	3	—	6	8	3	3	—	14
—	—	—	1	1	—	1	—	—	1	—	1	—	1	2
12	4	3	—	19	11	11	3	3	28	25	17	8	4	54
5	5	3	3	16	10	4	12	4	30	27	14	20	15	76
5	8	13	14	40	3	8	11	9	31	11	33	55	48	147
5	—	2	—	7	7	5	1	2	15	1	6	7	15	29
8	5	3	1	17	7	6	2	3	18	2	1	17	18	38
—	—	2	—	2	3	2	—	—	5	4	3	2	2	11
—	1	—	2	3	2	4	5	4	15	4	7	8	7	26
15	9	5	3	32	23	17	13	9	62	57	36	25	19	137
—	8	13	14	35	1	8	13	11	33	1	30	59	50	140
8	2	5	3	18	8	4	5	2	19	19	11	10	10	50
—	1	3	—	4	2	—	1	1	4	2	1	4	2	9
1	—	1	1	3	—	—	—	—	—	1	2	3	1	7
—	—	—	—	—	1	3	4	—	—	1	3	1	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
2	2	5	2	11	2	1	2	3	8	4	5	9	13	31
15	12	8	12	47	20	21	17	13	71	54	50	45	38	187
4	4	6	5	19	7	3	10	5	25	14	15	29	23	81
—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	2	1	3
1	—	—	—	1	—	1	—	—	1	1	1	—	—	2

4) Вѣдомость о числѣ студентовъ Новороссійскаго университета, пользовавшихся стипендіями, пособиями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе въ 1880—81 учебномъ году.

Факультеты	Историко-филологическій	Физико-математич.		Юридическій	Всего	Общее число студентовъ	Проп. содерж.
		Отдѣленіе математ. наукъ	Отдѣленіе естествен. наукъ				
Стипендіатовъ обязательныхъ	—	5	—	6	11		3,1
Стипендіатовъ необязательныхъ	55	15	31	35	136		41,1
Получавшихъ пособия (изъ штатной суммы).	2	—	1	—	3	327	1,0
Освобожденныхъ отъ платы	21	14	29	25	89*)		27,4
Всѣхъ	78	34	61	66	239		72,6

*) Сверхъ того пользовались освобожденіемъ отъ платы 139 студентовъ стипендіатовъ.

5) Вѣдомость о стипендіяхъ существовавшихъ при Новорос-
сійскомъ университетѣ и о числѣ лицъ, пользовавшихся ими
въ 1880—81 учебномъ году.

	Наименованіе стипендій	Съ 1 іюня 1880 по 1 іюня 1881 г. было назначено		Съ 1 іюня 1880 по 1 іюня 1881 года выдано стипендій		Изъ какого ис- точника произ- водились сти- пендіи
		Число стипендіатовъ	Размѣръ одной стипендіи	Съ 1 іюня 1880 по 1 іюня 1881 года выдано стипендій	Съ 1 іюня 1880 по 1 іюня 1881 года выдано стипендій	
1	<i>Казенныя стипендіи:</i>					
	а) Полныя	30	240 —	7065	—	Изъ суммъ государст- веннаго казначей- ства.
	б) Половинныя.	65	120 —	7800	—	
2	Кавказскія	10	250 —	2500	—	
3	Пансіонеры Его Величества.	2	250 —	500	—	
	<i>Частныя стипендіи:</i>					
4	Имени: Графа Д. А. Толстаго	1	300 —	300	—	Изъ про- центовъ съ пожертво- ванныхъ капиталовъ.
5	» Ки. С. М. Воронцова .	1	300 —	300	—	
6	» Тайн. Сов. Тройницкаго	1	275 —	275	—	
7	» Доктора Мазія. . . .	1	200 —	200	—	
8	» Быв. проф. Рафаловича	1	300 —	300	—	
9	» Л. А. Рафаловича . . .	2	275 —	550	—	
10	» Его Величества (бол. кол.)	1	300 —	300	—	
11	» М. Гр. Криворотова . .	1	275 —	275	—	
12	» Ив. Т. Ягницкаго . . .	4	300 —	1200	—	
13	» Пот. поч. гр. Бѣрусн.	2	300 —	600	—	
14	» Генриха Корчака . . .	2	300 —	600	—	
15	» М. Д. Микрюковой . .	4	340 —	1360	—	
16	» Барона Унгернъ-Штернберга . .	1	300 —	300	—	
17	» Графа П. Е. Коцебу (учр. Херс. и Вес. двор.)	1	300 —	150	—	
18	» Тоже (Рост. думы) . . .	1	252 —	252	—	
19	» Ки. Абамелика.	1	300 —	300	—	
20	» Губ. секр. Маринани.	1	300 —	150	—	
21	» Поч. гр. Чуфли	1	262 58	131	—	
22	Духовнаго Вѣдомства . . .	1	250 —	250	—	
23	Кавказскаго горск. управленія.	1	300 —	150	—	
24	Таганрогской город. управы.	1	300 —	300	—	
25	Русскаго Общ. Нар. и Торг.	1	300 —	300	—	

	Наименованіе стипендіи	Съ 1 іюня 1880 по 1 іюня 1881 г. было назначено		Съ 1 іюня 1880 по 1 іюня 1881 года выдано		Изъ какого ис- точника промз- водилась сти- пендіи	
		Число сти- пендіатовъ	Размѣръ одной стипендіи.		Руб.		К.
			Руб.	К.			
26	Теодосійской дворянск. опеки	1	350	—	175	Изъ суммъ вы- сланныхъ въ унив. разн. изъ статка и деп. Выдавались изъ нац. Ол. учебн. округа.	
27	Общества сельскаго хозяйства южной Россіи	1	250	—	250		
28	Славянскія стипендіи.	7	250	—	1750		
	ИТОГО	147 ^{*)}	—	—	28573	29	
1	Независимо отъ показан- ныхъ стипендіи въ 1880 — 81 уч. г. выдано студентамъ Новороссійскаго университета въ видѣ единовременныхъ пособій изъ штатныхъ суммъ	3	отъ 20 до 30 р.	—	185	Изъ суммъ по- жертвованныхъ.	
2	Пособій изъ частныхъ суммъ.	185	отъ 4 до 50 р.	—	2744		
	ИТОГО	188	—	—	2879		

*) Изъ числа 147 стипендіатовъ пользовались сверхъ того освобожденіемъ отъ платы 139 студентовъ.

Изъ университетскихъ стипендіатовъ въ теченіи 1880—81 уч. г. были лишены стипендіи—6 студентовъ:

IV.

в) Учебный планъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета на 18⁸⁰/₈₁ учебный годъ.

Предметы	Профессоры и другіе преподаватели	Общее число лекцій каждаго изъ нихъ	а) класс. язык.; б) истор.; в) славяно-русск. отделение						Всего по пред-метамъ	
			КУРСЫ							
			I.	II.	III.		IV.			
		а.	б.	а.	б.	а.	б.			
1) Философія: а) логика б) психологія в) исторія философіи .	Доц. Воеводскій	2			2	2		2	2	
2) Грецкая словесность а) Греч. яз. и авторы б) Исторія греч. литературы в) Грецкія древности	Доц. Воеводскій	4	2	2	2	2	2	2	2	2
3) Римская словесность. а) Лат. яз. и авторы б) Исторія римск. литературы в) Римскія древности	Засл. Юргевичъ Преп. Сперанскій	7 2	2	2	3	3	3	3	3	9
4) Сравнительная грамматика индо-европейск. языковъ . . .	Орд. Кочубинскій	2				1			1	2
5) Исторія русск. языка и русск. литературы	Орд. Некрасовъ	4	2	2		2			2	4
6) Исторія всеобщей литературы	вѣтъ преподавателя									
7) Славянская етиологія: а) Славянск. нарѣчія б) Исторія славянскихъ литературъ. в) Славянск. древности	Орд. Кочубинскій	5	2	2		3			3	5
8) Всеобщая исторія.	Орд. Успенскій Доц. Пирововъ	4 2	2	2	2	2	2	2	2	6
9) Русская исторія	Прив доц. Маркевичъ	2	2	2	2	2	2	2	2	2
10) Церковная исторія	Орд. Войтковскій	4		2				2		4
11) Теорія и исторія искусства.	Орд. Бондаковъ	4	3	3	1	1		1	1	4
12) Богословіе.	Орд. Кудрявцевъ	2	2	2						2
ИТОГО . .	—	—								44

**б) Учебный планъ физико-математическаго факультета
Новороссійскаго университета на 1880—81 учебный годъ.**

Предметы	Профессоры и другіе преподаватели	Общее число лекцій кажда- го изъ нихъ	КУРОУ								Итого по предметамъ	
			I.				II.					
			Матем.	Естеств.	Матем.	Естеств.	Матем.	Естеств.	Матем.	Естеств.		
1. Чистая математика . . .	Орд. Сабининъ Орд. Ярошенко Орд. Преображенскій	6					4		2			
2. Механика.		6	3.1	1.2	2.1			1				
а) аналитическая . . .	Засл. Карастелсвъ	6					3		3			
б) практическая . . .	Орд. Дигинъ	6	1	1	3.2			2				
3. Астрономія и геодезія .	Орд. Беркевичъ	4		1	1.3			3				
4. Физика: опытная . . .	Орд. Шведовъ	4	4	4	4							
математическая	Орд. Умовъ	6						2		4		
5. Химія.												
а) неорганическая . . .	Экстр. орд. Клименко	5	4	4	4.4.1							
б) органическая . . .	Орд. Вериго	7			4			3		3		
6. Минералогія . . .	Орд. Головинскій	4		2	2							
7. Физическая географія . .	Нѣтъ преподават.	—										
8. Геогнозія и палеонтологія	Орд. Сивцовъ	4						4				
9. Ботаника:												
а) морфологія и система-	стор. препод Ко-	4						4				
тика	жевниковъ											
б) анатом. и физіол. рас-	Доц. Рейнгардъ	3						3		3		
тений												
10. Зоологія.	Орд. Мечниковъ	6		6	6							
а) сравн. анатомія и си-	Орд. Ковалевскій	6						6		6		
стемадика												
б) анатомія челов. . . .	Доц. Веряштейнъ	2	2									
в) физіол. животныхъ . .	Доц. Спиро	3						3		3		
11. Техническая химія . . .	Экстр. ор. Петріевъ	—										
12. Агрономическая химія .	Нѣтъ преподават.	—										
13. Богословіе	Орд. Кудрявцевъ	2	2	2	2	2						
ИТОГО	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

в) Учебный планъ юридического факультета Императ. **русскаго университета на 1880—81 учебный годъ.**

Предметы	Проессоры и другіе преподава- тели	Число лекцій на- дего изъ нихъ	КУРСЫ				Всего по предметамъ
			I	II	III	IV	
1) Исторія философіи права	Орд. Малининъ	3	3	—	—	—	3
2) Исторія русскаго права	Орд. Леонтовичъ	6	3	3	—	—	6
3) Исторія слав. законодат.	Орд. Богшичъ	—	—	—	—	—	—
4) Римское право	Орд. Дювернуа	5	—	5	5	—	5
5) Государственное право.		—	—	—	—	—	—
а) общее	Орд. Леонтовичъ	—	2	2	—	—	—
б) русское		4	—	—	2	—	4
6 а) Гражданское право	Доц. Гамбаровъ	2	—	—	—	2	2
б) Гражд. судоустр. и судопроизвод.	Орд. Малининъ	5	—	—	—	5	5
8 а) Уголовное право	Засл. Богдановскій	4	—	—	4	—	4
б) Уголов. судоустр. и судопроизвод.	Доц. Палаузовъ	2	—	—	—	2	2
9) Полиційское право	Орд. Шпилевскій	4	—	—	4	4	4
10) Финансовое право.	Орд. Патлаевскій	4	—	—	—	4	4
11) Международное право	Орд. Шпилевскій	2	—	—	2	—	2
13 а) Политическая экономія.	Орд. Посниковъ	5	4	4	1	—	5
б) Статистика		2	2	—	—	—	2
14) Каноническое право.	Орд. Кудрявцевъ	2	—	—	2	—	2
15) Богословіе		2	2	2	—	—	2
ИТОГО	—	—	—	—	—	—	52

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій.

Рѣчь, произнесенная ординарнымъ профессоромъ Е. Ѳ. Сабиннымъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Новороссійскаго университета 30 августа 1881 года.

Въ нынѣшній годъ на меня палъ жребій — произнести рѣчь въ торжественномъ собраніи нашего Университета, въ священный для Россіи день—30-го августа.

Обязанный выполнить указанную мнѣ этимъ жребіемъ задачу, я полагаю, что мнѣ, какъ профессору чистой Математики, наиболѣе соответствующій настоящему торжеству предметъ рѣчи дастъ очеркъ жизни и ученой дѣятельности одного изъ русскихъ извѣстныхъ Геометровъ, проложившихъ дальнѣйшій путь въ развитію математическихъ наукъ вообще и въ частности къ распространенію математическаго познанія въ нашемъ отечествѣ. Какъ ученикъ знаменитаго нашего Геометра, Михаила Васильевича *Остроградскаго*, я счелъ своею обязанностью отдать посильный долгъ своему великому учителю — почтить его память священнымъ для каждаго русскаго воспоминаніемъ о тѣхъ чертахъ изъ жизни Михаила Васильевича, которыя предвѣщали его высокое служеніе наукъ и отечеству, — и благоговѣйнымъ, хотя и краткимъ, словомъ какъ о тѣхъ ученыхъ его изслѣдованіяхъ, которыя обогатили разныя отрасли математики, оказавъ ей важныя услуги, такъ и о тѣхъ его ученыхъ

трудахъ, которые служили къ распространенію математическаго познанія въ нашемъ отечествѣ. Источниками, и такого воспоминанія, и такого слова, послужили мнѣ какъ то, что всегда съ признательностію будетъ помнить каждый ученикъ Михаила Васильевича, умѣвшій цѣнить своего великаго учителя, такъ и то, что содержится въ I-мъ и III-емъ томахъ Ученыхъ Записокъ нашей Академіи Наукъ.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, который провелъ Михаилъ Васильевичъ въ деревнѣ Пашенной, Кобеляцкаго уѣзда Полтавской губерніи, гдѣ и родился 12-го сентября 1801 года, нашъ геометръ выказывалъ уже наклонность къ Математикѣ — тѣмъ, что особенно любилъ въ каждой вещи, даже въ игрушкахъ узнавать мѣру и величину; его занимали вѣтряная и водяная мельницы, въ которыхъ онъ любилъ наблюдать за движеніемъ крыльевъ, колесъ, жернововъ и за паденіемъ воды. Во время прогулокъ съ родителями, часто со слезами на глазахъ — въ случаѣ отказа, онъ просилъ остановиться, чтобы посмотрѣть на мельницу, или чтобы измѣрить глубину колодца посредствомъ шнурка съ камешкомъ, который всегда носилъ въ карманѣ. Эта отличительная черта изъ дѣтскаго возраста Михаила Васильевича была, такъ сказать, лишь проблескомъ его математическаго таланта, котораго дѣйствительное проявленіе было замѣчено профессоромъ Харьковскаго университета Павловскимъ, когда Остроградскій былъ студентомъ этого университета на физико-математическомъ отдѣленіи; зачисленъ же онъ былъ студентомъ въ 1817 году, 16 лѣтъ отъ роду, начавъ надлежащее ученіе математикѣ лишь 15 лѣтъ. Павловскій обратилъ вниманіе на необыкновенныя способности Остроградскаго къ математикѣ и умѣлъ возбудить въ немъ любовь къ этой наукѣ. Остроградскій съ жаромъ принялся заниматься, и черезъ два три мѣсяца удивилъ Павловскаго своими успѣхами. Впослѣдствіи Павловскій рассказывалъ, что онъ тотчасъ понялъ разницу между собою и своимъ ученикомъ: самъ онъ только усидчивымъ трудомъ пріобрѣталъ знанія, а ученикъ его обладалъ дарованіемъ самостоятельнымъ, быстро усваивалъ готовое, дока-

занное, и тутъ же творилъ свое. Послѣ трехъ-мѣсячныхъ занятій, Остроградскій былъ въ состояніи упростать самыя трудныя математическія формулы. Въ 1818 г. 3-го октября Остроградскій окончилъ курсъ, получивъ студентскій аттестатъ, изъ котораго видно, что, благодаря своимъ способностямъ, онъ въ короткое время оказалъ большіе успѣхи, какъ въ математикѣ, такъ и въ другихъ предметахъ, относящихся къ физико-математическому отдѣленію¹⁾. Черезъ годъ Остроградскій опять поступилъ въ Харьковскій университетъ, какъ для усовершенствованія себя въ прикладной математикѣ, такъ и для полученія степени кандидата на основаніи изданныхъ въ 1819 году новыхъ постановленій объ ученыхъ степеняхъ. Онъ отличился на публичномъ экзаменѣ, выдержалъ съ полнымъ успѣхомъ экзаменъ на кандидата и признанъ былъ какъ факультетомъ, такъ и совѣтомъ университета достойнымъ этой ученой степени. Но, вслѣдствіе поданнаго профессоромъ философіи Дудровичемъ особаго мнѣнія, имѣвшаго видъ доноса на Остроградскаго въ его неблагонадежности и согласно съ мнѣніемъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа Карнѣева, расположеннаго къ Дудровичу, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, не утвердилъ рѣшенія совѣта, и сверхъ того предписалъ удержать у Остроградскаго студентскій аттестатъ, находя незаконнымъ не только возведеніе его въ степень кандидата, но и выдачу ему въ 1818 году упомянутаго аттестата. Къ счастью неудача перваго шага на ученое поприщѣ не отвратила Остроградскаго отъ науки, такъ какъ въ немъ сильно укоренилась любовь къ математикѣ и сознаніе своихъ дарованій. Онъ поѣхалъ къ отцу просить его

¹⁾ Въ аттестатѣ сказано, что Остроградскій обучался алгебрѣ, тригонометріи, криволинейной геометріи, гражданской архитектурѣ, практической геометріи, исторіи, статистикѣ русскаго государства и всеобщей исторіи съ *весьма хорошими успѣхами*, военнымъ наукамъ, теоріи функцій, интегральному и варіаціонному исчисленію и русскаго словесности съ *превосходными успѣхами*, и во все время пребыванія въ университетѣ поведеніе было *добродетельнымъ*.

о путешествіи за границу, — поучиться у французскихъ знаменитыхъ математиковъ. Отецъ Остроградскаго согласился охотно на желаніе сына. По словамъ роднаго брата нашего геометра, Андрея Васильевича Остроградскаго (см. Санктъ-Петербургскія Вѣдомости 28-го января 1862 года, № 22) рѣшимость отца Остроградскаго отпустить своего сына за границу изъ провинціи считалась тогда дѣломъ неслыханнымъ и опаснымъ; поэтому родственники и сосѣди считали молодого Остроградскаго погибшимъ, а отца его потерявшимъ умъ. Не смотря однако на все это, въ маѣ мѣсяцѣ 1822 года, какъ рассказываетъ Андрей Васильевичъ Остроградскій (см. тѣже Вѣдомости), Михайлъ Васильевичъ отправился въ заграничный путь съ какимъ-то попутчикомъ — нѣмцемъ, который обобралъ его въ Черниговѣ. Михайлъ Васильевичъ, въ отчаяніи, воротился домой. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года, получивъ новыя денежныя средства, онъ опять пустился въ путь и прибылъ въ Парижъ. Тамъ онъ посѣщаль прилежно лекціи въ Сорбонѣ и въ Collège de France; своими блестящими дарованіями обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ французскихъ математиковъ: Лапласа, Фурье, Ампера и Коши. Уже въ 1825 году Коши въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ (*Mémoire sur les intégrales définies prises entre des limites imaginaires*) отзывается объ Остроградскомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ¹⁾. Напомнивъ объ изысканіяхъ своихъ, относящихся къ преобразованію и вычисленію величинъ опредѣленныхъ интеграловъ, помощію главныхъ значеній (*valeurs principales*) и особенныхъ интеграловъ (*intégrales singulières*), Коши обѣщаетъ приложить тѣже начала къ интеграламъ, взятымъ между мнимыми предѣ-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Коши изъ упомянутого выше его мемуара: «Enfin, un jeune Russe, doué de beaucoup de sagacité, et très versé dans l'analyse infinitésimale, M. Ostrogradsky, ayant aussi recours à l'emploi de ces intégrales, et à leur transformation en intégrales ordinaires, a donné une démonstration nouvelle des formules que j'ai précédemment rap-pelées, et généralisé d'autres formules que j'avais présentées dans le dix-neuvième cahier du Journal de l'Ecole royale polytechnique».

лами и замѣчаетъ, что Лапласъ и Бриссонъ употребляли уже съ успѣхомъ этого рода интегралы; потомъ говоритъ: «наконецъ, одинъ русскій молодой человекъ, одаренный большою проницательностію и весьма искусный въ вычисленіи бесконечно малыхъ, Остроградскій, прибѣгнувъ также къ употребленію тѣхъ же интеграловъ и къ преобразованію ихъ въ обыкновенныя, далъ новыя доказательства формулъ, мною выше упомянутыхъ, и обобщилъ другія формулы, помѣщенные мною въ 19 тетради журнала Политехнической школы». Это извѣстіе объ успѣхахъ Остроградскаго въ Парижѣ обрадовало больше всѣхъ Павловскаго: прочитавъ отзывъ Коши, онъ поспѣшилъ подѣлиться своей радостію съ братомъ Остроградскаго. Андреемъ Васильевичемъ, бывшимъ тогда студентомъ. Последній объ этомъ рассказываетъ такъ: «Въ одинъ день, Павловскій, возвращаясь изъ университета, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, звалъ меня съ собою. Недолго мы шли, Павловскій не выдержалъ. «Смотри, Андрей, смотри, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана свертокъ, смотри, продолжалъ онъ, «что дѣлаетъ Мишель», и слезы текли у него по щекамъ (см. тѣже Вѣдомости). Въ 1826 году (9-го ноября) Остроградскій представилъ Парижскому институту мемуаръ: *Mémoire sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique*, ииѣющій предметомъ рѣшенія одного изъ вопросовъ математической физики, а именно: опредѣлить весьма малое волнообразное движеніе массы воды, заключенной въ бассейнѣ цилиндрической формы съ круглымъ горизонтальнымъ дномъ. Рѣшеніе вопроса приводится къ интегрированію извѣстныхъ уравненій гидродинамики, съ частными производными и линейныхъ, — такимъ образомъ, чтобы выполнены были условія, относящіяся къ точкамъ поверхности и къ начальному состоянію массы. Остроградскій, выразивъ общій интегралъ бесконечною суммою частныхъ интеграловъ, опредѣляетъ предстоящіе послѣднихъ по начальному состоянію движущейся массы; но когда при этомъ представились ему новыя трудности, зависящія отъ формы сосуда, онъ умѣлъ ихъ искусно преодолѣть, пользуясь началами, положенными Лагран-

жемъ, Лапласомъ, Пуассономъ и Фурье. Есть преданіе, которое было довольно распространеннымъ еще при жизни нашего геометра, — о томъ, что онъ написалъ сейчасъ указанный нами мемуаръ, находясь въ тюрьмѣ за долги и что, благодаря этому своему мемуару, онъ получилъ возможность не только заплатить долги, но и имѣть средства къ жизни. Я не могу ручаться за достовѣрность этого преданія, — потому что, когда разъ я предложилъ Михаилу Васильевичу вопросъ о справедливости такого преданія, то онъ, шутя, отклонилъ отвѣтъ на предложенный мною вопросъ. Но несомнѣнный фактъ тотъ, что нашъ геометръ, во время перваго пребыванія своего въ Парижѣ, дѣйствительно нуждался въ средствахъ къ жизни, именно въ то время, когда его отецъ, чтобы побудить его къ скорѣйшему возвращенію въ Россію, не высылалъ ему денегъ; между тѣмъ какъ ему необходимо было оставаться нѣсколько времени въ Парижѣ. Вышеуказанный первый трудъ нашего геометра былъ встрѣченъ Парижской академіей наукъ съ полнымъ одобреніемъ и былъ напечатанъ въ III томѣ (въ 1832 году) въ мемуарахъ для иностранныхъ ученыхъ (*Mémoires présentées par divers savants etc. T. III, 1832*). Въ бытность свою въ Парижѣ Михаилъ Васильевичъ своими учеными занятіями пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ знаменитыхъ французскихъ геометровъ того времени, пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ и дружбою; съ Коши до самой его смерти Остроградскій велъ дружескую переписку, у Лапласа онъ былъ принятъ, какъ членъ семьи и творецъ Небесной Механики называлъ его не иначе, какъ *mon fils* и передъ смертію подарилъ ему одинъ изъ своихъ ненапечатанныхъ въ то время мемуаровъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пуассономъ, а Пуансо сообщилъ ему свою теорію вращательнаго движенія прежде, чѣмъ она была напечатана, Фурье былъ его благодѣтелемъ, а Штурмъ — его другомъ. Доказательствомъ расположенія къ Михаилу Васильевичу всѣхъ знаменитыхъ французскихъ геометровъ того времени служитъ то, что въ то время, когда во Франціи было столько извѣстныхъ математиковъ, нашъ геометръ удостоился

рѣдкаго для иностранца отличія, получивъ профессорское мѣсто въ Коллегиумѣ Генриха IV. Оставивъ эту должность не за долго до отъѣзда въ Россію, онъ получилъ отъ начальника этого Коллегиума Оврэ (Auvray), одобрительный аттестатъ ¹⁾ слѣдующаго содержанія: «Начальникъ коллегиума (provisieur) удостовѣряетъ, что господинъ Остроградскій (Михаилъ) былъ преподавателемъ математики въ коллегиумѣ Генриха IV въ продолженіе учебнаго года 1826 — 1827 и что онъ вполне оправдалъ ожиданія тѣхъ лицъ, отъ которыхъ мы получили о немъ рекомендацію».

Извѣстность, которую приобрѣлъ Остроградскій за границей, скоро дошла и до Россіи; и когда, именно въ 1828 году, Михаилъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Императорская Академія Наукъ не замедлила избрать его въ адъюнкты по прикладной математикѣ (1828 г., 17 декабря); вскорѣ потомъ получилъ онъ званіе экстраординарнаго академика (1830 г. 11 августа), а черезъ годъ—ординарнаго. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что такую извѣстность и такое положеніе въ средѣ геометровъ приобрѣлъ Михаилъ Васильевичъ, когда ему было всего 27 лѣтъ, жемду тѣмъ какъ надлежащее ученіе математикѣ онъ началъ лишь съ 15 лѣтъ, то, какъ этимъ обстоятельствомъ, такъ и другими, выше нами указанными, достаточно обозначены тѣ черты изъ жизни Михаила Васильевича, которыя предвѣщали его высокое служеніе наукъ и отечеству. Это предвѣщаніе вполне оправдалось какъ ученою, такъ и учебною дѣятельностію нашего геометра, начавшеюся съ 17 декабря 1828 года и кончившеюся 20 декабря 1861 года. Лѣтомъ этого года Михаилъ Васильевичъ по разстроенному здоровью отправился въ свою деревню Дол-

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ этого аттестата:

«Collège Royal de Henry IV. Paris le 7 novembre 1827. Le proviseur certifie que le Sieur Ostrogradsky (Michel) a été maitre de mathématiques au collège de Henry IV, pendant l'année scolaire 1825 — 1827, et qu'il a complètement rempli les espérances que nous avaient données les personnes recommandables qui nous l'avaient présenté».

гое, Полтавской губерніи Кобеляцкаго уѣзда, и тамъ въ августѣ мѣсяцѣ опасно заболѣлъ; у него на правой сторонѣ спины образовался нарывъ, а потомъ рана, которая истощала силы больного и принимала болѣе и болѣе злокачественный видъ. Черезъ мѣсяцъ, почувствовавъ себя легче, онъ сталъ порываться въ Петербургъ, куда призывали его обязанности службы. Ни медикъ, ни родные не могли отклонить его отъ этой поѣздки; только новое ухудшеніе здоровья заставило его, по видимому, отложить отъѣздъ въ столицу, и вмѣсто того отправиться въ Харьковъ для совѣта съ лучшими докторами. Собравшись въ путь, Михаилъ Васильевичъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ своего деревенскаго дома и подшучивалъ надъ своею худобою. Вообще, онъ былъ веселаго характера. Чтобы избѣжать грустнаго прощанія съ замужнею дочерью и семействомъ брата, онъ вышелъ, никѣмъ не замѣченный, и сѣлъ въ экипажъ. 11-го ноября больной пріѣхалъ въ Полтаву, намѣреваясь продолжать путь не въ Харьковъ, а въ Петербургъ; онъ остановился въ домѣ Г. Старицкаго, у котораго проѣздомъ обыкновенно квартировалъ. Супруга хозяина, видя болѣзненное состояніе своего дорогаго гостя, уговорила Михаила Васильевича не пускаться въ дальній путь, не посоветовавшись съ докторомъ. Приглашенный для этого врачъ, г. Циммерманъ, осмотрѣвъ больного, объяснилъ окружающимъ всю опасность его положенія и необходимость, для окончательнаго излѣченія, остаться ему въ Полтавѣ, или ѣхать въ Харьковъ. Михаилъ Васильевичъ рѣшился на первое. Прошло двѣ недѣли, и больной сталъ, по видимому, подавать лучшія надежды; но вслѣдъ за тѣмъ его постигла лихорадка, заживленіе раны остановилось, и лихорадка перешла въ гнилую горячку; обнаружались признаки паралича въ легкихъ. Всѣ старанія медиковъ были уже напрасны, и 20 декабря въ 12 часовъ дня Михаила Васильевича уже не стало. Тѣло покойнаго отвезено въ деревню Пашенную, гдѣ поставлено въ семейномъ склепѣ фамиліи Остроградскихъ.

Смерть Михаила Васильевича была печальной утратой для нашей Академіи наукъ и для всего ученаго міра, — горестный ударомъ для всѣхъ, дорожащихъ ученою славой Россіи, — такъ какъ жизнь Михаила Васильевича была рѣдкимъ образцомъ научнаго двигателя. Онъ обогатилъ математическія науки 48-ю мемуарами, напечатанными въ бюллетеняхъ нашей Академіи наукъ; тремя мемуарами напечатанными въ изданіяхъ Парижской академіи наукъ и однимъ, помѣщеннымъ въ Bulletin scientifique de Ferrussac. Сверхъ того, Остроградскій написалъ разборы 9-ти сочиненій, представленныхъ на соисканіе Демидовскихъ наградъ и составилъ для военно-учебныхъ заведеній конспектъ тригонометріи и руководство къ начальной геометріи. Нѣсколько разъ Остроградскій читалъ публичные курсы, изъ которыхъ два: курсъ небесной механики, читанный на Французскомъ языкѣ въ 1829—1830 годахъ въ залѣ Академіи наукъ, и курсъ алгебраическаго анализа, читанный по-русски въ 1836—1837 г. въ залѣ морскаго кадетскаго корпуса были изданы его слушателями, именно: первый курсъ — Янушевскимъ, и второй курсъ — Бурачкомъ и Зеленымъ. Лекціи его Механики, дифференціального и интегральнаго исчисленія были не одинъ разъ налитографированы въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ были читаны ¹⁾).

Первые два мемуара, представленные нашимъ геометромъ Петербургской Академіи наукъ имѣютъ предметомъ приложенія начала, которое далъ Коши для розысканій значеній интеграловъ отъ функций, обращающихся въ безконечность между предѣлами интеграла. Остроградскій разсматриваетъ только главныя значенія этого рода интеграловъ и прилагаетъ, во первыхъ, въ доказательствѣ одной формулы, относящейся къ притяженію точки сфероидомъ. «Лапласъ разсмотрѣлъ случай, когда точка внѣ сфероида, а Пуассонъ, когда она внутри или на поверхности, Остроградскій подтверждаетъ выводъ Пуассона и нахо-

¹⁾ Къ рѣчи приложенъ списокъ сочиненій Михаила Васильевича, взятый изъ I тома Ученыхъ Записокъ нашей Академіи наукъ.

дять новый результат для того случая, когда точка на линіи пересѣченія двухъ поверхностей. Второе приложеніе главныхъ величинъ интеграловъ, сдѣланное Остроградскимъ, есть отысканіе разности, происходящей отъ перемены порядка интегрированія въ двойномъ интегралѣ, въ томъ случаѣ, когда функція, находящаяся подъ знакомъ интеграла, обращается въ безконечность. Онъ находитъ результатъ, данный Коши, и выводитъ изъ него другой новый. Послѣ того Остроградскій представилъ четыре мемуара, изъ которыхъ три относятся къ теоріи теплоты, а четвертый — къ теоріи измѣненія произвольныхъ постоянныхъ. Въ первомъ изъ этихъ четырехъ мемуаровъ опредѣленіе состоянія температуры тѣла, находящагося въ средѣ, имѣющей переменную температуру, сводится на тотъ случай, когда температура среды постоянна и равна нулю. Второй мемуаръ имѣетъ предметомъ обобщеніе способа интегрированія уравненій съ частными производными, встрѣчающихся въ вопросахъ математической физики. Въ третьемъ мемуарѣ выводится уравненіе, относящееся къ распространенію теплоты въ жидкости, а вскорѣ затѣмъ, когда появился мемуаръ Фурье о томъ же предметѣ, Остроградскій упростилъ анализъ этого геометра. Вѣроятно около того же времени Остроградскій рѣшилъ вопросъ о распространеніи теплоты въ призмѣ, имѣющей основаніемъ равнобедренный прямоугольный треугольникъ; на это рѣшеніе ссылается Ламе въ своемъ сочиненіи: *Leçons sur la théorie analytique de la chaleur*. Наиболее замѣчательный результатъ изслѣдованій Остроградскаго въ математической физикѣ есть выводъ при помощи формулы, которую далъ Фурье для выраженія произвольной функціи, общихъ интеграловъ уравненій движенія упругаго тѣла. Остроградскій нашелъ сперва интегралы тѣхъ дифференціальныхъ уравненій движенія упругаго тѣла, которые далъ Навье, а потомъ, интегралы дифференціальныхъ уравненій, предложенныхъ Пуассономъ. О четвертомъ мемуарѣ нашего геометра, относящемся къ теоріи измѣненія произвольныхъ постоянныхъ, извѣстный французскій геометръ Вине въ своемъ мемуарѣ: *Sur la variation des con-*

stantes arbitraires, dans les formules générales de la dynamique, напечатанномъ въ 28 тетради журнала Политехнической школы на 7 страницъ этого своего мемуара говоритъ такъ: «Это уравненіе (т. е. общее уравненіе динамики, данное Лагранжемъ) послужило Остроградскому основаніемъ для его интересныхъ изысканій относительно измѣненія произвольныхъ постоянныхъ; онъ въ нихъ предполагаетъ переменныя r, s, \dots связанными помощію условныхъ уравненій $L=0$ и т. д., и находитъ весьма простымъ и изящнымъ образомъ тотъ результатъ, къ которому пришелъ Пуассонъ только посредствомъ весьма сложныхъ комбинацій»¹⁾). Тотъ самый приемъ Остроградскаго, о которомъ, какъ сейчасъ было указано, упоминаетъ Бине въ приведенномъ нами его мемуарѣ, заключаетъ въ себѣ дѣйствительно замѣчательное упрощеніе въ способѣ измѣненія произвольныхъ постоянныхъ. Этотъ же самый приемъ употребленъ нашимъ геометромъ въ его лекціяхъ небесной механики, читанныхъ имъ, какъ нами сказано, въ залѣ Академіи наукъ съ ноября 1829 года по мартъ 1830 г.

Въ іюлѣ 1830 года Михаилъ Васильевичъ отправился съ ученою цѣлію въ Парижъ и тамъ представилъ свой курсъ небесной механики Академіи наукъ. Къ сожалѣнію, въ бытность свою въ этотъ второй разъ въ Парижѣ, онъ испортилъ глазъ отъ не осторожнаго употребленія сѣрной спички и сталъ лѣчиться, но, недождавшись окончательнаго излѣченія, отправился моремъ въ Петербургъ и дорогой простудилъ больной глазъ, а по прїѣздѣ въ Петербургъ совсѣмъ его лишился отъ дурнаго лѣченія. Разсмотрѣніе представленнаго Остроградскимъ курса небесной механики возложено было на Араго и Пуассона.

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Бине:

«Cette équation (3') a servi de base à des recherches intéressantes de M. Ostrogradsky sur la variation des constantes arbitraires: il y suppose les variables r, s, \dots liées par des équations de condition $L=0$, etc., et il retrouve fort simplement et avec élégance, un résultat auquel Poisson n'était parvenu que par des combinaisons plus compliquées» (Acad. des Sciences de Saint-Petersburg, 1830).

Эти знаменитые ученые дали о немъ весьма лестный для Остроградскаго отзывъ: «Прочтя внимательно лекціи г. Остроградскаго, мы находимъ, что этотъ даровитый профессоръ глубокоимъ изученіемъ усвоилъ тѣ общія методы, которыми въ послѣднее время обогатилась небесная механика, и упростилъ ихъ изложеніе. Мы должны благодарить его за то, что онъ передалъ своимъ соотечественникамъ свѣдѣнія, почерпнутыя имъ въ трудахъ французскихъ ученыхъ. Ревнители просвѣщенія должны съ удовольствіемъ видѣть, что онъ нашелъ въ своемъ отечествѣ слушателей, достаточно свѣдущихъ для того, чтобы изучить подъ его руководствомъ столь высокой и трудной предметъ. Мы полагаемъ, что трудъ Остроградскаго заслуживаетъ похвалу и одобреніе академіи. «О томъ же что собственно самому Остроградскому принадлежитъ въ его курсѣ небесной механики,—въ донесеніи, представленномъ Парижской академіи наукъ Пуассаномъ и Араго, говорится слѣдующее: «Исходнымъ пунктомъ служить автору общее уравненіе движенія системы тѣлъ, происходящее отъ соединенія начала д'Аламберта съ началомъ возможныхъ скоростей. Хотя д'Аламбертъ уже далъ начало (носящее его имя) для приведенія вопросовъ о движеніи къ простымъ вопросамъ статики, но никому не пришло тотчасъ на мысль соединить его съ общимъ началомъ равновѣсія, давно извѣстнымъ подъ названіемъ начала возможныхъ скоростей. Это соединеніе придумалъ Лагранжъ спустя 20 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ динамики д'Аламберта. Оно привело Лагранжа къ общей формулѣ, на которой онъ основалъ свою аналитическую механику. Эта формула, какъ извѣстно, содержитъ варіаціи координатъ всѣхъ точекъ системы, удовлетворяющія условіямъ связей, существующихъ между точками. Остроградскій относитъ эти варіаціи къ произвольнымъ постояннымъ, находящимся въ интегралахъ дифференціальныхъ уравненій движенія, въ каждомъ частномъ случаѣ, и заключающимся неявно въ выраженіяхъ координатъ. Эта замѣчательная мысль принадлежитъ автору. Основываясь на ней, онъ выводитъ непосредственно извѣстное свойство комбинаціи изъ дифференціаловъ координатъ

и скоростей относительно произвольных постоянных, а именно, что эта комбинація представляет величину, независящую отъ времени, всякій разъ, какъ сумма дѣйствующихъ на точки силъ, умноженныхъ на элементы ихъ направленій, представляетъ полный дифференціалъ. Онъ выводитъ на томъ же основаніи начало живыхъ силъ, начало центра тяжести и начало площадей. Послѣ того авторъ полагаетъ, что къ даннымъ силамъ, удовлетворяющимъ условію интегрируемости, прибавляются новыя силы, не подлежащія этому условію. По основному началу измѣненій произвольныхъ постоянныхъ, эти возмущающія силы производятъ измѣненія въ произвольныхъ постоянныхъ, находящихся въ интегралахъ, относящихся къ первымъ силамъ,—такимъ образомъ, что выраженія координатъ и дифференціаловъ ихъ сохраняютъ прежній видъ. На этомъ основаніи изъ дифференціальныхъ уравненій движенія, по введеніи въ нихъ возмущающихъ силъ, выводятся дифференціалы произвольныхъ постоянныхъ. Авторъ приходитъ къ той системѣ линейныхъ уравненій, которую вывелъ такимъ путемъ Лагранжъ, и въ которой для каждаго частнаго случая должно произвести исключеніе переменныхъ. Эти общія теоріи изложены съ ясностью въ первыхъ пяти лекціяхъ Остроградскаго. Потомъ авторъ прилагаетъ ихъ въ частности къ движенію планетъ около солнца, полагая, что планета возмущается одною или многими изъ другихъ планетъ. Онъ получаетъ такимъ образомъ дифференціалы шести эллиптическихъ элементовъ».

Первое изслѣдованіе нашего геометра, служащее къ развитію аналитической механики въ степени, болъшей, чѣмъ та, на которую поставлена эта наука Лагранжемъ, — имѣетъ предметомъ обобщеніе положенія о моментѣ силъ. Великій авторъ аналитической механики, стремясь къ общности въ началахъ, сдѣлалъ однакожъ въ нихъ, безъ надобности, нѣкоторыя ограниченія. Главное изъ этихъ ограниченій состоитъ въ томъ, что онъ выражалъ условія возможныхъ перемѣщеній только уравненіями и полагалъ достаточнымъ для равновѣсія силъ, чтобы полный возможный моментъ былъ равенъ нулю. Фурье замѣ-

тиль, что весьма часто надобно выразить условія возможных перемѣщеній неравенствами, невыключающими равенства, и что тогда для равновѣсія силъ полный возможный моментъ долженъ быть равенъ или нулю, или отрицательному количеству. Эту мысль и развилъ Остроградскій въ своемъ мемуарѣ: *Consideration générale sur les moments des forces*. Послѣ того въ своихъ мемуарахъ: 1) о мгновенныхъ перемѣщеніяхъ системъ, подлежащихъ перемѣннымъ условіямъ и 2) о принципѣ дѣйствительныхъ скоростей и силы инерціи Остроградскій установилъ съ большею строгостью и общиостью уравненія движенія системы, допуская, что въ условія связей время можетъ входить явнымъ образомъ, — обстоятельство, которое Лагранжъ устраняетъ. Общую теорію движенія системы нашъ геометръ дополнилъ общею теоріею удара (*Mémoire sur la théorie générale de la percussion*). Напомнивъ въ этомъ мемуарѣ, съ нѣкоторыми новыми поясненіями, начала динамики, онъ излагаетъ общій способъ находить количества движенія, приобретаемыя системою послѣ удара, разумѣя подъ ударомъ дѣйствіе такъ называемыхъ мгновенныхъ силъ, происходящихъ отъ связей между точками системы; при этомъ Остроградскій ограничивается только случаемъ, когда точки и связи лишены совершенно упрукости. Выраженіе живой силы послѣ удара привело Остроградскаго къ теоремѣ Карно, данной послѣднимъ только для соударенія твердыхъ неупругихъ тѣлъ, — теоремѣ, состоящей въ томъ, что потеря живой силы отъ удара равна живой силѣ, относящейся къ потеряннымъ силамъ. Кромѣ того въ этомъ мемуарѣ замѣчательно доказательство въ самомъ общемъ видѣ и независимо отъ какой-либо системы координатъ, основанаго уравненія динамики, даннаго Лагранжемъ, а именно: что варьяція живой силы, сложенная съ моментомъ силъ и сопротивленій, всегда представляетъ полную производную по времени отъ суммы моментовъ количествъ движенія. Въ мемуарѣ, напечатанномъ въ *Comptes Rendus* (XLIV томъ): *Sur l'usage des polynômes linéaires en dynamique*, Остроградскій предлагаетъ выводъ уравненій движенія динамики независимо

отъ начала д'Аламберта, а на основаніи лишь начала возможныхъ перемѣщеній. Однимъ изъ вопросовъ аналитической механики, которымъ преимущественно занимались геометры послѣ Лагранжа, есть интегрированіе общихъ уравненій динамики. Уравненія движенія, данныя Лагранжемъ, сперва были упрощены Пуассономъ, который привелъ ихъ къ первому порядку, употребивъ вспомогательныя величины вмѣсто скоростей; потомъ Гамильтонъ представилъ эти уравненія въ самомъ простомъ и изящномъ видѣ, выразивъ производныя по времени всѣхъ искомымъ величинъ посредствомъ частныхъ производныхъ отъ функціи, равной живой силѣ, сложенной съ функціею силъ; сверхъ того онъ нашелъ способъ выводить всѣ интегралы этихъ уравненій чрезъ дифференцированіе относительно главныхъ перемѣнныхъ и произвольныхъ постоянныхъ одной функціи, которая должна удовлетворять двумъ уравненіямъ съ частными производными перваго порядка. Якоби показалъ, что достаточно одного изъ этихъ уравненій, и что всякій полный интегралъ этого уравненія можетъ доставить по способу Гамильтона всѣ интегралы уравненій движенія. Сверхъ того, Гамильтонъ, Бине и Якоби примѣнили къ постояннымъ, получаемымъ при такомъ интегрированіи, способъ измѣненія произвольныхъ постоянныхъ. Между прочимъ Якоби обратилъ вниманіе на одну важную теорему, данную Пуассономъ, помощію которой можно, при извѣстныхъ условіяхъ, простымъ дифференцированіемъ изъ двухъ найденныхъ интеграловъ вывести новый интегралъ.

Якоби далъ также новое начало, названное *началомъ послѣдняго множителя*, состоящее въ томъ, что, зная всѣ интегралы, исключая одного, найти послѣдній, выразивъ его квадратурою помощію извѣстнаго множителя. Остроградскій предпринялъ распространеніе открытія Лагранжа, Пуассона, Гамильтона и Якоби вообще на изопериметрическіе вопросы, которые обнимаютъ вопросы динамики, какъ частный случай. Въ пространномъ мемуарѣ объ изопериметрахъ (*Mémoire sur les équations différentielles relatives au problème des isopéri-*

metres) онъ изложилъ самую общую теорію этого рода вопросовъ, съ приложеніемъ къ нимъ способа измѣненія произвольныхъ постоянныхъ. Въ томъ же замѣчательномъ мемуарѣ нашего геометра констатируется начало, которое состоитъ въ томъ, чтобы минимумъ имѣлъ интеграль, взятый по времени, отъ суммы живой силы и функція силъ при слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) функція силъ не содержитъ въ себѣ явнымъ образомъ времени; 2) варьяціи исконыхъ функцій, обращающихъ сейчасъ указанный интеграль въ минимумъ, равны нулю при предѣлахъ этого интеграла и 3) произвольныя постоянныя, получаемныя при интегрированіи уравненій, которыми опредѣляются вышеозначенныя искомыя функція, — ничѣмъ не обуславливаются и имѣютъ совершенно произвольныя значенія. Это начало Остроградскаго и предложенное германскимъ геометромъ Якоби, выраженіе Лагранжева начала наименьшаго дѣйствія были поводомъ къ появленію въ нашей литературѣ нѣсколькихъ разсужденій о началѣ наименьшаго дѣйствія, данномъ Лагранжемъ: одни утверждали, что начало наименьшаго дѣйствія въ томъ видѣ, какъ его даетъ Лагранжъ, не имѣетъ мѣста; другіе, — что начало вѣрно, но анализъ Лагранжа не вѣренъ; третьи, — что начало Лагранжа и начало Остроградскаго — два различныя начала. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лагранжево начало вѣрно, но что анализъ великаго геометра — дѣйствительно невѣренъ. Эта невѣрность, какъ показалъ Михайлъ Васильевичъ въ своемъ мемуарѣ, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ томъ, что всѣ варьяціи, входяція въ условіе минимума отъ дѣйствія, Лагранжъ считаетъ между собою независимыми; между тѣмъ какъ эти варьяціи связаны условнымъ уравненіемъ, происходящемъ отъ варьированія уравненія живыхъ силъ. Это въ подробности показано мною въ статьѣ, помѣщенной въ XXXII томѣ Записокъ нашего университета. На основаніи этой статьи я намѣренъ въ настоящемъ академическомъ году напечатать другую статью, въ которой будетъ доказано, что Лагранжево начало наименьшаго дѣйствія есть частный случай вышеуказаннаго начала Остроградскаго. По-

этому теперь смѣю утверждать, что мемуаръ нашего геометра объ изопериметрахъ замѣчательнъ также и тѣмъ, что въ немъ предложено обобщеніе Лагранжева начала наименьшаго дѣйствія. Обобщеніе же этого начала въ томъ видѣ, какъ его предлагаетъ нашъ геометръ, требуетъ еще и того, чтобы условіе мнѣйшимъ было бы замѣнено условіемъ интегрируемости. Въ томъ же самомъ мемуарѣ своимъ Михаилъ Васильевичъ проводитъ свой взглядъ на аналитическую механику, который служитъ къ построенію этой науки на новомъ началѣ, выраженномъ нашимъ геометромъ въ слѣдующихъ его словахъ :¹⁾ «Я утверждаю, пишетъ Остроградскій, что вся механика есть вопросъ объ интегрируемости, — условіи, которое содержитъ всякое другое, какъ частный случай; оно требуетъ только того, чтобы вариация была интегрируема, между тѣмъ какъ максимумъ требуетъ не только того, чтобы вариация была интегрируема, но и того, чтобы ея интегралъ приводился къ нулю».

Такимъ образомъ анализъ, положенный въ основаніе построенія и изученія механики великимъ Лагранжемъ, — учеными изслѣдованіями нашего знаменитаго геометра по этой же наукѣ — достигъ высшей степени своего развитія.

Не менѣе, чѣмъ аналитическую механику, Михаилъ Васильевичъ своими учеными изслѣдованіями обогатилъ и разныя отрасли чистаго анализа, особенно Вариационное исчисленіе.

Вариационное исчисленіе, въ томъ видѣ, какъ оно вышло изъ рукъ его великихъ изобрѣтателей Эйлера и Лагранжа, представляло собою довольно законченный способъ — находить вариацию простыхъ интеграловъ; но опредѣленіе вариации даже двойныхъ интеграловъ доставляло въ то время значительныя

¹⁾ Вотъ подлинныя слова нашего геометра, взятая изъ письма его Брашману, напечатаннаго въ I томѣ Математическаго Сборника :

«Je prétends que toute la Mécanique est une question d'intégrabilité, condition qui renferme l'autre comme cas particulier; elle exige seulement que variation soit intégrable, tandis que le maximum demande non seulement que cette variation soit intégrable mais que son intégrale se réduit à zéro».

затрудненія первостепеннымъ геометрамъ. Прошло слишкомъ полстолѣтїя отъ открытїя варіаціоннаго исчисленїя, когда Гауссъ нашелъ варіацію частныхъ производныхъ функцій съ двумя переменными независимыми, впрочемъ не прямымъ путемъ, но чрезъ изысканіе варіацій дифференціального элемента кривой поверхности. Опредѣленіе варіаціи частныхъ производныхъ съ двумя переменными независимыми, а также варіацію двойныхъ интеграловъ, — чисто аналитическимъ путемъ — было изложено Пуассономъ въ его мемуарѣ: *Mémoire sur le calcul des variations*. При чемъ все таки Пуассонъ находилъ необходимымъ къ началамъ, положеннымъ Лагранжемъ, — прибавить новое начало, состоящее въ введеніи вспомогательныхъ переменныхъ. Но въ 1834 году вышелъ въ свѣтъ мемуаръ нашего геометра о варіаціи многократныхъ интеграловъ, въ которомъ способъ Лагранжа достигъ полнаго своего развитїя. Въ этомъ мемуарѣ, на основаніи однихъ только началъ, положенныхъ Лагранжемъ, Михаилъ Васильевичъ даетъ самое общее выраженіе для варіаціи частной производной отъ функціи со сколько угодно переменными независимыми, а также для варіаціи сложнаго выраженїя, заключающаго эту функцію и ея частныя производныя какаго бы то ни было порядка. Выведенная Остроградскимъ въ томъ же его мемуарѣ, формула, извѣстная подъ его именемъ, представляетъ въ самомъ общемъ видѣ варіацію многократнаго интеграла.

Г. Муаньо въ IV томѣ своего курса: *Leçons de calcul différentiel et de calcul intégral*, въ томъ томѣ, въ которомъ излагается мемуаръ Саррюса: *Recherches sur le calcul des variations*, несправедливо говоритъ о формулѣ Остроградскаго такъ: (*Ostrogradsky donna pour la première fois la variation complète d'une intégrale sous une forme simple et symétrique quoique encore peu propre aux application*). «Остроградскій даетъ въ первый разъ полную варіацію интеграла хотя въ формѣ простой и симметричной, но все еще мало удобной для приложеній». Въ своемъ мемуарѣ Остроградскій далъ двѣ формулы варіаціи многократнаго интеграла: въ

§ 4 выведена первая формула, — помощію своихъ преобразованій, Остроградскій въ § 7 выводитъ вторую формулу, равнозначущую съ первой. — Объ этой то второй формулѣ Муанью умалчиваетъ и сравниваетъ формулу Саррюса съ первой формулой Остроградскаго; между тѣмъ, по отношенію къ удобству въ приложеніяхъ, слѣдовало бы формулу Саррюса, которую Муанью поставляетъ въ образецъ удобства въ приложеніяхъ, — сравнить со второю формулою Остроградскаго. Такое сравненіе, котораго требуетъ справедливость, приводитъ къ заключенію, что формула Саррюса не имѣетъ никакого преимущества предъ второю формулою Остроградскаго по отношенію къ общности и удобству въ приложеніяхъ. Всѣ преобразования, посредствомъ которыхъ Саррюсъ въ усѣченной вариации многократнаго интеграла подынтегральную его функцію освобождаетъ отъ частныхъ производныхъ вариаций неизвѣстной функціи, состоитъ въ интегрированіи по частямъ, но объ этихъ преобразованіяхъ говорится и въ мемуарѣ Остроградскаго въ §§ 8 и 9. Такимъ образомъ мемуаръ нашего знаменитаго геометра о вариации многократныхъ интеграловъ уже въ 1834 году содержалъ въ себѣ всѣ данныя для полнаго отвѣта на вопросъ, предложенный на конкурсѣ Парижской академіи наукъ въ 1840 году: *«Найти предѣльные уравненія, которыя должно присоединить къ уравненіямъ неопредѣленнымъ для того, чтобы исполнть опредѣлить maxima и minima многократныхъ интеграловъ»* (Trouver les équations aux limites que l'on doit joindre aux équations indéfinies, pour déterminer complètement les maxima et les minima des intégrales multiples). Формула, данная нашимъ геометромъ въ томъ же его мемуарѣ и означенная буквою (C), содержитъ въ себѣ, какъ частные случаи, многія другія формулы, имѣющія важное научное значеніе. Такъ самъ Михаилъ Васильевичъ въ своемъ мемуарѣ: *Sur une intégrale définie* указываетъ на одну изъ формулъ, содержащуюся, какъ частный случай, въ его формулѣ (C). Съ своей стороны, я считаю долгомъ замѣтить, что таже формула Остроградскаго содержитъ въ себѣ, какъ частный случай, из-

вѣстную формулу Грина, весьма важную во многихъ приложеніяхъ и особенно въ математической физикѣ.

Важную услугу оказалъ Михаилъ Васильевичъ и интегральному исчисленію — развитіемъ тѣхъ разсказаній Абеля, которыя относятся къ интеграламъ алгебраическихъ функцій. Остроградскій въ своихъ мемуарахъ объ интегрированіи рациональныхъ функцій нашелъ условіе и способъ для выраженія алгебраическою функціею интеграла рациональной дроби и интеграла отъ функцій, содержащей квадратный корень отъ цѣлаго многочлена, также далъ способъ находить въ интегралѣ рациональной дроби отдѣльно алгебраическую и логарифмическую часть.

Прочія изслѣдованія нашего геометра въ чистомъ и прикладномъ анализѣ, состоящія преимущественно въ критическихъ замѣчаніяхъ, упрощеніяхъ доказательствъ и развитіяхъ, также способствовали къ расширенію предѣловъ науки. Такъ въ своемъ мемуарѣ объ опредѣленныхъ квадратурахъ онъ даетъ остаточный членъ формулъ, данныхъ Эйлеромъ и Лежандромъ для превращенія опредѣленнаго интеграла въ сумму конечныхъ разностей. Остаточный членъ, данный Остроградскимъ для формулъ Эйлера и Лежандра имѣетъ въ практическомъ отношеніи преимущества предъ остаточнымъ членомъ, даннымъ Пуассономъ для тѣхъ же формулъ. Остроградскій упростилъ способъ отдѣленія равныхъ корней алгебраическихъ уравненій и составилъ весьма полезныя для теоріи чиселъ таблицы первообразныхъ корней для простыхъ чиселъ, не превышающихъ 200. Въ своемъ мемуарѣ *Note sur une question particulière des maxima relatifs* онъ даетъ точное и полное понятіе о способѣ произвольнаго множителя, употребляемомъ при рѣшеніи вопросовъ объ относительномъ maximum и minimum функцій со многими переменными независимыми. Въ мемуарѣ: *Sur le mouvement des fluides* находится выводъ уравненія движенія несжимаемой жидкости, замѣчательный по своей общности, простотѣ и изяществу изложенія. Исчисленіе вѣроятностей было также предметомъ занятій нашего геометра. Въ одномъ изъ

своихъ мемуаровъ онъ находитъ, что вѣроятность ошибки приговора, сдѣланнаго нѣсколькими присяжными, зависитъ только отъ большинства голосовъ, а не отъ числа судей, какъ это полагали Кондорсеть и Лапласъ, если только вѣроятность гипотезы правдивости каждаго присяжнаго заключается въ тѣхъ же предѣлахъ; Пуассонъ подтвердилъ это заключеніе. Въ другомъ мемуарѣ Остроградскій даетъ доказательство начала, на которомъ основано опредѣленіе вѣроятности гипотезы ожидаемаго событія, по совершившимся событіямъ. Основное положеніе для рѣшенія этого вопроса было принято Лапласомъ безъ доказательства. Гауссъ доказалъ его, ограничиваясь, такъ же какъ и Лапласъ, случаемъ, когда причины ожидаемаго событія одинаково вѣроятны a priori. Пуассонъ обобщилъ это начало, допустивъ, что вѣроятности причинъ могутъ быть различны; а Остроградскій, рассматривая начало съ такою же общностью и основываясь на анализѣ Гаусса, далъ болѣе прямое доказательство. Михайлъ Васильевичъ, занимаясь баллистикою, составилъ новыя таблицы для облегченія вычисленія полета снаряда въ сопротивляющейся средѣ и вывелъ уравненія движенія эксцентрическаго снаряда въ воздухѣ; эти уравненія имѣютъ преимущество предъ уравненіями Пуассона въ томъ отношеніи, что разстояніе между центромъ фигуры снаряда и его центромъ инерціи не предполагается весьма малымъ.

Подтвержденіемъ высокаго служенія Михаила Васильевича наукѣ служитъ то, что онъ носилъ одно изъ самыхъ почетныхъ для ученаго званій — члена-корреспондента Парижской академіи наукъ. Кромѣ того, онъ былъ членомъ академій: Туринской, Римской и Американской, а также почетнымъ докторомъ Александровскаго университета.

Высокое служеніе нашего геометра своему отечеству ознаменовалось тѣмъ, что онъ своими трудами составилъ эпоху въ развитіи математическихъ знаній въ Россіи.

Со времени Остроградскаго появляется рядъ русскихъ геометровъ, которыхъ значеніе въ наукѣ не оспорию, ихъ труды

приобрѣли извѣстность во всемъ ученomъ мiрѣ. Приемы и взгляды Остроградскаго перешли въ лекціи и сочиненія другихъ русскихъ математиковъ. Прежде всѣхъ и наиболѣе другихъ способствовалъ къ ихъ распространенію многоуважаемый профессоръ Московскаго университета, И. Д. Брашманъ, столь извѣстный своею постоянною заботливостію о распространеніи математическаго знанія въ своихъ слушателяхъ. Въ своихъ лекціяхъ и въ сочиненіи, которое онъ издалъ въ 1837 году: Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, или статика и гидростатика, онъ воспользовался обобщеніями въ механикѣ, указанными Остроградскимъ. Эти обобщенія появились потомъ въ 1838 г. въ сочиненіи г. Яниша о Началѣ равновѣсія и движенія. По свидѣтельству же всѣхъ профессоровъ математическаго факультета Московскаго университета, печатно заявленному, 15 лѣтъ тому назадъ, въ I томѣ Математическаго Сборника и не подвергшемуся до сихъ поръ ни чьему возраженію, И. Д. Брашманъ образовалъ разсадникъ молодыхъ ученыхъ, которымъ пользовались и пользуются почти всѣ русскіе университеты. Не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ университетахъ ученики самого Михаила Васильевича занимали и занимаютъ кафедры чистой и прикладной математики, — сейчасъ приведенный нами фактъ относительно значенія Брашмана для русскихъ университетовъ представляетъ прямое и неопровержимое доказательство того, что для русскихъ университетовъ велика заслуга Михаила Васильевича, такъ какъ И. Д. Брашманъ былъ всегда дѣятельнымъ и ревностнымъ распространителемъ приемовъ и взглядовъ Михаила Васильевича. Въ бывшемъ Главномъ педагогическомъ институтѣ Михаилъ Васильевичъ самъ читалъ лекціи высшаго анализа и аналитической механики. Имѣя счастье быть его ученикомъ, я не иначе могу вспомнить о его лекціяхъ, какъ съ глубокою признательностью къ своему великому учителю. Михаилъ Васильевичъ читалъ лекціи такъ, что увлекалъ всѣхъ; самыя сложныя и трудныя вещи излагалъ съ такою простотою и ясностью, что не понять было невозможно; но замѣтивъ, что и тутъ могутъ

встрѣтиться нѣкоторыя затрудненія онъ тотчасъ приводилъ другое доказательство, нисколько не задумываясь, какъ великій мастеръ своего дѣла, обладавшій необыкновеннымъ талантомъ совершенствоваться и вести его впередъ. Любимымъ предметомъ Остроградскаго была аналитическая механика. Принявъ за руководство аналитическую механику Лагранжа, Михаилъ Васильевичъ не только упрощалъ изложенія началъ этой науки, но развивалъ и обобщалъ ихъ; его лекціи по этому предмету отличались поучительными приемами анализа и своеобразностью взгляда на общія начала механики; такая своеобразность въ изложеніи возбуждала въ слушателяхъ любовь къ излагаемому нашимъ геометромъ предмету. Къ каждому изъ учениковъ своихъ, занимавшемуся наукой, Михаилъ Васильевичъ былъ расположенъ, такого отличалъ и поощрялъ къ занятіямъ; такому всегда былъ доступенъ входъ въ его квартиру, гдѣ всегда возможно было свободно пользоваться не только книгами, но и объясненіями нашего геометра. Будучи веселаго характера, Михаилъ Васильевичъ любилъ шутить съ своими слушателями, раздѣлялъ ихъ на геометровъ и землемѣровъ, относя къ первымъ тѣхъ, которые занимались наукою успѣшно, а ко вторымъ тѣхъ, которые занимались посредственно. Какъ скоро кто-либо изъ его учениковъ нуждался въ его помощи, онъ всегда былъ готовъ помочь и словомъ и дѣломъ. Михаилъ Васильевичъ, не требуя никогда благодарности отъ лицъ, которыми онъ благодѣтельствовалъ, самъ постоянно сохранялъ свое расположеніе къ тому, кто разъ пріобрѣталъ его привязанность своими научными занятіями, не смотря ни на какія обстоятельства, ни на какія недоразумѣнія, которыя между ними возникали. Въ продолженіе своей службы въ Главномъ педагогическомъ институтѣ изъ окончившихъ въ немъ курсъ Михаилъ Васильевичъ приготовилъ не мало профессоровъ и для самого педагогическаго института и для университетовъ и для высшихъ военно-учебныхъ заведеній, преподавателей для гимназій министерства народнаго просвѣщенія, для кадетскихъ корпусовъ и для женскихъ учебныхъ заведеній. Но для военно-учебныхъ

заведеній заслуга нашего геометра была особенно важна. Еще едва успѣлъ вернуться Михаилъ Васильевичъ въ Петербургъ въ 1828 году, какъ всѣ высшія спеціальныя военно-учебныя заведенія въ Петербургѣ пригласили его принять преподаваніе математики, и считали большою честью имѣть у себя его профессоромъ. Онъ занялъ эту должность сперва въ офицерскихъ классахъ морскаго кадетскаго корпуса, въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, потомъ въ училищахъ: главномъ инженерномъ и артиллерійскомъ. Нѣсколько поколѣній моряковъ, инженеровъ и артиллеристовъ обязаны Михаилу Васильевичу основательностью пріобрѣтенныхъ ими математическихъ познаній, а многіе изъ нихъ и сами въ свою очередь успѣли заслужить почетную извѣстность и какъ вообще ученые, и какъ профессора и преподаватели тѣхъ же военно-учебныхъ заведеній. Михаилъ Васильевичъ неутомимо трудился для военно-учебныхъ заведеній, гдѣ долгое время онъ состоялъ главнымъ наблюдателемъ по математическимъ наукамъ. Подъ его предсѣдательствомъ собирались комиссіи для обсуживанія способовъ преподаванія математики въ кадетскихъ корпусахъ, для составленія программъ, а также для экзамена и пробныхъ лекцій, которымъ подвергаются желающіе получить учительское званіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; для кадетскихъ же корпусовъ онъ составилъ и руководство къ начальной геометріи. Это сочиненіе отличается отъ прочихъ руководствъ по той же наукѣ развитіемъ основныхъ началъ, порядкомъ теоремъ и способомъ доказательствъ; отличіе — таково, что имѣетъ важное научное значеніе, открывая путь къ установленію надлежащаго взгляда на основныя начала геометріи и къ надлежащей постановкѣ положеній этой науки. При всей пользѣ, которую доставляли лекціи Остроградскаго, его отвлекала отъ научныхъ занятій тяжелая преподавательская обязанность, сопряженная съ тратою времени, часто безъ существенной пользы, на экзамены и засѣданія въ разныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ иногда происходили безконечныя пренія, не всегда приводящія къ надлежащему результату, и нерѣдко о предметахъ, чуждыхъ наукѣ.

Все это было способно только ослабить энергію ученаго, поглотить его живую силу, дѣйствовать, какъ вредное сопротивленіе; если бы не все это, то безъ сомнѣнія математическій гений нашего геометра былъ бы несравненно плодотворнѣе.

Да простятъ же мнѣ, что я рѣшился скромнымъ словомъ своимъ изобразить очеркъ жизни и дѣятельности *того, котораго* имя въ исторіи наукъ математическихъ занимаетъ самое почетное мѣсто, — *котораго*, какъ великаго своего учителя, передавшаго ученикамъ своимъ и любовь къ наукѣ, и ключъ къ самостоятельнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, будутъ чтить нѣсколько поколѣній профессоры и наставники разныхъ учебныхъ заведеній, моряки, инженеры, артиллеристы и другихъ полезныхъ дѣятелей въ нашемъ отечествѣ, — *которымъ* будетъ всегда гордиться вся Россія, какъ прославившимъ имя русское въ области наукъ математическихъ!.....

Списокъ сочиненій М. В. Остроградскаго.

1) Сочиненія, читанныя имъ въ заведеніяхъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и напечатанныя въ ея изданіяхъ.

1. Note sur une integrale qui se rencontre dans le calcul de l'attraction des spheroides. Чит. 2 іюля 1828.—Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math., phys. et nat. I, 39.

2. Note sur les intégrales definies. Чит. 29 окт. 1828.—Ibid. 117.

3. Note sur la théorie de la chaleur. Чит. 5 ноября 1828.—Ibid 129.

4. Sur l'intégration des équations à différences partielles relatives aux petites vibrations d'un milieu elastique. Чит. 10 іюня 1829.—Ibid. 455.

5. Deuxième note sur la théorie de la chaleur Чит. 8 іюля 1829.—Ibid. 123.

6. Note sur la variation des constantes arbitraires dans les problèmes de mécanique. Чит. 2 декабря 1829.—Ibid. 109.

7. Note sur l'équilibre d'un fil elastique, Чит. 16 мая 1832.—Mémoires de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math. phis et nat. II Bull. № 4 стр. 1.

8. Mémoire sur l'intégration des équations à différences partielles relatives aux petites vibrations des corps élastiques. Чит. 27 іюня 1832.—Ibid. II, 339.

9. Memoire sur l'intégration des fractions rationnelles. Чит. 22 марта 1833.—Ibid. 569.

10. Note sur la relation que peuvent avoir entr'elles les intégrales des fonctions algébriques. Чит. 5 июля 1833.—ibid. II, Bull № 6, стр. VIII.

11. Suite du mémoire sur l'intégration des fractions rationnelles. Чит. 23 августа 1833.—Ibid II, 657.

12. Mémoire sur le calcul des variations des intégrales multiples. Чит. 24 января 1834.—Mem. de l'Acad. VI-e Sér, Sc. math. et phis I, 35.—Этотъ мемуаръ перепечатанъ въ Crelle's Journal, Vol. XV и переведенъ на английскомъ языкѣ въ книгѣ: A history of the progress of the calculus of variations during the nineteenth century, by I. Todhunter, M. A. Fellow and principal Lecturer of St John College Cambrige. 1861. in 8°.

13. Extrait d'un mémoire sur la probabilité des erreurs des tribunaux. Извлечение изъ записки, читанной 12 июня 1834.—Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math. et phis. 1, Bull. № 3, стр. 1.

14. Considération générales sur les momens des forces. Чит. 7 ноября 1834.—Ibid. I, 129.

15. Note sur la methode des approximations successives. Чит. 11 сентября 1835.—Ibid. 1, 233. Извлечение изъ этой записки въ Bulletin Scientifique. I, 1.

16 Sur un cas singulier de l'équilibre des fluides incompressibles. Чит. 19 февраля 1836.—Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math et phis. 1, 333.

17. Sur l'équation relative à la propagation de la chaleur dans l'intérieur des liquides. Чит. 8 апрѣля 1836.—Ibid. 1.353. Извлечение въ Bulletin Scientif. I, 25.

18. Tables des racines primitives pour tous les nombres premiers au dessous de 200, avec les tables pour trouver l'indice d'un nombre donné et pour trouver le nombre d'après l'indice. Представлено 22 апрѣля 1836. —Mem. de

l'Acad. VI-e Ser. Sc. math et phis. 1,359. Извлечение въ Bullet. Scientif. I, 32.

19. Sur le calcul des fonctions génératrices. Извлечение изъ записки, читанной 8 июля 1836.—Bullet Scient. I, 73.

20. Sur la transformation des variables dans les intégrales multiples.—Чит. 12 августа 1836.—Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math. et phis. I. 401.

21. Note sur différents sujets de l'analyse mathématique: a) sur les fonctions exponentielles. b) Sur une espèce de fonctions des coordonnées sphériques. c) Sur le calcul des variations. Чит. 1 декабря 1837. — Bullet. Scientif. III. 209.

22. Memoire sur les déplacements instantanés des systèmes assujettis à des conditions variables Чит. 20 апреля 1838.—Mem. de l'Acad. VI-e Sér. Sc. math. et phis. I, 565 —Извлечение въ Bullet. Scient. IV. 177.

23. Note sur les equations du mouvement d'un point matériel placé dans l'intérieur d'un tube rectiligne tournant autour d'un axe donné. Чит. 22 июня 1838.—Bullet. Scientif. IV, 209.

24. Note sur quelques formules relatives à l'attraction mutuelle d'une sphère et d'un sphéroïde. Чит. 19 окт. 1838.—Bullet. Scientif. IV, 369.

25. Note sur les equations différentielles linéaires. Чит. 26 октября 1838.—Bullet. Scient V, 33.

26. De l'aimantation mutuelle entre des barres bisjointes. Чит. 5 апреля и 12 мая 1839. — Bullet. Scientif. V, 346 и 351.

27. Memoire sur les quadratures définies. Чит. 23 августа 1839. — Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math. et phis. II. 309.—Извлечение въ Bullet. Scientif. VI, 161.

28. Tables pour faciliter le calcul de la trajectoire que décrit un mobile dans un milieu résistant. Представлено 20 декабря 1839.—Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc. math et phist II, 437.

29. Sur une note relative aux intégrales définies déduites de la théorie des surfaces orthogonales. Чит. 29 мая 1840.—Bullet. Scientif VII, 362.

30 Note sur le mouvement des projectiles sphériques dans un milieu résistant. Чит. 30 октября 1840.—Bullet. Scientif, VIII, 65.

31. Mémoire sur le mouvement des projectiles sphériques dans l'air. Чит. 18 декабря 1840. — Извлечение въ Bullet. Scientifs VIII, 133.

32. Note sur une question particulière des maxima relatifs. Чит. 29 января 1841.—Bullet. Scientif. VIII, 327.

33. Sur le principe des vitesses virtuelles et sur la force d'inertie. Чит. 9 декабря 1841.—Bullet. Scientif. X, 34.

34. Sur les sphéroïdes dont les moments d'inertie sont égaux. Чит. 13 мая 1842.—Bullet. phis—math. I 60.

35. Sur les intégrales des fonctions algebriques. Чит. 23 сентября 1842. — Bullet. phis. math. I, 113.

36. Memoire sur l'intégration des fractions rationnelles. Чит. 22 ноября 1844. — Bullet. phis. — math IV, 145 и 286.

37. Sur le mouvement des fluides. Чит. 13 дек. 1844.—Извлечение въ Bullet. phis.—math. IV, 33.

38. Sur une question des probabilités. Чит. 23 окт. 1846.—Bullet. phis.—math. VI, 321.

39. Sur la variation des constantes arbitraires dans les problèmes de dynamique. Чит. 24 сентября 1847.—Bullet. phis.—math. VII. 113.

40. Sur. les intégrales des equations générales de la dynamique. Чит. 6 октября 1848.—Bullet. phis.—math. VIII, 33.

41. Memoire sur les equations differentielles relatives au problème des isoperimètres. Чит. 17 ноября 1848.—Mem. de l'Acad. VI-e Sér. Sc. math. et phis. IV, 385.

42. Sur les racines égales des polynomes entiers. Чит. 28 сент. 1849.—Bullet. phis.—math. VIII, 193.

43. Sur les dérivées des fonctions algébriques. Чит. 12 июня 1850.—Bullet. phis.—math. XI, 337.

44. Note sur le traité de trigonométrie a l'usage des écoles militaires.—Чит. 8 августа 1851.—Bullet. phis.—math. X, 11.

45. Mémoire sur la théorie générale de la percussion. Чит. 26 мая 1854.—Mem. de l'Acad. VI-e Ser. Sc math et phis, VI, 267.

46. Sur la probabilité des hypothèses d'après les évènements. Чит. 18 марта 1859.—Bullet. phis.—math. XVII, 516.

47. Sur la courbure des surfaces. Чит. 20 янв. 1860.—Bullet. de l'Acad. I, 545.

48. Sur une intégrale définie. Чит. 15 июня 1860.—Bullet. de l'Acad. III, 65.

2) Сочинения, представленные Парижской Академии Наукъ, и напечатанные въ ея изданіяхъ.

1. Mémoire sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique. Читая. въ засѣданіи Парижской Академіи 6 ноября 1826.—Напеч. въ Mémoires présentés par divers savants à l'Académie royale des sciences de l'Institut de France et imprimés par son ordre. Sciences mathém. et phis. III, 23, (1832).

2 Sur les facteurs égaux des polynômes entiers. Въ Comptes rendus hebd. des séances de l'Acad. XLII, 930. (1856).

3. Sur l'usage des polynômes linéaires en dynamique. Въ Comptes rendus hebd. des séances de l'Acad. XLIV, 962. (1857).

3) Разборы сочиненій, представленныхъ на соисканіе Демидовскихъ наградъ:

1. Разборъ сочиненій профессора Брашмана: Статика

твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, въ VII присужденіи Демидовскихъ наградъ (17 апрѣля 1838 года), стр. 79.

2. Разборъ (вмѣстѣ съ г. Буняковскимъ составленный) сочиненія капит.-лейт. А. Зеленаго: Краткое руководство начертательной геометріи, въ XIV присужденіи Демидовскихъ наградъ (17 апрѣля 1845), стр. 87.

3. Разборъ сочиненій экстр. проф. Петербургскаго Университета Сомова: Аналитическая теорія волнообразнаго движенія ээира, въ XVII присужденіи Демидовскихъ наградъ (17 апрѣля 1848 г.) стр. 61

4. Разборъ (вмѣстѣ съ Буняковскимъ составленный) сочиненія профессора Давидова: теорія равновѣсія тѣлъ погруженныхъ въ жидкость, въ томъ же XVII присужденіи, стр. 107.

5. Разборъ сочиненія г. Давидова: теорія капиллярныхъ явленій, въ XIX присужденіи Демидовскихъ наградъ (17 апр. 1850) стр. 77.

6. Разборъ (вмѣстѣ съ г. Буняковскимъ составленный) сочиненія Сомова: Основанія теоріи эллиптическихъ функцій. Въ XX присуж. (17 апрѣля 1851), стр. 151.

7. Разборъ сочиненія г. Ковальскаго: Теорія движенія Нептуна—въ XXIII присужденіи (28 мая 1854), стр. 131.

8. Разборъ сочиненія профессора Миндинга: Изысканія относящіяся къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій перваго порядка съ двумя переменными, въ XXX присужденіи (16 іюня 1861) стр. 49.

9. Разборъ (вмѣстѣ съ Буняковскимъ подписанный) сочиненія профессора Соколова: Динамика въ томъ же XXX присужденіи, стр. 143.

4) Сочиненія, отдѣльно изданныя:

1. Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ заведеній. Руководство начальной геометріи. Курсъ II-го общаго класса. Спб. 1855, въ 8 д. л. 140 стр. Курсъ III общаго класса. Спб. 1857, въ 8 д. л. 406 стр. Курсъ V общаго класса Спб. 1860, въ 8 д. л. 204 стр,

2. Программа и конспект тригонометрии, для руководства въ Военно Учебныхъ заведеніяхъ. Спб 1851, въ 8 д. л. 64 стр.

5) Два курса, читанные М. В. Остроградскимъ и изданные подъ слѣдующими заглавіями:

1. Cours de mécanique céleste fait par Mr. M. A. Ostrogradski et rédigé par Janoushevski, capitaine du génie des voies des communication. St.-Pétersb. Imprimerie de l'Acad. des Sc. 1831 in 4°, 95 стр.

Этотъ курсъ, состоявшій изъ 12 лекцій, читанныхъ въ залѣ Академіи Наукъ, продолжался съ ноября 1829 по мартъ 1830 г.

Въ Crelle's Journale Vol. VII (1831) стр. 97, находится донесеніе объ этомъ курсѣ, представленное Парижской Академіи Наукъ 25 октября 1830 Пуассономъ и Араго.

2. Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго Анализа, читанныя въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ академикомъ Остроградскимъ. Составлены С. Бурачкомъ и С. Зеленымъ. Первый годъ, Ч. I. Рѣшеніе алгебраическихъ уравненій. Ч. II. Теорія алгебраическихъ функций. Спб. 1837. XXIV, XXXII и 606 стр. въ 8 д. л.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Засѣданіе 22-го января 1881 года.

Присутствовали 17 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 10-го ноября 1880 года за № 8756, коимъ Его Превосходительство утверждаетъ магистра химіи Танатара сверхштатнымъ лаборантомъ при химической лабораторіи университета, съ отнесеніемъ содержанія ему по восьмисотъ рублей въ годъ на счетъ общихъ остатковъ отъ суммы, на содержаніе личнаго состава университета назначенной.

Принимая же во вниманіе, что г. Танатаръ, состоя исправляющимъ должность преподавателя естественной исторіи и химіи въ одесскомъ реальномъ училищѣ св. Павла, гдѣ имѣетъ десять уроковъ въ недѣлю, желаетъ сохранить за собою эту должность, г. попечитель проситъ совѣтъ довести ему, какія занятія будетъ имѣть Танатаръ въ уни-

верситетѣ, т. е. сколько времени онъ будетъ посвящать университету.

Физико-математическій факультетъ, на запросъ г. ректора, въ отношеніи отъ 8-го декабря за № 123, давъ отзывъ, «что 10 уроковъ, которые г. Танатаръ даетъ въ училищѣ св. Павла, не будутъ препятствіемъ къ исполненію его лаборантскихъ обязанностей. Согласно такому отзыву и донесено г. попечителю въ представленіи исправлявшаго должность ректора отъ 10-го декабря за № 2293. *Опредѣлили*: объ утвержденіи г. Танатара сообщить въ физико-математическій факультетъ и въ правленіе университета.

3. Отъ 5-го декабря за № 9149 о доставленіи свѣдѣній, когда именно магистрантъ физической географіи Блоссовскій предполагаетъ защитить диссертацию на степень магистра.

Доложено, что объ этомъ уже сообщено въ физико-математическій факультетъ, отъ котораго и получено донесеніе, что г. Блоссовскій надѣется представить диссертацию въ августу 1881 года. *Опредѣлили*: донести г. попечителю согласно представленію факультета.

4. №№ 9150, 9394 и 898: о разрѣшеніи: а) студенту IV-го в. юридическаго факультета Романенко остаться на этомъ же курсѣ еще на одинъ годъ; б) студенту 1-го в. естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета Шмигельскому держать экзаменъ за оба первые курсы для перехода на III-й курсъ; и в) зачислить Уоахима Рейнгерца въ число студентовъ новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: сообщить въ подлежащіе факультеты.

5. — № 9393 объ утвержденіи профессора с.-петер-

бургскаго университета Менделѣва почетнымъ членомъ новороссійскаго университета.

При чемъ доложено, что дипломъ на званіе почетнаго члена уже отосланъ г. Менделѣву. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣденію.

6. — № 9766: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ въ 8-й день сего декабря на производство ординарному профессору новороссійскаго университета Беркевичу, подавшему прошеніе объ увольненіи его отъ службы, вознагражденія, за чтеніе имъ лекцій въ новороссійскомъ университетѣ по астрономіи, до конца текущаго года, въ видѣ платы, въ размѣрѣ оклада содержанія ординарнаго профессора, изъ штатныхъ суммъ новороссійскаго университета.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ въ предложеніи г. статсъ-секретаря Сабурова, отъ 13 сего декабря за № 14129, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, въ отвѣтъ на представленіе совѣта новороссійскаго университета отъ 28-го октября сего года за № 1995, для предложенія совѣту новороссійскаго университета къ надлежащему исполненію, присовокупляя, что объ увольненіи профессора Беркевича отъ службы, будетъ внесено въ приказъ по министерству народнаго просвѣщенія».

При этомъ секретарь совѣта доложилъ, что приказомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 15-го декабря 1880, опубликованномъ въ 290 № Правительственнаго Вѣстника, профессоръ Беркевичъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію, съ 10-го августа 1880 года.

По заслушаніи министерскаго приказа объ увольненіи ординарнаго профессора Беркевича отъ службы по проше-

нію, профессоръ Кочубинскій замѣтилъ, что онъ недоразумѣваетъ относительно выраженія «по прошенію», такъ какъ, насколько онъ помнитъ, ординарный профессоръ Беркевичъ прошенія объ увольненіи отъ службы въ совѣтъ не подавалъ, а сдѣлалъ, въ виду истекающаго ему 25-лѣтняго срока службы, заявленіе о нежеланіи подвергнуться баллотировкѣ на пятилѣтіе вмѣстѣ съ прошеніемъ о исходатайствованіи ему пенсіи по закону, и что въ министерскомъ приказѣ выраженіе «по прошенію», вѣроятно, явилось изъ представленія совѣта министерству, вызваннаго сказаннымъ заявленіемъ профессора Беркевича. Вслѣдствіе этого профессоръ Кочубинскій просилъ доложить въ подлинникѣ и заявленіе профессора Беркевича и самое представленіе отъ имени совѣта. И заявленіе и представленіе были прочтены. Объяснилось, что въ заявленіи профессора Беркевича дѣйствительно прошенія объ увольненіи отъ службы нѣтъ, а только ходатайство о пенсіи по закону, но въ представленіи министерству канцеляріи университета отъ имени совѣта стоитъ выраженіе: «ординарный профессоръ Беркевичъ, выслуживъ 10-го августа сего года установленный 25-лѣтній срокъ на полученіе пенсіи, подалъ заявленіе объ увольненіи его отъ службы въ университетѣ съ исходатайствованіемъ слѣдующей ему по закону пенсіи. Донося объ этомъ и представляя формулярный списокъ г. Беркевича, совѣтъ университета имѣетъ честь просить: 1) объ увольненіи его, по прошенію, за выслугою срока, съ 10-го августа сего года отъ службы въ новороссійскомъ университетѣ». Такимъ образомъ недоразумѣніе профессора Кочубинскаго выяснилось; но онъ просилъ, въ виду избѣжанія прискорбныхъ недоразумѣній, указать канцеляріи университета на будущее время при изготовленіи вся-

нихъ представленій строго держаться наличныхъ данныхъ, такъ какъ свободная редакція офіціальныхъ бумагъ въ канцеляріи университета, напр. хоть въ данномъ случаѣ, можетъ доставить профессору Беркевичу напрасныя хлопоты о пенсіи. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій факультетъ и извѣстить профессора Беркевича.

7. — № 950 о разрѣшеніи заграничныхъ командировокъ профессорамъ Шведову и Трачевскому. *Опредѣлили*: извѣстить физико-математическій и историко-филологическій факультеты, а также сообщить въ правленіе университета.

8. — № 951 о разрѣшеніи допустить магистранта Кожевникова къ чтенію въ университетѣ обязательныхъ лекцій по ботаникѣ въ качествѣ приватъ-доцента. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій факультетъ.

9. Представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ объ утвержденіи Коростовцева въ званіи дѣйствительнаго студента и Матакіанца въ степени кандидата и о переводѣ Погибки со 2-го курса на 3-й.

При этомъ доложено, что подлежащею казенною палатою окончившій курсъ со степенью кандидата Лясковецкій Иванъ исключенъ изъ податнаго состоянія. *Опредѣлили*: 1) переводъ студента Погибки со 2-го въ 3-й курсъ утвердить; 2) утвердить гг. Матакіанца въ степени кандидата, а Коростовцева и Лясковецкаго въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ послѣднему права представить въ установленный срокъ диссертацию на степень кандидата.

10. Представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о продленіи срока для пред-

ставленія кандидатскихъ диссертацийъ гг. Руденко, Искръ, Саморскому и Рябкову. *Опредѣлили*: отсрочить.

11. Представленіе юридическаго факультета о переводѣ студента III-го к. математическаго факультета Бакумова на I к. юридическаго факультета съ допущеніемъ его къ полугодичнымъ контрольнымъ испытаніямъ. *Опредѣлили*: перевести и допустить къ испытаніямъ, испросивъ предварительно разрѣшенія г. попечителя.

12. Внесенныя г. ректоромъ прошенія: студента Зелинскаго о разрѣшеніи быть допущеннымъ къ переводному испытанію въ концѣ академическаго года со студентами I-го курса естественнаго отдѣленія, на каковое онъ желаетъ перейти, и студента историко-филологическаго института Будде о принятіи въ число студентовъ I-го курса историко-филологическаго факультета новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: студента Зелинскаго допустить въ свое время къ экзаменамъ на 2-й курсъ естественнаго отдѣленія, г. Будде принять въ студенты, испросивъ предварительно разрѣшенія г. попечителя.

13. Представленіе физико-математическаго факультета о продленіи профессорскому стипендіату Бучинскому времени оставленія при университетѣ еще на полгода, въ виду незаконченности нѣкоторыхъ изслѣдованій, производимыхъ имъ въ зоотомической лабораторіи, именно о гидроидахъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать о продленіи срока съ сохраненіемъ стипендіи.

14. Представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о распредѣленіи чтенія лекційъ гг. преподавателей: Сперанскаго, Рейпгарда, Кожевникова и о замѣнѣ чтеній начертательной геометріи лекціею кинематики. *Опредѣлили*: утвердить.

15. Представленіе физико-математическаго факультета объ утвержденіи въ степени магистра химіи г. Меликова и астрономіи г. Кононовича. *Опредѣлили*: утвердивъ гг. Меликова и Кононовича въ степени магистра, выдать имъ установленныя дипломы на эту степень.

16. Представленіе того-же факультета о командированіи профессора Ковалевскаго за границу съ ученою цѣлію съ 1-го сентября 1881 по 15-е августа 1882 г. При чемъ факультетъ заявляетъ, что профессоръ Мечниковъ беретъ на себя чтеніе лекцій профессора Ковалевскаго въ теченіе всего времени командировки послѣдняго.

Въ приложенномъ къ представленію факультета прошеніи проф. Ковалевскаго изложено: «честь имѣю покорнѣйше просить физико-математическій факультетъ о командированіи меня за границу, съ ученою цѣлію, считая съ 1-го сентября 1881 г. по 15-е августа 1882 г. Основанія, на которыхъ я обращаюсь въ факультетъ съ настоящею просьбою, заключаются въ томъ, что нѣкоторыя изслѣдованія, начатыя мною въ прежніе годы моего пребыванія на берегахъ Средиземнаго моря, до сихъ поръ незакончены, а между тѣмъ они могли бы имѣть серьезное значеніе при разрѣшеніи важнѣйшихъ морфологическихъ вопросовъ, возбужденныхъ теперь въ зоологической литературѣ. Къ числу такихъ вопросовъ я ставлю: во 1-хъ, окончаніе моего изслѣдованія о развитіи *chetop'ovъ*, о которыхъ я напечаталъ только предварительное сообщеніе, во 2-хъ) изслѣдованіе развитія песчепіа, объ анатоміи которой печатается мною въ настоящее время статья въ «запискахъ московскаго общества естествознанія», въ 3-хъ) объ анатоміи брахиоподъ съ дальнѣйшей разработкой вопроса о сравненіи брахиоподъ съ кольчатыми червями, за-

тѣмъ въ 4-хъ) исторію развитія коралловъ, о чемъ мною тоже напечатано только предварительное сообщеніе. Всѣ эти вопросы имѣютъ значительную важность между вопросами современной зоологіи, и, по всей вѣроятности, мнѣ удастся разрѣшить многіе изъ нихъ, такъ какъ первоначальныя данныя къ ихъ разрѣшенію мною уже выработаны. Ходатайствуя предъ факультетомъ о командированіи меня на 188¹/₂ учебный годъ за границу, я честь имѣю обратить вниманіе факультета, что преподаваніе зоологіи не понесетъ отъ этого ущерба. Преподаваніе зоологіи распредѣлено между мною и проф. Мечниковымъ такимъ образомъ, что мы, каждый, заканчиваемъ свой общій курсъ въ три года, а на четвертый годъ читаемъ или спеціальный курсъ, или ведемъ со студентами какія-либо спеціальныя занятія. Въ настоящемъ полугодіи я заканчиваю свой трехлѣтній курсъ и въ будущемъ, 188¹/₂ учебномъ году, мнѣ предстояло бы или читать какой-нибудь спеціальный курсъ или вести со студентами IV-го курса какія-либо спеціальныя занятія по одному изъ отдѣловъ зоологіи, напр. ближе рассмотреть исторію развитія одного изъ классовъ или тому подобное. Подобныя занятія, точно такъ же, какъ и исполненіе всѣхъ другихъ лежащихъ на мнѣ обязанностей, беретъ на себя профессоръ И. И. Мечниковъ на все время моей командировки, и слѣдовательно преподаваніе не пострадаетъ.

Въ результатѣ баллотированія проф. Ковалевскаго въ заграничную командировку получилось 17 голосовъ утвердительныхъ и 1 отрицательный. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

17. Представленіе того-же факультета объ отводѣ хутора на маломъ фонтанѣ подъ ботанической садъ, такъ

какъ нынѣшній, находящійся во дворѣ главнаго университетскаго зданія, какъ по положенію, такъ и по размѣрамъ, по заявленію завѣдывающаго онымъ доцента Рейнгарда, представляется крайне неудобнымъ. На устройство ботаническаго сада на хуторѣ не потребуется никакихъ экстраенныхъ суммъ, такъ какъ, расширяя посѣвы и посадки постепенно въ теченіи 3—4 лѣтъ, можно будетъ устроить новый садъ вполнѣ на ту сумму, которая отпускается на содержаніе сада ежегодно по уставу. *Опредѣлили*: отдать принадлежащій университету хуторъ на маломъ фонтанѣ подъ ботанической садъ, согласно представленію факультета.

18. Представленіе того-же факультета о вознагражденіи приватъ-доцента Кожевникова за чтеніе лекцій въ размѣрѣ 100 руб. въ мѣсяцъ изъ специальныхъ средствъ, впредь до полученія отвѣта изъ министерства на представленіе о вознагражденіи г. Кожевникова. Послѣ преній, *опредѣлили*: отложить до слѣдующаго засѣданія, поручивъ г. ректору просить министерство, по телеграфу, объ ускореніи разрѣшенія ходатайства совѣта о вознагражденіи приватъ-доцента Кожевникова.

19. Представленіе историко-филологическаго факультета о выпискѣ журнала «Przegląd bibliograficznoarchiologiczny».

При этомъ экстраординарный профессоръ Преображенскій просилъ также о выпискѣ изданія «Zeitschrift für Instrumentenkunde». *Опредѣлили*: выписать, о чемъ и сообщить въ правленіе для зависящихъ отъ него распоряженій.

20. Представленіе того же факультета о томъ, что факультетъ не можетъ разсуждать о приглашеніи Де-Виво въ лекторы итальянскаго языка, за отсутствіемъ письмен

ныхъ или печатныхъ работъ его по языку и литературѣ итальянской. *Опредѣлили*: увѣдомить г. Де-Виво.

21. а) Представленіе редактора «университетскихъ записокъ» Кочубинскаго о даровой высылкѣ «записокъ» въ студентскую читальню московскаго университета, б) просьба эстляндскаго отдѣла русскаго технического общества о такой же высылкѣ «записокъ» въ общество. *Опредѣлили*: высылать.

22. Отношеніе предсѣдателя распорядительнаго комитета по прекращенію эпидеміи дифтерита въ полтавской губерніи: «сѣздъ врачей полтавской губерніи, состоявшійся 10 — 15 сентября сего года и имѣвшій предметомъ своихъ занятій вопросы о дифтеритѣ въ губерніи и мѣрахъ противо-дѣйствія ему, между прочимъ постановилъ: выразить желаніе, чтобъ были произведены компетентными лицами и учрежденіями научныя работы по дезинфекціи, которыя освѣтили-бы путь практическихъ врачей въ этомъ дѣлѣ, какъ относительно способа дезинфекціи, такъ и средствъ ея противъ дифтерита и противъ другихъ заразныхъ болѣзней.

Считаю своею обязанностью довести объ такомъ постановленіи сѣзда врачей до свѣдѣнія учрежденія, которое служитъ высшимъ органомъ науки». *Опредѣлили*: передать въ физико-математическій факультетъ.

23. Рапортъ профессора Успенскаго о приемѣ имъ пожертвованныхъ университету, по духовному завѣщанію надворнаго совѣтника Самсонова, картинъ.

«Число всѣхъ картинъ, оставшихся послѣ надворнаго совѣтника Ивана Александровича Самсонова, доходитъ до 128, какъ это видно изъ прилагаемой при семъ описи. Но изъ этого числа пять номеровъ завѣщаны душеприкащикамъ и племянницѣ, другія пять номеровъ неизвѣстно когда

утрачены и не оказались на лицо при повѣркѣ, произведенной душеприкащикомъ протоіереемъ Мартиріемъ Чеченою и женой завѣщателя Елисаветой Сампсоновой. Такъ что распредѣленію между новороссійскимъ университетомъ и обществомъ изящныхъ искусствъ подвергалось 118 номеровъ по описи и еще четыре картины, не вошедшія въ опись и незаномерованныя. Согласно съ волей завѣщателя, распредѣленіе картинъ между двумя названными учрежденіями произведено было по ровну въ количествѣ и по жребію въ достоинствѣ. На долю новороссійскаго университета досталось номеровъ шестьдесятъ одинъ (61) и кромѣ того портретъ завѣщателя П. Л. Сампсонова; послѣдній не подвергался жеребьеванью, такъ какъ душеприкащикъ и уполномоченный отъ общества изящныхъ искусствъ г. Моранди находили болѣе приличнымъ и достойнымъ, чтобы портретъ завѣщателя хранился въ университетѣ. Картины, поступившія въ имущество университета въ тотъ же день, т. е. 18-го января 1881 г., переправлены мной, при содѣйствіи старшаго служителя Семена, въ зданіе университета и помѣщены въ аудиторіи музея изящныхъ искусствъ». *Опредѣлили*: принять къ свѣденію.

24. Предложеніе г. ректора о раздѣлѣ библиотечной суммы по факультетамъ на 1881 годъ. *Опредѣлили*: передать въ библиотечную комиссію на предварительное заключеніе.

25. Произведены были, отложенные по рѣшенію совѣта 4-го декабря 1880 года (ст. 7 проток.) выборы профессоровъ въ члены попечительскаго совѣта.

Предложенные большинствомъ голосовъ, по запискамъ, кандидаты подвергнуты были закрытой баллотировкѣ и при семнадцати избирателяхъ, получили избирательныхъ шаровъ:

по русскому языку
 ординарный профессор Кочубинскій — одиннадцать,
 по древнимъ языкамъ
 доцентъ Воеводскій — шестнадцать,
 по исторіи
 ординарный профессор Успенскій — семнадцать,
 по математикѣ
 заслуженный ординарный профессор Карастелевъ — три-
 надцать,
 по естественной исторіи
 ординарный профессор Мечниковъ — одиннадцать,
 по педагогії
 профессоръ Богословія, священникъ Кудрявцевъ — девять.
Опредѣлили: объ избранныхъ въ члены попечительскаго
 совѣта лицахъ донести г. попечителю.

Засѣданіе 5-го февраля.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали:

Сообщенія канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 23-го января за №№ 1068 и 1070 о командированіи кандидата Гохмана для приготовленія къ профессорскому званію за границу на два года и объ оставленіи на тотъ-же срокъ при университетѣ кандидатовъ Елисафова и Гріельскаго съ производствомъ содержанія, съ 1-го января сего года, изъ суммъ министерства: Гохману по

1500 руб., а Елисафову и Гріельскому по 600 руб. въ годъ каждому.

Доложено, что о Гохманѣ и Елисафовѣ сообщено въ физико-математическій факультетъ, который представилъ составленную для г. Гохмана инструкцію. *Опредѣлили*: 1) одинъ экземпляръ составленной физико-математическимъ факультетомъ инструкціи вручить г. Гохману, а другою препроводить въ департаментъ народного просвѣщенія. 2) Объ оставленіи при университетѣ г. Гріельскаго сообщить въ юридическій факультетъ.

3. — за № 1069 о командированіи за границу кандидата Волынцевича на два года, для приготовленія къ профессорскому званію по астрономіи, съ содержаніемъ изъ суммъ министерства, съ 1-го января сего года, по 1500 р. въ годъ. *Опредѣлили*: передать въ физико-математическій факультетъ къ исполненію.

4. — № 1179 о разрѣшеніи перечислить студента I-го курса физико-математическаго факультета Иларіона Стоматьева на I к. юридическаго факультета.

Доложено, что, по распоряженію г. ректора, студентъ Стоматьевъ уже перечисленъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣденію.

5. — за № 1107 о разрѣшеніи производить приватъ-доценту московскаго университета Кожевникову, приглашенному въ качествѣ сторонняго преподавателя, читать лекціи въ новороссійскомъ университетѣ въ 1881 году, по кафедрѣ ботаники, вознагражденіе въ размѣрѣ 1200 руб. изъ остатковъ отъ личнаго состава новороссійскаго университета.

Доложено, что объ этомъ сообщено уже въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣденію.

6. Представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ объ утвержденіи въ степени кандидата гг. Реколо, Буковского и Лебедева. *Опредѣлили*: утвердить и выдать дипломы.

7. Представленіе историко-филологическаго факультета объ отсрочкѣ времени представленія кандидатской диссертациі г. Хереско на полгода. *Опредѣлили*: отсрочить

8. Внесенное г. ректоромъ прошеніе студента I курса физико-математическаго факультета А. Петрусевича о переводѣ его на историко-филологическій факультетъ и о допущеніи къ экзамену виѣстѣ со студентами I-го курса этого факультета. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

9. Представленіе историко-филологическаго факультета о разрѣшеніи проф. Кочубинскому открыть въ текущемъ полугодіи «2-ю славянскую семинарію» для спеціалистовъ славянскаго отдѣла на IV курсѣ и назначить для этихъ занятій время по пятницамъ отъ 1 ч. до 2-хъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

10. Представленіе физико-математическаго факультета объ измѣненіи часовъ преподаванія по ботаникѣ. *Опредѣлили*: утвердить.

11. а) Представленіе историко-филологическаго факультета о продленіи доценту Перетятковичу его командировки по 15-е августа сего года,

и б) приложенное къ этому представленію прошеніе въ факультетъ г. Перетятковича, слѣдующаго содержанія: «занимаясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, я нашелъ здѣсь нѣкоторые цѣнные матеріалы по исторіи Россіи въ XVII столѣтіи, неизвѣстные въ наукѣ. Извѣстія, содержащіяся въ нихъ, имѣютъ довольно серьезное значеніе для русской исторіи

XVII вѣка; они проливаютъ свѣтъ на состояніе въ то время русскихъ охраннѣ и на мѣры для ихъ защиты со стороны московскаго правительства. Нуждаясь во времени для обработки найденныхъ мною документовъ, которые большею частью войдутъ въ составъ моей докторской диссертации, я покорно прошу историко-филологическій факультетъ новороссійскаго университета продлить научную командировку до конца августа мѣсяца настоящаго года». *Опредѣлили:* ходатайствовать объ отсрочкѣ.

12. а) Представленіе того-же факультета: «историко-филологическій факультетъ въ своемъ засѣданіи 30-го января сего года, постановилъ покорнѣйше просить совѣтъ, согласно прилагаемому при семъ прошенію профессора Кондакова, ходатайствовать предъ министерствомъ о назначеніи проф. Кондакову заграничной командировки съ 20-го марта по 1-е іюля сего года для производства археологическихъ розысканій на востокѣ, а также войти съ представленіемъ черезъ министерство народнаго просвѣщенія въ министерство иностранныхъ дѣлъ объ оказаніи ему необходимаго содѣйствія отъ представителей русскаго посольства въ Константинополѣ и Аѣннахъ и консульской власти въ Салоникахъ. Крімъ того, имѣя въ виду, что предполагаемая профессоромъ Кондаковымъ изслѣдованія потребуютъ большихъ издержекъ, факультетъ честь имѣетъ покорнѣйше просить совѣтъ о выдачѣ ему пятисотъ рублей (500) изъ суммъ министерства, чтобы по возможности обезпечить достиженіе ученой цѣли, изложенной профессоромъ Кондаковымъ въ его прошеніи.

б) Прошеніе въ факультетъ проф. Кондакова: «имѣю честь просить факультетъ объ исходатайствованіи мнѣ передъ совѣтомъ университета заграничной командировки

съ 20-го марта по 1-е іюля сего года для производства археологическихъ розысканій на востокѣ.

Цѣлью этихъ розысканій будетъ собраніе матеріаловъ для византійской археологіи и, главнымъ образомъ, для исторіи византійскихъ мозаикъ, въ видѣ снимковъ съ этихъ памятниковъ. Приступивъ, нѣсколько времени тому назадъ, къ составленію систематическаго обзора памятниковъ византійскаго искусства*) и посѣтивъ весною прошлаго года Константинополь, Аѣины и Александрію, я пришелъ къ убѣжденію, что, прежде построенія исторической системы мозаикъ, необходимо приготовить пока самый этотъ матеріалъ, доселѣ или неопредѣленный, или неизданный, или изданный сомнительно, и что самая постановка предмета зависитъ существенно отъ изслѣдованія памятниковъ Византіи на ихъ родинѣ, т. е. на востокѣ. Въ этихъ видахъ я обратился къ извѣстному одесскому фотографу Ю. А. Раулю, прося его принять на себя въ будущей экскурсіи трудъ изготовленія фотографическихъ снимковъ, и г. Рауль обязательно принялъ на себя это дѣло. Сверхъ того, московское археологическое общество и общество любителей древней письменности, согласившись съ высказаннымъ мною на засѣданіяхъ этихъ обществъ (въ январѣ сего года въ подробныхъ рефератахъ) взглядомъ, отнеслись сочувственно къ указанной задачѣ и подали мнѣ надежду на исходатайствованіе для имѣющей быть экскурсіи рисовальщика Императорской академіи художествъ въ видахъ изготовле-

*) Первая часть этого обзора напечатана мною въ 1877 г. подъ заглавіемъ: «Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей», также, какъ отд. монографіа: «Миніатюры лицевой греч. псалтири» въ 1878 году и вторая часть: «Исторія мозаикъ» въ видѣ выпуска: «Мозаики мечети Бахріе-Джамиси въ Константинополѣ» 1880 г.

нія фотографій красками и снятія камеъ и иныхъ рисунковъ.

Ближайшею моею задачею будетъ посѣщеніе Константинополя, Никей (нынѣ Изнигъ) и Солуни (Салоникъ), а равно и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Турціи и Греціи, почему я и прошу факультетъ исходатайствовать мнѣ какъ разрѣшеніе этой командировки, такъ и представленіе отъ совѣта черезъ министерство народнаго просвѣщенія въ министерство иностранныхъ дѣлъ объ оказаніи мнѣ необходимаго содѣйствія отъ представителей русскаго посольства въ Константинополѣ и Аѣинахъ и консульской власти въ Салоникахъ, для успѣшнаго исполненія моей задачи».

Въ результатѣ баллотировки вопроса о командированіи г. Кондакова съ выдачею 500 р. изъ суммъ министерства получилось 18 голосовъ утвердительныхъ и 1 отрицательный. *Опредѣлили*: ходатайствовать, согласно представленію факультета.

13. а) Представленіе физико-математическаго факультета о командированіи лаборанта Меликова за границу на одинъ годъ и

б) Предложеніе въ факультетъ проф. Вериги и Клименко: «Въ теченіе пяти лѣтъ лаборантъ химической лабораторіи Меликовъ былъ обремененъ непосильнымъ трудомъ по исполненію возложенной на него обязанности веденія практическихъ занятій со студентами по аналитической химіи.

Несмотря на то, что занятія со студентами поглощали у него очень много времени, г. Меликовъ выдержалъ экзаменъ на магистра химіи и съ успѣхомъ защищаль представленную имъ для полученія этой степени диссертацию.

Выясненные на диспутѣ весьма серьезныя научныя достоинства труда г. Меликова даютъ намъ право просить факультетъ предоставить г. Меликову возможность безпрепятственно предаться научнымъ занятіямъ и приобрести болѣе многостороннее знакомство съ различными научными методами и школами, ходатайствовавъ ему заграничную командировку съ научною цѣлію на одинъ годъ съ мая мѣсяца текущаго года.

Лаборантскія обязанности г. Меликова будутъ въ его отсутствіе выполнены при помощи одного изъ насъ (проф. Вериго), двумя его товарищами лаборантами Пономаревымъ и Танатаромъ.

Цѣль командировки г. Меликова не могла бы быть достигнута лишь при посредствѣ его крайне скуднаго содержанія, а потому мы покорнѣйше просимъ факультетъ ходатайствовать о добавленіи къ получаемому г. Меликовымъ содержанію по должности лаборанта еще 800 руб. сер. изъ остатковъ отъ штатной суммы, или изъ средствъ министерства.

Въ результатѣ баллотировки вопроса о командированіи г. Меликова съ ученою цѣлію за границу на одинъ годъ съ дополнительнымъ содержаніемъ въ 800 руб. изъ суммъ министерства всѣ голоса оказались утвердительными. *Опредѣлили*: ходатайствовать о командированіи съ пособіемъ изъ суммъ министерства.

14. Представленіе того-же факультета о назначеніи остатковъ отъ личнаго состава въ текущемъ году на приобретение книгъ по ботаникѣ на сумму около 1300 марокъ или 650 руб. и на выписку первыхъ семи томовъ математическаго журнала *Stell'*я, стоящихъ 250 марокъ.

Справка: а) по объяснительной запискѣ къ смѣтѣ

расходовъ на 1881 годъ, составленной въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 г. комисією изъ профессоровъ: Сабинина, Патлаевского и Посникова, предвидѣлся по расходованію суммъ въ 1881 году дефицитъ въ размѣрѣ 4760 р.

б) Коммисія, образованная совѣтомъ въ засѣданіи 18 сентября того-же года для представленія соображеній о затрудненіяхъ, вызванныхъ представленіями въ совѣтъ о денежныхъ выдачахъ, въ докладѣ своемъ (п. 7) считала необходимымъ обратить вниманіе совѣта на то, что, при желательномъ замѣщеніи новыми лицами вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ, дефицитъ въ будущемъ неизбѣженъ.

в) По исчисленію бухгалтера, сдѣланному по настоящему положенію личнаго состава и денежныхъ средствъ, опредѣляется къ концу текущаго года дефицитъ въ 5713 р. 89 коп.

По обмѣнѣ мнѣніями большинствомъ 16 голосовъ противъ 1 (проф. Шнилевскій), *Опредѣлили*: ходатайствовать объ отнесеніи указанныхъ въ представленіи факультета расходовъ на могущіе оказаться остатки, а въ случаѣ если министерство затруднится дать разрѣшеніе, то просить особой суммой.

15. Предложеніе проф. Успенскаго, подписанное и профессорами: Преображенскимъ, Ярошенко и Кочубинскимъ: «Въ засѣданіи совѣта 22-го января 1881 года на ряду съ текущими дѣлами заслушано было одно такое, которое выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, представляя собой небывалое явленіе въ жизни нашего университета. Что дѣло о завѣщаніи университету картинной галлерей Ивана Александровича Сампсонова заслушано было въ совѣтѣ молча и не вызвало обмѣна мнѣній, это можно объяснить только тѣмъ, что большинство членовъ совѣта не имѣло ни вре-

мени, ни случая оцѣнить значеніе сдѣланнаго вклада и вообще не было подготовлено къ докладу объ этомъ дѣлѣ. Правда, раздался одинъ голосъ: «благодарить», но благодарить оказалось не кого, ибо завѣщатель умеръ и даръ переданъ университету душеприкащикомъ.

Совѣту новороссійскаго университета не слѣдуетъ замолчать дѣло о завѣщаніи университету картинной галлеи, и не столько потому, что она можетъ оцѣниваться значительной суммой, какъ потому, что она собираема была частнымъ лицомъ, не имѣвшимъ никакихъ связей съ университетомъ и никакого къ нему отношенія.

Завѣщатель передалъ цѣнное наслѣдство въ высшее ученое и учебное учрежденіе края, очевидно, изъ глубокаго уваженія къ университету и чувства той солидарности между университетомъ и обществомъ, отсутствіе сознанія которой такъ чувствительно и замѣтно особенно въ здѣшнемъ краѣ.

Осмѣлюсь обратить вниманіе совѣта на два обстоятельства. Во первыхъ, завѣщаніе Сампсонова университету есть фактъ общественной важности и какъ таковой можетъ стать предметомъ общественнаго мнѣнія. Галерею Сампсонова осматривали любители и знаютъ ей цѣну. То обстоятельство, что половина этой галлеи завѣщана университету, не можетъ быть тайной. Но не можетъ быть тайной также и то, какъ университетъ отнесется къ этому дару. Съ этой стороны, отношеніе совѣта къ завѣщанію Сампсонова становится общественнымъ вопросомъ, и совѣту нужно бы прежде всего публично заявить, что университетъ умѣетъ цѣнить обнаруженія общественной симпатіи и что даръ Сампсонова дѣйствительно для него дорогъ. Средствами къ такому публичному заявленію могли-

бы быть, съ одной стороны, опубликованіе въ газетахъ, съ другой—дань признательности къ завѣщателю, выраженная въ духѣ церкви. Можно-бы также дать почетное мѣсто портрету завѣщателя въ одной изъ университетскихъ залъ, если уже нельзя всю галлерею помѣстить отдѣльно и дать ей имя «галлереи Сампсонова», какъ у насъ есть отдѣлъ бібліотеки съ именемъ «Григоровича».

Во вторыхъ, завѣщаніе Сампсонова есть предметъ исторической важности. Ученое учрежденіе могло-бы почитать память завѣщателя ему одному свойственными и доступными средствами, и въ этомъ отношеніи совѣтъ оказалъ бы большую услугу будущему историку новороссійскаго университета, равно какъ внесъ-бы любопытную страницу въ исторію русскаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, не лишено интереса то обстоятельство, что никому невѣдомый сѣверянинъ, едва-ли получившій образованіе, вышедшій изъ бѣдной семьи, находитъ вкусъ въ собираніи оригиналовъ живописи, добываетъ произведенія великихъ мастеровъ, жертвуя за нихъ крупныя суммы, ѣдетъ наконецъ въ Одессу и составляетъ здѣсь завѣщаніе въ пользу новороссійскаго университета. У насъ пропадаетъ много именъ, дѣятельность которыхъ могла-бы быть поучительна и біографическія свѣденія о которыхъ въ высшей степени полезны въ историко-культурномъ отношеніи. Сампсонову пришла счастливая идея пожертвовать университету свою коллекцію картинъ и тѣмъ завоевать своему имени мѣсто въ исторіи нашего университета. Позволяю себѣ открыть слѣдующую перспективу. Будущія поколѣнія, которыя послѣ насъ будутъ членами совѣта новороссійскаго университета, признаютъ, можетъ быть, не менѣе счастливымъ опредѣленіе нынѣшнихъ членовъ совѣта—собрать свѣденія о

жизни Сампсонова и помѣстить въ «запискахъ университета» его біографію.

Послѣ обмѣна мнѣній *Опредѣлили*: 1) поставить портретъ г. Сампсонова съ надписью «жертвователъ». 2) просить проф. Успенскаго собрать біографическія свѣдѣнія о жертвователѣ и опубликовать о приобрѣтеніи.

16. Предложенія редактора «университетскихъ записокъ» профессора Кочубинскаго: 1) имѣю честь извѣстить, что московская губернская земская управа въ письмѣ своемъ въ редакцію «Записокъ» отъ 25-го января предлагаетъ обмѣнъ изданіями въ текущемъ 1881 году «Записокъ» нашихъ на ея «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній (теперь выходитъ VI-й томъ). Полагалъ-бы охотно принять предложеніе.

2) Имѣю честь просить разъясненія: какъ поступать съ редакціями тѣхъ изданій, которыя вступили въ соглашеніе съ нами, но своихъ изданій или не высылаютъ, или прекратили высылку: такъ съ 1-го января мы не получаемъ «С.-петербургскихъ вѣдомостей». По моему мнѣнію, правленіе могло-бы напомнить о соглашеніи, а въ случаѣ неотвѣта, дать знать редакціи о вымаркѣ даннаго изданія изъ книги разсыльныхъ адресовъ.

3) Имѣю честь донести, что университетскую лѣтопись послѣдняго XXXI тома «Записокъ», именно — «день памяти Пушкина», я издалъ отдѣльно въ числѣ 250 экземпляровъ, изъ коихъ 200 экземпляровъ поступили въ вольную продажу по 60 коп. за экземпляръ (около 60 стр. брошюра) и сданы въ магазины Бѣлаго и Распопова; что касается остальныхъ 50, то часть ихъ пошла авторамъ, напр. г. Троицкому, часть оставлена въ редакціи; за симъ экземпляровъ двадцать я бы покорнѣйше просилъ разрѣ-

шить разослать въ редакціи нѣкоторыхъ газетъ и въ нѣкоторыя ученыя учрежденія Австріи и Балканскаго полуострова.

4) Имѣю честь просить, что, въ виду того обстоятельства, что съ іюня мѣсяца прошлаго 1880 года нашъ университетъ правильно получаетъ хорватскую газету «Sloboda», которая издается извѣстною политической партіей Антуна Старчевича въ Сушакѣ, предмѣстьи города Рѣки (Fiume), и горячо поддерживаеетъ и защищаетъ интересы Россіи и Славянства среди Хорватовъ, было-бы желательно редакціи газеты «Sloboda» выразить отъ имени совѣта признательность за безвозмездную присылку изданія. *Опредѣлили*: обмѣнять, а не высылающимъ прекратить высылку, и разрѣшить остальное.

17. Отношеніе общества естествоиспытателей при новороссійскомъ университетѣ отъ 29-го истек. января за № 22-й на имя г. ректора: «Новороссійское общество естествоиспытателей имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство внести на разсмотрѣніе совѣта университета просьбу общества исходатайствовать передъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о предоставленіи дѣйстви-тельному члену общества, кандидату естественныхъ наукъ, Н. А. Бешпену права воспользоваться однимъ изъ русскихъ столовъ на станціи д-ра Дорна, въ Неаполѣ, съ 1-го марта по 1-е іюля сего года. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

18. Прошеніе учителя реального училища св. Павла, кандидата университета св. Владиміра, Ѳ. Деларю, о допущеніи его къ чтенію въ университетѣ лекцій по исторіи всеобщей литературы въ качествѣ приватъ-доцента. *Опредѣлили*: передать въ историко-филологическій факультетъ.

19. Внесенное въ совѣтъ г. ректоромъ письмо проф.

Менделѣва на его имя: «Вы препроводили мнѣ дипломъ одесскаго университета на званіе его члена. Одесса была первымъ мѣстомъ моей педагогической дѣятельности; пребыванію въ ней я обязанъ поправленіемъ своего здоровья, направленіемъ своей дальнѣйшей дѣятельности; она мнѣ любезна во многихъ отношеніяхъ. По этому Вы поймете, какъ тронуть я былъ вниманіемъ и почетомъ, оказанными мнѣ выборомъ совѣта университета. То полное уваженіе къ ученымъ силамъ представителей Вашего университета, которое я всегда имѣлъ, усиливаетъ мою глубокую благодарность. Поэтому позвольте мнѣ заявить Вамъ и просить передать членамъ совѣта мою искреннюю благодарность за выборъ меня въ члены одесскаго университета. Понимаю, что не личные заслуги, а случайная встрѣча обстоятельствъ подала поводъ къ этому выбору, но буду всегда дорожить имъ и постараюсь его оправдать, сколько достанетъ силъ, хоть на будущее время». *Опредѣлили*: занести въ протоколъ.

20. Отношеніе предварительнаго комитета археологическаго съѣзда въ Тифлисъ съ просьбою о назначеніи депутатовъ для принятія участія въ занятіяхъ съѣзда. *Опредѣлили*: передать въ факультеты.

Засѣданіе 25-го февраля.

Присутствовали 18 профессоровъ.

Слушали:

2. Сообщенія канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа о разрѣшеніи г. управляющаго округомъ перевести студента III к. физико-математическаго факультета

Бакумова на I в. юридическаго факультета и студента I в. физико-математическаго факультета Петрусевича на историко-филологическій, съ допущеніемъ перваго къ контрольнымъ полугодичнымъ испытаніямъ, а втораго—къ экзамену въ настоящемъ году вмѣстѣ съ филологами-студентами I-го курса. *Опредѣлили*: сообщить въ юридическій и историко-филологическій факультеты.

3. Представленія факультетовъ: а) физико-математическаго: «на основаніи рѣшенія своего 17-го февраля состоявшагося, факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ совѣтомъ объ освобожденіи студентовъ отъ годичныхъ испытаній по предметамъ, преподаваніе которыхъ не закончено въ нынѣшнемъ году, и о предоставленіи факультету права освобождать студентовъ отъ годичныхъ испытаній по предметамъ, преподаваніе которыхъ не закончено». б) юридическаго: «юридическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ совѣтомъ объ освобожденіи студентовъ I курса отъ экзамена по исторіи русскаго права и по политической экономіи, на II курсѣ по политической экономіи, студентовъ III курса отъ экзамена по полицейскому праву, такъ какъ преподаваніе означенныхъ предметовъ на этихъ курсахъ не оканчивается». *Опредѣлили*: ходатайствовать о порядкѣ испытаній на нынѣшній годъ согласно съ представленіями, а относительно общей части сообщить возбужденный физико-математическимъ факультетомъ вопросъ въ другіе факультеты.

4. Представленія: а) физико-математическаго факультета о началіи годичныхъ испытаній съ 20-го апрѣля, а по физикѣ о назначеніи экзаменовъ 26, 27 и 28 марта, б) юридическаго факультета о разрѣшеніи начать экзамены въ первыхъ числахъ апрѣля, въ виду того, что нѣкто-

рые профессора (Патлаевскій, Дювернуа, Посниковъ) имѣютъ выѣхать изъ Одессы въ отпускъ раньше времени, опредѣленнаго для экзаменовъ. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

5. Представленіе того-же факультета съ препровожденіемъ инструкціи для занятій за границей кандидата Волинцевича. *Опредѣлили*: одинъ экземпляръ настоящей инструкціи дать г. Волинцевичу, а другой препроводить въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

6. Представленіе правленія о томъ, что въ настоящее время обязанности куратора въ студентской читальнѣ возлагаются, согласно § 12 правилъ читальни, по очереди, на профессора Войтковскаго. *Опредѣлили*: принявъ къ свѣденію, просить правленіе прямо отъ себя увѣдомлять слѣдующихъ по очереди кураторовъ читальни.

7. Представленіе профессора Мечникова: «имѣю честь предложить бывшаго профессора нашего университета, нынѣ профессора харьковскаго университета, Льва Семеновича Ценковскаго, дѣятельность котораго, какъ ученаго и преподавателя, достаточно извѣстна, въ почетные члены».

Въ результатъ происшедшаго за симъ баллотированія, профессоръ Ценковскій оказался избраннымъ большинствомъ 13 голосовъ, противъ 4-хъ. *Опредѣлили*: избраннаго въ почетные члены новороссійскаго университета Л. С. Ценковскаго представить на утвержденіе г. попечителя.

8. Представленіе историко-филологическаго факультета: «по поводу прошенія учителя реального училища св. Павла кандидата университета св. Владиміра, Θεодора Деларю о допущеніи его къ чтенію въ университетѣ лекцій по исторіи всеобщей литературы въ качествѣ привать-доцента, историко-филологическій факультетъ, въ засѣданіи 18-го

февраля сего года, постановилъ допустить г. Деларю къ чтенію означенныхъ лекцій въ настоящемъ академическомъ году по представленной имъ программѣ, по двѣ лекціи въ недѣлю. Донося о семъ до свѣденія совѣта, факультетъ честь имѣетъ ходатайствовать о допущеніи г. Деларю къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента по исторіи всеобщей литературы на текущей академической годъ. *Опредѣлили*: отложить дѣло до полученія надлежащихъ документовъ.

9. Представленіе того-же факультета: «историко-филологической факультетъ, въ засѣданіи 18-го февраля сего года, по поводу 5-го археологическаго съѣзда, назначеннаго на 8-е сентября сего года въ Тифлисъ, слушалъ заявленіе профессора Кондакова о томъ, что слѣдующій, 6-й съѣздъ, предполагается устроить въ Одессѣ, и что поэтому желательно, чтобы какъ можно больше членовъ факультета присутствовало на съѣздѣ въ Тифлисъ и участвовало въ его засѣданіяхъ по вопросу объ организаціи будущаго съѣзда въ Одессѣ. Признавая основательнымъ мнѣніе проф. Кондакова, факультетъ постановилъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о командированіи на означенный съѣздъ въ Тифлисъ профессоровъ: Кондакова, Некрасова, Кочубинскаго и Успенскаго и доцентовъ: Воеводскаго и Пирогова, въ качествѣ депутатовъ, съ тѣмъ, чтобы тѣмъ изъ означенныхъ лицъ, которыя отправятся на съѣздъ, было выдано по сту рублей каждому. *Опредѣлили*: возвратить въ факультетъ для ограниченія числа депутатовъ.

10. Представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о томъ, что ординарные профессора Головкинскій и Леонтовичъ изъявили желаніе принять уча-

стіе въ археологическомъ сѣздѣ въ Тифлисѣ. *Опредѣлили*: отложить.

11. а) Представленную деканомъ физико-математическаго факультета вѣдомость за вторую половину января 1881 года о числѣ лекцій, пропущенныхъ и прочитанныхъ сверхъ лекцій, назначенныхъ физико-математическимъ факультетомъ:

Имена, отчества и фамиліи	Число лекцій назначен. фа- культетомъ за вторую по- ловину янва- ря 1881 года	Число лекцій пропущен- ныхъ	Число лекцій прочитан. сверхъ числа назначен- ныхъ факуль- тетомъ	Процентное отноше- ніе числа лекцій прочитанныхъ къ числу лекцій назна- ченныхъ факультетомъ во второй по- ловинѣ января 1881 года.
Н. О. Бернштейнъ .	4	4	—	0,000
А. А. Вериго	14	2	—	0,855
К. Н. Карастелевъ .	12	4	—	0,666
В. Н. Лигинъ	12	2	—	0,833
В. В. Преображенскій	12	2	—	0,833
И. Ф. Синцовъ	8	2	—	0,750
Ө. Н. Шведовъ	8	6	—	0,025
С. П. Ярошенко	12	—	3	1,250

б) такую-же вѣдомость отъ декана юридическаго факультета:

«Въ январѣ 1881 г. гг. преподавателями юридическаго факультета пропущено слѣдующее число лекцій:

	число пропу- щенныхъ лекцій	число положен. лекцій	
М. М. Шпилевскимъ	2	8	} по болѣзни
А. С. Посниковымъ	2	10	
А. М. Богдановскимъ	4	8	

в) вѣдомость о томъ-же, представленную и. д. инспектора студентовъ:

	число положен- ныхъ лекцій	число пропушен- ныхъ лекцій	
гг. Лигинъ	12	2	} по назначенію присяжнымъ засѣ- дателемъ
Вериго	14	2	
Шведовъ	8	6	
Бернштейнъ	4	4	} по болѣзни
Богдановскій	8	4	
Шпилевскій	8	2	
Посниковъ	10	2	
Барастелевъ	12	4	
Преображенскій	12	2	
Синцовъ	8	2	
Пироговъ	4	1	} по незвѣстной причинѣ
		1	
Бондаковъ	8	2	по нахожденію въ от- пуску

Опредѣлили: принять къ свѣденію.

12. Ординарный профессоръ Кочубинскій обратился съ просьбой о разрѣшеніи ему напечатать и получить 100 отдѣльныхъ оттисковъ ст. 12-й протокола засѣданія совѣта 6-го ноября, а ординарный профессоръ Ярошенко о разрѣшеніи членамъ комисіи, представившимъ докладъ о пересмотрѣ правилъ для инспекціи, получить по 100 экзempl. отдѣльныхъ оттисковъ этого доклада. *Опредѣлили:* разрѣшить.

Засѣданіе 5 — 6 марта.

Присутствовали 22 профессора.

Слушали:

2. Происходило избраніе ректора на слѣдующее четырехлѣтіе съ 19-го мая 1881 года.

Первоначально прочтенъ былъ списокъ ординарныхъ профессоровъ, составленный по порядку старшинства въ ординатурѣ; при этомъ единогласно рѣшено не подвергать баллотированію ординарнаго профессора Вальца по болѣзни, а ординарнаго профессора Богишича по долговременному отсутствію. Затѣмъ большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ противъ одного (проф. Шпилевскій) опредѣленъ порядокъ баллотированія, начиная съ младшихъ.

Въ результатѣ баллотировки оказался избраннымъ большинствомъ четырнадцати голосовъ противъ десяти *) ординарный профессоръ Вериго, который тутъ же отказался отъ принятія должности ректора. *Опредѣлили*: на слѣдующій день продолжать засѣданіе и приступить къ вторичной баллотировкѣ ректора.

По возобновленіи засѣданія 6-го марта вновь происходило баллотированіе ординарныхъ профессоровъ для избранія ректора и оказался избраннымъ вторично проф. Вериго большинствомъ двадцати голосовъ противъ четырехъ **) *Опредѣлили*: увѣдомить профессора Вериго и представить, согласно 42 § унив. уст. л. В. п. 1, чрезъ г. попечителя на утвержденіе въ министерство.

3. Произведены были историко-филологическимъ факультетомъ, въ присутствіи совѣта, выборы въ деканы сего факультета на трехлѣтіе съ 6-го апрѣля 1881 г.

Въ результатѣ произведенной баллотировки, по доне-

*) Отсутствовавшій проф. Мечниковъ передалъ свой шаръ проф. Умову, а при баллотировкѣ г. Умова проф. Кондакову.

**) Отсутствовавшіе профессора Леонтовичъ, Вериго и Мечниковъ передали свои шары — первый проф. Кудряцеву, второй проф. Малинину, а при его баллотировкѣ проф. Ярошенко, третій проф. Умову, а при его баллотировкѣ проф. Кондакову.

сенію факультета, оказался избраннымъ большинствомъ 5 голосовъ противъ одного ординарный профессоръ И. Некрасовъ. *Опредѣлили*: на основаніи 42 § унив. уст. л. В. п. 1 представить, чрезъ г. попечителя, г. министру народнаго просвѣщенія объ утвержденіи декана историко-филологическаго факультета ординарнаго профессора Некрасова деканомъ на новое трехлѣтіе съ 6-го апрѣля 1881 года.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

4. Отъ 2-го марта за № 1876 объ утвержденіи экстраординарнаго профессора физики Умова ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ съ 6-го ноября 1880 года. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и въ физико-математическій факультетъ.

5. — № 1877: «совѣтъ одного изъ нашихъ университетовъ, признавъ необходимымъ учредить ученую степень магистра геофизики, съ цѣлію удовлетворить ощущаемой повсемѣстно въ имперіи потребности въ достаточно подготовленныхъ естествоиспытателяхъ, могущихъ самостоятельно составлять коллекціи по всѣмъ царствамъ природы и опредѣлять географическое положеніе изслѣдуемыхъ ими мѣстностей, ходатайствовалъ о внесеніи нижеслѣдующихъ предметовъ въ таблицу испытанія на упомянутую ученую степень:

а) *главныхъ*:

Математической географіи и опредѣленія географическихъ мѣстъ, орографіи и гидрографіи, метеорологіи и земнаго магнетизма и

б) *вспомогательныхъ*:

Минералогіи, ботаники и зоологіи, политической географіи и исторіи географическихъ открытій.

Донося о вышеизложенномъ, начальство учебнаго ок-

руга просить съ своей стороны объ удовлетвореніи таковаго ходатайства совѣта университета. Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе, что вопросъ объ учрежденіи новыхъ ученыхъ степеней представляется общимъ для всѣхъ нашихъ университетовъ, просить меня предложить вышеприведенное ходатайство на обсужденіе совѣта новороссійскаго университета и сообщить Его Высокопревосходительству заключеніе онаго, вмѣстѣ съ моимъ отзывомъ по сему предмету.

Получивъ объ этомъ предложеніе статсъ-секретаря А. А. Сабурова отъ 17 м. февраля за № 2327 и сообщая объ ономъ совѣту новороссійскаго университета, покорнѣйше прошу обсудить означенный выше вопросъ и доставить мнѣ въ непродолжительномъ времени заключеніе совѣта по сему предмету. *Опредѣлили*: передать на заключеніе физико-математическаго факультета.

6—№ 1878 о разрѣшеніи начать годичныя испытанія по всѣмъ предметамъ физико-математическаго факультета съ 20-го апрѣля сего года, по юридическому—въ первыхъ числахъ апрѣля, а по физикѣ и физической географіи 26, 27 и 28 марта. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій и юридическій факультеты.

7. — № 1879 о разрѣшеніи освободить на нынѣшній годъ студентовъ физико-математическаго и юридическаго факультетовъ отъ годичныхъ испытаній по предметамъ, преподаваніе конхъ не окончено. *Опредѣлили*: сообщить немедленно въ подлежащіе факультеты.

8.— № 1880 объ утвержденіи ординарнаго профессора харьковскаго университета Льва Ценковскаго почетнымъ членомъ новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: пре-

проводить почетному члену новороссійскаго университета Л. С. Ценковскому дипломъ на это званіе.

9.—№ 1881 о продленіи срока командировки доцента Перетятковича по 1-е сентября 1881 года. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и въ историко-филологическій факультетъ.

10—№ 1882 о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія не встрѣтилъ-бы препятствій ко внесенію въ проектъ Высочайшаго приказа заграничной командировки лаборанта Меликова съ ученою цѣлію на одинъ годъ, если г. Меликовъ признаетъ возможнымъ отправиться за границу безъ испрашиваемаго ему совѣтомъ университета пособія, которое не можетъ быть выдано за неимѣніемъ на сіе въ министерствѣ источника. *Опредѣлили*: увѣдомить физико-математическій факультетъ.

11. Представленія историко-филологическаго факультета: а) о дозволеніи начать годичные экзамены съ 20-го апрѣля сего года, а также о разрѣшеніи перенести испытанія студентовъ 1-го курса по всѣмъ предметамъ, кагъ неоконченнымъ, кромѣ классическихъ языковъ, на II-й курсъ, и о разрѣшеніи перенести испытанія по классическимъ языкамъ студентовъ III-го курса историческаго и славянскаго отдѣленій на IV-й курсъ. б) о дозволеніи профессору Бондакову, въ случаѣ разрѣшенія его командировки, произвести годичныя испытанія студентовъ съ 17 по 20-е марта. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

12. Представленіе юридическаго факультета: «юридическій факультетъ имѣетъ честь донести совѣту, что въ засѣданіи его 23-го февраля сего 1881 года происходило избраніе магистра государственнаго права Чижова на дол-

жность доцента по кафедрѣ энциклопедіи права и въ результатѣ баллотированія получилось три шара избирательныхъ и три шара неизбирательныхъ. Въ томъ же засѣданіи факультета пробныя лекціи магистра Чицова признаны удовлетворительными большинствомъ трехъ голосовъ съ перевѣсомъ голоса г. предсѣдателя противъ трехъ.

При семь прилагается представленіе профессоровъ Малинина и Леонтовича. *Опредѣлили*: отложить.

Засѣданіе 12-го марта.

Присутствовали 23 профессора.

Слушали:

2. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 12-го марта за № 2121 о разрѣшеніи начать годичныя испытанія по историко-филологическому факультету съ 20-го апрѣля, а по теоріи и исторіи искусствъ съ 17 текущаго марта мѣсяца, а также перенести испытанія студентовъ I-го курса этого факультета по всѣмъ предметамъ, какъ неоконченнымъ, кромѣ классическихъ языковъ, на II-й курсъ, а испытанія по классическимъ языкамъ студентовъ III-го курса историческаго и славянскаго отдѣленій на IV курсъ. *Опредѣлили*: сообщить въ историко-филологическій факультетъ.

3. Представленіе физико-математическаго факультета: «вслѣдствіе прилагаемаго при семь представленія профессоровъ Сабинина, Карастелева, Ярошенко, Преображенскаго и Умова о занятіи вакантной кафедры астрономіи—магистромъ астрономіи А. К. Бононовичемъ, физико-мате-

математическій факультетъ въ засѣданіи своемъ 17-го февраля сего года сдѣлалъ постановленіе о прочтеніи г. Кононовичемъ двухъ пробныхъ лекцій, одной на тему: «объ опредѣленіи долготъ помощью лунныхъ разстояній», по назначенію факультета, и другой на тему: «о движеніи падающихъ звѣздъ», по собственному избранію. По одобреніи этихъ двухъ лекцій, прочитанныхъ 7 и 9-го сего марта, физико-математическій факультетъ въ засѣданіи своемъ 9-го сего марта подвергнулъ г. Кононовича избранію въ доценты по кафедрѣ астрономіи. Въ результатѣ закрытой баллотировки всѣ 11 голосовъ оказались избирательными. На основаніи такого своего рѣшенія физико-математическій факультетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить совѣтъ подвергнуть г. Кононовича баллотированію въ доценты по кафедрѣ астрономіи, и въ случаѣ избранія—ходатайствовать предъ г. попечителемъ объ утвержденіи. При семъ прилагается письмо профессора Бредихина.

Приложенія къ представленію факультета: а) представленіе профессоровъ Сабинина, Барастелева, Ярошенко, Преображенскаго и Умова въ физико-математическій факультетъ: «магистръ астрономіи А. Б. Кононовичъ по его ученымъ трудамъ вполне достоинъ того, чтобы быть представленнымъ доцентомъ по кафедрѣ астрономіи. Въ своей магистерской диссертациі: «способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ» и «вычисленіе орбиты двойной звѣзды γ virginis» г. Кононовичъ обнаружилъ самостоятельность и основательное знаніе предмета диссертациі; въ своемъ сочиненіи: «независимое отъ фотометрическихъ исчисленій Ламберта опредѣленіе albedo бѣлаго картона» Кононовичъ представилъ помощью фактовъ основательное заключеніе о томъ, что законъ лучей свѣта Ламберта неприменимъ къ

картону и опредѣлили $albedo$ картона независимо отъ закона Ламберта; въ дополненіе къ этому сочиненію, въ статьѣ: «законъ отраженія свѣта различной длины волны отъ поверхности гипса» Кононовичъ подтвердилъ справедливость прежняго вывода наблюденіями надъ отраженіемъ разноцвѣтныхъ лучей отъ поверхности гипса. Будучи еще студентомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ревностью и своей способностью къ занятіямъ по астрономіи, на основаніи чего въ 1870 году былъ оставленъ стипендіатомъ при университетѣ на 2 года для приготовленія къ профессорскому званію, а затѣмъ, по выдержаніи съ полнымъ успѣхомъ экзамена на степень магистра астрономіи, былъ отправленъ на 2 года за границу. Въ бытность свою за границей, Кононовичъ, занимаясь подъ руководствомъ профессора Цельнера астрофотометрическими наблюденіями, при помощи астрофотометра Цельнера, нашелъ для Марса яркость, подобную яркости, найденной Зейдеромъ, и сильно отличающуюся отъ яркости, наблюденной въ 1864 г. Цельнеромъ. Это обстоятельство заставило Цельнера предположить, что отражательная способность Марса мѣняется со временемъ; рефератъ объ этой работѣ Кононовича былъ сообщенъ профессоромъ Цельнеромъ на сѣздѣ астрономовъ въ г. Лейденѣ. Такимъ образомъ въ лицѣ Кононовича факультетъ пріобрѣтаетъ какъ вообще основательнаго ученаго и хорошаго преподавателя астрономіи, такъ и въ частности специалиста по астрофизикѣ, предмету новому и признаваемому въ настоящее время весьма важнымъ; на основаніи чего мы имѣемъ честь войти въ факультетъ съ представленіемъ Кононовича въ доценты астрономіи, почти тельнѣйше прося факультетъ дать ходъ нашему представ-

ленію на основаніи 70 § устава, такъ какъ кафедра астрономіи въ настоящее время вакантная.

б) Письмо проф. Бредихина на имя проф. Барастелева: «изъ письма Вашего, полученнаго вчера, видно, что въ средѣ вашего факультета возникаетъ предположеніе о порученіи доцентуры по астрономіи г. Кононовичу.

Съ своей стороны я могу только сочувствовать промоціи этого молодаго человѣка, не имѣя удовольствія знать его лично. Магистерская диссертация его съ успѣхомъ защищена уже въ факультетѣ, а потому мнѣ нечего и говорить объ ней. Но въ пользу г. Кононовича меня болѣе еще располагають его работы по фотометріи. Изъ нихъ видно, что онъ, пользуясь ужъ подлинно грошевыми средствами, умѣлъ хорошо поставить вопросъ, надлежащимъ образомъ комбинировать наблюденія и вывести изъ нихъ результаты осторожно и правильно. Среди различныхъ диссертаций, теоретическая подкладка которыхъ заключается въ любомъ учебникѣ астрономіи, изслѣдованія г. Кононовича составляютъ очень пріятное явленіе. Если въ немъ имѣется, что вамъ лучше знать, извѣстная доля настойчивости, то онъ можетъ начать въ Одессѣ и съ успѣхомъ продолжать очень важное дѣло,—именно работы по астрофизикѣ. Только на югѣ дѣло это можетъ быть прочно поставлено; въ Вильно оно едва тащилось и прогорѣло; подъ сѣвернымъ небомъ Пулкова до сихъ поръ и не выгорало; въ другихъ мѣстахъ объ немъ и не думаютъ. Измѣрительная астрономія на вашей маленькой обсерваторіи можетъ служить только для отвода глазъ и приведетъ къ копѣчнымъ результатамъ. Между тѣмъ съ меньшими сравнительно и мало по малу развивающимися средствами—астрофизическія наблюденія могутъ составить цѣнный для науки

матеріаль. Вотъ почему можно порадоваться, что у васъ есть лицо, расположенное къ названной отрасли астрономіи и заявившее свое умѣнье работать въ ней, и я отъ души, — для пользы дѣла, — желаю ему вмѣстѣ съ доцентурой получить возможность спокойно и самостоятельно посвятить себя научнымъ трудамъ.

Въ результатѣ произведеннаго затѣмъ баллотированія г. Кононовичъ оказался избраннымъ единогласно. *Опредѣлили*: по надлежащемъ сношеніи съ начальствомъ рижельской гимназіи, представить г. попечителю о перемѣщеніи магистра Кононовича на должность доцента по кафедрѣ астрономіи со дня избранія его совѣтомъ на эту должность, т. е. съ 12-го марта 1881 года.

4. Заявленіе ординарнаго профессора Вериго на имя ректора слѣдующаго содержанія: «въ засѣданіи совѣта 6 марта совѣтъ университета вторично избралъ меня на должность ректора. Принося мою глубочайшую благодарность за оказанную мнѣ честь избранія, честь имѣю заявить Вашему Превосходительству, что я не могу принять на себя этой должности. *Опредѣлили*: назначить новые выборы въ понедѣльникъ, 16 марта.

5. Внесенное ректоромъ прошеніе студента I-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Наумова о дозволеніи держать экзамены на II курсъ вмѣстѣ съ студентами I к. юридическаго факультета, на который онъ желаетъ перейти. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

6. Представленіе проф. богословія священника Кудрявцева о назначеніи для лекцій по православному богословію тѣхъ самыхъ часовъ, какіе назначены для нихъ

уже нѣсколько лѣтъ, а именно отъ 10 до 11 по понедѣльникамъ и вторникамъ. *Опредѣлили*: сообщить въ факультеты.

7. Отложенное разсмотрѣніемъ, по 12 ст. протокола засѣданія совѣта 6-го марта, представленіе юридическаго факультета объ избраніи магистра Чижова въ доценты по кафедрѣ энциклопедіи права.

Должено было приложенное къ представленію факультета предложеніе ординарныхъ профессоровъ Леонтовича и Малинина, слѣдующаго содержанія: «въ виду того, что кафедра энциклопедіи права на нашемъ факультетѣ съ 1872 года остается вакантною, что возможно скорое замѣщеніе ея весьма важно для факультетскаго образованія, мы имѣемъ честь предложить факультету избрать на должность штатнаго доцента по означенной кафедрѣ магистра государственнаго права Н. Е. Чижова. О кандидатурѣ г. Чижова давно уже было сдѣлано заявленіе факультету профессоромъ Дювернуа и тогда-же были доставлены гг. членамъ факультета его печатныя работы, такъ что намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изложеніе научныхъ достоинствъ трудовъ г. Чижова. Позволяемъ себѣ думать, что и прочіе члены факультета составили также благопріятное мнѣніе объ этихъ трудахъ и научной подготовкѣ автора. Но мы считаемъ нужнымъ, хотя въ общихъ чертахъ, остановиться на трудахъ г. Чижова, въ виду того, что предлагаемъ избрать его, магистра государственнаго права, именно на кафедру энциклопедіи права. Вопросы, изслѣдованіемъ которыхъ занимается г. Чижовъ какъ общіе основныя вопросы права, входятъ въ область энциклопедіи права. Такъ первая его работа носитъ заглавіе: «источники и формы права» 1878 года, 255 стр., вторая «эле-

менты понятія права» 1880 г. въ 2-хъ выпускахъ, 183 стр. И въ томъ и другомъ сочиненіи авторъ стоитъ на уровнѣ современной постановки этихъ вопросовъ и разработки ихъ въ наукѣ. Что касается научной постановки вопросовъ, то, останавливаясь на второмъ трудѣ автора, какъ новѣйшемъ («элементы понятія права»), мы не можемъ не отмѣтить, что сдѣланная авторомъ постановка охватываетъ въ полнотѣ такой сложный предметъ, какъ элементы понятія права, вводитъ автора въ глубь философскаго изслѣдованія человѣческой природы вообще и въ частности этического начала въ ней, что, однако, не повлекло за собою односторонности во взглядахъ и изслѣдованіяхъ автора. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ не оставляетъ безъ вниманія и тѣхъ реальныхъ факторовъ, при которыхъ возникаетъ и развивается право.

Что касается знакомства автора съ научной разработкой вопроса въ литературѣ, то оба сочиненія его несомнѣнно доказываютъ добросовѣстное изученіе не только трудовъ по вопросамъ его сочиненій, но и всей выдающейся литературы по энциклопедіи права, при чемъ пользованіе литературой обнаруживаетъ въ авторѣ самостоятельное и строго-критическое отношеніе автора къ мнѣніямъ и выводамъ другихъ.

Будучи убѣждены на основаніи упомянутыхъ трудовъ г. Чижова, что онъ удовлетворяетъ требованіямъ, какія мы въ правѣ предъявлять къ преподавателю энциклопедіи права, мы предлагаемъ его факультету, въ увѣренности, что факультетъ раздѣляетъ наше мнѣніе о г. Чижовѣ.

По заслушаніи настоящаго доклада, высказали свои мнѣнія о научныхъ достоинствахъ предложеннаго кандидата ординарные профессора: Дювернуа и Посниковъ.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе дѣла, большинствомъ 14 голосовъ противъ 7 (гг. Умовъ, Лигинъ, Посниковъ, Бондаковъ, Дювернуа, Шведовъ, Некрасовъ), рѣшено отложить до слѣдующаго засѣданія въ четвергъ, 19-го марта.

Чрезвычайное собраніе 14-го марта.

Присутствовали 21 профессоръ.

Члены совѣта Императорскаго новороссійскаго университета, послѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія о восшествіи на престолъ Государя Императора Александра Александровича, собравшись въ актовомъ залѣ, подъ предсѣдательствомъ ректора, съ участіемъ и другихъ преподавателей, единогласно постановили: повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженіе вѣрноподданныхъ чувствъ.

Экстраординарное засѣданіе 16-го марта.

Присутствовали 17 профессоровъ.

Члены совѣта Императорскаго новороссійскаго университета: И. С. Некрасовъ, Ф. И. Леонтовичъ, Е. Ф. Сабининъ, К. И. Карастелевъ, Ф. Н. Шведовъ, А. О. Бовалевскій, И. І. Патлаевскій, С. П. Ярошенко, И. Ф. Синцовъ, Н. Л. Дювернуа, М. М. Шпилевскій, М. И. Малининъ, Н. П. Бондаковъ, А. А. Кочубинскій, А. С. Посниковъ, В. Н. Лигинъ, Ф. И. Успенскій, А. Н. Бударцевъ, Н. А. Умовъ,

В. В. Преображенскій, собравшись въ экстраординарномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ ректора Н. А. Головинскаго, согласно рѣшенію совѣта, принятому въ засѣданіи 12-го марта (ст. 4), производили новые выборы ректора на слѣдующее четырехлѣтіе съ 19-го мая 1881 года. Въ результатѣ баллотировки оказался избраннымъ большинствомъ тринадцати голосовъ противъ одиннадцати*) ординарный профессоръ Ярошенко. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію и на основаніи 42 § унив. уст. л. В. п. 1 просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи ординарнаго профессора по кафедрѣ чистой математики статскаго совѣтника Ярошенко ректоромъ Императорскаго новороссійскаго университета на 4-хъ лѣтіе съ 19-го мая 1881 года.

Засѣданіе 19-го марта.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали:

Доложены были два проекта всеподданѣйшихъ адресовъ: одинъ, составленный по порученію преподавателей, комиссіей изъ гг. профессоровъ Бударянцева, Дювернуа, Кочубинскаго и Некрасова, другой проф. Бударянцевымъ. Принять большинствомъ 18 голосовъ противъ 1 (о. Бударя-

*) Отсутствовавшіе профессора: Мечниковъ, Вериго, Войтковскій, Клименко передали свои шары—первый проф. Умову, а при баллотированіи его—проф. Коняшову, второй профессору Ярошенко, а при баллотированіи его проф. Малинину, третій проф. Кудрявцеву, послѣдній проф. Кочубинскому, а при баллотированіи его профессору Сабанину.

цева) проесть, составленный проф. Бударяцевымъ. *Опредѣлили*: представить всеподданѣйшій адресъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать о дозволеніи сдѣлать надпись къ портрету покойнаго Государя «Александръ II-й — основатель новороссійскаго университета» и сохранить этотъ портретъ на вѣчныя времена въ актовомъ залѣ университета.

3. При возобновившемся разсмотрѣніи дѣла (ст. 7 прот. засѣданія совѣта 12-го марта) объ избраніи магистра Чижова въ доценты, проф. Патлаевскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «Я уполномоченъ г. Чижовымъ заявить совѣту, что въ настоящее время онъ не можетъ баллотироваться на должность штатнаго доцента, а предпочитаетъ быть приватъ-доцентомъ съ обязательными лекціями, если совѣту угодно будетъ назначить ему вознагражденіе въ размѣрѣ доцентскаго оклада».

При обсужденіи вопроса объ отнесеніи вознагражденія г. Чижову на общіе остатки отъ содержанія личнаго состава преподавателей секретарь совѣта доложилъ, что по смѣтнымъ правиламъ (ст. 33 п. б) возбраняется производить изъ остатковъ отъ некомплекта преподавателей кабія-бы то ни было выдачи, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 84 § унив. устава, какъ неоднократно уже министерство указывало, напр. въ предложеніяхъ г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 2-го сентября 1877 г. за № 9640, отъ 7-го октября 1878 г. за № 10606.

Въ результатѣ баллотированія закрытыми голосами о назначеніи г. Чижову вознагражденія въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ изъ общихъ остатковъ получилось двадцать голосовъ утвердительныхъ и 1 отрицательный. *Опредѣлили*: допустить магистра Чижова къ чтенію въ университетѣ

лекцій по енциклопедіи права въ качествѣ приватъ-доцента, о чемъ, на основаніи 73 § унив. устава, и представитъ на утвержденіе г. попечителя. При этомъ ходатайствовать о разрѣшеніи производить г. Чижову вознагражденіе въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ изъ общихъ остатковъ отъ суммы, на содержаніе личнаго состава въ 1881 г. назначенной, со дня избранія магистра Чижова въ званіе приватъ-доцента, т. е. съ 19-го марта 1881 года.

4. Представленіе физико-математическаго факультета о назначеніи лаборанту Меликову на время его заграничной командировки, въ дополненіе къ получаемому имъ содержанію, еще 800 р. изъ остатковъ отъ личнаго состава.

Секретарь совѣта снова доложилъ справку, приведенную въ предшествующей статьѣ. *Опредѣлили*: ходатайствовать о назначеніи 800 руб., какъ на командировку съ ученою цѣлью, изъ остатковъ отъ личнаго состава, а въ случаѣ отказа назначить изъ специальныхъ средствъ.

5. Представленіе правленія о назначеніи вдовѣ умершаго швейцара Мартына Яковлева единовременнаго пособия въ размѣрѣ 150 р. изъ специальныхъ средствъ. *Опредѣлили*: отложить.

6. Представленіе историко-филологическаго факультета о командированіи профессора Кондакова въ качествѣ депутата на 5-й археологическій съѣздъ въ Тифлисъ, въ сентябрѣ сего года, а также и о разрѣшеніи командировки на тотъ же съѣздъ проф. Некрасову и Кочубинскому и доценту Пирогову. При этомъ факультетъ проситъ исходатайствовать для означенныхъ лицъ отъ общества русскаго пароходства и торговли даровые билеты для проѣзда въ Поті и обратно. Сверхъ того факультетъ покорнѣйше проситъ совѣтъ назначить профессору Кочубинскому посо-

біе въ сто рублей на покрытіе расходовъ предполагаемой командировки.

При этомъ были доложены донесенія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ, отложенныя разсмотрѣніемъ въ засѣданіи 25-го февраля (ст. 10), о томъ, что ординарные профессора Головкинскій и Леонтовичъ изъявили желаніе принять участіе въ археологическомъ създѣ *Опредѣлили*: отложивъ вопросъ о пособіи, ходатайствовать о командировкахъ лицъ, представленныхъ факультетами, и ходатайствовать о билетахъ для проѣзда на пароходахъ русскаго общества, кромѣ означенныхъ въ представленіяхъ лицъ, для всѣхъ, кто изъ членовъ университета пожелаетъ ѣхать на създѣ.

7. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 17-го марта за № 2201 о томъ, что управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія не признаетъ возможнымъ согласиться на продленіе профессорскому стипендіату Бучинскому времени оставленія при университетѣ съ сохраненіемъ назначенной стипендіи, такъ какъ сумма, ассигнованная по финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1881 года на приготовленіе профессоровъ и учителей, въ настоящее время уже распредѣлена сполна между стипендіатами министерства, а за симъ никакихъ другихъ источниковъ на покрытіе сего расхода въ распоряженіи министерства не имѣется. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій факультетъ.

8. Предложеніе ректора слѣдующаго содержанія: на основаніи даннаго мнѣ г. попечителемъ одесскаго учебнаго округа предложенія, имѣю честь представить на обсужденіе совѣта вопросы: 1) желаетъ ли совѣтъ имѣть во главѣ инспекціи за студентами проректора, или инспектора; 2) ко-

гда именно было бы, по мнѣнію совѣта, удобяѣ замѣнить нынѣ дѣйствующую инструкцію по инспекціи другою, копія которой при семъ прилагается.

Божія инструкціи для инспекціи за студентами Императорскаго новороссійскаго университета.

§ 1. Надзоръ за студентами и посторонними слушателями въ университетѣ ввѣряется инспектору студентовъ (проректору) подъ непосредственнымъ вѣденіемъ ректора.

§ 2. Инспекторъ (проректоръ), состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ ректора, обязанъ немедленно приводить въ исполненіе всѣ его приказанія и предписанія, дѣйствуя на основаніи настоящей инструкціи и сообразно съ правилами, установленными для студентовъ. Инспекторъ (проректоръ) участвуетъ въ засѣданіяхъ правленія съ правомъ голоса по студенческимъ дѣламъ.

§ 3. Наблюденію университетской инспекціи подлежатъ поведеніе студентовъ не только во всѣхъ помѣщеніяхъ университета, но и внѣ онаго. Въ видахъ этого городская полиція немедленно и непосредственно увѣдомляетъ инспектора (проректора) о всякомъ предосудительномъ поступкѣ студента, дошедшемъ до ея свѣденія. Такого же рода отношенія должны быть, по возможности, установлены между мировыми судьями и университетскою инспекціею.

§ 4. Для успѣшнаго наблюденія за студентами, необходимо, чтобы чины инспекціи, по возможности, близко ихъ знали. Во всякомъ случаѣ инспекціи ввѣняется въ обязанность знаніе студентовъ по фамиліямъ.

§ 5. Особенному вниманію инспектора (проректора) и его помощниковъ поручаются студенты, пользующіеся стипендіями казенными и благотворительными, пособіями и какими либо льготами относительно платы за слушаніе

лекцій. Мнѣніе инспектора (проректора) о поведеніи студентовъ принимается факультетами во вниманіе при назначеніи какихъ либо льготъ.

§ 6. Въ видахъ успѣшнаго наблюденія за студентами университетская инспекція ведетъ справочную книгу по формѣ и въ томъ порядкѣ, которые будутъ установлены инспекторомъ (проректоромъ) и утверждены ректоромъ.

§ 7. Университетская инспекція наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ всѣми учащимися установленныхъ для нихъ правилъ и соблюденіемъ благоприличія и порядка.

§ 8. Въ часы, назначенные для чтенія лекцій въ различныхъ зданіяхъ университета и вообще въ дни и часы сбора студентовъ въ университетѣ, инспекторъ (проректоръ) и его помощники должны находиться безотлучно въ университетѣ.

§ 9. Инспекторъ (проректоръ) и его помощники назначаютъ опредѣленные часы и дни для приѣма студентовъ различныхъ курсовъ. Кромѣ того инспектору (проректору) предоставляется, съ согласія ректора, назначить студентамъ дни и часы ежемѣсячной явки для визированія выданныхъ имъ билетовъ.

Послѣ обмѣна мнѣній, единогласно рѣшено: 1) избрать проректора, при чемъ нѣкоторые члены заявили, что понимаютъ права и обязанности проректора въ смыслѣ устава 1863 года. 2) замѣнить нынѣ дѣйствующую инструкцію по инспекціи вновь утвержденною 18-го февраля 1881 г. по возможности немедленно.

9. Въ виду предвидящагося сбереженія остатковъ отъ суммы, на содержаніе личного состава назначенной, при предстоящемъ прекращеніи усиленнаго содержанія инспектора, *Опредѣлили*: ходатайствовать о перечисленіи изъ

ст. 1 въ 2 ст. § 5 смѣты 1500 р. на приобрѣтеніе книгъ (по 500 руб. на факультетъ).

Представленіи историко-филологическаго факультета :

10. — О приглашеніи заслуженнаго профессора Юргевича и кандидата Сперанскаго къ преподаванію въ университетѣ лекцій латинскаго языка и словесности, по найму, и на слѣдующій академическій годъ, съ вознагражденіемъ перваго въ 2400 руб., втораго въ 1200 руб. въ годъ.

По произведенной баллотировкѣ у профессора Юргевича оказались всѣ поданные голоса утвердительными, а у г. Сперанскаго 15 голосовъ утвердительныхъ и 6 отрицательныхъ. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи производить гг. Юргевичу и Сперанскому вознагражденія изъ общихъ остатковъ отъ суммы, на содержаніе личнаго состава назначенной.

11. — Объ исходатайствованіи для профессора Успенскаго заграничной командировки съ ученою цѣлію на лѣтнее вакаціонное время и 15 дней, т. е. съ 1-го іюня по 1-е сентября сего года. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

12. — Считаая существенно нужнымъ усилить изученіе иностранныхъ языковъ на общихъ курсахъ историко-филологическаго факультета такъ, чтобы студенты, поступающіе на спеціальныя отдѣленія III-го и IV-го курса, знали основательно одинъ изъ иностранныхъ языковъ, нѣмецкій или французскій, историко-филологическій факультетъ, согласно своему постановленію, состоявшемуся въ засѣданіи 13-го марта сего года, ходатайствуетъ предъ совѣтомъ о назначеніи испытаній по предмету иностранныхъ языковъ при переходѣ съ II-го на III-й курсъ, съ тѣмъ чтобы эти

испытанія производились въ присутствіи факультета. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

13. — Вслѣдствіе отношенія совѣта отъ 9-го марта о томъ, что физико-математическій факультетъ вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ о предоставленіи факультету права освобождать студентовъ отъ годовыхъ испытаній по предметамъ, преподаваніе которыхъ незакончено, историко-филологическій факультетъ, въ своемъ засѣданіи 13-го марта сего года, постановилъ присоединиться къ ходатайству физико-математическаго факультета, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы перенесеніе испытаній происходило лишь съ I-го курса на II-й и съ III-го на IV-й. *Опредѣлили*: отложить до полученія отзыва юридическаго факультета.

14. Представленіе правленія со смѣтами доходовъ и расходовъ штатныхъ суммъ и спеціальныхъ средствъ на 1882 годъ.

Для предварительнаго разсмотрѣнія смѣтъ избрана была коммисія изъ гг. профессоровъ: Патлаевскаго, Преображенскаго и Сабинина, которые тутъ же отказались. *Опредѣлили*: отложить.

15. Представленные деканомъ физико-математическаго факультета и и. д. инспектора студентовъ вѣдомости о пропущенныхъ преподавателями, въ теченіе февраля, лекціяхъ:

Въ первой вѣдомости значится:

Имена, отчества и фамилиі	Число лекцій, назначенныхъ физико-математическимъ факультетомъ въ севрала мѣсяца	Число лекцій, пропущенныхъ въ севрала мѣсяца	Число лекцій, прочитан. сверхъ лекцій, назначен. физико-математическимъ факультетомъ	Процентное отношеніе числа лекцій прочитаныхъ въ севрала мѣсяца къ числу лекцій, назначенныхъ физико-математическому факультету въ севрала мѣсяца	ГОДЪ
Н. О. Бернштейнъ . . .	8	6	—	0,000	
Л. О. Беркевичъ . . .	20	5	—	0,750	
А. О. Ковалевскій . . .	16	3	—	0,813	
К. И. Карастелевъ . . .	24	6	—	0,750	
В. Н. Лигинъ	24	3	2	0,960	
Е. О. Сабининъ	24	4	—	0,830	
Н. А. Умовъ	24	2	—	0,920	
С. П. Ярошенко	24	6	2	0,833	
П. А. Спиро	12	5	—	0,583	
В. К. Хонякевичъ . . .	12	—	2	1,166	

Во второй вѣдомости:

ПРЕПОДАВАТЕЛИ	Число положенныхъ лекцій	Число пропущенныхъ лекцій	Причина пропуска
гг. Малининъ	32	4	по болѣзни
Лигинъ	24	3	
Воеводскій	24	2	
Собининъ	24	4	
Карастелевъ	24	6	
Бернштейнъ	8	6	
Ковалевскій	24	3	
Пироговъ	8	3	
Посниковъ	24	1	
Беркевичъ	20	8	
Некрасовъ	16	3	по болѣзни
Умовъ	24	2	по домашнимъ обстоятельствамъ
Палаузовъ	8	2	по болѣзни
Войтковскій	12	1	
Леонтовичъ	32	2	по причинѣ закатіи дѣланіи службы
Ярошенко	24	3	
		4	по болѣзни
		6	по болѣзни

16. Препровожденное при отношеніи директора департамента народного просвѣщенія отъ 1-го марта за № 2949 письмо ташкентскаго генераль-губернатора на имя бывшаго министра народного просвѣщенія графа Толстаго съ просьбою о высылкѣ въ ташкентскую публичную бібліотеку по одному экземпляру извѣстій, издаваемыхъ при университетахъ и записокъ разныхъ ученыхъ обществъ, а также выходящихъ въ свѣтъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций *Опредѣлили*: высылать издаваемыя новороссійскимъ университетомъ записки.

17. Отношеніе одесскаго славянскаго благотворительнаго общества: «получивъ Высочайшее разрѣшеніе на сборъ пожертвованій и устройство пушкинскаго фонтана, правленіе постановило учредить для осуществленія этого дѣла комисію изъ представителей университета, города, общества изящныхъ искусствъ и славянскаго общества. Вслѣдствіе этого правленіе постановило просить Ваше Превосходительство принять зависящія мѣры, дабы университетъ, принявъ участіе въ организуемой комисіи, назначилъ въ нее своихъ представителей. Опредѣленіе числа послѣднихъ предоставляется усмотрѣнію университета. *Опредѣлили*: просить профессоровъ Кондакова и Кочубинскаго принять участіе въ этой комисіи и извѣстить о назначеніи ихъ славянское общество.

18. Прошеніе экстраординарнаго профессора Преображенскаго о выдачѣ ему первыхъ томовъ университетскихъ записокъ, вышедшихъ до его вступленія въ новороссійскій университетъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

Засѣданіе 2-го апрѣля.

Присутствовали 15 профессоровъ.

СЛУШАЛИ:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 23-го марта за № 2352 о разрѣшеніи студенту 1-го курса физико-математическаго факультета Наумову держать экзаменъ на 2-й курсъ вмѣстѣ съ студентами І в. юридическаго факультета, на который онъ желаетъ перейти.

При этомъ доложено, что о разрѣшеніи г. попечителя сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: принять въ свѣденію.

3. Отъ 24-го марта за № 2379 объ утвержденіи, съ Высочайшаго соизволенія, кандидата Блоссовскаго, выдержавшаго экзаменъ на степень магистра, исправляющаго должность доцента по кафедрѣ физической географіи. *Опредѣлили*: копию настоящаго предложенія передать въ правленіе университета и увѣдомить г. Блоссовскаго.

4. Отъ 27-го марта за № 2446 о скорѣйшемъ, по возможности, выборѣ проректора университета. *Опредѣлили*: для выбора проректора назначить засѣданіе въ субботу 4-го апрѣля, въ 1 часъ пополудни:

Представленія юридическаго факультета:

5. Юридическій факультетъ въ засѣданіи 28-го марта, рассмотрѣвъ прилагаемое при семъ предложеніе профессора Малинина о командированіи доцента Палаузова за границу съ 1-го іюня 1881 года на 2 года съ дополнительнымъ по-

собиемъ изъ суммъ министерства, въ размѣрѣ 800 руб. въ годъ, опредѣлили, посредствомъ закрытой баллотировки, большинствомъ четырехъ шаровъ противъ одного, — ходатайствовать предъ совѣтомъ о разрѣшеніи г. Палаузову означенной командировки, присовокупляя при этомъ, что чтеніе лекцій по уголовному судоустройству и судопроизводству принялъ на себя профессоръ Богдановскій, читающій уголовное право.

Въ приложенномъ къ представленію факультета предложеніи проф. Малинина значится: «доцентъ нашего университета В. Н. Палаузовъ еще ни разу не былъ въ заграничной командировкѣ съ научною цѣлю. Факультету извѣстна важность такой командировки вообще для всякаго молодого ученаго и преподавателя, какая бы наука ни была его спеціальностью. Но предметъ, который преподается г. Палаузовымъ — уголовное судопроизводство — представляетъ нѣкоторыя особенности, указывающія на особенную важность командировки молодого преподавателя. Теорія уголовного процесса служитъ ближайшимъ непосредственнымъ руководствомъ для студента, по окончаніи курса вступающаго на судебное проприще. Потому въ преподаваніи науки процесса практическія занятія со студентами имѣютъ большую важность, и для молодого процессуалиста особенно интересно непосредственное ознакомленіе съ приемами, какіе выработаны и прилагаются въ занятіяхъ со студентами въ заграничныхъ университетахъ такими опытными профессорами процессуалистами, какъ напр. Планкъ и др. Бромъ того извѣстно, что въ Германіи и Австріи изданы новые уставы уголовного судопроизводства, во Франціи въ 1879 г. также началось движеніе въ смыслѣ реформъ уголовного законодательства. Новые уставы, особенно австрій-

скій, съ строгою послѣдовательностью проводить тѣ начала, которыя были выработаны въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ процессуалистовъ. Потому представляетъ особенный интересъ непосредственное наблюденіе за тѣмъ, какъ отражается на практикѣ новое законодательство, проведенное съ полною послѣдовательностью теоретическія начала. Далѣе, съ появленіемъ новыхъ законовъ уголовнаго судопроизводства, въ печати преобладаютъ работы съ характеромъ комментариевъ; систематическихъ изслѣдованій еще мало успѣло появиться. Но нѣтъ сомнѣнія, что преподаватели науки процесса на лекціяхъ подвергаютъ научному изслѣдованію новый матеріалъ—уставы. Потому слушаніе лекцій у такихъ авторитетовъ, какъ Планкъ, Гольцендорфъ, Зейфертъ и др., представляетъ немаловажный научный интересъ.

Въ виду вышесказаннаго, я имѣю честь предложить факультету командировать доцента Палаузова за границу съ научною цѣлью на два года съ 15-го мая 1881 года и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать предъ министерствомъ о пособіи ему въ размѣрѣ 800 руб. на каждый годъ командировки изъ суммъ министерства».

При баллотированіи вопроса о командированіи доцента Палаузова на 2 года за границу, съ дополнительнымъ содержаніемъ по 800 руб. въ годъ изъ суммы министерства, получилось четырнадцать голосовъ утвердительныхъ и одинъ отрицательный. *Опредѣлили*: согласно представленію факультета ходатайствовать о командированіи съ 15-го августа сего года, въ виду заявленія гг. Патлаевскаго и Малинина о желаніи доцента Палаузова, отнести срокъ командировки къ указанному времени.

6. О разрѣшеніи заслуженному профессору Богдановскому чтенія лекцій по уголовному праву и по уголовному

судопроизводству въ будущемъ 1881—82 учебномъ году съ назначеніемъ ему вознагражденія въ размѣрѣ 2400 р. въ годъ.

При баллотированіи вопроса о приглашеніи проф. Богдановскаго стороннимъ преподавателемъ и на слѣдующій академическій годъ получилось четырнадцать голосовъ утвердительныхъ и одинъ отрицательный. *Опредѣлили*: согласно представленію факультета ходатайствовать о порученіи профессору Богдановскому преподаванія уголовного права и судопроизводства на слѣдующій учебный годъ.

7. О порученіи преподаванія, въ будущемъ учебномъ году по вакантнымъ кафедрѣмъ международнаго права профессору Шпилевскому, каноническаго права профессору Кудрявцеву, по двѣ лекціи въ недѣлю, съ установленнымъ вознагражденіемъ. *Опредѣлили*: утвердивъ распоряженіе факультета о порученіи чтеній по вакантнымъ кафедрѣмъ, просить разрѣшенія г. попечителя производить профессора Шпилевскому и Кудрявцеву установленное вознагражденіе, въ размѣрѣ 225 руб. за годовую лекцію.

8. Представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ съ распредѣленіемъ лекцій на будущій академическій годъ. *Опредѣлили*: утвердить.

9. Представленіе правленія съ докладомъ по дѣлу о столкновеніи между студентами. *Опредѣлили*: передать въ правленіе для постановленія приговора.

10. Проектъ отчета о состояніи и дѣятельности университета за 1880 гражданскій годъ. *Опредѣлили*: поручить комисіи изъ гг. Бочубинскаго, Малипина и Ярошенко разсмотрѣть и редактировать отчетъ.

11. Донесеніе правленія университета слѣдующаго содержанія: «господинъ попечитель одесскаго учебнаго ок-

руга, предложеніемъ отъ 23-го марта за № 2328 сообщилъ, что казначей университета коллежскій ассесоръ Василій Николаевичъ Селивановъ, согласно его просьбѣ, перемѣщенъ на должность правителя канцеляріи его превосходительства.

Поручивъ временно исправленіе должности казначея секретарю правленія Бѣляеву, правленіе университета имѣеть честь донести объ этомъ совѣту».

При обсужденіи вопроса о замѣщеніи въ университетѣ вакантной должности казначея профессоръ Кочубинскій высказалъ: «изъ сообщенія правленія о выходѣ изъ службы по университету г. казначея Селиванова я вывожу:

1) Необходимость немедленнаго оповѣщенія въ газетахъ о ваканціи университетскаго казначея, съ обозначеніемъ срока, до котораго могутъ быть подаваемы прошенія ;

2) а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость теперь же условиться на счетъ тѣхъ гарантій, которыя обязаны предложить намъ тѣ лица, которыя желали бы получить мѣсто университетскаго казначея. Примѣръ варшавскаго университета и недавній — должны служить для насъ поученіемъ относительно того, что никакая личная рекомендація не дѣйствительна. Какъ, повидимому, ни малъ нашъ капиталъ, который находится въ распоряженіи университета, но тѣмъ не менѣе регулярная получка ежемѣсячнаго содержанія на весь университетъ бываетъ не менѣе 10 тысячъ рублей. Я не принимаю въ расчетъ особыхъ получекъ, напримѣръ при какомъ нибудь ремонтѣ, когда цифра получаемой суммы можетъ возрасти и болѣе. Но *какова* должна быть матеріальная гарантія и *какъ велика* ?

Для меня одинъ денежный знакъ — единственная гарантія, но отнюдь не недвижимая собственность, такъ какъ послѣдняя, какъ показываютъ процессы херсонскаго зем-

скаго банка, при отсутствіи у насъ въ Россіи — гипотечныхъ книгъ (старыхъ славянскихъ «земскихъ досокъ», напр. теперь у чеховъ), и будучи заложена и перезаложена, можетъ быть безъ всякой помѣхи продана, очутиться въ другихъ рукахъ, и университетъ останется съ пустыми рубами.

Что касается величины денежной гарантіи, то, принимая во вниманіе размѣръ ежемѣсячной получки казначеи содержанія на университетъ и размѣръ содержанія казначеи, полагалъ бы опредѣлить ее суммой до *пяти* тысячъ рублей. Сумма эта могла бы быть уменьшена до *трехъ* тысячъ для того лица, которое безукоризненностью своего характера извѣстно хорошо членамъ совѣта. Этимъ не загоразживается доступъ къ соисканію мѣста и лицамъ менѣе состоятельнымъ». *Опредѣлили*: публиковать о приѣмѣ прошеній по 1-е мая съ представленіемъ обезпеченія въ недвижимомъ имуществѣ, процентныхъ бумагахъ, или поручительствѣ, въ количествѣ 3000 рублей.

12. Отложенное разсмотрѣніемъ въ предшествовавшемъ засѣданіи (ст. 14) представленіе со смѣтами доходовъ и расходовъ по университету на 1882 годъ. *Опредѣлили*: поручить разсмотрѣніе отчетной комисіи.

13. Представленіе историко-филологическаго факультета о назначеніи четырехъ сотъ руб. изъ остатковъ отъ суммъ личнаго состава для приобрѣтенія книгъ изъ бібліотеки профессора Яковлева для бібліотеки университета. *Опредѣлили*: отложить до лучшаго состоянія суммъ.

14. Внесенное ректоромъ прошеніе студента I курса юридическаго факультета Вискупскаго о допущеніи его къ годичнымъ испытаніямъ по предметамъ I и II курсовъ физико-математическаго факультета, на который онъ желаетъ перейти.

Справка: изъ отношенія ректора университета св. Владимира отъ 10-го октября 1880 г. за № 3600 видно, что Бискупскій слушалъ лекціи I к. разряда математическихъ наукъ въ теченіе 1878—79 и 1879—80 учебныхъ годовъ, испытанію для перехода въ III-й курсъ не подвергался. *Опредѣлили*: ходатайствовать передъ г. попечителемъ.

15. Отношеніе общества русскихъ врачей въ С.-петербургѣ отъ 19-го марта за № 35 съ просьбою объ объѣмѣ ученыхъ изданіями. *Опредѣлили*: разрѣшить.

Экстраординарное засѣданіе 4 го апрѣля.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали:

Члены совѣта Императорскаго новороссійскаго университета Некрасовъ, Леонтовичъ, Сабининъ, Барастелевъ, Мечниковъ, Патлаевскій, Ярошенко, Синцовъ, Дювернуа, Шпилевскій, Малининъ, Кочубинскій, Успенскій, Войтковскій, Кудрявцевъ, Умовъ, Клименко и Преображенскій, собравшись въ экстраординарное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ ректора Головкинскаго, производили избраніе проректора. Въ результатъ баллотировокъ закрытыми голосами оказались получившими, при двадцати избирателяхъ, по одиннадцати избирательныхъ голосовъ ординарные профессора Вериго и Леонтовичъ, между которыми произведена была перебаллотировка; оказался избраннымъ большинствомъ одиннадцати голосовъ профессоръ Леонтовичъ. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію и на основаніи 42 § унив. устава. л. В. п. 1 просить ходатай-

ства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи русскаго права дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонтовича проректоромъ новороссійскаго университета на три года.

Засѣданіе 23-го апрѣля.

Присутствовали 17 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. — Отъ 11-го апрѣля за № 2810 объ утвержденіи предположенной историко-филологическимъ факультетомъ мѣры — назначить испытанія по французскому или нѣмецкому языку при переходѣ студентовъ со II-го курса на III-й. *Опредѣлили*: сообщить въ историко-филологическій факультетъ.

3. — Отъ 14-го апрѣля за № 2830 о разрѣшеніи командировки ординарнаго профессора Кондакова за границу съ 20-го марта по 1-е іюля сего года, для производства археологическихъ изысканій на востокѣ, но безъ пособія изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія.

При этомъ присовокуплено, что г. министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ объ оказаніи г. Кондакову содѣйствія со стороны руссійскаго посольства въ Константинополѣ и миссіи въ Аѳинахъ, а равно и консульства въ Салоникахъ.

Доложено, что проф. Кондаковъ отправился уже въ разрѣшенную ему командировку. *Опредѣлили*: принять къ свѣденію.

4.—Отъ 14-го апрѣля за № 2831 о разрѣшеніи предвидимый къ концу сего года свободный остатокъ отъ суммы, ассигнованной по § 5 ст. 1 смѣты 1881 года на содержаніе личнаго состава новороссійскаго университета, въ количествѣ семисотъ семидесяти пяти рублей, перечислить въ ст. 2 того же § и смѣты на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы, съ употребленіемъ сихъ денегъ на приобрѣтеніе книгъ по ботаникѣ для бібліотеки новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе.

5. — Отъ 16-го апрѣля за № 2885 объ утвержденіи учителя ришельевской гимназіи, магистра А. Коновонича доцентомъ новороссійскаго университета по кафедрѣ астрономіи, съ отчисленіемъ его отъ гимназіи съ 1-го іюня настоящаго года. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и въ физико-математическій факультетъ и поручить ему, по вступленіи въ должность, принять обсерваторію.

6. — Отъ того же числа за № 2893 о разрѣшеніи допустить студента 1-го курса юридическаго факультета Бискупскаго къ переводнымъ испытаніямъ по предметамъ I и II в. физико-математическаго факультета, на который онъ желаетъ перейти.

Доложено, что объ этомъ разрѣшеніи сообщено уже въ физико-математическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣденію.

7. — Отъ 21-го апрѣля за № 2951, слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра народнаго просвѣщенія съ представленіемъ адреса Императорскаго новороссійскаго университета, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, въ

3-й день сего апрѣля, собственноручно начертать изволиль: «благодарить».

О такомъ Высочайшемъ повелѣннн получивъ предложеніе г. статсъ-секретаря барона Николаи отъ 8-го апрѣля за № 4544 и сообщая совѣту новороссійскаго университета, впоследствии представленія отъ 24-го м. марта за № 615, присовокупляю, что на устройство надписи къ портрету въ Бозѣ почившаго Государи Императора и на сохраненіе его на вѣчныя времена въ актовомъ залѣ университета особаго разрѣшенія не требуется. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ и сообщить въ правленіе для исполненія.

8. Внесенное ректоромъ прошеніе студента I-го курса естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета Фроима Ходровера, желающаго перейти на юридическій факультетъ, о разрѣшеннн ему подвергнуться переводному испытанію на II-й курсъ вмѣстѣ со студентами I-го курса юридическаго факультета. *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

9. Прошеніе декана физико-математическаго факультета Сабинина: «вслѣдствіе большаго скопленія научныхъ занятій, имѣю честь почтительнѣйше просить совѣтъ объ увольненнн меня отъ занимаемой мною должности декана».

Вслѣдъ за докладомъ настоящаго прошенія, профессоръ Сабининъ обратился къ совѣту съ слѣдующими словами: «вопросъ о разсмотрѣнн моего прошенія неразрывно связанъ съ вопросомъ о назначенн выбора новаго декана, такъ что послѣдннй вопросъ является слѣдствіемъ перваго; это положеніе констатируется какъ университетскимъ уставомъ, такъ и всѣми прецедентами, имѣвшими мѣсто въ практикѣ нашего университета. Дѣйствительно: по отношенію къ должности ректора и другимъ университетскимъ

должностямъ, кромѣ деканской, уставомъ прямо устанавливается исправленіе должности на общемъ основаніи; касательно же декановъ существуетъ въ уставѣ специальное правило, категорически выраженное въ 11 § устава; уставу вовсе неизвѣстно исправленіе должности декана подобно должности ректора; въ упомянутомъ § постановляется лишь то, чтобы въ отсутствіе декана старшій въ профессорскомъ званіи членъ факультета предсѣдательствовалъ въ факультетскихъ собраніяхъ. Въ этомъ постановленіи университетскаго устава и заключается указаніе на исключительную особенность должности декана,—на то, что къ ней не примѣнимы общія правила объ исправленіи должности во всемъ ея объемѣ, и именно потому, что по прямому смыслу устава должность декана можетъ отправляться другимъ членомъ факультета лишь въ одномъ наиболѣе существенномъ въ дѣятельности факультета моментѣ,—моментѣ предсѣдательства въ факультетскихъ собраніяхъ. Указанная особенность постановки въ университетскомъ уставѣ вопроса объ исправленіи должности декана показываетъ, какъ по смыслу устава разрѣшается и вопросъ объ избраніи новаго декана въ томъ случаѣ, когда лицомъ занимающимъ эту должность, до истеченія срока службы въ ней, будетъ подано прошеніе объ увольненіи отъ этой должности. Такъ какъ нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ не допускаетъ исправленія должности декана на общемъ основаніи во всемъ ея объемѣ, то очевидно, что при отказѣ наличнаго декана отъ должности немедленно должны быть назначены выборы новаго декана безъ передачи этой должности во всемъ ея объемѣ старшему члену факультета. Такимъ образомъ откладываніе выбора новаго декана на продолжительный срокъ можетъ безъ всякаго

законнаго основанія привести къ тому, что правленіе будетъ фактически сокращено въ числѣ своихъ членовъ, такъ какъ приглашеніе старшаго члена факультета присутствовать въ правленіи было бы произвольнымъ распоряженіемъ, несогласнымъ съ уставомъ и несправедливымъ по существу дѣла; дѣйствительно, справедливо ли возлагать отвѣтственность въ расходованіи суммъ и въ отчетности ихъ на старшаго члена факультета, приглашеннаго лишь на время, въ которое онъ не можетъ ни познакомиться съ дѣлами правленія, ни поправить вполнѣ возможный недосмотръ, особенно, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ ваканціонное время, когда самая сущность дѣла требуетъ, чтобы въ наличности имѣть не временныхъ, а постоянныхъ членовъ правленія, въ видахъ равномернаго отправленія отвѣтственности по производящимся обыкновенно въ ваканціонное время общимъ хозяйственнымъ операціямъ, какъ напр. капитальному ремонту университетскихъ здацій и пр. Тоже самое положеніе, т. е. необходимость немедленнаго назначенія выборовъ новаго декана вслѣдъ за рѣшеніемъ вопроса относительно прошенія объ увольненіи наличнаго декана — подтверждается и прецедентами, имѣвшимися у насъ мѣсто въ дѣлѣ деканскихъ выборовъ. Къ данному случаю наиболѣе подходят выборы, имѣвшіе мѣсто въ 1873 году на физико-математическомъ факультетѣ; именно въ засѣданіи совѣта 18-го января 1873 года было доложено прошеніе декана К. И. Карастелева объ увольненіи его отъ должности декана. Совѣтъ въ томъ же самомъ засѣданіи постановилъ: просить факультетъ озаботиться избраніемъ декана въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, именно 26-го января. Когда въ этомъ засѣданіи совѣта былъ избранъ деканомъ Вальцъ, совѣтъ постановилъ просить разрѣшенія г.

попечителя вступить г. Вальцу въ исправленіе должности декана впредь до утвержденія его въ ней установленнымъ порядкомъ. Определеніе совѣта, конечно, не было уважено, и г. попечитель далъ предложеніе совѣту строго держаться устава; вслѣдствіе чего во все продолженіе времени между 26-го января и половиною марта (когда послѣдовало утвержденіе декана Вальца) уставъ по отношенію къ исполненію должности декана былъ строго соблюденъ, именно такъ: я, какъ старшій членъ факультета, вслѣдствіе отсутствія въ факультетскихъ собраніяхъ подавшаго просьбу объ увольненіи декана Карастелева, предсѣдательствовалъ въ факультетскихъ собраніяхъ, а подавшій просьбу объ увольненіи деканъ Карастелевъ присутствовалъ въ правленіи до самаго дня полученія приказа объ утвержденіи деканомъ Вальца. Съ предыдущимъ совершенно аналогичны, по отношенію къ назначенію времени выбора, и слѣдующіе случаи: 1) въ концѣ учебнаго года въ 1875 году 3-го апрѣля въ засѣданіи совѣта было заслушано прошеніе профессора Вальца объ увольненіи его отъ должности декана, и въ этомъ же засѣданіи былъ назначенъ день выбора въ ближайшемъ засѣданіи совѣта, 2) въ засѣданіи совѣта 2 декабря 1876 года было заслушано прошеніе профессора Дювернуа объ увольненіи его отъ должности декана, и въ этомъ же засѣданіи былъ назначенъ день выбора новаго декана въ ближайшемъ засѣданіи совѣта, 3) въ засѣданіи совѣта 20-го января 1877 года было заслушано прошеніе профессора Головкинскаго объ увольненіи его отъ должности декана, и въ этомъ же засѣданіи совѣта былъ назначенъ день выбора декана въ ближайшемъ засѣданіи совѣта. Такимъ образомъ ни университетскій уставъ, ни установившаяся въ университетѣ практика не даютъ ни-

какихъ законныхъ основаній, дозволяющихъ откладывать выборы декана на продолжительный срокъ, съ передачею старшему члену факультета исправленіе на это время должности декана въ полномъ ея объемѣ; напротивъ, и университетскій уставъ, и всѣ прецеденты, имѣвшіе мѣсто въ нашемъ университетѣ, приводятъ къ заключенію, что вмѣстѣ съ вопросомъ, возникающимъ по поводу прошенія наличнаго декана объ увольненіи его отъ этой должности, въ томъ же засѣданіи совѣта долженъ быть поставленъ и вопросъ о назначеніи дня выбора декана; на этомъ основаніи, по поводу моего прошенія, я нахожу необходимымъ и вполнѣ законнымъ рѣшеніе вопроса о назначеніи выбора декана физико-математическаго факультета до 15-го мая, которымъ по постановленію совѣта заканчиваются всѣ выборы — особенно въ настоящемъ случаѣ — на тотъ конецъ, чтобы къ началу 18^{81/82} академическаго года былъ бы уже утвержденъ новый деканъ физико-математическаго факультета, что крайне необходимо для правильнаго хода факультетскихъ дѣлъ, при указанной постановкѣ въ университетскомъ уставѣ вопроса объ исправленіи должности декана».

Послѣ преній по возбужденному профессоромъ Сабининымъ вопросу о назначеніи выборовъ новаго декана постановлены были на голосованіе, по предложенію членовъ, вопросы:

1) Просить проф. Сабинина остаться деканомъ до конца выборнаго срока. Большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ противъ 1 (г. Карастелевъ) рѣшено: просить, а послѣ заявленія проф. Сабинина, что онъ остается при принятомъ имъ рѣшеніи, 2) назначить ли сегодня же время выборовъ декана? Большинствомъ 10 голосовъ противъ 7 (гг. Пре-

ображенскій, Успенскій, Лигинъ, Дювернуа, Ковалевскій, Некрасовъ, ректоръ) данъ отвѣтъ утвердительный. При этомъ профессора Дювернуа и Ковалевскій заявили о подачѣ особыхъ мнѣній.

3) Произвести ли выборы въ слѣдующемъ очередномъ майскомъ засѣданіи? Большинствомъ тѣхъ же голосовъ вопросъ рѣшенъ утвердительно. *Опредѣлили*: 1) дать ходъ прошенію; 2) назначить выборы новаго декана въ первое очередное засѣданіе.

10. Заявленіе декана юридическаго факультета Леонтовича слѣдующаго содержания: «въ виду избранія меня проректоромъ университета, какъ и въ виду бывшихъ прецедентовъ въ подобныхъ случаяхъ, имѣю честь просить совѣтъ назначить время для избранія декана юридическаго факультета».

По докладѣ настоящаго заявленія, профессоръ Леонтовичъ пояснилъ: считаю нужнымъ дополнить къ заслушанному заявленію моему, что это послѣднее имѣетъ значеніе собственно отказа отъ занимаемой мною должности декана, въ виду чего я и прошу совѣтъ назначить время для выбора декана юридическаго факультета. Что касается прецедентовъ, о которыхъ я говорю въ заявленіи, то я разумѣлъ обстоятельства уже выясненныя теперь при обсужденіи прошенія проф. Сабинаина, т. е. подобные же случаи отказа отъ должности декановъ Карастелева, Вальца и другихъ.

Послѣ преній и передъ постановкою вопросовъ на голосованіе, председатель объяснилъ совѣту, что внося заявленіе Ѳ. И. Леонтовича, онъ не имѣлъ основанія предвидѣть выясняющееся преніями и дополнительнымъ разъясненіемъ г. Леонтовича направленіе дѣла и не можетъ не замѣтить, что, считая немедленное назначеніе выборовъ не-

правильнымъ, онъ ставитъ предложенные на голосованіе вопросы лишь въ виду желанія многихъ членовъ совѣта. Затѣмъ поставлены послѣдовательно вопросы: 1) назначить ли сегодня же время выборовъ декана и 2) назначить ли эти выборы въ слѣдующее очередное засѣданіе. Тотъ и другой вопросы рѣшены утвердительно большинствомъ 10 голосовъ противъ 6 (гг. Преображенскій, Успенскій, Лигинъ, Дювернуа, заявившій о подачѣ особаго мнѣнія при рѣшеніи 1-го вопроса, Некрасовъ, ректоръ). *Опредѣлили*: назначить выборы декана юридическаго факультета въ слѣдующее очередное засѣданіе.

11. Предложеніе декана физико-математическаго факультета Сабинина: «получивъ поданное на мое имя и прилагаемое при семъ прошеніе доктора гейдельбергскаго университета Шапиры о допущеніи его къ приобрѣтенію въ математическомъ факультетѣ званія привать-доцента и усматривая изъ университетскаго устава, что § 68 предоставляетъ это право только кандидатамъ русскихъ университетовъ, я затрудняюсь внесеніемъ этого прошенія въ факультетъ; причемъ не считаю себя въ правѣ по собственному усмотрѣнію отказать г. Шапирѣ въ дальнѣйшемъ ходѣ его прошенія. Посему имѣю честь войти съ предложеніемъ въ совѣтъ о разрѣшеніи вопроса: можетъ ли прилагаемое при семъ прошеніе г. Шапиры быть внесено въ факультетъ».

Послѣ общаго мнѣнія большинствомъ 9 голосовъ противъ 6 (гг. Успенскій, Преображенскій, Войтковскій, Лигинъ, Дювернуа, Некрасовъ) рѣшено: увѣдомить г. декана физико-математическаго факультета, что г. Шапира, по точному смыслу 68 § унив. устава, не можетъ быть допущенъ къ публичной защитѣ диссертациі pro venia legendi.

12. Предложеніе проф. Некрасова, Преображенскаго и Шилевскаго: «извѣстно, что въ маѣ настоящаго года будетъ праздноваться юбилей славной дѣятельности нашего геніальнаго хирурга Н. И. Пирогова. Имя Н. И. Пирогова, какъ попечителя округа, дорого для Новороссіи. Съ его именемъ связаны подготовительныя работы для открытія нашего университета и основаніе студентческаго отдѣла библіотеки, а потому мы осмѣливаемся просить совѣтъ—привѣтствовать юбиляра выраженіемъ сочувствія къ его плодотворной дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія. *Опредѣлили*: послать поздравительную телеграмму: «совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета имѣетъ честь поздравить Н. И. Пирогова съ пятидесятилѣтіемъ ученой дѣятельности».

13. Докладъ комисіи, разсматривавшей, по порученію совѣта, проектъ отчета о состояніи и дѣятельности университета за 1880 годъ и смѣту доходовъ и расходовъ по университету на 1882 годъ. *Опредѣлили*: по исправленіи, согласно указаніямъ комисіи, представить г. попечителю.

14. Секретарь совѣта доложилъ постановленіе, принятое въ засѣданіи 1-го ноября 1879 г.: срокомъ для опредѣленія очереди приготовленія актовъ рѣчи на слѣдующій годъ назначить апрѣль мѣсяць. *Опредѣлили*: отложить.

15. Проектъ раздѣла между преподавателями суммы, внесенной посторонними слушателями за второе полугодіе текущаго 1880—81 учебнаго года. *Опредѣлили*: утвердить.

При подпискѣ настоящаго протокола членами совѣта, проф. Кочубинскій подписалъ: «съ оговоркой, такъ какъ въ статьѣ 13 докладъ комисіи не внесенъ».

Засѣданіе 7-го мая.

Присутствовали 15 профессоровъ.

Слушали:

1) Былъ прочтенъ и подписанъ протоколъ засѣданія совѣта 23-го апрѣля.

Вслѣдъ за 9 ст. доложены особыя мнѣнія: проф. Бовалевскаго, приложенное въ подлинникѣ къ протоколу, и проф. Дювернуа. По прочтеніи послѣдняго мнѣнія нѣкоторые члены замѣтили, что письменное его изложеніе не вполне соотвѣтствуетъ устно высказанному профессоромъ Дювернуа въ засѣданіи 7-го мая. Среди преній по этому предмету проф. Патлаевскій высказалъ, съ просьбою занести его заявленіе въ протоколъ, слѣдующее: «письменному изложенію своего отдѣльнаго мнѣнія г. Дювернуа придалъ такой смыслъ, какового оно не имѣло при устномъ заявленіи. Такъ между прочимъ въ написанномъ отдѣльномъ мнѣніи помѣщена просьба совершенно новая о приобщеніи его отдѣльнаго мнѣнія и къ протоколамъ будущихъ засѣданій, даже, какъ оказалось, такихъ, въ которыхъ самъ г. Дювернуа не присутствуетъ. Такое отдѣльное мнѣніе не можетъ быть принято совѣтомъ во 1-хъ потому, что о просьбѣ своей г. Дювернуа ничего не заявлялъ въ прошломъ засѣданіи при обсужденіи вопроса о времени назначенія деканскихъ выборовъ, а во 2-хъ потому, что его отдѣльное мнѣніе въ письменномъ изложеніи оказалось незаконнымъ и далеко выходящимъ за предѣлы того вопроса, по поводу котораго было заявлено». Предсѣдательствующій, резюмируя высказанныя мнѣнія въ трехъ предложеніяхъ,

1) принять отдѣльное мнѣніе проф. Дювернуа къ разсмотрѣнію безъ заключительной его просьбы, 2) принять, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя исправленія соотвѣтственно тому, какъ оно было устно заявлено, 3) принять въ томъ видѣ, какъ оно представлено, и указавъ на неудобства дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ представленномъ мнѣніи въ отсутствіе проф. Дювернуа, поставилъ на голосованіе вопросъ, принять ли къ разсмотрѣнію въ совѣтѣ представленное г. Дювернуа мнѣніе. Большинство 9 голосовъ противъ 6 (гг. Преображенскій, Войтковскій, Успенскій, Лигинъ, Малининъ, Некрасовъ) высказалось отрицательно. При подачѣ голоса проф. Малининъ добавилъ: «я подаю голосъ на принятіе мнѣнія проф. Дювернуа, но считаю нужнымъ прибавить, что оно написано не по тому вопросу, по которому заявлено было въ прошломъ засѣданіи, и кромѣ того въ этомъ мнѣніи есть мѣста, которыхъ не было въ устномъ изложеніи мнѣнія г. Дювернуа», а проф. Некрасовъ отвѣтилъ: принять на законномъ основаніи.

По поводу состоявшагося голосованія проф. Преображенскій заявилъ протестъ, находя неправильнымъ способъ голосованія; нѣкоторые члены, говорилъ профессоръ, отвѣчая на поставленный вопросъ отрицательно, сопровождали отвѣтъ такими оговорками, которыя показываютъ, что они отвѣчаютъ отрицательно въ сущности не на данный вопросъ, а на третій изъ перечисленныхъ предсѣдателемъ вопросовъ, подлежащихъ голосованію. Къ протесту проф. Преображенскаго присоединился проф. Успенскій.

Затѣмъ поставленъ былъ на голосованіе вопросъ, остается ли совѣтъ при прежнемъ рѣшеніи или раздѣляетъ мнѣніе проф. Ковалевскаго? Большинство 11 голосовъ противъ 4 (гг. Преображенскій, Успенскій, Лигинъ, Некра-

совѣ) совѣтъ остался при прежнемъ рѣшеніи. *Опредѣлили:* протоколъ этотъ представить г. попечителю при заключеніи, что онъ можетъ быть напечатанъ вполнѣ.

2. Произведенъ былъ физико-математическимъ факультетомъ, въ присутствіи совѣта, выборъ декана. По донесенію факультета въ результатѣ закрытаго баллотированія оказался избраннымъ большинствомъ пяти голосовъ противъ трехъ ординарный профессоръ Вериго. *Опредѣлили:* согласно представленію факультета просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи ординарнаго профессора по кафедрѣ химіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вериго деканомъ физико-математическаго факультета на три года со дня увольненія отъ этой должности проф. Сабинина.

3. Деканъ юридическаго факультета заявилъ, что назначенные на сегодня выборы декана не могутъ состояться за отсутствіемъ въ засѣданіи по болѣзни двухъ изъ пяти наличныхъ членовъ факультета. *Опредѣлили:* назначить экстренное засѣданіе на 14 число мая для избранія декана юридическаго факультета.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

4. — Отъ 30-го апрѣля за № 3158 о разрѣшеніи студенту I-го курса физико-математическаго факультета Ходроверу подвергнуться переводному испытанію на II курсъ юридическаго факультета. *Опредѣлили:* извѣстить юридическій факультетъ.

5. — Отъ 5-го мая за № 3332 объ утвержденіи ординарнаго профессора Некрасова вновь деканомъ историко-филологическаго факультета на три года съ 6-го апрѣля 1881 года. *Опредѣлили:* увѣдомить правленіе и историко-филологическій факультетъ.

6. Предложеніе ректора: въ виду рѣшенія совѣта представлять къ торжественному акту 30-го августа печатный отчетъ о дѣятельности университета за окончившійся академическій годъ, имѣю честь предложить совѣту, для ускоренія дѣла, теперь же назначить комиссію изъ профессоровъ для редактированія отчета 1880—1881 года. *Опредѣлили*: назначить комиссію изъ профессоровъ **Малинина, Бочубинскаго и Сабинина.**

Представленія факультетовъ:

7. Физико-математическаго: объ окончаніи студентомъ Гедевановымъ переводнаго испытанія со II-го курса на III-й. *Опредѣлили*: зачислить на III-й курсъ.

8. — Объ утвержденіи окончившаго курсъ по естественному отдѣленію Самарскаго Николая въ степени кандидата. *Опредѣлили*: утвердить и выдать дипломъ.

9. — О присужденіи автору сочиненія, представленнаго на тему: «опытное изслѣдованіе законовъ отраженія свѣта отъ тѣлъ съ поверхностнымъ цвѣтомъ» золотой медали. При этомъ факультетъ ходатайствуетъ о напечатаніи приложеннаго къ представленію отзыва проф. Умова объ этомъ сочиненіи въ Запискахъ университета.

По выслушаніи отзыва проф. Умова совѣтъ согласился съ заключеніемъ факультета, а по вскрытіи конверта съ девизомъ «Die Geschichte der Entwicklung der Undulationstheorie zeigt, wie jede scheinbare Schwierigkeit Veranlassung zu neuen Erweisen ihrer Evidenz geworden» оказалось, что сочиненіе написано студентомъ III-го к. математическаго отдѣленія Эли Рубановичемъ. *Опредѣлили*: выдать Рубановичу золотую медаль, а мнѣніе проф. Умова напечатать при протоколахъ.

10. Историко-филологическаго: о назначеніи на слѣдую-

щій академическій годъ проф. Кочубинскому лекцій «сравнительной грамматики литовскаго языка» по вакантной кафедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, по двѣ лекціи въ недѣлю, — одну для III-го и одну для IV-го курса славяно-русскаго отдѣленія, — и доценту Воеводскому—двухъ лекцій въ недѣлю по «исторіи греческой философіи» для III-го и IV-го курсовъ классическаго и историческаго отдѣленій по вакантной кафедрѣ философіи съ соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ. *Опредѣлили*: утвердивъ распоряженіе факультета о порученіи чтеній проф. Кочубинскому и доценту Воеводскому, просить разрѣшенія г. попечителя производить имъ установленное вознагражденіе въ размѣрѣ 225 руб. за годовую лекцію.

11. Физико-математическаго: о приглашеніи бывшаго профессора астрономіи Беркевича стороннимъ преподавателемъ на 18^{81/82} акад. годъ съ вознагражденіемъ въ 2000 руб. въ годъ, съ объясненіемъ при этомъ, что при баллотировкѣ въ факультетскомъ собраніи г. Беркевичъ получилъ 6 голосовъ избирательныхъ и 4 отрицательныхъ.

Въ представленію приложены: предложеніе въ физико-математическій факультетъ декана Сабинина и письмо, адресованное на имя декана, доцента Кононовича.

Предложеніе г. Сабинина: «въ прошедшемъ засѣданіи факультета (27-го апрѣля) было заслушано предложеніе совѣта объ утвержденіи г. попечителемъ магистра астрономіи А. Б. Кононовича доцентомъ по кафедрѣ астрономіи. Находя съ своей стороны, что для А. Б. Кононовича въ первый годъ его преподавательской дѣятельности въ университетѣ будетъ обременительно чтеніе всего курса астрономіи, я имѣю честь войти въ факультетъ съ предложеніемъ о томъ, чтобы ходатайствовать предъ совѣтомъ о приглашеніи быв-

шаго въ нашемъ университетѣ профессора астрономіи Л. Ѡ. Беркевича стороннимъ преподавателемъ на 18⁸¹/₈₂ академическій годъ съ вознагражденіемъ 2000 руб. и о раздѣленіи между нимъ и Кононовичемъ преподаванія (въ этомъ академическомъ году) астрономіи такимъ образомъ, чтобы сферическая тригонометрія, космографія и геодезія были бы читаемы Л. Ѡ. Беркевичемъ, а сферическая астрономія и практическая астрономія были бы читаемы А. Б. Кононовичемъ».

Письмо г. Кононовича: «въ отвѣтъ на запросъ Вашего Превосходительства имѣю честь увѣдомить Васъ, что я не имѣю ничего противъ приглашенія г. профессора Л. Ѡ. Беркевича и предлагаемаго раздѣленія чтенія лекцій между нимъ и мною; что касается до втораго вопроса,—могу ли я принять на себя чтеніе лекцій всего курса этого года въ случаѣ, если бы приглашеніе г. профессора Л. Ѡ. Беркевича не состоялось,—то и на этотъ вопросъ я считаю возможнымъ отвѣтить вполне утвердительно».

Послѣ преній и примѣнительно къ высказаннымъ мнѣніямъ поставленъ былъ на голосованіе вопросъ, возвратить ли представленіе въ факультетъ, или подвергнуть г. Беркевича баллотированію? Большинство 11 голосовъ противъ 3 (гг. Преображенскій, Успенскій и Некрасовъ) высказалось въ пользу втораго предложенія; проф. Преображенскій заявилъ о подачѣ имъ особаго мнѣнія.

При послѣдовавшемъ за тѣмъ баллотированіи вопроса о приглашеніи г. Беркевича стороннимъ преподавателемъ съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 2000 руб. въ годъ изъ общихъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава получилось одиннадцать голосовъ утвердительныхъ и шесть отрицательныхъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

12. — О зачисленіи проф. Синцову 29 дней отпуска, употребленныхъ имъ въ августъ и сентябрь 1880 года на геологическія изслѣдованія въ Бессарабіи, въ командировку и о командированіи его на каникулярное время 1881 г. и 29 дней для геологическихъ изслѣдованій въ саратовскую, астраханскую и бессарабскую губерніи. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

13. Предложеніе редактора «университетскихъ записокъ» проф. Кочубинскаго: «въ книжный магазинъ Распопова я отправилъ по нѣскольку экземпляровъ нашихъ «Записокъ», съ условіемъ—продавать по цѣнѣ, указанной на каждомъ томѣ. Но такъ какъ при этомъ условіи магазинъ требуетъ уступки за комиссію, поэтому я обращаюсь въ совѣтъ съ предложеніемъ, не сочтетъ ли онъ возможнымъ уступать 10% съ номинальной цѣны cadaго тома каждый разъ при отдачѣ нашихъ «Записокъ» на комиссію». *Опредѣлили*: разрѣшить.

14. Донесеніе физико-математическаго факультета съ представленіемъ мнѣнія комиссіи, назначенной факультетомъ для обсужденія проекта учрежденія ученой степени магистра геофизики, съ каковымъ мнѣніемъ согласенъ факультетъ.

Мнѣніе комиссіи: комиссія, избранная въ засѣданіи факультета 26-го марта для разсмотрѣнія проекта учрежденія ученой степени магистра геофизики, имѣетъ честь донести, что она не признаетъ полезнымъ учрежденіе названной степени: во первыхъ, комиссія не усматриваетъ, какимъ образомъ *недостатокъ въ лицахъ*, компетентныхъ въ «самостоятельномъ» составленіи коллекцій по всѣмъ царствамъ природы и въ географическомъ опредѣленіи мѣстности, можетъ быть восполненъ *учрежденіемъ ученой сте-*

нени; во вторыхъ, въ случаѣ учрежденія вышеупомянутой степени, было бы нежелательно и практически неосуществимо предоставить право собирать коллекціи и опредѣлять мѣстность исключительно магистрамъ геофизики; въ третьихъ, предполагаемая программа испытанія на новую учебную степень никакъ не гарантируетъ большую компетентность предполагаемыхъ магистровъ, сравнительно съ кандидатами естественныхъ наукъ, въ самостоятельномъ составленіи лекцій по всѣмъ царствамъ природы; въ четвертыхъ, программа эта, по ея отрывочному, такъ сказать, профессиональному характеру, не соответствуетъ установившемуся взгляду на магистерскую степень, по которому отъ ея соискателя требуются не отрывочныя свѣденія, а широкое и глубокое знаніе, охватывающее подлежащую научную область возможно цѣльно и представляющее необходимую основу дѣйствительной научной самостоятельности. *Опредѣлили*: согласно отзыву факультета донести г. попечителю, присовокупивъ, что совѣтъ раздѣляетъ мнѣніе факультета.

15. Донесеніе библиотечной комисіи, что она считаетъ сумму въ размѣрѣ 650 руб. на переплетъ книгъ достаточною, но при этомъ въ видахъ экономіи при расходованіи этой суммы предлагаетъ слѣдующія мѣры:

1) Соединеніе въ одинъ переплетъ нѣсколькихъ частей небольшого объема одного и того же сочиненія, а также различныхъ того же самаго автора, одного изданія, одинакаго формата и записанныхъ въ каталогъ подъ послѣдовательными номерами;

2) брошюрованіе нѣкоторыхъ сочиненій, какъ то: брошюръ (книгъ — объемомъ менѣе 10 печатныхъ листовъ), общелитературныхъ журналовъ (этихъ послѣднихъ тотчасъ

по полученіи въ видахъ сохраненія) и другихъ менѣ цѣнныхъ книгъ; 3) оставленіе безъ переплета книгъ и журналовъ мало употребительныхъ.

Вромѣ того библиотечная коммисія считаетъ необходимымъ предложить г. библиотекарю: при переплетеніи книгъ сохранять обертки и объявленія, а при брошюрованіи дѣлать обрѣзъ только сверху. *Опредѣлили*: 1) докладъ коммисіи принять съ поправкою втораго пункта, что соединеніе въ одинъ переплетъ нѣсколькихъ сочиненій автора дѣлать по согласію съ библиотечной коммисіею, 2) раздѣлъ библиотечной суммы произвести по примѣру предшествующихъ лѣтъ, исключивъ лишь отдѣленіе суммы на пересылку.

16. По вопросу объ установленіи очереди приготовленія рѣчи къ торжественному акту 30-го августа 1881 года. *Опредѣлено*: просить физико-математическій факультетъ исполнить очередь или въ 1881 или въ 1882 году.

17. Письмо профессора Ценковскаго: совѣтъ новороссійскаго университета избралъ меня своимъ почетнымъ членомъ. Спѣшу выразить совѣту сердечную благодарность за оказанное мнѣ сочувствіе; въ немъ я буду находить драгоцѣнное поощреніе при дальнѣйшихъ моихъ трудахъ. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

18. Секретарь совѣта доложилъ списокъ 38 лицъ, подавшихъ прошенія объ избраніи на должность казначея. *Опредѣлили*: назначить избраніе въ экстраординарномъ засѣданіи 14-го мая и просить правленіе рассмотреть прошенія и сдѣлать докладъ.

19. Донесеніе юридическаго факультета по вопросу объ испытаніяхъ по неоконченнымъ предметамъ, что онъ (факультетъ) находитъ полезнымъ удержатъ раздѣленіе экзаменовъ на окончательные и контрольные съ тѣмъ, чтобы

первые производились по всему предмету, вторые производились по усмотрѣнію факультета. *Опредѣлили*: отложить разсмотрѣніе вмѣстѣ съ отзывами другимъ факультетовъ до сентября.

(Приложеніе къ статьѣ 9 протокола 7 мая 1881 г.).

Въ физико-математическій факультетъ.

Имѣю честь представить факультету разборъ сочиненія, представленнаго на тему, заданную на текущей академической годъ, подъ заглавіемъ: *опытное изслѣдованіе законовъ отраженія свѣта отъ тѣлъ съ поверхностными щельюми*. Сочиненіе, содержащее 350 страницъ убористаго письма и 8 таблицъ чертежей, помѣчено эпитафомъ: «Die Geschichte der Entwicklung der Undulationstheorie zeigt, wie jede scheinbare Schwierigkeit Veranlassung zu neuen Erweisen ihrer Evidenz geworden».

Выполненіе темы требовало опытнаго изученія измѣненій въ свойствахъ свѣтоваго луча послѣ его отраженія отъ тѣлъ, которыя сами или въ растворахъ представляются различно окрашенными въ свѣтѣ проходящемъ и свѣтѣ отраженномъ. Свойства луча, подлежащія изученію, были: отношеніе амплитудъ колебаній параллельныхъ и перпендикулярныхъ плоскости паденія въ лучѣ отраженномъ, разность хода этихъ колебаній, траекторія частицъ эфира въ отраженномъ свѣтѣ и уголъ наибольшей поляризаціи. Таковы были детали задачи, требовавшія основательнаго знакомства съ теоріей свѣта и теоріей тѣхъ весьма тонкихъ приборовъ, которые даютъ возможность опредѣлять качества свѣтоваго луча измѣреніемъ.

Далѣе, къ поставленной задачѣ примыкала еще и другая: сравненіе опытныхъ данныхъ съ одною изъ многочисленныхъ теорій отраженія свѣта. Подобное сравненіе, помимо повѣрки той или другой теоріи, имѣетъ еще тотъ интересъ, что даетъ возможность по явленіямъ отраженія свѣта судить о законахъ преломляемости тѣхъ лучей, которые въ сильной степени поглощаются тѣлами изъ проходящаго свѣта, и преломляемость коихъ не можетъ быть изучаема непосредственно. Изслѣдованіе подобнаго рода, дающее возможность при извѣстной теоретической подкладкѣ построить спектръ для лучей наиболѣе отражаемыхъ, являлось-бы весьма интереснымъ дополненіемъ къ изслѣдованію аномальнаго спектра проходящаго свѣта.

Сочиненіе автора раздѣляется на двѣ части: первая, написанная съ цѣлью выясненія опытной и теоретической стороны вопроса, представляетъ обстоятельный и чрезвычайно связанный историческій обзоръ всѣхъ выдающихся изслѣдованій объ отраженіи поляризованнаго свѣта отъ тѣлъ прозрачныхъ, металлическихъ и поверхностноцвѣтныхъ. Этотъ очеркъ начинается съ XVII столѣтія и оканчивается работами Глана въ 1879 году. При этомъ авторъ пользовался оригинальными мемуарами Малюса, Бревстера, Френеля, Біо, Зеебека, Нейманна, Эри, Сенармона, Жамена, Гаутона, Бурца, Бвинке, Гайдингера, Виллингена, Э. Видеманна, Лундквиста, Глана, а также учебниками Вюльнера, Ланга и Билле. Въ своемъ изложеніи авторъ слѣдитъ и намѣчаетъ самъ постепенное нарастаніе и установленіе связи между задачами экспериментальнаго и теоретическаго изслѣдованія. Описывая изобрѣтательные методы, авторъ производитъ ихъ критическую оцѣнку и указываетъ на возможные улучшения. Самая исторія вопроса заставляетъ автора всего

болѣе останавливаться на сравненіи наблюденій съ теоріей отраженія Коши, почему онъ и представляетъ ея очеркъ, выясняя величины, подлежащія непосредственному измѣренію и вычисленію, при данныхъ условіяхъ опыта, изъ формулъ. Такимъ образомъ авторъ намѣчаетъ постепенно программу для своей собственной работы.

Изученіе вопросовъ, стоящихъ въ ближайшей связи съ задачею автора, начинается работою Гайдингера въ 1846 г.; этому ученому принадлежитъ и самый терминъ «тѣль поверхностноцвѣтныхъ». Относящіяся сюда немногочисленные работы Виллингена, Лундквиста, Э. Видеманна и Глана авторъ группируетъ по употребленнымъ ими методамъ изслѣдованія: 1) методъ Жамена, 2) методъ Сенармона, 3) методъ Араго или Эри. Результаты, добытые въ отдѣльности упомянутыми наблюдателями, мы находимъ ниже соединенными и проверенными въ собственной работѣ автора, почему я на нихъ и не останавливаюсь. Этимъ заканчивается первая часть труда, свидѣтельствующая о хорошей математической подготовкѣ и несомнѣнныхъ научныхъ способностяхъ автора, давшихъ ему возможность успѣшно овладѣть въ сравнительно короткое время такимъ обширнымъ и сложнымъ матеріаломъ.

Вторая часть работы содержитъ изложеніе собственныхъ наблюденій автора. Наблюденія производились при помощи комплексатора Бабинѣ методомъ въ основныхъ чертахъ сходнымъ съ методомъ Жамена. Авторъ заимствовалъ также нѣкоторые приемы и изъ другихъ работъ, упомянутыхъ мною выше. Авторъ начинаетъ описаніемъ прибора, его установки и возможныхъ погрѣшностей. Оцѣнивая въ своемъ историческомъ обзорѣ экспериментальные приемы и высказывая сомнѣнія относительно точности нѣкоторыхъ

наблюдений, авторъ относится съ строгой критикою къ каждому своему шагу, къ каждой детали своихъ экспериментовъ. Я не могу пройти молчаніемъ этой почтенной черты, переходящей часто въ излишнее недовѣріе къ своему труду.

Прежде всего авторъ, для провѣрки своей наблюдательной способности и провѣрки прибора, изучаетъ отраженіе отъ стекла, подчиняющееся законамъ Френеля. Всѣхъ рядовъ наблюдений произведено семь, въ каждомъ рядѣ при 10—13 различныхъ углахъ паденія отъ 40° до 80° черезъ каждые 5° и менѣе. При каждомъ углѣ явленіе измѣнялось нѣсколько разъ въ связи съ характеромъ прибора и съ цѣлью исключенія различныхъ погрѣшностей. Наблюденія производились со свѣтомъ лампы и одинъ разъ съ солнечными лучами, которые при помощи гелиостата направлялись на приборъ. Опредѣлялся азимутъ поляризаціи отраженного луча, поляризованнаго первоначально въ нѣкоторомъ произвольномъ азимутѣ. Опредѣленіе этого азимута, основанное на исчезновеніи свѣта при известномъ положеніи Николя—анализатора, съ солнечнымъ свѣтомъ производилось совершенно точно, съ свѣтомъ же лампы, вслѣдствіе его относительной слабости, допускало неопредѣленность до 3° и 4° . По азимуту поляризаціи луча падающаго и азимуту отраженного можно вычислить, пользуясь формулами Френеля, показатели преломленія для различныхъ угловъ паденія. При правильности наблюдений и работъ съ солнечнымъ свѣтомъ эти показатели должны весьма мало разниться другъ отъ друга. Такъ въ работѣ Жамена разница отдѣльныхъ значеній вычисленныхъ показателей преломленія отъ средняго значенія не превышаетъ $0,3\%$ этого послѣдняго. Въ работѣ автора эта раз-

ница не превышает 1,3% и 2%. Такая точность при качествѣ прибора, стеклѣ и для ламповаго свѣта совершенно удовлетворительна. Авторъ указываетъ еще и на другія причины такихъ несогласій: во первыхъ онъ, поляризуя первоначально падающій лучъ въ азимутѣ α относительно плоскости паденія, не поляризовалъ его затѣмъ въ азимутѣ — α относительно той-же плоскости, чѣмъ устранялась-бы ошибка въ ориентированіи Николевыхъ призмъ; во вторыхъ вслѣдствіе эксцентричнаго положенія отражающаго зеркала должна была происходить ошибка въ опредѣленіи угла паденія, не превышающая однако 20 минутъ. Принимая погрѣшность ориентированія Николевыхъ призмъ въ $1^{\circ}30'$, авторъ вычисляетъ возможные отклоненія отъ средняго значенія показателя преломленія не выше 5%. Слѣдовательно дѣйствительныя разницы лежатъ внутри предѣловъ погрѣшностей. Послѣдній изъ приводимыхъ имъ рядовъ наблюденій оказывается наиболѣе точнымъ: въ этомъ ряду часть наблюденій сдѣлана съ солнечнымъ свѣтомъ. Если мы возьмемъ азимуты этого ряда, довольно значительныя, для пяти угловъ паденія отъ 60° до 80° , то разница отдѣльныхъ показателей отъ средняго не превышаетъ 0,67%. Приступая къ работамъ съ зеркалами изъ анилиновыхъ красокъ, авторъ уменьшилъ ошибку въ ориентировкѣ Николевыхъ призмъ, благодаря приспособленію компенсатора Бабине къ прибору.

Далѣе идетъ описаніе компенсатора Бабине, его теоріи и измѣрительнаго метода, на немъ основаннаго. Авторъ пользуется имъ для измѣренія разности хода между двумя взаимно перпендикулярными слагающимися колебаній отраженнаго луча, для возстановленія въ немъ прямолинейной поляризаціи, а затѣмъ опредѣляется азимутъ этой поляриза-

ція. Имѣя въ виду производить наблюденія съ свѣтовыми лучами различныхъ цвѣтовъ, авторъ пользуется показаніями самаго компенсатора для опредѣленія цвѣтности проходящаго черезъ него луча. Съ этою цѣлью производится рядъ предварительныхъ наблюденій весьма тонкихъ и точно выполненныхъ, при чемъ опредѣляется число оборотовъ микрометричнаго винта, необходимыхъ для перемѣщенія одной изъ интерференціонныхъ полосъ компенсатора на мѣсто смежной въ различныхъ частяхъ спектра, при чемъ компенсаторъ давалъ возможность опредѣлять тысячныя доли свѣтовыхъ волнъ.

Авторъ описываетъ затѣмъ приготовленіе зеркалъ, по способу Глана, изъ трехъ анилиновыхъ красокъ: розанилина — фуксина, фіолетоваго анилина и синяго анилина. Принципъ приготовленія зеркалъ заключался въ обливаніи полированныхъ стеколъ спиртовыми растворами красокъ и высушиваніи ихъ. При извѣстныхъ манипуляціяхъ получались ярко окрашенныя зеркальныя поверхности. Наблюденія надъ отраженіемъ отъ такихъ поверхностей вскорѣ указали автору на различія измѣряемыхъ величинъ для зеркалъ одного и того-же вещества, но приготовленныхъ въ разное время. Такія уклоненія были указаны еще ранѣе въ историческомъ обзорѣ въ работахъ различныхъ ученыхъ и даже въ работѣ одного и того-же ученаго надъ однимъ и тѣмъ-же веществомъ. Въ виду этого авторъ произвелъ новое изслѣдованіе вліянія толщины слоя (всегда весьма тонкаго) вещества, покрывающаго стекло. Наблюденія производились, утолщая слой отражающій до тѣхъ поръ, пока стала исчезать его зеркальность, и поверхность становилась матовой и кристаллически-зернистой. Авторъ нашелъ, что *уголъ наибольшей поляризації* убываетъ по мѣрѣ утол-

щенія слоя до извѣстнаго предѣла, послѣ котораго онъ остается постояннымъ. Такого опредѣленнаго вывода нельзя сдѣлать по отношенію къ измѣненію азимута возстановленной поляризаціи. Измѣненіе угла наибольшей поляризаціи нельзя, какъ полагаетъ и самъ авторъ, безъ дальнѣйшихъ опытовъ приписывать исключительно измѣненію толщины. Дѣло въ томъ, что измѣняя толщину, авторъ увеличивалъ также число и продолжительность нѣкоторыхъ манипуляцій, необходимыхъ для полученія чистыхъ зеркалъ: напр. получение слоя большей толщины соединено съ болѣе продолжительнымъ нагрѣваніемъ стекла надъ лампой, болѣе продолжительнымъ испареніемъ раствора и пр.; между тѣмъ извѣстно для твердыхъ тѣлъ, что неощутимыя для глаза различія въ состояніи отражающей поверхности, происходящія напр. отъ различія въ способъ полировки, въ давленіи, подъ которымъ полировка производилась и проч. уже влияют на оптическія явленія. Оптическія данныя, опредѣляемыя изъ отраженія, относятся по этому не вообще къ изслѣдуемому тѣлу, а только къ данному образцу тѣла.

Я не буду удлинять настоящаго разбора описаніемъ многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ авторомъ, сравненія этихъ наблюденій съ теоріей Коши, требовавшаго кропотливаго перечисленія множества цифръ по формуламъ довольно сложнымъ. Я приведу результаты.

Для фуксина углы наибольшей поляризаціи и показатели преломленія, вычисленные по формуламъ Коши, идутъ возрастая отъ краснаго цвѣта къ зеленому; это явленіе нормальное въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ мѣсто для тѣлъ прозрачныхъ, какъ напр. для стекла. Начиная же съ зеленаго цвѣта къ фіолетовому, явленіе

становится аномальнымъ, т. е. указанные величины убываютъ. Спектръ фуксина долженъ поэтому представлять явленіе аномальной дисперсіи, при чемъ фіолетовый цвѣтъ преломляется слабѣ краснаго и послѣдующихъ цвѣтовъ до зеленаго включительно.

У *фіолетоваго анилина* углы наибольшей поляризаціи идутъ *аномально* отъ краснаго къ зеленому, т. е. уменьшаясь, показатели-же преломленія *нормально*, т. е. увеличиваясь; начиная же отъ зеленаго происходитъ обратное явленіе. Открытіе такой аномаліи принадлежитъ автору.

У *силію анилина* спектръ, опредѣляемый вычисленными изъ формулъ Бюши показателями преломленія, представляется совершенно обращеннымъ. У этого вещества, какъ и у металловъ, показатели преломленія и углы поляризаціи идутъ отъ краснаго къ фіолетовому убывая.

Исслѣдовавши далѣе абсорбцію свѣта спиртовыми растворами этихъ красокъ и сравнивая полученные результаты съ прежними, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ.

I. Въ тѣхъ мѣстахъ спектра, гдѣ данное тѣло являетъ сильную абсорбцію, аномалія достигаетъ *maximum'a* или *minimum'a*.

II. Цвѣтъ, наиболѣе поглощаемый тѣломъ, отражается съ наибольшею эллиптической поляризаціею.

III. Тѣла поверхностноцвѣтныя являютъ свойство прозрачныхъ тѣлъ для цвѣтовъ слабо абсорбируемыхъ и свойства металлическихъ для цвѣтовъ сильно абсорбируемыхъ.

Авторъ приводитъ еще числа для отношенія амплитудъ и разности хода, дающія возможность опредѣлить эллиптическія траекторіи частицъ эфира въ лучѣ отраженномъ подъ разными углами. Въ тетради таблицъ, на таб-

лицѣ I, авторъ начертилъ относительные размѣры и положеніе въ плоскости паденія, для пяти угловъ, эллиптическихъ траекторій въ лучахъ красныхъ, желтыхъ и зеленыхъ послѣ отраженія фуксиновымъ зеркаломъ. Оказывается, что эллипсисы наиболѣе удлинненные, т. е. поляризація близкая къ прямолинейной, принадлежатъ лучамъ краснымъ, для которыхъ фуксинъ не даетъ абсорбціонной полосы; напротивъ наиболѣе расширенные эллипсисы принадлежатъ зеленымъ лучамъ, для которыхъ фуксинъ даетъ широкую абсорбціонную полосу. Остальные 7 таблицъ графически представляютъ какъ выше изложенные результаты автора, такъ и нѣкоторые другіе. Сравненіе съ теоріей Коши оказывается достаточно удовлетворительнымъ.

Работа, здѣсь разбираемая, во 1) подтверждаетъ съ большою отчетливостью выводы, сдѣланные другими авторами; во 2) рядомъ новыхъ сопоставленій наблюдений, произведенныхъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ и однимъ и тѣмъ-же приборомъ надъ *совокупностью* разнообразныхъ оптическихъ элементовъ, вызываетъ новые вопросы и расширяетъ программу работъ по поставленной задачѣ. Ясность изложенія и пониманія темы въ цѣломъ и деталяхъ, сознательность и логичность, просвѣчивающія въ каждомъ шагѣ автора, заслуживаютъ высокой похвалы.

Въ виду указанныхъ достоинствъ и научнаго интереса, представляемого работою, я считаю ее заслуживающею высшей награды, присуждаемой за подобныя сочиненія, а именно золотой медали.

Профессоръ новороссійскаго университета *Н. Умовъ*.

Экстраординарное засѣданіе 14-го мая.

Присутствовали 15 профессоровъ.

Слушали:

1. По открытіи засѣданія производилсь юридическимъ факультетомъ, въ присутствіи совѣта, выборы декана. По донесенію факультета, въ результатѣ закрытой баллотировки оказалось, что никто изъ баллотированныхъ членовъ факультета не получилъ большинства голосовъ. Донося о семъ совѣту, юридическій факультетъ просить поступить согласно § 8 п. 1. универ. устава. При семъ прилагается копія протокола засѣданія 14 мая. Въ приложенной копіи значится: г. деканомъ былъ предложенъ вопросъ: естьли законный составъ засѣданія факультета? По справкамъ оказалось, что выборы декана юридическаго факультета были назначены на 7-го мая, когда весь составъ факультета находился на лицо, за исключеніемъ профессора Посникова, бывшаго въ отпуску; засѣданіе 7-го мая въ факультетѣ не состоялось за неявкою профессоровъ Дювернуа и Шпилевскаго, а потому и засѣданіе для выборовъ было отложено на 14-го мая. Къ настоящему засѣданію 14-го мая кромѣ проф. Посникова находится въ отпуску проф. Дювернуа, взявшій отпускъ 11-го мая, а профессоръ Шпилевскій не явился, извѣстивъ о своей болѣзни. Такъ какъ настоящей составъ факультета, за исключеніемъ получившихъ отпускъ гг. Дювернуа и Посникова, состоитъ изъ четырехъ членовъ, то присутствіе въ засѣданіи факультета трехъ членовъ ординарныхъ профессоровъ Леонтовича, Патлаевскаго и Малинина представляетъ законный составъ засѣданія факультета.

тета, потому опредѣлено: въ виду законнаго состава застѣданія факультета приступить къ выбору декана. Баллотировка начата была съ проф. Посникова, — въ результатѣ оной оказалось три неизбирательныхъ; затѣмъ баллотировались: проф. Малининъ, — въ результатѣ два неизбирательныхъ; проф. Шпилевскій — три неизбирательныхъ; проф. Дювернуа — три неизбирательныхъ; проф. Патлаевскій — одинъ избирательный и одинъ неизбирательный. Проф. Леонтовичъ не былъ подвергнутъ баллотированію въ виду заявленія, сдѣланнаго въ совѣтѣ, вслѣдствіе чего и были назначены совѣтомъ настоящіе выборы. *Опредѣлили*: донести совѣту, что выборы декана въ факультетѣ не состоялись, такъ какъ никто изъ баллотированныхъ членовъ не получилъ большинства голосовъ.

По выслушаніи настоящаго донесенія совѣтъ приступилъ, согласно примѣчанію 1-му въ 8 § унив. устава, къ баллотированію декана. Въ результатѣ баллотировки оказался избраннымъ большинствомъ *десяти* *) голосовъ противъ пяти ординарный профессоръ по кафедрѣ финансоваго права статскій совѣтникъ Патлаевскій. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся въ совѣтѣ избранію просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи ординарнаго профессора Патлаевскаго деканомъ юридическаго факультета на три года со дня увольненія отъ этой должности избраннаго въ ректоры декана Леонтовича.

2. Было доложено, что по разсмотрѣніи прошеній кандидатовъ на должность казначея, правленіе, руководству-

*) Отсутствовавшій проф. Шпилевскій передалъ свой шаръ, на случай баллотировки, профессору Некрасову.

ясь 160 ст. и п. 3 ст. 4 III т. свод. зак. (изд. 1876 г.), положило устранить 8 лицъ отъ баллотировки. Соглашаясь съ мнѣніемъ правленія, произведены были выборы казначея изъ 30 соискателей. Въ результатѣ баллотировки оказались избранными: дѣйствительный студентъ Императорскаго новороссійскаго университета Яковенко большинствомъ десяти голосовъ противъ шести, дѣйствительный студентъ московскаго университета надворный совѣтникъ Прохоровъ большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ одного и губернской секретарь Вороничъ большинствомъ восьми голосовъ противъ семи. *Опредѣлили*: по надлежащемъ сношеніи съ начальствомъ одесской таможни представить г. попечителю о перемѣщеніи получившаго наибольшее число избирательныхъ голосовъ г. Прохорова на должность казначея Императорскаго новороссійскаго университета.

3. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 27-го апрѣля за № 3070, о дозволеніи бывшему казначею Селиванову сохранить занимаемую имъ въ университетѣ квартиру до сентября мѣсяца. *Опредѣлили*: отложить.

4. Предложеніе его же отъ 11-го мая за № 3575: «представленіемъ отъ 14 истекшаго апрѣля за № 2817, я передалъ на усмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія постановленіе совѣта университета о допущеніи магистра государственнаго права Чижова къ чтенію лекцій по энциклопедіи юридическихъ наукъ въ означенномъ университетѣ съ вознагражденіемъ изъ общихъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава преподавателей, въ размѣрѣ доцентскаго оклада. Принимая во вниманіе, что производство вознагражденія изъ вышеозначеннаго источника представляется несогласнымъ со смѣтными правилами, а также и

то, что въ § 74 общаго устава университетовъ 1863 года указанъ источникъ для вознагражденія приватъ-доцентовъ, Его Высочайшее Превосходительство не счелъ себя въ правѣ уважить означенное ходатайство совѣта новороссійскаго университета».

Послѣ преній большинствомъ 8 голосовъ противъ 5 (гг. Преображенскій, Успенскій, Лигинъ, Кочубинскій, Вериге) опредѣлено: возобновить ходатайство о назначеніи г. Чижову вознагражденія въ 1200 р., какъ стороннему преподавателю, изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава преподавателей.

5. Представленіе правленія: правленіе университета, согласно опредѣленію своему, 11-го мая состоявшемуся, имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе совѣта слѣдующія соображенія относительно перемѣщенія канцелярій университета въ нижній этажъ и соединеннаго съ этимъ перемѣщенія другихъ учрежденій: 1) Q_2 — казначейская, Q_1 — секретарю совѣта, P и P_2 — секретарю правленія, бухгалтеру, архивариусу и писцамъ. N_2 — секретарю по студентскимъ дѣламъ, N_1 — кабинетъ проректора, M — кабинетъ ректора, L и K — профессорская лекторія. (Взамѣнъ комнаты K , къ кабинету профессора Бондакова присоединяется комната, занимаемая теперь профессорской лекторіей). 2) *Верхній этажъ*: H — студентскій отдѣлъ бібліотеки съ параднымъ входомъ изъ T ; G (g_1 g_2 g_3) — студенческая читальня; X — сборная студентовъ, U — курительная. Комнату, занимаемую нынѣ казначействомъ, обратить въ кабинетъ помощника проректора.

Въ виду этого перемѣщенія потребуются слѣдующія передѣлки:

1) *Во нижнемъ этажѣ*: раздѣлнить перегородкой съ дверями комнаты N_2 и N_1 , задѣлать двери, ведущія изъ комнаты Q_2 въ Q_1 и перенести рѣшетку въ казначейскую комнату.

2) *Во верхнемъ этажѣ*: задѣлать двѣ арки между комнатами G и X , а въ третьей аркѣ сдѣлать двери и задѣлать двери изъ U въ H . *Опредѣлили*: отложить.

Засѣданіе 30-го мая.

Присутствовали 14 профессоровъ .

Слушали:

2. Предложеніе г. попечителя отъ 12 мая за № 3623 о разрѣшеніи производить профессорамъ Шилевскому и Бударявцеву вознагражденіе, каждому въ размѣрѣ 225 руб. за годовую лекцію, за порученное имъ въ 1881—82 учебномъ году чтеніе лекцій по вакантнымъ кафедрѣмъ. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и въ юридическій факультетъ.

3. Препровожденная при отношеніи канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 21 мая за № 3855 копія съ предложенія г. товарища министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го мая за № 5850, слѣдующаго содержанія: > имѣя въ виду необходимость подготовки достаточнаго числа учителей для преподаванія механики въ реальныхъ училищахъ, министерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ и въ текущемъ году отправить въ Императорское московское техническое училище извѣстное число молодыхъ людей, съ тѣмъ, чтобы они, въ продолженіе не болѣе

двухъ лѣтъ, изучали тамъ назначенные имъ предметы, съ получениемъ ежегодной стипендіи по 1000 руб. и на пугтевые расходы по 50 руб. Затѣмъ эти молодые люди будутъ обязаны прослужить по 6 лѣтъ учителями въ реальныхъ училищахъ, также по назначенію министерства.

Для осуществленія такого предположенія имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить совѣту одесскаго университета запросъ: не имѣются ли у него молодые люди, бончающіе и окончившіе курсъ наукъ съ успѣхомъ по математическому факультету, по возможности удовлетворительно знающіе нѣмецкій или французскій языки, заслуживающіе одобренія по своимъ нравственнымъ качествамъ и желающіе воспользоваться означенною стипендіею на условіяхъ, изложенныхъ выше и въ циркулярныхъ предложеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 20 и 30 октября 1873 и 8-го марта 1875 гг.

Если таковые окажутся, то прошу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить о нихъ въ возможно скорѣйшемъ времени, съ сообщеніемъ о каждомъ изъ нихъ отзывомъ тѣхъ профессоровъ, которые ихъ рекомендуютъ, а равно и біографическихъ свѣденій, написанныхъ самими кандидатами на вышеупомянутыя стипендіи на нѣмецкомъ или на французскомъ языкахъ и, сверхъ того, удостовѣреній со стороны подлежащаго учебнаго начальства о полной благонадежности ихъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.

При этомъ считаю не лишнимъ повторить, что стипендіаты по части механики должны пробыть оба года въ московскомъ техническомъ училищѣ, подчиняясь всѣмъ правиламъ этого заведенія и подвергаясь ежегодно экзаменамъ

въ опредѣленные для всѣхъ учащихся сроки, и что предварительно командировки они должны выдать надлежащія подписки въ точномъ исполненіи всѣхъ принимаемыхъ ими на себя, согласно сему циркуляру, обязательствъ». *Опредѣлили*: просить факультетъ рекомендовать кандидатовъ.

4. Отношеніе департамента народнаго просвѣщенія отъ 17-го мая за № 6177: «бельгійскій посланникъ при Высочайшемъ Дворѣ увѣдомилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, что на бывшей въ Брюсселѣ въ августѣ 1880 г. конференціи для разсмотрѣнія вопросовъ по предмету международнаго обмѣна научныхъ и литературныхъ изданій выработаны делегатами государствъ, принявшихъ участіе въ той конференціи, предварительныя правила. Въ видахъ установленія, на основаніи этихъ правилъ, системы помянутаго обмѣна, бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ полагалъ необходимымъ ввести тѣ статьи въ дипломатическій актъ, который предложить на утвержденіе государствъ, коихъ представители были въ брюссельской конференціи, а также и тѣхъ, которыя полагаютъ приступить къ этому акту.

Полученное по сему предмету въ министерствѣ народнаго просвѣщенія отношеніе управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было передано на заключеніе председателя русской комиссіи по международному обмѣну изданій, который нынѣ отозвался, что какъ существенною частію проектируемыхъ правилъ русская комиссія уже руководствуется при своихъ сношеніяхъ съ французскою и итальянскою комиссіями, то поэтому не представлялось бы никакого затрудненія ввести эти правила въ дипломатическій актъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ виду того, что, по силѣ означенныхъ правилъ, каждая отдѣльная комми-

сія обязана напечатать возможно - полный списокъ сочиненіямъ, которыя могутъ быть предоставлены для международнаго обмѣна, а затѣмъ въ первой четверти каждаго года дополнять, въ чемъ будетъ слѣдовать, этотъ списокъ, — было бы полезно теперъ же просить министерства, главныя управления, академіи, университеты, а также общества, пользующіяся правительственными субсидіями, составить немедленно списокъ тѣмъ сочиненіямъ, которыя могли-бы быть уступлены ими для обмѣна, равно и на будущее время, въ началѣ года, доставлять такой-же списокъ вновь изданнымъ сочиненіямъ.

Вслѣдствіе сего департаментъ народнаго просвѣщенія, по приказанію г. министра, долгомъ считаетъ обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ Вашемъ благосклонномъ содѣйствіи къ доставленію русской комисіи по международному обмѣну изданій какъ вышеупомянутыхъ списковъ, такъ и имѣющихъ быть указанными въ нихъ сочиненій, изданныхъ по ввѣренному Вамъ, Милостивый Государь, учрежденію и о послѣдующемъ увѣдомить департаментъ. *Опредѣлили*: передать въ факультеты для доставленія въ совѣтъ требуемыхъ свѣдѣній.

5. Представленія факультетовъ о результатахъ контрольных и окончательныхъ испытаній. *Опредѣлили*: согласно удостоенію факультетовъ, переводъ поименованныхъ въ представленіяхъ студентовъ въ высшіе курсы утвердить, а окончившихъ курсъ утвердить въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ податному состоянію.

6. Представленіе физико-математическаго факультета о продленіи срока подачи кандидатской диссертациі Николаю

Дорошевскому до 1-го октября 1881 года. *Опредѣлили*: отсрочить.

7. Представленія факультетовъ о назначенныхъ темахъ для соисканія премій въ будущемъ году: на историко-филологическомъ факультетѣ по всеобщей исторіи «Ліудпранда Бременскаго Legatio Constantinopolitana».

На физико-математическомъ факультетѣ:

по геологійи «о геологическомъ строеніи юго-западной части Россіи»,

по астрономіи «опредѣленіе направленной къ землѣ слагающей собственнаго движенія звѣздъ изъ наблюденій надъ ихъ спектромъ».

На юридическомъ:

по исторіи русскаго права «о формахъ землевладѣнія въ древней Россіи;

по гражданскому судопроизводству «о правѣ мировыхъ судей согласно 129 ст. уст. гражд. суд. разсматривать и рѣшать гражданскія дѣла по совѣсти».

По полицейскому праву «народное продовольствіе въ Россіи».

По междунарадному праву «международные пути и средства сообщеній. *Опредѣлили*: утвердить.

8. Представленіе физико-математическаго факультета о назначеніи слѣдующихъ часовъ для чтенія лекцій: а) по практической астрономіи—по средамъ отъ 12—2 для студентовъ III и IV к. и б) по сферической астрономіи—по четвергамъ отъ 10—12 для студентовъ III-го курса. *Опредѣлили*: утвердить.

9. Отложенный разсмотрѣніемъ въ прошломъ засѣданіи (ст. 3) вопросъ о дозволеніи бывшему казначею Селиванову сохранить за собою занимаемую имъ нынѣ квар-

тиру до сентября. *Опредѣлили*: донести г. попечителю, что совѣтъ не встрѣчаетъ препятствія въ занятіи г. Селивановымъ квартиры казначея до дѣйствительнаго перемѣщенія вновь избраннаго казначея.

10. Обсуждалось заслушанное въ прошломъ засѣданіи представленіе правленія о перенесеніи университетской канцеляріи въ нижній этажъ и соединенномъ съ этимъ передвиженіи другихъ учреждений. *Опредѣлили*: утвердить проектъ, представленный правленіемъ за исключеніемъ профессорской лекторіи, которая остается въ прежнемъ помѣщеніи; согласно съ предложеніемъ г. Кочубинскаго перенести мебель изъ кабинета инспектора въ профессорскую лекторію и просить правленіе позаботиться объ улучшеніи освѣщенія лекторіи.

11. Представленіе правленія слѣдующаго содержания: эзекуторъ университета Шульцъ, рапортомъ отъ 24 мая донесъ правленію, что въ кабинетахъ: зоологическомъ, минералогическомъ и практической механики въ разное время текущаго мая отъ незакрытія водопроводныхъ крановъ произошло истеченіе воды на полъ, вслѣдствіе чего образовалась сырость въ стѣнахъ и потолкахъ комнатъ нижняго этажа, помѣщающихся подъ кабинетами. По справкамъ, собраннымъ эзекуторомъ, оказалось, что лаборанты двухъ первыхъ кабинетовъ, открывъ водопроводные краны въ то время, когда въ водопроводныхъ трубахъ не было воды, оставили краны открытыми въ ожиданіи воды, и затѣмъ ушли изъ кабинетовъ, позабывъ закрыть краны. Во время же ихъ отсутствія показалась вода, и какъ водопроводные резервуары, находящіеся подъ кранами, были заткнуты, то вода, переполнивъ ихъ, лилась на полъ. Тоже случилось и въ кабинетѣ практической механики, гдѣ слу-

INDEX SEMINUM

in horto botanico Universitatis Caesareae Novae Rossiae

anno 1880 collectorum.

(* Semina plantarum spontanearum).

Cryptogamae.

- Adiantum tenerum Sm. p. t. Polypodium irioides Lam. p. c.
Aspidium falcatum Swz. p. Pteris longifolia L. p. t.
Didymochlaena lunulata Desv. p.c. Todea africana Willd. p. f.
Nephrolepis exaltata Schott. p. c.

Monocotyledoneae.

Amaryllideae.

- Amaryllis longifolia Gvol. p. t.
Clivia nobilis Lindl. p. c.
Sternbergia colchiciflora W. et K.
Zephyranthes candida Herb. p. c.

Bromeliaceae.

- Bilbergia zebrina Lindl. p. c.
Hohenbergia strobilacea Schult. p. c.

Cannaceae.

- Canna indica L. p. fr.
— logunensis Lindl. p. fr.
— limbata Rosc. p. f.
— lutea Rosc. p. f.
— Warschewiczii Bché. p. f.

Commelinaceae.

- Commelina sp.

Cyperaceae.

- Carex atrata L. p.
— muricata L. p.
— straminea W. p.

- Eriophorum capitatum Host.

- Mariscus cylindricus ?

- Scirpus atrovirens Willd. p.

Dioscoreae.

- Dioscorea sinuata.

Gramineae.

- Aegopogon tenellus Trin. a.

- Agrostis alba L. p.

<i>Agrostis vulgaris</i> With. p.	<i>Hordeum Hystrix</i> Roth. a.
<i>Alopecurus pratensis</i> L. p.	— <i>jubatum</i> L. a.
<i>Ammophila baltica</i> Lnk. a.	— <i>macrolepis</i> A. Br. a.
<i>Andropogon Sorghum</i> Brot.	— <i>trifurcatum</i> Ser. a.
<i>Anthephora elegans</i> Schreb. a.	— <i>vulgare</i> L. v. <i>nigrum</i> a.
<i>Arundinella miliacea</i> Hort. Basil.	— — v. <i>aestivalis</i> a.
a.	<i>Lagurus ovatus</i> L. p.
<i>Arundo collina</i> (Ten.) Hort.	<i>Lappago racemosa</i> Schred. a.
Univ. Romanae. p.	<i>Lolium temulentum</i> L. a.
<i>Asorella Hystrix</i> Cav. p.	<i>Melica altissima</i> L. p.
— <i>major</i> W. p.	— <i>ciliata</i> L. p.
<i>Avena borealis</i> Brot. a.	<i>Nardurus unilateralis</i> L. a.
— <i>Ludoviciana</i> Dur. a.	<i>Panicum capillare</i> Gren. a.
— <i>orientalis</i> Schreb. a.	— <i>fimbriatum</i> Kth. a.
— <i>podolica</i> Pascal. a.	— <i>plicatum</i> Lam. p. c.
— <i>sativa</i> L. v. <i>mutica trisperma</i> a.	— <i>Teneriffae</i> A. Br. a.
<i>Bromus parviflorus</i> Desf. a.	<i>Paspalum elegans</i> Flüg.
— <i>wolgensis</i> Spr. a.	<i>Penisetum longistylum</i> Hochst. a.
<i>Calamagrostis sylvatica</i> DC. a.	<i>Phalaris canariensis</i> L. a.
<i>Cenchrus spinifera</i> Cav. a.	<i>Phleum annuum</i> Sieb. a.
<i>Chloris barbata</i> Swartz. a.	— <i>pratense</i> L. p.
<i>Cynosurus cristatus</i> L. a.	<i>Poa nemoralis</i> L. p.
<i>Dactylis altaica</i> Bess. a.	— <i>pratensis</i> L. p.
<i>Deyeuxia retrofracta</i> Knth. a.	<i>Secale cereale</i> L. a.
<i>Diarrhena americana</i> P. B. p.	<i>Setaria italica</i> P. B. a.
<i>Digitaria sanguinalis</i> Scop. a.	— <i>viridis</i> R. Br. a.
<i>Elymus canadensis</i> L. p.	<i>Sorghum caffrorum</i> Knth. a.
— <i>sibiricus</i> L. p.	— <i>saccharatum</i> Mönch. a.
<i>Eragrostis megastachya</i> Lnk. a.	<i>Spelta Seringei</i> Jord. a.
<i>Festuca borealis</i> M. et K. p.	<i>Stipa capillata</i> L. p.
— <i>ovina</i> L. p.	— <i>pennata</i> L. p.
— <i>pratensis</i> Huds. p.	<i>Trachynia distachya</i> Lnk. p.
<i>Glyceria norvegica</i> Rupr. p.	<i>Triticum aegyptiacum</i> Hort. a.
<i>Holcus annuus</i> Salzm. p.	— <i>caninum</i> L. p.
<i>Hordeum distichum</i> L. v. <i>erectum</i> a.	— <i>compositum</i> L. a.
— — v. <i>nigrum</i> a.	— <i>cristatum</i> Schred. a.
— <i>himalayense</i> Schult. a.	— <i>durum</i> Desf. a.
	— <i>Spelta</i> L. a.

- Urolepis cuprea* Knth. b.
Irideae.
Bobartia occulta
Lapeyrousia corymbosa Ker. p. t.
Iuncaceae.
Luzula albida L. p.
Iuncus bulbosus L. p.
Iuncagineae.
Triglochin maritimum L. p.
Liliaceae.
Albuca major L. p. f.
Aloë margaritifera L. p. t.
— *verrucosa* L. p. t.
Allium atropurpureum W. et K. p.
— *Cepa* L. p.
— *illyricum* Jacq. p.
— *obliquum* L. p.
Allium Porrum L. b.
* — *rotundum* L. p.
— *senescens* L. p.
— *Schoenoprasum* L. p.
Arthropodium cirrhatum R.Br.p.f.
**Asparagus verticillatus* L.
Conanthera Echeandia Pers. p. f.
Eucomis africanus p. f.
Muscari racemosa Med. p.
Ornithogalum Ekloni Fisch. p.f.d.
— *longibracteatum* Jacq.p.
— *narbonense* Dod. v.
violaceum p.
— *refractum* W. et K. p.
Restiaceae.
Pallavia falcata

Dicotyledoneae.

- Acanthaceae.**
Lepidagathis fasciculata Nees.
Acerineae.
Acer Pseudo-Platanus L. l.
Amaranthaceae.
Amaranthus retroflexus L. a.
Amblygyne polygonoides Rafin. a.
Celosia argentea L. a.
Gomphrena decumbens Jacq. a.
— *globosa* L. alba. a.
— — *atropurpurea*
Telanthera paronychioides Schult.
a.
Ampelideae.
Ampelopsis quinquefolia Rich. l.
Amygdaleae.
Prunus Armeniaca L. l.
— *spinosa* L. l.
Apocynaceae.
Vinca rosea L. l. t.
Araliaceae.
Aralia umbraculifera Hort.
Aristolochiaceae.
**Aristolochia Clematidis* L. p.
— *fimbriata* Chmes. p. f.
Asperifoliaceae.
Caccinia strigosa Boiss. p.
Echium rubrum Jacq. p.
Heliotropium europaeum L. a.
— *peruvianum* L. l.
Lindefolia spectabilis Lehm. d.
Lithospermum arvense L. a.
Mattia canescens DC. b.
Symphytum asperum Lepech. p.
— *echinatum* Ledeb. p.
Tournefortia heliotropoides Hook.

- Balsamineae.**
Impatiens Balsamina L. a.
- Begoniaceae.**
Begonia grandis Dryand. p. c.
 — *heracleifolia* Ch. et Schl. p. c.
 — *semperflorens* Lnk. et O. p. c.
- Berberideae.**
Leontice altaica Pall. p.
- Büttneriaceae.**
Ridleya corchorifolia DC. a.
- Caesalpiaceae.**
Gleditschia triacanthos L. l.
- Campanulaceae.**
Campanula pulcherrima Schrank. p.
Campanula Trachelium L. p.
Trachelium coeruleum L. p. f.
- Caryophyllaceae.**
Arenaria graminifolia Schrad. a.
 — *rigida* M. B.
Dianthus prolifer L. p.
 — *pruinosis* Boiss. p.
Gypsophila paniculata L. p.
Lychnis chalcedonica L. p.
Melandrium pratense Roehl. p.
Moehringia trinervia Clairv. a.
Saponaria officinalis L. p.
Silene inflata Smith. p.
 — *noctiflora* L. a.
 * — *saponariaefolia* Schtt. p.
- Celastrineae.**
Evonymus europaeus L. l.
- Chenopodiaceae.**
Beta palellaris Moq. a.
 — *stricta* Koch. a.
Chenopodium Botrys L. a.
 — *urbicum* L. a.
- Chenopodium Vulvaria* L. a.
Salsola rosacea L. a.
 — *Soda* L. a.
Spinacia spinosa Mönch. a.
- Cistineae.**
Helianthemum calcareum Jord. p.
- Compositae.**
Anthemis Chia L. a.
Artemisia Absinthium L. p.
Aster altaicus W. a.
 — *amoenus* Lam. a.
 — *chinensis* L. a.
 — *cyaneus* Hoffm. a.
Astrothrix asperrima Cass. p.
Bidens pilosa L. a.
Calendula officinalis L. a.
Carthamus tinctorius L. a.
 **Centaurea calocephala* Willd. p.
 — *coronopifolia* Lam. p.
Chrysanthemum segetum L. a.
Cineraria maritima L. l. f.
 — *Petasites* Sims. l. f.
Cirsium canum. M. B. p.
Cnicus benedictus L. a.
Conoclinium janthinum Morr. l. c.
 **Erigeron canadensis* L.
Guizotia oleifera DC. a.
Helianthus annuus L. multfl. pyramid.
Inula Helenium L. p.
Iva ciliata Willd. a.
Lappa tomentosa Lam. p.
Notabasis syriaca Cass. a.
 **Onopordon Acanthium* L. b.
 — *tauricum* Willd. p.
Polymnia grandis l.
Pyrethrum Balsamita Willd. p.
 — *carneum* M. B. p.
 — *Parthenium Sm. aureum*.

Rudbeckia laciniata L. p.
 Sanvitalia procumbens Lam. a.
 Silphium perfoliatum L. p.
 Tagetes erecta L. a.

— patula L. a.

Tanacetum vulgare L. b.
 Tragopogon major Jacq. p.
 Urtica bipinnatifida L. t.
 Xanthium spinosum L. a.
 Zinnia elegans Jacq. a.

Connaraceae.

Caeorum tricoccum L. l.

Convolvulaceae.

Calystegia limbata
 Evolvulus linifolius L. a.
 Ipomaea purpurea Roth. a.
 Nolana prostrata L. fil. a.
 Pharbitis bilimbata Hort. a.

Crassulaceae.

Crassula lactea Ait. p. t.
 — spathulata Thb. p. f.
 Escheveria secunda Lindl. p.
 *Sedum maximum Sut. p.
 — Sieboldii Sweet. p. c.
 Thisantha glomerata Ech, et
 Zeyh. a. t.

Cruciferae.

Bunias orientalis L. p.
 *Cakile maritima Scop.
 Cheiranthus Cheiri DC. b.
 Crambe cordifolia Stev. p.
 Hirschfeldia incana DC. a.
 Iberis amara L. a.
 Sinapis alba L. a.
 — arvensis L. a.
 — integrifolia Willd. a.
 — pekinensis Lam. a.
 Raphanus caudatus L. a.
 — fugax Presl. a.

Raphanus Garganus F. et M. a.
 — sativus L. oleif. a.

Cucurbitaceae.

Citrullus amarus Schrad. a.
 Cucumis Citrullus Ser. a.
 — dipsaceus Ehrb. a.
 Cucurbita Melo Ser. a.
 — Pepo L. a.

Cyclanthera pedata Schrad. a.
 Momordica Charantia L. a.
 — Elaterium L. a.

Rhynchocharpa dissecta Ndn. p.
 Sicyospermum gracile A. Gray. a.

Cuscutaceae.

Cuscuta Epilinum L.

Dipsacaceae.

Dipsacus fullonum Mill. b.
 Knautia orientalis L. a.
 Scabiosa alpina L. a.
 — atropurpurea L. a.

Euphorbiaceae.

Ricinus Obermanni.

Haloragaceae.

Serpicula numidica Cass. a.

Hypericoineae.

Hypericum perforatum L. p.

Iasmineae.

Iasminum fruticosum. l.

Labiatae.

*Ajuga Chamaepitys Schreb. a.
 Betonica officinalis L. p.
 Calamintha officinalis L. p.
 Clinopodium vulgare L. p.
 Coleus Verschaffeldii l. t.
 Dracocephalum moldavica L. p.
 Elscholtzia cristata Willd. a.
 Hyssopus officinalis L. p.
 Lallelantia iberica Fisch. et
 Mey. a.

- Lallemantia peltata* F. et M. a. *Althaea officinalis* L. p.
Leonurus Cardiaca L. p. — *rosea* Cav. b.
Marrubiastrum vulgare L. a. *Anoda hastata* Cav. a.
Mentha piperita L. p. *Hibiscus abyssinicus* Steud. a.
— *viridis* L. — *gossypinus* Thunb. a.
Ocimum Basilicum L. a. — *Martianus* Zucc. p.
Panzeria sibirica Mönch. a. — *syriacus* L. l.
Perilla nankinense Desne. a. — *ternatus* Cav. a.
Plectranthus amethystoides Benth. — *Trionum* L. a.
l. f. — *vesicarius* Cav. a.
Salvia acaulis Vahl. *Kitaiabelia vitifolia* Willd. p.
— *austriaca* L. p. **Lavatera thuringiaca* L. p.
— *cleistogama* Paul et De By. *Madiola caroliniana* Mönch. p.
— *officinalis* L. p. *Malva Durieni* Spach. a.
— *sylvestris* L. p. — *moschata* L. p.
— *verbenacea* L. p. — *sylvestris* L.
— *verticillata* L. p. *Palavia malviflora* Cav. a.
atureja hortensis L. a. *Sida crispa* L. a.
Scutellaria peregrina L. p. *Sphaeralcea miniata* St. Hil.
Linaceae. **Nyctagineae.**
Linum hirsutum L. a. *Mirabilis Jalappa* L. p. f. d.
— *monadelphum* Mart. a. — *longiflora* L. p. f. d.
— *multiflorum* Hort. a. *Oxybaphus violaceus* Chois. p. f. d.
— *nervosum* Waldst. a. **Oleaceae.**
— *perenne* L. p. *Syringa vulgaris* L. l.
— *regale* Hort. a. **Onagrariaceae.**
Lobeliaceae. *Epilobium hirsutum* L. p.
Clintonia pulchella Lindl. a. *Gaura parviflora* Dougl. a.
Lobelia Cliffortiana L. a. *Oenothera Sellowii* L. p.
— *heterophylla* Labill. a. **Orobanchaceae.**
Lonicereae. **Orobanche cumana* Wallr. a.
Lonicera tatarica L. l. **Phelipaea arenaria* Walp. a.
Lythriaceae. **Oxalidaceae.**
Cuphea lanceolata Ait. a. *Oxalis corniculata* L. atropur-
Lythrum decandrum L. p. purea. p.
— *myrtifolium* Sweet. p. **Papaveraceae.**
— *virgatum* L. a. *Bocconia cordata* Willd. p.
Malvaceae. *Chelidonium majus* L. p.
Abutilon Avicennae Gärtn. a. *Cycticapnos africana* Gärtn. a.

- Escholtzia californica* Cham. a.
 **Fumaria Vaillantii* Lois.
Glaucium fulvum L. b.
Papaver orientale L. p.
 — *Rhoeas* L. a.
 — — fl. pleno.
Roemeria hybrida DC. a.
 Papilionaceae.
Amorpha fruticosa L. l.
Baptisia australis R. Br. p.
 — *minor* Lehm. p.
Caragana arborescens Lam. l.
Colutea arborescens L. l.
Cytisus Laburnum L. l.
Dolichos Catjang L. a.
 — *Lablab* L. a.
Gelega officinalis L. p.
 — *orientalis* Lam. p.
Glycyrrhiza echinata L. p.
Hedysarum coronarium L. p.
Lathyrus latifolius Hor. Univ.
 Romanae.
Lupinus hirsutus L. a.
 **Melilotus alba* Lam. p.
 — *caerulea* Lam. β. laxi-
 flora Rochel. p.
 — *taurica* DC. p.
Phaseolus amethystinus Savi. a.
 — *multiflorus* L. a.
 — *sphaericus* Mart. a.
Pisum abyssinicum R. Br. a.
 — *humile* Mill. a.
 — *quadratum* Mill. a.
 — *Zeylanicum* Hort. a.
Rhynchosia Precatoria DC. p. f.
Robinia Pseudacacia L. l.
Soja hispida Mönch. a.
Sophora japonica L. l.
 **Trifolium arvense* L. a.
- Vicia ferruginea* Bess. a.
 * — *paannonica* Jacq. a.
 — *pilosa* M. B. a.
 Pedalineae.]
Martynia fragrans Lindl. a.
 Phytolaccaceae.
Phytolacca decandra L. p.
Rivina aurantiaca H. Giess.
 — *purpurascens* Schrad. l. c.
 Piperaceae.
Piper aromaticum Willd.
 Plantaginaceae.
Plantago lanceolata L. p.
 — *major* L. p.
 Plumbaginaceae.
Armeria plantaginea W. v. bra-
 chylepis Boiss. p.
 Polemoniaceae.
Gilia nivalis Van Houtt. a.
Phlox Drumondii Hook. a.
 Polygonaceae.
Emex Centropodium Meisn. a.
Eriogonum umbellatum Benth.
Fagopyrum emarginatum Meisn.
 a.
Oxyria reniformis Hook. v. *glauca*
Polygonum orientale L. a.
Rheum caspicum L. v. *canali-*
 culatum. p.
Rheum caspicum L. v. *tetrago-*
 num. p.
Rumex Fischeri Rehb. p.
 — *Patientia* L. p.
 — *stenophyllum* Ledb. p.
 Pomaceae.
Crataegus Oxyacantha L. l.
 Portulaccaceae.
Portulacca grandiflora Hook. a.
 — *rostellata* Brign.

Primulaceae.

- Anagallis vulgaris* L. a.
Lysimachia atropurpurea L. b.
 — *punctata* L. p.

Ranunculaceae.

- Aquilegia glandulosa* F. et M. p.
Anemone baldensis L. p.
Clematis recta L. p.
 **Delphinium Consolida* L. a.
Nigella Damascena L. a.
Ranunculus muricatus L. a.
Thalictrum appendiculatum Ledb.
 a.
Thalictrum mucronatum K. et B. p.
Trautvetteria palmata Fisch. p.
Reseda alba L. a.
 — *odorata* L. a.

Rhamnaceae.

- Paliurus aculeatus* L. p.

Rosaceae.

- Agrimonia pilosa* Ledb.
Dryas octopetala L. p.
Geum chilense Balb. p.
Margyricarpus setosus R. et P.
 **Potentilla argentea* L. p.
 — *inclinata* Vill. p.
 — *collina* Wibel. p.
 — *recta* L. p.
 * — — β . *obscura* p.

- Poterium Sanguisorba* L. p.
Rosa canina L. l.
Sanguisorba officinalis L. p.

Rubiaceae.

- Asperula tinctoria* L. p.
Galium humifusum M. B. a.
Richardsonia (*Richardia* L.)
scabra L. a.

Rutaceae.

- Ruta graveolens* L. p.

Saurureae.

- Houttuynia cordata* Thunb. p.

Sclerantheseae.

- Scleranthus annuus* L. a.

Solanaceae.

- Atropa biflora* R. et P. p.
Capsicum annuum L. long. lut.
 — — *monstrosum*.
 — — *rubrum*.
Datura arborea L. l. t.
 — *fastuosa* L. a.
Dictyocalyx quadrivalvis Hook a.
Hyoscyamus albus L. a.
 * — *niger* L. a.
Lycopersicum esculentum Mill.
monstr. a.
Lycopersicum esculentum pru-
niforme. a.
Lycopersicum racemigerum Dun-
a.
Nicandra physaloides Gärttn. a.
Nicotiana glauca L. l. f.
 — *rustica* L. a.
 — *Tabacum* L. grand-
fl. purp. a.
Petunia hybrida L. a.
 — *nyctaginiflora* Iuss.
Physalis Alkekengi L. p.
Sarracha stapeliaeflora Desv. a.
Solanum atropurpur. Schrank. lt.
 — *capsicastrum* Lnk. l. f.
 — *citrullifolium* A. Br. a.
 — *Dulcamara* L. l.
 — *Melongena* L. fr. alb. ovif.
 — — *viol. monstr.*
 — *miniatum* Bernh.
 — *nigrum* L. a.
Umbelliferae.
 **Angelica sylvestris* L. p.

Bulbon gummiferum L. p.
Carum Carvi L. p.
Eryngium giganteum M. B. p.
Ferula communis L. p.
Foeniculum vulgare Gärt. b.
Heracleum amplissimum Wend. p.
Oenanthe Tordoni Ten. a.
Pastinaca lucida Gouan. b.
 — *opaca* Bernh. b.
Petroselinum sativum Hoffm. b.
Scandix brachycarpa Iuss. a.

Urticaceae.

Urtica balearica L. a.
 — *cannabina* L. a.

L. Reinhard,
 horti director.

Valerianeae.

Fedia Cornucopiae Vahl.

Verbenaceae

Lantana aculeata L. l. t.

Verbena hybrida L. p.

Violarieae.

Viola odorata L. p.

— *persicifolia* Schrank. p.

— *prionantha* Bnge. p.

— *tricolor* L. maxima. a.

Xanthoxyleae.

Ailanthus glandulosa Desf. l.

Zygophyllaceae.

Tribulus terrestris L. a.

Zygophyllum Fabago L. p.

L. Geissler,
 hortulanus.

II. Часть ученая.

Посвящаю

ТЕОДОРУ ИВАНОВИЧУ
БУСЛАЕВУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О планѣ и цѣли моего Введенія въ миѳологію Одиссеи я высказался въ появившемся въ прошломъ году отчетѣ подъ заглавіемъ: О занятіяхъ по критикѣ и миѳологіи гомеровскаго эпоса (изъ XXX т. Записокъ Имп. Новоросс. Унив.).

Здѣсь спѣшу только высказать свою благодарность проф. Леонарду Зеноновичу Колмачевскому въ Казани за щедрыя указанія по литературѣ народныхъ воззрѣній и преданій, а также учителю Рипельевской Гимназіи Роберту Эмильевичу Заузе въ Одессѣ за дѣятельную помощь, казанную имъ мнѣ, какъ при собираніи матеріала, такъ и во время самаго печатанія.

Леопольдъ Воеводскій.

ОДЕССА,
10 Октябръ 1881 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о мифологическомъ изученіи Гомера. Мифы о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ. Солнце въ конъюнкціи съ луною. Солнечный культъ, древнѣйшія космогоніи и философскія системы	1
Борьба небесныхъ свѣтилъ	5
Воюющіе люди.	7
О «звукѣ» свѣтилъ	15
Конъюнкція луны съ солнцемъ	30
Мифы о происхожденіи рода человѣческаго.	56
Воюющія животныя	109
Походъ журавлей противъ Пигмеевъ	126
Борьба съ неодушевленными предметами.	143
Солнечный герой и звѣздное дерево	153
Солнечная теорія	182
Вліяніе солнечнаго культа на духовное развитіе Грековъ. Древнѣйшія философскія системы	196

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

«Рога и уши».	207
«Вѣшаніе»	208
«Волкъ»	212
«Мухи»	215
Виклопъ Поллиѳемъ	218
Одиссей подъ листьями	233

Введеніе въ міеологію Одиссея.

Л. Ф. Воеводскаго.

Nicht blos der äussern, auch der innern Geschichte des Griechischen Volks ist ihre Wurzel abgeschnitten, wenn man den Mythos als für die Wissenschaft unbrauchbar wegwirft; oder an die Stelle dieser einzigen ächten Quelle willkührliche Annahmen und Hirngespinnste setzt.

Karl Otfried Müller Prolegomena (1825) стр. 207.

ГЛАВА I.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о міеологическомъ изученіи Гомера. Мифы о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ. Солнце въ конъюнкціи съ луною. Солнечный культъ, древнѣйшія космогоніи и философскія системы.

Πόλεμος πατήρ πάντων. Ира и гнѣвъ.

Гомеровская литература по части формальной и такъ называемой высшей критики давно уже успѣла сдѣлаться необозримою. Между тѣмъ, не смотря на все безпримѣрное усердіе, съ которыми разрабатывались гомеровскіе вопросы съ самаго появленія знаменитаго «Введенія» Вольфа¹⁾ вплоть по на-

¹⁾ Frid. Aug. Wolfius Prolegomena ad Homerum, sive de operum Homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi. I (1795).

стоящее время, все еще остается почти еовсѣмъ неизслѣдованною одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ въ гомеровскихъ эпопеяхъ — ихъ *миеологія*. Мы увидимъ ниже, что дѣлались, правда, нѣкоторыя попытки уразумѣть миическую основу гомеровскаго эпоса; но тѣмъ не менѣе можно сказать, что до сихъ поръ еще не существуетъ ни одной работы, которая по справедливости могла бы называться «Гомеровскою миеологіею».

Чтобы убѣдиться, какъ мало сдѣлано классическою филологіею по этой части, достаточно было бы заглянуть хоть въ «Греческую миеологію» Преллера, гдѣ относительно Иліады и Одиссеи мы почти ничего не находимъ кромѣ сжатой передачи содержанія этихъ произведеній, — передачи, лишенной въ такомъ видѣ всякаго научнаго значенія²⁾. Но Преллеръ, положимъ, никогда не былъ въ строгомъ смыслѣ миеологомъ, а считался и отчасти, къ сожалѣнію, до сихъ поръ продолжаетъ считаться таковымъ лишь ошибочно, вслѣдствіе слишкомъ поверхностнаго отношенія большинства ученыхъ къ миеологіи. Возьмемъ же, вмѣсто Преллера, новѣйшее изслѣдованіе, специально посвященное гомеровской миеологіи, появившуюся недавно книгу Зибеля подѣ заглавіемъ «Миeологія Иліады».

Въ этой книгѣ мы не находимъ почти никакихъ указаній на работы предшественниковъ по гомеровской миeологіи. Вся книга дѣлится собственно на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ изложеніе взгляда Зибеля на миeи вообще и на гомеровскіе въ частности, съ прибавленіемъ весьма неполнаго, поверхностнаго обзора миeологическихъ теорій; вторая часть представляетъ краткую, сухую передачу того, что говорится въ Иліадѣ о богахъ и разныхъ герояхъ, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ реалій, но зато безъ всякихъ миeологическихъ поясненій, — если не считать двухъ-трехъ примѣчаній весьма

²⁾ L. Preller Griechische Mythologie II° (1875) стр. 456 — 463. Нѣсколько замѣчаній о миeахъ Гомера встрѣчается, конечно, и въ другихъ мѣстахъ этого сочиненія (больше всего о Фаэакахъ, I^o [1872] стр. 315—319), но всѣ они относятся скорѣе къ области краснорѣчія или поэзіи, чѣмъ къ миeологіи.

сомнительнаго достоинства, помѣщенныхъ въ концѣ книги³⁾. Эта вторая часть, не смотря на то, что она носитъ еще спеціальное заглавіе «Миеологія Иліады», не можетъ даже служить справочною книгою для отыскиванія миеовъ Иліады, такъ какъ, вслѣдствіе того, что авторъ ея не понимаетъ важнѣйшихъ миеическихъ чертъ, она едва ли даетъ въ этомъ отношеніи больше того, что можно найти у Буркгардта, Фридрихъ, или у Бухгольца⁴⁾, не говоря уже о столь полномъ словарѣ, каковъ Эбелинга *Lexicon Homericum* (1871—1881). Что же касается первой части, заключающей въ себѣ взглядъ Зибеля на миеы, то въ ней похвально только, такъ сказать, *стремленіе* къ болѣе раціональному направленію, чѣмъ то, которое мы находимъ у Преллера и подобныхъ миеологовъ; о *направленіи*, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть у Зибеля и рѣчи, въ виду слишкомъ недостаточнаго знакомства его съ миеологическимъ матеріаломъ и отсутствія вообще спеціальной подготовки.

Несостоятельность миеологическихъ приемовъ Зибеля особенно наглядно явствуетъ изъ примѣра, которымъ онъ поясняетъ свой взглядъ на миеы, въ главѣ: «Объясненіе миеа о походѣ журавлей противъ Пигмэевъ»⁵⁾. Все, что говоритъ по этому поводу Зибель, сводится къ слѣдующей аргументаціи: Журавли, собираясь осенью въ одно мѣсто и улетаая съ шумомъ и крикомъ на югъ, напоминали воинственнымъ Грекамъ войско, отправляющееся въ походъ; не доставало только свѣ-

³⁾ Ludw. v. Sybel Die Mythologie der Ilias (1877) стр. 293—296.— Самъ авторъ говоритъ на стр. 131: Wir hoffen, das vorgezeichnete Verfahren werde uns in das innerste Verständniss [такъ!] der Mythologie der Ilias einführen, indem wir dabei doch *auf jede Deutung verzichten, deren Richtigkeit nicht der Dichter selbst durch ausdrückliche Erklärung verbürgte* [!!].

⁴⁾ Gust. Em. Burkhardt Die Mythologie des Homer und Hesiod für mittlere Gymnasialklassen zugleich als homerische Einleitung bearbeitet (1844); J. B. Friedrich Die Realien in der Iliade und Odyssee. Zweite mit Zusätzen verm. Ausg. (1856); E. Buchholz Die homerischen Realien I 1 (1871): Homerische Kosmographie und Geographie.

⁵⁾ Sybel ук. соч. стр. 7—12; также стр. 300.

дѣній, гдѣ и съ кѣмъ воюетъ журавлиное войско; этотъ пробѣлъ дополновъ воображеніемъ. Неопредѣленное представленіе о томъ, что журавли летятъ куда-то на край свѣта, вызвало привычное для Грековъ представленіе волнъ Океана, на краю земли. Тутъ, значитъ, живутъ и враги журавлей. Подъ вліяніемъ аналогичнаго представленія о походѣ войска, враги журавлей представлялись народомъ, людьми; соотвѣтственно же величинѣ самихъ журавлей, они представлялись малорослыми, въ локоть или кулакъ, *ποῦμή*, вслѣдствіе чего и получили названіе Пигмеевъ, *Πυγμαῖοι*. — Въ концѣ этого объясненія читаемъ: «Мы отвели мнѣу мѣсто въ исторіи человеческого познанія»!

Итакъ, съ одной стороны, потребность логической послѣдовательности была у Грековъ, по Зибелю, столь велика, что, усматривая разъ въ журавляхъ черты, напоминающія войско, они считали необходимымъ пополнить аналогію догадками, причемъ не забыли даже принять въ расчетъ и ростъ журавлей; съ другой — они все-таки не сообразили, что, если люди борются обыкновенно съ людьми, то птицамъ естественнѣе всего бороться съ птицами, а не съ людьми! Полагаю, что ни Греки, ни какіе-либо другіе народы не слагали своихъ мифовъ столь нелогичнымъ образомъ.

Убѣдившись, что древнѣйшее представленіе, отразившееся въ мифѣ о борьбѣ журавлей съ Пигмеями, имѣетъ весьма важное значеніе въ мифологіи вообще, и полагая, что уразумѣніе этого мифа значительно облегчитъ намъ и пониманіе мифологическаго содержанія Одиссеи, я считаю умѣстнымъ приступить здѣсь же къ разсмотрѣнію этого мифа. Къ сожалѣнію, именно мифъ о борьбѣ журавлей съ Пигмеями едва-ли принадлежитъ къ числу самыхъ прозрачныхъ, какъ полагаетъ Зибель⁶⁾; напротивъ, онъ представляетъ собою, кажется, результатъ довольно сложнаго процесса, выяснить который трудно, безъ предварительнаго изученія цѣлаго ряда другихъ мифовъ. Въ его основѣ

⁶⁾ Sybel ук. соч. стр. 7.

лежитъ, по моему мнѣнію, представленіе о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ: каждое утро солнце одолеваетъ звѣзды, и каждый вечеръ звѣзды берутъ верхъ надъ солнцемъ. Но для полнаго уразумѣнія этого мифа, конечно, далеко не достаточно признать только существованіе такого представленія о борьбѣ свѣтилъ. Здѣсь я постараюсь привести, въ поясненіе моего взгляда, хоть то немногое, на чемъ можно остановиться, такъ-сказать, мимоходомъ. При этомъ я позволю себѣ однако дѣлать и нѣкоторыя отступленія, — имѣя главнымъ образомъ въ виду изложить то, что считаю болѣе существеннымъ для ознакомленія съ гомеровскою мифологією вообще и преимущественно съ мифологією Одиссея.

Борьба небесныхъ свѣтилъ.

Въ мифахъ звѣзды являются то людьми, мужчинами или женщинами, нерѣдко дѣтьми; то разными животными, птицами, рыбами и насекомыми; то листьями, цветками, или плодами; то, наконецъ, камнями, воздями и разными другими предметами⁷⁾. Это, какъ увидимъ ниже, объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что разныя слова, примѣнявшіяся первоначально совсѣмъ правильно къ описанію небесныхъ свѣтилъ, получили съ теченіемъ времени иное значеніе (напр. прилагательныя превращались въ существительныя, въ названія весьма различныхъ вещей).

⁷⁾ F. L. W. Schwartz Die poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer u. Germanen in ihrer Beziehung zur Mythologie I (Sonne, Mond und Sterne 1864) въ алфавитномъ указателѣ даетъ далеко не полный перечень предметовъ, мифологически означающихъ звѣзды: дѣти, карлики, души, осы, рыбы, жуки, пчелы, мотыльки, яблоки, глава, возди, камни, жемчужь, искры, щепки. А. Афанасьевъ въ Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу III (1869) въ алфав. указ. приводитъ еще: кони, орлы, вороги, жемчужья зерна, драгоценныя камнѣя, окна, оловки, свѣтильники, стрѣлы, приколы, золотыя клубки.

Различно представлялось и отношеніе звѣздъ къ солнцу. Главнымъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что онѣ являлись, съ одной стороны, принадлежащими солнцу, его дѣтьми, домочадцами, товарищами, его ночью стражею или войскомъ, которое *за ними слѣдуетъ*, а съ другой — его врагами, которые *преслѣдуютъ его* (ἔποισι иногда = διώκω; ср. *sequi, persequi, folgen, verfolgen*), воюютъ съ нимъ и, какъ мы уже замѣтили, то побѣждаютъ имъ, то сами одерживаютъ надъ нимъ побѣду. Прежде всего сюда относятся мифы о борьбѣ героевъ со *своими*. Такъ напр. *Зантъ*, одинъ изъ предводителей. Ахейнъ, свирѣпствуетъ противъ Ахейнъ и самъ зато преслѣдуются ими. Такъ *Одиссей* «не избѣжалъ борьбы даже среди своихъ» (φίλοι), не смотря на то, что былъ для нихъ «ласковымъ, какъ отецъ». Первоначально онъ былъ, какъ увидимъ, и настоящимъ виновникомъ гибели «всѣхъ своихъ товарищей» (тѣ-же φίλοι). Сюда-же относятся и отцы, *пожирающіе своихъ дѣтей*, и м. проч. названіе *Агамемнона* «царь, *пожиратель народа*».

Представленія, объясняющія смѣну дня и ночи враждебными отношеніями небесныхъ свѣтилъ, дали не только цѣлый рядъ мифовъ о разныхъ народахъ, враждебно выступающихъ противъ солнечныхъ боговъ и героевъ, но и о *воюющихъ эсивотныхъ, птицахъ, муравьяхъ* и т. д., и даже о превращающихся въ войско разныхъ неодушевленныхъ предметахъ.

Существеннѣйшее осложненіе этой категоріи мифовъ заключалось въ томъ, что солнечные герои, выступающіе противъ враждебнаго войска звѣздъ, представлялись въ то же время сами предводительствующими такимъ же войскомъ звѣздъ. Отсюда получалась обыкновенно борьба двухъ войскъ, двухъ народовъ. Но насколько еще помнилась первоначальная жестокость обоихъ войскъ, являлись мифы о народѣ, погибшемъ въ междоусобной борьбѣ, или по крайней мѣрѣ о виновственныхъ упражненіяхъ, въ которыхъ одна часть войска состязается съ другою. Подобно же тому, какъ у солнечнаго героя являлось предводительствуемое имъ войско, такъ и у его враговъ являлся нерѣдко свой предводитель, — другой сол-

нечный герой. Въ такихъ случаяхъ всего естественнѣе было изображать героя борющимся съ героемъ, а войско съ войскомъ.

Подтверженіемъ сказаннаго послужитъ краткій обзоръ самыхъ характеристичныхъ мифовъ. Достаточно будетъ простаго сопоставленія, чтобы убѣдиться, что къ числу этихъ мифовъ относится и борьба журавлей съ Пигмеями. Начнемъ съ тѣхъ мифовъ, въ которыхъ звѣзды являются людьми, затѣмъ перейдемъ къ разсказамъ, въ которыхъ являются въ томъ же значеніи животныя, и закончимъ нѣкоторыми соотвѣтствующими мифами о неодушевленныхъ предметахъ.

Воюющіе люди.

Въ числѣ названій *воинственныхъ народовъ* особенно видное мѣсто занимаютъ у Грековъ *Амазонки*, женскія представительницы звѣздъ. Онѣ воюютъ съ разными солнечными героями, *Ахилломъ*, *Веллерофонтомъ* и другими, между прочимъ также съ знаменитымъ обладателемъ «золотой чаши (χρῦσεον δέπας) *Солнца*», *Иракломъ*⁸⁾. Послѣдній похищаетъ у нихъ, какъ извѣстно, *поясъ Ипполиты*, который, безъ сомнѣнія, означалъ первоначально дуговидную луну, исчезающую съ ночнаго неба, т. е. уходящую отъ звѣздъ и появляющуюся на дневномъ небѣ, у солнца. Въ иномъ мифѣ (о посѣщеніи Иракломъ Скиѳіи), въ которомъ принадлежащій Ираклу поясъ съ золотою чашею (φιάλη) является прототипомъ *скиѳскихъ поясовъ*, мы имѣемъ весьма поучительное сочетаніе «пояса» съ «золотою чашею»⁹⁾. — Что

⁸⁾ Въ этой чашѣ *Иракл* похищаетъ «красныхъ королей» (φαινιχᾶς βῆας), т. е. звѣзды. Apollod. II 5, 19. О солнцѣ, какъ выстилицѣ звѣздъ, см. мой отчетъ: О ваятіяхъ по критикѣ и мифологіи гомеровскаго вѣка (1880) стр. 61 прим. 50 и стр. 82.

⁹⁾ Herodot. IV 10.—Какъ вообще всякая *одежда* и *утварь*, такъ и поясъ имѣлъ уже съ древнѣйшихъ поръ символическое значеніе. O грh. fragm. 7 (Masgob. Sat. I 18):

Ταῦτά γε πάντα τελεῖν ἱερῶ σκευῇ ποκάσαντα,
σῶμα θεοῦ πλάττειν ἑριανυοῦς Ἴηλλοιο.
πρῶτα μὲν ἀργυρέαις ἐναλλήχιον ἀκτίνοισιν

и *лука Иракла*, такъ же точно какъ и громадный *лукъ Одиссея*, *Парида*, *Эрота* и многихъ другихъ, означаетъ тоже дуговидную луну, въ ея приближеніи къ солнцу, — мысль по крайней мѣрѣ уже не новая, хотя до сихъ поръ она все еще остается, къ сожалѣнію, не доказанною систематически¹⁰⁾. Главная трудность заключается, кажется, въ томъ, что большинство мнелоговъ усматриваетъ въ принадлежащихъ обладателю *лука стрѣлахъ* не звѣзды, что скорѣе соотвѣтствовало бы представленію луны въ видѣ *лука*, а *солнечные лучи*¹¹⁾. Сочетаніе

πέπλον φρονίμων περί ἔκκελον ἀμφιβαλέσθαι.
αὐτὰρ ὑπερθε νεβροῦ παλαιόλου εὐρὺ καθάψαι
δέσμα πολέστιγυτον θηρός κατὰ δεξιὸν ὤμων,
ἕστρων διαδάλλων μίμημ' ἱεροῦ τε πόλοιο.
ἔτα δ' ὑπερθε νεβρῆς χρύσειον ζωστήρα βαλέσθαι,
παμφανώνοντα, περίξ στέρνων φορέειν, μέγα σῆμα
εὐθύς δ' ἐκ περάτων γαίης φαέθον ἀνορούστων
χρυσείαις ἀκτίσι βάλλη ῥέον ὠκεανοῦ. . . .
. . . ζώνη δ' ἄρ' ὑπὸ στέρνων ἀμετρήτων
φαίνετ' ἄρ' ὠκεανοῦ κύκλος, μέγα θαῦμα ἐσιδέσθαι.

Этотъ *кругъ* (= поясъ) *Океана* (здѣсь = *рука Океана*) означалъ первоначально солнечную дугу, т. е. луну (*Океанъ*—название солнца; ср. ниже прим. 33, о *руль Океана*). — О мнелогическомъ значеніи *одежды* у Славянъ свидѣлствуютъ выраженія, указанныя А. А. Потебнею О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи (1860) стр. 38, именно въ сербской пѣснѣ:

Сунуемъ славу повезала
Месецуемъ се опасала
А везедами макитила;

въ южной Сибири: «Обложусь я облаками, подпоишусь я красною зарею [первоначально=луною?], огорожусь свѣтлымъ мѣсяцемъ, обтычусь я частыми звѣздами, освѣчусь я краснымъ солнышкомъ» (см. также ниже въ концѣ примѣч. 11); въ Малороссіи: «Місяцемъ обгородала, сонечкомъ підперезала».

¹⁰⁾ См. напр. N a h n *Sagwissenschaftliche Studien* (1876) стр. 213 прим. 34 и др. м.

¹¹⁾ Даже въ столь очевидно лунномъ божествѣ, какова *Артемиды*, N a h n въ ун. соч. стр. 463 сл. отырываетъ солнечный характеръ главнымъ образомъ потому, что ему не вѣрится, dass eine ursprüngliche Mondgöttin als Bogenschützin gedacht werden könnte, weil der Mond keine Strahlen, folglich auch keine Pfeile zu versenden hat. На томъ же основаніи W. J o r d a n, въ N. J a r b. f. P h i l o l. u. P ä d. CXIII (1881) стр. 86, доказываетъ, что впитеть Аполлона ἀργυρότοξος означаетъ не «обладающаго серебрянымъ лукомъ»

солнца съ луною и звѣздами считается повидимому невѣроятнымъ. Чтобы обнаружить несостоятельность такого мнѣнія, вспомнимъ хоть извѣстное мѣсто *Иліады*, гдѣ описывается, какъ Аполлонъ, этотъ несомнѣнно солнечный богъ, «сошелъ съ вершинъ Олимпа» и, «уподобившись ночи» (*ὄχθι ἐοικώς*), стрѣлялъ изъ серебрянаго лука, убивалъ своими стрѣлами муловъ, «блестящихъ собакъ» (*κύνας ἀργούς*) и людей, и становился такимъ образомъ виновникомъ «множества пылающихъ костровъ», на которыхъ сожигались умершие (*πυράϊ νεκρῶν καλοῦτο θάρματα*)¹²). Тутъ Аполлонъ, сошедшій съ вершинъ Олимпа, т. е. «Свѣтлаго», и уподобившійся ночи, очевидно, означаетъ солнце, сошедшее съ дневнаго неба и скрывшееся на ночномъ; соотвѣтственно съ этимъ, въ *стрѣлахъ, мулахъ, блестящихъ собакахъ, людяхъ и пылающихъ кострахъ* мы должны усматривать лишь сопоставленіе разныхъ названій и эпитетовъ—не солнечныхъ лучей, конечно,—а *звѣзды*. Дѣло въ томъ, что, по древнѣйшимъ понятіямъ, солнце—царь вселенной: ему принадлежитъ не только дневное, но и ночное небо вмѣстѣ съ луною и звѣздами¹³). Въ *Одиссеѣ* не ме-

а «стрѣляющаго серебромъ», причемъ настаиваетъ на томъ, что «даже» въ позднѣйшей послѣгомеровской прозѣ *τόξα* встрѣчается иногда въ значеніи стрѣлы». Но у Гомера *τόξον*, *τόξα*, всегда означаетъ лукъ. Стоить только обратить вниманіе на частое сочетаніе этого слова съ прилагательными *ἀγκύλον*, *ἐκκρότες*, *καμπύλον*, *κυκλωτέρες*, *καλίγονον*, на сложное *ἀγκυλοτόξος*, и на употребленіе съ глаголами, въ родѣ *ἐντανύειν*, и т. п. Но такъ какъ для обозначенія *дня*, т. е. дневнаго свѣта, по необходимости должны были употребляться названія *солнца*, то неудивительно, если съ теченіемъ времени «стрѣлы солнца» стали пониматься иногда въ значеніи лучей (*θερμὰ ἡλίου τοξέματα* Stob. Flor. XCVII 17; въ томъ же смыслѣ *τόξα ἡλίου* E u g. Herc. sur. 1090; ср. *tela diei*—*radii solis* Lucr. I 148 и въ др. м.). Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣютъ выраженія въ родѣ E u g. Hippol. 531: *ἀστρων ὑπέρτερον βέλος*.—Что стрѣлы означали звѣзды, это доказывается также и тѣмъ, что у Аполлона онѣ «звучать», т. е. сияютъ, именно тогда, когда онъ уподобился ночи (*Iliad.* I 46). Ср. также заговоръ: «Покроюсь (отъ недуга) небесами, подпущусь свѣтлыми зорями, обложусь частыми звѣздами, что острыми стрѣлами». А е в а с ѣ в ѣ у к. соч. I стр. 246.

¹²) *Iliad.* I 46—52.

¹³) Такъ же точно и наоборотъ, въ мѣвахъ, въ которыхъ хозяйкою дома (вселенной) изображается *луна*, этой послѣдней принадлежатъ не только звѣзды,

нѣе поучительно параллельное съ этимъ описаніе *Иракла* въ подземномъ царствѣ. Получившій значеніе преисподней «домъ (или вообще страна) *Аида*», собственно: «домъ Невидимаго», т. е. ночнаго солнца, соответствуетъ «темному (т. е. ночному) царству» или «черному городу» нашихъ сказокъ и означалъ первоначально то же самое небо, какъ Олимпъ и «свѣтлое царство», съ тою только разницею, что въ немъ дневной свѣтъ является замѣненнымъ ночью темнотою^{13а)}. Тутъ Ираклъ, «подобный черной ночи» (ἐρεμνῆ νυκτὶ ἑοικώς; поэтому: βίτη 'Иракла(τῆ, εἶδωλον, чему противопоставлено αὐτός), имѣетъ «обнаженный лугъ» — вѣсто серебрянаго луга Аполлона; и кажется онъ постоянно пускающимъ стрѣлу (подраз. одну за другою). «Вокругъ же него происходитъ гулъ отъ мертвецовъ, какъ отъ птицъ (κλαγγὴ νεκρῶν ἤν οἰωνῶν ὄς; — гулъ = сіяніе; мертвецъ и птицы = звѣзды) — соответственно «трупамъ» на «пылающихъ кострахъ» въ Иліадѣ. Кромѣ того на груди у него — *перевязь* съ изображеніемъ «медведей, кабановъ, сверкающихъ глазами львовъ и сраженія, рѣзни, убійствъ и избіенія мужей» — соответственно упоминаемому въ Иліадѣ дѣйстви- тельному избіенію муловъ, собакъ и людей¹⁴⁾. «Золотая перевязь», очевидно, не что иное, какъ повтореніе того же, что означаетъ и «обнаженный лугъ», — т. е. сіяющая луна (замѣтимъ, что въ противоположномъ смыслѣ употребляется обыкновенно κελαιόμενος); «гулъ» же точно такъ же, какъ и «костры съ тру-

но и солнце. Такова въ нашихъ связкахъ *Баба-Яга*. Принадлежаціе ей золотой щитъ, черный, красный и бѣлый всадники — не что иное, какъ разные названія солнца, соответствующія разнымъ временамъ дня и ночи. (*Ступа*, въ которой она ѣдетъ, есть названіе самой луны; *помяло* Яги замѣнило собою звѣздное дерево, о которомъ ниже; *пылающіе черепа, кости*, на которыхъ она катается *маки, зерна* и т. п. — звѣзды. О бытовомъ значеніи некоторыхъ изъ этихъ чертъ см. м. о. и Этологич. и мнѣолог. замѣтки I).

^{13а)} Указаніе длиннаго ряда сказокъ, въ которыхъ встрѣчаются «черный городъ», представилъ Л. Колмачевскій (въ рецензій моего отчета О занятіяхъ) въ Филологич. Запискахъ XX (1881) вып. II «Библиографія» стр. 12 сл.

¹⁴⁾ Odys. XI 601—614. Ср. также мѣсто Iliad. X 11 сл. и XVIII 492 сл., приведенныя ниже въ примѣч. 52.

нами», — сіяніе звѣздъ, въ виду того, что слова, означавшія «звуть», первоначально означали одинаково и «свѣтъ»¹⁵⁾. Далѣе, «медвѣди, кабаны, сверкающіе глазами львы» (*χαροποι λέοντες*) и т. д. — обычныя въ мифахъ названія небесныхъ свѣтилъ; въ данномъ случаѣ это — звѣзды (ср. м. проч. и разныя стада животныхъ, окружающія *Артемиду*, *Кирку* и другихъ представительницъ луны). Замѣну же *дѣйствительности*, о которой новѣствуютъ одни мифы, *изображеніемъ* и даже просто *плодомъ воображенія, сравненіемъ* и т. п. приѣмами въ другихъ — мы встрѣтимъ еще неоднократно. Въ разсматриваемыхъ мѣстахъ, кромѣ сопоставленія «стрѣлъ» съ другими названіями звѣздъ, для насъ въ частности важно еще обратить вниманіе на то, какъ тѣсно съ представленіемъ звѣздъ связалось представленіе о борьбѣ (*δριμάι τε μάχαι τε φβοι τ' ἀδροχασ(αι) τε*).

На счетъ же греческихъ сказаній объ *Амазонкахъ* нельзя при этомъ случаѣ не замѣтить, что все, что повторяютъ еще въ новѣйшее время *Дункверъ*¹⁶⁾ и другіе о происхожденіи этихъ преданій отъ историческихъ извѣстій о существованіи огромнаго количества вооруженныхъ дѣвицъ въ западнойсѣверныхъ храмахъ лунной богини *Ма*, не объясняетъ происхожденія, а указываетъ только на одно изъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ живучести этихъ сказаній¹⁷⁾. Самое появленіе цѣлыхъ

¹⁵⁾ См. пока мой отчетъ О занятіяхъ и т. д. стр. 60 сл.

¹⁶⁾ *Max Duncker Geschichte des Alterthums I* (1874) стр. 404 слл. Эту мысль высказалъ впервые *E. H. Tölsken Ueber das Basrelief u. d. Unterschied d. plast. u. maler. Composition* (1815). За нимъ послѣдовало большинство ученыхъ, писавшихъ объ Амазонкахъ. Обширную литературу, сопоставленную *K. H. W. Völcker*'омъ *Mythische Geographie der Griechen und Römer I* (1832) стр. 217 и 219, пополнилъ *H. W. Stoll* (и *W. S. Teuffel*) въ *Pauly's Realencyclopädie der classisch. Alterthumswissenschaft I 1* (1864) стр. 830—837. — См. также *Paul Fr. A. Nitsch Neues mythologisches Wörterbuch I* (1831) стр. 153 слл; *Herm. Alex. Fischer Bellerophon. Eine mythologische Abhandlung* (1851) стр. 31 слл. Особенно неудачными кажутся мнѣ соображенія *F. G. Bergmann's Les Amazones dans l'histoire et dans la fable* (1852).

¹⁷⁾ Даже *Преллеръ Gr. Mythol. II* (1875) стр. 85 догадывается, что подобныя культы вызваны мифическими представленіями. Но нельзя но улыб-

тысячъ вооруженныхъ дѣвъ въ храмахъ луны обусловлено представлѣніемъ о звѣздахъ, окружающихъ это свѣтило въ видѣ женскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственныхъ существъ. У Грековъ имѣлась еще цѣлая масса сродныхъ преданій, которыя никакъ не могутъ быть приведены въ связь съ каппадокійскимъ культомъ; таково, напр., преданіе о *женщинахъ враждебныхъ Одиссею, Орфею* и др.; о *Данаидахъ* и женщинахъ на островѣ *Лемносъ*, убивающихъ мужьевъ своихъ; о *Марписѣ* съ тегайскими женщинами и о *Телесиллѣ* съ аргосскими, побѣдившихъ Лакедемонянъ¹⁸⁾; и т. п. Наконецъ, подобныя же мнѣя существуютъ и у Германцевъ, Славянъ и другихъ народовъ¹⁹⁾. — Для насъ особенно интересно, во первыхъ, что Амазонки являются борющимися не только съ отдѣльными героями, но и съ ихъ войсками, и, вторыхъ, что онѣ являются

нуться, читая у него: Diese kriegerischen Frauen, die in grossen Schaaren als Umgebung der Mondkönigin auf wilden Rossen umherstürmen, machen in solchen Fabeln ganz den Eindruck eines wilden Heeres am Himmel, eines Heeres von Stürmen [такъ!] und Wolken, das den unheimlichen [такъ!] Eindruck der asiatischen Mondgöttin nicht wenig verstärkt. Cp. F. L. W. Schwartz Der Ursprung der Mythologie dargestellt an griechischer und deutscher Sage (1860) стр. 88, гдѣ, при известной склонности Швартца видѣть во всемъ грозовыя явленія, Амазонки представляются конечно грозовыми дѣвами, Gewitterjungfrauen. Слѣдуетъ однако замѣтить, что это послѣднее мнѣніе далеко еще не такъ неудачно, въ виду того, что небесныя свѣтла представлялись дѣйствительно производящими грозовыя явленія; хотя Швартцъ и не успѣлъ уяснить себѣ этого, но и ему такая мысль, особенно по отношенію къ солнцу, не могла быть совсѣмъ чуждою; см. напр. ук. соч. стр. 153.

¹⁸⁾ Раув. VIII 48, 4 сл.; II 20, 8 сл. Весьма интересно сравнить эти мѣста, особенно послѣднее, съ преданіемъ о защитѣ города *Кульма* женщинами противъ *Сельтопольа Померанскаго* въ 1247 году. Tettau u. Gemthe Die Volkssagen Ostpreussens, Lithauens und Westpreussens (1837) стр. 47.

¹⁹⁾ См. напр. E. L. Rochholz Deutscher Glaube und Brauch im Spiegel der heidnischen Vorzeit II (1867) стр. 287 сл.: Deutsche Frauen vor dem Feinde. Cp. Оскар Шаде Die Sage von der heiligen Ursula und den elftausend Jungfrauen. Ein Beitrag zur Sagenforschung (1854). Изъ славянскаго міра можно указать на старочешское преданіе о *Властѣ*, основательницѣ Дѣвина, и затѣянной ею *длинной войнѣ*. Franz Palazky Geschichte von Böhmen I³ (1844) стр. 89. См. также указанное въ предыдущемъ примѣчаніи сказаніе о *Кульмск. женщинахъ*.

иногда сами войскомъ того же самаго героя, противъ котораго борются: таково ихъ отношеніе, напр., къ *Діонису*²⁰⁾, что даетъ возможность сблизить ихъ съ его обычными спутниками, *Вакханками*, ночныя сборища которыхъ ясно обнаруживаютъ ихъ звѣздное значеніе.

Какъ *мужскіе* представители звѣздъ, для насъ тутъ важнѣе всѣхъ — сами *Греки* и ихъ враги *Троянцы*. Греки называются у Гомера: то *Аргосцами* — жителями Аргоса или потомками Арга, т. е. «Блестящаго» (солнца); — то *Ахейцами*; то *Данаями*, что означало вѣроятно «Свѣтлыхъ» такъ же точно, какъ и сдѣлавшееся впоследствии общимъ названіе *Эллины*^{20а)}. Въ *Иліадѣ* война Аргосцевъ съ Троянцами

²⁰⁾ Слич. *Diod.* III 71, 3 сл. и 74, 2 съ *Plut.* *Qu. Gr.* 56; ср. *Gauly's Realencyclopädie* I 1² стр. 837.

^{20а)} Если позволительно допустить, что въ словѣ *Δαναός* первое α произошло изъ ā (ср. *Δανάδοι*; *Hev. Scut.* 229; *Aesch. Prom.* 794 αί *Φορκίδες* *δῆμαί* *λόρα* и *Et. M.* s. v. *Δαναός*: ... *δαναοί γάρ οἱ νεκροί, τοῦτοστι ἕρροί*), въ такомъ случаѣ необходимо сопоставить это имя съ именемъ *Zesca* *Δῶν* (отъ корня *DIV* «сиять», откуда и *δῆν*, *δῆναός*), любовницею котораго является *Данаэ*. Другія попытки объяснить это имя см. у *Gottfr. Muys'a Forschungen auf dem Gebiete der alten Völker u. Mythengeschichte* I (1856) стр. 40 сл.; II (1858) стр. 291. По поводу преданія о переселеніи Ливійскаго царя *Даная*, брата *Эгнита*, въ Аргосъ *H. Brugsch* въ книгѣ *H. Schlie man'n's Ilios, Stadt und Land der Trojaner* (1881) стр. 820 указываетъ на возможность сближенія имени *Даная* съ названіемъ страны и народа *Теханни* или *Техени*. *Der Name Tehannu, auch nur Tehan, Thangeschrieben, ... ist echt ägyptischen Ursprungs; er muss zurückgeführt werden auf die ägyptische Wurzel thn «glänzen, leuchten, blitzen, strahlen, (vgl. kopt. ΘΗΝ fulgur)...* Для насъ особенно интересно слѣдующее замѣчаніе его тамъ же стр. 822 сл.: *Auf den erhaltenen Steinen und in den Papyrusrollen dieser Epoche (во времена Птоломеевъ)... werden die Hellenen mit dem Namen Uinen, Ueinen belegt... Das also geschriebene Wort ist sprachlich nicht verwandt weder mit den Ἰώνες, Ἴωνες der Griechen, noch mit dem Javan der Bibel, wie allgemein angenommen worden ist, sondern bildet eine Ableitung der ägyptischen Wurzel uni, uini... mit den Bedeutungen des lateinischen lumen, lux, splendor, und verbunden mit dem Zeitworte er (=facere, esse): fulgere, splendere, illucescere, illuminare, oder participial: lucidus, splendens. Ich bemerke gleich an dieser Stelle, wie thatsächlich die Völkergruppen der zu den Uinen gerechneten Pelasger (Pelasger) und Tekkar (Teucrer) auf einem Denkmale aus den Zeiten Königs Ramses III [1200 до Р.Х.] einmal bezeichnet werden mit Hülfe eines semitischen Wortes von gleicher Bedeutung als *taber* d. i. ... «glänzend, leuchtend, hervorragend, berühmt»...*

сравнивается именно съ походомъ журавлей противъ Пигмэевъ. Что въ этой эпопееъ Аргосцы и Троянцы борются не столько съ отдѣльными солнечными героями, сколько съ цѣлымъ войскомъ враговъ, народъ противъ народа, — въ этомъ не трудно признать результатъ усложненія, такъ какъ не сгладились еще слѣды болѣе первоначальной формы этихъ преданій. Такъ, напр., въ Илиадѣ одно появленіе Ахилла на краѣ поля сраженія обращаетъ въ бѣгство цѣлое войско, причеъ особенно интересно, что въ это время голова Ахилла, чудеснымъ образомъ, *пылаетъ огнемъ*, а онъ самъ ничего не дѣлаетъ другаго, какъ только *сильно кричитъ*²¹⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что первоначально тутъ говорилось о солнцѣ, какъ объ огненной *головѣ* (*lucis caput* у Лукреція), прогонящей звѣзды своимъ «крикомъ» т. е. сіяніемъ. Подобнымъ образомъ въ нашихъ былинахъ *Соловей-Разбойникъ* (т. е. солнце, убивающее звѣзды), обитатель «*въковчыхъ дубовъ*, что «*вершинами въ небо ввизаютъ*» (т. е. обитатель звѣзднаго дерева, — на которомъ еще неоднократно придется намъ останавливаться), «*свиститъ по соловьиному*» (ср. польск. gwizdac *свистѣть*, gwiazda *звѣзда*, gwoźdź *гвоздь*; — въ мнѣху гвозди замѣняютъ звѣзды), «*шипитъ по змѣиному*» (ср. *шипъ* = польск. gwoźdź) и *реветъ по звѣриному*; и когда засвѣтитъ онъ, то не только *замираютъ листья въ зеленомъ лѣсу* или *валятся маковки съ церквей*, но и «*всѣ люди на дворѣ мертвы лежатъ*.» Очевидно, что, какъ листья и маковки (и другіе предметы, соотвѣтствующие имъ въ разныхъ вариантахъ),

Es ist aber kaum anzunehmen, dass der ägyptische Eigenname *Uimen* im Zusammenhang mit dem semitischen *taker*, beide im Sinne von «hell, leuchtend, glänzend», eine Erfindung der Aegypter gewesen sei. Im Gegentheil darf die Voraussetzung Platz greifen, dass der Name *Uimen* die ägyptische *Uebersetzung*, einer echt griechischen Benennung des hellenischen Volksstammes darstellt habe, und in dieser Beziehung denke ich an die Namen *Hellas*, *Hellas* selber, deren Wurzel mir in dem griechischen Stamme *sei* (vgl. *σελας*, *σελας*, *σελάσσομαι*) mit der Bedeutung von «Glanz, hell sein, glänzen, leuchten, schimmern» zu liegen scheint. (Ср. ниже примѣч. 89).

²¹⁾ Илја д. XVIII 202—231.

такъ и люди означаютъ здѣсь звѣзды, исчезающія отъ солнечнаго вѣянiя. Значенiе самого *Соловья Разбойника* лучше всего поясняетъ загадка: «Стоитъ дубъ *стародуба*, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ *птица* веретеница; никто её не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица» — отвѣтъ: «Небеса и Солнце»²²). Ср. также поговорку: «Безъ милого *Соловейка* и свѣтъ не свѣтае».

О «звукѣ» свѣтилъ.

По поводу *Ахиллесова «крика»*, столь похожаго своимъ дѣйствиємъ на «свистъ», «рѣвъ» и «шипъ» *Соловья Разбойника*, необходимо прежде всего вспомнить эпитеты и названiя солнечныхъ героевъ: *Ἀντιφάτης*, *Πολύφημος*²³), *Ἰσὴν ἀγαθός*²⁴), *λιγὺς ἀγορητής*, *Γηρυών* и т. п. *Тидей «ревелъ полуденнымъ голосомъ, какъ змѣя»*²⁵). Не

²²) Вл. Далъ Пословицы русскаго народа II³ (1879) стр. 598. Если бы *Соловей-Разбойникъ* былъ дѣйствительно, какъ полагаютъ обыкновенно, только виновникомъ грозовыхъ явленiй, или такъ называемымъ «лицетворенiемъ» грозы, бури, вѣтра, на чтѣ однако, какъ мнѣ кажется, нѣтъ никакихъ указанiй въ былинахъ, — то и въ такомъ случаѣ не было бы ни малѣйшаго основанiя отрицать его солнечное значенiе, такъ какъ «гремящимъ» («*ромъ*») «сверкающимъ» («*молнiя*») и «дующимъ» («*ветеръ*») первоначально могло считаться только солнце. Вспомнимъ только названiе *Зевса*, — божества, относительно котораго мы далѣе убѣдимся, что первоначально оно было не что иное, какъ солнце, — *Ζεὺς αἰολοβρόντης* (Pind. Ol. IX 64), т. е. «Свѣтлый, дующiй (или летающiй = птица, *αἰετός*) и гремящiй». Извѣстно, что въ видѣ отдельнаго отъ *Зевса* лица *Θαλλ*, *Aiolos*, является уже у Гомера «правителемъ вѣтровъ». Такъ же точно и *Βροντῆς*, *Βρόντης*, «Громовникъ» является отдельнымъ лицомъ уже у Исиода. *Зевса*, *Ζεὺς*, успѣлъ превратиться въ верховное божество, отличаемое отъ солнца. Между тѣмъ всѣ эти три лица своими существеннѣйшими чертами напоминаютъ однако свою первоначальную идентичность съ солнцемъ.

²³) Объ имени *Полынеи*, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ производимыхъ отъ корня *ВНА* (говорить = сiять) мы еще будемъ говорить ниже.

²⁴) Слѣдуетъ полагать, что однимъ изъ эпитетовъ солнца было слово *ῥαῖς*. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что *рыба*, носящая это названiе (см. Athen. VII 27 p. 287), была посвящена *Эрмию* — одному изъ древнѣйшихъ солнечныхъ божествъ. Что вообще небесныя свѣтила въ мифахъ являются между прочимъ и рыбами, мы увидимъ на множествѣ примѣровъ.

²⁵) Aesch. Sept. adv. Th. 380.

Τιδεὺς δὲ μαργῶν καὶ μάχης λελιμμένος
μεισηβριναῖς κλαγγαῖσι ὡς δράκων βοῆ.

останавливаясь пока на безчисленныхъ данныхъ языка, свидѣтельствующихъ о тѣснѣйшемъ сродствѣ, или о первоначальной идентичности и безразличномъ употребленіи выраженій, обозначающихъ впоследствии то *звуковыя*, то *свѣтотыя* явленія, каковы, напр., сочетанія въ родѣ: «свѣтлый» или «бѣлый [т. е. звѣчный] голосъ» и «черный [т. е. хриплый, невнятный] голосъ» — *λαμπρά, λευκή, μέλαινα φωνή* — *candida, fusca vox* — *helle Stimme* и т. п.²⁶); вспомнимъ здѣсь только от-

На счетъ *змѣя* (солнечнаго) интересно сличить Verg. Georg. III 425—439. *Δράκων*, отъ корня дерк, «зрѣть» (=сіять, ср. Odys. XIX 446 *πῶρ δ' ὀφθαλμοῖσι δεδορκώς*), было, безъ сомнѣнія, тоже названіемъ солнца и вообще небесныхъ свѣтилъ. Ср. м. проч. O гр h. Нумн. VIII 1 *πανθερκίς ἔχων αἰώνιον ὄμμα* (ср. *ἥλιος*); E гр. El. 1177 *Ζεῦ, πανθερκέα βροτῶν*; Iliad. XIV 344 *ὄδ' ἄν νῶϊ διαδράκοι Ἥελίος περ*; и т. п. (Что въ мифическихъ змѣяхъ наши мѣтѣологи усматриваютъ обыкновенно «символъ» молніи, тучи и даже «олицетвореніе» грозы, мрака и т. п., это мнѣ кажется просто свѣдѣніемъ поверхностнаго анализа, при слѣшкомъ исключительномъ настаиваніи на позднѣйшей семасіологій слова. См. напр. [F. L. W.] Schwartz Die Alt-Griechischen Schlangengottheiten. Ein Beitrag zur Glaubensgeschichte der Urzeit [1858] стр. 15 сл.; А е а н а с ѣ в ѣ въ Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу II [1868] стр. 509 сл.; и мн. др. Если же разные солнечные герои являются столь часто побѣдителями змѣевъ, то это обуславливается отчасти тѣми же причинами, вслѣдствіе которыхъ солнечныя существа изображаются въ мифахъ сплошь-да-рядомъ выступающими враждебно другъ противъ друга, чаще же всего, по крайней мѣрѣ въ греческихъ мифахъ, тѣмъ, что подъ «змѣемъ» [*δράκων*, вмѣсто женскаго *δράκαινα*] понималась иногда луна, а подъ «змѣями» — звѣзды).

²⁶) Aristot. Top. I 13 (15), 4: *φωνή γὰρ λευκή καὶ μέλαινα λέγεται, ὁμοίως δὲ καὶ χρῶμα*. Ср. *λαμπρά φωνή, Ἀυλαοφρήμη, ἔλαμψε φάσμα, φωνέμεν ἀοιδήν, λβυος φωνεῖς* и т. п. См. также G. Curtius Grundz. d. griech. Etymologie^s (1872) стр. 296 сл. № 407, и мой отчетъ Означенійхъ стр. 60 сл. — Мо г. Неупе въ Гриммовскомъ словарѣ IV 2 (1877) говоритъ о словѣ *hell*, что это прилагательное, происходящее отъ корня *hall*, inf. *hellen* (*hallen*), встрѣчается въ др. в. нѣм. исключительно, а въ ср. в. нѣм. преимущественно въ примѣненіи къ голосу, звуку, и что лишь въ нов. в. нѣм. начинается преобладать примѣненіе его къ свѣтовымъ явленіямъ. Ср. напр. въ томъ же словарѣ II (1860) слово *Bracht* («трескъ», впоследствии «блескъ», *Pracht*). Ср. также франц. *éclater*. Въ нѣмецк. языкѣ подобный переходъ значенія можно легко прослѣдить на множествѣ примѣровъ. Яко въ Гриммъ Deutsche Grammatik II (1826) стр. 86 сл. привелъ уже, вромѣ вышеуказанныхъ, еще слѣдующія слова: *gold* (*sonogum et lucidum*), *giallr* (*sonorus vel fulgidus*); *gröll*; *gölpr* (*strorrens, затѣмъ conuscans*); *gledm* (*jubur*),

ПОШЕНІЕ МНОЖЕСКИХЪ СВѢТЛЫХЪ СУЩЕСТВЪ КЪ МУЗЫКѢ. *Играютъ*

glamm (strepitus); *hrein* (purus), *hrinr* (clamor); *klingen* (см. Г р и м м о в с к і й словарь V [1873] стр. 1191, гдѣ R. Hildebrand приводитъ для сравненія еще: *bunt* и *schreiend*, употребляемыя въ значеніи звука и свѣта); *dim*, *dumm*, *dumpf* (obscurus, mutus); *singen* и *sengen*. При этомъ онъ замѣчаетъ: Auffallend, dass in den meisten dieser beispiele der schall die frühere, die farbe die spätere bedeutung hergiebt. W. Scherer въ своемъ изданіи Грамматки Г р и м м а (1878) указываетъ еще на: *dammern* (горѣть, звучать): *glimmen* и сканд. *glamm* (hinnitus); *lüt* и *lúter* (громкій, ясный).—Ср. L u d w. Noire Max Müller u. d. Sprachphilosophie (1879) стр. 90. — Относительно подобнаго же перехода значенія въ славянскихъ языкахъ позволю себѣ привести слѣдующее примѣчаніе А. А. Потебни О нѣкотор. симв. стр. 38: «Свѣтъ сближается въ языкѣ со звукомъ. Польск. *łuna*, зарево, а въ ирск. *luna* получаетъ значеніе отзвука, эхо; Русс. *брезжетъ* (свѣтъ), польск. *brzask* мерцаніе звѣзды, свѣтъ восходящаго солнца, чеш. *břesk*, сумерки, *zabřesední zablěditi se*, разсвѣтъ, свѣтитъ, имѣють при себѣ чеш. *břesky*, *břesko*, о громкомъ звукѣ, напр. звукѣ барабана . . . ; Срб. *jasan* эпитетъ голоса, звука литаврѣ . . . , въ Болг. м. проч. — ржанія коня. Въ Словацкой пѣснѣ звукъ свирѣли изображается блескомъ поля: Ja som se pazdale, že se pole *blyská*: Ono to mojej milý na pištale *piska* [Въ О гр ѣ н. Нумн. VIII 10. *Солнце* называется *σφρηκτής*; О гр ѣ н. fragm. 28: Ζεύς . . . πνεύμασι σφρηκτων, φωνήσιν τε ἡερομάρτοισι. Ср. *Свистъ Соловья-Разбойника*. Свирѣль, греч. *σφρηξ*, лит. *sigtla*, происходятъ отъ того же самаго корня *SVAR* (*SAVAR*), отъ котораго происходятъ и названія солнца въ скрт. *svata*, *svata*, венд. *hvae*, греч. *ἥλιος*, лат. *sol*, гоеск. *sauil*, лит. *saule* и т. д.]. *Звукъ яснѣтъ*, какъ свѣтъ: Нек угасе свирке и појевке. Такъ какъ цвѣтъ и по народнымъ представленіямъ — отъ свѣта, то звукъ можетъ обозначаться словомъ, присвоеннымъ цвѣту; обыкновенный эпитетъ *колокольчика—малина*, т. е. громкій и звучный, какъ красна малина». Ср. Θ. Буслевъ въ Историческіе очерки русск. народн. словесности и искусства I (1861) стр. 16 сл. и 113 (по поводу того, что замѣчаетъ авторъ на стр. 17 о словѣ «говорящіе» какъ о постоянномъ эпитетѣ людей у Гомера, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ мѣтахъ, которые вошли въ составъ гомеровскаго эпоса, «говорящіе люди» означали первоначально сіяющія звѣзды). — Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдить, что нѣтъ внутренняго основанія отрицать идентичность фонетически одинаковыхъ корней, если они означаютъ то звукъ, то свѣтъ. A. V a n i ě k Griechisch-latein. etymolog. Wörterbuch (1877) различаетъ, напр., *KAS* *singen*, *preisen* и *KAS glänzen*; *GAR tōnen*, *rufen* и *GAR heiter*, *hellsein*, *glänzen*; *G HAR glühen*, *glänzen*, *heiter sein* и *G HAR tōnen*, *gellen*, *lachen*, *wiehern*; *PAR wehen*, *sprühen*, *lodern*, *flammen* и *PAR schnarren*, *kreischen*; *B HAR*, *BHUR brauen*, *wallen*, *schwellen*, *wogen*, *zucken*, *flackern*, *schimmern* и *B HAR a) tōnen*, *schwirren*, *rauschen*, b) *schwirrend*, *wirbelnd*, *unruhig sich bewegen*; *SVAR tōnen* и *SVAR*, *glänzen*, *leuchten*, *brennen*. Между тѣмъ онъ же самъ признаетъ существованіе такихъ корней, какъ *B HA scheinen*, *leuchten*, . . . offenbaren (казать, *сказати—φάνατι*); *SPAG*, *SPANG a) scheinen*, *strahlen*, b) *tōnen*, *gellen*.

и поютъ представители солнца: *Эрмий, Аполлонъ, Зевсъ*²⁷⁾, *Діонисъ (Μελπόμενος), Иракля, Амфіонъ, Аріонъ, Орфей* и мн. др.²⁸⁾. Такъ же точно и *Ахилла*, отъ крика котораго, какъ мы видѣли, бѣгутъ враги, является въ иномъ мѣстѣ играющимъ и поющимъ, и, чтò особенно замѣчательно, онъ поетъ про себя, безъ слушателей²⁹⁾. Эта старинная черта заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что она весьма легко могла быть опущена, при непониманіи ея первоначальнаго смысла. Въ большинствѣ случаевъ представитель солнца «поетъ» или «рассказываетъ», «говоритъ», въ присутствіи толпы, собранія (звѣздъ), — причѣмъ однако слѣдуетъ всетаки имѣть въ виду, что зато всѣ присутствующіе обыкновенно «умолкаютъ», т. е. не сіяютъ³⁰⁾.

²⁷⁾ Что Зевсъ *явилъ*, можно заключить и проч. изъ его превращенія въ кукушку (P a u s. II 17, 4; ср. 36, 2; Schol. Theog. XV 64) и въ лебедя (*κύκνος*, — вѣроятно того же происхожденія, что и *κόκκυξ*, кукушка), в также его названіе Προμαντεύς, «прорицатель» (ср. χρησμφατεῖν). Насчетъ Ζεὺς πνεύματι σφραγίσων см. предыдущ. примѣч. — Отрывокъ (изъ Титаномахіи) Э в м и л а или А р к т и я н а, приведенный A t h e n. I 40:

μέσσοισιν δ' ὠρχεῖτο πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε,

позволяетъ сблизить Зевса съ Аполлономъ (а слѣдовательно и съ Διόνυσος; Μελπόμενος), тѣмъ болѣе, что тамъ же приведены и слѣдующ. стихи изъ г о м. гимна къ Аполлону (II 336):

[ἤρχε δ' ἄρα σφιν ἄναξ Διὸς υἱὸς] Ἀπόλλων
φάρμιγγ' ἐν χεῖρεσσιν ἔχων, ἑρατὸν κισσαρίζων,
καὶ καὶ ὕψι βιβάς [т. е. ὄρχούμενος, мелпόμενος].

²⁸⁾ Относительно *Илиа* (Ἥλιος) сохранились преимущественно многи позднѣйшей формаціи, — того времени, когда въ языкѣ стали уже строго различаться слова, обозначающія звукъ и свѣтъ. Впрочемъ, если *Илія* называется «обладателемъ золотой *лиры*» (χρυσολύρης) въ оренчеса. гимнѣ (VIII 9; тамъ же 10: σφριктίς), то это едва-ли результатъ простаго смѣшенія съ Аполлономъ.

²⁹⁾ Только *Патрокля*, это второе и *Ахилла*, присутствуетъ, но «молча», Iliad. IX 190.

³⁰⁾ Въ этомъ отношеніи особенно характеристичны такіа мѣста, какъ напр. Iliad. VIII 28:

Ἦς ἔφαθ' [Ζεὺς], οἱ δ' ἄρα πάντες ἀκὴν ἐγένοντο σιωπῇ
μῦθον ἀγασσάμενοι· μάλα γὰρ κρατερῶς ἀγόρευσεν.
ὄψε [такъ!] δὲ δὴ μετέειπε θεὰ γλαυκῶπις Ἄθῆνη [—луна].

O d y s s. I 381

Ἦς ἔφαθ', οἱ δ' ἄρα πάντες ὀδᾶξ ἐν χεῖλεσσι φόντες
Τηλέμαχον θαύμαζον, δ θαρσαλέως ἀγόρευεν.

O d y s s. II 82:

Въ русскихъ былинахъ достаточно будетъ указывать здѣсь только на идентичнаго въ сущности съ *Соловьемъ-Разбойникомъ Соловья Будимировича*, т. е. солнца, *пробуждающую вселенную*, — обладателя «*звончатыхъ цулей*»³¹⁾). О его теремахъ говоритъ былина почти дословно то-же самое, что говорится у Гомера о теремахъ солнечныхъ героевъ *Менелая* и *Алкиноя*:

Хорошо въ теремахъ разукрашено:
 На небѣ *солнце* — во теремѣ *солнце*;
 На небѣ *мѣсяцъ* — во теремѣ *мѣсяцъ*;
 На небѣ *звѣзды* — во теремѣ *звѣзды*;
 На небѣ *заря* — во теремѣ *заря*
 И вся красота поднебесная . . .
 У перваго терема [Запава] послушала:
 Тутъ въ теремѣ *целчитъ, молчитъ* [—ночь]
 Лежитъ Соловьева *золота казна* [—звѣзды].
 Во второмъ теремѣ послушала:
 Тутъ въ теремѣ потихоньку *говорятъ*
 По маленьку *говорятъ, все молитву творятъ*, —
 Молится Соловьева *матушка*
 Со *вдовы* честны, многоrozumными [—луна со звѣздами];
 У третьяго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ *музыка гремитъ* [—день]³²⁾.

ἔθ' ἄλλοι μὲν πάντες ἀκὴν ἔσαν, οὐδέ τις ἔτλη
 Τηλέμαχον μύθοισι ἀμείψασθαι χαλεποῖσιν. И т. п.

Понятно, впрочемъ, что не всегда послѣ словъ *ὄψε δὲ μετέπειπε* слѣдуетъ непременно названіе луны, какъ въ приведенномъ мѣстѣ Иліады: часто одному представителю солнца «отвѣчаетъ» въ такихъ случаяхъ другой солнечный герой.

³¹⁾ Ср. О. Р. Миллеръ *Илья Муромецъ* стр. 555. *Солнце* своимъ свѣтомъ *пробуждаетъ* и *усыпляетъ* въ *Rigv.* X 37, 9. Особенно тѣсно связана эта черта съ обособившимся названіемъ солнца *Савитаръ*, т. е. «Возбудитель». См. напр. *Rigv.* II 38, IV 53. Ср. также I, 115, 5, гдѣ говорится, что *солнечные кони* приносятъ не только *свѣтъ*, но и *мракъ*. У Грековъ въ этой роли является преимущественно *Ἐρμῖς*, обладатель *золотаго жезла* (замѣнившаго звѣздное дерево), которымъ онъ «однихъ *усыпляетъ*, другихъ *пробуждаетъ*» (т. е. то усыпляетъ, то пробуждаетъ), *Odys.* XXIV 1 слл.

³²⁾ См. О. Р. Миллеръ *Илья Муромецъ* стр. 550 слл. — Ср. *Odys.* IV 45:

ὥστε γὰρ ἡέλιου αἴγυλὴ πέλεν ἢ ἐσελήνης
 δῶμα καδ' ἠνερρεφές Μενελάου κωδαλλίμοιο.

Представлять себѣ солнечныхъ heroes не только поющими, но и играющими, было весьма естественно въ виду того, что они же, именно какъ представители солнца и владыки вселенной, были всегда и обладателями золотыхъ или серебряныхъ, вообще сіяющихъ, а поэтому и «звучныхъ» *роговъ* (κέρατα) луны³³⁾, — роговъ, подъ которыми впоследствии пони-

Этотъ домъ Менелая, сіяющій блескомъ солнца и луны, Тилемахъ сравниваетъ съ обиталищемъ Зевса, IV 74:

Ζητός που τοιῆδε γ' Ὀλυμπίου ἔνδοθεν αὐλή.

На подобномъ описаніи дома Алкиола, Odyss. VII 84—132, гораздо болѣе подробномъ и поэтому весьма драгоценномъ въ мифологическомъ отношеніи, мы б. м. еще остановимся.

³³⁾ Въ связи съ этимъ находятся и *рогатые изображения* солнечныхъ божествъ и вообще мифическихъ представителей солнца (каковы и проч. и рогатыя «рычмыя» божества—ср. мой отчетъ о занятіяхъ стр. 70 прим. 53 и стр. 84 прим. 55), а также и поговорка о *присталиваніи роговъ*, Artemid. Oneirocr. II 12: Ἐλεγε δὲ τις θεασαμένην τινὶ ἐπὶ χροῦ καθήμενῳ καὶ περὶ αὐτοῦ .. προελθεῖν αὐτῷ ὅτι ἡ γυνή σου πορευέσεται καὶ τὸ λεγόμενον κέρατα αὐτῷ ποιήσει. Если это мѣсто и есть вставка, какъ указалъ Rud. Hecher въ своемъ изданіи [1864], то всётаки оно уже является въ рукописи XI вѣка. Во всякомъ случаѣ, нельзя производить столь распространенную поговорку отъ частнаго случая [XII в.], какъ обыкновенно полагаютъ. См. K. F. W. W a d e r Deutsches Sprichwörter-Lexikon II [1870], столб. 784 № 45 Ср. ж. проч. и русск. поговорку: «Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога», В. Даль. Пословицы русскаго народа I² [1879] стр. 465. (Небесный бракъ солнца и луны—ἱερός γάμος Зевса и Иры—считался прототипомъ земнаго брака; вѣсть съ тѣмъ «рогатое» солнце было также примѣромъ «обманываемаго» супруга въ виду отношенія луны къ звѣздамъ). Видѣть себя во снѣ рогатымъ предвѣщаетъ смерть (Artemid. Oneirocr. I 39), потому что, какъ увидимъ ниже, новолуніе считалось предѣломъ стараго солнца (началомъ новаго). Ср. пока мнѣ о встрѣчѣ Актэона (т. е. «Лучезарнаго» солнца) съ Артемидою (т. е. луною), при чемъ у Актэона вырастаютъ рога,—виновники его растерзанія (т. е. превращенія въ звѣзды,— см. О занятіяхъ стр. 61 примѣч. 50), съ равнообразными сказаніями о смертоносныхъ любовныхъ обмѣнахъ прекрасной царевны (т. е. луны) и т. п.—Видѣсто роговъ у солнечныхъ царей *обморожаются* иногда «длинные уши», какъ напр. у *Мидаса*, о которомъ см. ниже примѣч. 52. (Зато, наоборотъ, *Зевс* является иногда *безъ ушей*, см. P i u t. Is. et. Os. 75. Это, важно для объясненія мифовъ, въ которыхъ говорится объ *отрываніи ушей*) «Длинные уши» служатъ м. проч. также причиною, почему *солнечный конь* такъ часто замѣняется *ослом*. — Спѣшу замѣтить, что весьма часто луна представляется въ мифахъ *однимъ рогомъ*. Таковъ, напр., «рогъ» *Океана*, т. е. первоначально солнца, Hes. Theog. 788:

ИЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО «рога» лука, являющагося обыкновенно «звуча-
щимъ», но и проч. и «рога» звучной *миры* ³⁴⁾.

κόλλων δέ θ' ὑπὸ χθονὸς εὐρουδείης
ἔξ ἱεροῦ ποταμοῦ ῥέει διὰ νύκτα μέλαιναν
'Ωκεανοῦ κέρας.

Сюда относится и *Ахелой* (первоначально солнечное, потомъ рѣчное божество), съ отломаннымъ рогомъ, и мнѣстечскій «*единорогъ* — сочетание солнца (въ видѣ коня или осла) съ дуговидною луною (ср. о рѣч. названіе мѣсяца *μολοκίτος μδοχος* P. Gocl. ad. Nev. Op. et D. p. 1686). «*Рога избылія*» (*Ἀμάλθειας κέρας*), съ плодами, произошедъ отъ луны, окруженной звѣздами. И проч. того же самаго происхожденія и *рога удочки*, упоминаемой среди *рыбъ* (т. е. звѣздъ) въ *Iliad.* XXIV 80 сл. и *Odys.* XII 521 (особенно поучительно послѣднее мѣсто, гдѣ говорится, какъ *солнце убиваетъ этихъ рыбы*). Изъ современныхъ сказокъ достаточно будетъ обратить здѣсь вниманіе на интересную енисейскую версію гомеровскаго мѣста о *Киклопѣ Полифемѣ*, въ соч. Bertram Jenseits der Scheeren, oder: der Geist Finnlands (1854), № 1: Die sonderbare Fleudouse. Тутъ говорится и проч., какъ въ подземной пещерѣ (соотвѣствующей дому Аида, ночи) *ослабляется* героемъ сказки стегрегущій царевну (луну) *одномлазый старецъ*, «у котораго на золотѣ торчатъ одна большая рога». Слѣпой глазъ (солнце ночью) и большой рогъ превосходно соотвѣтствуютъ *мрачному* (— νυκτὶ ἐοικώς—см. выше) *Аполлону* и *Ираклу* съ *лукомъ*. Соотвѣтственно изображенію луны съ *однимъ рогомъ*, она часто является и въ видѣ *одной руки* (*приставленной, золотой*, вообще *металлической* руки; сюда относится также *ἀνάγκη*, «необходимость», собственно «областіе» «*состояла рука*», ср. ἀγκάς, ἀγκάλη и т. п. Невусч. и Suid. п. сл. *Λογικήθεν ἀνάγκη*; Schol. Aristoph. Eccles. 1029 и Schol. Plat. Rep. VI 493 D: см. также P. Gocl. in Tim. V p. 323: *Ἀνάγκη* является *женою Творца* — Зевса), въ видѣ *ноги* или *копыта* (ср. «*Баба-Яга, копытная нога*»), *носа* (грознаго, приставнаго—въ сказкахъ), *серпа* и т. д.

³⁴⁾ О вышеупомянутомъ *серебряномъ лукѣ Аполлона* говорится, что онъ «*страшно звучалъ*», *Iliad.* I 47:

δεινὴ δὲ κλαυυὴ γένετ' ἀργυροῖο βιοῖο

Менѣе первоначально, если въ описаніи, какъ *Одиссей* натянулъ свой *громадный лукъ*, звучить, вмѣсто *лука*, *тетива*, *Odys.* XXI 406:

ὡς ὅτ' ἀνὴρ φόρμιγγος ἐπιστάμενος καὶ αἰοιδῆς
ῥηϊδίως ἐτάνασε νέω περὶ κόλλοπι χορδῆν, . . .
ὡς ἄρ' ἄτερ σπουδῆς τάνασεν μέγα τόξον Ὀδυσσεύς.
δεξιτερῇ δ' ἄρα χειρὶ λαβὼν πιοήσατο νευρῆς.
ἢ δ' ὑπὸ καλῶν ἄεωσ. χελεῖδόνι εἰκέλη ἀνδρῶν.
μνηστῆρων δ' ἄρ' ἄχος γένετο μέγα, πᾶσι δ' ἄρα χερῶς
ἐτάνατο. Ζεὺς δὲ μεγάλ' ἔκτυπε σήματα φαιῶν . . .

Но тутъ весьма замѣчательно сравненіе *лука* съ *музыкальнымъ инструментомъ*, *кисарою*, а также сравненіе «*пѣвіи*» *тетивы* съ «*голосомъ ласточки*»,

Такъ-какъ въ мифахъ изображается обыкновенно не простой восходъ солнца, а восходъ, совпадающій съ приближеніемъ серповидной луны къ солнцу и переходомъ ея съ ночнаго неба на дневное, т. е. описывается обыкновенно начало «новой солнца» или «дня» въ смыслѣ *новой мѣсяца* (см. ниже): то быть можетъ, что названіе луны лирою было также одною

Не безъ глубокаго мифологическаго основанія Ираклитъ поясняетъ свою «гармонію мира» представленіемъ *лука и лиры*, Plut. De Is. et Os. с. 45 p. 369: *καλίντρονος γὰρ ἀρμονίη κόσμου ὡκοπερ λύρης καὶ τῶρον καὶ* 'Ἐράλειττον (см. также E. d. Zeller Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtl. Entwickl. I² [1869] стр. 548 слл. примѣч. 2 и 3, гдѣ приведено м. проч. и замѣчаніе Aristot. Rhet. III 11, 1412 b. 35: *τῶρον φόρμυξ ἄχορδος*, «лукъ—безструнная лира»). Дѣло въ томъ, что «гармонія», (*ἀρμονίη* первоначально = «скоба») была однимъ изъ названій дуговидной луны, какъ объ этомъ можно заключить м. проч. изъ того, что это слово является и названіемъ дочери *Зевса* или *Аресы*, т. е. солнца, и жены *Кадма*, имя котораго первоначально тоже означало солнце, отъ корня *КАД* (*KAND*) «свѣтить»: *Κάδμος* (ср. *Κάστωρ*, т. е. *Кад-тор*) не чтѣ иное, какъ только болѣе старинная форма слова *κρόμος*, «свѣтъ», «краса», «украшеніе» (Еще у Анаксимандра *κρόμος* *ἄπειρος* являются въ значеніи небесныхъ «свѣтила», звѣздъ. Ср. Zeller г ук. соч. I² стр. 200: Die unendlich vielen nebeneinanderstehenden Welten sind daher gewiss nur die Gestirne . . .). Такимъ образомъ «гармонія мира» означала первоначально луну какъ лиру или лукъ солнца, чтѣ не помѣшало Ираклиту, и Пнеогорейцамъ придать этому выраженію переносное значеніе. Очевидный слѣдъ первоначальнаго значенія сохранился еще въ эпиграфѣхъ *καλίντρονος* и *καλίντροπος*, примѣняемыхъ къ «гармоніи», а также въ словахъ *Ρογήυγ. De antro nymph. с. 29: καὶ διὰ τοῦτο καλίντρονος ἢ ἀρμονία καὶ* [или: *ἦ*] *τοξεύει διὰ τῶν ἐναντίων*, «и поэтому гармонія называется *обратно* *натравливаемою и стрѣляющею въ противоположные стороны*». Чтобы убѣдиться, что эти выраженія унаслѣдованы изъ древнѣйшихъ мифовъ, въ которыхъ, подѣ «гармоніею» еще понималась луна, являющаяся въ разныя времена *изъ лутюю то въ ту, то въ другую сторону* [D] и [C], стоить только вспомнить, что и соответствующая луну кивара въ рукахъ *Аполлона* *переворачивается* или въ известномъ состязаніи съ *Марсіемъ* *Apollo d. I 4, 2, 2: . . . τὴν κατέραν ἀτρέψας ἤγονίζετο ὁ Ἀπόλλων . . .* (Повтому считаю не вполне вѣрнымъ, чтѣ замѣчаетъ по поводу *καλίντρονος ἀρμονία* Zeller въ ук. м. Если *τῶρον* *καλίντροπος* или *καλίντρονος* и означало вполнѣдствіи лукъ, изогнутый на подобіе скнесныхъ луковъ [e], то это не первоначально, значеніе выраженія).— Сравненіе съ голосомъ *ласточекъ* обуславливается тоже тѣмъ, что названіе этой птицы (*χελιδών*, отъ корня *GHAR* «горѣть», «сіять») было также названіемъ луны, какъ видно изъ мифа о *Халидонѣ*, т. е. «Ласточкѣ» (*Χελιδών*), сестрѣ *Аидонѣ*, т. е. «Соловьѣ» (*Ἀιδών*), *Anton. Lib. 11*, а также и изъ того, что *Лейла*, о которой мы убѣдимся, что она богиня луны, *преображается*

изъ причинъ, почему понятія *шры* и *пльня* успѣли такъ тѣсно связаться съ представленіемъ о *восходящемъ* солнцѣ. Уже Яковъ Гриммъ замѣтилъ, что въ разныхъ языкахъ, «не только въ нѣмецкомъ, восхожденіе солнца и разсвѣтъ обозначаются или описываются обыкновенно словами, означающими то звукъ, то свѣтъ»³⁵). Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что, и помимо сочетанія съ луною, восходящее солнце представлялось то «кричащимъ, какъ ребенокъ»³⁶), то издающимъ разные другіе звуки. Въ разныхъ мифическихъ изображеніяхъ восхода солнца встрѣчается иногда даже *громъ*³⁷). Не лишнимъ будетъ вспомнить здѣсь еще *двухъ Сиринъ, поющихъ среди костей труповъ*,—сочетаніе солнца, убивающаго своимъ пѣніемъ звѣз-

съ ласточку, Odys. XII 239 сл. (Можно было бы еще доказать, что серповидная луна считалась предвѣстницею «новаго солнца» или «новаго дня» т. е. новаго мѣсяца, а потомъ и новаго года, т. е. предвѣстницею весны, и что лишь вслѣдствіе этого и ласточка сдѣлалась предвѣстницею весны по преимуществу. Hesiod. Op. et D. 568 сл., Athen. VIII 360 В., гдѣ и проч. слова «брюшкомъ бѣлая, спинкою черная» указываютъ на то, что особенно способствовало сближенію ласточки съ молодою луною). — О. Э. Миллеръ Илья Муромецъ и богатство Кіевское (1869) стр 515 удачно сравниваетъ съ лукомъ Одиссея *лукъ Добрыни*, прямо представляющей собою музыкальный инструментъ, такъ какъ въ тупой конецъ его «введены были *русальника* иворчатъ». — Что же касается упоминаемаго въ вышеприведенномъ мѣстѣ Одиссея *Зевсова грома*, то это собственно черта *восходящаго солнца* (см. ниже). Такъ я понимаю и разсказъ въ Гаривауэзѣ о томъ, какъ *лукъ* царя Кавзы *ломается* въ рукахъ *Кришны* и при этомъ производитъ звукъ, подобный урагану (см. О. Э. Миллеръ ук. соч. стр. 511 и 514).

³⁵) J. Grimm Deutsche Grammatik II стр. 87 примѣч. Ср. его же Deutsche Mythologie II^a (1877) стр. 601 (1684), 622 (708) сл.; III стр. 221; Ludw. Laistner Nebelsagen (1879) стр. 243, гдѣ цитируются еще сочиненія, которыхъ въ настоящее время не имѣю подъ рукою: J. Grimm Andreas und Elene (1841) стр. XXX и W. Mannhardt Germanische Mythen, Forschungen (1858) стр. 378.

³⁶) Rig v. IX 74, 1.— На счетъ представленія солнца въ видѣ *ребенка* замѣтимъ, что восхожденіе солнца вверхъ на небо часто представляется въ мифахъ *выростаніемъ*. Этимиъ объясняется и, проч., почему некоторые герои *«растутъ не по днямъ, а по часамъ»*, и почему солнечныя существа являются такъ часто *исполиками*.

³⁷) Напр. Odys. XII 415 сл.; XIV 305 сл.; XXI 413. Последняго мѣста мы уже коснулись выше въ примѣч. 34. На другихъ остановимся ниже.

ды, съ луною³⁸); *поющихъ Муса*, — идентичныхъ въ сущности съ Сиринями, а потому и составляющихся съ ними въ

³⁸) Такъ-какъ у древнихъ, за весьма немногими, къ тому же сомнительными, исключениями, солнце представлялось всегда въ мужскомъ, луна въ женскомъ образѣ, то женскій родъ слова *Σειρήν* (отъ корня *SVAR* «звучать, сіять») можетъ служить достаточнымъ указаніемъ, что Сириня, какъ *эвекло* существо, означала луну (О культѣ *одной* Сирини см. Strab. V p. 246; Schol. Lucor p. 732). Поэтому усматриваю названія луны и въ упомиаемыхъ у позднѣйшихъ писателей именахъ Сиринъ: *Ἀυλαοφῆμη*, *Ἀυλαοφῆνος*, *Ἀυλαοπή* (см. выше примѣч. 26; — *Ἀυλαῖα* жена *Ифеста*, божества солнечнаго); *Θελξίεπεια*, *Θελξινόη* (Odys. XII 44: *Σειρήνες λυγρῆ θέλγουσαν αἰὼς*, и для *всплв*, *кроль Одиссея*, ихъ пѣніе является пагубнымъ; подобнымъ образомъ *Кирка* «чаруетъ» — *θέλει* — *всплв*, *кроль Одиссея*, XII 326 ст.; также и *Калипсо* *θέλει*, хотя только *λόγουσιν*, I 55 сл., но и это по отношенію къ Одиссею оказывается безуспѣшнымъ. Ср. также *Τελχινία*, прозвище *Ири* и *Аиины*, лунныхъ богинь); *Ἀγεία* (съ *λυγρῆ αἰοιδῆ* Сиринъ ср. пѣніе *Валтис*, Odys. V 61 *αἰοιδίου* ὀπί καλή, и пѣніе *Кирки*, X 254 *Μυ* κείδεν; Eug. Troad. 437 сл. *Ἀγυσις* . . . *Κίρκη*); *Λευκοβά* (ср. *Λευκοθέα*, лунное значеніе которой обнаружить не трудно); *Μολπή* (= *Εὐμβλή*); *Παρθενόκη* (оттуда ласкательное *Παρθένος* — названіе *Аиины* и другихъ лунныхъ богинь); *Πεισινόη* (= *Πειθῶ*; ср. Odys. IX 33, гдѣ о *Киркѣ* и *Калипсо* говоритъ Одиссей, ἀλλ' ἐμὸν ὄπισθε θυμὸν . . . *ἔπειδον*). Соответствующія мужскія имена означаютъ солнечныя существа: *Ἀγλαβῆς* (прозвище *Леклипи*); *Ἐκτιός* (см. **Θελξίεπιος*, — весьма напоминающій собою *Одиссея*), *Θελξίων*, *Τελχίν*. *Τέλις* (*Арионасъ*, — слѣдовательно солнечный герой), *Τελχίνος* (прозвище *Аполлона*); *Λυβρών* (= *Ахиллъ*), *Ἀγυς* (*праотеусъ* народа, — слѣдовательно солнечное общество; см. ниже); *Λεύκος*, *Λεύκων* (смысл, т. е. прозвище, *Песидона* — солнца); *Εὐμόλος* (представитель солнца, какъ и всѣ древнѣйшіе «пѣвцы»); *Παρθενόβαιος* (герой, участвовавшій въ походѣ противъ *Θивъ*). — Полагаю, что существовалъ и ὁ *Σειρήν*, мужскаго рода, въ значеніи солнца: *Σειρ*, что и это названіе рано было вытѣснено, въ значеніи солнца, другимъ словомъ того же корня: *Σειληνός*, *Силли*. Ὁ *σειρήν* сохранился только какъ нарицательное, означая насекомое, похожее на *пчелу*, но живущее, въ противоположность обыкновеннымъ пчеламъ, *μέλιται*, *удивленно*. Aristotle. De animal. hist. IX 40 (27), 1. (Интересно, что женское слово *Μέλισσα*, «Пчела», было названіемъ луны. Porph. De antro Nymph. 18. «Пчелы», въ множ. ч., обыкновенно означаютъ въ мифахъ звѣзды). Если имя *Σειρήν*, въ единственномъ числѣ, означало съ древнихъ поръ преимущественно женское существо, то понятно, что и въ *действительно* числѣ подъ Сиринями стали понимать два женскія существа, вмѣсто одного мужскаго и одного женскаго. Есть однако основаніе думать, что самъ *Одиссей* назывался ὁ *Σειρήν* и вслѣдствіе этого уподоблялся *пчелѣ* (ὁ *σειρήν*). По крайней мѣрѣ въ описаніи плаванія его мимо острова Сиринъ, Odys. XII 166 — 200, говорится о томъ, какъ онъ *залипывалъ уши своимъ товарищамъ* (въ которыхъ мы увидимъ нѣск

пѣнія³⁹⁾; наконецъ, пифагорейское ученіе о «гармоніи сферъ», т. е. о созвучіи небесныхъ свѣтилъ, при чемъ замѣтимъ только, что и самое слово «гармонія» было первоначально, безъ сомнѣнія, названіемъ одного изъ свѣтилъ — луны⁴⁰⁾.

несомнѣнныхъ представителей звѣздъ) «воскомъ» (означавшимъ, или по крайней мѣрѣ замѣнившимъ собою «свѣтъ», «сіяніе») во время солнечнаго зноя. Слѣдуетъ полагать, что первоначально онъ же самъ являлся *изготовителемъ* этого «воску» — пчелою (см. XII 173—177). Нельзя также не замѣтить, что, какъ Сиринны окружены *трунами*, такъ же точно Одиссей является въ то же самое время окруженнымъ не слышащими, *глухими товарищами*, т. е. не сіяющими звѣздами: глухота въ миеовъ (какъ и *слѣпоты*) равносильна смерти (*κωφός*; означаетъ: «тупой», «глухой», «нѣмой», «слѣповатый»; ср. J. Grimm Die fünf Sinne в Zeitschr. f. deutsch. Alterth. VI [1848]). Наконецъ, если Сиринны «пѣвицы», то известно, что и Одиссей уподобляется «пѣвцу», Odyss. XI 368. Разсматриваемое гомеровское сопоставленіе Одиссея съ Сириннами посвящаетъ намъ также, почему впоследствии упоминаются нерѣдко три Сиринны: это результатъ сліянія миеовъ объ одной и о двухъ Сириннахъ. У Платона Rep. X 14 p. 617 является даже 8 поющихъ Сиринъ, олицетворяющихъ собою свѣтъ солнца, луны и остальныхъ небесныхъ свѣтилъ. — Всѣ прежнія объясненія миеовъ о Сириннахъ состоятъ, сколько мнѣ известно, исключительно изъ всевозможныхъ *аллегорическихкихъ* толкованій, имѣющихъ преимущественно характеръ стилистическихъ упражненій. На счетъ литературы см. главнымъ образомъ: Altenburg Das zwölfte Buch der Odyssee nach seinem Inhalt und Zusammenhange в N. J a h r b. f. Philol. u. Päd. Supplementband VIII (1842) стр. 237 — 247 и Her m. Sch r a d e r Die Sirenen nach ihrer Bedeutung und künstlerischen Darstellung (1868).

³⁹⁾ Библиографическія указанія о *Muses* см. у: J. H. Krause Die Museen, Grazien, Noren und Nymphen mit Betrachtung der Flussgötter in philologischer, mythisch-religiöser und kunstarchäologischer Beziehung etc. (1871); Franz Rödiger Die Museen. Eine mythologische Abhandlung (1875).

⁴⁰⁾ Aristot. De coelo II 9; и др. Ср. Ed. Zeller Philos. d. Griech. I³ стр. 370 слл. Не вполне могу согласиться съ его мнѣніемъ, стр. 374: Dieser Gedanke [dass das ganze Weltgebäude Harmonie sei] ergab sich . . . unmittelbar aus der Wahrnehmung oder der Ahnung einer Regelmässigkeit in den Abständen und Bewegungen der Gestirne: was die Augen in der Beobachtung der Sterne sehen, das hören die Ohren im Einklang der Töne . . . Dieser poetische Gedanke war ohne Zweifel das erste . . . Я убѣжденъ въ томъ, что, какъ всѣ древнѣйшія философскія ученія (см. выше), такъ и пифагорейское основано на аллегорическомъ толкованіи космогоническихъ и вообще космологическихъ миеовъ. *Ἀρμόνιος* в *ἁρμονία* (Aristot. Metaph.

Ахилл, по поводу которого понадобилось это отступление о «звукѣ свѣтила», взять нами изъ *Иліады*, какъ одинъ изъ весьма многихъ примѣровъ одиночной борьбы героя съ цѣлымъ войскомъ. Нетолько несомнѣнные мифы и сказки, но и вся «древнѣйшая исторія» народовъ, переполнена такимъ множествомъ подобныхъ подвиговъ одного лица, выступающаго противъ цѣлой массы враговъ, что трудно было бы перечестъ хотябы только самые типичные изъ нихъ. Въ многихъ случаяхъ особенно убѣдительнымъ доказательствомъ мифической подкладки можетъ служить приписываемое солнцу участие въ исходѣ сраженія: когда оно способствуетъ побѣдѣ тѣмъ, что, стоя на сторонѣ побѣдителя (или побѣдителей), своимъ блескомъ *ослѣпляетъ враговъ*, и наоборотъ, когда поражение сопровождается (или предвѣщается) *солнечнымъ затмѣніемъ*⁴¹⁾. Въ этой связи

1 5, 3: τὸν ἔλον οὐρανὸν ἄρμονίαν εἶναι ὑπελαβὸν καὶ ἀριθμὸν: ἀριθμὸς ἢ ἄρμονία происходятъ вѣроятно отъ одного корня *AR*, см. A. Van iček Griech.-lat. Etymol. Wörterb. стр. 47), или *хромос* и *армония* (см. выше примѣч. 34), или *хромос* и *анакх* (см. выше примѣч. 33. Plut. Plac. I 25, 2: Πυθαγόρας ἀνάγκην ἐφη περιέσθαι τῷ χρομῷ: ср. Stob. Ecl. I 256: οἱ ἀπὸ τοῦ Πυθαγόρου τὸν χρομον σφαιραῖον . . . μόνον δὲ τὸ ἀνάγατον πᾶρ [=ἀνάγκη, первонач. луна являющаяся съ обѣихъ сторонъ солнца] *κωροειδέες* [ср. Κωνώπη, Κωνώπιον, вѣроятно первонач. названія остроконечной луны]), — все это первоначально не что иное, какъ названія солнца и луны.

⁴¹⁾ Ср. Hugo Wislicenus Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanischen Mythologie, mit Beziehung auf die allgemeine Mythologie (1867) стр. 9: Die Sonne trug besonders früher vor dem Gebrauche des Pulvers, dessen Rauch jetzt den Schlachthimmel trübt und die Sonne verdeckt, oft viel zur Entscheidung der Schlachten bei. Konnte man den Feind zu einer Stellung nöthigen, in welcher er die Sonne im Gesicht hatte, so war er geblendet und der Sieg über ihn ziemlich gewiss. Die Kriegsgeschichte giebt auch Beispiele hiefür. So hatte *Marius* seinen glänzenden Sieg über die *Kimbern* namentlich auch der heißen Augustsonne zu danken [Plut. Mar. 26, 5 сл.; Polyæn. Strat. VIII 10, 3; и др.] . . . Dahin gehört auch das berühmte Wort des *Dienekes* bei *Thermopylä* [Herodot. VII 226], als Jemand ihm sagte, der Feinde wären so viele, dass ihre Pfeile die Sonne verfinsterten: «Desto besser, so werden wir im Schatten fechten». Die Kriegsregel, nicht gegen die Sonne zu kämpfen, war auch den Germanen wohlbekannt. . . По поводу *Киллеровъ* замѣтимъ, что *Киллерійцы*, которыхъ они такъ сильно напоминаютъ собою, и съ которыми они часто отождествляются, означали первоначально *земедь*, какъ видно и проч. изъ *Одиссеи*. XI 11—19,

становится м. проч. понятнымъ, почему и «*молва*» (вѣсть) *объ избіеніи Одиссеема жениховъ* распространилась ровно съ восходомъ солнца»⁴²).

гдѣ говорится, что ровно съ *закатомъ солнца* Одиссей прибылъ въ страну этого народа, *славно обитающаго во кракъ* (см. ниже). Относительно же еразы: «*За стрѣлами не видно будетъ солнца*» есть основаніе думать, что подъ «*стрѣлами*» тутъ тоже понимались первоначально звѣзды. См. выше примѣч. 11. — На счетъ участія солнца въ сраженіи особенно типичны слѣдующіе русскіе примѣры: И. Сахаровъ Сказанія русскаго народа кн. II (1841) стр. 115: «Когда-то Рязанцы воевали съ Москвичами. Сошлись стѣна съ стѣной, а драться никому не хочется. Вотъ Москвичи и догадались: *пуютишь солнышко на Рязанцовъ*: «ослѣпить» де они. Тогда и безъ бою одолѣемъ ихъ». Засвѣтило солнышко съ утра, а Москвичи и стали махать шапками на Рязанскую сторону. Ровно въ полдень солнце поворотило свой ликъ на Рязанцовъ. Догадались и Рязанцы: *высыпали изъ иѣшкови толокино*, и стали ловить солнышко. Поднимаютъ иѣшки вверхъ, наведутъ на солнышко, да и тотчасъ завяжутъ. Поглядятъ вверхъ, а солнышко все на небѣ стоитъ, какъ вкопаное. Не одобровать намъ, говорили Рязанцы. Попроситъ миру у Москвичей; пускай солнце возьмутъ назадъ. Сдумали и сдѣлали». Слово о н. Игор. изд. А. Потебни (1878) 8 сл.:

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлоіе *солныу* и видѣ отъ ніего *тѣлою е'сел* *своа вол* *прикрыты*.

И рече Игорь къ дружинѣ своей, «*братіе и дружино!* *луче жь бы* *потату быти, ніеже полоніену быти*». (Ср. 21 и 32).

⁴²) Одиссей говоритъ Пинелопѣ *Odys. XXIII 362* :

αὐτίκα γὰρ φάτις εἶσιν ἔμ' ἤελψ' ἀνιόντι
ἀνδρῶν μνηστήρων, οὓς ἔκτανον ἐν μεγάροισιν

т. е. дословно: «*Немедленно *вмѣстѣ съ восходившимъ солнцемъ пойдетъ *молва** [отъ *жениховъ*, *которыхъ я убилъ въ домѣ*]. Усматривая въ самомъ *Одиссее* солнце, въ *женихахъ* звѣзды, а въ *домѣ* вселенную, я склоненъ думать, что *φάτις*, «*молва*», означала тутъ первоначально молодую луну, которая, перешедши отъ звѣздъ къ солнцу, и восходя съ нимъ вѣсть, свидѣтельствуешь о его окончательной побѣдѣ. Но, не настаивая пока на этомъ, обращаю только вниманіе, что *φάτις*, ж. р., происходя отъ корня *ВНА* (см. G. Curtius Grundz. 5 стр. 296 сл. № 407; A. Vanicek Gr.-lat. etymol. Wörterb. стр. 570 сл.), могло непосредственно означать луну, какъ «*свѣтающую*». Ср. *Φάτις*, м. р., отъ того же корня, названіе обильной золотомъ *рѣки*, т. е. первоначально солнца, какъ источника золотого свѣта. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что вообще «*молва*» называется «*вѣстницею Зевса*», т. е. солнца. Въ *Odys. XXIV 413* сл. читаемъ:*

Ἵσσα δ' ἄρ' ἄγγελος ὤκα κατὰ πόλιν ὤχετο πάντη
μνηστήρων στυγερὸν θάνατον καὶ κῆρ' ἐπέουσα,

т. е. «*Молва* быстро пошла вѣстникомъ всюду по городу, возвѣщая страш-

Въ иномъ мѣстѣ говорится, что у *Одиссея*, подобно какъ у *Ахилла*, «сияла голова», когда онъ, «свѣтъ естъ», и

ную смерть и гибель жениховъ». Тутъ, вм. φάτις, въ значеніи «могвы» является слово ὄσσα, которое, происходя отъ того же корня, какъ ὄσσομαι «зрю», должно означать собственно «зрю» и слѣдовательно можетъ быть названіемъ и проч. и луны (О связи «зари» съ «рвѣніемъ» см. Аванасьева въ *Поэтич. Возвр.* I [1865] стр. 158 сл. и 195; ср. A. Fick Vergl. Wörterb. der indogerm. Sprachen II° [1876] стр. 43 сл.). Замѣчательно также выраженіе: «Молва, вѣстница Зевса, загорѣлась». Такъ въ *Iliad.* II 93 сл. говорится, какъ «загорѣлась молва, вѣстница Зевса» среди *Δαίτινες*, уподобляемыхъ тутъ *πυλάμα* (ст. 87 сл.), подъ которыми, въ множ. ч., первоначально всегда понимались звѣзды (только въ ед. ч. «пчела» означала солнце или луну; см. выше примѣч. 38): μετὰ δὲ σφίσιν ὄσσα δέδηται, ὀτρύνουσ' ἕνα Διὸς, ἄγγυλος. Пылающая вѣстница солнца среди звѣздъ—конечно луна, которая представлялась отдѣляющеюся отъ солнца (ср. происхождение *Аины* изъ головы Зевса. Замѣчу мимоходомъ, что и въ «вѣстницѣ Зевса» *Ириды* усматриваю названіе луны, получившее только впоследствии значеніе «радуги»). Слово *δέδηται* въ переносномъ смыслѣ употребляется у Гомера еще только въ примѣненіи къ выраженіямъ, означающимъ бой, рвѣню, сраженіе. Такъ напр. *Iliad.* XX 18: μάχη πόλεμος τε δέδηται «рвѣня и бой запылали»; XIII 736: στέφανος πολέμοιο δέδηται, дословно: «вѣвѣць боя загорѣлась»; XVII 253: ξρις πολέμοιο δέδηται, «вражда боя загорѣлась»; и т. п. Но можно было бы доказать, что *πόλεμος*, «бой», впоследствии «война», происходя отъ *πλάμαι* «вращаюсь», и означая собственно: «вращающійся», было первоначально эпитетомъ солнца. Здѣсь напомнимъ только, что и Ἄρης, имя несомнѣнно солнечнаго бога (какъ у Римлянъ *Mars*), сдѣлалось простымъ нарицательнымъ, означающимъ войну. Подобнымъ образомъ *μάχη*, «рвѣня» (ср. *μάχηρα* «мощь», который нетрудно было бы прослѣдить въ мѣтахъ въ значеніи луны, и названіе луной героини *Ἀνδρομάχη*), *ξρις* «вражда» и т. п. могли означать луну. О томъ, что подъ «*επινομῆ* бол», *στέφανος πολέμοιο*, понимались нѣкогда звѣзды, см. ниже примѣч. 56. Первоначальное значеніе божественной «Молвы» или «Вѣсти» превосходно поясняется множествомъ данныхъ, заключающихся въ Эсхиловоиъ Агамемнонѣ, гдѣ описывается, какъ извѣстіе о *επινομῆ* *Τροί* *Λαλαμένηοι* мгновенно достигаетъ Аргоса. Стоить только имѣть въ виду, что взятіе Агамемнономъ Трои означало первоначально восходъ солнца надъ землею. Троя взята «ночью», т. е. собственно утромъ: «когда ночь родила свѣтъ», Aesch. Ag. τῆς νύκτος τεχούσης φῶς τὸδ' εὐφρόνης. Тотъ же фактъ обыкновенно выражается такъ: взятіе Трои, сопровождаемое *πυρροισ* (пожаръ—дневной свѣтъ), происходитъ «среди ночи» (Aesch. ar. Schol. Lycoph. 314: πῦρ μὲν ἔην μέσση κτλ.) вслѣдствіе появленіи въ Троѣ *Ἐνιаса* *κοίλα* (т. е. солнца; ср. выше примѣч. 38. Что этого коня «предлагали» сбросить *εἰς* *θάλασσαν* или *εἰς* *θάλασσαν*, Агст. ар. Procl., объясняется тѣмъ, что солнце то погружается въ море, то горитъ). Вѣсть объ этомъ событіи летитъ чрезъ море (съ востока на западъ) съ быстротою *солнца* или *луны* и въ то же утро достигаетъ Арго-

злбно «*глядя на вѣтъ*», *обдумывала и въ избіеніе*⁴³⁾. Тутъ, *дѣйствительное* избіеніе замѣнено *воображаемымъ*; — это пріемъ, который часто попадаетъ въ мнѣяхъ, не у од-

са. У Эсхила столь чудесная быстрота «вѣсти» объясняется рационалистически, при почти дословномъ соблюденіи всѣхъ чертъ мнѣя: вѣсть была дана посредствомъ *олимпийскихъ* *смысловъ*. Ср. Aesch. Ag. 8 слл., гдѣ сторожъ говорить:

καὶ νῦν φυλάσσω λαμπάδος τὸ σύμβολον,
ἀνγὴν πρὸς φέρουσαν ἐκ Τροίας φάτιν
ἀλώσιμόν τε βάξιν,

и ст. 22: ὦ χαῖρε λαμπτήρ νυκτός, ἡμερήσιον
φάος πεφύσικον.

На вопросъ хора, ст. 280:

Καὶ τίς τὸδ' ἐξίκοι' ἄν ἀγγελῶν τάχος;

Клитористра отвѣчаетъ:

Ἦρμιστος ἴδης λαμπρὸν ἐκπέμπων σέλας.

Дальше въ ея словахъ соответствуетъ той же «Молвѣ» (ст. 286)

ἱπερτελής τε, πόντον ὥστε νυτίσαι,
ἰσχύς πορευτοῦ λαμπάδος πρὸς ἠδονίην,
πέυκη τὸ χρυσοφεγγές, ὡς τις ἥλιος,
σέλας παραγγεῖλασα . . .

и (ст. 296) σθένουσα λαμπάς δ' οὐδέπω μαυρομένη
ὑπερδοροῦσα πᾶσιον Ἀσσωπῶ, δίκην
φαιδράς σελήνης.

Замѣчательно, что столь же быстро прибываетъ изъ Трои въ Аргосъ и самъ Агамемнонь, «принося свѣтъ среди ночи», ст. 521. Другой замѣчательный пріемъ такого быстрого распространения «молвы», только уже въ противоположномъ направленіи, представляетъ Hegodot. IX 100. — Слишкомъ поверхностно то, что говорить о «молвѣ» С. F. Nägelsbach *Homeric Theologie* (1861) стр. 181 сл. Не глубже вникаетъ и Вуше-Деклеръ въ исторіи культуры, истолкованіе чудеснаго (вѣдство) въ античномъ мірѣ, перев. и. ред. Θ. Γ. Мищенко (1881), стр. 285: «Нужно усматривать въ этомъ [голосоѣ боговъ, въ Молвѣ], только поэтическую энцицію» . . .

⁴³⁾ Odyss. XVIII 343:

αὐτὰρ ὁ παρ' λαμπτήρι φαιένων αἰθομένοισιν
ἑστήκειν ἐς πάντας δρόμενος· ἄλλα δὲ οἱ κῆρ
ῥομαινε φρεσὶν ἦσιν, ἣ δ' οὐκ ἀτέλεστα γέγοντο.

Тутъ особенно характеристично, что то, о чемъ въ это время *думала* Одиссей, «и осталось *неисполненнымъ*». Исполненіе отодвинуто только на нѣкоторое время, вслѣдствіе желанія помѣстить тутъ же еще нѣсколько другихъ версій того же мнѣя.

ного только Гомера⁴⁴). Зато, когда Одиссей является фактически избившимъ жениховъ, то онъ сравнивается со львомъ, у котораго *окровавлены «руды и обѣ щеки»*, — при чемъ едва-ли нужно напоминать, что этотъ «кровоавный левъ» не что иное какъ только, такъ сказать, мифическое разночтеніе *вѣсто краснаго солнца*⁴⁵).

Впрочемъ преданіе объ *Одиссее* заключаетъ въ себѣ еще одну замѣчательную черту, встрѣчающуюся въ множествѣ народныхъ преданій и сказокъ той же категоріи: *побѣда надъ врагами сопровождается завладѣніемъ красавицею*. Его жена *Пинелона*, съ которою онъ такъ долго былъ *въ разлукѣ*, — одна изъ характеристичнѣйшихъ представительницъ луны.

Мы уже замѣтили, что мифы изображаютъ весьма часто не простое восхожденіе солнца, а то, что мы можемъ назвать его мѣсячнымъ восхожденіемъ, когда луна перешедши, такъ сказать, отъ звѣздъ къ солнцу, находится съ нимъ въ *конъюнкціи*. Здѣсь не лишнимъ будетъ вообще обратить вниманіе на мифологическое значеніе конъюнкціи.

Конъюнкція луны съ солнцемъ.

Что уже съ древнѣйшихъ временъ приближеніе луны къ солнцу играло видную роль въ народныхъ воззрѣніяхъ,

⁴⁴) На счетъ *замылы* въ мифахъ *дѣйствительнаго воображаемыхъ* ср. выше стр. 10 сл. и мой отчетъ О занятіяхъ и т. д. стр. 81 сл.

⁴⁵) *Эпиклѣя*, соответствующая Пинелопѣ-лунѣ, застаётъ Одиссея между труппами жениховъ-звѣздъ, Оdyss. XXII 401:

εἶπεν ἔπειτ' Ὀδυσῆα μετὰ πταμένοισι νέκυσσιν
 αἵματι καὶ λύθρῳ πεπалаγμένον ὥστε λέοντα,
 ὃς βᾶ τε βεβρωκὼς βοῶς ἔρχεται ἀγραύλοιο·
 πάνθ' ἄρα οἱ στήθεός τε παρηΐα τ' ἀμφοτέρωθεν
 αἵματθεντα πλέει, δεινὸς δ' εἰς ὅλα ἰδέσθαι·
 ὃς Ὀδυσσεὺς πεπάλαντο πόδας καὶ χεῖρας ὑπερθευ.

На счетъ неточности въ сравненіи, что у Одиссея *обогрѣны провью локти и руки*, какъ у льва *руды и щеки*, мы укажемъ ниже на вѣроятность, что первоначально Одиссей изображался *помырающимъ* своихъ враговъ, *съ обогрѣнными провью локтями*.

можно заключить и проч. изъ приписываемаго Солону названія дня конъюнкціи словами: ξνη και νεα, «старшій и новшій», изъ которыхъ первое свидѣтельствуеть о глубокой древности этого выраженія⁴⁶). У Гомера *Одиссей* возвращается на родину и обновляется, т. е. превращается изъ старца въ юношу именно во время конъюнкціи, «когда одинъ мѣсяць исчезаетъ и наступаетъ другой»⁴⁷). Отсюда, какъ и изъ множества другихъ подобныхъ мифовъ, можно впрочемъ сдѣлать уже и слѣдующее, для уразумѣнія многихъ мифовъ, какъ увидимъ, весьма важное заключеніе, что подъ «другимъ», т. е. новымъ, «мѣсяцемъ» понималось въ сущности новое *солнце*, — такъ-какъ солнечная природа самого Одиссея, обновляющагося въ означенное время, можетъ быть доказана съ полною достовѣрностью. Когда мы убѣдимся, какое всепоглощающее значеніе имѣлъ въ древнѣйшія времена культъ солнца, станетъ само собою понятнымъ, что всѣ слова, означающія *день*, *мѣсяць*, *годъ*, и вообще любой *цикла времени*, могли быть первоначально лишь названіями солнца⁴⁸). Но и помимо этого по крайней мѣрѣ *вѣроятно*, что дѣленіе времени на мѣсяцы, которое было несомнѣнно самымъ древнѣйшимъ дѣленіемъ послѣ суточного, приписывалось прежде всего самому солнцу; солнце создаетъ дни, солнце создаетъ и мѣсяцы, какъ въ послѣдствіи оно же создаетъ и годы. Въ такомъ случаѣ не менѣе вѣроятно, что

⁴⁶) Plut. Sol. 25: Συνιδὼν δὲ [ὁ Σόλων] τοῦ μηνὸς τὴν ἀνωμαλίαν καὶ τὴν κίησιν τῆς σελήνης, οὕτε δυομένῳ τῷ ἡλίῳ πάντως οὐτ' ἀνίσχοντι συμφερομένην, ἀλλὰ πολλάκις τῆς αὐτῆς ἡμέρας καὶ καταλαμβάνουσαν καὶ παρερχομένην τὸν ἥλιον, αὐτὴν μὲν ἔταξε ταύτην ξηνὴν καὶ νεαν καλεῖσθαι, τὸ μὲν πρὸ συνόδου μόριον αὐτῆς τῷ παυόμενῳ μηνί, τὸ δὲ λοιπὸν ἤδη τῷ ἀρχομένῳ προσήκειν ἡγούμενος. — О словѣ ξνη см. Van i ē e k, укр. соч. стр. 1016 сл.

⁴⁷) Odys. XIV 162 = XIX 307:
τοῦ μὲν φθίνοντος μηνὸς, τοῦ δ' ἰσταμένου.

⁴⁸) Ср. пока Konr. Schwenck Etymologisch-Mythologische Andeutungen (1823) стр. 37: Schwer zu bestimmen bleibt es, ob die mit seinem [т. е. des Zeus] Namen übereinstimmenden und aller Wahrscheinlichkeit nach davon abgeleiteten Namen, die die Correlate *Licht*, *Zeit*, *Luft* bedeuten, von ihm als Sonnengott oder Himmelskönig hergeleitet wurden.

и слова обозначающія опредѣляемый солнцемъ мѣсячный промежутокъ времени, $\mu\tau\upsilon$, *mensis*, *мѣсяцъ* и т. п. (изъ которыхъ только нѣкоторыя стали — весьма естественнымъ образомъ — означать луну) были первоначально названіями или эпитетами самого солнца.

Началомъ мѣсяца считается конъюнкція солнца съ луною, т. е. прохожденіе луны мимо солнечнаго диска. Символически мы можемъ это прохожденіе выразить такъ: ☽ ⊙ ☾, т. е. двумя лунками, расположенными по обѣимъ сторонамъ солнечнаго диска. Но именно этотъ, или по крайней мѣрѣ весьма на него похожій знакъ мы встрѣчаемъ у *Египтянъ* какъ *изображеніе солнца*: крылатый (т. е. летящій) кругъ съ двумя змѣйками по обѣимъ сторонамъ. Съ этимъ можно сравнить и іероглифъ созвучія *гѣ*, тоже означающаго *солнце*: ⁴⁹). Повидному этотъ знакъ изображаетъ собственно время конъюнкціи, когда по утрамъ убывающая (*затемняющаяся*) луна какъ будто *приближается къ солнцу съ лѣвой ея стороны* (если представимъ себѣ, что солнце обращено «лицомъ» къ намъ), а затѣмъ по вечерамъ начинаетъ отставать и какъ бы *удаляется отъ него на право*, становясь при этомъ все полнѣе и *свѣтлѣе*. Выказанное здѣсь предположеніе подтверждается и египетскимъ преданіемъ, по которому змѣйки въ обычномъ изображеніи солнца означаютъ собою одна «*богиню юга*», другая «*богиню сѣвера*» ⁵⁰). Слѣдуетъ только имѣть въ виду, что полнѣющая луна кажется постепенно удаляющеюся на югъ (она является послѣ солнечнаго заката съ каждымъ днемъ южнѣе и южнѣе), и что, наоборотъ, убывающая луна (наблюдаемая предъ восходомъ солнца) кажется съ каждымъ днемъ передвигающеюся все болѣе съ юга на сѣверъ.

У Грековъ замѣчательнѣйшее изображеніе конъюнкціи — *голова Горгоны*, по обѣимъ сторонамъ которой является перво-

⁴⁹) Н. Brugsch Hieroglyphische Grammatik (1872) стр. 123 № 343.

⁵⁰) Н. Brugsch Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe nach altägyptischen Quellen dargestellt (1870) стр. 37 сл.

начально тоже по одной змѣѣ. Солнечное значеніе этой головы, не смотря на женское, т. е. собственно лунное названіе всего чудовища, Горγύς, Μέδουσα, доказывається тѣмъ, что одинъ видъ этой головы приносить гибель врагамъ обладающихъ ею божествъ и героевъ, то-есть, что онъ, судя по аналогіи другихъ мифовъ, заставляетъ исчезать звѣзды⁵¹⁾. Кромѣ разныхъ

⁵¹⁾ Hesiod. Scut. Herc. 233 (о Горгонахъ, преслѣдующихъ Персея)

ἐπὶ δὲ ζώνῃσι δάκοντε

δοῖω ἀπὸρρεῖντ' ἐπιχυρόντε κάρηνα,

ср. съ изображеніями, въ которыхъ змѣи являются на головѣ и вокругъ шеи. Звѣриныя уши, свиные зубы и мѣдныя рамена Горгонъ (χεῖρες Apolloδ. II 4, 2, 10) означали первоначально, безъ сомнѣнія, то же самое, что змѣи,—серповидную луну. На счетъ раменъ ср. м о е О занятіяхъ стр. 65 сл. Такъ-жекъ первоначально эти «змѣи», «зубы», «рамена» и т. д. могли признаваться принадлежностью верховнаго божества, т. е. солнца или «солнечной головы», и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаваться однако какъ фазисы луны или «лунной головы», вслѣдствіе чего напр. дуговидную луну можно было одинаково назвать и «зубомъ солнца» и «зубомъ луны»: то понятно, какимъ образомъ съ теченіемъ времени солнечная голова съ означенными атрибутами могла получить названіе луны. Горγύς,—ласкательное, вѣроятно, отъ Γορυώπις, эпитета Λοιμῆς, т. е. луны (вслѣдствіе чего Γορυώπιος, собственно принадлежность Зевса, Персея и другихъ солнечныхъ героевъ, является и у Аэяны). Замѣнъ женскимъ (луннымъ) названіемъ Горγύς соответствующаго мужскаго (солнечнаго) названія (б. м. Γβορυπλος или Γορυώπις, Γόρου) способствовало, безъ сомнѣнія, выраженіе Γορυέη κεφαλῆ, «Гориская голова», какъ переходная ступень, означая одинаково и Горгіеву, и Горгину голову. А такъ какъ женскихъ Горгонъ, какъ лунныхъ существъ, было три: возрастающая (звѣзды, зубы, серпы, и т. п.), полная (круны, глаза, юлова, и т. п.) и убывающая луна (опять: звѣзды, зубы, серпы, и т. п.)—четвертое состояніе, кажущееся отсутствіемъ луны, не могло конечно «олицетвориться», — то мѣсто одной «Горгиской головы», упоминаемой Гомеромъ, заступили впоследствии три Горгоны, не лишаясь при этомъ нѣкоторыхъ лунныхъ чертъ (замѣчу однако хоть мимоходомъ, что, какъ въ представленіи Сиринъ и другихъ подобныхъ существъ, такъ и тутъ, число три явилось не вдругъ, а путемъ сложения: 1+2). Съ тремя женскими Горгонами, какъ лунными существами, идентичны три Грѣи, «свѣдлы [т. е. сіяющія] отъ рожденія», обладающія втроемъ однимъ только зубомъ и однимъ глазомъ (луна является то зубомъ, то глазомъ), обитающія вмѣстѣ съ Горгонами въ томъ же ночномъ царствѣ (на ночномъ небѣ), куда «не заглядываетъ» солнце. Если Эсхилъ прибавляетъ, что въ этой странѣ не сіяетъ и луна (Aeschyl. Prom. 793 слл. Γορυώπις κεδία . . . , ἕνα αὶ Φορκίδας [т. е. Грѣи] καίους . . . ἀς οὐδ' ἥλιος προδέρκεται ἀκτίων οὐδ' ἡ νύκτερος μίση ποτέ), то это объясняется тѣмъ, что подвигъ, совершенный въ этой странѣ Персеемъ, относится ко времени конъюнкціи, въ ту ночь, когда на небѣ нѣтъ луны, или

рогатых мифических существъ мужскаго рода, съ этою головою въ сущности идентична и голова превращающаго все въ золото *Мидаса* (т. е. восходящаго солнца) съ обнаруживающимися на ней иногда длинными *ушами* ⁵²). Въ нашихъ же

какъ выражается мифъ, когда Персей похитилъ у Грэй зубъ и глазъ, которыми онъ чередовался, и которые онъ возвратилъ имъ послѣ достиженія своей цѣли. Главные элементы мифа о подвигѣ *Персея въ странѣ Горгоны*, т. е. на ночномъ небѣ, заключаются, по моему мнѣнiю, въ слѣдующемъ. Солнце называлось и проч. Горгскою головою, Персеемъ и Пигасомъ. Луна же называлась и проч. серпомъ и мечемъ. Во время конъюнкціи луна проходитъ мимо солнечнаго диска: мечъ перерѣзываетъ Горгскую голову. Луна — принадлежность солнца: серпъ принадлежитъ Персею. При забвенiи идентичности Персея съ Горгскою головою, является мифъ, что Персей отрѣзалъ голову Горгоны. Но конъюнкція — моментъ зарожденія новаго «мѣсяца», т. е. новаго солнца съ новою луною: изъ отрѣзанной головы выскакиваетъ *Пигасъ* и «золотой мечъ» (*Χρυσάωρ*). Конъюнкція происходитъ ночью, когда солнце не свѣтитъ (см. ниже текстъ и примѣчанiя): Персей не видно, на немъ *шлемъ Миды* (т. е. «невидимаго» солнца, ср. выше стр. 10), онъ отрѣзываетъ голову, «ле ядла» (т. е. не сіяя; *зеркало* или *щитъ*, которыми онъ при этомъ пользуется, — эквиваленты солнца); кромѣ того на немъ *мшкы* (*κίβιστος*), куда онъ причетъ и отрѣзанную голову, чтобы ея не было видно. — Нѣсколько интересныхъ замѣчанiй о Горгонахъ (сопоставленіе съ солнечными существами) включаетъ въ себя диссертация Н. G. Lollingius *De Medusa* (1871). Новѣйшее изслѣдованіе W. H. Roscher *Die Gorgonen und Verwandtes. Eine Vorarbeit zu einem Handbuch der griechischen Mythologie vom vergleichendem Standpunkt* (1879) можетъ претендовать на нѣкоторое значеніе развѣ только своими библиографическими указанiями.

⁵²) На счетъ *роговъ* см. выше примѣч. 33. — *Уши Мидаса*, т. е. лунныя «азы», «обнаруживаются» обыкновенно ночью, на «ночь», покрытомъ «свирлялы», т. е. на ночномъ небѣ, покрытомъ «сіющими» звѣздами (см. выше примѣч. 26). Но такъ какъ свирль дѣлалась обыкновенно изъ тросты и могла обозначаться однимъ съ нею словомъ, *κάλανος* (ср. *συργγίας, συργγιον*), то отсюда получился извѣстный мифъ о томъ, какъ *тростники выдали тайну объ ушахъ Мидаса*. На еродныхъ мифахъ о «поющихъ деревьяхъ» и о «поющихъ костяхъ» я думаю остановиться въ моихъ Этологическихъ и миеологическихъ замѣткахъ. Замѣчу здѣсь только мимоходомъ, что подобнымъ же образомъ объясняется и проч. и развѣдующая *по ночамъ* игра на *флейтахъ* и *свирлялахъ* предъ Иліономъ, упоминаемая вмѣстѣ съ «шумомъ людей» и съ «молниями огня», *Iliad. X 11*:

ἤτοι ὅτ' ἐς πέδον τὸ Τρωϊκὸν ἀθήσειεν [Ἀγαμέμνων],
θαύμαζεν πρὸς πολλὰ, τὰ καλετο Ἰλιὸν πρὸς,
αἰὼν συρρυων τ' ἐπολήν θμαδόν τ' ἀνδράπων.

Не можетъ быть сомнѣнiя, что *πρὸς πολλὰ* и *θμαδος ἀνδράπων* соотвѣтству-

сказках особенно замѣтно отраженіе представленій о конъюнкции въ чудесной чертѣ *вълзанія въ правое ухо* лошади, или другихъ животныхъ, и *вывлзанія въ лѣвое*, что имѣетъ обыкновенно послѣдствіемъ тоже нѣчто въ родѣ *обновленія*: *приобрѣтается богатство, сила, или краса*. Древніе мѣны, въ родѣ того, что *Зевса, проплотивъ лунную богиню Митиду, производитъ изъ своей головы другую лунную богиню, Аѳину*, заставляютъ думать, что и въ сказкахъ прежде говорилось о прохожденіи луны сквозь голову солнечнаго «коня» или другихъ мужскихъ представителей солнца⁵³).

въ «множеству пылающихъ костровъ» (*πυράι Ζαμναι*) и «*улу мертвецовъ*» (*ἐκλυή νεκρῶν*), о которыхъ мы уже говорили выше на стр. 9 сл. Подобнымъ же образомъ и въ *Iliad.* XVIII 492 слл., въ описаніи ночнаго свадебнаго *улавлія*, вмѣстѣ съ «*звукомъ олейтъ и кнеаръ*», упоминаются «*пылающіе факелы*»:

. . . νόμας δ' ἐκ θαλάμων δαΐδων ἔπο λαμπομεγάν
 ἤγινον ἀνὰ ἄστυ, πολὺς δ' ἠμέναιος ὄρωρει
 κοῦροι δ' ὄρχηστῆρες ἔδινον, ἐν δ' ἄρα τοῖσιν
 αὐλοὶ φεβριγγύς τε βοήν ἔχον . . .
 λαοὶ δ' εἰν ἄγορῇ ἔσαν ἄθροοι, ἔνθα δὲ νεῖκος
 ὄρωρει . . .

Солнечную природу *Мидаса* обнаруживаютъ и всѣ другіе мѣны о немъ. Что, въ качествѣ «*нарождающагося*», т. е. восходящаго, солнца онъ «*поглощаетъ*» звѣзды, выразилось въ мѣнѣ такъ: «*въ ротъ малолѣтнему Мидаса, когда онъ спалъ [т. е. ночью, см. выше. утромъ; ср. выше примѣч. 51] вполнѣ муромъ [т. е. звѣзды; см. ниже] и весьма старательно и прилежно нанесла туда пшеницы*». (*Ael. V. hist. XII 45*). Тутъ «*пшеница*», *πυρό* очевидно значила собою «*огни*», *πυρά*, въ значеніи сіянія звѣздъ. Ср. мѣнѣ о *ромъчеллѣ львиной пасти*. *Розовые сады* Мидаса, въ которыхъ былъ *пойманъ* и «*сѣянъ мѣлами*» *состарѣвшійся Силия* (*Ο γ. Met. XI 90 сл.: titubantem annisque meoque . . . vincitum coronis*), — звѣздное небо, на которомъ луна «*вмѣстѣ*» солнце (см. ниже). Виснословныя *сокровища* Мидаса—луна и звѣзды; ср. напр. «*золотую казну*» *Соловья Будиміровича*, выше стр. 19. Мѣны о томъ, какъ Мидасъ произвелъ *золотосную рѣку*, обнаруживаютъ его идентичность съ этою рѣкою, какъ солнечнымъ источникомъ. Ср. замѣчаніе по поводу «*Источника колы*» въ моемъ отчетѣ О занятіяхъ стр. 70 сл. примѣч. 53.

⁵³) Въ нашемъ сопоставленіи мѣновъ достаточно для окончательнаго опредѣленія первоначальнаго значенія *Зевса*, съ одной стороны, и *Мидиды*, *Аѳины* и вообще всѣхъ женъ, любовницъ и дочерей Зевса, съ другой—обратъ только вниманіе на слѣдующія обстоятельства мѣны, какъ они сообща-

Но желаніе представить обновленіе луны моментомъ обнов-

ются въ Θεογονίᾳ Исіода 883—900 и 924 слл. и у Аполлодора I 3, 6. Первою женою Зевса была *Митида* (впослѣдствіи богиня «мудрости», какъ и *Аида*), которая, «превращается въ многіе виды, избывая совокупленія съ Зевсомъ». Послѣ того какъ она стала отъ него беременною (полнолуніе), Зевсъ, изъ опасенія, чтобы она не родила царя боговъ и мужей» (т. е. новаго Зевса, новое солнце), пролотили её (Hesiod. ἐν ἐσχάτῳ τοῦ γυῖου; Apollod. κατίπευ) именно въ тотъ моментъ, когда она собиралась родить *Аииду* (новую луну),—предварительно, какъ замѣчаетъ схолиастъ, «сдѣлавъ её малою» (μικρὰν ποιήσας, Schol. Hes. Theog. 886, H. Flash Glossen u. Scholien z. Hes. Theog. [1876] стр. 283; ср. мой Каннибализмъ стр. 300 примѣч. 24) послѣ чего онъ уже самъ рождаетъ изъ своей головы Аииду *Тритолеию* (Hesiod. 895 *Τριτογένειαν*), т. е. «Рожденную изъ головы» (собственно изъ «Третьяго», о чемъ см. ниже). Подобнымъ образомъ и (лунная) богиня *Немесида* (*Nemesis*, получившая, безъ сомнѣнія, только впослѣдствіи значеніе отвѣченаго понятія «возмездіе», какъ и идентичная съ нею *Дика*, *Αἰκή* «справедливость», см. *Γύρυνθος*), прежде чѣмъ родитъ Зевсу «чудо для смертныхъ», *Θαῖμα βροτοῖσι*, — *Элену*, «бѣжитъ отъ него по землѣ и по черной водѣ» (*ἀτρεύετον μέλαιν ὕδαρ*—ночное небо), превращаясь при этомъ въ рыбу и въ разныхъ животныхъ. Сург. fr. 3 (Athen. VIII p. 334 с.). Другая версія того же, въ сущности, мѣна гласитъ: *Эрисихтонъ* (*Ἐρισίχτων*—читеть *быка-пазателю*, какъ имъ часто является въ мѣнахъ солнце) или *Эвокс* (*Ἄϊων*, «жгуцій», обычнѣйшій эпитетъ льва, какъ представителя солнца; и проч. и прозвище *Одиссея*), страдая отъ голода, постоянно *продаетъ* (первоначально, конечно, *пожираетъ*) свою дочь *Мистру* (*Μίστρα* или *Ἰπερμίστρα*) или *Мнистру* (*Μνήστρα*—*Кли-таμνήστρα*—жена *Агамемнона*, т. е. *Зевса*) любовницу *Посидона* (*Ποσειδῶν* первоначально то же, что «Отецъ Зевсъ»), которая, благодаря своей способности *превращаться*, постоянно *возвращается* назадъ къ отцу. Palaeph. 24; Ov. Met. VIII 843—878; Ant. Lib. 17; Schol. Lucorp. Alex. 1393. Въ орѣическомъ ученіи, по Аэинагору (II в. по Р. Хр.), «Зевсъ... преслѣдовалъ даже родную мать *Рейо*, не желавшую супружества съ нимъ. Когда она *преератилась въ змѣю* (*δράκαινα*), то и онъ принялъ видъ змѣи (*δράκων*) и, связавши её такъ называемымъ иракліотскимъ узломъ, совокупился съ нею... Затѣмъ подъ видомъ змѣи онъ изнасиловалъ и дочь свою *Персефону*». См. мой Каннибализмъ стр. 305 сл. Тутъ, повидимому, извѣднѣе лунны-Рей въ то время, когда она находится вблизи солнца—Зевса, напомнило, что и солнце называлось «дракономъ», т. е. «зрящимъ», что и выразилось въ превращеніи Зевса въ змѣя (что Зевсъ превращается и при преслѣдованіи Персефоны. въ разсказахъ, не упоминающихъ уже о превращеніи послѣдней, это обусловлено, кажется, въ значительной степени этическими соображеніями. Ср. Канниб. ух. м.). Ниже въ примѣч. 74 мы еще коснемся мѣна объ *Ари-ствѣ* и *Эаридикѣ*, подъ именами которыхъ скрываются *Зевс* и *Дика*.

И въ Иліадѣ V 880 Зевсъ самъ рождаетъ Аииду (*αὐτὸς ἐγένετο κατ' ἄδηλον*). Что послѣдняя названа при этомъ «невидною» (*ἀδῆλος*; ср. ниже стр. 47) указываетъ на представленіе, что новая луна «нарождается» не-

ленія самого солнца было, кажется, причиною того, что въ боль-

шого раньше ея видимаго появленія на небѣ. Если, напротивъ, у С т и с и х о р а ядр. (Schol. Apollo n. IV 1310) она выскакиваетъ изъ головы Зевса «*своруженною*», *ὄν βλοῦς*, т. е. сіяющею (см. о томъ ниже), то въ этомъ отразился другой взглядъ, отождествившій время видимаго появленія на небѣ съ самимъ «*народженіемъ*».—Въ тѣснѣйшей связи съ представленіемъ о происхожденіи луны изъ солнечной головы находится названіе Лены *Τρίτογένη* (= *Τρί γέν*), «*Рожденная Третьею*». Ошибочно полагаетъ Mich. Bréal *Mélanges de Mythologie et de Linguistique* (1877) стр. 16, что la naissance d'Athéné, sortie armée de la tête de Zeus... est le résultat de la plus naïve des confusions. Усматривая въ *Τρίτογένη* «*дочь Трита*» («*Tritos*» = ведійск. *Tritá*), имя котораго сохранилось также въ греч. словахъ *Τρίτων*, *Ἀμφιτρίτη* и *Τρίτομάτωρ*, онъ продолжаетъ: Quand le dieu *Tritos* cessa d'être connu, le mot *Tritogéneia* devint une énigme, et les Éoliens, qui dans leur dialecte appelaient *τρίτω* la tête, comme l'attestent le scoliaste d'Aristophane (Xucés. v. 989 . . .) et Hésychius (*Τρίτω* . . .), n'hésitèrent pas à reconnaître dans Athéné la déesse sortie de la tête de Zeus. Но безъ особенно вѣскихъ причинъ появленіе мѣся, называющагося столь чудовищнымъ,—положительно немислимо, тѣмъ болѣе что представлялись способы объяснить имя гораздо проще и естественнѣе (см. Pape's *Wörterb. d. griech. Eigennamen* п. сл. *Τρίτογένη*). Кромя того, какое мы имѣемъ основаніе утверждать, что сходство названія божества съ словомъ, означающимъ голову, чисто случайное? Спорно можно допустить противное. Связь названія *Τρίτογένη* съ ведійск. божествомъ *Tritá* (греч. *Τρίτο*; *Τρίτο*- б. м. обусловлено отчасти аналогією *τρίτο*-, *πρίτο*-) весьма вѣроятна (см. литературу, указанную Вѣничкомъ *Griech.-lat. etym. Wörterb.* стр. 192 примѣч. 11 и стр. 317 примѣч. 3 и 4, гдѣ оупущена однако интересная статья Th. Benfey *Τρίτων Ἰθ' Ἀθήνα Femininum des zendischen Masculinum Thraëtána Athwýana. Ein Beitrag zur vergl. Mythol.* въ *Nachr. v. d. K. Ges. d. Wiss. Götting.* 1868 стр. 36 сл.). Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что *Trita* означаетъ «*Третій*». Fr. Bopp *Vergleichende Grammatik II*^o (1870) стр. 66 сл. находитъ, что корень *tar* или *tr*, послужившій для образованія числа «три» въ индогерманскихъ языкахъ, означаетъ нѣчто «*превышающее*», «*превосходящее*» (*überschreitend, darüber hinausgehend* — выходящее за предѣлы двойственности), при чемъ Боппъ указываетъ на лат. *trans* (можно сравнить еще суефиксъ сравнительной степени *taga*). Такъ какъ въ древнѣйшихъ словахъ, означающихъ отвлеченныя понятія, оказывается обыкновенно первоначальнымъ конкретное значеніе, что особенно видно именно на названіяхъ чиселъ у разныхъ народовъ (см. и проч. примѣры, которые приводитъ Felix Bogacki *Bodowód liczb i cyfr.* Warsz. 1880 стр. 6 сл.), то уже на основаніи выше приведенныхъ данныхъ становится весьма вѣроятнымъ, что въ индогерманскихъ языкахъ понятіе «три» передавалось словомъ, обозначающимъ собственно голову. Вмѣсто множества данныхъ, которыя можно было бы привести въ подтвержденіе этого вывода, позволю себѣ еще сопоставить здѣсь: *Gylfaginning 2*, гдѣ *Thridhi*, т. е. «*Третій*» является сидящимъ выше

шинствѣ сказокъ влѣзаютъ въ лошадиное ухо не представительницы луны, а сами солнечные герои⁵⁴). Въ связи съ этимъ

тѣмъ *Hár* «Высокій» и *Jafnhár* «Равно высокий», — съ греческою поговоркою *τρίτη κεφαλή*, «третья—голова», Plut. Prov. Alex. I 99: *τρίτη κεφαλή* [cf. Suid.; v. l. *τρίτη κεφαλή* = Apostol. XIX 58; v. Согр. Рагоеш. Gr. I p. 335] καὶ *τρίτω ἐκκεφάλω*: ἐπὶ τῶν ἀχθοφορούντων οὐ μόνον κατὰ τῶν ὤμων ἀλλὰ καὶ κατὰ τῆς κεφαλῆς (Ср. Wander D. Sprichw. II 1504 № 121: Ein Kopf braucht zwei Hände; Two hands are for the defence of one head; и т. п.). Руководясь этими соображениями, произвожу отъ основы *Трито-* или *Трито-* въ значеніи «голова» также: названіе божества *Триполатар* «Голова-отецъ» и, какъ производныя отсюда, названіе божества и (солнечнаго) источника *Тритоу* и эпитетъ Аены и названіе озера *Тригавис*, и т. п.; названіе (первонач. лунной) богини *Алфитриты*, т. е., являющейся «по обѣимъ сторонамъ [солнечной] головы». — Упоминаемое вѣрѣдио участіе *Ифста*, или *Проливса* и др. при рожденіи Аены изъ головы Зевса доказываетъ только идентичность этихъ лицъ съ самимъ Зевсомъ. Мѣдная *сѣкира* (т. е. луна), которою поражаетъ при этомъ Зевсу голову, соответствуетъ к. проч. *серпу Персея*, поражающему голову Горгоны. Это, безъ сомнѣнія, та же сѣкира, которую мы находимъ и у *Зевса Лаграндскаго* (Plut. Qu. Gr. 45). Впрочемъ и у *Одысса* (Одысс. V 234 сл.) оказывается сѣкира, мѣдная, *облодоострая* (символь конъюнкціи); онъ же (XXI) *стрѣляетъ черезъ двѣнадцать* такихъ сѣкиръ (солнце проходить въ годъ двѣнадцать конъюнкціи). — Что касается мѣна о происхожденіи Аены отъ *Палланта*, котораго она *убиваетъ, когда она хотѣла съ нею совокупиться* (Сic. Nat. Deor. III 23), то въ немъ слѣдуетъ признавать отраженіе представленія (засвидѣтельствованнаго, какъ увидимъ, еще множествомъ другихъ мѣновъ), что рожденная солнцемъ во время конъюнкціи луна является въ то же самое время причиною начала «новаго солнца» (т. е. новаго мѣсяца), и тѣмъ самымъ становится виновницею смерти «старога солнца», — смерти своего отца. Иное только выраженіе мысли о происхожденіи луны отъ солнца представляетъ мѣно о томъ, что Аена *содрала съ Палланта кожу и покрыла ею себя* (Apoll. I 6, 2, 3). Нарождающаяся луна является сперва какъ бы тонкою полоскою, отдѣлившеюся отъ поверхности солнца, и затѣмъ постоянно разрастающеюся. Это отразилось вообще въ безчисленныхъ мѣновъ и сказкахъ о *сдираніи кожи* съ солнечныхъ героевъ, о *вырѣзываніи* *полоса* со спины, о томъ, какъ *Рѣни* сдѣлалъ цѣлую *короу изъ кожи* (см. ниже примѣч. 74), объ искусномъ *распиливаніи* или *разрѣзываніи* *съ тонкую полоску воловьей кожи* такъ, что ею можно покрыть или окружить большое пространство земли (которая въ такомъ случаѣ должно быть носила названіе луны), и т. д.

⁵⁴) См. напр. Аэна съ евъ Нар. р. ск. II³ № 105 и 106 и IV³ примѣч. къ № 105 («Свяно-Бурко») стр. 205: «Литовское преданіе... запознило о жеребцѣ исполина *Витольфа*, по имени *Иоджъ* (черный) [т. е. *невидимое* солнце — невидимое во время конъюнкціи, на чемъ еще остановимся ниже]... Голова этого коня служила исполину убѣжищемъ: однимъ ухомъ

находится и то обстоятельство, что пролѣзаніе совершается не съ лѣва въ право, какъ слѣдовало бы ожидать отъ луны, а съ права въ лѣво, что вполне соответствуетъ кажущемуся движенію солнца⁵⁵). Главнымъ образомъ слѣдуетъ при этомъ имѣть еще въ виду, что въ народныхъ воззрѣніяхъ уже съ древнѣйшихъ поръ успѣла установиться весьма прочная связь между представленіемъ движенія съ *права въ лѣво* съ представленіемъ именно о *движеніи солнца*, и что, по всей вѣроятности, даже

онъ входилъ въ нее, а другимъ выходилъ. Тоже дѣлаютъ и богатыри русскихъ сказокъ; влѣзанъ въ одно [правое] ухо своего коня, они найдутся тамъ, выплываюся, переодѣваются, потомъ выплываюся въ другое [лѣвое] ухо такими молодцами, что никто и признать ихъ не можетъ». J. Grimm Geschichte der deutschen Sprache I² (1856) стр. 690, говоря объ исторіи понятій «право» и «лѣво», цитируетъ Rabelais La vie de Gargantua et Pantagruel I (1535) 6, гдѣ въ описаніи, какъ родился *Гаргантюа*, говорится: *print son chemin à gauche et sortit par l'oreille senestre* [своей матери]. А е а н а с ѣ в ѣ въ ук. м. напоминать весьма интересную въ многихъ отношеніяхъ сказку сборника Asbjörnсен u. Мое *Norwegische Volksmärchen* I (1847) № 19, гдѣ въ услуженіи у героини разсказа является «синій», т. е. собств. черный (ср. L. Geiger Ursprung u. Entwicklung d. menschl. Sprache u. Vernunft II [1872] стр. 311 слл., 390 и др.), быкъ, въ лѣвомъ ухѣ котораго находится *скатерть самообманка*. Сказка особенно важна тѣмъ, что въ ней вмѣсто обычнаго героя является женщина, *царевна*: ей и принадлежитъ этотъ несомнѣнно солнечный быкъ, которому она наконецъ *отрываетъ юлову своимъ носомъ* и съ котораго она *сдираетъ кожу* (какъ *Авила* съ своего отца *Палланта*; см. въ концѣ предъидущ. примѣч. и ср. ниже примѣч. 74).

“) Что луна совершаетъ сравнительно обратное движеніе, т. е. что мѣсяцъ «на *убыли*», когда лунной серпъ находится по утрамъ съ *лѣвой* стороны отъ солнца, и что затѣмъ онъ «на *прибыли*», когда на вечернемъ небѣ этотъ серпъ зашъвается съ *правой* стороны, — это отразилось и проч. въ слѣдующихъ повѣрьяхъ. Если лѣвое *ухо* «*воритъ*», или если въ немъ «*звонитъ*», то это дурной знакъ; но то же самое относительно праваго — хорошій. Такъ же точно, если «*чесется*» лѣвая *бровь*, (или лѣвый *ладонь*) или же лѣвая *ладонь*, то это дурное предзнаменованіе; если же правая бровь, или правая ладонь — хорошее. См. J. Grimm D. M. II⁴ стр. 935 сл.; IH⁴ стр. 322; А е а н а с ѣ в ѣ въ Повт. воззр. I стр. 187; W a n d e r D. Sprichw. III стр. 1128 № 97. (Не знаю, чѣмъ обусловлено, что у Нивцевъ существуетъ обратная примѣта, да и то только относительно *рукъ*; Grimm ук. соч. II⁴ стр. 936; W a n d e r ук. соч. II стр. 324 № 830). «*Ухо*», «*бровь*» (ср. эпитетъ *Артемиды* *Λεύκοφρος*, т. е. «Бѣлая бровь»), «*рука*» — названія луны; «*воритъ*» же, «*звонитъ*» и «*чесается*» употреблялись первоначально и въ значеніи «*сіять*» (на счетъ «*чесанья*» ср. Потебня О вѣкот. симв. въ слав. народн. поэзій стр. 26).

самое появленіе понятія «право» и «лѣво» обусловлено представленіемъ о движеніи солнца ⁵⁶). Восходя на восточномъ небосклонѣ и подвигаясь сперва на южную, а потомъ оттуда на западную часть неба (съ тѣмъ чтобы, по представленію древнихъ, обойти невидимо сѣверъ и взойти опять на востокъ), солнце кажется совершающимъ свой дневной путь по дугѣ окружности, центръ которой находится въ сѣверномъ направленіи отъ наблюдателя, такъ-что въ продолженіе дня «лицо» солнца представляется, съ одной стороны, поворачивающимся поочередно ко всѣмъ точкамъ сѣверной половины горизонта, т. е. совершающимъ вокругъ своей собственной оси *полуоборота на право*, а съ другой—подвигающимся въ то же самое время въ бокъ *съ права въ лѣво*. Вѣроятно уже съ весьма древнихъ временъ люди подражали этому движенію солнца, «ходили посолонь», т. е. *съ права на лѣво*, или совершали по крайней мѣрѣ соответствующее обратное *поворачиваніе тѣла (на право)* при молитвенныхъ и другихъ обрядахъ ⁵⁷).

⁵⁶) На счетъ происхожденія «права» и «лѣва» заслуживаютъ конечно особеннаго вниманія соображенія Я. Гримма Gesch. d. deutsch. Spr. I³ стр. 680—691 См. также. v. Meuser Ueber Ursprung von Rechts und Links in Verh. d. berl. Ges. f. Anthropol. Ethnol. u. Urgesch. 1873 стр. 25. Относительно различія сторонъ въ воззрѣніяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, кромѣ того, что указано Гриммомъ въ примѣч. означ. соч. стр. 683, см. еще: Lobeck Aglaophamus II стр. 914—919; J. Bachofen Versuch über die Gräbersymbolik der Alten (1859) стр. 17 сл.; его же Mutterrecht, eine Untersuchung üb. d. Gynaikokratie d. alten Welt etc. (1861) алевитн. указ.

⁵⁷) Даль Толковый словарь и. сл. *посолюнь*: . . . «отъ востока на западъ, отъ правой руки (вверху) къ лѣвой [лице предполагается, слѣдовательно, обращенное въ сѣверную сторону]. *Посолюнь ходила*, вѣнчана. *Борони по солнцу (посолюнь)*, лошадь не аскружится [солнце представлялось, слѣдовательно, *пазателемъ*, что видно впрочемъ и въ множества мѣзовъ]. *Крути веревку посолюнь* [это напоминаетъ и. проч. сходство словъ: *σείρα*, веревка, и *σείρα*, солнце]. Ср. Аеванасевъ въ Поэт. Возвр. I стр. 181.—Слѣдъ хожденія посолюнь у Грековъ сохранился, кажется, въ приписываемомъ Пиагоу правилѣ входить въ храмъ съ правой и выходить съ лѣвой стороны, I a n b l. De Pyth. vita 28 p. 156: Εἰσὶναι δὲ εἰς τὰ ἱερὰ κατὰ τοὺς δεξιούς τόνους παραγυλλεῖ, ἔξεναι κατὰ τοὺς ἀριστερούς. . . Однако уже у Гомера движеніе посолюнь начинается замѣняться общепринятымъ впоследствии обратнымъ движеніемъ

Въ привѣтствованіи небесныхъ боговъ — какъ представителей восходящаго солнца — правую рукой, мы имѣемъ, кажется, доказательство, что нѣкогда и предки Грековъ и Римлянъ, подобно Германцамъ и другимъ народамъ обращались даже во время молитвы лицомъ на сѣверъ — въ подражаніе солнцу⁵⁸). Только тѣмъ, что первоначально ориентировались, идя посолонь, можно объяснить, почему древніе Греки, подобно русскому простолыдину, считали *востокъ* правую стороною, а *западъ* лввою, и почему у другихъ народовъ «право» и «лѣво» обозначаетъ то сѣверъ и югъ (какъ напр. у Египтянъ), то наоборотъ югъ и сѣверъ (какъ напр. у Индійцевъ и Римлянъ)⁵⁹).

(Od. γ α β. XVII 365: βῆ δ' ἴμεν . . . ἐνδὲξια; XXI 141: ὄρουσθ' ἔξεται; ἐπιδέξια) — безъ сомнѣнія, на основаніи соображенія, что движеніе на лѣво должно имѣть дѣрное значеніе, такъ какъ лѣвля сторона, куда движется солнце, — мѣсто заката. — На счетъ *поворачиванія тѣла* при привѣтствованіи боговъ у древнихъ (*convertere se* = *adorare*) см. указанія въ Pauly's Realencykl. u. sl. Adoratio, I 1² (1864) стр. 183; Daremberg et Saglio Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines I (1873) стр. 81 а. О Римлянахъ мы знаемъ, что они поворачивались *dextrorsum*, т. е. *на право*, прикрывши при этомъ частью верхней одежды голову и уши (*capite aperto, velato*) такъ, чтобы осталось *незакрытымъ только лицо*, и что послѣ поворачиванія они обыкновенно *садились* или *простерлись* на полъ (Plut. Num. 14; Suet. Vitell. 7; и др.): — это, очевидно, подражаніе тому, что дѣлаетъ «голова» или «лицо» солнца. Относительно Грековъ см. и проч. K. F. Hegmann Lehrb. d. griech. Antiquitäten II² (1858) § 21 примѣч. 19, съ указаніемъ на Lobbeck Agl. p. 249 (249 — опечатка).

⁵⁸) См. J. Grimm D. M. I⁴ стр. 28; III стр. 22; его же Gesch. d. d. Spr. I² стр. 681.

⁵⁹) Указанія см. у Я. Гримма Gesch. d. d. Spr. ук. м. На счетъ Грековъ въ частности см. также Lobbeck Agl. II 915 слл.; Hegmann ук. соч. § 38 примѣч. 9 и 10. Относительно гомеровскаго *μάχης ἐπ' ἀριστερά*, противъ того, что указано въ словарѣ Эбелинга, см. еще W. Ribbeck въ Rheinisches Museum XXXV (1880) стр. 610 слл. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на множествѣ вопросовъ, связанныхъ съ тѣми мѣстами Иліады и Одиссеи, въ которыхъ упоминается «право» и «лѣво», замѣчу только, что вездѣ, гдѣ встрѣчаются эти слова, можно еще прослѣдить первоначальное значеніе: *востокъ* и *западъ*, и что и проч. и «*Лѣвля ворота*» Трои, *Σκηνή λεύκη*, имѣли первоначально значеніе мѣста солнечнаго заката. — Я думаю, что, прежде чѣмъ появилась надобность отличать правую руку отъ лѣвой, существовали уже слова, означавшія востокъ и западъ. Древнѣйшія изъ нихъ, вслѣдствіе того, что человѣкъ привыкъ ориен-

Во всякомъ случаѣ, движеніе солнца, какъ движеніе съ права въ лѣво, сознавалось всегда столь отчетливо, что въ мифахъ, изображающихъ конъюнкцію, какъ пролѣзаніе не луны, а самого солнца, должно было явиться опредѣленіе: «съ права въ лѣво», даже въ такомъ случаѣ, если бы и не принималось во вниманіе, что солнце, по отношенію къ убывающей и нарождающейся лунѣ, дѣйствительно кажется передвигающимся въ этомъ направленіи.

Въ разсматриваемой категоріи мифовъ для насъ — ииѣя преимущественно въ виду Одиссею — не лишнимъ будетъ обратить вниманіе еще и на слѣдующія обстоятельства.

Конъюнкція, особенно если она представляется любовнымъ или брачнымъ соединеніемъ, является то моментомъ смерти стараго солнца, или, соотвѣтственно этому, рожденіемъ новаго, то, какъ мы уже замѣтили, вмѣсто смерти стараго и рожденія новаго солнца, повѣствуется объ *обновленіи*. То обстоятельство, что самого момента конъюнкціи нельзя наблюдать на небѣ, а можно видѣть только взаимное приближеніе или удаленіе солнца и луны, тоже отразилось различно: или представительница луны остается вѣчною *дѣвственницею*: или же совокупленіе происходитъ тайно, ночью, въ темницѣ или вообще въ какомъ нибудь закрытомъ вмѣстилищѣ; или наконецъ, вслѣдствіе желанія соединить то и другое, являются мифы о *чудесномъ зачатіи*, напр. отъ божества, въ отсутствіе настоящаго мужа (какъ, наприимѣръ, *Алкмина*; зачала *Иракла* отъ

тироваться по солнцу, т. е. обращаться въ ту сторону, куда смотритъ солнце, и сообразать направленіе его движенія, получили переносное значеніе: «право», «лѣво», и легко могли лишиться своего первоначальнаго значенія, когда, въ специальномъ значеніи восхода и заката, преимущественно стали употребляться другія слова. Когда же, съ теченіемъ времени, явилась потребность опредѣлять, на которой сторонѣ сѣверъ, и на которой югъ, то разногласіе на счетъ прииѣненія къ этимъ сторонамъ словъ «право» и «лѣво» было дѣло весьма естественное; ибо даже для идущаго посолонъ сѣверъ будетъ то съ правой, то съ лѣвой стороны, — не говоря уже о томъ, что поворачиваніе лица къ солнцу во время молитвы, какъ этого требовало напр. христіанство отъ язычниковъ, молившихся прежде на сѣверъ (см. указанное въ предъидущ. прииѣч.), могло изиѣнить способъ прииѣненія этихъ словъ къ странамъ свѣта, особенно къ сѣверу и югу.

Зевса во время отсутствія своего мужа *Амфитріона*), и разные примѣры болѣе или менѣе рационализованнаго *паремионогенесиса*⁶⁰⁾. Какъ на одну изъ самыхъ видныхъ «дѣвственницъ» въ греческой мифологіи можно указать на *Аѳину*, которая называется *Парфѣнос*, т. е. «Дѣвою», по преимуществу. Между тѣмъ, по Аристотелю и др., она же мать *Аполлона*—отъ *Ифѣста*⁶¹⁾. Наконецъ о ней же существуетъ мифъ, маскирующий ея материнство допущеніемъ чуда: отъ сѣмени *Ифѣста*, пророненнаго въ то время, когда онъ насильно хотѣлъ совокупиться съ цѣломудренною *Аѳинною*, родился изъ земли *Эрихтоній*, котораго *Аѳина усыновляетъ*⁶²⁾. При этомъ сохранилась и черта, свидѣтельствующая о *невидимости* или тайнственности конъюнкции: *Аѳина* прячетъ *Эрихтонія* въ ящикъ или *корзину* (*κίστη*, *texta de vimine cista*, *κίσθητός*; ср. *κίσθησις*, куда *Персей* прячетъ *Горійскую* голову со змѣями), послѣ раскрытія котораго при поворожденномъ ребенкѣ оказалась змѣя (*δράκων*, *δφις*), ушедшая потомъ къ *Аѳинѣ*⁶³⁾. Подобнымъ образомъ и новорож-

⁶⁰⁾ Такимъ чудеснымъ происхожденіемъ объясняются и проч. имена солнечныхъ героевъ *Парфѣютаіо*; (смыслъ *Ареса*) = *Парфѣіос* (смыслъ *Зевса*), «Дѣвичій сынъ».

⁶¹⁾ *Clem. Alex. Protr.* 2, 28: καὶ μὴν Ἀπόλλωνα ὁ μὲν Ἀριστοτέλης πρῶτον Ἡρακλέους καὶ Ἀθηνῶν—ἐναυθῶν δὲ οὐκ ἐστὶ παρθένος ἢ Ἀθηνῶν—; ср. *Cic. Nat. deor.* III 22 сл.; *Lyd. De mens.* IV 54.—На идентичность *Ифѣста* съ *Зевсомъ* мы уже указали выше, примѣч. 53.

⁶²⁾ Ср. *Cic. Jop* 269:

ΙΩΝ. Ἡ καὶ σφ' Ἀθίνα γῆθεν ἔγενετο;

ΚΡΕΟΥΣΑ. Ἐκ παρθένους γὰρ χεῖρας, οὐ τρυφῶν νύ.

Эрихтоній является сыномъ аттической земли, *Атены* (*Ἀτθίς* дочь *Браны*), что очевидно представляетъ только видоизмѣненіи имени *Аѳины* (*Ἀθίνη Κρατία*); ср. *Benfey* въ *ум. м.* стр. 51 сл. Онъ часто называется также сыномъ *Иѣста* и *Гем*, «Земли». Въ этомъ мы имѣемъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что, какъ разными названіями странъ, такъ и самое названіе «Земли» въ мифахъ означало первоначально луну.

⁶³⁾ Дѣвцы *Ауралос*, *Пандросос* и *Ерση*, которымъ *Аѳина* поручаетъ корзину съ *Эрихтоніемъ*, запретивъ имъ раскрыть её, и которыя, не послушавшись приказанія и увидавъ *Эрихтонія*, бросаются, въ упомошательствѣ, со скалы, или утопаютъ, — это дѣвцы, носительницы разныхъ названій самой *Аѳины*, т. е. луны. Луна, увидѣвъ народившееся солнце (т. е. появившійся на небѣ вблизи солнца послѣ конъюнкции), *уходитъ* отъ него.

денный *Персей*, котораго мы еще коснемся ниже, плаваешь въ некоторое время по морю, заключенный въ ларь вмѣстѣ съ *Данаею*, несомнѣнною представительницею луны. Вообще въ мифахъ, изображающихъ конъюнкцію, почти всегда можно прослѣдить эту черту невидимости. Соответственно тому, что *Горійская юлова*, какъ сочетаніе солнца съ луною, находится въ почной странѣ, «куда не заглядываетъ солнце», или въ *Андѣ*, такъ и небесное совоупленіе *Зевса* съ *Ирою*, являющееся прототипомъ земнаго брака, происходитъ въ укритіи, тамъ, куда «даже солнце не заглянетъ»⁶⁴). Также точно и *Уранъ* и *Гяя*, т. е. первоначально солнце и луна, впоследствии «Небо» и «Земля», совоупляются ночью⁶⁵). *Зевсъ* посѣщаетъ *Данаю* въ *темницу*, ἐν τρυβήρει θαλάμῳ, въ видѣ

⁶⁴) Iliad. XIV 341:

«Ἠρῆ, μήτε θεῶν τόγε δεῖσθαι μήτε τιν' ἀνδρῶν
ὄψεσθαι· τοῖόν τοι ἐγὼ νέφος ἀμφοκαλύψω,
χρῦσεον· οὐδ' ἂν νῶϊ διαδράκοι Ἥλιός περ,
οὔτε καὶ δῖότατον πέλεται φάος εἰσοράσθαι».

и 350:

. . . ἐπὶ δὲ νεφέλῃν ἕσαντο
καλὴν χρυσεῖην· στήληναι δ' ἀπέπιπτον ἔρσαι.

Ὡς ὁ μὲν ἀτρέμας εὔδε πατὴρ ἀνὰ Γαργάρον ἄκρον . . .

Слѣдуетъ замѣтить, что *χρῦσεον νέφος* или *χρυσεῖη νεφέλη*, «золотое облако», означало первоначально самую луны. Таково значеніе *Хрисиды* (*Χρυσήτις*; ср. «золотую» *Аеродиту* и *Χρυσηλάματος*, внитетъ *Артемиды* и другихъ лунныхъ богинь) и *Нефелы* (*Νεφέλη*), которая является на мѣстѣ *Иры* въ объятіяхъ *Иксіона*, несомнѣнно идентичнаго съ *Зевсомъ*. Со словами *νέφος ἀμφοκαλύψω* ср. *Νύμφη Καλυψώ*, съ которою сожительствуютъ *Одиссей*. — Слова *στήληναι ἀπέπιπτον ἔρσαι* поясняютъ, почему одна изъ дѣвицъ, которымъ *Аиона* поручила *Эрихонию*, называлась *Ἐρση*, т. е. *ἔρση*. — Съ *Γαργάρον ἄκρον* ср. *Γοργεῖη κεφαλή*.

⁶⁵) Hes. Theog. 176:

ἦλθε δὲ Νύκτ' ἐπάγων μέγας Οὐρανός . . .

Затѣмъ ст. 178:

. . . ὁ δ' ἐκ λοχεῖοιο καίς ἀρέζατο χεῖρι
σκαίῃ, δεξιτερῇ δὲ πελώριον ἔλλαβεν ἔρσην и т. д.

Значить: ночью «испоинскій серпъ» отрѣзалъ *двухродный членъ* *Урана* (ибо ночное солнце = *свѣтъ огня*) двигаясь, по отношенію къ *Урану*, съ лѣва въ право, что вполне соотвѣтствуетъ кажущемуся передвиженію луны: <—) ⊙ <—(С. Вспоминиъ, кстати, что *Одиссей* сравнивается съ «сѣменемъ огня» (Odys. V 490 σπέρμα πυρός), когда онъ, еще живой, пролежалъ всю

проникающаго чрезъ крышу *золатаго дождя* — т. е. въ видѣ звѣздъ. Такое же значеніе имѣетъ несомнѣнно и тотъ *ящикъ* (кбѣа), который упоминается въ свадебномъ гимнѣ Ригведы, т. наз. *sūgyāsūktam*, описывающемъ бракъ *Сомы* съ *Суріей*, т. е. солнца съ луною: «Небо [и] земля были ящикомъ, когда Сурья шла къ мужу»^{65а}). Но такъ какъ луна, въ при-

лочь подъ листьями (т. е. звѣздами), и что въ иномъ мѣстѣ онъ прикрываетъ листьями свой дѣтородный членъ, VI 128:

ix *пхивъс* [NB] ὄ' ὕλης πτόρθου κλάσε χερσὶ παχέῃ
φύλλων, ὡς ἴσσοιτο πᾶρι χροῖ μῆδεα φωτός.

^{65а}) Rig v. X 85, 7. Толкователи этого гимна ошибочно усматриваютъ въ мужскомъ *Сомѣ* луну и, соответственно этому, въ женской *Сурьѣ* (*Sūryā*) солнце, не смотря на то, что въ другихъ гимнахъ солнце обозначается постоянно мужскими именами (*Sūrya*, *Agni*, *Pushan* и т. п.), и что мужское имя *Сомы* ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Ведъ не означаетъ луны съ очевидностью. E. Haas Die Heirathsgebräuche der alten Inder nach den Grihya-sūtra въ Indische Studien V (1862) стр. 270 сл.; H. Grassmann Rig-Veda II (1877) стр. 480 сл.; J. Ehnig Rigv. X, 85. Die Vermählung des Soma und der Sūryā въ Zeitschr. d. D. Morgenl. Ges. XXXIII (1879) стр. 166 сл.; и др. Что вводитъ ученыхъ въ заблужденіе, можно заключить изъ слѣдующаго замѣчанія Эни въ ук. ст. стр. 167: Diese Bedeutung [Soma=Mond] herrscht wol vor in dem . . . Pada [Rig v. X 85, 2] «in dieser Sterne Schaar ist Soma eingebegt» [какъ будто немисливо, чтобы среди звѣздъ скрывалось *солнце!*] . . . Jedenfalls muss an Soma-Mond gedacht werden in. V. 5 . . . : «der Monat [māsa] ist's, der Jahre schafft» [но если *Сом* = *māsa* = «мѣсяцъ», то отсюда всё-таки еще не слѣдуетъ, что онъ-луна]. Вотъ на какихъ основаніяхъ женская *Sūryā*, являющаяся въ IV 58, 4 женою *Пушана*, т. е. солнца (а въ IV 43, 6 женою *Асвиловъ*, въ которыхъ усматриваю тоже представителей солнца), должна теперь сама превратиться въ солнце! Вс. Миллеръ Очерки Арийской Мифологіи I (1876) стр. 26 сл. и 125 сл., усматривая въ *Сомѣ* тоже «мѣсяцъ», безусловно въ значеніи луны (ср. его же Ведійскіе этюды въ Журн. М. Н. П. 1876, май, стр. 286 сл., гдѣ онъ старается доказать глубокую древность этого значенія), видитъ однако въ *Sūryā* не солнце, какъ другіе, а «олицетвореніе зари» (такъ!) при чемъ указываетъ и проч. и на то, что «еще доселѣ въ белорусскихъ пѣсняхъ можно найти сравненіе мѣсяца съ женихомъ, а невѣсты съ красною зоренькой». Но въ Rig v. VII 75, 5 (ср. I 115, 2; I 123, 10) мужемъ *Ушасъ*, въ которой и г. Миллеръ признаетъ «Зарю», является не луна, а солнце, *Sūgya*. Значить, на основаніи болѣе близкой аналогіи, и *Сом* долженъ означать солнце. Что же касается до его жены «Зари», то весьма вѣроятно, что *Ушасъ* было первоначально однимъ изъ названій луны. Во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости доказывать, что эта богиня не могла быть уже первоначально «олицетвореніемъ зари»; да и не трудно сообразить, какимъ образомъ именно названія луны могли съ теченіемъ времени получать значеніе зари.

ближеніи къ солнцу, остается невидною по крайней мѣрѣ въ теченіе *трехъ дней*, то иногда въ мѣсахъ *брачная ночь удлиняется*. Такъ напр. по Аполлодору ночь, въ которую *Зевс* посѣтилъ *Алкмину* была въ *три раза* дольше обыкновенной ⁶⁶). Подобнымъ образомъ была удлинена и та ночь, которую проводитъ *Одиссей* съ *Пенелопею* послѣ продолжительной разлуки ⁶⁷). Въ гомеровскомъ описаніи любовной сцены *Ареса* съ *Афродитою* намекъ на такое удлиненіе ночи заключаютъ въ себѣ «*тройныя узы*», о которыхъ упоминаетъ *Эрмія* ⁶⁸). Замѣ-

⁶⁶) Apollod. II 4, 8, 1: Ζεύς διὰ νυκτὸς ἔλθων καὶ τὴν μίαν τριπλασιασὰς νύκτα . . . Невѣрно объясненіе, которое предлагаетъ J. G. Hahn: Sagwissenschaftliche Studien стр. 209: Wir deuten . . . die Zeugungsnacht des Herakles auf die längste Winternacht im Jahre. Allerdings beträgt deren Dauer in den griechischen Breiten nicht das Dreifache der kürzesten Sommernacht: bedenkt man aber и т. д. Ср. однако стр. 214, гдѣ Ганъ подошелъ, кажется, гораздо ближе къ истинѣ: Fasst man nun den vom Kriegszug zurückkehrenden Amphitryon [*мужа Алкмины, въ отсутствіи котораго послѣдовало чудесное зачатіе* отъ Зевса, о чемъ см. выше стр. 42 сл.] als eine Verkörperung der am Abendhimmel wieder erscheinenden Nensichel des Mondes (?), so zeigt er als Monatsanfang einen neuen Zeitabschnitt an, welcher auf die längste Nacht folgt. Doch stellten sich unsern Versuchen jener schärferen Verbindung der Conjunction mit dieser längsten Nacht nach den Angaben der Sage unübersteigliche Hindernisse entgegen . . . Wir sind daher auch nicht im Stande, das Verhältniss zu bestimmen, in welchem die vorliegende Constellation zu dem Naturkerne der Wiedervereinigung von *Odysseus* und *Penelope* steht . . . Doch vermuthen wir, dass der Alkmenen in Amphitryons Gestalt in der Vornacht vor dessen Ankunft besuchende *Zeus* ursprünglich eine Verkörperung des als letzte Sichel erscheinenden Mondes [!] gewesen sei. Ошибка, какъ мнѣ кажется, обусловлена непониманіемъ, что названія солнца обозначали и «день» и «мѣсяцъ» и «годъ».

⁶⁷) Odys. XXIII 243:

νύκτα μὲν ἐν παράτῃ δουχὴν σχέθεν [Ἄθῆνῃ] . . .

⁶⁸) Odys. VIII 339:

«αἶ γὰρ τοῦτο γένοιτο, ἄναξ ἑκατηβόλῃ Ἄπολλον
θεομοὶ μὲν τρεῖς τῶσσοι ἀπείρωνες ἀμφὶς ἔχουσιν,
ὑμεῖς δ' εἰσορῶσθε θεοὶ πᾶσαι τε θέαιναι,
αὐτὰρ ἐγὼν εὐδοίωι παρὰ χροσῆῃ Ἀφροδίτῃ».

Подъ *θεοὶ πᾶσαι τε θέαιναι* первоначально тутъ подразумевались звѣзды. — Впрочемъ то обстоятельство, что означенное желаніе вѣдается въ уста *Эрміи*, свидѣтельствуетъ, что существовалъ такой мифъ и о его связи съ *Афродитою* (ср. *Ἑρμαφρόδιτος*).

тнѣ ннкоходомъ, что *невидимости*, отразившейся въ этой сценѣ лишь въ эпитетѣ Ареса ἀδραλος «невидный», (такое вездѣ первоначальное значеніе этого слова) соотвѣтствуетъ въ ннхъ нноахъ, кромиъ чертъ, на которыя мы уже указывали («уподобленіе ночи», племъ Анда и т. д.), также и *запрещеніе видѣть возлюбленнаго нашимъ* (т. е. сіяющнмъ), какъ напр. въ нноѣ о *Пуруварасѣ* и *Ураашѣ*, *Эротѣ* и *Психѣ*, и т. п., или запрещеніе солнечному герою *отлядываться* и *смотрѣть* (т. е. сіять) на возлюбленную, какъ напр. въ нноѣ объ *Орфѣѣ* и *Эридикѣ*, котораго мы сейчасъ коснемся. Ср. вопросъ, предлагаемый въ русской сказкѣ *красному Солнышку*: «отчего оно *«трое сутокъ не свѣтитъ»*, на что красное Солнышко отвѣчаетъ: «Оттого, что все это времячко спорило я съ *Еленюю Прекрасною* [луною] — кто изъ насъ красотой выше»⁶⁹⁾.

Какъ указаніе на невидимость конъюнкции, не маловажную роль играетъ также *покрывало*. Н. П. Кондаковъ замѣчаетъ: «Изображенія Зевса въ терракотахъ доселѣ извѣстны только въ одномъ важномъ экземплярѣ: это архаическая группа съ о. Самоса, изображающая *Зевса* вмѣстѣ съ *Герою* на тронѣ *подъ покрываломъ*»⁷⁰⁾. Овербекъ, говоря объ изображеніяхъ Зевса съ *покрываломъ* и съ *дубовымъ вѣнкомъ*, и имѣя при этомъ преимущественно въ виду изображеніе брака Зевса и Ири на одной помпейской картинѣ, замѣчаетъ о значеніи покрывала слѣдующее: «Висконти... считалъ возможнымъ усматривать въ Зевсѣ съ покрываломъ: 1. Зевса Скотита [«Производителя ирака»], 2. Нефелигерета [«Собирателя тучъ»]. 3. Икнэя [«Производителя влаги»], 4. Омврія или Іетія [«Производителя дожда»], и 5. Каеарсіа [«Очистительнаго»]; приблизительно то-же самое говоритъ и Визелеръ..., утверждая, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые допускаютъ

⁶⁹⁾ Аванасьевъ Нар. русск. сказки IV³ стр. 434 сл.

⁷⁰⁾ Н. Кондаковъ Греческія терракотковыя статуетки (1879) стр. 47. Ср. Rich. Foerster Die Hochzeit des Zeus und der Hera (1867) стр. 24; J. Overbeck Griechische Kunstmythologie III (1873—1878) стр. 24 и 25 Fig. a.

болѣе опредѣленное сужденіе, обнаруживается отношеніе головного покрывала къ прикрытію облаками, къ мраку и т. п. Если допустить нѣсколько исключеній, то въ общемъ придется признать это мнѣніе вѣрнымъ, хотя, къ сожалѣнію, памятники, на основаніи которыхъ можно судить съ нѣкоторою опредѣленностью, не слишкомъ многочисленны^{70a)}. Въ дополненіе къ этому замѣчанію о покрывалѣ слѣдуетъ еще только указать на соотвѣтствующее значеніе вѣнка: *листья* этого вѣнка означаютъ звѣзды, ибо бракъ происходитъ на ночномъ небѣ. Такое-же *покрыванье* и *вѣнчанье* мы встрѣчаемъ и въ подражающихъ небесному браку свадебныхъ обрядахъ, при чемъ нельзя не обратить вниманія и на *осыпанье* разными предметами, несомнѣнно означающими въ древнѣйшихъ мѣстахъ звѣзды: *рисомъ* (у Индійцевъ), *макомъ* (у Лятовцевъ), *хмѣлемъ* (у Евреевъ, Славянъ), *орѣхами* (у Грековъ, Римлянъ, Славянъ), и вообще разными *плодами, зернами и стѣнами*^{70b)}.

Такъ какъ конъюнкція представляется часто моментомъ смерти стараго солнца (и, соотвѣтственно тому, рожденія новаго), то позволительно будетъ напомнить здѣсь то *роковое покрывало*, подъ которымъ гибнетъ *Агамемнонъ* — носитель одного изъ названій самого Зевса —, воссоединившись съ своею женою *Плутэмнистрою*. Можно думать, что и ткань *Пинелопы* имѣла первоначально подобное же значеніе по отноше-

^{70a)} J. Overbeck ук. соч. II (1871) стр. 240. По поводу вышеупомянутой помпейской картины (см. Le Pitture antiche d'Ercolano III табл. 50 № 2 стр. 263) она замѣчаетъ въ озв. м.: . . . mag man in demselben [dem pompejanischen Wandgemälde] mit Bechi und Welcker die Scene des Besuchs der Hera bei Zeus auf dem Ida (nach II. XIV. 292 ff.) oder, wohl ohne Zweifel richtiger, mit Helbig und Förster eine Darstellung des *ἱερός γάμος* des Zeus und der Hera erkennen, dessen hieratische Schilderung ja übrigens, wie schon längst anerkannt ist . . . , der launig gewendeten homerischen in mehr als einem bedeutungsvollen Zuge zum Grunde liegt, im einen wie im andern Falle wird der Schleier bei Zeus auf ein Sichverbergen des Gottes, das Verborgensein vor den Blicken Anderer bezüglich erachtet werden müssen. Ср. тамъ же стр. 254. сл.

^{70b)} Указанія см. у Н. Ф. Сумцова О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ (1881) стр. 97 сл.

нію къ Одиссею. Правда, самъ Гомеръ указываєтъ на различіе участи Агамемнона и Одиссея; между тѣмъ какъ возвратившійся къ женѣ Агамемнонъ гибнетъ, Одиссей, возвратившись на родину, превращается изъ старца въ юношу—не умираєтъ, а только *молодѣетъ*⁷¹⁾. Но уже самая потребность указывать на различіе свидѣлствуетъ, что существовали миѳы, въ которыхъ, по миѳію автора Одиссея, участь этихъ двухъ героев сѣмивалася. Въ виду этого не лишено значенія, что самъ Одиссей «хочетъ умереть», лишь только увидитъ «дымъ» своей родины, — при чемъ «дымъ» означалъ, вѣроятно, ночной плакъ, срывающій конъюнкцію⁷²⁾. При этомъ вспомнимъ также, что и по Гомеру ткань Пинелопы имѣетъ назначеніе быть покрываломъ трупы — если не самого Одиссея, то по крайней мѣрѣ несомнѣнно «идентичнаго съ нимъ отца его, *Лаэрта*⁷³⁾. То же самое покрывало отразилось и въ гибельномъ для возвратившагося *Пракла плащъ* его жены *Діаніры*, а также въ получившихъ переносное значеніе «спялхъ» *Эрини*, *Дики* и другихъ «олицетворенныхъ отвлеченій», означавшихъ первоначально луну⁷⁴⁾. Весьма поучителенъ въ рассматривае-

⁷¹⁾ См. напр. *Odys.* XI 441—446; ср. I 32—62.

⁷²⁾ *Odys.* I 57:

. . . αὐτὰρ Οδυσσεύς,
 ἰόμενος καὶ κατὸν ἀποθρώσκοντα νοῆσαι
 ἕς γαίης, θανάειν ἱμεῖρεται.

Ср. и проч. «желаніе» *Алиа* умереть въ объятіяхъ *Афродиты*. Нот. Пупн. IV in *Arphod.* 153:

«βουλομένη» κεν ἔπειτα, γύναι εἰκυῖα θεῆσι,
 σῆς εὐνῆς ἐπιβάς, δύναι δόμον Ἄϊδος εἶσω.

⁷³⁾ *Odys.* II 96 (слова Пинелопы):

. . . «ἐπεὶ θάναε δῖος Οδυσσεύς,
 μέμνητ' ἐπειγόμενοι τὸν ἐμὸν γάμον, εἰσόχε φάρος
 ἔκτελλεω — μή μοι μεταμόνια νήματ' ὄληται —
 Λαέρτη ἤρωϊ ταφήϊον» . . .

⁷⁴⁾ *Дикю*, подъ полнымъ названіемъ *Эвридики*, мы встрѣчаемъ и какъ жену *Орфелъ*, которую послѣдній отсыиваетъ въ странѣ *Аида* (ср. и проч. свиданіе *Одиссея* въ *Аидѣ* съ *Антиклією*), и которой онъ лишается вслѣдствіе несоблюденія условія *не смотрѣть* на нее. Что *Эвридика*—луна, явствуетъ изъ сопоставленія ея съ «превращающимися» женами *Зевса*: *Ресей*, *Мимидою*, *Пе-*

момъ отношеніи индійскій священный обрядъ, на которомъ я останавливался въ иномъ мѣстѣ: *совокупленіе жертвою коня*—представляющаго старое солнце—съ женщиною—представительницею луны—*подъ покрываломъ*, при чемъ не лишено также значенія, что этотъ обрядъ считался особенно дѣйствительнымъ въ случаѣ безплодія въ бракѣ, когда желательно имѣть потомка—новое солнце—⁷⁵). Въ нѣмецкой сказкѣ конъюнкція является напр. въ видѣ «кума» *съ рогами*—тоже *подъ одѣяломъ*⁷⁶). Въ одной русской сказкѣ, сообщенной А. А. Потебнѣю, дѣвица (луна) *прикрывается кобылячью головою, влѣзаетъ въ правое ухо и вылѣзаетъ въ лѣвое, вслѣдствіе чего хорошеетъ*⁷⁷). Ср. съ этимъ и разные суевѣрные обряды *пролѣзанія*, которому приписывается цѣлебное значеніе⁷⁸).

месисою, о которыхъ мы говорили выше (примѣч. 53 на стр. 36). Эвридика въ бѣгствѣ отъ преслѣдующаго ея Аристалъ, т. е. *Зеса*, (ср. Pind. Pyth. IX 65 сл. ed. Voeseh.; Athen. III 99 В: οὐδα δ' ὄτι καὶ Σιμωνίδης ποὺ ὁ ποιητὴς ἀριστάρχου εἶπε τὸν Δία) *наступаетъ на змѣю и умираетъ* отъ ея укушенія—первоначально, конечно, *превращается въ змѣю* (какъ Рея) и *исчезаетъ*. Въ рассказѣ о томъ, какъ *Орфей* посвящаетъ ея въ Андѣ, пытаея вывести ея оттуда, Орфеей, очевидно, является тѣмъ же существомъ, что и Аристалъ, только подъ инымъ названіемъ. — Этимологически и миеологически соответствующій Орфею индійскій *Рибху* (Ṛbhú является иногда названіемъ Индры и Агни; множ. Ṛbhávas—результатъ позднѣйшаго усложненія) создаетъ принимающую «всякій видъ» (vīśvágūrā), т. е. *превращающуюся, корову Сабардубху* (Sabardúbhā dhenúā), которая возстаетъ изъ содранной съ нея кожи. См. напр. Rig v. IV 36, 4). Этой коровѣ соответствуютъ *четыре чаши*, сдѣланныя Рибхусами *изъ одной* и означавшія первоначально, несомнѣнно, четыре оазы луны (иначе объясняетъ А. Ludwig Der Rigveda III [1878] стр. 335). Ср., съ одной стороны, превращающуюся дочь *Эрисисоюла*, т. е. *быка* (выше примѣч. 53), а съ другой, мнѣ о томъ, какъ *Левиа* *сдираетъ кожу съ Палланта* и покрывается ею.

⁷⁵) О занятіяхъ по критикѣ и миеологій гомеровскаго эпоса стр. 85 сл., гдѣ указано и на одинъ изъ соответствующихъ греческихъ миеовъ.

⁷⁶) Вг ü d e r G r i m m Kinder u. Hausmärchen № 42: Der Herr Gevatter. Съ «кумомъ» сравни *куклу* Василисы Прекрасной, *подъ одѣяломъ*, или въ чуланчикѣ Василисы. См. м о и Замѣтки стр. 60 и 81.

⁷⁷) А. А. Потебнѣя О миеическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій (1865) стр. 153 сл. Пролѣзаніе съ права въ лѣво (а не наоборотъ) обусловлено конечно сказками, въ которыхъ это пролѣзаніе приписывается солнечнымъ героямъ.

⁷⁸) Т. G r i m m D. M. II^a 975 сл. (2118 сл.).

Мы уже видѣли, что, вмѣсто *обновленія* стараго солнца, говорится перѣдко о *смерти*, или по крайней мѣрѣ о лишеніи власти стараго солнца, которое уступаетъ свое мѣсто новому. Что сближеніе съ луною опредѣляло дѣйствительно «конецъ солнца» въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь говоримъ о «конецъ мѣсяца», явствуетъ изъ множества мифовъ. Въ разсматриваемомъ отношеніи особенно характеристиченъ длинный рядъ мифовъ о богахъ, царяхъ и герояхъ, долженствующихъ избѣгать сожителства съ женою, чтобы не прижить сына, отъ котораго угрожаетъ имъ смерть или лишеніе престола⁷⁹⁾. Въ греческой мифологіи самыми видными примѣрами представляются поочередно *Уранъ*, *Кронъ*, *Зевсъ*, изъ которыхъ двумъ послѣднимъ даже было велѣно предсказаніемъ остерегаться объятій жены. Только Зевсу, какъ мы уже видѣли, удастся избѣжать печальной участи. Зато *Персей*, прижитый имъ съ *Данаею*, убиваетъ — согласно предсказанію — отца Данаи, *Акрисія* (вм. Зевса). Болѣе первобытная форма предсказанія сохранилась м. проч. и въ преданіи объ *Идипѣ*, который долженъ убить своего собственнаго отца *Лаія* и жениться на матери *Эпикастѣ*, (*Иокастѣ*, или *Эриклии*), при чемъ слѣдуетъ еще замѣтить, что браку Идипа съ Эпикастою соотвѣтствуетъ въ мифѣ о Персее заключеніе *Персея вмѣстѣ съ Данаею въ ларь*, въ которомъ они плавали по морю, т. е. по небу. Не касаясь другихъ подобнаго рода мифовъ, напомнимъ только, что и *Одиссей* убивается — опять-таки согласно предсказанію — своимъ собственнымъ сыномъ *Тилеомомъ*⁸⁰⁾. Въ многихъ мифахъ сожителство съ женою является даже непосредственно гибельнымъ. И въ этомъ отношеніи можно отчасти служить примѣромъ участь *Урана*, который осклоняется своимъ сыномъ *Крономъ* именно въ то время, когда онъ лежитъ въ объятіяхъ *Гэи*. Кромѣ роковой встрѣчи *Агамемнона* съ *Клитѣмнistroю*, смертоносныхъ объятій дочерей

⁷⁹⁾ Объ этической сторонѣ подобныхъ мифовъ см. мой *Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ* стр. 119 слл.

⁸⁰⁾ На нѣкоторыхъ мифахъ о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ останавливается О. Э. Миллеръ *Илья Муромецъ* гл. I.

*Диомиды*⁸¹⁾ и тому подобных мифовъ, вспомнимъ здѣсь и объ опасности, которая угрожала Одиссею отъ коварной *Кирки*, желавшей превратить его въ животное. Последнее, обстоятельство сильно напоминаетъ участь *Актэона*, который гибнетъ вслѣдствіе того, что при видѣ *Артемиды* у него впростаютъ олени *рога*⁸²⁾. Гибельность конъюнкціи выразилась, кажется, и въ мифѣ о *Лаокоонѣ*, погибающемъ вслѣдствіе появленія двухъ змѣй, — ибо вѣроятно, что первоначально смерть *Лаокоона* не сопровождалась смертью одного или двухъ его сыновей. Въ числѣ мифовъ другихъ народовъ сюда же относятся и проч. и двѣ змѣй, выросшія изъ плечъ *Зонака*: что онѣ были первоначально смертоносны для солнечной головы *Зонака*, видно изъ того, что послѣдній долженъ кормить ихъ человѣческимъ мозгомъ⁸³⁾. Наконецъ сюда же относятся и безчисленные мифы, въ которыхъ изображается, какъ жизнь разныхъ мифическихъ существъ зависитъ отъ «золотаго», или «краснаго волоска»; какъ герои «каменяютъ» отъ прикосновенія тонкой *вѣтки* или *прутика*, и т. п., и наоборотъ, какъ сожженіемъ волоска или щетинки вызывается появленіе разныхъ чудесныхъ животныхъ: во всѣхъ подобнаго рода мифахъ основное представленіе заключалось въ томъ, что, когда на небѣ луна «горитъ волоскомъ», или вообще является тонкою полосой, то это признакъ смерти стараго и рожденія новаго солнца⁸⁴⁾.

Прекрасное изображеніе конъюнкціи, какъ момента *рожденія* новаго солнца, представляетъ мифъ о младенцѣ *Иракль*, давящемъ *двухъ змѣй* сейчасъ, или скоро послѣ рожденія⁸⁵⁾.

⁸¹⁾ Hesych. s. v. *Διομήδεις ἀνάκη*; и др.

⁸²⁾ Ср. выше примѣч. 33.

⁸³⁾ См. мой *Каннибализмъ* стр. 250 сл.

⁸⁴⁾ Одну изъ своеобразнѣйшихъ разновидностей въ этомъ направленіи представляетъ мифъ о мечѣ, висящемъ на волоскѣ надъ головою *Далокла*.

⁸⁵⁾ Pind. Nem. I 37:

. . . ὡς τ' οὐ λαθὼν χρυσοῦθρον

Ἦραν κροκῶτον σπάργανον ἐγκάτεβα.

ἀλλὰ θεῶν βασιλεία

σπερχθεῖσα θυμῷ πέμπε δράκοντας ἄφαρ . . .

Выше мы уже видѣли, что и при новорожденномъ *Эрихоніи*, запятанномъ въ корзину, оказалась, при раскрытіи корзины, змѣя ⁸⁶). Столь же прозраченъ и мифъ о томъ, какъ двѣ змѣи лизали ночью уши *Мелампода* (*Μελάμπος*, «Черноногий», т. е. тотъ, у котораго не видно ногъ; = солнечная голова), вслѣдствіе чего онъ получилъ даръ прорицанія. Что первоначально это событіе относилось ко времени младенчества *Мелампода*, можно заключить по аналогіи подобнаго же мифа объ *Эленѣ* и *Касандрѣ* ⁸⁷).

Этихъ примѣровъ пока достаточно, чтобы убѣдиться, какое значеніе приписывалось конъюнкции въ древнѣйшихъ воззрѣніяхъ.

Если въ другихъ версияхъ говорится, что Ираклъ совершилъ этотъ подвигъ, когда ему было восемь или десять мѣсяцевъ отъ роду, то это обусловлено отчасти стремленіемъ къ рационализаціи, отчасти аналогичными чертами народныхъ мифовъ, на которыхъ не могу здѣсь останавливаться,—отчасти же и действительнымъ несомнѣніемъ предполагаемаго народнаго новаго солнца съ тѣмъ моментомъ, когда луна становится *видимой* на небѣ въ видѣ змѣйки.

*) Что по иной версіи (*Hug. Fab. 166*) нижняя часть самого *Эрихоніи* представляла собою змѣя, — это, какъ и вообще изображенія разныхъ мифическихъ лицъ съ змѣями *вмѣсто ногъ*, обусловлено тѣмъ, что луна называлась не только *раменемъ* или *рукою* (солнца), но также и *кольцомъ* или *ловою*, свидѣтельствомъ чему служатъ многіе мифы. Здѣсь напомнимъ только изъ *Одиссеи*, какъ *Меланой* ударяетъ *Одиссея* ногою въ бедро (*XVII 233: λέξ' ἔδραον ἀφραδίῃσιν ἰαχίω*) и какъ *Крисидей* бросаетъ въ него ногою бивня или коровы (*XX 299: ἔριψε βοδὸς πόδα*), съ чѣмъ слѣдуетъ также сравнить, что *Антиноя* бросаетъ ему въ правое плечо скамейкою (*XVII 462: θρόνον ἑλῶν ἔειλε δεξιὸν ἄμων*; ср. эпитеты лунныхъ богинь *Иры*, *Артемиды* и «*Зари*», *χρυσόδρομος*), и что *Эвримахъ*, бросая скамейкою (*σφέλας*) въ *Одиссея*, попадаетъ въ правую руку (*χείρα δεξιτερήν*) виночерпия (*XVIII 394 сл.*).

**) О *Меламподѣ* *Аполлодоръ* I 9, 11, 3 рассказываетъ: *δὲ ἐπὶ τῶν χωρίων διατελῶν, ὁδοῦ πρὸ τῆς οἰκίσεως αὐτοῦ δρυὸς* [весьма характерная черта, встречающаяся и въ множествѣ сказокъ; *δρυς*—звѣздное дерево], *ἐν ᾗ φωλεὸς ἄρτων ὑπῆρχεν, ἀποκτείναντων τῶν θεραπόντων τοὺς ὄφεις, τὰ μὲν ἔρπετά, ξύλα συμφορήτας ἔκτισε* [говорилось о «пылающихъ» змѣяхъ], *τοὺς δὲ τῶν ὄφων νεοσσοὺς ἔβρεψεν. οἱ δὲ γενόμενοι τέλει, περιστάτης αὐτῶν κοιμημένῳ τῶν ὄμων ἐξ ἐκαστέρου* [ср. и проч. мифъ о *Зооактѣ*], *τὰς ἀκοὰς ταῖς γλώσσαις ἐξεκάθειρον*. Объ *Эленѣ* и *Касандрѣ* въ *Schol. Iliad. (Venet. A) VII 44* передается по *Антиканду* (ок. 300 г. до Р. Хр.): . . . *τῶν δὲ γενεθλίων αὐτοῖς συντελουμένων ἐν τῷ τοῦ Θυμβραίου Ἀπόλλωνος ἱερῷ λέγεται τὸν Ἑλεον καὶ τὴν Κασάνδραν ἐν τῷ ναῷ παύοντα κατακοιμηθῆναι* и т. д. (Вмѣсто дуба упоминаются *лаговья деревья*, куда исчезаютъ змѣи).

Теперь, на основании тѣхъ данныхъ, которыя изложены въ предъидущемъ экскурсѣ, мы можемъ, кажется, смѣло утверждать, что весьма легко происходило сліяніе мифовъ о дневномъ восхожденіи солнца съ мифами о его «мѣсячномъ восхожденіи», опредѣляемомъ сближеніемъ съ луною. Понятно, что въ такомъ случаѣ луна могла представляться красавицею, добытою посредствомъ предшествующаго восходу солнца избіенія враговъ, т. е. звѣздъ, которыя иногда, какъ напр. въ Одиссееѣ, являются ея женихами. Эта красавица въ сущности идентична съ «Побѣдою» (Νίκη), вѣнчающею Зевса и вообще «побѣдителей»⁸⁸).

Если имѣть это въ виду, то станетъ прозрачнымъ и весь первоначальный смыслъ основнаго содержанія *Иліады*: *Паридъ*, называемый также *Александромъ*, собственно, «Осмивающимъ мужей» т. е. «Побѣдителемъ», похитилъ у *Эллинова*, т. е. «Свѣтлыхъ» — звѣздъ, красавицу *Элену*, напоминающую уже своимъ именемъ названіе лунны⁸⁹): зато *Эллины* отнима-

⁸⁸) Для уразумѣнія мифологическаго значенія *Никы* достаточно вспомнить, что такъ называлась *Лейла*. — Изъ сличенія вышеупомянутаго (стр. 28 примѣч. 42) «вылающая овца сраженія» (στειφανος κολέμου δέδην) съ выраженіями νίκη μάχης, νίκη κολέμου, съ одной стороны, и съ эпитетомъ лунныхъ богинь ευστειφανος т. е. «[носителница] прекрасной στεφάνη», съ другой, можно вывести заключеніе о первоначальной тѣсной связи *Никы* съ «побѣднымъ вѣнкомъ» (στειφανος νικηφόρος), и объ идентичности ея съ головнымъ украшеніемъ στεφάνη, изображающимъ луну. Στεφανος (впослѣдствіи = στέμμα, «вѣнокъ»), собств. «осыпанный», «покрытый», было, вѣроятно, сперва названіемъ солнца, «осыпаннаго» звѣздами (слѣдов. невиднаго), но скоро стало означать звѣздное небо, звѣзды (ср. стр. 48). Слово же στεφάνη, «осыпанная» луна, могло дольше сохранить первоначальное значеніе. Чаще другихъ эпитетъ ευστειφανοςъ придается «золотой», т. е. «блестящей» *Афродитѣ* (= Χάρις), которая называется также *Никηφόρος*. — Вѣроятно, что луна понималась первоначально и подъ тѣмъ «блескомъ», χάρις, которымъ *Лейла* вѣнчаетъ голову *Одиссея*, напр. Οδυσσ. VI 235, и который замѣняется въ VIII 170 (ср. 175) «прелестью словъ» (χάρις ἀμφιπεριστερέστα: ἐπέεσσιν; NB. «крылатая слова» — звѣзды); а въ XVIII 354 сл. «сіяніемъ лучины» (δαδίων ἀελας; и «лучины» — звѣзды) на «свѣтильникахъ», λαμπτήρες (они замѣнили здѣсь луну; ср. выраженіе χάρις δ' ἀπελάμπετο πολλή; — что они упоминаются въ числѣ трехъ, объясняется тѣми же причинами, которыя изъ одной *Хариты* сдѣлала ихъ три).

⁸⁹) Schweizer-Sidler въ Zeitschr. f. vergl. Sprachf.

ють ее обратно. Нѣсколько такихъ мифовъ подъ рядъ, вмѣстѣ съ этимъ основнымъ мифомъ Иліады, сообщаетъ Иродотъ въ первыхъ пяти главахъ своей «исторіи»: *Финикияне*, т. е. «Красные» похищаютъ *Io* изъ *Аргоса*, т. е. отъ «Влестящаго солнца⁹⁰⁾»; потомъ *Эллины* похищаютъ *Эропу*, т. е. «Широколицую» (полнолуніе) изъ *Тиры*; и т. д.

II (1853) стр. 73 и XII (1863) стр. 308 производитъ, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно не только *ἥρως* и *Ἴηρα*, но и *Σελλοί*, *Ἑλληρες*, *σελήνη* *Ἐλένη* и т. п. отъ корня *SVAR* (= *SAVAR*), означающаго сияніе. Странно соображаетъ *Gust. Meyer Griechische Grammatik* (1880) стр. 220: *Das s der Anlaufgruppe sv- muss einen doppelten Lautwerth gehabt haben, denn es hat im Griechischen entweder das s verdrängt . . . , oder ist selbst geschwunden, so dass nur F oder später als der regelmässige Vertreter dieses F der Spiritus asper erscheint . . . Alle Etymologieen, die in denselben Wurzeln sv- bald durch s bald durch o vertreten sein lassen, sind hinfällig, so ἐλάνη Fackel zu Wz. svar leuchten, die in σλας, σελήνη mit σ = sv erscheint.* Это значитъ навязывать языку слишкомъ упрощенную шаблону. Отчего же не мыслима дифференціація звука въ одномъ и томъ же корнѣ? Ср. напр. *юлова* и *лава*. Самъ же *Мейеръ* признаетъ напр. смѣну *ρ* и *λ* въ однихъ и тѣхъ же основахъ, стр. 152. На стр. 197 онъ же замѣчаетъ: *Sehr auffallend ist das σ in der seit Homer neben ὄς belegten Form οὄς.*

⁹⁰⁾ «Изь Аргоса», означаетъ конечно то же, что отъ Арга, эпонима Аргоса. Уже *H. D. Müller Mythologie der griechischen Stämme II* (1869) стр. 284 признаетъ, какъ въ *Эрміи*, убивающемъ Арга, чтобы похитить *Io*, такъ и въ самомъ «свадильщемъ Аргѣ» (*Ἄργος παρόπτης*) названіе солнца (*Ἥλιος, ὃς πάντ' ἐφορεῖ καὶ πάντ' ἐπακοῦει*, называется также *παρόπτης, παυδερχής, παμφανόων*). Невѣрнымъ считаю однако его объясненіе эпитета *Эрмія* *Ἀργεϊφόβητης*, которое онъ считаетъ видоизмѣненіемъ отъ *Ἀργεφόβητης*, «убійца Арга». Напротивъ того полагаю, что само имя Арга, *Ἄργος* (осн. *Ἄργω-*), есть сокращеніе им. *Ἀργεϊφόβητης*. Ср. *Fick Die griechischen Personennamen* (1874) стр. 155. *Ἀργεϊφόβητης* же означало «убивающій блескомъ» (отъ **ἄργος* «блескъ», осн. *ἀργεος-*), соответственно тому, какъ напр. *Ахиллъ* убиваетъ «крикомъ». — Многихъ сбиваетъ, что Аргъ является *многочлазымъ*, вслѣдствіе чего и усматриваютъ въ немъ обыкновенно «звѣздное небо» (ибо его безчисленныя глаза—несомнѣнно звѣзды), полагая, что этимъ исключается солнечное значеніе. Тутъ мы видимъ, мнѣ кажется, то же самое роковое для мифологій заблужденіе, которое заставило и проч. признать и въ *Уранѣ* уже первоначально названіе *леба*, на томъ основаніи, что Уранъ называется «звѣзднымъ», *Οὐρανὸς ἀστέρων*. Но соответствующій Урану ведійскій *Vaṅina* иногда является еще солнцемъ (напр. *Rig v. I 50*) и развѣзжаетъ по воздуху на колесницѣ, а звѣзды—лишь ночная стража его. Такимъ образомъ и «многоглазый Аргъ» собственно не что иное, какъ солнце, которому принадлежатъ звѣзды. Но вмѣстѣ

Въ виду того, что въ солнечныхъ мифахъ, вслѣдствіе пониманія ихъ въ смыслѣ историческихъ событій, весьма легко появлялось то вышеуказанное усложненіе, въ результатѣ котораго получалась борьба *двухъ войскъ*, или война *двухъ народовъ*, понятно, что въ множествѣ древнихъ преданій о войнахъ, принимаемыхъ нами обыкновенно за историческія, обнаружится при болѣе критическомъ къ намъ отношеніи, эта мифическая подкладка, или по крайней мѣрѣ хоть мифическая окраска. Такъ какъ намъ самимъ приходилось уже неоднократно касаться такихъ мифовъ, въ которыхъ даже подъ названіями историческихъ народовъ скрываются, очевидно, названія звѣздъ, то, прежде чѣмъ продолжать нашъ обзоръ замѣчательнѣйшихъ мифовъ о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ, я позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній о причинѣ, благодаря которой, по моему мнѣнію, могутъ имѣть предполагаемое мифологическое значеніе имена не однихъ только баснословныхъ народовъ.

Мифы о происхожденіи рода человѣческаго.

Стремленіе всячески уподоблять людей звѣздамъ, какъ дѣтямъ солнца, вытекаетъ изъ крайне распространеннаго желанія, считать себя потомкомъ солнца, производить свой родъ, свое племя, и вообще родъ человѣческой прямо или косвенно отъ солнца. Слѣды такой генеалогіи сохранились не только въ разныхъ преданіяхъ, выставляющихъ древнѣйшими царями страны солнечныхъ боговъ и героев⁹¹⁾, но также: въ разныхъ астрологическихъ ученіяхъ о связи звѣздъ съ судьбою человѣка⁹²⁾; въ представленіяхъ, что души новорожденныхъ нис-

тѣ съ тѣмъ выраженіе «многоглазый Аргъ» могло, конечно, означать въ переносномъ смыслѣ: и «солнце, смотрящее глазами звѣздъ», т. е. ночь, а слѣдовательно и ночное небо.

⁹¹⁾ Къ числу замѣчательнѣйшихъ примѣровъ принадлежатъ преданія о происхожденіи и населеніи *Родоса*, страны *Иліа* и *Иліадовъ*, т. е. Солнца и его потомства.

⁹²⁾ Plin. Nat. hist. II 6 свидѣтельствуетъ, что въ его время была общераспространенною вѣра въ существованіе особой звѣзды для каждаго

ходить отъ солнца, или вообще отъ небесныхъ свѣтилъ изъ зенита, и что души умершихъ возвращаются туда же⁹³); въ свадебныхъ обрядахъ, уподобляющихъ земной бракъ небесному браку солнца съ луною⁹⁴); въ погребальныхъ обрядахъ, уподо-

человѣка: *Sidera, quae affixa diximus mundo, non illa, ut existimat vulgus, singulis attributa nobis et clara divitibus, minora pauperibus, obscura defectis ac pro sorte cujusque lucentia, adnumerata mortalibus . . .*

⁹³) Ср. и проч. E. B. Tylor *Primitive Culture* II (1871) стр. 63 сл. Ad. Kaegi (въ своей рецензии сочинения Zimmer'a *Altindisches Leben*) въ *Neue Jahrb. f. Phil.* CXXI (1880) стр. 468 замѣчаетъ: *Indische quellen sagen: «die väter (dh. die geister der verstorbenen frommen) schmiechten den himmel mit gestirnen aus; welche menschen tugendhaft zum himmel gehen, deren glanz sind diese sterne. die frommen sind der glühenden sonne stralen». in iranischen schriften heiszt es: «all die ungezählten und unzählbaren sterne werden geister der menschen genannt. Изъ числа греческихъ свидѣтельствъ онъ приводитъ Aristoph. Pax 832 сл., гдѣ слуга спрашиваетъ Тригея, совершавшаго воздушный полетъ: «Не оправдалось ли въ воздухѣ и то, что говорятъ: что мы становимся звездами, когда кто похнетъ?». Изъ римскихъ — Verg. Georg. I 32 и IV 225 сл. (см. ниже). Относительно германскихъ представлений Kaegi цитируетъ Mannhard'ta *Germanische Mythen* (1859): «*Sterne sind Seelen: wenn ein Kind stirbt, macht der Herrgott einen neuen Stern*»; «*Von den Seelen geht der Glanz der Sonnenstralen und der Glanz aller Gestirne aus*» и т. п. Насчетъ Славянъ см. Аванасъевъ Поэт. возвр. III стр. 324 сл. Это сопоставленіе доказываетъ весьма глубокую древность означенныхъ представлений. Kaegi справедливо замѣчаетъ при этомъ, что ими поясняются и слова Hesiod. Op. 121 сл. и 252 сл. (о демонахъ). Не догадался онъ однако, въ какой мѣрѣ важно это отождествленіе людей со звѣздами для всѣхъ вообще преданій о происхожденіи и древнѣйшихъ судьбахъ человѣческаго рода.*

⁹⁴) См. напр. Н. Ф. Сумцовъ О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ (1881). Авторъ констатируетъ слѣдующія категоріи небесныхъ браковъ, при чемъ однако нѣкоторыя изъ нихъ подтверждаетъ лишь сомнительными примѣрами. 1) «*Небо и Земля*» (стр. 36 сл.). Кроме примѣровъ изъ возврѣній неиндогерманскихъ народовъ, у которыхъ мы не знаемъ не только первоначальнаго, но отчасти и настоящаго смысла словъ, имѣющихъ означать «небо» и «земля», указывается еще на ведійское сочетаніе *Dyaùṣṛitagr* и *Ṛṥthivimâtar* (*Dyaùṣ-ṛṥthivi*) на бракъ Урана съ Гѣей и даже Зевса съ Ирой у Грековъ, и на сочетаніе «отца неба» и «матери земли» въ русскихъ зачатіяхъ. Но Зевсъ и Ира никогда не были небомъ и землею. Первоначально же эти имена, такъ же точно, какъ и имена Урана и Гѣи, были названіями солнца и луны. Ср. мой отчетъ О занятіяхъ стр. 57 сл. Впрочемъ, понятно само собою, что солнечныя божества легко превращались въ «боговъ неба», и, соответственно этому, лунныя — въ «богинь земли». Кроме того, представленіе земли «матерью» обусловлено въ значительной сте-

бляющихъ умершаго солнцу и его смерть заводу этого послѣд-
наго; и въ множествѣ другихъ народныхъ воззрѣній и обрядовъ.

Въ Греціи сохранились впрочемъ и нѣкоторые отрывки
прямой традиціи о происхожденіи людей отъ солнца. Такъ
напр. въ орфическомъ ученіи люди—слезы солнца⁹⁵). По
Филохору, жившему въ концѣ IV и началѣ III вѣка до
Р. Хр., Аѳиняне считали своими прародителями землю, или
луну, [опять примѣръ смѣшенія луны съ землею], и солнцу⁹⁶).
Эсхилъ называетъ солнце просто *отцомъ*, въ чемъ нельзя
не видѣть доказательства, что и *Зевсъ* назывался «отцомъ лю-

пени тѣмъ, что небесныя свѣтила, въ которыхъ, какъ увидимъ, усматрива-
лись предки человѣческаго рода, поднимаются на небо изъ земли. 2) «Солнце
и Земля» (стр. 39). Индогерманскимъ примѣромъ служитъ бракосочетаніе
«солнечнаго бога Вуотанъ съ богиней земли [?!] Голле» и впрочъ того одинъ
болгарскій обычай, едвали сюда относящійся. 3) «Мѣсяць и Солнце»: А. Мѣ-
сяць—мужское начало, солнце—женское» (стр. 39—43); «В. Солнце—муж-
ское начало, мѣсяць—женское» (стр. 43—50). Авторъ раздѣляетъ съ весьма
многими мнѣніе, лишенное, какъ мнѣ кажется, основанія, «что женскій образъ
солнца древнѣе чѣмъ мужской». «Мѣсяць», какъ видно изъ рассмотрѣнныхъ
нами мисовъ, было первоначально однимъ изъ названій солнца (съ прибли-
женіемъ луны «обновляется» само солнце). Когда подъ мужск. названіемъ
«Мѣсяць» стали понимать луну, то солнце должно было превратиться въ жен-
ское существо (—но гдѣ «мѣсяць» не успѣлъ однако получить значенія луны,
тамъ солнце всегда мужскаго рода). 4) «Солнце и Заря» (стр. 49 сл.). 5)
«Мѣсяць и Земля» (стр. 51—56). 6) «Утренняя звѣзда и заря» (стр. 56).
7) «Громовникъ и Облачная дѣва» (стр. 57 сл.). И послѣднія четыре кате-
горіи развились, несомнѣнно, изъ представленія о бракѣ солнца съ луною:
какъ «Мѣсяць», такъ и «Утренняя звѣзда» и «Громовникъ» означали перво-
начально солнце, «Заря» и «Облачная дѣва» луну.

⁹⁵) P r o c l. in Tim. I p. 35, 37 (O g r h. fr. 36): οἱ θεολόγοι τὴν ἡλιακὴν
πρόνοιαν καὶ εἰς τὰ θνητὰ διὰ τῶν δακρύων σημαίνουσι.

Δάκρυα μὲν σθένος ἐστὶ πολυτέλειων γένος ἀνδρῶν.

⁹⁶) Suid. s. v. Τριτοπάτορες: Φιλόχορος δὲ τοὺς Τριτοπάτρεις πάντων γεγενη-
ναὶ πρώτους. τὴν μὲν γὰρ γῆν καὶ τὸν ἥλιον, φησὶν, ὃν καὶ Ἀπόλλωνα τότε καλεῖν,
γονεῖς αὐτῶν ἡλίεσσιν οἱ τότε ἄνθρωποι. E t y m. M a g n. s. v. Τριτοπάτορες: Φιλό-
χορος δὲ τοὺς τριτοπάτρεις πάντων γεγενηναὶ πρώτους: τὴν μὲν γὰρ σελήνην καὶ τὸν ἥλιον
τότε καλεῖν γονεῖς. Ch r. A u g. L o b e c k Aglaorphanus I (1829) стр. 762
цитируетъ по этому поводу A n e s d. B e k k. p. 292: οἱ πρώτοι Ἀθηναίων γε-
γεννημένοι γονεῖς ὄντο εἶναι γῆν καὶ ἥλιον ὃ δὲ Ἀπόλλων ἥλιος εἶναι δοκεῖ καὶ διὰ τοῦτο
πάτριος Ἀπόλλων. Тутъ Лобекъ удачно исправляетъ послѣднія слова въ патрѳος
Ἀθηναίων. Но если онъ при этомъ отзывается съ презрѣніемъ («antiquariolum

дей и боговъ» благодаря лишь своему первоначальному, солнечному значенію⁹⁷⁾. Въ «Пиршествѣ» Платона въ уста Аристофана влагається слѣдующее шутливое, но весьма замѣчательное въ мифологическомъ отношеніи изложеніе взгляда на происхожденіе человѣчества. «Прежде наша природа была не та, что теперь, а иная. Ибо первоначально были три рода [γένη] людей, не такъ, какъ теперь два, мужской и женскій, а былъ еще третій родъ, общій между ними [κοινὸν ἀμφότερων]. Отъ него осталось только названіе, онъ же самъ исчезъ. Ибо одинъ родъ былъ тогда двуполый [ἀνδρόγυνον] по своему виду, какъ и по названію, общій, изъ мужскаго и женскаго. Теперь онъ существуетъ только какъ бранное слово. Кромѣ того, *видъ каждаго челоуька былъ шарообразный* [στρογγύλον] имѣющій спину и бока кругомъ. Онъ имѣлъ четыре руки, а ногъ столько же, сколько рукъ; и два лица на круглой шеѣ, совершенно одинаковыя; голову же, надъ этими обращенными въ противоположныя стороны лицами, одну; и четверо плечъ, и четверо ушей и двойные половые органы; такъ же точно и все остальное, какъ можно сообразить по этому. Ходилъ же онъ прямо, какъ теперь, куда захочетъ; а когда возьмется бѣжать быстро, то подобно тому, какъ кувыркаются колесомъ κύκλω] люди, становящіяся на голову и поднимающіе ноги вверхъ, такъ и они *быстро катились колесомъ*, опираясь на осьми ногамъ [при чемъ руки отнесены къ числу ногъ]. Эти три рода были таковыми потому, что *мужской произошелъ отъ солнца, женскій отъ земли, а двуполый отъ луны*, такъ

ventiunculae) объ отождествленіи Аполлона съ солнцемъ, то въ настоящее время, кажется, нѣтъ необходимости возражать противъ этого, такъ какъ мнечное значеніе Аполлона едва-ли подвергается кѣмъ-либо сомнѣнію. Затѣмъ мимоходомъ, что и *Ифестъ* (см. напр. Plat. Tim. 3 p. 23) является доначальникомъ Аеннѣвъ только потому, что онъ божество солнечнаго огня.

⁹⁷⁾ Aeschyl. Choeph. 984:

. . . ὡς Ἴδη πατὴρ
οὐχ' οὐμός, ἀλλ' ὁ πῖνγ' ἐποπτεύων τὰθε
ἥλιος . . .

какъ и луна двуполая [*ἀμφότερων μετέχει γένων*]⁹⁸⁾. Были же они кругообразны, какъ и ихъ движеніе, вслѣдствіе сходства съ родителями. Они то были страшны своею силою и крѣпостью и имѣли буйный нравъ [*φρονήματα μεγάλα*, собств. великіе замыслы]. Они направились противъ боговъ; и, что говоритъ Омиръ объ Эфіалтѣ и Отѣ, то *говорится и о нихъ*: что они взялись соорудить для восхожденія путь [*ἀνάβασιν*] на небо, чтобы напасть на боговъ⁹⁹⁾. Тутъ мы имѣемъ довольно явные слѣды преданія, что древнѣйшими людьми были звѣзды. Такъ-какъ еще Аристотель называлъ звѣзды небесными «животными», въ противоположность земнымъ, вода, нѣмъ и воздушнымъ, то слѣдуетъ полагать, что и Лукреціи въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отвергаетъ предположеніе, будто вообще міръ животныхъ свалился съ неба, имѣлъ въ виду именно подобнаго рода воззрѣнія, вытекающія изъ смѣшенія земныхъ живыхъ существъ съ «небесными», т. е. звѣздами¹⁰⁰⁾. Для сличенія не лишено интереса—слѣдующее мѣсто, которое приводитъ Аэанасъ въ изъ одной старинной рукописи XV или XVI вѣка: «Всодержитель, иже единъ бессмертенъ и непогибающихъ творецъ, дуну бо ему [человѣку] на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не *Родъ, стѣдя на*

⁹⁸⁾ По мнѣнію Платона и другихъ, луна соединяетъ въ себя природу солнца и земли.

⁹⁹⁾ Plat. Conv. 14 p. 189 сл.

¹⁰⁰⁾ Lucret. II 1152:

haud, ut opinor, enim mortalia saecula superne
aurea de caelo demisit funis in arva.

Ср. V 791: nam neque de caelo cecidisse animalia possunt, и т. д. Aurea funis, *золотой канатъ*, на которомъ животныя спустились съ неба, напоминаетъ золотой канатъ Зевса въ Илиадѣ, о которомъ см. мой отчетъ О зачатіяхъ по критикѣ и мифологіи гомеровскаго эпоса стр. 63 сл. и 68 сл. — Friedr. Vošek Müller въ своемъ изданіи Лукреціи безъ всякаго основанія относитъ aurea къ arva и вмѣсто funis читаетъ pubis). — Что Аристотель называлъ звѣзды «небесными животными» свидѣтельствуетъ Plat. Philo. V 20, 1: Ἔστι πραγματεία Ἀριστοτέλους, ἐν ἣ τέσσαρα γένη ζῶων φησὶ, χερσαῖα, ἐνυδρά, πτηνά, οὐράνια· καὶ γὰρ τὰ [ἄστρα] ζῶα λέγεσθαι καὶ [τὸν] κόσμον καὶ τὸν θεὸν ζῶον λογικὸν ἀθάνατον. Stob. Ecl. I 36 p. 756: Πλάτων καὶ Ἀριστοτέλης, τέτταρα γένη ζῶων κ. т. л. Ср. Plat. Tim. 11 сл. p. 39 сл.

вздуть, мечетъ на землю труды — и въ томъ рождаются дѣти... Всѣмъ бо есть творецъ Богъ, а не Родъ»¹⁰¹⁾.

Только въ кажущемся противорѣчii съ этимъ воззрѣнiемъ о небесномъ происхожденiи челоуѣка находятся мнѣнiя о происхожденiи людей отъ дерева, изъ скалъ и камней и т. д., отразившіеся ж. проч. въ поэтической формѣ у Овидiя, въ обращенномъ къ Энѣю упрекѣ Дидоны: «Тебя [родили] камень, и горы, и дубъ, выросшій на высокихъ скалахъ, тебя родили дикiе зѣври, или море»....¹⁰²⁾. Древность такихъ представленiй засвидѣтельствована тѣмъ, что уже у Гомера они отнесены къ числу сказокъ, лишенныхъ всякаго правдоподобiя. «Скажи мнѣ свой родъ, откуда ты; ибо не приходишь-же ты отъ упоминаемаго въ старинныхъ сказкахъ дуба, или отъ скалы», спрашиваетъ Пинелопя нимаго нищаго, не узнавая въ немъ своего мужа: οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἔσσι παλαίφρατου οὐδ' ἀπὸ πέτρης¹⁰³⁾. Въ Илiадѣ читаемъ: «Никакъ нельзя же теперь заво-

¹⁰¹⁾ А. Аванасьевъ Поэтическiя воззрѣнiя Славянъ на природу II (1868) стр. 475.

¹⁰²⁾ О v. Her. VII 37:

Te lapis et montes innataque rupibus altis
Robora, te saevae progenere ferae,
Aut mare, quale vides agitari nunc quoque ventis.

¹⁰³⁾ Odyss. XIX 163. G. F. Schoemann Opuscula academica II (1857) стр. 137 невѣрно замѣчаетъ: apud Homerum δρῦν quamlibet arborem significare posse novimus. Тамъ же точно F. G. Welcker Griechische Götterlehre I (1857) стр. 784: Das Wort δρῦς bedeutet bei Homer Baum überhaupt. Должно быть его ввело въ заблужденiе замѣчанiе Аристарха (сохранный Аристоникомъ—см. Lud. Friedländer Aristonici περί σημείων 'Ιλιάδος reliquiae [1853] стр. 189, въ Schol. Iliad. XI 86) по поводу слова δρῦσιμος «дубосѣкъ», употребленнаго въ значенiи ὑλοτόμος или φυλοτόμος «дровосѣкъ»: δρῦν γὰρ ἐκάλουν οἱ παλαιοὶ ἀπὸ τοῦ ἀρχαιοτέρου πάν δένδρον. Ср. K. L e h r s De Aristarchi studiis homericis³ (1865) стр. 151; гдѣ это замѣчанiе отнесено къ числу удачныхъ. Дѣйствительно, δρῦς происходитъ вѣроятнѣе всего отъ того же корня dag, dagu, «драть», какъ и δένδρον (см. дер-дерёF-o-v), «дерево», и означало первоначально дерево вообще (см. литературу, указанную Vaniček'омъ Griechisch-lateinisches etymologisches Wörterbuch I [1877] стр. 370, который однако, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ, напрасно отдѣляетъ δρῦς, δένδρον, δέρι и т. п. отъ δέρω, δора и т. п.). Но уже у Гомера δρῦς всегда означаетъ специально дубъ, какъ можно убѣдиться изъ того, что

дѣть съ нимъ [съ Ахилломъ] бе съду, [начиная] съ дуба, или скалы,

оно встрѣчается обыкновенно рядомъ съ сосною (*πέυκη, πίτος*), вслѣдствіе желанія согласить разнорѣчивыя преданія (въ одномъ, вѣроятно, упоминался дубъ, когда въ другомъ говорилось о соснѣ), какъ у Эврипида дерево, которымъ Одиссей выкололъ глазъ Киклопа, разъ называется оливковымъ (Е и г. Сусл. 455), другой—дубомъ (615; это впрочемъ единственное мѣсто, которое представляетъ хоть тѣнь доказательства, что у древнихъ писателей *δρυς* означаетъ дерево вообще, а не дубъ). Изъ употребленія же у Гомера слова *δρυτός* въ значеніи «дровосѣкъ» далеко еще не слѣдуетъ, что *δρυς* означаетъ дерево вообще, какъ изъ употребленія слова *χαλκός* въ значеніи мастера желѣзныхъ издѣлій въ *Odys.* IX 391 не слѣдуетъ, чтобы *χαλκός* означало у Гомера «желѣзо», а не «мѣдь». Не могу также согласиться съ примѣчаніемъ Вельккера, что уже у Гомера происхожденіе отъ дуба или скалы заключается какъ бы порицаніе: ein hoher Gast wie die Urmenschen (ук. соч. стр. 783). Вѣрно только, что впоследствии дѣйствительно придавался иногда и такой оттѣнокъ, какъ видно изъ слѣдующихъ мѣстъ, впрочемъ, довольно позднихъ писателей, цитируемыхъ Велькеромъ: *Cic. Acad.* II 31: Non enim est e saxo sculptus [!] aut e robore dolatus [!]; *Cic. Tusc.* III 6: Non enim silice nati sumus; *Or. Her.* VII 37 (приведено выше въ примѣч. 13); *Plut. Consol. ad uxor.* 2: καίτοι οὐδ' αὐτός ἀπὸ δρυός οὐδ' ἀπὸ πέτρης ἐγενόμην; *Clem. Alex. Strom.* II 21, 124: οὐτε γὰρ οἱ παλαιοὶ δίκαιοι κ. τ. λ. Можно прибавить еще *Theog.* X 7: πέτρας ἀπόκομ' ἀτεράμνω. Ср. примѣчаніе *Eustath.* и *Sam. Clarke* къ *Odys.* XIX 163. *C. Göttling Hesiodi carmina*, въ примѣч. къ *Theog.* 35, усматриваетъ въ «дубѣ» и «скалѣ» древнѣйшіе греческіе оракулы (о чемъ см. ниже примѣч. 105) и отсюда выводитъ, что происхожденіе отъ дуба, или скалы означаетъ просто таинственное (!) происхожденіе, о которомъ не слѣдуетъ говорить non enim a divina quercu aut saxo oriundus esse videris, ut stirpem tuam sileas. Едвали основательнѣе мнѣніе *Преллера* *Ausgewählte Aufsätze aus dem Gebiete der classischen Alterthumswissenschaft* (1864) стр. 179, что въ рассматриваемомъ мѣстѣ *Одиссеи* происхожденіе отъ дуба, или скалы намекаетъ на низкое происхожденіе, eine Herkunft ganz gemeinen Schlages im Gegensatz zum adligen γένος. Напрасно *Преллеръ* усматриваетъ такой оттѣнокъ и въ слѣдующемъ мѣстѣ *Платона* *Apolog.* p. 34 D: καὶ γὰρ τοῦτο αὐτὸ τοῦ Ὀμήρου οὐδ' ἐγὼ ἀπὸ δρυός οὐδ' ἀπὸ πέτρης πέφυκα, ἀλλ' ἐξ ἀνθρώπων, ὥστε καὶ οἰκεῖοί μοι εἰσὶ καὶ υἱεῖς: denn auch ich bin, wie es bei Homer heisst, keineswegs so ein wilder Wald- u. Naturmensch, sondern ein Mensch wie andere Menschen, der seine Verwandte und seine Freunde hat. Нельзя, наконецъ, не упомянуть здѣсь и мнѣнія, которое высказалъ *Ludw. Doederlein* *Homericisches Glossarium* I (1850) стр. 147, считающій сходство этого мѣста съ множествомъ другихъ, въ которыхъ упоминаются дубъ и скала, дѣломъ простой случайности: Wie heisst dein Geschlecht? Du hast eines, denn du bist ja ein Mensch, bist also gezeugt und geboren, du gehörst ja nicht zu den Früchten und Steinen, die ohne Eltern entstehn und wachsen auf Bäumen und auf Felsen.

о чемъ дѣвица и юноша... бесѣдуютъ другъ съ другомъ»¹⁰⁴). Даже Исіодъ въ своей Θεογονίᾳ, не смотря на свою консервативность, отказывается передавать эти баснословныя преданія: «На что мнѣ эти [басни] о дубѣ, или о скалѣ?»¹⁰⁵). Между

¹⁰⁴) Iliad XXII 126:

οὐ μὲν πως νῦν ἴσθιν ἀπὸ δρυὸς οὐδ' ἀπὸ πέτρης
τῷ ὀαρίζεσθαι, ἅτε παρθένος ἡθεὸς τε,
παρθένος ἡθεὸς τε ὀαρίζετον ἀλλήλοισιν.

F. A. Wolf, въ своемъ изданіи Θεογονίᾳ (1783) стр. 67, влагаеъ тотъ смыслъ, что съ Ахилломъ нельзя безопасно бесѣдовать, какъ бесѣдуютъ дѣвица и юноша, сидя въ безопасности на возвышенномъ мѣстѣ, на деревѣ, или скалѣ. Подобнымъ образомъ объясняетъ и Doederlein Homerisches Glossarium I стр. 146 сл., представляя себѣ только бесѣдующихъ не на деревѣ и скалѣ, а у дерева и скалы. С. Goettling во второмъ изданіи Исіода (1843), въ примѣч. къ Theog. 35, передаетъ смыслъ этого мѣста такъ: «Еслибы я хотѣлъ не оружіемъ, а словами, состязаться и бесѣдовать съ Ахилломъ, какъ юноша съ дѣвницей, то онъ исувашилъ бы monkъ словъ настолько, чтобы они ему назвалися словами оракуловъ»; при этомъ подѣ «дубомъ» онъ понимаетъ Додонскій, подѣ «скалою» Делеійскій оракулъ (см. слѣд. примѣч.), какъ дѣлали иногда и древніе комментаторы. Schol. B. Iliad. XXII 127: ἢ χρῆσθαι διηγεῖσθαι Λωδώνῃ γὰρ δρυὸς, πέτρα δὲ Πυθῶν. Въ новѣйшее время всякій намекъ на народное вѣрованье отрицаетъ Flach Das System der hesiodischen Theogonie (1874) стр. 53 въ примѣч.: Wenn aber die homerische Stelle wirklich eine Anspielung auf den griechischen Glauben enthalten sollte, dann wäre diese doch in schalkhaftem Humor gemacht; und wer traut der homerischen Zeit zu, über solch einen Glaubenssatz zu scherzen oder zu spotten? Возражать противъ этого необдуманнаго значанія было бы лишнее. Велькеръ указываетъ, какъ на вѣрное объясненіе, на Tzetz. Chil. IX 286, гдѣ правильно указаніе на мифическія предстанія о происхожденіи людей, но неудачно только перефразированы слова ἀπὸ δρυὸς и ἀπὸ πέτρης словами: τὰ ἐκ δρυὸς καὶ πέτρης. Подобнымъ образомъ и Преллеръ ук. соч. подразумеваетъ членъ τὰ, понимая подѣ τὰ ἀπὸ δρυὸς и т. д. τὰ ἀρχαῖα, τὰ τυχόντα. Но у Гомера едва-ли найдутся примѣры субстантивнаго употребленія подобныхъ выраженій, безъ всякаго указанія на такое значеніе. Скорѣе уже можно было бы допустить, что ἀπὸ употреблено въ значеніи περί, какъ думаетъ К. W. Krüger Griech. Sprachlehre II (1855) § 68, 16 примѣч. 4. Въ пользу же моего собственнаго пониманія этого мѣста (ἀπορίσθαι ἀπὸ τινος) могу сослаться на Odyss. I 10:

τῶν ἀμβδεν γέ, θεῶν, θεῶν Διὸς, εἰπέ καὶ ἡμῖν,

«объ этомъ скажешь и намъ откуда ибудь», т. е. начина рассказъ съ чего ибудь.

¹⁰⁵) Hesiod. Theog. 35:

ἀλλὰ τίη μοι ταῦτα περί δρῦν ἢ περί πέτρην;

Гёттлингъ, въ примѣч. къ этому мѣсту, приводитъ въ пользу мѣтніи,

тѣмъ, по крайней мѣрѣ относительно Аркадійцевъ, которые гордились тѣмъ, что ихъ родъ древнѣе луны (προσέλυτοι), не можетъ подлежать сомнѣнію, что они считали себя произошед-

что дрῶς означаетъ Додонскій, а πέτρα Делѣійскій, оракулъ, слѣдующія мѣста: Odyss. XIV 327 сл.—XIX 296 сл.:

τὸν δ' ἐς Δωδώνην φάτο βήμεναι ὄφρα θεοῖο
ἐκ δρυὸς ὑψικόμοιο Διὸς βουλήν ἐπακούσαι.

Aeschyl. Prom. 830:

. . . Δωδώνην, ἵνα
μαντεῖα θάκῳ τ' ἐστὶ Θεσπρωτοῦ Διὸς,
τέρας τ' ἄπιστον, αἱ προσήγοροι δρυὲς . . .

Sophoc. Trach. 1168, гдѣ говорится о пророчицѣ «многоязычнаго дуба» (въ Додонѣ); и Plat. Phaedr. 59 p. 275 v: Οἱ δὲ γ', ὡ φησι, ἐν τῷ τοῦ Διὸς τοῦ Δωδωναίου ἱερῷ δρυὸς λόγους ἔρασαν μαντικούς πρώτους γενέσθαι. τοῖς μὲν οὖν τότε, ἅτε οὐκ οὔσι σοφοῖς, ὥσπερ ὑμεῖς οἱ νέοι, ἀπέχρη δρυὸς καὶ πέτρας ἀκούειν ἢ ἐπιθεῖαι, εἰ μόνον ἀληθῆ λέγειν; прибавить можно еще Sophoc. Trach. 171:

. . . ὡς τὴν παλαιὰν φηγὸν ἀδῆσαι ποτε
Δωδώνι δισοῦν ἐκ πελειάδων ἔρη.

(Ср. Н. Friedr. Perthes Die Felsiaden zu Dodona. Eine religionsgeschichtliche Untersuchung [1869] стр. 7 сл.). На счетъ «скалы» въ значеніи Делѣійскаго оракула важнѣе другихъ мѣстъ Sophoc. Oed. T. 463 сл.:

τίς ὄντιν' ἄ θεοπέπται Δελφὸς εἶπε πέτρα . . .

и Nonn. Dionys. IX 284, гдѣ ὄφις πέτρα «сприщицающая скала» означаетъ этотъ оракулъ. Всѣ эти мѣста, такъ же точно какъ и самое существованіе означенныхъ оракуловъ, свидѣтельствуеетъ только, что у Грековъ (подобно тому, какъ и у другихъ народовъ) существовали уже съ древнѣйшихъ временъ преданія о «говорящей скалѣ» и о «говорящемъ деревѣ». Какъ увидимъ ниже, есть основаніе думать, что подъ «говорящею скалою» понималось первоначально сіяющее солнце, а подъ «говорящимъ деревомъ» — сіяющая земля. Между тѣмъ Гёттлингъ, на основаніи приведенныхъ мѣстъ, понимаетъ разсматриваемый стихъ Исіода приблизительно такъ: «Но зачѣмъ и оповѣщая божественныя дѣла, сообщенныя мнѣ музами въ видѣ тайны? Но такому пониманію противорѣчатъ, какъ предыдущіе стихи Θεογονίи (30—34), въ которыхъ говорится, что музы сами велѣли ему пѣть о происхожденіи боговъ (καὶ με κέλονθ' ὑμνεῖν μακάρων γένος), такъ и все слѣдующее затѣмъ содержаніе Θεογονίи. Ср. впроч. и возраженія Преллера ун. соч. стр. 180. Gotfr. Hegmann Opuscula VI (1835) стр. 155 согласенъ съ Гёттлингомъ, что первоначально «голосъ изъ дуба или скалы» означалъ оракулъ, но утверждаетъ что впоследствии онъ означалъ «нѣчто пустое». Противъ этого основательно заимѣчаетъ Гёттлингъ, что во время Гомера и Исіода такое отношеніе къ оракуламъ не мыслимо. F. G. Schömann Die hesiodische Theogonie ausgelegt und beurtheilt (1868) стр. 303 передаетъ смыслъ стиха слѣ-

нии отъ дуба¹⁰⁶). Подобнымъ образомъ и народъ *Кентавровъ*, своимъ видомъ напоминающій намъ отчасти платоновскихъ многоногихъ круглыхъ людей, произошелъ, по нѣкоторымъ, изъ дубовъ и скаль¹⁰⁷). Впрочемъ, и у *Исіода* сохранился еще слѣдъ преданія о происхожденіи людей изъ дерева, гдѣ только вмѣсто дуба является ясень.

Въ «Трудахъ и дняхъ» мы читаемъ о третьемъ поколѣніи, созданномъ послѣ золотого и серебрянаго, слѣдующее: «Зевсъ же отецъ сдѣлалъ иной, третій родъ смертныхъ людей, крѣпкій — вовсе не похожій на серебряный — изъ ясеней, страшный и сильный»¹⁰⁸). Если самъ *Исіодъ*, въ слѣдую-

ющимъ образомъ: *Was hilft's mir, dass ich dies, was mir die Musen anbefohlen, bei Baum und Fels, d. h. wo nur Baum und Fels in der Nähe sind, verkündige?*—подразумывается: *ich muss mich unter die Leute begeben, die mich hören können* (1). *Gust. Ellger De proemio Theogoniae* (1871) стр. 33 понимаетъ рассматриваемый стихъ такъ: «Но что же я рассказываю, что со мною случилось у *Эликона*?», подразумевая при этомъ: «Лучше стану воспевать родъ боговъ, исполняя повелѣніе музъ». Подобнымъ образомъ понималъ его, кажется, и *K. O. Müller*; см. его *Geschichte der griechischen Literatur I 3* (1875) p. 136, въ примѣчаніи. Это объясненіе могло бы казаться удачнымъ, если бы не было множества другихъ мѣстъ, доказывающихъ, что «дубъ и скала» не могли служить простымъ опредѣленіемъ мѣстности, а имѣли болѣе глубокое, мѣталоогическое значеніе.

¹⁰⁶) *Lycophr. Cass.* 480 сл., не называя *Архадійцевъ* по имени, употребляетъ въ числѣ описательныхъ выраженій: *ἔκφυνοι δρυός* «потомки дуба» и *οἱ κρόσθε μήνης φήγινος* «предлунные, дубовые». Ср. указанія въ комментаріи *Тзетзія* къ этому мѣсту, а также замѣчанія *Вельккера Griech. Götterl. I* стр. 784.

¹⁰⁷) *Philostr. Imag. II 3*: *Σὺ μὲν ἔσθαι τῶν κενταύρων ἀγγέλῳ δρυῶν ἐκφυρένας καὶ πετρῶν ἢ, νῆ Δία, ἔκτων μόνον κτλ.*

¹⁰⁸) *Hesiod. Op. et d.* 143:

*Ζεὺς δὲ πατὴρ τρίτον ἄλλο γένος μερόπων ἀνθρώπων
χάλκειονποίησ', οὐκ ἀργυρέω οὐδὲν ὁμοῖον,
ἐκ μελιᾶν, δεινόν τε καὶ ὄμβριμον· οἶσιν Ἄρηος
ἔργ' ἔμελε στονόεντα καὶ ββριες· οὐδὲ τι σῖτον
ἤσθιον, ἀλλ' ἀδάμαντος ἔχον κρατερόφρονα θυμόν . . .
τοῖς δ' ἦν χάλκεια μὲν τεύχεα, χάλκιοι δὲ τε οἴκοι,
χαλκῶ δ' εἰργάζοντο μέλας δ' οὐκ ἔσκε σθεῖρος.*

Замѣчаніе *Гёттлинга*, что *ἐκ μελιᾶν* зависить отъ *δεινόν* «страшный ясенин, т. е. копійни», невѣроятно даже въ грамматическомъ отношеніи. Столь же несостоятельно и мнѣніе, поддерживаемое въ новѣйшее время *Fischeromъ* (*Syst. d. hes. Theog.* стр. 53 сл.), что «ясенин» (*μελ(αι)*) слѣдуетъ понимать какъ имя собственное именъ (*Μελλ(αι)*), о которыхъ говорится въ *Θεογονίᾳ*

щихъ затѣмъ словахъ, и старается, очевидно, придать этимъ выраженіямъ аллегорическій смыслъ (люди «мѣднаго вѣка», въ противоположность настоящему, «железному»; «ясени» = ясеневыя копыя, съ мѣдными остріями), то для насъ они все-таки остаются важнымъ указаніемъ на народное вѣрованіе, тѣмъ болѣе что и изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что люди считались произошедшими изъ ясеней¹⁰⁹), или по крайней мѣрѣ отъ нимфы, названныхъ именемъ этого дерева¹¹⁰), вслѣдствіе чего и весь родъ человѣческой назывался иногда «плодомъ ясеня»¹¹¹). *Фороней*, который считался, по нѣкоторымъ, «первымъ человѣкомъ» и «отцомъ смертныхъ людей»¹¹²), былъ сыномъ нимфы *Мелии*, т. е. «ясеня» и рѣки *Инаха*¹¹³). Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ видно впрочемъ, что не всякое дерево, а только дубъ и ясень являются въ роли прародителейъ человѣчества. Корень, послужившій для образованія слова

ст. 187. См. Schömann Opusc. II стр. 135 сл. Flach находитъ даже вѣроятнымъ, «что все повиднѣйшее вѣрованіе Грековъ о происхожденіи рода человѣческаго [отъ дерева] вызвано» — невѣрнымъ пониманіемъ рассматриваемаго мѣста *Исиода*!

¹⁰⁹) Palaeph. 36: τὸ πρῶτον γένος τῶν ἀνθρώπων ἐκ μελιῶν γενέσθαι φασίν; Ср. Schol. Iliad. XXII 127, судя по изд. Dind., не Schol. B., какъ значится у Bekker'a): μελιγενέες οἱ πρῶτον ἄνθρωποι.

¹¹⁰) Schol. Hesiod. Theog. 187 (Νύμφας θ' ἄς Μελίας καλέουσ' ἐκ ἀπειρονα γαίαν): ἐκ τούτων ἦν τὸ πρῶτον γένος τῶν ἀνθρώπων. Тамъ же 563 (οἰκῆ ἰδίδου μελέοισι πυρὸς μένος ἀκαμάτω): μελέοισι [такъ] δέ, ἤτοι τοῖς ἀνθρώποις. ἢ ὅτι ἐκ Μελιῶν ἐγένοντο Νυμφῶν и т. д., на счетъ чего см. б. м. не лишнее основаніи замѣчаніе Schömann. ук. соч. II стр. 138, что постоянно придаваемыйъ людямъ впитать мѣлею дѣйствительно находился въ связи съ представленіемъ о происхожденіи людей изъ ясеня.

¹¹¹) Hesych. *μελίας καρπὸς τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος*. Ср. Schömann. Opusc. II стр. 137.

¹¹²) Clem. Alex. Strom. I 21, 102 p. 138 ed. Sylb. (ср. Euseb. Pr. ev.: Ἀκουσλαος γὰρ Φωρωνέα πρῶτον ἀνθρώπων [Euseb. ἀνθρώπων] γενέσθαι λέγει, ὅθεν καὶ ὁ τῆς Φωρωνίδος ποιητῆς εἶναι αὐτὸν ἐξη πατέρα θνητῶν ἀνθρώπων. Ср. Platon. Tim. 3 p. 22 A: περὶ Φωρωνέως τε τοῦ πρῶτου λεχθέντος и т. д.

¹¹³) Apollod. II 1, 1, 3; Schol. A. Iliad. I 22; Schol. Eur. Or. 1248 (Ed. Dind. II p. 285, гдѣ братомъ Фороней является не бездѣтныи Эгіалей, какъ у Аполлодора и другихъ, а Фигей, Φηγέως, имя котораго образовано отъ φηγός «дубъ»); Tzet. ad Lycophr. 177.

δρῦς «дубъ», образовалъ также и греч. имена народовъ: *Дрионовъ*, *Дорійцевъ* и б. м. также *Дардановъ*. Изъ негреческихъ сюда же относятся *Друиды*, *Древляне* и б. м. скиѣскіе *Дервики*, т. е. *Дервичи*¹¹⁴). Какъ на исключеніе можно указать на мѣсто *Аристофана*, гдѣ *Ахарнійцы* называются шуточно не только «дубовыми», *πρίννοι*, но и «кленовыми», *σφενδάμννοι*¹¹⁵); кромѣ того имѣется еще только одно мѣсто у *Нонна*, жившаго вѣроятно въ началѣ V вѣка послѣ Р. Хр., гдѣ человечество изображается произошедшимъ изъ *сосны*¹¹⁶). Какое дерево подразумѣваетъ поэтъ, говорящій о фригійскихъ *Коривантахъ*, что ихъ впервые увидѣлъ богъ солнца, какъ они произросли древообразно, мы не знаемъ¹¹⁷); но въ виду того, что фригійскій *Аттисъ* представляется превращеннымъ въ сосну¹¹⁸), священное дерево *Кивелы*, вѣроятно, что и здѣсь подразумѣвалась сосна. Чтò же касается преданій о происхожденіи *Аттиса* отъ миндальнаго или гранатоваго дерева¹¹⁹), а *Адониса* отъ *миртоваго*¹²⁰), то для греческой мифологіи, относительно разсматриваемаго вопроса, они имѣютъ конечно только косвенное значеніе.

¹¹⁴) На счетъ *Дрионовъ*, *Дорійцевъ* и *Друидовъ* см. Curtius Grundzüge der griech. Etymologie¹ (1879) стр. 239, гдѣ указано, какъ на аналогичное нѣмецкое названіе народа, на имя *Holsaten*. Δέρβινες или Δερβισσοί упоминаются впервые *Ктисіемъ*, слѣдовательно около 400 г. до Р. Хр.; см. *Stesiae* fr. 2; 29, 6; 36 ed. C. Müller; ср. *Афанасьевъ* Поэт. II возвр. стр. 480.

¹¹⁵) *Aristoph. Acharn.* 180 сл.

¹¹⁶) *Nonn. Dion.* XII 56:

πῶς βροτέην ὠδινε γονὴν πίτυς, ἢ πόθεν ἄφνω
δενδρεῖτην γονέσσα ἀναπτύξασα λοχεῖτην
ἄπορον αὐτοτέλεστον ἀνήρουεν υἷα πέυκη.

¹¹⁷) Въ отрывкѣ у *Orig.* (*Hippol.*) *Adv. Haeret.* V p. 96 ed. Miller, приписываемомъ единогласно *Инидару*: ἢ Φρύγιοι Κορύβαντες, οὓς πρῶτος ἔλιος ἐπεδενδροφορεῖς ἀναβλάσκοντας, гдѣ удачливѣе другихъ возстановленіе *Бергкя* Ἄλιος πρῶτους ἐπέδεν. См. его *Poet. lyr. gr.* III² стр. 1338 сл.

¹¹⁸) *Ov. Met.* X 104 сл.

¹¹⁹) *Paus.* VII 17, 11; *Agrob. Adv. gent.* V 6; *Ср. Bergk Poet. lyr. gr.* III² p. 1320.

¹²⁰) По *Паніасиду* у *Apollod.* III 14, 4.

Желая уразумѣть первоначальный смыслъ этихъ мнѳовъ о происхожденіи первыхъ людей отъ дерева и скалы, мы должны прежде всего отклонить мнѳіе, существовавшее видимо уже въ древности и поддерживаемое многими еще въ настоящее время, что эти мнѳы явились сами лишь въ поясненіе стариннаго вѳрованія въ происхожденіе людей изъ земли. Преллеръ, въ своемъ изслѣдованіи «Представленія древнихъ о происхожденіи человѣческаго рода», замѣчаетъ въ пользу этого мнѳія, что «происхожденіе изъ лона земли не можетъ [?!] иначе представляться, какъ только въ видѣ произрастанія, и что цусканіе ростковъ и прозябаніе въ растительномъ царствѣ представляетъ собою простѣйшій и самый доступный наблюденію типъ происхожденія организмовъ вообще»¹²¹⁾. На самомъ же дѣлѣ однако Греки умѣли представить себѣ происхожденіе живыхъ организмовъ изъ земли очень просто, безъ всякаго посредства растительнаго царства. Это видно напр. изъ насмѣшки Антисѳена надъ Аѳинянами, что, считая себя произошедшими изъ земли, они ничѣмъ не благороднѣе *улитокъ* и *стрекозъ*¹²²⁾. Самъ Преллеръ цитируетъ подобную же насмѣшку Карнеада надъ Арвадійцами и Аѳинянами, что они считаютъ себя произошедшими изъ земли, «какъ *полевая мышь*»¹²³⁾. Представленіе же о происхожденіи мышей изъ земли не обусловливалось представленіемъ о растеніи, какъ видно изъ Овидія и Діодора, гдѣ они говорятъ о томъ, какъ зарождаются въ землѣ мыши въ Египтѣ¹²⁴⁾. Ниже мы увидимъ, что и греческіе философы, производящіе челоѳка то изъ земли, то изъ воды, то изъ ила, думали менѣе всего о растеніяхъ. Кромѣ того имѣется вѣдь не мало мнѳовъ, въ

¹²¹⁾ Philol. VII (1852) стр. 11 = Preller Ausg. Anfs. стр. 169.

¹²²⁾ Diog. Laert. V 1, 1: καὶ αὐτὸς δὲ τοὺς Ἀθηναίους ἐπὶ τῷ γῆγενεῖς εἶναι σερπυνομένους ἐκφυλλίζων ἔλεγε μὴδὲν εἶναι κοχλιῶν καὶ ἀτελέβων εὐγενεστέρους.

¹²³⁾ Преллеръ цитируетъ: Lactant. Instit. V 16. Мнѳ не удалось отыскать, гдѣ находится это извѣстіе. — Ниже мы ознакомимся съ мнѳическимъ основаніемъ сравненія съ мышами.

¹²⁴⁾ Diod. Sic. I 10, 2; ср. Ov. Met. I 416—429.

которыхъ люди выростають непосредственно изъ земли, напр. изъ посѣянныхъ зубовъ дракона, при чемъ не только ничего не говорится о метаморфозѣ деревьевъ въ людей, а напротивъ того, люди даже прямо являются вооруженными: они то именно «выползають уже готовыми изъ земли, головою впередъ»¹²⁵). Вельккеръ, придерживающійся въ данномъ случаѣ подобнаго взгляда, какъ Преллеръ, предлагаетъ слѣдующія соображенія: «Первые люди произошли изъ земли: этотъ первый отвѣтъ не могъ вполнѣ удовлетворить наивное любопытство; спрашивалось еще: какимъ образомъ? Чтобы человекъ, въ томъ видѣ, какъ онъ представляется нашимъ глазамъ, выползъ уже готовый изъ земли, головою впередъ, никакъ невозможно было представить себѣ [?!]. Зато никогда не видѣнное, что бы это ни было, воспринималось во всякомъ случаѣ весьма легко, потому что, при пробужденіи любопытства, разсудокъ и сомнѣніе дремлютъ еще [?!]. Поэтому вторымъ отвѣтомъ было: изъ дерева или изъ камня. Деревомъ пояснялось живое произрастаніе человека, камнемъ наружный видъ, такъ какъ камень и самъ по себѣ можетъ быть различнаго вида и, кромѣ того, легко принимаетъ разныя формы»¹²⁶). Не останавливаясь вообще на всей странности высказаннаго здѣсь Вельккеромъ и раздѣляемаго, къ сожалѣнію, весьма многими взгляда на счетъ умственныхъ способностей людей, увѣровавшихъ однажды, какъ въ святую истину, въ эти мнѣя, столь просто будто бы придуманные ими же самими, мы обратимъ здѣсь вниманіе только на слѣдующіе пункты.

Полагая, что деревомъ пояснялось лишь то, какимъ образомъ могъ произрасти изъ земли живой человекъ, Прел-

¹²⁵) Вотъ какъ описывается напр. выростаніе изъ земли людей изъ посѣянныхъ *Кадмоу* зубовъ дракона, Оч. Met. III 106:

Inde, fide manus, glebae coepere moveri,
Primaque de sulcis acies apparuit hastae,
Tegmina mox caputum picto nutantia cono,
Mox humeri pectusque oneratae brachia tolis
Existant, crescitque seges clipeata virorum.

¹²⁶) Welcker уж. соч. I стр. 782.

леръ и Велькеръ имѣли конечно въ виду прежде всего вышеприведенное мѣсто Пиндара о *Коривантахъ*, «произрастающихъ древообразно». Но едва-ли можно настаивать на этомъ выраженіи, когда мы знаемъ, что существовали мифы, по которымъ даже самъ Аттисъ, чтимый Коривантами, являлся произошедшимъ лишь изъ *плода* миндального или гранатового дерева¹²⁷⁾. Последнее обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что, будучи солнечнымъ божествомъ, онъ легко могъ изображаться произошедшимъ изъ всего дерева, соответственно мифу о его превращеніи въ дерево. Ибо, не желая предрѣшать здѣсь вопроса о происхожденіи людей отъ дерева, мы должны однако замѣтить, что въ этомъ мифѣ объ Аттисѣ подразумѣвается несомнѣнно встрѣчающееся въ безчисленномъ множествѣ мифовъ и сказокъ *небесное*, собственно звѣздное, дерево, о которомъ мы еще будемъ говорить ниже. На немъ въ видѣ листьевъ или плодовъ, изображаются обыкновенно звѣзды; но понятно, что и само солнце могло считаться его плодомъ¹²⁸⁾. Превращеніе солнечного божества или героя въ дерево, или наоборотъ, превращеніе всего дерева въ солнечную личность, могло

¹²⁷⁾ Раув. VII 17, 10 сл.; Агноб. Adv. gent. V 6.

¹²⁸⁾ Замѣчательнѣйшимъ примѣромъ можетъ служить въ скандинавской мифологіи *Одиль*, висящій на деревѣ, лишенный листьевъ (*vindga meidi á*, собст. «на вѣтвеномъ деревѣ»), и являющійся притомъ какъ бы плодомъ этого дерева. Н á v a m á l 139 ed. Lünig. Ср. K. S i m r o s k Die Edda² (1855) стр. 426 сл. Съ поднятіемъ солнца на небо, небесное дерево лишается листьевъ, т. е. исчезаютъ звѣзды. Что слово *vindgr* дѣйствительно указываетъ тутъ на отсутствіе листьевъ, можно заключить изъ обычая вѣшать людей на деревьяхъ, лишенныхъ листьевъ, причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Одиль считался «богомъ повѣшенныхъ». См. F. Liebrecht Zur Volkskunde (1879) стр. 8 сл.—Лимонное дерево *безъ листьевъ*, но съ тремя золотыми плодами (вмѣсто одного, вследствие обычнаго осложненія) мы находимъ въ новогреческой сказкѣ, которую сообщаетъ Bernh. Schmidt Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder gesammelt, übersetzt u. erläutert (1877) стр. 71 сл.; ср. стр. 225 и примѣчаніе R. Köhler'a къ № 13 сборника L. G o n z e n b a e h Sicilianische Märchen II (1870) стр. 211, гдѣ указаны варианты этой сказки и у разныхъ другихъ народовъ. Замѣчу мимоходомъ, что въ этой сказкѣ плодъ, въ которомъ заключается дѣвица, «затемняющая свою красую солнце», означаетъ однако не солнце, а луну.

первоначально означать только, что вмѣсто солнца ночью являются на небѣ звѣзды, которыя въ свою очередь уступаютъ днемъ свое мѣсто солнцу. Вотъ почему превращеніе Аттиса въ дерево, а также и происхожденіе сроднаго съ нимъ *Адониса* изъ самаго *ствола мирты*, отождествляющее его, такъ сказать, съ цѣлымъ деревомъ, мало говорятъ въ пользу такого же отождествленія людей съ деревьями¹²⁹). Скорѣе можно было бы сослаться на вышеупомянутое преданіе о происхожденіи людей «изъ ясеней» (въ множ. числѣ): но и этому мѣшаетъ существованіе поговорки, называющей родъ человѣческой «плодомъ ясени». Зато тѣмъ менѣе позволительно настаивать на словахъ Вергилія въ описаніи первобытнаго Лаціума: «эти рощи занимали туземные Фавны и Нимфы и народъ мужей, рожденныхъ отъ стволовъ и твердаго дуба»; или на замѣчаніи Ювенала о первыхъ людяхъ, что они «не имѣли родителей, такъ-какъ родились отъ *лопнушаго дуба*, или же созданы изъ глины»¹³⁰). Сошительнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Греки представляли себѣ первыхъ людей выросшими непосредственно изъ земли въ видѣ растений, является и насмѣшка Лукіана надъ Аеніянцами, гордящимися тѣмъ, что «выросли изъ земли, какъ огородныя овощи»¹³¹). Если позволительно видѣть въ этой насмѣшкѣ не случайное сравненіе, а намекъ на какое-либо дѣйствительно существовавшее въ народѣ преданіе или повѣрье

¹²⁹) Apollod. III 14, 4: τοῦ δένδρου βαγέντος γεννηθῆναι τὸν λεγόμενον Ἄδωνιν.

¹³⁰) Verg. Aen. VIII 313:

Haec nemora indigenae Fauni Nymphaeque tenebant
gensque virum truncis et duro robore nata.

Juv. Sat. VI 11:

Quippe aliter tunc orbe novo coeloque recenti
vivebant homines, qui rupto robore nati
Compositivo luto nullos habuere parentes.

¹³¹) Lucian. Philops. 3: Ἀθηναῖοι δὲ τὸν Ἐρχθόνιον ἐκ τῆς γῆς ἀναδοθῆναι φασὶ καὶ τοὺς πρώτους ἀνθρώπους ἐκ τῆς Ἀττικῆς ἀναφῆναι καθάπερ τὰ λάχανα. Ср. Eustath. Comm. ad Iliad. II 546 p. 283 ed. Rom., гдѣ по поводу автохтонства Аеніянъ приводятся выраженія αὐτόχθονα λάχανα ж φύονται μύκητες γῆραις (Ср. Athen. II 57 p. 60).

ο происхождении людей отъ «огородныхъ овощей», λάχανα, то подѣ послѣдними прежде всего слѣдовало бы подразумѣвать мифологическiй эквивалентъ звѣздъ — бобы, такъ-какъ уже Орфею, или Πνεαγοру, приписывается запрещенiе ѣсть бобы, потому-что «ѣсть бобы — все равно, что ѣсть головы родителей», съ чѣмъ находится въ связи и повѣрье, что бобъ произросъ изъ той же матерiи, какъ и первые люди, вслѣдствiе чего, при извѣстныхъ условiяхъ, и можетъ принимать видъ человѣка¹³²). Что бобы — и мифологически, конечно, идентич-

¹³²) Orig. Philos. I 2: Διδωρος δὲ ὁ Ἐρετριεύς [? см. G. Koerber в журн. Philologus VII (1852) стр. 533 слл.] καὶ Ἀριστότενος ὁ μωσαϊκὸς [IV в. до Р. Хр.] φασὶ πρὸς Ζαράταν τὸν Χαλδαῖον ἑλληθῦναι Πυθαγόραν. . . Κυάμους δὲ λέγεται παραγγέλλειν μὴ ἐσθίειν, αἰτία τοῦ τὸν Ζαράταν εἰρηκέναι κατὰ τὴν ἀρχὴν καὶ σύγκρισιν τῶν πάντων συνισταμένης τῆς γῆς ἔτι καὶ συνεσημαμένης γενέσθαι τὸν κύαμον. Τοῦτου δὲ τεκμηρίων φησὶν [кто?], εἰ τις καταμασησάμενος λείων τὸν κύαμον καταθεῖ πρὸς ἥλιον χρόνον τινὰ (τοῦτο γὰρ εὐθέως ἀντιλήφεται) προσφέρειν ἀνθρώπου γόνου [sic] ὀδμήν. Σαφέστερον δὲ εἶναι καὶ ἕτερον παράδειγμα λέγει· εἰ ἀνθούστος τοῦ κύαμου λαβόντες, τὸν κύαμον καὶ τὸ ἄνθος αὐτοῦ καὶ καταθέντες εἰς χύτραν ταύτην τι καταχρίσαντες εἰς γῆν κατορύξαιμεν καὶ μετ' ὀλίγας ἡμέρας ἀνακαλύψαιμεν, ἴδοιμεν αὐτὸ εἶδος ἔχον τὸ μὲν πρῶτον ὡς αἰσχύνην γυναικὸς, μετὰ δὲ ταῦτα κατανοούμενον παιδίου κεφαλὴν συμπεφυκυῖαν. Porphyr. De Pythagor. vita 43 сл.: Ἴσα δὲ κυάμων παρῆκε [ὁ Πυθαγόρας] ἀπέχεσθαι καθάπερ ἀνθρωπίνων σαρκῶν. Ἱστοροῦσι δ' αὐτὸν ἀπαγορεύειν τὸ τοιοῦτο, ὅτι τῆς πρώτης ἀρχῆς καὶ γενέσεως ταραττομένης καὶ πολλῶν ἄμα συνεγεγμένῃ καὶ συσπειρομένῃ καὶ συσσηπομένῃ ἐν τῇ γῇ κατολιγόν γενέσεις καὶ διακρίσεις συνέστη ζῶων τε ὁμοῦ γενομένων καὶ φυτῶν ἀναδεδομένων, τότε δὴ ἀπὸ τῆς αὐτῆς σηπεδόνος ἐπιθρώπους συστήναι καὶ κυάμους βλαστήσαι. Τοῦτου τε φανερὰ ἐπῆγε τεκμήρια. Εἰ γὰρ τὴν διατρύγων κύαμον καὶ τοῖς ὄδοισι λεάνας ἐν ἀλλεί τῆς τοῦ ἡλίου βολῆς καταθεῖη πρὸς αἰλίγον, εἴτ' ἀποστὰς ἐπανελθοῖ μετ' οὐ πολὺ, εὖροι ἂν ὀδωδῶτα ἀνθρωπέου φόνου [sic]; εἰ δὲ καὶ ἀνθούστος ἐν τῷ βλαστάνειν τοῦ κύαμου λαβὼν τις περὶ αἴχοντος τοῦ ἄνθους βραχὺ ἐπιθεῖη ἀγγεῖῳ κεραμίῳ καὶ ἐπιθεῖα ἐπιθεῖς ἐν γῇ κατορύξειν καὶ ἐνενηκόντα παραφυλάξαι ἡμέρας μετὰ τὸ κατορυχθῆναι, εἴτα μετὰ ταῦτα ὀρύξας λάβοι καὶ ἀφελοῖ τὸ πῦμα, εὖροι ἂν ἀντὶ τοῦ κύαμου ἢ παιδὸς κεφαλὴν συνεστῶσαν ἢ γυναικὸς αἰδοῖον. Lyd. De mens. IV 29 p. 76: Ὁ δὲ Ἡρακλείδης [ὁ Ποντικός?] φησὶν, ὡς εἰ τις τὴν κύαμον ἐν κενῷ θεῖε ἐμβάλων ἀποκρύψει τῇ κόπρῳ ἐπὶ τετταράκοντα πάσας ἡμέρας, εἰς ὅσιν ἀνθρώπου σεσαρκωμένου μεταβαλλόντα, τὸν κύαμον εὖρήσει καὶ διὰ τοῦτο τὸν ποιητὴν φάναι

Ἴσόν τοι κυάμους τε φαγεῖν κεφαλὰς τε τοκῆων.

Διογένης [Διδώρος?] δὲ φησὶν ἀπὸ τῆς αὐτῆς σηπεδόνος ἀνθρώπον συστήναι καὶ κύαμον βλαστήσαι. τοῦτου δὲ φανερὰ ἐπῆγε τεκμήρια . . . ἢ παιδὸς κεφαλὴν συνεστῶσαν ἢ γυναικὸς αἰδοῖον [почти дословно, какъ у Порфирiя]. ὥστε ἀρεκτέον κατὰ Πυθαγόραν κύαμον, ὡς καὶ τῶν λεγομένων χρυσολάχων [лебеда огородная? ср. Plin. N. H. XXVII 43] ἐπεὶ καὶ αὐτῶν ἡ γενέσεις ἐξ ἐμμήνων γυναικῶν ἐσσι. τούτου χάριν εἰς τοὺς τάφους κύαμοι βίπτονται ὑπὲρ σωτηρίας ἀνθρώπων. Ср. Orig. Philos. 862.

НИИ СЪ НИМЪ *гороха* — обозначали звѣзды, явствуетъ: изъ сказокъ, въ которыхъ они являются въ роли небесныхъ, т. е., какъ увидимъ, звѣздныхъ деревьевъ (солнечные герои влѣзаютъ по нимъ на небо); изъ поговорки о войнѣ царя *гороха* — ср. *κασιγτρὸς ἦρας* у Грековъ и преданіе объ избіеніи *Фабіуса*, т. е. «Бобовичей» у Римлянъ¹³³); изъ обряда, состоящаго въ бросаніи бобовъ въ могилу умершаго, уподобляемаго, какъ мы уже замѣтили, закатившемуся солнцу¹³⁴); и изъ цѣ-

Другія указанія насчетъ запрещенія ѣсть бобы см. P. Bayle Dictionnaire historique et critique *Pythagoras* примѣч. I (Nouv. ed. t. XII [1820] стр. 135—138); Lobbeck Agl. I стр. 251 сл.; Ed. Zeller Die Philos. d. Griech. I² стр. 270 примѣч. 7. Вышеприведенное воззрѣніе, что бобъ, пролежавши известное время *подъ навозомъ*, или *въ землѣ*, превращается въ чело-вѣка, станетъ вполне понятнымъ, если мы сообразимъ слѣдующее. Въ древнѣйшихъ гимнахъ звѣзды назывались и. проч. то *золотыми людьми*, въ которыхъ усматривали внослѣдствіи древнѣйшіи поколѣнія людей («золотое поколѣніе»), то *золотыми бобами* (ср. въ приведенномъ мѣстѣ L y d. χρυσολόχων). Отсюда вытекаетъ съ теченіемъ времени воззрѣніе объ идентичности бобовъ въ какомъ нибудь отношеніи съ предками («голова родителей»), или по крайней мѣрѣ о возможности превращенія бобовъ, при какихъ нибудь условіяхъ, въ людей. Ср. А. А. Потебня О мнѣн. знач. стр. 48 примѣч. 136: «Въ Нѣмецкой сказкѣ бобъ или фасоль (Bohne) — замѣна самаго челоуѣка: оставленное бѣгущимъ зерно отвѣчаетъ за него, какъ въ другихъ сказкахъ слюна или кровь G r i m m К. Märgch. III 97.—Такое же происхожденіе имѣетъ и ученіе о переселеніи душъ; душа челоуѣка переселяется во все то, что случилось также названіемъ небесныхъ свѣтилъ. Что же касается до леманія въ навозѣ, то мы уже замѣтили, что въ мѣсахъ навозъ означаетъ первоначально ночной мракъ. Такимъ образомъ, рассматриваемое воззрѣніе обусловлено представленіемъ, что звѣзды (= люди = бобы), поднимаясь изъ земли на небо, являются только среди ночнаго мрака. — Относительно употребленія бобовъ при похоронахъ ср. ниже примѣч. 134. — Вообще о символическихъ значеніяхъ бобовъ и гороха ср. F. Noack Etymologisch-symbolisch-mythologisches Real-Wörterbuch I (1843) стр. 280 сл.; J. B. Friedreich Die Symbolik und Mythologie der Natur (1859) стр. 201 сл.

¹³³) Что *царь гороха*, т. е. царь звѣздъ, солнце, волеетъ съ *грибами*, обусловлено безъ сомнѣнія тѣмъ, что и грибы означали въ мѣсахъ звѣзды. Дальше, надѣюсь, мы окончательно успѣемъ убѣдиться, что всѣ названія предметовъ, отъ которыхъ произошли, по древнимъ преданіямъ, люди, означали некогда небесныя свѣтила. Быть можетъ, что и въ обычныхъ *сравненіяхъ* людей съ грибами скрывается подобнаго рода миеологическое воззрѣніе.

¹³⁴) L y d. De mena. вышепривед. м. Этому соответствуетъ весьма распространенный обычай бросать камни на могилу. См. и. проч. Karl He-

лаго ряда другихъ данныхъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться¹³⁵).

Если бы издревле мнѣшескія воззрѣнія о происхожденіи рода человѣческаго были дѣйствительно обусловлены протымъ представленіемъ о произростаніи деревьевъ, то слѣды

berland Die Sitte des Steinwerfens und der Bildung von Steinhäufen въ Zeitschr. f. Völkerpsychologie XII (1880) стр. 289—309, гдѣ не угадана однако настоящая причина этого обычая, потому что авторъ не обратилъ вниманія на соответствующіе мнѣю объ *избіеніи* (солнечныхъ) героевъ *камнями*. Чтобы нагляднѣе обнаружить мнѣологическую идентичность бобовъ съ камнями, интересно было бы указать въ мнѣяхъ на примѣры *превращенія* бобовъ въ камни или наоборотъ. J. Friedreich D. Symb. u. Mythol. d. Nat. стр. 116 и 118 приводитъ нѣсколько примѣровъ превращенія *гороха* въ *камни*, и проч. слѣдующее преданіе: Zur Zeit einer Theuerung glaubte ein geiziger reicher Bauer in der Mark, der noch mehrere Ernten liegen hatte, er werde verhungern, und besäte einen Acker mit Erbsen, wobei er heimlich sprach: «ich säe Erbsen, dass weder Gott noch die Welt weiss»; ein Nachbar, welcher der Erbsen wirklich bedurfte und deren ebenfalls säete, hörte die Worte und sprach: «lieber Nachbar, ich säe auch Erbsen, aber dass Gott und die Welt darum weiss»; des letzten Bauern Erbsensaat keimte, die des Geizigen aber ist zur Strafe von Gott versteinert worden, und noch sind die in Stein verwandelten Erbsen auf diesem Acker zu sehen. — Аналогичное значеніе съ бросаньемъ бобовъ и камней на могилу имѣетъ и *посыпаніе жертовнаго животнаго крупами и солью*, а также и *осыпаніе жемчуга и невесты горохомъ, орѣхами*, вообще плодами, зернами и разными другими мелкими предметами, какъ представителями звѣздъ, въ знакъ того, что небесный бракъ происходитъ на ночномъ небѣ. См. выше стр. 48.

¹³⁵) Можно было бы указать напр. на сказки о змѣяхъ и великанахъ, питающихся *железными бобами* или *металлическими* (оловянными, серебряными, золотыми) *калушками* (см. А. А. Потебня ук. соч. стр. 248 и 255). Въ этихъ змѣяхъ и великанахъ, какъ и въ составляющихъ съ ними герояхъ, я усматриваю солнце; въ ихъ металлической пищѣ — звѣзды, которыя и въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ являются то металлическими листьями, то *металлическими ягодами*. Въ числѣ сказокъ, въ которыхъ повѣствуется о *черной собацѣ*, стерегущей сокровища, могу указать, какъ на интересные примѣры въ разсматриваемомъ отношеніи, на два швейцарскихъ преданія, въ сборникѣ E. L. Rochholz Schweizersagen aus dem Aargau I (1856) стр. 109 сл. и 225 сл., гдѣ сокровища состоятъ въ бѣлыхъ и красныхъ или желтыхъ бобахъ, превращающихся въ серебро и золото. Черная собака, стерегущая сокровища, означала первоначально ночное (черное) солнце на покрытомъ звѣздами небѣ, ибо «собака» (подобно «волку») было названіемъ солнца. Она напоминаетъ и проч. и *многочлавою Арю*, являющагося у Гомера собакою. Ср. выше примѣч. 90 и отчетъ О занятіяхъ стр. 15 примѣч. 11 в.

такой связи могли бы легче всего сохраниться въ ученіяхъ древнихъ философовъ, которые всегда старались истолковать рационалистически и вообще осмыслить господствовавшія въ народѣ мнѣческія воззрѣнія. Между тѣмъ у греческихъ философовъ трудно найти такіе слѣды; напротивъ, у нихъ встрѣчаются данныя, указывающія на совсѣмъ иной источникъ, на мнѣческія воззрѣнія о прямомъ или косвенномъ происхожденіи рода человѣческаго отъ небесныхъ свѣтилъ.

По Анаксимандру первыя животныя жили прежде, какъ рыбы, въ водѣ и были покрыты «шиповатою корою». Съ теченіемъ времени они выходили на сушу и освобождались отъ означенной коры, лопающейся, конечно, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Изъ такихъ шиповатыхъ «рыбъ» вылупились между прочимъ и «первыя люди»¹³⁶). «Рыбы» — обычный мнѣологическій эквивалентъ звѣздъ. И «шипы» являются въ мифахъ въ томъ же значеніи. Что и въ данномъ случаѣ «шипы» обозначали первоначально звѣзды, доказываетъ уже то обстоятельство, что они исчезаютъ подъ вліяніемъ солнца. Соответственно этому и «вода», въ которой плавали эти «первыя люди» въ видѣ «шиповатыхъ» существъ, могла означать первоначально только небесное море. Такимъ образомъ стано-

¹³⁶) Plut. De plac. philos. V 19, 4: Ἀναξίμανδρος ἐν ὕδασι γεννηθῆναι τὰ πρῶτα ζῷα, φλοιοῖς περιεχόμενα ἀκαυθόδοσι· προβαίνουσι δὲ τῆς ἡλικίας ἀποβαίνειν ἐπὶ τὸ ξηρότερον· καὶ περιρρηγνυμένου τοῦ φλοιοῦ ἐπ' ὀλίγον χρόνον μεταβιῶναι Orig. Philos. I 6 (въ изложеніи ученія Анаксимандра): Τὰ δὲ ζῷα γίνεσθαι ἐξατμίζόμενα ἐκ τοῦ ἡλίου. Τὸν δὲ ἄνθρωπον ἐτέρῳ ζῳῷ γεγονέναι, τοῦτεστιν ἰχθύϊ, παραλήσιον κατ' ἀρχάς. Plut. Quaest. conv. VIII 8, 4 (по поводу вопроса, почему Пнеагорейцы воздерживались преимущественно отъ употребленія рыбъ въ пищу): Οἱ δὲ ἐπ' Ἑλληνος τοῦ παλαιῦ καὶ πατρογενεῖσι Ποσειδῶνι θύουσιν, ἐκ τῆς ὕδατος τὸν ἄνθρωπον οὐσίας φθῆται δόξαντες, ὡς καὶ Σύροι διὸ καὶ σέβονται τὸν ἰχθῦν ὡς ὁμογενῆ καὶ σύντροφον, ἐπιεικέστερον Ἀναξίμανδρον φιλοσοφούντες· οὐ γὰρ ἐν τοῖς αὐτοῖς ἐκείνος ἰχθύς καὶ ἄνθρωπος ἀλλ' ἐν ἰχθύσιν ἐγγενέσθαι τὸ πρῶτον ἄνθρώπου ἀποφαίνεται . . . Отсюда видно (какъ и изъ другихъ мѣстъ той же главы): 1) что «рыбы» играли весьма видную роль въ мнѣческихъ воззрѣніяхъ; 2) что существовали данныя, свидѣтельствующія объ идентичности этихъ «рыбъ» съ «первыми людьми» и 3) что Анаксимандру принадлежать собственно только мысль исключить этихъ «людей» въ «рыбъ». На счетъ приема исключенія ср. мой отчетъ О занятіяхъ стр. 45 примѣч. 38.

вится весьма вѣроятнымъ, что приписываемое Анаксимандру ученіе о происхожденіи рода человѣческаго составлено изъ мнѳологическихъ элементовъ, въ которыхъ «рыбы», «шипы» и «первые люди» одинаково означали звѣзды.

На счетъ ученія Парменида, судя по дошедшему до насъ извѣстію, можно сомнѣваться, производилъ ли онъ «первыхъ людей» прямо отъ *солнца*, или же считалъ ихъ, какъ потомъ Эмпедоклъ и другіе, произошедшими изъ смѣси земли съ водою, изъ *ила*¹³⁷⁾. Послѣднее предположеніе было, вѣроятно, просто результатомъ желанія согласить преданія о «людяхъ», т. е. звѣздахъ, восходящихъ изъ земли, съ подобными же преданіями о «людяхъ» небснаго «моря». По Эмпедоклу «цѣльные образы» людей, представляя собой смѣсь воды съ землею, «взошли» изъ земли подъ напоромъ «огня», стремящагося на небо, къ небесному «огню»¹³⁸⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что подъ этимъ стремящимся на небо

¹³⁷⁾ Diog. Laert. IX 3, 22 (ученіе Парменида): γένεσιν τ' ἀνθρώπων ἐξ ἡλίου [въ базельскомъ изданіи (1533): ἄλως] πρῶτον γενέσθαι αὐτῶν [sic.] ὃ ὑπάρχειν τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν, ἐξ ὧν τὰ πάντα συνεστάναι. Вм. ἡλίου большинство издателей предпочитаютъ ἄλως. K. Steinhart въ Ersch. u. Grubers Allgem. Enc. секц. III т. XII стр. 242 предлагаетъ читать: ἡλίου τε καὶ ἄλως. Ср. Ed. Zeller Philos. d. Gr. I^o стр. 485 примѣч. 2.

¹³⁸⁾ Эмпедоклъ говоритъ о происхожденіи людей ст. 321 ed. Malach (Fragm. Philos. Gr. I стр. 9 сл. ср. стр. 65):

οὐλοφρεῖς μὲν πρῶτα τύποι χθονὸς ἐξανέτελλον
ἀμφοτέρων ὕδατός τε καὶ οὐδαος αἴσαν ἔχοντες.
τοὺς μὲν πῦρ ἀνέπεμψ' ἐθέλον πρὸς ὁμοίον ἰκέσθαι
οὔτε τί ποω μελέων ἐρατὸν δέμας ἐμφαίνοντας,
οὔτ' ἐνοπήν οὔτ' ἀδ' ἐπιχώριον ἀνδράσι γυῖον.

На счетъ словъ πῦρ [вѣ земля] . . . ἐθέλον πρὸς ὁμοίον ἰκέσθαι ср. Plut. ar. Euseb. Praep. Ev. I 8, 10. [Ἐμπεδοκλῆς] ἐκ πρώτης φησὶ τῆς τῶν στοιχείων κίσεως ἀποκριθέντα τὸν αἶρα περιχυθῆναι κύκλω· μετὰ δὲ τὸν αἶρα τὸ πῦρ ἐκδραμὸν οὐκ ἔχον ἐτέραν χώραν, ἄνω ἐκτρέχειν ὑπὸ τοῦ περὶ τὸν αἶρα πάγου. Εἶναι δὲ κύκλω περὶ τὴν γῆν φερόμενα δύο ἡμισφαίρια, τὸ μὲν καθόλου πυρός, τὸ δὲ μικτὸν ἐξ αἶρος καὶ ὀλίγου πυρός, ὅπερ οἴεται τὴν νόκτα εἶναι. Plac. philos. II 6, 3: . . . καὶ γενέσθαι τὴν μὲν οὐρανὸν ἐκ τοῦ αἰθέρος, τὸν δὲ ἡλίον ἐκ τοῦ πυρός [ср. однако слѣдующее примѣч.], πηληθῆναι δ' ἐκ τῶν ἄλλων τὰ περὶ γαῖα. Въ выше приведенномъ отрывкѣ Эмпедоклъ говоритъ объ огнѣ, оставшемся въ землѣ послѣ первоначальнаго выдѣленія стихій.

«огнемъ», которому приписывается столь замѣчательная роль при созданіи первыхъ сьудей, понимался первоначально огонь небесныхъ свѣтилъ, тѣмъ болѣе что самъ Эмпедоклъ считалъ звѣзды состоящими изъ огня и называлъ солнце «великимъ накопленіемъ огня»¹³⁹). Такое участіе «огня» при созданіи людей сильно напоминаетъ собою несомнѣнно старинное воззрѣніе, усвоенное Анаксагоромъ и другими, что люди произошли изъ небеснаго сѣмени, или что душа состоитъ изъ эфира, т. е. огненной матеріи, которая послѣ смерти человѣка возвращается обратно на небо¹⁴⁰). Что же касается до «цѣльныхъ образовъ» людей Эмпедокла, то и въ этомъ выраженіи сохранился слѣдъ тѣхъ «круглыхъ людей», т. е. звѣздъ, о которыхъ мы говорили выше, ибо, судя по контексту, подъ

¹³⁹) Plut. Plac. II 13, 2: 'Εμπεδοκλῆς πόρινα [τὰ ἄστρα] ἐκ τοῦ πυρώδους, ὅπερ ὁ αἰθὴρ ἐν ἑαυτῷ περιέχων ἐξεθλίψε κατὰ τὴν πρώτην διάκρισιν. Ср. Stob. Ecl. I 24 p. 506 и приведенное въ предъидущемъ примѣчаніи извѣстіе Плу т а р х а, что Эмпедоклъ считалъ дневное небо состоящимъ всецѣло изъ огня, ночное же заключающимъ въ себѣ только ὀλίγον πῦρ, «немного огня». Что солнце онъ называлъ «великимъ накопленіемъ огня», видно изъ Diog. Laert. VIII 2, 77: καὶ τὸν μὲν ἥλιόν φησι [ὁ Ἐμπεδοκλῆς] πυρὸς ἄθροισμα μέγα καὶ τῆς σελήνης μείζων. Если тѣмъ не менѣе Эмпедоклъ считалъ только звѣзды настоящимъ огнемъ, а солнце лишь результатомъ отраженія (см. Plut. ar. Euseb. I 8, 10: 'Ο δὲ ἥλιος τὴν φῶσιν οὐκ ἔστι πῦρ, ἀλλὰ τοῦ πυρὸς ἀντανάκλασις; De Pyth. orac. 12 p. 400; Plac. phil. II 20, 8; Stob. Ecl. I 25, 3 p. 530), то это отчасти обусловлено, кажется, желаніемъ угодить извѣстному воззрѣнію, что солнце не представляетъ собою нѣчто постоянное и самостоятельное, а образуется ежедневно изъ звѣздъ (ср. выраженіе ἄθροισμα).

¹⁴⁰) Iren. Adv. haer. II 14, 2: Anaxagoras autem, qui et Athenis cognominatus est, dogmatizavit facta animalia decidentibus e coelo in terram seminibus. Съ этимъ ср. выше стр. 60. Ученикъ Анаксагора Эврипидъ говоритъ, Eur. Chrysipt. fr. 6 (833):

Γαῖα μέγιστη καὶ Διὸς αἰθὴρ
 ὁ μὲν ἀνθρώπων καὶ θεῶν γενέτωρ,
 ἡ δ' ὑδροβόλους σταγόνας νοτίους
 παραδεξαμένη τίττει θνατοῦς, . . .
 χωρεῖ δ' ὀπίσω, τὰ μὲν ἐκ γαίας
 φύντ' εἰς γαῖαν, τὰ ἀπ' αἰθερίου
 βλαστόντα γονῆς εἰς οὐράνιον
 κόλον ἦλθε πάλιν . . .

«цѣльными» Эмпедоклъ понималъ тѣла, представляющія сплошную неразчлененную массу.

Только въ ученіи Эпикура, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно передается Лукреціемъ, можно, на первый взглядъ, усматривать нѣчто въ родѣ сближенія людей съ растеніями. Тутъ мы узнаемъ, что первые люди рождались изъ утробъ, вырастающихъ непосредственно изъ земли. Затѣмъ рассказывается, что тѣ же утробы служили на первыхъ порахъ и источниками молока для новорожденныхъ, — что уже не совсѣмъ соотвѣтствуетъ явленіямъ растительнаго царства¹⁴¹⁾. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ видоизмѣненіемъ преданія о чудесной странѣ, въ которой рѣки текутъ молокомъ и медомъ, при чемъ едва-ли слѣдуетъ еще доказывать, что эта страна — небо, а эти источники — небесныя свѣтила, источники небеснаго молока, т. е. свѣта (а не дождевой воды, какъ полагаетъ ошибочно большинство мнѣологовъ), тѣмъ болѣе, что и небесныя *стада*, которыя являются обыкновенно производящими такое же молоко, окажутся дальше звѣздами. Согласно съ этимъ, и то обстоятельство, что эти производящія молоко «утробы» являются вмѣстѣлищами «первыхъ людей», можетъ объясняться вліяніемъ преданій о «шаровидности» этихъ послѣднихъ, т. е. опять-таки преданіями о «круглыхъ людяхъ».

Такія данныя не говорятъ въ пользу предположенія, будто преданія о происхожденіи рода человѣческаго отъ дерева вызваны просто желаніемъ пояснить появленіе людей указаніемъ на процессъ произрастанія деревьевъ. Въ древнѣйшихъ мифахъ говорилось, очевидно, не о деревьяхъ, въ мно-

¹⁴¹⁾ Lucr. V 805:

Crescebant uteri terram radicibus apti.
quos ubi tempore maturo patefecerat aetas
infantum, fugiens umorem aurasque petessens,
convertebat ibi natura foramina terrae
et sucum venis cogebat fundere apertis
consimilem lactis . . .

жественномъ числѣ, какъ слѣдовало бы ожидать въ предполагаемомъ случаѣ, а объ одномъ деревѣ, такъ что люди могли сравниваться или даже отождествляться только съ вѣтвями, листьями или плодами, и вообще являться лишь находящимися на деревѣ¹⁴²⁾.

Слѣдующее преданіе каснорѣчиво подтверждаетъ это, будучи виѣстѣ съ тѣмъ весьма поучительнымъ и въ многихъ другихъ отношеніяхъ. Эакъ, сынъ Зевса и Эмины, очутившись одинокимъ на островѣ Инонѣ или Иноніи, прозванномъ въ послѣдствіи Эгиною, взмолился Зевсу, чтобы тотъ создалъ ему людей; ибо до того времени на этомъ островѣ (первоначально тутъ подразумѣвалась, конечно, вся земля) или вовсе не было людей, или они были, но вымерли, вслѣдствіе чумы, отъ которой, по выраженію Овидія, сообщающаго намъ преданіе обстоятельнѣе другихъ, вымершій народъ падалъ, «подобно тому, какъ падаютъ вялые плоды съдвигающихся вѣтвей, или жолуди съ потрясаемаго дуба»¹⁴³⁾. И вотъ, Эакъ просилъ Зевса дать ему столько людей, сколько онъ замѣтилъ, во время молитвы, *муравьевъ на посвященномъ Зевсу дубѣ*. Въ слѣдующую же ночь Эакъ увидѣлъ во снѣ тотъ же Зевсовъ дубъ, съ его безчисленнымъ множествомъ вѣтвей, покры-

¹⁴²⁾ Докры, прозванные Ὀζόλαι, производили это прозвыще отъ ὄζος *самецъ, отирскъ*; ср. выраженія ὄζος Ἄρτος у Гомера и др. По Павсанію (X 38, 1), преданіе гласило: «Въ царствованіе Оресея, сына Девкалиона, случилось, что собака родила, вмѣсто щенка, *полянню* [ἔυλον]. Когда Оресеей выгнѣлъ зарыть это полянню, то къ веснѣ, говорятъ, выросло изъ него *виноградное дерево*, отъ вѣтвей котораго и произошло названіе людей [обитателей страны]. Тутъ «собака» означала первоначально солнце, а произошедшее отъ нея «полянню», превратившееся въ «виноградное дерево», — *звѣздное дерево*.

¹⁴³⁾ О v. Met. VII 585:

. . . vulgus erat stratum, veluti cum patria motis
roma cadunt ramis agitataque ilice glandes.

Замѣчательное указаніе на первоначальное значеніе этихъ «людей», заключаетъ въ себѣ то обстоятельство, что часть изъ нихъ *елшется* (ст. воя. сл.), предупреждая этимъ чумную смерть. О томъ, что небесныя свѣтила представлялись висящими, см. О ваяніяхъ стр. 59 слл.

тнхъ муравьями, которне, падаѣ на землю, превращались въ людей. Когда Эакъ проснулся, страна оказалась уже заселенною многочисленнымъ народомъ, въ которомъ онъ узналъ видѣнныхъ во снѣ людей, вслѣдствіе чего и прозвалъ ихъ *Мирмидонами*, отъ слова μύρμηξ, *муравей*¹⁴⁴).

Кромѣ черты, ради которой мы привели этотъ мифъ, для насъ не лишнимъ будетъ обратить еще вниманіе на слѣдующее. Для насъ не подлежитъ сомнѣнію солнечное значеніе Эакова отца, *Зевса*. Въ добавокъ, мы знаемъ отчасти отъ самаго Овидія, отчасти отъ Нонна, что онъ похитилъ Эггину и совокупился съ нею въ видѣ *огня*, или въ видѣ *орла*, что невольно напоминаетъ «*Жарь-Птицу*» нашихъ сказокъ¹⁴⁵). *Эггина*,

¹⁴⁴) Оv. Met. VII 614—654. Вотъ описаніе сновидѣнія, ст. 635 :

. . . ante oculos eadem mihi quercus adesse
et ramos totidem totidemque animalia [formicas] ramis
ferre suis visa est, pariterque tremiscare motu,
graniferumque agmen subiectis spargere in arvis :
crescere quod subito et maius maiusque videri,
ac se tollere humo rectoque assistere trunco,
et maciem numerumque pedum nigrumque colorem
ponere et humanam membris inducere formam.

Замѣтить, что и тутъ нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на сравненіе человека съ растеніемъ. — Древнѣйшимъ свидѣтельствомъ, упоминающимъ этотъ мифъ, служитъ отрывокъ изъ приписываемаго Исіоду «Каталога» (Schol. Pind. Nem. 3, 21; Ol. 8, 27; Tzet z ad Lyc. Alex. 176:

ή δ' ὑποκουσαμένη τέλεν Αἰακὸν ἱπποχάρμην.
αὐτὰρ ἐπεὶ ἤβης πολυηράτου ἔχετο μέτρον,
μοῦνος ἰὼν ἤσχαλλε. πατὴρ δ' ἀνδρῶν τε θεῶν τε,
ὄσσοι ἔσαν μύρμηκες Ἐπιδράτου ἔνδοθι νήσου,
τοὺς ἀνδρας πόησε βαθυζώνους τε γυναῖκας.
οἱ δὴ τοι πρῶτον ζεύξαν νέας ἀμφιέλισσας,
πρῶτοι δ' ἰστία θέσαν, νεὸς πτερὰ πομπούροιο.

Этой версии, по которой созданные изъ муравьевъ люди были на островѣ дѣйствительно «первыми людьми», слѣдуетъ и Аполлодоръ III 12, 6. О чумѣ, кромѣ Овидія, упоминаетъ и Стравонъ VIII 6, 16 p. 375.

¹⁴⁵) Оv. Met. VI 113:

. . . ut [Juppiter] . . . Aeorida [т. е. Эггину] luserit ignis.

Nonn. Dion. XIII 201:

πατρίδα γαῖαν ἔλειπε καὶ Αἰακός, ἀν νόθος ὄρνις
ἀρκαμένη σπέρμηγε μίγεις Ἀσωπίδι νόμφη
αἰετὸς Αἰγίνης πτερῶεις πάσις ὑψιπέτης Ζεύς.

Ср. VII 122; XXIV 77 слл.

ния которой происходит отъ слова αἴς «коза», означаетъ, несомнѣнно, луну. Самъ Эакъ, несомнѣнно, идентиченъ съ Зевсомъ-орломъ (ср. Αἶακος и αἰετός «орелъ»). Какъ Зевсъ, будучи любовникомъ Эгины, создалъ изъ муравьевъ людей, такъ и объ Эакѣ можно сказать, что на (островѣ) Эгинѣ онъ превратилъ муравьевъ въ людей, помощью своей молитвы. Столь же многозначительнымъ является отношеніе Эака къ Зевсу, его *посредничество*, въ мифѣ о томъ, какъ онъ однажды, во время повсемѣстной *засухи*, вымолилъ у панэллинскаго Зевса *дождь*. Не трудно догадаться, что этотъ произведенный Эакомъ или Зевсомъ «дождь» былъ первоначально «золотнымъ» и, означая, конечно, появленіе звѣздъ (ср. выше стр. 45) послѣ дневнаго свѣта (засухи), не отличался существенно отъ созданныхъ Эакомъ или Зевсомъ «людей». Основной смыслъ рассматриваемаго нами мифа заключается въ томъ, что звѣзды считались происходящими отъ солнца съ луною, при чемъ назывались не только «золотнымъ дождемъ», «золотыми», или вообще металлическими «листьями», «плодами» небеснаго дерева, и т. д., но, между прочимъ, и «золотыми (см. ниже) муравьями» и «людьми». — Мимоходомъ отмѣтимъ и здѣсь, на что мы уже указывали раньше, что названія *луны* часто превращаются въ названія *земли*: здѣсь имя Эгины, Зевсовой любовницы, прямо переходитъ въ названіе острова. Имѣть въ виду этотъ переходъ значенія особенно необходимо при объясненіи мифовъ Одиссеи.

Интересно также, что, по крайней мѣрѣ по Овидію, дерево съ муравьями, превращающимися въ людей, является Эаку *ночью*, въ сновидѣніи. Въ этомъ мы имѣемъ несомнѣнный слѣдъ звѣзднаго значенія этого дерева съ людьми-муравьями. Нельзя не вспомнить здѣсь словъ, влагаемыхъ Эсхиломъ въ уста Проміея, являющагося, какъ извѣстно, тоже создателемъ рода человѣческаго: «Жили они», говоритъ онъ о прежнихъ людяхъ, «подобно подвижнымъ муравьямъ, въ *неосвѣщаемыхъ солнцемъ* глубинахъ пещеръ»¹⁴⁶).

¹⁴⁶) Aesch. Prom. 452:
κατώρυχες δ' ἔβαιον ὡστ' ἀήτιροι
μύμητες ἄνθρωπων ἐν μυχῶς ἀνηλίοις.

Не менѣ замѣчательно и то обстоятельство, что люди являются произошедшими отъ *Зевсова* дуба. Этимъ поясняется, съ одной стороны, значеніе этого дерева, а съ другой, почему Зевсъ называется «отцомъ мужей и боговъ»: звѣзды, по Анаксимандру и другимъ, — боги¹⁴⁷⁾; между тѣмъ люди, какъ замѣчалъ Ираклитъ, не что иное, какъ смертные боги, а боги — бессмертные люди; смерть однихъ становится началомъ жизни другихъ¹⁴⁸⁾. Въ виду того, что люди являются въ мифахъ произошедшими не только отъ дуба, но и отъ разныхъ другихъ деревьевъ, мы можемъ уже теперь высказать догадку, что и деревья, посвященныя другимъ божествамъ, имѣли первоначально одинаковое съ Зевсовымъ дубомъ значеніе. Дальше мы неоднократно еще будемъ имѣть дѣло съ такими данными, которыя доказываютъ, что въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ всѣ *деревья, кустарники* и вообще *растенія*, вмѣсто которыхъ нерѣдко являются даже цѣлыя *рощи, сады* и *лѣса*, такъ же точно, какъ и другіе субституты *небеснаго дерева: вѣтви, вѣтви, плеть* и т. д., служили первоначально описаніемъ покрытаго звѣздами неба, или, по крайней мѣрѣ, вызваны мифическими о немъ представленіями. Вспомнимъ здѣсь только, какъ часто солнечные герои изображаются очутившимися, послѣ дневнаго пути, у громаднаго дерева или на краю лѣса, гдѣ они обыкновенно и *засыпаютъ*, и какъ часто въ мифахъ и сказкахъ эти деревья, или лѣса, являются съ золотыми, серебряными, мѣдными, вообще *металлическими листьями*¹⁴⁹⁾.

¹⁴⁷⁾ Plu t. Plac. philos. I 7, 12: Ἀναξίμανδρος, τοὺς ἀστέρας οὐρανῶν θεοὺς. Ср. Cic. De nat. deor. I 10, 25 слл.

¹⁴⁸⁾ Hippol. Refut. IX 10 ἀθάνατοι θνητοί, θνητοί ἀθάνατοι, ζῶντες τὸν ἐκείνων θάνατον, τὸν δὲ ἐκείνων βίον τελευτοῦσας. Ср. Zeller ук. соч. I³ стр. 580.

¹⁴⁹⁾ Во всѣхъ тѣхъ деревьяхъ, которыя нѣмецкіе мифологи называютъ: *Sonnenbaum, Himmelsbaum, Wolkenbaum, Weltbaum, Lebensbaum* и т. д., я усматриваю прежде всего *звѣздное дерево*, т. е. небо, покрытое золотыми, серебряными и т. д. листьями или плодами — звѣздами. Но такъ какъ плодомъ его является и солнце, которое ежедневно подымается на немъ вверхъ на небо, при чемъ остальные плоды и листья должны, конечно, исчезнуть,

Въ виду изложенныхъ соображеній не случайнымъ окажется и Овидіево сравненіе людей съ плодами, — тѣмъ боже, что человѣчество даже прямо называлось «плодомъ ясеня», и что этотъ плодъ, по всему вѣроятію, представлялся первоначально *металлическимъ*, т. е. сіяющимъ, судя уже по

стать невидимыми, то это дерево можно называть иногда и *солнечнымъ*, тѣмъ боже, что слова, означающія звѣзды, получаютъ нередко значеніе лучей (вслѣдствіе чего напр. души умершихъ превращаются то въ звѣзды, то въ солнечные лучи; см. выше стр. 57 примѣч. 93; на счетъ этого перехода значенія ср. также стр. 9 примѣч. 11). По поводу этого дерева много интереснаго матеріала сопоставилъ W. Mannhardt Die lettischen Sonnenmythen въ Zeitschr. f. Ethnol. VII (1875) стр. 222—244 и 281 — 287. Напрасно однако онъ стремится доказать, что представленія о ночномъ деревѣ развились лишь изъ представленій о дневномъ, стр. 233: Man dachte sich also entweder den ganzen Sonnenbaum Nachts den Mächten der Finsterniss verfallen [что подразумевать подъ Mächte der Finsterniss, — неизвестно] oder bildete sich vermöge der Analogie, welche in der Mythologie eine schöpferische Rolle von ausserordentlicher [??] Fruchtbarkeit spielt, gegenüber dem Tagsonnenbaum einen Nachtsonnenbaum, an welchem die Lichterscheinungen des Tages nächtlicher Weise ihren Aufenthalt nehmen, entweder für menschliche Augen unsichtbar, oder in Gestalt des Mondes und der Sterne, die nun möglicherweise als Aepfel . . . oder Eicheln an solchem Baume gelten konnten. Въ томъ же журналѣ XIII (1881) стр. 140 сл. F. W. Schwartz, усматривая въ этомъ деревѣ доисторическое, общее Индогерманцамъ и Семитамъ представленіе о *солнечномъ семени*, какъ онъ, съ утренней зарей, развѣтывается по облакамъ», резюмируетъ результатъ своихъ изслѣдованій въ слѣдующихъ словахъ: Ich habe die betreffende Vorstellung in dieser Weise in Mythe und Cultus zuerst in einem Aufsatz . . . über den Sonnenphallus [тамъ же VI (1874)], dann in meiner Schrift vom Ursprung der Stamm- und Gründungssage Roms (1878) auf das mannigfachste begründet und verfolgt . . . , nachdem ich früher im Ursprung der Mythologie S. 130 ff. mit Kuhn bloss eigenthümliche *Wolkenbildungen* als Ausgangspunkt für die betreffende Vorstellung z. B. für die Esche Yggdrasil angenommen hatte, da wir bei unseren Wanderungen . . . für gewisse derartige Wolkenformationen noch die *völkthümlichen* Bezeichnungen: Abrahams- oder Adams- oder kurzweg Wetterbaum vorgefunden hatten [этотъ характеризуется страннымъ взглядъ Шварца, раздѣленный, впрочемъ, весьма многими: будто современное народное повѣданіе словъ и дѣлъхъ мисеовъ, уже потому, что оно народное, должно быть неизрѣченно и первобытнымъ] . . . Das aufsteigende Licht erschien . . . (im Gegensatz zu einer Rauchsäule) als *Lichtsäule* [см. однако ниже стр. 96 сл.] oder, unter dem Reflex eines Baumes als *Stamm*, die in den Wolken sich *verästelnden* Sonnenstrahlen als *Aeste* und *Zweige*, die *Wolken* als *Blätter* [II] u. s. w. Die Sonne selbst . . . galt zunächst dabei als eine Art *Accidens* [стран-

тому, что намъ сообщаетъ Исидоръ о «мѣдномъ поколѣніи людей, созданномъ изъ ясеней»¹⁵⁰). Но если даже у столь поздняго поэта, какъ Овидій, это сравненіе оказывается не лишненнымъ мифическаго основанія, то мы имѣемъ полнѣйшее право утверждать, что и обычное сравненіе людей съ листьями, встрѣчающееся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, начиная съ Гомера, вызвано тоже соотвѣтствующимъ мифическимъ воззрѣніемъ, что «первые люди» идентичны съ листьями «небеснаго дерева». Въ Иліадѣ, именно на вопросъ о происхожденіи, Главкѣ отвѣчаетъ Діомиду:

«Сынъ благородный Тидея, почто вопрошаешь о родѣ?
Листьямъ въ дубравахъ древеснымъ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одинъ по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
Вновь разцвѣтая рождаетъ; и съ новой весной возрастаютъ:
Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ.
(Переводъ Н. Гнѣдича)¹⁵¹).

но)], welches dann erst allmählich die verschiedensten Nebenvorstellungen weckte, z. B. vereint mit dem Mond und namentlich den Sternen als zauberhaften Früchten an jenem (goldnen) Himmelsbaum, u. A. die von einem himmlischen Apfel- oder Feigenbaum. При этомъ онъ цитируетъ Rochholz, Tell und Gessler (1877) стр. 31: Die Früchte dieses Weltbaumes sind die Himmelsgestirne, jeden Morgen und jede Nacht frischreifend in Gestalt goldner Äpfel und Nüsse. По моему, именно представленіе объ этихъ звѣздахъ никакъ не можетъ быть отнесено къ числу Nebenvorstellungen, какъ это думаетъ Шварцъ, а служило, напротивъ, основаніемъ разсматриваемыхъ мифологемъ. Звѣзды назывались «листьями» или «плодами», при чемъ ради точности, въ отлечіе отъ настоящихъ, земныхъ листьевъ и плодовъ, придавались имъ эпитеты: «золотые», «солнечные», «небесные» и т. д. Этихъ, в безвсякаго напряженія фантазіи, было непосредственно дано и «золотое», «солнечное», «небесное» и т. д. «дерево».

¹⁵⁰) Hesiod. Op. et. d. 143 — 155. См. выше стр. 65 примѣч. 108. Особенно поучительны слова (стр. 146 сл.) οὐδέ τι σίτον ἤσπιον [въ противоположность обыкновеннымъ ἀνέρες σίτον ἔδοντες], ἀλλ' ἀδάμαντος ἔχον κρατερῶρα θυμόν.

¹⁵¹) Iliad. VI 145—149. Объ этомъ мѣстѣ см. и проч. и J. J. Bachofen Das Lykische Volk und seine Bedeutung für die Entwicklung des Alterthums (1862) стр. 6. Въ замѣчательномъ накопленіи сравненій Iliad. II 455 — 474, о которомъ еще будемъ говорить ниже, Λαῖον сравнивается и проч. и съ листьями (стр. 468). Ср также Iliad. XXI 464 сл. Clem. Alex. Strom. VI 2, 5 p. 738 ed. Pott.: Πάλιν τοῦ Μουσαίου ποιήσαντος:

Такъ какъ листья являются въ мифахъ обыкновенно то «золотыми», то «серебряными», то «мѣдными», то «желѣзными»: то косвеннымъ подтвержденіемъ нашего вывода можетъ служить опять-таки Исідорово описаніе *металлическихъ* «поколѣній», «золотаго», «серебрянаго», «мѣднаго» и «желѣзнаго». Всѣ эти люди — первоначально звѣзды. Ихъ металлическая природа означаетъ сіяніе, свѣтъ, и въ этомъ отношеніи они не чтò иное, какъ «герои», ἥρωες, т. е. «свѣтлые». Слѣдуетъ только замѣтить, что Исідоръ, не подозревая уже этой идентичности, констатируетъ особое поколѣніе «героевъ», отличное отъ остальныхъ, и помѣщаетъ его предъ послѣднимъ, «желѣзнымъ» поколѣніемъ, въ которомъ онъ усматриваетъ уже современныхъ ему людей, — людей «желѣзнаго вѣка»¹¹²). Такое сопоставленіе въ хронологическомъ порядкѣ

Ὡς δ' αὐτως καὶ φύλλα φύει ζεῖδωρος ἄρουρα·
ἄλλα μὲν ἐν μελίτησιν ἀποφθίνει, ἄλλα δὲ φύει·
ὧς δὲ καὶ ἀνθρώπου γενεὴ καὶ φύλλον ἐλίσσει.

Ὁμηρος μεταγράφει·

Φύλλα τὰ μὲν τ' ἀνεμος χαμάδις χεῖει κ. τ. λ.

Mimnerm. fr. 2:

Ἦμεῖς δ' οἳά τε φύλλα φύει πολυανθέος ὦρη
ἔαρος, ὅτ' [ἄ τ' ?] αἰψ' αὐγῇ αὔξεται [читай: αὐγῆς κέεται] ἡέλιος
τοῖς ἔτελοι πῆχμιον ἐπὶ χρόνον ἄνθεσιν ἕβης
τερπόμεθα . . .

Въ этомъ сравненіи на первоначальное значеніе листьевъ указываетъ еще то обстоятельство, что они пропадаютъ отъ *лучей солнца* (конъектура αὐτῆς ἄξεται принадлежитъ Шнейдевицу). Aristoph. Av. 685:

ἄγε δὲ φύσιν ἔνδρες ἀμαυρόβιοι, φύλλον γενεῆ προσόμοιοι . . .

¹¹²) «Золотое поколѣніе», вымерши, превратилось въ демоновъ, которые «покрытые мракомъ [первоначально подраживался, конечно, *ночной мракъ*], ходять по всей землѣ» (Pesiód. Op. et d. 125 = 255: ἤερα ἐσαάμενοι παντῆ φοιτῶντες ἐπ' αἴαν). Это несомнѣнно тѣ же 30000 демоновъ, которые названы дальше (ст. 252 сл.) «Зевсовыми сторожками людей», наблюдающими за ихъ дѣяніями, Ζηνὸς φύλακες θνητῶν ἀνθρώπων, соответственно тому, какъ и въ Ведахъ звѣзды успѣли превратиться въ наблюдающую дѣянія людей стражу (срѣзас — собств. «смотрители») Варуны или Митры. Последовавшее за «золотымъ» «серебряное поколѣніе» превратилось въ «подземныхъ блаженныхъ смертныхъ» (ст. 141), въ чемъ тоже нельзя не видѣть черты, характеризующей небесныя свѣтила. Мы уже видѣли, что и подъ третьимъ, «мѣднымъ» поколѣніемъ» могли пониматься первоначально только звѣзды. Послѣ

идентичныхъ, въ сущности, мифологемъ, мы имѣемъ и въ сказкахъ о металлическихъ лѣсахъ (обыкновенно мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ), слѣдующихъ одинъ за другимъ. Что же касается до тенденціи Исіода, обнаруживающейся въ описаніи «мѣднаго поколѣнія», осмыслить преданіе о металлической природѣ этихъ людей тѣмъ, что у него они покрыты *металлическими латами* и пользуются *металлическимъ вооруженіемъ*, то это не только не можетъ сбивать насъ на счетъ настоящаго ихъ значенія, а, напротивъ того, служить указаніемъ, что и въ другихъ случаяхъ мы можемъ подозрѣвать существованіе мифической подкладки, когда преданіе, говоря о весьма отдаленныхъ временахъ, изображаетъ цѣлыя народы отлично вооруженными, каковы напр. и гомеровскіе «мѣднобронны» (*χαλκοχίτωνες*) *Ахейцы, Аргосцы, Трояне* и др. Мы уже тутъ можемъ себѣ позволить заключеніе, что *сіяюція звѣзды* понимались первоначально и подъ *появляющимися изъ*

смерти они отправлялись въ царство «Невидимаго» солнца, въ «домъ *Аида*» (ст. 153). Четвертое поколѣніе, «поколѣніе *героевъ*», заселило, послѣ смерти, царство *Крола* (идентичнаго, въ сущности, съ *Зевсомъ*) на «краю земли» (ст. 168 сл.). Относительно этихъ героевъ, интересно также, что, по Исіоду (ст. 161 — 165), — это тѣ самые герои, дѣянія которыхъ прославляются въ преданіяхъ о *Диавлѣ* и *Троѣ*. Такъ какъ, кажется, едва ли можно еще сомнѣваться, что Исіодовы герои — первоначально небесныя свѣтила, то уже отсюда мы могли бы сдѣлать заключеніе и о значеніи Гомеровскихъ героевъ. Въ описаніи пятаго поколѣнія, въ которомъ Исіодъ усматриваетъ современныхъ людей, сохранялась, кромѣ названія «*железное*», еще одна первоначальная черта въ томъ, что «*Зевсъ истребитъ и это поколѣніе*» (ст. 179 сл., напрасно выбрасываемые критиками), чему соответствуютъ и ученія *эпикосоевъ* о періодичности міровъ (*κόσμοι*: ср. выше стр. 22 примѣч. 34), вызванныя тѣми же представленіями о постоянномъ появленіи и исчезаніи небесныхъ свѣтилъ. — О «золотомъ вѣкѣ» и вообще о преданіяхъ въ родѣ Исіодова о «поколѣніяхъ», существуетъ, какъ известно, весьма обширная литература, и нельзя не удивиться, что она не успѣла раскрыть мифологическое значеніе этихъ преданій. Назову здѣсь новѣйшую работу: *Eichhoff Ueb. die Sagen u. Vorstellungen von e. glückseligen Zustande der Menschheit in der Gegenwart, der Vergangenheit od. der Zukunft b. d. Schriftstellern d. class. Alterth. въ N. Jahrb. f. Phil. u. Päd. CXX (1879) стр. 581—601. Ср. Poeschel Das Märchen vom Schlaraffenlande въ Beitr. z. Gesch. d. Spr. u. Lit. V (1878) стр. 389—427.*

моря «мѣдными людьми», о которыхъ говорилось напр. въ оракулѣ, данномъ, по Иродоту, Псаммитиху, и которые, оказавшись въ послѣдствіи покрытыми мѣдною бронью Іонянами и Барійцами, напоминаютъ намъ, что и въ преданіяхъ о Троѣ, въ сущности, такимъ же народомъ являются всѣ Эллины¹⁵³); — и подѣ *вырастающими изъ земли вооруженными воинами*, въковы напр. произошедшіе *изъ постыянныхъ зубовъ дракона Бадміицы*, появленіе которыхъ Овидій описываетъ слѣдующими словами: «И вотъ произошло нѣчто невѣроятное: глыбы зашевелились; сперва изъ бороздъ показались острія копьевъ, потомъ выступаютъ наружу раскрашенныя верхушки шлемовъ, потомъ плечи и грудь и тяжело вооруженныя рамена; и *вырастаетъ народъ щитоносныхъ мужей*»¹⁵⁴).

¹⁵³) Herodot. II 152: πέμφαντι δέ οἱ ἐς Βουτούν πόλιν ἐς τὸ χρηστήριον πρὸς Ἀγροῦς, ἐνθα δὴ Αἰγυπτῖοιαι ἐστὶ μαντήϊον ἀφευδέστατον, ἕλθε χρησμός, ὡς τίσις ἦξει ἀπὸ θαλάσσης χαλκῶν ἀνδρῶν ἐπιφανέντων. καὶ τῶ μὲν δὴ ἀπιστή μεγάλη ὑπέκλειτο, χαλκῶς οἱ ἄνδρας ἤξειν ἐπιχοῦρους. χρόνου δὲ οὐ πολλοῦ διελθόντος, ἀναγκαιή [такъ!] κητέλαβε Ἰωνᾶς τε καὶ Κῆρας ἄνδρας, κατὰ λήτην ἐκπλώσαντας, ἀπενειχθῆναι ἐς Ἀγροῦν ἐβράντας δὲ ἐς γῆν καὶ ὀπλισθέντας χαλκῶ ἀγγέλλει τῶν τις Αἰγυπτῶν ἐς τὰ δια ἀπικόμενος τῶ Ψαμμίτηχι (ὡς οὐκ ἴδων πρότερον χαλκῶ ἄνδρας ὀπλισέντας), ὡς ἄλκοι ἄνδρες ἀπύγμνοι ἀπὸ θαλάσσης λεηλαθεῦσι τὸ πεδίον. Прежде всего слѣдуетъ обратить тутъ вниманіе на то, что употребленное здѣсь слово τίσις, «мщеніе», играетъ вообще весьма видную роль въ мифахъ о взаимной смѣнѣ небесныхъ свѣтилъ и въ обусловленныхъ ими этическихъ возарвіяхъ о всемірномъ господствѣ закона справедливости, который формулировался прежде всего именно такимъ образомъ, что за каждымъ *повышеніемъ* должно, въ видѣ *наказанія*, непремѣнно послѣдовать соотвѣтствующее *уменьшеніе*, или, какъ выражается А н а к с и м а н д р ѣ, что каждое «*народожденіе*» влечетъ за собою, по необходимости, и «*исчезновеніе*», въ «*отомщеніи*» за существованіе, Simprl. Phys. 6 a: ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστὶ τοῖς οὔσι καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ γένος. διδόναι γὰρ αὐτὰ τίσις καὶ δίχην τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν. Кажется, что и въ недостаточно мотивированномъ употребленіи слова ἀναγκαιή «необходимость» проглядываетъ мнѣшеская основа, такъ-какъ это слово, какъ мы уже замѣтили (см. стр. 21 примѣч. 33) было нѣкогда однимъ изъ названій луны, чему подтвержденіемъ можетъ служить и то обстоятельство, что въ Коринѣ существовало святилище *Ананки*, Раи в. II 4, 6. Быть можетъ, что въ болѣе древней формѣ мифа говорилось объ Ананкѣ или Ананкѣ, какъ о предводительницѣ «мѣдныхъ мужей».

¹⁵⁴) См. выше стр. 69 примѣч. 125. Что имя *Бадми*, «постыянаго», т. е. создавашаго этихъ «вооруженныхъ мужей», идентично съ словомъ *κόσμος*, какъ

По поводу разсмотрѣннаго нами преданія о происхожденіи Мирмидоновъ стоить, наконецъ, обратить вниманіе и на разногласіе, заключающееся въ томъ, что, по однимъ, до появленія Мирмидоновъ въ странѣ не было людей, между тѣмъ какъ, по другимъ, люди были уже и раньше, но вымерли вслѣдствіе чумы. Если бы мы пожелали прослѣдить съ нѣкоторымъ вниманіемъ подробности этого описанія, то легко убѣдились бы, что и въ немъ отразились мнѣн о небесныхъ свѣтилахъ. Изъ сличенія съ другими аналогичными преданіями о всемірныхъ *потопax* и всемірныхъ *пожарахъ* оказалось бы, что и въ этихъ послѣднихъ говорилось первоначально о сибѣи дня и ночи, преимущественно о гибели звѣздъ въ волнахъ или въ пламени *Океана-солнца*, который, какъ источникъ всеобхватывающаго небеснаго свѣтоваго моря, успѣлъ рано превратиться въ источникъ всѣхъ водъ вообще, какимъ мы его встрѣчаемъ уже въ слѣдующемъ мѣстѣ Илиады, въ многозначительномъ сопоставленіи съ *Зевсомъ*, и съ другимъ представителемъ такого же, какъ онъ самъ, источника, — *Ахелоя*:

... «не возможно сражаться съ Броніономъ *Зевсомъ*.
 Съ нимъ Громовержцемъ ни царь *Ахелой* не дерзаетъ равняться;
 Ни могуществомъ страшный сѣдой *Океанъ безпредѣльный*;
Тотъ изъ котораго всякій источникъ, и всякое море,
Рѣки, ключи и глубокіе кладязи все истекаютъ»...

(Переводъ Н. Гнѣдича)^{154а}).

Дальше мы убѣдились бы, что и эти преданія о потопaxъ и пожарахъ, точно такъ же, какъ и философскія ученія о *періодическомъ разрушеніи и возсозданіи міра*, напоминаю-

названіемъ солнца, см. выше стр. 22 примѣч. 34. Мы замѣтили также (см. въ томъ же примѣч.), что *κόσμος*, въ множ. ч., означало звѣзды. Уматривая въ посвянныхъ Кадмомъ «вооруженныхъ», т. е. «сіяющихъ» Кадміихахъ, предкахъ Фиванцевъ, именно эти *κόσμοι*, я считаю возможнымъ сблизить ихъ и съ тѣмъ названіемъ *κόσμος*, которое давалось высшимъ должностнымъ лицамъ на островѣ Критѣ. Aristot. Pol. II 7 (10), 3. На мнѣн о Кадмѣ и посвянныхъ имъ зубахъ змѣя мы, впрочемъ, еще остановимся.

^{154а}) Iliad. XXI 193—197.

щія собою чередованіє «поколѣній» у Исіода, связаны тѣснѣйшимъ образомъ съ преданіями о происхожденіи рода человѣческаго. Такимъ образомъ оказалось бы, что и разногласіе относительно того, была ли Эгипа заселена, до появленія Мирмидоновъ, или нѣтъ, не должно считаться случайнымъ, а имѣеть, напротивъ, весьма глубокое основаніе въ исторіи образованія мифическихъ воззрѣній разсматриваемой категоріи.

Но относительно этого обстоятельства мы можемъ пока ограничиться высказанными намеками. Здѣсь для насъ важно было убѣдиться только, что, по крайней мѣрѣ у Грековъ, преданія о происхожденіи рода человѣческаго отъ дерева не только не противорѣчатъ другимъ указаніямъ на счетъ первоначальной идентичности «первыхъ людей» съ звѣздами, но, напротивъ того, могутъ служить лишь лучшимъ ихъ подтвержденіемъ.

И въ преданіяхъ другихъ народовъ—представленіе о происхожденіи людей отъ дерева распространено, какъ извѣстно, по всему міру—трудно найти что-либо противорѣчащее нашему выводу¹⁵⁵). Въ Эддѣ, правда, протцомъ людей является «Ясень», *Ask*. Но это не означаетъ однако отождествленія людей съ деревьями, а служитъ только выраженіемъ того воззрѣнія, которое мы встрѣтили и у Грековъ, — что люди «произошли» отъ ясеня. А что, собственно, слѣдуетъ понимать подъ этимъ «происхожденіемъ», поясняетъ цѣлая масса

¹⁵⁵) *Zeitschr. f. d. Mythol.* II (1855) стр. 345: Die kinder werden aus dem hohlen *eschenbaume*, der bei dem schieszstande steht, geholt, oder sie rinneu auf dem wasser daher (Bruneck). Die kinder wachsen auf der *Mut* (einem berge) *an den bäumen* und werden von der hebamme ins thal getragen (Meran). IV (1859) стр. 140: Weit, weit im meere da steht *ein baum*, bei diesem wachsen die kleinen kinder, sie sind mit einer schnur an dem baume angewachsen. wenn das kind reif ist, so reisst die schnur ab, und das kind schwimmt fort . . . (Trumau [въ нижн. Австріи]). *Serp Altbayrischer Sagenschatz* (1876) стр. 125: Wie es Frau Hollenbrunnen gibt, so auch *Frau Hollenbäume*, wovon die Kleinen kommen . . . In Aargau heisst ein solcher hohler Stamm der *Kindlibirnbaum*. Ср. тамъ же стр. 611 и E. L. *Rochholz* Schweizer sagen aus dem Aargau I (1856) стр. 87.—См. также W. Wackernagel Die Anthropogonie der Germanen въ *Zeitschr. f. deutsch. Alterth.* VI (1848) стр. 15 сл.

преданій о разннхъ, между прочнхъ, и *плодомосныхъ* деревьяхъ (Kindlibirnbaum и т. п.), являющихся вмѣстнлицемъ младенцевъ — очевидно вмѣсто прежняго непосредственнаго отождествленія дѣтей съ *плодами*, какъ оно сохранилось еще и въ извѣстной поговоркѣ, что въ Саксонн дѣвушки «растутъ на деревьяхъ»: In Sachsen, wo die die hübschen Mädchen auf den Bäumen wachsen.

На счетъ повсемѣстной примѣнимости такого пониманія преданій о происхожденн людей отъ дерева можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣнне, сколько мнѣ извѣстно, только слѣдующнй мнѣ сѣвероамериканскаго племени Сіу: Маниту сдѣлалъ первую пару людей изъ глины и воткнулъ ихъ ногами въ землю, такъ-что, пустивши корни, они долго оставались на мѣстѣ, въ видѣ двухъ громаднхъ деревьевъ, до тѣхъ поръ, пока змѣя не перегрызла корни, вслѣдствіе чего эти первые люди получили возможность свободнаго движенія¹⁵⁶). Но тутъ мы имѣемъ, вѣроятно, комбинацію двухъ возрѣннй, весьма распространеннхъ и у Инднйцевъ: о происхожденн людей отъ дерева и о происхожденн изъ глины, что, въ свою очередь, можетъ считаться комбинаціею мнѣовъ о происхожденн изъ земли и изъ воды; такъ-что, въ виду уже этой вѣроятной сложности мнѣа, онъ едва-ли можетъ служить прииѣромъ первобытнаго возрѣння. Между тѣмъ у другихъ племенъ имѣются преданія, краснорѣчиво говорящія въ пользу мнѣологическаго отождествленія людей съ небесными свѣтнлами. Таково напр. преданне карайбскаго племени Таманаконъ у р. Ориноко: Отъ всемірнаго потопа спаслись на вершинѣ высокой горы Таманаку мужчина и женщина, которые, бросая позади себя, черезъ голову, сѣмена маврыкневой пальмы, произвели такимъ образомъ новое

¹⁵⁶) См. J. G. Müller Geschichte der Americanischen Urreligion ²(1867) стр. 109 сл., гдѣ цитируется Catlin Lettres and Notes on the Manners, Customs and Condition of the North America Indians ²(1842) стр. 289. Ср. L. Freytag Zur Mythologie der nordamericanischen Indianer (1877) стр. 24.

поколѣніе людей¹⁵⁷). Нельзя не сравнить этотъ мифъ съ извѣстнымъ греческимъ преданіемъ о созданіи людей *Декаліономъ* и *Пиррою*. Декаліонъ и Пирра, единственные уцѣлѣвшіе отъ *Декаліонова потопа* люди, — очевидно, солнце и луна, какъ единственныя свѣтила, не утопающія въ морѣ дневнаго свѣта, производимаго самимъ солнцемъ (Декаліономъ). Согласно велѣнію *Зевса* (солнца) или *Θεμиды* (луны), они, *покрывъ свои золовы*, т. е. становясь невидимыми, исчезая съ неба (объ этой чертѣ мы уже говорили выше на стр. 47 сл.), *бросаютъ позади себя, вверхъ, черезъ золову, «кости великой родительницы»* — камни, которые немедленно превращаются въ людей¹⁵⁸). Не есть ли это точное, до мельчайшихъ подробностей, описаніе появленія звѣздъ послѣ солнечнаго заката? «Кости» являются въ мифахъ вообще очень часто въ значеніи звѣздъ. Такъ напр. звѣздное небо, въ видѣ покрытаго костями пола, мы имѣемъ одинаково въ гомеровскомъ описаніи острова *Сиринъ* (см. выше стр. 23), какъ и въ сказкѣ о *Ерусалнѣ Залазаровичъ*. Вспомнимъ, кстати, что и *Баба-Ля* «катается на человѣческихъ костяхъ»¹⁵⁹). Усматривая въ Ягѣ луну, я отождествляю съ нею и «великую родительницу», о которой говоритъ приведенный мифъ; т. е. я полагаю, что подъ «костями великой родительницы» понимались

¹⁵⁷) I. G. Müller укр. соч. стр. 229.

¹⁵⁸) Apollod. I 7, 2. 6: καὶ, Διὸς εἰπόντος, ἔπερ κεφαλῆς αἴρων ἔβαλε λίθους καὶ οὗς μὲν ἔβαλε Δευκαλίων ἄνδρες ἐγένοντο· οὗς δὲ Πύρρα, γυναῖκες. Ο v. Mot. I 381 (Θεμίδα велитъ Декаліону и Пиррѣ):

«Discedite templo

*Et velate caput, cinctasque resolvite vestes,
ossaque post tergum magnae iactate parentis».*

Discedere templo означало первоначально «сойти съ неба», какъ можно заключать и изъ ст. 388:

*Descendant, velantque caput, tunicasque recingunt,
et iussos lapides sua post vestigia mittunt.*

Ср. и проч. Serv. ad Verg. Aen. I 92: Templum dicitur locus manu auguris designatus in aëre post quem factum illico captantur auguria.

¹⁵⁹) См. Этологич. и мифологич. замѣтки I стр. 78 и выше стр. 9 сл. примѣч. 13

первоначально звѣзды, какъ *принадлежность луны*;—тѣмъ болѣе, что, въ виду постояннаго смѣшенія въ мифахъ луны съ землею, такому предположенію вовсе не мѣшаетъ и то обстоятельство, что подъ «великой родительницей» понималась впоследствии «мать земля», а подъ ея «костями»—простые камни.

Есть, наконецъ, у разныхъ народовъ и такіе мифы, въ которыхъ прямо говорится, что звѣзды люди¹⁶⁰⁾. Изъ числа такихъ мифовъ для нашей цѣли особенно поучительно слѣдующее преданіе бенгальскаго племени *Хасія* (т. е. «Сіяющихъ»? ср. прежнее имя города Бенаресъ, *Kasi* = «Сіяющая»): Звѣзды были прежде людьми. Они взобрались однажды на верхушку дерева. Между тѣмъ другіе, внизу, перерубили стволъ дерева, и заставили ихъ, такимъ образомъ, вѣчно оставаться на вѣтвяхъ этого дерева. Тутъ, какъ справедливо замѣчаетъ и Тейлоръ, приводящій въ своей «Первобытной культурѣ» этотъ мифъ въ числѣ примѣровъ отождествленія людей со звѣздами, мы имѣемъ въ этомъ звѣздномъ деревѣ то самое *небесное дерево*, которое встрѣчается въ мифахъ столь многихъ народовъ, и котораго значеніе мы старались выяснитъ преимущественно на основаніи данныхъ греческой мифологіи.

Итакъ, все ведетъ къ тому заключенію, что преданія о происхожденіи отъ дерева основаны на смѣшеніи или отождествленіи «небесныхъ людей» съ земными. Мимоходомъ мы уже коснулись и такихъ данныхъ, которыя заставляютъ предполагать такое же основаніе и въ преданіяхъ о происхожденіи людей изъ «воды» и изъ «земли». Понималась ли первоначально подъ «водою» «небесная вода» и подъ «землею» «небесная земля», т. е. луна—что считаю возможнымъ доказать,—

¹⁶⁰⁾ E. B. Tylor *Primitive Culture* I (1871) стр. 263: «Savage mythology contains many a story of them [the stars], agreeing though all other difference in attributing to them animate life. They are not merely talked of in fancied personality, but personal action is attributed to them, or they are even declared once to have lived on earth. Слѣдуютъ примѣры, въ томъ числѣ и приведенный нами въ текстъ, съ ссылкой на R. G. Latham *Descriptive Ethnology* I (1859) стр. 119.

или же рѣчь шла просто о кажущемся восхожденіи звѣздъ изъ моря или изъ земли, смотря по географическому положенію мѣстностей, въ которыхъ слагались данные мнѣя, — это, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, безразлично; ибо въ томъ и другомъ случаѣ «люди» должны были одинаково означать звѣзды¹⁶¹⁾.

Остается развѣ только еще вопросъ, чтѣ означаетъ «скала», такъ часто упоминаемая вмѣстѣ съ «деревомъ». Но, кажется,

¹⁶¹⁾ Въ дополненіе къ тому, что указано выше стр. 57 примѣч. 94, на счетъ смѣшенія луны съ землею, можно привести еще и слѣдующія мѣста, свидѣтельствующія о томъ, что луна называлась «небесной» или «олимпійскою землею». Plut. De def. orac. 13: Μικτόν δὲ σῶμα καὶ μίμημα δαιμόνιον ὄντως τὴν πάλην . . . ὀρῶντες, οἱ μὲν ἄστρον γεώδες [Stob. Ecl. 550: Θαλῆς γεώδη τὴν πάλην ἀπερήνωτο], οἱ δ' Ὀλυμπίαν γῆν, οἱ δὲ χθονίας ὁμοῦ καὶ οὐρανίας κλήρον Ἐκάρτης προσέειπον. De facie in orbe lunae 21, 14: . . . τὸ δὲ γῆ; ὄνομα παντὶ που φίλον Ἑλλήνι καὶ τίμιον, καὶ πατρῶν ἡμῶν ὡσπερ ἄλλον τινὰ θεὸν σέβεσθαι. πολλοῦ δὲ δέομεν ἰνὸς τοιοῦτο τὴν σελήνην, γῆν οὕσαν Ὀλυμπίαν, ἄψυχον ἡγεῖσθαι σῶμα καὶ ἕνουν καὶ ἄμοιρον ὦν θεῶς ἀπάρχεσθαι προσήκει . . . Procl. in Tim. III p. 154: Γῆ μὲν γὰρ αἰθερία ἢ σελήνη· τοῦτο μὲν οὖν καὶ ὁ θεολόγος [т. е. Орфей] εἶρηκε σαφῶς:

Μήσατο δ' ἄλλην γαίαν ἀπέριτον, ἦντε σελήνην

ἀθάνατοι κλήζουσιν, ἐπιχθόνιοι δὲ τε μήνην·

ἢ πόλλ' οὐρε' ἔχει, πόλλ' ἄστεα, πολλὰ μέλαθρα.

Тамъ же IV p. 283: Τὴν μὲν γὰρ σελήνην γῆν εἰῶθαι καλεῖν, ὡς τοῦτον ἔχουσαν τὸν λόγον πρὸς τὸν ἥλιον ὃν ἢ γῆ πρὸς τὸ πῦρ. V p. 292: ἔστι γὰρ καὶ ἐν γῆ οὐρανὸς καὶ ἐν οὐρανῷ γῆ, καὶ ἐνταῦθα μὲν ὁ οὐρανὸς χθονίως ἐκεῖ δὲ οὐρανίως ἢ γῆ. Καὶ γὰρ οὐρανίαν γῆν τὴν σελήνην ὁ Ὀρφεὺς προσηγόρευσεν. Ср. I p. 45: τὴν σελήνην παρ' Ἀιγυπτίους αἰθερίαν γῆν καλεῖσθαι Πορφύριος λέγει. Plut. Apol. Socr. 14 p. 26: Μ.—τὸν μὲν ἥλιον λίθον φησὶν [Σωκράτης] εἶναι, τὴν δὲ σελήνην γῆν. Σ. Ἀναξαγόρου οἰεῖ κτηγορεῖν . . . Macrobi. Somn. Scip. I 11 p. 53: . . . atque ideo inter lunam terrasque locum mortis et inferorum vocari, ispatque lunam vitae esse mortisque confinium, et animas inde in terram fluentes mori, inde ad supra meantes in vitam reverti, non immerito existimatum est [въ севостѣ лежало, очевидно, представлено о звѣздахъ] . . . denique illam aetheream terram physici vocaverunt et habitatores ejus lunares populos nuncuparunt. Ср. Fabricius Bibliotheca graeca I^a (1790) стр. 176 и Lobeck Aglaoph. I стр. 500, гдѣ указана и литература по поводу этихъ мѣств. О существованіи святилища «Олимпійскою Землю» въ Аѳинахъ свидѣлствуютъ Plut. Thea. 27, 11 и Paus. I 18, 7 (τέμενος Γῆς ἐπὶ κλητὴν Ὀλυμπίας). Относительно пребыванія душъ на лунѣ, съ приведеннымъ мѣстомъ Macrobius можно сравнить еще назъ числа греческихъ свидѣтельствъ Porphyg. De antro nymph. 29: Δύο δὲ στόμια Πλάτων φησὶ [De republ. X 13 p. 614], δι' οὗ μὲν ἀναβαίνόντων εἰς οὐρανόν, δι' οὗ δὲ κατιόντων εἰς τὴν καὶ τῶν θεολόγων

что уже на основаніи тѣхъ мифовъ, которые нами рассмотрѣны, мы можемъ заключить съ значительною вѣроятностью, что подѣ «скалою» понималось первоначально или солнце, или луна. Такъ-какъ для насъ здѣсь вовсе не существенно, которому изъ этихъ двухъ предположеній слѣдуетъ дать предпочтеніе, — тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, оба одинаково основательны и умѣстны: то изъ безчисленнаго множества относящихся къ этому вопросу данныхъ я позволю себѣ ограничиться здѣсь только указаніемъ на народное повѣрье, по которому изъ стараго солнечнаго свѣта образуются мѣсяцы, а изъ старыхъ мѣсяцевъ звѣзды¹⁶²). По поводу же того, что небесныя свѣтила назывались «скалами», замѣтимъ, что такое значеніе имѣли не только «камни», превращающіеся въ «людей», (соотвѣтственно чему и «люди», наоборотъ, превращаются часто въ «камни», — «окаменѣваютъ») и каменные (или металлическіе) «диски» и «утесы», бросаемыя обыкновенно героями и исполнителями на чрезвычайно далекое разстояніе (напр. *Одиссея* у Фэаковъ, въ VIII-ой кн. Одиссеи, и *Киклопомъ Полифимомъ*, въ IX-ой), но и «вершины горъ» и даже просто

πόλας ψυχῶν ἤλιον τιθέντων καὶ σελήνην· καὶ διὰ μὲν ἡλίου ἀνιέναι, διὰ δὲ σελήνης κατέβαιναι. Сюда относится и приписываемое Пифагору мнѣніе, что «острова блаженныя» — солнце и луна, Jambl. De vita Pythag. 18, 82: τί ἐστὶν αἱ μακάρων νῆσοι; ἥλιος, σελήνη.

¹⁶²) И. Снегиревъ Русскіе въ своихъ пословицахъ IV (1834) стр. 41: «Между простодушными существуетъ повѣрье, что старыя мѣсяцы Богъ прошиваетъ на звѣзды». Grimm K. u. Hausm. III° (1856) стр. 46: Voss in seiner Abhandlung über die alte Weltkunde gibt folgende Bruchstücke: «die Spinnmädechen erzählen von einem jungen Schneidersgesellen, der . . . das Ende der Welt erreichte. Er fand sie nicht, wie die gewöhnliche Meinung ist, mit Brettern vernagelt, durch deren Fugen man die heiligen Engel mit wetterbrauen, Blitzschmieden, Verarbeitung des alten Sonnenscheins zu neuem Mondlichte und des verbrauchten Mond- und Sternenscheins zu Nordlichtern, Regenbogen und hellen Dämmerungen der Sommernächte beschäftigt sieht. . . (Впрочемъ, пословица твердитъ: die Welt ist nirgend mit Brettern vernagelt, т. е., она отрицаетъ, какъ это часто дѣлаютъ пословицы, болѣе старинное воззрѣніе). Ср. Wander D. Sprichw. V [1880] стр. 166 № 219). Schwartz Die poet. Naturansch. I стр. 155: . . . der bekannte Volksscherz, nach welchem der liebe Herrgott aus den alten Monden Sterne schneidet.

«оры» и цѣлыя «острова», которые нерѣдко являются, вслѣдствіе этого, подвижными, каковы напр. въ Одиссеѣ: «Блуждающія скалы» (πλαγκταὶ πέτραι, то же, что и «Толкучія скалы», Συμπληγάδες, συνδρομάδες πέτραι); гора *Осса*, взваливаемая *Отомъ* и *Эфіалтомъ* на гору *Олимпъ*, и *Пиліонъ* взваливаемый на *Оссу*¹⁶³); «пловучій островъ» *Эола* и превращенный на морѣ въ скалу *корабль Фэаковъ*, который, такимъ образомъ, бывши прежде «пловучимъ», подобно множеству другихъ острововъ, о которыхъ сохранились подобныя преданія, превращается, такъ сказать, на нашихъ глазахъ въ простой неподвижный островъ¹⁶⁴). Особенно поучительно описаніе Эо-

¹⁶³) Относительно *Оссы* мы уже замѣтили выше (стр. 28 примѣч. 42), что слово женскаго рода *ὄσσα*, «заря», получившее и. проч. и значеніе «молны», было первоначально однимъ изъ названій луны. Отсюда вытекаетъ съ значительною вѣроятностью, что въ мужскомъ имени «*Олимпъ*» и въ несомнѣнно производномъ отъ мужскаго «*Пиліонъ*» скрываются названія солнца. Съ Πήλιον ἴσος ср. Πηλεὺς и Πηλείων=Ἀχιλλεύς. Въ виду этого для насъ не лишено миеологическаго значенія, что говорится о *Пиліонскомъ леснѣ* Iliad. XVI 140—141 (ср. XX 388—391):

. . . ἔγχος . . .

βριθὺ μέγα σπιβαρόν· τὸ μὲν οὐ δύνατ' ἄλλος Ἀχαιῶν
πᾶλλειν, ἀλλὰ μιν οἶος ἐπίστατο πῆλαι Ἀχιλλεύς,
Πηλιάδα μελίην, τὴν πατρὶ φίλω πόρῃ Χείρων
Πήλιον ἐκ κορυφῆς, φρόνον ἔμμεναι ἠρόφασιν.

И XXII 133: [Ἀχιλλεύς . . .]

σείων Πηλιάδα μελίην κατὰ δεξιὸν ὤμων
θεινὴν ἄμφι δὲ χαλκὸς ἐλάμπετο εἰκελὸς αὐτῆ
ἢ πυρὸς αἰδομένου ἢ ἡελίου ἀνιόντος.

Ома (Ἦτος). т. е. «Ушатый» (ср. ὠτίεις и то, что сказано нами о *Мидземъ*, выше стр. 34 примѣч. 52) и *Эфіалтъ*, т. е. «Наскакивающий», «Настигающій» были, безъ сомнѣнія, первоначально только разными названіями солнца. Это можетъ служить дополненіемъ къ тому, что мною уже высказано о нихъ въ Этологич. и миеологич. замѣткахъ на стр. 75 и сл. въ примѣч. 43, гдѣ я старался указать на отношеніе миеа о нихъ къ представленію о (солнечной) мельницѣ. — По поводу того, что, по Гомеру (Odys. XI 316), они взваливаютъ горы одну на другую, ἴν' οὐρανὸς ἀμβατὸς εἶη, ср. выше стр. 60.

¹⁶⁴) О *корабль Фэаковъ*, на которомъ возвратился на родину *Одиссей*, и который, слѣдовательно, идентиченъ вообще съ кораблями солнечныхъ героевъ (первоначально этотъ корабль — луна), извѣстно, что Посидонъ, превративъ его въ скалу во время *ялавамія*, *утвердилъ* (собств. «укоренилъ») его въ морѣ, Odys. XIII 161:

лова острова, въ самомъ началѣ X-ой пѣсни Одиссеи. «И прибыли мы къ острову Эолии. Тамъ жилъ Эоль, сынъ Иппота, другъ безсмертнымъ богамъ — на *пловучемъ островѣ*. Вокругъ всего острова была стѣна иждная, несокрушимая, *вверхъ же пошла [дословно: «взбѣжала»] гладкая скала»* — *λισσὴ δ' ἀναδέδρομε πέτρη*. Это мѣсто, особенно въ сопоставленіи съ описаніемъ, въ XII-ой пѣснѣ, *достигающей неба* «гладкой скалы», въ которой живетъ Скилла, позволяетъ догадаться, какимъ образомъ идущія вверхъ камни и скалы могли превращаться въ *достигающія небеса* юры и въ под-

. . . ἡ δὲ μάλα σχεδὸν ἤλυθε ποταπόρος νηθεῖ
ῥίμφο διακομένη τῆς δὲ σχεδὸν ἦλθ' ἐνοσίχθων.
 ὅς μιν λαὸν ἔθρεε, καὶ ἐρρίψωσεν ἔνερθεν . . .

Съ этимъ ср. м. проч., что говорятъ Пиндаръ объ островѣ Дилосѣ, fr. 64 cl. ed. Bergk p. 308:

. . . πόντου θύγατερ, χθονὸς εὐρείας ἀκίνητον τέρας, ἄντε βροτοί
 Δῶλον κυλιήσκουσιν, μάκαρες δ' ἐν Ὀλύμπῳ τηλέφαντον *κυανέας χθονός*
 ἄστρων . . .

ἦν γὰρ τοπάροιθε φορητὰ κυμάτεσσιν παντοδαπῶν τ' ἀνέμων
 βλασταίν' ἀλλ' ἂ Κοιογενὴς ὀπότη' ὠδίνεσσι θυοῖσ' ἀρχιτόκοις ἐπέβα νιν,
 δὴ τότε τέσσαρες ὄρθαί
πρέμνων ἀπώρουσαν χθονίων,
 ἐν δ' ἐπιράνοις *σχεδὸν πέτραν ἀδαμαντοπέδιλοι*
 κίονες . . .

Всѣ названія подобнаго рода «пловучихъ» острововъ (сюда же, конечно, относятся и острова, *исчезающіеся* въ морѣ, и *исчезающіе* въ немъ): Эолиа (Αἰολία, «Быстрая», то же, что и названіе страны Αἰολίς), Астерія (Ἀστερία, «Звѣздная», прежнее названіе Дилоса; въ Одиссеѣ IV 844 слл. Ἀστερίς—островъ, гдѣ выжидаютъ Тилемаха, т. е. солнце, Пикелонины жевихи, т. е. окружающія луны звѣзды), Атлантѣида (Ἀτλαντίς, т. е. островъ Атланта, въ которомъ мы узнаемъ солнце), Дилосъ (Δῖλος, «Свѣтлая»), Леска (Λευκή, «Бѣлая»), Нел (Νέα, «Новая»), Ортинія (Ὀρτυγία, «Перепелка», провинція Артемиды), Хриса (Χρυσή и Χρυσή, «Золотая», эпитетъ Афродиты), и др., — всѣ эти названія обозначали первоначально луны. Вслѣдствіе представленія луны кораблемъ съ бортомъ ср. ἔκρη въ описаніи Одиссеѣва *плота*, Odyss. V 252), отчасти же подъ вліяніемъ того, что серповидная луна представлялась сіяющимъ валомъ, нѣкоторые изъ этихъ острововъ окружены *«мидными валомъ»* или вообще *стѣною*. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что множество такого рода мнѣстескихъ чертъ перешло и въ представленія о *землѣ*, замѣвншей въ мнѣахъ луны: она «пловучій островъ», имѣетъ «корни», окружена «стѣною», «виситъ на воздухѣ» и т. д.

держивающие небо столбы. Встать замѣтимъ, что представленіе о движеніи свѣтилъ *вверхъ* и *внизъ*, столь наглядно отразившееся въ гомеровскомъ разсказѣ, въ XI-ой пѣснѣ Одиссеи, о «безстыжемъ камнѣ», который, будучи вѣчно вскатывается *Сисифома* съ большимъ трудомъ на вершину горы, постоянно катится опять внизъ,—что это представленіе, постоянно вызывая въ мнѣяхъ употребленіе двухъ выраженій рядомъ: «скала, идущая вверхъ» и «скала, идущая внизъ», повело и проч. и къ тому, что, вмѣсто одной скалы, стали являться нередко двѣ, близко другъ отъ друга расположенныя скалы или горы, изъ которыхъ одна *выше*, другая *ниже*. Примѣромъ изъ Одиссеи могутъ служить двѣ скалы, обитаемныя мнѣологически несомнѣнно идентичными существами — представительницами луны, *Скиллою* и *Хариодой*: одна изъ этихъ скалъ своею вершиною «достигаетъ неба», и «смертному человѣку не взобраться на нее и не сойти внизъ по ней, если бы даже у него было двадцать рукъ и ногъ, ибо скала—гладкая»; «другая—ниже»; обѣ онѣ стоятъ «близко другъ отъ друга»—не дальше, какъ на выстрѣль изъ лука¹⁶⁵).

¹⁶⁵) Привожу слова оригинала, отмѣчая курсивомъ тѣ выраженія, которыми свидѣтельствуетъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о солнечной горѣ (какова напр. *Олимпъ*), а о лунной,—*Odys. XII 73*:

Οἱ δὲ δῶα σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εὐρὺν ἰκάνει
 δξίη κορυφῆ, νεφέλη δὲ μιν ἀμφιβέβηκεν
 κενυρή· τὸ μὲν οὐρατ' ἔρει, οὐδὲ ποτ' αἰθήρη
 κείνου ἔχει κορυφὴν οὐτ' ἐν θέρει οὐτ' ἐν σπῆρῳ·
 οὐδέ κεν ἀμβατή βροτὸς ἀνὴρ, οὐ καταβατή,
 οὐδ' εἰ οἱ χεῖρες τε ἑτακοὶ καὶ πόδες εἴεν·
 πέτρα γὰρ λῆς ἐστὶ, περιφροσῆ εἰκυσία,
 μέσσω δ' ἐν σκοπέλῳ ἐστὶ σπέος ἠεροειδές,
 πρὸς ζόφον εἰς Ἐρεβος τετραμμένον . . .
 Τὸν δ' ἕτερον σκόπελον χθαμαλώτερον ὄψει, Οδυσσεύ,
 πλησίον ἀλλήλων· καὶ κεν διοῖστέουσιαι.

Впрочемъ, и въ словахъ *οὐδέ κεν ἀμβατή — πόδες εἴεν* сохранилось интересное мнѣологическое указаніе: это слѣдъ мнѣовъ, съ которыми мы уже отчасти познакомились выше (стр. 59 сл.), о небесныхъ свѣтилахъ, какъ о *многорукыхъ* и *многоножныхъ* существахъ, съ приближеніемъ черты, на которую мы сейчасъ указывали, — *ожожденія вверхъ* и *смыс* (*ἀμβατή—катаβατή*). Что же касается

Но для нашей цѣли нѣтъ необходимости останавливаться дальше на этихъ вопросахъ. Что «скала» въ разсматриваемыхъ нами мифахъ должна была означать одно изъ свѣтилъ, луну или солнце, — вѣроятно уже и безъ того. Кажется, что уже указанною *возможностью* перехода этой скалы въ появляющуюся на небесномъ морѣ «гору» или въ «островъ», мы можемъ ограничиться для того, чтобы, въ заключеніе этого экскурса о происхожденіи рода человѣческаго, сослаться, какъ на подтвержденіе нашего вывода, на мифіе, приписываемое Пиеагору: «*Что такое острова блаженныхъ? Солнце, луна*». Кому бы изъ древнихъ мыслителей ни принадлежало, въ дѣйствительности, это изреченіе, во всякомъ случаѣ разсмотрѣнными нами данныя позволяютъ утверждать, что оно имѣетъ свое основаніе въ преданіяхъ глубочайшей древности.

Теперь, возвращаясь опять къ антропоморфическимъ изображеніямъ борьбы небесныхъ свѣтилъ, мы могли бы, по отношенію къ мифамъ Одиссеи, высказать уже съ нѣкоторою смѣлостью слѣдующее положеніе, опредѣляющее, въ сущности, мифологическое значеніе всей Одиссеи: всѣ отношенія *Одиссея* къ болѣе или менѣе многочисленному количеству другихъ лицъ: его борьба съ *Киконами*, посѣщеніе *Лотофоговъ*, бѣгство отъ *Лэстригоновъ*, залѣпливаніе воскомъ ушей *товарищей* и окончательная потеря этихъ послѣднихъ, состязаніе съ *Феаками*, избіеніе *жениховъ*, повѣшеніе *слугъ*, — всё это не что иное, какъ разныя версіи одного, въ сущности, мифа объ отношеніи *солнца* къ *звѣздамъ*. Но уместнѣе будетъ остановиться на этомъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ рѣчь будетъ о взаимномъ *параллелизмѣ* частей Одиссеи, какъ о явленіи, ознакомленіе съ которымъ ведетъ непосредственно къ единственному строго

до утверждаемой мною идентичности обѣихъ скалъ, то я буду еще имѣть случай подтвердить ее аналогіею мифовъ о двухъ являющихся обыкновенно вмѣстѣ и нерѣдко одноименныхъ герояхъ, которые отличаются, въ сущности, только тѣмъ, что одинъ изъ нихъ *больше* ростомъ, другой *меньше*.

научному примѣненію *сравнительнаго метода* къ изученію мифовъ. Зато здѣсь мы еще коснемся нѣкоторыхъ мифовъ, имѣющихъ болѣе прямое отношеніе къ мифу о *журавляхъ и Пигмеяхъ*, который формально послужилъ исходною точкою нашего изслѣдованія, такъ какъ именно для его поясненія понадобились настоящія сопоставленія разныхъ видовъ преданія о борбѣ мифическихъ существъ.

Мифъ о борбѣ журавлей съ Пигмеями принадлежитъ къ той категоріи мифовъ, въ которой являются борющимися два войска — безъ предводителей. Выше, рядъ примѣровъ убѣдилъ насъ въ возможности появленія такихъ мифовъ путемъ слѣдующаго рода осложненія: солнечный герой, сражаясь со звѣзднымъ войскомъ, является въ то же самое время самъ предводителемъ звѣзднаго войска, откуда, съ теченіемъ времени, при забвеніи идентичности поражаемаго и предводительствуемаго войска, получается борба двухъ войскъ. Но можно указать еще и на другія обстоятельства, вызывающія иногда даже болѣе непосредственно такую же форму мифа. Примѣромъ можетъ прежде всего служить мифъ о *Кадмѣ*, котораго мы уже коснулись выше, въ экскурсѣ объ антропологическихкихъ преданіяхъ.

Предъ *Кадмомъ*, т. е. солнцемъ, выросло изъ земли, изъ носѣянныхъ туда зубовъ дракона, цѣлое войско *вооруженныхъ воиновъ*, т. е., какъ мы это уже пояснили, — сіяющихъ звѣздъ. Между этими воинами немедленно завязывается ожесточенный бой, въ которомъ они гибнутъ всѣ, — за исключеніемъ лишь весьма немногихъ, которыхъ преданіе заставляетъ уцѣлѣть, очевидно, только для того, чтобы выставить ихъ предънами *Оиванцевъ*, придавъ имъ, соотвѣтственно тому, солнечныя имена: *Эрионъ* и *Креонтъ*, приблизительно тоже, что «Владыка», «Царь» ('Εχίων, Κρέων; ср. 'Εχέδημος и т. п.; 'Εχτωρ; 'Εχέτος, «царь, губитель всѣхъ смертныхъ», въ *Одиссеевѣ*), *Удэй* и *Катахеоній* «Подземный» (Οὐδαῖος, Καταχθόνιος, — эпитеты *Зевса-Плутона*), *Ипериноръ* и *Пелоръ*, «Сверхчеловѣчный», «Исполинскій» ('Υπερῆνωρ — ж. проч. сынъ *Посидона*;

въ Одиссеѣ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей солнца, сынъ Посидона Киклопъ Полифимъ, называется Πέλωρ, ἀδερμ-
στια εἰδώς, т. е. = βλαρηνόρεων). Въ параллельномъ мнѣ о
такихъ же вооруженныхъ войнахъ, выросшихъ изъ посвященныхъ
Иасономъ драконовыхъ зубовъ, *есть* эти войны *помбаются*, *безъ*
*исключенія*¹⁶⁶⁾. Въ числѣ дошедшихъ до насъ версій этихъ
мнѣовъ особенно интересны для насъ тѣ, въ которыхъ не только
ничего не говорится о непосредственномъ участіи солнечныхъ
героевъ Кадма, или Иасона въ избіеніи этихъ вырастающихъ
изъ земли звѣздныхъ полчищъ, а напротивъ, даже прямо отри-
цается такое участіе. По Овидію, когда Кадмъ, испуганный
появленіемъ «созданнаго землею народа», хотѣлъ было уже
взяться за оружіе, то одинъ изъ нихъ приостановилъ его сло-
вами: «Не выѣшивайся въ междоусобную войну!»; и затѣмъ
они немедленно гибнутъ отъ «взаимно нанесенныхъ ранъ» —
*suo Marte*¹⁶⁷⁾.

Впрочемъ, употребленіе, въ этихъ послѣднихъ словахъ,
имени бога войны въ *переносномъ* значеніи («сраженіе»)
представляетъ собою одинъ изъ изящнѣйшихъ примѣровъ остро-
умнаго приема, весьма часто употребляемаго древними писате-
лями: отвергать или, точнѣе, опровергать извѣстное пониманіе

¹⁶⁶⁾ На счетъ идентичности *Кадма* и *Иасона* ср. K. O. Müller *Orcho-
menos und die Minyer* ²(1844) стр. 260 слх.

¹⁶⁷⁾ О v. Met. III 115:

Territus hoste novo Cadmus capere arma parabat:
«Ne cape» de populo, quem terra creaverat, unus
exclamat «nec te civilibus insere bellis»;
atque ita terrigenis rigido de fratribus unum
cominus ense ferit. iaculo cadit eminus ipse . . .
Exemploque pari furit omnis turba, suoque
marte cadunt subiti per mutua vulnera fratres.

Ср. *Apollo d.* III 4, 1, 4; *Hug. Fab.* 178; *Schol. Eur. Phoen.* 657 и
672. О войнахъ, посвященныхъ *Иасономъ*, *Serv. in Verg. Georg.* II 141: . . .
unde nati armati sunt, qui primum fecerant impetum in Iasonem frustra:
postea mutuis se vulneribus considerunt. — Иные изображаютъ дѣло такъ,
что Иасонъ довершилъ избіеніе: *Apollo n. Rhod. Argon.* III 1373—1401;
Apollo d. I 9, 23, 11.

ица, или известную версію его, безъ всякой полемикн, — просто посредствомъ передачи инаа такими словами, которыя, воплиъ согласуясь съ данною версію *формально*, вносятъ въ нее однако, *въ сущности*, иногда даже прямо противоположный смыслъ. Эта способность, достигающая у древнихъ совершенства, которое мы съ трудомъ постигаемъ, вызванная въѣвою необходимостью облекать результаты критическаго отношенія къ преданіямъ и религіознымъ вѣрованіямъ въ такія формы, которыя бы не отрицали, такъ сказать, *буквы* этихъ вѣрованій, — эта способность, поведшая къ *аллегоризаціи* мифовъ и развившаяся, съ одной стороны, въ созданіи древнѣйшихъ періодовъ «исторіи», съ другой, какъ увидимъ, въ созданіи цѣлаго ряда философскихъ системъ, отразилась и въ данномъ мѣстѣ Овидія. Дѣло въ томъ, что слова: «они падаютъ отъ сабего *Ареса*» (*suo Marte cadunt*) воплиъ угождаютъ другому преданію, по которому самъ *Кадмъ* избиваетъ выросающихъ изъ земли воиновъ. Ибо *Кадмъ*, какъ и *Іасонъ*, первоначально идентичны съ *Аресомъ*, вслѣдствіе чего напр. *Эврипидъ* называетъ *Кадміицевъ* «посвянными *Аресомъ*»¹⁶⁸), и вслѣдствіе чего и воины, посвянные *Іасономъ*, выросаютъ въ *участки*, *посвященнаго Аресу* (*Ἄρης τέμενος*), — превращаясь такимъ образомъ въ «*роуцу*» *Ареса*, относительно которой едва-ли слѣдуетъ еще напоминать, что она означала собственно известное намъ уже «*дерево солнца*», т. е. звѣздное небо¹⁶⁹).

¹⁶⁸) Eur. Herc. fur. 252:

Ὁ γῆς λοχέμαθ' οὐς Ἄρης σπείρει ποτὲ
λάβρον δράκοντος, ἐξερημώσας γένυν . . .

Ср. Apollo n. Argon. III 1185:

καὶ ῥ' ὁ μὲν Ἄουλοισιν ἐνίσπειρας πεδίοισιν
Κάδμος Ἄγηνορβῆς γαιγενῆ εἴσατο λαόν,
Ἄρεος ἀμῶντος ὅσοι ὑπὸ δουρὶ λίποντο.

¹⁶⁹) У Аполлонія мы имѣемъ прекрасное сравненіе выросшихъ предъ *Іасономъ* *сверкающими оружіемъ* мужей со *звѣздами*, Argon. III 1354:

οἱ δ' ἦδη κατὰ πᾶσαν ἀνασταχέεσκον ἔρουραν
γηγενέες· φρίξεν δὲ περὶ στίβαροῖς σακίεσσιν
δοῦρασι τ' ἀμφιγύοις κορόμβησι τε λαμπρομένησιν
Ἄρης τέμενος φθισαμβρότου· ἔμετο δ' αἴγυλη

Аполлоніи и, за нимъ, Аполлодоръ стараются согласить разныя преданія относительно гибели посвященныхъ Іасонуъ воиновъ такимъ образомъ, что представляютъ ихъ отчасти погибшими во взаимной борьбѣ, отчасти же павшими отъ рукъ Іасона. Не можетъ быть сомнѣнія, что преданіе объ избіеніиъ этихъ воиновъ солнечнымъ героемъ имѣло свое основаніе въ древнѣйшей формѣ мифа: отъ солнца гибнуть звѣзды. Но здѣсь для насъ важнѣе прослѣдить происхожденіе преданія о взаимномъ избіеніиъ вооруженныхъ воиновъ. По Аполлонію оно было вызвано тѣмъ, что Іасонъ, «схвативъ громадный, крулый камень, страшный дискъ Ареса Эпіалія, . . . бросилъ его въ толпу *издали* [*μάλα τηλόθεν*, собств. «весьма издалека»!], послѣ чего самъ спрятался за свой щитъ». Вслѣдствіе этого «они, сбѣжавшись кругомъ, подобно быстрымъ собакамъ, съ ревомъ убивали другъ друга»¹⁷⁰). Значитъ,

*νειόθεν ὀβλυμνον δὲ δι' ἠέρος ἀστράπτουσα.
ὡς δ' ὀπότεῖ ἐς γαίαν πολέος νεφετοῖο πεδόντος
ἄψ' ἀπὸ χειμερίας νεφέλας ἐκέδασαν ἀῆται
λυγαίη ὑπὸ νυκτί, τὰ δ' ἀθρόα πάντ' ἐραάνθη
τείρεα λαμπερόντα διὰ κνέφας· ὡς ἄρα τοίγε
λάμπον ἀνυλδήκοντες ὑπὲρ χθονός.*

На счетъ упоминаемаго въ этомъ сравненіи «*смыа*» слѣдуетъ замѣтить, что и онъ часто означаетъ въ мифахъ звѣзды.—Въ дополненіе къ высказанному выше соображенію о «*роуцѣ Ареса*» слѣдуетъ замѣтить: Аполлоніи очевидно отличаетъ тѣмънос Ἄρης (ср. *πέδιον* III 409 и 1270; *νεῖός* III 1284 и др.) отъ ἄλλος (II 404; IV 123); ср. Schol. ad II 404. Но у Аполлодора I 9, 23, 10 упоминается только ἄλλος (ср. *Ἀπολλων*. III 409).

¹⁷⁰) *Ἀπολλων*. III 1363:

. . . αὐτὰρ Ἰήσων
μνήσατο Μηδείης πολυκερδέος ἐννεσιάνων,
λάζετο δ' ἐκ πεδίοιο μέγαν περιηγέα πέτρον,
δεινὸν Ἰγυαλλοῦ σόλιον Ἄρεος· οὐ κέ μιν ἄνδρες
αἰζηοὶ πίσυρες γαίης ἄπο τυτθῶν ἄειραν.
τὸν β' ἀνά χειρὰ λαβὼν μάλα τηλόθεν ἔμβαλε μέσσοις
ἄϊξας· αὐτὸς δ' ὑφ' ἐὸν σάκος ἔζετο λάβρη
θαρσαλέως [sic!] . . .
. . . οἱ δ' ὥστε θεοὶ κύνες ἀμφιθορόντες
ἀλλήλους βρυχητῶν ἐδήιον . . .

Относительно «*камня*» см. ж. проч., что замѣчаетъ J. Uschold Vorhalle zur Griechischen Geschichte und Mythologie I (1838) стр. 323 слл. о не-

существовала версия, въ которой достаточно было одного *по- явления* между нами «камня» для того, чтобы они *сами по- нибли*. Это наводитъ насъ на соображеніе, что, естественнымъ образомъ, должны же были появляться и такіе мифы, которые наставляли на томъ, что солнце въ дѣйствительности заставля- етъ исчезать звѣзды, не прикасаясь къ нимъ, «издали», и даже «*весьма издалика*», т. е. прежде, чѣмъ оно само по- явится на горизонтѣ¹⁷¹⁾. Вспомнимъ только убійственный «крикъ» Ахилла, о которомъ мы говорили выше, сопоставляя его со «свистомъ» Соловья-Разбойника. «Крикъ» Ахилла вызываетъ столь поспѣшное бѣгство, что при этомъ многіе са- ми лишаются жизни. Подобная же идея отразилась очевидно и въ эпитетахъ Аполлона: Ἐκείρετος, Ἐκηβόλος, «Дальновер- жецъ», и м. проч. въ имени *Тилемаха*, «Дальноборецъ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что взаимное избіеніе пред- ставителей звѣздъ могло иногда появляться и непосредственно, безъ предварительнаго сліянія нѣсколькихъ мифовъ.

Но въ разсматриваемыхъ мифахъ говорится всё-таки о присутствіи солнечнаго героя, между тѣмъ какъ въ мифѣ о борьбѣ журавлей съ Цигизями даже вовсе ничего не говорится о какомъ бы то ни было предводителѣ. Поэтому возьмемъ еще для примѣра мифъ, который и въ этомъ отношеніи предста- вится вполне аналогичнымъ.

Известно *ядро* (σῶλος αὐτοχόωνος) Ахилла, упоминаемъ въ Иліадѣ XXIII 826 сл.—Неточно передаетъ мифъ Аполлодоръ I 9, 23, 11, упоминая «камень», вмѣсто одного камня: ὁ δὲ [Ἰάσων], ἔπει πλειονας ἑώρα, βάλλον ἀραγεῖς Ἰδούς, πρὸς αὐτοὺς μαχομένους πρὸς ἀλλήλους προσίων, ἀπήρει. Результатомъ такой же неточности слѣдуетъ, повидимому, считать, если Ферекидъ приписы- ваетъ и *Кадму*, въ соответствующемъ мифѣ, бросаніе «каменей»: въ Schol. Apollon. III 1179; ср. Apollod. III 4, 1, 6.

¹⁷¹⁾ Это отразилось м. проч. и въ томъ, что солнечные герои иногда стрѣляютъ въ *засады*, подъ *прикрытіемъ*, напр. *Парида*, Iliad. XI 379 (ἐκ λόγῳ); *Пандора*, IV 112:

καὶ τὸ μὲν [τόξον] εἶ κατέθηκε ταυσσάμενος, ποτὶ γαίῃ
ἀγκλίνας· πρόσθεν δὲ σάκκα οὐχέθον ἐσθλοὶ ἱταῖροι . . .

Ср. въ предъидущемъ примѣч., какъ *Иасонъ* прячется за свой щитъ,

Такии мѣами особенно изобилуетъ «Скиеія» Иродота, въ IV-ой книгѣ его «Исторіи». Тутъ упоминается между прочимъ о борьбѣ «стерегущихъ золото» *Гриповъ* съ «одноглазыми» *Аримаспами*, Аримасповъ съ *Иссидонами*, Иссидоновъ со *Скиаами*; разсказывается объ исчезновеніи *Киммерійцевъ* предъ нашествіемъ Скиеовъ, описывается враждебная встрѣча этихъ послѣднихъ съ ихъ собственными рабами и т. д. Не слишкомъ трудно было бы убѣдиться, что всѣ эти народы, какъ и множество другихъ, упоминаемыхъ въ той же книгѣ Иродотомъ, — носители разныхъ названій звѣздъ. Гриповъ и Аримасповъ, мы, впрочемъ, еще коснемся при иномъ случаѣ. Что даже Скиенъ, которые, на первый взглядъ, кажутся менѣе всѣхъ мнѣичными, являются однако у Иродота въ многихъ отношеніяхъ представителями звѣздъ, это станетъ а priori менѣе невѣроятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на ихъ происхожденіе отъ солнечнаго божества *Иракла*, не говоря уже о хранящихся въ ихъ странѣ чудесныхъ золотыхъ предметахъ, упавшихъ съ неба: *плугъ*, *ярмъ*, *сыкиръ* и *чашъ*. Такъ несомнѣнно мнѣологическое значеніе имѣетъ и *походъ Скиеовъ противъ своихъ рабовъ*, которые, въ сущности, — тоже Скиенъ, будучи дѣтьми скиескихъ женъ.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, важнѣйшія обстоятельства, которыя сообщаетъ намъ Иродотъ по этому поводу. Однажды Скиенъ, увлекшись преслѣдованіемъ изгнанныхъ ими *Киммерійцевъ*, ушли изъ своей страны въ Азію, оставивъ въ ней только своихъ *женъ* и *рабовъ* (NB. дѣти не упоминаются). Всѣ рабы были, впрочемъ, *слѣпыя*; ибо Скиенъ нарочно ослѣпляютъ своихъ рабовъ, потому что этого будто бы требуетъ странный способъ поручаемаго рабамъ *доенія кобылъ*, состоящій въ томъ, что во время доенія во влагалище кобылы вдуваютъ воздухъ посредствомъ «*костяныхъ трубокъ*, весьма похожихъ на *флейты*» (φαστήρες δακτύλοι ἀλοῖσι προσεμφερέσταισι). Жены Скиеовъ, оставаясь продолжительное время *безъ мужей* (ср. *Амазонокъ*, *Лимнійскихъ женъ* и т. п.), вступили въ связь съ этими рабами, и результатомъ было народженіе нова-

го поколѣнія, которое, возмущавъ къ тому времени, когда старне мужья возвращались изъ Азіи, вздумало воспротивиться имъ, прорыло съ этою цѣлью широкой ровъ (напоминающій ровъ *Ахвіцеса* въ *Иліадѣ*), вступило съ ними въ сраженіе и покорилось только тогда, когда старне Скиѣн выступили противъ нихъ безъ всякаго оружія и показали имъ только «плеть», какъ символъ своей власти надъ ними¹⁷²).

¹⁷²) Herodot. IV 1-4. J. C. F. Ваеһг, въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту, даетъ указанія насчетъ дѣйствительнаго существованія у нѣкоторыхъ народовъ способа *доміа*, похожаго на скиѣскій. Относительно мѣсто-положенія «рва» см., кромѣ Ваера, еще: Ф. Врунъ Черноморье II (1880) стр. 50. Ваеръ указываетъ также, по поводу Иродотова разсказа, на аналогичное русское преданіе о борьбѣ *Новгородцевъ* съ рабами. Оно сообщается Herberstein'омъ въ его *Rerum Mosconitarum commentarii*, въ изд. 1571 г. стр. 75: *Accidit praeterea, ut Annales eorum referunt, dum Novogradenses Corun Graeciae civitate premerent, interim uxores eorum morae pertaesae, iam etiam de salute ac aduentu maritorum dubitantes seruis nubent. Expugnata tandem civitate, quum victores mariti ex bello reuersi aereas portas superatae urbis, ac magnam quandam campanam, quam ipsi in cathedrali eorum Ecclesia vidimus, secum attulissent: seruique dominos, quorum uxores duxerant, ut repellere conarentur: domini indignitate rei commoti, depositis, eujusdam consilio, armis, lora et fustes tanquam in mancipia arripent: quibus serui territi, inque fugam conuersi, loco quodam, qui etiamnum Chloppigrod, hoc est Sernorum castrum dicitur, se recipient defendentque. Verum uicti, meritis a dominis supplicij affecti fuere.* Карамзинъ въ *Исторіи Государства Россійскаго I*³ (1818) примѣч. 458 (стр. 178) замѣчаетъ по поводу этого разсказа Герберштейна слѣдующее: «Сія басня, повторенная Стриковскимъ, Витсеномъ въ его *Noord en Oost-Tartarye*, и сочинителемъ *Ядра Росс. Исторіи*, взята изъ древней Греческой сказки о рабахъ Скиѣскихъ. Новгородцы и Псковитяне, какъ упомянуто въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ . . . дѣйствительно ходили подъ Херсонъ съ Владиміромъ; правда и то, что на берегу Мологи, въ 60 верстахъ отъ устья сей рѣки, былъ въ XIV, XV и въ XVI вѣвѣ *Холомій городъ*, извѣстный по его славнымъ ярионцамъ; правда, что сіе мѣсто донныя именуется *Старыми Холомскими* и находится въ дачахъ Графа А. И. Мусина-Пушкина (Ярославской губерніи, въ Мологскомъ уѣздѣ); правда, что не далеко отсюда есть два жилища: *Старого* (Графа М. Пушкина), гдѣ, по разсказамъ, находился *старецъ* холопей, и *Беролишино* (Г. Горихвостова), гдѣ они будто бы оборонялись; но въ лѣтописяхъ Новгородскихъ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ возмущеніи рабовъ, и вѣроятно, что названіе мѣсть, котораго причина въ самомъ дѣлѣ неизвестна, подаде мысль къ возобновленію Греческой сказки, отнесенной послѣ къ Витчавѣ, будто бы рабамъ Новгородскимъ (см. сей *Исторіи Т. III, примѣч. 33*).

Не интересуясь вопросом, какія реальныя данныя обусловили форму этого разсказа и сдѣлали его, въ этомъ видѣ, правдоподобнымъ для Иродота и его современниковъ, мы можемъ довольствоваться замѣчаніемъ, что разсказъ этотъ представляетъ собою не что иное, какъ извѣстнымъ образомъ осмысленную комбинацію цѣлаго ряда мифическихъ терминовъ, сродныхъ и даже тождественныхъ по своему первоначальному значенію, но получившихъ, съ теченіемъ времени, столь различныя значенія, что требовалась значительная доля остроумія, чтобы какъ-нибудь сблизить ихъ, хотя бы только въ видѣ звеньевъ одного разсказа. Почти всѣ употребленные въ немъ термины означали первоначально несомнѣнно *звѣзды*. Такоеъ прежде всего воинственный народъ *Скиѳовъ*, потомковъ Иракла. *Зрящіе* Скиѳи противопоставляются «*слѣпыма*»: — сверкающія и потухающія звѣзды. Ихъ «*жены*» слишкомъ сильно напоминаютъ собою *Амазонокъ*, чтобы можно было сомнѣваться на счетъ ихъ значенія. На множествѣ другихъ чертъ, которыя характеризуютъ Скиѳовъ, какъ представителей небесныхъ свѣтилъ, мы не останавливаемся, такъ какъ онѣ не встрѣчаются въ разсматриваемомъ отрывкѣ. Также и изгнанные Скиѳами *Киммерійцы*, какиимъ народамъ ни навязывали Греки и Римляне это названіе въ разныя времена, всегда являются довольно явными представителями небеснаго звѣзднаго войска. «*Кости*», «*флейты*», «*лошади*» и «*кадки*» съ «*молокомъ*» послѣднихъ, упоминаемая въ описаніи способа доенія, встрѣчаются въ безчисленныхъ мифахъ въ значеніи звѣздъ. Даже «*плеть*», производящая столь замѣчательное дѣйствіе на рабовъ, есть не что иное какъ субститутъ звѣзднаго дерева, вслѣдствіе чего мы и встрѣчаемъ ее такъ часто въ рукахъ солнечныхъ героевъ. Первоначально она представлялась, конечно, многохвостомъ, сочетаніемъ (сплетеніемъ) ремней или веревокъ на подобіе *розги* или *вѣтника*, играющихъ въ мифахъ такую же роль; и всѣ концы этой плети были снабжены *шлагами*, *воздями* или другими предметами, изображающими собою звѣзды. Съ нею нельзя не сопоставить, какъ символа царской власти (первоначаль-

но: всемогущества солнца), «жезла, натканного золотыми гвоздями», σκῆπτρον χρυσεοῖς ἤλοισι πεταρμένον¹⁷³⁾. Этим первоначальнымъ значеніемъ «плети» объясняется и проч. способность «чорта», замѣнившего въ сказкахъ солнечное существо, «свивать плетъ изъ песку», ибо (золотой) «песокъ» — звѣзды¹⁷⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ Скиноовъ съ рабами мы имѣемъ борьбу звѣздъ; и что для насъ особенно важно, въ этомъ преданіи ничего не говорится о какихъ-либо предводителяхъ, представителяхъ солнца, вызвавшихъ эту борьбу, или участвующихъ въ ней.

Быть можетъ, еще болѣе убѣдительнымъ, вслѣдствіе меньшей сложности, окажется аналогичный рассказъ Иродота о *Киммерійцахъ*. Предъ нашествіемъ Скиноовъ «народъ» (δῆμος)

¹⁷³⁾ Iliad. I 245 сл. Объ упомянутомъ здѣсь скипетрѣ говорится, что на немъ уже не произрастутъ больше листья, ст. 234:

. . . «ναὶ μὰ τὸδε σκῆπτρον, τὸ μὲν ὀβλοτε φύλλα καὶ δῖους
φύσει, ἐπειδὴ πρῶτα τομὴν ἐν ὄρεσσι λείλοιπεν,
οὐδ' ἀναθλήσει· περὶ γὰρ βᾶ ἔ χαλκὸς ἔλεψεν
φύλλα τε καὶ φλοῖόν· νῦν αὐτὲ μιν υἷες Ἀχαιῶν
ἐν παλάμῃς φορέουσι δικαστῆλοι, ὅτε θέμιστας
πρὸς Διὸς [NB] εἰρούσται» . . .

Такъ-какъ мы увидимъ ниже, что подобные жезлы дѣйствительно способны укрѣпить ростки и покрываться листьями, то, слѣдовательно, есть основание думать, что въ данномъ случаѣ исчезновенію этой чудесной черты способствовала замѣна (золотыхъ) листьевъ «золотыми волосами». — Вмѣсто жезла часто является въ той же роли мечъ, украшенный золотыми или серебряными водами. Мы увидимъ, что и мечъ, будучи воткнутъ въ землю, покрывается иногда листьями и превращается въ *дерево*.

¹⁷⁴⁾ Таково, несомнѣнно, значеніе «золотого песку», которымъ изобилуютъ солнечные источники, какъ напр. *Фасисъ*, о которомъ см. выше стр. 7, примѣч. 42. Сравни *Φαμάθη* (лунное существо), Πόλος ἡμαθίας, и т. п. Интересно сравненіе войскъ, сражающихся подъ Троею, съ *волосами* или *пескомъ*, Iliad. II 809: λῆν γὰρ φυλλοῖσιν εἰκότες ἢ φαμάθοισιν. — «Плетъ», впрочемъ, не только этимологически, но и мифологически тождественна съ *πλόκαμοι*, «волосы»; ибо *волосы* означаютъ въ мифахъ первоначально не лучи, а звѣзды. O. Grh. fragm. 8, 14 сл. (ар. E u e b. P. Gaerag. ev. III 9), гдѣ говорится о у *Zeus*

. . . χούσαι ἀμφὶ ἔθειραι
ἄστρων μαρμαρέων περιχαλλέες ἤρεθονται.

Киммерійцевъ рѣшился оставить страну, уходя безъ боя. Между тѣмъ ихъ «цари» (βασιλεις) предпочли пасть въ сраженіи на родной почвѣ. Съ этой цѣлью, не дожидаясь прибытія Скивоовъ, они раздѣлились на два равныхъ количествомъ отряда и вступили во взаимное сраженіе, въ которомъ и пали всѣ до единого ¹⁷⁵).

И тутъ намъ нечего спрашивать, что могло заставить Иродота считать такое событіе возможнымъ (λόγος ἔχων ὄψα, τῷ μάλιστα λεγόμενῳ αὐτὸς πρόσκειται). Быть можетъ, что, кромѣ упоминаемаго имъ существованія «Киммерійской могилы», неправдоподобность разсказа умяло еще и то соображеніе, что царей, павшихъ во взаимной борьбѣ, было вѣроятно, не много. Но стѣитъ только сравнить этихъ киммерійскихъ «царей» съ цѣлымъ народомъ «царскихъ Скивоовъ», называемыхъ самимъ Иродотомъ прямо «царями», чтобы убѣдиться, что и подъ киммерійскими «царями» слѣдуетъ понимать цѣлый народъ.

Что этотъ народъ—не что иное, какъ звѣзды, явствуетъ лучше всего изъ мѣста Одиссеи, въ которомъ *Одиссей* описываетъ свое путешествіе въ страну *Аида*, т. е. въ царство ночнаго мрака. Мы уже имѣли случай коснуться этого мѣста. Здѣсь позволю себѣ привести его въ довольно, впрочемъ, дословномъ переводѣ В. Жуковскаго:

«Солнце тѣмъ временемъ село и всѣ потемнѣли дороги.
Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;
Тамъ *Киммеріада печальная область* [δῆμος], покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходить, къ землѣ обращающъ
Ночь бевотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ» ¹⁷⁶).

Итакъ, сообщаемое Иродотомъ преданіе о Киммерійцахъ представляетъ, очевидно, комбинацію, вызванную желаніемъ со-

¹⁷⁵) Herodot. IV 11.

¹⁷⁶) Odysse. XI 12—9. Ср. выше стр. 26 сл. примѣч. 41.

гласить между собою мнен, сообщавшіе о какомъ то «народѣ царей» совсѣмъ противорѣчивыя, какъ казалось, извѣстія: съ одной стороны, что этотъ народъ «ушелъ самъ», безъ боя; съ другой, что онъ *погибъ во взаимной борьбѣ, до появленія непріятеля.*

Воюющія животныя.

Подобно тому, какъ въ разсмотрѣнныхъ нами антропоморфическихъ изображеніяхъ борьбы небесныхъ свѣтилъ можно различить, въ занимающемъ насъ отношеніи, двѣ главныхъ категорій, борьбу звѣздныхъ полчищъ съ участіемъ солнечныхъ героевъ, и борьбу безъ участія послѣднихъ: такъ и въ зооморфическихъ изображеніяхъ, къ которымъ теперь переходимъ, есть такія, въ которыхъ животныя являются въ борьбѣ съ солнечными героями, и такіе, въ которыхъ говорится только о взаимной борьбѣ животныхъ, безъ всякаго указанія на враждебныя отношенія къ какому нибудь солнечному существу. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ той и другой категоріи.

Со стадами животныхъ (*коровъ, овецъ и козъ*) воюетъ солнечный герой *Эантъ Саламинскій*. Онъ избиваетъ эти стада ночью, принимая ихъ за *Ариосцевъ*, — относительно которыхъ мы уже достаточно успѣли убѣдиться, что въ мифахъ они являются представителями звѣздъ. Послѣ избіенія стадъ слѣдуетъ весьма быстро и смерть самого Эанты: заслуживъ гнѣвъ и предвидя преслѣдованіе со стороны тѣхъ же *Ариосцевъ*, онъ кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ. Это—полный мифъ, изображающій взаимную смѣну дня и ночи: солнце истребляетъ звѣзды, зато звѣзды, въ свою очередь, причиняютъ смерть солнцу. Можно было бы доказать, что именно это воззрѣніе было настоящимъ источникомъ той идеи о неминуемости возмездія, которою уже съ древнѣйшихъ временъ успѣло глубоко проникнуться сознание народовъ. Древнія трагедіи, между прочими и «Эантъ» Софокла, будучи болѣе непосредственно

построены на подобных мифах, могут служить удобнымъ пособіемъ для всякаго, кто пожелаетъ прослѣдить происхождение этой идеи, которая никакъ не могла быть результатомъ наблюденія дѣйствительной жизни, всегда представлявшейся въ очевидномъ съ нею разногласіи. Впрочемъ, мы еще остановимся на этомъ.

Здѣсь мы должны еще прежде всего отклонить сомнѣніе на счетъ солнечной природы Эанта, которое можетъ быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что, по Арктину, смерть Эанта послѣдовала *утромъ*¹⁷⁷⁾. Появленіе этой версіи объясняется очень просто. Фактъ превращенія ночи въ день выразался въ мифахъ такъ: солнечный герой производитъ «пожаръ», или «избиваетъ враговъ», «стада» и т. д. «*среди ночи*»¹⁷⁸⁾. Затѣмъ, дневное движеніе солнца постоянно изображается совершаемымъ съ неимоверною скоростью: солнечные герои «бѣгутъ» чрезвычайно «быстро», а слѣдовательно, «живутъ недолго» и «*умираютъ рано*». Вотъ почему и проч. и «*быстроной*» Ахиллъ погибаетъ «*въ молодости*». Если же говорилось, что Эантъ совершилъ избіеніе стада «среди ночи», и что затѣмъ весьма скоро погибъ и самъ, то естественно было, при позднѣйшемъ, рационалистическомъ пониманіи мифа, заключить, что онъ скончался именно *утромъ*.

Интереснымъ подтвержденіемъ солнечной природы Эанта служитъ преданіе, по которому его убили *Троянцы* — мифологически, какъ мы уже видѣли, тождественные съ Аргосцами — посредствомъ бросанія на него «*болота*»¹⁷⁹⁾. Эантъ, погибавъ

¹⁷⁷⁾ Schol. Pind. Isthm. IV 58.

¹⁷⁸⁾ Ср. выше стр. 28 примѣч. 42.

¹⁷⁹⁾ Schol. Sophocel. Argum. in Ai. ed. Dind. II p. 27: . . . οἱ δὲ ἐπὶ χρησμῶς ἰδόντες Τρωσὶ πηλὸν κατ' αὐτοῦ βαλεῖν σιδήρεω γὰρ οὐκ ἦν τρωτός· καὶ οὕτω τελευτᾷ. Ср. Diet. Cret. Ephem. b. Tr. IV 20: tum Ajax Telamonius insecutus fugientes ad usque portam [NB! см. выше стр. 41 примѣч. 59 ο Σκαῖαι πόλαι] pergit. ibi caesa vis multa hostium [—результатъ позднѣйшаго соображенія] . . . interim multi eorum, qui primi evaserant, super muros siti collecta undique cuiuscemodi saxa super clipeum Aiacis deiecere, congestamque quam plurimam terram desuper colere, scilicet ad depellendum hostem: cum

ищій въ болотѣ, очевидно, — солнце, исчезающее въ ночномъ краѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, полагать, что существовало также преданіе о побіеніи Эанта *каменьями* (звѣздами). По крайней мѣрѣ у Софокла ему *угрожаетъ* такая смерть отъ самихъ Грековъ, Аргосцевъ, что тѣмъ замѣчательнѣе, что Павсаній сообщаетъ подобное же преданіе и о *Локрскомъ Эантѣ*¹⁸⁰⁾. А первоначальная идентичность этихъ двухъ Эантовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Что одинъ изъ нихъ — большой, другой — малый, этотъ главный признакъ ихъ различія, можетъ, при идентичности имени, служить только доказательствомъ того, что подъ этимъ именемъ понималось первоначально небесное свѣтило, являющееся то низко, то высоко — то ребенкомъ, то взрослымъ и даже исполиномъ¹⁸¹⁾.

Сохраненію въ столь замѣчательной полнотѣ преданія о борьбѣ Эанта со стадами способствовало, очевидно, то обстоятельство, что поступокъ Эанта мотивировался, какъ извѣстно, *умопомъшательствомъ*¹⁸²⁾. Подобнымъ же образомъ, слѣдуетъ полагать, воювалъ со стадами и идентичный съ Эантомъ *Одиссей*¹⁸³⁾. Но уже у Гомера эта кажущаяся несообразность устранена такимъ изложеніемъ мѣа, благодаря которому избиваемые Одис-

supra modum gravaretur egregius dux, facili scuto decutiens haud segnius imminere . . . atque eo die excisa eversaque moenia hostium forent, ni *mea* *in* *ingressu* nostros ab incepto ehibuisset. Повидимому, и въ этой несомнѣнно искаженной редакціи мѣа сохранились однако нѣкоторые первобытные черты.

¹⁸⁰⁾ Sophoc. Ai. 251; Рапс. X 31, 2 (ср. 26, 3).

¹⁸¹⁾ Нельзя не сожалѣть, что не имѣлъ этого въ виду I. Wacker-nagel при составленіи своей интересной статьи Zum homerischen dual въ Zeitschr. f. vergl. Spr. XXIII (1877) стр. 305 сл.

¹⁸²⁾ Объ этомъ мотивѣ см. и проч. мой Каннибализмъ стр. 132 прилж. 10.

¹⁸³⁾ У одного Софокла можно было бы указать цѣлый рядъ выраженій и оборотовъ, свидѣтельствующихъ о первоначальномъ тожествѣ Эанта и Одиссея, — не говоря уже о сходствѣ мѣеовъ о томъ и другомъ. Таково напр. мѣсто Ai. 121 слл., гдѣ Одиссей говорить:

. . . ἰποκτεῖρω δὲ νῦν
 δούτηνον ἔμλας, καίπερ ὄντα δυσμενῆ,
 ὀθούνηκ' ἄτη συχάτ' ἔσυχται κακῆ,
 οὐδὲν τὸ τοῦτου μάλλον ἢ τοῦμὸν σκοπῶν.

себя враги могли только казаться животными, но не были ими в действительности, — хотя, впрочем, изъ эпизода съ *Киркою* мы знаемъ, что *товарищи* Одиссея (считавшіе его, по изложенію Гомера, только *ошибочно* своимъ врагомъ) были действительно превращены въ животныхъ. О побиваемыхъ же Одиссеемъ *женихахъ* Пинелопы мы читаемъ въ одномъ мѣстѣ: «Женихамъ Паллада Афина [луна] возбудила *неугасимый хохотъ* [блескъ; — заставила ихъ сіять]¹⁸⁴⁾ и помутила разумъ. Они стали хохотать чужими челюстями [такъ! γυαθμοῖσι γελῶσιν ἀλλοτρίοισιν] и ѣли *окровавленное* [т. е. сырое] *мясо*»¹⁸⁵⁾. Другими словами, эти враги Одиссея *уподобились зверямъ*. Въ иномъ мѣстѣ трупы жениховъ *сравниваются* то съ *рыбами*¹⁸⁶⁾, то со *стадомъ коровъ*¹⁸⁷⁾. Последнее сравненіе, впрочемъ, не вполне досказано: говорится только, что Одиссей ходилъ среди труповъ убитыхъ имъ жениховъ, какъ «*левъ пожравшій корову*» или, точнѣе, «*наѣвшійся коровы*» (т. е. коровьяго мяса, βεβρωκὸς βοῦς) и что у него были *обогрены кровью руки и ноги*, какъ у льва *зудъ и обѣ щечки* (такъ!). Слѣдуетъ полагать, что первоначально сравненіе проводилось гораздо строже, и что вслѣдствіе этого оно

¹⁸⁴⁾ На счетъ *хохота* въ значеніи блеска ср. мой отчетъ О занятіяхъ по критикѣ и мѣтологіи гомеровскаго эпоса стр. 60.

¹⁸⁵⁾ Odyss. XX 345 слл. Не вѣрно объясненіе этого мѣста въ Eustath. Comment. p. 1695 ed. Rom., что γυαθμοῖσι γελῶν ἀλλοτρίοισιν означаетъ не что иное, какъ только вынужденный, неестественный смѣхъ, какъ и въ позднѣйшей поговоркѣ: εἶναι γελῶν παρναῖς, «смѣяться не своими щечками». Какъ неадажно объясненіе древнѣйшихъ мѣтовъ посредствомъ позднѣйшаго смысла пословицъ и поговорокъ, явствуетъ уже изъ приведеннаго тамъ же выраженія «*красавый дождь*» въ значеніи чего-либо *невозможнаго* (κρότερον αἴα βου ἢ κρ . . .), подобно нашему: «на вербѣ груши», между тѣмъ какъ въ древности кровавый дождь не принадлежалъ къ числу вещей невозможныхъ и означалъ первоначально, какъ и «золотой дождь», нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что понималось подъ нимъ впоследствии (онъ означалъ красныя звѣзды). Кромѣ того замѣтимъ, что Гомеръ говоритъ не о щечкахъ, а о челюстяхъ, которыя очевидно вызваны представленіемъ *звѣрей*, ѣдущихъ сырое мясо.

¹⁸⁶⁾ Odyss. XXII 384.

¹⁸⁷⁾ Тамъ же 401 слл.

было еще менѣе благовиднымъ. Одиссей, вѣроятно, не только убилъ, но и *пожралъ* жениховъ, соотвѣтственно тому, что въ греческихъ сказкахъ солнце является постоянно страшнымъ людоедомъ¹⁸⁹). Въ такомъ случаѣ, онъ былъ, какъ Агамемнона, «царемъ—пожирателемъ народа», *δημοβόρος βασιλεύς*, въ буквальномъ смыслѣ слова, не смотря на то, что Гомеръ считаетъ это выраженіе—по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ Агамемнону—не больше, какъ только браннымъ словомъ, безъ особеннаго значенія¹⁸⁹). Дальше намъ еще станетъ ясна идентичность Одиссея съ *Крономъ*, *Киклопомъ Полифимомъ* и другими *людоедами*, означавшими первоначально солнце, поглощающее звѣзды. Въ зооморфическомъ изображеніи онъ являлся *львомъ*, пожирателемъ звѣзднаго стада. Не даромъ въ одномъ мѣстѣ Одиссея онъ сравнивается со львомъ, который «въ дождь и бурю» направляется противъ *коровъ*, *козъ* или *олений*, и готовъ даже ворваться въ «крѣпкій домъ», чтобы «вкусить некакаго скота»¹⁹⁰). «Крѣпкій домъ» — небо, вселенная; «ко-

¹⁸⁹) Вегн. Schmidt Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder gesammelt, übersetzt und erläutert (1877) стр. 231: Helios... erscheint... im heutigen Volksglauben durchaus als Riese und grosser Fresser [т. е. людоедомъ, ср. тамъ же стр. 114]. Какъ известно, такимъ же является солнце и въ сказкахъ другихъ народовъ.

¹⁹⁰) По поводу ругательныхъ выраженій въ родѣ: «*пожиратель народа*» (Iliad. I 231), «*тяжелый отъ ема, имѣющій глаза собаки, а сердце оленя*» (I 225; это — сочетание чертъ солнечнаго героя), «*Ахилли вы, не Ахейцы*» (II 235, VIII 96;—то и другое—названіе звѣздъ), и т. п. L. v. Sybel Die Mythologie der Ilias стр. 43 довольствуется замѣчаніемъ: Das Schimpfwort gefällt sich in drastischer Sprache. Это замѣчаніе обнаруживаетъ только неспособность Зибеля къ серьезному изученію мифовъ. Не удивительно послѣ этого, что и въ тѣхъ иногда весьма поучительныхъ случаяхъ, въ которыхъ сравненія слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ, или принимать болѣе значительныя развѣтвы, онъ видитъ только простое стремленіе къ наглядности (стр. 44 сл.), не замѣчая даже, что именно наглядность описанія верѣдио больше страдаетъ отъ этихъ сравненій, чѣмъ поддерживается им. Впрочемъ, къ сожалѣнію, не онъ одинъ такъ смотритъ на гомеровскія сравненія, «*epitheta ornantia*» и т. д. См. напр. M. Schneidewin Die homerische Naivetät. Eine aesthetisch-culturgegeschichtliche Studie (1878) стр. 11 сл.

¹⁹⁰) Odyss. VI 130:

βῆ δ' ἔγωγε ὡςτε λέων ὄρεσιτροφός, ἀλλὶ πεποιθὸς,
ὄσ' εἶσ' ὄβριμος καὶ ἀήμενος, ἐν δὲ οἴδωσσι

ровы», «возы», «олени» и «мелкій скотъ», конечно, не что иное, какъ звѣзды; «дождь и буря», какъ и «непогода» вообще, «зима», означали первоначально ночь, въ чемъ не трудно убѣдиться, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ мифами. Забѣтить при этомъ, что въ Иліадѣ солнечный герой *Сарпидонъ* самими *Зевсомъ* направляется противъ *Аргосцевъ*, «какъ левъ противъ коровъ»¹⁹¹).

Согласно тому, что, въ значеніи солнца, какъ я показалъ въ иномъ мѣстѣ¹⁹²), у Грековъ является *перѣдко и волкъ*, сюда же можно отнести и мифъ о томъ, какъ *Данай* занялъ престолъ *Геланора* въ Аргосѣ: «*Рано утромъ [ἀρχομένῃς ἡμέρας] на пасущееся предъ стѣною [города] стадо коровъ напалъ волкъ и бросившись на быка, находившагося во главѣ стада, боролся съ нимъ [ἐμάχετο πρὸς ταῦρον ἡγεμόνα τῶν βοῶν]. Аргосцамъ пришлось въ голову уподобить Геланора быку, а Даная волку, потому что ни это животное не вращается среди людей, ни Данай [не былъ] у нихъ до того времени [—значить, Аргосцы самихъ себя уподобляли коровамъ]. Такъ какъ волкъ поборокъ быка, то вслѣдствіе этого Данай получилъ престолъ»¹⁹³). Если мы сообразимъ, что Геланоръ и Данай, уже какъ мифическіе цари страны, были, безъ сомнѣнія, солнечными героями, тѣмъ болѣе что и этимологія ихъ именъ указываетъ на ихъ свѣтовое значеніе: то станеть вѣроятнымъ, что*

δαίεται αὐτὰρ ὁ βοῦσι μετέρχεται ἢ ὄτεσσιν
ἢ ἔ μετ' ἀγροτέρας ἐλάφους· κέλεται δὲ ἔ γαστήρ
μήλων περήσοντα καὶ ἐς πυγῶν ὄβμον ἔλθειν·
ὡς Ὀδυσσεὺς κοῦρησιν εὐπλοκάμοισιν ἐμελλεν
μίξεσθαι, γυμνός περ ἕων . . .

Въ этомъ сравненіи важно и слово *γυμνός*, «голой». Ибо, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, «нагота» означаетъ сияніе. Все это мѣсто (появленіе Одиссея среди бѣгущихъ въ испугѣ *смыс Навсиниан*) изображаетъ восходъ солнца при исчезновеніи звѣздъ (остается только *Навсинка—луна*).

¹⁹¹) Iliad. XII 292:

. . . εἰ μὴ ἄρ υἱὸν ἕδν Σαρπηδόνα μητίετα Ζεὺς
ἄρσεν ἐπ' Ἀργείοισι, λέονθ' ὡς βοῶσιν ἔλιξιν.

¹⁹²) Канибализмъ стр. 107 сл.

¹⁹³) Ра и в. II 19, 3.

этотъ мнѣ образовался главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ двухъ мнѣевъ. Въ одномъ Аргосцы (сыновья Арга, т. е. «Блестящаго») уподоблялись стаду коровъ, *предводителю* *студы* Геланоромъ («Смѣющимся» или «Сіяющимъ») подъ видомъ быка: т. е. звѣзды изображались спутниками солнца, *слѣдующими* за нимъ; въ другомъ Данаицы, т. е. собственно, потомки Данаа, уподоблялись стаду коровъ, *преслдуемыхъ* *студы* Данаемъ («Свѣтлымъ») подъ видомъ волка: т. е. звѣзды изображались во враждебныхъ отношеніяхъ съ солнцемъ, *преслдующими* ихъ. Что волкъ изображается однако борющимся только съ однимъ быкомъ, это не удивительно, въ виду известныхъ намъ уже примѣровъ осложненія мнѣевъ. Впрочемъ, такая форма преданія могла быть отчасти обусловлена и существованіемъ мнѣевъ о борьбѣ солнца съ луною, которая, безъ сомнѣнія, часто называлась «лучшею корою стада», какъ можно заключить напр. изъ гомеровскаго сравненія солнечнаго героя *Менелая* со львомъ, похищающимъ изъ стада «лучшую корову»¹⁹⁴).

Несомнѣнно та же мнѣическая основа, борьба солнца со звѣздами, заключается и въ извѣстнѣ *Аполлономъ муловъ* и *собакъ* (см. выше стр. 9), и въ борьбѣ его съ *волками*, *мышами* и *саранчею*, отразившейся въ его названіяхъ *Λόκος* «Волчій» или *Δολχοτόνος* «Волкоубійца», *Σμυδαίος* или *Σμύδιος* «Мышій», *Παρύβλιος* или *Πορροβίων* «Саранчевый»¹⁹⁵).

¹⁹⁴) *Iliad.* XVII 61 слл. Быть можетъ, что такой же смыслъ заключался и въ томъ, что *Ираклы*, со своею львиною шкурою, назывался *Βουφάγος*. Но въ такомъ случаѣ этотъ эпитетъ долженъ означать «пожирателя коровы» (а не быка, или быковъ, какъ поясняютъ обыкновенно мнѣи).

¹⁹⁵) Объ *Аполлонѣ*, истребляющемъ *волковъ*: Рауа. II 9, 7; ср. мой *Вавилонскій* стр. 106 примѣч. 18, гдѣ мною еще не было достаточно понято, какииъ образомъ *Аполлонъ* могъ считаться и покровителемъ и врагомъ *волковъ* (не только самъ *Аполлонъ*, т. е. солнце,—«волкъ», но и звѣзды — «волки», которые то «слѣдуютъ» за нимъ, то «преслдууютъ» его). Объ истребленіи *мышей*: *Ael. De hist. animal.* XII 5. Объ избавленіи отъ *саранчи*: Рауа. I 24, 8; ср. *Strab.* XIII 1, 64 p. 613. См. и проч. J. V. Grohmann *Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen* (1862), гдѣ сдѣлано множество относящихся сюда

Древніе мненіе, не вполне ясно опредѣляющіе отношеніе Аполлона къ послѣднимъ животнымъ, превосходно дополняются и проч. извѣстнымъ преданіемъ о «Гамельнскомъ крысоловъ». Однажды, когда городъ Гамельнъ ужасно страдалъ отъ чрезвычайнаго размноженія крыс и мышей, явился ка-

остроумныхъ сопоставленій въ области мнѣозъ, преданій и соотвѣствующихъ имъ возрѣній у разныхъ народовъ, но не разгаданъ однако ихъ первоначальный источникъ. Справедливо признавая идентичность «Мышьлю» Аполлона съ Рудрою, какъ предводителемъ Марутамъ, и съ «Вуотаномъ», какъ предводителемъ «войска», получившаго названіе Wüthendes Heer, Громантъ считаетъ этихъ боговъ весьма ошибочно чѣмъ то въ родѣ олицетвореній «бури», очевидно, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что представлялось первоначально подъ этою «бурею». Соотвѣственно тому и Маруты (первоначально, несомнѣнно, звѣзды, и, какъ таковыя, способные къ отождествленію съ душами предковъ; ср. *ἄρμονες*; *Ἰσιόδα*) являются у него какими то *Sturmgeister*, die in der dunklen Wetterwolke einherfahren und die leuchtenden Blitze auf die Erde schleuderten (стр. 5). Не подозревая, что именно небесныя свѣтила, преимущественно солнце, могли первоначально считаться виновниками не только бури, но и всевозможныхъ другихъ явленій природы, онъ доходитъ и проч. до слѣдующей аргументаціи, стр. 40: Nun ist aber die physikalische Grundlage des indischen und deutschen Gottes entschieden der Sturm [отчего же буря, а не «производитель бури»?] Darauf weisen schon ihre Namen. Rudra heisst der Brüllende [а не «красный»?] und Wuotan (Wuot odhr) trägt gar noch den Namen des indischen Vāta (Wind), den ich für eine ältere abgeblasste Gestalt Rudra's halte. Schon dieser Umstand zwingt uns in Apollo den alten arischen Sturmgott zu suchen. Wir werden daher, statt die weiteren Beweise hiefür aus Kuhn und Schwartz zu wiederholen, lieber die Frage zu beantworten trachten, wie es denn möglich gewesen sei, dass sich aus dem arischen Sturmgotte ein Gott des Lichtes und der Sonne, der Apollo nach der späteren griechischen Auffassung doch ohnstreitig ist (Preller 1, 182), entwickeln konnte. Эта трудная задача рѣшается слѣдующимъ образомъ, стр. 42: Sturm und Wind... waren in der indogermanischen Urheimath die Boten des Frühlings... Der Gott des Sturmes und Windes (vāta) ward nun zum Besieger des Winterdämons, zum Gott der schönen Jahreszeit. Отсюда уже, дѣйствительно, не труденъ переходъ въ «солнечнаго бога», особенно если подъ послѣднимъ понимать не само солнце, а нечто неопредѣленное. Подобный же взглядъ высказалъ, впрочемъ, и А. Кuhn Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen II (1859) стр. 7 слл. Кажется, однако, не такъ трудно было бы прослѣдить представителей солнца даже въ тѣхъ мнѣозическихъ существахъ, какъ являющіеся въ сказкахъ «Визръ» или «Урасанъ», или какъ тотъ *Wind und Wetter*, о которомъ говорится, что онъ обладатель солнца и луны (ср. J. Grimm D. M. I^o стр. 515—545).

кой-то иностранецъ въ *пестрой одеждѣ*, который, за известную плату, взялся очистить городъ отъ этихъ животныхъ. Посредствомъ *иры* на своей дудкѣ онъ заставилъ ихъ слѣдовать за собою и сманилъ ихъ такимъ образомъ въ *воду*, гдѣ онъ и потонули. Затѣмъ, въ отомщеніе за удержаніе обѣщанной платы, въ слѣдующее же воскресеніе (по преданію, 26 іюня, или августа, 1284 г.), онъ увелъ за собою изъ города такимъ же способомъ и громадную толпу *дѣтей* (130, говоритъ преданіе) на *сосѣдную гору*, въ которой онъ исчезъ вмѣстѣ съ ними, вошедши въ нее какъ въ воду¹⁹⁶). Этотъ «пестроодѣтый» *дударь*, или, какъ его называетъ Гёте въ стихотвореніи *Der Rattenfänger von Hameln*: «многостранствовавшій», «знаменитый *пѣвецъ*» — не что иное, какъ древній богъ солнца, переодѣтый *Вуотанъ*. Какъ крысы и мыши, такъ и дѣти, слѣдующія за нимъ и скрывающіяся, какъ и онъ самъ, въ водѣ или водяной горѣ, т. е. на небѣ, — конечно, звѣзды, исчезающія отъ «иры», т. е. сіянія солнца. Интересно, что въ одной пѣснѣ введенныя въ рѣку дѣти превращаются въ «*блуждающіе огни*», что, превосходно соотвѣтствуя ихъ свѣтлой природѣ, можетъ, кстати, служить указаніемъ на первоначальное значеніе, какое имѣли эти «огни», играющіе столь видную роль въ народномъ воображеніи¹⁹⁷).

¹⁹⁶) Указаніе разныхъ версій преданія о *Гамельскомъ крысоловѣ* см. въ соч. Wolfg. Menzel *Odin* (1855) стр. 229 слл., гдѣ указана и пѣснь въ сборникѣ Арнима и Врентано *Des Knaben Wunderhorn I* (1806) 44, по которой дѣти, утопленныя «крысоловомъ» въ рѣкѣ Везерѣ, превратились въ «*блуждающіе огни*», а также сопоставлено съ гамельскимъ преданіемъ подобноже гессенское сказаніе изъ Танненберга объ «угольщикѣ», о которомъ мы сейчасъ упомянемъ въ текстѣ. — Ср. также Grotmann ук. соч. стр. 83 слл. Появившагося недавно изслѣдованія Döggies'a я не вижу подъ рукою.

¹⁹⁷) Я не имѣю подъ рукою статьи: K. Christ *Die Elben (Elfen als Irrlichter und Wassergeister* въ *Monatsschr. f. d. Gesch. Westdeutschl. VI* (1880) стр. 633 слл. Отожествляя *эльфовъ* съ «*блуждающими огнями*» и «*водляными*» духами, Кристъ едва ли могъ привести что-либо такое, чѣмъ бы не только не подтверждалось, а напротивъ, даже отрицалось бы первоначально небесное значеніе этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, сами *эльфы*

Не менѣ поучительно и слѣдующее похожее преданіе изъ Танненберга въ Гессенѣ. Тутъ сперва является «пустыни-никъ», свою игрою на дудѣ прогоняетъ въ озеро опустошавшихъ поле муравьевъ (ср. напр. *Ахилла, играющего* и поющаго про себя, *въ уединеніи*—выше стр. 18—, предводителя *Мирмидоновъ*, т. е. «муравьевъ», сравниваемыхъ въ *Иліадѣ* и проч. и съ волками, *пьющими «черную воду», мѣлан ѡδωρ*¹⁹⁸⁾). Затѣмъ, въ отомщеніе за удержаніе условленной платы, онъ свою игрою увлекаетъ въ озеро всѣхъ свиней (ср. напр. превращеніе въ свиней *Одиссеевыхъ товарищей*, относительно которыхъ уже теперь едва ли можетъ быть сомнѣніе, что они звѣзды). На слѣдующій годъ «уольцикъ» (значитъ, опять представитель солнца, ибо «ули»—звѣзды) прогоняетъ подобнымъ же образомъ въ озеро «грозу» (*Gewitter*, т. е., вѣроятно, «молніи», «дождь» и «градъ»—все эквиваленты звѣздъ). За неуплату онъ топить въ озерѣ овечье стадо.

(т. е. «бѣлые»), и помимо сближенія съ этими *подвижными огнями*, множествомъ чертъ свидѣтельствуютъ о своей звѣздной природѣ.

¹⁹⁸⁾ Iliad. XVI 156:

Μυρμιδόνας δ' ἄρ' ἐποχόμενος θώρηξεν Ἀχιλλεύς
πάντας ἀνά κλισίας σὺν τεύχεσιν· οἱ δὲ λύκοι ὡς
ὠμοφάγοι, τοῖσιν τε περὶ φρεσὶν ἄσπετος ἀλήη,
οἷτ' ἔλαφον κερατὸν μέγαν οὖρεσι δηύσαντες
δάπτουσιν· πᾶσιν δὲ παρήϊον αἵματι φοινόν.
καὶ τ' ἀγελήδων ἴασιν ἀπὸ κρήνης μελανύδρου
λάψοντες γλώσσησιν ἀραιῆσιν μέλαν ὕδωρ
ἄκρον, ἐρευγόμενοι φόνον αἵματος· ἐν δὲ τε θυμὸς
στήθεσιν ἄτρομός ἐστι, περιστένεται δὲ τε γαστήρ·
τοῖσι Μυρμιδόνων ἤγχιτορες ἦδὲ μέδοντες
ἄμφ' ἀγαθὸν θεράποντα ποδώκεος Αἰακίδαο
βῶσιντ'. ἐν δ' ἄρα τοῖσιν Ἀρήϊος ἵστατ' Ἀχιλλεύς,
ὄτρυνων ἵππους τε καὶ ἀνέρας ἀσπίδιώτας.

На этической сторонѣ этой картины я останавливался въ моемъ *Каннибализмѣ* стр. 109 сл. — Здѣсь, въ поясненіе мифологическаго значенія ея, замѣчу еще, что *окровавленныя* морды волковъ указываютъ на сіяніе, а ихъ раздутые желудки (ср. въ последнемъ приведенномъ стихѣ *ἀνέρες ἀσπίδιώτας*—конечно, съ *крулыми* щитами) — на шаровидность звѣздъ, и что въ *романи* упоминаемаго тутъ же громаднаго *олема*, растерзаемаго волками на «*сорта*» мы имѣемъ слѣдъ описанія неба, съ луною, окруженною звѣздами.

На третій годъ, такимъ же точно образомъ, какъ Гамельнскій крысоловъ, жителей Тинненберга спасаетъ отъ мышей «горный духъ» и такъ же точно, въ отомщеніе за обманъ, заставляетъ утонуть въ озерѣ всѣхъ *дѣтей*.

Очевидно, что и прославленный поэтами, божественный пѣвецъ Аполлонъ, былъ въ томъ же самомъ смыслѣ истребителемъ муловъ, собакъ, волковъ, мышей и саранчи, какъ и эти представители солнца въ германскихъ народныхъ преданіяхъ.

Существуетъ еще, какъ извѣстно, множество такихъ преданій и сказокъ, въ которыхъ «король» или вообще болѣе или менѣе выдающееся своимъ положеніемъ лицо (король *Попель*, епископъ майнцскій *Hatto*, епископъ страсбургскій *Wilderolf* или *Wilderadus*, и мн. др.) преслѣдуется мышами и *умерщвляется* ими на «дерево», или на высокой «башнѣ». Въ этихъ преданіяхъ мы имѣемъ лишь обратную сторону того же самаго основнаго мифа, при чемъ «дерево» и «башня» служатъ еще краснорѣчивымъ указаніемъ, что дѣло происходитъ не на землѣ, а на небѣ, на звѣздномъ деревѣ: солнце исчезаетъ, когда за нимъ поднимаются на небо звѣзды. Въмѣсто мышей въ такихъ мифахъ иногда являются тоже и *муравьи*, *комары* и т. п. ¹⁹⁹⁾.

¹⁹⁹⁾ См. преимущественно: Grohmann ун. соч. 76 слл. и Felix Liebrecht Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze (1879) стр. 1—16. Мнѣніе послѣдняго объ этихъ преданіяхъ, высказанное имъ уже давно (въ Zeitschr. f. d. Mythol. II [1855] стр. 408) заключается въ слѣдующее: . . . so sehen wir wie sich als ursprüngliche Grundlage der Sage, dass ein König oder sonstiger Landesherr (Popiel, Suio, Hatto u. s. w.) bei Gelegenheit einer Landesplage namentlich Hungernoth (wie Hatto und Snio) von Mäusen oder andern Ungeziefer auf einem Baume (wie in der walisischen Wendung) gefressen sei, ein uralter Brauch ergibt, bei eintreffendem öffentlichem Unglück (wie z. B. Hungernoth durch Mäusefrass) die Götter durch Opferung der Landesküperer vermittlels Hängens derselben zu versöhnen. Не отрицая возможности, даже вѣроятности, что дѣйствительно существовалъ означенный обычай, необходимо будетъ однако допустить, что этотъ обычай былъ самъ обусловленъ существованіемъ подобнаго рода мифовъ, а не наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ преданіяхъ имѣется множество чертъ (на которыя отчасти уже указалъ Grohmann въ означ. соч. стр. 81 сл.), никакъ не объяснимыхъ предположеніями Либрехта. Очень жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ остановиться хоть на преданіи о *Попелѣ*, какъ на самомъ замѣчательномъ изъ нихъ,

Убѣдительнымъ доказательствомъ правильности нашего пониманія означенныхъ животныхъ, съ одной, и Аполлона, съ другой стороны, служить еще и то обстоятельство, что Аполлонъ является не только во враждебныхъ съ ними отношеніяхъ, но и въ дружескихъ: волки и мыши «святѣ» (ἱερόν) Аполлону. Да онъ самъ, несомнѣнно, представлялся въ древнѣйшихъ мѣстахъ волкомъ и мышью, какъ можно заключить уже изъ того, что эти животные являются его «символомъ». Въ одномъ изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ мѣстъ культа Аполлона, въ его храмѣ въ Делфахъ, находилось золотое изображеніе волка, въ виду чего не трудно также понять и настоящій смыслъ его названія Λυχηγενής, «Волчицею рожденный» и мѣта о превращеніи его матери Латои въ волчицу²⁰⁰). Какъ волкъ, такъ и мышь изображались вмѣсто Аполлона на аргосскихъ монетахъ²⁰¹). Въ троядскомъ городѣ Хрисѣ, въ окруженномъ множествомъ священныхъ мышей храмѣ Аполлона, статуя изображала этого бога стоящимъ на мыши; и въ сосѣднѣмъ Амакситѣ, въ «Мышемъ» храмѣ Аполлона (Σμινθίων), гдѣ держались и кормились на общественныя средства *бѣлыя мыши*, было также изображеніе мыши возлѣ его треножника²⁰²).

Кстати, въ виду того, что самъ Аполлонъ представлялся и проч. въ образѣ мыши, позволительно будетъ усматривать слѣды солнечнаго мѣта и въ извѣстныхъ римскихъ преданіяхъ о консулахъ, носившихъ прозвище «Мышей» — Decius Mus, которые, *velato capite* (ср. чтò говорилось выше стр. 91 о *Дев-*

²⁰⁰) См. Каннибализмъ стр. 105 слл. Относительно эпитета λυχηγενής ср. тамъ же стр. 382 примѣч. 43.

²⁰¹) P o l l. IX 6, 84: ср. К. О. Müller Die Dorer I² (1844) стр. 287 примѣч. 3.

²⁰²) S t r a b. XIII 1, 48 p. 604: ἐν δὲ τῇ Χρῴσῃ ταύτῃ καὶ τὸ τοῦ Σμινθέως Ἀπόλλωνός ἐστιν ἱερόν, καὶ τὸ σύμβολον, τὸ τῆν ἐτυμότητα τοῦ ὀνόματος σώζον, ὃ μῦς ὑπόκειται τῷ ποδὶ τοῦ ἑοάνου. Σκόπη δ' ἐστὶν ἔργα, τοῦ Παρίου . . . Ἦρα κλειδης δ' ὁ Ποντικός πληθύντάς φησι μίας περὶ τὸ ἱερόν νομισθῆναι τε ἱεροῦς, καὶ τὸ ἑοάνον οὕτω κατασκευασθῆναι βεβηκὸς ἐπὶ τῷ μυί. A e l. De nat. animal. XII 5: καὶ τρέφονται μὲν ἐν τῷ Σμινθείῳ [въ Амакситѣ] μῦες τιθασοί, δημοσίως τροφὰς λαμβάνοντες, ὑπὸ δὲ τῷ βωμῷ φαλεύουσι λευκοί, καὶ παρὰ τῷ τρίποδι τοῦ Ἀπόλλωνος ἔστηκε μῦς.

націонъ), бросаются въ самое опасное мѣсто сраженія съ тѣмъ, чтобы своею геройскою смертію стать виновниками побѣды предводительствуемаго ими войска надъ врагами. Смыслъ мѣта, получившаго, несомнѣнно, примѣненіе и въ дѣйствительной жизни, тотъ, что закатъ солнца предвѣщаетъ восхожденіе слѣдующихъ за нимъ звѣздъ. Въ числѣ подобнаго рода преданій особенно поучительно, чтò намъ сообщаютъ древніе о геройскомъ самопожертвованіи аѣинскаго царя *Кодра* и о подобномъ же самопожертвованіи еиванскаго героя *Меникея*. Преданіе о Кодрѣ сохранилось въ самой первобытной формѣ у Полиэна (II в. по Р. Хр.). «Была война Аѣинянъ съ Пелопоннискцами. Богъ предсказалъ, что *Аѣиняне побѣдятъ, когда ихъ царь будетъ убитъ* Пелопоннисцемъ. Царемъ Аѣинянъ былъ Кодръ. Враги, зная предсказаніе, рѣшили во время сраженій не трогать Кодра. Послѣдній, когда наступилъ *вечеръ* [NB!], перодѣвшись *дровосткомъ* [φρουραστήρ, собств.: «подбиратель хвороста»; у Ликофрона δρυήβολος;—какъ «*дерево*», такъ и «*хворостъ*» часто является въ мѣтахъ въ значеніи звѣздъ] *вышелъ за частоколъ* [которымъ былъ окруженъ лагерь] и рубилъ дрова. Случились тутъ и Пелопоннисцы, пришедшіе за хворостомъ. Кодръ затѣялъ съ ними ссору и, поднявъ на нихъ *серпа*, ранилъ [нѣкоторыхъ]. Тѣ предупреждаютъ его, убиваютъ своими серпами и, *ликуя*, уходятъ, какъ будто совершивши подвигъ [NB!] [«Царь» съ «серпомъ», погибающій среди «враговъ», отражаетъ, очевидно, представленіе о смерти стараго солнца во время конъюнкціи съ луною на звѣздномъ небѣ]. Аѣиняне бросаются съ побѣднымъ крикомъ въ сраженіе» . . . и враги, узнавъ о совершившемся, бѣгутъ²⁰³⁾.

²⁰³⁾ Polyæn. Strateg. I 18. Ср. Pherecyd. ap. Polluc. X 128 (F. H. G. ed. Müller I p. 98 fr. 110); Hellenic. (?) ap. Schol. Plat. Conv. 27 p. 208 D; Lycurg. c. Leocr. 84 слл.: Demo ap. Phot., Arsen. et Suid. s. v. εδυνεότερος Κόδρου (= Apostol. VIII 6.); Cic. Tus. disp. I 49, 116; Trog. Pomp. ap. Just. II 6; Conon. Narr. 26; Vell. Paterc. I 2, 2; Val. Max. V 6 Ext. I; Plut. Parall. 18; Paus. I 19; VII 26; Ael. Aristid. ed. Dind. I p. 192, cf. Schol.; Zenob. I 84; Schol. Lycophr. Alex. 1378. — См. еще преимуще-

Преданіе о *Меникель*, приносящемъ себя въ жертву, чтобы обезпечить побѣду за Фиванцами, интересно тѣмъ, что, по *Аполлодору*, Меникей лишаетъ себя жизни тоже *за воротами города* ²⁰⁴). Не лишено также мнѳологическаго значенія и то выросшее, по преданію, надъ *могилою Меникея гранатовое дерево*, которое еще видѣлъ *Павсаній*, и которое, будучи несомнѣннымъ представителемъ звѣзднаго дерева, указываетъ намъ и проч. и на первоначальный смыслъ весьма распространеннаго обычая сажать деревья на могилахъ ²⁰⁵).

Возвращаясь однако опять къ тѣмъ изображеніямъ небесной борьбы, въ которой звѣзды являются въ образѣ животныхъ, замѣтимъ, что, подобно *Аполлону*, истребляющему саранчу, и другой изъ виднѣйшихъ представителей солнца, *Иракла*, тоже истреблялъ этихъ насѣкомыхъ, вслѣдствіе чего назывался и проч. тоже «*Саранчевымъ*» *Κορυμπών* и «*убійцею червей*» *Ἰπποχτόνος* ²⁰⁶).

Еще гораздо интереснѣе для насъ, имѣя въ виду мнѳ о журавляхъ и Пигмеяхъ, борьба *Иракла* съ *птицами*. И объ *Аполлонѣ* мы могли бы заключить по его прозвищу *Γυπαίβος*, что онъ боролся съ *коршунами* ²⁰⁷). Но, по недостатку точныхъ указаній въ мнѳахъ, наши выводы могли бы казаться сомнительными. Зато о борьбѣ *Иракла* съ птицами сохранились столь подробные мнѳы, что ими мы можемъ смѣло воспользоваться въ многихъ отношеніяхъ для поясненія мнѳа о журавляхъ и Пигмеяхъ.

ственно К. Люгебиль Историко-эпѳологическія изслѣдованія (1868): Аѳинскій царь Кодръ и отнята царской власти въ Аѳинахъ (K. Lugebil Zur Geschichte der Staatsverfassung von Athen въ Jahrb. f. cl. Phil. Suppl. V стр. 537 слл.).

²⁰⁴) Apollod. III 6, 7, 8: . . . [Τειρεσίας] Θηβαίους μαντεύομενος εἶπε νικήσειν, εἰν Μενουκίῳς ὁ Κρέοντος, Ἄρει σφάγῳν αὐτὸν ἐπιδίδῶ. τοῦτο ἀκούσας Μενουκίῳς ὁ Κρέοντος, ἑαυτὸν πρὸ τῶν πυλῶν ἔσφαξε.

²⁰⁵) Paus. IX 25: Θηβαίους δὲ τῶν πυλῶν ἐστὶν ἐγγύτατα τῶν Νηϊστῶν Μενουκίῳς μνήμα . . . Τοῦ δὲ Μενουκίῳς ἐπέφευκε βροία τῷ μνήματι τοῦ καρποῦ δὲ ὄντος ὠραίου διαρρήξαντί σοι τὸ ἐκτός λοιπὸν ἐστὶν εὐρεῖν τὸ ἔνδον αἵματι ἑμπερές.

²⁰⁶) Strab. XIII 1, 64 p. 613.

²⁰⁷) Соноп. Narr. 35, гдѣ нѣтъ указанія именно на враждебное отношеніе.

Выше (стр. 9 сл.) мы уже имѣли случай сопоставить Иракла съ Аполлономъ, по поводу того, какъ они являются уподобившимися ночи, при чемъ мы замѣтили, что окружающіе ихъ *трупы*, или *мертвецы*, разныя *животныя*, пылающіе *костры* и проч. означаютъ звѣзды. Между тѣмъ, именно въ описаніи пребыванія Иракла въ Андѣ мертвецы *сравниваются* съ птицами: «вокругъ него происходилъ гулъ отъ мертвецовъ, какъ отъ птицъ», и, что замѣчательнѣе всего, это сравненіе заступаетъ мѣсто прямого указанія, въ кого собственно Ираклъ «металъ постоянно» свои стрѣлы²⁰⁸). Это, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ значеніемъ гомеровскихъ сравненій, можетъ уже служить достаточнымъ указаніемъ на первоначальную природу и тѣхъ *Стимфалскихъ птицъ*, борьба съ которыми принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ подвиговъ Иракла²⁰⁹). Кроме того, звѣздную природу Стимфалскихъ птицъ доказываютъ не только ихъ *железные перья*, служившія имъ вмѣсто *стрѣлъ*

²⁰⁸) O d y s s. XI 605.

ἀμφὶ δὲ μιν κλαγγὴ νεκρῶν ἦν οἰωνῶν ὡς,
πάντοσ' ἀτρζομένων· ὁ δ' ἐρεμνῇ νυκτὶ ἰοικώς,
γυμνὸν τόξον ἔχων καὶ ἐπὶ νευρῆφιν δίστον,
δεινὸν παρταίνων, αἰεὶ βαλόντι ἰοικώς.

²⁰⁹) Apollo d. II 5, 6: ἔκτον ἐπέταξεν [Εὐρουθεύς] ἄθλον αὐτῶν τὰς Στυμφαλίδας ὄρνιθας ἐκδιῶξαι [NB.]. ἦν δὲ ἐν Στυμφάλῳ πόλει τῆς Ἀρχαδίας Στυμφαλίδος λεγόμενῃ λίμνῃ, πολλῇ συνηρηφῆς ἕλη· εἰς ταύτην ὄρνεις συνέφυγον ἄπλετοι, τῆν ἀπὸ λύπης ἀρκαυῆν [напрасно замѣняютъ въ ὄρνυήν] δεδοικυῖαι [это, очевидно, слѣдъ имѣе о борьбѣ «волковъ» съ «птицами», т. е. о взаимной борьбѣ звѣздъ]. ἐπιγαυῶντος οὖν Ἰρακλέους πῶς ἐκ τῆς ἕλης τὰς ὄρνιθας ἐκβάλλη, χάλκεα κρόταλα δίδωσιν αὐτῷ Ἀθηνᾶ παρὰ Πραίστου λαβοῦσα. ταῦτα κρούων ἐπὶ τινος ὄρους τῆς λίμνης παρκεμένους τὰς ὄρνιθας ἐφόβει· αἱ δὲ τὸν δοῦπον οὐχ ὑπομένουσαι μετὰ δέους ἀνίσταντο, καὶ τοῦτον τὸν τρόπον Ἰρακλῆς ἐτόξευσεν [ср. однако выше ἐκδιῶξαι] αὐτάς. См. еще: Apollo n. II 1052 сл. и Schol. къ этому мѣсту; Strab. VIII 6, 8 p. 371; Paus. VIII 22, 4; Hyg. Fab. 30; Serv. Comment. in Virg. Aen. VIII 30, гдѣ особенно замѣчательно извѣстie: . . . Stymphalides aves, quae alumnae Martis fuisse dicuntur, quae hoc periculum regionibus inrogabant, quod cum essent plurimae volantes, tantum plumarum stercorumque de se emittebant, ut homines et animalia pesarent, agros et semina omnia cooperirent. (Такъ-какъ «перья» и «лаговъ», очевидно,—звѣзды и ночной мракъ, то этимъ облегчается обьясненіе этого подвига Иракла съ слѣдующимъ затѣмъ его подвигомъ, очищеніемъ *Лейвеи злѣма*).

и покрывавшія, вмѣстѣ съ ихъ пометомъ (т. е. ночнымъ пракомъ), цѣлныя поля, — но и сохранившаяся въ нѣкоторыхъ реляціяхъ черта *безсмертія*: Ираклъ только проонлетъ изъ звукомъ бубновъ или другаго инструмента («звукъ», какъ мы видѣли, означаетъ свѣтъ), а не убиваетъ ихъ своими стрѣлами, или убиваетъ только часть изъ нихъ. Къ тому же и *лъса*, въ которомъ онѣ гнѣздяты, вокругъ *Стимфалскаго озера*, Στιμφηλῖς λίμνη, — не чтò иное, какъ замѣна звѣзднаго дерева, вырастающаго вокругъ луны. *Стимфалъ*, Στόμφαλος, то же, чтò στέφανος (ср. напр. νυμφ- и νεφ- въ νύμφη и νεφέλη) «вънокъ», собственно: «покрытый», «облитый» или «осыпанный», былъ первоначально, вѣроятно, однимъ изъ названій солнца, «осыпаннаго» звѣздами, и превратился потомъ, судя по мнѣю о его *растерзаніи*, въ представителя звѣзднаго неба²¹⁰). Соответственно этому, Στιμφηλῖς λίμνη, женск. р., должна означать лунное озеро, луну: солнечное озеро было бы мужск. р., какъ напр. Ἄιδου λίμνη; ср. также начало III-ей пѣсни Одиссеи: «Солнце поднялось на многозѣдное [т. е. звѣздное] небо, оставивъ прекрасное озеро [ж. р.]»²¹¹).

²¹⁰) О *растерзаніи Стимфала* сообщаетъ Apollod. III 12, 6, 10 весьма поучительное извѣстіе. ἦν δὲ εὐσεβέστατος ἀπάντων Αἰακός. διὸ καὶ τὴν Ἑλλάδα κατεχοῦσης ἀφορίας διὰ Πέλοπα, ὅτι Στιμφάλῳ τῷ βασιλεῖ τῶν Ἀρκάδων πολεμῶν, τὴν Ἀρκαδίαν εἰλεῖν μὴ δυνάμενος, προσποιησάμενος φίλων ἐκτείνεν αὐτὸν καὶ διέσπειρε μελεΐστας, χρησμοὶ θεῶν ἔλεγον ἀπαλλαγῆσθαι τῶν ἐνεστώτων κακῶν τὴν Ἑλλάδα, ἐν Αἰακὸς ὑπὲρ αὐτῆς εὐχὰς ποιήσεται. — Относительно *осмысла* см. выше стр. 48 и 54 примѣч. 88. Въ дополненіе къ тому, чтò сказано въ последнемъ мѣстѣ о «вѣнкѣ» (στέφανος), считаю не лишнимъ указать на Hom. Epigr. 13:

Ἄνδρὸς μὲν στέφανος παῖδες, πύργοι δὲ πόλιος,
ἵπποι δ' ἐν πεδίῳ κόσμος, νῆες δὲ θαλάσσης . . .

Замѣчательно, что всѣ употребленныя здѣсь выраженія имѣютъ мнѣологическое значеніе: «дѣти», составляющія «*вѣнокъ мужа*», «*башни*», «*лошадѣ*» и «*корабли*» постоянно являются въ мнѣяхъ представителями звѣздъ. *Сτέφανος* и *κόσμος*, какъ мы уже видѣли, — солнце. Нахожу весьма вѣроятнымъ, что *πόλις* (ж. р.; ср. *πόλεμος* м. р. = солнце, выше стр. 28 примѣч. 42) и *θάλασσα* были нѣкогда названіями луны. — Относительно *субфиксов* словъ *στέφανος* и *Στόμφαλος* см. Leo Meyer Vergl. Grammat. d. gr. u. lat. Spr. II (1863) стр. 193—203.

²¹¹) Odys. III 1:

Ἥλιος δ' ἀνδρούσε, λίπῶν περικαλλέα λίμνην,
οὐρανὸν ἐς πολύγαλκον . . .

Аполлодоръ, въ своемъ описаніи побѣды Иракла надъ Стимфалскими птицами, замѣчаетъ мимоходомъ, что въ лѣсъ, окружающій Стимфальское озеро, эти птицы слетѣлись, «*побоявшись хищенія, производимаго волками*, τὴν ἀπὸ τῶν λύκων ἀρκαγῆν δεδοικῶτα. Странность этого извѣстія, не устраняемая и замѣною слова «хищеніе» словомъ «вой» (ἄρουγῆν), которую предлагаетъ Имануиль Беккеръ, свидѣтельствуешь, что въ данномъ мѣстѣ мы имѣемъ указаніе на древній мифъ о борьбѣ птицъ съ волками въ родѣ тѣхъ, которые сохранились въ современныхъ сказкахъ²¹²⁾. У Иродота мы имѣемъ слѣдъ мифа (на которомъ еще остановимся) о *похищеніи золота у птицъ* однимъ человѣкомъ — представителемъ солнца, лишшаго звѣзды ихъ блеска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него же и у другихъ говорится о хищеніи золота у птицъ цѣлыми народами, вступающими съ птицами въ сраженіе. Вѣроятно, и въ предполагаемомъ мифѣ говорилось сперва о борьбѣ одного «волка» съ «птицами», а затѣмъ, вслѣдствіе обычнаго осложненія, явились и «волки». Слѣды такой борьбы животныхъ съ птицами мы имѣемъ напр. у Ктисіа, который сообщаетъ, что Индійцы охотятся не только на *зайцевъ*, но и на *лисицъ*, не собаками, а птицами: *вдронами*, *ястребами*, *воронами* и *орлами*²¹³⁾; также у старшаго Плинія, сообщающаго, что *Пигмеи* отправляются противъ *журавлей*, сидя верхомъ на *баранахъ* и *козахъ*; при чемъ мы узнаемъ и о замѣчательной чертѣ, свидѣтельствующей о звѣздной природѣ самихъ Пигмеевъ, именно, что ихъ дома построены изъ *болота*, *перьевъ* и скорлупы *яицъ*: «болото», какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ «*пometу*» *Стимфалскихъ птицъ* и означаетъ ночной мракъ; «*яйца*», какъ и «перья», въ данномъ случаѣ,—конечно, звѣзды²¹⁴⁾.

²¹²⁾ См. напр. *Brüd. Grimm* К. и Н. М. № 102.

²¹³⁾ *Ctes. fragm.* 57, 11 (приведено ниже стр. 130 примѣч. 223) et 69 (ар. *Aelian. N. A.* IV 27) ed. C. Müller p. 81, 82 et 95, гдѣ указана и литература по поводу этого извѣстія.

²¹⁴⁾ *Plin. N. H.* VII 2: *Fama est, insidentes arietum caprarumque dorsis, armatos sagittis veris tempore universo agmine ad mare descendere*

Впрочемъ, для насъ пока интереснѣе именъ, въ которыхъ птицы борются не съ животными, а съ людьми. И въ этомъ отношеніи именъ о борьбѣ Иракла со Стимфалскими птицами поучителенъ тѣмъ, что у Аполлонія, вмѣсто одного Иракла мы уже встрѣчаемъ въ борьбѣ съ этими птицами цѣлое войско — Аргонавтовъ²¹⁵). Это значительно сближаетъ именъ объ Ираклѣ и Стимфалскихъ птицахъ съ именомъ о Пигмеяхъ и журавляхъ. Если мы еще сообразимъ, что Ираклъ, какъ богъ атлетовъ по преимуществу, могъ называться и проч. и *Пигмахомъ* Πυγμαχος или *Пиктомъ* Πίκτης, то-есть, «Булачникомъ», гораздо больше заслуживая носить это прозвище, чѣмъ *Аполлонъ*, который назывался Πίκτης²¹⁶), — то станетъ возможнымъ допустить, что и въ имени Пигмаевъ отразилась связь этихъ послѣднихъ съ Иракломъ, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ, существовалъ и именъ, вполне подтверждающій это предположеніе.

Походъ журавлей противъ Пигмаевъ²¹⁷).

Флавій Филостратъ (III в. по Р. Хр.) въ своихъ «Картинахъ» сообщаетъ, какъ сюжетъ одной картины, слѣдующее: «Въ Ливіи на спящую Иракла, — послѣ его победы надъ Антеемъ — нападаютъ Пигмеи, собираясь отомстить

[Pygmaeos], et ova pullosque eorum alitum [i. e. gruum] consumere: terminis expeditionem eam mensibus confici, aliter futuris gregibus non resisti. Casas eorum luto pennisque et ovorum putuminibus construi.

²¹⁵) Apollon. Rhod. Argon. II 1030—1089. H y g. Fab. 20.

²¹⁶) Plut. Quaest. conv. VIII 4, 4, 6.

²¹⁷) Изъ обширной литературы по поводу древнихъ преданій о Пигмеяхъ довольствуюсь здѣсь указаніемъ только на новѣйшее изслѣдованіе A. de Quatrefores Les Pygmées d' Homère, d' Aristote, de Pline, d' après les découvertes modernes въ Journal des Savants 1881 fevr. стр. 94 сл. Большинство ученыхъ полагаютъ, что именъ о Пигмеяхъ вызваны извѣстіями о дѣйствительныхъ малорослыхъ народахъ. Но такія извѣстія могли только поддерживать эти именъ, но никакъ не могли быть первоначальной причиною ихъ появленія.

за Антѣя, потому что, по ихъ мнѣнію, — замѣчаетъ шутливо Филостратъ — они *братья Антѣя*, люди знатнаго происхожденія, не атлеты, правда, не такіе борцы, какъ Ираклъ, но зато они *землерожденные* и въ другихъ отношеніяхъ *моучіе*, и, когда они *восходятъ* [такъ] изъ земли, то *взвывается песокъ*. Ибо Пигмаи живутъ въ землѣ, какъ *муравьи*, собираютъ припасы и питаются не чужимъ, а ѣдятъ свое, заготовленное ими самими, такъ какъ они и сѣютъ и жнутъ, и пользуются повозками, величиною въ кулакъ, и употребляютъ, какъ говорятъ, даже *топоры* — для рубки колосевогъ, полагая, что это *деревья*. Дальше описывается, какъ пигмаійскіе стрѣлки и пращники обступили лежащаго на песокъ Иракла со всѣхъ сторонъ, и какъ, наконецъ, они между проч. собираются *зажечь волосы Иракла и выколоть его глаза мотыкою о двухъ острияхъ*. Изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ видно, что *Ираклъ, проснувшись, размѣялся надъ наивнымъ замысломъ Пигмаевъ, собралъ ихъ всѣхъ въ свою львиную шкуру и унесъ съ собою*²¹⁸).

²¹⁸) Philostr. Imag. II 12: Ἐν Λιβύῃ καθέδονται τῷ Ἡρακλεῖ μετὰ τὸν Ἀνταῖον ἐπιτίθενται οἱ Πυγμαῖοι τιμωρεῖν τῷ Ἀνταίῳ φάσκοντες, ἀδελφοὶ γὰρ δὴ εἶναι τοῦ Ἀνταίου, γενναῖοί τινες, οὐκ ἀθληταὶ μὲν, οὐδ' ἰσοπαλεῖς, γηγενεῖς δὲ καὶ ἄλλως ἰσχυροί, καὶ ἀνιόντων ἐκ τῆς γῆς ὑποκυμαίνει ἡ ψάμμος. οἰκοῦσι γὰρ οἱ Πυγμαῖοι τὴν γῆν ὅσα μθρημικῆς καὶ ἀγροῦν ἀποστθενται, ἐπισιτίζονται δὲ οὐκ ἄλλότρια, ἀλλ' οἰκεία καὶ αὐτοεργά, καὶ γὰρ σπεῖρουσι καὶ θερίζουσι καὶ πυγμαίων ζεύγει. ἐφροσῶσι, λέγονται δὲ καὶ πελέκει χρῆσασθαι ἐπὶ τὸν ἄσταχυν ἡγούμενοι αὐτὸν δένδρα εἶναι· ἀλλὰ τοῦ θράσους· ἐπὶ τὸν Ἡρακλέα οὗτοι, καὶ ἀποκτεῖναι φασὶ καθέδοντα, δεῖσιαν δ' ἂν οὐδ' ἐρηγοροῦσα. ὁ δὲ ἐν ἀπαλῇ τῇ ψάμμῳ καθέδουε καμάτου αὐτὸν ὑποδεσφύτος ἐν τῇ πάλῃ, καὶ παντὶ τῷ στέρνῳ τὸ ἄσθμα ἐφέλλεται χανθὸν ἐμπιπλάμενος τοῦ ὕπνου, αὐτὸς τε ὁ Ἴπνος ἐφρόστηκεν αὐτῷ ἐν εἶδει, μέγα, οἶμαι ποιοῦμενος τὸ ἑαυτοῦ ἐπὶ τῷ τοῦ Ἡρακλέους πτόματι. κείται καὶ ὁ Ἀνταῖος, ἀλλ' ἡ τέχνη τὸν μὲν Ἡρακλέα ἐμπνουν γράφει καὶ θερμῶν, τὸν δὲ Ἀνταῖον τεθνηκότα καὶ αἶον καὶ καταλείπει αὐτὸν τῇ γῇ. ἡ στρατιὰ δὲ οἱ Πυγμαῖοι τὸν Ἡρακλέα περισχόντες μία μὲν αὐτῆ φάλαγγ τὴν ἀριστερὰν χεῖρα βάλλουσι, δύο δὲ οὗτοι· λόγοι στρατεύουσιν ἐπὶ τὴν δεξιὰν ὡς μάλλον ἐρωμένην καὶ τῷ πόδα πολιορκοῦσι τοξόται καὶ σφενδονητῶν ὄχλος ἐκπληττόμενοι τὴν κνήμην, ὅση, οἱ δὲ τῇ κεφαλῇ προσμαχόμενοι τέτακται ἐνταῦθα ὁ βασιλεὺς καρτερωτάτου αὐτοῖς τούτου δοκοῦντος, ἐπάγουσι δὲ καὶ ὅσον ἀκροπόλει μηχανάς, πῦρ ἐπὶ τὴν κόμην, ἐπὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς διεκείλαν, θύραι [θύρας?] τινεῖς ἐπὶ τὸ στόμα καὶ τὰς τῆς βίνος, οἶμαι, πύλας, ὡς μὴ ἀναπνεύσει ὁ Ἡρακλῆς, ἐπειδὴν ἡ κεφαλὴ ἀλφ. ταυτὶ μὲν περὶ τὸν καθέδοντα, ἰδοὺ δὲ καὶ ὡς ὀρθοῦται καὶ ὡς ἐπὶ τῷ κινδύνῳ γελᾷ τοὺς τε πολεμίους πανσὺνδὶ συλλεξάμενος ἐς τὴν λεοντῆν ἐπιτίθεται καὶ, οἶμαι, τῷ Ἐὐρυσθεῖ φέρει.

Въ данномъ случаѣ шутивное пониманіе мнѣа было причиною, что онъ дошелъ до насъ въ такой первобытной формѣ, какой мы никогда не могли бы ожидать въ болѣе серьезной, рационализованной передачѣ. Это, въ сущности, та самая причина, которая дѣлаетъ самыми драгоценными для мнѣологии тѣ сказки, которыя, отказываясь отъ всякаго притязанія на правдоподобіе, сами заявляютъ, что сообщаемое въ нихъ есть вымыселъ, ложь (у Нѣмцевъ такъ называемыя *Lügenmärchen*). Благодаря этому, въ рассказѣ Филострата по поводу шутиваго сюжета картины, почти каждое слово имѣетъ глубокое мнѣологическое значеніе.

Мы тутъ впервые узнаемъ напр., что Пигмѣи произошли, подобно другимъ представителямъ звѣздъ, *изъ земли* (*γῆγενεῖς*), что они по-своему *боролись съ Иракломъ*, что они *братья Антѣя*—идентичнаго, въ сущности, съ самимъ Иракломъ, что *Иракль, проснувшись, смѣялся* (т. е. сиялъ), и что, по всему вѣроятію, первоначально въ мнѣѣ *голова Иракля* изображалась при этомъ *пылающею*, подобно головѣ *Ахилла* и другихъ солнечныхъ героевъ. Заявленіе, что Пигмѣи—*не атлеты*, напоминаетъ *Фваковъ*, несомнѣнныхъ представителей звѣздъ въ *Одиссееѣ*, которые охотно признаются, что они плохіе булачники, *πυμάχοι*²¹⁹). Что спящій Иракль лежитъ на *пескѣ*, и что *при «восхожденіи» Пигмѣевъ изъ земли встаетъ песокъ*

²¹⁹) *Odysse VIII 246* (слова Алииноя):

. . . «οὐ γὰρ πυμάχοι εἰμὲν ἀμίμονες οὐδὲ παλαιστοί,
ἀλλὰ ποσὶ κραιπνῶς θέομεν καὶ πηυσὶν ἄριστοι,
αἰεὶ δ' ἡμῖν θαλά τε φίλη κίθαρις τε χοροὶ τε
εἶματά τ' ἐξημοιβῆ λοστρά τε θερμά καὶ εὐνάι.
ἀλλ' ἄγε, Φαιήκων βητάριμονες ὅσοι ἄριστοι,
παύσατε, ὡς χ' ὁ ξείνος ἐνίστη οἷσι φλοισπιν,
ὄλαθε νοστήσας, ὅσσον περιγυρόμεθ' ἄλλων
παντίλη καὶ ποσσὶ καὶ ὄρηστυὶ καὶ ἀοιδῇ».

Всѣ отличенныя мною курсивомъ выраженія заключаютъ въ себѣ указаніе на звѣздную, отчасти вообще небесную природу *Фваковъ*, т. е. «Свѣтлыхъ». Они небесныя «*явцы*», «*блужды*», «*пласуны*», «*плаватели*». «*Смѣяна одежди*» и «*булавы*» указываютъ на восхожденіе и закатъ и на періодичность сиянія (ночью она «*блѣзне*», «*красныя*» или «*золотыя*», днемъ «*черныя*», т. е. невидимы).

«*озвивается*», это указывает на то, что и подъ «нескомъ» понимались первоначально звѣзды, какъ это можно, впрочемъ, прослѣдить и на множествѣ другихъ мифовъ ²²⁰). Еще другое названіе звѣздъ мы имѣемъ въ «*колосьяхъ*», среди которыхъ «*топора*», казавшійся столь неумѣстнымъ, означалъ, конечно, луну, также точно какъ и «*мотыка о двухъ зубахъ*» (δκελλα), направляемая Пигмѣями противъ глазъ Иракла. Съ «топоромъ» или «сѣвирю», въ значеніи луны, мы уже имѣли случай ознакомиться ²²¹). О «колосьяхъ» замѣтимъ, что ихъ значеніе особенно наглядно поясняется мифами о солнечныхъ герояхъ, отличающихся такою быстротою, что могутъ *блѣзжать по верхушкамъ колосьевъ*, при чемъ, вмѣсто поля, усѣяннаго колосьями, является иногда и *море* — несомнѣнно небесное ²²²). Въ виду

²²⁰) См. н. проч. выше стр. 107.

²²¹) См. выше стр. 38 примѣч. 53.

²²²) Такъ напр. объ *Ифיקлѣ*, сводномъ братѣ Фазеонта, т. е. «Свѣтлаго», мы читаемъ, Hesiod. fr 162 ed. Lehrs (cp Eustath. Comm. p. 245 ed. Rom):

ἄκρον ἐπ' ἀνθρώπων καρπὸν θεῶν οὐδὲ κατέκλα,
ἀλλ' ἐπὶ πυραμίνων ἀθέρων ὁρώμασθε πόδεςαι,
. . . καὶ οὐ σινέσχετο καρπὸν.

Orph. fr. 56, 10 ed. Mullach (ap. Io. Tzet. Ekeg. Hom. p. 26):

οὐδ' ἂν Ἴφικλοῖο θεώτερος αἴψα γένηται [codd. αὐδάζοιο, αὐγάζοιο],
ὄστε καὶ ἀνθρώποισσι ἐπίτρεγεν, οὐδέ τι καρπὸν
σίνετ', ἀήσυρα γιῶα φέρων ἐπὶ λήϊον αὖον.

Ср. Luc. Pro imag. 2); Schol. B Iliad. XX 227; Schol. Odyss. XI 326; Eustath l. c. p. 1206, 8; 1689, 2. Ификлѣ бѣгалъ и по *поверхности моря*, Schol. Apollon. Arg. I 45: τὸν δὲ Ἴφικλον Ἰσίοδος ἐπὶ πυρίνοισι ἀθίρας τρέχων φησίν, Δημάρατος δὲ ἐπὶ τῆς θαλάσσης. Подобное мы знаемъ объ *Эфимѣ*, Apollon. Arg. I 182:

. . . καὶ πόντου ἐπὶ γλαυκοῖο θέεσκεν
οἴδατος, οὐδὲ θεοῦ βάπτειν πόδας· ἀλλ' ὅσον ἄκροισι
ἴχνησι τεγγόμενος διερῆ πεφόρητο κελεύθω.

Ср. Schol. Pind. Pyth. 4, 61. Это напоминаетъ *12 кобылъ*, дочерей *Ворелъ*, Iliad. XX 226:

αἱ δ' ὅτε μὲν σκιρτῶεν ἐπὶ ζειδωρον ἄρουραν,
ἄκρον ἐπ' ἀνθρώπων καρπὸν θεῶν οὐδὲ κατέκλων·
ἀλλ' ὅτε δὴ σκιρτῶεν ἐπ' εὐρέα νῶτα θαλάσσης,
ἄκρον ἐπὶ ῥηγμίνος ἄλδς πολιοῖο θέεσκον.

Ср. Verg. Aen. VII 818 — 811 о *Каликлѣ*; O v. Met. X 654 сл. о бѣгѣ

всего этого не лишено значенія и сравненіе *Пигмеевъ* съ муравьями. Такъ какъ мы знаемъ много о муравьяхъ, обладающихъ золотымъ пескомъ, изъ-за котораго и происходитъ съ ними борьба, то кажется, не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что и «песокъ», упоминаемый въ разсматриваемомъ разсказѣ о Пигмеехъ, былъ собственно «золотой песокъ».

Впрочемъ, что сравненіе Пигмеевъ съ муравьями не есть дѣло простой случайности, мы могли бы заключить и изъ Бтисіева описанія индійскихъ «черныхъ» Пигмеевъ, въ которомъ стремленіе, выставить наружный видъ Пигмеевъ похожимъ на образъ муравья, невольно бросается въ глаза²²³).

Аталанты съ *Пиломеомъ*. Сюда же относится, несомнѣнно, и то, что читается въ *Одиссее* объ *Аеммѣ* и объ *Эрмій*, I 96 слл. и V 44 слл.:

. . . ὑπὸ ποσσίν ἐδήσατο κατὰ πέδιλα,
ἀμβρόσια, χρύσεια, τὰ μιν φέρον ἡμὲν ἐφ' ὕγρην
ἡδ' ἐπ' ἀπειρονα γαῖαν ἄμα πνοιῆς ἀνέμοιο.

Вспомнимъ, наконецъ, и соответствующую черту въ русскихъ былинахъ напр. *Рыбняковъ*. Пѣсни II (1862) стр. 139:

Поѣхалъ молодецъ поверхъ травы,
Поѣхалъ молодецъ ниже лѣса стоячаго [подраз.: на небо],
Вышло облака ходячаго.

²²³) Привожу все это описаніе индійскихъ *Пигмеевъ*, такъ какъ оно включаетъ въ себя еще цѣлый рядъ другихъ первобытныхъ чертъ, свидетельствующихъ о звѣздной природѣ Пигмеевъ. C t e s. fr. 57, 11 ed. C. Müller (Phot. Bibl. Ecl. 72): "Ὅτι ἐν μέσῃ τῇ Ἰνδῶν ἀνθρώποι εἰσι μὲν πλοῦτοι Πυγμαῖοι, δριβυλοσοὶ τοῖς ἄλλοις Ἰνδοῖς. Μικροὶ δὲ εἰσι λίαν εἰς μακρὰ τὰ αὐτῶν, πῆχεων δύο· οἱ δὲ πλείστοι, ἐνὸς ἡμίσεως πῆχος. Κόμην δὲ ἔχουσι κροτάτην μέχρις ἐπὶ τὰ ὕψηλα καὶ ἐτι κατώτερον καὶ πάγωνα μέγιστον κτήνη ἀνθρώπων. Ἐπειδὴν οὖν τὸν πάγονα μέγαν φύσασιν, οὐκέτι ἀμφιένονται οὐδὲν ἱμάτιον, ἀλλὰ τὰς τρίχας τὰς μὲν ἐκ τῆς κεφαλῆς δισπένει καθέναν καὶ ἐπὶ τῶν γονάτων, τὰς δὲ ἐκ τοῦ πάγονος, ἐμπροσθεν μέχρι ποδῶν ἐλκομένας· ἐπιπεπερικυκαλιόμενοι τὰς τρίχας περὶ ἅπαν τὸ σῶμα ζώνονται, χροόμενοι αὐταῖς ἐπὶ ἱματίου. Αἰδοῖον δὲ μέγα ἔχουσι ὥστε φαίνειν τῶν σφυρῶν αὐτῶν, καὶ παχὺ. Ἄνθρωποι δὲ σιμῶτε καὶ αἰσχροί. Τὰ δὲ πρόβατα αὐτῶν, ὡς ἄρνες, καὶ οἱ ὄνοι καὶ εἰς ἄλλοις σχεδὸν ὅσον κριοί, καὶ οἱ ἵπποι αὐτῶν καὶ ἡμίονοι καὶ τὰ ἄλλα κτήνη πάντα οὐδὲν ἴσους κριοῦν. Ἔπονται δὲ τῷ βασιλεῖ τῶν Ἰνδῶν τούτων τῶν Πυγμαίων ἄνδρες τριῶν· οἱ σφοδρὰ γὰρ εἰσι τοξόται. Δικαιοτάτοι δὲ εἰσι, καὶ νόμοισι χρῶνται ὥστε πᾶσι περὶ; καὶ οἱ Ἰνδοί. Λαγυσοὶ τε καὶ ἀλώπεκας θηρεύουσιν, οὐ τοῖς πῦσιν ἀλλὰ ἰσχυρᾶ καὶ ἰκτίσι καὶ κορώναις καὶ ἀετοῖς. Ὅτι λίμνη ἐστὶν ἐν αὐτοῖς (σταδίων ἑκατοσίων ἢ περίμετρος), ἐν ᾗ ἀνέμου μὴ πνέοντος ἐπάγου τῆς λίμνης ἔλαιον ἐρίσταν.

Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать съ полнѣйшею достовѣрностью, что подъ *Пигмеями* понимались первоначально звѣзды.

Относительно борющихся съ ними журавлей, мы можемъ, на основаніи вышерассмотрѣнныхъ мифовъ о *Стримфалскихъ птицахъ*, утверждать столь же положительно, что и эти воинственные журавли представители звѣздъ. Если бы еще оставалось хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, понимались ли когда

Καὶ κλοαροῖς πλείοντες δὲ αὐτῆς, ἐκ μέσης αὐτῆς σκαφοῖς τὸ ἐλατὸν ἀπαρύνονται καὶ χροῦνται. Χροῦνται δὲ καὶ σφραμίτῳ. Ἔχει δὲ ἡ λιμνὴ καὶ ἰχθύας. Καὶ τῷ κροῖτῳ δὲ χροῦνται. Κρεῖσσον δὲ τὸ λιμναῖον. Отиѣтнимъ слѣдующее. Пигмеи говорятъ на томъ же языкѣ, какъ *Индіицы*, и пользуются одинаковыми съ ними законами. Это находится въ связи съ тѣмъ, что и *Индіицы* являются, какъ еще увидимъ, въ роли небесныхъ свѣтилъ, въ борьбѣ съ «муравами» изъ-за «золота». — Необычайное обиліе и длина головныхъ волосъ и бороды у Пигмеевъ (ср. м. проч. *Apollod. I 6, 1, 2* о *Гимнатѣ*; *I 6, 3, 4* о *Тифонѣ*) объясняется тѣмъ, что «волосы», какъ мы уже замѣтили выше стр. 107 примѣч. 174, означали звѣзды. На счетъ «бороды» въ особенности слѣдуетъ сравнить выраженія: *φλογὸς μέγας πώγων* (*Aeschyl. Ag. 306*), «великая борода пламени», и *πώγων πυρός* (*Euphr. fr. 828 ed. Wagn.; ср. Poll. Opom. II 88*), «борода огня». Мифологическое значеніе имѣютъ, конечно, и нѣмецк. *Roikbart; Rainschebart*, вступившіе мѣсто *Wuotana* (сожалѣю, что я не имѣлъ подъ рукою статьи *K. Christ Der wilde Jäger und weitere Namen des höchsten deutschen Gottes Wuotan* въ *Monatsschr. f. d. Gesch. Westdeutschl. V* [1880] стр. 622—633). Отчасти сюда же относится и то важное значеніе, которымъ пользуется борода у разныхъ народовъ. — Перечень животныхъ: лошади, ослы, мулы, коровы, овцы, козы и ягнята, затики, зайцы и лисицы, а изъ птицъ—вороны, ласточка, воробьи и орлы, — представляетъ собою рядъ чаще всего встрѣчающихся въ мифахъ зооморфическихъ представителей небесныхъ свѣтилъ. На счетъ *оготы* съ птицами, вмѣсто собакъ, я уже высказался выше стр. 125. — Что пигмейскіе стрѣлки слѣдуютъ за индіискимъ *царемъ* въ количествѣ *трехъ тысячъ*, это напоминаетъ *тридцать тысячъ дьяволовъ*, состоящихъ, по *Исиду*, въ услуженіи у *Зевса*. См. выше стр. 85 примѣч. 152. Ср. также *3000 Океавиды*, *Несидод. Theog. 364*; и др. — Весьма замѣчательно описаніе *озера*, на которомъ, при тихой погодѣ, *плаваютъ масло*, т. е. дневной свѣтъ («тихая погода», «безвѣтріе» = день; «буря», «осень», «зима» и т. п. = ночь; ср. ниже стр. 137 сл.). *Лодки* и тѣ *сосуды (σκάφη)*, которыми Пигмеи черпаютъ это «масло», — починны хранилища дневнаго свѣта: звѣзды. Не даромъ замѣчается, что они приготавливаютъ масло и изъ *сезамового (гороховиднаго)* плода и изъ *ореховъ* (ибо «горохъ» и «орѣхи» — звѣзды; ср. выше стр. 48 и 72 сл.), но что масло съ означеннаго озера лучше.

либо звѣзды специально подъ названіемъ «журавлей», то достаточно было бы обратить вниманіе хоть на извѣстный мифъ о поэтѣ *Ивигѣ*, умирающемъ именно въ тотъ моментъ, когда надъ нимъ раздается крикъ журавлей²²⁴). *Ивигѣ* является въ этомъ мифѣ, подобно *Амфіону*, *Орфею*, *Аріону* и другимъ знаменитымъ «пѣвцамъ», несомнѣннымъ представителемъ солнца.

Слѣдовательно, борьба журавлей съ Пигмеями является лишь борьбою разныхъ представителей однѣхъ и тѣхъ же звѣздъ. Примеры такой формы мифовъ о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ мы видѣли, какъ результатъ осложненія и позднѣйшей рационализаціи, въ достаточномъ количествѣ чисто антропоморфическихъ мифовъ; мы видѣли ее также въ числѣ смѣшанныхъ мифовъ, сопоставляющихъ, подобно мифу о журавляхъ и Пигмеяхъ, людей съ животными; наконецъ, мы можемъ ее указать и въ чисто зооморфической формѣ. Къ послѣдней категоріи относится напр. древнее повѣрье, что *надъ гробомъ Мемнона* (т. е. «Мудраго» солнца) *птицы*, названныя его именемъ, каждую *осень* (первоначально, конечно, каждую ночь) устраиваютъ между собою настоящее *сраженіе*, въ которомъ половина изъ нихъ погибаетъ. По *Овидію*, эти птицы вылетѣли изъ *дымящагося костра, на которомъ сгорѣло тѣло Мемнона*²²⁵). Подобное воинственное состязаніе устраиваютъ и

²²⁴) Эпиграмма Антипатра Сидонскаго (I в. до Р. Хр.) въ Anthol. Pal. VII 745 ed. Dübner:

Ἴβουκε, ληϊσταί σε κατέκτανον ἔκ ποτε νῆσον [Dübner: νῆς; ?]
βάντ' ἐς ἐρημαίην κοίτην ἤϊδνα,
ἀλλ' ἐπιβασάμενον γεράων νέφος, αἴ τοι ἔχοντο
μάρτυρες ἄλγιστον ὀλλυμένω θάνατον.
οὐδὲ μάτην ἰσχυσας, ἐκεῖ ποιητὴς Ἐρινῦς
τῶνδε διὰ κλαγγὴν τίσατο τοῖο φόνον
Σισυφίην κατὰ γαίαν. κ. τ. λ.

Gr. Plat. De gargul. 14 p. 509: Suid. s. v. Ἴβουκος; а также в Anthol. Pal. VII 714. Съ словами κατέκτανον βάντ' ἐς ἐρημαίην κοίτην ἤϊδνα ср. выше стр. 127 примѣч. 218: *sons Иракла въ Лиційской пустыни* и, съ другой стороны, мнимое *утопленіе Аріона въ морѣ*, Herodot. I 24.

²²⁵) О v. Met. XIII 600:

. . . cum Memnonis ardens alto

ПТИЦЫ, НАЗЫВАЮЩИЯ *Меллеагридами*, НАДЪ ГРОБОМЪ *Меллеагра* ²¹⁶).

*corrui igne rogas, nigrique volumina sumi
infecere diem, veluti cum flumina natas
exhalant nebulas, nec sol admittitur infra:
atra favilla volat glomerataque corpus in unum
densetur faciemque capit sumitque calorem
atque animam ex igni; levitas sua praebat alas.
et primo similis voluceri, mox vera volucris
insonuit pennis, pariter sonuere sorores
innumerae, quibus est eadem natalis origo.
terque rogam lustrant, et consonus exit in auras
ter clangor: quarto seducunt castra volatu.
tum duo diversa populi de parte feroces
bella gerunt rostrisque et aduncis unguibus iras
exercent, alasque adversaque pectora lassant.
inferiaeque cadunt cineri cognata sepulto
corpora seque viro forti meminere creatas.
praepetibus subitis nomen facit auctor: ab illo
Memnonides dictae, cum sol duodena peregit
signa, parentali moriturae more rebellant.*

(Въ числѣ отличенныхъ курсивомъ выраженій, рядомъ съ такими, которыя болѣе непосредственно свидѣтельствуютъ о ночномъ появленіи и звѣчномъ значеніи Мемноиды, заслуживающаго особеннаго вниманія то, что говорится о производимомъ ими звукахъ). Ael. De nat. animal. V 1: Ἦν τὴν Παριανῶν καὶ τὴν γαίωνα Κύζικον ὄρνιθας οἰκίην μέλανας ἰδεῖν φασιν, τὸ δὲ σχῆμα εἰποῖς ἱερακῆος ἄν' ἄρυσται δὲ εἰσι σαρκῶν καὶ σωφρονουσί περὶ τὴν μαστίρα, καὶ αὐτοῖς τὰ σπέρματα εἶναι ἕστων ἀπόβρυ. Ὅταν δὲ ἐπέρηται: τὸ μετόπωρον, εἰς τὴν Ἰλιάδα γῆν ἀγέλη τῶνδε τῶν ὄρνιθων—καλοῦσι δὲ αὐτοὺς Μέμνονας—εὐθὺς τοῦ Μემνονείου τάφου φοιτῶσι. . . . Οὐκοῦν τοῖς ὄρνιθας τοῖς ἐκωνόμου; τοῦ ἥρωος τοῦ προσηρημένου ἀφιανέσθαι κατὰ πᾶν ἔθος καὶ ἀκριθεῖαι τε καὶ διασχυρῆσθαι εἰς ἔχθραν καὶ διαφοράν, καὶ μάχεσθαι μάχην καρτεράν, καὶ εἰ τοσοῦτον ἔστ' ἂν οἱ μὲν αὐτῶν ἀποθάνωσιν οἱ ἡμεῖς, οἱ δὲ ἀπέλωσιν οἱ κρατήσαντες εἶεν καὶ ἀρίκοντο. Ὅπως [μὲν] οὖν ταῦτα δρᾶται καὶ ὁπόθεν, οὐ μοι σχολή φιλοσοφεῖν νῦν, φεῖ δὲ μὴ τὰ τῆς φύσεως ἀπόρρητα ἀνιχνεύειν: εἰρήσεται δὲ ἐμείνο· ἐπιτάφιον τῷ παιδὶ τῷ τῆς Ἥουε καὶ Τιθωνοῦ τοῦτον ὅσα ἔτη τὸν ἀγῶνα ἀλλοῦσιν οἱ προσηρημένοι ὄρνιθες: Πελλαν δὲ ἐκαστὴ ἐτίμησαν Ἕλληνας ἀγῶνι καὶ Ἀμαρυγκία καὶ μέντοι καὶ Πάτροκλον καὶ τὸν ἀντίπαλον Μέμνονος τὸν Ἀχιλλέα. Ср. Plin. H. N. X 37; Solin. 40; Serv. Comment. Virg. Aen. I 751 (въ значительно смягченной ооризѣ). Дѣлаемое Элиавомъ сближеніе борьбы птицъ надъ гробомъ солнечнаго героя съ *сонм-стопными* *играми* *людей* (ἐπιτάφοι ἀγῶνες) въ честь такихъ же героевъ,—безъ сомнѣнія, вполне уместно.

²¹⁶) Plin. H. N. X 38: Simili modo [какъ Мемноиды] pugnant Melaeagrides in Boeotia. Africae hoc est gallinarum genus, gibberum, varis praesens plumis.

Теперь мы уже можем ограничиться лишь немногими замечаніями по поводу известнаго мѣста въ началѣ III пѣси *Иліады*, гдѣ *Троянцы*, выступающіе съ шумомъ противъ *Ахейцевъ*, сравниваются съ *журавлями*, летящими съ подобнымъ же шумомъ въ страну *Пимѳевъ*. Привожу это мѣсто въ возможно дословномъ, хотя зато и далеко не изящномъ, переводѣ.

«Когда же всѣ выстроились, вмѣстѣ съ предводителями, то Троянцы шли съ шумомъ и крикомъ, какъ птицы, — точно какъ раздастся на небѣ шумъ журавлей, которые, убѣжавъ отъ бури и несповѣднаго дождя, летятъ къ теченіямъ Океана съ шумомъ, неся убійство и смерть мужамъ Пигмѳейскимъ — они то на воздухъ [или въ мракъ] затѣваютъ [собственно: несутъ предъ собою] злую распрю. Тѣ же, дышашіе пыломъ Ахѳйцы, шли молча, рѣшившись въ душѣ [т. е. страстно желая] помогать другъ другу. Когда Ночь разлилъ надъ вершинами горы туманъ, вовсе не милый пастухамъ, но для вора еще болѣе удобный, чѣмъ ночь, — человѣкъ видитъ лишь на расстояніи брошеннаго имъ камня: такъ подъ ихъ ногами, когда они шли, поднялась взвивающаяся пыль; быстро подвигались они по равнинѣ»²²⁷⁾.

²²⁷⁾ *Iliad.* III 1:

Αὐτὰρ ἐπεὶ κόσμηθεν ἄμ' ἡγεμόνεσσιν ἕκαστοι,
 Τρῶες μὲν κλαγγῇ τ' ἐνοπῇ τ' Ἴσαν, ὄρνιθες ὡς,
 ἧύτε περ κλαγγῇ γεράνων πέλει οὐρανῷ προ,
 αἶτ' ἐπεὶ οὖν χειμῶνα φύγον καὶ ἀθέσφατον ὄμβρον,
 κλαγγῇ ταίγε πέτονται ἐπ' Ὀκεανοῖο βράων,
 ἀνδράσι Πυγμαίοισι φόνον καὶ κῆρα φέρουσαι·
 ἡέριαι δ' ἄρα ταίγε κακὴν ἔριδα προσφέρονται·
 οἱ δ' ἄρ' Ἴσαν σιγῇ μένεα πνείοντες Ἀχαιοί,
 ἐν θυμῷ μεμαῶτες ἀλεξέμεν ἀλλήλοισιν.
 εὖτ' ὄρεος κορυφῇσι Νότος κατέχευεν ὀμίχλην,
 ποιμήσιν οὔτι φίλην, κλέπτῃ δέ τε νυκτὸς ἀμείνων,
 τόσσον τίς τ' ἐπιλεύσει, ὅσον τ' ἐπὶ λαῶν ἴσιν·
 ὡς ἄρα τῶν ὑπὸ ποσσὶ κονισαλὸς ὤρνυτ' ἀελλῆς
 ἐρχομένων· μάλα δ' ὤκα διέπρησσαν πεδίοισι.

Ср. *Aristot. De animal. hist.* VIII 12 (14), 2; *Str.* XV 1, 57 p. 711; *Plin. N. H.* VII 2; *Eustath. Comm.* p. 372 ed. Rom. — На множествѣ мелкихъ грамматическихъ вопросовъ, связанныхъ съ приведеннымъ мѣстомъ

Тутъ мы имѣемъ два сравненія, слѣдующія одно за другимъ. Мы уже успѣли замѣтить, что гомеровскія сравненія указываютъ на первоначальную миеологическую идентичность сравняваемыхъ между собою предметовъ. Примѣръ, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывающій такое значеніе, мы имѣемъ во II-й пѣснѣ *Иліады*, гдѣ *Ахэйцы* сравниваются девять разъ подъ рядъ съ весьма различными предметами: съ *пылающими львомъ*, съ *цусями*, *журавлями*, *лебедями*, *листьями*, *цѣптами*, *мухами*, *козами* и, наконецъ, съ *коровами*, причемъ царь *Агамемнонъ* сравнивается то съ *пастухомъ* козьяго стада, то съ *Зевсомъ*, *Аресомъ* и *Посидономъ*, то съ *быкомъ*, выходящимъ среди стада коровъ ²²⁸). При обычномъ пониманіи

Иліады, нѣтъ необходимости здѣсь останавливаться. О значеніи слова *φύρον* ст. 4) мы будемъ говорить сейчасъ въ текстѣ.

²²⁸) *Iliad.* II 455—483. Привожу все это мѣсто, чтобы отмѣтить въ немъ курсивомъ тѣ выраженія, которыя особенно важны въ миеологическомъ отношеніи:

Ἦύτε πρὸ ἀΐδηλον ἐπιφλέγει ἀσπετον ὕλην
 ὄστρος ἐν κορυφῆς, ἔκαθεν δὲ τε φαίνεται οὐρή,
 ὡς τῶν ἐρχομένων ἀπὸ χαλκοῦ θεοπελοιο
 αἴγυλη παμφανόωσα δι' αἰθέρος οὐρανὸν ἴκην.
 τῶν δ' ὡστ' ὄρνιθων πετεηνῶν ἔθνεα πολλὰ,
 χηρῶν ἢ γεράνων ἢ κύκνων δουλιχοδείρων,
 Ἄσιον ἐν λειμῶνι, Καῦστρίου ἄμφι ῥέεθρα,
 ἔνθα καὶ ἔνθα ποτῶνται ἀγαλλόμενα πτερόγεσσι,
 κλαγγηδὸν προκαθιζόντων, σμαραγεὶ δὲ τε λειμῶν,
 ὡς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἀπο καὶ κλισιάων
 ἐς πεδίον προχέοντο Σκαμάνδριον· αὐτὰρ ὑπὸ χθῶν
 σμερδαλέον κονίβιζε ποδῶν αὐτῶν τε καὶ ἔλπων.
 ἔσταν δ' ἐν λειμῶνι Σκαμάνδριον ἀνθεμειντι
 μυρτοί, ὅσα τε φύλλα καὶ ἄνθη γίγνεται ὦρη.
 ἦύτε μυιάων ἀδινάων ἔθνεα πολλὰ,
 αἶτε κατὰ σταθμὸν ποιμνήσιον ἡλάσκουσιν
 ὦρη ἐν εἰαρινῇ, ὅτε τε γλάγος ἄγγεα θεύει,
 τόσσοι ἐπὶ Τρώεσσι καρηκομόωντες Ἄχαιοι
 ἐν πεδίῳ ἔσταντο, διαπραΐσαι μεμαῶτες.
 τοὺς δ' ὡστ' αἰπόλια πλατέ' αἰγῶν αἰπόλοι ἄνδρες
 βεῖτα διακρίνωσιν, ἐπεὶ με νομῶ μίγξουσιν,
 ὡς τοὺς ἠγεμόνες διεκόμεον ἔνθα καὶ ἔνθα,
 ὑσμίνηνδ' ἔναι, μετὰ δὲ κρείων Ἀγαμέμνων,
 δμματα καὶ κεφαλὴν Ἴκλιος Διὶ τερπικεραῦνον,

Гомера, не легко прискатыть *tertium comparationis* для каждаго изъ этихъ сравненій. Еще труднѣе указать причину такоу, съ эстетической точки зрѣнія, чудовищнаго накопленія сравненій. Для насъ же не можетъ уже подлежать сомнѣнью, что «пылающій лѣсъ», «гуси», и «журавли» и т. д. были точно такъ же названіями звѣздъ, какъ и «Ахэйцы», и что, соотвѣтственно тому, и «пастухъ козьяго стада», и «Зевсъ», «Аресъ» и «Посидонъ» и даже «быкъ, выдающійся среди стада коровъ, идентичны мнѳологически съ «пастыремъ наро-

*Ἄρει δὲ ζώνην, στέρνον δὲ Ποσειδάωνι.
ἴστε βοῦς ἀγάλῃσι μέρ' ἔχορος ἔπλετο πάντων
ταῦρος· ὁ γάρ τε βόεσσι μεταπέλει ἀγρομένῃων
τοῖον ἄρ' Ἀπολλῶν θῆκε Ζεὺς ἤματα κείνῃ,
ἐκπρεπέ' ἐν πολλοῖσι καὶ ἔχορον ἠρώεσσιν.*

«Невидимый ономъ» τῆρ ἀδῆλον, который «сожигаетъ неисповѣдимый лѣсъ и вершинахъ горы», означалъ первоначально *солнце*, которое, не успѣвъ еще появиться надъ горизонтомъ, заставляетъ исчезнуть *звѣзды съ неба*. Относительно значенія слова ἀδῆλος; ср. выше стр. 46 сл. — Что «блескъ божественной [θεοπιστοῖο] *лвы* [оружія Ахэйцевъ] *достигаетъ неба* сквозь эфиръ» — ἄρ' ἔχον — свидѣтельствуетъ о томъ, что описываемое явленіе первоначально действительно изображалось происходящимъ на небѣ. Таково значеніе всѣхъ подобнаго рода выраженій: «слава достигаетъ неба», κλέος οὐρανὸν ἔκει, и т. д. Ср. выше стр. 96. — Относительно «гусей», «журавлей», и «лебедей» слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти птицы попали сюда въ качествѣ *издолющихъ змеи* (т. е. свѣтъ), какъ видно изъ словъ: κλαγγῆδὸν προκλιζόντων, σφαραγί' δὲ τε λέωνος, а изъ соответствующихъ имъ въ сравненіи: ὑδὸν σφερδαλίον κονίβιζε (— Не происходятъ ли слова: σφαραγίω, σφίραγδος, σφερδαλίος, др. в. вѣн. *сфитма* русск. *сфрады* и т. п. отъ одного корня «звучать» = «горѣть», «жечь»!) — Что упоминаемыя здѣсь птицы — не обыкновенныя, доказывается ихъ пребываніемъ на «Асійскомъ луу у теченій Каистра», имя котораго означало, должно быть, «Жгучій». «Асійскій лугъ» = небо. Ἄσος, (производное отъ Ἄσος, сокращеннаго изъ Ἄσωκος или Ἄσανδρος; ср. А. Fick Die griechischen Festsopentamen стр. 16) было прозвищемъ *Зевса* (оттуда и названіе критскаго города Ἄσος); Ἄσια — прозвищемъ *Аионы*. Съ Асійскимъ лугомъ у Каистра мнѳологически несомнѣнно идентиченъ и сопоставленный съ нимъ «*цѣлительный лугъ*» *троицскій у рѣки Скамандра*. О Скамандрѣ см. мой отчетъ О завиткахъ стр. 84 примѣч. 55. — На счетъ сравненія съ *мухами* см. доозначеніе примѣч. къ стр. 122. — О выраженіи: «когда *молоко* наполняетъ *кадки*», которое такъ же точно встрѣчается и въ Iliad. XVI 643, при сравненіи съ мухами *Ахэйцевъ* и *Троиццевъ*, окружающихъ *трупъ* солнечнаго героя *Стейдона*, см. ниже стр. 173 примѣч. 283.

довъ Агамемнономъ»²²⁹). Стоить только всмотрѣться повнимательнѣе въ эти сравненія, чтобы убѣдиться, что они не могли быть вызваны простымъ желаніемъ усилить наглядность картины, какъ полагаютъ обыкновенно, а что, напротивъ, они скорѣе, такъ-сказать, навязаны совсѣмъ иными соображеніями, вслѣдствіе чего нерѣдко болѣе затемняютъ, чѣмъ освѣщаютъ картину.

Такое, собственно, и наше мѣсто Иліады, гдѣ идущіе съ крикомъ Троянцы сравниваются съ летящими съ шумомъ журавлями, при чемъ дважды указывается какъ разъ на то обстоятельство, которое, при обычномъ пониманіи, способно лишь умалить сходство: именно, указывается на то, что птицы совершаютъ свой полетъ на небѣ, на воздухѣ: «точно такъ на небѣ раздастся шумъ журавлей» и «они то на воздухѣ затѣваютъ злую распрю»; не лучше подходятъ и въ слѣдующемъ сравненіи слова: «Точно Ноть разлилъ надъ вершинами горы туманъ».

Между тѣмъ, съ мифологической точки зрѣнія, эти указанія весьма драгоцѣнны. Въ нихъ сохранились слѣды болѣе первобытной формы мифа, въ которой все здѣсь описываемое изображалось происходящимъ на небѣ, и именно на *почномъ* небѣ. На послѣднее обстоятельство указываетъ не только разлитый Нотомъ «туманъ», вмѣстѣ съ замѣчаніемъ, что этотъ туманъ даже «лучше ночи», но и то, что журавли изображаются летящими къ Свану, «убѣжавъ отъ бури [или зимы] и

²²⁹) Только при полномъ нежеланіи, или неумѣнн уразумѣть мифологическое значеніе гомеровскихъ впопей можно довольствоваться такими замѣчаніями, какъ напр. H. Düntzer Homerische Abhandlungen (1872) стр. 485: Gleichnisse vergleichen Zustände (Zahl, Grösse, Stärke oder sonstiges Verhalten) oder Handlungen mit einander. *nie die Gegenstände selbst* [!], was auch die einfache Vergleichung nicht thut. wie: τῶν νέεε ἀκείται ὡε εἰ πτέρων ἢ νύκτε, Καρπαλίμωε δ' ἀνέθε πολίτεε ἀλλεε ἤθε' ὀρέχλη. Die vergleichene Handlung ist meist eine einfache, wenn auch der Dichter oft dieser vorhergehende Handlungen als Einleitung oder nachfolgende als Abschluss hinzufügt um jene zur lebendigsten Veranschaulichung [!] zu bringen und ein in sich geschlossenes Bild zu gewinnen и т. д.

неисповѣдимаго дождя», т. е. *испытавъ* «бурю» и «дождь» — ἐπει χαιρῶνα φύγον καὶ ἀθέσφατον ἔμβρον, — между тѣмъ какъ дѣйствительные журавли улетаютъ, конечно, еще до наступленія дурной погоды. Какъ относились самъ авторъ разсматриваемой нами формы преданія къ этому разногласію между настоящимъ значеніемъ приведенныхъ словъ и дѣйствительнымъ фактомъ, описаніе котораго онъ въ нихъ усматривалъ, — это не имѣетъ для насъ особенно важнаго значенія. Едва ли онъ, какъ это полагаютъ обыкновенно, понималъ форму прошедшаго времени φύγον въ смыслѣ такъ называемаго *гномической аориста*, то есть, въ смыслѣ настоящаго времени. Да этииъ, собственно, и не устраняется затрудненіе. Ибо дѣйствительное значеніе глагола φεύγειν, «бѣжать», таково, что «бѣгущіе отъ дождя журавли» означало бы: журавли, находящіеся фактически подъ дождемъ, но желающіе только убѣжать отъ него — ἐκφεύγειν. Къ тому же вообще прибѣганіе къ грамматическому термину «гномическій аористъ», въ сущности, еще ничего не объясняетъ. Быть можетъ, что авторъ даннаго мѣста понималъ слово φύγον въ позднѣйшемъ, болѣе переносномъ значеніи «избѣжали», въ смыслѣ: не подвергались вовсе. Но для насъ важно, что настоящее значеніе этого слова, уцѣлѣвшаго здѣсь, вѣроятно, изъ болѣе древней формы преданія, означаетъ бѣгство изъ чего-либо, въ чемъ убѣгающее дѣйствительно заключалось, или бѣгство отъ чего-либо такого, что фактически имѣется на лицо, присутствуетъ въ дѣйствительности, а не угрожаетъ только въ воображеніи. Таковы напр. у Гомера выраженія: ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων; «какое слово выбѣжало у [отъ] тебя изъ преграды зубовъ?», или πόλεμόν τε πεφευγότες ἦδὲ ἰάλατταν, «убѣжавшіе изъ войны и моря». Въ первомъ случаѣ подразумѣвается, что «слово» дѣйствительно находилось за преградю зубовъ; во второмъ — что «убѣжавшія» лица дѣйствительно были на войнѣ и плавали по морю. Только такіе обороты, какъ φεύγειν θάνατον, «убѣжать отъ смерти», могутъ придавать, и то только въ нашихъ глазахъ, слову φεύγειν оттѣнокъ болѣе переносности

значенія. Но мы знаемъ, что «смерть» представлялась нѣкогда реальнымъ существомъ: мы имѣемъ даже мифы о борьбѣ *Иракла* и *Сисифа* съ *Θανάτῳ* и съ *Λιδῶνι*, какъ представителями смерти²³⁰). Можно было бы даже доказать, что, какъ *Ἄνδρ*, такъ и *Θανάτῳ*, *Μορτῶ*, *Φόνῳ* и т. п. слова мужскаго рода были первоначально названіями солнца: особенно поучительно въ этомъ отношеніи выраженіе *ἠδὲλευστός Ἄρῳς*, *заброшенный каменьями Ареса*²³¹), въ значеніи: смерть посредствомъ избіенія каменьями («каменья» = звѣзды); а также и обычное изображеніе *смерти съ косою* («коса» = луна = *κεκώριος ἄρῳ*) *Крона* = *δρέπανον εὐχαμπέας* *Одиссея*).

Итакъ, мы имѣемъ основаніе настаивать на томъ, что въ болѣе древней формѣ преданія появленіе «журавлей» на небѣ совпадало съ началомъ «бури», т. е. ночи, такъ какъ «журавли» были сами, въ сущности, идентичны съ тѣмъ «неисповѣдимымъ», несомнѣнно «золотымъ дождемъ», съ которыми мы уже ознакомились по случаю извѣстнаго мифа о *Зевсѣ* и *Данайѣ*. Вспомнимъ, что и воинственные птицы *Мемнона* являютя во *мракѣ*, или сражаются надъ гробомъ этого солнечнаго героя въ началѣ каждой *осени*.

Въ виду этого, позволительно будетъ, хотя бы пока только въ видѣ догадки, высказать еще, что упоминаемая среди журавлей «*Распра*», *Ἔρις*, была первоначально названіемъ *луны*, —тѣмъ болѣе, что самое присутствіе *Эриды* среди этихъ воинственныхъ, вѣчно борющихся существъ, могло служить достаточномъ основаніемъ къ тому, чтобы ея имя, при переходѣ къ

²³⁰) О *Сисифѣ* и *Θανάτῳ* см.: Pheres. ap. Schol. A. Iliad. VI 133 (Fr. Hist. Gr. ed. Müller I p. 91 fr. 78); Eustath. Comm. p. 631, 35 ed. Rom.; ср. F. G. Welcker kleine Schriften V (1867) стр. 47 сл.; J. Grimm D. Mythol. II° стр. 814 (4 712). О борьбѣ *Иракла* съ *Λιδῶνι* Iliad. V 395 сл.; Eur. Alc. 840 сл.; Apollod. I 9, 15, 2; ср. Н. Увенер De Iliadis sagmine quodam phosisco (1875). См. также И. Ждановъ къ литературной исторіи русской былевой поэзіи въ Универс. Извѣст. 1879 сл. (Прѣвіе живота со смертью, стихъ объ Аникѣ воинѣ, близкимъ о Самсонѣ и Сятогорѣ).

²³¹) Soph. Ai. 253.

отвлеченному значенію, стало означать именно распрю, споръ, — не говоря уже о томъ, что въ мифахъ луна является самъ предметомъ постоянного спора и борьбы между солнцемъ и звѣздами. *Курз*, *хѣр*, «богиня смерти», упоминаемая, вѣсто Эриды, въ предъидущемъ стихѣ (ст. 6), обычная спутница Эриды, должно полагать, идентична съ нею. Въ такомъ случаѣ сочетаніе «Убийства» и «Смерти», *φόνος* и *хѣр* (въ томъ же стихѣ) вызваны старинными представленіями о конъюнкціи луны съ солнцемъ на звѣздномъ небѣ.

«*Крикъ*» и «*шумъ*», на которые указывается неоднократно въ нашемъ мѣстѣ Иліады, точно такъ же, какъ и въ разсѣтрѣнныхъ нами раньше мифахъ, означаетъ, какъ намъ уже вѣстно, сіяніе. Что же касается до того обстоятельства, что шумятъ только Троянцы, между тѣмъ какъ Ахэйцы идутъ молча, то и для этого мы можемъ указать аналогію въ одномъ изъ тѣхъ мифовъ, съ которыми мы уже успѣли ознакомиться: зряціе *Скионы* борются съ сыновьями «ослѣпленныхъ».

Однимъ словомъ, походъ журавлей противъ Пигмеевъ — не что иное, какъ одна изъ безчисленныхъ версій мифа о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ; гомеровское же сравненіе журавлей и Пигмеевъ, съ одной стороны, и Троянцевъ и Ахэйцевъ съ другой, обусловлено лишь первоначальною мифологическою идентичностью всѣхъ этихъ существъ.

Самую близкую аналогію съ мифомъ о журавляхъ и Пигмеевахъ представляетъ преданіе о борьбѣ *Гриповъ* съ *Армисапами*, т. е. «Одноглазыми», изъ-за «золота», похищаемаго у первыхъ послѣдними; или, по Ктисію, съ *Индійцами*²³³, при чемъ для насъ особенно интересно извѣстіе, что Грини об-

²³³) Herodot. III 116; IV 13; 27; Plin. N. H. VII 2; Ctes. 57, 12 p. 82 ed. Müll. (ex Phot. Bibl. ecl. 72): "Ἐστὶ δὲ καὶ χρυσὸς ἐν τῇ διπλῇ χώρᾳ . . . ἀλλ' ὄρη πολλὰ καὶ μεγάλα, ἐν οἷς οἰκοῦσι γρόπες . . . Δι' αὐτῶν αἰεὶ ἐν τοῖς ὄρεσι χρυσὸς πολλὸς ἂν γίνεται δυσπόριστος; fr. 70 (Ael. N. A. IV 27). Νεοττίαι δὲ ἐπὶ τῶν ὄρων ποιεῖται [ὁ γρόψ] . . . Δεδίωτες δὲ ἄρα τὴν τῶνδε τῶν γρόπων ἀλλήν οἱ ἐπιχώριοι μεθ' ἡμέραν ἐπὶ τὸν χρυσὸν οὐ στέλλονται, νύκτωρ δὲ ἔρχονται . . . Ὁ δὲ χώρος οὗτος, ἔθθα οἱ τε γρόπες διακίονται καὶ τὰ χωρία τὰ χρυσεῖα ἐπισημαίνονται πέρυθε δευτέρως . . . Литературу о *Грипахъ* указываетъ J. C. F. Baehre в своемъ изданіи *Иродота*, II² (1857) стр. 691 слл.

тавто на высокихъ горахъ, въ пустынной мѣстности, и что стерегемое ими «золото» добывается Индійцами ночью. Въ описаніи Продота, какъ Индійцы похищаютъ золото у муравьевъ, ни нѣмъ, относительно похищенія золота, болѣе первобытную форму мифа: каждый Индеецъ является въ данномъ случаѣ представителемъ солнца. Они похищаютъ золотой песокъ утромъ, когда всѣ муравьи спрятались отъ жары въ землю. Затѣмъ муравьи преслѣдуютъ похитителя, но не въ одиночку, а прежде всѣ собираются и даютъ такимъ образомъ, не смотря на свою необычайную быстроту, возможность убѣжать отъ нихъ²³³). Весьма естественно, что похищеніе золота попадало иногда и въ мифы, изображающіе взаимную ночную борьбу звѣздъ, какъ хранителей этого золота.

Изъ греческой мифологіи можно было бы привести еще множество примѣровъ, относящихся къ этой категоріи. Особенно много драгоценнаго матеріала дали бы сравненія, являющіяся вообще убѣжищемъ для цѣлой массы древнѣйшихъ мифовъ, которыми, по какой бы то ни было причинѣ, не удалось сохраниться въ видѣ религіознаго ученія или историческаго преда-

²³³) Herodot. III 102: . . . Ἐπὶ δὲ ταύτην τὴν ψάμμον [χρυσῆν] στέλλονται ἐς τὴν ἐρήμον οἱ Ἴνδοι, ζευξάμενος ἕκαστος καμήλους τρεῖς . . . 104: . . . Οἱ δὲ δὴ Ἴνδοι . . . ἐλαύνουσι ἐπὶ τὸν χρυσόν, λογιζομένως ὅπως καυμάτων τῶν θεοματῶν ἔσονται ἐν τῇ ἀρπαγῇ: ὅλο γὰρ τοῦ καύματος οἱ μύρμηκες ἀφανεῖς γίνονται πρὸ γῆν. Ζεφυριώτατος δὲ ἐστὶ ὁ ἥλιος τοῦτοιαι τοῖσι ἀνθρώποισι τὸ ἐωθινόν . . . 105: . . . αὐτίκα γὰρ οἱ μύρμηκες . . . διώκουσι: εἶναι δὲ ταχυτέτα οὐδενὶ ἑτέρῳ ζῴῳ, οὕτω ὥστε, εἰ μὴ προλαμβάνειν τῆ: ὁδοῦ τοῦ: Ἴνδου, ἐν ᾧ τοῦ: μύρμηκες συλλέγουσαι, οὐδένα ἂν σφραῖν ἀποσώζεσθαι. -- См. J. C. F. Baehr'a примѣч. къ этому мѣсту II³ стр. 290 сл.: F. Schiern Ueber den Ursprung der Sage von den goldgrabenden Ameisen. Vortrag in der Sitzung d. k. Dän. Ges. d. Wiss. v. 2 Dec. 1870 (1873); ср. Literar. Centralbl. 1874 стр. 429 и А. Разумскаго О двухъ преданіяхъ у Геродота въ Ж у р н. Мин. Нар. Просв. 1876 авг. Отд. класс. ея. стр. 45 сл. Полагають, что тибетскіе золотопромышленники дали поводъ къ образованію мифа. Не можетъ быть сомнѣнія, что существовали реальныя данныя, способствовавшія локализаци мифа въ Индіи. Но однимъ указаніемъ этихъ данныхъ далеко еще не объясняется происхожденіе мифа.

нія. Таково напр. въ Иліадѣ сравненіе *Троянцевъ*, бѣгущихъ предъ *Ахилломъ* и падающихъ въ рѣку *Ксанозъ*, съ *саранчю*, спасающеюся отъ *пожара* въ *воду*, и съ мелкими *рыбками*, преслѣдуемыми большимъ *дельфиномъ*²³⁴); или напр. у Софокла сравненіе *Ахэйцевъ*, враждебныхъ Данту, съ (мелкими) *птицами*, а самого *Данта* съ *коршунномъ*²³⁵).

Но, кажется, мы можемъ довольствоваться тѣми примѣрами, которые уже нами рассмотрѣны. — Бросимъ теперь еще

²³⁴) Iliad. XXI 7:

. . . ἤμισες δὲ
 εἰς ποταμὸν εἰλεῦντο βαθύροον ἄργυροδίην,
 ἐν δ' ἔπεσον μεγάλῳ καταάγῳ, βράχε δ' αἰπὰ βέεθρα,
 ὄχθαι δ' ἀμφὶ περὶ μεγάλ' ἴαχον· οἳ δ' ἀλαλητῶ
 ἔνεον ἔνθα καὶ ἔνθα, ἐλισσόμενοι περὶ δίνας.
 ὡς δ' ἔθ' ὑπὸ ῥιπῆς πυρὸς ἀκρίδες ἠερέθονται
 φευγέμεναι ποταμῶνδε· τὸ δὲ φλέγει ἀκάματον πῦρ
 ὄρμενον ἐξαίφνης, ταὶ δὲ πτώσουσιν καθ' ὕδαρ·
 ὡς ὑπ' Ἀχιλλῆος Ἐάνθου βαθυδιήεντος
 πλήτο βόος κελάδων ἐπιμῆξ ἵππων τε καὶ ἀνδρῶν·
 αὐτὰρ ὁ Διογενῆς δόρυ μὲν λίπεν αὐτοῦ ἐπ' ὄχθῃ
 κεκλιμένον μυρίκησιν, ὃ δ' ἔσθορε δαίμονι ἴσος,
 φάσγανον οἶον ἔχων, κακὰ δὲ φρεσὶ μῆδετο ἔργα,
 τύπτε δ' ἐπιστροφάδην· τῶν δὲ στόνος ὤρνυτ' ἀεικῆς·
 ἔσφι θεινομένων, ἐρυσθαίνετο δ' αἵματι ὕδαρ·
 ὡς δ' ὑπὸ δελφίνος μετακῆτος ἰχθύες ἔλλοι
 φεύγοντες πιπλάσι μυχοῦς λιμένος εὐόρμου,
 δευδιότες· μάλα γάρ τε κατεσθίει ὄν κε λάβρῃσιν
 ὡς Τρῶες ποταμοῖο κατὰ δεινοῖο βέεθρα
 πτώσσαν ὑπὸ κρημνοῦς.

Эпитетъ ἀκάματον, «*неуставящійся*», въ примѣненіи къ «огню», всегда характеръ зуетъ его какъ небесное свѣтило. Мы будемъ имѣть случай остановиться и этомъ во II-ой части. — Съ словами τύπτε δ' ἐπιστροφάδην ср. и проч. описаніе Софокла, какъ свирѣпствовалъ Дантисъ противъ мнимыхъ Ахэйцевъ, Ai. 5

²³⁵) Soph. Ai. 167:

ἀλλ' ὅτε γὰρ δὴ τὸ σὸν ὄμμ' ἀπέδραν,
 παταγοῦσιν ἄπερ πτηνῶν ἀγέλαι·
 τάχ' ἄν, ἐξαίφνης εἰ σὺ φανείης,
 στήγῃ πτήξαιαν ἄφωνα·

Со словами ἐξαίφνης εἰ σὺ φανείης нельзя не сравнить слова отрывка Иліады приведеннаго въ предыдущемъ примѣчаніи: πῦρ ὄρμενον ἐξαίφνης, «огонь ввѣншіяся *эдрунъ*».

только краткій взглядъ на миѣы, въ которыхъ звѣзды являютя въ видѣ неодушевленныхъ предметовъ.

Борьба съ неодушевленными предметами.

Желая, въ дополненіе нашего обзора миѣовъ о борьбѣ небесныхъ свѣтилъ, указать еще на нѣсколько такихъ примѣровъ, въ которыхъ бы звѣзды изображались въ видѣ предметовъ неодушевленныхъ, мы можемъ напередъ сообразить, что такіе миѣы менѣе всего могли сохраниться въ первобытной формѣ, въ виду того, что самое допущеніе враждебныхъ отношеній между солнцемъ и этими, хотя бы первоначально и неодушевленными предметами, должно было, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, превратить эти послѣднія непосредственно въ живыя существа.

Дѣйствительно, въ большинствѣ миѣовъ этой категоріи говорится о *превращеніи* неодушевленныхъ предметовъ въ живыя существа. Такъ напр. мы видѣли, что *посвянные Кадмомъ зубы дракона* превращаются въ живыхъ ратниковъ. Подобнымъ образомъ и въ сказкахъ, высыпанная солнечнымъ героемъ или посвянная *сычка*, или *просо*, *овесъ* и т. п. превращается въ цѣлую армію живыхъ *солдатъ*. Приведу здѣсь изъ недавно появившагося на нѣмецкомъ языкѣ сборника Veskenstedt'a весьма драгоцѣнныхъ въ миѣологическомъ отношеніи сербо-лужицкихъ народныхъ преданій и сказокъ слѣдующее преданіе, поучительное въ многихъ отношеніяхъ: «Королю *Сербовъ* [Serski kral], о которомъ неизвѣстно, гдѣ, собственно, была его крѣпость, или замокъ, такъ какъ онъ вездѣ былъ дома, во всей сербской странѣ,—приходилось въ началѣ царствованія много воевать съ *Нѣмцами*, которыхъ онъ всегда и побѣждалъ, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Самъ онъ былъ неуязвимъ, такъ что не боялся никакихъ выстрѣловъ. Когда приходилось выступать противъ Нѣмцевъ, король предводительствовалъ арміею Сербовъ, по такъ какъ она не была доста-

точно многочисленною, чтобы одна могла успѣшно бороться съ Нѣмцами, то царь создавалъ себѣ новыхъ ратниковъ слѣдующимъ образомъ. У него были два чудесныхъ *мѣшка*; въ одномъ изъ нихъ находился *овесъ*, въ другомъ *сѣчка*. Когда онъ встряхивалъ овсяный мѣшокъ, то выпадающія зерна *превращались во всадниковъ*; а когда онъ встряхивалъ мѣшокъ съ сѣчкою, то выпадающая сѣчка превращалась въ *пѣхоту*. Эти всадники и пѣшіе не боялись ни выстрѣловъ, ни ударовъ меча. Какъ только показывались нѣмецкія полчища, король садился на своего коня и вмѣстѣ съ своимъ военачальникомъ улеталъ на воздухъ, чтобы обзрѣть занимаемую врагами позицію. Сербскаго короля и его военачальника *никто изъ вражеской арміи не могъ видѣть на воздухъ* [—ночь]. Нѣмцамъ казалось только, что *два ворона* летятъ надъ ихъ головами; иногда только то тотъ, то другой изъ Нѣмцевъ замѣчали на небѣ свергающую *молнію*: это были *подковы* коня сербскаго короля, *свергающія солнечнымъ свѣтомъ* [молнія обнаруживаетъ присутствіе солнца на ночномъ небѣ. Въ словахъ нѣмецкаго пересказа: *die Hufe, welche in der Sonne blitzen*, усматриваю просто неточность]. Разузнавъ позицію, занимаемую Нѣмцами, король размѣщалъ свою армію такъ, чтобы противъ Нѣмцевъ выступали конница и пѣхота, произшедшія изъ овса и сѣчки. Нѣмцы не могли справиться съ ними, вслѣдствіе того, что имъ выстрѣлы не вредили. Самъ же король, вмѣстѣ съ Сербами, скрывался въ *засаду*, и въ самый разгаръ сраженія нападалъ на Нѣмцевъ съ тылу, и такимъ образомъ, онъ всегда оставался побѣдителемъ²³⁶). Мнѣологическій смыслъ

²³⁶) E. Veckenstedt *Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche* (1880) стр. 12 сл. Cp. W. v. Schulenburg *Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald* (1880) стр. 43: Wenn der *alte Dessauer Häcksel*, einen ganzen *Sack* voll, auf das Feld *Süete* oder einen *Sack Häcksel* ausschüttete, standen *Soldaten* da, und wurden ganze *Armeen* daraus. Wenn sich die *Feinde* an denen verschossen hatten, führte er seine eigenen vor. Oder er schüttete *Häcksel* in eine *Ofenblase* und rührte das um, die *Stückchen* mit den *Knoten* wurden *Reiter*, die anderen *Fussoldaten*. Dann gingen die *Soldaten* zur *Stube* hinaus; die blieben in der *Schlacht*

этого преданія на столько прозраченъ, что не нуждается въ комментаріяхъ. Напротивъ того, оно само можетъ еще въ нѣ-которой степени пояснить намъ происхожденіе явленія, играю-щаго въ мифахъ вообще весьма важную роль,—такъ называе-маго *раздвоенія*: соотвѣтственно тому, что вмѣсто одного звѣзднаго войска являются ихъ два, преданіе говоритъ не-только и о двухъ *мышкахъ*, но и о *двухъ предводителяхъ* (король и его военачальникъ), и о *двухъ вдронахъ*. — Ср. прежде всего двухъ вороновъ *Одина*; кромѣ того: *два бочки Зевса*, упоминаемыя въ *Иліадѣ*²³⁷⁾, и *двухъ золотыхъ орловъ*, изображенныхъ на двухъ *колоннахъ* у жертвенника Ли-кѣйскаго Зевса²³⁸⁾, а также двухъ орловъ, посылаемыхъ имъ опредѣлить центръ земли²³⁹⁾; *два мышка*, которые даетъ

stehen. Wo der Dessauer war, wollte niemand heran; die blinden Soldaten [ср. «ослѣпленныя» слѣпыхъ рабовъ] sah man, aber die andern hinter ihnen nicht.—Er konnte auch aus den Soldaten Heide werden lassen. Rückte der Feind an und kam zu nahe, stunden die Soldaten und wurden Heide. Kam dann der Feind nach in die Heide hinein, so liess ihn der Dessauer umzingeln, und war er ganz in der Mitte, so drang er auf ihn ein und griff ihn von hinten und von vorn an. Wenn der Feind hindurchbrückte, folgten sie ihm von hinten nach. Стр. 46: . . . *Rumphant* [идентичный въ сущности съ *Dessauer*'омъ, котораго онъ называетъ *Krumphant*: опять при-вѣръ «раздвоенія»] . . . liess so viel *Hüchsel* schneiden, als der *Dessauer* Leute brauchte, oder säete *Hüchsel*, da standen lauter Reiter da, und *Hirse*, das waren die zu Fuss. Die sollte der alte *Dessauer* vorn stellen, auf die könnte der Feind schiessen und, wenn der sich ausgeschossen, sollte er seine richtigen Soldaten vor nehmen, dann würde er den Feind schon bewältigen. Dann hat es der alte *Dessauer* so gemacht und hat gewonnen. — На счетъ *мышковъ* ср. и проч., что *Илья Муромецъ* называетъ своего солнечнаго *коля*: «*справной мышокъ*», напр. Рыбн. I стр. 48; литовскую поговорку: *Sweto lobis, sziaudū kulis*, «добро свѣта—куль соломы»; нѣмецкую: *O du gerechter Strohsack*; и т. п.

²³⁷⁾ *Iliad*. XXIV 527 слл.

²³⁸⁾ Раув. VIII 38, 7: "Ἐστὶ δὲ ἐπὶ τῇ ἀκρῇ τῇ ἀνωτάτῳ τοῦ ὄρους γῆς χῶ-μα, διὸς τοῦ Λυκαίου βωμοῦ, καὶ ἡ Πελοπόννητος τὰ πολλὰ ἐστὶν ἀπ' αὐτοῦ σύντοπος· πρὸ δὲ τοῦ βωμοῦ κίονες δύο αἱ; ἐπὶ ἀνίσχοντα ἐστήκασιν ἥλιον, αἰετοὶ δὲ ἐπ' αὐτοῖς ἐκίχρυσον τὰ γὰρ ἐστὶ καλαιότερα πεποιήται. ἐπὶ τούτου τοῦ βωμοῦ τῷ Λυκαίῳ διὰ θέουσιν ἐν ἀπορρήτῳ. На счетъ *колоннъ* ср. выше стр. 96 сл. и *Odyss*. I 51 о стол-бахъ *Атланта*.

²³⁹⁾ *Schol. Pind. Pyth*. IV 6: λόγος τις τοιοῦτος περιηγεῖ, ὅτι ὁ Ζεὺς τὸ μεταίτατον τῆς οἰκουμένης κατμετρήσασθαι βουληθεὶς ἴσους κατὰ τὸ τάχος αἰετοῦς ἐκ

Одиссею богиня *Калипсо*²⁴⁰), и посланных Зевсомъ *двухъ орловъ*, появившихся надъ собраніемъ *Иоакійцевъ* и предвѣщающихъ возвращеніе Одиссея²⁴¹); и т. д.

Дальше, мы знаемъ напр., что противъ *Зевса* бросались *огненные скалы* и *пылающіе дубы*; но въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ эти неодушевленные представители звѣздъ являются лишь *орудіемъ* въ рукахъ *живыхъ* существъ, *Гимантовъ*, или *Тифона*, одного изъ древнѣйшихъ представителей солнца²⁴²).—

δύσεω; καὶ ἀνατολῆ; ἀφῆκεν· οἱ δὲ δῦπτάμενοι συνέπεσον ἀλλήλοις κατὰ τὴν Πυθῶνα ὥστε τὴν σύμπτωσιν ὁρίζειν αὐτοῖσι τῆ; ὅλης οἰκουμένη; τὸ μεσαίτατον. Ἐσπερον δὲ σημεῖον τοῦ γεγονότος καὶ χρυσοῦ; ἀετοῦ; κατασκευάσας ἀνέθηκε τῷ τοῦ θεοῦ τεμένει. Ἄλλως. ὅτι ὑπὸ Διὸ; ἀφελθέντε; ἐκ τῶ; περάτων τῆ; γῆ; συνέπεσον ἐναυθαῖα, καὶ οὕτως ἐγκώσθη τὸ μέσον τῆ; γῆ;. ὧν εἰκόνε; οἱ χρυσοῖ ἀνέκειντο παρὰ τὸν ὀμφαλὸν αἰετοῖ . . . Первоначально говорилось, конечно, что въ срединѣ неба «восходящій орелъ» совпадаетъ съ «орломъ заходящимъ».

²⁴⁰) O d y s s. V 265 сл.

²⁴¹) O d y s s. II 146:

Ὡ; φάτο Τηλέμαχος, τῷ δ' αἰετῶ ἐδρόμοι Ζεὺ; ὑπόθεν ἐκ κορυφῆ; ὄρεο; προέηκε πέτεσθαι. τῷ δ' ἔω; μὲν β' ἐπέοντο μετὰ πνοῆ; ἀνέμοιο, πλησίω ἀλλήλοισι τιτανομένω; πτερόγυσοισι· ἀλλ' ὅτε δὴ μέσσην ἀγορῆν πολύφυμον ἰκέσθην, ἔνθ' ἐπιδινηθέντε τιναξάσθην πτερὰ πολλὰ, ἐ; δ' ἰδέτην πάντων κεφαλὰ; ὅσσοντο δ' ὄλεθρον, δρυφαμένω; δ' ὀνόχεσι παρειὰ; ἀμφὶ τε δευρά; δεξιῶ; ἤϊζαν διὰ τ' οἰκία καὶ πόλιν αὐτῶν.

Со словами *ὅτε δὴ μέσσην ἀγορῆν* и т. д. ср. преданіе, приведенное въ примѣч. 239. Изъ сличенія съ вышеприведеннымъ серболужицкимъ преданіемъ видно, что здѣсь шла рѣчь не о «золотыхъ», а о «черныхъ» орлахъ. О томъ, что описываемое явленіе происходило на ночномъ небѣ, свидѣтельствуеетъ, кроиъ собранія *Иоакійцевъ*, какъ представителей звѣздъ, еще выраженіе *τιναξάσθην πτερὰ πολλὰ*, «они *разсмали много перьевъ*» (а не «часто *взмахивали крыльями*», какъ переводятъ обыкновенно; ср. O d y s s. V 368 сл.: *ὡ; δ' ἄνεμο; ζαῖ; ἤϊον θημίωνα τιναξῆ; харφαλέων* и т. д.). И подъ *странною перьевъ* у Иродота IV 7 и 31 считаю необходимымъ усматривать «страну звѣздъ», не смотря на самого Иродота, который подъ «перьями» понимаетъ снѣгъ, и не смотря даже на новѣйшее изслѣдованіе F. Schiegn'a *Le pays des plumes. Remarques sur quelques passages du 4 livre d'Hérodote* (1875), доказывающаго, что подъ «перьями» слѣдуетъ понимать действительными перья (ср. ук. статью Рамузенна, въ *Ж. М. Н. II* 1876 авг.). Ср. выше стр. 123 примѣч. 209.

²⁴²) Напр. A p o l l o d. I 6, 1, 3: *ἠρόντιζον δὲ [Γγυαντες] εἰ; οὐρανὸν πέτρα; καὶ ὄρε; ἡμίμενα; I 6, 3, . . . ὁ Τυφῶν . . . ἡμίμενα; βάλλον πέτρα;*

Ср. и проч. вышеприведенное выражение λιθόβλοστος Ἄρης, «заброшенный камнями Арес».

Въ современныхъ преданіяхъ и сказкахъ подобный приемъ представляютъ рассказы объ игрѣ въ кегли въ келли²⁴³). Лучшимъ доказательствомъ идентичности кеглей съ самими лицами, играющими въ кегли, служатъ тѣ случаи, въ которыхъ говорится, что игроки употребляли вмѣсто кеглей свои собственныя юловы²⁴⁴). Кегли являются чаще всего золотыми; иногда же онѣ замѣняются и человѣческими костями, «мертвыми юловами», людскими черепами и потому подобными предметами, имѣющими значеніе небесныхъ свѣтилъ²⁴⁵). Лицомъ, бросающимъ шаръ и сваливающимъ кегли, бываетъ всегда какой нибудь представитель прежняго солнечнаго божества. Остальные участвующие въ игрѣ — представители звѣздъ. Вслѣдствіе этого нрѣдко игра въ кегли является просто изображеніемъ звѣзднаго неба, соотвѣтственно чему игра происходитъ часто

ἐκ' αὐτὸν τὸν οὐρανόν, μετὰ σურγῶν [NB!] ὁμοῦ καὶ βοῆς ἐφέρετο . . . Ζεὺς δὲ πόρρω μὲν ὄντα Τυφῶνα ἔβαλε κερανοῦς πλησίον δὲ γινόμενον ἀδαμαντίνῃ κατέκρησεν ἄρηγ . . .

²⁴³) Ср. Н. Wislicenus Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanischen Mythologie, mit Beziehung auf die allgemeine Mythologie (1867) стр. 31: Man kann noch weiter gehen und vermuthen, freilich ohne Begründung [жаль!], dass die Steine des Brettspiels, mit welchen die Aesen sich nach Erbauung ihrer Burg erlustigen, und die wie alles, was sie um sich haben, von Gold sind (Völ. 8), auch Sonne, Mond und Gestirne verständlichen sollen . . . Aus der Bewegung der Gestirne konnte sich sehr leicht die Vorstellung bilden, dass die Götter sie über den Himmel hin werfen oder schieben; dann wäre der Himmel das Brett, auf dem die Züge gemacht werden. Dieses Spiel würde sich unmittelbar an das bekannte Kegelspiel im Gewitter anschliessen.

²⁴⁴) См. наур. Th. Vernaleken Mythen und Bräuche des Volks in Oesterreich (1859) стр. 54.

²⁴⁵) Множество указаній даютъ: W. Menzel Odin (1835) стр. 256 сл.; E. L. Rochholz Schweizersagen aus dem Aargau I (1856) стр. 129 сл.; см. также Grimm H.-u. K.-M. III стр. 9; L. Strackerjan Aberglaube und Sagen aus dem Herzogthum Oldenburg II (1867) стр. 351; L. Laistner Nebelsagen (1879) стр. 138 и 246; и др. Ошибочно, конечно, итвие, повторяемое и Лаистнеромъ въ ук. соч. стр. 138: Das Kegelspiel aber ist, wie längst erkannt wurde, ein Sinnbild des Gewitters (Kuhn Westph. Sag. 237 f.).

всего въ какомъ нибудь *ущельи* или *подземельи*, или подъ «*сіяющими деревьями*», въ присутствіи «*всѣхъ лѣсныхъ животныхъ*», — которыя, точно какъ и листья пылающаго дерева, являются постоянно представителями звѣздъ²⁴⁶). Иногда играющими въ кегли является множество *малыхъ дѣтей*, какъ напр. въ слѣдующемъ весьма интересномъ швейцарскомъ преданіи:

Однажды *крестьянина* (солнце), идя куда-то со своею *коровою* (луною), увидѣлъ вдругъ въ одномъ *ущельи* множество *малыхъ дѣтей* (звѣзды), игравшихъ въ *кегли*. Испугавшись этого видѣнья, крестьянинъ перекрестилъ корову и *ухватился за ея хвостъ*. Минувавъ это мѣсто, онъ услышалъ, какъ дѣти кричали ему въ слѣдъ: «Ты употребилъ настоящее средство; иначе *тебѣ былъ бы конецъ*». Послѣ того дѣти исчезли²⁴⁷). — Тутъ мы имѣемъ изображеніе солнца въ конъюнкціи съ луною на звѣздномъ небѣ. Корова является обращенною задомъ къ крестьянину, потому что голова луны, или точнѣе, ея рога всегда направлены въ противоположную отъ солнца сторону. Мнѣологическій смыслъ этого разсказа станетъ еще болѣе яснымъ, если сопоставить съ нимъ еще слѣдующее швейцарское преданіе²⁴⁸). Нѣкій *Bannhölzer* (собств. «заговариватель [звѣзднаго] дерева», — названіе солнечнаго существа) превратился послѣ смерти въ злаго *горнаго духа*. Однажды, *во время игры въ кегли*, одинъ изъ игроковъ, *забросивъ шаръ слишкомъ далеко*, сказалъ въ шутку: «*Bannhölzer, приди и подай шаръ*». Вдругъ *Bannhölzer* дѣйствительно является. Испуганная *молодежь* бросается *бѣжать*; *какая-то дѣвушка задомъ пролезаетъ подг пограничнымъ заборомъ*; *Bannhölzer* въ одинъ

²⁴⁶) Напр. *Rochholz Aarg. Sag. I* стр. 130: *Unter leuchtenden Bäumen, umgeben von allen Waldthieren, kegeln die Geister im Lüningsberge*. Цитируется при этомъ: *Harrys Volkssagen aus Niedersachsen I* (1840) № 27.

²⁴⁷) *Alois Lütolf Sagen, Bräuche, Legenden aus den fünf Orten Lucern, Uri, Schwiz, Unterwalden und Zug* (1862) стр. 473.

²⁴⁸) Тамъ же № 374 стр. 387—390. Ср. еще: *A. Birlinger Volksthümliches aus Schwaben I* (1861) стр. 222; *A. Stöber Sagen des Elsasses* (1852) стр. 311; *Rochholz Naturmythen* (1862) стр. 58.

ингъ *отрывается* съ ея *юловы* *объ* *косы*. Затѣмъ онъ беретъ шаръ и бросаетъ его съ такою силою въ *домъ*, что онъ *пролетаетъ* *насквозь* и *вылетаетъ* съ *противоположной* *стороны*. (Die erschrockene Jugend flieht, ein Mädchen schlüpft rücklings unter dem Grenzzaune durch. Der Bannhölzer reisst ihm im Nu die beiden Haarzöpfe vom Kopfe. Darauf nimmt er die Kugel und schleudert sie mit solcher Gewalt gegen das Haus, dass sie durch dasselbe bis auf die entgegengesetzte Seite hindurchfliegt).—Тутъ *коровѣ* *предъидущаго* *преданія* *соотвѣтствуетъ* *пролѣзающая* *задомъ* *подъ* *заборомъ* *дъзушка*, при чемъ весьма интересно, что именно въ этотъ моментъ она лишается своихъ *косъ*: *рога* *луны* во *времени* *конъюнкціи* *исчезаютъ*. *Шаръ*, *пролетающій* *послѣ* *этого* *черезъ* *весь* *домъ*, *изображаетъ* *уже* *дневное* *движеніе* *солнца* въ *первый* *день* *послѣ* *конъюнкціи*.

Подобное значеніе имѣетъ и сцена, описываемая въ I-ой пѣснѣ *Одиссеи*, какъ *Афина* - *луна*, *посѣпая* (*подъ* *видомъ* *Мента*) *Тилемаха* - *солнце*, *застаетъ* *жемшиковъ* - *звѣздъ* *игравшихъ* въ *камышки* ²⁴⁹). *Тилемахъ* *сидитъ* *среди* *нихъ* *печаль-*

²⁴⁹) *Odysseu*. I 106:

εἶρε δ' ἄρα μνηστῆρας ἀγίνοντας. οἱ μὲν ἔπειτα
 πεισοῖσι προπάροιδε θυράων θυμὸν ἔτερπον,
 ἤμνοι ἐν ἕμοισι βοῶν, οὐς ἔκτανον αὐτοί.
 κήρυκες δ' αὐτοῖσι καὶ ὀτρῆροι θεράποντες
 οἱ μὲν ἄρ' οἶνον ἔμισγον ἐπὶ κρητῆρας καὶ ὕδαρ,
 οἱ δ' αὐτὲ σπόγγουσι πολυτρήτοισι τραπέζας
 νίζον καὶ πρόπιθεν, τοὶ δὲ κρέα πολλὰ δατεύοντο.

Какъ сами *жемшики* и *камышки*, которыми они играютъ, такъ и упоминаемые здѣсь *лашатаи* и «быстрые» *слуи*, *зубки* и *столы*, и даже *юловы* *кожи* и «многое» *мясо* — равныя названія *звѣздъ*. Ср. пока описаніе чуда въ XII пѣснѣ ст. 395 сл., гдѣ *ножи* «*полазютъ*» и *мясо* «*мычитъ*»:

εἶρπον μὲν βίνοι, κρέα δ' ἀμφ' ὀβελοῖς ἐμεμίχει,
 ὀπταλέα τε καὶ ὠμά' βοῶν δ' ὡς γίγνεται φωνή.

Вино же, смѣшиваемое съ *водою*, вѣроятно, «*червою*», указываетъ б. м. на сѣшеніе *звѣзднаго* *сіянія* съ *ночными* *мракомъ*. На счетъ *игры* въ *камышки* указанія даютъ: К. F. Hermann *Lehrb. d. gr. Ant.* III² (1870) § 55 прил. 2; L. Besq de Fouquieres *Les jeux des anciens, leur description etc.* (1873) 384 слл. См. м. проч. и Chr. Petersen *Ueber das Ver-*

ный, думая, какъ бы возвратился (идентичный съ нимъ самимъ) Одиссеей и *разомалъ* жениховъ. Увидавъ Аенну, онъ идетъ ей на встрѣчу и отнимаетъ у нея мѣдное копье (видѣсто косы швейцарскаго преданія). Затѣмъ, въ то время, какъ женихи наслаждаются пѣніемъ и пляскою, Тилемахъ близко наклоняетъ свою юлову къ Аенинѣ и бесѣдуетъ съ нею тихо, чтобы никто не слышалъ разговора — ἄρχι σὺν κεφαλῇ, ἵνα μὴ πειθοῖαθ' οἱ ἄλλοι. Очевидно, мы имѣемъ и здѣсь изображеніе конъюнкціи луны съ солнцемъ на ночномъ небѣ; «Тилемаха и Аенины не слышно» значило нѣкогда: солнца и луны не видно.

Множество относящихся сюда мифовъ скрывается, какъ сейчасъ увидимъ, въ разныхъ сравненіяхъ. Такихъ же мифовъ, въ которыхъ бы прямо изображалось, какъ герой борется съ неодушевленными предметами, чрезвычайно мало.

Какъ на рѣдкій примѣръ въ этомъ родѣ можно указать на извѣстный разсказъ Сервантеса о борьбѣ *Донъ-Кихота* съ *вѣтреными мельницами*, принимаемыми послѣднимъ за гигантовъ,—при чемъ одинаково замѣчательно, какъ чрезвычайно большое количество мельницъ (стояло ихъ тридцать, или сорокъ на одномъ полѣ), такъ и то обстоятельство, что во время борьбы *Донъ-Кихотъ* съ своимъ конемъ совершаютъ нѣчто въ родѣ воздушнаго полета²⁵⁰).

Мельницы, хотя и не вѣтряныя, а ручныя, мы встрѣчаемъ въ *Одиссееѣ* въ рукахъ *рабынь Алкиноя*, относительно ко-

haltmiss der altesten Vasenbilder attischen Ursprungs zum troischen Sagenkreise und Homer въ Verh. d. 11. Vers. deutsch. Philol. 1834 стр. 91; J. Overbeck Die Bildwerke zum thebischen und troischen Heldenkreis (1857) стр. 308 слл. По поводу того, что, по Пиндару (ар. Plut. Consol. ad Apoll. 35), и *блаженные въ Лидѣ* развлекаются игрою въ камешки или шашки, ср. выше стр. 147 примѣч. 243.

²⁵⁰) Cervantes Don Quijote I (появился въ 1605 г.) с. 7: ... y embistió con el primero molino que estaba delante, y dandole una lanzada en el aspa, la volvio el viento con tanta furia que hizo la lanza pedazos, llevandose tras sı al caballo y al caballero, que fue rodando muy mal trecho por el campo.

торых весьма нетрудно убѣдиться, что онѣ представительницы звѣздъ. Онѣ, въ количествѣ *пятидесяти*, отчасти мелятъ «яблоковидный» плодъ (однимъ изъ названій звѣздъ было слово *μῆλα*, «яблоки», или «стадо»; но казалось невѣроятнымъ, чтобы рабнины мололи просто *μῆλα*; затрудненіе обойдено употребленіемъ неопредѣленнаго выраженія: *μῆλοκα καρπὸν*), отчасти *ткуютъ* и *прядутъ* (обычное занятіе всѣхъ представительницъ небесныхъ свѣтилъ, которыя нерѣдко сами являются золотыми *прялками* и *верстенами*) и при этомъ сравниваются съ *листьями «высокаго тополя»*. Рядомъ съ ними упоминаются «золотые юноши», стоящіе на подставкахъ (значитъ: высоко, на небѣ) и держащіе въ рукахъ *пылающіе факелы*, которыми они «свѣтятъ по ночамъ» для «пиршествующихъ» *Фэаковъ въ домъ Алкиноя*²⁵¹).

И въ домъ *Одиссея* мы встрѣчаемъ двѣнадцать *работницъ съ мельницами*, которыя мелятъ *пшеницу* и *ячмень*. Что обусловило сокращеніе числа пятьдесятъ въ *двенадцать*, для насъ здѣсь не важно. Но весьма интересны слѣдующія обстоятельства. Возвратившійся на родину *Одиссей*, еще не *узнанный* (это замѣнило первоначальную его *невидимость*) никѣмъ прозвѣ только идентичныхъ съ нимъ самимъ *Эвмэя* и *Тилемаха*, да еще *Эриклий-луны*, *просыпается утромъ въ своемъ домъ* и молитъ *Зевса* о ниспосланіи ему хорошаго *предзнаменованія*. Въ этотъ моментъ, съ одной стороны, раздается *громъ* — часто

²⁵¹) Odyss. VII 98:

ἔνθα δὲ Φαιήκων ἡγήτορες ἰδρίωντο
κίοντες καὶ ἔδοντες· ἐπιγετανὸν γὰρ ἔχεσκον.
χρῆσταιοὶ δ' ἄρα κοῦροι εὐδμήτων ἐπὶ βωμῶν
ἴστασαν αἰθόμενας δαΐδας μετὰ χερσὶν ἔχοντες,
φαίνοντες νύκτας κατὰ δῶματα δαιτυμβέσσειν.
πεντήκοντα δὲ οἱ δμῶαι κατὰ δῶμα γυναῖκες
αἱ μὲν ἀλετριέουσιν μύλης ἐπὶ μῆλοκα καρπὸν,
αἱ δ' ἴστούς ὑφώσιν καὶ ἡλάκατα στρωφῶσιν
ἤμεναι, οἷά τε φύλλα μακεδνῆς αἰγείροιο·
καρπέων δ' ὀδόντων ἀπολείβεται ὑγρὸν ἔλαιον.

На счетъ послѣднихъ словъ: «капаетъ влажное *масло*» ср. выше стр. 131 прилж. 223.

являющийся, какъ мы уже замѣтили, въ мифическихъ изображеніяхъ *восхода солнца* ²⁵²⁾ —, а съ другой, *последняя изъ двенадцати рабынь, моловшихъ всю ночь въ домъ Одиссея, пріостанавливаетъ свою мельницу. И Одиссей обрадовался, усматривая для себя въ томъ и другомъ благопріятное знаменіе* ²⁵³⁾.

²⁵²⁾ См. выше стр. 23.

²⁵³⁾ Odys. XX 97:

Αἰὶ δ' εὗξάτο χεῖρας ἀνασχών·
 «Ζεῦ πάτερ, εἴ μ' ἐθέλοντες ἐπὶ τραφερὴν τε καὶ ὕφρην
 ἤγχετ' ἐμὴν ἐς γαῖαν, ἐπεὶ μ' ἐκακώσατε λίην,
 φήμην τίς μοι φάσθω ἐχειρομένων ἀνθρώπων
 ἔνδοθεν, ἔκτοσθεν δὲ Διὸς τέρας ἄλλο φανήτω».
 Ὡς ἔφατ' εὐχόμενος· τοῦ δ' ἔκλυε μητίετα Ζεὺς,
 αὐτίκα δ' ἐβρόντησεν ἀπ' αἰγλήεντος Ὀλύμπου,
 ὕψοθεν ἐκ νεφῶν γήθησε δὲ διος Ὀδυσσεύς.
 φήμην δ' εἰς οἶκιο γυνὴ προέηκεν ἄλειτρος
 πλησίον, ἔνθ' ἄρα οἱ μύλαι εἶατο [al. εἶατο] ποιμένοι λαῶν,
 τῆσιν δώδεκα πᾶσαι ἐπερρώοντο γυναῖκες·
 ἄλφειτα τεύχουσαι καὶ ἀλείατα, μυελὸν ἀνδρῶν.
 αἱ μὲν ἄρ' ἄλλα εὔδοι, ἐπεὶ κατὰ πυρρὸν ἄλεσαν,
 ἡ δὲ μὲ σβλοῖ παθεῖ, ἀραυροτάτη δ' ἐτίεικτο·
 ἢ ἢ μύλην στήσασα ἔπος φάτο, σῆμα ἄνακτι·
 «Ζεῦ πάτερ, ὅσπε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισιν ἀνάσσεις,
 ἦ μεγάλ' ἐβρόντησας ἀπ' οὐρανοῦ ἀστερόεντος,
 οὐδέ ποδι νέφος ἐστί· τέρας νῦν τερπὸν τόδε φανείης.
 κρῖνον νῦν καὶ ἐμοὶ δειλῆ ἔπος, ὅττι κεν εἴπω·
 μνηστῆρες πύματόν τε καὶ ὕστατον ἤματι τῷδε
 ἐν μεγάροις Ὀδυσῆος ἐλοῖατο δαῖτ' ἐρατεινῆν,
 οἱ δὲ μοι καμάτω θυμαλγεῖ γούνατ' ἔλυσαν
 ἄλωιτα τευχούσῃ· νῦν ὕστατα δειπνήσεις»·
 Ὡς ἔφ' ἔφη, χαῖρεν δὲ κλειθρόνι διος Ὀδυσσεύς
 Ζηνός τε βροντῆ· φάτο γὰρ τίσασθαι ἀλείατα.

Въ этомъ отрывкѣ замѣчательна и. проч. черта, на которую я уже обратилъ вниманіе въ моемъ отчетѣ о занятіяхъ по критикѣ и мифологіи гомеровск. эпоса стр. 39 сл.: именно, что авторъ *описываетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ то, что считаетъ невѣроятнымъ или невозможнымъ и чего поэтому не рѣшается передавать отъ себя. Въ данномъ случаѣ для него, очевидно, не мыслимо, чтобы *громя* могъ происходить *безъ тучи*; поэтому онъ и заявляетъ: *ἐβρόντησεν ἀπ' αἰγλήεντος Ὀλύμπου ὕψοθεν ἐκ νεφῶν*; болѣе же первобытную форму преданія, въ которомъ «громъ» означалъ свѣтъ, и въ которомъ именно указывалось на *отсутствіе тучи* (какъ признака ночи), онъ влагааетъ въ уста работницы: *ἦ μεγάλ' ἐβρόντησας ἀπ' οὐρανοῦ ἀστερόεντος, οὐδέ ποδι νέφος ἐστί. Ср.**

Преданіе, очевидно, гласило, что съ появленіемъ Одиссея, мельницы перестали молотъ. Быть можетъ, говорилось даже, что Одиссей боролся съ мельницами и побѣдилъ ихъ. По крайней мѣрѣ относительно работницъ, о которыхъ мы здѣсь узнаемъ, что онѣ молили по ночамъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что онѣ мифологически идентичны съ тѣми жонщинами, служившими въ его домѣ, противъ которыхъ онъ выступаетъ враждебно и которыхъ наконецъ, по его приказанію, вѣшаетъ Тилемахъ²⁸⁴).

Солнечный герой и звѣздное дерево.

Изъ числа мифовъ, изображающихъ солнечныя существа во враждебныхъ отношеніяхъ съ неодушевленными представителями звѣздъ и звѣзднаго неба, особенно многочисленны и поучительны тѣ, въ которыхъ звѣзды являются небесными *листьями*, или *плодами*, представляя собою небесное *дерево*, небесный *лѣсъ* и т. п. Мы уже имѣли случай отчасти познакомиться съ разными небесными деревьями по поводу той замѣчательной роли, которая принадлежитъ имъ въ древнѣйшихъ представленіяхъ о происхожденіи рода человѣческаго. Уже по этому для насъ не лишено интереса ознакомиться съ ними ближе и въ другомъ, рассматриваемомъ нами теперь, отношеніи, тѣмъ болѣе, что, какъ въ *Иліадѣ*, такъ и въ *Одиссеѣ* деревья упоминаются весьма часто, и не только въ сравненіяхъ, но и въ описаніяхъ (мнимой) дѣйствительности.

Мы уже замѣтили (см. выше стр. 82), что въ ионическихъ разсказахъ звѣздное дерево часто замѣняется весьма раз-

H. G. Brzoska De geographia mythica specimen II: commentatio de C. A. G. Voelkeri sententia omninoque de antiquissimorum poetarum Graecorum fingendi ratione continens 1831 стр. 21 (по поводу *Odyss.* XI 362 слл.): Sed hic jam adnotandum est . . . Alcinoon quidem, sed non *ἀϊκίδων*, *credidisse* Ulyssem ipsum omnia illa pericula obiisse.

²⁸⁴) Ср. О занятіяхъ стр. 60.

яобразными предметами. Если къ тому же принять въ расчетъ обычное въ области мифовъ варіированіе мотивовъ, не говоря уже о другого рода видоизмѣненіяхъ, то станетъ понятнымъ, что основной мифъ о взаимныхъ отношеніяхъ солнечнаго существа и звѣзднаго дерева могъ принимать весьма различныя формы. Мы находимъ дѣйствительно, что въ этой категоріи мифовъ рассказы, обнаруживающіе въ мифологическомъ отношеніи тѣснѣйшее родство, часто представляются на первый взглядъ столь различными, что иногда трудно даже догадаться, чтобы существовала между ними хоть какая нибудь связь. Какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ неопытную услугу доставляетъ намъ Одиссея. Состоя изъ множества параллельныхъ версій солнечнаго мифа, она этимъ параллелизмомъ, на который я уже указывалъ въ своемъ отчетѣ «О занятіяхъ по критикѣ и мифологіи Одиссеи», и который мы еще разсмотримъ ближе въ слѣдующей главѣ, наводитъ—разъ только мы замѣтили этотъ параллелизмъ хоть въ нѣкоторыхъ чертахъ—на возможность сравниванія такихъ данныхъ, которыя, сами по себѣ, никогда не могли бы казаться сродными между собою и подлежащими сопоставленію для возстановленія изъ нихъ древнѣйшей формы мифа.

Изъ самой Одиссеи къ числу занимающихъ насъ здѣсь мифовъ относится прежде всего рассказъ объ ослѣпленіи *Киклопа Полифима* Одиссеемъ посредствомъ раскаленнаго ствола оливковаго дерева²⁵⁵).

Киклопъ Полифимъ, т. е. «Многославный» или «Многосвѣтлый Кругоглазъ», уже благодаря этому своему названію, является однимъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ представителей солнца. То обстоятельство, что онъ ослѣпляется *Одиссеемъ*, который самъ—представитель солнца, можетъ служить причиною затрудненія только для самаго поверхностнаго взгляда, привыкшаго суммарно аллегоризировать мифы и цѣликомъ «пе-

²⁵⁵) Указанія на обширную литературу по поводу гомеровскаго рассказа о Киклопѣ Полифимѣ см. ниже въ примѣч. 257, 259, 261 и въ дополн. примѣч.

реносить ихъ на небо», безъ всякаго предварительнаго анализа. Слѣдуетъ, напротивъ, полагать, что именно черты, доказывающія идентичность Одиссея съ Полифимомъ, были сами главною причиною враждебнаго сопоставленія этихъ двухъ лицъ въ гомеровскомъ разсказѣ: то же самое дерево, которое, принадлежа самоу Полифиму, служитъ виѣствъ съ тѣмъ и орудіемъ его ослѣвленія, принадлежитъ также точно, какъ увидѣлъ ниже, и тожественному съ нимъ Одиссеею, такъ что сопображеніе, что Одиссей былъ настоящимъ виновникомъ ослѣвленія Полифима, напрашивалось само собою.

Первоначально Киклопъ, т. е. «Круглый Глазь» былъ, несомнѣнно, въ строгомъ смыслѣ слова, «*весь—зрѣніе*», подобно верховному божеству, получившему у Ксенофана значеніе основнаго философскаго принципа: «Единое»²⁵⁶). Солнце, которое, какъ извѣстно, «на все глядитъ и все слышитъ», называлось «*глазомъ Зевса*», не смотря на то, что самъ Зевсъ первоначально былъ не что иное, какъ этотъ «глазь». Такъ же точно и «глазь Полифима» былъ первоначально идентиченъ съ «Многославнымъ Кругоглазомъ», т. е. съ Киклопомъ Полифимомъ. Только съ теченіемъ времени, при забвеніи первоначальнаго значенія этого имени, приписываемыя Киклопу качества и дѣйствія заставили предполагать въ немъ живое существо, похожее на человѣка, и тогда уже необходимо было заключить, что «глазь» не составляетъ еще цѣлаго Киклопа, а есть только часть его тѣла, хотя бы и самая существенная, самая драгоцѣнная для него. Этимъ путемъ объясняется, почему вообще у разныхъ народовъ солнце является повидимому не самымъ верховнымъ божествомъ, а только глазомъ верховнаго божества²⁵⁷).

²⁵⁶) Xenophan. fr. 2 (ap. Sext. Emp. Adv. math. IX 144):
ὄζλος ὄρξ ὄζλος δὲ νοεῖ, ὄζλος δὲ τ' ἀκούει.

²⁵⁷) Ue s ch old Vorhalle I (1838) стр. 517 слл. усматриваетъ въ имени Поллемеа одно изъ названій солнечнаго бога Иліа: «Многосвятищій» (отъ πολῖς и φάω); глазь Поллемеа—«символь» солнца. F. No r k Etymologisch-symbolisch-mythologisches Real-Wörterbuch etc. I (1843) стр. 374 сл. за-

Исполницкій ростъ Полифима можно было бы пояснить множествомъ примѣровъ изъ народныхъ преданій и сказокъ, въ которыхъ солнечныя существа являются вырастающими «не по днямъ, а по часамъ». Приведу только два слѣдующихъ примѣра, въ которыхъ мы встрѣчаемъ и дерево соответствующее оливковому дереву Киклопа.

мѣчаетъ: Polyphom ist niemand anders als der Sonnengott, daher das Kreisauge auf seiner Stirn, und seine Eigenschaften sind in den Namen seiner vom Mythos als Repräsentanten der einzelnen Jahrabtheilungen [?] ihm beigegebenen Gefährten: Ἄργης (Leuchtender), Βροντής; (Donner) und Στερόπις; (Blitz) angedeutet . . . Der Name Polyphemos (πολυφῆμος) kündigt einen Jupiter tonans an. W. Grimm Die Sage von Polyphem (1857), признавая, какъ известно, что *массъ Полифима*—солнце, замѣчаетъ, стр. 27: es bezeichnet das weltauge, die sonne selbst, die schon den Parsen das auge des Ormuz, des höchsten gottes war, mit dem er die ganze welt überschaute, den Aegyptiern das rechte auge des demiurgen. das ist der ursprüngliche sinn wenn *Одианъ* einäugig erscheint . . . der deutsche *Wodan* sieht durch ein fenster zur erde nieder . . . Затѣмъ онъ указываетъ и на третій (первоначально единственный) глазъ *Ларисѣйскоу Зевса* (Р а н е. II 24, 4) и т. д. Leo Meyer Bemerkungen zur ältesten Geschichte der griechischen Mythologie (1857) стр. 70 сл. тоже напоминаетъ, что у разныхъ народовъ солнце называлось глазомъ, и считаетъ вѣроятнымъ, что въ гомеровскомъ разсказѣ объ ослѣпленіи Полифима сохранилось древнее представленіе о закатѣ солнца. W. Schwartz Die Alt-Griechischen Schlangengottheiten. Ein Beitrag zur Glaubensgeschichte der Urzeit (1858) стр. 9: Wie bei Aeschylus noch die Sonne des Helios Kreis (ἡλίου κύκλος Aeschyl. Prom. 91 [ср. еще Sophocles Philoct. 1357]) genannt wird, zeigt uns die Mythologie ein ganzes Volk solcher himmlischen, einäugigen Riesen in den Kyklopen. Они облачаютъ небо тучами и являются поэтому «строителями» исполинскихъ построекъ, подобно Посидону, Аполлону и другимъ; они же производятъ громъ и молвію и являются по этому «кузнецами»: такимъ образомъ доказывается первоначальная идентичность всѣхъ различаемыхъ впоследствии Киклоповъ. Его же Urspr. d. Mythol. (1830) стр. 199: Polyphem [ist] nichts anderes als der im Gewitter [?—ночью] geblendete Himmelsriese [т. е. «Sonnen- und Gewitterriese»]. Ср. его же Die poet. Naturansch. I (1861) стр. 153: Die Sage von den Kyklopen zeigt uns . . . anknüpfend an Sonne und Mond als himmlische Augen [нѣсколько удачныхъ указаній по этому поводу см. у него на стр. 144 сл.], ein ganzes Volk solcher einäugigen Himmelsriesen . . . Von der Vielheit dieser Wesen nun ausgehend, ist der Glaube dann allmählich zu bestimmteren Sonderungen vorgeschritten, wie z. B. die Gewitterriesen Arges, Brontes und Steropes uns eine Dreiheit derselben zeigen, während der μέγας Ἥλιος; dann . . . die letzte einheitliche Potenz war. Adalbert Kuhn Die Herabk. d. Feuers u. d. Göttertranks. E. Beitr. z. vergl.

Въ известной мѣстности, говоритъ одно швейцарское преданіе, въ которой часто появляется какое то привидѣніе (сохранившее, замѣтимъ мимоходомъ, много чертъ древняго солнечнаго божества Водана), стояло нѣкогда *особенно старое грушевое дерево* (ср. пока выше стр. 14 сл.: «*впловъчмы дубн*», «*дубъ стародубъ*») на которомъ росли *раннія груши*. Два сибѣлчака взобрались однажды ночью на это дерево, чтобы сорвать груши. Между тѣмъ подошелъ туда человекъ *низкаго роста съ широкой шляпой*; и обѣ стороны смотрѣли другъ на друга молча [т. е. еще до восхода солнца, звѣздное дерево «*умолкаетъ*», перестаетъ сіять, между тѣмъ какъ и солнце тоже еще «*молчитъ*»]. Но *вдругъ* этотъ человекъ *сталъ расти* въ вышину и ширину, такъ что очутился наконецъ [головой] между вѣтвями, на которыхъ они сидѣли; *одновременно съ этимъ запылала со всѣхъ сторонъ огонь*, вслѣдствіе чего воры принуждены были бѣжать»²⁵⁸).

Человекъ «низкаго роста» и въ «широкой шляпѣ», очевидно, не кто иной, какъ *Одина*, нѣмецкій Вуотанъ или Воданъ, известный обладатель *синяго плаща* (т. е. «чернаго» неба, въ которомъ онъ скрывается ночью) и *широкополой шляпы*, по-

Mythol. d. Indogermanen (1859) стр. 53 сл. сравниваетъ глазъ Полленима и проч. и съ глазомъ ведійскаго *Варуны* и съ единственнымъ глазомъ исполненнаго *Ракшасова* индійскаго эпоса. Впрочемъ, онъ полагаетъ, что въ названіи Полленима: «*Киллопъ*», можно усматривать слѣдъ представленія солнца въ видѣ колеса (вед. *vīḡvāyau sakṃam* = греч. *ῥῆλον κύκλος*). Не совсемъ удачно только, что т. наз. титаническихъ Киллоповъ онъ считаетъ «*олицетвореніями* грозы». Ср. м о й Каннибализмъ (1874) стр. 259 сл. Въ новѣйшее время въ пользу первоначальной идентичности Полленима и солнечнаго бога Иліа (Гелиоса) высказался J. J ä c k e l Das Teiresiasorakel Progr. d. Gymn. in Freistadt in O. Öst. Linz (1876). F. A. P a l e y Homeri quae nunc exstant an reliquis cycli carminibus antiquiora jure habita sint (Lond. 1878) стр. 23 сравниваетъ только мимоходомъ ослѣпленіе Полленима съ исчезновеніемъ солнца за тучами. Замѣчательно вообще, какъ мало занималъ классическихъ филологовъ вопросъ о мненческой основѣ гомеровскаго разказа.—О бытовыхъ чертахъ гомеровскаго разказа о Полленимѣ см. м о й Каннибализмъ стр. 260—273 и ср. и проч. Е. m. H o f f m a n n Mythen aus der Wanderzeit der gräco-italischen Stämme I: Kronos u. Zeus (1876) стр. 146 сл.

²⁵⁸) R o c h h o l z Schweizer sagen aus dem Aargau II стр. 68.

средствомъ которой онъ скрываетъ отсутствіе втораго глаза ²⁵⁹). Одинъ, какъ солнечное божество, представлялся иногда *висящимъ на деревѣ*—подобно напр. *Одиссею*, парящему въ продолженіи цѣлаго дня, *съ утра до вечера*, между побомъ и зем-

²⁵⁹) О *плащъ* и *шляпъ* *Одина* см. J. Grimm D. M. I³ стр. 133; III стр. 56 сл. (откуда и проч. видно, что ошибочнымъ было мнѣніе, будто въ Германіи вѣтъ слѣдовъ *едимолазія* Водана, какъ напр. утверждалъ еще A. d. Holtzmann Deutsche Mythologie. Vorlesungen, herausgegeben v. A. Holder (1874) стр. 46.—Собственно говоря, все, что мы знаемъ объ Одинѣ, можетъ служить только доказательствомъ его солнечной природы. Но при преобладающей въ настоящее время склонности нашихъ мнѣологовъ аллегоризировать мнѣи, естественно, что многие усматриваютъ въ Одинѣ «воздухъ», «бога вѣтровъ», «бурю» и т. п. См. напр. Simrock Handb. d. deutschen Mythol. ² (1869) стр. 163 (¹ 1878 стр. 166) и явное сопоставленіе мнѣиыхъ доказательствъ у Рошера Hermes der Windgott (1878) стр. 104 сл. Но даже Змирокъ считаетъ однако вѣроятнымъ, «dass Odin auch Sonnengott war, ehe ihn Freyr (Fró) aus dieser Würde verdrängte»; см. тамъ же стр. 205—209 (210—215). Я. Гриммъ высказался съ обычною осмотрительностью у к. соч. I³ стр. 121: Sollen nun die eigenschaften dieses gottes kurz zusammengestellt werden, so ist er die *alldurchdringende schaffende und bildende kraft*, der den menschen und allen dingen gestalt wie schönheit verleiht, von dem dichtungskunst ausgeht und lenkung des kriegs and siegts, von dem aber auch die fruchtbarkeit des felde ja alle höchsten güter and gaben abhängen. Saem. 113a. b. Я умо мнѣль случай замѣтитъ (О занятіяхъ стр. 74), что въ этихъ словахъ мы найдемъ точное описаніе могущества солнечнаго бога по древнѣйшимъ понятіямъ. О солнечномъ значеніи *Одина* см. впроч. Наһн у к. соч. стр. 493—496 и др. Жаль только, что, на основаніи ошибочныхъ соображеній, Ганъ рѣзко отличаетъ отъ скандинавскаго *Одина* германскаго *Водана*, въ которомъ онъ усматриваетъ исключительно божество вѣтра и бури, тамъ же стр. 155 сл. A. Kubn Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen II (1859) стр. 7 слл. сдѣль напротивъ необходимымъ всетаки признать о Wuotan'а, «dass er halber Sonnengott ist», при чемъ однако замѣчаетъ: es ist derselbe Entwicklungsgang wie bei den Griechen, wo der stürmende Apoll, der Drachenschläger, auch Sonnengott und Sonnengott wird (собственно можно допустить только обратный процессъ, ср. выше стр. 116 примѣч. 195). Вообще германскому Водану не посчастливилось: F. G. Bergmann La Fascination de Gullf (Gylfaginning) Traité de Mythol. Scand. etc. ² (1871) стр. 216 находятъ, что Одинъ былъ первоначально не что иное, какъ только «la Personification [!] de la température»; Гольдманъ же у к. соч. стр. 35 примѣч. 2 сдѣль даже возможнымъ опредѣлить его просто: «Die Personification des furor Teutonicus».—На основаніи сходныхъ чертъ *Одиссей* и *Одина* уже отождествлялись неоднократно учеными. См. F. Chr. Baug Symb. u. Mythol. II 2 (1825) стр. 437; A l-

юд на смоковницу Харивды²⁸⁰). Ясно, что все приведенное предание изображает только, какъ солнце «растетъ» утромъ,

tenburg Ulixes qualis etc. (1837) стр. 6, G. Schambach und W. Müller Niedersächsische Sagen u. Märchen etc. (1855) стр. 394—398 и др.; Hahn ук. соч. стр. 397 и др. Къ числу тождественныхъ чертъ принадлежатъ и шлема, въ которой обыкновенно изображается и Одиссей (и которая, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Одиссея, соответствуетъ шлему Аида и шлему невидимыхъ современныхъ сказокъ). Кроме того нелишнимъ считаю привести здѣсь слѣдующее мѣсто изъ Snorri Sturluson's Weltkreis (Heimskringla) übers. u. erläut. v. Wachter I (1835) стр. 21 (Ynglingasaga гл. 6): Aber das [что царь Одинъ въ глазахъ друзей казался прекраснымъ, а для враговъ страшнымъ] geschah dadurch, dass er Aulhis und Gestalt vertauschte [точно какъ Одиссей], auf welche Weise er wollte. Eine andere [Ursache seiner Verehrung] war diese, dass er redete so klug und glatt, dass allen, welche zuhörten, dünkte das eine wahr. Er sprach alles in Versen, so wie nun gesungen wird, was Skaldschaft heisst. Съ этихъ нелзя не сравнить похвалу, которую воздаетъ Аякинъ Одиссею O d y s s. XI 363—369:

ὦ Ὀδυσσεῦ, τὸ μὲν σὸ τί σ' εἰσορῶντες
ἤπεροπῆα τ' ἔμεν καὶ ἐκπλοκὸν οἶα τι πολλοὺς
βόσκει γαῖα μέλαινα, πολυσπερίας ἀνθρώπους,
φρεσὶ δ' ἄρτύοντας ὄθεν κ' τις οὐδ' ἴδοιτο·
σοὶ δ' ἐπι μὲν μορφῇ ἐπέων, ἐνὶ δὲ φρένας ἐσθλαί,
μῦθον δ' ὡς βί' ἀοιδός, ἐπισταμένως κατέλεξας,
πάντων Ἀργείων σέο τ' αὐτοῦ κήδεα λυγρά.

Такое, почти дословное совпадение не можетъ быть случайнымъ: оно указываетъ несомнѣнно на одинъ общій источникъ, на первоначальную тождественность мифовъ объ Одиссее и Одинѣ.

²⁸⁰) O d y s s. XII 429:

«παντόχιος φερόμην, ἕμα δ' ἤελθω ἀνίστη
ἦλθον ἐπὶ Σκύλλης σκόπελον δεινὴν τε Χάρυβδι.
ἢ μὲν ἀνέροισβδῆσε θαλάσσης ἄλμυρον ὕδωρ·
αὐτὰρ ἐγὼ ποτὶ μακρὸν ἔρινον ὄψασ' ἀερόεις
τῷ προσφύς ἐχόμην ὡς νυκτερός· οὐδ' ἔπη εἶχον
οὔτε στηριξάι ποσὶν ἔμπηδον οὔτ' ἐπιβῆναι·
ἔξαι γὰρ ἰκὰς εἶχον, ἀπήρωοι δ' ἔσαν ἔξοι,
μακροὶ τε μεγάλοι τε, κατεσπίαν δὲ Χάρυβδι.
νωλεμέως δ' ἐχόμην, ὄφρ' ἐξεμέσσειεν ὀπίσω
ιστὸν καὶ τρόπιν αὐτίς· ἐέλδομένην δέ μοι ἦλθον
ὄψ· ἦμος δ' ἐπὶ δόρπον ἀνὴρ ἀγορῆθεν ἀνίστη
κρίνων νεκτα πολλὰ δικαζομένων αἰζηῶν,
τῆμος δὴ τάγε δοῦρα Χαρύβδιος ἐξεσάνθη,
ἦκα δ' ἐγὼ καθύπερθε πόδας καὶ χεῖρε φέρεσθαι,
μέσσω δ' ἐνδοῦπθα παρὶξ περιμήθεα δοῦρα,
ἰζόμενος δ' ἐπὶ τοῖσι διήρεσα χερσὶν ἰμῆσιν».

Ср. ниже стр. 173 сл.

то есть какъ оно восходитъ на небо, при чемъ звѣздное *дерево обхватывается пламенемъ*, такъ что, слѣдуетъ полагать, его плоды становятся невидимыми (— иное дѣло, если говорится, что само *дерево юрится*, чѣмъ обозначается ночное сіяніе звѣздъ).—Что же касается до двухъ смѣльчаковъ, то зайти мимоходомъ, что и они сами представители, только еще болѣе древніе, того же солнца. Мы ихъ еще встрѣтимъ и въ одномъ греческомъ преданіи подъ видомъ двухъ *Диоскуровъ*, сидящихъ тоже на *грушевомъ* деревѣ.

Еще поучительнѣе нѣмецкая сказка, помѣщенная въ сборникѣ Гриммовъ подъ заглавіемъ «Духъ въ стеклянкѣ». Тутъ рассказывается и проч., какъ одинъ юноша, ученикъ, наткнулся однажды въ лѣсу на *«громадный, опасный дубъ, который, навѣрное, простоялъ уже мною столѣтій»*. Вдругъ онъ услыхалъ раздающійся съ низу, изъ земли, *тихий голосъ*: «выпусти меня — я нахожусь подъ корнями дуба». Покопавъ въ землѣ, онъ нашелъ закупоренную *стеклянку*, въ которой находилось какое то живое существо, похожее на *лягушку* (— о солнцѣ, подъ образомъ лягушки, см. мой отчетъ «О занятіяхъ» стр. 47 сл.). Не успѣвъ ученикъ раскупорить стеклянку, какъ вдругъ находившійся въ ней духъ, выскочилъ и *сталъ расти съ неимовѣрною быстротою*, такъ что въ нѣсколько мгновеній сдѣлался исполиномъ, величиною въ половину дуба. Когда этотъ страшный исполинъ собирался поглотить ученика, тогда тотъ прибѣгаетъ къ известной хитрости: онъ заявляетъ сомнѣніе, чтобы такой большой духъ могъ помѣщаться въ маленькой стеклянкѣ. Духъ, чтобы убѣдить его, *дѣлается опять малымъ* и влѣзаетъ въ стеклянку, которую тотъ немедленно и закупориваетъ²⁶¹).

²⁶¹) Brüd. Grimm K. u. N.-M. № 99. Sp. III° стр. 180 сл., гдѣ указанъ цѣлый рядъ сродныхъ сказокъ.— Гомеровскій рассказъ о Поллониѣ сопоставляемъ со сказаніями и сказками разныхъ другихъ народовъ: Diez Der neuentdeckte oghuzische Cyclop verglichen mit dem homerischen (1815); Laner Gesch. d. hom. Poesie (1851) стр. 319 сл.; W. Grimm въ ук. соч.; Campbell Popular Tales of the West Highlands I (1860) стр. 109

Полифимъ, сдѣлавшись разъ исполномъ, конечно, не могъ въ рационалистическомъ разсказѣ Гомера опять превратиться въ ребенка. Но зато къ вечеру, во время заката солнца, онъ *ложится*, его «глазъ» смыкается, и въ этотъ моментъ Одиссей вкалываетъ этотъ глазъ посредствомъ раскаленного дерева. При этомъ, какъ бы въ поясненіе того, почему заходящее солнце кажется кровавымъ, описывается, какъ изъ выжитаго глаза Полифима струилась *кровь*, съ чѣмъ соединена еще и другая черта, характеризующая заходящее солнце: Полифимъ изрыгаетъ въ это время *вино* и *куски человѣческой мясы*, т. е. —сдѣденныхъ имъ *товарищей Одиссея*²⁶²). О послѣднихъ счи-

— 112; 154; 264; II стр. 193; W. W. Merry and J. Riddel Homers Odyssey I (1876); Wilhelm Mannhardt Wald- und Feldkulte II (1877) стр. 103—112; К. Г. Нурог Sagnet om Odysseus og Polyphem (1881). Несколько дополнительныхъ указаній см. въ соч. Е. Г. W. Rohde Der griechische Roman und seine Vorläufer (1876) стр. 173 примѣч. 2; Bernh. Schmidt Griech. Märchen, Sagen u. Volkslieder, ges., übers. u. erl. (1877) стр. 8 (ср. также окончаніе № 13 стр. 104 интересный вариантъ ослѣпленія одноглазого великана); J. Grimm D. M. III стр. 159 и 302; подобныя же русскія сказки (про «Лихо одноглазое») приводитъ Аванасьевъ Поэт. возр. II стр. 698—701. См. также Сборн. свѣдѣній о кавказк. гордахъ VII (1873) народн. сказанія стр. 9 слл.: «О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызнага».

²⁶²) Odyss. IX 371:

ἤ καὶ ἀνακλιθεὶς πῖσεν ὕπτιος, αὐτὰρ ἔπειτα
κατ' ἀποδομύσας παύειν αὐχένα, καδ' δὲ μιν ὕπτιος
ἦρει πανδαμάτωρ φάρυγος δ' ἐξέστυο οἶτος
ψωμοῖ τ' ἀνδρῶμεω· δ δ' ἐρεῦγετο οἶνοβαρεῖων. . .

и ст. 387:

. . . ἐν ὀφθαλμῷ πυρήκεια μοχλὸν ἐλόντες
δινόμεν, τὸν δ' αἶμα περιρροε θεριὸν ἰόντα.

Огровазленный и изрыгающій кровь Полифимъ напоминаетъ собою *Одиссея*, *окровавленную* и *изрыгающую морскую воду*, когда онъ, приплывая на островъ *Фэаковъ*, т. е. въ страну *взвѣдъ*, изображаетъ собою *восходящее солнце* (отплываетъ же онъ отъ Фэаковъ ровно съ закатомъ солнца). Тутъ слѣдуетъ вспомнить, что море особенно часто называется не только *багровымъ* (πορφύρεον κῆμα, πορφύρεη ἄλς), но и прямо *виновиднымъ* (οἶνοψ πόντος), и, что Одиссей вѣтъ съ собою *вино*, полученное отъ *Калипсо* (V 265): Быть можетъ, что въ болѣе древней формѣ преданія Одиссей извергалъ именно это вино, и что эта черта устранена только вслѣдствіе своей неблагоприятности. Вѣроятно, что не даромъ Одиссей *прикидывается пьянымъ* у Эвмея, XIV 463 слл., съ чѣмъ слѣдуетъ сравнить и бранныя слова слугъ Пинелопы, XVIII 331 сл., и Эв-

таю. возможнымъ тутъ же высказать, что въ болѣе древней формѣ мѣта эти представители звѣздъ были, несомнѣнно, поглощены Полифимомъ *всл.*, послѣ чего онъ ихъ всѣхъ изрываетъ опять, подобно тому, какъ напр. *Кронз*, который, какъ увидимъ, въ многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Полифима, поглощаетъ и затѣмъ извергаетъ опять всѣхъ своихъ дѣтей. Съ упоминаемыми здѣсь кусками человѣческаго мяса нельзя не сравнить, по крайней мѣрѣ, то *мычащее мясо коровъ Солнца*, о которомъ говорится въ XII-й пѣснѣ Одиссея, и которое, несомнѣнно, означаетъ звѣзды (см. выше примѣч. 249), — не говоря уже о другихъ случаяхъ, въ которыхъ упоминается «*многое мясо*», т. е. множество кусковъ мяса.

Объ *оливковомъ деревѣ* Полифима мы узнаемъ изъ устъ Одиссея слѣдующее: «У загоры лежала огромная *палица* Биклопа, зеленая, оливковая. Онъ ее срѣзалъ себѣ, чтобы носить, когда *засохнетъ*. Когда мы на нее глядѣли, она намъ показалась какъ *мачта* двадцативесельнаго чернаго корабля, широкаго, купеческаго, который переплываетъ великую пучину: такова она была длиною и такова, на видъ, толщиною. Отъ нея я отрѣзалъ, подошедши, [кусокъ] въ сажонъ, передалъ товарищамъ и велѣлъ обтесать. Они сдѣлали его гладкимъ; я же, подошедши, заострилъ оконечность, и потомъ, взявши [въ руки], раскалил въ жгучемъ огнѣ. И положилъ я его хорошо, запрятавъ подъ *навозъ*, который покрывалъ пещеру въ громаднѣйшемъ количествѣ». Это происходитъ въ отсутствіе Полифима. Потомъ, когда Полифимъ возвратился въ пещеру и заснулъ, Одиссей *снова раскаляетъ* этотъ кусокъ палицы, «сунувъ его подъ *многій пепелъ*», и выжигаетъ имъ глазъ исполина²⁶³).

римаха XVIII 391 сл. *Окровавленнымъ* же является Одиссей и *послѣ избиенія осениховъ*, гдѣ онъ тоже изображаетъ собою восходящее солнце, убитыя звѣзды, и гдѣ особенно краснорѣчиво сравненіе его съ *окровавленнымъ львомъ*. См. выше стр. 112.

²⁶³) Odys. IX 319:

«Κύκλωπος γὰρ ἔκειτο μέγα ἰββαλον παρὰ στήθεϊ,
χλωρόν ἐλαίνεον τὸ μὲν ἔκταμεν, ἔβρα φροσίη

Для того, чтобы понять мифологическій смыслъ этого разсказа, мы должны прежде всего выяснитъ себѣ значеніе упоминаемаго «многатаго пепла» (ὕπὸ σποδοῦ ἥλασα πολλῆς) и *навоза*, «накопывающагося (собственно: «разлитаго» или «разсипаннаго») въ пещерѣ въ громаднѣйшемъ количествѣ» (ὕπὸ κέρφῃ, ἥ ῥα κατὰ σπέλους κέχυτο μεγάλη ἥλιθα πολλή). Мы уже видѣли (выше стр. 123 сл.), что *перья* и *помета Стимфалскихъ птицъ* означаютъ *звѣзды* и *ночной мракъ*. Точно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ Одиссеи, описывается въ ней и чрезвычайно большое накопленіе *листьевъ*, подъ которыми самъ *Одиссей* пролежалъ всю ночь въ странѣ Фэаковъ: φύλλων γὰρ ἔην χύσις ἥλιθα πολλή. При этомъ употреблено слѣдующее сравненіе: (Одиссей зарылся въ кучу листьевъ) «подобно тому, какъ если кто *прячетъ въ черный пепелъ юловню на краю поля*, не имѣя *сосѣдей*, и *желая сберечь стмя огня*, чтобы не занимать у *другихъ*»²⁶⁴). Ясно, что сравненіе Одиссея съ зарытою въ пе-

ἀθανάτων. τὸ μὲν ἄμμες ἴσχομεν εἰσορόωντες
ὅσων θ' ἴσταν νῆος εἰκοσάβοιο μελαίνης,
φορτίδος εὐρείης, ἥτ' ἐκπερά μὲγα λαίτμα
τόσων ἔην μήκος, τόσων πάχος εἰσοράσθαι.
τοῦ μὲν ὅσων τ' ὄργυιαν ἐγὼν ἀπέκοφα παραστάς,
καὶ παρέθηχ' ἐτάροισιν, ἀποῤῥῆσαι δ' ἐκέλευσα·
οἱ δ' ὁμαλὸν ποίησαν· ἐγὼ δ' ἐθόωσα παραστάς
ἄφαρον, ἄφαρ δὲ λαβὼν ἐπυράκτεον ἐν πυρὶ κηλέω.
καὶ τὸ μὲν εὐ κατέθηκα κατακρύψας ὑπὸ κέρφῃ,
ἥ ῥα κατὰ σπέλους κέχυτο μεγάλη ἥλιθα πολλή» . . .

II ст. 375.

καὶ τότε ἐγὼ τὸν μοχλὸν ὑπὸ σποδοῦ ἥλασα πολλῆς
εἶως θεφμαίνοντο . . .

²⁶⁴) Odyss. V 475:

βῆ β' ἴμεν εἰς ἄλην· τὴν δὲ σχεδὸν ὕδατος εὖρεν
ἐν περιραινομένῳ· τοιοῦς δ' ἄρ' ὑπῆλυθε θάμνους,
ἔξ ὁμόθεν πεφωῶτας· ὁ μὲν φωνίλης, ὁ δ' ἐλαίης.
τοὺς μὲν ἄρ' οὐτ' ἀνέμων διάει μένος ὑγρὸν ἀέντων,
οὔτε ποτ' ἥλιος φαιέθων ἀκτίσιν ἔβαλλεν,
οὐτ' ὄμβρος περάσκει διαμπερές· ὡς ἄρα πυκνοὶ
ἀλλήλοισιν ἔφυν ἐπαμοιβαδίσ· σθς ἔπ' Ὀδυσσεὺς
δύσσει· ἄφαρ ὧ εὐνήν ἐπαμίχαστο χεραὶ φιλῆσιν

пелъ головнею «на краю поля» (такъ!), обусловлено тѣмъ,

εὔρετ' ἀν' φύλλων γὰρ ἔην χύσις ἤλιθα πολλή,
 ὄσσον τ' ἢ δὴ δὴ τρεῖς ἄνδρας ἔρυσθαι
 ὡρῆ χειμερίῃ, εἰ καὶ μάλα περ χαλεπαῖνοι.
 τὴν μὲν ἰδὼν γήθησε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς,
 ἂν δ' ἄρα μέσση λίχτο, χύσιν δ' ἔπεχευατο φύλλων.
 ὡς δ' ὅτε τις θαλὸν σποδιῇ ἐνέκρυψε μελαίνῃ
 ἄγροῦ ἐπ' ἐσχατιῆς, ᾗ μὴ πάρα γείτονες ἄλλοι,
 σπέρμα πυρὸς σώζων, ἵνα μὴ ποθεν ἄλλοθεν αὔῃ,
 ὡς Ὀδυσσεύς φύλλοισι καλύψατο.

«Лѣсъ у воды» и сросшіея въ немъ два куста маслины, днкой и плодородной подъ которыми Одиссей устраиваетъ себѣ ложе изъ громадной кучи листьевъ — несомнѣнно идентичны между собою и означаютъ звѣздное небо. Особенно замѣчательны консервативизмъ гомеровскаго разсказа, отразившіяся въ словахъ, что «солнце никогда не поражало [ἔβαλλεν] своими лучами» стѣхъ гетовъ. Солнце, дѣйствительно, никогда не «поражаетъ лучами», т. е. не ослѣпляетъ звѣзднаго дерева, усыпавшаго всегда исчезнуть раньше его появленія. Такимъ образомъ, здѣсь сохранилось старинное выраженіе, не смотря на его неумѣстность при позднѣйшемъ прагматическомъ пониманіи и на не смотря на легкость замѣнить его болѣе подходящимъ: «не проливаетъ» (ср. напр. Iliad. XIV 344 сл.: οὐδ' ἂν νοῖ διαδράχοι Ἡέλιός περ). Тамъ же словами описывается въ Odys. XIX 440—443 логовица громаднаго дерева (означающаго тоже солнце), котораго убиваетъ Одиссей. — Очень неудачно аллегоризируетъ приведенное мѣсто Одиссея K. W. Ostergwald Hermes-Odysseus. Mythologische Erklärung der Odysseussage (1853) стр. 113 стр. 2: Ich sehe in der φυλῆ und ἔλαλα Symbole der unfruchtbaren wie der fruchtbaren Jahreszeit: der Baum des Winters und der Baum des Sommers sind beide aus einer Wurzel entsprossen, sind nur zwei verschiedene Manifestationen der einen Natur. Uebrigens erinnern wir uns, dass der Oelbaum zu den ewigen Bäumen gehört, d. h. den Welt- und Lebensbaum bedeuten kann. Странно, отчего только этотъ «Welt- und Lebensbaum» никогда не ослѣпляется солнцемъ! Впрочемъ, въ своемъ переводѣ Одиссея (1873) слово φύλη не передаетъ посредствомъ: Wegdorn, «придорожная ягла» (греч. φύλη), какъ это дѣлаетъ и Амейсъ въ своемъ школьномъ изданіи. Не видно никакихъ причинъ, почему они совсѣмъ отвергаютъ объясненіе сходящее, Sehe. Odys. V 477: φύλα εἶδος ἐλαίας, μυρρίνης ὁμοία φύλλα ἔχουσης. οἱ δὲ τὸ ἀρτεμίσιον λέγουσιν, т. е. «φύλη есть родъ маслины, съ листьями, похожими на иеривыя; иные же утверждаютъ, что это дикая маслина». Сравненіе съ иеривой доказываетъ, что объясненіе не придумано наугадъ, тѣмъ болѣе что въ послѣднемъ случаѣ вѣроятнѣе всего пришло бы въ голову, что φύλη Гомера — не чтò иное какъ φύλη, упоминаемая Теофрастомъ Hist. plant. 9, 3: V 6, 2, и называющаяся еще теперь φύλλι. См. H. O. Lenz Botanik der alten Griechen und Römer, deutsch in Auszügen aus deren Schriften nebst Anmerkungen (1859) стр. 651.

что Одиссей означалъ первоначально солнце, которое представлялось огнемъ, пылающимъ въ продолженіе дня и *тлѣющимъ* ночью на краю неба («поля»), съ тѣмъ чтобы на слѣдующее же утро загорѣться снова ²⁶⁵). Подобнымъ образомъ и въ Ригведѣ восходящее солнце называется «утреннимъ свѣтомъ [произошедшимъ изъ] стараго сѣмени [pratnásyá rétaso jyótis], загорающимся по ту сторону неба»; въ Самаведѣ оно само

²⁶⁵) Основательныя другія останавливались на этого рода представле-
ніяхъ F. L. W. Schwartz Die poet. Naturansch. I стр. 90 слл. Здѣсь достаточно будетъ привести изъ означ. соч. только слѣдующее, стр. 91: zu einer derartigen allgemeinen Vorstellung einer *Feuermasse* in Sonne und Mond stimmt es, wenn das Sonnen- und Mondfeuer sich *neu zu bilden* oder zu *erneuern* schien; wie Xenophanes meinte, dass die Sonne entstände *ἐκ πυρρίων τῶν συναθροισμένων μὲν ἐκ τῆς ὑγρᾶς ἀναθυμιάσεως, συναθροισόντων δὲ τὸν ἥλιον* [Plut. Plac. phil. II 20, 2; см. Zell'er Gesch. d. gr. Philos. I^e стр. 462 примѣч. 3], oder Antiphon die Sonne für ein *πῦρ ἐπιανεμόμενον τὸν περὶ τὴν γῆν ὑγρὸν ἄερα* hielt (Stob. Ecl. phys. I 25, 1 p. 524). Nicht bloss aber etwa nach Sonnenfinsternissen dachte man sich eine solche Neubildung, sondern *täglich*, und beim Monde bei jedem Mondwechsel, *τὸν δὲ ἥλιον ἐκ μικρῶν περιθίων ἀθροισμένων γενέσθαι καθ' ἐκάστην ἡμέραν*—*καὶ τὴν μηνιαίαν ἀπόκρυψιν κατάβασιν* cet. (cf. Brandis, Comment. Eleat. Altonae 1813. I. 53. Anm.). Dasselbe, was von der Erneuerung von Sonne und Mond, galt auch von den Sternen. Xenophanes meinte, die Sterne würden *täglich ausgelöscht* und wieder *anzelündet*, *καθάπερ τοὺς ἀνθρακας τὰς γὰρ ἀνατολάς καὶ τὰς δύσεις ἐξάψεις εἶναι καὶ σβέσεις*. Plut. Plac. phil. II 13. — Zu den entwickelten Vorstellungen stellt sich Lucretius V. v. 656 sqq.:

Tempore item certo roream Matuta per oras
Aetheris auroram differt et lumina prodit.
Aut quia sol idem sub terras ille revertens
Anticipiat coelum radiis, accendere temptans;
Aut quia conveniunt ignes, et semina multa
Confluere ardoris consuerunt tempore certo,
Quae faciunt solis nova semper lumina gigni;
Quod genus Idaeis fama est e montibus altis
Dispersos ignes orienti lumine cerni,
Inde coire globum quasi in unum et conficere orbem.

Итакъ мы видимъ, что не только Ксенофанъ и другіе древніе философы усматривали въ солнцѣ, какъ и въ другіихъ небесныхъ свѣтилахъ, ежедневно снова загорающійся огонь, но что даже Лукрецій (I в до Р. Хр.) считалъ еще возможнымъ допустить, что солнце дѣйствительно образуется ежедневно снова «изъ множества сѣмянъ огня». Упоминаемое имъ тутъ же поэзіе, что «съ высокиихъ Идейскихъ горъ можно наблюдать» этотъ процессъ, свидѣтельствуесть лучше всего о глубокой древности этого воззрѣнія,

называется «вѣчнымъ сѣменемъ»²⁶⁶). «Листья», подъ которыми лежалъ Одиссей, означали, несомнѣнно, звѣзды. «Черный же пепелъ», въ который запрятана на ночь «головня», и который, очевидно, соотвѣтствуетъ «навозу» и «пеплу», поочередно укрывавшему, въ разсказѣ о Полифимѣ, раскаленную палицу этого исполина, можетъ означать только ночной мракъ,—точно также, какъ и пометъ Стифалскихъ птицъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему палица Киклопа раскаляется дважды: это обусловлено желаніемъ согласить два преданія, говорившія въ одинаковомъ смыслѣ о горѣннн звѣзднаго дерева (подразумѣвались, конечно, сверкающія листья, т. е. звѣзды) то въ «навозѣ», то въ «черномъ пеплѣ».

Чтобы еще больше убѣдиться въ томъ, что «навозъ» имѣеть, дѣйствительно, миеологическое значеніе ночнаго мрака, можно было бы указать еще напр. на мифъ о томъ, какъ *Ираклъ* успѣлъ въ одинъ день очистить отъ громаднаго накопленія навоза весь дворъ *Авгیا*,—мифъ, означавшій, очевидно, что съ появленіемъ солнца исчезаетъ ночная темнота, покрывавшая весь міръ²⁶⁷). Но для нашей цѣли вполне достаточно и тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ *Иліадѣ* и *Одиссее*.

Изъ *Одиссеи* вспомнимъ описаніе, какъ собака *Ари*, лежа на навозѣ, издыхаетъ при появленіи *Одиссея*. Едва ли можно сомнѣваться, что «многоглазый Аргъ», означавъ первоначально солнце, какъ *обладателя* звѣздъ (многихъ «глазъ»),

²⁶⁶) Rig v. VIII 6, 30; ср. V 17, 3.—S a m a v. I 1, 1, 3. На это последнее мѣсто указываетъ Шварцъ въ вышеупомянутомъ соч. стр. 47, приводя его въ нѣмецкомъ переводѣ: Agni entzündend frommen Sinns vollzieht der Mensch den Opferbrauch; Agni entzünd ich mit Leuchtendem. Darauf erblicken den leuchtenden Glanz des ewigen Samens sie, welcher vor am Himmel steht. Санскритскаго текста я не имѣю подъ рукою.

²⁶⁷) Apollod. II 5, 5; и др. Что *Ираклъ*, чтобы очистить дворъ *Авгیا* или *Авгея* (Αὔγεια, Αὔγας), направилъ черезъ него теченіе *Алфія* (Ἄλφειος), или *Пинія* (Πηνειός), или обонхъ вѣствъ, тоже не лишено миеологическаго значенія. По крайней мѣрѣ относительно *Алфія* весьма нетрудно убѣдиться, что его имя было однимъ изъ эпитетовъ солнца.

успѣлъ рано превратиться въ *представителя* звѣзднаго неба. Въ такомъ случаѣ его смерть при появленіи Одиссея, какъ настоящаго представителя солнца, означала исчезновеніе звѣздъ при появленіи солнца, — а навозъ опять таки является эквивалентомъ ночной темноты²⁶⁸).

Въ Иліадѣ не трудно прослѣдить солнечное значеніе *Пріама*. О немъ мы узнаемъ, что онъ *валялся въ навозъ* (κυλινδόμενος κατὰ κόπρον) при видѣ паденія своего сына *Эктора*, такого же солнечнаго героя, какъ и онъ самъ. Экторъ въ это время лишается славной брони и его «голова, прежде сиявшая [χάρη πάρος χαρῆς], вся теперь *покрыта пылью*»²⁶⁹). Въ послѣдней пѣснѣ разсказывается, какъ *Пріамъ* скорбѣлъ, «туго закутанный въ плащъ», причеиъ «*вокругъ головы и шеи эту старца много было навозу, который онъ сгребъ руками, валяясь*», что прямо напоминаетъ *Исідово* описаніе *Тартара*, *шея котораго покрыта тремя слоями ночи*²⁷⁰). Въ той же пѣснѣ Иліады *Пріамъ* говоритъ *Ахиллу*: «Съ тѣхъ поръ, какъ отъ твоихъ рукъ лишился жизни мой сынъ, я постоянно вздыхаю и переносу безчисленныя скорби, *валяясь на навозъ въ шльваахъ двора*»²⁷¹). Замѣтимъ также, что слова χέω «*любю*» и χύσις «*разливъ*», примѣняемые Гомеромъ въ описаніи накопленія навоза, соединяются у него также точно и съ словами, обозначающими: *туманъ, мранъ, ночь*²⁷²).

²⁶⁸) Odyss. XVII 291—327. Ср. мой отчетъ О занятіяхъ стр. 15 прилѣч. 11 б.

²⁶⁹) Iliad. XXII 402 сл. и 414. Ср. XIII 53, гдѣ Экторъ называется «*похожимъ на пламя*», φλογὶ ἕκκελος.

²⁷⁰) Iliad. XXIV 163:

. . . ἀμφὶ δὲ πολλῆ
κόπρος ἔην κεφαλῇ τε καὶ ἀσχεύει τοῦ γέροντος [Πριάμοιο],
τὴν ἕα κυλινδόμενος καταμίσσαστο χερσὶν ἔησιν.

Hesiod. Theog. 726:

. . . ἀμφὶ δὲ μιν [Τάρταρον ἡρόεντα] τῶξ
τριστοῦ χειρὶ κέχυται περὶ δειρήν.

На счетъ «*трехъ слоевъ ночи*» см., что мною высказано выше стр. 46 по поводу «*тройныхъ узъ*», упоминаемыхъ въ Odyss. VIII 340.

²⁷¹) Iliad. XXIV 638 сл.

²⁷²) Напр. Iliad. V 696 и XVI 344: κατὰ δ' ὀφθαλμῶν κέχυγ' ἀχλύς;

Что же касается до *горящаго дерева*, то нельзя не обратить вниманіе на сообщаемое Нонномъ весьма первобытное описаніе *оливковаго дерева*, находившагося, по преданію, на *Амеросійскихъ скалахъ*, (т. е. собственно, на скалахъ «Безсмертныхъ»), когда онѣ еще были «*пловучими*». Последнее обстоятельство для насъ тѣмъ важнѣе, что, по Гомеру, Одиссей и его товарищи *сравнивали* сдѣланную изъ оливковаго дерева палицу Полифима съ *мачтою корабля*; ибо, замѣтитъ пока хоть мимоходомъ, слово *ἵστός*, означающее одинаково «*шестъ*», «*мачту*» и «*ткацкій станокъ*», въ которомъ бы изъ этихъ значеній оно ни встрѣчалось у Гомера, всегда является у него заступившимъ мѣсто небснаго, звѣзднаго дерева. Упомянутое же описаніе Нонна особенно драгоцѣнно тѣмъ, что въ немъ оливковое дерево называется «*огненнымъ*» и что съ него сыпятся *искры*. Замѣчательно оно и проч. и тѣмъ, что на верхушкѣ его находятся *орелъ* и *чаша*, представители солнца, а вокругъ дерева ходитъ извивающійся *змѣя* съ чудесными *вѣнками* и *ушами*, несомнѣнно изображающими луну ²⁷³). Что *Амвросійскія скалы* являются локализованными

XX 321; 421; V 776: περί δ' ἤρα πουλὸν ἔχουεν [Ἦρη]; VIII 50: κατὰ δ' ἤρα πουλὸν ἔχουεν [Ζεὺς] XVII 268 сл.: ἀμφὶ δ' ἄρα σφιν λαμπρῆσιν κορυθαίαι: Κρονίων ἤρα πολλὴν χεῖρ'. . .; Odys. VII 15: πολλὴν ἤρα χεῖρε [Ἀθήνη]. . . Ὀδυσῆϊ; 140; 143; XIII 189. Ср. мѣсто Исиода, приведенное выше въ примѣч. 270.

²⁷³) Nonn. Dionys. XL 467:

. . . «εἰσόκε χώρον ἔκησθε μεμορμένον ὀπρῆθι δισσαί
 ἀπταθές πλώσουσι ἀλήμονες εἰς ἄλλ' πέτραι.
 ἢς φύσις Ἄμβροσας ἐπεφήμισεν, αἷς ἐνι θάλλει
 ἥλικος αὐτόρριζον ὀμβρῶνον ἔρρος ἐλαίης,
 πέτρης ὑγροπόροιο μεσομφαλον' ἀκροτάτοις δὲ
 αἰετὸν ἀθρόσητε παρεδρῆσσοντα κορυμβοίς
 καὶ φιάλην εὐρυκτον' ἀπὸ φλογεροῖο δὲ δένδρου
 θαμβάλευς σπιρθηρας ἐρεῦγεται αὐτόματον πῆρ,
 καὶ σέλας ἀφλεγός περιβόσμεται ἔρρος ἐλαίης·
 καὶ φυτὸν ὑψιπέτηλον ἔλιξ ἄμφι ἀμφιχορεύει,
 ἀμφοτέρον βλεφάροισι καὶ σθαπὴ θάμβος ἀέζων·
 οὐ γὰρ ἀερσιπότητον ἐς αἰετὸν ἄφορος ἔρπων
 λοφὸς ἀπειλητῆρι δρακῶν περιβάλλεται ὀλκῶϊ

близъ финикійскаго города Тира (впрочемъ, *Tyrs* — имя греческое), это не только не умаляетъ значенія этого описанія для греческой мифологiи, а, напротивъ того, можетъ лишь служить доказательствомъ особенной первобытности мифа. Ибо нельзя не замѣтить, что разныя данныя и событія, описываемыя въ самыхъ порвобытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, для позднѣйшаго пониманія самыхъ невѣроятныхъ мифахъ, постоянно переносились Греками куда нибудь въ отдаленныя, чужія страны, гдѣ они легче могли устоять противъ скептицизма.

Такимъ образомъ становится несомнѣннымъ, что и оливковое дерево Киклопа имѣетъ приписываемое ему нами мифологическое значеніе. Если мы еще вспомнимъ, что то самое дерево, которое лишаетъ его зрѣнія, было имъ прежде срублено и приспособлено въ видѣ *палицы*, или *шеста*, то есть было имъ лишено *листвевъ*, то окажется, что разсмотрѣнная нами часть гомеровскаго разсказа о Киклопѣ Полифимѣ заключаетъ въ себѣ полный солнечный мифъ, который мы можемъ схематизировать слѣдующимъ образомъ: Утромъ Многосвѣтлый Кругоглазъ заставляетъ исчезнуть (сверкающія) листья (огненного) дерева; вечеромъ онъ самъ потухаетъ, когда дерево (покрываясь сверкающими листьями) становится (опять) огненнымъ. Что на слѣдующее же утро Киклопъ является *опять «зрачимъ»*, мы могли бы уже заключить изъ высказанной Ки-

οὐδὲ διαπτύων θανατηφόρον ἰὼν ὀδόντων
 ὄρνιν ἑαῖς γενέσσει κατεσθίει, οὐδὲ καὶ αὐτὸς
 αἰετὸς ἐρπηστῆρα πολυσπειρήτου ἀκάνθαις
 ἀρπάξας ὀνύχεσσι μετάρσιος ἤερα τέμνει,
 οὐδὲ μιν ὄξυδόντι καταγράφειε γενεῶν·
 οὐδὲ τανυρημένοιο φρυτὸ πειρορημένος ὄχοις
 πυρσὸ; ἀδηλήτου περιβάσκαται ἔρνος ἐλαίης,
 οὐδὲ δρακοντείων φολίδων σπείρημα μαραίνει
 σύννομον ἀγχιελευθον, ὁμοπλεκῶν δὲ καὶ αὐτῶν
 οὐ πτερῶων θρηῖδος ἐράπτεται ἄλλδμενον πρῶ,
 ἀλλὰ φρυτὸ κατὰ μέσσα φιλῶν σέλας ἀτμὸν ἰάλλει·
 οὐδὲ κύλιξ ἀτίνακτος ἐπιήρος ὑψόθι πίπτει
 σειομένων ἀνέμοισιν ὀλισθήσασα κορυμβῶν.

Ср. и проч. выше стр. 146 *огненные дубы*, которые бросаются на небо *Гиман-малы* и *Тифономы*.

влопомъ увѣренности, что Посидонъ, если захочетъ, возвратитъ ему зрѣніе, въ чемъ Одиссей, конечно, сомнѣвается ²⁷⁴). Въ аналогичномъ мифѣ объ ослѣпленіи *Оріона Инопіона*мъ, т. е. «Виннымъ Глазомъ» (Οἴνωψ), говорится дѣйствительно, что Оріонъ опять исцѣлился, «отправившись въ сторону востока и сошедши съ солнцемъ» — ἔλθων ἐπὶ τὰς ἀνατολάς καὶ ἡλίου σφαιρῆας, βυλάσθη ²⁷⁵).

Здѣсь, встаетъ, вспомнимъ и мифъ о *Мелеагрѣ*, сынѣ *Инея*, т. е., въ сущности, того же самаго Инопіона, который ослѣпилъ Оріона ²⁷⁶). При рожденіи Мелеагра получило предсказаніе, что онъ будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ *головня*, пылающая на очагѣ. Мать немедленно тушитъ головню, и Мелеагръ живетъ до тѣхъ поръ, пока мать, прогнѣванная сыномъ, не сожгла этой головни ²⁷⁷). Это значить: съ рожденіемъ солнца (Мелеагра) звѣздное дерево (головня) потухаетъ; съ закатомъ солнца, солнечное дерево опять загорается.

Есть основаніе думать, что въ такихъ же, или подобныхъ отношеніяхъ къ дереву, какъ Полифимъ, изображался и въбогда и *Одиссей*. И въ рукахъ Одиссея является *палица* (ῥόπαλον), служащая ему просто вмѣсто палки для подпирания (σχήπτρον), точно такъ, какъ и Киклопу его палица ²⁷⁸). Но важнѣе, что

²⁷⁴) Odyss. IX 520—525.

²⁷⁵) Schol. Arati Phaenom. 322 и Schol. Nicandri Theriac. 15 (изъ Исид. Катах.); ср. Apollod. I 4, 3, 4; Hug. Post. astr. II 34; Eratosth. Catast. 32; Serv. ad Verg. Aen. X 763.

²⁷⁶) Οἴνεύς и Οἴνωψων — ласкательныя формы имени Οἴνωψ или Οἴνωψ, «Винный [т. е. Красный?] Глазъ». Ср. A. Fick Die griech. Personennamen стр. XXXIV сл. и 200. — По Сервію Comm. Verg. Aen. I 535 и X 763 сыномъ *Инопіона* былъ и *Оріон*.

²⁷⁷) Указанія см. въ диссертациі A. Surber Die Melagersage. Eine historisch-vergleichende Untersuchung zur Bestimmung der Quellen von Ovidi met. VIII. 270—546 (1880) Ср. гл. обр. Wilh. Wackernagel Das Lebenslicht въ Zeitschr. f. d. Alterth. VI (1848) стр. 280—284; E. L. Rochholz Deutscher Glaube und Brauch im Spiegel der heidnischen Vorzeit I (1867) стр. 165 сл.: Lebenslicht und Sterbekerze.

²⁷⁸) Съ Odyss. IX 319:

у Гомера сохранилось еще описаніе, какъ *Одиссей лишаетъ листьemy оливковое дерево, выросшее въ его оградѣ*. При этомъ еще замѣчательно, что, прежде чѣмъ срубить стволъ маслины, онъ строитъ вокругъ нея *спальню, съ тѣмъ чтобы потомъ, срубивъ маслину, устроить на ея пнѣ кровать*²⁷⁹). Несомнѣнно говорилось прежде, что маслина, лишаемая Одиссеемъ листьевъ, выросла въ его *домѣ*, т. е. на небѣ, подобно тому, какъ и въ нашихъ сказкахъ *вырастаетъ въ избѣ дубъ, который «дорос-таетъ до самаго неба»*²⁸⁰).

Κύκλωπος γὰρ ἔκειτο μέγα ῥόκλον παρὰ σῆκῃ
χλωρὸν ἑλαίνιον· τὸ μὲν ἔκταμιν, ὄφρα φοροίη·

смыслъ сравнить слова *Одиссея* къ *Эвмеху*, XVII 195 :

«ὄδῃ δέ μοι, εἰ ποθὶ τοι ῥόκλον τετμημένον ἐστὶν·
σκηλίπτεσθαι».

послѣ которыхъ *Эвмехъ* даетъ ему *σκηλτρον* *θυμάρει*, ст. 199 (ср. ст. 236).

Такую же *палку* *Одиссея* получаетъ и отъ *Аены* XIII 437 (ср. XIV 31).

²⁷⁹) O d y s s. XXIII 190 (слова *Одиссея*):

«Θάμνος ἔφιν τανύφυλλος ἑλαίης Ἴριος ἐντός,
ἀκμηρὸς· θαλέθων πάχετος δ' ἦν ἥύτε κίων.
τῆ δ' ἐγὼ ἀμφιβάλων θάλαμον δέμον, ὄφρ' ἐτέλεσσα,
πυκνήσιν λιθάδεσσι, καὶ εὐ καθύπερθεν ἔρεψα,
κολλητὰς δ' ἐπέθηκα θύρας, πικνῶς ἀραρυίας.
καὶ τότε ἔπειτ' ἀπένομα κέμην τανυφύλλου ἑλαίης,
κορμὸν δ' ἐκ βίχης προταμῶν ἀμφέξεσα χαλκῷ
εὖ καὶ ἐπισταμένως, καὶ ἐπὶ στάθμην ἴθυνα,
ἔρμιν' ἀσκήσας, τέτρηνα δὲ πάντα τερέτρω.
ἐκ δὲ τοῦ ἀρχομένοσ λέχος ἔξεον, ὄφρ' ἐτέλεσσα,
δαιδάλλων χρυσῷ τε καὶ ἀργύρῳ ἠδ' ἐλέφαντι·
ἐκ δ' ἐτάρυσσα ἱμάντα βοῶ; φοίνικι φαιετόν».

Можетъ, устроенное на *срубленномъ деревѣ* и разукрашенное *золотомъ, серебромъ* и *слоновой костью*, видѣтъ съ упоминаемымъ тутъ же *краснымъ полемъ*, уна-зываетъ на совмѣстное восхождение солнца и луны послѣ конъюнкціи.

²⁸⁰) Напр. *А е а н а с ъ в ѣ* въ Народныя русскія сказанія № 110 («*Пѣтухъ и корюшка*») II стр. 122: «*Жилъ да былъ себѣ старикъ [—солнце] со старухой [—луна], бѣдные-бѣдные! Жалба-то у нихъ не было; вотъ они по-шли въ лѣсъ [—вѣздное дерево], набрали жолудей [вѣзды], привезли до-мой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли она ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу... до потолка. Старикъ прорубилъ полъ... разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ, *дерево все растетъ, и доросло до самаго неба*. Не стало у старика со старухой жолудей, ваялъ онъ *мшюкы* [ср. выше стр. 141 сл.] и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо», и т. д. При этомъ сообщается и вариантъ, по которому такъ же точно вырастаетъ *юроминна*.*

Отъ рационалистическаго гомеровскаго разсказа мы не можемъ, конечно, ожидать, чтобы это самое дерево покрилось опять (огненными) листьями и причинило смерть, или по крайней мѣрѣ, ослѣпление Одиссея. Но зато мы можемъ указать хоть на то, что Одиссею однажды *угрожаютъ головкою*, т. е. пылающимъ деревомъ ²⁸¹).

Въ иномъ мѣстѣ враги Одиссея, *Киконы*, то побѣждаемые имъ, то опять побѣждающіе его самого, *сравниваются съ листьями*. Одиссей, прибывши въ страну Киконувъ, разрушаетъ ихъ городъ, избиваетъ ихъ самихъ («ὄλεσα δ' αὐτοὺς») и уводитъ ихъ женъ. Но затѣмъ, однако, опять являются Киконы—Гомеръ поясняетъ, что это были сосѣди разбитыхъ Киконувъ—и въ свою очередь наносятъ Одиссею жестокое пораженіе. «Явились они», рассказываетъ Одиссей, «во *мракъ* [ἡέριον] въ такомъ количествѣ, сколько *листьевъ и цвѣтовъ* бываетъ весной . . . *Пока была заря и возростала святой день* [ἄφρα μὲν ἤως ἦν καὶ ἀέξεται ἱερὸν ἤμαρ], мы *противостояли ихъ напору, хотя ихъ было больше* [первоначально, конечно, съ Киконами боролся Одиссей одинъ]. *Но когда Илій переходилъ къ отпрягиванію быковъ* [т. е. когда солнце заходило], *тогда Киконы побѣдили Ахэйцевъ* . . . и Одиссей обращается въ бѣгство и оставляетъ страну Киконувъ ²⁸²).

Изъ числа аналогичныхъ преданій у новыхъ народовъ, какъ на самый извѣстный примѣръ, можно указать на разработанный Шекспиромъ мифъ о солнечномъ героѣ *Макбетъ*, который *убиетъ, когда противъ него «двинутся льсы»*, т. е., какъ поясняетъ преданіе, когда войско враговъ двинулось изъ

²⁸¹) O d y s s. XIX 65:

ἢ δ' Ὀδυσσῆ' ἐνέπιε Μελανθῶ δεύτερον αὐτίς·
 «Ἔειπ', ἔτι καὶ νῦν ἐνθάδ' ἀνήσεις διὰ νόκτα
 δινεύων κατὰ οἶκον, ὀπλεύσεις δὲ γυναῖκας;
 ἀλλ' ἔξελθε θύραζε, τάλαν, καὶ δακτὺς ὄνησο·
 ἢ τάχα καὶ δαλιῶ βεβλημένος ἴσθαι θύραζε».

²⁸²) O d y s s. IX 39—61.

сосѣднаго лѣса подѣ прикрытіемъ срѣзанныхъ оттуда вѣтвей²⁸³⁾.

Относительно Одиссея, судя уже по разсказу о Биконахъ, можно полагать, что существовалъ мифъ, который прямо гласилъ, что Одиссей боролся съ листьями, что онъ прогонялъ, или истреблялъ ихъ, и что затѣмъ они опять являлись и брали верхъ надъ нимъ самимъ. Но и кромѣ того, мы уже видѣли Одиссея *лежащимъ всю ночь подѣ чрезвычайно большою кучею листьевъ*. Съ другой стороны, мы знаемъ его уже и какъ *истребителя листьевъ маслины*. Въ дополненіе обратимъ еще вниманіе и на разсказъ самого Одиссея, сохранившій слѣды мифа о томъ, какъ отъ Одиссея *листья уходили вверхъ*.

«Съ восходомъ солнца», разсказываетъ и. проч. Одиссей Акиною, «я прибылъ къ скалѣ Скиллы и къ страшной Харидѣ. Она втянула соленую воду моря [т. е. море ушло

²⁸³⁾ Schakenspeare Macbeth IV 1:

Macbeth shall never vainquish'd be, until.
Great Birnam-wood to high Dunsinane hill
Shall come against him.

Указанія на подобныя преданія см. въ соч. J. O. Halliwell The Remarks of M. Karl Simrock on the Plots of Shakespeare's Plays. With notes and additions (1850) стр. 128 слл. Особенно интересно гессенское преданіе, Brü d. Grimm Deutsche Sagen I (1816) 148 слл. № 91: «König Grünewald». Король страши долго защищался въ своей крѣпости противъ другаго короля Grünewald'a, ободряемый совѣтами своей мудрой дочери. Это продолжалось *до наступленія весны* (bis zum Maientag), какъ вдругъ, съ разсвѣтомъ, войско враговъ явилось съ *зелеными деревьями* въ рукахъ. Тогда дочь поняла, что нечего больше защищаться, и сказала отцу:

Vater gebt euch gefangen,
der grüne Wald kommt gegangen!

Тутъ замѣчательно, между прочимъ, что появленіе зеленого лѣса уже приурочено къ наступленію весны, такъ что король; защищавшійся въ крѣпости, является какъ бы представителемъ зимы. Подобный примѣръ пониманія мифа въ смыслѣ, почти прямо противоположномъ первоначальному, представляеть и вышеприведенное (стр. 135 примѣч. 228) гомеровское сравненіе Ахейцевъ съ *мухами*, окружающими *кадки съ молокомъ—весною*, между тѣмъ какъ, съ мифологической точки зрѣнія, умѣстнѣе было бы, если бы, вмѣсто весны, говорилось здѣсь о *зимѣ* (=ночи), въ виду того, что «мухи» и «кадки съ молокомъ» означали первоначально звѣзды.

вниз: Одиссей очутился на воздухѣ]. *Поднявшись вверх на высокую смоковницу, я держался, вцепившись, какъ летучи мышь. И я не могъ нигдѣ ни опереться ногами, ни стать; ибо корни были далеко [внизу], а вѣтви были высоко [ἀπὸ τοῦ ἔσχαυ ὄροι], длинныя и громадныя, и осѣняли Харивду [значитъ, листья ушли вверх]. Въ этомъ положеніи Одиссей проводить весь день, до вечера²⁸⁴).*

Вообще въ Иліадѣ и Одиссеѣ можно было бы указать еще значительное количество мифовъ, относящихся къ разсматриваемой категоріи. Но возьмемъ еще нѣсколько пичныхъ примѣровъ изъ другихъ источниковъ.

Изъ Исіодовой Θεογονіи особенно заслуживаетъ быть упомянутымъ здѣсь мифъ объ *оскопленіи Урана*, — мифъ, вторій, въ сопоставленіи съ другими (см. выше стр. 51), обнаруживаетъ въ Уранѣ несомнѣннаго представителя солнца. Изъ капель крови, упавшихъ на землю во время оскопленія, произошли кромѣ *Эриній* и *Гигантовъ*, «сверкающихъ бровей», еще и нимфы *Мелии*, т. е. выросли *ясени*²⁸⁵). Соответственно тому, какъ въ мифѣ о *Полифимѣ* ослѣпленіе этого представителя солнца сопровождается *пылающимъ* дерева, такъ въ данномъ случаѣ оскопленіе Урана сопровождается *красавицъ*, т. е. то же, что *огненнымъ дождемъ*, превращающимся въ *ясль*.

²⁸⁴) Odyss. XII 429—444 (см. выше стр. 159 примѣч. 260).

²⁸⁵) Hesiod. Theog. 183:

δοσαι γὰρ ραδάμιγγες ἀπέσπυθεν αἱματόεσσαί,
πίσας δέφατο Γαῖα· περιπλομένων δ' ἐνιαυτῶν [конечно!]
γίναται Ἐρινῶς τε κρατερὰς μεγάλους τε Γίγαντας,
τεύχεσι λαμπρομένους, δολιχ' ἔγχεα χερσὶν ἔχοντας,
Νύμφας θ' ἃς Μελίαις καλέουσ' ἐπ' ἀπείρονα γαῖαν.

На счетъ предпоследняго стиха характеристично замѣчаніе J. Flach'a в его передѣлкѣ Гёттлингова изданія Исіода (ed. III. 1878): Videtur additamentum esse alienius rhapsodi, qui verba HomERICA II. XVIII, 510 coniunxit. Adversatur Schö m. p. 114, qui exempli instar allegavit Spartos Bœoticos draconis ex dentibus natos, atque heroes in Colchide progenitos ab Iasone interfectos. Generatores autem hominum cum illis Gigantibus tetris comparari non possunt [!]. Pro spurio igitur habuerunt Koerschl. Weis. Fl.

Въ Орфической Θεογονίи о подобномъ же *оскопленіи Крона* говорилось прямо, что оно происходило «*подъ высоколиственными дубами*», при чемъ Кронъ, подобно Полифиму, находился въ состояніи *опьяненія*²⁸⁶).

Мы видѣли м. проч., что *Киклопъ Полифимъ* срубалъ или срубилъ себѣ оливковое дерево, чтобы пользоваться имъ въ видѣ *палицы* или *шеста*. Мы не будемъ останавливаться на множествѣ подобныхъ мифическихъ существъ, которыя, подобно исполинамъ и героямъ современныхъ сказокъ, даже просто *вырываютъ изъ земли цѣлыя громадныя деревья*²⁸⁷). Назовемъ только *Иракла*, какъ извѣстнѣйшаго носителя громадной палицы, срубленной имъ самимъ съ оливковаго дерева²⁸⁸). Эта палица для насъ особенно интересна тѣмъ, что о ней сохранилось преданіе, по которому она, будучи воткнута въ землю, пустила ростки, такъ что изъ нея выросло опять цѣлое олив-

²⁸⁶) P o r r h. De antro nymph. 16: παρὰ δὲ τῆς Ὀρφέως ὁ Κρόνος μέλιτι ὑπὸ δῶδ' ἐνεδρεβεται, πλησθεῖς γὰρ μέλιτος μεθύει καὶ σκοτοῦται ὡς ὑπὸ οἴνου καὶ ὑπνοῖ . . . Φησὶ γὰρ παρ' Ὀρφέως ἡ Νύξ τῆς Διὸς ὑποτιθεμένη τὸν διὰ μέλιτος δόλον.

Ἔστ' ἂν δὴ μιν ἴδῃαι ὑπὸ δρυῶν ἐνρικέμοισιν
ἔρυσσιν μεθύοντα μελισσῶν ἐριβόμβων,
δῆσον αὐτόν [αὐτίκα μιν δῆσον Barnes],

ὁ καὶ πάσχει ὁ Κρόνος καὶ δεθεὶς ἐκτέμνεται, ὡς Οὐρανός. Ср. Schol. Apollon. Arg. IV 984. «Сильно жужжація пчелы», μέλισσαι ἐριβόμβοι, являются въ привѣд. отрывкѣ косвеннымъ образомъ виновницами оскопленія Крона, потому что я онѣ представительницы звѣздъ, какъ особенно видно изъ мѣста о пребываніи *новорожденнаго Зевса* въ *пещерѣ*, наполненной пчелами. См. F. L. W. Schwartz Poet. Naturansch. I стр. 54 сл.—Въ виду мифологической идентичности Крона съ *Полифимомъ*, не лишено интереса, что въ орфическомъ описаніи оскопленія Крона встрѣчались, по Клименту Алекс. Strom. VI 2, 26 p. 278 ed. Sylb., тѣ же самыя слова, какъ въ гомеровскомъ описаніи ослѣпленія Полифима, Odyss. IX 371:

καὶ' ἀποδοχμῶσας παχὺν αὐχένα' καδ' δέ μιν ἕλκος
ἦρει πανδαμάτωρ.

²⁸⁷) Множество примѣровъ сопоставляетъ W. Mannhardt Wald- und Feldkulte II (1877) стр. 39 слл. и въ др. м.

²⁸⁸) Весьма много интереснѣйшаго матеріала о *палицѣ Иракла* и другихъ собралъ R o b. U n g e r Sinis sive poeticae fabularum delectus (1861) стр. 147—173.

ковое дерево ²⁸⁹). Соответственно тому мы знаем и объ Ираклѣ, что однажды на немъ были листья, вслѣдствіе чего онъ и получилъ прозвище Φολλ(της ²⁹⁰). Преданія о суконъ жезль, пускающемъ ростки и снова проуцѣтающемся, встречаются, какъ извѣстно, съ древнѣйшихъ временъ у разныхъ народовъ ²⁹¹). Какъ на отличающееся особенною первобытною, позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее кельтское преданіе.

²⁸⁹) P a u s. II 31, 10: καὶ Ἑρμῆς ἐνταῦθά ἐστι [въ гор. Тризина] Βίβλος καλούμενος. πρὸς τοῦτω τῷ ἀγάλματι τὸ ῥόπαλον θεῖναι φασιν Ἡρακλῆα καὶ ἦν τὸ κοτῖνου, τοῦτο μὲν ὅτω πιστά, ἐνέφω τῇ γῇ καὶ ἀνεβλάστησεν αὐθις, καὶ ἔπειτα ὁ σῆτινος πεφυκῶς ἔτι, τὸν δὲ Ἡρακλῆα λέγουσιν ἀνευρόντα τὴν πρὸς τῇ Σαρωνίδι κώμην ἐν τούτου τεμεῖν ῥόπαλον.

²⁹⁰) P a l a e r h. De incredib. 37: Περὶ Ἡρακλέους. Τοιοῦτο δὲ καὶ περὶ Ἡρακλέους ἐγένετο, ὡς ἐφ' αὐτῷ φασιν ἔσχεν φύλλα. Ὁ οὖν Φολλίτης [ἔτι καὶ ἄλλου μαθὼν?] εἶτε καὶ ἰδιώτης ὑπάρχων ἐπινοήσας ἔπασεν [codd. ἔκαυσεν] καὶ ἔπειτα [codd. ὑγείαν] ἐποίησεν. Ὁ δὲ λόγος ἐλέγθη οὕτως ἐντεῦθεν. См. Unger Sitzb. стр. 180 — 184.

²⁹¹) J. G. Th. Graesse Der Tannhäuser und der Ewige Jude. Zweideutsche Sagen in ihrer Entstehung und Entwicklung historisch, mythologisch und bibliographisch verfolgt und erklärt (1861) стр. 28: Das Balthentragen eines dünnen Stabes ist eine sehr alte Mythe, die sich auf Mos. XVII. 8. stützt [только?] . . . Aehnliches erzählen rabbinische Legenden von dem Stabe Moisis (s. Eisenmenger Neuentdecktes Judentum Bd. I. p. 377 sq.). Durch ein ähnliches Wunder documentirte sich nach der christlichen Mythe Joseph als den von Gott der Jungfrau Maria bestimmten Gemahl, s. Jacob. a Voragine, Legenda Aurea c. 126 (131 p. 589 meiner Ausgabe) de nativitate beatae M. Virginis u. c. 95 (100, p. 430) de Christophoro. S. a. Grimm, d. M. p. 888. См. еще W. Menzel Odin стр. III сл.; A. Lütolf Sagen, Bräuche, Legenden aus den fünf Orten стр. 51 сл. Преданіе о жезль, превращающемся въ пятиуцее дерево, встречается у туземцевъ Америки въ замѣчательно первобытной формѣ. L. Freytag in Mythologie der nordamerikanischen Völker (1877) стр. 46: In dieser Welt [во всемирномъ потопѣ] wird die Welt vernichtet bis auf ein Menschenpaar, das der grosse Geist in ein Schiff rettet, und dem er von allen Thieren ein Paar zur Rettung mitgiebt. Der Mensch sendet dann Thiere aus, aber beim Versuch unkommen, zuerst den Biber. Erst die Bismratte kehrt zurück mit etwas Erde in den Pfoten. Nun landet das Schiff an einem kleinen Strande. Der Mensch stösst den von Gott ihm verliehenen Stab in die Erde, aus demselben erwächst ein Baum, der bis in den Himmel hineinragt. Der Mensch klettert daran hinauf in den Himmel, auch bis ins Geisterland.

«На половинѣ дороги между Ленгерихомъ и Линеномъ стоитъ дерево, далеко славящееся подъ именемъ *железной груши* (iserne Biërgbaum). Здѣсь, говорятъ, происходила однажды казнь одного человѣка. Когда судья исполнилъ свою кровавую обязанность, онъ *воткнулъ свой мечъ въ землю* и сказалъ: «Насколько несомнѣнно, что этотъ мечъ зазеленѣетъ, настолько же несомнѣнно и то, что этотъ человѣкъ казненъ несправедливо». И тотчасъ, говорятъ, *мечъ сталъ зеленѣть и выросъ въ громадное дерево*. Дерево стояло на этомъ мѣстѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но его срубили и посадили на его мѣсто новое, которое, точно какъ и прежнее, есть *липа*. Поэтому многіе и утверждаютъ, что въ данномъ случаѣ *Biërgbaum* означаетъ не грушу, а «*молитвенное дерево*», потому что въ прежнія времена процессіи, ходившія изъ Ибурга въ Ленгерихъ, молились у этого дерева»²⁹²). Мечъ былъ воткнутъ въ землю, несомнѣнно, въ томъ мѣстѣ, куда сватилась срубленная изъ *юлова* мнимого преступника, представителя солнца. Такии образомъ, мы имѣемъ здѣсь непосредственно выростаніе металлическаго дерева при паденіи солнечной головы. Въ добавокъ, зная, что подъ плодами этого дерева понимались первоначально звѣзды, мы находимъ въ преданіи о мнимой *грушѣ*, являющейся на самомъ дѣлѣ *липою*, прекрасное объясненіе происхожденія и нашей поговорки «*на вербѣ груши*»: липа, верба и груша—миеологически идентичны.

Не менѣе замѣчательно и одно швейцарское преданіе, которое рассказываетъ, какъ одинъ крестьянинъ, обладатель *золотого кубка и жезла*, превращающагося въ растущее дерево, былъ повѣшенъ, но *оставался живымъ на висѣлицѣ*, которая *потомъ сама нагнулась и бережно спустила его на землю*, — причеиъ, слѣдуетъ полагать, и эта *висѣлица*, подобно чудесному жезлу крестьянина, съ которымъ она, несомнѣнно,

²⁹²) Adalb. Kuhn Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen und einigen andern, besonders den angränzenden Gegenden Norddeutschlands I (1859) стр. 82.

идентична, *покрылась снова листьями* ²⁹³). Едва ли стоить еще напоминать, что этот крестьянинъ не кто иной, какъ *Одинъ*, о которомъ извѣстно, что онъ *оставался живымъ и пѣлъ* даже свои руны, *вися на деревѣ, лишенномъ листьевъ* ²⁹⁴).

Чтобы привести еще нѣсколько типичнѣйшихъ мифовъ этой категоріи, возьмемъ сперва слѣдующее преданіе, сообщаемое Павсаніемъ. *Аристоменъ* съ ограниченнымъ количествомъ Мессинцевъ (первоначально, одинъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ указаній самого разсказа) обратилъ надежды въ бѣгство громадное количество *Лакедемонянъ*. Въ пылу преслѣдованія онъ пренебрегъ предостереженіемъ жреца *Θεοκλα*, не бѣжать мимо дикой *груши*, стоявшей посреди *Стеникларскаго поля*, такъ какъ *«на ней сидятъ Диоскуры»*: (ср. выше стр. 157 нѣмецкое преданіе о грушевомъ деревѣ, на которое взобралось двое парней). Лишь только онъ поравнялся съ этимъ деревомъ, какъ *вдругъ потерялъ свой щитъ*, на которомъ былъ изображенъ *орелъ* (солнце). *Это спасло Лакедемонянъ*. Потомъ *Аристоменъ* находитъ свой щитъ, но не иначе, какъ побывавши предварительно въ *подземелии Трофонія*, которое очевидно заступило здѣсь мѣсто царства *Аида*,

²⁹³) Lütolf ук. соч. стр. 367 слл. (№ 331: Der Pimpernussbaum): Крестьянинъ изъ Bösegg'a съ женою и сыномъ путешествуютъ къ одному чудотворцу (St. Jacob). По дорогѣ хозяинъ гостиницы, въ которой они останавливаются, положивъ тайно *золотой кубокъ въ дорожный мешокъ сына*, взводитъ на него обвиненіе въ кражѣ, вслѣдствіе чего сына вѣшаютъ. Крестьянинъ, прибывши къ чудотворцу, узнаетъ отъ него, что сымя живъ и висѣлицѣ. Крестьянинъ возвращается на родину и сообщаетъ объ этомъ епископу, который, указывая на лежавшихъ предъ нимъ на столѣ двухъ зажаренныхъ курицъ и пѣтуха, сказалъ: «So wenig diese gebratenen Hähnlein sammt dem Guggelchen wieder lebendig werden, so wenig kann einer Sohn am Galgen lebend sein». Но курицы оживаютъ — und der Sohn, als sie zu ihm kamen, war auch noch am Leben und *der Galgen neigte sich sogar und stellte ihn sanft zur Erde nieder*. Злаго хозяина гостиницы вѣшаютъ; курицы же съ пѣтухомъ кормятъ въ церкви. Дальше говорится: Auf jener Pilgerreise hat der Böseger irgendwo einen Stab von einem Pimpernussbäumchen geschnitten und ihn daheim in die Erde gesteckt. Er wuchs und die Früchte sind gut gegen Grimmen.

²⁹⁴) См. выше стр. 70 примѣч. 128; ср. стр. 158 сл.

куда обыкновенно отправляются солнечные герои ²⁹⁵). — На грушевомъ деревѣ являются *Диоскуры*, т. е. «Сыновья Зевса», какъ постоянные обладатели дерева. Эти близнецы, вылупившіеся изъ *одного яйца*, идентичны, какъ сыновья Зевса, съ нимъ самими и представляютъ собою т. наз. «раздвоеніе» солнца. Одинъ изъ нихъ представитель ночнаго, другой дневнаго солнца. Этимъ объясняется м. проч. и то, почему они попеременно пользуются жизнью, такъ что одинъ изъ нихъ находится въ *Лидь*, пока другой живетъ на свѣтѣ, или что, по другимъ, одинъ изъ нихъ смертный, другой бессмертный ²⁹⁶).

Своеобразный примѣръ отношеній между солнечными героями и звѣзднымъ деревомъ представляетъ мнѣ о состязаніи прорицателей *Калханта* и *Мопса*. Оба они, какъ всѣ мнѣическіе пьвцы, жрецы и прорицатели, — представители солнца.

²⁹⁵) P a u s. IV 16, 3—7. О томъ, что первоначально *Аристоменъ* боролся одинъ противъ многихъ, лучше всего можно заключить изъ словъ: καὶ οὐδ' ἄν αἰδοῖ φευγόντων [τῶν Λακεδαιμονίων] οὐδὲ ἀναμένειν Θελόντων ἔτι ἀλλήλους, ἰκέλειτο οὖρα [ὁ Ἀριστομένης] φοβερώτερος ἢ κατὰ ἀνδρὸς ἐνὸς μανίαν. — Мнѣологическое значеніе разсказа подтверждается существованіемъ народной пѣсни, которая пѣлась еще во времена Павсана :

Ἐς τε μέσον πεδίων Στενοκλήριον ἔς τ' ὄρος ἄχρον
εἶπετ' Ἀριστομένης τοῖς Λακεδαιμονίοις.

Poetae l y r. g. ed. Bergk III p. 1307 № 28.

²⁹⁶) Ср. весьма замѣчательное изслѣдованіе C. Schirren Die Wandersagen der Neusceländer und der Maui-mythos (1856) стр. 178: Wenn schon in der gehobenen und gesenkten Fackel am sinnigsten doch die auf- und niedersteigende Sonne nachgebildet wurde . . . , so begegnet man in ihren bildlichen Darstellungen auch andern durch den Sonnenlauf an den Osten und Westen geknüpften Merkmalen in feiner Durchführung und wohlbedeutsamer Consequenz . . . , in ihren Mythen aber Götter- und Heldenbrüdern, wie *Prometheus* und *Epimetheus*, *Kastor* und *Polydeukes*, deren unterscheidende Züge auf die Sonne im Auf- und Untergang zurückführen . . . Von der Zweizahl ist der Fortgang zur Vierzahl leicht geboten und wie *Prometheus* als Morgensonne der Abendsonne *Epimetheus* gegenüber steht, so tritt zu ihnen in *Atlas* die Nachtsonne, in *Menoitios* . . . die Mittagssonne . . . Gleichfalls ist *Argus* „der Iohüter, der vieläugige, nach *Hesiod* vieräugig . . . und nicht der Gestirnte Himmel, sondern die Sonne. Sowohl dieses Zahlenverhältniss als die weitere Theilung der Sonne setzen sich ins Endlose fort, und führen zu den *Theogonien* und *Genealogien*, durch deren *Labyrinth* nur die Sonne den Weg weist.

Καλхантъ спрашиваетъ, сколько *φυγ* на смоковницѣ. Моисъ отвѣчаетъ, что *десять тысячъ* (μύριοι = безчисленное множество), и что, на мѣру, они составляютъ цѣлый медянъ (ночное небо, наполненное звѣздами) и останется еще одна лишняя *фига* (солнце). Когда, при провѣрѣ, отвѣтъ оказался вѣрнымъ, то Καλхантъ, убѣдившись въ превосходствѣ Моиса, какъ прорицателя, немедленно умеръ съ гора²⁹⁷⁾. Тутъ звѣздное дерево причиняетъ смерть представителю солнца совсѣмъ косвеннымъ образомъ.

Съ другой стороны сюда же относятся и чудесные *напитки*, приготовленные изъ разныхъ *землѣй* и выпиваемые солнечными героями. Лучшимъ *примѣромъ* можетъ служить приготовленный изъ разныхъ травъ *Египта* напитокъ, который въ *Одиссееѣ* угощаетъ *Элена Тилемаха* и *Менелая*, — напитокъ, заставляющій немедленно забыть всякія скорби²⁹⁸⁾.

²⁹⁷⁾ Strab. XIV 1, 27 p. 642; см. Hesiod. fragm. 169 ed. Flach: λέγεται δὲ Κάλχας ὁ μάντις . . . δεῦρο [въ роуцъ съ прорицателемъ Аполлона Κларія] ἀφικέσθαι. περιτυχὼν δ' ἑαυτοῦ κρείττονι μάντει κατὰ τὴν Κλάρων, Μόψω τῷ Μαντοῦς, τῆς Τειρεσίου θυγατρὸς, διὰ λύπην ἀποθανεῖν. Ἡσιόδος μὲν [въ Μελαμποδίῳ] οὖν οὕτω πως διασκευάζει τὸν μῦθον· προτείνει γάρ τι τοιοῦτο τῷ Μόψω τὸν Κάλχαντα·

Θαυμά μ' ἔχει κατὰ θυμὸν, ἔρινειδός ὄσσον' ὀλύνθων
οὗτος ἔχει, μικρὸς περ εἶων· εἶποις ἄν ἀριθμὸν;

τὸν δ' ἀποκρίνασθαι·

μύριοι εἰσιν ἀριθμὸν, ἀτὰρ μέτρον γε μεδιμνος·
εἷς δὲ περισσεῖει, τὸν ἐκευθήμεν οὐ κε δύναιο.
ὡς φάτο· καὶ ὅπιν ἀριθμὸς ἐτήτυμος εἶδετο μέτρον.
καὶ τότε δὴ Κάλχανθ' ἕπνος θανάτοιο κάλυψε.

²⁹⁸⁾ O d y s s. IV 219 :

Ἔνθ' αὐτ' ἄλλ' ἐνόησ' Ἐλένη Διὸς ἐγγεγαυία
αὐτίκ' ἄρ' εἰς οἶνον βάλε φάρμακον, ἔθθεν ἔπινον,
νηπενθέες τ' ἔχολόν τε, κακῶν ἐπίληθον ἀπάντων.
ὃς τὸ καταβρόζειεν, ἐπὴν κρητῆρι μιγεῖη,
οὐ κεν ἐφημέριός γε βάλαι κατὰ δάκρυ παρειῶν,
οὐδ' εἰ οἱ κατατεθναῖη μήτηρ τε πατήρ τε,
οὐδ' εἰ οἱ προσπάροιθεν ἀδελφεὸν ἢ φίλον υἷον
χαλκῶ δηϊόωμεν, ὃ δ' ὀφθαλμοῖσιν ὄρωτο.
τοῖα Διὸς θυγάτηρ ἔχε φάρμακα μητιέδοντα,
ἑσθλά, τὰ οἱ Πολύδαμνα κόρην, Θῶνος παράκοιτις,
Αἰγυπτίῃ, τῇ κλειῖστα φέρει ζείδωρος ἄρουρα
φάρμακα, πολλὰ μὲν ἑσθλά μειμιγμένα, πολλὰ δὲ λυγρά·

Вспомнимъ, наконецъ, и странное, на первый взглядъ, повѣрье у древнихъ, что ѣденіе лавровыхъ листьевъ вызыва-
етъ даръ пророчества. Древнѣйшимъ примѣромъ служить, что
сообщаетъ Исіодъ, въ началѣ Θεογονίη, о своей ночной встрѣ-
чѣ съ *Мусами*: «И дали мнѣ онѣ», говоритъ онъ, «*жезла*,
вѣтку цустолиственнаго лабра, чтобы *сощипать* [съ него ли-
стья], и одарили меня божественнымъ голосомъ, чтобы я пѣлъ
будущее и прошлое. И велѣли мнѣ прославлять родъ блажен-
ныхъ вѣчносущихъ боговъ» и т. д. ²⁹⁹). Проницатель, прежде
чѣмъ начать *въщять*, поѣдаетъ *листья Аполлонова дерева*,

J. F. Cerquand Etudes de Mythologie grecque. Ulysse et Circé. Les Si-
rènes (1873) стр. 45 и 51 сближаетъ удачно этотъ напитокъ съ *лотосомъ*, за-
ставляющимъ забыть родину, а также и съ тѣмъ напиткомъ, которымъ уго-
ждаетъ *Кирка Одиссея* съ товарищами. Дѣйствительно, можно было бы допа-
сть ихъ полнѣйшую идентичность. Но для этого потребовалась бы слиш-
комъ сложная аргументація, на которой мы теперь, безъ предварительнаго
изученія *параллелизма Одиссея*, не можемъ останавливаться. Но ошибается
Cerquand на счетъ первоначальнаго значенія этого напитка, стр. 45 примѣч.
1: Ce sont là les formes poétiques de l'effet produit par les boissons fer-
mentées. Le vin se retrouve en effet dans la mixture d' Hélène comme dans
celle de Circé, et le Lotus sucré rappelle ou les cidres, ou l' hydromel. —
Дѣйствіе, производимое напиткомъ, напоминаетъ *вѣнокъ*, который, будучи на-
дѣтъ *Морганю* на голову *Онеира*, заставляетъ послѣдняго *позабыть все*. J. G. Grimsh
D. M. II³ стр. 888 [1781] примѣч. Мы видѣли, что и *вѣнокъ* изображаетъ
своими листьями звѣзды.

²⁹⁹) Hesiod Theog. 29:

καὶ μοι σκῆπτρον ἔδον δάφνης ἐριθηλέος ὄζον
δρέψασθαι, θηγτόν· ἐνέπνευσαν δὲ μοι αὐδὴν
θεῆην, ὡς κλείομι τὰ τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντων.
καὶ με κέλονθ' ὕμνεϊν μακάρων γένος αἰὲν ἐόντων . . .

Въ ст. 30 только двѣ рукописи XIV в. имѣютъ *δρέψασθαι*, одна *δρεψάμεναι*. Всѣ
остальныя—*δρέψασθαι*. Ср. Lucophr. Alex. 6:

δάφνηράγων φοιβάζων ἐκ λαιμῶν ὄπα . . .

Tibull. Eleg. II 5, 63:

. . . Sic usque sacras innoxia lauros
vescar.

Juv. Sat. VII 18:

. . . nectit quicunque canoris
eloquium vocale modis, laurumque momordit.

См. K. F. Hermann Lehrb. d. gr. Ant. II³ (1858) § 40 примѣч. 12 стр.
253 сл.; J. B. Friedreich Die Symbolik und Mythologie der Natur
(1859) стр. 302,

съ тѣмъ чтобы уподобиться Аполлону, т. е. солнцу, которое, прежде чѣмъ начинается *свѣтитъ*, поглощаетъ *звѣзды*.

Мы видимъ, что мнѣя этой категоріи отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ съ внѣшней стороны, при ближайшемъ сродствѣ въ миеологическомъ отношеніи: всѣ они изображаютъ солнце въ антропоморфическомъ видѣ, и во всѣхъ звѣзды являются листьями. Это доказываетъ, что названіе звѣздъ (золотыни, сверкающими и т. д.) *листьями* принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ и употребительнѣйшимъ миеологическимъ терминамъ. Вотъ почему не лишнимъ было остановиться хоть мимоходомъ на этихъ миеахъ, не смотря на то, что занимавшій насъ миеа о походѣ журавлей противъ Пигмеевъ уже выяснился раньше настолько, что для его уразумѣнія едва ли требовалось бы это отступленіе. Но для изученія, какъ миеологии вообще, такъ и миеовъ Одиссеи въ частности, считаю дѣломъ первой важности, чтобы, признавая единственно правильнымъ путемъ сравнительный методъ, мы прониклись, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаниемъ той истины, которая давно уже признана въ родственной области сравнительнаго языкознанія: что данныя, идентичныя по существу, или весьма близкія другъ къ другу по своему происхожденію, могутъ казаться, на первый взглядъ, весьма непохожими другъ на друга, и что, наоборотъ, данныя, весьма похожія и даже одинаковыя по внѣшней формѣ, могутъ, въ сущности, не имѣть ничего общаго между собою.

Солнечная теорія.

То объясненіе миеа о борьбѣ журавлей съ Пигмеями, которое даетъ Зибель, можетъ служить характернымъ образчикомъ направленія, господствующаго въ миеологии въ настоящее время. Несостоятельность такого рода объясненій настолько очевидна, что необходимость гораздо болѣе серьезнаго изученія миеовъ едва ли еще можетъ подлежать сомнѣнію.

Главнымъ источникомъ множества самыхъ опасныхъ заблужденій служить постоянно мнѣніе, что въ мифахъ мы имѣемъ предъ собою произведенія поэтической фантазіи, или, по крайней мѣрѣ, чего-то, весьма на нее похожаго.

Дѣйствительно, мифы, особенно древніе мифы, всегда представляются намъ болѣе или менѣе поэтическими. Это обуславливается отчасти тѣмъ контрастомъ, въ которомъ они находятся съ нашими современными воззрѣніями, отчасти же вліяніемъ дѣйствительно поэтической разработки, въ которой дошла до насъ значительная часть изъ нихъ. Такимъ образомъ, производя на насъ поэтическое впечатлѣніе, они сами кажутся намъ невольно, не только по формѣ, но и по содержанію, произведеніями поэтическаго творчества³⁰⁰).

Но если мы, оставляя въ сторонѣ, эту, несомнѣнно, только кажущуюся поэтичность, спросимъ себя, въ чемъ состоитъ настоящее, болѣе существенное значеніе мифа, то придется отвѣтить: мифъ есть не что иное; какъ только *устарѣвшая наука*; другими словами: мифомъ является всякая научная теорія, насколько она оказывается несостоятельною съ точки зрѣнія болѣе развитаго научнаго сознанія³⁰¹).

³⁰⁰) Ср. P. A. v. M u s Die indogermanische Religion in den Hauptpunkten ihrer Entwicklung. Ein Beitrag zur Religionsphilosophie I (1875) стр. 53: Es scheint eine süsse Poesie darin zu liegen, dass alles entstanden sei durch die Vermählung dieser beiden [Урана и Гѣи], eine Poesie, die noch heute jeden durchdringt, wenn am Frühlingsmorgen der blaue Himmel erglänzt in heitrer Maienpracht und über die in thauiger Schönheit prangende Erde ein Hauch stiller Liebesehnsucht ausgegossen ist als hätte der Himmel die Erde leis geküsst.—aber diese Poesie ist in jene alte Anschauung nur durch unsere moderne Betrachtungsweise hineingetragen; von einer sehnsüchtig schmachtenden Liebe war da keine Rede, sondern nur von dem wilden, unregelmässigen Entstehen der Weltwesen aus jener Vereinigung des Himmels und der Erde [—что первоначально Уранъ и Гѣя не означали неба и земли, это въ данномъ случаѣ не существенно]. Wenn aber auch die ersten Anfänge des griechischen Göttermythos nicht vom Hauche der Poesie durchzogen sind, so haben wir doch gerade in diesen oft wilden Phantasiegestalten eine *vernünftige Gedankenentwicklung* anzuerkennen».

³⁰¹) Высказанный здѣсь взглядъ я проводилъ въ моемъ Каннибализмъ и формулировалъ его въ статьѣ «Этическое значеніе мифовъ» (въ Ж. М. Н.

Если может показаться, что определенное такимъ образомъ понятіе мифа не вполне соответствуетъ тому, что обыкновенно понимаютъ и изучаютъ подъ этимъ названіемъ, то это происходитъ лишь оттого, что наши мифологи не изучаютъ *всѣхъ* научныхъ теорій, оказавшихся съ теченіемъ времени несостоятельными, а занимаются только тѣми изъ нихъ, которыя болѣе другихъ успѣли удалиться отъ современнаго понятія научности, — другими словами, что мифологии обращаетъ вниманіе

П. 1875 CLXXIX стр. 402) слѣдующимъ образомъ: «I. Главнымъ постулатомъ мифологии должно считаться положеніе, что первоначально мифы были вполне адекватныя, то-есть, точныя, непосредственныя выраженія понятій или сужденій. Другими словами: задача мифологии состоитъ въ томъ, чтобы обосновать и доказать на отдѣльныхъ мифахъ первоначальную адекватность мифическаго выраженія съ дѣйствительностью, какою она представлялась сознанію лица или народа, образовавшаго мифъ . . . IV. Если для объясненія известнаго мифа мы принуждены прибѣгать къ аллегорическому, поэтическому или символическому толкованію, то этимъ доказывается только одно изъ двухъ: или что мы имѣемъ предъ собою лишь одну изъ позднѣйшихъ формъ мифа, или, въ противномъ случаѣ, что мы не умѣемъ вздуматься въ столь неразвитомъ состояніи уметственныхъ способностей, при которыхъ этотъ мифъ былъ произведеніемъ трезваго логическаго мышленія». При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ даже, о чемъ говорить мифъ. Ср. Gottfr. Hermann Ueber das Wesen und die Behandlung der Mythologie. Ein Brief an Herrn Hofrath Creuzer 1819 стр. 13: «Mir ist sie [т. е. мифология] ein Inbegriff von Philosophemen»: Тамъ же стр. 24: «Der Trieb, den Grund und Zusammenhang der Dinge zu erforschen, ist dem Menschen angeboren, und jeder auch noch so rohe Versuch, der in dieser Rücksicht gemacht wird, ist ein Philosophem, und wer dergleichen Versuche macht, ein Philosoph». Еще раньше высказался въ этомъ смыслѣ Chr. G. Heune, напр. въ предисловіи къ соч. M. G. Hermann Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod als Grundlage zu einer richtigeren Fabellehre des Alterthums, mit erläuternden Anmerkungen begleitet (1787): «Ist Mythologie nichts weiter als ein Inbegriff von Fabeln, Erdichtungen und ungereimten Märchen, oder wohl gar von Stücken heidnischen Aberglaubens, so ist der Nutzen allerdings sehr eingeschränkt, und es ist zu beklagen, dass das Lesen der Dichter und das Studium der Alten es nothwendig macht, in diesen Märchen nicht ganz fremd zu seyn. Allein die Sache verhält sich etwas anders. Mythologie ist an und für sich die älteste Geschichte und die älteste Philosophie; der Inbegriff der alten Volksstammesagen ausgedrückt in der alten rhen Sprache». Другія указанія см. въ моемъ отчетѣ О занятіяхъ стр. 17 примѣч. 13.

только на *древнѣйшіе миѳы*.—Изъ этого однако уже вытекаеть, что мифологія въ обычномъ, то-есть болѣе тѣсномъ, смыслѣ имѣеть дѣло съ тѣми произведеніями трезвой логики, которыя въ свое время занимали самое видное мѣсто между другими; ибо ясно: чѣмъ древнѣе какая нибудь изъ дошедшихъ до насъ старинныхъ теорій, тѣмъ большее научное значеніе она должна была имѣть первоначально, чтобы дойти до насъ; ибо иначе, очевидно, не сохранилась бы такъ долго въ памяти человѣчества.

Если же, такимъ образомъ, вѣрно, что наши мифологи изучаютъ преимущественно самыя древнѣйшія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя научныя произведенія трезвой логики, то отсюда само собою вытекаетъ: что, во первыхъ, какъ древнѣйшія произведенія человѣческаго мышленія, миѳы должны представляться намъ не иначе, какъ игрою фантазіи; и что, вовторныхъ, какъ самыя научныя, хотя и младенческія, произведенія трезвой логики, они должны казаться намъ все-таки не лишеными нѣкоторой логичности, то-есть именно того, что мы называемъ въ такомъ случаѣ внутренней поэтической правдивостью. Мы видимъ, какъ неизбѣжно, чтобы миѳы казались намъ поэзією—все равно пока, хорошею, или плохую,—но все-таки поэзією. Поэтому мы, дѣйствительно, имѣемъ полное право примѣнять къ нимъ это названіе, если только въ данномъ случаѣ не будемъ, какъ это обыкновенно дѣлается, подразумѣвать подъ поэзією *результатъ поэтической творчества*, а только болѣе или менѣе случайную *поэтичность впечатльній*, производимаго на насъ миѳами. Понимая же, напротивъ, подъ словомъ «поэзія» *исключительно продуктъ поэтической творчества*, было бы крайне ошибочнымъ, признать миѳы поэзією, ибо для этого недостаетъ имъ самаго существеннаго условія: *поэтической интенціи*. Ошибка была бы, примѣрно, никакъ не меньше, какъ если бы, вслѣдствіе дальности разстоянія, принять отчаянный вопль за веселый смѣхъ, или же ужасный пожаръ за идиллическій огонекъ, разведенный пастушками.

Поэтому, не взирая на поэтической доскѣ миѳовъ, слѣ-

дуетъ изучать ихъ какъ произведенія трезвой логики, притомъ не иначе, какъ съ помощью трезвой же логики и какъ можно меньше увлекаясь фантазією. Ибо, какъ бы ни были продукты младенческаго мышленія похожи иногда на современныя фантазмы, все-же слѣдуетъ имѣть въ виду, что особенность этихъ примитивныхъ произведеній логики происходитъ лишь отъ своеобразности данныхъ, съ которыми она оперируетъ, или же отъ ограниченности кругозора, отъ недостатка иногда даже самыхъ элементарныхъ наблюденій, но что логика сама по себѣ, понимая подъ этимъ словомъ основные приемы и критеріи, была, конечно, точно такою же при появленіи изучаемыхъ нами мифовъ, какъ и въ настоящее время ³⁰²). Между тѣмъ многіе, введенные въ заблужденіе кажущаяся фантастичностью мифовъ, считаютъ какъ бы обязанностью мифолога обладать поэтической фантазією и говорить даже поэтическимъ слогомъ, въ чемъ и обнаруживаютъ нерѣдко больше усердія, чѣмъ полезно для науки ³⁰³).

³⁰²) Ошибочнымъ считаю взглядъ, что наука предшествовала поэзіи, или что, по крайней мѣрѣ, наука и поэзія выдѣлились съ теченіемъ времени изъ чего то средняго между ними. Поэзія и обуславливающее ее поэтическое чувство, для внимательнаго анализа, всегда окажутся, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали, результатомъ чрезвычайно сложнаго психологическаго процесса, предполагающаго весьма продолжительное развитіе народа, у котораго мы ихъ наблюдаемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить измѣнчивость формъ и сюжетовъ поэзіи не только у разныхъ народовъ, но у одного и того же народа въ разные эпохи его развитія. Чрезвычайная условность понятій, на счетъ того, что поэтически прекрасно, и что нѣтъ, резко контрастируетъ съ незыблемостью основныхъ логическихъ аксіомъ, на которыхъ выдѣлится наука.

³⁰³) См. напр. Forchhammer Hellenika стр. 41 сл. и въ др. и. Чрезвычайно наивно высказался въ этомъ отношеніи L. Preller Demeter und Persephone, ein Cyclus mythologischer Untersuchungen въ Zeitschr. f. d. Alterthumswissenschaft. herausg. v. Zimmermann V (1838) № 70 стр. 570: Der Mythos gehört hiernach nicht mehr zur eigentlichen Religion, welche mehr Hervorbringung des reflectirenden Verstandes ist: er ist das *Produkt der lebendigsten, reichsten, dichterischen Phantasie* und fällt mitten der Poesie anheim. *Darum versteht ihn insbesondere der Dichter* und weist ihn zu würdigen, recht zu behandeln (z. B. Schiller den Mythos von Demeter und dem Raube der Kore in dem vortrefflichen Gedichte: «Klagen der Ceres».

Но оставимъ въ сторонѣ теоріи, усматривающія въ мифахъ произведенія поэтическаго творчества. На нихъ и безъ того придется останавливаться болѣе, чѣмъ желательно, при разсмотрѣніи поэтическихъ толкованій гомеровскихъ эпопей.

Здѣсь постараемся уяснить себѣ, въ чемъ могло состоять древнѣйшее научное открытіе, или точнѣе, та первобытная теорія, которая считалась настолько драгоценною, чтобы сохраниться въ продолженіе многихъ тысячелѣтій въ традиціи всѣхъ болѣе извѣстныхъ намъ народовъ и дойти до насъ, хотя бы и въ искаженномъ видѣ, въ безчисленныхъ разнаго рода преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ, обрядахъ, суевѣрныхъ воззрѣніяхъ и т. д. Ибо не можетъ подлежать сомнѣнію, что, по крайней мѣрѣ, большинство этихъ народныхъ воззрѣній и преданій ведетъ свое начало съ глубочайшей древности, простекая, такъ сказать, изъ одного общаго источника. Вопросъ только въ томъ, каково было это начало.

Много ученыхъ приходило къ убѣжденію, что древніе народы обязаны своею высокою культурою первобытному *открове-*

was ein wahres Meisterstück von Auffassung alter Mythologie ist). [Къ чему же, въ такомъ случаѣ, изслѣдованіе самого Преллера о томъ же предметѣ?]. Ср. Каннибализмъ стр. 39 примѣч. 21. Къ счастью, нельзя сказать, чтобы всѣ изслѣдователи классической мифологіи придерживались такого взгляда. Зато поэтическое толкованіе и соответствующій поэтический тонъ положительно господствуютъ въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ по части нѣмецкой мифологіи, народныхъ преданій и сказокъ. У Якова Гримма поэтичность тона — при замѣчательномъ реализмѣ направленія — понятна и вполне извинима. Но отчего у многихъ позднѣйшихъ мифологовъ превратилась въ рядъ поэтическихъ тирадъ, это трудно объяснить благовидными причинами. Постоянно попадаются ервы въ родѣ слѣдующихъ. Ludwig Bechstein Mythe, Sage, Märe und Fabel im Leben und Bewusstsein des deutschen Volkes I (1855) стр. 2: Die Mutter dieser holden Töchter: Mythe, Sage, Märe und Fabel ist keine andere als die Poesie. Sie gebiert die Schaar ihrer mit einer Fülle von Lebenskraft und mit der Gabe proteischer Wandlung beglückten Kinder — и т. д. По поводу мифологіи Зимрокка см. мой Каннибализмъ стр. 39 примѣч. 22. Въ послѣднее время верхъ безобразія въ этомъ, какъ и въ многихъ другихъ отношеніяхъ представляетъ книга Otto Henne-Arn Rhyn Deutsche Volkssagen 1878. См. въ особенности высоко-комичное, вѣтвистое предисловіе Anton'a Henne, издателя этой книги.

нію. Если мы взглянемъ серьезно на древнѣйшіе періоды культурнаго развитія греческаго народа, то окажется, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Грекамъ, предположеніе первобитнаго откровенія можетъ поддерживаться и даже быть вызвано наблюденіемъ дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ, помимо всякихъ постороннихъ соображеній.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ древнѣйшія доступныя нашему изслѣдованію времена мы встрѣчаемъ въ жизни Грековъ такіа культурныя явленія, которыя, при рационалистическомъ на нихъ взглядѣ, кажутся возможными только въ концѣ весьма продолжительнаго культурнаго развитія, какового на самомъ дѣлѣ ни Греки, ни другіе древніе народы въ это время не могли пройти, судя по признакамъ младенчества, обнаруживающагося у нихъ даже въ гораздо болѣе поздніе періоды.

Въ области религіи насъ прежде всего поражаютъ явные слѣды монотеизма, встрѣчающіеся уже въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Нѣкоторые ученые, именно въ видахъ теоріи естественнаго прогресса, старались выставить эти слѣды въ видѣ зачатковъ монотеизма. Но предполагаемое происхожденіе монотеизма изъ политеизма, какъ бы оно ни казалось вѣроятнымъ а ргіогі, находится въ разногласіи съ множествомъ дѣйствительныхъ фактовъ исторіи. Обыкновенно мы наблюдаемъ обратное явленіе: одно божество распадается съ теченіемъ времени на множество отдѣльныхъ божествъ, которые являются носителями различныхъ названій прежняго, — *potēna* становятся *numēna*. Къ тому же, признавая глубокую древность монотеизма у Евреевъ, можемъ ли мы, имѣя въ виду только степень культурнаго развитія народовъ, отрицать существованіе монотеизма у Грековъ, хотя бы, на примѣръ, за нѣсколько столѣтій до появленія гомеровскихъ эпопей? Мнѣніе о сравнительно позднемъ зарожденіи идеи монотеизма у Грековъ можно поддерживать только посредствомъ насильственнаго обращенія съ фактами, не пренебрегая доказательствами, представляющими собою *circulus vitiosus*. Таково напр., съ одной стороны, отрицаніе

древности и заподозриваніе національнаго значенія основныхъ положеній орфическаго ученія, считаемихъ результатомъ лишь позднѣйшей *эпокрази*, плодомъ ученой философской комбинаціи одного лица или немногихъ—на томъ лишь основаніи, что раннее появленіе такихъ положеній, какъ: «Зевсъ—начало, Зевсъ—середина, и все произошло отъ Зевса», и т. п., противорѣчитъ предвзятой теоріи. Съ другой стороны, сюда же относится непридаваніе серьезнаго значенія безчисленнымъ даннымъ гомеровскаго эпоса, свидѣтельствующимъ о всемогуществѣ верховнаго божества, «отца мужей и боговъ». Правда, это самое названіе *Зевса* «отцомъ мужей и боговъ» можетъ казаться просто фразою, если вспомнить, что у Гомера «отцомъ боговъ» и «началомъ всего» является также *Океанъ*. Но что, кромѣ предвзятой идеи, мѣшаетъ напр. признать то, къ чему ведетъ это сопоставленіе, — признать первоначальную идентичность Зевса съ Океаномъ? Изъ Гомера мы узнаемъ, что отъ Зевса происходятъ не только дни и годы, тучи, громъ и молніи, дождь и снѣгъ, вѣтры и другія атмосферическія явленія, но что онъ же ниспосылаетъ болѣзни и смерть, распределяетъ между людьми счастье и несчастье, и вообще завѣдуетъ человѣческою жизнью, однимъ словомъ мы узнаемъ, что онъ управляетъ всѣмъ міромъ. Неужели это только «зачатки»? Какъ объяснить такое накопленіе самыхъ разнообразныхъ функций въ одномъ лицѣ Зевса, если уже первоначально существовало множество боговъ, изъ которыхъ каждый требовалъ, въ народномъ сознаніи, неприкосновенности своего круга дѣятельности? Если оказывается, что множество функций и вообще множество существеннѣйшихъ чертъ являются общими различнымъ божествамъ, то не есть ли это опять-таки указаніе, что, по крайней мѣрѣ, большая часть этихъ божествъ произошла изъ разныхъ названій одного обоготворяемаго существа?

Въ области нравственныхъ убѣжденій у Грековъ не менѣе поразительнымъ кажется наблюдаемое уже съ древнѣйшихъ поръ явленіе, котораго мы уже коснулись раньше: глубокое *сознаніе всемірнаго господства закона справедливости*,

по которому не только всякое преступленіе неминуемо влечетъ за собою соотвѣтствующее наказаніе, но и каждое повышеніе человѣка надъ среднимъ уровнемъ благосостоянія должно непремѣнно уравниваться соотвѣтствующимъ пониженіемъ. Это сознаніе никакъ не могло вытекать изъ наблюденія дѣйствительной жизни, какою она является, по крайней мѣрѣ, въ историческія времена. Рѣзкій разладъ идеи справедливости съ дѣйствительною жизнью успѣлъ наглядно отразиться уже въ «Трудахъ и дняхъ» Исіода, гдѣ окончательное бѣгство Стыда (Αἰδώς) и Справедливости (Νέμεσις) отъ людей завершаетъ мрачную картину того состоянія полной безнравственности, къ которому, по мнѣнію Исіода, стремится человѣчество³⁰⁴). Если исторія Продота является какъ бы экземплификаціею неисполнимости возмездія, то это доказываетъ только *живучесть* идеи возмездія, ищущей себѣ поддержки въ *мифахъ*, за отсутствіемъ данныхъ въ дѣйствительной жизни; ибо у Продота въ числѣ разсказовъ, доказывающихъ эту идею, найдется лишь очень немного такихъ, въ основѣ которыхъ нельзя было бы раскрыть мифическихъ элементовъ. Въ разсматриваемомъ отношеніи весьма поучительны слова Павсанія, на которыя я уже имѣлъ случай указать въ моемъ Каннибализмѣ: «Тогдашніе люди [т. е. тѣ, о которыхъ говорятъ древніе мифы] были», говоритъ онъ, «друзьями и собесѣдниками боговъ вслѣдствіе своей справедливости и благочестія; за добрыя поступки боги явно выказывали имъ свое благоволеніе, точно такъ же, какъ и гнѣвъ, въ случаѣ вины; тогда вѣдь отъ людей рождались даже боги, которые до сихъ поръ пользуются почетомъ . . . Въ мое же время зло возросло до высшей степени и захватило всю землю, всѣ города; не рождаются больше отъ людей боги, кромѣ только такихъ, которые называются богами вслѣдствіе лести къ высокопоставленнымъ; наказаніе же виновныхъ производится богами поздно и то только послѣ смерти»³⁰⁵).

³⁰⁴) Hesiod. Op. et d. 174—201.

³⁰⁵) Павс. VIII. 2, 4 сл.; ср. Каннибализмъ стр. 76 слл.

Столь же поразительные факты, какъ религія и нравственность, представляетъ и древнѣйшая исторія греческой науки. Такъ напр. не только у Анаксимена, но уже въ Платонѣ мы натываемся на представленіе земли, *висящей на воздухѣ*, — представленіе, никоимъ образомъ не объяснимое какъ результатъ самостоятельнаго изученія природы, въ виду весьма низкаго уровня, на которомъ мы встрѣчаемъ естественныя науки еще въ гораздо болѣе позднія времена. Или, напр. откуда могли знать Греки гомеровскаго вѣка, что земля *окружена со всѣхъ сторонъ водою*, Океаномъ, если еще Иродотъ, несмотря на всѣ свои путешествія и на свой несравненно болѣе обширный кругозоръ, не могъ однако убѣдиться въ этомъ и счелъ даже нужнымъ высказаться противъ этого мнѣнія? Всякій знаетъ, что подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество. И если мы даже согласимся признать въ нихъ всѣхъ не больше, какъ только игру случайности, то въ той же области, въ области науки, останется все-таки цѣлый рядъ еще гораздо болѣе замѣчательныхъ фактовъ, которые никакъ уже не могутъ быть сведены на простую случайность. Тутъ я ни въ виду древнѣйшихъ философскія системы. Всѣ онѣ, начиная съ древнѣйшей извѣстной намъ системы, ученія *Θαλέσα*, выступаютъ не съ какими нибудь доступными простому пониманію обобщеніями наблюдаемыхъ явленій природы, а начинаютъ именно съ самой высокой ступени генерализаціи, — съ возведенія всего къ единому. Если это не результатъ традиціи, а плодъ самостоятельной спекуляціи, то въ этомъ нельзя не признать такую силу умозрительной способности, такое непостижимое, гениальное совершенство философскаго мышленія, какое едва ли встрѣчается еще когда либо у позднѣйшихъ философовъ, системы которыхъ являются уже въ несомнѣнной зависимости отъ ученій предшественниковъ. Къ тому же, не удивительно ли слѣдующее? Между тѣмъ, какъ, на примѣръ, Анаксагоръ въ самую блестящую эпоху греческаго развитія подвергался преслѣдованію за свое столь невинное, по-видимому, изреченіе, что солнце не что иное, какъ раскален-

ная каменная масса, мы видимъ, что, нѣсколько столѣтій раньше, Фалесъ, Анаксимандръ и другіе, выступившіе съ несравненно болѣе смѣлыми и, съ извѣстной точки зрѣнія, гораздо болѣе опасными ученіями, не только не преслѣдовались, а напротивъ прославлялись какъ величайшіе мудрецы и составляли гордость націи, благодаря чему и существеннѣйшія черты ихъ ученій сохранились въ памяти народа. И, что удивительнѣе всего, даже крайнее, повидимому, разногласіе этихъ ученій между собою вовсе не умаляло ихъ значенія въ глазахъ древняго міра, между тѣмъ какъ, и помимо этого разногласія, такое ученіе, какъ напр. Фалеса, что начало всего — вода, что все происходитъ изъ воды и обратно превращается въ воду, можетъ казаться и въ глазахъ гораздо болѣе образованной среды, чѣмъ тогдашніе Греки, по крайней мѣрѣ, признакомъ абсолютнаго упомѣшательства. Послѣ Фалеса являлись философы, которые учатъ, что все — воздухъ, или что все — огонь, — и никому не только не приходитъ въ голову преслѣдовать ихъ, какъ преслѣдовались Анаксагоръ, Сократъ и другіе въ болѣе поздніе времена у разныхъ народовъ, но никто даже не дерзаетъ заподозрить ихъ въ упомѣшательствѣ. Что это значитъ? Очевидно, что въ этихъ ученіяхъ были элементы, не чуждые сознанию греческаго народа. Другими словами: были данныя въ народной традиціи, подготовившія почву для этихъ ученій. Если такъ, то содержаніе традиціи должно пояснить намъ и самую возможность появленія этихъ ученій. Въ чемъ же она состояла?

Всѣ эти немаловажныя затрудненія, какъ и множество другихъ, которыхъ мы только не успѣли коснуться, могутъ быть разрѣшены рациональнымъ образомъ только посредствомъ допущенія, что уже въ древнѣйшія времена жизни человечества, или, по крайней мѣрѣ, уже у древнѣйшаго культурнаго народа, успѣлъ появиться и получить всеобщее признаніе *солнечный культъ, вызванный сознаніемъ зависимости всей природы отъ солнца.*

Что уже въ древнѣйшія времена могло сознаваться чело-
вѣкомъ такое всемогущество солнца, это — предположеніе, кото-
рое, само по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего неестественнаго.
Первобытный человѣкъ, находясь подъ самымъ непосредствен-
нымъ вліяніемъ атмосферическихъ явленій, долженъ былъ не-
премѣнно прійти къ убѣжденію, что настоящій виновникъ всѣхъ
этихъ явленій — солнце. Не существовало же еще традиціи,
не было еще религіозныхъ догматовъ, которые могли бы от-
клонять вниманіе первобытнаго человѣка отъ этого постоянного
источника его счастья и его горя. Солнце, своимъ появленіемъ
и исчезаніемъ, производитъ дневной свѣтъ и ночную темноту,
тепло и холодъ, хорошую и дурную погоду. Его вліяніе за-
мѣтно не только на живыхъ существахъ, но и на раститель-
ности. Отъ него зависитъ жизнь и смерть въ природѣ. Оно
же, наконецъ, и еще болѣе непосредственнымъ образомъ ка-
залось создающимъ ежедневно весь міръ «изъ ничего», т. е.
изъ ночнаго мрака. Вспомните, что въ нашемъ языкѣ мы и
въ настоящее время даже не имѣемъ слова, которое, означая
«свѣтъ», происходящій отъ свѣтащагося предмета, не пред-
ставляло бы возможность смѣшенія со «свѣтомъ», означющимъ
міръ, вселенную, общество и т. д.

Если въ возрѣвнѣхъ позднѣйшаго человѣка солнце уже
не играетъ столь видной роли, то это главнымъ образомъ обу-
словлено естественнымъ усложненіемъ тѣхъ самыхъ предста-
вленій и понятій, которыя первоначально были вызваны солн-
цемъ. Такъ напр. у Грековъ *Зевса*, въ имени котораго мы
видимъ одно изъ древнѣйшихъ названій солнца, является самъ
въ значительной степени виновникомъ того, что съ теченіемъ
времени настоящее солнце не только перестало считаться все-
могущимъ, но лишилось даже самыхъ видныхъ функций сво-
ихъ: перестало собирать тучи, производить громъ, молнію
и т. п. и стало наконецъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ
Зевса, который между тѣмъ, благодаря разнообразнымъ при-
чинамъ, успѣлъ превратиться въ отвлеченное понятіе, или сдѣ-
латься, такъ сказать, воплощеніемъ извѣстной абстракціи. Для

краткости, быть можетъ, позволительно выразиться такъ: солнечная идея вытѣснила представленіе о самомъ солнцѣ.

На лишенной всякаго серьезнаго смысла теоріи (*sit venia verbo*),* по которой древнѣйшимъ видомъ религіи было то, что называютъ самою низшею ступенью *фетишизма*, мы здѣсь не будемъ останавливаться³⁰⁶).

Для насъ гораздо важнѣе мыслимое возраженіе, что, какъ бы сильно ни ощущалась первобытнѣйшій человѣкомъ его зависимость отъ солнца, однако сознательное сведеніе всѣхъ явленій къ солнцу, какъ къ единственному ихъ источнику, должно считаться весьма труднымъ и далеко не доступнымъ пониманію всякаго.

Но признаніе этой трудности не только не опровергаетъ предположенія о первобытности солнечнаго культа, а, напротивъ того, оно само служитъ однимъ изъ главныхъ оснований этого предположенія. Никакой религіозный культъ не мыслимъ безъ *догматовъ*; а эти послѣдніе требуютъ *традиціи*. Традиція же, какъ передача извѣстныхъ истинъ изъ поколѣнія въ поколѣніе—первоначально посредствомъ *заучиванія*, впоследствии при помощи *письменности*,—возможна только въ такомъ случаѣ, если то, что считается достойнымъ передачи (фактъ, или идея), не представляется непосредственнымъ результатомъ постоянного наблюденія. Ибо того, что всякій постоянно самъ можетъ безъ всякаго труда наблюдать или сообразить, нѣтъ необходимости заучивать. Всякое ученіе передаетъ только та-

³⁰⁶) Въ новѣйшее время этотъ взглядъ отстаивалъ Fritz Schultze *Der Fetischismus. Ein Beitrag zur Anthropologie und Religionsgeschichte* (1871). Единственный серьезный вопросъ, вызываемый этою теоріею, состоитъ въ томъ, какъ она можетъ держаться при современномъ, хотя бы и поверхностномъ знакомствѣ съ дѣйствительною исторіею религіи болѣе извѣстныхъ намъ народовъ. На этотъ вопросъ остроумно отвѣчаетъ Максъ Мюллеръ *Vorlesungen über den Ursprung und die Entwicklung der Religion mit besonderer Rücksicht auf die Religionen des alten Indiens* (1880) стр. 102 сл. Каковы бы ни были въ другихъ отношеніяхъ недостатки этого, несомнѣнно, весьма замѣчательнаго сочиненія Макса Мюллера, во всякомъ случаѣ его опроверженіе теоріи о первобытности грубаго фетишизма (стр. 88—146) нельзя не признать окончательнымъ.

ія вещи, которыя, безъ этого ученія, могли бы оставаться неизвѣстными.

Дѣйствительно, зависимость явленій природы отъ солнца, отъ его движенія и періодическаго появленія и исчезанія большею частью недоступна непосредственному наблюденію и можетъ быть понята только при помощи болѣе или менѣе сложнаго логическаго процесса, что и дѣлаетъ совершенно естественнымъ появленіе ученія. Съ другой стороны, важнѣйшія явленія природы: дневной свѣтъ и теплота, ночной мракъ и холодъ, преимущественно обращающія на себя вниманіе первобытнаго человѣка, таковы, что не представляли слишкомъ большой трудности въ уразумѣніи ихъ зависимости отъ солнца. А разъ только солнце, въ сознаніи человѣка, являлось виновникомъ главнѣйшихъ явленій, то уже по аналогіи онъ могъ догадываться, а потомъ и додуматься основательнѣе, что и другія явленія, вызывающія его вниманіе, происходятъ, такъ или иначе, отъ того же солнца. Такимъ образомъ, *солнце было естественнымъ путеодителемъ къ возведенію всѣхъ явленій природы къ одной причинѣ, къ обобщенію всего въ единомъ.* Идея о всемогуществѣ солнца была предметомъ той древнѣйшей теоріи, которая вызвала столь прочную традицію, что слѣды ея встрѣчаются до сихъ поръ на всемъ земномъ шарѣ.

Но для насъ еще не достаточно того, чтобы эта первобытная *солнечная теорія* могла появиться въ умѣ одного лица или немногихъ. Необходимо, чтобы уже съ древнѣйшихъ поръ она пользовалась всеобщимъ признаніемъ той среды, въ которой появилась. При нѣкоторомъ желаніи вдуматься, мы увидимъ, что и этому требованію могла удовлетворить только предполагаемая нами солнечная теорія.

Относительно каждаго явленія природы мыслимо, конечно, и помимо солнечной, множество другихъ теорій. Но дѣло въ томъ, что для первобытнаго человѣка, кромѣ солнца, едва-ли еще возможно указать, какъ на причину хотя бы даже немногихъ явленій природы, не говоря уже о всѣхъ, на что-либо такое, чему онъ не могъ бы противопоставить съ одинаковою

вѣроятностью цѣлый рядъ другихъ догадокъ. Общее соглашеніе тутъ не мыслимо. Одно лишь солнце, разъ только было на него указано, могло дѣйствительно сдѣлаться, въ представленіи всякаго, виновникомъ *всѣхъ* явленій, какъ бы ни казалось на первый взглядъ сомнительнымъ его участіе въ нѣкоторыхъ явленіяхъ въ частности. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что неопровержимости солнечной теоріи способствовала и проч. и недостигаемость солнца, между тѣмъ какъ всякое указаніе на земной предметъ, какъ на источникъ или причину явленій, могло подвергаться непосредственной проверкѣ и опроверженію.

Теперь постараемся на нѣсколькихъ примѣрахъ выяснитъ себѣ хоть въ главныхъ чертахъ значеніе этой солнечной теоріи для культурнаго развитія Грековъ.

Вліяніе солнечнаго культа на духовное развитіе Грековъ. Древнѣйшія философскія системы.

Если мы допустимъ, что уже въ древнѣйшія времена жизни человѣчества появилась и получила всеобщее признаніе предполагаемая солнечная теорія, указывавшая, какъ на причину *всѣхъ* явленій, на солнце, то отсюда прежде всего вытекаетъ, что даже въ случаѣ, если бы солнце и не пользовалось раньше особеннымъ почетомъ, то теперь скоро долженъ былъ установиться и солнечный *культъ*, какъ самое непосредственное практическое примѣненіе новаго знанія. Должны были, между прочимъ, явиться воззванія къ солнцу, *имны*, которые, будучи результатомъ этой, такъ сказать, древнѣйшей учености, должны были заучиваться наизусть, такъ какъ не всякій, конечно, могъ сочинять ихъ самостоятельно. Однимъ словомъ, явилась потребность возможно строгой *традиціи*. Последняя, кромѣ *древнѣйшихъ воззрѣній*, становящихся, по мѣрѣ успѣховъ науки, все болѣе и болѣе *мигичными*, сохранила еще и множество *старинныхъ выраженій*, въ которыя облечались эти

возрѣнія, и которыя съ теченіемъ времени выходили большею частью изъ употребленія въ обыденной рѣчи, или, по крайней мѣрѣ, получали въ ней иное значеніе. Въ совокупности этихъ обстоятельствъ мы имѣемъ, не нуждаясь въ предполагаемыхъ обыкновенно поэтическихъ метафорахъ и аллегоріяхъ, всѣ основныя условія, чтобы понять не только происхожденіе разныхъ мифовъ, дошедшихъ до насъ изъ древности, но и самыя крупныя явленія въ исторіи духовнаго развитія древнихъ народовъ.

Имя въ виду преимущественно древнихъ Грековъ, мы прежде всего относительно ихъ *религиозныхъ воззрѣній* замѣтимъ, какъ непосредственно вытекаетъ ихъ *политеизмъ* изъ предполагаемаго солнечнаго культа. Такъ напр. братья *Зевсъ* и *Аидъ* являются только разными названіями солнца въ различныхъ его состояніяхъ: «Свѣтлый» (днемъ) и «Невидимый» (ночью). Третій братъ *Посидонъ*, съ которымъ они подѣлились господствомъ надъ вселенною, первоначально идентиченъ съ Зевсомъ не только мифологически, какъ богъ (небеснаго) моря, но, кажется, даже и въ этимологическомъ отношеніи³⁰⁷⁾. Не безъ основанія онъ заявляетъ въ *Иліадѣ* о своемъ равенствѣ съ Зевсомъ:

«Такъ, могущественъ онъ; но слишкомъ надменно вѣщаетъ,
Ежели равнаго честию, меня укротитъ онъ грозится!

³⁰⁷⁾ Указаніе литературы объ имени *Посидона* см. у Ваничка Gr.-lat.-etym. Wörterb. стр. 451 примѣч. 15; ср. Aug. Mommsen Delphika (1878) стр. 6 слл.—Я полагаю, что древнѣйшею основою имени *Зевса* было *DAJAVANA*, откуда произошли сокращенныя *DIJAVAN*, *DJAUN* (Ζεῦν-ς), *DIUV*, *DIV*, и *DAJVAN* и проч. Въ сочетаніи съ основою *PATA(R)* «отецъ» получались полныя имена: съ одной стороны, Ζεὺς-πατήρ (ср. Jannspater, Jupiter), съ другой, Πατριάων, Πατριάς и проч. (въ *PATASIDAJAVANA*?). Именнымъ всякаго вѣроятія считаю мнѣніе, которое высказалъ Gust. Meyer Gr. Gram. стр. 275: Aus den Accusativen Ζῆν Ζῶν Δῶν [см. Ζῆν—ср. у него стр. 282] bildete man in sehr alter Zeit durch Anfügung des gewöhnlichen Accusativzeichens -α einen neuen Accusativ Ζῆνα... und dazu dann einen hysterogenen Nominativ Ζῆν Ζῶν..., den man ganz als π-Stamm durchflectierte (Ζῆνός Ζῆνι. . .).

Три насъ родилося брата отъ древняго Брона и Ремъ:
 Онъ Громовержець [Ζεὺς], и я, и Андъ, преисподнихъ владыка,
 На трое все дѣлено, и досталось каждому царство:
 Жребіи бросившихъ намъ, въ обладаніе вѣчное пало
 Мнѣ волношумное море, Андѣ подземельные мраки,
 Зевсу досталось межъ тучъ и Ээира пространное небо;
Общею вѣснъ остается земля и Олимпъ многохолмный. . .

(Переводъ Н. Гнѣдича)³⁰⁸).

О множествѣ мужскихъ божествъ, какъ мы уже успѣли отчасти убѣдиться, можно доказать съ полнѣйшею достовѣрностью, что они тоже не что иное, какъ такіе же представители солнца, и что ихъ имена произошли отъ разныхъ названій или эпитетовъ солнечнаго божества.

Таковъ, между прочимъ, и *Океанъ*, котораго мы уже неоднократно имѣли случай коснуться, и который въ *Иліадѣ* является точно такъ же, какъ и Зевсъ, *родоначальникомъ боговъ и началомъ всего*. Его имя означаетъ «Быстрый» (*Ὀκεανος*; ср. *ὄχος*) и было, несомнѣнно, однимъ изъ древнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ эпитетовъ солнца, съ неимовѣрною быстротою совершающаго свой путь вокругъ земли съ востока къ западу и оттуда обратно къ мѣсту востока. Вотъ почему, превратившись, какъ источникъ свѣта, въ *рѣку, текущую вокругъ всей земли*, онъ именно «начинаетъ свое теченіе съ востока солнца»³⁰⁹). Если мы кому присовокупимъ, что у Эсхила *Океанъ* изображается летящимъ по воздуху, то едва ли останется хоть малѣйшее сомнѣніе въ первоначально солнечномъ значеніи *Океана*.

Уже этихъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, что зна-

³⁰⁸) *Iliad.* XV 185—192. Ср. тамъ же ст. 166 сл. слова Зевса о Посидонѣ: «τοῦ δ' οὐκ ὄβηται φθλον ἤτορ ἴσον ἐμοὶ φάσθαι».

³⁰⁹) *Herodot.* IV 8: τὸν δὲ Ὀκεανὸν λόγῳ μὲν λέγουσι ἀπὸ ἡλίου ἀνατολέων ἀρξάμενον γῆν περὶ πᾶσαν ῥέειν, ἔργῳ δὲ οὐκ ἀποδείκνυσαι, Ср. II 21; 23 (ὅτι γὰρ τινα ἔγωγε οἶδα ποταμὸν Ὀκεανὸν εἶντα. . .); IV 36.

чать тѣ «зачатки» монотеизма, или то «стремленіе» къ нему, которое замѣчается учеными уже у Гомера³¹⁰).

Относительно женскихъ божествъ едва-ли стоить еще напоминать здѣсь, что во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами мифахъ, онѣ являлись всегда представительницами луны. Тѣсная связь луны съ солнцемъ заставляла усматривать въ ней то мать, то сестру, то дочь солнца, его жену, или любовницу.

Что касается до области нравственныхъ воззрѣній, то понятно, какое значеніе должна была имѣть идея законности для народа, мысль котораго была съ древнѣйшихъ поръ занята наблюденіемъ небесныхъ свѣтилъ. Замѣтимъ, что даже самое слово Νόμος «Законъ», являющееся у Пиндара собственнымъ именемъ существа, управляющаго богами и людьми, — не что иное, какъ только сокращеніе солнечнаго имени Εὐρύνομος, точно такъ, какъ слово Δίκη «справедливость», являющееся также собственнымъ именемъ богини, спутницы Зевса, было лишь сокращеніемъ луннаго имени Εὐρύδηκη³¹¹). И столь

³¹⁰) C. F. Nägelsbach *Homerische Theologie* 2 (1861) стр. 113: In dieser Zurückführung [у Гомера] göttlicher Thätigkeiten auf Zeus als deren Urquell verräth sich deutlich eine der homerischen Weltanschauung eingepflanzte monotheistische Tendenz. Erо же *Nachhomerische Theologie* 1 (1857) стр. 138: Man wird demzufolge nicht umhin können zuzugestehen, dass die griechische Weltanschauung vornehmlich bei Aeschylus in der Ausbildung ihrer Vorstellungen von Zeus eine mächtige Neigung zum Monotheismus an den Tag legt. Стр. 401: . . . mit dem Orphicismus tritt ins griechische Leben ein ausgesprochener Pantheismus ein, welcher dem der Volksreligion eingepflanzten Streben nach Monotheismus, das sich auf den bei Homer gegebenen Grundlagen immer mächtiger ausbildet, deutlich gegenüber steht [?]. См. также Каннибаллизмъ стр. 34 сл., гдѣ къ числу библиогрѣическихкихъ указаваній слѣдуетъ прибавить: Edm. Spiess *Logos spermatikós. Parallelstellen zum Neuen Testament aus den Schriften der alten Griechen* (1871).

³¹¹) P i n d. fr. 146 ed. Bergk:

Νόμος ὁ πάντων βασιλεύς
θνατῶν τε καὶ ἀθανάτων κ. τ. λ.

Ср. Eur. *Нес.* 798:

ἡμεῖς μὲν οὖν δοῦλοι τε καὶ θεογενεῖς ἴσως·
ἀλλ' οἱ θεοὶ σθένουσι χεῖρα κρατῶν
νόμος· νόμῳ γὰρ τοὺς θεοὺς ἡγούμεθα,
καὶ ζῶμεν ἀδίκῃ καὶ δίκῃ ὠρισμένοι.

прочно укоренившееся сознание *неминуемости возмездия*, $\nu\epsilon\mu\epsilon\sigma\iota\varsigma$ (ср. ниже, объ учении Анаксимандра) станут непятными, если мы сообразимъ, что одно изъ названій луны было $\text{N}\epsilon\mu\epsilon\sigma\iota\varsigma$ ³¹²).

Чтобы хоть приблизительно понять вообще степень зависимости *обычая* отъ представлений о небесныхъ явленіяхъ, достаточно вспомнить, наприимѣръ, что земной *бракъ*, былъ толькѣ воспроизведеніемъ небеснаго.

Столь же несомнѣнна и зависимость всей *науки* отъ первобытной солнечной теоріи.

Относительно *миенческой космологии* и *географіи* достаточно вспомнить здѣсь только рѣку *Океанъ*. Мы уже успѣли убѣдиться, какъ часто *рѣки*, *юры*, *острова*, *цѣлыя страны* и даже вся *земля* (ср. ниже, объ учении Анаксимена) являлись носителями названій солнца, или луны.

Нѣтъ также необходимости доказывать еще зависимость *миенческой исторіи* отъ предполагаемой солнечной теоріи. Разсмотрѣнные нами въ значительномъ количествѣ самые невидимому разнообразныя миенъ, считавшіеся нѣкогда несомнѣною исторіею, оказались только своеобразными толкованіями немногихъ основныхъ положеній о солнцѣ, преимущественно объ его отношеніяхъ къ остальнымъ небеснымъ свѣтиламъ. Запомнимъ еще только, что и въ этой области мы встрѣчаемъ *Океана*, только въ измѣненной формѣ, въ видѣ царя *Ома*, $\text{O}\mu\alpha$ и царя *Гма*, $\text{G}\mu\alpha$, имена которыхъ представляютъ удвоеніе сокращенной, ласкательной формы отъ имени $\text{O}\mu\mu\alpha\varsigma = \text{O}\mu\mu\alpha\upsilon\varsigma$. *Ома*, который, по одному извѣстію, является еще, подобно Океану, «*отцомъ боговъ*», былъ, по другимъ, *дремлю-*

— Объ *Дериномъ* Ра и в. X 28, 7: $\delta\alpha\iota\mu\omega\nu\alpha\ \epsilon\iota\nu\alpha\ \tau\omega\nu\ \epsilon\nu\ \text{A}\iota\delta\omega\nu\ \rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\ \epsilon\iota\ \lambda\epsilon\lambda\eta\text{-}$
 $\epsilon\tilde{\nu}\eta\eta\eta\tau\alpha\ \tau\omega\nu\ \text{E}\delta\epsilon\rho\acute{\omega}\nu\omega\mu\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \omega\varsigma\ \tau\alpha\varsigma\ \sigma\acute{\alpha}\rho\kappa\alpha\varsigma\ \pi\epsilon\rho\iota\sigma\theta\iota\lambda\epsilon\iota\ \tau\omega\nu\ \nu\epsilon\kappa\rho\acute{\omega}\nu\ \mu\acute{\omega}\nu\alpha\ \sigma\phi\acute{\alpha}\nu\ \text{A}\nu\alpha\kappa\iota\mu\epsilon\text{-}$
 $\tau\acute{\alpha}\ \delta\sigma\tau\acute{\alpha}$ Ср. вучу человеческихъ костей, т. е. звѣздъ, въ изображеніи *Сиринъ*
Одысс. XII 45 *Сиринъ*.—О *Дикъ* и *Деридикъ* см. выше стр. 49 примѣч. 74
а также указанія у E. J a s o b i Handwörterb. d. gr. u. röm. Mythol. I стр.
252 сл.

³¹²) См. выше стр. 36 примѣч. 53.

шимъ туземнымъ царемъ Віотія, ко времени котораго относится первый (огигійскій) *потопъ*, а по третьимъ, онъ же былъ древнѣйшимъ царемъ Атики. Мы уже успѣли выяснитъ себѣ значеніе всемірнаго потопа, производимаго солнцемъ (см. выше стр. 88 сл. и 90 сл.). Также точно солнечный мифъ заключается и въ преданіи о *Гизь*, который, обладая (подобно множеству другихъ солнечныхъ героевъ) способностью быть *то видимымъ, то невидимымъ*, (*Зевсъ* и *Аидъ* идентичны), завладѣваетъ *царскимъ престоломъ* (*Зевсъ* и *Аидъ* — «цари») и неслѣтныя *богатства* («золото» = звѣзды, свѣтъ; — ср. и проч *Ζεὺς Πλούσιος* и *Πλούτων=Ἄϊδης*).

Не желая останавливаться долго на другихъ отрасляхъ науки, бросимъ еще краткій взглядъ только на древнѣйшія *философскія* ученія Грековъ, чтобы убѣдиться, какое важное значеніе имѣла первобытная солнечная теорія въ самой высокой сферѣ проявленій человѣческаго духа.

Въ приписываемомъ *Θалесу* ученіи, что все происходитъ изъ *воды*, уже древніе усматривали, въ сущности, повтореніе лишь того, что говорится въ *Иліадѣ* о богѣ *Океанѣ*, какъ началѣ всего. Положенія, что все происходитъ отъ *Зевса*, и что все происходитъ отъ *Океана*, казались противорѣчащими другъ другу, въ томъ случаѣ, если *Зевсъ* и *Океанъ* одинаково — боги. И вотъ является мысль, что *Океанъ*, изображаемый въ преданіяхъ «источникомъ», означаетъ просто воду. Все могло происходить изъ воды и возвращаться въ нее обратно, не мѣшая *Зевсу* быть виновникомъ всего и, пожалуй, даже творцомъ этой воды. Иной вопросъ, что, собственно, понималъ первый философъ, высказавшій ученіе, или точнѣе, догадку о происхожденіи всего изъ воды, подъ этимъ происхожденіемъ, и насколько онъ самъ успѣлъ уяснитъ себѣ реальный смыслъ своего положенія. Съ какимъ трудомъ она вытекала для древнихъ Грековъ изъ наблюденія дѣйствительной природы, явствуется лучше всего изъ замѣчанія *Аристотеля*, что *Θалесъ* имѣлъ, быть можетъ, въ виду, что «пища всѣхъ [животныхъ?] бываетъ влажная, откуда зарождается и

поддерживается [въ нихъ] даже самая теплота», и что «сѣмъ всѣхъ [животныхъ?] имѣетъ влажную природу»³¹³).

Въ связи съ учениемъ о происхожденіи всего изъ воды находится другое положеніе, приписываемое древними Талесу, что божество, произведшее все изъ воды, — *разумъ*, *νóος*³¹⁴). *Νόος*, т. е. собственно «Вѣщій», было, несомнѣнно, однимъ изъ названій Зевса, т. е. солнца (Вѣроятно, что это слово только сокращенная форма имени *Алкίноος*, *Ἀλκίνοος*, тождественнаго, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, съ *Одиссеемъ*). Такимъ образомъ мы тутъ уже имѣемъ зачатки ученія о разумѣ, какъ управитель вселенной, — ученія, развитаго впоследствии философамъ, считаемымъ за изобрѣтателя аллегорическаго толкованія, Анаксагоромъ, который, усматривая въ солнцѣ только неодушевленную матерію (за что и обвинялся въ безбожій), сдѣлалъ значительный шагъ въ томъ отношеніи, что этимъ-самымъ установилъ уже строгое разли-

³¹³) Aristot. Metaph. I 3, 4 сл. p. 983: Θαλῆς . . . ὕδωρ εἶναι πρῶτον [στοιχεῖον καὶ ἀρχὴν τῶν ὄντων] . . . λαβὼν ἴσως τὴν ὑπόληψιν ἐκ τοῦ πάντων ὄντων τὴν τροφήν ὑγρὰν οὖσαν καὶ αὐτὸ τὸ θερμὸν ἐκ τούτου γιγνόμενον καὶ τούτω ζῶν (τὸ δ' εἰς οὐ γίγνεται, τοῦ· ἐπιτὶ ἀρχὴ πάντων), εἰ τε δὴ τοῦτο τὴν ὑπόληψιν λαβὼν ταῦτα, καὶ διὰ τὸ πάντων τὰ σπέρματα τὴν φύσιν ὑγρὰν ἔχειν, τὸ δ' ὕδωρ ἀρχὴν τῆς φύσεως εἶναι τοῖς ὑγροῖς . . . Εἰσὶ δὲ τινες οἱ καὶ τοὺς παμπάλαιους καὶ πολλοὺς πρὸ τῆς νῦν γενέσεως καὶ πρώτους θεολογήσαντας οὕτως οἰοῦνται περὶ τῆς φύσεως ὑπολαβεῖν. Ὀψιανόν τε γὰρ καὶ Τηθὺν ἐποίησαν τῆς γενέσεως πατέρας, καὶ τὸν ὄρκον τῶν θεῶν ὕδωρ, τὴν καλομένην ὑπ' αὐτῶν Στύγα τῶν ποιητῶν· τιμιώτατον μὲν γὰρ τὸ πρεσβύτατον, ὄρκος δὲ τὸ τιμιώτατόν ἐστιν.

³¹⁴) Cic. De nat. deor. I 10, 25: Thales . . . aquam dixit esse initium rerum, Deum autem eam mentem, quae ex aqua cuncta fingeret; Stob. Ecl. I 2, 29 p. 56 = Plut. Plac. I 7, 11 и Euseb. Praep. ev. XIV 16, 5: Θαλῆς νοῦν τοῦ κόσμου τὸν θεόν. Ср. Zeller I⁸ стр. 173 сл., гдѣ, какъ мнѣ кажется, напрасно отрицается древность этого положенія. — Считаю не лишнимъ обратить здѣсь мимоходомъ вниманіе и на многоскую полноту картиннаго выраженія въ Сл. о полку Иг. р. 3:

Бояне бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растыкашеться мыслию по древу, слышь слыкъ по земли, слышь оръяль подь облакъ.

«Вѣщій Бояне», который, собираясь «пѣснь творити» (т. е. сѣять), уподобляется «мысли» (= *νóος*), «волку» и «орлу», означалъ первоначально солнце. Ср. выше стр. 181 сл. «Древо» — звѣздное дерево.

чіе между «эирнымъ Разумомъ» ($\delta \acute{\alpha}\nu\omega\tau\acute{\alpha}\tau\omega \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu \nu\omicron\upsilon\varsigma \acute{\epsilon}\nu \alpha\acute{\iota}\theta\epsilon\rho\iota$ у Стоиковъ) и солнцемъ или «Зевсомъ, живущимъ въ эирѣ», (Ζεὺς αἰθέρι ναίων у Гомера).

Подобнымъ образомъ можно было бы показать, что и всѣ другія изреченія, приписываемыя Фалесу, основаны на миѣнческихъ воззрѣніяхъ.

Слѣдующій философъ, Анаксимандръ, выставляетъ началомъ всего «безпредѣльное», $\acute{\alpha}\lambda\tau\epsilon\rho\omega\nu$. Не трудно будетъ догадаться, что $\acute{\alpha}\lambda\tau\epsilon\rho\omega\varsigma$ или $\acute{\alpha}\lambda\tau\epsilon\rho\omega\nu$ было однимъ изъ эпитетовъ солнца, если только примемъ во вниманіе то, что сообщаетъ намъ Аристотель объ этомъ «безпредѣльномъ» началѣ Анаксимандра: оно «окружаетъ все и всѣмъ управляетъ какъ кормчій», $\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\epsilon\chi\epsilon\iota \acute{\alpha}\pi\alpha\tau\alpha \kappa\alpha\acute{\iota} \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha \kappa\upsilon\beta\epsilon\rho\acute{\alpha}$, и оно есть «божество, потому что не умираетъ и не гибнетъ», $\acute{\alpha}\delta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omega\nu \gamma\acute{\alpha}\rho \kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\alpha}\nu\omega\lambda\epsilon\theta\rho\nu$ ³¹⁵). Въ томъ же значеніи, какъ здѣсь «безпредѣльное», является въ космологіи Анаксимандра «огонь» (небесный огонь, эиръ, т. е. солнце), который тоже *окружаетъ* или охватываетъ весь міръ³¹⁶).

На антропогоническомъ ученіи Анаксимандра, какъ и другихъ философовъ, мы уже останавливались выше (стр. 75 сл.), при чемъ успѣли убѣдиться, въ какой степени оно основано на миѣнческихъ элементахъ. Въ виду такой зависимости этого философа отъ древнѣйшихъ миѣнческихъ представлений, особенный интересъ представляетъ для насъ и его воззрѣніе, что все возвращается туда, откуда произошло, «въ наказаніе

³¹⁵) Aristot. Phys. III 4, p. 203 b; ср. Zeller ун. соч. I^o стр. 193 примѣч. 1. — Слово *κυβερνᾶν* напоминаетъ, между прочимъ, корабль Фэаковъ, на которомъ плыветъ и Одиссей, и который, управляемый разумомъ ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$), совершаетъ въ одну сутки плаваніе изъ конца въ конецъ и обратно, Оды в. VII 318—326; VIII 555 сл. Съ кораблемъ Фэаковъ, или точнѣе Алкиполъ, ср. корабль (идентичнаго съ нимъ по имени) Номлона, представленный послѣднимъ (идентичному съ Одиссеемъ) Тилемачу, Оды в. II 386 сл.

³¹⁶) См. мой отчетъ О занятіяхъ стр. 71, гдѣ опущено мною замѣчаніе, что, судя по дошедшимъ до насъ вѣвѣстіямъ объ ученіи Анаксимандра, онъ употреблялъ, въ значеніи небеснаго огня, который обыкновенно означался словомъ «эиръ», просто слово «огонь».

за несправедливость по положенію времени», какъ передаетъ намъ его мнѣніе Симплиціи³¹⁷⁾. Тутъ мы ясно видимъ, что идея о неминуемости возмездія основана на наблюденіи физическаго явленія. Этими явленіемъ могло быть только появленіе и исчезаніе небесныхъ свѣтилъ, обусловленное, дѣйствительно, «положеніемъ времени».

У Анаксимена начало всего — «безпредѣльный воздухъ», ἀπαιρος ἀήρ, т. е. собственно «дующій». Тутъ уже лишнимъ было бы доказывать еще, что «дующимъ», т. е. производящимъ вѣтеръ, было первоначально солнце. Его ученіе, что земля держится на воздухѣ, мы уже сблизили съ гомеровскимъ представленіемъ, что Зевсъ можетъ повѣсить на воздухѣ землю, вмѣстѣ съ *Ирою* и со всѣми остальными богами³¹⁸⁾. Еслибъ не было другихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что γαῖα, «земля», была первоначально названіемъ *луны*, и идентична въ этомъ отношеніи съ *Ирою*, то достаточно было бы, кажется, вспомнить только, что Γαῖα, «Земля», какъ божество, называлась также «Олимпійскою»³¹⁹⁾.

Первоначальное значеніе принципа Элеатовъ, являющагося у Ксенофана «единымъ» богомъ надъ богами, который — весь зрѣніе, разумъ и слухъ», οὐλός δρᾶ, οὐλός νοεῖ, οὐλός δέ τ' ἀκούει, — уже успѣло намъ выясниться выше (стр. 155). Мы имѣемъ основаніе думать, что, какъ Ксенофанъ, такъ за нимъ и другіе философы, могли возставать безнаказанно противъ авторитета Гомера и Исіода, благодаря лишь тому, что ихъ собственныя воззрѣнія были строго основаны на древнѣйшихъ элементахъ преданія.

Пиеагорейское ученіе носитъ столь очевидно религіозный характеръ, что, и помимо сопоставленія его съ предъидущими, можно было бы догадываться, что играющая въ немъ

³¹⁷⁾ См. Zeller ук. соч. I^o стр. 187 примѣч. 2.

³¹⁸⁾ См. О занятіяхъ стр. 63 слл.

³¹⁹⁾ См. Fr. Creuzer Symbolik und Mythologie I^o (1837) стр. 47 (гдѣ въ цитатѣ читай Plut. Thea. XXVII 11 вм. XXVI 4) слл. Ср. выше стр. 43 примѣч. 62 и стр. 51.

столь видную роль «гармонія міра», *ἀρμονία κόσμου*, прои-
зошла путем міфологических соображеній,—тѣмъ болѣе, что
Гармонія является и въ дошедшихъ до насъ мівахъ лицомъ,
женою *Кадма*, ния котораго представляетъ собою только бо-
лѣе древнюю форму слова *κόσμος*, «міръ», «порядокъ», пер-
воначально, «свѣтлый», и было, безъ сомнѣнія, эпитетомъ
солнца. Впрочемъ, я уже успѣлъ высказаться, что являющіяся
въ видѣ верховнаго принципа у Пифагорейцевъ подобныя со-
четанія: «счетъ» или «число» и «гармонія» (*ἀριθμός καὶ ἀρ-
μονία*), «порядокъ» и «необходимость» (*ἀνάγκη περιχέεται κόσ-
μου*)—представляютъ собою сочетанія названій солнца: *Кадмъ*
«Свѣтлый», *Ариомъ* «Считающій», и луны: *Армонія* «Скоба»,
Ананка «Обнимающая» (рука). Какимъ образомъ слова, оз-
начающія *сотьт*, могли получить значеніе *счета*, то-есть, ка-
ково отношеніе представленія свѣта къ понятію числа, — на
это наводитъ дошедшій до насъ отрывокъ изъ сочиненія Пифа-
горейца Филолая, въ которомъ послѣдній, доказывая, что
число — начало всего, управляющее всѣмъ міромъ, *ἀρχὴ καὶ
ἀρχαίων*, замѣчаетъ, что безъ числа все было бы «неопредѣ-
ленно, неясно и невидно», *ἄπερα καὶ ἄδηλα καὶ ἀφανῆ*³²⁰).
Солнце, какъ освѣщающій весь міръ источникъ свѣта, посто-
янно создающій его изъ мрака, изъ ничего, дѣйствительно, обу-
словливаетъ счетъ въ области *пространственныхъ* понятій —
подобно тому, какъ оно же обусловливаетъ счетъ и въ области
временныхъ понятій, создавая дни, мѣсяцы и годы.

По Ираклиду, начало и суть всего — «вѣчно живущій
огонь, загорающійся мѣрообразно и потухающій мѣрообраз-
но», *πῦρ ἀεὶζων, ἀπτόμενον μέτρα καὶ ἀποσβεννόμενον μέτρα*.
«Огонь» мы уже встрѣчали въ значеніи солнца. Если кому

³²⁰) Philol. fr. 13 (Fragm. Phil. Gr. ed. Mullach. II стр. 4).—
Этимъ опровергается мнѣніе, высказанное Leo Meyer'омъ (въ статьѣ
Kosmos въ Zeitsch. f. vergl. Sprachf. VI стр. 161—176) и поддер-
жанное Воеск'омъ и А. Humboldt'омъ (Kosmos V [1862] стр. 14
сл.), что первоначальное значеніе слова *κόσμος* не свѣтъ, а дѣленіе theilen
scheiden).

еще прибавимъ, что процессъ, посредствомъ котораго все происходитъ изъ огня, назывался «движеніемъ вверхъ и внизъ», $\delta\delta\delta\delta\ \delta\lambda\omega\ \chi\alpha\tau\omega$ = $\tau\rho\omicron\pi\alpha\iota\ \tau\omicron\rho\delta\delta$ (ср. $\tau\rho\omicron\pi\alpha\iota$ 'Неліоіо у Гомера), то, не говоря уже о другихъ данныхъ, станетъ окончательно несомнѣннымъ, что и въ его ученіи отразилось древнее представленіе о томъ, что все обусловлено движеніемъ солнца, его движеніемъ вверхъ и внизъ, его появленіемъ и исчезеніемъ.

Этого бѣлаго обзорѣнія основныхъ положеній древнѣйшихъ философскихъ системъ у Грековъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, въ какой степени даже область самыхъ возвышенныхъ проявленій умственной жизни этого даровитѣйшаго изъ народовъ находится въ зависимости отъ самыхъ первобытныхъ воззрѣній, вызванныхъ простымъ наблюденіемъ солнца, которое послушно для него настоящимъ источникомъ откровенія.

Теперь позволительно будетъ, въ заключеніе сей главы, ограничиться повтореніемъ только слѣдующихъ словъ Карла Отфрида Мюллера, отчасти уже приведенныхъ мною въ видѣ эпиграфа настоящаго изслѣдованія: «Мы знаемъ съ достовѣрностью, что миен, какъ основаніе и почва поэзіи и искусства, впродолженіе столѣтій преимущественно занимали умъ греческаго народа: возможно ли, поэтому, составить себѣ понятіе о духовной жизни этого времени, не зная мионовъ и ихъ происхожденія? *Нетолько внѣшняя, но и внутренняя исторія греческаго народа будетъ подобна дереву безъ корней, если отбросить миоз, какъ ничто непримодное для науки, или если замкнуть этотъ единственно вѣрный источникъ произвольными догадками и химерами.*»

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМЪЧАНІЯ.

Из стр. 20 примъч. 33:

«Рога и уши».

И. Снегиревъ Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія о русскихъ пословицахъ и поговоркахъ IV (1834) стр. 41: «Какъ періодическое явленіе мѣсяца означается рогами, или четвертями онаго; посему и народъ говоритъ: *Мѣсяцъ крутъ рога*. По *крутизна* рога *мѣсяца* и по *ушамъ солнца* выводятся примѣты о ясной погодѣ». По Толковому словарю В. И. Даля, великорусскій народъ понимаетъ теперь подъ «ушами солнца» пѣсолнца, побочныя солнца. Но по этому еще нельзя судить, каково было первоначальное значеніе этихъ словъ. Гораздо важнѣе самый фактъ сопоставленія въ народномъ повѣрїи «ушей солнца» съ «рогами мѣсяца», дѣлающій вѣроятнымъ, что эти выраженія были первоначально идентичны по смыслу. Въ такомъ случаѣ, если и подъ «рогами», и подъ «ушами» понималась одинаково серповидная луна, то приписываніе этихъ атрибутовъ то «мѣсяцу», то «солнцу», можетъ служить въ нѣкоторой степени подтвержденіемъ сдѣланнаго мною, на основаніи иныхъ данныхъ, вывода, что мужское слово «мѣсяцъ» было нѣкогда названіемъ солнца. Данное сопоставленіе тѣмъ поучительнѣе, что, въ виду извѣстной тенденціи языка къ дифференціаціи значенія равнозначущихъ выраженій, оно указываетъ на одно изъ обстоятельствъ, которое могло способствовать тому, чтобы «мѣсяцъ» получилъ

именно значеніе луны: «рога», означавшіе луну первоначально только какъ принадлежность «мѣсяца», были приняты, съ теченіемъ времени, за его составныя части (genitivus possessivus превратился въ genitivus partitivus), а «мѣсяць», слѣдовательно, за совокупность этихъ частей — луну. Я уже успѣлъ высказаться, что были, конечно, и гораздо болѣе вѣскія причины, обусловившія такой переходъ. Главною причиною было, несомнѣнно, то обстоятельство, что «мѣсяць», какъ названіе солнца, сдѣлался также названіемъ времени, опредѣляемаго собственно фазами луны. Кроме того, при забвеніи первоначальнаго смысла мифовъ объ отношеніи «мѣсяца»-солнца къ звѣздамъ, о его зарожденіи и временномъ пребываніи на ночномъ небѣ, эти мифы, основной мотивъ которыхъ — все сводить къ солнцу и все объяснять солнцемъ — стали, съ теченіемъ времени, непонятнымъ, были тоже немаловажною причиною того, что «мѣсяць» превратился, въ народномъ пониманіи, въ луну.

Къ стр. 79 примѣч. 143:

«Вашаніе».

Въ Овидіевомъ описаніи чумы, опустошившей островъ Элину, читаемъ Met. VII 604:

pauc animam laqueo claudunt, mortisque timorem
morte fugant, ultreque vocant venientia fata.

Усматривая въ «вѣшающихся» людяхъ небесныя свѣтила и ссылаясь по этому поводу на мой отчетъ о занятіяхъ, въ которомъ я останавливался на мифѣ о *повышеніи Иры*, т. е. луны, я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы, въ поясненіе этого мифа, привести здѣсь еще весьма поучительную въ многихъ отношеніяхъ нѣмецкую сказку, помѣщенную во второмъ и слѣдующихъ изданіяхъ сборника Гриммовъ подъ № 175: *Der Mond*.

«Была нѣкогда страна, въ которой ночь была постоянно темная [—ночное небо во время новолунія], а *небо походило на распротертое черное сукно* [ср. города, покрытые черными сукномѣ], такъ какъ тамъ никогда не восходила луна и ни одна звѣзда не сверкала во мракѣ. *При сотвореніи міра было достаточно ночнаго свѣта* [«ночной свѣтъ» = ночное солнце, мракъ; — здѣсь мы имѣемъ остатокъ древнѣйшей космогоніи, по которой міръ созданъ изъ мрака]. Изъ этой страны однажды отправились путешествовать четыре парня [четыре представителя солнца-«мѣсяца»: солнца новолунія, — первой четверти, — полнолунія и — послѣдней четверти. Началомъ этихъ представителей четырехъ частей «мѣсяца», «путешествующихъ» вѣстѣ, т. е. слѣдующихъ другъ за другомъ, считалось новолуніе, «страна постоянно темная»] и *прибыли въ другую страну* [ночное небо во время полнолунія], *идь вечеромъ, когда солнце исчезало за горами, на дубъ* [т. е. на звѣздномъ деревѣ], *стоялъ свѣтящій шаръ, распространявшій повсюду нѣжный свѣтъ*, при которомъ все можно было хорошо видѣть и различать, хотя онъ и не былъ такой блестящій, какъ солнечный свѣтъ. Путники остановились и спросили проѣзжавшаго съ телѣгой крестьянина, что это за свѣтъ. «*Это луна*, отвѣтилъ тотъ, нашъ *староста* [солнечный богъ] *ее купилъ за три талера* [три видимыя фазы луны] и *прикрѣпилъ къ дубу*. [Такъ напр. *Иру* «вѣшаетъ» самъ *Зевс*]. *Ему приходится ежедневно вливать въ нее новое масло* [свѣтъ; ср. выше стр. 131 примѣч. 223 о «маслѣ», а также стр. 94 примѣч. 162, гдѣ говорится о повѣрїи, что лунный свѣтъ готовится изъ стараго солнечнаго свѣта] и *содержать ее въ чистотѣ*, чтобы она постоянно свѣтло горѣла. За это имъ ему *платимъ ежедневно* [при наступленіи каждой новой фазы луны] *по талеру*. [Представленіе о странѣ *постояннаго* полнолунія, было, вѣроятно, причиною, почему здѣсь не упоминается, что «староста» получалъ въ мѣсяцъ не четыре, а только тѣ «три талера», о которыхъ говорилось выше].

Когда крестьянинъ проѣхалъ дальше, одинъ изъ нихъ

[т. е. *первый*, представитель солнца, обладающаго новолуніемъ, или «похищающаго», т. е. заставляющаго исчезнуть луну во время конъюнкціи] сказалъ: «Эта лампа намъ пригодилась бы; у насъ дома есть дубъ точно такой же величины [первоначально: тотъ самый дубъ]: на немъ-то мы и моли бы ее повѣсить. А радость-то какая была бы, еслибъ намъ по ночамъ не приходилось больше ходить въ потемкахъ!». — «А знаете чтѣ? сказалъ другой, *достанемъ телѣгу и лошадей* [солнечныя божества всегда являются обладателями телѣги], да увеземъ луну; а здѣшніе могутъ себѣ купить другую» [такъ!]. — «А я умѣю хорошо лазить [—черта, которою вообще отличаются солнечныя герои], сказалъ третій [представитель солнца во время полнолунія], вотъ я ее и достану». Четвертый раздобылъ телѣгу и лошадей, а *третій взлезъ на дерево, пробуравилъ дыру въ лунѣ, протянулъ сквозь нее веревку и спустилъ луну на землю* [—когда солнце, обладающее полнолуніемъ, восходитъ, то луна опускается на землю; ср. выше слова: «когда солнце исчезало за горами, на дубѣ стоялъ свѣтащій шаръ»]. *Когда блестящій шаръ былъ положенъ на телѣгу, они его накрыли платкомъ, чтобы никто не замѣтилъ похищенія* [— «похищенная» луна, когда она находится «на (солнечной) телѣгѣ», т. е. пребываетъ въ конъюнкціи съ солнцемъ, не свѣтитъ; ср. выше стр. 45 слл.]. Такимъ образомъ они благополучно привезли луну въ свою страну и поставили ее на высокій дубъ. Всѣ, старъ и младъ, радовались, когда новая лампа распространяла свой свѣтъ по всѣмъ полямъ и наполняла ихъ дождя [первоначально: дождя (ед. ч.) — вселенную]. *Карлики [звѣзды] вышли изъ своихъ пещеръ и маленькіе люди (Wichtelmäpner) на лунѣхъ водили хороводы* [ср. выраженія: *Sternenreigen*, *χορεία τῶν ἀστέρων* и т. п.] *въ своихъ красныхъ сорочкахъ.*

Эти четыре парня снабжали луну масломъ, подчищали фитиль и за это ежедневно получали талеръ [т. е. эти четыре лица замѣнили собою одною «старосту»: они идентичны съ нимъ]. *Но они становились стариками, и когда одинъ*

из них заболѣлъ и предчувствовалъ смерть, онъ завѣщалъ, чтобы четвертая часть луны, какъ ея собственность [такъ!], была положена съ нимъ въ могилу. Когда онъ умеръ, деревенскій староста [первоначально, конечно, тотъ самый, который упоминался выше] ползъ на дерево и отрѣзалъ большими ножницами [«большія ножницы» —, несомнѣнно, одно изъ названій серповидной луны] одну четверть, которая и была положена въ гробъ. Свѣтъ луны убавился, но еще не замѣтно [Тутъ мы видимъ, какъ неумѣстно былобы аллегорическое толкованіе. Сказка сложилась независимо отъ первоначальнаго смысла тѣхъ элементовъ, которые вошли въ ея составъ. Она не знаетъ, что, послѣ смерти обладателя новолунія, свѣтъ луны долженъ усилиться]. Когда умеръ второй, къ нему положили въ гробъ вторую четверть, и свѣтъ луны поубавился. Еще слабѣе сталъ онъ послѣ смерти третьяго, который также получилъ свою часть. Когда же наконецъ и четвертый умеръ, наступилъ прежній мракъ, такъ что люди, выходя вечеромъ безъ фонаря, сталкивались головами.

Когда же части луны опять соединились въ подземномъ царствѣ, то тамъ, идъ всегда царила темнота [ср. царство Аида, выше стр. 10] мертвецы [— тоже звѣзды; ср. выше стр. 9 и др.: *πυρὰ νεκρῶν*] встревожились и пробудились изъ своего сна. Они изумились, когда почувствовали опять способность видѣть: луннаго свѣта имъ было достаточно [ибо они являются только на ночномъ небѣ], такъ какъ ихъ глаза такъ ослабѣли, что они не выносили бы свѣта солнечнаго. Они встали, повеселѣли и вздумали жить по прежнему. Одни изъ нихъ пошли играть и плясать [«пляски мертвецовъ», *Totentänze*] другіе побѣжали въ трактиръ [ср. напр. *Odys. VIII 248* о Фѣакахъ: *αἰεὶ δ' ἤμῖν δαῖς τε φάλη κίθαρίς τε χοροὶ τε*; и др.], гдѣ потребовали себѣ вина, понапивались, шумѣли, спорили и наконецъ взялись за дубины и начали колотить другъ друга [ср. выше стр. 11: *ὄσμιναί τε μάχαι τε φβῶσι τ' ἀνδροκτασίαι τε*]. Шумъ увеличивался все болѣе и болѣе и наконецъ достигъ небесъ [ибо происходилъ на небѣ;

ср. напр. *Odys. XV 329* о женихах Пимелопы: τῶν ὄβρις τε βίη τε σιδήρεον ὄβρανδν ἔχει]. *Святой Петра* [—тоже представитель солнца], который охраняет небесныя врата [ср. Ἥελιο πόλαι, Ἄϊδαο πόλαι], думалъ, что подземное царство взбунтовалось, и созвалъ небесныя силы, чтобы онѣ прогнали назадъ злаго духа, въ случаѣ еслибъ онѣ, вмѣстѣ со своими товарищами, захотѣлъ взять штурмомъ жилища блаженныхъ. Но такъ какъ они не явились, онѣ съѣз на своего коня и пропхала черезъ небесныя врата внизъ въ подземное царство. Онъ тамъ усмирилъ мертвецовъ, велѣлъ имъ опять лечь въ могилы, а луну взялъ съ собой и повѣсилъ на небѣ».

Тутъ мы имѣемъ и проч. прекрасное доказательство, что виновниками лунаціи считались обладатели луны, представители солнца. В. Гриммъ справедливо замѣчаетъ объ этой сказкѣ, III стр. 247: Dieses [Märchen] athmet den Geist der ältesten Zeit. При этомъ онѣ указываетъ на Калевалу, гдѣ *Louhi* похищаетъ солнце и луну, и на одну финскую сказку, въ которой говорится о трехъ змьяхъ, похищающихъ солнце, луну и зарю (см. A. Schiefner Ueb. d. Mythengehalt d. finn. Märchen въ *Mél. russ. II* [1855] стр. 605).

Къ стр. 114 сл.:

«Волкъ».

По поводу приведеннаго сказанія о *Данавъ*, я замѣтилъ въ моемъ Канибализмѣ стр. 108: «Видя въ этомъ [описаніи, какъ «рано утромъ волкъ бросился предъ стѣною на стадо коровъ»] слѣды какого нибудь гимна, воспѣвающаго восходящее солнце, я нахожу сравненіе солнца съ волкомъ очень естественнымъ . . . Быстро выдвигающееся среди кровавыхъ облаковъ солнце — это волкъ, кинувшійся на стадо бѣлыхъ, истекающихъ кровью коровъ; все же дѣйствіе происходитъ не на землѣ, а за видимыми предѣлами ея — „за стѣнами“».

Всев. Миллеръ Очерки арійской мифологіи въ связи съ древнѣйшей культурой I (1876) стр. 151 сл., находя, что напрасно въ этомъ преданіи мнѣ «чудятся» слѣды гимна, воспѣвающего восходъ солнца, и что я «нѣсколько поторопился съ моимъ мифологическимъ объясненіемъ, замѣчаетъ: «Не говоря уже о томъ, что эпитетъ *блмылз* коровъ добавленъ воображеніемъ г. Воеводскаго, которое заставляетъ ихъ даже истекать кровью, хотя изъ всего стада пострадалъ только быкъ, мы не можемъ указать въ греческихъ мифахъ ни одного примѣра *облачмылз* коровъ. Точно также не можемъ мы видѣть въ легендѣ Аргоса слѣдовъ *солнечнаю* гимна и довольствуемся объясненіемъ, которое дали сами Аргосцы этому далеко не чудесному событію [такъ!]. Жители колебались и искали змаменя, и вотъ на ихъ городское стадо нападаетъ волкъ и осиливаетъ стадо . . . Имѣемъ ли мы какое либо основаніе видѣть въ волкѣ солнце? . . . Выше мы видѣли, что всюду [?!] въ мифологіи волкъ изображаетъ силу [такъ!] мрака, холода и зимы. [Г. Миллеръ имѣетъ въ виду, что въ нѣкоторыхъ мифахъ говорится о волкѣ, *преслѣдующемъ* и *поглощающемъ* солнце; что солнечный богъ Аполлонъ называется *волкоубійцей*; что солнце *побѣждаетъ* весной черного волка; и т. п.]. Зачѣмъ же намъ извращать натуру этого звѣря и считать его *символомъ* свѣтлаго бога Аполлона?». По поводу этого замѣчу слѣдующее: 1) Считаю совершенно лишнимъ доказывать, что аргосская легенда передаетъ мифъ, а не дѣйствительное событіе. Если бы въ настоящее время было вообще еще позволительно сомнѣваться въ мифичности этого преданія о Данай, то для отклоненія таковыхъ сомнѣній достаточно было бы указать на сдѣланное нами въ текстѣ сопоставленіе нѣкоторыхъ подобныхъ мифовъ. 2) Такъ же точно считаю лишнимъ доказывать, что подобные мифы предполагаютъ существованіе соответствующихъ гимновъ, которыми они отчасти вызваны, отчасти же, по крайней мѣрѣ, поддерживались. 3) Что волкъ *поглощаетъ* солнце, обусловлено именно первоначальной идентичностью «волка» съ «солнцемъ»: въ волкѣ «заключалось» солнце (Ср. мой

отчетъ О занятіяхъ и т. д. стр. 45 сл. примѣч. 38 и стр. 49 примѣч. 42). Что при этомъ мнѣмъ говорятъ и о *преслѣдованіи*, и что *Аполлонъ* называется *волкоубійцей*, объясняется тѣмъ, что «волкъ» означалъ не только солнце, но и всѣ другія небесныя свѣтила (солнце и луна — волкъ и волчица; звѣзды — стадо волковъ), и что звѣзды представлялись не только въ родствѣ и дружбѣ съ солнцемъ (онѣ его дѣти, слуги, товарищи, воины) но и во враждебныхъ отношеніяхъ (онѣ прогоняются, похищаются, убиваются и даже поглощаются солнцемъ). А такъ какъ «волки», въ значеніи звѣздъ, являлись только ночью, то въ этомъ мы уже имѣемъ одну изъ причинъ, почему «ночь и волки были тѣсно связаны въ воображеніи народа» (Вс. Миллеръ ук. соч. стр. 143). Другая причина «темнаго» значенія солнца заключается въ томъ, что оно представлялось виновникомъ не только дня, но и ночи (лѣта и зимы). Ночью (впослѣдствіи и зимою) оно представлялось почернѣвшимъ, вслѣдствіе чего и называлось даже «чернымъ волкомъ» (см. Вс. Миллеръ ук. соч. стр. 145; ср. грозное, черное изображеніе героя Либаса, *Либасъ*, въ волчьей шкурѣ, Канниб. стр. 106 сл.). Непониманіе этой «темной стороны» солнца ввело въ заблужденіе не одного г. Миллера, а весьма многихъ. Вспомнимъ только, что даже солнечная природа самого *Аполлона* подвергалась сомнѣнію въ виду того, что въ *Иліадѣ* онъ «уподобляется ночи». 4) Что въ аргосскомъ преданіи волкъ *напалъ* на *все* стадо, но *боролся* только съ *однимъ* быкомъ, считаю результатомъ усложненія мѣа. *Данай* и *Геланоръ*, уподобляемые волку и быку, оба одинаково представители солнца. Слѣдуетъ полагать, что въ мѣѣ о *Данай* первоначально не говорилось ни о быкѣ, ни о *Геланорѣ*, а говорилось просто: *Данай* получилъ престолъ, уподобившись волку, бросающемуся рано утромъ за стѣною города на стадо коровъ. 5) Эпитеты: *бѣлая*, *истекающая кровью* (коровы) добавлены мною на слѣдующемъ основаніи: *вопервыхъ*, стадо коровъ уподобляется *Аргосцамъ*, имя которыхъ означаетъ «свѣтлые»; *вовторыхъ*, солнечныя коровы предста-

влялись обыкновенно бѣлыми (см. напр. Theocr. Idyll. XXV 130 сл. священные быки солнца были χροιῆν ἤύτε κόκνοι ἀργυρεῖται; ср. Iliad. XXIII βόες ἀργοί), или красными, φοβίνας φεμικαί (см. напр. та же — стадо Авгія; Apollod. II 5, 10, 3 — коровы Гиріона). 6) Имѣя здѣсь въ виду лишь первоначальное значеніе стада, я не могу теперь настаивать на томъ, что «коровы», хотя въ мифѣ и означали первоначально звѣзды, получили однако съ теченіемъ времени значеніе облаковъ. Но считаю послѣднее весьма вѣроятнымъ, руководясь не только аналогією ведійскихъ гимновъ. Здѣсь достаточно будетъ пока указать на цитированную выше идиллію Теоокрита (XXV 85—95), гдѣ возвращающіся, съ заката солнца, домой несмѣтные стада Авгія, состоявшія преимущественно изъ коровъ, очень краснорѣчиво сравниваются съ безчисленными небесными дождевыми тучами, несомыми на небѣ вѣтромъ.

Изъ стр. 122-й:

«Мухи».

Въ дополненіе къ тому, что изложено выше объ отношеніяхъ солнечныхъ существъ къ разнымъ насѣкомымъ, замѣтимъ, что одно изъ прозвищъ Зевса было Ἀπόμοιος, т. е. «[Уходящій] отъ мухъ» (ср. ἀπόγειος, ἀπόδημος и т. п.), или, какъ понимали впоследствии сами Греки, «Удаляющій мухъ». Ра us. V 14, 2: φασί δὲ Ἠρακλεῖ τῷ Ἀλκμήνης θύοντι ἐν Ὀλυμπίᾳ ἢ ἔχλου μάλιστα γενέσθαι τὰς μύιας ἐξευρόντα οὖν αὐτὸν ἦ καὶ ὅπ' ἄλλου διδαχθέντα Ἀπομύω θῦσαι Δί, καὶ οὕτως ἀποτραπῆναι τὰς μύιας πέραν τοῦ Ἀλφειοῦ. λέγονται δὲ κατὰ ταῦτα καὶ Ἠλεῖοι θύειν τῷ Ἀπομύω Δί, ἐξελαύνοντι τῆς Ὀλυμπίας τὰς μύιας. Ср. Ael. N. A. V 17; Clem. Alex. Protr. 2, 38 p. 11 ed. Sylb. Тотъ же богъ назывался и «Ловителемъ мухъ», Μυίαγρος (Plin. N. H. X 40) и «Муховиднымъ», Μυιόδογος (XXIX 36). Ср. Ра us VIII 26, 7 (Μυίαγρος ἦρωος).

Вспомнимъ и миа о рожденіи Зевса въ *пещерь*, *наполненной пчелами* (т. е. на ночномъ, звѣздномъ небѣ).—Рядъ интересныхъ указаній, свидѣтельствующихъ о миеологическомъ значеніи мухи, даетъ J. B. Friedreich Die Symbolik und Mythologie der Natur (1859) стр. 642 сл., гдѣ особенно интересно преданіе, приведенное (не совсѣмъ точно) изъ сборника Arth. u. Alb. Schott Walachische Mährchen (1845) стр. 285 сл. (ср. 379 сл.): Св. *Георгій*, *убивъ змѣя* (т. е. прежняго представителя солнечнаго божества), *бросилъ голову* послѣдняго въ *пещеру* (ночное небо). Изъ гнѣющаго языка въ пасти чудовища до сихъ поръ образуются опустошительные рои маленькихъ, но весьма ядовитыхъ мухъ. Въ заключеніе еще рассказывается: Als ein könig, welcher vor langen zeiten einmal diese gegenden beherrschte, der fürchterlichen plage ein ende machen wollte und die höhle zumauern liess, geschah im frühjahr, als die thiere aus ihren eiern schlüpften, ein so mächtiger druck wider das mauerwerk, dass es machtlos zusammenfiel. *Einem gewittersturme gleich* brachen jene wolken giftiger schwärme, so furchtbar wie jemals, aus dem innern der höhle hervor. Съ этимъ нельзя не сравнить миа о *пчелахъ въ львиной пасти*, а также повѣрія, что пчелы нарождаются изъ трупы *быка*: Varro De re rust. II 5; Verg. Georg. IV 281 сл.; Porph. De antro nymph. 15 и 18; ср. J. Grimm D. M. II³ стр. 658 сл. (⁴ 579 сл.); III стр. 202 сл.; А. А. Потебня О мнѳч. знач. нѣкот. обряд. стр. 211 сл. *Периклименъ* (несомнѣнно, одинъ изъ эпитетовъ Зевса) превращается то въ *рой пчелъ* (солнце превращается ночью въ звѣзду), то въ *муху*, Hesiod. ap. Schol. Apollon. Arg. I 156; ср. Schol. Iliad. II 336. — О гомеровскихъ *сравненіяхъ Аргосцевъ и Троянцевъ съ мухами* см. выше стр. 173 примѣч. 282. — Такъ какъ представленія о *душѣ* обусловлены представленіями о звѣздахъ, то не лишено интереса повѣріе, по которому душа спящаго улетаетъ въ видѣ мухи: Friedr. Müller Siebenbürgische Sagen (1857) № 154 и Beiträge

zum Hexenglauben in Siebenbürgen стр. 58. (Перечень животныхъ, въ которыхъ, по народнымъ повѣрїямъ, превращается душа человѣка во время сна, см. въ соч. Wilh. Hertz Der Werwolf, Beitrag zur Sagengeschichte [1862] стр. 19 сл. въ примѣч.).—Не лишены мѣологическаго интереса и нѣкоторыя поговорки, противопоставляющія мухъ орлу (солнцу): Fliegen wollen den Adler bekriegen; Wo eine Fliege sitzt hat kein Adler Platz.

Есть основаніе думать, что и луна называлась мухою. Въ Iliad. XVII 570 лунная богиня Аѳина внушаетъ Менелая *храбрость мухи*, *μύτης θάρσος*. Важнѣе, что въ Iliad. XXI 394 сл. Аресъ обзываетъ Аѳину «*песей мухой*»:

«Τίπτ' ἀδῖτ', ᾧ κονάμωια, θεοὺς ἔριδι ξυνελαύνεις
θάρσος; ἄητον ἔχουσα, μέγα; δέ σε θυμὸς ἀνῆκεν;»

(На счетъ ἔρις см. выше стр. 139 сл.). Дальше, въ той же пѣснѣ ст. 421, *Ира*, будучи сама представительницею луны, называетъ «*песей мухой*» другую лунную богиню, *Афродиту*; это — именно въ описаніи замѣчательной сцены, когда Афродита ведетъ *среди сраженія* (звѣздъ) *лишенную чувств Ареса* (солнце на ночномъ небѣ въ конъюнкции съ луною), *пораженнаго «чернымъ камнемъ» Аѳины*, причемъ и сама *Афродита падаетъ безъ чувствъ* возлѣ Ареса, вслѣдствіе нанесеннаго ей Аѳиною удара. Ср. чтò замѣчено мною выше стр. 46 сл. о *любвонной сценѣ Ареса съ Афродитою*. Таково и мѣологическое значеніе дѣтской игры «*мѣдная муха*», χαλκῆ μύια, въ которой одинъ ребенокъ съ завязанными глазами (представляющій солнце на ночномъ небѣ), произнося слова: «*ловлю мѣдную муху*», старается поймать одного изъ участвующихъ въ игрѣ, съ тѣмъ чтобы вслѣдъ затѣмъ и послѣднему были завязаны глаза. Poll. Onomast. IX 7, 123. Вспомнимъ, наконецъ, что «*Муха*» встрѣчается также въ видѣ женскаго собственнаго имени.

Поговорка «*Дѣлать изъ мухи слона*», упоминаемая впервые Лукіаномъ Μυσαιε епс. 12, б. и обусловлена пред-

ставленіемъ о .нарожденіи солнца (слона) отъ луны. Во всякомъ случаѣ, невѣроятно, чтобы обычныя сопоставленія мухи со слономъ были вызваны наблюденіями, въ родѣ того, что то и другое животное имѣютъ хоботъ (Liscia n. l. c. 3), или же простымъ желаніемъ противопоставить малое большому.

Къ стр. 154 сл. :

Киклопъ Полифимъ.

Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о плачевномъ состояніи не только гомеровской, но и греческой мифологіи вообще, не лишено интереса сопоставить мифы разныхъ ученыхъ о значеніи столь замѣчательнаго мифическаго существа какъ гомеровскій Киклопъ Полифимъ, который, не могъ не обратить на себя вниманіе уже потому, что Киклопы вообще играютъ, какъ извѣстно, очень видную роль въ мифическихъ преданіяхъ Грековъ. По этому, въ видѣ дополненія къ приведенной выше въ примѣч. 257, 259 и 261 литературѣ, укажу и на извѣстную мнѣ гораздо болѣе обширную литературу неудачныхъ толкованій. Здѣсь сопоставлю сперва тѣ мифы, о которыхъ нельзя, по крайней мѣрѣ, сказать, чтобы они были основаны на неточной, или прямо ложной этимологіи слова «Киклопъ»; затѣмъ перейдемъ и къ тѣмъ толкованіямъ, которыя страдаютъ означеннымъ недостаткомъ.

Въ комментарий къ Вергилію, дошедшемъ подъ именемъ Сервія (около 390 г. п. Р. Хр.) находимъ объясненіе, что глазъ Полифима означаетъ его *мудрость*, и что его ослѣпленіемъ обозначается только умственное превосходство Одиссея (Ser. v. ad Verg. Aen. 636 [изд. Lion I стр. 240]: Nam hic vir [Polyphemus] prudentissimus fuit; et ob hoc oculum in capite habuisse dicitur: i. e. juxta cerebrum, quia prudentia plus videbat. Verum Ulixes eum prudentia superavit, et ob hoc eum coecasse fingitur). То же самое у

Script. rer. mythic. lat. tres Romae nuper reperti ed. Bode II 174 (I стр. 134) и III 11, 9 (I стр. 233), гдѣ въ подтвержденіе приводится удачная этимологія имени «Полифемъ»: Hinc et Polyphemus merito, id est *multae lucis dictus videtur*). Обратное толкованіе, что единственный глазъ означаетъ только *тѣлесное зрѣніе* и отсутствіе умственнаго, находимъ у Heracl. De incredib. 11: . . . *μίαν αἰσθησιν ἔχοντα τὴν ἀπὸ τῆς δράσεως, λογισμῶ δὲ μηδὲν προβλέποντα· ἢ ὁ σοφὸς Ὀδυσσεὺς κατεπόνησεν*). Въ новѣйшее время подобныя образы высказался Moriz Corriere (Das Wesen und die Formen der Poesie. Ein Beitrag zur Philosophie des Schönen und der Kunst [1854] стр. 337: Polyphem [ist] die rohe Naturgewalt, welche durch List des Geistes überwunden wird. Ср. его же Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung und die Ideale der Menschheit II [1866]). По Эвстаѳію (XII в.) въ Киклонѣ Гомеръ олицетворилъ *свирѣпость* и вообще *животныя страсти*; *единоглазіе* намекаетъ на близорукость человѣка, обуреваемого страстью; ослѣпленіе Киклона Одиссеемъ означаетъ побѣду послѣдняго надъ своими собственными дурными порывами (Eustath. Comm. ad Hom p. 1622 ed. Rom: ἡ δὲ ἀλληγορία εἰς θυμὸν αὐτὸν [τὸν Κύκλωπα] μεταλαμβάνει θηριώδη... ὡπερ εἰς ὀφθαλμὸς ἐπεὶ ὁ θυμούμενος οὐ μερμηρίζει οὐδὲ διάφρα βουλεύεται ἀλλ' εἰς ἓν τι καὶ μόνον ἀφορᾷ, τὴν τοῦ οἰκείου ὕψιματος ἄνυσιν. Ὀδυσσεὺς δὲ τὸν τοιοῦτον θυμὸν οὐκ ἀναίρει εἰς τὸ πᾶν· οὐ γάρ ἐστι τὸ τριμερὲς ἀπολέσθαι ποτὲ τῆς ψυχῆς οὐ μέρος καὶ ὁ θυμὸς. ἐκτυφλοὶ δὲ, οἷς τὰς θηριώδεις ὀρμὰς καὶ φρονκὰς ἀπρακτεῖν ποιεῖ τῷ Κύκλωπι. πῶς δὲ αὐτὸν ἐκτυφλοῖ; οὐκ ἄλλως πάντως ἀλλ' ἡ ἀπορραθυμίας αὐτὸς καὶ ὡς ἐπιμύσας τοῖς αἰσθητοῖς πράγμασιν ἅπερ εἰς θηριώδην προκαλοῦνται αὐτὸν καὶ οὕτω δόξας ἐκτυφλῶσαι τὸν ἐν ἑαυτῷ Κύκλωπα. Ср. тамъ же p. 1392). Подобное же нравственно-аллегорическое объясненіе находимъ у Контостеонта (XII в.) Εἰς τὴν τῆς Ὀδυσσεύς πρόθεσιν ἐν Odyss. I 1 (Anecd. gr. ed. Matanga стр. 507: . . . τοιοῦτοι γὰρ εἰσιν οἱ βρασιωευόμενοι

ἐν ὄμμα τὴν αἰσθησιν μόνην ἡγούμενον ἔχοντες οἱ τῇ φαντασίᾳ
 διαμεγέθει, τῇ δ' ἀληθείᾳ πάντων ἀσθενέστατοι πέλουσι . . .)
 Правдоучительную аллегорію усматриваютъ также: Никифоръ
 Григора (1295—1359 г., Ἀνωνύμου Ἐπίτομος διήγησι
 и т. д. въ Μυθογράφοι Вестерманна стр. 332: . . . Ὅδοσι
 εἶναι ὑπολογίζομαι πάντ' ἄνθρωπον, ὅς τοῦ δικαίου καὶ σώφρονος
 τρόπου ἐκπλανηθεὶς εἰς ἀγρίαν τινα καὶ ἀπανθρώπινα ζῷα ἐπέ-
 ρεται, ἐνθα δὴ καὶ πονηρός τις καὶ ἀναιδέστατος δαίμων αἰεὶ
 καὶ τῇ φύσει πολέμιος, ὅς τρέφει μὲν ἀλογα πάθη и т. д.)
 Конті (XVI в., Natalis Comitum Mythologiae еп.
 [Venet. 1568] IX 1 [въ изд. 1651 г. стр. 940]: .товари
 Одиссея, поглощенные Киклопомъ, — злыя страсти; и сам
 ослѣпленіе Полифима доказываетъ лишь пагубность этихъ
 страстей). Последний приводитъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ своимъ
 мнѣніемъ и мнѣніе «другихъ»: что Киклопы означаютъ *ве-
 ры*, отъ которыхъ происходитъ *проза* (см. ниже), и что ослѣ-
 пленіе Полифима означаетъ только побѣду науки надъ *суевер-
 нымъ страхомъ*, съ которымъ прежде смотрѣли на эти явленія
 природы (XI 9 стр. 979 сл.).

По Бѣттигеру Киклопы были *татуированные диаво-
 сы* большимъ пятномъ на лбу, которое издали могло быть при-
 нято за глазъ (K. A. Böttiger Kyklopen u. Arimaspen
 сперва въ Wieland's Neuer deutscher Merkur II [1792]
 затѣмъ въ K. A. Böttigers Kleine Schriften archäol. u.
 antiquar. Inhalts I [1837] стр. 167: Wie nun, wenn Ho-
 mer wirklich von einem Auge auf der Stirn gehört hätte
 und dieses nichts Anderes als ein gemaltes gewesen wäre?
 Oder wäre die Vermuthung so unwahrscheinlich, dass sich
 die rohen, nackten Küstenbewohner Siciliens ebenso, wie
 ihre Halbbrüder die vorgeblichen Riesen in Patagonien oder
 die Abiponer und Neuseeländer noch heut zu Tage, Ge-
 sicht und Körper mit allerlei Figuren bemalt und gera-
 de mitten an der Stirn einen grossen runden Fleck ab-
 gebracht hätten, den der hier landende Fremdling leicht
 für ein grosses Auge ansehen und daher diesen Menschen

den Namen der Cyclophen (Rundäugigen) geben konnte? [— действительно, очень просто!]). Фридрейхъ считъ это мнѣніе до того «оригинальнѣе», что довольствовался приведеніемъ его, вмѣсто всякихъ другихъ объясненій (Die Realien in der Iliade und Odyssee ²[1856] стр. 534 сл.). По Вакману, Киклопы — *отдышанія горы*, въ переносномъ же смыслѣ—жители окрестностей Этны (G. Vackman Homerus comparans sive similitudines ex Iliade et Odyssea quas in usum и т. д. [1806] стр. 136: Cyclopes, a circumlari oculo . . ., sunt montes per foramen s. craterem (quendam quasi in media fronte oculum) ignem cineremque coelum versus evomentes. . . Poetice et quidem Metonymice sunt homines Aetnae vicina loca incolentes. . .). А Гиртъ высказалъ мнѣніе, что одноглазые Киклопы не чтò иное, какъ *рудокопы съ фонаремъ на лбу* (A. Hirt въ журн. Frid. Aug. Wolf's Litterarische Analekten I [1816] стр. 154: . . . und so ward dichterisch und artistisch in der Darstellung das zum Sehen Helfende für das sehende Organ selbst genommen; ср. A. Hirt Die Geschichte der Baukunst der Alten I [1821] стр. 167 сл.). Недавно это мнѣніе повторилъ Otto Keller (Ueber den Entwicklungsgang der antiken Symbolik [1876] стр. 12). Леннепъ находитъ вѣроятнѣе, что Киклопы — *Кельты*, гл. обр. на томъ основаніи, что этотъ народъ отличался будто бы большими круглыми глазами (Hesiodi Theogonia . . . [1843] стр. 200: Quid autem ortum fabulae dederit, incertum est. Attamen ut Empedocles v. 281. *κύκλωπα κόβρην* dixit pupillam oculi rotundam, sic videri quoque possunt appellati primum Cyclopes fuisse, quibus essent magni et rotundi oculi, quales generi hominum Celtico proprii fuerunt, ad quod genus pertinuisse Cyclopes vero simile mihi fit, tum ideo quod ex Thracia oriundi perhibentur, tum ex similitudine, quae inter vetustissima quaedam Celtarum per Europam monumenta et Cycloporum muros intercedit). Тутъ уже позволительно будетъ привести и мнѣніе Ратгебера: Ки-

клопы первоначально вовсе не означали одноглазых; но впоследствии это имя придавалось въ шутку рудокопамъ, чѣмъ намекалось на нихъ фонарь на головѣ, въ свою очередь напоминавшій случай дѣйствительной *уродливости*; Киклопы Одиссеи — не что иное, какъ вымыселъ, основаніемъ котораго было представленіе подобной *уродливости* (G. Rathgeber *Gottheiten der Aiolier. Mit Excursen kunstgeschichtlichen Inhaltes auch mit dem Schema der Geschichte hellenischer Philosophie* [1861] стр. 448 a; 645 b [тутъ указана и литература объ одноглазыхъ уродахъ]:... *Wie Jeder sieht, bezog die Missgeburt zur Erfindung der laut der Odyssee auf Sicilien wohnhaften Kyklopen, welche von den übrigen gleichnamigen Kyklopen der Hellenen durchaus verschieden sind; kyklopisches же изображение Зевса объясняется очень просто, стр. 646 b: Die gemeinen [такъ] dorischen Pfaffen die nach Ol. 1. von Kreta in die Peloponnesos sich begaben, liessen sogar ein Schnitzbild anfertigen, welches den Zeus wie einen Kyklops zeigte и т. д.). — Большая часть этихъ догадокъ, очевидно, не отличается существенно отъ аллегорическаго толкованія тѣхъ византийскихъ учениковъ, в которыхъ «глазъ» Полифима означалъ не что иное, какъ *единую дочь*, похищенную будто Одиссеемъ, или его товарищи. (Въ Io. Malalae *Chronographia* [IX вѣка] V стр. 144 сл. и одинаково съ нимъ въ одной исторической хрестоматіи подѣ заглавіемъ: Ἐκλογὴ ἱστοριῶν ἀπὸ τοῦ Μωσέως βιβλίου καὶ τῶν Ἑξω ἱστοριογραφησάντων ἐπισήμων ἀνδρῶν καὶ τῆς θείας γραφῆς, τομῆς διαρχομένη μεῶς τῆς Ἀναστασίας βυζαντινῆς [того же вѣка], въ *Anecd. gr. Paris. Cramer* II стр. 208 сл., передается по фиктивному Сисифу Косскому, который служилъ будто источникомъ и для самого Гера, слѣдующее: Антифать, Киклопъ и Полифимъ были три брата, царствовавшіе въ трехъ частяхъ Сициліи; много пострадавши отъ свирѣпости первыхъ двухъ, Одиссей прибылъ наконецъ къ Полифиму, который, тронутый разсказомъ о ея бѣдствіяхъ, принялъ его гостепріимно; тутъ Полифимова дочь*

Элла [Ἑλλη] влюбилась въ одного изъ товарищей Одиссея, въ Леона или Лаиа [Mal.: Λεῖωνα; Ἑλλ.: Λάϊον] и бѣжала съ нимъ, безъ вѣдома Одиссея [но, прибавляется въ Ἑλλ., Киклопъ отправилъ за нею погоню и отнялъ дочь обратно]. Послѣ этой прагматической передачи сказанія, не лишенный однако интереса, передается еще толкованіе какаго то Фидалія [или Фидія] Коринфскаго [Mal.: Φειδίας, Φειδάλιος; Ἑλλ.: Φιλάδιος, Φιδάλιος], быть можетъ, столь же фиктивного, какъ и Сисифъ Косскій: ослѣпленіе Киклопа означаетъ, что онъ былъ прельщенъ подарками, а его ослѣпленіе посредствомъ факела [λαμπάς], — что Одиссей «жегъ факеломъ любви» его единую дочь: ἐτύφλωσεν αὐτοῦ τὸν ὀφθαλμὸν, διὰ τὸ τὴν θυγατέρα Πολυφῆμου αὐτοῦ Ἑλλων [чит. Ἑλλη] παρθένον οὖσαν καὶ μονογενῆ, λαμπάδι πυρὸς ἐρωτικοῦ καυθεῖσαν ἀρπᾶσαι, τούτέστιν, ἓνα τῶν ὀφθαλμῶν τοῦ Κύκλωπος [имѣется въ виду, что у Эврипида Полифимъ изображается трезлазнымъ] ἐτύφλωσεν τὸν Πολύφημον, τὴν αὐτοῦ θυγατέρα ἀρπᾶσας. Это толкованіе мы находимъ и въ аллегоріяхъ Одиссеи Тзетза [XII в.; въ Anecd. gr. ed. Matranga I стр. 233 и 277] и въ scol. Одиссеи [I 69 и 198]).

Уже у древнихъ мы находимъ то объясненіе, которое и въ настоящее время является господствующимъ, именно, что въ Киклопахъ олицетворены *розовые явленія*. Впервые, кажется, высказался въ этомъ смыслѣ основатель стоической школы Зинонъ, въ своемъ аллегорическомъ толкованіи Исіодовой Теогоніи (вѣроятно, въ соч. Παρὶ τοῦ θλου; см. Zeller Die Philos. d. Griech. III 1² [1865] стр. 31 примѣч. 3): Киклопы означаютъ «вруговое движеніе огня, происходящаго изъ воздуха» (Schol. Hes. Theog. 139 изд. Flach [1876]: γένηται δ' αὖ Κύκλωπας. τὰς ἐγκυκλίους δυνάμεις. Ἑλλάνικος δὲ τὸς Κύκλωπας φησιν ὀνομάζεσθαι ἀπὸ Κύκλωπος, υἱοῦ τοῦ Οὐρανοῦ. . . Ζήνων δὲ πάλιν φυσικωτέρως τὰς ἐγκυκλίους περιφοράς [codd. φοράς] εἰρησθαί φησιν ἐν χρόνῳ γὰρ τιμὴ ἐγένοντο ἐγκύκλιοι περιφοραὶ τοῦ πυρὸς ἐκ τοῦ ἀέρος. Ср. замѣчаніе Флаха на стр. 50 его изданія). Подобнаго рода объясненіе

предлагаетъ Іоаннъ Діаконъ Галинъ (XIV в.) въ своихъ Аллегоріяхъ Ісїодовой Θεογονίи: имя Киклоповъ указываетъ или на *периодичность* земныхъ испареній и обусловленныхъ ими *атмосферическихъ явленій* (у Флаха Glossen u. Schol. zur Hes. Theog. стр. 309: τὰ κατὰ περιόδους τινὰς καὶ κυκλικῶς ὑφίσταμένα ἐν τοῖς μετεώροις πᾶθη τῶ διττῶ τῆς ἀναδυμιάσεως...), или же на то, что сгущенный воздухъ въ облакахъ воспламеняется вслѣдствіе *круговращательнаго движенія* (тамъ же: παρὸσον ἐν τοῖς νέφεσιν ἐναπειλημμένων πνευμάτων ἰσχυρῶν τε καὶ βιαιῶν καὶ κύκλῳ περιίπταμένων, ἐκ πυρηνίσεσθαι συμβαίνει τὰ πνεύματα καὶ ἐξίεναι ἐκεῖθεν καὶ τὰς ἀστράπδας ποιεῖν, δᾶττον ἡμῶν περιθεούσας τοὺς ὀφθαλμούς). Въ нашемъ столѣтіи сперва высказался Х. Г. Гейне въ пользу того, что Киклопы означаютъ атмосферическія явленія, преимущественно *молніи* (Chr. G. Heune Ad Apollodori bibliothecam observationes [1803] стр. 4: Ad atmosphaeram ejusque meteora eos spectasse, praecipue ad fulmina, ex ipsis nominibus [Ісїодовыхъ Киклоповъ] intelligere licet). Отличая различныя категоріи Киклоповъ, онъ допускаетъ и проч., что и дѣйствительно существовалъ народъ этого имени. По Кяппе, Киклопы—*олицетвореніе грозы* и имѣютъ «*круглое, т. е. большіе глаза*», какъ признакъ свирѣпости; вслѣдствіи они смѣшивались съ *Аримасами*, т. е. «*Одноглазыми*», которые получили это названіе оттого, что, будучи превосходными стрѣлками, *жмурили одинъ глазъ во время прицѣла* (J. A. n. Kappе Mythologie der Griechen I [1805] стр. 23; то же повторяетъ J. J. Wagner Homer u. Hes. E. Versuch. üb. d. gr. Alterth. въ его Kleine Schriften III [1847] стр. 71.—Такое курьезное объясненіе имени Аримасповъ, т. е. «*Одноглазыхъ*» [см. Herodot IV 27] имѣется въ примѣч. Эвстаѳіа къ Dionys. Perieg. V 31, именно, что «*одноглазными*» они назывались вслѣдствіе своей привычки *жмурить лѣвый глазъ, прицѣливаясь изъ лука*. Это мнѣніе повторяетъ M. Muretus [† 1585] Variarum. lectionum libri etc. XII 8 [Opera omnia ed. David Ruhnkenius II 1789 стр.

281]: Sed quibus curae fuit veritatem rerum diligentius indagare, eam gentem [Армасповъ] arcu et sagittis excelsisse memorant, quas cum dirigerent, alterumque, ut sit, oculum clauderent, adsiduique in eo studio essent, dicti sunt uno tantum oculo uti. Fortassis etiam, quod ei rei a pueris adsuefierent, alterius oculi orbe erant contractiore: versaque paulatim, ut saepe accidit in naturam consuetudine, patrum similes filii nascebantur; quaeque in patribus deformitas ex oculorum inaequalitate ἐπίκτυτος et adventicia, eadem in filiis innata atque insita erat). Клаузенъ усматриваетъ въ Полифимѣ *ipom* (Die Abentheuer des Odysseus aus Hesiodus erklärt [1834] стр. 7). Сюдаже относится и мнѣніе Преллера: Полифимъ — туча, а глазъ его — молнія, Griech. Mythol. I³ [1872] стр. 511: Auch sie [т. е. Киклопы Одиссея, въ особенности Полифимъ] scheinen... neptunische [?] Kräfte [?] zu bedeuten, so dass von den Hesiodischen Kyklopen, den *feurigen Rundaugen des Himmels*, eben nur das Bild von einäugigen Riesen geblieben wäre. Что же онъ понимаетъ подъ «feurige Rundaugen des Himmels», это явствуетъ изъ слѣдующаго, тамъ же стр. 42:... bei den Hesiodischen [Кyklopen] ist der bildliche [?] Grundgedanke deutlich die Wetterwolke [?!] mit dem zündenden Blitze, welche in der griechischen Mythologie unter sehr verschiedenen Bildern gefeiert [?] wird. Hier hat die drohende Wolke mit dem aufleuchtenden Blitze zu dem Bilde der riesigen Kyklopen mit dem *einen* [странно!], *grossen* [странно!], *runden* [странно!] Feuerauge geführt... Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ замѣчаетъ наивно: Ein Dichter nannte den Blitz das Auge des Zeus b. Hesych. ὄψαρ ὀφθαλμὸς Διὸς (Именно въ томъ и дѣло, что у Грековъ сверкаетъ и гремитъ не туча, а Зевсъ, т. е. первоначально солнце. Самъ же Преллеръ, ук. соч. I стр. 352, не отрицаетъ, что глазъ Зевса означаетъ солнце. Въ молніи глазъ солнечнаго божества казался проглядывающимъ сквозь тучу). Наконецъ, здѣсь я долженъ привести и высказанное недавно мнѣніе Roscher'a

Die Gorgonen und Verwandtes. E. Vorarbeit zu e. Handbuch d. griech. Mythol. vom vergl. Standpunkt (1879) стр. 109: Nach meiner Meinung hat bei diesen unzweifelhaften Gewitterdämonen [т. е. въ Киклопахъ] die ursprüngliche Anschauung der kugeligen oder runden Gewitterwolke die Gestalt eines kreisrunden Auges. . . angenommen [], was jedenfalls einfacher und wahrscheinlicher ist als die sonstigen Deutungen [съ которыми Рошеръ ознакомился лишь очень поверхностно] des Kulklorenauges. Въ подтвержденіе ояъ ссылается на подобное же мнѣніе Лайстнера (Nebelsagen [1879] стр. 271).

Слово Κύκλωψ образовано совершенно правильно отъ κύκλος, «кругъ», и ὤψ, «око». Эту этимологию мы находимъ уже въ Исидовой Θεογονίи 144:

Κύκλωτες δ' ὄνομ' ἦσαν ἐπώνυμον, ὄψεν' ἄρα σρέων
κυκλωτερῆς ὀφθαλμοῦ ἕεις ἐνέχεται μετώφρ,

съ чѣмъ превосходно гармонируетъ рассказъ Гомера объ ослѣпленіи Полифима. Но нежеланіе признать въ Киклопѣ представителя солнца заставляла многихъ прибѣгать иногда къ весьма замысловатымъ этимологическимъ догадкамъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Остервальдъ, который въ своемъ изслѣдованіи Hermes-Odyseus, Mytholog. Ergkl. der Odyseussage (1853), не лишенномъ нѣкоторыхъ достоинствъ (см. О занятіяхъ стр. 29), представляетъ однако слѣдующую, крайне неудачную, аргументацію, стр. 31: Одиссей есть богъ солнца, и преимущественно *весенняго* солнца; врагъ его, исполнскій Киклопъ, долженъ быть поэтому олицетвореніемъ зимы; подтвержденіемъ этого предполагаемаго значенія служатъ главнымъ образомъ имена Исидовыхъ Киклоповъ: «Гроизъ» (по Βρόντης означаетъ скорѣе «грейщій»), «Молнія» (по Σταρότης, несомнѣнно, прилагательное—эпитетъ солнца) и «Зарница» (Ἄργυρης—тоже); къ тому же извѣстно, что солнечные герои поражаютъ обыкновенно змѣя, а змѣя означаетъ зиму (но солнце и луна, какъ извѣстно, представлялись огненными змѣями!). Только

круглый глазъ настойчиво заявляетъ о солнечномъ значеніи Полифима. Это не смущаетъ Остервальда, стр. 32: Ei, wenn uns weiter nichts ärgert, das Auge lässt sich wohl ausreisen [такъ!]. Im Ernst! ich stehe nicht an zu behaupten, dass der ganze Mythos von dem einen Rundauge des Polyphen. und seiner Blendung erst in einer Zeit entstanden ist, in der man die ursprüngliche Bedeutung des Namens $\kappa\acute{\alpha}\lambda\omega\psi$ nicht mehr verstand, sondern sich an die naheliegende Ableitung desselben von $\kappa\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$ (Kreis) und $\acute{\alpha}\psi$ (Augé) hielt. $\kappa\acute{\alpha}\lambda\omega\psi$ ist nichts als das reduplicirte $\kappa\lambda\acute{\omega}\psi$, gen. $\kappa\lambda\omega\pi\acute{\omicron}\varsigma$, d. h. der *Räuber*. Такимъ образомъ Остервальдъ предлагаетъ одну изъ невѣроятнѣйшихъ этимологій, отрицаетъ значеніе цѣлаго, довольно длиннаго разсказа Одиссея (хотя въ иномъ мѣстѣ заявляетъ, что у Гомера нѣтъ даже лишняго эпитета), закрываетъ глаза предъ жножествомъ данныхъ миеологій (каковы напр.: Грэй, обладательницы одного глаза; одноглазые Аримасны; одноглазый Воданъ, и другія божества разныхъ народовъ; одноглазые великаны, чудовища, животныя и т. п.)—и все это только для того, чтобы не допустить враждебныхъ отношеній между двумя (конечно, *бывшими*) представителями солнца. А между тѣмъ нельзя сдѣлать шагу въ изученіи миеологій, не убѣдившись, что это явленіе принадлежитъ къ числу самыхъ естественныхъ и обыденныхъ! Впрочемъ, предлагаемая Остервальдомъ этимологія Киклопа была уже придумана раньше Ludw. Döderlein'омъ, Ueber die Reduplication in d. griech. u. lat. Wortbildung въ его Reden und Aufsätze I (1843) стр. 138, а затѣмъ повторена и въ его же Homerisches Glossarium III (1858) стр. 123 № 2120. Она напоминаетъ собою этимологію, которую находимъ въ Гомеровскихъ аллегоріяхъ Ираклита, гл. 70 (изд. Mehler'а): $\kappa\acute{\alpha}\lambda\omega\psi$ δ' οὖτος ἄνθρωποςταὶ δ τοὺς λογισμοὺς ἐποκλωπῶμενος (codd. ἐποκλωπῶν vel ἐπὶ κλωπῶν).—Вѣроятно, подъ вліяніемъ Остервальда, въ Полифимѣ усматриваетъ тоже «великана зимы» Nahn Sagw. Stud. [1876] стр. 409.

Вообще какъ мы уже замѣтили, большинство ученыхъ,

говоря о Киклопахъ, всячески старались обойти прямое значеніе ихъ имени. Многіе вмѣсто «глаза» (ὄψ) подставляли глаголь «зрѣть» (корень ОИ) и получали такимъ образомъ различныя вещи. Такъ, по Эвстаѳію (Comm. ad Hom. 1392 ed. Rom.), нѣкоторые усматривали въ Киклопѣ *небесный строй* (? τῆν τῶν οὐρανῶν κατάστασιν) «потому что онъ его *видимъ въ кругахъ* (διὰ τὸ ἐν κύκλοις ὀπταίνεσθαι), каковы зодіакъ, меридіанъ, тропики и проч.». Въ нашемъ столѣтїи нѣкоторые ученые признавали въ Биклопахъ «наблюдателей [луннаго] диска», *астрономовъ* (J. L. Hug Untersuchungen üb. d. Mythos der berühmtern Völker d. alt. Welt vorzügl. der Griechen, dessen Entstehen, Veränderungen u. Inhalt [1812] стр. 161 сл.: ... [es] wird wol weniger das Auge, mit dem sie [Биклопы] sahen, als jenes, welches sie sahen, zu verstehen sein... eines der beyden Weltaugen, der beyden Augen der Zeit... die Sonne oder der Mond. Haben wir aber zwischen diesen beyden zu wählen, so ist es natürlich der Mond, ... aus dessen Beobachtung sie am einfachsten und leichtesten ein Zeitmass gewinnen konnten. Sie sind es ja gewesen, welche unter Kronos, dem Zeitgotte, ... schon Anstalt machten, Jupiter, dem Jahresgotte, zur Herrschaft zu verhelfen и т. д.; см. также P. F. A. Nitsch Neues mytholog. Wörterb. etc. I² (1821) стр. 577 сл. Это мнѣніе одобряетъ и Creuzer Symbolik u. Mythol. d. alten Völk. besond. der Gr. I³ [1837] стр. 8, гдѣ онъ указываетъ, что нѣчто подобное уже высказалъ Schlegel Geschichte der griech. u. röm. Poesie I¹ [1798] въ его Sämmtl. Werke III стр. 34 сл. («Himmelschauer»); въ частности въ Исидовыхъ Киклопахъ Крейцеръ усматриваетъ III³ [1842] стр. 38 «elektrische Explosionen der Atmosphäre im Sommer», въ строителяхъ же Тирива IV³ [1843] стр. 244 «sieben Planetenmänner»). Другіе видѣли въ нихъ людей, «смотрящихъ вокругъ», т. е. *авиуровъ* (Em. Rückert Der Dienst der Athena, nach s. örtl. Verhältnissen dargest. [1829] стр. 131; его же Troja's Ursprung, Blü-

the, Untergang u. Wiedergeburt in Latium. E. mythol. chronol. u. ethnograph. Unters. der trojanisch-röm. Stammsage [1846] стр. 24: . . . Kreisschauer, welche, wie die Augurn, innerhalb eines am Himmel beschriebenen Kreises Vogelflug und Blitze beobachten und nach den Gesetzen der Himmelskunde die irdischen Bauten leiten. Cp. Ed. Gerhard Griech. Mythologie I [1854] стр. 128: . . . Rundschauber [von κύκλος, vielleicht in Bezug auf Himmelsbeobachtung. Съ этимъ однако не вьзется стр. 83: Die Feuerkraft im Innern der Erde wird durch die Kyklopen als Brontes 'Donner', Steropes 'Blitz', Arges 'Silberglanz' bennant. . . Cp. также E. m. Braun Griech. Götterlehre I [1851] стр. 28). Третьи видѣли въ нихъ людей, «смотрящихъ черезъ крути», т. е. черезъ какіе то снаряды, прикрѣпленные у глазъ, въ родѣ консервовъ, противъ слишкомъ яркаго свѣта (C. D. Hüllmann De Cercoribus atque Cycloporibus [1826] стр. 7 сл. Не имѣя подъ рукою этого изслѣдованія, приведу, что сообщаетъ о немъ Вигге въ ниже ука. соч. стр. 10: Cyclos vir doctissimus dicit esse reticula quaedam, e seta equina contexta, oculis praefixa, extrinsecus paululum convexa, quibus etiam nunc Tatarorum gens uti perhibetur, ne officiat oculis nivis obcaecans nitor. Ab his reticulis Arimaspos [т. е. «одноглазые»], in nivosis gelidisque Sibiriae regionibus olim incolentes, nomen traxisse, ab Arimaspis oculum illum mythicum ad Cycloporas translatum esse. Такимъ образомъ, мненческіе Киклопы означаютъ «per cyclos serpentes»; со временемъ они были смѣшиваемы съ дѣйствительными Киклопами, имя которыхъ означало строителей *крулыхъ стѣнъ* [murorum cyclicorum auctores], причемъ окончаніе -ωφ не означаетъ «глазь», а остается не объясненнымъ).

Иные ученые, наоборотъ, признавая въ окончаніи -ωφ слово ωφ, «глазь», подставляли зато вмѣсто κύκλος, «кругъ», глаголь κυκλώω или κυκλέω, «кружу», «верчу». Въ этомъ родѣ игра словъ, которую мы находимъ у Эврипида Cycl. 462 сл.: . . . «κυκλώω δαλό» ἐν φασαφόρφ Κόκλωπος

δψει», ... «буду вертеть головою въ свѣтоносномъ глазу Киклопа». Сюда слѣдуетъ отнести, что, по нѣкоторымъ, имя Киклоповъ означаетъ мореплавателей, «поворачивающихъ глаза» во всѣ стороны во время плаванія (Etym. Magn.: Κυκλωπες καὶ κατὰ συκοπὴν Κύκλωπες; ср. Anecd. gr. Oxon. ed. Cramer II стр. 457: Κύκλωπες οὖν κατὰ συκοπὴν εἶσιν κυκλώπες [?] ὁ χάριν αὐτοῦς ἔφυγον Φαίακες. Ср. Zonar. Lex. подъ этимъ словомъ); или же, что это имя означаетъ просто «свирьпыя» въ виду того, что «выпучиваніе глазъ», такъ же точно, какъ и «поворачиваніе глазами», признакъ гнѣва, ярости и вообще свирѣпаго нрава (Georg. Frid. Schoemann De Titanibus Hesiodicis [1844] въ его же Opuscula academica II [1857] стр. 95: Κύκλωπες, si originem vocabuli solam per se spectes, dicti videbuntur ab oculis rotundis. Rotundantur autem oculi eorum, qui vehementi furore agitantur, torvi, truces, tumentes et extantes: neque improbabile est, hanc ipsam ob causam illis tribus [Исидовымъ Киклопамъ] hoc nomen initio datum esse, quippe quum furibundi talibusque cum oculis cogitarentur [Ср. мнѣніе Канне, приведенное выше]. Это мнѣніе усвоилъ J. F. Lauer System der griech. Mythol. [1853] стр. 161 Ср. H. Bigge De Cyclopiibus Homericis [Gymnasialprogr. Coblenz 1856] стр. 27: Quodsi Etym M. suffragamur, Cyclopes aut a circumspiciendo per vasta maris aequora appellati sunt, unde etiam alia numina marina nomen accepisse videntur . . . aut oculorum volubilitate animi truculentia indicatur, ut Κύκλωψ sit, qui oculos torquet, vel qui torvis oculis circumspicit. По его мнѣнію въ страшномъ изображеніи Киклоповъ отразилась память о дикомъ, кровавомъ культѣ какихъ то морскихъ божествъ).

Весьма многіе ученые обращали свое вниманіе только на первую составную часть имени Киклоповъ, понимая притомъ слово κύκλος очень различно; окончаніе же -ωψ считали или совсѣмъ незначущимъ, или, по крайней мѣрѣ, настолько искаженнымъ, что можно объяснять его произвольно. Такихъ

образомъ, въ Бяклопахъ усматривали то «*обитателей крула-ю острова*» (Паллафатъ въ Nonni Narr. ad Greg. invest. I 65 стр. 148 [Μυθογράφοι ed. Westerm. стр. 376]:... *ὅτι κυκλωτρῆ τινα νῆσον φέουσι*); то «*строителей*», или «*обитателей крулыхъ построекъ*» т. е. стѣнъ, окружающихъ города (—*κύκλοι*; Fr. Kruse Hellas I [1825] стр. 440; стр. 4 [см. выше]; C. D. Hüllmann De Cerc. et Cycl. [1826] K. W. Göttling Tirynth u. Argos въ его Gesammelte Abhandlungen a. d. class. Alterth. I [1851] стр. 25; Chr. Walz въ Pauly Real-Encyclopädie d. class. Alterthums-wiss. V [1848] стр. 245; Congr. Bursian Quaestionum Euboicarum capita selecta [1856] стр. 23: iam nonne veri est simillimum hos Cyclopes quorum nomen ab eo quod est κύκλος i. e. murus urbem cingens est deducendum nullos alios fuisse nisi Dryopes e Lycia oriundos qui huc [въ Аргонду] appulsi urbium muniendarum artem, quam in Lycia antiquissimam fuisse ex iis quae etiam nunc illic extant urbium reliquiis manifestum est, veteres incolas docuerint? G. F. Schoemann Schediasma de Cyclopiibus [1859] въ его Opuscula academica IV [1871] стр. 335: Quodsi gigantes illos κύκλων conditores initio κύκλωπας dictos esse sumimus [при чемъ признается, что значеніе предполагаемаго окончанія темно], apparet quam facile hinc ad alteram formam aberrari potuerit, ut κύκλωπας vocarentur, nomenque ad oculorum formam pertinere crederetur, quo accessit deinde, ad augendum scilicet monstrorum miraculum [у Гомера, напротивъ, вездѣ можно замѣтить противоположную тенденцію], ut etiam μόνωπας sive unoculi fuisse perhiberentur. Em. Hoffmann Mythen aus d. Wanderzeit der graeco-ital. Stämme I. Kronos u. Zeus [1876] стр. 163: «rings-wohnende», или «Ring-bewohner», или «Ringbau-er», . . . da W. var. oder up [въ окончаніи -ωπ-ας, вл. -ωπ-ας] intransitive wie causative Bedeutung haben kann. J. Wormstall Hesperien. Zur Lösung des religiös-geschichtlichen Problems der alten Welt [1878] стр. 51:

Cyclopa ist das Ringland, das Urland, wie Aithiopia das Lichtland...). Иные видѣли въ нихъ то представителей «*крути искусствъ*» (Шёманнъ въ ук. соч. цитируетъ Fazellus [XVI в.] De rebus Siculis Dec. II lib. 1 с. 1 р. 239 и замѣчаетъ о немъ: *omnium artium cycliarum peritiam Cycloribus tribuit, atque hinc nomen inditum vult*); то «*союзы художниковъ*» или «*ремесленниковъ*» (Cl. A. K. Klenze въ K. A. Böttiger'a Amalthea od. Mus. d. Kunstmythol. u. bildl. Alterthumskunde III [1825] стр. 78; Feuerbach Nachgelassene Schriften II стр. 100 — по цитату Шёманна ук. соч. IV стр. 333); то «*планеты*» (F. Chr. Baug Symbolik u. Mythol. od. d. Naturrelig. d. Alterth I [1824] стр. 195: *κόκλοι* — орбиты планетъ); то «*вьющаяся молнія*» (Konr. Schwencck D. Hom. Hymnen übers. u. m. Anm. begl. [1825] стр. 273: . . . die schlängelnden . . . weil die Blitze zackig oder geschlängelt niederfahren. *Κόκλις* wird von den Windungen der Schlange gebraucht, *κόκλωψ* aber ist nur ein davon abgeleitetes Adjectivum mit der Formations Sylbe *ωψ* [!]); то «*раскаты грома*», или нечто подобное (Godfr. Hermann De mythologia Graecorum antiquissima [1817] въ его Opuscula II [1827] стр. 176: *Sunt enim Κόκλωπες* Volvuli, quos per caelum volutos auribus oculisque percipimus, tonitru, fulmen, fulguratio. Stacke D. Sage v. Admetos u. Alcestis въ N. Jahrb. f. Philol. u. Päd. LXXIII [1856] стр. 243: Sie sind ohne Zweifel die dunkeln, rollenden Gewitterwolken. Ср. его же De Admeto et Alcestide [Gymnasialpr. Rinteln 1873] стр. 9 сл.); то просто «*великановъ*» (Gottfr. M u y s Forschungen auf d. Geb. d. Alten Völker- u. Mythengesch. II Hellenika [1858] стр. 97: *κόκλωψ* = rund sehend, aussehend = rund . . . = gerundet, gedreht, gekrümmt = ungeheuer, riesig aussehend, Ungethüm, Riese; въ поясненіе перехода значенія онъ указываетъ на *κῆρυξ*, *πέλωρ* и нѣм. Wunder). По Rathgeber'у, Биклопы означали «*окружающихъ бога неба*» (ук. соч. стр. 33: Nimmt man an, dass schon die ältesten Aioler

die drei von ihnen ausgedachten Personen Brontes, Steropes, Arges unter dem Namen Κύκλωπες zusammengefasst hätten, so musste der Name mit κύκλος zusammenhängen. Es konnte nichts weiter bedeuten, als dass jene drei Männer im Kreise die Burg des πατήρ Οὐρανός umgingen und so diesen selbst umgaben).

Наконецъ, нѣкоторые ученые считали имя Киклоповъ даже вовсе не греческаго, а финикійскаго происхожденія (Sam. Bochartus Geographiae Sacrae pars posterior Canaan seu De Colonia et sermone Phoenicum [1646] I 30 [Opera omnia 3 ed. J. Leusden Lugd. Batav. et Traj. ad. Rh. 1692. II стр. 562]: Cyclopes dictos interpretor à Phoenicio... *chek-lub*, contracto ex... *chek-lelub*, id est, *sinus Lilybaetanus*, vel *sinus ad Libyam*. Nam ut promontorium proximum Punicè... *Lelub* seu *Lelibaeum* dictum est ita sinus ille [Лилибетанскій, у котораго, по мнѣнію Бохарта, жили Киклопы]... *chek-lelub* vel... *chek-lub* nominabatur; aut etiam... *chek-lubim*, sinus Libum... Авторитету Бохарта слѣдовалъ Jean Leclerc [Clericus † 1736]; см. Hesiodi Ascracii quae exstant etc. cur. Chr. Frid. Loesnero [1778] стр. 33 примѣч. къ Theog. 139).

Къ стр. 163 слл.:

Одиссей подъ листьями.

По поводу вышеприведеннаго гомеровскаго сравненія Одисея, лежащаго подъ листьями, съ головою, запрятанною въ пепелъ на краю поля, Остервальдъ ук. соч. стр. 113 замѣчаетъ и. проч.: Wie einfach, wie schön und sinnig ist das Bild, das uns der Dichter hier giebt. Unter dem Baume des Lebens hüllt sich der leuchtende *Frühlingsgott* in welches Laub und schlummert den tiefen *Winterschlaf*. Sein schönes Licht ist von der Erde verschwunden, aber

erloschen ist es darum nicht, *des Feuers Same, der Funke des sprossenden Lebens glimmt unter der winterlichen Laubdecke fort*. Sorget nicht, eine freundliche Gottheit wird den schlummernden Funken zur Flamme anfachen, wird den schlafenden Frühling zum neuen Leben wecken. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы предъ собою не старинный мифъ, а позднѣйшую поэтическую аллегорію, лишенную всякаго серьезнаго научнаго значенія, какъ бы она ни казалась «einfach», «schön» и «sinnig». Не останавливаясь на неумѣстности поэтическаго толкованія, считаю не лишнимъ замѣтить однако слѣдующее. Въ многихъ случаяхъ мифъ о суточномъ движеніи солнца успѣли, дѣйствительно, превратиться въ мифы о его мѣсячномъ и годовомъ движеніи. И въ разныхъ версіяхъ основнаго мифа о возвращеніи Одиссея можно наткнуться на слѣды этого видоизмѣненнаго значенія. Но въ данномъ случаѣ, въ пользу того, что ночь, которую Одиссей провелъ подъ кучей листьевъ, означала когда либо зиму, имѣются только слѣдующія указанія. Выплывши на берегъ, Одиссей боится провести ночь у рѣки (ἐν ποταμῷ, собств. «въ рѣкѣ»), чтобы «злая изморозь, въ совокупности съ плодотворною росой, не одолѣла его, изнуреннаго отъ обморока», V 466—469:

. . . «ὅτι μὲν κ' ἐν ποταμῷ δυσχερῆα νύκτα φολάζω,
μή μ' ἄμυδις στίβη τε κκῆ κί θῆλος ἑέρση
ἔξ ὀλιγῆ πελίδης δαμάση κεχαφηότα θυμόν
αὔρη δ' ἐκ ποταμοῦ ψυχρὴ πύξει γῶδι πρό».

Дѣло въ томъ, что первоначально тутъ была рѣчь и проч. и о пребываніи Одиссея *въ водѣ* (ἐν ποταμῷ) *впродолженіи всей ночи*, причемъ и опасеніе относительно смерти отъ «плодотворной росы» [т. е. влаги] было вполне уместно. Немного раньше мы дѣйствительно читаемъ, что, когда Одиссей еще находился въ водѣ, его «одолѣла» эта послѣдняя, что онъ былъ тутъ фактически въ обморокѣ, и что онъ ожилъ лишь послѣ того, какъ все его тѣло уже успѣло *вспухнуть* (—въ поясненіе, почему восходящее солнце кажется больше обыкновеннаго), ст. 454—457:

. . . ἀλλ' ἄρ' δέδμητο φίλον κῆρ.
 ἦ δ' εὖ δὲ χροῖα πάντα, θάλασσα δὲ κήκε πολλή
 ἂν στόμα τε ῥίνας θ'· ὁ δ' ἄρ' ἄπνευστος καὶ ἄναυδος
 καί τ' ὀλιγηπέλεων, χίματος [только!] δέ μιν αἶνός ἔκλεν.

Очевидно, что разсматриваемый нами рассказ Одиссея произошёл от слияния различных формъ солнечнаго мифа: солнце проводитъ ночь въ волнахъ рѣки Океана, и солнце скрывается на ночь за безчисленнымъ множествомъ листьевъ (звѣздъ) небснаго дерева. Когда казалось невѣроятнымъ, чтобы герой, утонувши и пробывши всю ночь въ водѣ, могъ потомъ ожить, достаточно было вспомнить, что, по другимъ преданіямъ, онъ провелъ ночь подъ кучею листьевъ (небснаго) дерева, растущаго у рѣки (Океана). Тогда смерть его въ волнахъ рѣки легко было принять за простой непродолжительный обморокъ. Прямая указанія на *продолжительность* пребыванія *въ рѣкѣ* поняты такъ, какъ будто рѣчь была только о *нампреніи* провести *всю ночь у рѣки*. При этомъ *смерть отъ влаги* (ἐέρση; см. напр. Pind. Nem. 7. 117) превратилась въ *опасеніе откосительно смерти отъ росы* «*въ совокупности съ изморозью*», — ибо одной росы, конечно, не достаточно, чтобы умертвить героя. Присовокупленіе изморози казалось тѣмъ естественнѣе, что большое накопленіе листьевъ, подъ которыми скрылся Одиссей, прямо наводило на мысль, что дѣло происходило зимою (ст. 485: ὄρη χεῖμαρ(η)). — Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что и на описаніи обморока *въ рѣкѣ* отразились, въ свою очередь, слѣды другаго мифа, объ утопаніи *въ морѣ* (V 454: ἀλλ' ἄρ' δέδμητο, чѣмъ поясняется XI 134; θάνατος ἐξ ἁλός; V 455 сл.: θάλασσα δὲ κήκε. . .). Въ V 426—440 дѣйствительно описывается, какъ Одиссей, стараясь выплыть изъ моря на берегъ и уже уцѣпившись за скалу, былъ вдругъ «погруженъ великою волною» (435). При этомъ случаѣ *съ его рукъ* (первоначально, вѣроятно, со всего тѣла, ср. ст. 426) *была содрана кожа*, — Одиссей былъ красивый, соотвѣтственно цвѣту *восходящаго солнца*.

Итоги славянской и русской филологіи.

Орд. професс. А. А. Кочубинскаго.

Каждый, кто небезучаственъ къ изученію родной, русской старины и, въ особенности, старо-словенскаго (церковно-славянскаго) и русскаго языковъ, не сомнѣвается, не могъ не обратить своего сочувственнаго вниманія на предпринятый въ весьма широкихъ размѣрахъ критико-библіографическій трудъ извѣстнаго нашего археолога и слависта, профессора Кіевскаго университета, А. А. Котляревскаго, трудъ, который подъ негромкимъ именемъ: «Объ изученіи древней русской письменности» сталъ появляться съ 1879 года на страницахъ издаваемыхъ въ Воронежѣ Филологическихъ Записокъ. Въ началѣ нынѣшняго года, первая часть этого труда, единственнаго въ своемъ родѣ, явилась въ видѣ особой книги—«Библіологическій опытъ о древней русской письменности» (Воронежъ).

Вызванные къ настоящимъ строкамъ дружескимъ приглашеніемъ автора, мы въ состояніи дать немногія замѣчанія, немногія пополненія. Но чтеніе увлекательнаго труда вызвало насъ остановиться на мысли—прослѣдить библиографически, по возможности шагъ-за-шагомъ, за ходомъ общаго знакомства съ старо-словенскимъ языкомъ въ наукѣ Запада, въ послѣдніе годы. Такимъ образомъ получился новый рядъ книжныхъ спра-

вокъ, серія мелкихъ привѣсовъ къ «Библиологическому опыту» знаменитаго автора.

Предлежащая статья—въ точномъ смыслѣ «по поводу»¹⁾.

I.

За смертью профессора Селина (16-го марта 1877 года), чтеніе лекцій по каѳедрѣ русской словесности въ университетѣ св. Владиміра въ 1877—1878 академическомъ году было поручено профессору Котляревскому, и эти случайныя лекціи составили содержаніе труда, первая часть котораго—введеніе—и издана теперь.

Введеніе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: общаго историческаго обзорѣнія изученія древней русской письменности (статьи 1 — 40, стр. 1 — 94) и «предварительныхъ статей систематическаго обзорѣнія» — исторіи изученія старо-славянскаго (церковно-славянскаго) языка, русскаго языка и обѣихъ славянскихъ азбукъ—кириллицы и глаголицы (ст. 41—86, стр. 95—210). Такимъ образомъ, введеніе своимъ главнымъ содержаніемъ входитъ въ область интересовъ прежде всего слависта, что, конечно, вполне понятно, такъ какъ—скажу справедливыми, теперь, къ сожалѣнію, забываемыми словами автора—«судьбы русскаго языка и письменности такъ тѣсно, можно сказать, неразрывно связаны съ судьбами языка и письменности старо-славянскихъ, что, говоря о первыхъ естественно и необходимо начать со вторыхъ, какъ старѣйшихъ, какъ ранѣе начавшихъ свою исторію» (стр. 95).

Первый отдѣлъ, «Историческое обзорѣніе», начинается съ сжатаго, обстоятельнаго перечня центровъ письменной, книжной дѣятельности въ старой Руси: монастырей, церквей съ ихъ

¹⁾ Первые четыре главы наст. статьи помѣщены въ «Журн. М. Нар. Просв.» 1881, авг., 358 — 381. Здѣсь онѣ въ нѣсколько иной формѣ. Отличимъ крупную опечатку стр. 368, вт. строка снизу: *ви. не умѣлъ* надо читать — *не успѣлъ*.

библіотеками, и архивовъ, перечня, который въ то же время сопровождается подробными библіографическими указаніями изученія у насъ этихъ первыхъ нашихъ книгохранилищъ. Затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, указанъ ходъ научнаго знанія съ родною стариной — съ эпохи Петра, когда «возникаетъ идея науки въ высшемъ значеніи этого слова» (стр. 12), въ то время, какъ раньше, по мѣткому опредѣленію автора, знали «лишь науку вѣры», когда «польза ума, идея образованности, совершенно заслонялась идеею пользы души, то-есть ея спасеніемъ» (стр. 3). Здѣсь даны характеристики научной дѣятельности Татищева, Коля, Миллера, Шлепера, Новикова, Бакмейстера, Баузе. Съ Баузе авторъ переходитъ въ наше столѣтіе: Мусинъ-Пушкинъ, Карамзинъ, знаменитый кружокъ графа Румянцева, съ Востоковымъ во главѣ, и т. д.

Постепенный ростъ изученія русской письменности и вообще старины, въ точныхъ, сжатыхъ, но изящныхъ очеркахъ, выступаетъ изъ-подъ мастерской руки автора, какъ живой. Богатая, строго научная библіографическая указанія въ концѣ каждой отдѣльной характеристики или статьи, съ мѣткою и безпристрастною оцѣнкой каждой книги, изданія, составляя, такъ-сказать, фундаментъ изложенія, дѣлаютъ «Опытъ» (а система вездѣ одна) безцѣннымъ для справокъ при работахъ; но въ то же время эти обильныя указанія не тормозятъ стройности изложенія. Въ этихъ указаніяхъ особенно интересна статья 34-я (стр. 60—75), полная «Краткая лѣтопись библіографическихъ трудовъ по рукописямъ» послѣ 1846 года, съ обычною оцѣнкой каждого важнѣйшаго описанія рукописей — ея характера, пріемовъ.

Послѣднія страницы «Историческаго обзорѣнія» посвящены состоянію современнаго историко-литературнаго изученія русской письменной старины и современной славяно-русской палеографіи.

Выводя «принципіальныя условія науки исторіи древней русской словесности», такъ-то: византійскія студіи, изученіе литературъ Запада и сравнительный методъ, при весьма

осторожномъ приѣненіи этнографическаго момента, мѣстныхъ интересовъ, авторъ справедливо сторонится отъ новаторовъ съ микроскопическою мыслью, которые, доводя до крайности мысль объ областныхъ интересахъ, исключаютъ тѣмъ самую идею о русской литературѣ.

Почти излишне указывать, что для автора «Опыта» современная славяно-русская палеографія, такъ-сказать, воплощается въ школѣ знаменитаго учителя славизма, недавно ушедшаго Срезневскаго. Къ нему авторъ обращается всѣми своими, вполне законными, симпатіями; его словами онъ обыкновенно опредѣляетъ и свой собственный взглядъ на общіе приемы изданія, изслѣдованія (ср. стр. 86, 88). И подъ этии отношеніемъ къ славному академику подпишется каждый русскій, уважающій себя, изслѣдователь славянской старины...

Второй отдѣлъ введенія составляютъ вводныя статьи въ «Систематическое обозрѣніе»: изученіе языка нашей церкви, родного языка и славянскихъ письменъ. Держась своего приема — быть краткимъ, точнымъ и въ то же время полнымъ, держась той же архитектоники изложенія, авторъ знакомитъ насъ въ историко-последовательномъ порядкѣ съ разработкой вопросовъ въ каждой изъ трехъ указанныхъ областей, а въ своихъ мотивирующихъ библиографическихъ ссылкахъ даетъ средство провѣрять сейчасъ же свои утвержденія. Въ заключеніе каждой вводной статьи дается перечень сдѣланнаго, подведены итоги, и указаны пожеланія науки.

Исторія старо-словенскихъ студій начинается въ «Опытѣ» съ дѣятельности Добровскаго, съ его «Institutiones», и кончается работами самыхъ юныхъ дѣятелей въ этой области. Времени раньше трудовъ Добровскаго посвящено лишь аѣ сколько словъ. Предъ читателемъ рядъ блестящихъ очерковъ дѣятельности каждаго изъ великихъ мастеровъ славянской филологической науки; межъ нихъ разиѣщены ихъ спутники, то крупные, то мелкіе, едва и почти даже совсѣмъ незамѣтные. Познакомимся же хотя съ немногими изъ этихъ правдивыхъ

очерковъ — съ характеристиками дѣятельности Добровскаго, Востокова и Срезневскаго.

«Знаменитыя *Institutiones ling. Slav.*, говоритъ авторъ, навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ, предающихся занятіямъ славянской филологіей: это — художественная «анатомія» славянскаго языка, замѣчательная по отчетливой строгости изслѣдованія, по внѣшней архитектоникѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ... Но, страннымъ образомъ, вся построенная на исторической основѣ, она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и разсматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику, взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременныя моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину языка идеальнаго, лишеннаго исторической дѣятельности, никогда не существовавшаго во времени и пространствѣ» (стр. 98). Дѣйствительно, историческій моментъ въ примѣненіи къ изученію языка былъ не повинкой: «Добровскій, справедливо замѣчаетъ авторъ, имѣлъ предъ собою и одинъ замѣчательный опытъ по историческому чешскому языковеденію» — это, по истинѣ рѣзко выдающійся въ трудахъ своего времени, трудъ Ф. Томсы: «Объ измѣненіи чешскаго языка съ XIII столѣтія» (въ Прагѣ, въ 1805 году, по нѣмецки).

Что недоставало Добровскому — историческаго метода изслѣдованія, то далъ славянской наукѣ Востоковъ.

«Совершенно иное, продолжаетъ авторъ, очертивъ дѣятельность Добровскаго, у Востокова Основательное знакомство съ рукописными древнѣйшими и менѣе древними памятниками старо-славянскаго языка привело его къ мысли о необходимости историческаго изученія... Свои наблюденія надъ историческимъ развитіемъ старославянскаго рѣчи Востоковъ въ первый разъ изложилъ въ знаменитомъ «Разсужденіи о славянскомъ языкѣ»... Объясненіемъ особенностей древняго славян-

скаго языка, въ отличіе отъ средняго и новаго, а равно и замѣтками объ изводахъ или рецензіяхъ языка и правописанія церковно-славянскихъ рукописей Востоковъ положилъ прочныя начала историко-филологической критикѣ. Впослѣдствіи сіи начала были развиты имъ гораздо подробнѣе и опредѣлительнѣе въ его «Описаніи рукописей Румянцевскаго музея» и въ другихъ историко-филологическихъ и библиографическихъ трудахъ... Послѣ трудовъ Востокова стало возможнымъ общее опредѣленіе древности памятника на основаніи языка и правописанія, а равнымъ образомъ опредѣленіе народности памятниковъ и рукописей, то-есть, рецензій или изводовъ ихъ» (стр. 100).

На очищенную руками Востокова ниву славянской филологіи вступилъ Срезневскій. «Онъ въ академіи занялъ кресло великаго учителя славизма — Востокова, онъ и въ жизни былъ достойнымъ преемникомъ его» — говорили мы по поводу юбилея Срезневскаго¹⁾. Но чтò же далъ славянской наукѣ преемникъ Востокова?

«Самые важныя и обширныя труды по древне-славянскому языку принадлежать И. И. Срезневскому» — такъ начинаеть авторъ свой очеркъ Но Срезневскому, похищенному смертью за работой, «не суждено было свести въ одно цѣлое обширныя и разнообразныя свои наблюденія: онъ питалъ даже нѣкоторое нерасположеніе къ обобщающимъ выводамъ и заключеніямъ, считая ихъ преждевременными, и охотнѣе устранялъ господствовавшія малоосновательныя мнѣнія и догадки, чѣмъ высказывалъ свои положительныя. Правда, матеріаль, собранный имъ, такъ великъ, его розысканія такъ обширны и точны, что иногда общій выводъ для изучающаго ихъ приходитъ какъ бы самъ собою: но все же, чтò высказано имъ какъ рѣшительное или положительное, какъ-то бѣдно и робко въ сравненіи съ богат-

¹⁾ Записки Импер. Новороссійскаго университета. т. XXIX, Протоколъ 7-го мая 1879 г.

твомъ его знаній и розысканій... Нерѣшительность и невѣрныя (печатно высказанныхъ) Срезневскаго можетъ оставить въ недоумѣніи, но никогда не введетъ въ заблужденіе. А это—великое достоинство. Сверхъ этого, разнообразныя наблюденія и изслѣдованія Срезневскаго надъ составомъ древне-славянскаго языка открываютъ въ исторіи послѣдняго множество новыхъ сторонъ, дотолѣ никѣмъ не подмѣченныхъ, представляютъ много частныхъ открытій, теряющихся для глаза слѣдствіе ихъ разбросанности и скромной формы. Важность и великое значеніе такихъ наблюденій для науки исторіи старо-славянскаго языка и филологической критики обстоитъ въполнѣ только тогда, когда они будутъ систематически классифицированы и сведены въ одно, какъ то сдѣлано г. [ицинымъ въ отношеніи филологическо-палеографическихъ наблюденій Востокова] (стр. 128 — 131) ¹⁾. Но не забудемъ же, что то же высокое мѣсто принадлежитъ знаменитому академику и въ области изученія русскаго языка и литературы, славянской и русской археологіи. «Настоящее, строго-методическое изученіе исторіи русскаго языка, говоритъ г. Котляевскій, начинается съ книги Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка». Этимъ трудомъ «положены основанія собственной исторіи русскаго языка, столь тѣсно связанной съ исторіей письменности» (стр. 163, ср. стр. 174, 208).

Трезвый, осторожный, строго-методическій умъ, не допускавшій ни малѣйшаго фатовства въ наукѣ, осторожный до того, что только самой работой указывалъ конечный выводъ, но не объявлялъ его, Срезневскій съ этими качествами, очевидно, былъ рѣдкій наставникъ, руководитель для каждого, кто искалъ науки. Только тотъ, кто не умѣетъ еще цѣнить имени ближняго, тотъ только спѣшитъ съ своими дешевыми выводами, хотя и вѣситъ ихъ на унціи. До самой своей смерти знаменитый старикъ съ особенною симпатіей любилъ вспоминать своего учителя, харьковскаго профессора Даниловича

¹⁾ Разрядка принадлежитъ намъ.

(юриста), именно за то, что онъ училъ строго, осторожно работать. Авторъ настоящихъ строкъ, въ концѣ декабря 1879 года имѣлъ случай слышать изъ устъ Срезневскаго нѣкотораго изъ его харьковскихъ воспоминаній раннихъ лѣтъ—именно такого рода. «Даниловичъ, рассказывалъ старику—не читалъ просто лекціи, а давалъ конспекты, съ самыми подробными и точными указаніемъ мѣстъ въ литературѣ даннаго вопроса, и по нимъ мы, студенты, сами готовились къ лекціямъ и сами читали лекціи, по очереди». ¹⁾ Не сомнѣваясь, съ тѣмъ же чувствомъ и за то же, строгое и искусное руководство, относятся къ Срезневскому и его русскіе ученики — Н. А. и П. А. Лавровскіе, В. И. Ламанскій и др.

Но мы дошли до пункта, гдѣ вынуждены невольно оставить на нѣсколько минутъ г. Котляревскаго, этого по духу истиннаго ученика знаменитаго учителя, и спуститься въ область самыхъ ненаучныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, подлежащій экскурсъ имѣетъ тѣснѣйшую связь съ только что выслушанною нами характеристикой Срезневскаго, какъ учителя и наставника въ наукѣ, у автора «Опыта».

Жалкое зоиство преслѣдовало старика Востокова — но въ интимной, довѣренной перепискѣ—извѣстная доля чувства приличія, присущая тому времени, оберегала печатное слово предъ беззастѣнчивостью, предъ неразумною откровенностью. Вотъ, нѣсколько извѣстный московскій профессоръ Снегиревъ почти безвѣстному Анастасевичу пишетъ при появленіи русской грамматики Востокова въ 1830 году: «Привѣтствую съ почетомъ новорожденную грамматику русскую г. Востокова, ко-

¹⁾ Изъ нашей записной книжки, 28 декабря. Старикъ не приукрашивалъ своей харьковской старины. Вліаніе преподаванія Даниловича было благое и по словамъ другихъ. Но говоря о своихъ харьковскихъ годахъ, о своемъ студенчествѣ, Измаиль Ивановичъ видимо противопоставалъ то время нашему—«теперь» все ему было не хорошо. Свои воспоминанія о Даниловичѣ онъ началъ именно словами: «какъ солидно тогда профессора и студенты занимались, не такъ, какъ теперь, когда студенты садутъ на профессора, а тотъ считаетъ счастьемъ, что избрали его, а не другаго»... Конечно, точка односторонняя, старика.

торый неприступенъ къ столь маловажнымъ людямъ, какъ я; онъ для меня не только заякъ, но совершенно въиъ, какъ Нѣмецъ для Русака простодушнаго, который осѣливался дважды писать къ его премудрости; вы изволите оправдывать его многодѣліемъ—да кто же изъ насъ празденъ, не будучи богачемъ; къ другимъ по выбору онъ милостивъ». Прошло полгода, но оцала Востокова у Снегирева не прошла, и Снегиревъ пишетъ своему интимному другу: «Онъ (то-есть, Востоковъ) имѣетъ время вести переписку съ знаменитымъ Погодинымъ и поправлять его переводъ славянской грамматики Добровскаго, а я, безвѣстный и смиренный, не удостоиваясь и отвѣта на мое всеуниженное къ его знаменитости писаніе. Не знаю, за кого онъ меня и себя считаетъ»¹⁾. Мы можемъ пройти мимо пошехонскаго юмора: но интересны для насъ послѣднія слова московскаго профессора, его комическое уравненіе себя Востокову.

Но—едва закрылъ глаза И. И. Срезневскій, и по его свѣжей могилѣ такое же чувство неуваженія уже успѣло перебраться въ русскую печать.

Въ пятомъ выпускѣ Воронежскихъ Филологическихъ Записокъ за 1880 годъ, въ томъ самомъ, въ которомъ помещена и часть настоящаго «Опыта» профессора Котляров-

¹⁾ Письма отъ 8-го августа 1830 и 15-го января 1831 годовъ, изъ Москвы въ Петербургъ. Эти, какъ и другія письма Снегирева, числомъ 27, заключающія въ себѣ любопытный историческій матеріалъ, напечатаны въ ноябрьской книжкѣ за прошлый годъ Древней и Новой Россіи (стр. 537 — 576). Разрядка принадлежитъ намъ. Съ привнательностью историкъ славяно-русской науки встрѣчаетъ подобныя, критически издаваемые, историческіе матеріалы на страницахъ историческаго журнала. Жаль, что Др. и Нов. Россія болѣе не выходитъ.—Къ слову о природномъ недостаткѣ Востокова. Изъ него не одинъ Снегиревъ дѣлалъ капиталъ. Вотъ Русскаго Старина за 1874 г. Здѣсь охотно помѣщались мемуары нѣкоего О. А. Пржедлавскаго (Ципринуса), руссо-поляка. Говоря о 20-хъ годахъ, авторъ ничего умнѣе не нашелъ сказать о Востоковѣ: «Востоковъ такъ страшно заваленъ, что когда хотѣлъ было что нибудь объяснить, то долго нужно было ждать конца. Съ этимъ недостаткомъ онъ былъ явленъ (ого!), но завлекъ выдѣливалъ такія гримасы, что нужно было всей силой воли, чтобы удержаться отъ смѣха» (т. XI, 475).—Языкъ не приличный, неумѣстный...

скаго—именно о великихъ заслугахъ Срезневскаго въ русской наукѣ, напечатанъ рядъ критическихъ статейъ казанскаго профессора, г. Бодуэна-де-Куртенэ. Одна изъ этихъ статей — замѣчанія на прекрасную работу г. Апеля о старо-польскомъ языкѣ, помѣщенную въ Варшавскомъ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ. Трудъ г. Апеля, совершенно спеціальный, не вызывалъ критика ни на какія откровенія; но г. Бодуэнь-де-Куртенэ счелъ умѣстнымъ изъ критика труда г. Апеля статью критикомъ всей научной дѣятельности Срезневскаго. Г. Апель провинился-де предъ наукой тѣмъ, что въ своихъ «Замѣткахъ о старо-польскомъ языкѣ» отзывается съ уваженіемъ о книгѣ самого г. Бодуэна-де Куртенэ, посвященной тому же вопросу, о его «Древне-польскомъ языкѣ», вышедшей въ 1870 году. По словамъ критика, это уваженіе — крайній недостатокъ, такъ какъ книга его 1870 года не теперь только, но уже при своемъ появленіи была устарѣлою, ибо была трудомъ «фантастическаго языковѣдѣнія». Этихъ скромныхъ признаніемъ и сдѣланъ подступъ къ Срезневскому.

Питомецъ Варшавской Главной Школы, г. Бодуэнь-де-Куртенэ въ концѣ 60-хъ годовъ, подъ непосредственнымъ и — весьма теплымъ, руководствомъ Срезневскаго, знакомится впервые съ славянскою филологіей, подъ его руководствомъ пишетъ «О древне-польскомъ языкѣ». Въ предисловіи къ этой своей книгѣ онъ открыто и ясно говоритъ о значеніи для него Срезневскаго, что такъ просто, такъ понятно: «Въ окончаніе я считаю приятнѣйшимъ долгомъ засвидѣтельствовать здѣсь глубокую благодарность И. И. Срезневскому, который и предложилъ мнѣ заняться этимъ вопросомъ, и во время моихъ занятій не отказывался быть моимъ руководителемъ и надѣлать меня своими совѣтами, которые, преимущественно при составленіи словаря, были для меня неоцѣняемымъ пособіемъ». Въ признаніи въ Срезневскомъ опытнаго руководителя, совѣтника—ничего новаго — данъ признательности со стороны безвѣстности знаменитости: Но теперь г. Бодуэнь-де-Куртенэ о томъ же событіи, объ обстоятельствахъ появле-

ніа своєї книги, говорить иное, говорить иное и о Срезневскомъ, о его руководствѣ и въ наукѣ вообще.

Устарѣлость книги «О древне-польскомъ языкѣ» уже при самомъ появленіи была обусловлена «внѣшними обстоятельствами»—руководствомъ Срезневскаго. «Тема эта (собрание матеріала для исторіи польскаго языка изъ латинскихъ грамотъ) была мнѣ предложена, говорить теперь критикъ Воронежскаго журнала, покойнымъ И. И. Срезневскимъ, не желавшимъ вовсе понимать задачъ и метода настоящаго языковѣдѣнія, въ частности же не понимавшимъ приѣмовъ и выводовъ моего разсужденія «*Einige Fälle der Wirkung de Analogie in d. poln. Sprache*» и не добивавшимся отъ молодыхъ чернорабочихъ (какими были для него люди «занимавшіеся подъ его руководствомъ») ничего другаго, кромѣ словаря, да и то обыкновенно словаря съ какииъ-нибудь курьезнымъ порядкомъ словъ. Подобная работа не могла удовлетворять ума, хоть сколько-нибудь живаго и желающаго понимать настоящіе научные вопросы. Она дѣйствовала на крѣпостнаго почтеннаго палеографа подавляющимъ образомъ и вызвала потребность хоть кое-какъ вознаграждать все безсмысліе и чисто механической трудъ навазанной работы, трудъ, который, впрочемъ, не былъ бы такъ тяжелымъ, еслибъ «руководившій» согласился дать хоть какія-нибудь указанія относительно приѣмовъ, дѣлающихъ возможнымъ самое скорое и цѣлесообразное производство подобныхъ работъ. Отсюда-то и появились въ соч. «О древне-польскомъ языкѣ» недостаточно обдуманые выводы... Впрочемъ, не смотря на всю подавленность ума этою египетскою работою, мнѣ все-таки удалось сдѣлать нѣсколько совершенно вѣрныхъ и до того неизвѣстныхъ объясненій».

Оставимъ фактическое противорѣчіе между этимъ утвержденіемъ г. Водуэна-де-Куртенэ о значеніи для него лично «руководства» Срезневскаго теперь, и тѣмъ, что мы прочли въ предисловіи къ книгѣ 1870 года. Интересна другая сторона: приговоръ надъ собою и Срезневскимъ, научное проти-

воположеніе себя человѣку съ давно упроченнымъ именемъ въ наукѣ, параллельная оцѣнка научной стоимости.

Мы познакомились съ Снегиревымъ: онъ уравнивалъ себя Востокву и гнѣвался, оскорблялся, что этого не видѣли, не понимали другіе. Но г. Бодуэнъ-де-Куртенэ идетъ немного далѣе. Этотъ казанскій профессоръ рисуетъ намъ два типа: съ одной стороны, человѣкъ, «понимающій задачи и методъ настоящаго языковѣдѣнія», «настоящіе научные вопросы», «уйъ живой», открывающій и въ безпутѣ легко дорогу, это—онъ, г. Бодуэнъ-де-Куртенэ еще 1870 года; съ другой—человѣкъ, «не понимающій задачъ и метода настоящаго языковѣдѣнія» и представителя послѣдняго въ Россіи, только что оставившаго скамью Варшавской Главной Школы, съ «безсмысленными» работами, оупляющій людей «настоящей» науки, руководитель по имени, а на дѣлѣ не могшій быть руководителемъ: это—Срезневскій, «почтенный археологъ», какъ онъ снисходительно титуруется у критика.

Не будемъ опровергать этихъ, по самому снисходительному отношенію, легкомысленныхъ словъ, этой щедрой личной аттестаціи себя казанскаго «санскритолога», этого тоже «ученика», изъ Варшавы, знаменитаго русскаго академика, и въ виду правдивыхъ теплыхъ воспоминаній извѣстныхъ русскихъ учениковъ знаменитаго учителя науки, какъ гг. Пыпинъ, Ламанскій и др., и въ виду самой исторіи, самого роста русской науки — старины и языка — за послѣдніе 30 лѣтъ, именно, съ появленія Срезневскаго на академическомъ креслѣ при уже ветшавшемъ Востоквѣ. Считается — оскорблять. Но не можемъ не отмѣтить одного, что надъ полувѣковымъ дѣятелемъ науки въ Россіи, который въ трудѣ проф. Котляревскаго вѣнчается, и по праву, ореоломъ славы примѣрнаго учителя и руководителя, г. Бодуэнъ-де-Куртенэ произносить свой судъ, ставя даже слово «руководитель» въ кавычкахъ, но только уже послѣ смерти Срезневскаго....

Но возвращаемся къ оставленному «Библиологическому опыту».

II.

Вторая «предварительная статья» второго отдѣла, «Систематическаго обозрѣнія», это—исторія изученія нашего роднаго языка. Сѣрая, блѣдная хроника блѣднаго труда. Нѣсколько именъ—и списокъ нашъ обрывается, хотя «исторія русскаго языка» — какое благодарное поле дѣятельности! И среди этихъ немногихъ именъ большинство уже знакомы намъ люди, дѣтели въ области старо-словенскаго языка: Срезневскій, вождь историческаго изученія русскаго языка, Ѡ. И. Вуслаевъ, П. А. Лавровскій, А. А. Потебня, М. А. Колосовъ. Изъ незнакомыхъ раньше назвавъ академика Я. К. Грога, Н. А. Лавровскаго, Н. Н. Некрасова, г. Житоцкаго, можемъ и умолкнуть. Слабая разработка русскаго языка—явленіе вѣтъ спора¹⁾.

«Казалось бы, говорить авторъ «Обзора», что послѣ того, какъ Востоковъ, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, установилъ періоды исторіи церковно-славянскаго языка и показалъ, что явленія его должны быть изучаемы не иначе, какъ въ ихъ историческомъ измѣненіи, . . . этотъ истинно-научный методъ найдетъ немедленное дальнѣйшее приимѣненіе и усердныхъ продолжателей. Случилось иначе: прошли цѣлыя десятилетия, прежде чѣмъ онъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Не только практическіе грамматисты, но и лица, бравшіяся за ученое изслѣдованіе отечественнаго языка, оставались или вовсе чужды историческаго метода, или отвѣчали его требованіямъ случайно» (стр. 156).

¹⁾ Уже берлинскій профессоръ Ягичъ подмѣтилъ это явленіе. «Trotzdem, говоритъ онъ, es in Russland sieben Universitäten giebt und auf einer jeden von ihnen die russische Sprache neben den übrigen slavischen ihre speciellen Vertreter hat,—so ist dennoch bisher auffallend gering gewesen die Zahl der Männer, welche der wissenschaftlichen Erforschung der russischen Sprache ihre Kräfte widmeten». Такими, не достойными для нашего патріотическаго чувства, словами начинается профессоръ рецензію одного труда по русскому языку, и не упрекнуть его здѣсь въ увлеченіи, въ предвзятости (Archiv für slav. Philologie, II Band (1877), 679).

Да, характерное явленіе русской научной мысли: самъ Востоковъ, основатель исторической школы въ славянскомъ языкоислѣдованіи, отодвинувшій собою знаменитаго Добровскаго, не только своими здоровыми мыслями не могъ проложить дороги въ жизнь, но не смѣлъ справляться съ ними, вынужденъ былъ подчиниться рутинѣ, когда пришлось самому, по порученію министерства, писать «Русскую грамматику» (вышла въ 1830 г.). Впрочемъ, эта грамматика имѣла и нѣчто доселѣ одно несомнѣнное достоинство: она — сводъ умныхъ практическихъ наблюденій человѣка серьезной науки. Но не такого сорта были труды практическихъ грамматистовъ по профессіи, которые изъ журналистовъ стремились прямо въ законодатели языка, съ притязаніями на знаніе, и противъ которыхъ долженъ былъ выступить Востоковъ, на крайность, съ своею грамматикой.

Во главѣ этихъ практическихъ грамматистовъ и противниковъ (вѣроятно, невольныхъ, немогшихъ понять) историческаго метода Востокова стоялъ извѣстный журналистъ, Н. И. Гречъ. Предъ нами интересныя, еще неизвѣстныя въ печати бумаги Греча объ его столкновеніи съ Востоковымъ по вопросу: кому и какъ писать русскую грамматику¹⁾. Изъ этихъ бумагъ позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ для характеристики времени, для біографіи Востокова.

Въ октябрѣ 1826 года Гречъ, «движимый усерднымъ желаніемъ споспѣшествовать, по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, возжелѣнному успѣху великаго дѣла преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній и средствъ», заявилъ предсѣдателю только что образованнаго Комитета составленія учебныхъ посо-

¹⁾ Онѣ хранятся среди рукописей библиотеки Имп. Новоросс. университета. Общій заголовокъ «О Грамматикахъ Н. И. Греча» и рукой того самаго лица, которое сдѣлало на первомъ листѣ, на верху, надпись: «Получено отъ Н. И. Греча, 31 марта 1827 года». Очевидно, что бумаги Греча нѣ что въ родѣ жалобы, докладной записки — но кому? Бумаги эти куплены университетомъ 17 декабря 1869 года отъ наследниковъ П. И. Кешчева; отъ-ночная цѣна—10 копѣекъ.

бій, А. А. Перовскому, готовность «составить изъ имѣющихся у меня многихъ матеріаловъ два руководства къ русской грамматикѣ, одно—для училищъ низшаго разряда, другое — для высшихъ училищъ, напимѣръ, нынѣшнихъ гимназій». Предложеніе было принято. Перовскій получилъ отъ Греча «Опытъ» и внесъ его въ свой Комитетъ; но министръ народнаго просвѣщенія, извѣстный адмиралъ А. С. Шишковъ, тогда уже давно ревнивый президентъ Россійской Академіи, направилъ «Опытъ» въ «Разсматривательный комитетъ» своей Академіи, находя, что Комитетъ Перовскаго «не можетъ одинъ разсмотрѣть и одобрить такой важной книги, какова грамматика». «Узнавъ о семъ отъ предсѣдателя, я, продолжаетъ Гречъ, объявилъ, что охотно подвергаю свои труды на разсмотрѣніе кому угодно и просилъ о присоединеніи къ Разсматривательному комитету еще одного члена Академіи, надв. сов. А. Х. Востокова, который, по моему мнѣнію, своими основательными и глубокими свѣдѣніями въ славянскихъ языкахъ могъ быть весьма полезенъ въ споспѣшествованіи усиѣху общаго труда». Просьба была уважена. Мало того, рукописи обѣихъ грамматикъ Греча были, спустя нѣкоторое время, просто переданы Востокову на просмотръ. «Я, говоритъ Гречъ, былъ симъ окончаніемъ весьма доволенъ, ибо совершенно довѣряю благонамѣренности, праводушію, уму и познаніямъ сего почтеннаго члена Академіи». Но когда Востоковъ разсмотрѣлъ рукописи, предсѣдатель Комитета учебныхъ пособій, Перовскій, объяснилъ Гречу, что Востоковъ «сдѣлалъ къ моимъ руководствамъ многія, весьма важныя замѣчанія, коими совершенно опровергается моя система, и на которыя я, вѣроятно, не соглашусь». Гречъ просилъ Перовскаго сообщить замѣчанія Востокова, но напрасно. Оказалось вскорѣ, что въ Комитетъ Перовскаго (замѣтимъ, что въ Комитетъ, въ числѣ его пяти членовъ, засѣдали неблагопріятели Греча по ремеслу — Соколовъ и Толмачевъ, авторы употреблявшихся тогда грамматикъ русскаго языка, остальные члены: Стойковичъ, Грефе, Чижовъ) руководства Греча не нашли одобренія. Мало того, Гречъ съ трудомъ могъ возвратитъ на-

задъ свою собственность, «Опытъ», и только по его личной просьбѣ Востоковъ сообщилъ ему свои замѣчанія.

«Я, рассказываетъ Гречъ, распечаталъ пакетъ съ трепетомъ, думая, что прочту смертный приговоръ моимъ двадцатидухлѣтнимъ трудамъ; но каково было мое удивленіе, когда я усмотрѣлъ, что г. Востоковъ не нашелъ ничего противнаго въ моей системѣ, что онъ сдѣлалъ на 70 параграфовъ только 22 замѣчанія, изъ коихъ одна часть относилась къ ошибкамъ писца, другая происходила отъ того, что онъ при бѣгломъ (!) разсматриваніи не успѣлъ выискнуть въ ходѣ моихъ мыслей; — инныя, сколько мнѣ кажется, были неосновательны, и три или четыре справедливы и важны». Въ виду всего этого, Гречъ сокрушенно заключаетъ: «такимъ образомъ, на основаніи легкихъ, впрочемъ благонамѣренныхъ, замѣчаній отринуть трудъ, который могъ бы принести пользу!»¹⁾

И вотъ, практической грамматистъ, оправившись отъ страха смерти, поетъ самъ себѣ хвалу: за нимъ-де четвертьвѣковой опытъ, противъ него какія-то «легкія», но «благонамѣренныя», замѣчанія Востокова, «не вникавшего» и т. д. На замѣчанія Востокова Гречъ написалъ возраженія. Познакомился хоть съ немногими изъ этихъ «легкихъ» замѣчаній и съ возраженіями на нихъ Греча, пользуясь тѣми же бумагами.

«4. Къ § 29. Въ семъ §, говоритъ Востоковъ, сказано, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквы гласныя измѣняются по произволу употребленія, и въ приѣрѣ сему приводятся: «а превращается въ о, преимущественно въ слогахъ *ла, ра—* гладъ голодъ, стражъ сторожъ, равный ровный». Но здѣсь смѣшаны слова двухъ разныхъ нарѣчій, церковно-славянскаго и русскаго, о коихъ нельзя сказать, чтобы онѣ измѣнялись одно на другое, или по произволу были бы употребляемы одно вмѣсто другаго. Одно имѣетъ мѣсто въ важномъ слогѣ, другое въ простомъ и разговорномъ. Такая же разность нарѣчій въ словахъ единъ одинъ, видиши видишь, заутра застра. Что

¹⁾ Разрядка принадлежит намъ.

касается до прии́ровъ: ростъ расту, говорилъ гова- ривалъ, лежать лежа (? вѣр. ложе), саду сълъ, стужа стынеть, духъ дыханіе, палець пальца, паекъ пайка, то въ нихъ измѣненіе гласныхъ не есть произвольное, но зависитъ отъ извѣстныхъ правилъ словопроизводства, которыя надлежитъ искать, вникая въ строеніе языка».

Противъ этого содержательнаго замѣчанія Востокова, въ немногихъ словахъ указывающаго цѣлый планъ научнаго изу- ченія русскаго языка — искать законы, строеніе языка, воз- ражаетъ Гречъ, заботясь объ одномъ — вывернуться въ о- правданіи: «Замѣчаніе справедливое, и оно находится у меня въ Подной грамматикѣ, здѣсь же я не смѣлъ (!) говорить объ ономъ, ибо о различіи славянскихъ діалектовъ не упоминается въ семъ меньшемъ курсѣ. И стражъ и сторожъ, и хладъ и холодъ употребляются въ русскомъ языкѣ. Еще менѣе мож- но говорить въ учебной книгѣ грамматики о различіи слоговъ высокаго и низкаго. Я назвалъ сію измѣняемость произволь- ною потому, что она не слѣдуетъ никакимъ общимъ прави- ламъ: въ частной же этимологіи она подробно изложена въ надежащихъ мѣстахъ».

Читатель ясно видитъ, что Гречъ не только не понималъ, но не подозрѣвалъ всей серьезности указанія Востокова, что прежде всего надо изучить научно языкъ въ его ис- торіи, путемъ кропотливаго анализа стараться доискаться законовъ языка («правила словопроизводства — законы фо- нологіи), а не диктовать правила, стоя на точкѣ современнаго употребленія языка. Предъ нами — фраза журналиста противъ слова чело́вѣка наука.

«7. Въ пунктѣ 6, замѣчаетъ Востоковъ, сказано: «Кро- мѣ сего и пр. . . (о глаголахъ — сть). Ежели здѣсь есть превращеніе, то не въ *ст*, а въ *с*, ибо *ть* есть только окон- чаніе неопр. накл., общее всѣмъ глаголамъ. Но, можетъ быть, здѣсь только выкидываются буквы *б*, *д*, *н*, *т* предъ оконча- ніемъ *сть*, также, какъ *д*, *т* выкидываются предъ *ль*, напри-

и́ръ, клалъ, плелъ вм. кладлъ, плелдъ». На это замѣчаніе Гречъ не возражаетъ, а пишетъ: «Дѣльно, охотно соглашаюсь». Но вопросъ—съ чѣмъ согласенъ: съ первымъ или со вторымъ объясненіемъ Востокова? Слишкомъ очевидна нѣсколько комическая безпомощность автора практическихъ грамматикъ.

«13. Впрочемъ, продолжаетъ Востоковъ, нѣкоторыя изъ именъ, якобы во множ. только числѣ употребляемыхъ, имѣютъ и единств. число, хотя значеніе ихъ въ обоихъ числахъ не одинаково. Таковыя надобно выкинуть изъ росписи, оставивъ только тѣ имена, которыя вовсе не имѣютъ единств. числа». Ясно, что Востоковъ имѣлъ въ виду—*minimum plur. tant.*, чтобы не обременять память напрасно тѣмъ, что извѣстно каждому съ дѣтства, по употребленію. А Гречъ заявляетъ рѣшительно: «На это нельзя согласиться. Напримѣръ, слово: часы, хотя и употребляется въ единственномъ числѣ, но неизмѣнно должно быть упомянуто въ семъ спискѣ. Нѣкоторыя имена даже переимѣняютъ (!) родъ при семъ переходѣ, напримѣръ: куръ, курн». Если бы Гречъ былъ причастенъ наукѣ того времени, напр. причастенъ ученому кружку канцлера Румянцева, для котораго слово куръ имѣло особый интересъ, какъ палеографическій признакъ—коуръ или пѣтель указывалъ на относительную древность рукописей евангелія (въ письмахъ самаго Румянцева коуръ фигурируетъ часто), — то тогда бы онъ пріудержался твердить о переимѣнѣ грамматическаго рода слова.

«16. Къ § 64. Въ опредѣленіи падежей, которое найдено недовольно точнымъ, я, писалъ Востоковъ, предложилъ бы слѣдующія переимѣны: 1. Именительный падежь означаетъ предметъ, о коемъ идетъ рѣчь. 3. Родительный, а) на вопросъ чей, чего? показываетъ предметъ, отъ коего происходитъ или коему принадлежитъ подлежащее. Напр. свѣтъ солнца, капля воды. б) На вопросъ кого? чего? предметъ, съ коимъ сравнивается, или отъ коего отъемлется сказуемое напр. свѣтлѣе солнца. Лишать чести. Не дѣлать зла. Бѣжать гнѣва; или наконецъ, предметъ, который достигается сказуемымъ: искать богатства, просить помощи. 4. Винитель-

ний, предметъ, на который обращено дѣйствіе. 5. Дательный, цѣль, къ которому дѣйствіе направлено. 7. Предложный—мѣсто дѣйствія»¹⁾). Востоковъ, понимавшій языкъ въ его исторіи, историческое развитіе синтаксиса, старался отмѣтить основное значеніе падежа,—но Греча удовлетворить не могъ. Тотъ выступилъ съ цѣлымъ аппаратомъ своихъ умозаключеній, частью взятыхъ на прокатъ изъ грамматикъ древнихъ языковъ.

«Ученіе о падежахъ заключается у меня въ синтаксисѣ, возражаетъ Гречъ, и тамъ основано на теоріи Тирша (см. его греч. грамматику). Здѣсь показаны только главнѣйшія отличительныя свойства падежей. Но я смѣю сказать, что ежели кои опредѣленія падежей найдены недовольно точнымъ (!), то предлагаемыя еще менѣе могутъ назваться точными. Предметъ, о коемъ идетъ рѣчь, означается не однимъ именительнымъ падежемъ, а всякимъ, по свойству предложенія: нѣтъ хлѣба, отдай брату, читай книгу, пиши перомъ, не говори о погодѣ: здѣсь предметы, о коихъ идетъ рѣчь, поставлены въ разныхъ падежахъ, а не въ одномъ именительномъ. Въ опредѣленіяхъ родительнаго говорится о подлежащемъ и сказуемомъ, между тѣмъ, какъ сіи слова еще не объяснены, да и рѣчи объ оныхъ вовсе не было. Опредѣленіе винительнаго справедливо, но то же самое сказано и мною. Дательный падежъ означаетъ не цѣль, не направленіе дѣйствія, а личный предметъ, коему въ пользу или во вредъ дѣйствіе происходитъ, на примѣръ: онъ далъ мнѣ денегъ на забавы. Здѣсь цѣль выражена не дательнымъ падежемъ, а винительнымъ съ предлогомъ на. Предложный означаетъ мѣсто дѣйствія, но не всегда, на примѣръ: какое мѣсто означается въ слѣдующемъ случаѣ: сказка о лисицѣ?».

Одни недоразумѣнія, но всюду одно оправдыванье...

Сдѣланныхъ выдержекъ изъ неизданныхъ бумагъ Греча достаточно для характеристики состоянія науки русскаго языка съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

¹⁾ Вездѣ — правописаніе подлинника.

Но остановился еще на 1841 годѣ, тоже грамматическомъ.

Въ этотъ году старая Россійская Академія, во время долголѣтнаго управленія Шишкова ревниво и строго преслѣдовавшая одну чистоту русскаго слога, но не выросшая до пониманія своего едино на мѣстѣ бывшаго члена, Востокова, съ его мыслями объ историческомъ изученіи русскаго языка, прекратила свое житіе въ-малѣ: въ ея мѣсто было открыто 2-ое Отдѣленіе Академіи Наукъ, имѣвшее посвятить себя интересамъ языка и словесности. Но большинство членовъ Отдѣленія бѣли люди того же словеснаго направленія, знаменитые наши поэты, вѣти, но не люди спеціальной подготовки. Пожилой П. Строевъ и неугомонный, изъ чиновниковъ, Бередниковъ были избраны адъюнктами новаго Отдѣленія.

Отдѣленіе открыло свою дѣятельность разсужденіями о различіи нарѣчій чисто-русскаго и церковно-славянскаго. «Не ожидайте ничего дѣльнаго отъ обновленнаго Русскаго Слова» — пишетъ Бередниковъ своему повѣренному, Строеву, сейчасъ же, 12 мая 1842 года. Дѣйствительно, сказанныя разсужденія вылились въ строго канцелярскія отношенія — въ стилѣ своей эпохи — къ вопросамъ чистой науки. Определено было разработать грамматику русскаго языка въ Комиссіи — Московскои — съ протоколами, т. е., съ рѣшеніемъ вопросовъ по большинству голосовъ, но съ верховной санкціей Петербурга — самого 2-го Отдѣленія: Комиссія получила задачу — приготовить къ изданію русскую грамматику по плану, какой будетъ признанъ ею удобнѣйшимъ, но который долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ и одобренъ въ Петербургѣ — т. е., центральной властью. Эту грамматическую Комиссію составили: академики И. И. Давыдовъ, по подготовкѣ математики, Погодинъ, историкъ, Шевыревъ, словесникъ, и П. Строевъ, археолого-библіографъ.

Въ бумагахъ Строева, вѣроятно, секретаря Комиссіи, сохранился, любопытный протоколъ перваго засѣданія. Комиссія рѣшила: изъ двухъ типовъ грамматикъ — учебника

для начальнаго изученія и «народной книги, важной для каждаго Россіянина, хранилища одного изъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ, завѣщанныхъ намъ отъ предковъ — языка отечественнаго» — остановиться на второмъ: «дѣло Академіи составить грамматику, которая заключала бы рациональное возсозданіе отечественнаго языка и служила бы какъ завѣтомъ отъ предковъ, такъ и канономъ для современниковъ; таковая книга, согласно съ мыслию г. Президента Академіи, хранила бы и утверждала языкъ». Въ виду же того, что «ислѣдованія по части языка могутъ быть двухъ родовъ — философскія, относящіяся къ приложенію законовъ общей Грамматики къ Отечественному языку, и историческія, составляющія предметъ Сравнительной Грамматики, и основывающіяся на письменныхъ памятникахъ», существующія же грамматики просто учебники, Комиссія приняла на себя разработку матеріаловъ для академической русской грамматики — со стороны философской и исторической, имѣя образцомъ Гриня. При этомъ Давыдовъ удѣлилъ себѣ философскую часть, Погодинъ и Шевыревъ историческую, а Строевъ имѣлъ заняться «сводомъ русскихъ грамматикъ». Въ заключеніе, Комиссія опредѣлила ходатайствовать предъ министрами о предписаніи начальству Московскаго Университета оказать содѣйствіе «предоставленіемъ ей приличной залы съ освѣщеніемъ въ зимнее время, назначеніемъ въ потребныхъ случаяхъ письмоводителя изъ канцелярскихъ чиновниковъ и командировать одного изъ нижнихъ служителей».

На этотъ разъ и Бередниковъ понялъ дѣло. Получивъ первое извѣстіе о протоколахъ Московской Комиссіи, онъ писалъ Строеву: «по всему видно, выдетъ пузырь»¹⁾. Пузырь вышелъ въ «Сравнительной грамматикѣ русскаго языка», изданной подъ редакціей акад. Давыдова (въ 1852 г.), о которой одинъ авторъ замѣтилъ, что она была не лишней, ибо вызва-

¹⁾ Въ эти свѣдѣнія о Грамматической Комиссіи 1841 года — въ книгѣ г. Бурекова: «П. Строевъ», Сиб. 1878, стр. 402—406.

ла-де въ жизни «Высшій курсъ русской грамматики» А. Стоюнина (Спб. 1855), трудъ для своего времени замѣчательнѣйшій, но отнюдь не причастный академической грамматикѣ. Члены Комиссiи забыли, что наука движется и зрѣетъ въ тиши кабинета, какъ плодъ глубокаго опыта и размышленiя, а не за зеленымъ столомъ, съ протоколамъ, что и актуарiй, и низшiй служитель излишни ей. Вспомнили бы хоть дѣятельность, въ то время уже старика, Востокова.

Прошло полвѣка послѣ грамматической встрѣчи Востокова съ Гречемъ, но—старое грамматическое чудосочiе осталось при насъ. Были труды Востокова, Буслаева, Срезневскаго, Лавровскаго, Грота, Потѣбни, Колосова, и что же? Если въ 1827 году Гречъ плакалъ (иной вопросъ: искренне ли?), что «теперь бѣдныя наши ученики и учителя должны будутъ, по прежнему, довольствоваться недостаточными книгами господъ Соколова и Толмачева, служившими доннѣ основанiемъ въ обученiи русскому языку ко вреду нашей словесности» (приводимъ изъ тѣхъ же бумагъ Греча), то, кажется, мы можемъ плакать и сегодня, но уже слезами искренними, при видѣ многочисленныхъ современныхъ учебниковъ по русскому языку, учебниковъ новыхъ «практическихъ» грамматистовъ, которые такъ немилостиво теребятъ старыя параграфы грамматики Востокова. И нельзя не перенестись мыслью въ сосѣднюю Германiю, въ умную нѣмецкую школу, гимназiю, гдѣ основанiе ученiя и образованiя — родной языкъ, но находящiйся въ тѣхъ рукахъ, какъ, на примѣръ, Ад. Кунъ, ученый съ мировымъ именемъ ¹⁾).

Какъ малы мы еще въ изученiи своего языка, какъ не велики итоги русской филологiи, яснѣе всего видно изъ тѣхъ desiderata, и еще не полныхъ, которыя сведены авто-

¹⁾ И доселѣ живо помнятся намъ уроки знаменитаго Куна въ такъ называемой Кельянской гимназiи въ Берлинѣ, которые мы имѣли случай посѣщать осенью 1869 года, глубокое уваженiе, любовь мальчиковъ къ такому своему учителю, преданное отношенiе ихъ къ родному языку! Ср. нашъ «Отчетъ», Одесса 1870 года.

ромъ «Опыта» въ концѣ второй «предварительной» статьи. «Все доселѣ сдѣланное на этомъ полѣ, говоритъ онъ, только хорошее начало. Нетронутыхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ—множество. Такъ: а) въ неясномъ видѣ представляется судьба церковно-славянскаго языка на русской почвѣ и постепенный ходъ его руссификаціи; б) не приведенъ къ положительному опредѣленному рѣшенію вопросъ объ образованіи мѣстныхъ нарѣчій и появленіи ихъ въ памятникахъ письменности; в) бѣлыя, ничѣмъ не наполненныя страницы представляетъ исторія слога; г) системы древняго правописанія указаны лишь въ очень краткихъ очеркахъ; д) нѣтъ историческаго словаря русскаго языка, а потому почти отсутствуетъ и самая филологическая критика памятниковъ; иѣтъ, наконецъ, е) историческаго изслѣдованія областныхъ нарѣчій» (стр. 188).

Можно сказать, что почти каждое явленіе русскаго языка—еще не обслѣдованный предметъ. Въ области исторіи звуковъ и формъ русскаго языка и его нарѣчій, еще болѣе въ области синтаксиса, сдѣланы лишь первые опыты—въ трудахъ гг. Вуслаева, П. Лавровскаго, Колосова, Потебни. Сравнительное изученіе русскаго въ кругу славянскихъ языковъ и языковъ цѣлой арійской семьи, исторія въ исторіи слова—поле непочатое. Сколько оригинальнаго, высоколюбопытнаго можетъ дать русскій языкъ при подобномъ сравнительномъ изученіи, показалъ иностранецъ, правда, знаменитый, Рудольфъ Вестфаль, въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ, напримѣръ, о русскомъ глаголѣ (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1876, октябрь)! А русскій языкъ въ исторической географіи, напримѣръ, въ топографическихъ мѣстахъ Молдавіи, Буковины, можетъ быть, и Трансильваніи, или въ вліяніи своемъ на своихъ сосѣдей ранняго времени? Одинъ только А. Вгүскнер (профессоръ сравнительной грамматики во Львовѣ, а теперь преинникъ акад. Ягича въ Берлинѣ), слѣдовательно, опять иностранецъ, коснулся вопроса объ историческомъ вліяніи русскаго языка на литовскій въ первомъ выпускѣ своихъ занимательныхъ «Литовско-славянскихъ этюдовъ» (Litu-Slawische Studien, Weimar, 1877). Съ особенной

признательностью помянем здѣсь и финнолога Ахквиста (Ahlquist), опредѣлившаго не малую струю доисторическаго вліянія русскаго языка и литовскаго на языки финскаго племени въ своихъ драгоценныхъ для историка быта матеріалахъ по ранней культурной исторіи Финновъ: «Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen, ein Beitrag zu der ältesten Kulturgeschichte der Finnen» (Helsingfors, 1875).

Самъ литовскій языкъ—эта сокровищница для русскаго языкознанія — для филологической русскаго науки, до послѣднихъ трудовъ г. Потебни, почти невѣдомая страна. Но уповаемъ, что достойныя самой теплою признательности послѣдовательныя попытки къ ознакомленію насъ съ глухой Литвой ревностнаго Московскаго Общества любителей естествознанія, какъ его изданія: «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ» книга II (М. 1873, здѣсь—народныя пѣсни Латышей, собранныя Бривземніаксомъ), «Матеріалы по этнографіи латышскаго племени», изд. подъ редакціей О. Я. Трейланда (онъ же Бривземніаксъ, М. 1881, или 6 книга «Трудовъ этнограф. отдѣла»), вызовутъ пытливыхъ и русскихъ людей, и исполнятся слова автора настоящаго «Библиолог. опыта», но сказанныя имъ въ другомъ трудѣ, что «когда русскіе ученые сознаютъ, что изученіе языка и быта Литвы лежитъ главнымъ образомъ на ихъ обязанности, тогда, конечно, и дѣло получить совсѣмъ иное движеніе...»¹⁾ — авторъ имѣетъ въ виду «изученіе» Литвы въ Польшѣ—въ «шляхетской наукѣ», по его мѣткому замѣчанію.

¹⁾ «Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года» (1873 — 1875) въ «Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ» за 1878 годъ. Къ глубокому сожалѣнію, этотъ, по обычаю, мастерской обзоръ прервался на первомъ листѣ... Высказавъ свою надежду, авторъ прибавляетъ: «существуютъ уже и нѣкоторыя фактическія ручательства справедливости этой мысли» (12). Авторъ имѣетъ въ виду дѣятельность В. О. Миллера и Ф. О. Фортунатова.

III.

Третья, и послѣдняя, «предварительная» статья второго отдѣла занимается исторіей изученія вопроса о славянскомъ письмѣ: кирилловскомъ и глагольскомъ.

Исторія изученія этого вопроса подробно осмотрѣна покойнымъ Водянскимъ еще въ 1855 году, въ его книгѣ «О происхожденіи славянскихъ письменъ». Любителей вопроса было много, но сравнительно немного было изслѣдователей его. Вотъ почему авторъ «Опыта» сводитъ исторію вопроса на исторію дѣйствительнаго изученія, останавливается на тѣхъ только, «которые представляютъ попытку рѣшить вопросъ на основаніи дѣйствительнаго изученія историческихъ данныхъ и потому прошли не безслѣдно въ наукѣ» (стр. 180).

Обзоръ свой г. Котляревскій начинаетъ съ Гелазія Добнера (конецъ XVIII в.), который первый предложилъ научныя соображенія въ пользу мысли о принадлежности глаголицы св. Кириллу. Затѣмъ, знакомымъ уже намъ способомъ, изложены теоріи Добровскаго, Копитара, Прейса, В. И. Григоровича, Шафарика до открытія Пражскихъ богослужебныхъ листовъ, Гануша, Шафарика послѣ 1855 года, Срезневскаго. Самымъ дѣйтельнымъ изслѣдователемъ вопроса о происхожденіи обѣихъ славянскихъ азбукъ былъ, какъ извѣстно, Срезневскій: ему принадлежитъ рядъ блестящихъ догадокъ по исторіи глаголицы и кириллицы, не говоря уже объ образцовомъ по точности изданіи глагольскихъ текстовъ.

Какъ видно, труда положена масса, въ теченіе послѣдняго столѣтія, на выясненіе неблагоприятнаго вопроса о началѣ славянскихъ азбукъ, добыто же не много. «Достовѣрныхъ, не подлежащихъ спору или сомнѣнію положеній очень немного; гораздо болѣе существуетъ вѣроятныхъ или такихъ, которыя требуютъ новыхъ изслѣдованій, розысканій и доказательствъ», говоритъ авторъ «Опыта».

Прoslѣдимъ же за авторомъ, за его личнымъ мнѣніемъ о томъ и другомъ.

«Достовѣрнымъ можно признать только: а) связь глаголицы съ кириллицей, то-есть, что изобрѣтателю второй была извѣстна первая, или наоборотъ, и б) весьма раннее, хотя и не широкое распространеніе глаголицы у Славянъ Русскихъ и Юго-западныхъ.

«Вѣроятными или болѣе вѣроятными, чѣмъ противоположными, должно признать слѣдующія положенія: а) глаголица древнѣе той кириллицы, какую мы имѣемъ въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ; б) изобрѣтателемъ глаголицы былъ св. Кириллъ Солувецъ, или, по крайней мѣрѣ, прямыя и косвенныя историческія свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилла удобнѣе объясняются и толкуются въ смыслѣ глаголицы, чѣмъ кириллицы; в) устроителемъ кириллицы въ ея славянскомъ видѣ былъ еп. Климентъ» (стр. 209—210).

Утвержденія автора осторожны. Но изъ тѣхъ положеній, которыя авторъ считаетъ пока вѣроятными, ясно, что самъ онъ склоняется въ пользу старѣйшинства глаголицы и мысли о связи именно ея съ именемъ первоучителя Славянъ. Лично мы съ авторомъ согласны, но съ нѣкоторыми ограниченіями: связь глаголицы съ кириллицей достовѣрна на столько, на сколько устроителю кириллицы была извѣстна глаголица, но не наоборотъ; терминъ «изобрѣтатель» по отношенію къ Кириллу не точенъ: Кириллъ могъ быть только такимъ же «устроителемъ», каковымъ былъ, вѣроятно, Климентъ по отношенію къ кириллицѣ, а объ азбуки въ неустроенномъ видѣ должны были ждать давно своихъ устроителей, Кирилла и Климента.

И такъ, и въ этой области итоговъ не много. Но уже то важно, что болѣе мы не въ лѣсу: беспочвенныя догадки оставлены; все, чѣмъ располагаемъ, вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ данныхъ. Новый шагъ впередъ въ вопросѣ о славянскомъ письмѣ требуетъ уже новаго, свѣжаго матеріала, отъ лица же изслѣдователя—возможно полнѣйшаго отрѣшенія «отъ стараго, вѣками узаконеннаго преданія объ изобрѣтеніи св. Кирилломъ тѣхъ письменъ, которыя обыкновенно называются

его именемъ, то-есть, кирилловскими», какъ замѣчаетъ авторъ въ заключеніе своего введенія (стр. 210).

Необходимъ новый матеріалъ, и, можетъ быть, онъ обрѣтется. По крайней мѣрѣ, новые поиски (на сколько они извѣстны изъ газетъ) въ области старо-словенскихъ рукописей позволяютъ выразить эту надежду. — На этихъ поискахъ да позволено намъ будетъ нѣсколько остановиться.

Въ одной изъ своихъ замѣтокъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (3-й вып. 1880 года «Книжные мелочи», I) мы говорили о Загребскомъ профессорѣ и академикѣ, Л. Гейтлерѣ и его работахъ по глаголицѣ. Судьбѣ угодно тѣснѣйше связать имя неутомимаго Чехо-Хорвата съ вопросомъ о глаголицѣ.

Въ газетахъ Загребской *Obzor* и Пражской *Národní Listy* осенью прошлаго года были помѣщены любопытныя извѣстія о путешествіи лѣтомъ того года г. Гейтлера на Востокъ, въ Аравію на Синай, за старыми славянскими рукописями. Пользуемся статьей Пражской газеты (№ 261, отъ 30-го октября) на основаніи письма самого г. Гейтлера къ своему пріятелю въ Прагу.

«Д-ръ Л. Гейтлеръ только что возвратился изъ ученаго путешествія въ Египетъ. Главной его цѣлью былъ Синайскій монастырь, его рукописныя сокровища. Онъ вышелъ изъ Суэца въ сопровожденіи сирійскаго драгомана и каравана изъ пяти бедуиновъ, и послѣ семидневнаго пути чрезъ оазисъ Фиранъ достигъ горы. Препоручительное письмо Александрійскаго патріарха безъ труда доставило ему доступъ въ монастырскую бібліотеку. Тысячелѣтняя энергія монаховъ сохранила здѣсь много сотенъ рукописей греческихъ, коптскихъ и сирійскихъ. Важнѣйшія изъ нихъ сохраняются въ особенныхъ, недоступныхъ сундукахъ, напримѣръ два доселѣ неизвѣстные отрывка знаменитаго *Codicis Sinaitici*. Но главная часть всѣхъ рукописей, равно какъ и всѣ славянскія, находятся въ бібліотекѣ. Здѣсь нашелъ пр. Гейтлеръ между нѣкоторыми неважными кирилловскими памятниками двѣ глагольскія рукописи,

паннонскои рецензи, котория принадлежатъ къ числу самыхъ старыхъ, извѣстныхъ доселѣ, остатковъ церковно-славянскаго языка. По палеографическимъ признакамъ и по совершенно чистому языку обѣ рукописи конца X вѣка. Одна—Требникъ или Молитвенникъ, текстъ совершенно новый въ старо-словенской литературѣ. Другая—почти полная Псалтырь. Обѣ рукописи вмѣстѣ составляютъ 300 листовъ, а всѣ доселѣ извѣстныя и не изданныя глагольскія рукописи древнѣйшей эпохи заключаютъ въ себѣ около 800 листовъ (!). Пр. Гейтлеръ нашелъ въ монастырѣ и время, и удобства, чтобъ описать вполнѣ обѣ рукописи, снялъ съ нихъ снимки и сдѣлалъ необходимыя вымѣтки для палеографіи и языка. Все это войдетъ въ приготовляемую имъ къ печати Глагольскую Палеографію».

И такъ, на основаніи сообщенія самого г. Гейтлера, во первыхъ, открытъ имъ новый славянскій текстъ Псалтрян, и глагольской, X вѣка, почти полный, тогда какъ всѣ извѣстныя доселѣ рукописи славянской Псалтрян — кирилловскія, и если XI вѣка, т. е., древнѣйшія, то въ отрывкахъ, малыхъ и большихъ¹⁾. Понятно, что научный интересъ, сопряженный съ каждою новою находкою славянскои рукописи Паннонскаго, обще-славянскаго, періода Славянскои литературы (а этотъ періодъ объемлетъ, приблизительно, годы 863 — 890) въ переписаніи XI столѣтія, усугубляется по отношенію къ открытію проф. Гейтлера, такъ какъ, по его словамъ, обѣ Синайскія рукописи изъ X столѣтія. Что касается, въ частности, новаго текста Требника (Службника), то, вѣроятно, любопытство науки снова привлекутъ къ себѣ Пражскіе листки, такъ какъ и въ нихъ глагольская церковная служба, и сами они, что касается вѣка, до сихъ поръ подѣ вопросамъ.

Но какъ ни желательно открытіе новыхъ славянскихъ текстовъ ранней славянскои письменности, какъ ни радостно

¹⁾ Ср. тщательную, прекрасную работу Вяч. Изм. Срезневскаго: «Древній славянскій переводъ Псалтрян. Исслѣдованіе его текста и языка по рукописямъ XI—XIV вв. (Спб. 1877), 9.

потому открытіе г. Гейтлера на Синаѣ, есть однако данныя въ лѣтописи славянской палеографіи, которыя рекомендуютъ намъ относиться, до поры, къ первому летучему сообщенію о находкахъ проф. Гейтлера съ сдержанностью. Дѣло въ томъ, что Синайская Псалтырь давно уже безызвѣстна въ русской наукѣ.

Въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. V (С.-Пб. 1865) стр. 19, читаемъ сообщеніе извѣстнаго нашего путешественника на Востокъ, архим. Порфирія Успенскаго (нынѣ епископъ): «Въ бібліотекѣ Синайскаго монастыря, вмѣстѣ съ многими славянскими рукописями разныхъ вѣковъ, хранится Псалтырь, написанная глагольскими буквами. Тутъ я видѣлъ и читалъ ее въ 1850 г. и въ своемъ каталогѣ Синайскихъ рукописей помѣстилъ слѣдующую замѣтку о ней. Эта Псалтырь писана на пергаментѣ въ 16-ю долю листа. Начало и продолженіе ея уцѣлѣло, а конецъ потерянъ. Послѣдній псаломъ въ ней 137, а всѣхъ страницъ, лицевыхъ и обратныхъ, 354. Мелкій почеркъ ея красивъ. Она довольно сходна съ нашею церковною Псалтырью. Разницы мало: на примѣръ, вмѣсто слова *моленіе* употреблено слово *молитва*». Далѣе слѣдуютъ неосновательныя соображенія о. Порфирія, какъ и откуда могла попасть рукопись на Синай.

Не сомнѣваемся, что глагольская Псалтырь, такъ недостаточно описанная о. Порфиріемъ въ 1850 году, и Псалтырь, открытая проф. Гейтлеромъ лѣтомъ прошлаго года (т. е., чрезъ 30 лѣтъ)—одна и та же. Но о. архимандритъ, къ сожалѣнію, въ свое время не далъ образчика ни письма, ни правописанія, ни языка Синайской Псалтыри (почти полной—недостаетъ всего 13 псалмовъ), такъ что акад. Срезневскій, издававшій въ тѣхъ же Извѣстіяхъ Археологическаго Общества и тогда же, когда сдѣлано было сообщеніе о. Порфиріемъ, свое классическое описаніе всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ глагольскаго письма, ни слова не проронилъ о Синайской Псалтыри, хотя, несомнѣнно, былъ ею заинтересованъ

(ср. замѣчаніе его къ сообщенію о Порфиріи, I. с., 20, внизу). Но вѣкъ рукописи—X-й, какъ полагаетъ проф. Гейтлеръ, еще вопросъ. Во всякомъ случаѣ, Загребскому слависту принадлежитъ честь, что отъ него наука впервые познакомится съ драгоценною Синайскою рукописью, драгоценною и въ томъ случаѣ, если окажется болѣе основаній отнести ее къ XI вѣку, чѣмъ къ X-му. Доселѣ Синайская Псалтырь не существовала для науки.

Что касается до найденной тогда же проф. Гейтлеромъ глагольской рукописи Требника (Служебника), то открытіе ея на Синаѣ, нѣвъ довольно объемистомъ видѣ, есть буквально новинка для науки. Впрочемъ въ обзорѣни глагольскихъ памятниковъ акад. Срезневскаго изданы три листка изъ книги, заключавшей въ себѣ чинъ службы; всѣ три листка вывезены изъ Синая, въ 1853 г., два о. архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ, третій діакономъ Крыловымъ (Извѣстія Имп. Археол. Общ. т. IV, стр. 489—497; т. V. стр. 1—12). Эти три листка изъ глагольскаго Служебника, изъ Синая, какъ будто, вырваны изъ переплета (Извѣстія, IV, 489), но какой книги—осталось неизвѣстнымъ (ср. тамъ же, т. V, 20, прим. Срезневскаго). Но не вырваны ли эти три листка Служебника просто изъ рукописи Требника, найденнаго теперь проф. Гейтлеромъ? При утвердительномъ отвѣтѣ, вѣкъ, назначенный Загребскимъ профессоромъ Синайскому Требнику—X-й, сомнителенъ: «почеркъ рукописи вообще, говоритъ покойный Срезневскій о сказанныхъ трехъ листкахъ Синайскаго Служебника, немногимъ отличается отъ почерка другихъ глаголическихъ рукописей. Только въ начертаніи нѣкоторыхъ буквъ есть отличія... Эти отличія, всѣ видѣны, указываютъ на относительную недревность рукописи» (Извѣстія Имп. Археол. Общ. V, 11—12, или отд. оттискъ Древн. глагол. памятники)¹⁾.

¹⁾ Въ засѣданіи Загребской Академіи Наукъ 27-го апрѣля эт. года г. Гейтлеръ читалъ: «О глагольскихъ памятникахъ на Синаѣ» (Ср. газету Обзоръ, № 94). Изъ резервата объ этомъ засѣданіи въ № 97 той же газеты, отъ 29-го

Другая новинка въ области глаголитизма, не столь важная по возможнымъ результатамъ, какъ извѣстіе о Синайскихъ рукописяхъ, но тѣмъ не менѣе весьма любопытная по отношенію къ вопросу о распространеніи глагольскихъ памятниковъ, подаетъ надежду на новыя находки славянскихъ рукописей, и глагольскаго письма, тамъ, гдѣ ихъ и не подозревали.

Въ письмѣ изъ Варшавы въ Новомъ Времени (№ 1756, отъ 17-го янв.) сообщается, что проф. Ад. Павинскій, осматривая въ прошломъ году старыя бібліотеки въ Испаніи, въ одной изъ нихъ видѣлъ рукопись, которую тамъ показывали ему, какъ халдейскую. Но при самомъ бѣгломъ осмотрѣ проф. Павинскій призналъ сейчасъ же въ халдейской рукописи нашу славянскую, глагольскую. Это сообщеніе, вѣроятно, заимствовано изъ статьи г. Павинскаго въ одномъ изъ Варшавскихъ еженедѣльниковъ; но она намъ извѣстна только по имени. Славянская палеографія была бы весьма обязана ученому историкъ, еслибъ онъ далъ описаніе Испанской глагольской рукописи: ея содержанія, почерка, правописанія и языка.—Къ слову о разнесенности глагольскихъ рукописей. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Турѣ, во Франціи, были найдены какіе-то глагольскіе листки; проф. Лежеръ собирался заняться этою находкою, но результаты его работъ намъ неизвѣстны. Позже, въ 1879 году, были найдены глагольскіе листки—конецъ Псалтыри — въ Чехіи, въ Боротницкомъ приходѣ (fara Borotnická), у

апрѣля, извлекаемъ слѣдующія строки: «Объ рукописи (то-есть Псалтырь и Требникъ) относится къ самымъ древнимъ и самымъ объемистымъ остаткамъ старо-словенской письменности. Несомнѣнные палеографическіе признаки и древность языка помѣщаютъ ихъ во вторую половину X вѣка... Отъ Требника сохранилось 106, отъ Псалтыри 147 листовъ. Каллиграфически писанный Требникъ изъ лучшей эпохи болгарской глаголицы. Письмо Псалтыри любопытно тѣмъ, что настоящій переходъ отъ такъ-называемой круглой къ угловатой, хорватской, глаголицѣ. Нѣкоторыя старо-хорватскія (!) слова, которыя мы знали доселѣ только изъ такъ-называемой Бащанской плиты, встрѣчаются въ Синайской Псалтыри». Будемъ ждать самыхъ доводовъ въ академическомъ журналѣ «Rad», такъ какъ общихъ замѣчаній все-таки еще мало для произнесенія вѣрнаго суда.

Старого Бинна. Листки эти хорватской рецензии, въѣка XIV. О нихъ читаль рефератъ проф. Иос. Коляржъ въ Чешскомъ Ученомъ Обществѣ (7-го іюля 1879 г.) Прибавимъ, наконецъ, что въ самой Далмаціи забытый глаголитизмъ, съ его забытими полами-глаголяшами, начинаетъ немного оживать, показывать признаки жизни. На дняхъ въ Рѣкѣ (Fiume) вышелъ новый, такъ-называемый, «šćavetъ», Матии Јоѣвиќа, отставнаго директора Задарской гимназии: «Štenja i Evangjelija prieko svega crkvenoga godišta istumačena po razlogu najnovijega Misala rimskoga sa priložkom... načina, kako se služi sv. misa latinski i glagoljaški». Это, хоть нѣкоторое, возбужденіе интереса къ историческому наслѣдію Славянъ Далмаціи, можетъ быть, повлечетъ за собою среди нѣстнаго католическаго духовенства пытливость къ розыскамъ...

Настоящія страницы были набраны, когда, благодаря обязательности уважаемаго сотоварища, профессора Н. П. Кондакова, сдѣлавшаго ученое путешествіе на Синай въ маѣ этого года, и мы имѣли возможность нѣсколько познакомиться съ обѣими дорогами Синайскими глагольскими рукописями, приготовляемыми къ изданію г. Гейтлеромъ, ближе—съ Псалтырью, меньше—съ Требникомъ. Дѣятельный профессоръ-археологъ, посѣтившій Синай виѣстѣ съ извѣстнымъ Одесскимъ фотографомъ, г. Раулемъ, вывезъ оттуда громаднй альбомъ фотографическихъ снимковъ съ Синайскихъ рукописей, главнѣйше греческихъ. Объ ученомъ интересѣ этого альбома скажутъ слово другіе. Для насъ же въ немъ составляли прелесть картонны №№ 95 и 96: они заняты снимками съ Псалтыри и Требника (мы не говоримъ о картонахъ съ заставными буквами обѣихъ глагольскихъ рукописей, со снимками славянскихъ записей разныхъ вѣковъ—имѣющихъ интересъ для историка искусства и историка). Съ Псалтыри снято 14 страницъ, въ началѣ, средняго и концѣ, а Требника—2. На основаніи знакомства съ этими снимками, за радужное предо-

ставленіе которнхъ на нѣсколько дней для просмотра приносятъ теплѣйшую признательность ученому путешественнику на Синай, мы предлагаемъ пока нѣкоторыя общія замѣтки объ общихъ Синайскихъ рукописяхъ: правъ или неправъ акад. Гейтлеръ, съ X-мъ столѣтіемъ?

Синайская Псалтырь.

Письмо рѣдкое, мелкое и очень красивое. Если о письмѣ Охридскихъ листовъ Григоровича пок. Срезневскій замѣтилъ, что оно «довольно красиво» (Древніе глагол. памятники, 75, листки эти находятся въ библиотекѣ нашего Университета), то въ виду тонкости и правильности чертъ каждой буквы въ рукописи Синайской Псалтыри, ея письмо справедливо назвать мастерски-изящнымъ, за исключеніемъ немногихъ строкъ. Общій видъ фигуры буквъ—преобладаніе прямыхъ линій надъ кривыми: кружки переходятъ почти въ квадраты или прямоугольники. Въ частности, письмо—тоже, что и въ старѣйшихъ глагольскихъ рукописяхъ; нѣкоторыя только буквы имѣютъ по лишней чертѣ, напр. п, р, или болѣе явственны въ своемъ составѣ, напр. џ, ч. Г. Гейтлеръ правъ, назвавъ это письмо угловато-вруглымъ. Оно приближается съ такимъ письмомъ упомянутыхъ Охридскихъ листовъ.

Въ правописаніи — тѣже общія черты съ древнѣйшими глагольскими памятниками. Но при единственномъ смѣшеніи *к* и *ъ*, въ постановкѣ остальныхъ буквъ — необыкновенная правильность. Въ Ассеманіевомъ Евангеліи смѣшиваются: *ѡ* и *ѡ*, *ѡ* и *ѡ*, *ѡ* и *ѡ*; здѣсь не только этого смѣшенія нѣтъ, но не смѣшиваются между собой знаки чистыхъ гласныхъ съ знаками йотованныхъ, напр. *ѡ* и *ѡ*: все на своемъ мѣстѣ. Но замѣчательно, что для юса малаго — *а*—знака, общаго въ глагольскихъ рукописяхъ, нѣтъ; его замѣняетъ *ѡ*. Отсюда чтеніе получаетъ, такъ сказать, русскій характеръ—*сѡ*, а не *с.ѡ*. Какъ понять неизвѣстность памятнику знака *а*? Старина или новина?

Не берясь разрѣшить этого вопроса, ограничимся нѣкоторыми соображеніями. Извѣстно начертаніе *а* въ древнѣйшихъ

глагольскихъ рукописяхъ: просто тотъ знакъ на-право, который, очевидно, опредѣлялся носовой элементъ въ юсахъ—ж, џ и ѡ. Такъ, юсь большой состоитъ изъ знака для гласнаго о съ тѣмъ же знакомъ; юсь малый Иотованный изъ знака для гласнаго е съ тѣмъ же знакомъ. Позволяемъ себѣ толковать, что фигурой начертаній носовыхъ въ глагольской азбуцѣ: знакъ гласнаго о, е плюсъ знакъ носоваго элемента, уже давалось произношеніе носовыхъ, какъ, напримѣръ, въ старо-польскихъ памятникахъ: ж=о", ѡ=ю". Въ такомъ случаѣ, при недалекости произношенія а и ѡ, въ виду систематическаго, правильнаго употребленія одного знака ѡ въ объемистой рукописи Синайской Псалтыри, не смѣшиваемаго ни съ юсомъ большимъ, ниже съ Иотованнымъ а или ѣ (ср. выше объ Ассеман. Евангелии), можетъ быть, въ старѣйшихъ глагольскихъ памятникахъ былъ извѣстенъ и одинъ знакъ для кирилловскихъ двухъ знаковъ юса малаго (т. е. а и ѡ)...

Функция ѣ, какъ въ другихъ памятникахъ: ѣ и ѡ. Оба знака для і употребляются одинъ вм. другаго. Есть и второй знакъ для осьмиричнаго і, съ трехграннымъ хвостомъ, условно, въ нѣкоторыхъ словахъ, но не всегда. О, е въ значеніи замѣны ж, ь изрѣдка, въ извѣстныхъ случаяхъ (въ зависимости отъ безгласности ж, ь слѣд. слога).

Въ употребленіи буквъ для согласныхъ отиѣтнѣ: правильную постановку ѣ вездѣ, гдѣ оно изъ г «претвореннаго», строгое разграниченіе слоговъ, гдѣ л, р, с твердое и л, р, с мягкое. Отступленій образца боура и т. д. нѣтъ. Есть даже слѣды мягкости ц, ч, щ: лицѣ, наоучж, нищю и др. Для выговора щ ср. однажды—ащте.

Въ связи съ правописаніемъ стоятъ и особенности фонетики. Носовые, двогласные жи, ѣ (при чемъ жи всегда жи, =ои?) и простые, чистые и Иотованные на-сколько давала средствъ глаголица, являются въ языкѣ Син. Псалтыри съ полною грамматическою правильностью. Род. мн. темы і—ви. Исключеніе—ж, ь. Также правильность и въ системѣ согласныхъ. Отсутствіе отступленій образца земла, боура, вса,

соединеніе мѣстами язычныхъ и небныхъ (ц, ч, щ) съ Иотованными говоритъ о незабвеніи еще языкомъ разграниченія твердаго и мягкаго произношенія согласныхъ. Вездѣ сочетаніе типа м.л.

Система склоненій: именнаго, мѣстоименнаго и именно-мѣстоименнаго, какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ. Замѣтимъ: пѣныхъ, отъ мнѣ. Въ именно-мѣстоименномъ склоненіи въ един. числѣ исключительно стяженныя формы: -аго, -оуоуо.

Система спряженія, какъ въ тѣхъ же памятникахъ. Въ переходящемъ нестяженная форма. Условное: би мѣ, би. Но аориста II нѣтъ.

Слова (и для критики текста).

Потоцнѣни: глѣн потоцнѣниѣ. Такъ и во всѣхъ извѣстныхъ текстахъ Псалтыри—до XV в. См. В. Срезневскаго «Древній слав. переводъ Псалтыри», Сводъ словъ.

Рѣснота: себо рѣснотѣ възлюбилъ еси безвѣстная (L). Во всѣхъ извѣстныхъ древнѣйшихъ спискахъ—истинѣ: у Срезн. ор. с. слова рѣснота — нѣтъ. Но неясное указаніе на Псалтырь въ Лексиконѣ Миклошича в. в. рѣсьнота. Кажется, паннонизмъ: до сегодня, гѣс, гесен и гесница у Словенцевъ (и у Кайкавцевъ)—истинно, истинный, истина, и только у нихъ. По мѣрѣ сосредоточенья церкви Кирилла на Югъ и Востокъ отъ Панноніи—слов. рѣснота, какъ чужое, могло становиться болѣе и болѣе темнымъ, и маргинальная глосса истина, наконецъ, вытѣснила его. Не безъ интереса, что и въ нижнихъ богослужебныхъ текстахъ нашей Славянской церкви слово рѣснота встрѣчается, но вмѣстѣ съ словомъ истина, образуя, такимъ образомъ, какъ бы плеоназмъ. Мой уважаемый сотоварищъ, проф. богословія, А. Н. Кудравцевъ, указалъ мнѣ на слѣд. характерное мѣсто изъ одной молитвы на навечеріи Пятидесятницы (а цѣлая эта служба, по его словамъ, отличается особенной стариной чтеній): «твое бо яко во истину и великое врѣсноту таинство» («Молитвы чтенія въ навечеріи Пятидесятницы», Москва 1822, л. 8, б.). Кажется, два синонима, и выраженіе «во истину», вѣроятно,

въ рукописи стояло, какъ глосса, на полѣ, а позже писцомъ занесено въ текстъ¹⁾.

Въ и р и ж т и : да отпадутъ отъ мѣстѣи своихъ: по множеству нечести ихъ: въирини ѿ ѿко прогнѣваша тѣа ги (V, 11). Въ древнѣйшихъ спискахъ вездѣ — и з р и н и , какъ и въ нинѣшнемъ чтеніи. Ср. Срезн. ор. с. в. v. ἐξωθεῖν. Въ греческ. = ἐξωσθησιν ἀπὸ τοῦς διπ...²⁾.

Въ оушити : вѣоуши глѣи оустѣи моихъ (LIII, 2) = ἐνωπίσαι τὰ ῥήματα τοῦ στόματός μου. Въ древнѣйшихъ спискахъ уже съ благозвучнымъ и : вѣноушити. См. Срезн. ор. с. в. v. ἐνωπίσαι. Кажется, и здѣсь старина.

Итакъ, принимая во вниманіе: необыкновенное изящество письма — unicum въ славянской палеографіи, форму буквъ, единицу Синайскую Псалтырь съ старѣйшими памятниками глагольскаго письма, мѣстами и оригинальную; правильность правописанія: помимо смѣненія з и ѣ — на своихъ мѣстахъ и носовые ж, ж, ѿ, между тѣмъ уже въ Ассеманіевомъ Евангеліи ѿ в. ѿ, ж в. ю, ж в. зѣ, и двогласные зѣ, ѣ, строгая постановка чистыхъ и йотованныхъ — нигдѣ образца боура; правильность языка, при такомъ вѣроятномъ признакѣ старини въ текстѣ, какъ впервые встрѣчающееся въ текстѣ Псалтыри (до XV в.) реченіе рѣснота в. истина, (ср. и предлогъ въ и, заиѣняемый повсюду предл. изъ съ глаголомъ р и н ж т и) — все это свидѣтельствуетъ, что Синайская Псалтырь — глагольскій памятникъ древній, такъ — XI-го вѣка.

Но что касается присутствія старохорватскихъ словъ, находимыхъ Загребскимъ славистомъ, то мы ихъ пока не видимъ. Текстъ вообще одинъ.

¹⁾ Дѣйствительно, вниманіе обращаютъ въ этихъ Молитвахъ выраженія: заклепъ (залепы адовы расторгнувыи, л. 6 б.), ср. въ словенскомъ zaklep; верета (верекъ вѣчныи сокрушивыи, ib.), уже въ Супр. рул., въ слов. verêja; обожити (наше все воспріемны естество и обоживыи... л. 11 б.), въ Бон. Псалт., и др.

²⁾ Для греч. справокъ имѣли: Tischendorf, Codex Sinaiticus, III, Ψαλτήριον, Венеція 1853.

Синайскій Требникъ.

Пергаменная рукопись, тоже въ 16. Сгущенное, жирное письмо, но вообще красивое; работа чище, чѣмъ въ Охридскихъ листкахъ или Григоровичевомъ Четвероевангеліи. Еще большая угловатость: кружокъ—квадратъ. Фигура буквъ какъ въ древнѣйшихъ глагольскихъ памятникахъ (ср. напр. «Славянскую азбуку», изд. пов. Григоровича), безъ особенностей, которыя можно подѣлать въ письмѣ Син. Псалтыри. Какъ въ Ассеман. Евангеліи, извѣстное начертаніе для звука = Ъ въ ннн. сербскомъ.

Интересная особенность письма — это систематическое употребленіе надстрочныхъ знаковъ: < и ^ надъ гласными, въ началѣ и послѣ гласнаго. Первый знакъ надъ чистыми и мягкими по природѣ. Знакъ этотъ служилъ, вѣроятно, для йотациіи. Знакъ ^ — для пропуска з, ѣ и надъ йотованными. Знакъ < и въ Охридскихъ листкахъ Григоровича, въ Григорович. Четвероевангеліи, надъ м, і. Знакъ ^, мѣстами, надъ йотованными въ Григорович. Четвероевангеліи.

Въ правописаніи—вообще таже грамматическая правильность, что и въ Псалтыри. Но постановка ѣ съ правильностью, напоминающею Остромирово Евангеліе, во всѣхъ мѣстахъ ѣ-я. Всѣ четыре юса, а не три только, и каждый на тѣхъ мѣстахъ, какъ въ Остромир. Евангеліи, безъ смѣшенія; даже послѣ щ и мягкаго с—йотованный. Интересно правописаніе: пѣтьскъ Pontius, тогда какъ въ Супр. рукоп. (132) уже пжитьскъ. Изъ двухъ знаковъ н и ѣ первый въ зѣ, второй, главнымъ образомъ встрѣчающійся, въ значеніи кирил. н. Ср. и Григорович. Четвероевангеліе. Остальные знаки гласныхъ, какъ въ древнѣйшихъ глаг. рукописяхъ. Всюду разграничены случаи твердыхъ и мягкихъ л, р, с, какъ въ Остромир. Евангеліи. Видна еще мягкость ц, щ: оцю.

Языкъ предлагаетъ вообще туже правильность, тѣже черты старины, какъ Син. Псалтырь и другіе памятники. Но болѣе выдержанная система правописанія — знакъ большей

старини въ звукахъ. Изъ суффиксовъ отиѣтииъ іе и іскъ: жідовісці.

Въ склоненіи именно-мѣстоименномъ въ ед. ч. ббльшей частью нестяженныя, но уже уподобленныя формы: -ааго, -ііиъ, но -оумоу.

Въ спряженіи—2 ед. повел. накл. подажді ги.

Какъ старину въ словахъ, отиѣтииъ: братръ, прич. оуітѣиъ.

Для историковъ славянской литературы прибавимъ, что въ Синайскомъ Требникѣ, на одной изъ двухъ снятыхъ страницъ, помѣщена «Молитва надъ трасомомъ заоутра», начинающаяся словами: «Изгоніть та гь трасавице Ѡтрѣнѣѣ. Послѣднѣѣ ѡзе»... Это такъ наз. ж живая молитва о трасавицѣ, приписываемая въ Индексѣ іересіарху попу Іереміи...

Принявъ во вниманіе указанныя черты: письмо, съ надстрочными знаками, не безъизвѣстными и въ старѣйшихъ рукописяхъ, выдержанное, грамматически правильное, съ слѣдами весьма ранней старини (ц ю), правописаніе, правильность языка и вѣроятный паннонизмъ въ реченіи братръ, мы, хотя и видѣли лишь двѣ страницы, готовы думать (при предположеніи одинаковости письма), что и Синайскій Требникъ не моложе вѣка извѣстныхъ древнѣйшихъ глагольскихъ памятниковъ.

Такимъ образомъ, правда, по недостаточномъ, но все-таки знакомствѣ съ открытой профессоромъ Гейтлеромъ Синайской глаголитой—двумя объемистыми памятниками глагольского письма, и мы позволяемъ себѣ теперь думать, что немногіе доселѣ памятники древнѣйшаго глагольского письма обогатились двумя новыми, которые соперничаютъ съ первыми старинной своего правописанія и языка—XI столѣтія... (Вѣрно, наши двѣ рук—си подъ именемъ двухъ глагол. Псалтырей № 37, 38 въ «Запискахъ Син. богомольца», «Труды Кіев. Д. Ак.» 1873 сент.).

Въ заключеніе главы о кириллицѣ и глаголицѣ, объ ихъ отнесеніи къ возрасту—нѣсколько словъ о новомъ, весьма любопытномъ, открытіи, но уже въ области кирилловскаго письма.

Предъ нами годичный Отчетъ Загребской Академіи Наукъ,

итанный 13/25 ноября эт. года. Здѣсь мы находимъ, что въ од-
номъ изъ засѣданій филологико-историческаго отдѣленія извѣ-
стный своими неустанными изслѣдованіями въ области родной
таринны, предсѣдатель Академіи, каноникъ др. Фр. Рачкій,
ообщилъ кирилловскую грамоту Павліанскаго (слѣд.
атолическаго) монастыря св. Ивана на островѣ Брачѣ (слѣд.
въ Хорватскомъ Адриатическомъ Приморьѣ), писанную въ 1250
оду; но содержаніе ея старѣе 1185 года. «Эта грамота, го-
воритъ Отчетъ, замѣчательна тѣмъ, что она старѣе всѣхъ
хорватскихъ, писанныхъ кириллицей и глаголицей обществен-
ныхъ документовъ, а потому важна не только для историка,
но и для языковѣда. Равнымъ образомъ этой грамотой под-
держивается, что нѣкогда и у западной части нашего народа
(т. е. среди Хорватовъ) была въ общемъ употребленіи кирил-
лица рядомъ съ глаголицей»¹⁾).

¹⁾ Газета *Rozog* (преемница *Obzog'a*), № 62, 28 ноября 1881 г.
Въ того же Отчета видно, что первый рефератъ о Синайской глаголицѣ,
веденный нами выше, стр. 266 прим., изъ газеты, имѣетъ осязательное
исхожденіе, такъ какъ онъ почти дословно повторенъ въ Отчетѣ (тамъ
№ 63).—Естественно было ожидать, что, по освобожденіи Болгаріи, ста-
тъ нѣсколько болѣе извѣстна ея нижняя старина. Но, къ сожалѣнію, пред-
лагавшаяся ученая экспедиція отъ Имп. Русскаго Географ. Общества, по
какому, не состоится, а сами Болгаре не обратили еще вниманія на остан-
ковой нѣкогдашней культуры. Случайно былъ найденъ въ Станимакѣ ка-
кая-то надпись 6739 года (1231) инд. 14, что Царь Асѣвъ постави Алек-
(Севаста(кратора) и созда сей градъ (Станимакскую крѣпость?) — она
печатана въ газ. *Марица* 1881 № 275, но вѣрно? Открытая итальян.
инспекторомъ Моніани въ гор. Стара-Загора (Есви Загра) греч. надпись съ
на славянскимъ именемъ *Вринка зегга* (*Марица* 1880 № 246) —
именіе отъ сантавін.—Лѣтомъ 1880 г., болгаринъ изъ Охриды, г. Богданъ,
студ. филологъ наш. Ун-та, отправился въ Болгарію, чтобы осмотрѣть
монастыри, но, по своимъ скуднымъ средствамъ, немного видѣлъ.
Вѣрно въ изв. церкви 40 мучениковъ списалъ извѣстную Асѣвъ-
надпись. По этой копій, въ чтеніи Даскалова (Чтенія 1859, 2) были
н н н Д
точности: і ѿ а сѣ (вм. ѿа асѣ), блъ гармь (вм. -ромь), цръ гра
дръграда), нъ и ти (вм. нъ и тѣ), нмъ ѡ хъ (вм. нмъ хъ), съ врь-
тъ с а (вм. съ врь—). Въ Соѣин г. Богдановъ у митрополита Милетія
въ ружоп. Сборникъ, на толстой лоснящейся бумагѣ (слѣд. вѣка XVI),
словами Іоанна Златоуста—«О покааніи и оумилѣніи». Пожелаемъ г. Бог-
дану въ будущемъ успѣха. (У Срезнев. «Сборникъ Ав. Н.», т. XX, Асѣвъ.
въ свое чтеніе).

Въ виду этого иришловскаго открытія среди старнхъ Хорватовъ, мысль профессора Гейтлера—приурочить глаголицу къ Адриатикѣ (насколько мы можемъ догадываться о ней по отдѣльнымъ намекамъ, напр.—«старо-хорватскія слова» въ Синайской Псалтыри)—т. е., воскресить старую традицію — пріобрѣтаетъ новаго противника.

IV.

Мы познакомились съ содержаніемъ, расположеніемъ и пріемами библиографіи проф. Котляревскаго. Но нельзя не сказать еще о ея нѣкоторыхъ сторонахъ, которыя придають ей особый интересъ.

Въ немногомъ сказать многое и предложить это въ изящной формѣ, съ добрымъ остроуміемъ, при отсутствіи всякаго пристрастія, фразерства—таково общее впечатлѣніе отъ «Библиологическаго Опыта», этой, по праву, образцовой библиографіи. Вотъ авторъ говоритъ объ «Очеркѣ дѣятельности Комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ» (М. 1877), курьезно повѣствуемъ, между прочимъ, объ обрядѣ перенесенія бумагъ Архива изъ стараго помѣщенія въ новое — какъ и кто конвоировалъ телѣги—согласно «воинскимъ артикуламъ», и—одинъ эпитетъ «потѣшная книга» долѣтеть ей вполне. Вотъ и пресловутый «Опытъ исторіи русской словесности» Никитенка (С.-Пб. 1846); и о немъ только и можно сказать, что сказано авторомъ на стр. 49: «не принадлежитъ наукѣ, а къ области искусства академическаго краснорѣчія». Ср. стр. 152, 91, 140 и др.

Какъ произведеніе научной библиографіи, «Опытъ» всегда имѣетъ въ виду и требованіе полноты. Не упущены изъ виду и журнальныя статьи, стоящія упоминанія, изъ газетъ давно забытыхъ годовъ, какъ Моск. Вѣдомости 1838 г. (стр. 44), или Сѣверная Пчела 1840 г. (стр. 45) и др. Указаны многія библиографическія рѣдкости, находящіяся чуть ли не исключительно въ богатой собственной библіотекѣ авто-

ра, какъ наприѣръ продолженія «Обозрѣнія славяно-русской библіографіи» Сахарова, въ его собственноручной переписи (стр. 76), не выпущенный въ свѣтъ «Сборникъ снимковъ судейскаго письма», съ XII столѣтія, того же Сахарова (полный экземпляръ), «Собраніе палеографическихъ снимковъ съ славянскихъ рукописей», съ XI вѣка, извѣстнаго Ундольскаго (стр. 81) и др. Мы уже упоминали раньше о полной «Братской лѣтописи библіографическихъ трудовъ по рукописямъ», послѣ 1846 года (стр. 60 — 75). Съ тѣмъ же интересомъ каждый занимающійся славянскою филологіей не разъ будетъ перелистывать стр. 117—119, гдѣ предложенъ обстоятельный перечень многочисленныхъ трудовъ, то болѣе, то менѣе знаменитыхъ, но всегда поучительныхъ, нашего современнаго учителя славизма, акад. Миклошича.

Понятно, книга проф. Котляревскаго, не смотря на казущуюся сухость содержанія, читается легко, съ всегда возрастающимъ интересомъ. Она—цѣлая эпопея движенія славяно-русской науки, дѣйствующія лица которой проходятъ передъ нами, смѣняя другъ друга, то какъ великіе мастера-учители: Добровскій, Востоковъ, Шафарикъ, Срезневскій, Буслаевъ, Григоровичъ, Миклошичъ, Бодянский, то какъ честные работники-ученики: кружокъ Румянцова, съ митрополитомъ Евгениемъ, Калайдовичемъ, прот. Григоровичемъ и Кеппеномъ, Ундольскій, Бичковъ, Гротъ, Лавровскій, Гаттала, Даничичъ, Горскій, Невоструевъ, Потебня, Ягичъ, Пыпинъ, Андрей Поповъ, Будловичъ, Колосовъ и нѣкоторые другіе.

Остается указать нѣкоторые недостатки въ «Опытѣ» — болѣе трудная часть.

При всей тщательности въ постройкѣ и отдѣлкѣ зданія, въ детальныхъ частяхъ его есть кое-гдѣ несоотвѣтствіе. Такъ о монументальномъ трудѣ Ѳ. И. Буслаева — «Исторической Христоматіи», съ образцовымъ непрерывнымъ комментариемъ правописанія и языка, авторъ «Опыта» выражается сухо: «очень важный сборникъ», «со многими историко-литературными и грамматическими объясненіями» (стр. 79); а между тѣмъ эти «объ-

ясненія» такого рода, что если сравнить ихъ даже съ «Опытъ изложенія звуковъ и формъ древнерусскаго языка» покойнаго Колосова, то окажется, что въ трудѣ Колосова сведено въ крайне искусственную систему то, что только въ разбросанномъ видѣ у г. Буслаева.

Далѣе, вполне уместны въ «Опытѣ» дорогия выдержки изъ литографованныхъ Казанскихъ лекцій покойнаго Григоровича о семьяхъ старословенскихъ рукописей (стр. 124 — 128); но лишня, по нашему мнѣнію, передача содержанія «Грамматикѣ церковно-словенскаго языка» Востокова (С.-Пб., 1862 г.), даже въ изложеніи Срезневскаго (стр. 112). Трудъ г. Житецкаго о малорусскомъ нарѣчій, вообще почтенному, но писанному мѣстами съ излишнимъ рвеніемъ, посвящается двѣ страницы, а о замѣчательномъ мемуарѣ П. А. Лавровскаго — «О русскомъ полногласіи» (въ 1859 г. въ «Извѣстіяхъ Академіи») едва упоминается мимоходомъ (стр. 154). На нашъ взглядъ, этотъ мемуаръ у мѣста было предложить въ извлеченіи, такъ какъ отъ него собственно идетъ исторія вопроса.

Затѣмъ, мѣстами есть недоговорки, маленькія неточности. Такъ, по поводу страннаго отзыва Берединова о великомъ трудѣ Востокова, объ его «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума», когда этотъ трудъ былъ еще въ рукописи, мало сказать: «замѣчательно, что Берединовъ встрѣтилъ трудъ Востокова, въ особенности, филологическіе, археологическіе приемы его (самые неопровержимые) съ нѣкоторою холодною недоувѣрчивостью» (стр. 46). Чтобы оцѣнить всю беззащитность Берединова, какъ не было вспомнить о его перепискѣ съ Строевымъ? Она такъ характерна, такъ поучительна, что на минуту не можемъ не остановиться на ней.

Востокову поручено изданіе иностранныхъ актовъ А. И. Тургенева, а Берединовъ пишетъ Строеву: «Вы не повѣрите, что за народъ наши русскіе (прославленные) антикваріи, напримеръ, Востоковъ, котораго Нѣмцы и Чехи называютъ геллертеромъ (Gelehrter Russe exclusive). Какъ онъ испортилъ (до невѣроятности) изданіе иностранныхъ актовъ, которые из-

давать гораздо легче славянскихъ! Чтѣ еслибы его допустить до изданія лѣтописей и грамотъ? Вы не вѣрите? Прїѣзжайте, представлю улику на лицо»... Чтѣбъ осудить по достоинству пошлое хвастовство этого непризваннаго судїи Востокова и его ученыхъ прїемовъ, всю нелѣпость его словъ — «чтѣ если бы его допустить до изданія лѣтописей», достаточно сказать, что всѣ мы скорбимъ, что первые томы «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей» вышли именно подъ редакціей Бередникова, а не Востокова: судъ надъ изданіемъ Бередникова давно произнесенъ. Но далѣе. Вотъ Востоковъ издаетъ Остромира, а Бередниковъ пишетъ тому же своему другу: «Пресловутое Остромирово Евангеліе никакъ не относится къ той древности, какую ему приписывали. Боюсь сказать, что оно новѣйшая поддѣлка и даже едва ли не XVIII вѣка, а есть на то резоны»¹⁾. Истинный мудрецъ!

Если, далѣе, приводить мнѣніе Калайдовича о происхожденіи церковно-славянскаго языка, то предпочтительнѣе мнѣніе, высказанное имъ въ «Іоаннѣ Ексархѣ», какъ болѣе опредѣлительное.

Если съ такимъ теплымъ чувствомъ (съ чѣмъ мы лично вполне согласны) авторъ говоритъ о Копытарѣ, о его рѣдкомъ талантѣ ставить вопросы, задавать задачи: «нельзя сказать, справедливо замѣчаетъ авторъ, что и теперь взгляды его принадлежать прошедшей исторїи», — то читатель оставивается въ недоумѣніи, когда на стр. 194 о томъ же знаменитомъ изслѣдователѣ, о его домыслахъ, уважаемый профессоръ выражается, что они — «мечтанія», и противъ нихъ выставляются не Богъ-вѣсть какія хитрыя мысли Прейса о родинѣ и образованіи глаголицы — «трезвня»... Иное дѣло — методологическія заслуги Прейса въ славянскомъ языкоизслѣдованіи: объ этомъ и мы самаго высокаго мнѣнія²⁾.

¹⁾ Письма эти см. въ известной, богатой содержаніемъ и мастерски написанной книгѣ г. Н. Барсукова: «П. М. Строевъ», стр. 285. Ср. выше.

²⁾ Ср. параллельную характеристику работъ первыхъ четырехъ нашихъ славистовъ: Водянскаго, Прейса, Срезневскаго и Григоровича, въ нашей «Запискѣ о путешествіи въ славянскія земли» (изъ Записокъ Импер. Новорос. ун-вер., т. XIII, 1874 г.).

Невѣрность мы нашли бы въ утвержденіи автора, что Добровскій считалъ глаголицу изобрѣтеніемъ какой-нибудь «полуумной» монашеской головы (стр. 189). Откуда же почерпнуто это свѣдѣніе о полуумной головѣ? Невѣрность и въ выраженіи — Кирилль «изобрѣтатель» глаголицы, тогда какъ тутъ же Климентъ справедливо названъ только «устроителемъ» кириллицы (стр. 120).

Теперь мелкія придирки-поправки.

На стр. 107 упоминается книга Шафарика «*Rozprawy z obowu věd slovanských* (Praha 1865); но не замѣчено, что это только третій томъ «Полнаго собранія сочиненій Шафарика» («*Sebrané spisy*», три тома).

На стр. 150 извѣстный сербскій словарь Даничича, «Рѣчник из књижевних старина српскихъ», переведенъ не точно — «Словарь книжныхъ древностей сербскихъ». Слишкомъ дословно и не ясно: здѣсь «старина» вообще старыя памятники, и письменныя.

На стр. 46 не указано, что Срезневскаго «Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова» (С.-Пб. 1865) есть только отдѣльный оттискъ предисловія къ «Филологическимъ наблюденіямъ Востокова», изданнымъ Срезневскимъ.

Въ неточностяхъ, не зависѣвшихъ отъ автора, но нежелаемыхъ прежде всего въ такомъ трудѣ, какъ «Библиологическій Опытъ», относится неисправная печать чешскихъ текстовъ (ср. стр. 201), нѣкоторое количество опечатокъ. Такъ на стр. 20 вм. Вѣстникъ Европы 1873 года надо читать — 1813 года; на стр. 66 вм. Ламанскій... 1854, надо читать — 1864; на стр. 163 вм. «и повај»... — «и повој»... и пр.

V.

Обращаемся теперь къ пропускамъ, которые мы могли подмѣтить въ «Библиологическомъ опытѣ» пр. Котляревскаго. Наши пополненія мы расположимъ по статьямъ или параграфамъ самаго «Опыта». Но вмѣстѣ съ этими пополненіями мы предложили еще наши дополненія.

§ 3.—Въ статьѣ о библіотекахъ при старинныхъ русскихъ монастыряхъ и церквяхъ, у автора ни слова о книгохранилищахъ въ Галичинѣ — напр. при монастырѣ св. Онуфрія во Львовѣ (гдѣ погребенъ «друкаръ» Иванъ Федоровичъ Москвитинъ), при митрополичьей (епископской) катедрѣ у св. Юра, такъ же, при епископскомъ соборѣ имени Іоанна Крестителя въ старомъ Перемышлѣ, при Гомовскомъ монастырѣ около гор. Стрыя. Правда, большинство Галицкихъ собраній имѣетъ только рукописные инвентари, напримѣръ для Перемышльской библіотеки отчетливый инвентаръ рукописей составленъ еще въ 40-хъ годахъ извѣстнымъ ученымъ каноникомъ, Антоніемъ Стеф. Петрушевичемъ, — по словамъ его въ Перемышлѣ сохранился Сборникъ въ родѣ Изборника Святославова 1073 года; но каталогъ рукописей Львовскаго монастыря св. Онуфрія напечатанъ еще Яв. Ѳ. Головацкимъ въ его «Русалкѣ Днѣстровой» («Коротка вѣдомость о рукописяхъ Славянскихъ и Русскихъ в книжници монастыря св. Василія Вел. у Львовѣ», стр. 122—129, сама книжка вышла въ Будимѣ, въ 1837 г.). Безспорно, всѣ эти Галицкія собранія, въ массѣ, не выдѣляются — а авторъ останавливается на замѣчательнѣйшихъ; но не забудемъ, что именно въ библіотекѣ св. Онуфрія во Львовѣ сохранилась рукопись (теперь исчезнувшая) съ извѣстнымъ житіемъ св. Кирилла Солунца (отрывки напечатаны Шафарикомъ въ его «Памятникахъ»). Далѣе, любовь къ православному книжному слову была всегда особенно живой и дѣятельной на Югозападѣ — въ Червонной Руси: уже Ипатьевская лѣтопись съ силой отмѣчаетъ книжныя симпатіи князя Василья Волынскаго. Записи на разныхъ рукописяхъ, находящихся въ Галичинѣ, отъ XVI и XVII столѣтій (до Уніи), говорятъ о той же любви къ родному слову старинныхъ Галичанъ¹⁾. Тщательная, если можно такъ выразиться, выдѣлка

¹⁾ Подобныя записи, приписки и т. д. собраны и изданы неутонченнымъ А. С. Петрушевичемъ (въ хронолог. порядкѣ) въ его книгѣ: «Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ» (Львовъ 1874, 700 и 8). Историкъ

русскихъ рукописей Юго-Запада говорить о томъ-же просвѣщенномъ патриотическомъ чувствѣ. Припомнимъ наприм. пергаменную рукопись Пандектъ Антіоха въ переписи 1307 г. въ Митрополичьей библіотекѣ у св. Юра, съ несомнѣнными слѣдами малорусскаго происхожденія самой рукописи. Пандекты 1307 года въ этой библіотекѣ съ недавняго времени— послѣ смерти митрополита-кардинала Михаила Левицкаго († 1858 г.). Рукопись была куплена Левицкимъ при посредствѣ того же каноника А. С. Петрушевича, тогда домашняго секретаря кардинала, въ одномъ русскомъ селѣ въ Галичинѣ, за 14 гульденовъ¹⁾.—Кіевская лицевая Псалтырь 1397 г., вѣроятно, поддержитъ нашу мысль о тщательной выдѣлкѣ.

§ 52, 1, § 53 и § 55.—Авторъ имѣетъ въ виду изученіе старословенскаго языка въ собственномъ, тѣснѣйшемъ, смыслѣ. Пополняя эти страницы «Библиолог. опыта» весьма немногими указаніями, мы предлагаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дополненія своего рода.

Мы останавливаемся не только на сочиненіяхъ, которыя непосредственно рассматриваютъ тотъ или другой вопросъ изъ старо-словенской грамматики, но принимаемъ во вниманіе и тѣ, которыя только касались старословенскаго языка, то болѣе, то менѣе близко, обращались напр. къ нему за цѣнной пояснительной аналогіей и т. д. Прибавляемъ, что мы ограничились одной и норусскою наукою, которая, какъ будетъ ясно въ результатъ нашего указателя, сводится почти исключительно къ наукѣ нѣмецкой (и немного французской). Что же

церкви и литературы русской найдутъ здѣсь пренітересный матеріалъ. Въ Россіи эта книга совсѣмъ неизвѣстна, къ искреннему сожалѣнію.

¹⁾ Со словъ о. Петрушевича. Со стороны языка первая половина рукописи Пандектъ 1307 года была описана нами въ первомъ «Отчетѣ изъ-за границы» (Одесса, 1875, стр. 11—21). Въ августѣ прошлаго года, благодаря рѣдкому радушію о. Петрушевича, мы имѣли возможность еще разъ прочесть на мѣстѣ рукопись—этотъ любопытный памятникъ малорусскаго письменнаго дѣла самаго начала XIV вѣка, и къ ней надѣемся еще возвратиться.

касается науки ихъ—т. е., славянской, то она не можетъ ити ни въ какое сравненіе съ наукой Германіи.

Нашъ перечнёвый указатель пополняетъ мелкими, невидными чертами картину процесса вступленія нашего старо-словенскаго языка въ европейскую науку, даетъ матеріалы для исторіи его популяризаціи. Картина эта и для насъ, Русскихъ, и для нихъ, Славянъ, вообще поучительна.

Самъ авторъ «Опыта» разрѣшаетъ намъ остановиться и на изученіи старо-словенскаго языка въ этомъ широкомъ смыслѣ, такъ какъ и онъ заноситъ въ свои списки такія сочиненія, какъ «Compendium» Шлейхера, «Zur Geschichte des indogerm. Vocalismus» Iog. Шмидта, такія статьи, какъ Шлейхера «Was entspricht im Litta uischen dem altslow. ь und. з», Бётлинка «Ein paar Worte gegen die altslav. Wurzeln mit silbenbildenden r und l» (ср. § 50). По своему сравнительному приему эти труды выходятъ изъ-за рубрики автора — собственное изученіе старо-словенскаго языка.

Такимъ образомъ, при исторіи изученія старо-словенскаго языка, мы позволили себѣ дать мѣсто и исторіи общаго знакомства съ нимъ въ наукѣ Европы—вмѣстѣ съ немногими пополненіями къ «Опыту» пойдутъ рука объ руку и наши мелкіе бібліографическіе привѣски.

Точка отправленія въ изложеніи исторіи (въ бібліографическихъ указаніяхъ) знакомства съ старословенскимъ языкомъ на Западѣ — конецъ 40-хъ годовъ. Эта эпоха — время выступленія на арену сравнительнаго арійскаго языковѣдѣнія знаменитаго Августа Шлейхера.

Появленіе Шлейхера было подготовлено тѣмъ направленіемъ въ наукѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, которое дано было трудами, явившимися въ теченіе 40 годовъ — Потта, Боппа и Як. Гримма. Мы разумѣемъ здѣсь: извѣстныя два разсужденія о литовскомъ языкѣ Потта, послѣдніе, и главныя, выпуски «Сравнительной грамматики» и «Сравнительный Глос-

сарій» (1847) Боппа, и «Исторію нѣмецкаго языка» Гримма¹⁾.

Труды эти ясно указали безусловную необходимость для арійскаго сравнительнаго языкоислѣдованія знакомства, и близкаго, съ славянскимъ членомъ арійской семьи и невозможность того поверхностнаго отношенія къ нему, которое еще такъ недавно обнаружилось напр. въ замѣчательномъ по другимъ вопросамъ «Корневомъ словаря греческаго языка» Теодора Бенфея: авторъ не смогъ прочесть кирилловскихъ буквъ славянской азбуки и въ тоже время корнесловить²⁾. (Словарь вышелъ въ 1841 году).

«Еще въ 1848 году, когда я былъ приватъ-доцентомъ въ Боннѣ—говоритъ Шлейхеръ, я составилъ планъ литовской грамматики и тогда же сталъ изучать литовскій и славянскій языки».

Въ широкомъ и блестящемъ выполненіи этого плана, начертаннаго при первомъ выступленіи на службу наукъ юнаго ученика Боппа въ знаменитомъ Боннѣ (въ Боннѣ открылись и первыя санскритскія студіи въ Германіи — на лекціяхъ Шлегеля, здѣсь впервые учился санскриту Боппъ) — безсмертная заслуга Шлейхера въ исторіи Западноевропейскаго языкознанія³⁾.

¹⁾ О трудахъ этихъ великихъ людей ср. содержательную статью пр. А. Дювернуа «О методѣ и успѣхахъ сравн. языковѣдѣнія» въ «Моск. унив. Изв.» 1867, V 12.

²⁾ Подробнѣе см. нашу брошюрку «Слав. нарѣчія и сравнит. языкознаніе» (Одесса 1872), стр. 45.

³⁾ Боппу Шлейхеръ обязанъ своимъ широкимъ етнологическимъ образованіемъ. Въ Боннѣ онъ учился: санскриту у Лассена, классич. языкамъ у Ргеля, нѣмецкой етнологіи у Дица. Всѣ три знаменитые учителя пережили своего знаменитаго ученика. Подъ вліяніемъ Лассена Шлейхеръ обратился къ славянскому языку. Въ 1846 г. онъ, докторъ и доцентъ, но въ развѣздахъ. Зимы 1847/48 г. въ Прагѣ, гдѣ учится по чешски. Полиція его изгоняетъ, но въ 1850 г. онъ возвращается уже профессоромъ. О благотворномъ вліяніи Лассена свидѣтельствуетъ ученикъ-біографъ Шлейхера: «прое. Лассенъ обратилъ вниманіе своего молодого друга на область славянскихъ языковъ и тѣмъ настоятельно, чѣмъ болѣе и не въ чувствовалъ этотъ знаменитый ученый здѣсь прорѣху въ своемъ собственномъ знаніи» (Aug. Schleicher Skizze von dr. Salom. Leifmann, Leipz. 1870, 5).

Скажу словами достойнаго преемника-ученика славнаго учителя: «Шлейхеръ — говоритъ Иванъ Шмидтъ въ его некрологѣ—обладалъ блестящимъ организаторскимъ талантомъ... Это былъ онъ, который языковѣдѣніе ввелъ въ систему и полноту содержанія распредѣлилъ съ одной опредѣленной точки зрѣнія, вытекающей изъ самой природы вещей»¹⁾).

Дѣйствительно, уже въ 1849 году Шлейхеръ профессоромъ въ полуславянскомъ Пражскомъ университетѣ, выучивается по-чешски, и по-чешски для редакціи извѣстнаго Журнала Чешскаго Музея пишетъ статьи по языку (ср. замѣтку отъ редактора), переводить на чешскій санскритскую поэму, въ 1852 пишетъ знаменитое «Formenlehre» старословенскаго языка, книга, которая и по истеченіи 30 лѣтъ не потеряла ни прелести содержанія, ни своего методологическаго значенія, затѣмъ ѣдетъ въ Прусскую Литву (крошечный уголокъ литовской земли), ходитъ изъ села въ село, посѣщаетъ харчевни, кабаки—и такимъ путемъ изучаетъ литовскій языкъ. Въ 1856 г. выходитъ составившее эпоху «Руководство по литовскому языку»—грамматика и хрестоматія со словаремъ—живой укоръ намъ, русскимъ, которые послѣ П. Кеппена, издавашаго компилятивное историческое сочиненіе «О происхожденіи литовскаго народа» въ 1827 году (въ «Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», С.-Пб.), ничего не сдѣлали. Правда, когда Шлейхеръ былъ посланъ Вѣнской Академіей Наукъ въ Прусскую Литву, отъ насъ былъ отправленъ съ тѣми же научными цѣлями въ Русскую Литву г. Миуцкій: но результаты литовской дѣятельности обоихъ конкурентовъ были мало похожи...

Такимъ образомъ, благодаря энергической, «организаторской», дѣятельности Шлейхера, славянскій и литовскій члены аріійской семьи получили въ наукѣ Запада полныя права гражданства: изученіе ихъ пошло быстро, приобрѣло массу дѣяте-

¹⁾ Буновъ «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», В. XVIII, 317.

лей, а въ настоящую минуту—оно оставило за собой и насъ, присяжныхъ радѣтелей славянскихъ студій...

Наши библиографическія указанія мы расположимъ въ двѣ группы:

- а) Отдѣльныя сочиненія (книги, брошюры);
- б) Периодическія изданія.

Предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній.

При всемъ желаніи быть возможно болѣе полными, мы были ограничены университетскою библіотекою и нашею собственною.

Такъ какъ мы имѣли въ виду одну и юрусскую науку, поэтому въ нашемъ перечнѣ не приняты въ расчетъ русскіе ученые журналы, какъ Журналъ Мин. Нар. Просв., изданія академическія, ученыхъ Обществъ (напр. «Извѣстія Археологическаго Общества», Московскія «Чтенія» и др.), спеціальныя филологическіе журналы—Воронежскій, Варшавскій.

Если для насъ интересна одна статья въ серіи книгъ извѣстнаго журнала, мы выносимъ ее, какъ отдѣльную брошюру, изъ группы периодическихъ изданій въ группу первую.

Главнѣйшія статьи изъ такихъ нѣмецкихъ периодическихъ изданій, какъ «Sitzungsberichte» Вѣнской Академіи Наукъ, «Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung» А. Буна, «Beiträge» Шлейхера, «Archiv für slav. Philologie» г. Ягича, указаны въ разныхъ мѣстахъ и въ «Опытѣ» пр. Котляревскаго: но мы въ нашихъ перечняхъ ихъ не опускаемъ, такъ какъ, при указаніи однѣхъ болѣе мелкихъ статей въ тѣхъ журналахъ, движеніе славянскаго языкознанія потеряло бы въ наглядности, а излишняя полнота настоящихъ замѣтокъ не повредитъ цѣли ихъ—служить для справокъ университетскимъ слушателямъ. Но не приняты въ расчетъ знаменитыя «Denkschriften» Вѣнской Академіи, такъ какъ славянскія статьи въ нихъ, Миклошича, исчислены авторомъ «Опыта», а у насъ о нихъ справки въ указателѣ къ «Sitzungsberichte».

Въ отдѣлѣ период. изданій, помимо вынужденной неполноты (недостаточность и нашихъ собственныхъ свѣдѣній, и от-

раниченность наших пособій) есть и наибренныя пропуски. Не упоминаются «Berichte» Чешскаго Ученаго Общества въ Прагѣ, Саксонскаго Ученаго Общества: немногія славянскія статьи въ нихъ указаны въ «Опытѣ». Снова выписывать лишне. Но въ группѣ отдѣльныхъ сочиненій нѣкоторыя, впрочемъ, весьма немногія, изданія повторены — въ виду ихъ особаго положенія въ исторіи знакомства съ старослов. языкомъ въ Германіи, напр. «Къ исторіи иядогерм. вокализма» Ивана Шмидта.

Сочиненія, касающіяся самымъ общимъ образомъ старословенскаго языка, оставляемъ внѣ обзора, какъ напр. англійскіе труды Макса Мюллера, Уитнея, французскіе — Г'о-влака («La linguistique») и др.

Внутри той и другой группы мы наблюдали, по возможности, хронологическій порядокъ. Но внутри каждаго года сочиненія располагаются такъ: сначала пропуски «Опыта», потомъ наши дополненія и — по мѣрѣ важности выполненія или просто темъ. Во второй группѣ мы обозрѣваемъ сначала журналы ихъ, Славянь, потомъ уже нѣмецкіе, французскіе.

Для ясности — одна звѣздочка, что должно считать пропускомъ. Двѣ звѣздочки, что указано въ «Опытѣ» и повторено у насъ (въ первомъ отдѣлѣ).

VI.

А. Отдѣльныя сочиненія.

* Зеленецкій К., О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ, Одесса 1846, 123 in 4°. Трудъ для своего времени весьма полезный, посвященный памяти М. Т. Каченовскаго, перваго преподавателя славянской филологіи въ Московскомъ Университетѣ — авторъ былъ ученикомъ Каченовскаго. Зеленецкій — въ числѣ первыхъ по времени русскихъ славистовъ на профессорской кафедрѣ, предтеча знаменитыхъ четырехъ, но какъ-

то совершенно позабыть русской наукой. «О языкѣ церковно-славянскомъ» — трудъ библиографическій. Цѣль его: «собрать возможно полное и отчетливое изложеніе какъ современныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ касательно языка, употребляемаго въ нашемъ богослуженіи, такъ и судьбы его съ IX стол. по наше время. Для достиженія этой цѣли сочинитель собиралъ и сводилъ отдѣльныя мнѣнія ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ и гдѣ было надобно и возможно самъ дѣлалъ выводы, казавшіеся ему наиболее правдоподобными» (Введение).

Касаясь изученія старо-словенскаго языка въ 40-хъ годахъ у Славянъ, нельзя пропустить молчаніемъ доброжелательной дѣятельности извѣстнаго В. В. Гаянки по популяризаціи этого языка среди своихъ Чеховъ, его изданій:

* Начала священнаго языка Славянъ, Прага, 1846, 47. Книжка слабая, но и Копытарова грамматика старослов. языка въ приложеніи къ «Glagolita Clozianus» (въ 1836 г.) исполнена ошибокъ. Втор. изданіе—1859 г.

* Сазаво-Еммауское благовѣствованіе, ib. 1846. Тутъ же упоминаемъ:

* Сватою евангеліе по Остромирову спискоу, ib 1853. съ полезными разнотченіями, т. е. собраніемъ параллельныхъ мѣстъ въ самомъ Остромирѣ.

* Остатки словянскаго богослуженія оу Чеховъ, ib 1855 — любопытное въ историко-литературномъ отношеніи собраніе старословенскихъ текстовъ различныхъ семей.

Kuhn Adalbert, Zur ältesten Geschichte der indogermanischen Völker, въ «Indische Studien» Albr. Weber's I томъ, Berlin 1850, 321—363. Богатая и поучительная монографія, въ которой впервые знаменитымъ ученикомъ Боппа сдѣлана была попытка научно воспользоваться данными сравнительнаго языковѣдѣнія для воссозданія бытовой жизни нашихъ доисторическихъ предковъ—первоарійцевъ, нарисовать «den Zustand jenes Urvolkes zur Zeit, da es noch vereinigt war». Углубленія старо-словенскаго и другихъ славянскихъ языковъ собр-

ни тщательны, но пропусковъ довольно. Въ транскрипціи старословенскихъ словъ замѣтно еще преданіе Добровскаго: напр. s"ip, т. е. сѣипъ, djever, т. е. дѣверъ и др., и непослѣдовательность; такъ ѣ изображается то чрезъ "i, то чрезъ у. (Первоначально эта монографія была помѣщена въ «Программѣ-Кельнской гимназіи» въ Берлинѣ).

Diefenbach Lor., Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache, I, II, Francf. am Main, 1851. Посвященъ Вонпу и Потту—«учителямъ». Цѣль—ислѣдованіе готскаго языка съ лексической стороны. Каждое слово обследуется, какъ «Selbstzwecke». Авторъ пользуется всѣми, доступными ему, языками, «которые, говоритъ онъ, по родству своему или по смѣшенію стоятъ, или кажутся что стоятъ, въ какомъ-либо отношеніи къ готскому» (I, стр. V), и особенно—старословенскимъ: «между западными индоевропейцами я самъ обстоятельнымъ образомъ осматрѣлъ ближайшихъ къ Нѣмцамъ Кельтовъ и Славянъ» (ib., VIII). Конечно, въ своей славянской части авторъ мало самостоятеленъ: но уже въ самомъ выборѣ славянскихъ совѣтниковъ, какъ Миклошичъ («Radices»), Вонпъ, Гриммъ, Поттъ, ясно сказалась состояніе славяновѣдѣнія въ Германіи 40-хъ годовъ—серьезное стремленіе къ знакомству съ славянскимъ членомъ арійской семьи, а не то, примѣромъ котораго могъ служить Бенфей въ 1841 году, въ своемъ «Греческомъ Словарѣ». Печать переходнаго времени даетъ себя видѣть иногда—въ неточной транскрипціи славянскихъ звуковъ—напр. ов, читай ось, ставшей невозможной очень скоро—послѣ трудовъ Шлейхера.

* Гильфердингъ А. Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ, Москва 1853. Въ основѣ—старословенскій языкъ. Переработка лексическаго мемуара, помѣщеннаго раньше въ «Извѣстіяхъ» нашей Академіи.

* Čelakovský, Čtení o srovnávací mluvnici slovancké na universitě Pražské, Praha 1853. Посмертное изданіе подъ редакціей знаменитаго Шафарика не предназначавшихся къ печати университетскихъ лекцій знаменитаго чешскаго по-

эта, но «dřlo i potřeby veliké i obsahu důležitého», говоритъ издатель. Въ піэтетѣ къ своему умершему другу, Шафарикъ преувеличилъ значеніе лекцій: онѣ болѣе практическаго характера, безъ строгой научной системы (напр. случайное дѣленіе склоненій), съ не надлежаще полнымъ воздѣишемъ старо-словенскаго языка; но по мысли своей—выяснить строй славянской рѣчи изъ сравненія исключительно однихъ славянскихъ языковъ, не переходя славянскаго рубежа, и по собранному матеріалу, имѣеть свое мѣсто въ исторіи славянской науки.

Ворр Fr., Ueber die Sprache der alten Preussen in ihren verwandtschaftlichen Beziehungen, Berlin 1853, 55, in 4°. Богатое содержаніемъ изслѣдованіе доказываетъ сильную мысль, что «die Absonderung der lettisch-slawischen Idiome von der asiatischen Schwestersprache, man mag sie Sanscrit nennen, oder ganz unbenannt lassen, ist später eingetreten, als die der klassischen, germanischen und keltischen Sprachen, aber doch noch vor der Spaltung des asiatischen Theils unseres Sprachgebietes in den medo-persischen und indischen Zweig» (4). Впервые обстоятельно вопросъ о сибиллизмѣ въ словахъ какъ съ то и др.

Ја неژیчъ Anton, Slovenska slovnica (1—114), s kratkim pregledom slovenskega slovstva, ter z malim cirilskim in glagoliškim berilom za Slovence (157—182), т. е. съ небольшимъ выборомъ кирилловскихъ и глагольскихъ статей. Celovec 1854. Первая серьезная попытка составить грамматику живаго славянскаго языка, положивъ въ основу ея языкъ старо-словенскій. Словенцы—жители Штирии, Краини; старъ словенскій языкъ, вѣроятно, языкъ Славянъ средняго Дуная IX вѣка. Словенцы гордятся имъ, какъ своимъ, и потому такъ удобнѣе было поставить его въ основу: «skoz i skoz, говоритъ авторъ, mi je bila vodnica današnja beseda našega národa, svetovavka v dvomnih rečéh pa starša slovenska pisava in stara slovenščina, od ktere še le dohaja sedanji besedi luč in svitlobo» (Predgovor ко втор. изданію, 1863

года; третье изд. 1864 г.). Въ старословенской части авторъ пользовался трудами Миклошича, кромя того совѣтами старого энтузіаста, старика Метелки, который силится было воскресить среди своихъ земляковъ, Словенцевъ, старое кирилловское наслѣдіе¹⁾.

Trithen Fr. On the position occupied by the Slavonic dialects among the other languages of the Indo-European family, въ «Proceedings of the Philological Society», t. V, London 1855. Объ этомъ мемуарѣ, который былъ читанъ въ засѣданіяхъ Общества до іюля 1852 г., мы знаемъ изъ статьи Русскаго Вѣстника за 1854 г., февраль, Обзорѣніе, стр. 156: «Воспоминаніе о русскомъ славянистѣ Тритенѣ». Тритенъ былъ уроженецъ Одессы и, по словамъ автора статьи, рѣдкихъ дарованій: «онъ былъ человѣкъ самыхъ живыхъ способностей, имѣлъ обширныя познанія въ языкахъ и своимъ близкимъ знакомствомъ съ славянскими нарѣчіями могъ оказать важныя услуги нашей русской сравнительной лингвистикѣ», но умеръ, преждевременно, въ Одессѣ, въ началѣ 1856 года.

Smith C. G., De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et slavonicarum, 3 partt., Havniae 1857—1859. Balticae—нарѣчія литовскаго языка. Нѣкоторые вопросы славянской морфологіи. Авторъ (умеръ на дняхъ въ Копенгагенѣ)—составитель извѣстной учебной грамматики польскаго языка (1846 г.).

Pfuhl, De verborum slavicoꝝ natura et potestate, Dresden 1857 (въ «Programm des Gymnasiums zu Dresden», стр. 1—42). Весьма тщательное изслѣдованіе славянскаго глагола и, главнымъ образомъ, въ верхнедушицкомъ языкѣ, но сравнительно, прежде всего, съ старословенскимъ языкомъ, потомъ русскимъ и другими.

Въ 1852 году вышелъ послѣдній, шестой, выпускъ пер-

¹⁾ О Метелкѣ, см. книжки J. Магн'а: «Jezičnik, ali Metelko v slovenskem slovstvu», IX и X leto, Ljubljana 1871, 72.

ваго изданія (съ 1833 г.) «Сравнительной Грамматики» знаменитаго Боппа, но о которомъ тогда же справедливо замѣтилъ ак. Срезневскій, что «славянская часть книги Боппа и въ этомъ выпускѣ такъ же случайна, какъ и въ прежнихъ», хотя и предлагаетъ «нѣсколько любопытныхъ соображеній, которыя будутъ, конечно, не напрасно приняты къ свѣдѣнiю знатоками славянскаго языка» («Извѣстія А. Н., 1852, I, 397»); а съ 1857 года стало выходить второе изданіе, въ Берлинѣ же. Маститый основатель сравнительнаго языковѣдѣнія далъ себѣ трудъ всецѣло передѣлать славянскую часть, sine ira воспользовався указаніями своего славянскаго критика, Миклошича, въ «Wiener Jahrbücher» (1844 года). Въ первомъ изданіи этой книги я относительно старославянскаго ограничился главнѣйше грамматикой Добровскаго, которая предлагаетъ многія формы скорѣй русскія, чѣмъ старо-славянскія», сказалъ Боппъ въ предисловіи ко 2-му изданію и этимъ высокими откровеннымъ признаніемъ очертилъ характеръ новаго труда. См. ниже—3 изданіе, 1867.

Müllenhof Karl, Geten, въ Encyclopädie Эрша и Грубера, I отд. т. 64, стр. 448 — 464, 1857 года. Рѣшая вопросъ о народности Гетовъ (Траковъ) и возражая противъ теоріи Гримма о тожествѣ Гетовъ и Готовъ, знаменитый современнiй германистъ говоритъ въ заключеніе: «Das Thrakische und das muthmasslich damit zunächst verwandte Illyrische und Dakische standen offenbar in den Lautverhältnissen und auch sonst (т. е. въ иныхъ вопросахъ) wohl dem Slavischen vielfach nahe. Der Anlaut des dakischen Ortsnamen Δίσρνα bei Ptol., Tierna auf der Tab. Pent., Tsierna auf ein. Inschrift bei Mur., Zerna in den Digesten, war ohne Zweifel ein tsch (т. е. слав. ч), und nennt Herodot den heutigen Sereth Ταραντός, Ptol. Ἰερασός, Ammian Gerasus, so sind das augenscheinlich ebenso nur verschiedene Versuche den Laut des franz. j. (poln. ź, böhm. ž) auszudrücken; denn g bei Ammian steht für j und des spir. asper bei Ptol. ist griechische Zuthat, da der Anklang an ἰερός ver-

leitete. Aehnlich ist Germigera beim Cosm. Rav. und auf der Tab. Pent. und Ζερμίζιργα bei Ptolemäus. Das ableitende—avτός—a sus in Tiarantus, Jerasus aber und ebenso die Endung von Κοτήνσιοι, Βουρδεζήνσιοι, Σήνσιοι etc. in Dacien... führt auf nasale ą und ę (т. е. ж и л), wie etwa im Polnischen; nasales ą bestätigt auch noch der Flussname Jantrus, Jatrus.. Erwägt man endlich den Ortsnamen Πάρτινον bei Ptol. an der Teiss und das Schwanken des Flussnamens, der bei Iordanes und dem Cosm von Rav. Tisia, bei Plinius aber Pathissus oder Ammian Parthiscus heisst,—man kann auch noch Patavissa, Paloda und Parolissus in Dacien vergleichen, — so kommt man zu der Annahme, dass mindestens die Daken ähnliche Composita wie die Slaven in Pořečř, Polabany... etc. gehabt haben; auch Napoca ist vielleicht nicht anders als náměstř gebildet. Aehnliche Beobachtungen liessen sich wohl noch mehr sammeln. Sie würden aber immer nur beweisen, dass wir Deutschen wohl thun, wenn wir die Thraker Thraker, die Geten Geten, die Daken Daken sein lassen» (стр. 464).—Въ главѣ о прои-
 зноvení славянскаго языка въ западную—нѣмецкую науку мы не сочли возможнымъ пройти молчаніемъ любопытныхъ «наблѣд-
 ній» Молленгофа—любопытнаго обращенія прижненія славян-
 скихъ данныхъ (носовые ж, л, суф. *жт, *лт, сложеніе къ предл.
 по) къ объясненію самаго темнаго историческаго вопроса, какъ
 знаменія времени 50-хъ годовъ.—Прибавимъ, что много рань-
 ше тѣже наблюденія были сдѣланы знаменитымъ славянскимъ
 историкомъ древности—Шафарикомъ, въ «Старожитностяхъ».
 Имя Черна (и теперь таже рѣка также называется, у горо-
 да Чернеца, въ Малой Валахїи) имѣетъ особенно рѣшающее
 значеніе. Но достаточно было подшутить ак. Миклошичу, что
 «bei gutem Willen kann man ohne viel Scharfsinn selbst
 Mekka und Medina für Slavisch erklären», и эта шутка
 пошла ходить въ значеніи чистой монеты. На ней спасается
 Юнгъ («Die Römer und Romanen», 1877, 263), ея не за-
 бываетъ даже и русскій юный историкъ Славянъ, г. М. Со-

коловъ («Изъ древней исторіи Болгарь», С.-Пб. 1879, стр. 34, хотя на стр. 11 «колонія Черна»)... Къ такимъ испытаннымъ изслѣдователямъ древности Европы, къ такимъ знаменитымъ языковѣдамъ-историкамъ, какъ Шафарикъ и Мюлленгофъ, справедливо относиться съ большимъ вниманіемъ. Если нашъ многоуважаемый историкъ, Д. И. Иловайскій, скорбитъ, что у насъ слависты все филологи, а не историки (Журн. Мин. Н. Пр., 1881, май, стр. 11); то мы съ этимъ согласиться не можемъ—и филологовъ у насъ не много. Дай Богъ намъ дождаться своихъ Шафариковъ, Мюлленгофовъ. Только языковѣданіе укажетъ путь исторіи—въ извѣстныхъ, во не малыхъ, областяхъ...

Curtius Georg, Grundzüge der griechischen Etymologie, Leipzig 1858. Для рациональнаго славянскаго корнесловія богатый и надежный источникъ. При справкахъ см. Славянскій указатель въ концѣ книги. Въ 1866 году второе изданіе, въ 1873—четвертое, каждое съ умноженнымъ сравнительнымъ матеріаломъ. Конечно, славянская часть можетъ быть пополнена. Было бы весьма желательно, если бы кто-нибудь изъ славистовъ взялъ на себя эту задачу. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя изъ нашихъ замѣтокъ. № 26 *хад-арѣ-с*, skt. *śudh purifico... kṣi* ч и с - т ь *gein*. Слѣдовало бы прибавить: чеш. *śuditi*, *śudar purificare*, *purificator*—при ордаляхъ (въ стар. языкѣ). № 32 *хав-хавѣζω* *tōne*, skt. *kvan sonare...* Слѣдовало бы слов. звенѣти, звонѣть. № 34 *хап-хѣп-η* Griff, lat. *cap-i-o...* Вѣроятно, и русское *хап-ать*, *хап-уть*. № 42 *хартѣ-с...* lit. *kerp-ù schneide*, schere. Очевидно, сюда слов. сръпѣть, рус. сѣрпѣть. № 42 *хел...* Вѣроятно, сюда слов. пел-яти.

Напущ I. I., 1) Něco o přibuznosti a živobyti řečí indoeurospkých; 2) Procházky po oboře mluvozpytu a starožitnosti slovanských, въ Моравскомъ альманахѣ «Koleda» за 1858 г. (= «Čtení poučné a zábavné», V, Brno 1867), 65—98. Популярныя очерки.

Pictet Adolf, Les origines Indoeuropéennes ou les

Arguas Primitifs, 2 тома, Paris 1859, 63. Знаменитый опыт лингвистической палеонтологин, на создание котораго дали не послѣдній матеріалъ наши славянскіе языки. Сотни нашихъ словъ — бытовыхъ, изъ трехъ царствъ природы, возведены къ сѣдой эпохѣ этническаго безразличія всѣхъ Аріицевъ. Система, изложеніе, языкъ — все образцовое. Въ 1877 году, уже по смерти автора, вышло второе изданіе, въ 3 томахъ, по вѣренному и пополненному еще самимъ Пиктѣ.

Pott Aug., *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-German. Sprachen*, въ 6 огромныхъ томахъ, Lemgo (Detmold) 1859—73. Это второе изданіе: первое еще въ 1833 г. въ двухъ томикахъ. — Въ первомъ томѣ — Praepositionen (частицы дѣ, да, до, онъ, на, над и т. д.), второй и слѣд. — Wurzellexicon, съ богатымъ запасомъ славянскихъ этимологій. Какъ всегда у Потта, необъятая масса матеріала, подавляющая вниманіе читателя. Къ тому же, система, изложеніе, языкъ — все это тяжело, такъ противоположно Пиктѣ. Отсюда, монументальный трудъ Потта не для чтенія, а для консультации. — Старо-словенская грамматика Добровскаго просвѣчивается и въ этомъ трудѣ Потта. Замѣтимъ, что въ «Словарѣ» Поттъ (1867 г.) остался вѣренъ своей старой мысли (и Вюппа) о тѣснѣйшей связи Славянъ и Аріицевъ Азіа: «славянскіе языки могутъ заключать въ себѣ черты весьма тѣснои связи съ Азіатскими вѣтвями нашего племени, что не идетъ въ разладъ съ ихъ географическимъ положеніемъ, черты, которыя указываютъ на болѣе позднее отдѣленіе Славянъ отъ Аріицевъ» (I, 40).

Kuhn Adalb., *Die herabkunft des feuers und des göttertranks, ein beitrag zur vergl. mythologie der Indogermanen*, Berlin 1859. Заносимъ это знаменитое изслѣдованіе и къ намъ, для біографіи нѣкоторыхъ нашихъ бытовыхъ словъ: дивъ 3, (лит. jаvаі пшеница 98, жрънъвъ 116), медъ 159. (Ср. о сибиллизмѣ с—к: санскр. sakras=κρότος 53, = слав. коло?).

Schleicher Aug., *Die deutsche Sprache*, Stuttgart

1860. Преддверье къ знаменитому «Compendium»'у, вышедшему въ слѣдующемъ году. Это былъ первый систематическо-популярный трудъ въ Германіи по новой наукѣ о языкѣ, преслѣдовавшій двѣ цѣли: сдѣлать доступными каждому образованному человѣку результаты современнаго языковѣдѣнія и представить сущность «нашего нѣмецкаго роднаго языка», въ его главныхъ чертахъ. Въ первой, общей, части, не потерявшей своей прелести и сегодня, авторъ популяризовалъ главный образъ положенія, «математически» выясненныя имъ годъ назадъ въ «Zur Morphologie der Sprache» въ Мемуарахъ нашей Академіи Наукъ, 1859 г. (t. VII). Мѣткія характеристики каждаго члена арійской семьи, напр. славянскаго стр. 76—78, повторяются почти дословно и сегодня, у Whitney'я «Language and the study of language» (1870 г.) стр. 213—215, у Abel-Novelsque'a «La linguistique» (1877) стр. 362 слѣд. Предложенныя черты отличія нѣмецкаго первоязыка отъ своего «роднаго» брата — славянскаго — стр. 88—89, были всегда тѣже у исповѣдниковъ «родословнаго древа» перваго изданія. Въ «Нѣмецкомъ языкѣ» впервые проявился систематизаторскій оригинальный геній Шлейхера. Ясно выраженная мысль, ясное въ системѣ изложеніе привлекали и привлекаютъ поколѣнія къ Шлейхеру. Шлейхеръ какъ бы владелъ геніемъ французскимъ: французскимъ умомъ, ясно разлагающимъ и опредѣляющимъ, французскимъ яснымъ и точнымъ стилемъ. Тутъ секретъ его громаднаго вліянія—далеко за предѣлами Германіи: оно и понынѣ чувствуется вездѣ, гдѣ на слѣдіе старой науки—содержательность и вразумительная простота—бережется, дорожатъ имъ, гдѣ еще не открылась жалкая погоня за вычурною оригинальностью — въ терминологіи — à tout prix, гдѣ одинъ въ запуски передъ другимъ трактуетъ — и самонаученнѣйше — обо всемъ. Упрекали Шлейхера за его пристрастіе къ «Urforme»: но и для него эти «праформы» были лишь условными величинами, методологическими приѣмами, вѣрными, но самое содержаніе которыхъ мѣняется сообразно результатамъ науки данной минуты.

Кvět F, Staročeská mluvnice, Praha 1860. Сжатая и обстоятельная грамматика старо-чешскаго языка, основанная на сближеніи съ старо-словенской. Упрощеніе, въ известномъ смыслѣ, труда Шафарика 1846 года, при изв. «Выборѣ изъ литературы Чешской».

Diefenbach Lor., Origines Europae, Die alten Völker Europas mit ihren Sippen und Nachbarn, Frankfurt a. M., 1861. Для насъ важна вторая часть — Lexikon der von den Alten aufbewahrten Sprachreste der Kelten...; какъ и Готскій словарь того же автора, сравнительный: прежде всего въ области кельтскихъ нарѣчій, затѣмъ—нѣмецкаго и славянскаго языковъ. Ср. подъ 26, Arctoriga (стр. 232), подъ 29, Aiginca (стр. 234) и др.

Lésar Anton, Glasoslovje slovenskega jezika. Po dr. Fr. Miklošič-evi «Vergleich. Grammatik der slav. Sprachen» I B. (Ljubljana), 1861. Какъ показываетъ заглавіе, кратенькая фонетика нинѣшн. словенскаго языка, тѣснѣйше сближенная съ старо-словенской фонологіей.

Małeski Antoni, Gramatyka języka polskiego większa, Lwów, 1863. Увѣнчана преміей и по достоинству: она первая польская грамматика, построенная научно—на основѣ старо-словенскаго языка. Авторъ осмѣлился внести даже не только ученіе о звукахъ х, к, ч, но и самые знаки этихъ звуковъ изъ кирилловской азбуки въ свое изложеніе. Подвигъ несомнѣнный. За этотъ шагъ авторъ обязанъ былъ извиниться предъ своими соотечественниками: «пусть никто не оскорбляется, говоритъ онъ, что я употребляю для обозначенія польскаго звука кирилловскую букву (х). Тутъ дѣло идетъ не о буквѣ, но о томъ, что она выражаетъ, т. е. о звукѣ, который нѣкогда имѣли и мы въ польскомъ. Если бы я зналъ, какъ звукъ этотъ, теперь погибшій, обозначить на письмѣ иначе, я не прибѣгалъ бы къ подобному средству» (стр. 6, прим.). Ясно и поучительно.

Ljubić Sime, Ogledalo književne poviesti Jugoslavjanske na podučavanje mladeži, knjiga I, Rieka (Fiume)

1864, kn. II, ib. 1869. Добросовѣстный трудъ, плодъ изученія многообразныхъ пособій; для насъ можетъ представить интересъ первый томъ и въ немъ первая часть — *Staroslavenka književnost*, гдѣ о языкѣ и письменахъ.

Smolef I. E., *Kajka je vučba athanasianskeho symbola wo třećej wosobje...*, Budyšin, 1864, in 4, 18. Для исторіи распространенія среди Славянъ старо-словенскихъ словъ церковнаго значенія: хръстьянинъ, мѣша, олтаре и др.

Curtius G., *Über die Spaltung des A—lautes im Griechischen und Lateinischen* (прибавить нужно — въ нѣмецкомъ и славянскомъ) въ «*Berichte über die Verhandlungen die kön. Sächs. Gesell. der Wiss. zu Leipzig*», Phil.—hist. Classe XVI, 1864, 9—42. Съ статистикой въ ружахъ Курціусъ доказываетъ мысль Лотнера въ Куновомъ «*Zeitschrift*» (1858) объ общемъ европейскомъ прародителѣ для арійскихъ народовъ-языковъ въ Европѣ. Разсужденіе интересное, но съ натяжками, а въ настоящее время устарѣлое.

* Лавренко Д., *Ученіе о звукахъ древне-славянскаго языка Миелошича*, переводъ, съ замѣчаніями, лишними, переводчика, Кіевъ 1865.

Schmidt Johannes, *Die wurzel AK im indogermnischen*, Weimar 1865. Трудъ — первенецъ знаменитаго современнаго лингвиста и нѣмецкаго слависта, полезный для сравнительнаго славянскаго корнесловія, въ частности, старо-словенскаго—у автора «старо-болгарскаго» (о с-тръ, о с-ъ и др.).

* Krek Gregor, *Ueber die nominale Flexion des Adjectivs im Alt- und Neuslowenischen*, Wien 1866 (Separatabdruck aus dem fünfzehnten Jahresberichte der St. L. Oberrealschule in Graz), LII, in 4. Отрывокъ изъ обширнаго труда, задуманнаго было авторомъ. Работа тщательно сдѣланная. Больше не выходило.

Bopp Fr., *Glossarium Comparativum linguae sanscritae*, in quo omnes sanscritae radices et vocabula usitatissima explicantur et cum vucabulis graecis, latinis, ger-

manis, lituanicis, slaviciis, celticis comparantur, ed. tertia, Berolini, pars I 1866, p. II 1867. Объяснены 238 речений старо-словенскаго языка (см. Славянскій указатель). Первое изд. въ 1847.

Wocel Jan Er., *Pravěk země české*, Praha, I odd. 1866, II — 1867. Этотъ знаменитый археологическій трудъ занесимъ въ виду главъ: второй — о праславянской культурѣ изъ языка, и десятой — о языкѣ старихъ Чеховъ сравнительно съ старо-словенскимъ, обѣ изъ втораго тома. — Русскій переводъ втораго тома сдѣланъ Н. П. Задерацкимъ, ревностникъ, но, къ сожалѣнiю, рано умершимъ труженникомъ на славянской нивѣ, и напечатанъ въ извѣстныхъ «Трудахъ Кіевской Дух. Ак.» въ 1875 году.

Pful dr., *Lužicki Serbski Słownik*, Budyšin 1866. Въ предисловіи авторъ, для устраненiя и объясненiя нѣкоторыхъ выраженiй своего роднаго лужицкаго языка, обращается къ языку старо-словенскому (чтєнiе, ли, югда и др.), и въ самомъ Словарѣ указываются мѣстами ст.-слов. параллели.

de-Marle, T. H. A., *Ursprung und Entwicklung der sogenannten Indo-europäischen und Semitischen Sprachen in Begriff und Laut. Lösung dieses grossen, mit Unrecht für unlösbar gehaltenen Problems als Grundlage zu einem neuen System der Sprachwissenschaft*, I Band in 2 Abtheil., Hamm 1866. 1-я часть вышла еще въ 1863 году такъ же — «Ursprung und Entwicklung der Lautverschiebungen im Germanischen, Armenischen und Ossetischen». По виду египетскій трудъ, объемистый томъ мелкой печати, состоящій изъ словарей различнаго расположенiя. Изъ одного широкоформатнаго и горы общающаго заглавiя читатель въ правѣ предположить, что эта работа — трудъ большаго корнеслова, и не ошибется. Авторъ — предшественникъ и соратникъ по «научнымъ» приемамъ нашихъ Лукашевичей и С°. Его «новая» наука — все изъ всего. Довлѣетъ немного примѣровъ, именно, гдѣ авторъ беретъ въ расчетъ и славянскіе языки. Такова напр. VIII глава (стр. 116 и

сл.) — «Родство семитическаго языка съ т. наз. индо-европейскими».

«54. Zu hebr. *sōch*, *sōchāh* Zweige... skr. *śakha*, lit. *szakà*, türk. *şach*, böhm. russ. *suk*, poln. *sek*.

58. Zu hebr. *baddīm* (plur.) Glieder (b aus v) vgl. böhm. *úd* (aus vad) Glied.

62. Zu hebr. *gulgölēth*... Schädel vgl. lit. *galvà*, russ. *glawá* Kopf, lat. *calva*...

63. Zu hebr. *mōtsā'* Osten vgl. das gleichbed. russ. *vostók* (dessen st aus ts)», и т. д. Относительно производства востокъ нельзя не вспомнить г. Великанова, по которому это слово фальшиво толкуется заурядными филологами отъ глагола «востечь» (см. его «Развѣдки»). Для русскаго «этимолога» книга де-Марля—пріятная находка, симпатическая встрѣча... Конечно, эту книгу мы занесли въ наши списки курса ради.

Pfuhl C. T., Laut- und Formenlehre der Oberlausitzisch-wendischen Sprache, mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische, Bautzen 1867. Образцово-составленная грамматика, съ самымъ строгимъ обращеніемъ вниманія въ каждомъ данномъ пунктѣ на старо-словенскій языкъ. Въ извѣстномъ смыслѣ обработка грамматическаго труда автора 1857 года. Русскій языкъ, предлагающій въ своихъ звукахъ не одну точку соприкосновенія съ верхнедужицкимъ, вводится также каждый разъ въ сравненіе.

Smoler' I. E., Wo słowjanskich męstnych mjenach w Hornej Łużicy a wo jich wuznamje, Budyšin 1867. Добросовѣстно составленная работа, съ принятіемъ въ расчетъ прилагательныхъ (гл. обр. притяжательныхъ) суффиксовъ старо-словенскаго языка.

Jagić V., Historija književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga, kn. I, Staro doba, Zagreb 1867. Заносимъ эту прекрасную литературную исторію въ виду страницъ о народномъ праславянскомъ бытѣ изъ языка (15—27), главы о Панонскомъ и Болгарскомъ періодахъ Славянскои литературы

(35—78) и замѣчаній о языкѣ старыхъ сербскихъ памятниковъ (160—162).— На русскій языкъ переведена проф. М. П. Петровскимъ, Казань 1872.

Scherer Wilhelm, *Zur Geschichte der deutschen Sprache*, Berlin 1868. По своимъ принципамъ, изслѣдованіе, сдѣлавшее эпоху, принимаетъ въ психологической школѣ изв. Штейнтала; оно — точка отправленія новѣйшаго направленія въ Сравнит. грамматикѣ Германіи, т. н. юнограмматическаго. Въ отдѣлѣ «*Zur Formenlehre*» многія замѣчанія объ образованіи именныхъ и глагольныхъ формъ старо-словенскихъ. Подробный перечень славянскаго матеріала книги см. указатель, стр. 489—490.—Втор. изд. Berl. 1878.

Tobler L., *Über die wortzusammensetzung*, Berlin 1868. Содержательная книжка, но славянскихъ параллелей касается только мелькомъ (напр. стр. 31, 51).

Bréal Mich., *Recueil de travaux originaux ou traduits relatifs à la philologie...* I f. *La theorie de Darwin, de l'importance du langage pour l'histoire naturelle de l'homme*, par A. Schleicher, Paris 1868, съ двумя картами «родословнаго» древа.

* Chodźko Alexandre, *Grammaire paléoslave, suivis de textes paléoslaves, tirés pour la plupart des manuscrits de la bibliothèque impériale de Paris et du Psautier de Bologne*, Paris 1869, XVI + 276. Трудъ г. Ходзько есть плодъ добросовѣстнаго изученія, но не столько памятниковъ старо-словенскаго языка, сколько грамматикъ его и, особенно, грамматикки ак. Востокова 1863 года. Самъ авторъ говорить: «цѣлыя страницы воспроизведены отсюда буквально въ нашѣмъ текстѣ, который отнюдь не имѣетъ притязанія равняться съ твореніями учителей науки» (стр. IX). Для слависта дороги старыя славянскіе тексты въ приложеніи (= хрестоматія), болѣею частью, изъ неизданныхъ памятниковъ: сербскаго Евангелія XIII в., Ветхаго Завѣта, Стихириаріона того же столѣтія и др.— все это изъ Парижской Національной (теперь) Библіотеки. (Ср. нашу библиографич. статью «Учебникъ старо-

словенскаго языка г. Лескина» въ Воронеж. «Филол. Зап.» 1872 года).

* Schleicher A., Indogermanische chrestomathie, schriftproben und lesestücke mit erklärenden glossaren zu A. Schleichers Compendium... nebst zusätzen und berichtigungen zur zweiten auflage des Compendiums, Weimar 1869. Авторъ «Библиолог. опыта» справедливо не забылъ о знаменитомъ Compendium'ѣ Шлейхера; но его непосредственное продолженіе и пополненіе «Индо-европейская хрестоматія».—Въ слову о Compendium'ѣ, въ его библиографіи. Первое изданіе явилось въ 1861 году, послѣднее—четвертое—въ 1876. По этому четвертому изданію сдѣланъ англійскій переводъ: A compendium of the comparative grammar и т. д. translated from the third german edition by Herbert Bendall, London, I 1874, II 1876. Попытка перевести на русскій языкъ была сдѣлана редакціей «Филол. Записокъ» лѣтъ десять назадъ, но вышло всего нѣсколько листовъ.

Ворр Franz «Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen», Berlin, I Band 1869, II Band 1870, III Band 1871 (въ шести выпускахъ). Это третіе изданіе, подъ редакціей А. Буна, во первые десять листовъ отпечатаны еще самымъ Вонномъ (+ 1864), съ поправками и пополненіями противъ втораго изданія, 1857 года. Болѣе чѣмъ каждому иному труду нѣмецкой науки мѣсто монументальному труду Вонна въ славянскои библиографіи. О Воннѣ прилично сказать, что говорится о Гомерѣ --- поучителенъ для каждаго, и для начинающаго, и для совершеннаго. Старо-словенскій филологъ не можетъ пропустить части, посвященныя языку Кирилла, именно въ 3-мъ изданіи (въ первомъ изданіи славянская часть была самой слабой). Таковы: «Das altslavische Schrift- und Lautsystem» I, стр. 134—161, 182—184, «Bildung der Casus im Altslavischen» I, стр. 526 — 553, и многія иныя, болѣе короткія, части. Даже намѣренныя отступленія знаменитаго

автора отъ обычнаго пониманія, напр. формы влѣѣѣ, влѣѣѣѣ, влѣѣѣѣхъ, въ общей схемѣ арійскаго склоненія по отдѣльнымъ языкамъ (I, 510, 511), славистъ не оставитъ безъ вниманія.— Одновременно съ третьимъ изданіемъ оригинала выходилъ, однаково знаменитый, французскій переводъ грамматики Боппа M. Breal'a, со втораго изданія: «Grammaire comparée des langues Indo-Européennes... précédée d'une introduction», t. I—IV, Paris 1866—72, съ подстрочными дополнительными замѣчаніями французскаго лингвиста (съ буквами Tr.).

Malinowski Fr. Ks., kś., Krytyczna gramatyka języka polskiego, въ шести выпускахъ, Poznań 1869—1875. Громадный и заслуживающій полной признательности трудъ нѣсколькихъ десятилѣтій рѣдкаго работника-автодиакта. «Ознакомившись — говоритъ авторъ — съ выпѣшными результатами изслѣдованій Сравнительной лингвистики, войти въ которую трудно безъ знанія санскрита, языка литовскаго и готскаго, я собиралъ много лѣтъ нужные матеріалы для общей Сравнительной грамматики всѣхъ славянскихъ языковъ, когда увы! зрѣніе мое, давно уже слабое, разомъ такъ испортилось, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ я могу читать только съ лупой, и оно помѣшало мнѣ привести къ концу мое намѣреніе. Но чтобы мои работы не остались безплодными для моего народа и всего Славянства, я, не имѣя возможности уже построить одного зданія, которое вмѣстило бы въ себя всѣ славянскіе языки, рѣшился изъ собранныхъ матеріаловъ ставить по очереди отдѣльные домики для каждаго славянскаго языка, и, какъ Полякъ, началъ съ своего роднаго языка и въ теченіе прошлаго года продиктовалъ своей племянницѣ «Критическую грамматику польскаго языка», съ которою теперь я выступаю предъ ученымъ свѣтомъ. По изданіи ея, я собираюсь сейчасъ же выпустить критическую грамматику языка старословенскаго по тому же плану и системѣ, если хватитъ жизни и силъ» («Prospekt», I). Къ глубокому и искреннему сожалѣнію, у старика хватило силъ лишь для постройки перваго домика—грамматики польскаго языка; стронительные ма-

теріалы для втораго домика—грамматики старо-словенской — остались матеріалами: въ глубокой старости слѣпой авторъ умеръ въ наст. году. Это былъ бы первый трудъ Поляка на полѣ языка Кирилла и Меѳодія!¹⁾

Но и первымъ «домикомъ» Малиновскій оставилъ добрый памятникъ по себѣ.

Авторъ—глубокій читатель трудовъ Шлейхера и въ своихъ многихъ общихъ взглядахъ примыкаетъ, естественно, къ нему. Первый выпускъ «Критич. грамматики» — историческій обзоръ польскаго правописанія, критика извѣстныхъ историческихъ азбукъ — кирилловскаго письма, русскаго и, наконецъ (въ началѣ 2-го выпуска), проэктъ новаго, въ славянскаго, письма, въ параллель Гильфердинговой азбукѣ того же времени, но на основѣ латинской — «для польскаго и всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ» (I, VI). Самъ же авторъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ, отказывается отъ употребленія своего письма въ самой грамматикѣ. Второй выпускъ затѣмъ — фонетика и т. д. (всего 6 выпусковъ).

Критическая часть грамматики — это каждый разъ сравненіе съ языками родными и родственными. Отсюда богатство отдѣльных замѣчаній — экскурсій въ сторону — въ область старо-словенскаго языка (напр. теорія еровъ, для которыхъ особые знаки стр. 97, и которые для автора славянское шва, о принципиальномъ значеніи старо-слов. языка — стр. 201), но безъ полемики, или въ область сравнительной грамматики. — Недостатками труда Малиновскаго должно считать: несоразмѣрность изложенія, излишество экскурсій въ далекую область

¹⁾ Лексическіе труды знаменитаго В. Динде касались посредственно языка Селунцевъ; изслѣдованія старика Папловскаго относятся къ русской славистикѣ (въ старомъ журналѣ Мин. Нар. Пр.), а маститый девятистолѣтній польскій славяноислѣдъ, доказавшій еще въ началѣ 40 годовъ присутствіе славянской церкви Кирилла среди своихъ земляковъ X вѣка, В. Мацѣевскій — историкъ-юристъ. Труды заслуженнаго Пржеборскаго (изъ Познани), К. Малковскаго (Варшава 1872) ограничиваются областью старо-польскаго языка (у послѣдняго впрочемъ и фантастическія экскурсіи за польскій рубезъ).

Сравнительной грамматики арійской, оригинальничанье автора въ вопросахъ довольно ясныхъ—напр. теорія швы или еровъ, при чемъ Миклошичу противуставляются авторитеты Смотрицкаго и Добровскаго, малое знакомство съ слав. языками стараго времени. — Малиновскій это нашъ Царскій... Чтобы яснѣе выдѣлить свѣтлый образъ старика Малиновскаго, въ заключеніе еще нѣсколько словъ—по поводу его умилительнаго отношенія къ языку Кирилла и Меѳодія—объ отношеніи къ этому языку его соотечественниковъ.

Мы видѣли, Малецкій съ извиненіями вносилъ въ изложеніе польской грамматики немногія, безусловно необходимыя, данныя изъ языка св. Кирилла. Малиновскій — не свѣтскій профессоръ, а католическій священникъ — не только не извиняется: онъ смѣло и открыто препоручаетъ своимъ изученіе «опаснаго» языка, подѣ непосредственнымъ изученіемъ его излагаетъ польскую грамматику, осуждаетъ современное польское правописаніе и подѣ влияніемъ письма св. Кирилла (уничтоженіе двойныхъ буквъ, знаковъ діакритическихъ) устрояетъ новое письмо, правда, неудобное, но для насъ важенъ фактъ — отношеніе. Въ то время, какъ выходилъ первый выпускъ «Критич. грамматика» Малиновскаго, патристическій поэтъ и «польскій» ученый этнографъ, Винценцій Польша, издалъ въ Краковѣ пустую книжонку, съ политическими похотѣніями — «*Historyczny obraz Polski*». Все — съ птичьяго полета. Но, по его словамъ, трудъ первый въ польской наукѣ и плодъ многолѣтнихъ работъ, основанный на фактахъ (72). Отдѣлавъ геніальнаго этнографа Славянства, Шафарика («незнаніе»), Польша съ наивнымъ негодованіемъ восклицаетъ: «только — политическая тенденціозность можетъ совѣтовать намъ черпать славянскій духъ въ Москвѣ и прототипъ языка—въ болгарскомъ жаргонѣ церковнаго языка... Языкъ, который единый изъ славянскихъ—мертвый... или, точнѣе сказать, который умертвила схизма, замкнувши его царскими вратами, указываютъ намъ тенденціозные филологи, какъ на первоисточникъ нашего языка». (73). — Проходитъ съ немногимъ 10

лѣтъ: когда пишемъ эти строки, расходятся славянскіе «богомольцы» изъ Рима, въ которомъ, по видимому, такъ щиро-сердечно Славяно-братья, подъ водительствомъ Поляковъ, чествовали на славу поднятую изъ праха десяти вѣковъ память св. Кирилла и «еретика» Меѳодія. Но увы! весь этотъ шумъ — недостойная памяти игра. Вотъ что читаемъ по поводу извѣстія, якобы католическіе Славяне желаютъ возврата языка св. Кирилла въ церковь, въ спеціальной корреспонденціи изъ Рима во Львовской «Газетѣ Народовой», этой эссенціи польскаго духа: «газеты (мѣстные) зовутъ — народъ славянскій, какъ будто можетъ существовать народъ тамъ, гдѣ нѣтъ единства языка, гдѣ рѣчь Кохановскаго, Окарги и Мицкевича не можетъ снизойти на степенекъ провинціального нарѣчія ради мертваго языка св. Кирилла и Меѳодія, не только, что не живущаго, но архаичнаго, не отесаннаго и на половину варварскаго, какъ всякое грубое лепетаніе (jâkanie) первобытнаго народа». (№ 156). Бѣдникъ Малиновскій!...

Meyer Leo, Die gothische Sprache, ihre Lautgestaltung insbesondere im Verhältnisse zum Altindischen, Griechischen und Lateinischen, Berlin 1869. Богатый, въ строгой научной системѣ изложенный сравнительный матеріалъ изъ готскаго языка, весьма полезный для слависта. Какъ филологъ старой школы, авторъ въ рѣдкихъ случаяхъ обращается къ родственнымъ языкамъ Востока Европы — литовскому и славянскому. Кажется, авторъ въ славянскомъ и не силенъ. О гот. *timza* = *maso* изъ славянскаго; но *plinsjan tanzen*, *altslavisch plensati*, т. е. надо читать — *пласать* (стр. 54), очевидно, взято по ошибкѣ русское окончаніе неопредѣл.; о суффиксѣ дат. мн. *-иъ* = гот. *m* — *гостъ мъ* = *gastim*, при чемъ гот. суф. *m* изъ *ms* (272—273). Ср. къ этимологін *с м о в а* 11, 161.

Krauschauer Leop., De radicibus quarundam indogermanicarum variatione quae dicitur, Marburgi 1869. Компиляція на доктора, о нѣкоторыхъ, между прочимъ, корняхъ и образовательныхъ суффиксахъ старо-словенскаго языка.

Шерцль В. И., Обь именахъ числительныхъ въ индоевропейской отрасли, ихъ развитіи и отношеніи къ числительнымъ другихъ отраслей, Харьковъ 1870. Шире охватывающая тема, чѣмъ какъ у знаменитыхъ Шафарика и Шлейхера—чуть ли не всѣ языки подсолнечной; но зато поверхностное, не глубокое изслѣдованіе, хотя не безъ желаній.

* Шерцль В., Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ, часть I, фонетика, Харьковъ 1871 (изъ «Протоколовъ Харьковскаго университета»). Поверхностная и многословная, а потому весьма толстая книга, съ лишними вещами (исторія письма у Египтянъ, Китайцевъ и т. д.).

* Ludwig Alfr., Der infinitiv im Veda mit einer systematik des litauischen und slavischen verbs, Prag 1871. О старо-словенскомъ повелительномъ § III, самая глагольная система стр. 149 — 159.

* * Schmidt Johannes, Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, I Abteil. Weimar 1871, II Abt. ib. 1875. Классическій трудъ, для пониманія фонологіи старо-словенскаго, какъ и другихъ славянскихъ языковъ, ея темныхъ вопросовъ—надежный руководитель. Книга открывается славянской главой: «Отношеніе А и I рядовъ въ славянскомъ языкѣ». «Славянская часть, сказалъ нѣмецкій рецензентъ въ Litterarisches Centralblatt 1875 № 48 — блестящія страницы книги», и съ полнымъ правомъ.

Suchecki Henryk, Modlitwy Wacława, zabytek mowy staropolskiej. . . , wiadomości o nich, z rozbiorem filologicznym i lingwistycznym, Kraków 1871. Небольшая брошюрка умнаго, чуждаго предрасудковъ своихъ людей, но рано умершаго польскаго слависта по поводу только что открытой Пештской рукописи XV-го вѣка. Въ своихъ замѣчаніяхъ на языкъ напечатанныхъ отрывковъ авторъ выставляетъ свой взглядъ на природу старо-словенскихъ ж и ъ и употребляетъ для нихъ свои знаки: «ж.... звучало вѣроятный всего какъ слабое у (т. е. ъ), а не какъ слабое и (т. е. оу)

по Миклошичу и нѣмецкимъ лингвистамъ; ѿ... звучало имъ слабое *i*» (стр. 19, прим.). Ср. о томъ же противъ Миклошича—22, 23 и др., гдѣ авторъ заблуждается, утверждая первенство польской вокализациі *pięwszy* = даже бурдскому *pię*! .. Ср. о носовыхъ сравнительно съ польскимъ языкомъ, 26, 34. Впрочемъ, замѣчанія элементарныя, но необходимы въ польской наукѣ.

Schleicher Aug., Laut-und formenlehre der Polabischen sprache, Spburg 1871. Знаменитый посмертный (недоконченный) трудъ гениальнаго лингвиста, изданный г. Лескинымъ на счетъ нашей Академіи Наукъ. Въ изложеніи полабскаго языка каждый разъ точка отправленія—старо-словенскій языкъ. Въ этомъ сближается трудъ Шлейхера съ грамматикой Лужицкой Пфуля. «Приготовляя Сравнительную грамматику славянскихъ языковъ, я—говоритъ Шлейхеръ въ предисловіи—почувствовалъ скоро отсутствіе грамматики умершаго полабскаго нарѣчія, которое особенно по причинѣ нѣкоторыхъ особенностей своего звуковаго вида и прежде всего какъ самыя крайній членъ въ цѣпи славянской языковой семьи, для цѣли, преимущественно, для выведенія славянскихъ основаній формъ, явилось просто неизбѣжнымъ. Труды Гильфердинга и Пфуля были недостаточны... Мнѣ лично не оставалось иначе какъ самому приняться за работу» (V—VI). Разобраться въ тѣмъ правописаніи полабскихъ памятниковъ—своего рода гіероглифы, привести весь этотъ матеріалъ въ стройную систему, воскресить погившій языкъ въ ясномъ образѣ и сравнительно съ старо-словенскимъ—заслуга великаго изслѣдователя...

Brunnhofen H., Γαλα... λα... der graeco-italische name der milch, ein monographischer beitrage zur ätesten emfindungsgeschichte der indogerm. völker, Aarau 1871. Брошюрка отъ фантазии: свой молочный корень *gal-* авторъ ищетъ и въ славянскомъ *zolvka* = γαλόω.

Ascoli G. J. Vorträge über Glottologie. I. Band. Vergleichende Lautlehre des Sanscrit, des Griechischen und des Lateinischen. Übersetzt von I. Bazzigher und H. Schwab.

er-Sidler, Halle 1872. Знаменитыя лекціи эти читаны въ 1861, изданы въ 1870. Для славистовъ важны: § 15, объ относительной древности раздвоенія первоарійскаго *k* (исторія лавъ семьи съ то), и § 25, хронологическое опредѣленіе раздвоенія первоарійскаго *g* (исторія словъ семьи азъ).

Schmidt Ioh., Die verwantschaftsverhältnisse der indogerm. sprachen, 1872. Небольшая (66 стр.), но многоодержательная книжонка, нанесшая рѣшительный ударъ сиемъ «родословнаго» древа Шлейхера. Разсматриваетъ—сравнительно—тѣже вопросы старо-словенской фонологіи, что только что выше книга г. Асколи—слова семьи съ то, семьи азъ, итѣмъ dvandva-composita и др.

Г'енъ (Hehn) Викторъ, Культурныя растенія и животныя, въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу, С.-Петербургъ 1872. переводъ съ нѣмецкаго перваго изданія (1870) подъ наблюденіемъ автора, съ пополненіями (2 нѣм. изданіе Berlin 1874). отатство поразительныхъ славянскихъ сближеній (земля, вверъ), для бытовой хронологіи многихъ славянскихъ словъ итѣмъ указатель (исторія словъ: и втухъ, ръжъ, пѣро др.).

* Шерцль В. И., Сравнительная грамматика славянскихъ и т. д. языковъ, часть II, словообразованіе, Харьковъ 1873. См. выше I часть.

Malinowski Franc., ks., Grammatyka sanskrytu i ówianego z językiem starosłowiańskim i polskim, I, Lwów 1873. Строго говоря, свободный переводъ—передѣланіе Санскритской грамматики Вонпа, расширенной введеніемъ славянскихъ и польскихъ сравненій, трудъ, съ благодарностью памятуемый славянскою наукой.

Bezenberger Adalb., Untersuchungen ueber die tischen adverbien und partikeln, Halle 1873. Въ небольшой, ясно и систематично изложенной, монографіи самое внимательное отношеніе къ старо-словенскому языку: ср. замѣчанія о формахъ везевъ, воземъ 12, прич. суф.—vant 14, объ, себъ 20, жжъ = готскому agan 25, радъ въ гот.

ga-redaba 26, daladhro снизу и слов. долъ 30, missō = сл. митѣ, митоу съ 36, sprātō и слов. прѣдажъ (? вл. прѣдажъ) 38, un-veniggō лат. venger-ari слов. оун-ити 41, us-sindō лат. sent-ire, слов. сашть 42, ga gudaba слов. зо-вж 47, liugan лѣжъ, augan око 52 и многія другія объяснительныя сравненія, дорогія для слависта.

Westphal Rudolf, Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen I Theil: Das indogermanische Verbum nebst einer Uebersicht der einzelnen indogermanischen Sprachen und ihren Lautverhältnisse, Jena 1873. Огромный трудъ, цѣль котораго, въ противность общепринятой теоріи объясненія происхожденія глагольныхъ формъ посредствомъ сложения (compositio, теорія Вонпа), объяснить эти формы черезъ примѣненіе принципа флексій въ семитическихъ языкахъ. Направленіе автора встрѣчено въ Германіи рѣзкимъ протестомъ, какъ «постыдное, опасное, вредное» (Vorwort XXXIX), но оно заслуживаетъ вниманіе. Страницы Рудольфовой «Сравнит. грамматики», посвященныя старо-словенскому глаголу—формы наст. времени 182, опатива 230, причастіе наст. 251 и др. части, прочтутся славистомъ съ интересомъ.

Fick August, Die ehemalige Sprachenheit der Indogermanen Europa's, ein sprachgeschichtliche Untersuchung. Göttingen 1873. Обширное полемическое сочиненіе противъ мыслей Iog. Шмидта, желающее удержать теорію двухъ прародителей—одного исключительно для Азіи, другаго исключительно для Европы, тогда какъ у Шлейхера азіатскій прародитель захватывалъ и большую часть языковъ Европы. Масса сравнительнаго матеріала имѣетъ значеніе и для славянскаго корнесловія, хотя славянскій матеріалъ—буквальное воспроизведеніе изъ втораго тома того же Фика — Vergleichendes Wörterbuch der indogerm. Sprachen, sprachgeschichtlich (!) angeordnet (1-ое изд. въ одномъ томикѣ, съ любопытнымъ предисловіемъ Бенфея, въ 1868 году, 2-ое — уже въ двухъ томахъ, 1870—71, 3-ье—въ четырехъ, 1874—76), Слова-ря, который—иллюстрація къ Compendium'у Шлейхера, от-

сюда и терминъ «sprachgeschichtlich». Критика Фика служитъ болѣе къ утвержденію, чѣмъ къ опроверженію мысли Шмидта, хотя при появленіи ея въ лагерѣ шлейхеріанцевъ раздалась клика побѣды. (Ср. нашу — «Къ вопросу о взаимн. отношеніяхъ слав. нарѣчій» т. I (Одесса 1877), 7 пр. 1, ср. 9 пр. 1).

Curtius Georg, Das Verbum der griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt, Leipzig, I Band 1873, II B. 1876 (второе пополненное изданіе тамъ же 1880). Полная переработка перваго труда знаменитаго современнаго лингвиста — «Tempora und Modi» (1846). Характеръ содержанія того и другаго тома авторъ опредѣляетъ словами Предисловія ко второму тому (перв. изд.): «Эта вторая половина моего представленія строя греческаго глагола наводила меня рѣже, чѣмъ первая, на послѣдніе и труднѣйшіе вопросы о возникновеніи древнѣйшихъ индо-европейскихъ глагольных формъ. Здѣсь же главнымъ образомъ шла рѣчь, но не исключительно, о переобразованіи и переводѣ Греками основныхъ (uralter) типовъ, что, конечно, нужно понимать только въ томъ смыслѣ — какимъ путемъ изъ всеобщаго основанія, что позади, выступаютъ отдѣльныя особенности греческаго глагола». Такимъ образомъ, первый томъ касается болѣе общихъ вопросовъ арійскаго языкоислѣдованія, второй — болѣе спеціальныхъ, греческихъ. Но, тѣмъ не менѣе, и въ этой исключительной греческой области, авторъ, стоя, какъ всегда, на историко-сравнительной почвѣ, въ объясненіи трудныхъ явленій греческаго глагола заходитъ и въ славянскую область — за аналогіей. Этой широтой работы, изслѣдованіе г. Курціуса такъ рѣзко отличается отъ своихъ сотоварищей по греческой специальности, напр. Лео Мейера. Стоитъ только сравнить второй томъ «Глагола», изслѣдующій прошедшія времена, и монографію, обширную, но сухую, Лео Мейера — «Griechische Aoriste, ein Beitrag zur Geschichte des Tempus- und Modusgebrauch im Griechischen» (Berlin 1879)! Отиѣтимъ изъ втораго тома нѣкоторыя славянскія справки: ихъ немного, но онѣ интересны. — Страница 5. «Тематическіе аористы, или,

точнѣе выражаясь, болѣе короткія, съ тематическимъ гласнымъ Präterita, которые отсутствіемъ тѣхъ вставокъ, которыя нынѣ называютъ распространеніями част. времени, отличаются отъ болѣе короткихъ, называемыхъ Impregesta, имѣются кроиъ греческаго языка еще въ санскритѣ, зендѣ и славянскомъ. Но крайне тощи эти слѣды болѣе короткихъ наклопеній, неопредѣленныхъ и причастій въ греческаго». Такъ: аор. á-budha-nta = ἐ-πόδο-ντο, имперф. á bōdha-nta = ἐ-πεύδο-ντο. Въ старословенскомъ «помимо не съ (изъ * na-ka-m), что съ *žueti* сходится по крайней мѣрѣ въ корнѣ, я не нахожу другаго славянскаго аориста, который можно бы было сопоставить съ греческимъ того же образованія». — Стр. 175. «Разительнѣйшю параллель съ перфектною темой *Εοίδη* предлагаетъ, на что обратилъ мое вниманіе г. Лескинъ, единичная старо слов. форма 1 ед. въ дѣ я знаю». Стр. 227 о суф. прич. прош. д-от, ж. р. — *οα*: «Связь обѣихъ этихъ формъ едва ли дастъ себѣ понять изъ одного греческаго языка. Но здѣсь предлагается сейчасъ же объясненіе санскр. форма — *vat* съ подобными формами — *vāls*, *us*, жен. р. — *uṣī*. Такъ какъ этотъ суффиксъ ограниченъ однимъ перфектомъ, и такъ какъ въ зендѣ, какъ и въ старословенскомъ, онъ является съ тѣмъ же примѣненіемъ; поэтому особое образованіе причастія перфекта прочно утверждается для индо-европейскаго періода и потому дозволяетъ считать послѣдовательное проведеніе его въ греческомъ особенною стариною». Такъ: *da-drg-vān*, *de-dorh-ōi* да-въ (въ ж. р. *vid uṣī*, *id-οα*, да-въ ши). — Стр. 24 образованіе аориста суф. *sa*, *σα*, напр. *ἔ-φῶ-σα*. «Совершенно такъ образуетъ аористъ старо словенскій языкъ: 1 ед. *sa-s* (= * *ad sa-m*), въ греческомъ * *éd sa* (ср. *ἔχ-σα* = *éd-sa* я послѣдилъ), *bi-x* (= * *bi-sa-m*)». — Стр. 290, будущее. По новѣйшю славянскаго явленія, что наст. вр. отъ глаголовъ совершеннаго имѣеть значеніе будущаго, г. Курціусъ говоритъ: «И въ греческомъ языкѣ будущее примѣненіе отдѣльныхъ, не отиѣченныхъ никакимъ особеннымъ знакомъ, формъ настоящаго — безспорный фактъ; *εἶμι* въ употребленіи мало-по-малу полу-

лю будущее значеніе... Ясно отсюда, что эти греческія формы настоящаго имѣютъ тотъ-же характеръ, что, по Миклошичу, славянскія настоящія соверш. вида: значеніе настоящаго «потиснуто назадъ» только до нѣкоторой степени. Въ то время какъ $\dot{\epsilon}\delta\omega$ у поэтовъ довольно часто какъ настоящее, одинаково образованная средняя форма $\dot{\epsilon}\delta\omega\alpha\iota$ имѣетъ исключительно значеніе будущаго уже съ Гомера». — Стр. 349 — о словообразовательномъ элементѣ δ , напр. въ $\pi\lambda\acute{\eta}\text{-}\delta\text{-}\omega$: «Въ области литовскаго языка довазанъ цѣлый рядъ удобносравняемыхъ явленій, именно: а) суф. образующій настоящее dha (ср. $\pi\lambda\acute{\eta}\delta\omega$) въ лит. $ver\text{-}d\grave{u}$ варю и въ старо-слов. и-д ж, ѡ-д ж ($\sqrt{ja=iz}$)»... Ясно, что и для славяновѣда книга г. Курциуса — «Глаголь греческаго языка». Мы не касаемся здѣсь наставительной методологіи автора, его ученыхъ — скромныхъ и точныхъ приемовъ, для небогатаго русскою филологическою науки, раждающей часто пустоцвѣтъ.

Nesselmann G. H. F. Thesaurus linguae prussicae, Der preussische Vocabelvorrath, Berlin 1873. Словарь съ пояснительными сравненіями и, особенно, изъ старо-словенскаго языка.

Meyer Gustav, Die mit nasalen gebildeten praesensstämme des griechischen mit vergleichender berücksichtigung den andern indogermanischen sprachen, Jena 1873. Нѣсколько страницъ посвящены старо-словенскому глаголу: суфиксъ $a\ n\ a$ въ зендѣ, старо-словенскомъ и литовскомъ, стр. 60, назалованное настоящее въ старо-словенскомъ, готскомъ, литовскомъ (стр. 111—112).

Malinowski Lucian, Beiträge zur slavischen dialectologie, I, Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien, 1 Heft, Laut- und Formenlehre, Leipzig 1873. Содержательное и образцовое изслѣдованіе интереснаго и почти неизвѣстнаго польскаго нарѣчія, трудъ талантиваго, но скромнаго ученика пок. Срезневскаго изъ Поляковъ. Въ изложеніи — точка отправленія — соответствующая форма старо-словенскаго языка; авторъ иногда въ крайность: въ виду напр. формы

vāder, vādruje, изъ чисто нѣмецкихъ wanderer, wandern, авторъ выставяетъ старо-словенскія *вждръ, *вждровати 21, —это, просто, напрасно.

Zehetmayer Seb., Lexicon etymologicum Latino etc. —sanskritum comparativum, слѣд. и славянскій, Vindobonae 1873. Трудъ усидчиваго собирателя разнаго матеріала изъ чужихъ книгъ. Такимъ путемъ достался автору и старо-словенскій матеріалъ, при чемъ онъ вронтъ для старо-слов. языка свою форму: «μυδαε φωτς pertinet ad sl. vet. mando» 3; но въ его источникѣ—у Ив. Шмидта, Zur Geschichte, I, 118, стоятъ правильно—mado; или—δρῖνῖς slv. vet drevinu 7.

Pauli C., Die benennung des Löwen bei den Indogermanen, München 1873. Полемическая брошюрка противъ теоріи европейской прародины Аріевъ. Точка отправленія автора—литовская и славянская формы имени льва: liutas, лъвъ. Всѣ формы отъ $\sqrt{\text{liv}}$, lu, что напр. въ латинскомъ luteus желтый, золотистый.

Winkler Henricus, De genuina vi suffixorum comparativi et superlativi, Vratislaviae 1873, 44 стр. Нѣкоторыя данныя для причастныхъ суффиксовъ шъ, тъ и др.

Heumann Wilhelm, Das l der indogermanischen Sprachen gehört der indogermanischen Grundsprache an, Weimar 1873, 49. Для этимологіи нѣкоторыхъ старо-словенскихъ словъ и для провѣрки ученія Фика, между прочимъ, въ упомянутой критикѣ на Ив. Шмидта.

Van-Helten W. L., Ueber die Wurzel lu im Germanischen, Rotterdam 1873, 55. Также для этимологіи нѣкоторыхъ старо-словенскихъ словъ.

* Валицкій И. И., Избранные отрывки изъ памятникъ церковно-славянскаго языка, древняго и новаго, для грамматическаго разбора, со свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ, С.-Петербургъ 1874. Болѣе учебнаго характера.

Försteman E., Geschichte des deutschen Sprachstammes, Nordhausen, I B. 1874, II B. 1875. Авторъ —

горячій приверженецъ этнологическихъ идей Шлейхера и Фикова: «ближе всего къ нѣмецкому—литвославянскіе языки и, особенно, латышская часть (*der lettische Theil*)»; Фиково противуположеніе языковъ *r* (Аріицы Азии) языкамъ *l* (Аріицы Европы), *e* — *a*. Въ каждомъ томѣ по три книги, изъ коихъ каждая отвѣчаетъ эпохѣ—періоду. Такъ въ I томѣ: 1) время до-славяно-нѣмецкое (*die vor-slavogerm. Zeit*), 2) время славяно-нѣмецкое, 3) время пранѣмецкое. Каждая эпоха заключаетъ соответствующую грамматику (идеальную, на манеръ Фиковыхъ словарей). Славянскій матеріалъ обширенъ, вообще точенъ, сработанъ на основаніи трудовъ Миклошича, Шлейхера. Второй томъ болѣе спеціаленъ: эпохи Готовъ, гибели нѣмецкихъ племенъ въ Римской Имперіи и *das Mittelurdeutsche*. Грамматическія партіи исключительно нѣмецкія; но въ Словаряхъ (*der Sprachschatz*)—славянскій сравнительный матеріалъ. Ср. слав. матеріалъ въ готскомъ 142 и сл. Въ концѣ 2-ой книги—Славяно-нѣмецкаго времени, 322 — 334, особое приложение: «*Charakter des Lituslawischen*», послѣ того какъ совершилось—фантастическое—«распаденіе славяно-нѣмецкаго народа на его двѣ части», и «главнымъ жизненнымъ нервомъ для расширенія Литво-Славянъ стала линія Днябрь-Двина, а для Нѣмцевъ тоже значенію получила линія Днѣстръ-Висла». Кратенькая грамматика литво-славянская—этой фантастической эпохи раскола.

Bezenberger Ad., Ueber die A—Reihe der gotischen Sprache, Göttingen 1874. Не смотря на спеціальность вопроса (нѣм. *e*, о ранѣе готскаго *i*, *u*), во многихъ мѣстахъ монографія предлагаетъ интересный сравнительный матеріалъ и для старо-словенской фонологіи. Въ болѣе обработанномъ видѣ данныя изъ Фикова Словаря (см. выше).

* Балицкий И. И., Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія. Введеніе—опытъ литературы русскихъ грамматикъ, I—XX + 1—60 (по грамматике старо-сл. яз. г. Лескина). Литература изслѣдованій о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ 1—83 (отъ Іоанна Евсарха Болгарскаго и по грам-

матіку Бунакова). Кієвъ 1875 — 77 г. (Оттиски изъ «Трудовъ Кіевской Дух. Академіи» 1875, томы III, IV, 1876 т. I, II, IV, 1877 т. I). Излишне громкій титулъ и простой инвентарный перечень, съ случайными замѣтками о немногихъ трудахъ.

* Фортунатовъ Филиппъ, *Sāmadeva āganyaka—samhitā*, въ приложеніи: нѣсколько страницъ изъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, Москва 1875. Въ этомъ приложеніи цѣнныя соображенія объ образованіи нѣкоторыхъ формъ въ старо-словенскомъ языкѣ: 1 ед. наст., твор. ед.

* Коропачинскій, Значеніе А. Х. Востокова въ исторіи славянской филологіи, — приложеніе къ «Отчету Одесской первой прогимназіи за 1874/5, уч. годъ», Одесса 1875, 53 стр. Изъ двухъ частей: обзора изв. Разсужденія и Старослав. грамматики Востокова, сравнительно съ трудами Добровскаго, и очерка «послѣдователей исторической школы изученія славянскаго языка», съ таблицей звуковъ. Вторая часть—подъ очевиднымъ вліяніемъ лекцій знаменитаго Григоровича. Вообще изрядная работа, полезная для всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ званія учителя гимназіи по рус. языку.

Smith C. G., *De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis Slavonicis*, Kjöbenhavn 1875. Брошюрка, въ которой — развитіе мыслей, что раньше въ извѣстной Польской грамматикѣ автора, 1846 г. (русскій переводъ П. Гильдебрандта, Москва 1865).

Osthoff H., *Forschungen auf dem Gebiete der indogerm. Stammbildung*, I Theil, Jena 1875 Въ соответствіе латинскимъ именнымъ суффиксамъ *clo, silo, ga, la* указаны славянскіе суффиксы *dlo lo, trъ, тль, ра, ла, слъ* (гъслъ изъ гжд-слъ, по автору) и др.

Meyer Gustav, *Zur Geschichte der indogerm. Stammbildung und Declination*, Leipzig 1875. Интересные сравнительные матеріалы для вопроса объ именныхъ темахъ и нѣкоторыхъ падежныхъ флексіяхъ старо-словенскаго языка.

Hübschmann H., *Zur Casuslehre*, München 1875.

Весьма содержательная книга, но только мелькомъ о старо-словенскихъ падежныхъ флексіяхъ.

Malinowski L., *Modlitwy Wasława, zabytek języka polskiego z wieku XV, Kraków 1875.* (Оттискъ изъ журнала Краковской Академіи Наукъ «*Ramieŋnik*»). Въ изложеніи грамматики памятника точка отправления—старо-словенскій языкъ. Въ словарѣ авторъ постоянно обращается къ тому же языку. Вездѣ видѣнъ достойный ученикъ нашего Срезневскаго.

Karłowicz Jan, *O języku litewskim, Kraków 1875, 242 стр.* (Оттискъ изъ журнала Крак. Ак. Наукъ «*Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego*», t. II). Первый серьезный трудъ въ польской наукѣ, посвященный литовскому языку: раньше писалось довольно, но дилетантски. Историко-критическій очеркъ въ началѣ доказываетъ это. Лингвистическая часть — «степень близости литовскаго языка съ славянскимъ и др. въ грамматикѣ и словарѣ», изложена главнымъ образомъ по литовскимъ трудамъ Шлейхера.

Geitler Leop., *Litauische studien, Auswahl aus den ältesten denkmälern, dialectische beispiele, lexicalische und sprachwissensch. beiträge, Prag 1875.* Въ матеріалахъ сравнительныя справки съ старо-словенскимъ языкомъ.

Petriceicu-Hasdeu, *Principie de filologiã comparativã Ario-europeã, cuprindent grupurile Indo-Perso-Tracic, Greco-Italo-Celtic și Leto-Slavo-Germanic cu aplicatiuni la istoria limbã Romãne. Tom I. Istoria filologiei comparative, Bucuresci 1875 (1—108).* Пока историческое введеніе въ сравнительную грамматику. Самъ г. Г'иждеу довольно знакомъ съ старо-словенскимъ и другими славянскими языками.

* *Hassensamp Rud., Ueber den Zusammenhang des lettoslavischen und germanischen Sprachstammes, Leipzig 1876* (въ серіи «*Preisschriften gekrönt und herausgegeben von der fürstl. Jablonowski'schen Gesellschaft*»). Отвѣтъ на заданный Курціусомъ вопросъ отъ имени Общества, какъ и

Лексина—Die declination im slawisch-litauischen, упоминаемый въ «Библиолог. опытъ». Задуманный въ широкихъ размѣрахъ, новичкомъ своего дѣла, но исполненный въ весьма скромномъ объемѣ, отвѣтъ г. Г'ассенкампа аптитеза труда г. Лескина. Г'ассенкампъ, въ своемъ добросовѣстномъ собраніи всѣхъ наличныхъ данныхъ сравнительной грамматики за и противъ теоріи Шлейхеръ-Фива, послѣ возможной для автора, при слабомъ знаніи его славянскихъ нарѣчій, т. е., того предмета, который и составляетъ яблоко раздора, сравнительной оцѣнки достоинства тѣхъ и другихъ доводовъ, пришелъ къ заключенію, что ученіе Шлейхера—Славяне и Нѣмцы составляютъ одну группу въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ — есть фактъ жизни, науки. А противникъ автора, опытный и знающій Лескинъ, пришелъ къ выводу, прямо обратному: «die verwandschaft ist keine so enge, wie man gemeinhin angenommen hat».—О невѣдѣніи г. Г'ассенкампомъ славянскихъ языковъ, неумѣніи правильно читать кирилловскаго письма—примѣры этого—см. въ нашей книгѣ: «Къ вопросу о взаимн. отношеніяхъ слав. нарѣчій», т. I, 12, прим. 2.

Brandl V., Glossarium illustrans bohemico-moraviae historiae fontes.., Brünn 1876. Богатый, реально-историческій объяснительный словарь чешскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ словъ, встрѣчающихся въ источникахъ для исторіи Чехіи и Моравіи. Не мало пояснительныхъ справокъ съ словаремъ старо-словенскаго языка (см. въ концѣ указатель — 100 реченій, преимущественно, бытовыхъ), такъ что и для послѣдняго данъ сравнительный матеріалъ.

Osthoff H., Forschungen im gebiete der indogerm. nominalen stambildung, 2 teil: Zur geschichte des schwachen deutschen adjectivums, Jena 1876. Доказывалъ, что «слабая» форма имени прилагательнаго въ нѣмецкомъ (суффиксъ *n*) есть первоначально форма имени существительнаго, съ суф. *an*, авторъ касается формы прилагательнаго въ старо-словенскомъ, суффиксовъ *nominum agentis*, образующихъ существительныя изъ прилагательныхъ, и отношенія «слабой»

формы нѣмецкой къ «опредѣленной» въ старо-словенскомъ и литовскомъ языкахъ.

Zimmer H., Die Nominalsuffixe a und ā in den german. Sprachen, Strassburg 1876 (XII + 316) = XIII томъ изданія В. Ten Brinck'a и W. Scherer'a: «Quellen und Forschungen zur Sprach-und Culturgeschichte der germ. Völker». По отношенію къ славянскому авторъ ограничивается ссылкой на труды Потта (ср. впрочемъ въ концѣ).

Hasdeu P., Baudouin de Courtenaj ši dialectul slavoturanic din Italia. Cum s'au întrodus slavismele în limba română? Notița lingvistică, Bukuresci 1876. По поводу известной невѣрной теоріи нехитрыя мысли румынскаго патриота объ интересномъ, но трудномъ вопросѣ — времени появленія славянскаго элемента въ румынскомъ языкѣ.

* Geitler Leop., O slovanských kmenech na U, Praha 1877 (127). Оттискъ изъ чешскаго журнала: «Listy filologické a paedagogické», т. II и III. Въ основѣ изслѣдованія старо-словенскій языкъ. Тщательно собранный и сравнительно обслѣдованный матеріалъ, важный для исторіи славянскаго слово-образованія и склоненія.

Rezzi Domen. Glottologia Agra recentissima. Senni storico-critici, Torino 1877. Цѣль книги — служить продолженіемъ изв. труда Ө. Бенфея — «Geschichte der Sprachwissenschaft», вышедшій въ 1867 году. — Богатый сборникъ критическихъ статей о всѣхъ выдающихся явленіяхъ науки въ Италіи, Германіи, Франціи — изъ области по преимуществу арійскаго языкоизслѣдованія (отдѣльные труды, статьи въ журналахъ) за послѣдніе десять лѣтъ, но расположенныхъ въ порядкѣ само́й грамматики. Отмѣтитъ критику теоріи Ascoli, Фига, «datto ed acuto investigatore» Ив. Шмидта (славян. с = первоарійск. k¹, при чемъ самъ авторъ полагаетъ, что согласіе санскр. и старо-бактрійскаго ç съ слав. с и лит. sz не случайное явленіе, малой цѣны (180), хотя и оговаривается, что судъ по этому вопросу принадлежитъ главнѣйше славистамъ (16 и пр. 2), и что вообще исторія первоарійскаго

k — вопросъ темный и разрѣшить лишь будущая наука), Ф. Миллера противъ теоріи Шлейхера о «подъѣмѣ», замѣчанія автора о «родословномъ древѣ» (172 и сл.) и др.

Bezenberger Ad. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI und des XVII Jahrhundert., Göttingen 1877. Въ этихъ критически обработанныхъ матеріалахъ для исторіи литовскаго языка — картина состоянія языка въ періодъ первыхъ двухъ вѣковъ его небольшой письменности — заботливо отмѣчаются сближающіяся явленія старо словенскаго языка. Такъ въ «Ученіи о звукахъ» 22 пр., 40, 41 и пр., 42, этимологія *иъ* з и *ъ* 45, 48, опредѣленіе природы гласн. *ı* = *ā* = гр. ω, поправляющее теорію Шлейхера 49, при чемъ авторъ глаг. тему *bi* ищетъ въ слав. бѣахъ 51 пр. 2, *a* = *ō* въ заимствованіяхъ 52 и сл., сварабакти (желѣзо) 67 и сл., свистящія 81 пр., *иъ*ва *t* и *k* 84 и сл., въ «Ученіи объ образованіи словъ» глаголы на -ѣти 115 и др. Еще любопытнѣе славянскія параллели въ склоненіи: орудн. ед. -мь 125 и сл., род. ед. ж. -нѣ 130 и сл., им. мн. ж. -нѣ 138, и т. д.

Ayuso García F. Ensayo crítico de gramática comparada de los idiomas indo-europeos, sanscrit, zend, latin, griego, antiguo eslavo, litauico, godo, antiguo aleman y armenio, cuaderno I, Madrid 1877. Сжатое сравнительное изложеніе фонологіи и именнаго склоненія, главнѣйшій образъ, на основаніи изученія Воппа: историческій очеркъ изученія языковъ отъ испанскаго монаха Sanchez el Brocense (XVI стл.) до Воппа 1—32 (теплія страницы посвящены земляку, испанскому іезуиту Гервасу), оцѣнка дѣятельности Воппа 33—49, индо-европейская звуковая система 50—75, измѣненія звуковъ 76—103 (въ измѣненіи зубныхъ въ концѣ «славянскіе языки—т. е. славянскій и литовскій—вполнѣ согласуются съ греческимъ» 103), имя и его измѣненія 104—114, склоненіе имени 115—128, флексія косв. падежей 129—161, склоненіе имени въ мн. ч. 162—191, въ дв. ч. 192—205, склоненіе имени прилагательнаго 206—224 (и, главнѣйшій обра-

зомъ, въ литовскомъ и старо-слов. языкахъ, со включеніемъ формъ степеней сравненія и причастій). — Мы изложили подробно систему книги испанскаго лингвиста, какъ первой сравнительной грамматики языковъ нашей семьи въ наукѣ Испаніи. Старо-словенскій языкъ и литовскій (языки обѣихъ этихъ вѣтвей у автора составляютъ одну группу — славянскую, отсюда напр. онъ говоритъ о славянско й а н у с в а р ь — ѵ — въ виду бѣглаго *n* специально въ литовскомъ — въ глаголахъ, 65) знакомы изъ личныхъ студій: даже новизна, напр., въ транскрипціи *młzjz* = *mł'zujz*, гдѣ малое *e* поверхъ строчки. Но большая непослѣдовательность въ передачѣ слав. звуковъ: *x* = то *j*, то *ch*. Такъ loc. pl. f. *dobli-ijū*, но gen. pl. *dobli-ichū* (209) и др. Въ литовской части отмѣтила вѣрное наблюденіе, что лит. *ı̄* есть долгое *o*, 56 пр. 2. Впереди не лишнія сравнительныя синонитическія таблицы азбукъ, склоненія и спряженія всѣхъ языковъ, 1—47, въ оригинальныхъ шрифтахъ. (Ср. болѣе ранній трудъ автора: «El estudio de la fililogia en surelacion con el saṅskrit, Madrid 1871. Здѣсь интересна Исторія филологіи, 220 — 293. Ср. сравнит. таблицы склоненія и спряженія, и въ старо-словенскомъ, 365—372).

* *M ü l l e n h o f* Karl, Zur Geschichte des Auslauts im Altslowenischen. Запѣтки, читанныя знаменитымъ германистомъ (ср. выше о Гетахъ, въ 1857) въ Берлинской Академіи Наукъ 23 мая 1878 г., въ «Monatsberichte der k. preuss. Akademie der Wiss. im Jahre 1878, Berlin 1879 (стр. 432 — 439). Авторъ старается прослѣдить пути измѣненія конца *a m*, сначала въ *e^m*, *o^m*, потомъ *e*, *z*, и подвергаетъ критикѣ колеблющееся ученіе Миклошича о способѣ исчезновенія конечнаго *m* (о носовыхъ) въ различныхъ формахъ падежныхъ и глагольныхъ.

* Р ж и г а Ф. В., Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языковъ: древне-славянскаго, русскаго и т. д., С.-Пб. 1878 (VII + 243 + XV). На первомъ мѣстѣ старо-словенскій языкъ. Небезполезная справочная книга и только. Въ

старо-словенской части авторъ желаетъ писать даже по-старо-словенски: но эта старо-словенская рѣчь автора напоминаетъ не языкъ св. Кирилла, а земляка автора, Ганки: она въ времени и мѣста. Напр. въ выраженіи «въ мужескомъ родѣ» носовой ж и тутъ же слогъ же вм. жь и русская новая флексія мѣстнаго падежа—к-омъ...

Osthoff H., *Das verbum in der nominalcomposition im deutschen, griechischen, slavischen und romanischen*, Jena 1878. Какъ всегда, тщательно собранный матеріалъ; славянскія части: личныя имена съ повелительнымъ 210—225; нарицательныя съ глагольнымъ первымъ членомъ 225—235.

Osthoff H. и K. Brugman, *Morphologische untersuchungen auf dem gebiete der indogerm. sprachen, I theil*, Lpz. 1878 (XX + 290). Съ именемъ обоихъ авторовъ соединяется представленіе о наиболѣе дѣятельныхъ противникахъ направленія Шлейхера и вообще старой школы, о руководителяхъ т. наз. «юнограмматическаго» направленія. Упреки старой школѣ, что она разсматриваетъ языкъ отрѣщенный отъ живаго носителя его, человѣка, что проводитъ непреходимую демаркаціонную линію между «богатыми» языками арійской древности и «бѣдными» нашей исторіи и тѣмъ создаетъ особое, привилегированное, мѣсто для первыхъ, «юнограмматики» останавливаются на психологическомъ моментѣ въ изслѣдованіи языка (*formassociation*), подсмѣиваются надъ весьма «простыми», но «бумажными» приемами (ср. стр. 25), уничтожаютъ ту линію и результаты изслѣдованія языковъ современныхъ (въ обширномъ смыслѣ) ищутъ доказать и на языкахъ сѣдой арійской старины. «А пріористическія построенія, говоритъ г. Бругманъ, стр. 137, во всякомъ отношеніи имѣютъ быть отброшены: мы осмѣливаемся произнести это, не касаясь вовсе заслугъ такихъ людей, какъ Бопль, Шлейхеръ и Курціусъ. Они были плодъ того возрѣнія на языкъ, которое раньше было обще господствующимъ въ Срава. Грамматикѣ и при которомъ, не выяснивши себѣ напередъ, какъ человѣческій языкъ живетъ вообще и развивается, что это за

факторы, которые дѣйствуютъ на дальнѣйшее развитіе языка, и какъ они дѣйствуютъ, почти безгранично исповѣдывали основное положеніе, что «языкъ, болѣе полный звуками, вообще долженъ разсматриваться какъ *prins*, болѣе бѣдный звуками, какъ *posterius*», и потому основной видъ какой-нибудь грамматической формы создавали такъ, что собирали вмѣстѣ всѣ звуковые элементы, замѣченные въ различныхъ отдѣльныхъ языкахъ и не долго думая относили ихъ въ формѣ эпохи единства, причѣмъ не рѣдко довольно грубо нарушались звуковые законы, господствующіе въ отдѣльныхъ языкахъ». Отсюда практика матамагическихъ праформъ и праязыковъ отсутствуетъ, какъ она у Шлейхера. Но возражая на дѣлѣ противъ привилегирования старыхъ языковъ, новая школа желаетъ только ограничить абсолютное значеніе ихъ, поправить старую школу, но отнюдь не думаетъ о замѣщеніи ихъ, этихъ старыхъ языковъ. Она хорошо понимаетъ, чѣмъ обязано современное званіе старой школы — напр. хоть въ исторической области — въ области «ранней» исторіи каждаго европ. народа. И какъ въ старой школѣ, такъ и въ новой — вездѣ глубокое, многостороннее знаніе языковъ нашей арійской семьи, и старыхъ, и новыхъ, близкое знакомство и съ языками славянскими. Устраняя практику праформъ (хотя въ защиту ея говоритъ то, что она понималась въ видѣ, такъ сказать, педагогическаго приѣма), новая школа грѣшитъ отсутствіемъ Шлейхеровской ясности, краткости изложенія и излишествомъ своихъ гипотезъ. Это доказывается, на нашъ взглядъ, и настоящей книгой. Напр. о формахъ плавныхъ сочетаній въ славянскомъ градъ и городъ авторы выставляютъ свое ученіе — русская форма не старая, а развитіе изъ градъ (стр. 57); но съ этимъ не согласится, вѣроятно, никто изъ старой школы, ни одинъ славистъ, въ виду соотношенія акцентуаціи въ тѣхъ формахъ въ самихъ славянскихъ языкахъ и въ виду литовскаго языка. Далѣе, основная форма 1 л. ед. наст. якобы оканчивалась на *a* долгое, а слав. форма типа *везъж* = *va₁gha₂-m*, все это Neubil-

dungen (ср. стр. 13 пр., 145)... Новая школа въ возраженіяхъ старой увлекается; но какъ серьезная критика, она требуетъ полной и глубокой признательности. — Повторяемъ, она слишкомъ далека отъ всякой мысли разрывать связи съ традиціями Вонна, какъ это можетъ подумать со стороны тотъ, кто мало знакомъ съ ея дѣятельностью и замѣчаетъ ея южнскую сторону. Въ этомъ отношеніи поучительно предисловіе къ «Морфолог. изслѣдованіямъ», гдѣ интересная исповѣдь теоретическихъ положеній новой школы: ее необходимо имѣть всегда въ виду школъ старой. — Въ виду общихъ положеній школы, естественно встрѣтить въ трудѣ обѣихъ корифеевъ ея, на каждомъ шагу, самое живое отношеніе къ славянскому языку и литовскому. Ограничимся немногими отиѣтками, особенно любопытными для слав. этимологіи. Суффиксъ \bar{a} , въ образованіи глаголовъ. Отсюда, $\sqrt{\quad}$ і ити, основа $i\bar{a}$ въ лат. *jānus*, *jāna*, лит. *jó-ti*, слав. *ид-ж*; инд. *jāge*, *лѣто*, *ѡрос-лѣто*, сл. *маръ*, гот. *jēr* 3—4; $\sqrt{\quad}$ k' i жечь, осн. $k'i\bar{a}$, сл. *сима-ти* 6; $\sqrt{\quad}$ gh' i зять, осн. $gh'i-\bar{a}$ *hia-ге*, лит. *žib-ti*, *зима-ти* 8; $\sqrt{\quad}$ sk' i, осн. $sk'i-\bar{a}$ *жить*, сл. *по-чти*, *по-кой* 10; $\sqrt{\quad}$ gh u звать, осн. $ghu-\bar{a}$, сл. *зъва-ти* 10; $\sqrt{\quad}$ sar требовать, осн. $sr-\bar{a}$... лат. *srē-gage*, сл. *спѣ-ти* 24; $\sqrt{\quad}$ av летать, ср. лат. *av-is*, осн. $v-\bar{a}$..., вѣ-жъ, скр. *vā-taga*=лит. *vėtra* (? изъ слав.)=сл. *вѣ-тръ* 30; $\sqrt{\quad}$ as бросать, осн. $s-\bar{a}$... лит. *sė-ju*, сл. *сѣ-жъ* 33; $\sqrt{\quad}$ ag достигать, осн. ga ..., лат. *gē-s*, съ нов. суффиксомъ — скр. *gād h* быть довольну, ст. персид. *gādiu* ради = сл. *радъ*, *ради*, *радити* 38; $\sqrt{\quad}$ ag звучать, осн. $g-\bar{a}$, скр. *gā-jati*=сл. *ла-мати*, лит. *ló-ti* 39; $\sqrt{\quad}$ g' a n, осн. $g'n-\bar{a}$... сл. *зна-ти* 46; $\sqrt{\quad}$ san, осн. $sn-\bar{a}$ *вязать*... сл. *снопъ* при **снепж* (?) 48; $\sqrt{\quad}$ star, осн. $str-\bar{a}$, сл. *стел-жъ*, но *стла-ти* 54 и др. Ошибка: *грамота aservus* 62, очевидно, *ви. громада*.

Chavée Hon., *Idéologie lexicologique des langues Indo-Européennes*, Paris 1878. Посмертный, неоконченный трудъ изв. французскаго лингвиста, въ приѣмахъ изъ школы направленія

Шлейхера; въ немъ онъ пытается разрѣшить — образованіе первыхъ словъ (звуковъ) для первыхъ мыслей (*embryogénie de la pensée*). То тамъ, то здѣсь, авторъ обращается и къ старо-слов. языку.

Ренка К., *Die Nominalflexion der indogerm. Sprache*, Wien 1878 (206). По отзыву пѣмецкаго рецензента, забавный калейдоскопъ свободной фантазіи (*Jenaer Lit.-Zeitung*); того ради и заносится.

* *Ogónowski E.*, *O przyimkach w językach staro-słowiańskim, ruskim i polskim*, въ V т. журнала Крак. Ак. Наукъ «*Rozprawy i sprawozdania*», Kraków 1879. Авторъ — профессоръ «русской» литературы во Львовскомъ Университетѣ, потому русскій языкъ значитъ малорусскій. Трудюлюбивая компиляція по отношенію къ старо-словенскому языку, съ экскурсіями въ сравнительную грамматику, сработанная главнымъ образомъ по Миклошичу. Вообще, полезный обзоръ предлоговъ въ сказанныхъ трехъ языкахъ, съ ихъ этимологическимъ (попытки) и синтаксическимъ значеніями.

* *Mahlow G. H.*, *Die langen Vocale A E O in den europäischen Sprachen, ein Beitrag zur vergleich. Lautlehre der indogerm. Sprachen*, Berlin 1879. Этотъ, богатый данными и замѣчательный ясностью изложенія, «Вкладъ» имѣетъ и общій глубокий интересъ, и частный — для исторической морфологіи славянскихъ языковъ, главнѣйше, склоненія.

Въ взглядѣ на исторію образованія языковъ арійской семьи — къ ученію Шлейхера-Фика: дуализмъ между Азіей и Европой, а засимъ языки Европы — южные и сѣверные. Указавъ на односторонность старой школы объ единичности *a* въ основно-арійскомъ языкѣ, авторъ продолжаетъ: «въ новѣйшее время приблизились къ иному взгляду, что однообразное арійское *a* не древнѣйшее, что скорѣй многообразіе *a* восходитъ на индо-европ. основному языку, и если болѣе обстоятельное доказательство этого возрѣнія принадлежитъ будущему, тѣмъ не менѣе оно признано и оцѣнено всѣми школами сравнитель-

наго языкоислѣдованія. Если теперь не арійскій, а европейскій вокализмъ кладется въ основу, то естественно, главнѣйшій вопросъ — которые изъ гласныхъ всѣхъ языковъ Европы общіе или были такими. Если прежде выходили изъ того языка, который бѣднѣйшій гласными, то теперь склонны считать греческій вокализмъ исконнѣйшимъ и правильнѣйшимъ представителемъ европейскаго, а равно и общеарійскаго вокализма. Это воззрѣніе раздѣляется всѣми изслѣдователями, но не сдѣланы попытки доказать это въ отдѣльности. Я желаю попытаться вкратцѣ предложить это доказательство» (1 — 2).

Греческій языкъ владѣетъ тремя гласными a : $a \varepsilon o$, которые отчасти соединили въ себѣ гласные различнаго достоинства: 1) ε , съ соотвѣтствіемъ εi , $eo = e$, i другихъ языковъ Европы; 2) e , съ соотвѣтствіемъ i, u ; 3) a съ «мѣной» e, o , при чемъ въ болѣе раннее время различались 2 a : $a = a$ во всѣхъ языкахъ Европы (въ славянскомъ $= o$, но авторъ считаетъ «новымъ» звукомъ — т. е., изъ a) и a никогда (?) въ этихъ языкахъ въ видѣ a : въ лат. e передъ n, m, o передъ r, l , въ нѣм. u , въ слав. $ь$, въ лит. i (это слова плавныхъ сочетаній, слѣд. сравнительныя данныя — интересныя для слависта, но авторъ противурѣчитъ себѣ, ведъ лат. $g r a m m a$ изъ * $g a g r a m m a$; далѣе авторъ дѣлаетъ смѣлсе, но любопытное предположеніе, подѣ указаніями славянскаго вокализма — польскаго, о двухъ слабыхъ гласныхъ въ индо-европ. языкѣ — $ь$ и $ъ$, оба-де они въ арійскомъ $= a$, но $ь = a$ съ способностью смягченія, стр. 6); 4) a изъ $a - \bar{a}$, $e - \bar{a}$, во всѣхъ языкахъ Европы; 5) o , тамъ же $= a$, слѣд. смѣшеніе болѣе новое, но и слѣды-де различенія $a = a$, $a = o$. Установивши, что греческій языкъ сохранилъ вѣрнѣе другихъ обще европейскій вокализмъ, и что потому во всѣхъ изслѣдованіяхъ по вокализму въ основу должны быть поставляемы четыре греч. гласные: e, o и оба a , авторъ переходитъ къ своей спеціальной задачѣ: прослѣдить въ языкахъ Сѣвера, слѣд. и славянскомъ, обработку долгихъ a, e, o греческаго и латинскаго языковъ, и главнѣйше — въ образованіи и измѣненіи словъ, въ чемъ и заслуга «Вклада».

I глава — долгій *E* (η , \bar{e} , сл. \bar{e} , лит. \bar{e} , гот. e : $\theta\acute{\eta}r$, звѣрь, $\dot{z}v\acute{e}r\grave{is}$). Авторъ говоритъ объ образованіи глаголовъ на $\bar{e}ge$ въ латинскомъ, $-an$ въ готскомъ ($videre-vitan$) и изъ примѣненія образованія славянскихъ глаголовъ къ языкамъ южнымъ дѣлаетъ любопытныя заключенія: что аш $\bar{a}jo$ = сл. дѣла-ж, лит. $mazg\acute{o}-ju$, что подлинныя причинныя образованія глагольныхъ корней съ нѣкоторой правильностью сохранили лишь славянскій и нѣмецкій языки, а классическіе — одни слѣды, но что нѣкогда во всѣхъ языкахъ Европы были отдѣльно причинныя глаголы на $-ej\bar{o}$ и отыменные на $\bar{e}j\bar{o}$, на Югѣ смѣшавшіеся (15, 18).

II глава — долгій *A* (η , α , \bar{a} , сл. α , лит. \bar{o} , латыш. \bar{a} , нѣм. \bar{a} : $\pi\lambda\acute{\eta}\sigma\sigma\omega$ $\pi\lambda\alpha\gamma\acute{\alpha}$, $pl\bar{a}ga$, плакати, гот. $faiflokum$, $l\bar{a}mentum$, лаж, $l\acute{o}ju$, латыш. $l\bar{a}ju$). Въ виду готскаго закона (для «отступленій»): аи передъ гласи изъ ov (a^{ov}) — $stojan$, но прош. $stauida$, авторъ устанавливаетъ аналогическій законъ и для славянскаго языка съ литовскимъ: паўjas изъ * $nev-jos$, санскр. $navja$, гр. $\nu\epsilon\iota\beta\varsigma$, $kraujas$ изъ * $kr\v{e}vjos$, гр. $\chi\rho\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$, мѣ изъ * $\bar{a}vje$, лат. $\bar{o}vum$ и др. (31) — только въ силу аналогіи и по требованію теоріи объ особенномъ европейскомъ праязыкѣ. А если эта теорія не вѣрна?.. Прибавимъ, что въ силу тѣхъ же двухъ условій авторъ еще ранѣе выставляетъ другой, латинскій, законъ для славянскаго вокализма — е передъ v въ o : сынове изъ * $сынѣве$, слово, $\lambda\lambda\acute{\epsilon}\sigma\varsigma$, ирл. $sl\bar{u}$ изъ * $слѣво$, новѣ. $\nu\acute{\epsilon}\sigma\varsigma$, $novus$, ирл. pu изъ * $пѣвѣн$, вдова, $\gamma\acute{\iota}\beta\epsilon\sigma\varsigma$. $vidua$, гот. $viduvo$ изъ * $вьдѣва$ и др. (7). Далѣе, въ этой главѣ опредѣляется мѣст. \bar{a} въ суффиксныхъ слогахъ, въ склоненіи спряженій и др.: авторъ старается выяснить образованіе род. ед., им. мн. (темы \bar{a} , въ слав. им. мн. порешель въ род. ед.), дат. — мѣстн., род. мн.; образованіе производныхъ глаголовъ на \bar{a} (аш $\bar{a}ge$, дѣлаж), степеней сравненія въ нѣмецкомъ. Въ заключеніе, авторъ говоритъ объ \bar{a} въ концѣ: им. ед. ж., им. — виш. мн. ср. (лоса, уга, гот. $vaugda$), дат. виш. ед. ж., виш. мн. (главы изъ * $galvas$ 61, вокализация

невозможная, и между прочимъ о суф. иж — двигнж-ти = гот. fulno-da, стр. 62), 1 ед. perf. $\sqrt{\text{dhe}}$, им. ед. ж. *a*-основъ, ед. ср. *n*-основъ, орудн. ед. ж. ($\bar{a}n$, мѣст.— $a\bar{j}an$, «какъ доказывается вѣрнѣе всего славянскимъ», 70, ср. 72, но «въ слав. и лит. орудный совпалъ съ винит.», 71).

III глава—долгий *o* (ω , \bar{o} , сл. *a*, лит. *ũ*, нѣм. \bar{a} : ζώνη, по-м-с-ъ, $jũs-ta$, $\delta\omega\delta a$, $\acute{u}d\check{z}u$)¹⁾. «Единственная вѣтъ въ сѣверо-европейскихъ языкахъ, которая въ ряду *A* владѣетъ тремя долгими гласными — литовская: литовскій языкъ имѣетъ *o é ũ*, латышскій $\bar{a} é ũ$, въ качествѣ представителей европейскихъ долгихъ *a, e, o*» (82), т. е., въ славянскомъ и нѣмецкомъ формы долгихъ *a, o* однѣ. Позволяемъ сдѣлать поправку — не одно *a*, но и *o* (ов?), и *ou*: βῶν βοῦς изъ *βωος, $b\bar{o}s$, латыш. $g\acute{u}vs$, и слав. гов-адо; $\bar{o}s$ ostium, лит., латыш. $\acute{u}sta$, и слав. оуста. Интересны замѣчанія о дамъ, намъ (85), орудн. ед. *a*-основъ (предлоги до, при на, по, тѣгда = * $t\bar{o}gad\bar{o}$ (87): «славянскій потерялъ этотъ орудный—лит. *u, ũ*—и возмѣстилъ его въ имени изъ *u*-основъ, въ мѣстоименіи—новымъ образованіемъ во множ. чис.», им. -вин. дв. ч. ($\delta\acute{o}\omega$ $\acute{a}\mu\phi\omega$ = два оба), 1 наст. ед., дат. ед. *a*-основъ (труднѣйшій для объясненія, противъ изъ *ai* 90, «трудно объясненіе дат. славянскаго, который, какъ въ зендѣ, имѣетъ одно окончаніе въ имени и мѣстоименіи» — томоу изъ * $t\bar{o}mo\acute{o}$ 91, ср. тоу, междуу, вждоу), им. дв. ч., дат. ед. подъемныхъ *i, u*-основъ (гости изъ * $g\bar{o}stej\bar{e}$ 99), орудн. мн. *a*-основъ (тѣми = вѣдійскому $tebhis$, тѣ изъ вѣд. $a\acute{i}s$ чрезъ $\bar{o}i$, гдѣ \bar{o} въ *ou, x*, влѣкы изъ * $vilku\acute{i}s$ 101, тутъ же хронологія формъ дв. ч. рыбѣ, влѣцѣ, влѣци 103), род. мн. (— $\bar{o}m$, но слав. x : вѣд. $sva\bar{s}r\bar{a}m = \mu\eta\tau\acute{e}p\omega\nu$, $matrum$, умбр. $fratrom$, матеръ, $dant\bar{u}$, въ мѣст.—* $s\bar{o}m$, $t\acute{a}\omega\nu$, $ist\bar{a}r\bar{u}m$, тѣхъ 105), им. ед. *r* и *n*-основъ (— $\bar{e}n$, $\bar{o}n$: кора, камы = $\bar{e}r$, $\bar{o}r$:

¹⁾ Сдѣлаемъ поправку: въ ряду — лат. $\bar{u}va$ изъ * $\bar{o}gva$, лит. $\acute{u}gva$ стоятъ сомнит. v и $\acute{a}ga$ (84): но пропущено— $\acute{a}goda$.

матѣ, братъ, т. е. братръ 110, ср. 114; «въ камъѣ, какъ въ рабоу, коупоуж сохранился ясный слѣдъ, что и слав. а знало нѣкогда окраску южно-европ. \bar{o} , лит. \bar{u} » 115), глаголы съ основой на \bar{o} (бпчбω, аерго-тис, коупоуж, зарпй-ју 116) и своеобразныя указанія на новизну литовскаго мѣстнаго (124, сл.).

Послѣдняя, IV глава — «исключенія»: им. мн. и отложный ед. а -основъ и нѣсколько корней. Въ им. мн. интересъ предлагаетъ одинъ нѣмецкій языкъ, такъ такъ большинство языковъ им. мн. мѣстоименій примѣнили и къ именному склоненію (127). Суффиксъ отложнаго -аt литовскій и славянскій языки употребили для род., а другіе языки для родительнаго воспользовались мѣстоименной флексіей: «уже лит. vilko, латыш. vilka = сл. вѣлка доказываетъ, что гласный суффикса въ Европѣ былъ \bar{a} ; съ vilko вполне согласуется нѣмецкій отложный нарѣчій — гот. *gaigno, ст. сѣверо-нѣм. gjaгна; изъ мѣстоим. нарѣчій, въ соотвѣтствіе санскр. āt, tāt, jāt, зенд. bāt, я нахожу лит. o, jo-g, do, лат. da, слав. а (аште = *ātje, вѣроятно, изъ āt-jod, какъ въ ѣтти, ѣплωс изъ *σFотти, σFотплωс), та, таче (-че = que), м, да, ба...» (131). Любопытны соображенія противъ первобытности лат. суффикса -ōd (equō, оск. aгаgetud) = зенду, въ виду «старѣйшихъ» и «важнѣйшихъ» языковъ: санскрита, греческаго и литовско-славянскаго (133 — 136). — Изъ корней отмѣтимъ: ст.-нѣм. гуоа, англосакс. гōу, сѣв. гō — женское имя = слав. рай, какъ англосакс. stov, сѣв. sto = сл. стаа.

Вѣроятно, нѣкоторыя доказательства г. Малова въ объясненіе образованія надежей будущая наука и отвергнетъ; но изъ предложеннаго содержанія ясно, какое серьезное вниманіе имѣетъ книга новаго германиста въ славянскомъ языковѣздѣдованіи. Почему мы и удѣлили ей значительное мѣсто. (Ср. сейчасъ ниже de-Saussure).

* Saussure, de, Ferd., Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues Indo-Européennes, Leipsick

1879, 302. Опытъ новой системы гласныхъ для первоарійскаго языка, примыкающій по своимъ мыслямъ къ «юнограмматической школѣ» Германіи: онъ—дальнѣйшее развитіе, пополненіе, гипотезъ корифея этой школы, К. Бругмана — о гласныхъ R (L), M, N, и разнообразіи униформируемаго доселѣ гласнаго A, сводимомъ къ типамъ a_1 и a_2 , въ языкѣ первоарійцевъ. По правдѣ, опытъ весьма сложной системы, въ основѣ которой поставлены вокализмы греческаго языка и санскрита (авторъ—классикъ), но съ обширными и блестящими сравненіями изъ области другихъ родственныхъ языковъ: литовскаго, славянскаго и пр. Своими приѣмами, своимъ богатнмъ содержаніемъ, книга г. де-Соссюра близка къ труду г. Малова: разница—въ сферѣ наблюденій: у г. Малова въ основѣ—греческій языкъ, у г. де-Соссюра—греческій и санскритъ. Критика самой системы принадлежитъ специалистамъ, по принадлежности. Не излагая содержанія, мы укажемъ мысли знаменитаго французскаго лингвиста и—слависта.

«Изучить различныя формы, въ которыхъ обнаруживается т. наз. индо-европейское a — прямой предметъ этой работы: остальные гласные приняты въ разсужденіе на-столько, насколько представляютъ случай явленія, связанныя съ a . Но съ приближеніемъ къ предѣлу отмѣченнаго поля, картина индо-европейскаго вокализма мѣняется мало-по-малу на нашихъ глазахъ—мы видимъ, какъ все цѣликомъ собирается около a , принимаетъ въ виду его новый характеръ: ясно, что на самомъ дѣлѣ вся система гласныхъ, въ своемъ объемѣ, входитъ въ кругъ нашего наблюденія... Нѣтъ содержанія болѣе противурѣчиваго; мнѣнія дѣлятся до безконечности, и различныя виновники рѣдко сдѣлали вполне строгое примѣненіе своихъ мыслей. Съ этимъ соединяется, что вопросъ объ a — въ связи съ цѣлымъ рядомъ задачъ фонетичеи и морфологичеи, изъ коихъ однѣ ждутъ еще своего разрѣшенія, многія же и не поставлены. Такимъ образомъ, въ теченіе нашего путешествія, не рѣдко мы должны проходить чрезъ области, наименѣе воздѣланныя въ индо-европейской лингвистикѣ. Если тѣмъ не

ментѣ мы двигаемся туда, убѣжденные заранѣе, что наша неопытность не разъ заплутается въ лабиринтъ, — для занимающагося такимъ дѣломъ набрасываться на подобные вопросы вовсе не дерзость, какъ говорятъ часто: это необходимость, первая школа, которую надо пройти; здѣсь идетъ рѣчь не объ умозрѣніяхъ сверхчувственного порядка, но о розыскѣ начальныхъ данныхъ, безъ которыхъ все колеблется, все произвольно и невѣрно». Эту начальную страницей «Записки» опредѣляются мысль, объемъ и приемы труда.

Изложивъ теоріи Боппа ($a e o$). Курціуса съ Фикомъ (a, \bar{a} = въ Европѣ a, e — \bar{a} , позже a, o, e — \bar{a}), Шлейхера, Амелунга (a, \bar{a}, \acute{a} = въ Европѣ e, a, \bar{a} , въ греч. ϵ, α — ω) и Бругмана (индо-еврп. (a) a_1, a_2 = въ Европѣ e, a, \bar{a}), авторъ точнѣйше опредѣляетъ цѣль своего труда: «Наша задача — выяснить тотъ фактъ, что въ дѣйствительности рѣчь идетъ не о трехъ, но о четырехъ различныхъ величинахъ; что языка Сѣвера смѣшали двѣ фонемы, изъ-начала различныя и еще различаемыя на югѣ Европы: a , гласный простой, противопологаемый гл. e , и o , гласный усиленный, который есть только e въ его высшемъ выраженіи. Споръ между сторонниками раздвоенія (начальное a частично ослабленное въ e) и изъ-начала сугубаго a (a_1, a_2 , превратившіеся въ e, a), надо признаться, вращается въ пустомъ пространствѣ, такъ какъ подъ именемъ a языковъ Европы разумѣютъ кучу, которая не имѣетъ никакого органическаго единства. Эти четыре вида a , которые мы попытаемся найти въ основѣ европейскаго вокализма, мы прослѣдимъ еще далѣе и прійдемъ къ заключенію, что они принадлежали уже первоязыку, откуда вышли языки Востока и Запада» (5).

I глава — сжатое и ясное изложеніе теоріи Бругмана о плавныхъ и звучащихъ носовыхъ (скр. $\text{ǣ} \text{ǣ} = \text{gr. } \alpha\rho, \alpha\lambda, \rho\alpha, \lambda\alpha, \text{лат. } o\text{r}, u\text{l} (o\text{l}), \text{гот. } a\acute{u}r, u\text{l}$). Случай r въ образованіяхъ глагольныхъ ($\text{пѣ} \text{r} \text{d} \omega = \text{ѣ} \text{-} \text{п} \text{r} \text{a} \text{d} \text{-} o \text{-} \text{v}$, $\text{пѣ} \text{r} \text{d} \omega = \text{ѣ} \text{-} \text{п} \text{a} \text{r} \text{d} \text{-} o \text{-} \text{v}$), именныхъ и въ суффиксныхъ слогахъ; случаи r, m (= гр. α, α , лат. $e\text{p}, e\text{m}$, ст.-сл. a, a , лит. $i\text{p}, i\text{m}$) въ

тѣхъ же условіяхъ (напр. скр. *п̄аша*, ст. сл. и м. а: *а*, а — изъ одного звучащаго носоваго въ индо-европейскомъ яз., 26, жрѣба и пр., съ суффиксомъ = греч. ат, и оба изъ основной формы суффикса.—п̄ t, 29). Особенно интересны случаи звучащихъ носовыхъ въ слогахъ окончаній: наст. 3 мн., -п̄ tī, имперф., прич. наст. -п̄ t, вин. мн. -п̄ а, вин. ед. -т).

II, важнѣйшая, глава — фонема *А* въ языкахъ европейскихъ. Задача — «высвободить *а*, древнее и подлинное *а* — одно или сложное, все-равно — изъ-подъ той новой кучи, которую различныя случайности навалили на него» (50). Эта операція приводитъ автора къ слѣд. мыслямъ: 1) «Нѣмецкое *и* (*о*) не входитъ болѣе въ разсмотрѣніе при вопросѣ объ *а*. Оно всегда изъ плавнаго или звучащаго носоваго. 2) Въ языкахъ Сѣвера подлежатъ отнынѣ разсмотрѣнію лишь 2 гласныхъ: *е* и *о*, что мы называемъ *а*. Послѣдній звукъ является въ славянскомъ языкѣ въ видѣ *о*, но это не важно (?): это *о* равно *а* литовскому и нѣмецкому; окраска *о* не имѣетъ значенія. 3) Напротивъ, въ семьѣ Юга 3 гласныхъ: *е* а *о*. 4) *Е* Юга отвѣчаетъ *е* Сѣвера; *а* и *о* Юга вмѣстѣ отвѣчаютъ *а* Сѣвера. 5) Мы знаемъ, что когда греч. *α* чередуется съ *ε*, въ корнѣ съ плавнымъ или носовымъ (не начальнымъ), *α* позднѣйшаго образованія и относится къ звучащему. 6) Сказанные же корни суть единственныя, гдѣ имѣетъ мѣсто чередованіе *α* и *ε* — знакъ, что *α* греко-латинское и *ε* греко-латинское не имѣютъ ни малѣйшаго сопряженія между собой. 7) Напротивъ, чередованіе *е* и *о* въ греческомъ и первоначально въ италійскомъ безусловно правильно (ѣтехов: τέτοχα, τβχος = *tego: toga*). 8) Какъ же *α* и *ο* языковъ Юга могли выйти изъ одного и того же первоначальнаго *α*? Какимъ чудомъ это древнее *α* оцвѣтилось въ *ο*, и никогда въ *α*, именно каждый разъ, когда оно находилось въ обществѣ съ *ε*? — Заключение: дуализмъ *α* и *ο* языковъ классическихъ исконный, слѣдов., въ единственномъ *α* Сѣвера смѣшались двѣ фонемы. 9) Утвержденіе: когда какой-нибудь корень въ греческомъ или латинскомъ имѣетъ *α*, и этотъ корень находится

въ языкахъ Сѣвера, замѣчается сейчасъ же, что онъ являетъ и тамъ гласный *a*, и болѣе того—и это явленіе важное, это *a* никогда не чередуется съ *e*, какъ это бываетъ въ томъ случаѣ, когда греческій языкъ предлагаетъ *o*. Такъ готскія *vagja*=гр. ὄχέω, *hlaf*=(хѣ) κλοφα сопровождаются *viga*, *hlifa*. Но *agis*=ἄχος, *ala*=лат. *alo* не имѣютъ никакого родства съ *e*. Въ свою очередь корни послѣдняго рода будутъ имѣть особенность, неизвѣстную у корней перваго рода — способность удлинять свое *a* — *agis*: *ōg*, *ala*: *ōl*. (51—52). Вратцѣ эти мысли предлагаются въ слѣд. формулѣ: $a_1 a_2 A$ «состоянія первичнаго»=*e o a* въ греко-италійскомъ,=*e a* въ языкахъ Сѣвера (здѣсь *a* покрываетъ a_2 и *A*). Ясно, что здѣсь формула Бругмана, но въ болѣе развитомъ видѣ. Богатыя фактическія данныя въ выясненіе тѣхъ положеній занимаютъ вторую главу: равенство *a* греч. и *a* италійскаго, фонема *A* въ языкахъ Сѣвера (доб-ръ, гот. *gadob*, лат. *fāber*; ж-ъкъ, гот. *agg-vus*, *ang-o*, ἄγγω; ж-х-а, гот. *on*, *an-ithus*, ἄνθμος и пр.).

III глава—два *o* греко-италійскихъ: $o = a_2$, «правильно замѣняющему a_1 », это o_2 (γεν: γέγονα, *tendo: totondi изъ *tetondi, ср. въ славянскомъ вез: воз-ити), и $o =$ санскр. ᾶ (πόσις, rotis=rāti), это o , въ области греческихъ и италійскихъ нарѣчій, мѣняющееся съ *a* (ἄναρ въ Критѣ вл. ὄναρ, *ov-is*, но *au-bulus*=*ovium pastor*). «Фонемы, которыя языки Сѣвера предлагаютъ противъ o , совершенно тѣ же, что для *A* и для a_2 » (114). Такъ: *ovis*, ὄς, *avis*, овъца, ст. нѣм. *awi*; но въ литов. o иногда = *ū*: *ōd* или *ōd*, ζωσ, *δω*=*ū džū*, *jū'smi*, *dū'mi*.

IV глава—указанія множественности *a* въ первоарійскомъ языкѣ: въ арійскомъ (санскритъ, зендъ) *a* короткое=европ. *A* и *a*, (*e*); кромѣ того въ немъ есть *a*, которое не равно ни a_1 , ни a_2 . Но европейскій дуализмъ a_1 и *A* въ азіатской вѣтви не существуетъ, тогда какъ языки Сѣвера смѣшали a_2 и *A*.

V глава, самая обширная, устанавливаетъ роль раз-

личныхъ родовъ *a* въ языкѣ — въ образованіяхъ именныхъ и глагольныхъ, въ корняхъ обѣихъ формъ, полной и ослабленной, при чемъ для слависта интересно объясненіе лѣстницы подъема *e*: *a*: *o* (165), въ связи съ аналогическими явленіями нѣмецкаго и латинскаго языковъ, подробный синоптический обзоръ измѣненій вокализма, производимыхъ флексіею, глагольной и именной, предлагающій соображенія и для исторіи славянскихъ падежныхъ формъ, основъ съ *a*₂ и съ *a*₁, или безъ оныхъ, въ слогѣ предъ окончаніемъ (*la syllabe précédente*) и такой же обзоръ измѣненій вокализма, производимыхъ образованіемъ слова (основы, оканчивающіяся на *a*₁ и *a*₂, голыя или прикрытыя согласными, именные и глагольныя).

Послѣдняя, VI, глава, посвящена доказательству существованія долгихъ плавныхъ и звучащихъ носовыхъ въ санскритѣ (напр. *īr*, *ūg* = долготу *r*), ихъ грамматической роли, образованію, глава спеціально санскритская, но имѣющая показать присутствіе тѣхъ же долгихъ и въ языкахъ Европы, т. е., что «фонетическія явленія, изъ коихъ развились долгіе *i*, *u*, *r*, *ṛ*, *m* въ санскритѣ, должны были совершиться съ эпохи индо-европейской» (261). Слѣды этихъ явленій авторъ видитъ и въ славянскомъ языкѣ: тѣти при скр. *távi-ti*; врьнѣ = скр. *kīṅna*, длггъ (лат. *largus* изъ **dalgus*) = *dīgrha*, зрьно = *g'īṅnā*, првьв = *rūgvā*, вльна = *ūṅnā* (261, 262).

Позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего пріятный долгъ отмѣтить, что славянскій матеріалъ «Записки» такъ богатъ, такъ своеобразно, наново толкуется, что для знакомства съ нимъ, съ его разработкой, читатель благовольтъ обратиться къ самому труду. Немногія страницы — безъ свидѣтельства самой тонкой наблюдательности въ области славянскаго языка, его звуковъ и формъ (ср. стр. 38, 40, 41, 87, 89, 91, 93, 95, или V главу — распредѣленіе *a*₁ и *a*₂ межъ падежей). Умноженіемъ славянскимъ матеріаломъ можно только повторять остроумнаго и наблюдательнаго изслѣдователя, но не пополнять.

Затѣмъ немного словъ противъ.

1) И. г. де-Соссюръ, какъ и г. Маловъ, въ основныхъ воззрѣнiяхъ на исторiю развитiя языковъ арiйской семьи, раздѣляетъ ученiе школы Шлейхера и ея-строгой догматизмъ. Въ виду-же возраженiй Вонпа, Потта, въ виду теорiи Ив. Шмидта, вовсе не безусловно положенiе науки о строгой карантинной чертѣ, одной — между языками Арiйцевъ Азiи и Арiйцевъ Европы («la période européenne» 66, «exemples rapéuropéens» 274), другой—между языками Арiйцевъ Юга Европы и Сѣвера ея (греко-италийскими и литовско-славяно-нѣмецкими; но не видно—куда кельтскiй языкъ, изрѣдка, впрочемъ, поминаемiй). Авторъ обуславливаетъ это положенiе и конечными результатами своего труда (ср. небольшую карту тройственнаго дѣлежа всей индо-европейской территорiи, 123). Но судьба одного вокализма еще не достаточна для утвержденiя проэтническихъ процессовъ въ жизни нашей семьи, когда другiя явленiя позволяютъ понимать эти процессы иначе (k^1 , g^1), не касаясь уже момента бытоваго. Затѣмъ, для этихъ результатовъ пройдено мимо явленiй несогласныхъ, «divergents», или дается имъ проблематическое, искусственное разъясненiе. Такъ, авторъ не доказалъ, что несходство славянскаго вокализма—*o* и литовскаго—*a*, «мало значитъ»: вокализмъ славянскiй слишкомъ близокъ къ греческому. Даже требуемое авторомъ отдѣльное *o* для греко-италийскаго — *o* въ *rotis* — является и въ славянскомъ — господь. При этомъ и «правильное» чередованiе *e* и *o* въ греко-италийскомъ — *tego: toga*, не въ иной формѣ и въ славянскомъ: *тежъ: тожъ*. Искусственное освѣщенiе, какъ и раньше у г. Малова, въ низведенiи едино извѣстныхъ формъ типа *сынове*, слово до якобы основныхъ **сыневе*, **слево*, для того, чтобы «расходящееся» явленiе—*o* вм. *e*— a_1 , какъ требовала бы теорiя триады, отстранить, такъ какъ настоящее опредѣленiе a_2 (=сл. *o*) таково: «гласный, который въ европейскихъ языкахъ правильно чередуется съ *e* въ концѣ одного и того же слога, кореннаго или приставочнаго» (70). Что

въ формѣ чловѣкъ *o* не коренное; это вполне справедливо, но только не въ виду латыш. *zīlwekš*, которое можетъ быть заимствованіемъ. И русская форма чловѣкъ, и начальное *ч* изъ *к* указываютъ въ корнѣ гласный *e* на второмъ мѣстѣ, какъ ни темна этимологія самаго слова. «Откуда же *o*? Только благодаря *e*, съ которымъ пришелъ въ соприкосновеніе метатезъ плавнаго». А далѣе авторъ продолжаетъ: «Въ виду соображенія иного рода мы убѣждаемся, что слово вышло изъ слѣво. Въ самомъ дѣлѣ, среднія на—а в искони имѣютъ a_1 , никогда a_2 , въ коренномъ слогѣ: такъ въ арійскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ. И самъ славянскій языкъ никогда не нарушаетъ этого правила, какъ показываетъ небо = $vé\phi o s$. Какъ же объяснять слово = $\chi\lambda é\Phi o s$ иначе, какъ не влияніемъ *e* на *e*? Тоже замѣчается и въ наст. $\pi\lambda\acute{o}\omega = \pi\lambda é\Phi\omega$, ибо $\pi\lambda\acute{o}\omega$ — образованіе позднѣйшее. Въ слогѣ окончаніи мы находимъ подобное: санскр. $v\bar{u}p\bar{a}v\bar{a}v$, гр. $\pi\acute{\eta}\chi\epsilon\alpha s$, гот. $vupj\bar{u}v$, и только въ слов. съинове» (67). Ср. ссылку на это мѣсто — стр. 205. — Но аналогія не имѣетъ безусловнаго значенія. Коренное *o*, а не $e = a_1$ (слово), согласное съ общимъ характеромъ славянскаго вокализма — гласный *o*, можетъ быть, представляетъ просто *a*, благодаря напр. плавному *l* (не *l*), прежде всего близкому къ *r* — а этотъ плавный едино былъ извѣстенъ языку-отцу...

2) Теорія *o*, звука, едино въ греко-италійскихъ языкахъ, не убѣдительна: ибо $\pi\acute{o}\tau\iota s = \text{гос-подь}$, $\rho\acute{o}\chi\eta = \text{ночь}$, а «согласіе греческаго и латинскаго въ словѣ какъ $\pi\acute{o}\tau\iota s = \text{rotis}$ обезпечиваетъ высокую древность *o*, которое заключается здѣсь, и, какъ увидимъ, не возводится никомъ образомъ къ a_2 » (97). «Фонема *o* утверждается съ древнѣйшей даты, и ей трудно отказать въ ея грамотахъ на благородное индо-европейское происхожденіе» (*refuser ses lettres de noblesse indoeuropéenne*, 113). Самыхъ же случаевъ *o* не много (98). Мѣна *o* — *a*: $\lambda\acute{o}\chi\eta — \text{лос}$, $\delta\acute{o}\chi\eta — \text{дос}$ и пр. извѣстна и въ славянскомъ: $\text{рас-ти} — \text{рость}$, рабъ-робъ , радъ-родити ,

плата — у плочено ¹⁾). Мало того: славянскій языкъ въ древнѣйшихъ корняхъ повторяетъ греческій вокализмъ. Авторъ утверждаетъ равенство: $\delta\bar{\alpha}\rho\acute{o}\varsigma = d\bar{u}r\acute{u}s$, причемъ $\delta\bar{\alpha}\rho\acute{o}\varsigma$ изъ $\delta\alpha\rho\rho\acute{o}\varsigma$, при глоссѣ у Гесихія: $\delta\alpha\rho\upsilon$ — $\rho\omicron\lambda\upsilon\chi\rho\acute{o}\nu\iota\omicron\nu$ (107, прим. 3). Но этотъ корень $\delta\alpha\rho$ (скр. $d\bar{u}r\acute{a}$ отдаленный), въ его первобытныхъ видѣ и значеніи, до сихъ поръ хранитъ славянскій языкъ: дав-ьянь, съ гласнымъ *a* въ корнѣ, именно «отдаленный», «многочасный». Гдѣ же эта «исключительность» греко-италийская? Ср. и гр. ω : лит. \ddot{u} , но слав. *a* въ по-яс-ъ (114). Ср. выше Mahlow.

3) Не убѣдительно и теорія долгихъ плавныхъ и звучащихъ носовыхъ «des la période indo-européenne» уже въ виду одного обстоятельства, что одна, общая фонема (въ слав. напр. *ra*, *la*) и для краткаго, и для долгаго *r*, въ языкахъ Европы, Юга и Сѣвера. Санскритъ можетъ имѣть свою особенность, какъ напр. языки Европы обрабатываютъ «d'une manière particulière et inattendue» тѣ звуки, въ началѣ, корня, имѣя *a* впереди: с. $u\check{s}r\acute{a}$ = лит. $au\check{s}r\acute{a}$; $\acute{a}hi$, инд. $azhi$, $anguis$, лит. $angl\acute{is}$, жжъ, $\check{z}r\acute{is}$ (276, 277). Позволимъ себѣ сказать, что разработка вокализма т. наз. плавныхъ сочетаній ясна и убѣдительно въ теоріи Ив. Шмидта («Zur Geschichte»): группы «métathétiques» (269) удовлетворительно объясняются изъ природы плавныхъ звуковъ. Если гдѣ, то именно въ «плавной» области славянскіе языки, при своемъ необыкновенномъ многообразіи вокализма, предлагаютъ, въ своей исторіи (а она болѣе или менѣе на лицо) и географическомъ развитіи, наиболѣе цѣнный сравнительный матеріалъ (ср. нашу «Къ вопросу о вз. отч. сл. нарѣч.», мемуары ак. Миклошича «Über den Ursprung der Worte von der Formaltel. трѣт» и «—трѣт»). Здѣсь и помнитъ совѣтъ «юнограмматической» школы: въ современныхъ языкахъ искать свѣта для давно умолкшихъ. Г. де-Соссюръ относитъ напр.

¹⁾ Ср. главу «Echange des voyelles *a* et *o*» 100, сл.—объ *o* изъ *a* — «*au* *sol* grec». Объ «амалощемъ» нарѣчій у Грековъ стр. 104: $\acute{\alpha}\nu\alpha\rho$ вм. $\acute{\delta}\nu\alpha\rho$.

слав. брѣгъ къ $\sqrt{\text{bhræg}}$ (167): но сравнительная акцентуация, ср. бер-е-гъ = нѣм. Berg, не дозволяетъ этого.

4) Видимо умаленіе значенія литовскаго члена. Это ново (только съ послѣднихъ годовъ), но — вѣрно? Въ виду безусловной тождественности литов. *vaŕagà*, *vákaŕas*, а *ŕvà* съ санскритомъ въ вокализмѣ *a*, при *vesna*, вечерь, *equos* у Славянъ и Арійцевъ Юга, нельзя считать достаточными основанія—вести лит. *kraujas*, *paujas* чрезъ форми «паневропейскаго» вокализма — *kreu-*, *neu-*, чтобы только выдержать теорію a_1 . Ср. раньше Mahlow. Отношеніе напр. прус. *skalus* и слав. челюсть, кажется, указываетъ, что вокализмъ *e* (въ коренномъ слогѣ) обусловленъ мягкостью сосѣда согласнаго (*vaŕagà*, *vasantì*, но — *vesna*, *veg*, ср. алб. *vjed* лѣто, *vjetcar* annual): а это явленіе могло развиться самостоятельно и у Славянъ, и у Италийцевъ, помимо—невозможнаго—«паневропейскаго» періода.—Въ тоже время самъ литовскій языкъ понимается мѣстами не вѣрно: такіа славянскія заимствованія, какъ *radónas* подданный (141), *dvaŕgas* дворъ (218), толкуются, какъ туземныя, и имъ указаны даже первичные корни.

5) Теорія гуны замѣняется теоріей «*Ablaut'a*» (102): напр. первоначальный законъ былъ, что коренное- a_1 уступало мѣсто a_2 въ темѣ на—*a* (80); гуна — «это не динамическое усиленіе Шлейхера, ни механическое усиленіе Бенфея и Грейна—здѣсь просто ослабленіе» (125). Но если вѣрно, что напр. причинный глаголъ образовался отъ глагола простаго дѣйствія, и отношеніе это выразилось въ измѣненіи, напр. въ славянскомъ языкѣ—*i* въ *ь*, т. е. *oi*: *пи-ти* — *пој-и-ти*, *жи-ти*—*гој-и-ти*, и т. д.,—то слѣд. точка отправленія *i*, и старое опредѣленіе гуны, какъ вокальное измѣненіе въ корнѣ, въ интересахъ грамматическихъ, какъ извѣстное усиленіе—болѣе у мѣста.

6) Отдѣльныя замѣтки, поправки. Самое существованіе въ арійскомъ первоязыкѣ гласныхъ *n*, *m*, *r*, *l* еще все-таки предположеніе. Сошлюсь на г. Малова. Онъ говоритъ: «не-

соинѣнно, что во всѣхъ языкахъ предъ *r*, *l*, *m*, *n* *o* *n* *a* *n* *s* долженъ былъ развиваться гласный. И не знаю, почему этотъ гласный не долженъ былъ существовать въ праязыкѣ. И думать нельзя, чтобы лат. *or*, нѣм. *ur*, лит. *ig* развилось прямо изъ гласнаго *r*» («Die langen Vocale...», 6). — Формы «расходящіяся» не устраняются такими смѣлыми предположеніями, какъ *ka m ъ 1 = *ok m ъ 1*, въ виду *de* лит. *a k m ū*, санскр. *aṣṭa p* и пр. (64). Тамъ же *o* *n* *a* урвенно гр. *πᾶν(ον)*: но *o* *n* *a* при $\sqrt{\quad}$ *n* *a*, т. е. *пѣн*, слѣд. $a_1 : a_2$. — Авторъ не правъ, утверждая, что «въ двогласномъ желательнаго появляется a_2 —единственно греческій и нѣмецкій языки даютъ положительное свидѣтельство по этому вопросу — *ἔχοις*, *ἔχοιμεν*, гот. *vigais*, *vigaimes*» (87): сюда относится и слов. повелительное, съ его знакомъ $\bar{v} = o i$: *везѣ-мѣ*. — Съ нѣкоторыми этимологіями трудно согласиться. Послѣ того какъ ясно, что слав. *самѣ* = греч. *ἄμα* *вмѣстѣ* (ср. слав. оборотъ *самѣ-другъ*, *самѣ-пятѣ*), и что къ этому мѣстоименію долженъ быть отнесенъ предлогъ *сж*: въ чему новая біографія для этого предѣла — видѣть въ *сж* греч. предлогъ *α* и уравнивать *сж* *логъ* и *ἄλοχος* (278)?

Маѣески А., *Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego*, Lwów 1879, t. I, II. Многосложная переработка Грамматики 1863, но насколько осторожная та, настолько свободная и притязательная эта: авторъ поставилъ цѣлю—переворотить и славистику, и все сравнительное языковѣдѣніе. Не касаясь области «доисторическихъ» временъ, отбѣгимъ только рѣдкую свободу въ толкованіи старо-словенскаго языка. Такъ, *х* и *ь* славянскіе представители всевозможныхъ гласныхъ (I 14); недовольный формой *любѣ*, авторъ устанавливаетъ форму *любѣ* (I 208); прич. на *-лѣ* изъ *-въ*; находитъ аугментъ и притомъ двойной *-i*—въ серединѣ, *α* въ началѣ (*аштиша*, *абѣ*, Супр., I, 382, 222) и т. д. (Ср. обстоят. рец. г. Нэринга въ «Архивѣ» Ягича, V, 123—148).

Pott Aug., *Das indogerm. Pronomen*, въ «Zeitschrift der deutschen Morgenländ. Gesellschaft» XXXIII B. (1879)

1—81. Изъ-старя защитникъ славянскаго языкоислѣдованія въ Германіи, Поттъ и въ этомъ, одномъ изъ послѣднихъ трудовъ (+1880) обращаетъ тщательное вниманіе на старо-словенскій языкъ (мѣстоимен. основы къ, тъ 28, онъ 51, овъ 55 и др.).

Cihac, de, A., Dictionnaire d'étymologie daco-roman, éléments slaves, magyares..., Francfort s. M. 1879. Авторъ, природный Румынъ, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ языкъ народа. «Латинскій элементъ румынскаго языка — говоритъ онъ — представляетъ въ настоящую минуту лишь $\frac{1}{5}$ часть его словаря, тогда какъ славянскій элементъ вдвое больше — $\frac{2}{5}$... Почти всѣ славянскія нарѣчія обогатили болѣе или менѣе румынскій языкъ; но языку старо-словенскому Румынъ обязанъ болѣею частью своихъ славянскихъ заимствованій. Это послѣднее обстоятельство не можетъ удивлять, если только принять во вниманіе, что Румыны приняли христіанство отъ Словѣнъ Панноніи, которые занимали тогда Дакію и Венгрію по обѣимъ берегамъ Дуная и говорили этимъ языкомъ» (VIII, IX)¹⁾. Многолѣтній трудъ г. Чихака пополняетъ извѣстное исслѣдованіе акад. Миклошича, хотя въ немъ кое-какія «славянскія» реченія сомнительны, и представляетъ дорогое исключеніе въ румынской начинающейся филологіи, обыкновенно, ультрапатріотическаго характера Гиждау.

Bechtel Fritz, Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogerm. Sprachen, ein Beitrag zur Bedeutungsgeschichte, Weimar 1879 (XX+168). По научнымъ приемамъ, по знанію предмета, по результатамъ, скромнымъ, но точнымъ, оригинальная работа молодого лин-

¹⁾ О появленіи и распространеніи христіанства въ формѣ православной славянской церкви среди предковъ нынѣшнихъ Румынъ ср. нашъ, мной, послѣдній взглядъ въ «Русск. Филол. Вѣстникъ», 1881 г. № 1, 191—192. — По видимому, желалъ было коснуться этого вопроса и епископъ Порѣрій Успенскій, извѣстный знатокъ исторіи Восточной церкви, въ послѣднемъ своемъ трудѣ: «Проповѣданія въ Болгаріи, Молдовалахіи и Угорской Русѣ» въ «Трудахъ Кіев. Д. Ак.» 1880, сентябрь 1—36, да ограничился нелужными перепечатками, соображеніями сторонними, и все многословно.

гвиста, ученика Фика, заслуживаетъ полной признательности. Авторъ прилежно собиралъ всѣ слова изъ всѣхъ языковъ нашей арійской семьи, относящихся къ выраженію чувственныхъ воспріятій, и, слѣдя Гриму, распредѣлялъ ихъ между пяти главъ, по числу чувствъ: осязаніе, вкусъ, обоняніе, слухъ, зрѣніе. Старо-словенскій языкъ автору знакомъ довольно хорошо; знакомы и другіе славянскіе языки. Въ массѣ славянскихъ сближеній есть сомнительныя: языкъ и $\sqrt{\text{dag}}$ 4, образъ и рѣжж 8, хромъ и хороба 23, кожа и коза 27, маръ и лит. *aitus* 40, свистъ и саскр. *śvaś* 73, въ виду хоть чешскаго *hvizdati* свистать, польскаго *gwizdać*, отсюда звѣзда, *hvězda*, *gwiazda*, основ. значеніе гл.— сверкать, нюкати и $\sqrt{\text{pi}}$ звучать 82, и не указанъ глг. ни-ти, пошедшій дѣйствительно отъ этого корня; къ $\sqrt{\text{gad}}$ прежде всего относится пропущенный гл. гад-ати и уже послѣ гас-ти 88, имя гавьяна не можетъ относиться къ $\sqrt{\text{gar}}$ горѣть 111; для слова звѣзда авторъ отказывается найти корень 117; но въ виду польской и чешской формы, какъ только что видѣли, и начальнаго *v*, \bar{z} , а не просто *z* въ старѣйшихъ памятникахъ старословенскихъ, корень обнаруживается въ глаголъ *gwizdać*, *hvizdati* свистать (ср. слова автора ниже и параллельные примѣры). Сомнительно сопоставленіе скръжж и нѣм. *kratzen* 144. Если рус. корнать = саскр. *krnāti* (убиваетъ) 149, то неясно, что одинъ $\sqrt{\text{}}$ въ 2 формахъ: *ka* и *k'ar* (*k* = ... *c*). Въ рядъ ли сѣно и сивъ общаго $\sqrt{\text{k'i}}$ сѣять 153?

По внѣшнему, этимологическому, характеру, но только, съ Бехтелемъ сближается

Müller H. D., *Der Indogermanische Sprachbau in seiner Entwicklung*, I Theil, Göttingen 1879 (X + 450). Подъ громкимъ именемъ не хитрая вещь, произведеніе паталогическое, въ которомъ вся масса словъ и значеній въ цѣлой семьѣ индоевропейскихъ языковъ выводится легко и просто—сводится къ нѣсколькимъ иѣстоименнымъ корнямъ. Такъ рѣшается труднѣйшая проблема — образованіе первозыка и

языковъ нашей семьи, по убѣжденію автора, безспорно и безповоротно, хотя самъ онъ признается, что его теорія не выведена изъ данныхъ, а такъ — его осѣнило, и онъ рѣшилъ (стр. VI) Калейдоскопъ всяческихъ сближеній, съ литовскимъ и славянскимъ языками — со вторыхъ, третьихъ рукъ. Одинъ примѣръ довлѣетъ для обозначенія приемовъ автора. Отъ первокожня гаг, слѣд., по существу, мѣстоименнаго, пошли слѣд. слова (мы приводимъ списки въ сокращеніи): $\delta\gamma\epsilon\rho\omega$, средненѣм. *krām* (товары), *grassus*, *grex*, *gelu*, нѣм. *kleben*, *germanus*, чеш. *zelva* (!), *lac*, нѣм. *Kern*, *Kehle*, *Kranz*, *galea*, слав. *гора*, *ager*, гермен, литов. *garsas* (голосъ) и т. д. и т. д. (242, слѣд.)

VII.

В. Периодическія изданія.

а) Славянскія.

«*Časopis Musea Království Českého*», Прага,
съ 1827 г.

1839.—Hanka W., *Zprawa o slowanském ewangelium w Remeši*, 491—499.

1846.—Šafařík P. I., *O tvoření slow zdwojowáním kořene*, 355—368.

Его же, *O šíření časoslovních kořenůw a kmenůw wsauwáním a přiřázením sauhlásek*, 409—438, 560—627.

1847.—Šafařík P. I., *O přetwořování hrdelních sauhlásek*, 37—71.

Его же, *Wýklad některých grammatických forem w jazyku slowanském*, 127—170.

1848.—Šafařík P. J., *Mluwozpytný rozbor čísla slowa*, I díl, 217—257.

1849.—Schleicher Aug., O infnivě a supinum v jazyku slovanském, III. 153—157.

1851.—Hanka W., Zrnečka k palaeografii staroslovanské, 155—157.

1852.—Šafařík P. J., Pohled na prvověk hlaholského písemnictví, II vyp., 81—108, III vyp. 64—80 (Вторая статья въ «Собрании сочиненій» подъ заглавіемъ «Rozbor staroslovanského překladu Písma Svatého, recensí cyrilské a hlaholské»).

O., B., Miklosich—Monumenta linguae palaeoslovenicae, Lexicon linguae palaosl.; пристрастная рецензія, не безъ знанія, I в. 169—176, II в. 160—178.

1853.—Šumavský J., Příspěvek k slovanskému jazykozpytu, 304—319.

Schleicher A., O jazyku litevském, zvláště ohledem na slovanský, 320—334.

1854.—Hanka W., Hradecký zlomek staroslov. nedělních evangelii, 65—70.

Hattala M., Posouzení Čelakovského «Čtení o srovnávací mluvnici slovanské», 103—142.

1855.—Hattala M., O poměru cyrilčiny k nynějším nářečím slovanským, 81—104.

1857.—Hattala M., O ablativě ve slovančině a litvančině, 227—250, 564—580.

1858.—Hattala M., Mnich Chrabr, příspěvek k objasnění původu písma slovanského, 117—129.

Nebeský V., Kyril a Methud nepsali nikdy hlaholsky и пр. Jezbery, рец., 459—463.

Hattala M., O ablativě ve slovančině a litvančině, 519—533.

Его же, Obrana Libušina Soudu ze stanoviska filologického, 600—611.

1859.—Hattala M., Obrana и пр. 326—346.

1860.—Hattala M., Obrana и пр., 59—81.

Lavrovský P., O úspěchu slavistiky v Rusku, 219—237.

1861.—Nebeský V, Miklošić Fr. O slov. jmenech osobních, 85—88.

1862.—Hattala M., Буслевъ — Опытъ истор. грам. русскаго языка, 84—89, 133—160, 323—344.

Šafařík P. I., Stručny přehled liturgických knih církve řeckoslovanské, 291—297.

Jireček Jos., Staroslovanské životy sv. Ludmily a sv. Ivana, 318—322.

1864.—Hattala M., Výsledek historického jazykozpytu a mluvnice ruská, 187—212, 227—249.

Šafařík P. J., Poznamky o věcech hlaholských, 213—217.

Jireček Jos., O složených číslovkách staročeských, 323—342.

Vocel Er., O vzdělanosti slov. narodu v prvotních sídlech, 353—370.

Jireček Jos., I. Berčić — Bukvav staroslov. jazika, 413—414.

1867.—Gebauer Jan, Hattala — De coniunguam consonantium и пр., 248—273.

1869.—Hattala M., O jazykozpytě a přirodozpytě, 211—242, 332—365.

1870.—Kolař Jos., O hlaholských zlomcích Dobřichovických XIV a XV stol., 391—399.

1871.—Jireček K., Dvie službe za sv. Cirila i Metuda, 196.

Jedlička Boh., Gebauer—Příspěvek k historii českých samohlásek, 199—209 (противъ).

1872.—Geitler L., Kritické poznámky k dílu: «Cizí slova ve slov. řečech» Matzenauera, 91—99.

Gebauer J., Pokusy, jimiž se některé proměny hláskoslovné mechanikou mluvidel vykládají, 275—286, 359—368.

Jireček Jos., Berčić—Ulomci sv. pisma, 453.

Geitler L., Leskien — Handbuch der altbulg. Sprache, 455.

1873.—Geitler L., O stavu a nejnovejších pokročilých srovnáv. jazykospytu, 39—56, 148—163.

Emler J., Šafařík — Památky dřevního písemnictví Jhoslov. 2 vyd., 451.

1874.—Kotljarevský A. A., Uspěchy slavistiky na Rusi, 23—53, 169—189.

Ludwig Alfr., Miller Wsew., O zoroastrickém božství Mithra... arijský Mithra a slovanský миръ, 300—342¹⁾.

1875.—Jireček Jos., Miklosich — Altslov. Formenlehre in Paradigmen, 167.

Kolař Jos., O starém a posud neznamén rukopise hlaholském v Kyjevě, 192—197.

Jireček K., Даничић—Исторја облика, 219.

Его же, Starobulharské nosovky, 325—330.

Kolař Jos., O nosovkách polabských a jich poměru k polským a staroslovanským, 417—426.

1876.—Jireček K., Даничић—Основе, Новаковић—Српски поменици, 164—165.

Jireček Jos., Miklosich—Vergleich. Grammatik, 177.

Jireček K., Bethman — Die Evangelienhandschrift zu Cividale, 773.

Jireček Jos., Prusik—Wie sind die possessiven Adjectiva auf -uj и пр., 773.

1877.—Patera A., České glossy v «Mater verborum», 372—390, 488—513.

Gebauer J., Geitler L. O slovanských kmenech na U, 182—184.

Jireček Jos., Daničić—Korigjeni и пр., 522.

Jireček K., Новаковић — Примери книжевности и језика старог и српскословенскога, 653.

1878.—Kolař Jos., O hlaholském zlomku Kyjevském, 330—344.

¹⁾ Въ русскомъ изложеніи эта чешская статья г. Миллера помѣщена авторомъ въ Отчетъ Имп. Московскаго Университета за 1875 годъ (стр. 41—53): «Арийскія слова Mitra (Mithra) и славянское миръ».

Patera A., *Ceské a starobulharské glossy XII stol.* 536 — 557 (senfto = часто, izbiuachut 546, izd(olb)ena 547 и нѣкр. др.).

Jireček Jos., Ржяга—Сравн. этим. таблицы, 446.

Его же, Miklosich- Altslov. Lautlehre, 448—449.

1879.—Jireček Jos., Jagić. — Зографское Евангелие, 161—162.

«Časopis Towarštwa Mašicy Serbskeje», въ Будышинѣ съ 1848 года.

1861.—Pful, *Hornožuziska serbska ručnica na pri-punowacyu stejišću*, III, zvjazk 7, 8, стр. 3—95. Это первая часть—фонетика, съ самымъ внимательнымъ отношеніемъ къ старо-словенскому языку.

1863.—Его же, *Pomniki Rožobjan Słowjanšćiny*, № 27, 28 — 67, № 28, 69 — 138. Пфуль — предшественникъ Шлейхера въ разработкѣ языка Славянъ Полабскихъ съ точ-ки зрѣнія старо-словенской грамматики.

1864.—Его же, *Тоже*, № 29, 141—195, № 30, 199—241.

1878.—Его же, *Něšto ze słowjanskeje stariny*, 73—101. Съ громадной эрудиціей удивительная этимологическая несуразица. Авторъ греч. напр. 'Odüsseús толкуеть такъ: woduch-jew-si, wodüchjewsi, wodüsewsi... wodüsetis, odüsseús, т. е. изъ славянскаго—воздух-ив-сь!...

Его же, *Słowo mjedwjedź*, 101—107. Недовольный принятой этимологіей, предлагаетъ свою, въ указанномъ вкусѣ.

Его же, *Genetiv w negatiwnych sadach*, 107—115. Свообразное объясненіе синтаксиса родительнаго (удаленіе, сравненіе).

Его же, *Słowo njewjesta*, 117—127. Противъ Миклошича свое толкованіе—изъ па-ja-m-wěsta!..

1879.—Его же, *Člowjek a ruč*, 3—25. Новая серія невозможныхъ этимологій.

Его же, *Słowjan prěnich časow*, 25 — 56. Тоже въ томъ же вкусѣ.

Его же, *Někotre pomjenowanja*, 73 — 101. Въ томъ же вкусѣ толкованіе славянскихъ топографическихъ названій.

Его же, *Lokativ bjez předložki we, appell na slo-wjanskich wučenyh*, 102—131. Вымѣтки при чтеніи Синтаксиса Миклошича, съ этимологіей, то вѣрной, то въ своемъ вкусѣ, и совѣты, когда употреблять мѣстный падежъ вновь¹⁾.

«Književnik, časopis za jezik i poviest Hrvatsku i Srbsku i prirodne znanosti». Podporom Matice Hirske uredjuju i izdaju Dr. Fr. Rački, V. Jagić, J. Torbar, въ Загребѣ съ 1864 года.

Godina II (1865)²⁾.

Črnčić Ivan, Krčke starine, II, Hrvatski napisi, 8—23 (съ таблицей).

Jagić V., Slovjensko jezikoslovje, 78—95, 348—379, 506—537.

Rački F., P. I. Šafařík's «Geschichte der südslav. Literatur», II, III, 128—132.

Его же, Дечански споменици Ст. Ристића, 132—133.

Kostić, Jagić, Priměri starohrvatskoga sezika, I, 133 — 136.

Jagić Primjetbe k našoj sintaksi s gledišta sra-pnjujuće gramatike, 176 — 196 (въ основѣ старо-словенскій языкъ).

Kostić, Pacel, Oblici književne hrvaštine, 303—306.

Hattala M., O nosnih samoglasih u bugarštini u obće, i narose u novoj, 414—421, 461—476.

¹⁾ Съ сожалѣніемъ заносимъ мы рядъ этихъ невозможныхъ домысловъ рѣше весьма заслуженнаго, потрудившагося, слависта думицкаго. Недоумѣль, чего ради редація переполнила свое издаваніе ученыхъ вѣдомъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, I-го тома нѣтъ въ унив. библ.

Jagić, Lexicon palaeoslov. gr. latinum, Милуоча,
437 — 441.

Его же, Даничић, Рјечник из книжевних старина српски,
441 — 443.

Его же, Николско јеванђеље, 443—446.

Rački, Rozpravu z oboru věd slovanských Шаф-
рика, 457 — 458.

Jagić, O životopisu Alexandra Velikoga, 459—460
Godina III (1866—67).

Jagić V., Cirilski zbornik XVI—XVII stol. u bibliot
Kukuljevićevoj, 121—131.

Его же, Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih
Slovena od IX—XII vieka od J. Sreznjevskoga, s pri-
mjetbami i izpravci, 131 — 139.

Даничић Ћ., Типик светога Саве за Ораховиц,
139 — 142.

Его же, Свети Ћ. Братовац, 302—306.

«Rad Jugoslav. Akademije znanosti i umjetno-
sti», въ Загребѣ съ 1867 г.

Knjiga I (1867). — Daničić Gj., Ћ и Ћ u istari
slovenskih jezika, 106 — 123.

Его же, Zapisi iz nekoliko rukopisa, 174 — 188.

Kn. II (1868) — Jagić V., Gradja za glagolsku p-
leografiju, 1 — 35.

Rački F., Riedko slov. pismo u Vatikanu, 36—38.

Veber A., O vremenih u hrvatsko-srbskom jeziku
49 — 67.

Berčić I., Brojna vriednost slova д, 185—91.

Daničić, De mutatione и пр., Гаттала, 192—203.

Kn. IV. — Hattala M., Početne skupine saglas-
hrvatskih i srbskih, 104 — 175.

Kn. V. — Jagić, Novija djela Miklošičeva, 209—211.

Kn. VI (1869).—Daničić, Akcenti u glagola, 47—158.

Jagić, A. Šlaher, nekrolog, 180 — 203.

Kn. VIII.—Jagić, Najnovija izdanja slovinskih književnih starina trudom I. J. Sreznjevskoga, 200 — 210.

Kn. IX.—Miklošić F., O slovima V, s, ž, 11—16.

Kurelac F., O korenu teg i njegovih žilicah, 17—64.

Jagić. Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku, 65 — 155.

Kn. XIII (1870).—Jagić. Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju, 1 — 16.

Rački, O slovenskoj chronografiji srednjega vieka, 213 — 230 (по поводу изд. А. Попова).

Daničić, Слово св. Ипполита, изд. Невоструева, 230 — 231.

Его же, Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, 231 — 233.

Kn. XIV (1871).—Veber, O pridavniku, 1—17.

Daničić, Akcenti u adjectiva, 88—109.

Jagić, Napredak slovinske filologije pošljednjih godina, 169 — 212 (о второмъ изданіи Поттовыхъ «Etymol. Forschungen», «Grundzüge» Курціуса, Словарь Фика, обоихъ журналахъ Куновыхъ, трудахъ П. Лавровскаго «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ», гг. Гебауера, Милуцкаго, Миклошича «Славянская струя въ новогреческомъ, албанскомъ», Потебни и нѣкоторыхъ другихъ).

Kn. XV.—Kurelac, Brojanica ili deset glagolskih zrnac, 87 — 165.

Kn. XVI.—Črnčić Iv., Popravci ka glagolskim spomenikom, 1 — 6.

Kurelac, Brojanica ili deset glagolskih zrnac, 87—158.

Daničić, Gramatika Gjur. Križanića, 159—198.

Kn. XVII. — Jagić, Napredak slovinske filologije pošljednjih godina, III, 172—208 (о трудахъ г. Крынскаго «О носовыхъ звукахъ»..., Бодуэн-де-Куртене «О древне-

польскомъ языкѣ», I. Шмидта «Zur Geschichte des indogerm. Vocalismus», г. Миелошича «Über die Genetivendung го и др., г. Шерцля «Объ именахъ числительныхъ», Лескина «Handbuch der altbulg. Sprache» и др.).

Кн. XVIII (1872).—Jagić, Biografija Jurja Križanića. koju je pisao P. Bezsonov, 164—205.

Кн. XX.—Kurelac F., Brojanica ili drugih deset glagolskih zrnac, 61—92.

Его же, Stariji oblici samostavni, 138 — 149.

Daničić, Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske, 150—233.

Кн. XXI.—Nevostrujev K., Pogled na historiju istočne crkve u Češkoj i stara služba sv. Večeslava, 134—169. (Старо-слов. служба чеш. кн. Вячеславу, русск. рец., XII в.).

Radetić Iv., O dativu u slovenštini, 170 — 188.

Кн. XXII (1873).—Veber, O zaimenu, 24 — 35.

Его же, O glagolju, 36—54.

Кн. XXIII.—Črnčić I., Brojna vriednost slova **И**, 18—23.

Кн. XXV. — Kurelac, Brojanica ili drugih deset glagolskih zrnac, 1—30.

Кн. XXVI (1874). — Daničić, Nom. sing. masc. na O i na E, 53—63.

Его же, Prilog za istoriju komparativa u hrv. ili srpskom jeziku, 64—73.

Кн. XXXIV (1876). — Geitler Lav., Etimologija imena Hrvat, 111—118.

Кн. XXXV. — Valjavac M., Novoslovenski komparativ prema staroslovenskomu glede na formaciju, 50 — 135.

Кн. XXXVIII (1877).—Kuhač F., Prilog za povjest glasbe južnoslovenske, 1—78 (для сравнит. словаря).

Кн. XXXIX.—Šulek B., Pogled iz biljarstva u praviek Slavenah, a napose Hrvatah, 1—64. Между прочимъ

къ вопросу о славянскихъ заимствованіяхъ въ мадьярскомъ языкѣ.

Kuhač, Prilog za poviest и пр. 65—114.

Kn. XL. — Geitler, Bretkunova litavska postilla, 116 — 129.

Kn. XLI. — Kuhač, Priloh za poviest и пр. 1—48.

Geitler, O parasitskih sibilantih iza guturalah u slavenštini, 154—189.

Kn. XLII (1878). — Veber, Pabirci po slovnici hrvatskoj, 185.—197.

Kn. XLIII. — Valjavac, Prinos k naglasu u (no-vo)slovenskom jeziku, 1—91.

Šulek, Zašto Slaveni poštuju lipu? 149—188.

Kn. XLIV. — Valjavac, Prinos k naglasu и пр. 1 — 84.

Geitler, O parasitskih gutturalah iza dentalah, u litavskih i slavenskih jezicih, 124—149.

Novaković St., z u srpsko-slovenskoj i bugarsko-slovenskoj književnosti od XV vijeka na dalje, 150—174.

Kn. XLV. — Kuhač, Prilog za poviest glasbe и пр. 1 — 49.

Valjavac, Prinos k naglasu и пр. 50—127.

Glasovi o «Ogledu rječnika»: Миллошича, Срезневскаго, Вебера, Новаковича, 158—165.

Kn. XLVI (1879). — Valjavac, Prinos k naglasu и пр. 1—77.

Kn. XLVII. — Valjavac, Prinos k naglasu и пр. 1 — 92.

Kn. XLVIII. — Valjavac, Prinos k naglasu и пр. 130—169.

Zima L., Nacrt naše metrike narodne obzirom na stihove drugih naroda a osobito Slavena, 170—221.

Kn. XLIX. — Zima L., Nacrt naše metrike и пр. 1—64.

Kn. L. — Kuhač, Prilog za poviest glasbe и пр. 44 — 95.

Kn. LI (1880). — Valjavec M., Imperfekta kako se tvori u staroj slovenštini i prema njoj u hrvaštini ili srbs̄tini pak u kajkavštini, 55 — 139.

«Časopis Matice Moravské», ред. B. Rojt, въ Бърнѣ съ 1869 года.

I (1869). — Matzenauer A., Příbuznost jazyků indoeuropejských, 30—48. Популярныя очерки.

II (1870). — Brandl V., Výklad některých věcí ze zpěvu Záboj..., 18 — 36. Для сравнит. этимологии нѣкоторыхъ старо-слов. словъ.

IV (1872). — Bartoš F., O genitivě závislém na časoslovesch, 1 — 42. Индѣ сравненія съ старо-слов. и старорусскимъ синтаксисомъ ¹⁾.

«Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiędności w Krakowie», Краковъ съ 1874 года.

Tom II (1875). — Karłowicz dr., O języku litewskim, 135—376. См. отдѣльныя сочиненія этого года.

T. III. — Petrów Aleks., Głosownia Dólnożużyckiego języka, 70—121. Тщательно собранный матеріалъ, изложенъ яснѣе, чѣмъ въ изв. трудѣ Е. Новикова (М. 1847). При этомъ, вездѣ точка отправления — старо-словенскій языкъ.

Kopernicki J., Spostrzeżenia nad właściwościami językowými w mowie Górali Bieskydowych, 343 — 379. Заносимъ въ виду одного сообщения автора: «zachowane — говорить онъ — ze starosłowiańskiego i że raz tylko napotkałem w piosenie:

¹⁾ Мы нѣли журналъ лишь за пять лѣтъ, по 1873.

gádaJa gąska gádaJa

iže gąsiora nie miała» (348). — Если здѣсь iže вл. пол. же не ослышка, то скорѣй здѣсь остатокъ вообще старины, а отъ iže идутъ соврем. iž, že, чѣмъ слѣдъ старо словенскаго языка.

T. IV (1876).—Karłowicz dr., Program Słownika polskiego, XIV—XCIV (Dodatek). Заносится въ виду приложеннаго обращика сравнительнаго славянскаго словаря.

T. V (1877).—Ogonowski E., O przyimkach w językach starożyłowieńskim, ruskim i polskim. См. отдѣльныя сочиненія 1879 года.

«Listy filologicke a paedagogicke», vydávaji se nákladem Jednoty českých filologův v Praze, redakt. I. Kvičala, J. Gebauer, съ 1874 года¹⁾.

I (1874). — Новотный Э., Наблюденія въ области сравнит. языковѣдѣнія.—Защита теоріи Шлейхера противъ Ив. Шмидта

Гебауэръ Ягъ, О причинахъ измѣненій языковъ, особенно славянскихъ.

II (1875).—Нидерле Г., О нѣкот. гомеровскихъ эпитетахъ на оф..., сравнительно съ нѣкоторыми именными суффиксами въ славянскомъ. Не окончена, за смертью даровитаго автора.

Гебауэръ Я., О сложныхъ предложеніяхъ и развитіи формы подчинительной изъ сочинительной.

Его же, О раздѣленіи звуковъ чешскаго языка.

Гейтлеръ Л., О слав. темахъ на U. См. отд. сочиненія въ 1877 году.

III (1876).—Гейтлеръ, О слав. основахъ на U.

Его же, Объ этимологіи имени Хорватъ.

¹⁾ Не имѣя первыхъ четырехъ годовъ, содержаніе ихъ отмѣчаемъ по статьѣ въ Воронеж. Фил. Зап. 1878, вып. IV.

IV (1877).—Гебауэръ, О двойномъ ѣ, ясноиъ и темномъ, въ древне-чешскомъ языкѣ.

Его же, Граммат. мелочи.

Бартошъ Ф., О предлогахъ v, nad, pod, před.

V (1878). — Gebauer, Drobnosti grammatické, 52—58 (продолж.).

Его же, рец. «Archiv für slav. Philologie» Ягича, 75—80.

Его же, О významu jotace v rukopisech staročeských, 183—217. Тщательная, достойная признанія работа по старочешскому (XIV в.) правописанію.

Его же, рецензіи Миклошичевыхъ: «Über die Steigerung und Dehnung...», «Über den Ursprung der Worte von der Form aslov. трѣт», «... aslov. трѣт und трат», 294—304.

Его же, рец. Словаря Даничича (пробн. листовъ) и Архива Ягича, 304—307.

VI (1879).—Gebauer, Drobnosti grammatické, 50—56.

Его же, рец. изданіи Зограф. Еванг., Ягича, 172 — 73, Архива, того же 175, — 176.

Его же, Ke kvantitě staročeské, 204—230. Интересный сравнит. мемуаръ.

Его же, рец. Миклошичева «Über die langen Vocale in den slav. Sprachen», Архива Ягича, 312 — 320.

VII (1880).—Matzenauer Ant., Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu, 1—48. Матеріаль, главн. обр., изъ старо-слов. языка. Осторожное и интересное изслѣдованіе въ области этимологіи — качества, присущія всѣмъ трудамъ этого извѣстнаго моравскаго этимолога.

Gebauer, Nový důvod pro pravidlo o staročeském měkkém e a ě, 122—125.

Его же, рец. Архива Ягича, 155—160.

Matzenauer, Příspěvky и пр., продолж. 161 — 224.

Gebauer, Drobnosti grammatické, 293—300.

Его же, рец. Архива Ягича, 334—336.

VIII.

B. Периодическія изданія.

b) *Инославянскія.*

«Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Вѣна, съ 1848 года.

I Band.—Miklosich Fr., Über den reflexiven Gebrauch des Pronomen *oъ* und der damit zusammenhängenden Formen für alle Personen, 119—127 (замѣчательный сравнительный этюдъ и для греческаго, и для славянскаго научнаго синтаксиса).

Его же, Über die altslovenische Conjugation, 171—175.

VI B. (1851)—Мнѣнія П. Шафарика и Ф. Палацкаго объ увѣнчанномъ Академіей рукописномъ трудѣ, какъ оказалось, Ф. Миклошича и написаннымъ на тему заданную отъ Академіи: ¹⁾ «Die Lautlehre der slawischen Sprachen

¹⁾ Въ 1848 г. была основана Академія и, строгоя въ себя, понимая свое призваніе въ наукѣ, она сейчасъ же, тогда же въ 1848 г., объявила на соисканіе преміи тему: «Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій». Долгъ слависта—остановиться на самой мотивировкѣ этой, столь удачной, темы. Въ то время какъ Нѣмцы и Романцы въ трудахъ Гримма и Дитца имѣютъ уже историко сравнит. грамматику, совершенно иначе стоитъ дѣло съ третьимъ племенемъ—Славянскимъ. Оно лишено по сегодняшний день, не смотря на кое-какіе удачные приговорительные труды по отдѣльнымъ нарѣчіямъ, методически обработанной сравнит. грамматики, охватывающей равномерно всѣ нарѣчія, и потому громко и не однократно было высказано живѣйшее желаніе имѣть подобный трудъ со стороны языковсѣдователей всѣхъ образованныхъ европейскихъ народовъ, безъ различія племени». Филологическое отдѣленіе указывало, что «1) Сравнит. слав. грамматика пришла бы на помощь глубоко чувствуемой научной потребности, восполнила бы значительный пробѣлъ въ европейскомъ языковсѣдованіи и довершеніемъ цикла гармоническихъ грамматикъ для трехъ величайшихъ европейскихъ племенъ оказала бы цѣлому языкованію новую, желанную помощь; что 2) то, что называется Славянскою филологіей—высшее систематическое славянское язы-

nach der comparativ-historischen Methode», 539 — 543, 543 — 545 (по Шафарыку, «истинно научная и удачная работа, плод основательныхъ студій и большого прилежанія», мнѣніе Палацкаго сдержаннѣе).

VIII B. (1852). — Schleicher (Aug.), Ueber v (-ov, -ev) von den Casusendungen im Slawischen, 194—210 (отрицаніе склоненія съ темой на u (ou) въ славянскомъ, противъ Воппа, Миклошича, Шафарыка).

IX B. — Schleicher, Briefe an den Secretär, über die Erfolgē einer nach Litauen unternommenen wissenschaftlichen Reise, 524—558 (пять писемъ).

XI B. (1853). — Schleicher, Lituanica, 76 — 156 (грамматическіе матеріалы, этнографическія замѣтки).

XIV B. (1854). — Miklosich, Über die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's, 3—52 (сравнительно съ старо-словенскимъ).

XIX B. (1856). — Miklosich, Über die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen, 30 (содержаніе менуара).

нознаніе, есть наука, выросшая и глубоко развившаяся въ Австріи, преимущественно благодаря трудамъ Дуриха, Добровскаго и Копитара—удержаніе же и дальнѣйшіе развитіе ея, въ интересъ отечественной науки и литературы, не можетъ быть равнодушно для Академіи Наукъ; что, наконецъ, 3) Австрія, въ земляхъ которой нѣкогда св. Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали евангеліе слав. народомъ и положили основный камень славянскому письменному языку и литературѣ. и въ предѣлахъ которой славянскія нарѣчія несравненно больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европ. государствѣ, не только употребляются, но и письменно обрабатываются, преимущественно призвана потому — способствовать разрѣшенію столь же вѣрной, смелой и трудной, задачи». Въ виду обычной краткости слова, Академія свою задачу формулировала такъ: «Die Lautlehre der gesammten slawischen Sprachen soll als Grundlage und Bestandtheil einer vergleichenden slaw. Grammatik dargestellt quellengemäss und systematisch bearbeitet werden, dass die am frühesten ausgebildete und am reichsten fliessende altslawische oder kirchenslawische Mundart zum Grunde gelegt, und hierauf die übrigen lebenden und litterarisch kultivirten Mundarten in natürlicher Folge, d. i. mit Berücksichtigung ihrer inneren genetischen Verwandtschaft, beleuchtet werden...» (См. J o r d a n «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», VI B., 73—74).

XXIII В. (1857). — Miklosich, Die Wurzeln des
altslovenischen Sprache, 113—114 (содержаніе).

XXIV В. Miklosich, Die Bildung der Nomina im
Altslovenischen, 3 (содержаніе).

XXV В. Müller Fr., Der Verbalausdruck im arisch
-semitischen Sprachkreise, 379—415 (иѣст. азъ, са).

XXXII В. (1860).—Miklosich, Zum Glagolita Clo-
zianus, 6 (содержаніе).

Его же, Die Bildung der Personennamen in den slav.
Sprachen, 684 (содержаніе).

XXXIII В. Müller Fr., Das grammatische Ge-
schlecht (Genus), ein sprachwissenschaftlicher Versuch,
373—396 (славянскія параллели—отъць 376, окончаніе и,
какъ «Motionszeichen», въ прич. дѣйств. наст. и прош. 391).

XXXIV В. Müller Fr., Einiges über das ν ἐφαλουστι-
κόν im Griechischen vom sprachwissensch. Standpunkte, 3—
7 (о флексіи а—зі въ изв. падежахъ).

Его же, Zur Suffixlehre des indogerman. Verbuns,
8—16 (о иѣст. возвратномъ въ славянскомъ 13).

XXXV В. Müller Fr., Der Dual im indogermani-
schen und semitischen Sprachgebiete, 51 — 67 (двойств.
въ литовскомъ 62, въ славянскомъ 57—66).

XXXVI В. (1861)—Müller Fr. Über die Stellung
des Ossetischen im éranischen Sprachkreise, 3—16 (флек-
сіи дат. дв., дат. и твор. множ.: мае, ма въ соотвѣтствіи
съ слав. ма, иъ, ии, иѣст. азъ=азъ 12).

Miklosich, Die slav. Elemente in der rumunischen
Sprache, 85 (содержаніе).

XLIV В. (1863) — Müller Fr., Beiträge zur Decli-
nation des armenischen Nomens, 551 сл (флексія твор. б
=слав. иъ, лит. mi 558, а к-п=слав. око 561).

XLVI В. (1861).—Miklosich, Über die Ortsnamen
aus Personennamen im Slavischen, 112 (извѣщеніе).

Его же, Die Rusalien, ein Beitrag zur slavischen
Mythologie, 386—405 (для исторіи слова—роза).

XLIX B. (1865).—Miklosich, Über die verba impersonalia im Slavischen, 219 (содержаніе).

LV B. (1866).—Ludwig Alfr., Die Entstehung der A—Declination und die Zurückführung ihrer Elemente auf das ihr zu Grunde liegende Pronomen zugleich mit der Darstellung des Verhältnisses der A—Nomina zu den derivirten Verbalformen. Ein Beitrag zur Geschichte der Wortbildung im Indo-Germanischen, 131 — 194. Основная мысль—многообразіе суффиксовъ свести къ немногимъ формамъ (стр. 136). Исслѣдованіе обнимаетъ массу вопросовъ старословенскаго языка: суф. адъ, ѡда 146, суф. ти 149, суф. нж=нова 151, форма однократнаго вида 152, глаголы на —нѣти, -ати 153 глаголы на —нѣти, -ѣти 154, глг. на—нѣти, -ати ѡши 154—155, гл. на—нѣти, ѣти... иши 155, гл. на—нѣти... ѡши ѡв., гл. на—нѣти, ати, аж... 165, гл. на—нѣти, ѣти, ѡв ѡв., суф. аи 157, гл. на—ѣти 157, на—ати, ити 159, суф. ат 159—160, суф. тыто 160, вин. а, ты, м. -ѣхъ, дат. -омъ 162—163, суф. -анинъ 163, тожд 164, имена съ темой на с 166—167, на а муж. р. 168, суф. анъ 169, на а ж. р. 170, суф. ди —къждо 176, ждъ—ждоу 176, суф. ма 178, ты-ти, бы-въ 181, сочет. иі (ты) 183, седъшь, осмь 184, суф. ба=скр. bha 185, глг. суф. нж 188, гл. на -ывати, гдѣ ты изъ аи 189, суф. -тыка въ владтыка 191, нжъ ѡв.

Miklosich, Ueber die slavischen Monatsnamen, 338 (содержаніе).

LVII B. (1867).—Miklosich, Der praepositionslose Local in den slavischen Sprachen, 351—358.

LX B. (1867). — Tomaschek W., Über Brumalia und Rosalia, nebst Bemerkungen über dem bessischen Volksstamm, 351—404 (въ дополненіе къ разсужденію в. Миклошича—см. выше).

Miklosich, Über den accusativus cum infinitivo,

483—508 (винительный=дательный въ зависимости отъ неопредѣленнаго, изъ старо-словенскаго и готскаго языковъ).

LXI В. (1869).—Miklosich, Über die Negation in den slavischen Sprachen, 356 (извѣщеніе).

LXII В. Miklosich, Über die Genitivendung го in der pronominalen Declination der slavischen Sprachen, 48—52 (го въ того и пр. изъ частицы га, г̄а, гр. γε, γα).

LXIII В. Miklosich, Die slavische Elemente im Neugriechischen, 529—566.

LXV В. (1870). — Miklosich, Die slavischen Elemente im Albanischen, 4 (извѣщеніе).

Kvičala Joh., Untersuchungen auf dem Gebiete der Pronomina, besonders der lateinischen, 77 — 155 (и славянскія параллели—и же 77, 80, ииъ 92 и другія; особенно изъ чешскаго языка).

LXVI В. Müller Fr., Zur Suffixlehre des indogermanischen Verbums, II, 193—212 (о слав. сѣ съ глаголомъ 210).

Его же, Die Vocalsteigerung der indo germanischen Sprachen, 213 — 224 (славянскія параллели—словес, небес 215, гора 218, суф. нж въ двиг-нж-ти 219, плънъ 221, подъемы о, ъ, а; ъ, ой, ай; оу, ов, ав 224).

Его же, Über das lateinische Perfectum, 225—228 (лат. перфектъ = старо-слов. преходящому: праформа сер-ауа-в-т=праформъ plet-ауа-в-ат плетѣхъ).

Его же, Armeniaca, III, 261 — 278 (къ этимологii ротъ, рота, ротити сѣ, осьлъ 271, айце, ядро 273).

Его же, Egānica, 361 слѣд. (къ этимол. сл. зжбъ 370).

LXVII В. (1871)—Miklosich, Die slav. Elemente im Magyarischen, 137 (извѣщеніе).

Müller Fr., Zur Suffixlehre des indo-germanischen Verbums, III, 646—652 (слав. суф. 1 л ед. мь 647, über das Vorkommen von Medialsuffixen im Altslavischen, 649 слѣд., именно, личн. суффиксы сь (ши), ти, вѣ).

LXVIII В. Miklosich, Über die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen, 133—156.

LXX B. (1872).—Miklosich, Die slav. Ortsnamen aus Appellativen, 4 (извѣщеніе).

LXXI B. Geitler L., Beiträge zur slavischen Declination und Wortbildung, 225 (извѣщеніе).

LXXVI B. (1874). — Miklosich, Über die slav. Ortsnamen aus Appellativen, 3 (извѣщеніе).

LXXVII B. Miklosich, Das Imperfect in dem slavischen Sprachen, 5—30.

LXXVIII B. Miklosich, Über den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination, 143—152.

Müller Fr., Armeniaca, IV, 425 — 431 (о s, какъ знакъ 2 лица, арм. mis=масо 427, о суф. bhi=-b въ арм. въ орудномъ падежѣ, какъ и въ славянскомъ 429).

Miklosich, Die christliche Terminologie der slav. Sprachen, 435 (извѣщеніе).

LXXXI B. (1875). — Miklosich, Beiträge zur altslovenischen Grammatik, 81—135.

LXXXII B. (1876).—Kanitz F., Tirnovo's altbulgarische Baudenkmale, 271 — 288 (юсовая болгар. напикъ конца XII вѣка на църкви 285).

LXXXIII B. Prussik Fr., Wie sind die possessiven Pronomina мой, твой, свой im Slavischen zu deuten? 407—418.

Golowatzkij Iakow F., Sweipolt Fiol und seine kyrillische Buchdruckerei in Krakow von Jahre 1491, 425—448 (въ исторіи письменъ, ср. 443, 444).

LXXXIV B. Müller Fr., Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise der indo-germ. Sprachen, 211—232 (объ отношеніи его къ славянскому 212, какъ въ славянскомъ, s, z изъ k¹, gh¹—tasn=десять 214, 217, q'un—сътъ 215, дифференцированье a—везж, возъ 220, согласіе въ нь=b изъ bhi 222, азъ=ев 222, лебядь 226, арм k = индо-занд. dž, слав. ѡ, ж 231, k'j въ tš = ш, потому ts=c 231—просити 232).

LXXXVIII В. (1877).— Müller Fr., *Armeniaca* V, 9 — 16 (арм. *lsel* изъ **slušel* = слав. слышати 11).

Gotthard Fr., Ueber die possessiven Adjectiva auf овъ (*ŭv*), ова, ово im Slavischen, 229 — 270 (противъ теоріи Шлейхера, что суф. овъ=звнд. мѣст. а ва, ср. выше —VIII В.).

Miklosich, Ueber den Ursprung der Worte von der Form *aslov*. трѣт und трат, 726 (извѣщеніе).

LXXXIX В. (1878). — Müller Fr., Die Guttural-Laute der indo-germanischen Sprachen, 3—16 (важный мемуаръ, два ряда гортанныхъ въ пралыкѣ — «задніе» и «передніе», изъ *k'*, *k'j* сначала *tš*, позже *ts*, изъ *g'* по тому же *dž*, *ž* (3), хорошиі подборъ славянскихъ параллелей).

Gebauer Joh., Ueber die weichen *e*-Silben im Altböhmischen, 317—390 (память о т. наз. йотованныхъ гласныхъ въ старо-чешскомъ—морѣ и моря, сравнит. съ старо-словенскимъ).

XC В. Miklosich, Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slav. Sprachen, 5 (извѣщеніе).

XCI В. Müller Fr., Nachtrag zur Abhandlung ‚Die Guttural -Laute der indo-germ. Sprachen‘, 199 — 204 (новыя данныя, что звндскіе *s*, *z* = слав. *s*, *z* изъ *ts*, *dz*, а эти изъ *tš*, *dž*, изъ области западноиранскаго языка).

XСII В. (1879).—Gebauer Joh., Ueber die weichen *a*-, *o*- und *u*- Silben in Altböhmischen, 299—354 (продолженіе перваго мемуара, т. LXXXIX).

XCV В. Gebauer Joh., Nominale Formen des altböhmischen Comparativs, 505—520.

XCVI В. Tomaschek W. Centralasiatische Studien, II, Die Pamir-Dialecte, 735 сл. (собака, щена 761, ярка 766, лось 767, чръмь 769, венуча 775, жсь 779, тыти 787, топоръ=перс. *tabar* 799).

«Slavische bibliothek oder beiträge zur slavischen philologie und geschichte», her. geg. von Fr. Miklosich, Вѣна.

I band (1851).—Miklosich Fr., Lautlehre der bulgarischen sprache, 43 — 56. Сравнительно съ старо-словенскимъ языкомъ.

Kopitarus Bartholomaeus, Prolegomena historica in Evangelia slavice quibus olim in Regum Francorum etc. (т. е. въ изданію Рейскаго Евангелія въ Парижѣ 1843 г.), 57—84.

Müller Josef, Historische denkmäler in den klöstern des Athos, Verzeichniss der in den Athosklöstern aufbewahrten urkunden, 147—200. Ср. подъ 919 годовъ (!) объ одной славянской грамотѣ.

Miklosich, Glagolitisches fragment, ev. Ioan. 19. 9 bis 19. 28, отрывокъ (листокъ) изъ глагол. Григоровичева четвероевангелія, 261 — 263. Странно сообщеніе издателя: «dem vernehmen nach der codex mit ausnahme des dieses fragment enthaltenden blattes zu grunde gegangen ist» (262). Кириллицей.

Miklosich, Entgegnung auf herrn W. Hanka's albernheiten und lügen, 267—321. Ужь очень грубый отвѣтъ старику Ганкѣ, по поводу злыхъ замѣтокъ его о старо-слов. трудахъ Миклошича (грамматикѣ, словарѣ) въ Журналѣ Чеш. Музея, что они позаимствованы у. Капитара.

II band (1858).—Даничић Љ. Из српске синтаксо, 93 —109. Обь управленіи и въ старо-серб., и въ старо-словенскомъ.

Miklosich, Zusätze zu... «Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen», что въ Denkschriften, B. VII, 140 — 141. Ринезмъ въ языкѣ Седмиградскихъ Словенъ (русскихъ?), вымершихъ только въ началѣ нашего столѣтія, въ доказательство ринезма въ старо-словенскомъ.

Напуš I. I., Zur Glagolica—Frage, ein Referat über I. P. Šafařík's Schriften, 197 — 232. О сочиненіяхъ 50-хъ годовъ: Pohled, Památky, Glag. Fragmente.

Miklosich, Die altslovenischen Legenden vom heil. Wenzel, 270 — 281. Въ сожалѣнію, примѣчанія редактора, которыя, вѣроятно, предметомъ своимъ имѣли языкъ житій, были отложены до третьяго тома (стр. 281), но онъ не вышелъ въ свѣтъ.

Его же, Suffix *лъ*: subst. masc., part., adj. Aus einer grösseren Abhandlung über die Bildung der Nomina im altslovenischen als Probe, 286 — 288 Суф. *лъ* = скр. *tr*.

«Zeitschrift für vergl. sprachforschung auf dem gebiete des deutsch., griech. und lat.», begründet von Th. Aufrecht und Ad. Kuhn, fortgeführt von letzterem, Berlin сь 1852 (51) г.

I (1852).

Curtius G., Vermischte etymologien, 25—36 (овъца).

Benary, Ueber consonantenverbindung im anlaut in den indogerm. sprachen..., 46—78.

Schleicher A., Germanisch und slavisch, 141 — 144 (объ общихъ имен. суффиксахъ).

Grimm J., Ueber eine construction des imperativs, 144—148 (о глаг. видахъ).

Schweizer, Gothische etymologien, 148 — 159 (о формъ и дж).

II (1853).

Pott A., Metaphern и пр. 101—127 (влахъ 114).

Westphal R., Das auslautgesetz des gothischen, 161—190 (мѣст. то, оно 166 и др.).

Leo, Walhen und Deutsche, 252 — 260 (неудачныя сближенія сь ст.-слов.).

Kuhn Ad., Ueber das alte *S* und einige damit verbundene lautentwickelungen, IV art. 260—275 (азъ, въсь).

Curtius G., Die aspiraten der indogerm. sprachen, 321—37 (слав. рефлексъ).

Его же, *Miscelen*, latein. *f* für altes *dh*, 398—400. III B. (1854).

Bopp, *Vergleichung des griechischen und sanskritischen accentuationssystems*, 1—26 (сближеніе: *αυ-τδ* ов-ъ, 8; замѣчаніе о суффиксѣ прич. страд. пр. въ=на 15).

Bugge S., *Umbrisches*, 34—42 (eiscurent—ис-кати).

Försteman n., *Sprachlich-naturhistorisches*, 2 artikel, 43—62 (крми -чръвь № 8). Ср. Zusätze und bemerkungen къ этой статьѣ А. Куна, 62, слѣд. (чеш. wosa 66, польск. pole 69).

Curtius G., *Miscellen*, 2, *eu* und *ou* als ableitungsilben, 76 (*eu*=слав. ов, *oiéFt*=сын-ов-и).

Haug M. *Miscellen*. Drei, 150—153 (три).

Ahrens, *Etymologien von ημέρα, ηώς* .., 160, слѣд. (этимологія вечеръ, утро 169, 172).

Bopp F., *Vergleichende grammatik...*, wortbildung, von § 778 bis zu ende, рец. Швейцера, 337 — 397. (замѣчанія: суф. -ба 347, вставка с предъ *m*, какъ и въ латинскомъ *monstrum* 352, суф. причастія ла якобы изъ та 354, богъ 367, предл. изъ изъ низъ 394).

Curtius G., *Die labiale tenuis als vertreterin einer gutturalen im griechischen*, 401 — 418 (слав. параллели: пать, пѣж, кои, четыреи, рек, обо и др.).

Kuhn A., *Ueber das alte S und einige damit verbundene lautentwicklungen*, schluss des V art., 426 — 440 (этимологія коза 432).

IV B. (1855).

Kuhn Ad., *Ueber das alte S und einige damit verbundene lautentwicklungen*, 1—46 («Die slavischen sprachen bieten vielfach anlautendes *s*, wo die verwandten sprachen kein solches zeigen», 14, но не всѣ примѣры удачны).

Schleicher A., *Ueber einschiebungen vor den sausendungen im indogermanischen*, 54 — 60 (въ исторіи мѣст. онъ, овъ, къ исторіи нѣкоторыхъ падежей).

Kuhn A., Miscellen. Pfad... ропв..., 73—77 (слав. лѣтъ).

Kuhn A., Die sprachvergleichung und die urgeschichte der indogermanischen völker I, 81—124. Теоретическія положенія научной этимологій, какъ историческаго источника, для нашего времени уже нѣсколько условныя, напр. преимущественное значеніе санскрита, греч., лат. и нѣмецкаго и подчиненная роль славянскаго и кельтскаго яз., въ виду молодости ихъ памятниковъ (82—83), и историческое значеніе втораго момента — «согласія преданій въ религіи и правахъ» (88), выясненное на анализѣ рассказовъ о Минус'ѣ—Minos'ѣ.

Pictet A., De quelques noms du cygne et de l'oie, 124—128 (этимол. лебядь).

Ebel H., Bemerkungen zur gothischen declination, 138 — 154 (сравнительно съ флексіями старо-слов. языка и вообще исторіей слав. склоненія по разнымъ слав. нарѣчіямъ).

Schleicher A., Das futurum im deutschen und slavischen, 187—197. Система слав. будущаго по Остромиру: 1) форма наст. съ значеніемъ буд., а) простыя, б) сложныя съ предлогомъ глагола; 2) форма наст. съ значеніемъ наст. (гъбнѣж ἀπόλλομαι); 3) описательное буд.—и ѣти, начати, хотѣти, и сравнительно съ системой готскаго глагола.

Jürg, Ulbandus, 207 — 210 (къ исторіи слова вельбждъ, верблюдъ).

Curtius G., Individualisirende suffixe, 211—217.

Bugge S., Die formen der geschlechtslosen persönlichen pronomina in den germanischen sprachen, 241 — 256 (еще съ слабымъ знаніемъ старо-словенскаго яз.).

Schmidt-Göbel, Sprachlich-naturhistorisches, 260 — 266 (кудикъ — «eine kleine hindeutung auf das land der Arier» 263).

Ebel H., Das suffix ant und verwandtes, 321—346 (довольно богатый славянскій матеріалъ: зѣбъ, десать, съто, ина, небо и др.).

Pictet A., Les noms celtiques du soleil comparés à ceux des autres langues indo-européennes, 346 — 362 (солънъце, жаръ, бѣлъ и др.).

Müller Max, Die griechischen verba auf πτ 362—370 (гл. копати, глотати и др.).

Kuhn A., Sibja, jus, 370—375 (связь съ мѣст. себ-е).

Holtzmann, Kelten und Germanen, рец. Л. Дифенбаха, 379—398 (для исторіи слова белена).

Ebel H., Miscellen, laus, 398 (laus=словес).

V B. (1856).

Pictet A., Etymologische forschungen über die älteste arzneikunst bei den Indogermanen, 24—52 (глагольные корни смг, лѣк, чар, цѣл, гои, имена здравъ, рус. вѣдунъ, балии).

Meuser Leo, Eίς μ(α ε ν, 161 — 166 (съ Вонпомъ, jedino (?) ein къ скр. ādi первый).

Mannhardt W., Über eine gothische mundart, 169 сл. (о языкѣ Готовъ въ Крыму—драть, d'raw (?), дрѣво 170).

Kuhn Ad., Etymologien, 4) eίς, us, иг..., 210 — 214 (къ исторіи предлоговъ изъ, низъ=ст. нѣм. ni-dag).

Ebel H., Gothische studien, 3. Die starke adjectivflexion, 304—306 (мелькомъ о мѣстоимен. склоненіи въ славянскомъ); 4. Die beiden comparativformen, 309—312.

Pictet A., Die alten krankheitsnamen bei den Indogermanen, 321—354 (реченія: моудити, мѣдлѣ, лѣтъ, мѣвнѣжти, тѣпъ — у автора тоупъ, боун, рус. дурь, мѣтъ, казити—проказа, ядро, у автора ядро, сочевица, рус. оспа, пупырѣ, вередѣ, огонь, рус. огница, лихо, каза, горѣти, лишаи, кашель, выша, мравин, рыгнѣжти, морѣ, болѣти, томити, рус. хворий, повѣтріе).

Ebel H., Gothische studien, 6. Suffix as, 355 (кореень, кора). Anhang zu 3, das nordische adjectivum.

Lottner, Griechische ableitungen vom stamme des

relativums, 395—397 (иѣстони. кѣтеръ и др.); lateinische wortdeutungen (dē-mum она-мо и др., брада); deutsche etymologien 398—400 (гот. laiaп=лаати, hlowēl = слышати).

Schleicher A., Auhns, ашмантам, кампа, 400 (гот. auhns ofen = ашнас = камъ или чешскому кампа печь).

Ebel H., Altitalisches, 401, сл. (V̄ юс и бѣи 412). VI B. (1857).

Ebel H. Miscellen, 80 (степень отъ V̄ stha, stambh).

Curtius G., Lesefrüchte aus Schleichers litauischen grammatik, 81—94 (любопытныя сравнительныя наблюденія въ области литовскаго и греческаго языковъ, на другіе и слав. изрѣдка вниманіе).

Ebel H., ἐσσι, εἶς, εἷ, 158 (ἐσσι=еси).

Aufrecht Th., Ueber die lateinischen suffixe tia, tio, 177—179 (суф. -ство).

Pictet A., Ueber einige germanische thiernamen, 180—193 (чръта, крѣтъ, мжь, рус. оужь, оугрь, чеш. veverka, рус. лзвецъ).

Ebel H., Etymologische streifzüge. 1. Einige präpositionen, 201—206 (лат. ob=ари, по значенію близкій къ abhi, сл. объ).

Die neuhochdeutsche partikel nicht и пр, von E. Olawsky, рец. Михаелиса, 309 и слѣд. (част. ни—не).

Ebel H., Messarisches, 416—418 (сближеніе—«поразительное»—βαυρῖα οἰκία съ славянскимъ—бывати).

Его же, Miscelle, 2, irma, armus, ramo, 452 (съ новимъ суффиксомъ—шан въ ramo, т. е. рама).

VII B. (1858).

Stier H., Die 3 pl. praes. indic. des v. substantivi, 1—11. (исторія вапті въ области родствен. языковъ: «славянскій и оскій указываютъ исчезновеніе и передъ t; но такъ, что въ оскомъ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, тогда какъ въ

славянскомъ и еще продолжаетъ жить какъ носовое». Романскія нарѣчія и польскій, сербскій 6. Ср. таблицу—11).

Lottner, Ueber die Stellung der Italer innerhalb des indoeurop. Stammes, 18—49, 161—193. Первая попытка противоположенія Аріидцевъ Европы Аріидцамъ Азіа: В и L—плънь, лоучь, лажъ, блистати, волга; В остаются: рыждь, рыдажъ, оржъ; общность предлоговъ—ex изъ; культурныя реченія: пыро, пьшено, писати, мелъжъ, оржъ, ло брѣза (береза), дрѣво, дрѣва; соль, тысѣща и др.: «эти основанія достаточны, для утверженія моего положенія, что европейская часть нашего племени образуетъ по отношенію къ азіатской особое искони единство, и болѣе не можетъ быть рѣчи объ аріопеласгическомъ поколѣніи» 24. Далѣе—близость кельтскаго языка къ славянскому и нѣмецкому, и въ противность обычному взгляду на латинскій и греческій, какъ на родныхъ братьевъ («наслѣдіе отъ старины»), доказываетъ «сходство италійскихъ языковъ съ Сѣверомъ», въ фонетикѣ въ обработкѣ склоненія, въ суффиксахъ, въ мѣстоименіи, въ спряженіи: «латинскій яз. нигдѣ въ своей грамматикѣ не знаетъ особеннаго родства съ греческимъ, напротивъ, въ всѣхъ многихъ случаяхъ рѣшительно склоняется къ сѣвернымъ языкамъ» 49.

Bopp, Vergleich. Grammatik, I, 2-ое изд., рец. Schweizer's, 147—155, 231—236 («für das slawische hat mich Bopp einen sichern führer an dem stifter einer vergleich. slaw. grammatik, Miklosich, gefunden»).

Schleicher A, Die -a, -i reihe im deutschen, 221—223 (въ смѣшеніи рядовъ a и i звуковъ въ славяно-литовскомъ—рекъ и прорицати—ein neuer und... nicht erheblicher beleg—въ пользу теоріи Цейссъ-Гриммъ—авторъ тѣснѣйшей племенной связи Славянъ и Нѣмцевъ).

Его же, Bier, 224 (bier, pior, *bius=пиво).

Ebel H., Zwei wurzeln mit dem anlaut sm, 225—228 (малъ, метъ).

Его же, Varia, δαήρ, 272.

Über die Italen, заи́тъка Керн'а по поводу теоріи Потгера (см. выше), 272—274 (въ пользу, вспоминается изв. Цанковскій, и исторія частицы *a privans*).

Его же, Foemina, foetus, 274 (слов. дѣта).

Savelsberg, Etymologien von *hμέρα* und *ωρα*, 379, слѣд. (рус. весна, зима — 389).

Legerlotz, Griech. etymologien, 1, *φρητήρ* bruder, 136 (slav. bratii!).

VIII B. (1859).

Meyer L., Noch einmal *είς μέλα ξν*, 129 — 147 мѣст. самъ 137).

Bühler, Das gothische *zd*, 148—152 (гот. *z* уже = : «совершенно подобный случай въ старо-слов. мѣзгъ при ъскъ...»).

Meyer L., Einige deutsche wurzelformen auf *ā*, 245 — 286 (сближеніе вѣдійскаго и готскаго спряженія *vā-āmi-vaia* съ славянскимъ вѣж, гот. **kpaia* и слав. *важ* и др. точки, не безъ грубыхъ ошибокъ, напр. русск. уль, слово иностранное, отнесено къ $\sqrt{\text{ar}}$, лит. *igr* въ *sti* итти на веслахъ).

Его же, Etymologien, 1) *ἀμολγός*, 362 (кор. мерк).

IX B. (1860).

Grassmann, Ueber die verbindung der stummen consonanten mit folgendem *v* und die davon abhängigen scheinungen, 1 — 35 (о сочетаніи сл въ славянскомъ изъ новнаго *sv*, санскр. *svādus* = слов. сладък-з, толкованіе вѣрное, 4, и др. сближенія).

Tobler, Die anomalien der mehrstämmigen comparation und tempusbildung, 241—275 ($\sqrt{\text{slav. несж}}$ въ эч. *éveч* (*éveч éveч*), впрочемъ на основаніи Курціусовыхъ [ертъ], о сугубомъ корнѣ сущ. глагола 253; слав. сравнительныя формы отъ *dobri*, *zoly*, *velikyi*, *mali*!).

Förstemann, Die wurzel *sgu* in flussnamen, 276 289 (струя, Стрѣй: «въ той части нашего племени, которая раньше всего отдѣлилась отъ азіатскаго основнаго

ствола, является нашъ корень въ формѣ *stgu*; такъ мы находимъ его во всѣхъ слав. языкахъ и германскихъ безъ исключенія, даже въ лапонскомъ, литовскомъ и наконецъ въ кимврскомъ... Еще раздѣленіе не завершилось, образовалась болѣе нѣжная форма *sgu* въ оставшейся еще въ Азии части нашей семьи»).

Lottner, *Auge*, 319 (о носовомъ ж=рус. у).

Meyer L., *Die Homerischen formen des zeitworts εἶνα*, 373—389, 423—431 (мелькомъ ст.-слов. форм).

Его же, ξξ, Fξξ, 432—436 (въ слав. безслѣдно F).
X B. (1861).

Grohmann, *Wuatan*, 271 слѣд. (противъ сближенія *wuotan*, санскр. *vadh occidere*=слов. бодж).

Müller Fr., *Miscellen*. 2) *himin*, 319 (пѣм. *himmel*, гот. *himin*, **kaman*=слов. камн).

Legerlotz, *Einige bemerkungen zu Curtius Grundzügen*, 367 и слѣд. (противъ сближенія *ελ-х-ω vel-k-u* и слов. вѣвѣж изъ-за гласнаго, 373; сближаются *ελ-ι-ξ* *ѡμπ-ελ-ος* и чеш. *val-i-ti*, 381).

Ludwig A., *Einiges über die wurzel math*, 443—445 (масти, мжити, мждръ, въ согласіи съ греческимъ и латинскимъ).

Его же, *Einzelheiten*, 446 — 451 ($\sqrt{\quad}$ *tā* воровать въ греч. *τητάομαι* и въ слав. тать, таи).

XI B. (1862).

Grassmann, *Ueber die verbindung der konsonanten mit folg. j und die davon abhängigen erscheinungen*, 1—52, 81 сл. (основа—греческій яз., но съ знаніемъ славянскимъ: ср. этимолог. шити 5, днь 8, пльвати 11, домъ 15, и мж, и ма 19, мелькомъ славянскій зетацизмъ 37).

Stier G., *Die albanesischen thiernamen*, 132 — 150, 206 — 253 (сравнительно съ ст.-слов. и живыми слав. языками: *lua*—лъвъ, *ulku*—влъкъ, *ka u* быкъ—гов-адо, *berri*—беранъ, *pa ta* пѣт-аѣ).

Lottner, *Ausnahmen der ersten lautverschiebung*,

161—205 (сравнительно съ старо-слов. ходити 163, иъгла, иръкижти, слабити 164, глаголати 165, отьць 167, иззати, локати 168, списокъ нѣмецкихъ словъ въ старо-словенскомъ: поститиса, илѣко, боуки, князь, льсть, лѣковати, оусеразь, хлѣбъ, чадо, велблждъ, и на-оборотъ: коупити, цата, пѣназь, иръкижти, пласати, плоугъ, платъ, стьлко, длъгъ (перешло въ готскій въ формѣ *dulgs*), работа, стлѣцъ, тръгъ, тлѣкъ, 172—174; невѣдательное отношеніе: врагъ, лоукъ, мечъ, сра-чица, стрѣкъ, смоктъвъ, прькы, кнутъ, 174; длъгъ 178, дроугъ, владж 179, иждити, ержгъ, градъ, владж 180, голжбъ, господъ, могж 181, азъ 182, гостъ, суф. -искъ, сестра 184, въпити, плѣкъ, стж-пити стопа 186, совъ 187, плетж 189, пжтъ, про-сити, злато, 190, градъ, -ждѣ 192, гнѣтж 193, вѣтръ, вѣмати 195, гладъ, дѣлити долъ 198, младъ 200, мечъ 202, съ, ииж -иамъ 203).

Miklosich, Die slavischen elemente im rumunischen, рец. Л. Дифенбаха, 282—292 (критич. замѣтки, попол-ненія: противъ готовъ изъ гот. *gataujan*, туземность слав. стькло и др.).

Schleicher A, Compendium der vergl. grammatik, рец. А. Буна, 300—317 («успѣхъ, который дѣлаеть Срав-нит. Грамматика этой книгой, долженъ быть названъ вели-кимъ»).

Schleicher, hveila, κατ-ρός, ча-съ, 318 (ср. прибавку А. Буна 320).

Kuhn Ad., Zd, dd, rd, rt=indogerm. st, 372 — 387 (этимол. брада=заостренный конецъ 377, 379).

Jurman, Skarjan, σκάρτω, vaurkjan, βέζω, 388, сл. (връгж 391).

Его же, 2) *lustrum* и пр., (ков-ати 399).

Walter K., Vocaleinschiebung im griechischen, 428 441 (градъ= $\chi\delta\lambda\alpha\zeta\alpha$ 433, длъгъ= $\delta\omicron\lambda\iota\cdot\chi\cdot\delta\varsigma$, $\sqrt{\delta\omicron\lambda\chi}$ =*daigh*, *dargh* 434, *Flukos* влѣкъ 436).

XII В. (1863).

Scheler A., Dictionnaire d'étymologie française, рд Дифенбаха, 75 сл. (semble, colmo: «вопросъ, доселѣ открытый, исконное-ли родство славянскаго (хлѣмъ) съ латинскимъ и нѣмецкимъ»).

Grassmann, 1) Ueber die aspiraten und ihr gleichzeitiges vorhandensein im an- und auslaute der wurzeln, 81 — 110 (съ знаніемъ славянскаго яз., горж, дежда братръ, стъзм, между, небо 83, нога, ногтъ, нечк отдѣльны замѣчанія: слав. з изъ g^h 99, ср. 98, 106; обобщей обработѣ въ кельтскомъ, литовскомъ и славянскомъ твердыхъ aspir.). 2) Ueber das ursprüngliche vorhandensein von wurzeln, deren anlaut und auslaut eine aspirate enthielt, 110 — 138 (бѣда, бодж 120, другъ и got. dringa поевать 127, длѣгъ дологъ 128).

Ego же, Ueber die casusbildung im indogermanischen, 241, сл. (о суффиксѣ твор. въ литовскомъ -mi, miš 258).

Sonne, Sprachliche und mythologische untersuchungen . . , 267 сл. (суффиксъ us въ причастіи прош. дѣств. =ст.-слов. жш 292, къ $\sqrt{\text{bhr}}\text{g}$ брѣгъ 296, суф. -лакъ 354, мѣст. свон—въ русскомъ 371).

Walter, Vocaleinschiebung im griechischen, 375 сл. (влѣна 378, чеш. копорѣ со «вставнымъ» гласнымъ какъ въ греческомъ 379, х-о- $v(\delta\text{-}e\text{-}s\text{-}h\text{-}n\text{-}i\text{-}d\text{-}a$ 382, плѣшта 402)

Ascoli, *Ostrac tabanus*, 435, сл. (этиол. оводъ въ связи съ бодати 435).

XIII В. (1864).

Ebel H., Zur lautgeschichte, 261—298 (звуки нѣмскаго языка 273 — 277, мѣстами сравнительно съ звуками старо-слов з, шт; старо-слов j, e 289, рѣ гласный 291).

Spiegel F., *Varia*, 2) vrika, vehrka, wilka. 366—369 (для этиологии слов. влѣкъ -волкъ).

Ebel H., Ein griechischer genitiv-locativ, 446—448 (флексія род. ед. ж. зы—а и замѣчанія о нѣкоторыхъ другихъ надежахъ).

Его же, *Stikls, stiklas, стькло, 449 — 450* (стъкло—займствованіе, какъ и цѣсарь, хждогъ).

Его же, *Griechisches, 1) οἶς, ὠτός, 457—458* (эти-
мол. слов. оухо—*оусо).

XIV В. (1865).

Ebel H., *Zur lautgeschichte, 2) Labialzetacismus oder nicht? 34—47* (губные съ *j* параллельно въ слав. и романскихъ языкахъ и примѣнительно къ греческому 36, сл.).

Pauli, *Deutsche etymologien, 97 слѣд. 1. Goth. duginnau, (змати 98), 3. goth. naud's, augô* (око 102)

Kuhn Ad., *Lateinisches br im inlaut aus tr hervorgegangen, 215—231* (строум, остръ, пьстръ 224 сл.).

Ebel H., *Zur lautgeschichte, 3, Die verwandlungen des kt, pt und ks, ps, 241 — 263* (въ славянскомъ 243 сл., *m* вм. *km, pm* въ старо-слов. 245, вставка *c* 245, *k, i, x+m* предъ *j*—252 сл., слов. *c* вм. *ks* 261).

Bickell, *Ueber das vorhandensein einer ursprünghchen labialen media im indogermanischen, 425 — 434* (значительная область звука *b* въ славянскомъ: болии=скр. *balijaz, бръзь 427, бьздѣти*).

Froehde, *Lateinische etymologien, 2) dimicare 453* (мечь—гот. *meki*).

XV В. (1866).

Sonne, *Sprachliche und mytholog. untersuchungen, 81 сл.* (славикъ, соловей = *Κλωτ(η 131; пьсати 375 пр.*).

Kuhn Ad., *Etymologica, 238 сл.* (зэнд. *temanh...* слов. тьма; смръчь, шракъ, съмракъ).

Его же, *Etymologica, 317 сл.* (*σνας, σβέννομι* — квасъ, квасити, свистати, звиздати).

Ludwig A., *Ueber den vocalischen ausgang der bildungssuffixe, 443 сл.* (славяно-литовскій суффиксъ *-tari*, съ темой на *i*, какъ въ санскритѣ, напр. тема *pitari*, виѣсто ожидаемой темы на *u* 446).

XVI B. (1867).

Savelsberg, Lautwandel von *σ* in *x* 54—73 и въ др. мѣстахъ. Развитие параллели, указанной еще Бошколь: *ἔδωχα*, *ἔδηχα*, *ἦχα* = слов. аор. дахъ. Многя славянскія параллели: свекоръ 54, снѣгъ (*snjeg?*) 58, шоуѣ, slaw. *shevi*, *roshevi* schräg (пошеви?) 61, сръпъ 357, сноха, моуха, мѣстн. п. новѣхъ (ошиб. *lovetchu*), дахъ дастъ 401. Ср. сноха 405.

Ascoli, Primärwurzel *sta*, laut von sich geben, 213 сл. (корень стѣн въ стѣнати).

Его же, Primärwurzel *kra*, *kar* ertönen, 216 сл. «*Dirgha* erinnert mich nun endlich an eine sehr kühne zusammenstellung, die mir schon längst vorschwebt, erst jetzt aber an's licht zu treten wagt. Im slavischen ist, wie mir scheint, indog. *dargha dragha* (skr. *dīrgha*) zu zwiefacher geltung gekommen. Die eine ist durch. russ. долг- (altslov. длъгъ) lang, langwährend, gedehnt, illyr. долг (дѹг), böhm. *dluh*- lang, — die andere aber durch russ. друг, illyr. друг *secundus*, alter, böhm. *druh* der zweite, andere, entgegengesetzte, vertreten. Die begriffsfolge ist wohl: lang, weitreichend, entfernt, freud, alienus, alius (vgl. *longus*, *longe*, ital. *lungi*, *lontano* = **longitano*). Neben skr. *dūra* weit, fern, oder vielmehr mit dessen kernhaftem theile, der im comparativ (*dav-ījas*) einzig zurückbleibt, so viel als identisch, stelle ich nun ein idg. *dava*, *dav'-ja*, auf, das uns leichter als *dargha* zu der bedeutung: fremd, alienus, alius, überführt. Die linke hand ist aber germanisch und griechisch die andere, *ἡ ἐτέρα*, und folglich dürfte endlich durch ein solches *davja* das arische vorbild zu *laevus*, *λαίβς*, slav. лѣвъ, gewounen werden. Das einstimmige ewrop. *l* stellt uns freilich eine bedeutende schwierigkeit entgegen; vgl jedoch als vereinzelt *l=d*: lith. -*lika*, goth. -*lif* = *daça*; ein schwanken zwischen *d* und *l* (*r*) darf indess im ursitz angenommen werden (vgl. skr. *dā* neben *rā*).

Der europ. diphthong liesse sich vielleicht aus alter umsetzung (vgl. lat. scaevus = *skav-ja) erklären, 218—219.

Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latium...*, рец. Л. Дифенбаха, 220—226. Весьма цѣнные замѣчанія по поводу отдѣльных реченій, наприм. для вопроса о словахъ, заимствованныхъ изъ славянскаго вѣмецкимъ: бичь, вретено и др., или славянскимъ изъ латинскаго и другихъ: вѣверица, гобъзь, говѣти и др.

Bopp, *Grammaire comparée.. trad. par M. Bréal*, рец. А. Куна, 315 — 318. Указаны мѣста, между прочимъ, съ славянскими данными, вынесенныя въ прилѣжаніе изъ текста переводчиковъ.

Zeuss, *Ueber die in ablativform erscheinenden italienischen praepositionen*, 371, слѣд. Къ этимологій предлоговъ пра, про 374.

Его же, *Erklärungen umbrischer und lateinischer wörter*, 383, сл. 2. Μελι mel. Къ этимол. сл. медъ 384.

Petters J., *Zur geschichte altdeutscher declination*, 385, сл. Объ образованіи собств. имени Grafeldo, аналогичномъ слав. поланинъ 385, ср. Leimone, чеш Hlínny, отъ lein = hlina глина 387.

Schmidt J., *Ueber einige numeralia multiplicativa*, 430, сл. Слав. двой, двое = दोібс, = санскр. dva ja 432, плетж и got. falth-s 434, лат. plectore 435, кратъ = лит. kàrtas = санскр. krtu 435, земля основа gham изъ посред. формы *ghjam 438, дважды, трижды = санскр. dvi-dhā, tri-dhā, греч. δι-χα τρι-χα 439, двогубъ и пр. = лит. dvi-gubas, ср. вѣд. náva gva—440.

Ascoli G. J., *Die entstehung der skr. tenuis palatalaspirata*, 442, сл.—Арийское соч. sj = sk: savjá, вѣд. havja, σκαίбс, scaevus, шоуИ; шоуИ изъ *sjavja, а отсюда, чрезъ диссимиляцію, арийская форма—savja 449.

XVII B. (1868).

Düntzer, *Die ursprüngliche casus im griechischen*

und lateinischen, 33 — 53 (нѣсколько общихъ замѣчаній о старо-слов. флексіяхъ).

Die neuern arbeiten von Ascoli, рец. Швейцера-Зидлера, *Le figure italiane...* 117 сл. (о суф. *lo -dho*).

Schönberg, *Ein erklärungsversuch der lat. medio-pass. infinit. auf ier und ier*, 153—155 (о смѣшеніи въ слов. темъ *a* и *i*).

Kuhn E., рец. Pauli, *Ueber die benennung...* 233 («ново и заслуживаетъ вниманія» сопоставленіе *varęō* и рус. *володь*).

Ascoli, *Lateinisches und romanisches. III. Zur lateinischen vertretung der indogerm. aspiraten*, 241 — 281 (лъгъкъ—*lehnvis*, бръзъ—*brevi*, длъгъ—**dlonghus, longus*), 321 — 353 (*gh = h* въ началѣ слова *humus*—лит. *žémė*, **hrāmen ger-men*—*žel-men*, **hradh gradiog*=градъ, свр. *nāhitá: nāthitá* вуждающійся, какъ вѣдити: чеш. *putiti*; въ ногътъ: изъ *κ* «подъ вліяніемъ нѣмецкимъ» 332; *mas-tare*—мечъ, **lufet, lubet*—любить, *hava faba*—бобъ, *fel*—жльчь).

XVIII B. (1869).

Pauli C., *Beiträge zur lateinischen lautlehre und etymologie. 1. Die doppelte tenuis*, 1—40 (*lippus*—лѣпъ, *sūcus*—съсати, но не сокъ; *vitta*—вить, *glittus*—глина, *glutio*—гльтити, *satta*—котъка, *resso* изъ **redo*=падъ, *mitto*—метнъ (метнъ?), *soccus* изъ **vorpicus*—сапогъ).

Ludwig A., *Die verba auf -erare -izon*, 52 — 55 (объ именномъ суфиксѣ *aj-ājā*: славни и др.).

Fick «*Wörterbuch der indogerm. grundsprache*, рец. Делбрюка, 73—79 (неодобрительная: «немногія изъ представляемыхъ въ качествѣ индо-европейскихъ формы могутъ притязать на это»).

W. Scherer, *Zur geschichte der deutsch. sprache*, рец. A. Kuhn'a, 321 — 411 (о личныхъ флексіяхъ славянскаго глагола 327—330 и др.).

Fick, Allerlei, 414—416 (*κάρσιος* — quer — чръзъ, *πρῆσμα* brand — пламы, *πῶσχος* — пѣськъ).

Его же, Zu den secundärsuffixen -ап, і на и пр. 453 — 456 (зѣнд. *zem-aēna* земной, *drg-aēna* дровяной, и *zem-yn-ъ*, лат. *suīnus* = свинъ; санскр. *dīgha-ta*, *pūgha-ta* = дълго-та, плъно-та; гот. *salithva* = соли-тва).

XIX В. (1870).

Savelsberg, Lautwandel von *σ* in *χ*, II, Im inlaut, 1—15 (къ этимологii *μρο*, *весъна*).

Pott A., Die umstellung des hauches, 16 — 42 (къ этимологii *плетж*, *дѣщи*).

Fick, *Spūma idus, lacertus*, 78—80 (*пѣна*, *лакатъ*).

Zeyss, Erörterungen aus dem gebiete der italischen sprachen, 161—189 (пол. *гзера*, *влѣкъ*).

Schmidt I., Zur declination der lateinischen geschlechtigen pronomina, 196—208 (*чьсого*, *сь*).

Delbrück, Ueber das gotische *dahtar*, 241 — 247 (*дѣщи*).

Fick, Etymologische beiträge, II, Alte participia perf. pass. von verben auf *t*: lat. *spissus*.. *crassus*, *grossus*, ksl. *врѣста*, *врѣсть*, 253—255; IV, *Varia* (*нес-орипус*, *faber*) 259—264 (*за-апъ*, *доб-ръ* и др.).

Leo Meyer, Die gothische sprache, рец. Ив. Шмидта, 268—296 (ср. указатель словъ только въ славяно-литовскомъ и готскомъ 272 сл., и др. сближенія).

Förstemann, Altnordisch und litauisch, 353—381 (масса цѣнныхъ сближеній: *трѣгъ*, *стлѣбъ* и др.).

Meyer I., *Sprange*, 390 и сл. (*пряжка* — **пращка*)

Bugge S., Zur etymologischen wortforschung, 401—447 (*коіѣо*—*коуѣ*, *кгу*—*кладж*, свр-нѣм. *tjalga*—*длѣгъ*, *foгum* *двѣрь*, *дворъ*, оск. *veго*=*foгum* *врѣти*) гр. *θαυ*—*дивъ*, *multus*, гот. *manags*—*мъногъ*, лат. *lendes*—*гнида*, *mat*—*мразъ*).

XX В. (1872).

Bugge S., Zur etymolog. wortforschung, 1 — 50 (мѣхъ, врѣти, любити, врѣти, варъ, роуда, рыждъ, лоуна, смокъва, возъ, мравни).

Его же, Bemerkungen über ursprung der lat suff. clo, culo и пр. 134—147 (слав. суф. дло=ло).

Fick, Etymologische beiträge, 3, goth. ragina 163 (рачити, ржа); 8, чрѣда, kēda, hēta 167; 9, αὐτή, augus-tus, оугъ, 168; 13, μ als vertreter von ursprünglichem υ 174 (кривъ, чрвь, агньць, мзъно, овьнь); 15, κτάομαι 179 (ско-тъ, по-ком).

Schuchardt, Albanisches und romanisches, 241 — 302, по поводу Миклошичевыхъ «Albanische Forschungen».

Meyer L., Etymologische mittheilungen, 3, goth. naiv, 308 (гнѣвати са, nest—гнѣздо).

Fick, Allerlei, 1, die europ. verba kal..., 353 — 359 (шлѣмъ, слама, чело, влати, влада); 3, goth. stikls becher, 360 (стѣкло); 6. кашль, ложес, пшено, 364; 7 жзль 365; 8 ahd. chāt—знать 365; 9. slavodeutsch smuk gleiten 365 (смъкаться, смокъ); 10. slavodeutsch tu waschen 366 (мы-ти); 11. sl. deutsch garb krümmen 367 (грѣбъ).

Förstemann, Assimilation im deutschen, 461—430 (сближенія въ пользу славяно-нѣмецкаго язычнаго единства въ корняхъ, флексіяхъ, вообще интересныя, но съ ошибками: vgrūbi, 408, читай врвь).

Schönberg, Einige versteckte ausläufer der indogerm. wurzel bhā glänzen, 444—448 (сведеніе √ albh быть бѣлымъ, блестятъ къ √ bhā, слав. бѣл, съ богатѣмъ подборомъ слав. корней съ перестановкой коренныхъ звуковъ).

Zeyss, Erörterungen aus dem gebiete der italischen sprachen, 448—452 (влѣкъ).

XXI В. (=I, 1873).

Fick, Etymologische Beiträge, I, Ahd. ganehaista

funke, apreus. knaistis brand, ksl. гнѣтити zünden, lat. nitēre glänzen, и пр. всего 15 статей, 1—16 (кроме гнѣтити, *нѣта, дрожде, драсель, мадро, мадъ, потоухнѣти, тихъ, чистъ, исто, влѣкъ, лѣха).

Ioh. Schmidt, Zur geschichte des indogerm. vocalismus, I, рец. Delbrück'a, 73—92 (чего не смогъ сдѣлать Шлейхеръ — объяснить переходъ гласныхъ одного ряда въ другой, то сдѣлалъ «блистательно и убѣдительно» Шмидтъ).

Savelsberg, Umbrische studien, 97—237 (о мягкомъ произношеніи согласныхъ spinia, gurinie и пр., какъ въ славянскомъ 119, оск. viom = ca 120; ср. 202 и сл., объ образованіи производныхъ глаголовъ, на -av, -ev, -iv, -ov, 228 о звукѣ ř (r, rs, s) въ нарѣчій умбрійскомъ—fersnatur — какъ въ чешскомъ и польскомъ, 236 шоуи -scaevus).

Miklosich, Die slav. elemente im neugriechischen, рец. Лескина, 280—282 (согласенъ, что вліаніе — самое ничтожное).

Schmidt J., Gotisch vopija ich rufe, 283—286 (въ вѣп-ти, изъ гот, и послѣ п=гот. ī: въ виду странности спряженія воци-нж «я вижу только одинъ путь удовлетворительно разрѣшить эти трудности—допустить, что Славянинъ перенялъ и самое спряженіе глагола изъ готскаго»).

Fick, Etymologische beiträge. № 6, 369 и слѣд. — Slavodeutsch valg netzen und altirisch folcaim netze, (осн. форма въ кельтскомъ valk, при чемъ k изъ g).

Windisch, Ueber Fick's vergleichendes wörterbuch der indogerm. sprachen, 385—434 («кажется, Фикъ въ возсозданіи всѣхъ этихъ einheits und grundsprachen понимаетъ главную цѣль науки о языкѣ..., но мы не должны никогда забывать, что имѣемъ дѣло едино съ сокровищницей словъ и полнотой формъ отдѣльныхъ индо-европ. языковъ; мы желаемъ знать, какъ слова пришли къ своей формѣ и къ своему значенію»).

Fick, Etymologische beiträge, Ποτ(δ)ας Poseidon, 462—465 (мадъ, мадро, мадри-ло $\sqrt{\text{мад}} = \sqrt{\text{id}} \text{schwelen}$ во второй части -ιδη, что сомнительно).

Burda, Zur etymologie von Παρρασια, 470—472 (влага=βροχη).

Joh. Schmidt, Die verwandtschaftsverhältnisse der indogerm. sprachen, рец. E. Kuhn'a, 475—76 (простое изложение и какъ будто согласіе съ «волнообразной» теоріей автора)

XXII B. (=II, 1874).

Fick, Etymologische beiträge, 94 сл. (пазиги, часть, *пѣта, пѣтищъ, падь).

Burda, Zur etymologie des wortes thier, 190 (доухъ, дыхати).

Schmidt J., ἰπνός, 191—192 (стыгну).

Fick, Zur makedonischen dialecte, 193 сл. (говьно подъ № 42).

Froehde, Zur latein. und griech. lautlehre., 250 сл. (val-eo—влад-ж 267).

Windisch, Berichtigungen und nachträge, 273 слѣд. (нога, село).

Schmidt J., Etymologien, 314 — 238 (об-оути № 4, врабни, звѣзда, прѣсть, врьстити, тысѣща № 7, едекыи, къде и др. владж, врьдѣти, господъ, шдро, седмъ, нждѣти, гадати № 8).

Pauli, Die benennung des löwen bei den Indogermanen, рец. Iolly, 353—356.

Amelung, Erwiderung (противъ Л. Мейера о гунѣ), 361 слѣд. (ведж вождж про-водъ 363, цвьсти, про-цвѣтати цвѣтъ, дѣхнѣти дыхати доухъ 366, ср. 369).

Fick, Etymologische beiträge, 371—384 (тихъ № 2, длъгъ въ обонхъ значеніяхъ № 3, тать № 4, рвьнъ № 5, смѣти № 8, пила, носило № 10, крѣтъ, бѣдръ № 11, мотрити № 12, око № 13, -нѣръ въ собств. именяхъ № 14, ✓ жас № 15).

Bugge S., Altitalische studien, I. Primäre und secundäre personalendungen des oscischen und umbrischen

verbs, 385—466 (съ тщательнымъ обращеніемъ вниманія на соотвѣтствующія формы старо-слов. языка).

Meuer L., *Armenia, dros...*, 467—477 (сытъ).

Bezzenberger A., *Miscellen*, 478 — 480 (краса, гласъ, трждъ, хоуда, чръсть, гадити, тька-ло, -ти).

Meuer G., *Das nominalsuffix io im griechischem*, 481—501 (развитіе ia въ ija, параллельное явленіе въ старо-слов.).

Fick, *Miscellen. Lat. lacus und altirisch loch see, germ. lagu nass und ksl. локва regen*, 553 (ломъ, лжа),

B. XXIII (=III, 1877).

Hübschman, *Ueber die stellung des armenischen im kreise der indogerm. sprachen*, 5—49. Рассмотрѣны два главные пункта: отношеніе Армянскаго въ гортаннымъ k^1 , g^1 , gh^1 и «европейскому» a . Въ результатѣ перваго вопроса: «in der urzeit die Arier, Armenier und Slavoleiten im ganz besonders enger beziehung zu einander gestanden haben; dem rein zufällig kann diese gemeinsame entwicklung der gutturale k , g , gh nach zwei richtungen hin, zu k , g , gh und k^1 , g^1 , gh^1 nicht sein—oder ist sie es doch, so können auch alle merkmale unserer sprachen, nach denen wir ihre verwandtschaftsverhältnisse beurtheilen, rein zufällige sein». (27, sp. 40). Въ частности же, 5 — 49, «das armenische durch die strenge unterscheidung von g (= k und ts) und gh (= g und z , dz) auf einer ältern stufe als slavolettisch und iranisch steht...». По второму вопросу обнаруживается наклонность армянскаго языка къ «европейскому» различенію $a-o$, $a-e$ (33). Массы славянскихъ сближеній: bhi = мь, ирн. $ĭ$ = слав. $х$ слоухъ = $staosha$, арм. t = сл. $đ$ vta k $flūs$ - $schēn$ = вода, g = слав. z uig = иго, k = сл. k u = говъно, $keal$ $leben$ = живъ, kov = гов-адо и др., арм. ts изъ g^1 = слав. z : $tser$ alt = жирѣти, $tsaneau$ = знати и др.; $g=gh$ = слав. $г$: $még$ $nebel$ = мъгла, зенд. g am zor - nig $werden$, сл. $г$ $рѣ$ $мѣ$ $ти$, $громъ$ и др.; арм. z , dz =

g h' въ слав. з: es=азъ, vaz-el воз-ж, dzmer' n=зна и др. Отвѣтитъ и мысль автора о ливійскомъ и фригійскомъ языкахъ: «Vielleicht, bildeten diese sprachen mit andern kleinasiatischen spr. eine eigene sprachfamilie, die gemäss dem, was wir oben über das armenische ermittelt haben, zwischen iranisch und slavolettisch einzuordnen wäre» (49).

Osthoff H., Etymologisches, lautliches und grammatisches V (близъ близна лат. fligere, got. bliggvan 84, мама V am 86, бразда, пранѣм. *brozda 86, Spuren eines ursprachliche tönenden zischlautes 87 слѣд. — мозгъ, мѣзда, гвоздь, бразда, Die gothischen adverbia auf—o, und -ba 90, слѣд.—зъло-ба, гнило-ба).

Brugman K., Lateinische etymologien, 94 и слѣд. (кравъ, кляка 94).

Verner K., Eine ausnahme der ersten lautverschiebung, 97 — 130 (масса славянскихъ сближеній для сравнительной исторіи мгновенныхъ).

Его же, Zur ablautsfrage, 131 — 138 (цѣнныя сближенія для вопроса о вокализациі славянскихъ плавныхъ сочетаній).

Windisch E., Das reduplic. perfect. im irischen, 201 — 266 (V dag вм. dvagh=двиг-нж 207, V grand=град-ж 209).

Schmidt J., Ueber metathesis von nasalen und die flexion vocalisch auslautender wurzeln im griechischen, 266—302 (параллельное явленіе вокализациі плавныхъ сочетаній въ славянскихъ языкахъ типа городъ; понятно, масса славянскихъ сближеній).

Schmidt J., Was beweist das e der europäischen sprachen für die annahme einer einheitlichen europäischen grundsprache? 333—375. Ничего—отвѣчаетъ авторъ: и а-е, этотъ «могущественнѣйшій устой европейскаго основнаго языка—согласіе въ возвышеніи стараго а въ е», какъ и явленіе сибилізма (съ то, зима), одинаково говорятъ противъ

теоріи «родословнаго древа». Авторъ испытываетъ прочность названнаго устоя—осматриваетъ «распространеніе е въ самой Европѣ», и этотъ устой, на которомъ мостять зданіе одного общаго европейскаго праязика, шатается: «слова, которыя вездѣ, гдѣ они являются въ Европѣ, имѣютъ е, не даютъ ни налѣйшаго объясненія для его происхожденія. Объясненіе предлагается лишь тѣми изъ нихъ, которыя, при преобладающемъ е въ Европѣ, кое-гдѣ еще сохранили а». Сначала разсматривается «европейское» е въ корняхъ (четыремъ, *ketur*), ирл. *cethir*, оск. *petora*, но лат. *quattuor*, девять, *devyni*, но брит. *pauc*, вепрь, ст. нѣм. *ebaug*, но *areg*, арм. *es, ego*, но азъ, при лит. *eš* и *aš*, *éu*, лат. ирл., гот. *in*, лит. *i*, но слав. вѣж = **aп*, *véos*, *novus*, но новъ *paújas* и др.): «согласія европ. языковъ въ е, какъ бы увеличивать число словъ, не доказываютъ никакого единаго европейскаго праязика, какъ обособленнаго единства по отношенію къ арійскимъ языкамъ, и какъ отца позднѣйшихъ европ. языковъ» (337), при чемъ, «большинство стараго а сохраняется литовскимъ языкомъ, славянскій же языкъ, который къ арійскимъ языкамъ въ другихъ вопросахъ стоитъ почти въ одинаковомъ отношеніи, какъ и литовскій, имѣетъ много менѣе а» (340). Разсматривая спорадическіе случаи е, г. Шмидтъ останавливается на двойкости вокализаціи одного и того же слова въ литовскомъ языкѣ: прус. *ваше*—лит. *žéšé*, *авсаган* *éžegas*, *aš*—*eš*, и полагаетъ, что литовское е—это а°, слѣд. ближайшее къ арійскому а, и общеевропейское е прошло литовскую ступень а° (347). Особенно интересны страницы—отысканіе славянскаго эквивалента доегласнаго *eu* изъ *au*—именно въ фонемѣ ю: любъ—лат. *leibereis* изъ **leubereis*, блудж—*peúdoma*, рюти, рветь—англсакс. *gūđ* и др.; но въ литовскомъ фонема *au*: *baudu*, слѣд. тотъ же отрицательный отвѣтъ. Въ заключеніе авторъ осматриваетъ «общеевропейское» е въ суффиксахъ: *ter*, тематическое а въ настоящемъ (-жть изъ *-*a-nti*, но -ать изъ *-*anti*), а вѣ въ *véfos*—небо, *hoshō*—камъ, подъемныя

формы именъ съ основой на *и* ($\pi\acute{\eta}\chi\epsilon\text{F}\epsilon\varsigma$, но сынове), и заключаетъ, что «въ суффиксныхъ слогахъ являются тѣже отношенія, что и въ коренныхъ: ни одинъ изъ приведенныхъ фактовъ не мирится съ теоріей, что показывающіяся изъ-за отдѣльныхъ языковъ *e* датируются съ эпохи какого-то единичнаго европейскаго основнаго языка» (373).

Hübbschman H., *g¹, gh¹ im sanscrit und iranischen I*, 384—400 (въ исторіи: мозгъ—инд. *mazga*, зѣбъ—скр. *žambha*, гаснѣти—скр. *žas*, брѣза—осет. *barse*, гжсь—скр. *hamsa*, градъ—скр. *hgraduni hagelwetter*, рыгати—скр. *ruž*, покой—скр. *kšī* жить, тесати—скр. *takšan*).

Его же, *Armeniasa* 400—407 (отгѣтки точекъ сблженія и съ славянскимъ).

Schmidt J., *Entgegnung*, 429 — 457 (съ страстью, противъ нескромныхъ патріотическихъ возраженій г. Ягича относительно теоріи автора о полногласіи—старина за русскимъ языкомъ; но сомнительно, чтобы формации городъ и верѣхъ были одного времени, 447).

Grassman H., *Ursprung der praepositionen im indogermanischen*, 559—579 («настоящія» «слова направленія» за рубежомъ славянскимъ и литовскимъ, отступленіе въ необходимѣйшихъ случаяхъ: до, на-дъ, ни-зъ, и-ри, на, съ; всѣ наст. предлоги образовались до раздѣленія арійскаго языка, не образовались изъ знаменательныхъ словъ, ниже изъ падежей или суффиксовъ).

Osthoff H., *Gr. ἴσθι: sei*, 579 (мѣняющаяся форма $\sqrt{\text{as}}$ и въ славянскомъ: сы, сѣть, но мсмъ, есте, а это уже явленіе праарійское).

XXIV В. (=IV, 1879).

Brugman K., *Zur geschichte der nominalsuffixe — as, -jas und -vas*, 1—99. Мысль, что подъемъ тематическаго гласнаго, замѣчаемый въ склоненіи, долженъ существовать уже въ эпоху общеарійскаго единства, доказывается и въ виду данныхъ вообще славянскаго и, въ особенности, старо-сло-

вѣнскаго языка: въ словообразованіи—вез ж возъ, небесе при имен. небо, первая форма изъ pa, bha_1s-a_1s , вторая — pa, bha_2s , объ образованіи суффикса сравнительной степени ѣш изъ - ja_s , а не изъ - ja_1s 58, слѣд., суффикса хш изъ us , а не изъ $aps—vaps$ 81, слѣд.—вездѣ самое близкое знаніе старо-слов. языка.

Meyer G., Ueber den einfluss des hochtons auf den griechischen vocalismus, 226—255 (изъ различія высокаго и низкаго тоновъ греческія e, o изъ основнаго a , съ тщатель- но собранными параллелями изъ ст.-слов. языка).

Schmidt J., Die ursprüngliche flexion des optativs und der auf a auslautenden praesensstämme, 303 — 322 (различіе формы темы повелительнаго-оптатива — въ ед. и множ.— $мждь=^*мдж$ и $мди-те$, въ зависимости отъ первоарійскаго ударенія 305, слѣд.).

Hübschmann, Iranische studien, I, II theil, Ueber den lautwerth des Zendalphabets, 323 — 415 (общія замѣчанія о славянскомъ консонантизмѣ — аспированныя $media$ —сравнительно съ $zendomъ$ 343, о слав. $з$ изъ основнаго g, gh 406).

Osthoff H., Zur griech. vertretung der indo-germanischen nasalis sonans, 415—426 (мелькомъ о ст.-слов. параллеляхъ $nasalis sonans$: $тънъкъ=^*tnnı$, $сжъ$ 421).

Möller H., Epenthese vor k -lauten im germanischen als wirkung des velaren oder palatalen charakters des wurzelauslauts, 427 — 522 (масса славянскихъ параллелей, отдѣльныхъ замѣчаній: $око-очи$, $нагъ$, $кроуъ$, $нагъ$, $макота$, $мжака$, $лѣг$, $лежати$, $рѣжь$ и др. $връгати$ 453, $пасть$, $посивъ$ 465, $мжъ$ 473, объясненіе закона Ascoli 480, слѣд., $остръ$, $веселъ$ 490, $писа-ти$, $пѣстръ$ 492, $мѣсити$ 494, $вьсь$ 498; о ст.-слов. звукахъ $ь, е, ѣ$ 511, $нес-ж$ 513, о сочетаніи $рѣ, рѣ$ 514, $десити$ 515, $коупъ$ 517, $лосъ$, $азъ$ 521).

XXV B. (=V, 1879—80).

Schmidt J., Zwei arische a -laute und die palatalen

1—179. Изъ двухъ серій статей. Въ первой серіи — обстоятельная реальная критика теоріи К. Вругмана о первоарійскомъ языкѣ съ тремя *a*, въ соотвѣтствіе греч. *a*, *o*, *a*, при монотонности *a* въ собственно арійскихъ языкахъ. Владѣя въ рѣдкой полнотѣ всѣми историческими представителями первоарійскаго языка, Шмидтъ, прежде всего, рядомъ приѣтровъ выясняетъ, что греч., лат. и слав. *o* предъ простыми согласными = въ арійскихъ языкахъ \bar{a} , а не \bar{a} , какъ этого требовала бы теорія Вругмана: онъ, овъ, овъца, домъ, двои, роса, богъ и др., и указываетъ на неточныя заключенія изъ отношенія формъ надежныхъ флексій, тогда какъ уже въ первоарійскѣ имѣла дѣйствіе аналогія мѣстоимен. склоненія, что особенно ясно изъ формъ санскрита и славянскаго ($\acute{a} \zeta v \bar{e} \acute{s} u$: влѣцѣхъ = $t \bar{e} \acute{s} u$: тѣхъ). Затѣмъ — критика морфологическихъ основаній (всего 7) теоріи Вругмана — и особенно пяти изъ склоненія ($\bar{p} \bar{a} d a m = \pi \acute{o} d \alpha = p e d e m$ и пр.): «всѣ эти основанія покоятся на одной и той же ошибкѣ — на уравненіи темъ «сильныхъ» надежей санскрита и «слабыхъ» (т. е. косвенныхъ) греческаго языка». Авторъ доказываетъ свое положеніе микроскопическимъ анализомъ измѣненій вокализма формъ темъ во всей семьѣ нашихъ языковъ: въ *pois* напр. уже первоарійскъ зналъ гласный долгій — \bar{a} ; формы темы именъ подъ одного склоненія являются въ тройномъ видѣ: въ сильномъ падежѣ, въ слабомъ и въ производствѣ. Приимительно напр. къ славянскому языку эта тройность выражалась бы такъ: *дѣро*, скр. *dāg u* — въ слав. соотвѣтствіи *пѣть*; слабая форма — лит. *d e g v - ā*, рус. *д е р - е - в - о*, ср. скр. *d a g v - í* ложка; третья форма, съ пропускомъ кореннаго гласнаго — *др о - в - а*, скр. *d r u v - ā j a* деревянный жарь (50, 51). Ср. * *ποικῶν* = лит. *rēth ū'*, *ποικένος* = лит. *rēthēn-s*, *ποικῶν-η*.

Ключъ къ объясненію появленія то одной, то другой изъ указанныхъ формъ темы — въ удареніи. Законъ ударенія формуруется такъ: извѣстный слогъ терпитъ болѣе сильное сокращеніе, если удареніе падаетъ на слѣдующій вт орой слогъ,

чѣмъ если его держать слогъ, непосредственно слѣдующій (30). «Такимъ образомъ, заключаетъ Шмидтъ, оказалось, что ни въ единомъ изъ приводимыхъ Бругманомъ примѣровъ въ подпору своему «закону» — о не ровно скр. \bar{a} , напротивъ, вездѣ эта о ровно скр. \bar{a} , скритское же \bar{a} и въ европ. языкахъ долгій гласный. Если же е и о равнобѣрно въ скритѣ представляется чрезъ а, то мысль Бругмана о двухъ или трехъ звуковъ а для арійскихъ языковъ лишается всякой опоры» (59). Но критикъ устанавливаетъ, что а-е не простое а, а звукъ «на пути отъ а къ і», и его обозначаетъ a° . Удобнѣе фонему эту обозначить кирилл. ѣ (=jъ), какъ а-о—з: a° , какъ слав. ѣ, палатазируетъ гортанные. Не безъ интереса роль славянскихъ языковъ въ аргументаціи Шмидта: они на первомъ мѣстѣ. Темы на -tag. «Чтобы оцѣнить, говоритъ Шмидтъ, отношеніе $\delta\acute{o}t\omicron r\alpha$ къ $d\acute{a}t\bar{a}'g\alpha m$, въ которомъ Бругманъ опять уравниваетъ непосредственно о и \bar{a} , надо выйти изъ славяно-литовскаго языка», именно изъ формы даннаго суффикса — -тель, -tojis, датель, $d\acute{u}tojis$: до дѣйствія закона аналогіи склоненія ja (\bar{a}) подъемное склоненіе измѣнялось такъ: им. ед. * $d\acute{a}t\bar{a}$, въ косвенныхъ — $d\acute{a}t\bar{e}l$. «Им. * $d\acute{a}t\bar{a}$ замѣнился формой датель, какъ также позже камы формой камень» (27). Ср. лит. им. $ses\acute{u}$, въ косвен. $seseg-$, а въ славянскомъ уже «третья» форма сестра. Подходя къ «третьей» формѣ темы, Шмидтъ снова указываетъ: «наконецъ, кромѣ -тар=слав. тел-мы имѣемъ еще слабую форму темы, о первоначальномъ мѣстѣ которой насъ опять поучаетъ славянскій языкъ» (29). Ср. и объ удареніи: осп. форма $va\acute{d}\bar{a}g$, «такое удареніе въ виду русск. водá, лит. vandũ»; $\delta\epsilon\sigma\text{-}\pi\acute{o}\delta\tau\eta\varsigma$ гос-подь изъ основной ф. * $ga's\text{-}r\acute{a}t\bar{i}$ —удареніе удержано въ русскомъ господь».

Вторая серія статей посвящена небнымъ, исторія которыхъ связана и съ a° —выясненію явленія, подмѣченнаго въ зендѣ уже знамен. Ascoli, что t^1 , g^1 , gh^1 переходятъ въ небные (palatales) подъ дѣйствіемъ і: а к а худой, по сравн. ст. $a\check{s}jo$, превосх. $a\check{c}ista$. Шмидтъ какъ бы примѣняетъ законъ

появленія небныхъ (свистящихъ и шипящихъ) въ славянскомъ языкѣ въ сѣдой эпохѣ арійскихъ языковъ. «Я попытаюсь доказать, что звуки 2-го ряда (т. е. скр. *č, ž, h* при основныхъ *k¹ g¹ gh¹*) вездѣ возникли изъ гортанныхъ въ силу послѣдующаго *i, j* (*y*), или звука, лежащаго по срединѣ *i* и *a*, и что вездѣ, гдѣ скр. *č, ž, h* нашего втораго ряда стоятъ передъ иными звуками, или *k, g, gh* передъ *i*, тамъ должно принимать переносъ формы», 65. Мысль эта явствуетъ: 1) изъ образованія степеней въ скритѣ и зендѣ: знд. *da g e gh a* дологъ, превоск. ст. *da ž-ista*, 65 (очевидно тоже явленіе въ той же области и въ славянскомъ: *ug-rá* сильный: *ō ž-i-jams: ož-ištha*, знд. *ugh-ra: a ož-jāo: a ož-ista* = драгъ: драж-ан); 2) изъ формы мѣстоименія вопросит. — скр. *kí-s*, знд. *čis* (въ отдѣльной жизни скрита законъ забылся, ср. польско-русс. сочетаніе *Ki-евъ*); 3) въ Ригѣ-Вѣдѣ передъ *u, v* гортанные неприкосновены; 4) *a*, которому въ европ. языкахъ отвѣчаетъ *e*, слѣд. *a°* (*ь*), послѣдовательно имѣютъ только небные, т. е. это *a* дѣйствуетъ какъ *i, j*; но при *a*, которому тамъ же отвѣчаетъ *a* или *o*, гортанные не тронуты, т. е. это *a* дѣйствуетъ какъ *u, v*, 73. Нельзя не вспомнить нашихъ жени и гонжи при гнати.

Равномѣрное значеніе *a°* въ судьбѣ гортанныхъ осязательно въ различной исторіи «первичнаго» суффикса *a*—въ имени и глаголѣ: *bhága-s, bhága-ti*. Въ имени это *a* есть чистое *a*, въ глаголѣ («соединит. гласный») *a°*: въ имени гортанные неизмѣнны, въ глаголѣ они небные: скр. *bhága-s* часть, по *bháža-ti* надѣляетъ (богъ — божаетъ); *marká-s* (ср. морокъ), но *pi-mgōśa-ti* заходитъ (морочить), *ōka* обычный (ср. наука), *úśjati* обыкнуть (ср. учить) и т. д. Ср. таблицу 100—103 и слѣд. Любопытна для слависта дополнительная, IV, статья (114—135)—мѣна рядовъ *č, ž, h* (читай *сь, зь*) и *k, g, gh*, внѣ зависимости отъ послѣдующаго гласнаго: скр. *bhárga-s*, знд. *baḡāza* блескъ, знд. *ghana*, *ženī*—сл. жена, но затѣ. Авторъ дѣлаетъ предположеніе, что «арійско-славянолитовскіе palatales spir. из-

начала имѣли по два различныхъ произношенія — иное предѣ *i, j, a°*, чѣмъ предѣ другими звуками». Отсюда для времени, «когда Аріицы съ народами славяно-литовскими сидѣли еще вѣсть» — новый рядъ гортанныхъ, которые даютъ именно рядъ *ç, z', z'h*, въ параллель ряду *k, g, gh*, дающему *ç, z, h* (= слав. *з, ш*): «имъ объясняются не только всѣ доселѣ приводимые факты, но и различия между аріискими и славяно-литовскими языками, которыя слишкомъ многочисленны, чтобы ихъ не признавать» (124). Эти разнствующія формы «являются почти только въ такихъ словахъ, которыя по нашей теоріи имѣли нѣкогда *x, γ, γh*, объясняются въ мысли, что эти *x, γ, γh* въ славянскомъ и литовскомъ, или въ одномъ изъ нихъ, замѣнились *k, g, gh*, въ Аріискихъ — *x', γ', γ'h = ç, z', z'h*» (125); напр. лит. *rekus*, сл. *пъсъ*, ар. *раçи*, а начальное *ра°хи*; лит. *angà*, знд. *ãzõ*, сл. *жзость*, даже сюда *gwiazda, hvězda* — звезда. — Въ новой теоріи четвернаго ряда *palatales spir.* участвуетъ большая доля предположительности: въ рядѣ ли напр. для *могж* *можеш* были болѣе раннія формы *могж* *можеш* (129), — но богатство отдѣльныхъ сближеній, истолкованій (напр., *иѣна x* и *ш* въ слав. *аористѣ*, въ непосредственной связи еще съ явлениями общеарійскаго консонантизма, *x: kš = ш: šš*, тогда какъ скрыть уже забылъ различеніе это, 120 сл.) возбуждаетъ справедливое удивленіе слависта. (Непоследовательность: *жърѣти* на 81 къ *gag* славить, лит. *giriù gühme*, на 85 — къ лит. *geriù ich trinke*).

Baunack, Formassociation bei den indogerm. numeralien... 225—260 (-жди въ дважды, трижды 247).

«Beiträge zur vergl. sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen», herausgeg. von. A. Kuhn und A. Schleicher, Berlin съ 1858.

I B. (1858).

Schleicher A., Kurzer abriss der geschichte der slawischen sprache, 1—26¹⁾.

Его же, Das pronomen lit ši, slav. съ, 49.

Miklosich, Verba intensive im altslowenischen, 67—80.

Miklosich, Formenlehre der altslow. Sprache рец. Шлейхера, 116—124.

Miklosich, Die Wurzel sru im slawischen, 128.

Его же, Das Suffix x-ŷ im altslowenischen, 222—233, 273—289.

О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ, Гильфердинга, рец. Шлейхера, 265.

Ebel H., Slawisches, (чоути, отъ и др.) 270—272.

Schleicher, Ist das altkirchenslawische slowenisch? 319—328.

Miklosich: Die Wurzeln des altslowenischen, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen, рец. Шлейхера, 380—385.

Schleicher, Das auslautgesetz des altkirchenslawischen, 401—426.

II B. (1861).

Neuere sprachwissenschaftliche werke auf dem gebiete des slawischen und lettischen, рецензія Шлейхера: Üeber die Bildung der nomina Миклошича²⁾, О средне-болгарскомъ вокализмѣ Биларскаго и др, 118—122.

¹⁾ Эта, какъ и нѣкоторыя другія статьи Шлейхера, указаны въ трудѣ пр. Котлиревскаго; но для обстоятельности нашего перечня имъ мѣсто не выпускаемъ.

²⁾ Раньше рецензія на этотъ же трудъ Миклошича Шлейхера въ «Gelehrte Anzeigen der k. bayer. Akademie der Wiss.», 19 и 22 января 1859 года.

Schleicher, ꙗ ѣ, 122—124.

Petters, Slawische personennamen mit -slaw und -mir, 133—136.

Smith C. W., Bemerkungen über die primitiven fürwörter der baltischen und slawischen sprachen, 330—350.

Petters, A — secundäres suffix in slawischen und griechischen ortsnamen, 393—94.

Miklosich, Die bildung der slaw. pesonennamen, рец. ШлеЙхера 480—83.

III B. (1863).

Smith C. W., Bemerkungen и пр., (продолж.), 97—113, 129—151.

Miklosich, Die slawischen Elemente im rumunischen, рец. ШлеЙхера, 245—248.

Ebel H., Slawisch пьсь, 255—256.

Miklosich, Lexicon palaeoslovenico -gr. -latinum, рец. ШлеЙхера, 378—381.

IV B. (1865).

Miklosich, Lexicon, Chrestomathia palaeoslovenica, Die nominale zusammensetzung im serbischen, рец. ШлеЙхера, 116—117.

Schmidt J., Ueber das futurum im altkirchenslawischen, 239—241.

Даничић, Рјечник, замѣтка ШлеЙхера, 251—252.

V B. (1868).

Schleicher, Got. manags, altbulg. многа, 112 сл.

Miklosich, Lexicon, рец. ШлеЙхера, 115—117.

Майковъ, Исторія сербскаго словаря, Востоковъ, Словарь, рец. ШлеЙхера, 117—124.

Miklosich, Die fremdwörter, рец. ШлеЙхера, 375 сл.

Leskien A., Zur neuesten geschichte der slaw. sprachforschung (по поводу «De mutatione» г. Гатталн, 403—45).

Объ Ассеманіевомъ евангеліи, зам. ШлеЙхера, 476.

VI B. (1870).

Burda, иште, ѣсте, usque und iki, 89—91.

Его же, Beiträge zur kenntniss einiger suffixe (зито, жтъ) im slawischen, 92—96. суф. зини, 194—197.

Schmidt J., Die entwicklung von unursprünglichen j im slawischen und litauischen, 129—152.

Burda, Einige bemerkungen zu Schleicher's compendium (суф. -оста), 188—194.

Pott A., Die partikeln skr. g ha, zend. zi, gr. γα, γε, lith. gi, slaw. же..., 257—277.

Полемика г. Гатталл противъ Шлейхера, рец. Бурда, 342—387.

Burda, Ein beispiel der praesensstambildung mittels ta im slaw., 392.

Примѣчаніе. Косвенно относится интересная для сравнительн. старо-словенской фонологіи статья Pauli: «Preussische Studien», 414—459.

VII B. (1873).

Grammaire paléoslave par A. Chodz'ko, рец. I. Шмидта, 113—118.

Fick, ξφρασις verlangen, lat. sitis durst, k. sl. хотъ f. verlangen, 127—128.

Leskien, Sprachwissenschaftliche arbeiten im «Rad jugosl. Akademije» I—XV, 129—155.

Schmidt J., Miscellanea. 1) Verwandeln l und m im slawischen und litauischen vorhergehende dentale in s? 239—244.

Das leben der wurzel дѣ... von Jagić, рец. I. Шмидта, 247—252.

Goldschmidt S., Etymolog. 1) хроиз=srāma..., 252.

Fick, Phrygische glossen, 358—385.

Schleicher, Laut- und formenlere der polabischen sprache, рец. Ив. Шмидта, 468—472.

Шерцль, Сравнительная грамматика..., I, рец. Ив. Шмидта, 477—484 (дѣловая ругни).

Pauli, Preussische studien, II, formenlere, 155—227. VIII B. (1876)¹⁾.

Miller Wsew., Die praeros. kз im slavischen, 101—108 (въ основѣ, впрочемъ, главнымъ образомъ языкъ старорусскихъ лѣтописей).

Его же, Ueber den lettoslavischen infinitiv, 156 — 174. Мемуаръ интересный, доказывающій, какъ важенъ вѣдйскій инфинитивъ для объясненія нѣкоторыхъ синтаксическихъ особенностей литовско-славянскаго неопредѣленнаго.

«Zeitschrift für völkerpsychologie und sprachwissenschaft», herausgeg. von M. Lazarus und H. Steinthal, Berlin сь 1859 года.

III (1865). — Случайныя сближенія старо-словенскихъ словъ, 210—212, 315—316.

IV. (1866). — Miklosich, Die verba impersonalia im slavischen, ред. Штейнталя, 235—242 («не глаголь, но конструкція безличная»).

VIII. (1875).—Jolly J., Ueber den stammbaum der indogerm. Sprachen, 15 — 39. По поводу «волнообразной» теоріи Ив. Шмидта, противъ.

Его же, Noch einmal der Stammbaum der indogerm. Sprachen, 190—205. По поводу «Die ehemalige Spracheinheit Europa's» А. Фика.

Krek G., Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, ред. Г. Эбеля, 466—473.

¹⁾ Въ «Опытѣ библиологіи» пр. Котляревскаго объ этомъ журналѣ сказано: «доселѣ VII томовъ» (стр. 136). Очевидно, невѣрно.

«Orient und Occident», изд. Th. Benfey'a, Гёттингенъ съ 1862 года.

I B. Müller Fr., Sprachwissenschaftliche Beiträge zur Grammatik der indogerm. Sprachen, 735—740 (о мѣстномъ азъ, ты).

II B. (1864).—Müller Fr., Sprachwiss. Beiträge и пр. 127—132.

Его же, Beiträge zur Erklärung des Phrygischen, 577—580 (къ исторіи сл. злато).

Benfey Th, Reflexe von sskr. са k: ξανθός и пр., 752—762 (къ исторіи $\sqrt{\text{скок}}$).

III B. (1864).—Benfey Th., Ueber ri, rī und li, 1—77, 193—257 (немногія справки съ русскимъ, чешскимъ).

Fick, Anlaut γ im Griechischen, 289—322. Немногія справки съ старо-словенскимъ языкомъ (напр. ε. v. γυνή 302), хотя сближенія напрашиваются сами собой.

«Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik», herausgeg. von G. Curtius, Лейпцигъ съ 1868 г.

II B. (1869).

Clemm W., Etymologisches, 45, сл. (противъ сближенія гомер. ἰχῶρ съ слав. юха 48).

Leskien A., Die Formen des futurums und zusammengesetzten Aorists mit ΣΣ im den Homer. Gedichten, 67—124 (πατ-έροι=пит-аж, гот. fod-jan, одного корня, значенія и образованія 122).

Windisch E., Untersuchungen über den Ursprung des Relativpronomens in den indogerm. Sprachen, 203—419. Классическій трудъ по образованію мѣстоименій «указательныхъ» въ обширномъ смыслѣ и исторіи постепеннаго развитія ихъ значенія въ цѣлой семьѣ нашихъ языковъ. Авторъ

оперируетъ въ области греческаго мѣстоименія, но съ обширными и увлекательными экскурсіями-справками въ литовскій и, особенно, славянскій языки. Не одна краснорѣчивая страница доказываетъ особенное значеніе славянскаго синтаксиса мѣстоименій для арійскаго языковѣднія, прасѣдую первоарійскую старину въ какомъ-нибудь пренебрегаемомъ нами родномъ прономинальному оборотѣ: славянскій языкъ можетъ-быть свѣточемъ для санскрита.—Мѣст. и, ѡ, ѡ + ж е = гр. ἴε съ полнымъ склоненіемъ только въ славянскомъ и литовскомъ, и съ основнымъ значеніемъ мѣстоим. 3 лица, тема его -ja = лат. и гот. темѣ ia, есть развитіе мѣстоим. $\sqrt{\text{і}}$, что въ италійскихъ и готскомъ 226—246. Тоже мѣст. и, ѡ, ѡ, по синтаксическому употребленію = гр. αὐτός, но въ имен. всѣхъ трехъ числъ онъ 252; αὐτός, слав. овъ, внд. ава—развитіе мѣстоим. темы и (въ санскритѣ только въ частицахъ, какъ часто, съ «поблекшимъ значеніемъ» 267)—указываютъ на отдаленное, что позади и что извѣстно, но значеніе первотемы и просто мѣстоим. 3 лица, 273; но въ славянскомъ употребленіи овъ, при противоположеніи и нъ (въ Остромирѣ), «скорѣй вошло въ рядъ indefinita, но такъ, что неопредѣленность ограничена» 272.—Мѣст. съ = ѓis въ литов., по мнѣнію автора, различнаго происхожденія: съ изъ темы sia, ѓis изъ т. kia 289—292; синтаксисъ «сильно указательнаго» съ и «анафорически-указательнаго» тъ (= гр. ἐκεῖνος, οὗτος и αὐτός), а не просто дальнѣйшаго указанія, 303—309.—Т. наз. опредѣленная форма прилагательнаго, образуемая при помощи мѣстоимен. темы ia, въ ея «просто анафорической функціи», не есть членоподобный оборотъ: «достойно вниманія, что анафорическое мѣстоименіе въ славянскомъ и литовскомъ соединяется только съ прилагательнымъ и никогда не встрѣчается чловѣкъ и. Что должно значить чловѣкъ онъ? Напротивъ, иждрь и имѣетъ весьма хорошій смыслъ; говоря коротко, присоединяемое къ прилагательному анафорическое мѣстоименіе имѣетъ задачу — тѣсно связать прилагательное съ его существительнымъ и во всякомъ

случаѣ нельзя сдѣлать этого деликатнѣе, какъ придавъ прилагательному замѣстителя его имени» (320). Изъ той же мѣстоимен. темы *ia*, съ ея значеніемъ «онъ», авторъ ведетъ и суффиксъ прилагат. притяжательныхъ: *div-ja*, *patr-u-s*, *patr-iu-s*, конечно, и слав. бож-ь (-jъ). Эта тема дала развитіе мѣстоименію, соединяющему предложенія, въ значеніи «который»: съ этимъ значеніемъ она уже въ санскритѣ, вендѣ и греческомъ и только въ славянскомъ и литовскомъ—съ первичнымъ значеніемъ и=«онъ», уже позже иже, и-же, и-же. Но еще поучительнѣе синтаксисъ мѣст. свой, напр. въ нашемъ оборотѣ—свой домишко имѣю, извѣстномъ и литовскому языку: за нимъ тысячелѣтія. «Изъ этого столь обычнаго употребленія темы *sva* въ литовскомъ и славянскомъ приобрѣтаютъ особенно высокое значеніе болѣе или менѣе спорадическія явленія подобнаго рода въ другихъ языкахъ; въ санскритѣ, вендѣ и греческомъ можетъ быть доказано, по крайней мѣрѣ, прилагательное мѣстоименіе въ этомъ, обще-возвратномъ, значеніи: ... *Agnē, jakši sva m dāman* (Огни, свати свой домъ)»... (336). Ср. еще 338 о мѣст. свой, не относящемся къ подлежащему, и 343. Въ связи съ этой глубочайшей стариной стоитъ и другая старина—слав. мѣстоименія *sa* въ образованіи медіальныхъ формъ: «эти три языка, славянскій, литовскій и латинскій, представляютъ столько же ступеней формальнаго развитія тѣхъ, изначала медіальныхъ, формъ,—въ славянскомъ глаголь и мѣстоименіе еще вполне раздѣлены; въ литовскомъ началось сплоченіе..., въ латинскомъ, наконецъ, глагольная форма и мѣстоименіе сплелись всецѣло» (337). О мѣст. *самъ*=скр. *sa m a m*, *бмбс*, *vesol*, 352 сл., *онъ*—инъ 385 сл. («всеѣ наши языки къ понятію объ единицѣ пришли изъ мѣстоим. понятія того же»).

III В. (1870).

Ваи Т., De праероу *parā usi*, 3 сл. (умбр. *per*=лат. *pro*, въ слав. слитный прѣ 7).

Roscher H., *Phonetisches und etymologisches*, 129

сл. (βύττος=μύττος изъ V̄ тик, родственнаго слав. моѣи Urin, конечно, вж. моча 134).

Clemm W., Beiträge zur griech. und lat. Etymologie, 283 сл. (истъ, гр. ἐσθ-λό-ς trefflich, отъ V̄ as 337).

Curtius H., Zur Geschichte der griech. zusammengezog. Verbalformen, 379 сл. (о настоящихъ глаголахъ на μι—противъ объясненія изъ фальшивой аналогіи, «какъ послѣдняго прибѣжища, исключающаго всякій вопросъ и изслѣдованіе» 382, и противъ—глаголы contracta напр. на -αζω изъ *аjā m i: «согласіе между фѣрω—берж, *фераси—берши, фѣрете—берете, дор. фѣронτι—бержть доказываетъ прямо, что ослабленіе тематическаго α въ е предъ простыми зубными древнѣе расщепленія европейскихъ языковъ» 391).

IV В. (1871).

Albrecht, De accusativo cum infinito, 1 — 58. Между прочимъ противъ мыслей Миклошича (въ Вѣнскихъ «Sitzber.» LX): «namque causam accus. c. inf., quippe qui nomen sit, repetendam esse existimat (т. е. М—чь) propterea quod in lingua gothica et slavica dat. c. inf. eadem fere vices gerat atque alias acc. c. inf. Sed hac ratione non explicat, qui acc—us (vel dat—us) infinito addi potuerit, immo vero, idque potissimum ex eis, quae l. l. p. 505 disputavit, apparet, structuram acc. c. inf. pariter atque illi, quorum sententias ante commemoravi, tanquam rem ab initio perfectam absolutamque tractat», 9.

Brugman K., De graecae linguae productione suppletoria, 61—186. Вопросъ о т. наз. замѣстительномъ растяженіи—«detrimentum literae productione syllabae compensatur», по опредѣленію еще Геллія (с̄опехус) Авторъ слѣдитъ законы этого вокальнаго процесса, особенно широко развившагося въ греческомъ языкѣ: постепенность его и необходимое условіе—впереди consonantes continuae, но не мгновенныя (*lāc-на, далѣе *lag-на, lan-на, наконецъ lāna). Масса греческаго матеріала, умѣло расположеннаго, съ сравненіями въ области родственныхъ языковъ. Ли-

товскій языкъ часть, ст.-словенскій рѣже: ὕσος изъ Fίσος, какъ *divīsi* изъ *divissi*, нѣсь изъ нѣсь=несеть, вѣсь (*věsī*?) изъ ведсъ, 128; къ этимологii живж 147, дивити («удивительное» отношенiе славянскоi формы корня див и да ъ-ма—«forma principalis» *dhiv*, слѣд. славянская) 150, крѣвь 153, прѣвы 154, лѣвь 165.

Bugge S., Beiträge zur stammbildungslehre der griech. und lat. Etymologie, 325—350 (къ этимологii жжа, жва-ти, желждь).

Deffner, Neograeca 233. («*in loco digammatis invenitur in nonnullis vocabulis: υἱδρα est ὄδρα... Hoc in subst. neogr. dialectus ad literam congruit cum eccles. lingua Slavorum quae et ipsa выдра praebet. Valtos significat paludem... Dubium non est, quin hoc vocabulum reducendum sit ad rad. Fελ», 255. Но слав. бол-о-то, блато? Tšérvule сандалии: «syllaba tšer v autem ad καρβ, quod deinde in καρβ mutabatur, referenda mihi videtur», 296. Заимствованiе изъ славянскаго вѣ спора: црѣвкн, черевички).*

Bugge S., Beiträge zur griech. und lat. Etymologie, 325 сл. (скр. *dhvāg*, слав. дворъ невозможная этимологiа отъ $\sqrt{\text{dhu}}$ вѣять, подрѣпляемая-де лит. *dváse* душа 330, мака, макѣвъ и нѣм. *mengen*, норв. *maug* тѣсто 336).

V B. (1872).

Meyer G., Beiträge zur stammbildungslehre der griech. und lat. sprachen, 1—116 (противъ Гримма о соедин. гласномъ въ бого-словъ 39, тургидус и мышь 60, тема *himō* въ *bihimus*, *trimus* и зима 84, суф. имени *agentis i*, ночастнiй: знд. *vaēidh-i* вѣдьма, лат. *trud-i*-в шесть, сл. медв-ѣд-ь 115).

Siegismund A., Quaestionum de metathesi graeca capita duo, 119—217 («inter linguas europaeas μεταθετικωτάται sunt linguae slavicae, in quibus saepissime liquidas praepositas videmus, ubi Germanorum et Lettorum linguae

proxime cognatae pristinum litterarum ordinem retinuerunt (слѣдуютъ влѣкъ — vilkas и др.). Iam vides, si quaeritur, utrum in graeco aliquo vocabulo metathesis facta sit, necne, ex l. slov. de forma primitiva nihil colligere nos posse; aliquoties autem et graecam et slovenicam formam metathesi affectam esse statuendum erit» 135 — 136. Въ виду разнообразія вокализаціи ирл. brаn, лит. vārnas, сл. вранъ «nullo modo, quia duae l. in liquida praeposita consentiant, врана гр. forma primaria habere licet, quasi in lit vārnas voc. anticipata sit...» 136. Но въ виду φράτηρ—братръ метатезисъ-де уже «ante Indogermanorum discessum» 137. Въ славянскихъ сближеніяхъ источникъ — Курциусъ, Фигъ—плетж, пра, плюшти—pulmo и др., но съ нѣкоторой критикой).

Brugman K., Etymologien (hostis — гость изъ ghastis, отъ √ ghas verletzen, fressen, beissen: «въ эпоху общеевроп. единства» развилось понятіе иностранецъ, а уже изъ поблекшаго этого значенія на славяно-нѣмецкой почвѣ понятіе гость, въ то время какъ на римской почвѣ задержалось старѣйшее значеніе hostis 229, и противъ принятаго сближенія съ гр. ξένος; toli-ti placare и при-тоул-ц-ти 238).

Meyer G., Nachtrag zu den Beiträgen zur stambildungslehre, 335 — 38 («vollständiges analogon im altbulgarischen» — переходъ именъ съ темой на согласный въ имена съ темой на ѣ: словес-слова — явленію греч. языка, «особенно, въ позднѣйшее время»).

Angermann C., Die römischen Männernamen auf a, 379 сл. (слав. на а съ «укороченнымъ» гласнымъ, а это мужское образованіе на á уже должно было быть въ арійскомъ первоязыкѣ 400—401, хотя задержалось оно только въ европейскихъ языкахъ 404).

VI B. (1873).

Curtius G., Der doppelte Stamm eru, 265 — 276 (распространенная тема varu отъ √ var, что въ инд. varatha щить, лат. vērus, сл. вѣра).

Fritzsche A., De reduplicatione graeca, 279—346 (многія слав. сравненію по Курціусу и Фигу: *κό-κκο*—ку-бав-ица, *τά-τα*—тата, *ἀλ-αλ-ἀ*—оле, *ολ-ελ-ε* «das Kriegeschrei des indogermanischen Volkes», *δαρ-δάπ-τ-ω*—держ, *κ(ρ-κ-ο-ς*—кргг-ъ, *κολοκ-ὄντη*—кдац-ати и др.).

Meyer G., Zur griech. nominalcomposition, 375—400 (какъ въ греческомъ, женскія темы въ первой части сложенія сокращаютъ $\bar{\alpha}$ на *ο*, такъ и въ ст.-словенскомъ, который отстываетъ здѣсь отъ своего близнеца—литовскаго языка, но явленіе это восходитъ, мимо «европейскаго» единства, къ эпохѣ первоарійской 392. Слав. примѣры изъ Словара Миклошича).

Curtius G., Miscellen, 417 сл. (внн. въ ст. лат. *med, ted, ved*, съ приставнымъ *d*, какъ въ *i-d*, иного образованія, чѣмъ умбр. *tiom*, оск. *siom*—слав. *и а, та, са* 429; противъ сближенія $\phi(\lambda\omicron\varsigma$ и *приа-ти* 425).

VII B. (1874).

Sauer P., De pronominum pers. formis et usu Homericis, 103—160 (подтверженіе извѣстнаго: «inter Eur autem linguas primaria significatio sua stirpis optime servata est in Slavicis, cum in eis pronomina et reflexiva et poss. ab hac stirpe derivata ad omnes pers. referri possint» 149).

Meyer G., Etymologien, 175 сл. (за сближеніе *τρ-π:χέραινος*, *torq-ueo* и *тrep-ати* 181).

Brugman K., Ueber die s. gen. gebrochene Reduplication in den indogerm. Sprachen, 187—216, 275—368 Дополняя изслѣдованіе Fritzsche, см. выше VI, авторъ желаетъ доказать на неполной редупликации, что т. наз. потеря «чувства къ языку», сознанія собственнаго значенія отдѣльных элементовъ, а потому и «аналогическія образованія» ииѣли мѣсто уже въ эпоху единства Аріидцевъ, и так. обр. набрасывается «густая тѣнь на безгрѣшный характеръ этого періода языка». Славянскій языкъ представленъ богато:

бѣбливъ—βάρβαρος 196, дамь, деждж (=дед-жж) 201, дѣдъ къ $\sqrt{\text{dha felage}}$, откуда свр. *dadhan* молоко 204, гжг-нивъ къ $\sqrt{\text{gag}}$ 211. Особенно богата вт. часть «неполная редуцировка одинаково во многихъ языкахъ»: $\sqrt{\text{}}$ какъ бытъ согнутымъ—кжгъ, крочити, раклъ, равно, рогъ вт. *крогъ, лжгъ вт. *влжгъ, коубо-носъ, сжбъ, крабъ, клѣва, коубъ, владати, кѣбъ, кѣва и др. Кажется, сближеніе нѣсколько рѣшительное.

Curtius G., Griech. τ und skv. k¹ 267 — 272 (оставалась при старомъ, что «небное k уже въ относительно позднее время и независимо расплылось у Славянъ съ Литовцами и Аріѣцвъ въ *arigans*» (съ то), Курціусъ возражаетъ Ив. Шмидту, что какъ въ славянскомъ отдѣльные небные k-звукъ «задубѣли» и потому совпали съ гортанными, такъ тѣже звукъ въ другихъ краяхъ могли перейти въ лабиализмъ—въ греческихъ нарѣчіяхъ то въ π, то въ τ (дентализмъ), а самихъ словъ немного, и въ каждой области языка подобныя измѣненія могли произойти независимо).

Въ концѣ тома Indices къ семи томамъ «Studien» изв. А. Ваничка. Слав. указатель 512—514.

VIII В. (1875).

Clemm V., De alpha intensivo, 1—119 (изъ префикса a n- развившійся предлогъ имѣетъ различное управление: «in Gothica l. in cum dat. conjungitur, nusquam cum accus., in Germanica cum utroque casu, Lituanicum ꝑ solum accus. patitur, ant. Bulgaricum въ et locat. habet pedisequum (=ἐν) et accus. (=εἰς)» 16).

Meyer G., Αἰπολος 119 — 124 (въ первой части слова авторъ видитъ знакомое индо-европ. слово a vi—овъ-ца, хотя обычная греч. форма δι-ς, съ о, какъ въ лат., слав., ирландскомъ, и что въ сложныхъ словахъ часто кроется старина, 122).

Merzdorf R., De dialecto Herodotea, 127—222 (о слав. зѣвѣ 235, этим. весь-на, γλοχέα=γλοχέα Fα, какъ сынове 138, о постепенномъ забвеніи глаголовъ на μι=иъ

156, объ «основной» формѣ $\sqrt{\text{dhiv}}$, откуда въ славянскомъ див, а въ греч. dhji 159).

Osthoff H., Über λαλ- und lul-, 451 — 459 (родство старо-слов. рек-ж и гр. ἔ-λαχ-ον, лат. loquor доказываетъ, что r этого корня—первичный индо-европ. начальный звукъ; рек-ж протестуетъ равнымъ образомъ противъ генетической связи съ звуковымъ типомъ la — напр. въ лат. lallare, 455).

Curtius G., Der lateinische Coniunctiv des Imperfects, 460—465. Сущность формъ какъ es-sem, fer-rem состоитъ «въ соединеніи темы наст. съ элементомъ -sa (-so, -se), къ которой прибавляется знакъ наклоненія i» 463. Кроме скр. и лат., одинъ старо-слов. языкъ знаетъ соединеніе темы настоящаго времени съ формой $\sqrt{\text{as}}$, на что указываетъ Вестфаль и др; но, по сообщенію Лескина, въ дѣйствительности не можетъ быть доказано происхожденіе отъ темы наст. ни одного слав. аориста и прежде всего формъ какъ несо-хъ, хотя о уравниваютъ тематическому гласному наст. Весо-хъ можно бы низвести къ основной формѣ *vaghа-sа m, которая въ латинскомъ переводѣ звучала бы *vehе-gam и была бы индикативомъ къ vehе-rem. Напротивъ, Лескинъ принимаетъ, что рѣшительно новый и возникшій на славянской почвѣ имперфектъ, напр. несѣ-ахъ, образовался изъ темы наст. вр. несе и прааег. корня as (ст.-слов. ис) *ихъ, о чемъ я судить не могу», 464.

IX В. (1876).

Angermann C., Onomatologisches, 247 сл. (въ Πη-νέλως, въ первой части, тема πηνο, отвѣчающая де слав. панъ, отъ $\sqrt{\text{pa}}$ хранить).

Brugman K., Erstarrte Nominative, 259 сл. (въ греческомъ; аналогическое явленіе въ славянскомъ dvandva-compositum — братъ-сестра 264).

Его же, Nasalis sonans in der indogerm. Grundsprache, 287—338. Точка отправления—двойная форма ви. ии. именъ съ темой на согласный въ языкахъ арійской семьи: при

тѣмъ и *ks-án* основная форма для языковъ-де Европы и *ksán-p-as*, т. е. «сильная», для языковъ Азіи—и *ksⁿ-án-as*. Гдѣ же настоящая основная? «Если всѣ индо-европ. языки знаютъ вин. мн. какъ сильный падежъ и только собственно аріійскіе языки при общеиндо-европ. отношеніи указываютъ еще иное, имъ собственно, то вѣроятно, что это чисто аріійское и въ аріійскихъ языкахъ не отъ разу наступившее образованіе не первобытно» (289). «Все указываетъ, что наше индо-европ. -as (т. е. вин. мн.) дѣйствительно развилось изъ -aⁿs. Мъ въ *rad-am* (*redem*), ясно, по существу тотъ же элементъ, что *m* въ *aqua-m* (*equum*). Если же, въ чемъ никто не сомнѣвается, множественное число для *akva-m* первоначально звучало *akva-m-s* (отсюда, можетъ быть, уже въ основномъ языкѣ *akva-p-s*), эта же форма отличается отъ формы ед. ч. только прибавкой знака множественности—*s*, то съ самой большой вѣроятностью форма *rad-am-s* получается, какъ множественная, по отношенію къ *rad-am*. Полагать же ее, какъ основную форму, не мѣшаетъ не только ни одинъ изъ языковъ, но даже греческій указываетъ на нее самымъ рѣшительнымъ образомъ» (290). Засиѣ авторъ переходитъ къ зерну вопроса, къ доказательству, что съ звуковой стороны ничто не препятствуетъ праформу -aⁿs принять и для первозынка, что напр. греч. -ας (*πῶδ-ας*) съ необходимостью должно быть выводимо изъ -aⁿs (= -aⁿs). «Какъ въ собственно аріійскомъ языкѣ, такъ и въ европейскомъ (авторъ сторонникъ «родословнаго древа» изданія Фика) обнаруживается глубокая разница въ обработкѣ *a* соединительнаго и тематическаго, и какъ въ имени, такъ и въ глаголѣ, такъ что мы необходимо приходимъ къ выводу, что тематическое *a*, напр. въ *akva-m* (? *πῶν* и *bhāga-nti* *φέρο-ντι*, уже въ индо-европ. первоязыкѣ имѣло иное произношеніе, чѣмъ *a* соединительное въ *rad-am* *πῶδ-α* и *av-ánti* *ἔ-αντι*)» (293). Въ самомъ дѣлѣ, въ скр. строго наблюдается законъ: «послѣ темат. *a* предѣ согласнымъ носовой никогда не выбрасывается безслѣдно, и, напротивъ, послѣ соединит. *a* носовой

безъ труда исчезаетъ, если его слогъ безъ ударенія», 294—295). Напр. bhāga-nti, но bíbhg-ati, áçvā-n изъ *áçva-nъ, но vāk-as изъ vāk-anъ. Тотъ же законъ, и съ тою же правильностью, обнаруживается въ греческомъ языкѣ. Наконецъ, обращаясь къ латинскому, «старо-болгарскому» и др. языкамъ—вездѣ то же явленіе: влѣкъ т. е. *vāgka-m, но матер-е т. е. mātar-am, бергть т. е. *bhāga-nti, несж т. е. nak'a-nt, на ид-ать т. е. *ad-ánti, мса т. е. *ad-s-ant (301). Отсюда необходимо заключеніе: языки арійской семьи искони различали *a* тематическое и *a* соединительное. Что же касается «звукофизиологическаго» значенія «соединительнаго» *a*, то оно—nasalis sonans, причемъ сопутствующій ему крошка гласный, съ теченіемъ времени, развился въ одномъ языкѣ до *a*, въ другой—до *e*, а самъ nasalis sonans пропалъ. Въ заключеніе, авторъ приимаетъ свою вокальную теорію къ анализу нѣкоторыхъ флексій (па, паста 314) и словъ (десять, съ то, — относительно съ то указываетъ на неожиданное появленіе *z* изъ nas. son. 326). Какая польза отъ новой теоріи? «Мы, говоритъ авторъ, съ двойнымъ выигрышемъ: 1) сугубыя суффиксныя формы -am, -anti и -m, -nti могутъ свестись къ единой; 2) всѣ качественныя вокальныя разницы въ отдѣльныхъ языкахъ, равно какъ и другія трудности, разрѣшаются просто» (304). Но есть опасность—первозыкъ Аріица низвести къ «щелканью» Готтота, впрочемъ... если дѣло объ эпохѣ, когда рѣчь благо-роднаго жителя Arjā bhūmi еще не носила характера арійскаго языка—«jener Zeit, in der es noch keine casussuffixe gab, mittels deren man später beziehungen der einzelnen wörter eines satzes auf einander ausdrückte, war die stellung der wörter das einzige mittel, das die sprache besass um dieselben kenntlich zu machen» («Stud.» V 23), если—это время было.

Его же, Zur geschichte der stammabstufenden Declination, die Nomina auf ar und tar, 363—406. Гласный *a* этихъ суффиксовъ различалъ двѣ формы уже въ пра-

языкъ—*a* и \bar{a} : разница между $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ и $\delta\acute{\omega}\tau\omicron\rho\alpha$ таже, что въ $b\eta\acute{\alpha}\gamma\bar{a}\mu\acute{\iota}$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega$, $\nu\epsilon\zeta\kappa$ и $b\eta\alpha\gamma\acute{\alpha}\varsigma$, $\phi\acute{o}\rho\omicron\varsigma$, $\nu\omicron\zeta$ — правильная мѣна гласнаго указываетъ на существованіе этой разницы уже въ арійскомъ первоязыкѣ. Гласный *a*, гр., лат. слав. *e*, это— a_1 ; гл. \bar{a} , гр. лат., сл. *o*, это— a_2 . a_1 : a_2 , какъ болѣе слабая ступень, въ падежахъ «слабой» формы, авторъ старается доказать это изъ анализа именнаго склоненія (слав. зват. 370, 371). Въ звуковомъ отношеніи $a_1 = a$ съ наклонностью къ *e*, $a_2 = a$ съ наклонностью къ *o*, какъ въ англ. fall. Но въ виду напр. греч. корневаго *a* въ $\sigma\tau\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ допускается въ празникѣ и a_3 , и даже не исключается возможность цѣлой серии *a* (381). Въ концѣ реконструировка вокализма въ словахъ родни ($\rho\alpha\tau\acute{\alpha}\gamma$) и лица дѣйствующаго ($\delta\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\gamma$) къ первоарійскому времени—къ типамъ a_1 , и a_2 и способы измененія первичнаго вокализма въ отдѣльныхъ языкахъ, въ славяно-литовскомъ 400 (здѣсь имена лица дѣйствующаго «вымерли», крои нѣкоторыхъ падежей дѣщи и матери).

X В. (1877—78).

Vaupassk, Schedae grammaticae, въ области греч. языка, 59—136 (о мѣстоименіи лично-притяж. въ славянскомъ—во II главѣ: «tum in zendica l. eadem, quae in scrita, ratio cernitur stirpis ad exprimendum pronominis person. genet. adhibendae. Etiam slavica et lituanica l. non pauca ejus stirpis vestigia praebent. Inter quae quidem formae тебе $\tau\alpha\upsilon\epsilon\varsigma$ et adj. $\tau\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$ maximi sunt momenti. Tum plane aperta est lat. vocis tuus ex $\tau\omicron\nu\omicron\varsigma$ explicatio. Postremo s. dub. gr. formae $\tau\epsilon\acute{o}\varsigma$, $\tau\epsilon\omicron\iota\omicron$ huc spectant» 65)

Schrader O., Quaestiones dialectologicae graecae, 259—327 (камы 283, ср. 293; веда прилаг. на $\tau\eta\rho\omicron\varsigma$, $\tau\eta\lambda\omicron\varsigma$, $\bar{\alpha}\rho\omicron\varsigma$, $\alpha\lambda\omicron\varsigma$ отъ глаголовъ на— $\acute{\epsilon}\omega$, $\acute{\alpha}\omega$, авторъ обосновывается на славянскомъ словообразованіи: «latissime suffixa ra , la , ($\rho\tau$, $\lambda\tau$) per slavicas divulgata sunt linguas. In illis enim suf. $\lambda\tau$ ab unaquaque stirpe verbali part. pr. act. formare licet. cf. bulg. да-лѣ, пек-лѣ, па-лѣ. Comparari igitur

possunt, е. г. жлѣтъ-и-тъ а жлѣтъ: жлѣтъль = *φ-
ρέϊετ: а φόρος: ὀχυρός, ὀχνέω, ὀχνος» 303).

Въ концѣ тома Indices къ VIII—X томамъ «Studien»
А. Ваничка. Слав. указатель 437.

«Abhandlungen der kön. Gesellschaft der Wis-
senschaften zu Göttingen».

XVI Band. (1871)¹⁾. Benfey Th., Iubeo und seine
Verwandte, 1—45 (къ исторіи глагольнаго корня дѣ, § 5).

XVII B. (1872).—Benfey Th., Ueber die Entstehung
der indogerm. Vocativs, 1—92 (славянскій звательный § 26).

XIX B. (1874).—Benfey Th., Ueber die indogerm.
Endungen des Gen. Sing. ĭans, ĭas, ĭa, 3—61 (объясне-
ніе происхожденія надежныхъ славянскихъ формъ чесо (изъ
sĭa), того 24—27, тѣхъ 31).

XXI B. (1876).—Benfey Th., Das indogerm. thema
des Zahlwortes zwei ist Du, 1—46 (толкованіе происхож-
денія числит. десять 20, пять 21).

«Nachrichten von der kön. Gesellschaft der
Wissenschaften zu Göttingen», съ 1872 года.

1872.—Benfey Th., Die sanskr. Feminalendung kni
für knī, 1—16 (свѣтъ).

1874.—Benfey Th., Vedisch mīdha... slav. мѣзда,
365—372.

1875 —Bezenberger A., Etymologische Mitteilun-
gen, 225—229 (кыдати).

1876.—Benfey Th., Die zwei tönenden Zischlaute
der arischen Period und des ältesten Sanskrit (прямо ста-
ро-словенскаго не касается—заносится въ виду закона Ascoli).

¹⁾ Болѣе раннихъ томовъ не имѣли.

1877.—Benfey Th., *D statt N*, 573—588. Удовлетворительное объяснение образования славяно-литовской формы *devuni* и литовской *debesis* при слав. небо, тема небес, въ виду общерийскихъ формъ *navan*, **navan̄ti*, **nabh̄as*, изъ промежуточной ступени яд-, гдѣ звукъ зубной—законный паразитъ, какъ въ *āv-δ-ρός*, прибавимъ, какъ въ старо-словенскомъ, русскомъ (и *дравъ*), почему и механическое толкованіе зубнаго—«вставка»—должно быть видоизмѣнено: «*der Schmarotzer hat die Pflanze, an welcher er emporgewachsen ist, umrankt, erstickt und ist an ihre stelle getreten*».

1879.—Benfey Th., *Rigveda VII 18, 14. 355—378*. Доказывается, что санскр. *ṣaṣṭī* шестьдесятъ не только формой своей, но значеніемъ, въ болѣе раннюю пору, тождественно славянскому шесть, что «*auch slavisch sechs in der Bedeutung sechs schon der indogermanischen Zeit entstammt, was aber der indogermanischen Zeit angehörte, konnte auch im Sanskrit widerspiegeln; also auch die indogerm., welche in slav. sechs sechs sich erhalten hat, deden sskr. Reflex ist nun anerkannt sskr. ṣaṣṭī*».

1880.—Benfey Th., *Ergänzung zu dem Aufsatz «D statt N», 299—327. 1)*.

«*Beiträge zur geschichte der deutschen sprache und literatur*» herausgeg. von H. Paul und W. Braune, Halle съ 1874 года

I B. (1874).—Braune W., *Die altslovenischen Freisinger denkmäler in ihrem verhältnisse zur althochdeutschen orthographie*, 527—535.

II B. (1875).—Sievvers Jegor, *Die starke adjectivdeclination*, 98 («опредѣленная» форма въ старо-словенскомъ).

III B. (1876).—Osthoff H., *Zur frage der ursprungs*

1) Последнія три статьи въ сборникѣ оттисковъ трудовъ Бенфея въ Геттинг. «*Извѣстїяхъ*» за 1877—1880 годы—«*Vedica und Linguistica*» 1880, 248.

der germ. *N*-declination, nebst einer theorie über die ursprüngliche unterscheidung starker und schwacher casus im indogermanischen, 1 — 89. Новое обследованіе стараго вопроса, полемическое. Справки съ старо-слов. языкомъ по учебнику Лескина. Ср. стр. 69 и сл., къ исторіи согласнаго склоненія въ славянскомъ.

IV B. (1877).—Paul H, *Vocale der flexions und ableitungssilben*, 315—475. Любопытный трудъ, пополняющій и провѣряющій работу Лескина о славянскомъ склоненіи: къ вопросу объ *ty* въ *kamъ*, *nesъ* 349 и сл., суф. *нь* 389, и др.

VI B. (1879).—Paul H., *Zur Geschichte des germ. vocalismus*, 1—256. Небольшія паралели изъ старо-словенскаго: о формѣ *aorista pl* 127, о *ja* 225.

VII B. (1880).—Kögel, *Germanische dentalverbindungen*, 171—201 (о ст.-словенской диссимиляціи 197 и др.).

Noreen, *Zum Vernerschen gesetz*, 431—444 (этимол. *богъ*, *снѣгъ*, *посивъ*).

Möller H., *Kund'a und das t -praeteritum*, 457—481 (паралельныя мѣста изъ образованія славянскаго наст. времени и др. формъ).

Его же, *Germanisch ā, ē, ō in den endungen des nomens und die entstehung des o (a₂)* 482 — 547 (исторія надежныхъ формъ и въ старословенскомъ, въ зависимости отъ *udatta* и *svarita* тоновъ).

«Jenaer Literatur-Zeitung», Ена съ 1874 (рецензія).

I (1874).—Jolly, *Geschichte des Infinitivs*, № 16.

Westphal, *Vergl. Grammatik*, № 99.

Fick, *Spracheinheit*, № 201.

Foerstemann, *Geschichte des deutschen Sprachstammes*, № 449.

Bezenberger, *A—Reihe*, № 629.

II (1875).—Geitler, *Litauische Studien*, № 236.

Fick, *Vergl. Wörterbuch* № 339.

Osthoff, Forschungen... № 359

Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte,
Милосица, № 399.

Miklosich, Altslov. Formenlehre in Paradigmen, Ив.
Шмидта, № 398.

Pierson, Altpreuss. Wörterschatz, Ив. Шмидта, № 577.

Meyer, Geschichte der indogerm. Stammbildung und
Declination № 587.

III (1876).—Schmidt I., Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, II, Ер. Сиверса, № 79.

Osthoff, Zur nomminalen Stammbildung, № 183.

Beiträge Венценбергерovy, № 650.

IV (1877).—Leskien, Declination и пр. Ив. Шмидта № 247.

Hassencamp, Über die Zusammenhang и пр. его же.

V (1878).—Pezzi, Glottologia и пр. № 86.

Osthoff, Das Verbum in der Nominalcomposition, Делбрюкка, № 164.

Bezenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, Ив. Шмидта, № 191.

Penka K., Die Nominalflexion der indogermanischen Sprache, Г. Мейера, № 233.

VI (1879).—Osthoff und Brugmann, Morphologische Untersuchungen и пр., Г. Мейера, № 186.

Scherer, Zur Geschichte der deut. Sprache, 2 auf. № 309.

=====

«Archiv für slavische Philologie», herausgeg.
von V. Jagić, Berlin сз 1876 года.

I B. (1876).

Jagić V., Studien über das altslov. glag. Zographos-Evangelium, 1—55.

Его же, Über einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus, 337—412.

Miklosich's Vergleichende Grammatik der slav. Sprachen, рец. Ягича, 412—438.

Neue Beiträge prof. Miklosich's zur Grammatik der altslov. und der übrigen slav. Sprachen, рец. его же, 438—53.

Zur Verständigung, его же, 453—58.

II B. (1877).

Jagić V., Studien über das altslovenisch-glag. Zogr. Evangelium, 201—269.

Leskien, Die Declination etc, рец. Циннера, 338—45.

Hassencamp, Ueber den Zusammenhang etc, рец. его же, 346—348.

Prusík F., Etymologie des Comparativs *вѣнш* etc., 393—395.

Zum litoslav. Sprachschatz, Zur Frage über den Bienenismus im Neubulgar., Weitere Uebergänge aus *s* in *ch* im Slav., Jagić'я, 396—400.

Scholvin R., Beiträge zur Declination in den romanisch sloven. Denkmälern des Altkirchenslav., 482—569.

III B. (1878).

Leskien A., Bemerkungen zur Svarabhaktifrage 86—94.

Jagić V., Über einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus, 95—107.

Leskien, Spuren der stammabstufenden Declination im Slavischen und Litauischen, 108—111.

Brückner A., Zur Lehre von den sprachl. Neubildungen im Litauischen, 233—311.

Jagić, Wie lautete *ж* bei den alten Bulgaren, 312—51.

Potebnja A., Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus, 358—381, 594—614.

Его же, Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale, 614—620.

Труды архим. Амфилохія: Псалтырь XIII — XIV вѣка. Остатокъ XI (!) вѣка, Описание Воскресенской Библиотекы. Описание Юрьевского евангелія 1118 года, Сличенъ съ ил.

гробиниъ... памятникъ, рец. Ягичя, 164 — 180 (нѣкоторые изъ этихъ трудовъ къ палеографіи).

Miklosich, Ueber den Ursprung der Worte von der Form. altslov. трѣт, рец. Ягичя, 696—702 (противъ).

Miklosich, Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslov. трѣт und трат, рец. А. Лескина, 703 — 705 (противъ).

Miklosich, Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slav. Sprachen, рец. Лескина, 703—713.

Leskien, Ueber си (haec), пекъшти и т. д. 211.

Schiefner, Lexicalische Lesekörner, I, слонъ, 211 — 212 (замѣтка).

Raić B., Altslov. ѣште=ješče, 720—721 (замѣтка).

IV B. (1879).

Brückner A., Zur Lehre etc. (конецъ), 1—28.

Головачевскій, Ueber den Lautwerth des glagol. ѣ, 134—141.

Miklosich, Altslovenische Lautlehre, 3. Bearbeitung, рец. А. Лескина, 142—151.

Малининъ, Исследование Златоусту, рец. Ягичя, 158—60.

Jagić V., Zur Frage über den Uebergang des silbenbildenden *l* in *u*, 386—397.

Его же, Woher das secundäre *a*?, 397—411.

Ogonowski, O przyimkach..., рец. Онышкевича, 442—50.

Будиловичъ, Первобытне Славяне, I, рец. А. Брюкнера, 451—455.

Miklosich, Vergl. Grammatik der slav. Sprachen, I B., Lautlehre, 2 Ausg., рец. Ягичя, 482—496.

I. Schmidt, Zwei arische *a*—Laute und die Palatalen, Ягичя, 527—528.

Mahlow, Die langen Vocale A, E, O in den europ. Sprachen, его же, 528.

Kolař, O Zografském Evangelium... его же, 535.

Воскресенскій, Древній слав. переводъ Апостола, его же, 535.

Fortunato F., Zur vergleich. Betonungslehre der lituslavischen Sprache, 575—589.

Sihac, Dictionnaire d'etymologie daco-romane, ред. Ягича, 638—647.

Valjavec, Imperfekat..., его же 677.

Амфилохій архим., Псалтырь XIII в..., Кондакарій, его же, 698—699.

«Beiträge zur Kunde der indogermanischen sprachen» herausgeg. von A. Bezenberger (въ нѣ-которомъ смыслѣ продолженіе Куно-Шлейхеровыхъ «Beiträge»), Göttingen съ 1877 г.

I В. (1877), II В. (1878) случайныя сближенія словъ старо-словенскаго языка то тамъ, то сямъ—см. указатели въ концѣ томовъ, стр. 353.

III В. (1879).—Fortunato F., Lituanica, 54—73 (для этимологіи старословенской).

Bezenberger A., Zur lehre von den silbenbildenden consonanten, 133—137 (къ вопросу о «гласныхъ» л, р).

Collitz H., Die entstehung der indoiranischen palatalreihe, 177—234. Новое обследованіе закона Ascoli (см. выше лекціи Ascoli) о рефлексахъ первоарійскихъ гортанныхъ въ санскритѣ, зендѣ, а потому и въ старо-словенскомъ.

Случайныя сближенія см. указатель, стр. 338.

V В. (1880).—Bezenberger A., Das griechische superlativsuffixe τατο und die lettische gradationsform auf aks, 94 — 101 (о нѣкоторыхъ старо-слов. прилагт. суффиксахъ).

Fick, Germanische labiale aus gutturalen, съ при-бавленіями редактора—(къ этимологіи нѣкоторыхъ старо-слов. глаголовъ).

«Revue de linguistique et de philologie comparée», recueil trimestriel... publié par A. Novelaque, Paris съ 1867 года (годъ—томъ).

Т. III.—Chodźko «Grammaire paléoslave», ред. Говлака, 465.

Т. IV.—Mueller Fr., Documents pour l'étude de la morphologie des langues letto-slaves, 261 — 268 (о падежахъ род., дат. темъ \ddot{a} и проч.).

Miklosich, Die negation in den slawischen sprachen, ред. Леже, 40.

Его же, Die genitivendung ro in der pronom. declination der slaw. sprachen, ред. Пико, 401

Его же, Ueber den accusativus cum infinitivo, ред. того же, 313—316.

Т. V.—Novelaque, R vocal sanscrit, 84 (для вопроса о выговорѣ словъ какъ прѣстѣ).

Шерцль, Сравнительная грамматика... I, ред. (дѣльная) Стояна Новаковичя, 295—302.

Т. VIII.—Novelaque, La voyelle R, 99—112 (ср. стр. 106, 107).

«Mémoires de la Societé de linguistique de Paris», Парижъ съ 1868.

Т. I (1868).

Bréal M., Le thème pronominal da, 193—212.

Goldschmidt S., Хромъ—грама, 412—413.

Т. II (1872).

Navet L., Le renforcement dans la declinaison en a, 9—30 (небольшія справки съ славянскимъ: домъ — что тема domo и потомъ domu, снѣха).

Его же, Hiatus indo-européen, 177 — 187 (этимол. днь, дѣва, квап—собака).

Bergaigne A., Du prétendu changement de bh en m en paléo-slave, en lithuanien et en gothique, 213—217.

Havet L., L'unité linguistique européenne. La question des deux k ario-européens, 261 — 277¹⁾. Остроумная попытка — спасти теорию родословнаго древа языковъ общепарійской семьи Шлейхера-Фика противъ замѣчаній Боппо, Шмидта о ближайшей связи славянскаго и литовскаго языковъ съ языками аріюцевъ Азии (съ то—с а т а ш) — въ виду напр. нѣкоторыхъ данныхъ французскаго консонантизма — *cheval*, *cent* и т. д. «Il est claire, говоритъ авторъ, que la rencontre arioslave est aussi fortuite que la rencontre ario-française, et que nous n'avons pas plus à détacher le letoslav du groupe européen que le français du groupe roman» (269). Но поддержка всякаго такого члена аріюской семьи, какъ любой романскій языкъ, въ сложномъ и поражающемъ своимъ согласіемъ явленіи, какъ сибиллизмъ въ языкѣ аріюцевъ Азии и Славянъ съ Литовцами, и только въ немъ, можетъ имѣть весьма ограниченное и условное значеніе, напр., какъ пояснительная аналогія. Для автора литовскій языкъ — «*toute moderne*», — но это оригинально. Авторъ для поддержанія своей мысли противъ положенія Шмидта излишне напираетъ на рѣдкіе случаи несогласія, на «*formes divergentes*», какъ они называются авторомъ (270), что въ санскритѣ напр. а с т а п, но въ литов. а к т ū (тема а к т е п) камень. Исключеніе не нарушаетъ явленія замѣчательной гармоніи, ср. напр. ниже, въ томъ же томѣ, слова г. Бреала, 292²⁾.

¹⁾ Нѣсколько раньше тотъ же вопросъ былъ рассмотрѣнъ г. Гавэ въ «*Revue critique*» отъ 23 ноября 1872.

²⁾ Нѣсколько словъ по поводу термина «*forme divergente*» у г. Гавэ. Выраженіе это взято изъ геометріи — «расходящаяся», т. е. линія, терминъ какъ нельзя лучше подходящий. Не знаемъ, введеніе этого термина въ науку объ языкѣ принадлежитъ ли самому г. Гавэ, или кому другому — ранѣе 1872 года. Но только послѣ этого удивительно утвержденіе автора статьи «Огуя» въ I кн. за тек. г. «Русскаго Фил. Вѣсти», г. Крушевскаго, который — въ своей неуиѣренной преданности къ своему учителю, изв. намъ Бодуэну де-Куртене — почелъ возможнымъ и нужнымъ объявить, что терминъ дивер-

Его же, *Sur les palatales sanskrites*, 348 — 357. Глава: *Changement de k arioeuropéen en ç sanskrit* (352) — по тому же вопросу, что и предшествующая статья. Въ виду тѣхъ же романскихъ указаній (*chaîne—catena, cige—sega*), г. Гавэ полагаетъ, что между *k* въ **svakura* и *ç* въ санскр. *çvaçura* лежалъ звукъ *k'*, *t'*, *t's'* (по русски тьсь). — О русскихъ согласныхъ мягкихъ *кь*, *ть* и пр. ср. прил. стр. 348.

Bergaigne A., Du rôle de la dérivation dans la déclinaison indo-européenne, 358—379. По поводу «*Zur Chronologie*» Курциуса. Замѣчанія о формахъ: тебе, тебѣ, тобою 362, влѣцѣ 363, *bhi* въ нѣмецко-славянскихъ языкахъ, *zma, zmi* 368, 376, 377.

Havet L., Sur la déclinaison des thèmes féminins en a, 387—391. О суффиксѣ дательнаго *ъ* 390.

Т. III (1875).

Bergaigne A., Essai sur la construction grammaticale considérée dans son développement historique, 1 — 51 и въ др. выпускахъ. Исключены здѣсь и славянскій съ литовскимъ. Относительно славянскаго расположенія членовъ предложенія авторъ ограничивается общимъ замѣчаніемъ въ введеніи. Въ виду того, что «*Сравнительный синтаксисъ*» Миклошича не заключаетъ главы о порядкѣ словъ, г. Бергэнь прибавляетъ: «*les langues slaves nous étaient à peu près fermées, et nous nous trouvions réduits sur ce domaine à l'enseignement des grammaires pratiques d'après lesquelles la construction est libre en russe et en polonais. Nous avons cependant cru remarquer, dans des lectures à la vérité peu étendues, que le russe affectionne, au moins en poésie, la construction du verbe à la fin de la propo-*

гентъ «придуманъ прое. Бодуэномъ-де-Куртенъ» (стр. 9, примѣч.). На что не расчитано подобное объявленіе?... Прибавимъ, что насколько терминъ «*divergente*» понятенъ французу, какъ терминъ математическій, настолько оцѣ, и еще въ формѣ мужск. рода, неумѣстнъ. неумѣстнъ въ русскомъ этимологическомъ языкѣ.

sition. Le même tour nous a paru le plus fréquemment employé dans une fable lithuanienne en prose insérée dans la chrestomathie indo-européenne de Schleicher. Il ne serait pas impossible qu'il eût été primitivement dominant dans les langues slaves comme dans les langues germaniques. La liberté de construction des premières tiendrait peut-être à ce qu'elles auraient, comme l'allemand, conservé l'usage du type primitif à côté d'autres types nouveaux, mais sans distribuer comme lui (т. е. нѣмецкiй) ces types divers entre différents cas grammaticalement déterminés». (стр. 11).

Darmesteter J., Notes sur l'Avesta (этимол. крѣвь 74).

Thomsen V., Remarques sur la phonétique romane. — L' *i* parasite et les consonnes mouillées en français 160, слѣд.—Говоря о судьбахъ латинскаго сочетанiя *ct* въ романскихъ нарѣчiяхъ, опредѣляя пути ихъ, авторъ замѣчаетъ: «On a souvent comparé ces changements romans avec de semblables dans les langues slaves ou *kt* et *ty* primitifs se sont partout confondus dans des sons palataux. Je crois, en effet, que là aussi il faut mettre comme base le *t'* (т. е. ть), р. ex. **not'i* pour **nokti*, **choſtą* pour *choſ-ya* (je veux). La forme qui s'en approche le plus est celle du serbo-croate: *noć*, *hoću*, dont le *ć* est le même son que le *č* ladin qui répond aussi au latin *ct*; le paléoslave et le bulgare ont changé ce son-là en *št* (pour *yt*, *χt*): *noštī*, *choštą*, dans le russe et le slovène il est devenu *c* (comme en espagnol): *nos*, *chocu*, en polonais et dans le bohémien il est devenu *ts*, écrit *č*: pol. *noč*, *chča* (!). Comme *kt* devient *t*, *pt* devient *t*, р. ex. paléosl. *netiy* (neveu) pour **neptiy*» 112. Паралель вѣрная, но, очевидно, авторъ не твердѣ въ славянскихъ языкахъ, и потому спутано въ концѣ.

De-Saussure F., *J, U=es, os*, 299—301. Греч. λύρος, санскр. *rag'g'u* изъ основной формы **razg'u corde*.

«La racine a encore ici la forme r a z g; elle se montre clairement dans les mots slaves (т. е. позга) et dans le lith. rezgis..» 300.

Bréal M., Sur le nombre de cas de la déclinaison indo-européenne, 322 — 324. Противъ теоріи Шлейхера о восьми только падежахъ первоарійскаго склоненія въ виду нѣкоторыхъ «допотопныхъ» остатковъ въ языкахъ нашей семьи, въ виду того, что «il y a dans les langues anciennes des désinences qui ne rentrent pas dans le cadres de la déclinaison régulière: tels sont en grec κολόσα, οἴκοσα..., en gothique datif pluriel vulfam, paléoslave datif pluriel влѣкъмъ». Авторъ ссылается на ст. Bergaigne'a II, 213 (у насъ выше). Остатки формаций болѣе раннихъ обстоятельно перечислены авторомъ въ «Examen critique de quelques théories relatives à la langue-mère indo-européenne» въ «Journal des Savants» 1876, octobre.

T. IV (1879).

Наvet L., Variétés, 85. 1) pulch и слав. блѣха; 2) въ виду слав. √ пас въ пах-а-ти лат. pāla изъ *pasla, 85.

Его же, Quelques détails de phonétique ario-européenne, 274, слѣд. Замѣчанія объ образованіи 1 лица ед. наст. ж (и вин. ед. ж. на ж): «слав. везж — синтаксическій двойникъ греч. ἔχω (аріо-европейскія формы veghōm, veghō)... Арійское окончаніе āmi, неизвѣстное въ Европѣ, произошло, вѣроятно, отъ полного окончанія ām, видоизмѣнившася подъ вліяніемъ глаголовъ какъ аамі» 275.

Saurye A. H., La voyelle prothétique en grec, 368 и слѣд. (гр. γάω, γηθέω, лат. gaudeo — санскр. гауга блестящій и слов. жегъ 369).

IX.

§ 54 (Старо-слов. языкъ подъ вліяніемъ языковъ южно-славянскихъ, изученіе и просто матеріалы).

Константиновъ, попъ Никифоръ, Сборникъ Церковно-славянскаго языка, Царьградъ 1858. Только по названію, изъ некролога автора († 27 дек. 1881) «*Марица*» 1882 № 351.

Berčić Ivan, *Čitanka staroslovenskoga jezika*, Prag, 1 изд. 1859, 2—1864, XVIII+116. Во второмъ изданіи и отрывки изъ кирилловскихъ рукописей.

Его же, *Bukvar staroslovenskoga jezika glagolskimi pismeni*, Prag. 1862.

Kukuljević-Sakcinski J., *Monumenta historica Slavorum Meridionalium*, I, Listine, Zagreb 1863.—Глагольскія грамоты съ 1288 года, и увы! напечатанныя по глагольски.

Jagić V., *Priměri starohervatskoga jezika iz glagolskih i cirilskih književnih starinah*. Dio I Uvod i priměri staroslovenski; Dio II, Uvod i priměri starohervatski, Zagreb 1864, 1866. Весьма полезная и для насъ хрестоматія, составленная спеціально для хоровъ гимназій.

Новаковић Ст., *Примери књижевности и језика старог и српскословенскога*, Београд 1877, 653 стр. По отзывамъ, содержательная хрестоматія, съ большими отрывками изъ неизданныхъ рукописей сербской рецензій. Къ сожалѣнію, книги не видѣли.

Его же, *Акценти штампаних српско-словенскихъ книгъ Пригорскихъ и Млетачкихъ*, Београд 1877, 152 (изъ «*Гласника срп. уч. др.*», в. XLIV). Кропотливый, тщательный трудъ, старающийся отыскать въ удареніяхъ сербскихъ типографщиковъ XV и XVI стол. систему, опирающуюся на народной рѣчи.

Каѣуѣниаски Е., *Dokumenta Mołdawskie i Mułtańskie z archiwów miasta Lwowa*, Lwów 1878. Мультискія грамоты, т. е. Валахи, для среднеболгарскаго языка.

Petriceicu-Nasdeu R., *Limba Română vorbită între 1550 — 1600. Studiu paleografico-linguistic...* T. I.

Букарешть 1878. Собраніе славянскихъ документовъ изъ Валахія, главнымъ образомъ, записей, надписей и т. п., съ транскрипціей и замѣчаніями.

Tosilescu G. G., Inscritiunile de la schitul Verbi-la, Букар. 1878. Сборничекъ надгробныхъ слав. надписей изъ скита Праховскаго¹⁾.

«Гласникъ дружтва сръбске словесности», Бѣлградъ съ 1847 года²⁾.

Общее замѣчаніе. Въ первыхъ книгахъ есть кое-какіе матеріалы для старо-сръбскаго языка (грамоты, хрисовулы, житія) изъ собранія Янка Шафарика. Въ VI ой кн.—Ристи Ћа Іов. «Сръбски учарской библиотеки Паризкой налазећи се рукописи», 161—78.

Свезка VIII (1856).—Даничи Ћъ Ћ., Сръбски акценти, 1—61. Начало въ I т. Миклош. «Slav. Bibl.»

Св. IX (1857).—Даничи Ћъ Ћ., Разлике измеђъ езика Сръбскога и Хрватскогъ, 1—59.

Его же, Рукописъ Кипріяновъ, 245—55.

Его же, Рукописъ Александровъ, 256—67.

Св. X.—Вукоманови Ћъ А., Грађа за историю народа и книжевности сръбске, 211—77. Текстъ «Повести отбитія.»

Св. XI.—Даничи Ћъ, Сръбски акценти, 1—34.

Шафарикъ Я., Житіе Стеф. Оуроша, 35—94.

Вукоманови Ћъ, Изъ рукописей XIII в.

Даничи Ћъ, Три сръбске хрисовулъ (XIV в.), 130—43.

Его же, За црквену историю сръбску (XVII в.), 160—65.

Его же, Шта е писао високий Стефанъ, 166—70.

¹⁾ Не сомнѣваемся, что изслѣдователь среднеболгарскаго языка найдеть не мало матеріала въ изданіяхъ Букарештскихъ и, особенно, Академіи Наукъ. Но какъ ни близкій соседъ Букарешть Одессъ, изданія Румыніи для насъ мало доступны. Случайно дойдетъ то та, то другая книга, обычно, via Лейпцигъ. Конечно, это явленіе не въ порядкѣ, но не сомнѣваемся, что русская наука оцѣнитъ интересъ, сопряженный съ судьбой Румынскаго народа.

²⁾ Въ 1865 году переименованъ на «Гласникъ сръбскогъ ученогъ дружтва», съ продолжающеюся нумераціей.

- Его же, Тайна буква у старимъ рукописима, 171—80.
 Его же, Рукописъ архиеп. Никодима, 189—203.
 XII (1860).—Даничић, Српска деминација и аугментација, 474—99.
 Лавровскій П., О манастири Раваница стари запис, 681—4.
 XIII (1861).—Даничић, Похвала кнезу Лазару (XIV в.), 358—68.
 Его же, Хрисул Стефана Краља, 369—77.
 XV. — Шафарикъ Я., Хрисулъ Стеф. Душана, 262—317.
 XVI.—Шафарикъ Я., Житіе св. Методія, 31—41.
 XX (1866=3 кн. нов. счета). Шафарикъ Я., Типик св. Саве, 157—213.
 Миличевић (и Шафарик), Сврљишки одломци еванџелија и запис од 1279 г., 244—64.
 XXI (1867).—Новаковић Ст., Служба и живот св. Ђурђа Братовца, 97—156.
 Срећковић П., Родословіе сербскій царей, 226—76.
 XXII.—Новаковић, Прилози к исторіи српске књижевности (XVI в.), 233—302.
 Невоструевъ К., Три молитве (XV в.), 360—70.
 XXIII (1868).—Новаковић, Повелъа кр. Стјепана Остоје (од 1400 г.), 48—53.
 XXIV. Леонид арх., Типик (Хиландарски), 166—230.
 Его же, Стари српски писма (XIV в.) 231—95.
 XXVIII (1870).—Шафарикъ, Живот десц. Стефана (Одес. рук.), 363—428¹⁾.
 XXIX (1871).—Босановић, Српске старине у Босни, 158—88.
 Бошковић Јов., Наука о језику... са прегледом главних резултата филологије и науке о језику у нас, 189—236 (компилат. трудъ).

¹⁾ Књигъ 25—27 не было у насъ.

Новаковић, Прилози к историји српске књижевности (Живот Петра Коришког), 308—46.

XXXI. Леонид арх., Нова грађа за Бугарску историју, 242—91.

Милојевић М., Правила св. Петке (XIII в.), 311—47.

XXXII. Милојевић, Правила св. Симеону, 149—63.

Макушевъ В., Прилози к срп. ист. (подъ № 1 и 2), 169.

Новаковић, Прилози (критика текста Доментіанова Житія св. Савви), 209—38.

Дучић Н., Хронограф Житомишльићи, 239—77.

XXXIV (1872).—Новаковић, Стари српско-словенски буквар, 53—85¹⁾.

«Arkiv za pověstnicu Jugoslavensku», uredio Ivan Kukuljević Sakcinski, Загребъ съ 1851 г.

Knjiga II (1852).—Kukuljević S. J., Povelja krala Stefana Tomaša, 39—40 (со снимкомъ).

Starčević A., Razvod istrianski 1325, 227—75.

Kukuljević S. J., Statut otoka Krka, 277—307.

Его же, Razvod medjah, 1395 г. 308—10.

Кн. IV (1857).—Kukuljević S. J., Живот Стефана Дечанскога, 1—29.

Его же, Слово пр. Козмы на еретики, 69—97 (но уже русская рецензія, по Моск. рук. XVI в.).

Nedić M., Starine Bosanske, 142—62.

¹⁾ Прим. 1. На этой книгѣ «Гласникъ» въ унив. библиотекѣ прекращается. Въ наст. время вышла XLVIII книга. Могу замѣтить, что особенно выдающихся трудовъ не было въ послѣднихъ книгахъ Гласника: изслѣдованіе Новаковича объ удареніи (см. выше), матеріалы арх. Леонида (44 т.) и другихъ.—Прим. 2. Некоторые сербослов. матеріалы (болѣе поздніе) можно найти въ изданіи Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ (Neusatz): «Сербскій летопись» (съ 1824 г., въ 1873 г. 115 книга) и въ журналѣ проты Николасевича и Бож. Петрановича: «Србско-Далматинскій Магазинъ» (1836—1873, восемь книгъ), въ Дубровникѣ.

Verković St, Starine Macedonske, 163—77.

Kukuljević S. J., Izvjestje o putovanju kroz Dalmaciju, 305 и сл. (надписи XIV вѣка, изъ Далмація).

Кн. V (1859).—Mesić M., Poljički statut, 225—320.

Кн. VIII (1865)—Kukuljević S. J., Njekoliko tiskom neizdanih srbskih, bosanskih i dubrov. listinah, 193—203.

Кн. IX (1868).—Jagić V., Prilozi k historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, 65 — 151 (апокрифы, сказанія)¹⁾.

«Starine», na sviet izdaje Jugoslav. Akademija znanosti i umjetnosti, Загребъ съ 1869 г.

Knjiga I (1869).—Daničić G., Knjiga Konstantina filozofa o pravopisu, 1—43.

Его же, Rukopis Vladislava gramatika. I. Pregled. II. Život sv. Ćirila. III. Pohvala sv. Ćirilu i Metodu. IV. Život Ilariona episkopa Moglenskoga, 44—85.

Его же, Bugarski rukopis pisan god. 1277, 86—91.

Jagić V., Ogledi stare hrvatske proze. I. Život sv. Katarine. II. Zakon primanja u bratovštinu, 216—36.

Кн. II (1870).—Daničić G., Indijske priče prozване Stefanit i Ilnilat, 263—310.

Его же, Muka blaženoga Grozdija, 311—12.

Кн. III (1871).—Daničić G., Hvalov rukopis, 1—146.

Miklošić F., Trojanska priča, 147—88.

Sreznjevski I. I., Krmčaja knjiga srpska XIII — XIV vieka, 189—207.

Jagić V., Ogledi stare hrvatske proze. IV. Život Alexandra Velikoga, 208—331.

¹⁾ Последняя книга XII-я (1872). Книги, не указанные, не имеются въ ун. биб-кѣ. Цѣлое изданіе имѣеть относительное значеніе — по обнародованнымъ матеріаламъ.

Кн. IV (1872). — Nevostrujev H., Poslanica manastira svetogorskih patrijarhu ruskomu Ioasafu II, 19—23.

Novaković St., Dvanajest petaka, 24—8.

Miklošić F., Psaltir s tumačenjem pisana 1346 za Branka Mladenovića, 29—62.

Daničić G., Tri stare priče, 63—80.

Его же, Proroštvo desp. Stefana Lazarevića, 81—85.

Его же, Apokalipsa iz Hvalova rukopisa, 86—109.

Его же, Tondal, 110—17.

Его же, Два apokrifna jevangjelja: I. jevangjelje Nikodimovo. II. pripoviest Iosipova, 130—53.

Его же, Poslanica sv. Save arhiepiskopa srpskoga iz Jerusalima u Studenicu igumnu Spiridonu, 230—1.

Его же, Poslanica partijarha Jerusal. Teofila despotu srpskomu Stefanu, 232—4.

Кн. VII (1875). — Crnčić I., Još. oble glagolice na Krčkom otoku, 1—12.

Ravić A., Regule sv. Benedicta, 57—129 (съ граматич. введеніемъ).

Rački Fr., Staro-hrvatski glagolski nadpis u crkvi sv. Licije kod Baške na Krku, 130 — 63 (знаменит. латиндарная надпись нач. XII в., въ фотограф. снимкѣ)¹⁾.

«Archiv» и т. д. Ягичя.

II B. Daničić G., Geschichte der serbischen Declinations — und Conjugationsformen, Daničić G., Die Stammbildungslehre der serb. Sprache, Ягичя, 156—163.

¹⁾ Книгъ промежуныхъ и послѣдующихъ къ сомазнію, нѣтъ въ ун. библ.—гв. Можемъ только отмѣтить, что въ V и VI кн. помѣщена г. Ягичемъ интересныя отрывки изъ сербо-болгарскихъ рукописей XIII в. въ королев. библіотекѣ въ Берлинѣ, съ ихъ описаніемъ, а въ IX-ой нѣтъ же «Оригинали i izvodi iz nekoliko južnoslov. rukopisa», съ XIII и по XVII в., 201—281.

Leskien A., Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler, 269—88.

Jagić V., Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen, 399—400.

IV B. Leskien A., Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler, 565—74.

Leskien A., Die Unterschrift des Evangeliums zu Trnovo, 512.

Ero же, Siebenbürgisch-bulgarisches (!) *Spolava* (ti), 513.

Novaković St., Zwei veraltete Sprachformen im Serbischen, 515.

Drinow M., Mittheilungen über das Neubulgarische, 694—5.

X.

Мы окончили перечень-обзоръ отдѣльныхъ трудовъ и периодическихъ изданій славянской науки и инославянской — нѣмецкой, французской и т. д., которые являются свидѣтелями изученія или простаго любознательнаго знакомства съ общеславянскимъ наслѣдjemъ — языкомъ св. Кирилла и Меѳодія, за періодъ времени послѣднихъ тридцати лѣтъ, 1850—1880 годы. При самомъ небольшомъ вниманіи, при бѣгломъ даже просмотрѣ указанныхъ научно-литературныхъ фактовъ, и еще неполныхъ, довольно ясно видно, какъ любовно встрѣченъ и пригрѣтъ старо-словенскій языкъ въ европейской филологической наукѣ, и, во главѣ ея нѣмецкой, т. е., за рубежомъ славянскимъ, какъ широко и вольно старе-словенская струя вошла въ общее теченіе науки о языкѣ.

Послѣдовательные труды Потта, Вонпа и Гримма сдѣлали невозможнымъ повтореніе тѣхъ ошибокъ, того легкаго отношенія къ славянскому члену арійской семьи, которое исторія науки находитъ еще у знаменитаго О. Венфея († ¹⁴/₂₆ іюня эт. года). Съ появленіемъ же А. Шлейхера данъ былъ толчекъ къ самостоятельнымъ славянскимъ студіямъ въ

Германіи. Въ отношеніи этихъ славянскихъ работъ, исполненныхъ Нѣмцами, мы можемъ подмѣтить, въ частности, два чередующихся періода.

Періодъ первый — время трудовъ Шлейхера 50-хъ годовъ, время, главнымъ образомъ, широкаго и сознательнаго усвоенія того, что сдѣлано было Славянами, періодъ знакомства, подготовительный.

Періодъ второй, съ 60-хъ годовъ, когда стали появляться систематическіе труды Шлейхера, какъ «Нѣмецкій языкъ», «Учебникъ сравнительной грамматики», когда заложена была нѣмецкая школа нѣмецкихъ славистовъ изъ Ивана Шмидта, Лескина, Беценбергера и др. Это время самостоятельныхъ и самыхъ разнообразныхъ работъ въ области славянскаго языкоислѣдованія и притомъ работъ учительныхъ — на первой линіи для насъ, Славянъ.

Сейчасъ же по переселеніи изъ сдѣлавшейся непріятной Праги въ маленькую Ену, Шлейхеръ предается всецѣло славизму. «Послѣ того какъ на полѣ классической и германской филологіи было сработано довольно (на первомъ давно уже, на второмъ — нѣсколько десятковъ лѣтъ), филологическая дѣятельность ровностно обратилась къ другимъ вѣтвямъ индоевроп. семьи. Знаніе Вѣдъ и твореній Зороастра, открытіе нарѣчій далеко откочевавшихъ Кельтовъ на Западъ и славянолитовской семьи на Востокъ Европы въ рукахъ опытныхъ специалистовъ пошло быстро впередъ. Для послѣднихъ Шлейхеръ сталъ особенно дорогимъ, когда теперь, по возвращеніи изъ Праги, вмѣстѣ съ издателемъ стараго «Zeitschrift'a» (т. е. А. Буномъ) сталъ во главѣ новаго журнала: «Beiträge für vergl Sprachforsch. auf arischem, celtischem und slavischem Sprachgebiete». Это было въ 1857 г. Начавъ съ исторіи слав. языковъ, онъ съ тѣхъ поръ не выпустилъ ни одного тома Beiträge, въ которомъ не было бы то большей, то меньшей статьи его; не было ни одного труда по славянолитовскимъ языкамъ, который не былъ бы тамъ подвергнутъ его суду» (S. Lefmann въ біографіи Шлейхера, 39, 3 н. выше).

Въ началѣ, славянскія работы въ школѣ нѣмецкихъ славистовъ касались болѣе общихъ вопросовъ, изъ области напр. отношенія славянскихъ языковъ къ другимъ членамъ аріѣйской семьи (русскія сочиненія Шлейхера), обрабатывались грамматики (полабскаго языка Шлейхера, старо-словенскаго Лескина, нижнелужицкаго, его же, въ «Архивѣ» Ягичя) и пр. Но затѣмъ, такъ съ конца 60-хъ и особенно съ 70-хъ годовъ, онѣ перешли въ область наиболѣе темныхъ, сложныхъ и деликатныхъ вопросовъ славянскаго языка (Ив. Шмидтъ), перешли къ его детальной обработке или къ проверкѣ смѣлыхъ новѣйшихъ теорій изъ сравнительной фонологіи языковъ аріѣйской семьи и на славянскомъ членѣ ея, и даже коснулись области славянскаго синтаксиса. Вспомнимъ труды Остгофа, Вругмана, Густава Мейера, Циммера, Малова, многочисленныя статьи въ старомъ журналѣ Буна и въ новыхъ: знаменитыхъ «Studien» Г. Курціуса, «Beiträge» Бецценбергера и др. Остановимся на минуту на послѣдней книгѣ г. Малова: «Die langen vocale A E O in den europäischen sprachen» (1879).

Свою большую работу г. Маловъ посвящаетъ доказательству теоріи, что монотонное *a* санскрита и зенда не старина, наоборотъ, разнообразіе гласнаго *a*, чтѣ въ европейскихъ языкахъ, восходитъ къ индоевропейскому праязыку. Откуда же доказательства? Обильно, и очень, изъ анализа вокальных явленій старо-словенскаго языка. Перелистайте книгу г. Малова, этотъ тщательно собранный и прослѣженный громадный матеріалъ, и на каждой страницѣ ея найдете богатство славянскихъ данныхъ. Послѣ анализа автора, знакомая намъ, родная форма реконструируется такъ, что и родное слово готови не узнать: слово изъ праформы-де слевос, новъ изъ праформы невои и т. д. Мы можемъ еще оспаривать основанія и выводы теоріи г. Малова; но никто не можетъ отказать автору въ одномъ — въ глубокомъ знаніи предмета — славянскаго языка, въ тонкости анализа комбинируемыхъ явленій. Послѣ этого понятно, на сколько правъ былъ критикъ «Архива» Ягичя, когда указалъ Малецкому (см. 1879 годъ) не-

уѣстность его выходокъ противъ нѣмецкой науки, правда, въ нѣсколько смѣлыхъ словахъ: «именно въ новѣйшее время славянскіе языки все болѣе и болѣе входятъ въ кругъ языкознанія—на благо сравнительнаго языкознанія и славистики» («zur Heil der vergl. Sprachwiss. und Slavistik», V, 126).

Въ тоже самое время даже классическая филологія, долго и, охотно соглашавшаяся, не безъ основаній, съ недовѣріемъ смотрѣвшая на сравнительное языкознаніе Боппа (возможно, говорила она, что-то дѣлать, безъ знанія и безъ труда), и та расширила теперь свои традиціонныя рамки и охотно стала отводить въ своей спеціальной области значительное мѣсто славянскому языку. Не говоря о знаменитыхъ трудахъ Г. Курціуса, этого современнаго представителя рациональной классической филологіи въ Германіи: «Основныя черты греческой этимологіи», «Глаголь греческаго языка», остановимся на спеціальномъ органѣ извѣстнаго Курціева «Семинарія» по древней филологіи въ Лейпцигѣ.

Обратимся къ журналу А. Куна, спеціально посвященному сравнительному изслѣдованію классическихъ языковъ въ связи съ другими. Здѣсь — въ теченіе первыхъ двухъ десятилетій жизни журнала, изрѣдка классикъ-изслѣдователь коснется славянскаго члена, и то не всегда удачно. Таково отношеніе у С. Бугге, Лео Мейера и др. Самъ знаменитый редакторъ говорилъ о славянскомъ языкѣ не охотно. Правда, въ 1858 году Потнеръ выступилъ съ смѣлою мыслью доказать ближайшее сродство языка латинскаго съ братьями Сѣвера и особенно съ братомъ славянскимъ; но чрезъ десять лѣтъ многія его латинско-славянскія основанія подверглись исторической критикѣ знам. Аесолі и оказались поспѣшными. Но перейдемъ къ журналу классика Курціуса—«Studien»: въ немъ много пошиба сотрудники-эллинисты и латинисты. Идя строго по пути своего великаго учителя, «семинаристы» съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ ищутъ въ славянской области указаній для наиболѣе темныхъ вопросовъ классической эти-

мологін, грамматики, не выключая и синтаксиса. Какъ Курціусъ, напр., въ своихъ «Чертахъ, во второй части имена *Καν-δαύλης* видитъ корень, сохранившійся въ славянскомъ дав—ити, или для греч. *πίνος* грязь, *σπίλος* пятно находитъ родню лишь въ чешскомъ языкѣ—*vrina*, *řrina* грязь (№ 365), а еракійскаго царя *Ἰερολος* не по значенію только, но формы ради, отыскиваетъ въ славянскомъ орлѣ (№ 503): такъ его ученики — Г. Мейеръ разрѣшаетъ «трудную» этимологию имени *Αἰ-πολος* уравниеніемъ первой части *αι* слав. корню *ов* въ *овъца*, Ангерьманъ, разлагая имя *Πηνέ-λαος*, тому *πηνο* уравниваетъ слав. *панъ*. Исслѣдованіе славянскаго синтаксиса мѣстоименій указательныхъ — и на языкѣ Остромира — помогаетъ Виндишу понять исторію развитія относительнаго мѣстоименія въ греческомъ и синтаксисъ вообще мѣстоименія. Однимъ словомъ, Курціусъ и его «семинаристы» блистательно доказали, что можно быть безупречнымъ классическимъ филологомъ и въ то же время серьезнымъ «*Sprachvergleichender*» (терминъ отъ языка классиковъ), что съ сравнительнымъ языкознаніемъ рука въ руку можетъ и должна идти классическая филологія.

Слѣдомъ за Германіей, этой родиной и главной квартирой сравнительнаго языкознанія, пошла Италия, Франція. Наполею: Асколи, Пецци, Гавъ, Говлака, Соссюра. Даже отдаленная Испанія съ Португаліей, и та въ настоящую минуту охотно знакомится и съ старо-словенскимъ языкомъ (ср. въ 1877 году «Сравнит. грамматику» Аюсо-Гарсія), и съ живыми славянскими языками, какъ напр. русскимъ, польскимъ. Относительно послѣдняго сошлюсь на свидѣтельство недавняго путешественника изъ Россіи въ Португалію, пр. А. Павинскаго, вѣдывшаго на антропологическій конгрессъ въ Лиссабонъ, въ его книгѣ — «*Portugalia, listy z podróży*» (Варш. 1881, 51, 52).

Такимъ образомъ, не безъ тяжелаго чувства, но должны безусловно признать, что нѣмецкая наука о языкѣ, усвоивъ результаты, добытые славянскою филологіей, своею дальнѣйшею

дѣятельностью не только отняла у насъ, Славянъ, наше историческое и прирожденное право—быть, если не исключительными, то первыми истолкователями вопросовъ своего роднаго языка, вопросовъ Славянства, замѣстила какъ бы насъ, но и послужила распространенію славянскаго языкоислѣдованія повсюду, гдѣ наша себѣ гостепріимный пріютъ Боппова наука сравнительной грамматики, разносила славянское знаніе своими работами, помимо насъ.

Мы не влючали въ нѣмецкую науку трудовъ гг. Миклошича и Ягича (послѣдняго, какъ редактора богатаго матеріалами нѣмецкаго журнала «Archiv f. sl. Phil.»). Но многообразная, многолѣтняя дѣятельность знаменитаго Вѣнскаго академика—по языку—вся принадлежитъ нѣмецкой наукѣ. По той же причинѣ и ученый журналъ г. Ягича безспорное достояніе нѣмецкой научной литературы. По влюченіи же этихъ трудовъ, наука собственной Германіи получаетъ резервъ, своими достоинствами отвѣчающій главному корпусу.

Старо-словенскій языкъ утвердился прочно, привлекаетъ живое, и законное, вниманіе въ лингвистической наукѣ Зап. Европы, въ наукѣ инославянской. Онъ внесенъ въ списокъ обязательныхъ предметовъ изученія, какъ о томъ мечтали съ первыхъ лѣтъ основатели-піонеры сравнительнаго арійскаго языкознанія—Воншъ, Поттъ (припомнимъ пожеланіе его въ началѣ I тома «Etymolog. Forschungen» перваго изданія, слѣд. еще въ 1833 году), и ясно, не по прихоти, но по требованію науки — «zum Heil der vergleichenden Sprachwissenschaft». Если не неправъ Гава, что «изученіе исторической грамматики романскихъ языковъ будетъ въ состояніи видоизмѣнить многія изъ существующихъ заключеній исторической грамматики аrio-европейской—она предлагаетъ, по крайней мѣрѣ, для фонетическихъ явленій извѣстный контроль, который рѣдко дѣлаетъ ошибки»¹⁾: то тѣмъ

¹⁾ «L'étude de la grammaire historique romane pourra modifier plusieurs des conclusions actuelles de la grammaire historique ario-européenne:

большую контролирующую силу необходимо признать за славянскими языками и его братом литовским, как языками разнообразными и в то же время не гетерогенными. В самом дѣлѣ, вспомним напр. изслѣдованіе Виндиша о происхожденіи относительнаго мѣстоименія («Studien» II). Сколько яркаго свѣта даетъ ему славянское мѣстоименіе, его первобытный синтаксисъ, для выясненія явленій единичныхъ, спорадическихъ, едва примѣтныхъ за историческими наслоеніями, въ языкахъ латинскомъ, греческомъ, даже въ самомъ санскритѣ! (Ср. слова Курціуса въ «Grundzüge» 4 изд., № 601). Грубымъ диссонансомъ звучитъ утвержденіе какого-нибудь Jolly, что «das Slavische viel zu abgeschliffen und unursprünglich ist, um eine grosse Ausbeute für die Vergleichung zu gewähren»: оно—напрасное усиліе поддержать издыхающее направленіе¹⁾, а опроверженія, хоть послѣ изслѣдованія Виндиша о мѣстоименіи, не заслуживаетъ.

Коснувшись вопроса о научномъ значеніи славянскихъ языковъ, мы не можемъ не привести искреннихъ, отъ души вылившихся словъ изумленія извѣстнаго Рудольфа Вестфала, при его болѣе близкомъ знакомствѣ съ нашимъ роднымъ языкомъ, послѣ случайнаго переселенія его въ Москву, еще изъ

elle fournit, au moins pour les phénomènes phonétiques un contrôle qui fait rarement défaut («Mémoires de la Société de linguistique de Paris», I, 326).

¹⁾ Свободная обработка Уитнеевой книги «Die Sprachwissenschaft...» (München 1874) 319. У Уитнея — иначе. Характеристику Jolly см. у Ив. Шмидта «Vocalismus» II 186. Людей въ родѣ Jolly нужно строго отдѣлять отъ стариковъ, какъ знаменитый Dietz. Если старики не были тверды въ славянскомъ языкѣ, то это невольная ихъ дань своей эпохѣ (ср. стр. 48, прим. 3). Естественно напр. встрѣтить и въ предсмертномъ трудѣ Дюда («Romanische Wortschöpfung», Bonn 1875), что румынскія слова: гредивенѣмъ, происхожденія, ку х не отъ лат. gl. со que ge, оглинде зеркало ни лат., ни славянское и др. Если, далѣе, уважаемый санскритологъ, ученый Шлейхера, Евгений Wilhelmus, въ своей богатой диссертации «De infinitivi linguarum sanscritae, bactricae, persicae, graecae, oesae, umbricae, latinae, goticae forma et usu» (Isenaci 1873) опустилъ славянскаго члена. то только изъ ученой честности—не говорить, что не вполне освоено. Считаюсь славянскаго неопредѣленнаго немного позже сталъ изслѣдоваться изъ русскими учеными славястами: пр. Потебней, Вс. Миллеромъ.

1876 года. Въ своей статьѣ «Основы и времена русскаго глагола» г. Вестфаль предлагаетъ вкратцѣ выводы своего историко-сравнительнаго изученія русскаго языка. Онъ между прочимъ говоритъ: «для обозначенія различія временъ русскій языкъ весьма остроумно воспользовался различеніемъ своихъ глагольныхъ основъ, и эти-то глагольныя основы несутъ на себѣ очевидный отпечатокъ такой первобытной старины, что при ихъ изученіи невольно забываешь, что имѣешь дѣло съ живымъ, современнымъ европейскимъ языкомъ и представляешь себя перенесеннымъ на почву древней Индіи; во всей индоевропейской семьѣ нѣтъ ни одного языка, который по образованію и значенію своихъ глагольныхъ основъ такъ близко подходилъ бы къ санскриту, какъ именно языкъ славянскій вообще и русскій въ особенности» («Русскій Вѣстникъ», 1877 октябрь, 512). По поводу же русскихъ глаголовъ на аю г. Вестфаль замѣчаетъ: «если мы припомнимъ, что... въ теченіи этихъ тысячелѣтій (2300 лѣтъ) на всемъ земномъ шарѣ изъ всей многочисленной индоевропейской семьи одинъ только русскій языкъ старательно хранилъ и дѣйствительно благополучно сохранилъ всѣ три гласныя а—j—а въ своихъ глаголахъ на аю, то мы должны откровенно признаться, что во всей обширной области индоевропейской сравнительной грамматики не существуетъ ни одного явленія, которое могло бы насъ сильнѣе поразить и заинтересовать, какъ именно эта замѣчательная особенность русскаго глагола» (тамъ же, 514).

Судьбѣ угодно было, чтобы пришелъ къ намъ иностранецъ и показалъ намъ значеніе нашего роднаго языка—какъ бережно слѣдовало бы хранить его, это драгоценное наслѣдіе сѣдаго времени благородныхъ первоарійцевъ: въ устахъ нашихъ—древнѣйшія и безспорныя грамоты нашего благороднаго, «арійскаго», происхожденія...

Но перейдемъ за рубежъ нѣмецкой науки—въ край Славянства, и иная картина изученія предстанетъ предъ нами.

Отъ Нѣмцевъ ближайшіе Чехи.

Въ относительно небольшой чешской наукѣ филологія вообще и славяновѣдѣніе, изученіе старо-словенскаго языка, въ частности, занимають самый скромный уголокъ. Ни многолѣтняя благожелательная дѣятельность по популяризаціи языка св. Кирилла среди своихъ В. В. Ганки, ни безсмертные руководительные труды знаменитаго Шафарика въ той же области старо-словенскаго языка не нашли для себя почвы, не вызвали добраго восхода. Въ 1853 году, послѣ безвременной смерти поэта-слависта Челаковскаго, Шафарикъ, еще при самомъ открытіи славянской каѣдры въ Пражскомъ университетѣ отказавшійся отъ нея, указалъ на своего земляка, слѣдов. Словака, священника Мартина Гаттала, какъ на едино достойнаго кандидата для этой каѣдры, и вотъ съ тѣхъ поръ и по сіе время этотъ энергическій Словакъ почти единственный представитель и защитникъ интересовъ изученія среди Чеховъ того языка, на которомъ предки ихъ IX вѣка слышали слово Божіе изъ устъ самихъ Славянскихъ апостоловъ. Гаттала поставилъ изученіе роднаго языка на основу старословенскую—въ своихъ грамматикахъ; его спеціально труды въ области старо-словенскаго консонантизма дали ему имя въ наукѣ. Правда, и сегодня повторяемъ слова, сказанныя нами раньше по поводу 25-лѣтняго юбилея профессорской дѣятельности г. Гаттала: «мы, интересующіеся судьбой славянскаго языка, обязаны глубокою благодарностью Пражскому слависту за его всегда горячую защиту изученія языка славянской церкви среди Чеховъ—знаніе этого языка расширено въ Чехіи такъ, какъ нигдѣ среди Славянъ, послѣ Россіи». Но количественное расширеніе—среди учителей—не повлекло за собой подъема чисто научнаго изученія. Изъ учениковъ г. Гаттала немногія единицы посвятили себя свободному, не вынужденному самостоятельному изученію старо словенскаго языка. Такъ Квѣтъъ принималъ его къ толкованію старо-чешскаго языка, но рано умеръ (1866). Больше и успѣшнѣе потрудился надъ старо-словенскимъ языкомъ совокупный ученикъ Гаттала и Пражскаго санскритолога, А. Лудвига, Лавославъ Гейтлеръ: да

по своей дѣятельности онъ Чехо-Хорватъ, и эта дѣятельность главнѣйше выражается или на языкѣ нѣмецкомъ, или хорватскомъ. Остается назвать дѣятельныхъ Яна Гебауэра, Адольфа Патера и Юс. Коларжа. Но первые двое главнѣйше занимаются чешской палеографіей, надлежащимъ, не свободнымъ, изданіемъ старыхъ чешскихъ текстовъ: г. Гебауэръ въ 1879 году издалъ давно желанную «Виттенбергскую Псалтырь»; г. Патера—«Глоссы къ Mater Verborum» (въ Журналѣ Чешскаго Музея—и порусски, совокупо съ пов. Срезневскимъ, въ «Сборникѣ по 2 Отдѣленію» нашей Академіи Наукъ въ 1878 году—виновникъ великаго смятенія), затѣмъ, «Алексаидру» въ 1880 (виѣсть съ г. Гатталой—см. ниже) и интересный своимъ содержаніемъ «Hradecký rukopis» въ «Памятникахъ старой чешской литературы» № 8, XXXI+469, съ ученымъ предисловіемъ, ясной транскрипціей, латинскими приложеніями и глоссаріемъ, въ 1881 году,—а Коларжъ—любитель, но не изслѣдователь.

Это усиленное забвеніе Шафариковскихъ преданій въ чешской наукѣ позволяетъ удобно прослѣдить себя на страницахъ полувѣковаго журнала Чешскаго Музея, «Часописа», этого — долго — средоточія чешской научной мысли. Если исключить случайныхъ, немногихъ, вкладчиковъ журнала, какъ Гейтлеръ, Коларжъ, и то въ самые послѣдніе годы, то въ продолженіе цѣлой второй четверти полувѣковой жизни «Часописа» одинъ Гаттала напоминалъ на страницахъ его старое, доброе время Шафарика. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ слабѣ славянская струя, пока она не затерялась въ песокъ почтенныхъ, но небольшихъ библиографическихъ замѣтокъ.

Правда, чешская филологическая наука владѣетъ теперь нѣсколькими органами, и во главѣ ихъ, безспорно, стоятъ прекрасно редактируемые гг. Квичалой и Гебауэромъ «Листы филологическіе и педагогическіе» (8 ой годъ); но какъ самое названіе, такъ и имя Квичалы, знаменитаго эллиниста, показываютъ, что въ журналѣ для славистики второе мѣсто. Онъ напоминаетъ болѣе всего «Zeitschrift für österreichische Gymnasien».

Отдѣльно отъ чешской науки стоитъ небольшая группа ученыхъ Моравіи. Ее составляютъ неутомимый изслѣдователь словарнаго состава старо-словенскаго языка, главный сотрудникъ in slaviciis Пражскихъ «Филологическихъ Листовъ», А. Матценауэръ (род. 1821), затѣмъ Брандль, Бартошъ, Вашекъ († 1881). Ученая дѣятельность ихъ выражается между прочимъ въ «Часописѣ Матицы Моравской». Позволимъ себѣ замѣтить, что какъ этнографически и политически, такъ и въ своей небольшой наукѣ, Моравія непохожа на Чехію: въ ея интересахъ еще свѣтятся свѣжія воспоминанія изъ эпохи Шафарика. Здѣсь еще помнятъ завѣтъ «Братской Общины»: «... kdož jsa dobrý Čech, i jiným dialektům (т. е. славянскихъ) rozumí, ten při mnohých sňowich origines, derivationes, significationum fontes et mutationes, i půwody jejich i ratolesti, wřastnosti a wřastnosti těch proměny rozličné lepe pozná a jim wyrozumí» (Вlahoslav въ своей грамматикѣ 1571 года, печат. изд. 343). И старій Шембера изъ Моравіи...¹⁾.

Славяновѣдѣніе и, въ частности, основа его — изученіе старо-словенскаго языка (а не обязательное знакомство), послѣ вѣка Шафарика, осязательно пало въ Чехіи. И это паденіе, на нашъ взглядъ, сказывается не только въ скромномъ числѣ дѣятелей на нивѣ св. Кирилла, но и въ нравственномъ отношеніи интеллигенціи къ тому дѣятелю, который, во всякомъ случаѣ, въ своемъ лицѣ единитъ современныхъ Чеховъ съ безславнымъ для нихъ временемъ Шафарика — къ старику Гатталѣ.

Въ защитѣ своихъ національныхъ святынь, извѣстныхъ Зеленогорской и Краледворской рукописей, каждый разъ въ минуту опасности, къ кому обращались Чехи? Къ Гатталѣ,

¹⁾ Съ болью узнаемъ, что только что умеръ Шембера — 11/23 марта 1882 г. въ своей Вѣнѣ. Газета «Рокрокъ» № 83: «знаменитый славистъ, горячій патриотъ» — а еще свѣжи и заподоврѣванья, и издѣванія чешскихъ «патриотовъ» Рокрок'а надъ усопшимъ исповѣдникомъ истины — по поводу Любушина Суда.

и уиный ученикъ Шафарика защищалъ. «Вотъ Гаттала выступитъ», говорили они на дняхъ, смятенно замѣчавшіи на тѣ святѣни холодныхъ, руководящихся духомъ истины людей, какъ А. С. Петрушевичъ во Львовѣ, старикъ Шембера, Вашекъ. Но—мелкое обстоятельство, и—грустное явленіе.

Въ октябрѣ пр. года г. Гаттала виѣствъ съ кустодомъ А. О. Патерой выпустилъ давно ожидавшееся изданіе: «Zbytku rûmovaných Alexandreid, textu a transcripcе» (XXVI+96, 2 гульд.). Изданіе строго дипломатическое, послѣ Шафарика въ чешской наукѣ первое, стоившее потому массы самаго тщательнаго труда. Въ предисловіи, нѣсколько многословномъ и рѣзкомъ, по обычаю, не безъ лишнѣхъ личныхъ указаній ¹⁾, г. Гаттала утверждаетъ ненаучные приѣмы прежнихъ изданій ²⁾ и обосновываетъ свою транскрипцію. «Она не будетъ нравиться каждому», замѣчаетъ онъ (XXII). Онъ вводитъ *l'* въ значеніи нашего *ль*, а *l* въ значеніи *л*, оставляетъ мягкое *r* в. *ř* (—рж, рш), напр. *prěd*, а главное своеобразно передаетъ мягкіе слоги съ *e*. Онъ пишетъ просто *cesta* (*c* твердое), хотя въ оригиналѣ обыкновенно *суеста*, какъ бы *c* мягкое, но вѣ *v ře=ffye wffye*; сохраняетъ дифтонгъ *ie*, гдѣ теперь долгое *i*, развѣвшееся, несомнѣнно, изъ *ie*, но это *ie* въ текстѣ не различно отъ *e* въ *cesta* («Neb prěd mořem tělka riečka, 1, 32).—Не называя, ученый издатель возражалъ здѣсь проф. Я. Гебауэру, который года за два, на основаніи одной рукописи чешскаго Пассіонала (житія святыхъ, 1-ой ¹/₂ XIV в.), доказывалъ мысль о строгомъ, правильномъ различеніи старо-чешскими писцами на письмѣхъ слоговъ съ *e* и съ *ě* (=je), напр. *moře* море им. ед., но род. ед. *mořje* моря. Въ большинствѣ случаевъ это правда. И а *prigri*

¹⁾ Слабо и невѣрно напр. противъ ак. Миклошича, называющаго знаменитую форму род. п. м. р. ед. мѣст.—*w zia*—въ Краледворской рук. «неслышанной». Съ такимъ титуломъ она останется на всегда, и отнюдь не *laris salati*. (Ср. нашъ «Отчетъ изъ-заграницы», второй, Одесса 1876, стр. 8).

²⁾ Объ этихъ приѣмахъ ср. раньше у насъ въ первомъ «Отчетѣ» (Одесса 1876), 68, примѣч., и второмъ, 9.

вѣрно, что если Малорось и теперь говоритъ вѣвца, царця, а уже въ Остромирѣ овьца, то и старо-чешскому языку нельзя отказать въ мягкомъ выговорѣ свистяще-шипящихъ согласныхъ, но вопросъ—до котораго времени и гдѣ. Отсюда можно согласиться съ открытіемъ пр. Гебауэра «Über die weichen e—Sylben», но условно: встрѣча смягчаемости еще не свидѣтельство о современности этого явленія. Какъ въ правописаніи Остромира, такъ и въ старо-чешскихъ рукописяхъ различіе «мягкихъ» слоговъ неслѣдовательно.

Пр. Гаттала, въ своемъ изданіи чешской «Александренды» правила г. Гебауэра не призналъ — для рукописей XIV в. (*cesta = cyesta*), и тотъ выпустилъ рѣзкій отвѣтъ: «Pravidlo o staroě. e a ě» (Pr. 1880). Г. Гаттала не остался въ долгу, въ испытанной язвительности, понятно, превозводя противника, издавши въ мартѣ: «Přídavek ku prvému dílu Zbytků. ., proti původcům nejnovějšího pravopisu staroěeského a společníkům jejich» (80). Какъ всегда въ полемикѣ, не столько дѣло прямое на первомъ мѣстѣ, сколько ухищреніе — какъ бы побольше укусить. Смѣемъ думать, что весь споръ заслуженный ученый издатель «Александренды» могъ бы оставить внѣ вниманія. Въ полемику вмѣшалась Чешская журналистика, и въ ту минуту, когда Чехи добились уступки — нѣсколькихъ чешскихъ каедръ въ университетѣ, она указываетъ двери изъ университета—кому?—столько потрудившемуся для Чеховъ старику: «между нами, образованными и Чехами, ему (г. е. г. Гат—лъ) оставаться неудобно»¹⁾. Когда каждая крупица научной силы должна цѣниться,

¹⁾ «Неограниченное поручительство (!) Гатталы становится уже столь дерзкимъ, что наступила наконецъ минута—остановить его и отправить его куда-нибудь къ его «любимъ Чехамъ», —ибо между нами и пр.» («Světozor» 1881 № 18, отъ редакціи). Ниже, тутъ же, два письма: Шафарика о Гатталѣ и самого Гатталы къ г. I. Иречку, неудобныя для печати — пока, но чтобы унзить противника — напечатаны. Даже пустынная замѣтка Воронеж. «Филолог. Зап.» не пропущена («Světozor» отъ 6 іюля).—Вся эта мелочь роиетъ чешское дѣло.

наслуженнѣйшему человѣку науки, безусловно необходимому, единому судѣ *in slaviciis*, откровенно говорятъ—«вонъ»...

Но пора оставить Чеховъ. Объ отношеніи Поляковъ къ изученію старо-словенскаго языка излишне говорить, послѣ того что мы сказали выше по поводу «Критической грамматики» Малиновскаго (см. подъ 1869 г.) Можетъ быть, теперь, послѣ канонизаціи св. апостоловъ Славянства римскою церковью (5 іюля), они послѣдуютъ совѣту старика Малиновскаго, будутъ изучать даже «полуварварскій» языкъ, какъ начинаютъ изучать литовскій, благодаря энергической дѣятельности Барловича. О его литовскихъ трудахъ см. выше. Прибавимъ, что на дняхъ въ Крак. Академію Наукъ переданъ сборникъ 84 сказокъ и повѣстей изъ Литвы и Мазовша.

Одни Славяне въ отношеніи изученія старо-словенскаго языка составляютъ исключеніе, и замѣтное — это южные, Сербо-Хорваты. О Болгарахъ мы не говоримъ, такъ какъ ихъ было — въ будущемъ, а въ виду проявленной уже ими энергіи въ литературѣ и школахъ (въ Пловдивѣ съ мая издается ежемес. журналъ «Наука», ред. Вазова — съ статьями о народн. бытѣ, языкѣ, въ Софіи воскресаетъ къ жизни старое Братское Ученое Общество) мы готовы вѣрить, что въ славянской наукѣ они станутъ достойными вполнѣ своего освобожденія¹⁾.

¹⁾ Въ ученой литературѣ Болгаръ, правда, масса грамматикъ роднаго языка, но всѣ на одинъ фасонъ — практически учація, правописанію, «правильному» склоненію, спряженію и т. д., учація изъ своей головы. Отмѣтимъ недавно вышедшія. Войниковъ, Д. П., «Българска граматика за вначални ученици» Пловдивъ 1880, 96. Изложеніе ясное, простое, безъ курьезовъ въ терминологіи, правописаніе аналогическое, съ полезными упражненіями — но для начальной школы, по системѣ, не годится. Въженовъ, Ц., «Грамматика за българскій языкъ» Пловдивъ 1880, 105. Авторъ — въ достаточной подготовкѣ, за то съ большими претензіями — отъ новаго описанія (но почему жъ въ Българинъ?), не аналогическаго, и до нестижимо вычурной терминологіи отъ первой строки до послѣдней. Сия таже. Пакаретовъ «Българска граматика», ч. I. Цариградъ 1881. Авторъ — старый дядька въ изв. Протестанской Коллегіи, грамматика — уроки. Какъ и Войниковъ, аналогическаго правописанія. Есть еще грам-

Сербо-Хорваты гордятся, и по праву, своимъ знаменитымъ славистомъ, Юріемъ Даничичемъ (объ акад. Личѣ мы здѣсь не говоримъ — его главные труды не на родномъ языкѣ). Масса работъ, исполненныхъ г. Даничичемъ, поражаетъ насъ: энергія и добросовѣстность такого ученаго, какъ Даничичь, одна могла дать столько для славянской науки. Неусыпные труды въ теченіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ на этомъ полѣ достойно завершаются памятникомъ нашихъ дней — «Словаремъ хорватскаго или сербскаго языка», первый выпускъ котораго недавно вышелъ. Словарь этотъ оцѣненъ по достоинству людьми призванія — не намъ о немъ говорить.

матика Икономова, употребляющаяся въ Книжествѣ.—Все эти труды на шагъ далѣе противъ грамматики Груева, и даже противъ первой грамматики старика Неонита Рыльца, 1835 года. Намѣцкая грамматика изв. Цанцова, написанная подъ указаніями Миклошича, остается при старой цѣлѣ. Небольшая книжка Н. Прѣванова «Изводъ изъ Българска-граматики» (законо-те на Български-отъ език), Русчукъ 1870, 28, написана толково, по системѣ Миклошича.—Извѣстно отградное явленіе въ новой Болгаріи—быстрое развитіе школъ; отсюда понятенъ большой запросъ на учебники—и, конечно, и роднаго языка. Предложеніе, мы видѣли, не заставляеть себя ждать. Но мы бы пожелали наступленія на ученой работы по родному языку—изученія нарѣчій, говоромъ, собиранія этнографическихъ матеріаловъ: тогда легче, безъ напраснаго раздраженія, разрешится труднѣйшій вопросъ — о національномъ правописаніи. Уважаемый М. С. Дриновъ излѣшне держится начала Вука Караджича въ правописаніи. Дриновъ напр. выбрасываетъ ѣ, а Панаретовъ возражаетъ ему ссылкой на живое нарѣчіе Отградно было бы, если бы Болгаре послѣдовали по стопамъ умнаго правописанія Добровскаго, а нalogическаго—оно у Чеховъ, и забыли бы про дешевую реформу Вука, за которымъ все время дѣйствовалъ изв. Коштаръ Не безъ поученія для насъ лично были даже кратенькія замѣтки объ измѣненіи гласныхъ по говорамъ въ «Марицѣ» № 365. Мы позволяемъ себѣ сегодня напомнить Болгарамъ препорученіе, данное имъ однимъ изъ патриотовъ на наууѣ кроваваго возрожденія: «тѣбѣ да са отклонимъ отъ пътя, како-то сме държали досега, и да са завземемъ вече за собствененъ нашъ оригиналенъ трудъ, съобразно съ нашия миналъ, сегашенъ и бѣдѣщъ народенъ битъ. Време е вече да са положи основа на наша та нова литература» («Лѣтоструй Български» Данова на 1876 годъ, 145) — Патриоты недоумѣваютъ въ виду появленія газетъ—поденокъ («а що ставъ у дома? Нпщо. И наистина, политическитѣ газети ниянать у насъ като гъби за да изчезнать не слѣдъ продължително време.—Марица, № 259, 5), а книги добрыя не имать никакого сбыта: но все это снмтоны переходнаго времени.

Мы бы только возразили противъ новизнъ правописаія и заиѣтили бы противъ внутренняго расположенія каждой статьи: болѣе удобное для употребленія расположеніе въ классическомъ Словарѣ Литтрѣ—данныя начинаютъ строку. Известные намъ въ нѣкоторыхъ хорватскихъ газетахъ упреки болѣе придирки, нѣстами можно, впрочемъ, принять¹⁾. Что касается академическаго журнала «Rad» въ Загребѣ, то, за выѣздомъ изъ Хорватіи г. Даничича и г. Ягича, въ немъ не много ослабъ прежній филологическій интересъ.

Таковы они, Славяне, въ изученіи старо-словенскаго языка, въ обзорѣнный нами періодъ времени послѣднихъ тридцати лѣтъ, 1850—1880. Въ общей сложности, за немногими исключеніями, не особенно видны они своими трудами. О новыхъ путяхъ мы и не говоримъ: научные пути провладывали нѣмецкіе соперники: Миклошичъ, Шлейхеръ, Виндишъ, Ив. Шиндтъ, Лескинъ, Маловъ, а не они. Они участвовали своими работами въ общемъ предпріятіи, но не были руководителями работъ.

Для полноты, коснемся насъ, Русскихъ, нашего участія въ дѣлѣ изученія старо-словенскаго языка — въ немногихъ словахъ.

У насъ въ разсматриваемое время не мало добрыхъ и энергическихъ силъ посвятили себя труду—продолжать блестящую, завидную дѣятельность нашихъ первыхъ учителей—славистовъ, сошедшихъ въ могилу такъ до временно, одинъ вслѣдъ за другимъ (въ декабрѣ 1876 Григоровичъ, въ сентябрѣ 1877 Бодянской, въ февралѣ 1880 Срезневскій). Изъ дѣятелей старшаго поколѣнія назовемъ Лавровскаго, Ламанскаго, А. Майкова, Котляревскаго, Потѣбню, М. Петровскаго, самаго юнаго — К. Грота, Р. Брандта, Т. Флоринскаго. Но немногіе изъ нихъ обрели себя языку. Въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія (особенно съ 1867 года), въ Запискахъ Академіи Наукъ, въ Извѣ-

¹⁾ Такъ въ оппозиц. газетѣ Старчевича, «Sloboda», 1880 № 133—135 и раньше: «Još njeholiko rieših o Akadem. Rješniku hrv. jezika, odgovor Obzoročomu učenjaku», piše dr. F. Pilepić.

стіяхъ, въ Читеніяхъ Московскаго историческаго Общества (съ 1847) и др. ученыхъ изданіяхъ изслѣдователь найдетъ и прекрасныя работы, и массу интереснаго матеріала. Наконецъ, старому филологическому журналу, Воронежскому, идетъ уже двадцатый годъ, а въ Варшавѣ, три года назадъ, благодаря энергіи пок. Колосова, открылся новый («Русскій Фил. Вѣстникъ»), и оба живутъ себѣ, идутъ впередъ, хотя не всегда съ желательною осторожностью.

Но справедливо также, что, т. ск., пустыя мѣста, образовавшіяся за смертью Востокова, Григоровича, Бодянскаго, Срезневскаго, еще пока не восполнены, и не мало труда предстоитъ положить, чтобы занять намъ въ общей европейской наукѣ то самое мѣсто, какое въ свое время занимали тѣ: они могли доминировать своимъ трудовымъ авторитетомъ. Но одно съ нами — труда мы не бѣжимъ.

Чтобы возвратитъ намъ свое старое положеніе — быть съ первымъ голосомъ въ вопросахъ своихъ, намъ необходимо, какъ мнѣ кажется, восполнить одинъ недочетъ въ положеніи русской науки — слабое представленіе Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, науки Боппа, въ русской наукѣ. Отсюда слабое вліяніе ея въ школахъ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, одно положеніе славянскаго языковѣда въ эпоху дѣятельности Боппа, въ первый періодъ — рожденія, созданія Сравнительной грамматики, такъ до 60-хъ годовъ, иное — теперь, когда Сравнительная грамматика быстро и величественно разрослась въ своемъ объемѣ, окрѣпла въ самомъ содержаніи. Нѣмецкій славистъ, вооруженный знаніемъ санскрита, зенда, литовскаго языка, не говоря уже объ языкахъ классическихъ, можетъ свободно оперировать въ области славянскаго языка, разсматривать ту или другую сторону организма славянскаго языка на широкомъ полѣ сравни-

¹⁾ Знаменитый Московскій санскритологъ и ориенталистъ, пок. П. Я. Петровъ, былъ только филологъ, но не сторонникъ направленія Боппа. Въ своихъ лекціяхъ по санскриту онъ избѣгалъ сравнительнаго приѣма и любилъ болѣе семитическіе языки, чѣмъ арійскіе. Буслаевъ же не былъ санскритологъ.

тельного арийскаго языковѣдѣнія, тогда какъ русскому слависту (имѣемъ въ виду общій типъ) — остается невольно ограниченная область его спеціальнаго знанія: славистъ является строго филологомъ. Безспорно, безъ филологическихъ студій не возможно сравнительное языковѣдѣніе: но столь же справедливо, что филологія только школа, на долю которой выпадаетъ наиболѣе тяжкій и неблагодарный трудъ — подготовленіе матеріала. Для возстановленія гармоніи въ значеніи русской науки — необходимо, при самостоятельномъ развитіи славянской филологіи въ Россіи, и самостоятельная, русская, школа сравнительнаго арийскаго языковѣдѣнія. Намъ бы казалось, первый приступъ къ заложенію этой русской школы, т. сказать, русской филоліи, Сравнительной грамматики былъ бы во всестороннемъ изученіи Литовскаго языка, хотя и въ этой области, политически нашей, сильна нѣмецкая конкуренція¹⁾. Естественно, каждый положительный трудъ,

¹⁾ О Тильзитскомъ лит. Обществѣ не говоримъ. Только что вышло богатое собраніе Дескина и Бругмана: «Lit. Volkslieder und Märchen aus d. Preuss. u. Russ. Litauen». Выше мы не однократно говорили о маломъ участіи нашемъ, равно какъ и Поляковъ, въ изслѣдованіи литовскаго языка, хотя оно, въ порядкѣ вещей, наша обязанность, наша мѣстная научная задача. Какъ легко, еще такъ недавно, можно было растекаться по мыслену древу, не имѣя почвы подъ ногами, въ историко-этнографическихъ вопросахъ Литвы, свидѣлствуютъ спеціальныя описанія губерній оенцеровъ генеральнаго штаба. Индѣ перечислены букашки губерній, а въ народовѣдѣніи — свобода. Ср. особенно описаніе Ливландской губ. Но не таковы были наши старики. Какое отчетливое представленіе о составныхъ нарѣчіяхъ Литвы уже въ Ипатьевской летописи! Подъ 1251 г. помнятуются Прузи (а въ одномъ русскомъ каталогѣ, ученомъ, прусскій языкъ отнесенъ былъ къ числу нѣмецкихъ нарѣчій); подъ 1286 г.: «ходиша Литва вся и Жемоть вся на Нымцѣ къ Риви и оттолѣше идоша на Лотыголу». И старики Поляки не несуть укора своимъ нын. потомкамъ: у нихъ свѣдѣнія были живы. Для памяти приведу старыи отрывокъ въ трудѣ Conr. Gesner'a «Mithridates, de differentiis linguarum...» (Tiguri 1555): «Lithuanorum lingua (inquit Matthias a Michow) est quadrupartita. Prima est Jacuinhorum, ut horum, qui circa castrum Drohicin habitarunt, quorum pauci supersunt. Altera Lithuanorum et Samaghitarum. Tertia Prutenica. Quarta in Lothiana seu Lothihola, id est Linonica, circa fluv. Dzuina et Rigam civ. Et horum quamquam eadem sit lingua (videtur sentire linguam unam esse, linguarum ipse vocat, sed quatuor dialectis distinctam), unus tamen non satis alterum intelligit...» (fol. 59).

направленный къ восполненію недостающаго, дорогой и желанный гость. Но по ироніи судьбы, мы, какъ бы на зло, наткнемся на инья индичіи «русской» дѣйствительности.

Мы въ началѣ говорили о безпочвенной атакѣ г. Бодуэна-де-Куртенэ на филологическую дѣятельность пок. Срезневскаго, съ «знаменемъ» «настоящей» науки: полная путаница понятій. Когда мы приходили къ концу нашей статьи, того же характера атака поведена противъ того знанія, о малости котораго у насъ мы только что говорили, малость котораго въ русской наукѣ такъ чувствительна, и все съ тѣмъ же знаменемъ: за бортъ, какъ ненужный балластъ, выбрасывается уже не только филологическое направленіе Срезневскаго, но и языко научная школа, знаніе тѣхъ людей, которые были и останутся для насъ великими руководителями, которые вѣковѣчными трудами своими создали Сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ, отъ Боппа и до Курціуса включительно. Приходится еще разъ остановиться на «атакѣ».

Предъ нами — «Къ вопросу о гунѣ, изслѣдованіе въ области старо-слов. вокализма», г. Брушевскаго, ученика, какъ онъ объявляетъ, г. Бодуэна-де-Куртенэ («Рус. Филолог. Вѣстн.» № I 1881, 1—109). Притязательная, съ манернымъ изложеніемъ книга — перечни словъ изъ Словаря Миклошича, систематизованные по готовымъ рубрикамъ извѣстнаго намъ французскаго изслѣдованія де Соссюра (см. въ 1879 г.). Авторъ примѣнять желаетъ мысли де-Соссюра къ опредѣленію вокальныхъ отношеній старо-слов. языка, при слово — и формообразованіи. Но эта задача, т. сказ., исполнена уже самимъ де-Соссюромъ: на долю автора осталось механическое оснащенье лишними примѣрами... Немногія общія замѣчанія въ текстѣ, но окутанныя въ алгебраическія формулы — о Введеніи пока не говоримъ. Авторъ касается и доисторическихъ процессовъ (стр. 105 «дославянскій періодъ»), хотя одно признаніе автора могло бы удобно удержать его отъ этихъ доисторическихъ экскурсовъ. Самый предметъ — старо-словенскій языкъ —

по признанію автора, не ясенъ: «при этой попыткѣ, говорить онъ, встрѣчаются весьма серьезныя затрудненія», между прочимъ, «отъ свойствъ науки о старо-словенскомъ языкѣ» (21), такъ какъ «научная разработка старо-слов. языка не можетъ и сравниться съ разработкой санскрита и греческаго» (25). При такомъ положеніи дѣла — удобнѣе посвятить себя прежде всего разработкѣ неразработаннаго предмета, а потомъ уже оперировать надъ неразработаннымъ «объектомъ». Правда, авторъ объявляетъ, что «въ старо-словенской фонетикѣ намъ приходится, такъ сказать, не только искать кирпичей для постройки зданія, но искать глины для производства кирпича» (20). А между тѣмъ ниже (стр. 45) и глину отказывается искать, не то, чтобы жечь кирпичъ, коснувшись важныхъ въ старослов. фонетикѣ плавныхъ сочетаній: «вопросы запутанные — я рѣшился обойти ихъ молчаніемъ». Но оставимъ это несоответствіе и обратимся къ исповѣданію. Посмотримъ, какъ задѣй настоящей русской науки опредѣляетъ знакомую намъ старую науку Боппа, разнести которую онъ выступилъ, а съ тѣмъ и свою.

«Никто, конечно, говоритъ г. Крушевскій, не станетъ оспаривать, что объектъ лингвистики должны составлять явленія, совокупность которыхъ называется языкомъ, что конечной цѣлью этой науки должно быть раскрытіе законовъ, управляющихъ этими явленіями. Но если бы намъ пришлось опредѣлить науку и ея задачи по тѣмъ работамъ, которыя ей посвящены отъ Ворр'а и до нашего времени, то въ рядъ ли бы мы пришли къ этому опредѣленію. Мы могли бы опредѣлить лингвистику только какъ науку, стремящуюся раскрыть взаимное родство языковъ аріоевр. семьи и возстановить какъ аріоевр. праязыкъ, такъ и праязыкъ отдѣльныхъ семействъ. Лишь доказывать, что это не можетъ назваться наукой. Допустимъ однакожъ, что это наука... Не трудно видѣть причины такого археологическаго направленія въ лингвистикѣ. Она родилась въ кругу наукъ историко-филологическихъ и раз-

работывалась людьми, воспитавшимися на исторіи и филологіи. Они не могли не перенести своихъ взглядовъ, стремленій и методовъ и на науку о языкѣ. Возстановленіе картинъ прошлаго—вотъ единств. задача, которую они преслѣдовали» (3)¹⁾. Эта жалкая, для насъ великая, историческая «наука» Боппа—«Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ»—лишается далѣе «не только логики, но и здраваго смысла»: «я не знаю, восклицаетъ онъ на стр. 43, науки, въ которой практиковался бы такой пріемъ (т. е. «промежуточные звѣнья», «почерпнутыя изъ нашей фантазіи», тамъ же выше), противный не только логикѣ, но и здравому смыслу; въ лингвистикѣ онъ является и пр...» Лишенная здраваго смысла, «Сравнит. грамматика индо-европейскихъ языковъ» подвергается остракизму и за то, что въ основу свою она всегда ставила и ставитъ индо-европейскіе древніе языки, какъ греческій съ латинскимъ, санскритъ съ зендомъ: не эти языки нужны намъ, а пренебреженные языки новые, вѣщаетъ онъ въ началѣ же (3).

Это отверженіе историческихъ основъ нашей, «ветхозавѣтной», науки (старые языки) и положеніе новыхъ устоевъ—«настоящей» науки ученый авторъ основываетъ на одномъ соображеніи и сравненіи. Онъ объявляетъ: «древніе языки, которые составляли и до сихъ поръ почти исключительно составляютъ предметъ лингвистики, намъ неизвѣстны, а извѣстна только ихъ письменность; а такъ какъ фонетика изслѣдуетъ не знаки, а обозначаемые ими звуки, то собственно говоря ни одинъ фактъ древней фонетики намъ непосредственно не доступенъ, каждый фактъ устанавливается индуктивно. Этимъ примѣненіемъ индукціи къ отдѣльнымъ фактамъ древняй фонетика напоминаетъ астрономію: въ первой время дѣлаетъ факты непосредственно не доступными, во второй—пространство» (5).

Вся эта «настоящая» наука вынуждаетъ насъ на два, три замѣчанія.

¹⁾ Разрядка принадлежитъ намъ.

Итакъ, отъ Воппа и до г. Крушевскаго не было науки о языкѣ; лингвистика Европы «не можетъ назваться наукой»; исторія нашей науки запишетъ появленіе «Къ вопросу о гуиѣ»... Но — никто никогда не уравнивалъ «Сравнит. грамматики индо-европейскихъ языковъ» съ «Наукой о языкѣ вообще» (*die Sprachwissenschaft, la linguistique, the science of language*). И университеты нѣмецкіе, и университеты русскіе, въ согласіи съ Уставомъ 63 года (по крайней мѣрѣ, осторожнѣйшіе изъ нихъ, гдѣ-то русской науки — столичные) знаютъ кафедру Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, т. е., знаютъ науку Воппа, науку Европы. Почему же Сравнит. грамматика индо-европ. языковъ, а не иныхъ, такъ сказать, въ обществѣ, субституируетъ науку о языкѣ, обстоятельство это извѣстно, и давно, въ исторіи науки.

Своими реальнымъ содержаніемъ и историко-сравнительнымъ методомъ наука Сравнительной грамматики, какъ ее обьялъ Воппъ — въ границахъ языковъ индо-европ. семьи — отстранила направленіе простой философской абстракціи (Беккеръ и др.). Но, устранивъ «общую» грамматику (у насъ отчасти напр. Давыдова), она въ то же время работала на общее языкознаніе, на философію языка, какъ на предметъ опытаго (а не «осязательнаго») изслѣдованія, собирая и приготовляя для него матеріалъ. Наука Воппа есть почва общаго языкознанія, и по отношенію къ этому послѣднему ее можно назвать объективно матеріальнымъ языкознаніемъ. Правда, «*vor dem Throne der Wissenschaft haben alle Sprachen gleichen Anspruch auf Berücksichtigung*», скажу словами еще юнаго Потта¹⁾; правда, Сравнительная грамматика индо-европ. языковъ получаетъ так. обр. значеніе средства для цѣли, лежащей внѣ ея границъ, значеніе служебное, которое, естественно, опредѣляется степенью примѣнимости ея для интересовъ высшихъ; правда, и всякая сравнительная граммати-

¹⁾ *Etymologische Forschungen*, II (Lemgo 1836), VIII.

ка, любой семьи языковъ, семитической ли, туранской, принципиально имѣетъ тоже значеніе, что и Сравнит. грамматика индо-европейскихъ языковъ: но та послѣднюю никогда не замѣститъ. Дѣло въ томъ, что одна примѣнимость языковъ индо-европейскихъ, языковъ высшей расы человѣчества, другая—иной семьи, болѣе или менѣе низкой расы. Въ сужденіи цѣны Сравнительной грамматики языковъ нашей, «арійской», семьи, рѣшающее значеніе имѣетъ моментъ историческій. Сравнительная грамматика языковъ семитическихъ, туранскихъ (въ Пештѣ есть каеэдра сравн. грамматики мадьярскаго и финскихъ) формально стоитъ на одной линіи съ сравн. грамматикой арійской: но по существу отношеніе между ними всегда будетъ такое, какое отношеніе существуетъ между культурно-историческимъ значеніемъ Мадьяръ, Чувашъ или Половцевъ, съ одной стороны, и Грековъ, Романовъ, Нѣтцевъ, Славянъ, съ другой. Арійское языковѣдѣніе, въ силу первенствующаго историческаго значенія арійской семьи, есть краеугольный камень общей науки о языкѣ: языкъ—выразитель духовной цѣнности человѣка, семья языковъ — цѣлаго племени.

Здѣсь въ стати вспомнить слова изв. Уитнея о жѣстѣ нашихъ языковъ въ разработкѣ общаго языковѣдѣнія. «Конечно—говоритъ американскій лингвистъ—чтобы объять языкъ, во всѣхъ его частяхъ, изслѣдователю было бы желательнѣе всего, чтобы предъ его глазами раскрылась исторія языка вся цѣликомъ, во всѣхъ ея фазахъ и въ подлинныхъ документахъ. Но такъ какъ хоть въ слабой степени достичь чего-нибудь подобнаго нельзя, ему остается довольствоваться однимъ — наброситься на ту группу языковъ, исторія которой яснѣе всего, и въ работахъ надъ ними изслѣдователь пріобрѣтаетъ навыкъ, какъ справиться съ болѣе тощимъ и отрывочнымъ матеріаломъ, предлагаемымъ языками другихъ группъ. Здѣсь то могъ образоваться желанный центръ науки; здѣсь могли быть открыты общіе законы жизни языка; здѣсь могъ быть утверждень методъ и его употребленіе, и, необходимо измѣняемый по требованію измѣняющихся условій, онъ могъ имѣть примѣненіе и

къ изслѣдованію другихъ типовъ языка. Фундаментъ былъ положенъ довольно широкій, чтобы выдержать прочно поставленное и многостороннее зданіе. Внутренній характеръ и внѣшняя исторія языковъ арійской семьи обуславливаютъ ихъ первое мѣсто въ наукѣ объ языкѣ; какъ это было доселѣ, такъ и на все будущее время они — первый предметъ въ работахъ изслѣдователя; ихъ полное освѣщеніе — одна изъ самыхъ желательныхъ и самыхъ важныхъ задачъ, какія только можетъ выставить языковѣдѣ¹⁾. Такимъ образомъ, тѣснѣйшая внутренняя связь единитъ науку объ языкѣ съ Сравнительной грамматикой и индо-европейскихъ языковъ, какъ съ ея основной дисциплиной: историко-сравнительное арійское языковѣдѣ — это кормилица общей лингвистики.

Эта справка, можетъ быть, излишня, но не тогда, когда та европейская наука, о которой съ гордостью замѣтилъ знам. Максъ Мюллеръ, что «едва ли есть какое-нибудь поле духовной дѣятельности, которое не испытало бы болѣе или менѣе вліанія этого новаго знанія»²⁾, получаетъ чистую отставку, какъ инвалидъ, и гдѣ?... У насъ, гдѣ ея почти и не было доселѣ, и она замѣщается свободными упражненіями по языку. Но подобное, патологическое, явленіе давно провидѣно наукой: въ провидѣніи его причина, почему многіе филологи старой классической школы, школы безспорнаго труда, не только косо поглядывали, но просто сторонились отъ направленія Боппа — чтобы именно мѣсто трудовой науки не завяла свобода отношенія. Вспомнимъ хоть пок. Срезневскаго. Вотъ почему серьезный сравнительный языковѣдъ всегда предостерегалъ своихъ слушателей отъ этой свободы. Припомню заключительныя мысли того же Макса Мюллера въ его первой лекціи въ Страсбургскомъ университетѣ. «Кто желаетъ посвятить себя, говоритъ

¹⁾ «Language and the study of language» by W. D. Whitney, third ed. Lond. 1870, 236—37, въ главѣ «Indo-european philology and the science of language».

²⁾ «Über die Resultate der Sprachwissenschaft, Vorlesung... zu Strassburg», Strassburg 1872, 10.

онъ, столь объемлющей наукѣ, долженъ серьезно и неизменно упражнять въ себѣ двѣ добродѣтели: добросовѣстность и скромность. Чѣмъ старѣе становимся мы, тѣмъ болѣе чувствуемъ рамки человѣческаго вѣдѣнія. Вотъ почему надо заботиться, какъ говорить Гёте, чтобы деревья не росли въ небо. Каждый изъ насъ можетъ дѣйствительно овладѣть очень небольшою областью науки, и сколько выигрываетъ наше знаніе въ объемѣ, столько оно неминуемо теряетъ въ глубинѣ...»¹⁾.

На чемъ же «настоящая» наука воспиталась? Изъ предыдущаго ясно — на отверженіи филологіи въ связи съ исторіей, затѣмъ, на отверженіи основъ старой науки, снисходительно титулуемой археологической, наукой «почтенныхъ археологовъ», основъ неосязательныхъ, и на подведеніи основъ «осязательныхъ» едино въ лицѣ новыхъ языковъ, въ мысли, что изъ обширной исторической науки объ языкѣ и его конкретныхъ представителяхъ вылупится непременно дисциплина естественно-историческая.

Но, все это отверженіе не болѣе, какъ своеобразный отголосокъ того броженія, которое испытываетъ въ настоящую минуту наука Сравнительной грамматики въ самой Германіи отъ извѣстнаго намъ направленія «юныхъ грамматиковъ». О направленіи этомъ мы говорили раньше по поводу «Морфологическихъ изслѣдованій» Остгоффа и Вругмана (см. 1878 г.). Мы говорили, что оно вызвано крайностью школы Шлейхера — необращеніемъ вниманія на психологическій моментъ въ жизни

¹⁾ Здѣсь же, 29. Не могу не привести еще послѣдующаго мѣста. Объясняя, что возможно одно непосредственное обращеніе съ источниками, онъ продолжаетъ: «Aber selbst dann, wenn wir Alles gethan, um uns gegen Irrthum zu schützen, müssen wir mit der grössten Bescheidenheit verfahren. Ich halte für ein erfolgreiches Studium der Sprachvergleichung auf arischem Gebiete eine gründliche Kenntniss des Sanskrit für eine conditio sine qua non. Hier muss, meiner Ansicht nach, der Mittelpunkt und Schwerpunkt aller unserer Forschungen sein und bleiben. Es ist aber unmöglich, bei einem wirklich kritischem Studium des Sanskrit zugleich den Riesenschritten der Lateinischen, Griechischen, Deutschen, Slavischen, Celtischen Philologie zu folgen. Hier muss man sich bescheiden und man muss lernen...» (30).

языка, развилось из школы знам Штейнталя; но оно — лишь поправка, контроль надъ нѣсколько односторонней разработкой языка въ старой школѣ одного Шлейхера, и потому явленіе желанное, какъ всякая серьезная критика. «Если, напр. говорить они, суффиксное окончаніе ии. ии. ἰπποι , equi на основаніи звуковыхъ законовъ не можетъ быть сведено къ тому же окончанію въ оскомъ пичлапис , гот. vulfōs , санскр. aśvā , и потому для насъ ясно, что одно изъ обоихъ образованій должно быть аналогическимъ новообразованіемъ, то слишкомъ ли смѣла наша атака, когда мы принимаемъ, что ἰπποι и equi образованы по способу иѣстоим. склоненія (праз. ta i отъ ta , санскр. te , гр. το i и т. д.)?» (см. «Морфол. изслѣд.» Остгоффа и Бругмана, XVIII). Ясно, что противъ такого контроля нечѣмъ возражать. Но также ясно, что въ силу одной своей роли контролеровъ «юнограмматики» не могутъ и думать объ отверженіи историческихъ основъ сравнительнаго языкознанія, да и не думаютъ. Они тѣже лингвисты Бопповой школы, но иного направленія. Въ силу той же своей роли, они необходимо должны остановиться на тѣхъ языкахъ, которые даютъ матеріалъ для контроля надъ старыми — на языкахъ новыхъ, но не языкѣ Чувашей или Чукчей. Они и говорятъ: «область языковъ германскихъ, романскихъ и славянскихъ есть именно та, на которой сравнительное языкоислѣдованіе самымъ надежнымъ образомъ можетъ добыть свои методологическіе принципы» (ib. VII). А чтобы не было ни тѣни сомнѣнія относительно ихъ взглядовъ на науку Боппа, мы приведемъ заключительныя слова Остгоффа и Бругмана въ ихъ рѣзкой критикѣ пріемовъ Шлейхера: «всѣмъ этимъ мы отнюдь не говоримъ, что цѣлое зданіе Сравнительнаго языкознанія, на-сколько оно уже воздвигнуто сегодня, должно быть низпровергнуто и возводимо заново, съ основанія» (ib. X).

Эта справка съ «юными» направленіемъ въ нѣмецкой наукѣ и уполномочиваетъ насъ считать импертигентность автора «Гуны» фальшивымъ отголоскомъ научнаго движенія въ Германіи, какъ и всю его постройку обвиненій. Его подиѣна

исторических основъ въ наукѣ о языкѣ у насъ возбуждаетъ удивленіе. Намъ ли, у которыхъ Сравнительное языкознаніе существуетъ едва что только не въ унив. Уставъ 1863 года, отвергать нѣмецкую историческую науку — Сравнительную грамматику Воппа, въ Германіи наука о языкѣ именно у себя дома¹⁾ — и въ мѣсто того чтобы перевести ее къ себѣ, легкомысленно къ ней относиться!? Намъ-то и не достаетъ европейскаго знанія. Въ Европѣ годы занимаются санскритомъ (Вѣды), зендомъ, нарѣчіями старой Греціи, Итали, а намъ препоручаютъ относиться къ этой великой работѣ образающаго человѣчества — съ высока.

Наконецъ, касаться ли уподобленія неосязательныхъ древнихъ языковъ неосязательному предмету астрономіи? Говорить ли, что астрономія, не смотря на неосязательность своихъ звѣздъ, обработаннѣйшая наука между точными?...

Обращикъ, и первый, настоящей науки вынудилъ насъ злоупотребить временемъ, чтобы объясниться откровенно. На сколько могутъ зашататься историческія основы старой, «негодящейся», науки послѣ «Гуны», читатель отвѣтитъ самъ. И будетъ ли эра, отвѣтитъ также.

¹⁾ Позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ изъ недавно вышедшей книги англійскаго лингвиста, А. Н. Сауса «Introduction to the science of language» (London 1880. 2 v.): онъ покажутъ, какъ дѣвать науку Германія въ Англіи, которая, съ нами согласится, не обдѣлена, не бѣдна наукой. «The German mind was already prepared to seize and unfold the consequences which resulted from the discovery of Sanscrit. It was a poet, Fr. Schlegel... All that was now required was some masterscholar who should continue the work begun by Schlegel, and establish on a deep and firm basis the edifice that he has reared. This master-scholar was found in Fr. Bopp. Bopp's work was confined to the more strictly scientific and inductive side of comp. philology, to the comparison of words and forms, and the conclusions we may infer therefrom: the metaphysical side of the science of language found an able expositor in W. von Humboldt...» (I, 48—50). Гумбольдта продолжали Поттъ, Штейнталь, а теперь «юные» грамматикки.

Но за первымъ обращикомъ послѣдовалъ и второй, во второй книжкѣ того же Варшавскаго журнала. Теперь выступилъ самъ учитель (стр. 265—344). Подъ именемъ лекцій по Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ (впрочемъ, пока начало), г. Водуэнъ-де-Куртенэ говоритъ о самыхъ элементарныхъ вещахъ—объ азбукахъ, употребляемыхъ Славянами, объ отношеніи буквъ въ данной азбукѣ къ выражаемымъ звукамъ и т. д.; но какъ? Въ этомъ, пожалуй, суть новой науки.

Беремъ на выдержку тѣ страницы, которыя, въ порядкѣ вещей, ближе всего русскому читателю—о нашей родной азбукѣ, при чемъ пишемъ ихъ сплошной строкой, а не въ видѣ театральной афиши.

Стр. 300—301. «Русская графика отчасти извѣстна, отчасти же будетъ изложена въ курсѣ русской грамматики.

Она сводится къ слѣд. формулѣ: $\frac{C}{L^c} > \frac{V}{L^v}$, гдѣ С согл., L^c

буква его обозначающая, V гласн., L^v буква, его обозначающая.

Примѣръ ла || ля. Здѣсь l или l'... имѣетъ изв. число свойствъ, обозначаемыхъ въ русской письменности (письмѣ?), n свойствъ.

Буква л обозначаетъ всѣ обозначаемыя свойства согл. — 1

(свойство твердости или мягкости, т. е. того или другаго раствора (!) надставной (!) трубы). Ergo: отношеніе психическихъ величинъ, соответствующихъ этимъ величинамъ языка и

письма, слѣд.: $\frac{\text{зв. } l}{\text{бук. } л} = \frac{\text{зв. } l'}{\text{б. } л} = \frac{n}{n-1}$, ergo: $\frac{l}{л} > 1, \frac{l'}{л} > 1$,

и т. д.... И такъ все до конца, въ томъ же «математическомъ»

вкусѣ. Предъ читателемъ самая математика, но по истинѣ грошевая.

Туману напущено. Но зато цѣлыя страницы полны невыразимой

наивности содержанія, напр. 269 — объ ижицѣ, или 277, гдѣ учено разрѣшается сложный научный вопросъ—

«какъ узнавать и опредѣлять принадлежность слав. книги по

внѣшности, по буквамъ?» Въ заключеніе этой математики идетъ

иная математика: здѣсь желающій можетъ познакомиться съ

экскурсіей и рекурсіей, комбинаціонной аффекціей, спонтанен-

ческой дегенераціей, съ когерентами, гомогенами, одно—и мно-

гопочвенными, компарентами, корреспондентами, дивергентами, коррелятивами и т. д.

Читатель вполне понимает, что действительно для такой, т. е. «настоящей», науки, къ чему санскритъ, зендъ и все то многообразное и глубокое знаніе, которое соединяется съ понятіемъ нѣмецкой и вообще европейской науки Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ?... И онъ не посѣтовалъ бы, если бы хроникеръ русской науки прошелъ мимо этой «настоящей» науки. Но—эта наука, съ своими «математическими» приемами, съ своимъ хаотичнымъ содержаніемъ, позволяетъ себѣ публично заявлять—она упраздняетъ и замѣщаетъ науку Боппа, науку европейскую, въ Россіи, т. е. именно тамъ, гдѣ этой науки почти еще не было, не смотря на самыя отеческія заботы универс. Устава 63 года. какъ разъ въ то время, когда въ Европѣ самая живая филологическая работа идетъ по изученію историческихъ основъ сравнительной науки Боппа—санскрита, зенда и пр., когда ею вызваны къ жизни цѣлыя новыя дисциплины... Не говоря о специальныхъ журналахъ, посвященныхъ изученію Востока, съ санскритомъ и зендомъ во главѣ, Нѣмецкаго Восточнаго Общества, Французскаго Азіатскаго Общества, Британскаго королевскаго Общества, намъ достаточно сослаться на работы бельгійскаго каноника de Harlez'a¹⁾, особенно многочисленныя, франц. лингвиста A. b. Novelaque'a²⁾, Вилг. Гейгера³⁾—по зенду, Ма-

¹⁾ Manuel de la langue de l'Avesta, grammaire, anthologie, lexique, Paris 1878 (114+243); Des origines du Zoroastrisme, P. 1879 (изъ Journ. Asiatique); Manuel du Pehlevi des livres religieux et historiques de la Perse. grammaire, anthologie, lexique, Paris 1880 (XII + 346); Avesta, livre sacré du Zoroastrisme, traduit du texts..., 2 éd., rev. et complétée, Paris 1880, и др.

²⁾ Grammaire de la langue zende, 2 éd., Paris 1878 (зроченъ, нѣ критика не одобрит.); L'Avesta, Zoroastre et le mazdéisme, P. 1880 (521).— 4 томъ «Les littératures de l'Orient».

³⁾ Handbuch der Awestasprache, Grammatik, Chrestomathie und Glossar, Erlangen 1879 (XII + 359). Авторъ прив. доц. Эрланг. ун.—та. Такіе труды въ Германіи прокладываютъ дорогу къ университетской кафедрѣ Срав. грам.—ки индо-европ. языковъ.

rius Fontane'a¹⁾ по популяризації Вѣдъ, Dozon'a,²⁾ Louis Benloew'a³⁾ по языку Албанцевъ (Шкипетаровъ — послѣдніе остатки старыхъ Иллировъ). Фонетика стала предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій физиологій, напр. у F. Teschner'a⁴⁾.

Конечно, можно изощрять себя и въ свободныхъ схоластическихъ упражненіяхъ; но Сравнительная грамматика въ Россіи нуждается прежде всего въ пересадкѣ европейскаго знанія, во всемъ его объемѣ и многообразіи. Г. Водуэнъ-де Куртенэ посылаетъ свое глубокое пренебреженіе нѣмецкой наукѣ о языкѣ за то, что органы ея отказали дать мѣсто у себя «философскому» введенію въ «Гуну» г. Крушевскаго: «вѣроятно, потому, что высказываніе новыхъ мыслей въ области нѣкоторыхъ наукъ считается тамъ привилегіей лицъ, принадлежащихъ къ извѣстному кружку; впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, отъ подобныхъ обобщеній ничего не выигрывается» (Р. Фил. В., 1881 № 2, 339, пр., въ послѣднихъ словахъ вылазка противъ замѣчанія ак. Ягича — «Archiv», V, 331). Излишне замѣчать, что время—менѣе всего навивничать: время—дать мѣсто сколько-нибудь чувству самоуваженія.

Наука о языкѣ давно опредѣлила путь и средства своего развитія въ будущемъ: но то и другое не казанскаго изготовленія. Они указаны напр. въ заключительныхъ словахъ знаковой намъ книги итальянца Пецца — «Glottologia Aera recentis-

¹⁾ Inde Védique. de 1800 à 800 av. J. C., Paris 1881 (VII + 432). И знаніе, и живое изложеніе; для провѣрки соответственнаго труда Н. Zimmer'a: Altindisches Leben (1878).

²⁾ Manuel de la langue Chkipe ou Albanese, Paris 1878.

³⁾ Analyse de la langue Albanaise, étude de grammaire comparée. Paris 1879 (XIV + 262). Старый профессор оригиналонъ; Венлѣ задался мыслью, что, въ строгомъ и прямомъ значеніи слова, албанскій языкъ не семья индоевропейской.—Прибавимъ: Jarník J. U. Zur Albanischen Sprachenkunde, Leipzig 1881 (отрывки, съ грамматическими замѣчаніями, въ системѣ).

⁴⁾ Phonetik. Zur vergl. Physiologie der Stimme und Sprache, I, Text und Anmerkungen, II, Atlas, Leipzig 1880. Авторъ только доцентъ «für allgemeine Sprachwissenschaft».

зіта». «Какъ бы то ни было, заключаетъ знаменитый британецъ, но сразу же видно, что въ послѣднее десятилѣтіе (авторъ занять успѣхами языкознанія 1867—1877 годовъ) съ живомъ и постоянною энергіей продолжается чудная работа предшествующихъ пятидесяти лѣтъ, то въ видѣ новыхъ розысканій на полѣ, уже извѣданномъ, то въ изслѣдованіи частей, еще не тронутыхъ, и всегда съ правильнымъ методомъ, и не рѣдко съ довольно отряднымъ успѣхомъ. Но этимъ мы не желаемъ скрывать, что высшія проблемы арійской глоттологіи еще не могутъ считаться разрѣшенными. Однако пріобрѣтенія, сдѣланныя столь быстро въ царствѣ истины—несомнѣнное ручательство болѣе блестящихъ успѣховъ въ будущемъ. Дѣйствительныя орудія побѣды заключаются особенно въ точномъ изслѣдованіи языка Вѣдъ, въ изслѣдованіи языковыхъ типовъ, наиболѣе близкихъ къ арійскому, въ изученіи наукъ, которыя наиболѣе приближаются къ лингвистикѣ, главнѣйше, извѣстныхъ частей физиологіи и настоящей психологіи, въ вѣрности тому строгому методу, которому столькимъ обязана современная наука о языкѣ (*la glottologia odierna*), при которомъ она не можетъ быть когда-либо потрясена и отъ котораго она не будетъ мочь когда-либо отказаться безнаказанно, и эта чистая и разумная любовь къ истинѣ удержитъ съ одинаковою силою, какъ отъ слѣпаго довѣрія къ результатамъ прошлаго изученія, такъ и отъ неразумнаго хотѣнія незрѣлыхъ новшествъ» (185).

XI.

Пополненія къ двумъ послѣднимъ предварит. статьямъ систематическаго обзорѣнія «Опыта» — объ изученіи русскаго языка, славянскихъ письменъ — идутъ въ томъ же порядкѣ.

§ 57 (40-ые годы).

Зеленецкій К., Система и содержаніе философскаго языкознанія съ приложеніемъ къ русскому языку. Конспектъ

чтеній (въ Ришельевскомъ Лицеѣ). С.-Пб. 1841 (56). Для своего времени любопытная книга трудолюбиваго перваго Одесскаго слависта.

Костырѣ, Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка, Кіевъ 1848 (V+277). Начало — лекціи перваго семестра. Обширный, но многословный трудъ: пока одна критика теоретическихъ положеній Павскаго, извѣстнаго разсужденія г. Каткова и несоотвѣтствующій значенію предмета обзоръ этимологическихъ приѣмовъ Шишкова, «работъ» его—больше половина книги.

§ 62 (50-ые годы).

Пацлонскій И., Филологическія замѣтки. О русскомъ языкѣ въ связи съ церковно славянскимъ и другими славянскими нарѣчіями. 1 разсужденіе. С.-Пб. 1854 (62 и таблица). Начато подъ видимымъ вліяніемъ «Мыслей» Срезневскаго; но авторъ ограничился составомъ славянской азбуки. (Изъ Ж. М. Нар. Пр.?).

Говоря о движеніи грамматической науки въ 50-хъ годахъ, нельзя безъ сочувствія не вспомнить книги г. Стоюнина «Высшій курсъ русской грамматики» (С.-Пб. 1855, 2 изд. 1867). Своей предшественницей книга г. Стоюнина имѣла одну акад. грамматику Давыдова, и какая разница. Цѣль ея—строга педагогическая—составить курсъ, сколь возможно сжатый и вмѣстѣ полный, по русскому языку для высшихъ классовъ, и теперь не потеряла цѣны Хотя Давыдовъ и утверждалъ, что «полезное вліяніе этого акад. изданія (т. е. грамматики) выразилось въ Высшемъ курсѣ рус. гр.—ки Стоюнина» (Предисл. къ юб. изд. гр.—ки Ломоносова), но это вліяніе — неудовимо.

§ 68 (Разработка частныхъ вопросовъ).

Ables W., Gedanken über Natur- und Wortpoesie der russischen Sprache, Berlin 1863. Безтолковая этимологическая работа. См. рец. Шлейхера въ «Beiträge», III 382.

Schleicher A.,—Va,—vo=ursp. sja als endung des g. s., тамъ же, IV 127.

Его же, Ein rest des imperf. in der russ. umgangs-
sprache, тамъ же, V 209.

Некрасовъ Ник., О видахъ русскаго глагола. М.
1867. Знаменитѣйшая монографія, вызванная Ист. грам. Бу-
лаева Первая въ обширныхъ размѣрахъ попытка освѣтить
крупнѣйшее явленіе славянскаго глагола — на основаніи ука-
заній роднаго языка. Недостатокъ историко-сравнительнаго
элемента.

Bistrom W., Das russische volksepos, I, въ «Zeit-
schrift für völkerpsych» V (1868), 180—205. Стилистика
народной русской рѣчи.

Malinowski Luc., Über die endung des g. s. m.
n. der pronominalen und zusammengesetzten declination
im russischen und kaschubischen, въ «Beiträge» Шлей-
хера, VIII (1874), 356 — 63.

Вестфаль Р., Основы и времена русскаго глагола,
«Рус. Вѣстникъ», 1876 октябрь. Пока въ самыхъ общихъ
чертахъ результаты сравнительнаго изслѣдованія формъ рус-
скаго глагола непосредственно съ точки зрѣнія Сравнительной
грамматики арійскихъ языковъ, и поразительные, извѣстнаго
нѣмецкаго лингвиста. Поучительное чтеніе для каждаго.

Leskien A., Das russ. двумя, тремя — въ Архи-
вѣ Ягича I, 56—59.

Черный Э., Объ отношеніи видовъ русскаго глагола
къ греческимъ временамъ. С.-Пб. 1877 (оттискъ изъ Ж. М.
Н. Пр.). Практическое приложеніе мыслей Смита, Н. Некра-
сова и др. къ преподаванію греческаго языка (синтаксиса).
Подобранный матеріалъ весьма цѣненъ.

Grot J., Ueber die Natur einiger Laute im Russi-
schen, въ Архивѣ Ягича, III, 138 — 751.

Korsch Th., Weitere Beobachtungen über die Aus-
sprache des Russischen, тамъ же III, 666 — 84.

§ 69 (Труды по исторической лексикографіи).

Brückner Alexander, Litu-slavische Studien. I Theil,
Die slavische Fremdwörter im Litauischen, Weimar 1877

(XIV + 208). Образцовый трудъ, по богатству содержанія и изложенію. Въ введеніи авторъ разсматриваетъ вопросы: какъ, когда и изъ которыхъ славянскихъ языковъ явились славянскія заимствованія въ литовскомъ. Для этого онъ разсматриваетъ историческія отношенія Литвы къ сосѣдямъ, а это значитъ, главнымъ образомъ къ Русскимъ, и приходитъ къ основному выводу: «покоритель потерялъ свою духовную самостоятельность и сдѣлался рабомъ покореннаго (т. е. русскаго народа) въ области культуры» (5). Затѣмъ, предлагается критерій для опредѣленія источника славянскихъ заимствованій (25 и сл.). Вторая часть — словарь заимствованныхъ словъ — 66—197.

§ 71 (Областные нарѣчія).

Зеленецкій К., О русскомъ языкѣ въ Новороссійскомъ краѣ, Одесса 1855 (брошюрка, по порученію попечителя Демидова).

Diefenbach L., Die ofenische Sprache, въ «Beiträge» Шлейхера, IV (1864) 328 — 41.

Григоровичъ В. И., Записка антикварія о поѣздкѣ его на Балку и Балмюсъ..., Одесса 1874 (48 + VI). Языкъ Татовъ, по Григоровичу = стариннъ Сурожанамъ = офенямъ (словарчикъ).

О малорусскомъ нарѣчій и его подрѣчійхъ въ «Описаніи» слишкомъ мало указаній. Остановимся на русскомъ языкѣ Прикарпатскаго края — въ Галичинѣ съ Буковиной и Сѣв. Венгріи, языкѣ знаменитыхъ Лемковъ, Войковъ и Гуцуловъ. Авторъ упоминаетъ о «Росправѣ» Я. Головацкаго 1849 г. и этнографическихъ трудахъ Срезневскаго 50-хъ годовъ; но этого мало.

Нельзя не упомянуть прежде всего мѣстныхъ русскихъ грамматикъ, начиная отъ старѣйшей, старика Лучкаля (Gr-sa slavo-ruthena, Budaе 1830), и кончая Осадцой, Партыцькимъ. Въ нихъ или исключительно, или преобладаетъ мѣстная рѣчь. Съ особеннымъ вниманіемъ читатель остановится на книгѣ Юсіафа Левицкаго, еще 1834 года — «Grammatik

der ruthenischen oder kleinruss. Sprache in Galizien» (Przemysl): «по возможности, говорить авторъ, я стараюся дать свѣдѣнія обо всѣхъ сторонахъ мѣстнаго нарѣчія» (XX). Труды эти мы не перечисляемъ, такъ какъ списокъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ краткой характеристикой каждаго, въ нашемъ первомъ «Отчетъ изъ-за границы» (49—51). Въ томъ же «Отчетѣ» имѣются посильныя наблюденія надъ языкомъ Войковъ (серединныхъ горцевъ), 40 — 46, и малорусскія крупяны, собранныя въ полуистлѣвшихъ, и грязненныхъ пергаменныхъ листкахъ, находимыхъ по церквямъ и монастырямъ Галичины, и въ немногихъ цѣльныхъ рукописяхъ, такъ XII—XIII вѣка, 3—18.

Далѣе, авторъ «Опыта» имѣлъ упомянуть о богатыхъ наблюдательностью надъ рѣчью русскихъ Галичины и Венгрии отчетахъ Срезневскаго за время его странствованій тамъ (въ Ж. М. Н. Пр. ч. XXXI 1841 г., ч. XXXVII 1843 г., ср. нашу «Записку о путеш. въ слав. земли» Одес. 1874. 21, прим.), и этнографическихъ статьяхъ почти того же времени и по тому же предмету Галичанъ Вагилевича и Головацкаго въ «Часописѣ Чешскаго Музея» (1833, 1839 и 1841 г.; 1841 и 1842 г.). Статья Вагилевича Гупулахъ была переведена въ «Пантеонѣ» Бони, 1855 г. май, сѣсь, 17—56, П. П. Дубровскимъ. Ср. и Н. А. Попова «Русское населеніе по восточному склону Карпатъ», и свѣжій матеріалъ, въ Моск. Ун. Извѣстіяхъ, 1866—67 № 7, 511—40, и статьи Гануша (?) въ «Ńtení ročníka zábavné», III, Врно (1858) 1867. Такъ какъ Галицкія Венгерскіе Русскіе — это крайній форпостъ русскаго народа на Западѣ, по этому историческое измѣненіе русской этнографической границы тамъ въ высшей степени интересно для русской діалектологіи. Вопросы этого впервые коснулся упомянутый

Zubrzycki Dion., Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien, Lemberg 1849 (39). Тогда же и по польски. Попытку того же рода по истории

кому измѣненію югозападной русской границы см. въ нашемъ первомъ «Отчетѣ», 51—68.

Указатель малорусскихъ словарей долженъ быть пополненъ:

Павловскій Ал., Грамматика малороссійскаго нарѣчія, С. Пб. 1818 (VI+114). Стр. 24—77 «Краткій малороссійскій словарь», 78—86 «фразы, пословицы». Ср. его же «Прибавленіе къ грамматикѣ малорос. нарѣчія или отвѣтъ на рецензію, здѣланную на оную грамматику», С.-Пб. 1822 (34).

Приручный словарь славено-польскій, Львовъ 1830. Незвѣстнаго. Ср. нашъ первый «Отчетъ», 46, прим.

Шейковскій В., Бытъ Подолянь, Кіевъ 1861, 2 вып. Дорогія книжки. Пѣсни, обряды и словарчикъ. Уважаемый авторъ (въ Мензелинскѣ, инспекторъ прогимназіи) продолжаетъ свои лексическія работы по малорусскому нарѣчію.

Піскуновъ Фортунатъ, Словниця Української або юговоі руської мови, Одесса 1873 (IV+136). Матеріалъ не великъ, но вообще годенъ. За то изданъ свободно (безъ указанія мѣстъ), въ вычурномъ порядкѣ, шрифтомъ афишъ, а самъ собиратель, съ убогими историческими и другими свѣдѣніями, не безъ притязаній на Бука.

Левченко М., Опытъ русско-украинскаго словаря, Кіевъ 1874. Красивое изданіе, богъ вѣсть для кого и для чего.

Верхратскій Иванъ, Знадоба до словаря южно-рускаго, Львовъ 1877 (II+88). Небольшой, но самостоятельный и научно обработанный трудъ, съ указаніемъ мѣста и производства.

Въ заключеніе позволимъ себѣ напомнить про обширный историко-сравнительный словарь русскаго языка Львовскаго каноника А. С. Петрушевича — плодъ 40-лѣтняго труда, — но, къ сожалѣнію, давно готовый (уже въ 70 годахъ), онъ все ждетъ къ себѣ вниманія. Богатая мѣстная русская рѣчь исчерпывается вся. Карточекъ-словъ тысячъ 100. Старшій братъ автора, Михаилъ, пок. приходникъ въ селѣ Печеньжичѣ (Коломыйск. окр.), оставилъ по себѣ также рукопись словаря, но болѣе церковнаго, книжнаго характера.

Мы шли въ виду русскую рѣчь Галичины и Венгріи. Но не забудемъ, что, стиснутая въ настоящую минуту въ горы, она въ старь дальше сгала — на югъ отъ Карпатскаго хребта—по равнинѣ Венгерской, въ Молдавію, а можетъ быть и въ Трансильванію. Почти на нашихъ глазахъ «русская» рѣчь, весьма своеобразная, замерла въ горныхъ ущельяхъ Трансильваніи — такъ въ 20, 30-хъ годахъ. Когда знаменитый нашъ историкъ-этнографъ, Н. И. Надеждинъ, въ 1840 году свернулъ въ Трансильванію, онъ засталъ тамъ уже, правда свѣжую, но могилу надъ только что скороченными «рускими» людьми. «Въ Трансильваніи, говоритъ онъ, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокахъ Ольты, между Руминами, Мадяро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются русскими, жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, говорили еще между собой по русски»¹⁾. Прибавимъ, что и у своихъ сосѣдей жители этихъ селъ, на-сколько позволяютъ прослѣдить себя историческіе памятники Трансильваніи, всегда назывались Русскими. Былъ одинъ русскій счастливецъ, который этихъ Русскихъ могъ видѣть (и, вѣроятно, видѣлъ) еще въ живыхъ — это ак. П. Кеппенъ, но, къ сожалѣнію, не воспользовался счастьемъ. Онъ былъ въ Германштадтѣ и въ тѣхъ ущельяхъ въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ я, кажется, за тѣми Русскими. «Въ 1821 году я, рассказываетъ Кеппенъ, сдѣлалъ первый опытъ этнографической карты Россіи, обозначивъ на сборномъ листѣ Подробной карты Оперманна границы Эстовъ, Латышей и Литовцевъ, равно какъ и области распространенія Черно-русскаго и Карпато-русскаго нарѣчій. Эта карта сопутствовала мнѣ за-границей (1822—24), и съ ней я познакомилъ въ Петроварадинѣ П. Шафарика (22 іюня 1822)». Но, увлекшись Литвой, Кеппенъ оставилъ Русскихъ въ Галичинѣ какъ разъ въ ту минуту, когда собирался опредѣлять ихъ за-

¹⁾ «О путешествіи по южно-слав. землямъ», въ Ж. М. Н. Пр. 1842, ч. 34, 103.

надную границу. «За границей, продолжаетъ старикъ Кеппенъ, идѣ больше я занимался древностями, естественно, немного матеріаловъ я могъ собрать для знакомства съ русскими нарѣчіями. Но совершенно съ пустыми руками я ея не оставилъ, такъ какъ и изъ Вѣны, и изъ Германштадта мнѣ удалось кое-что вывезти»¹⁾... Въ глубокому же прискорбію, это «кое-что—русское—изъ Германштадта», т. е. изъ Трансильваніи, такъ и осталось неизвѣстнымъ для русской науки, за семью замками, и по сегодня, т. е. почти 60 лѣтъ. По возвращеніи изъ за-границы, Кеппенъ счелъ нужнымъ издать «Literärnotizen betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialekte in Ungern und Siebenbürgen» (Sptb. 1826, 32), а важные славянскіе матеріалы оставилъ въ сторонѣ: «da ich über die Dialekte des Slawischen, welche in Ungern gesprochen werden, bey einer andern Gelegenheit zu handeln hoffe...», говоритъ Кеппенъ въ этой брошюрѣ (4). Но, увы! этого случая никогда не было. Кажется, бумаги Кеппена остались въ Академіи: какъ было бы желательно для русской науки найти межъ нихъ это «кое-что изъ Германштадта». А теперь русская діалектологія для воскрешенія «русскаго» нарѣчія въ ущельяхъ Трансильваніи должна ограничиться рукописью 1803 года, чтó въ Пештскомъ Музеѣ, рукописью-копией 1830 года, изданною ак. Миклошичемъ, да топографической номенклатурой Трансильваніи и крупницами въ латинскихъ актахъ мѣстной исторіи съ XII вѣка, отчасти румынскими языкомъ на мѣстѣ (тѣ Русскіе перешли въ Румынію).

Авторъ «Опита» опустилъ отдѣлъ русской акцентуаціи. О значеніи ударенія скажемъ словами М. Мюллера: «раньше считали удареніе, какъ нѣчто позднее, искусственное, чисто грамматическое; сравненіе языковъ показало, что оно столь

¹⁾ Изъ письма Кеппена къ ак. Кунки 17 февр. 1861 года, т. е. незадолго до смерти, въ «Bulletin de l'Académie» III, p. 508.

старо, какъ языкъ самъ — его удачно назвали душой слова («Über die Resultate...» 17). Работъ не много, а потому работы много¹⁾.

Puchmayer Jar., Lehrgebäude der russ. Sprache, Prag 1820 (стр. 13—51).

Bopp Fr. Vergl. Accentuationssystem des sanskr., griech., litauischen und slavischen, Berlin 1854. Славянскій = великорусскому.

Kaуssler L., Die Lehre vom russischen Accent, mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen, Berlin 1866.

Ганкевичъ Кл., Системъ голосоударенія въ языкахъ: санскритскомъ, греческомъ и русскомъ, Черновцы, 1875.

Hankiewicz Cl., Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent, въ Архивъ Ягича II, 110—25, 289—96.

Verchratskij I., Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen, тамъ же III, 381—412.

Вестфаль Р., О русской народной пѣсни, Русскій Вѣст. 1879, сент. 111—154. Собственно о формахъ развѣра русской пѣсни сравнительно съ просодіей греческой и санскритской; косвенно и объ удареніи.

§ 73.

Отсюда идетъ изученіе славянскихъ письменъ (кнр. и глаг.). Статьи этого отдѣла отличаются обычной полнотой; только такъ, болѣе въ интересъ любознательности библіофила, мы дѣлаемъ два — три указанія.

Зеленецкій Б., О глагольской азбукѣ и письменности, 17 стр., оттискъ изъ Одесскаго Вѣстника 1853 г. Добросовѣстное изложеніе состоянія вопроса въ то время.

¹⁾ «Die heutige russische Betonung ist, wie allgemein anerkannt, höchst alterthümlich, so sehr, dass sie sicher in sehr vielen Fällen als die prelavische gelten kann...» («Архивъ» Ягича, III, 704).

Hattala M., Glagolice, ст. въ Чешскомъ энциклопед. Словарѣ (Naučný Slovník) т. III (1863 г.) 398—403.

Григоровичъ В. И., Записка объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣстровскаго побережья, Одесса 1872 (12). О кирилловскихъ надписяхъ въ пещерахъ по Реуту въ верхней Бессарабіи.

Григоровичъ В. И., Славянская азбука, Одесса 1876 (?), таблица кирилловскихъ и глагольскихъ буквъ (литогр.), сдѣланная рукой самого автора. Противъ каждаго знака кирилловской азбуки (форма изъ старѣйшихъ рукописей) рядъ глагольскихъ знаковъ даннаго звука, самой разнообразной формы, т. е. тщательно заимствованныхъ изъ древнѣйшихъ глагольскихъ рукописей круглаго письма. При а, б, и—по шести глагольскихъ начертаній (2 экземпляра этой азбуки получены нами отъ пок. профессора предъ отъѣздомъ его въ Елисаветградъ). При справкахъ о формѣ глагольскихъ буквъ—надежный руководитель.

Успенскій Порф. (еп.), Отрывки изъ путешествія въ Афонскіе монастыри и скиты въ 1846 году, изъ Трудовъ Кіевской Д. Ак., 1877, IV, 79—110. О трехъ якобы слав. азбукахъ и трехъ Кириллахъ, слитыхъ во-едино.

Гейтлеръ А., Шесть листовъ снимковъ съ латинскихъ надписей Хорватской глаголицы изъ Далмат. острововъ, XI—XVI вѣка. Старѣйшія надписи—круглаго типа. Отлитографованы снимки отчасти при «Starinah» т. VII, отчасти при «Археологич. Вѣстникѣ» (въ Загребѣ, подъ ред. ак. С. Любича, съ 1878 года). Открытіе круглой хорватской глаголицы важный фактъ. Въ слову прибавимъ, что глаголица, и круглая, была, вѣроятно, извѣстна и русскимъ писцамъ Галициемъ, въ XII—XIII в. (ср. нашъ первый «Отчетъ», 5).

Въ заключеніе этой статьи — матеріаловъ для исторіи славяновѣдѣнія, вызванной рѣдкимъ въ библиографической литературѣ трудомъ — «Библиологическимъ опытомъ» проф. Кот-

ляревскаго, мы спѣшимъ выразить сердечнѣйшія пожеланія, чтобы уважаемому автору разрушенное его здоровье дозволило привести къ желанному концу задуманное имъ дѣло: «никогда въ виду, писалъ онъ намъ 14 февраля, переиздать Опытъ какъ введеніе къ большому труду — Объ изученіи древней русской литературы. Теперь такимъ же порядкомъ начинаю печатать Исторію изученія русской народной поэзіи»¹⁾).

1-го Октября 1881 г.
Одесса.

¹⁾ При напечатаніи настоящаго труда только въ немногихъ мѣстахъ текста мы дѣлали прибавленія—они видны сейчасъ же.

Невольное послѣсловіе.—Когда мы дописывали заключительныя строки, не чувствовалось, что глубокочтимый авторъ «Библиол. опыта» уже лежалъ въ гробу... Сердечное, глубокое уваженіе и долгъ признательной пріязни къ человѣку, который съ первыхъ дней знакомства въ Прагѣ (сент. 1874) оказывалъ намъ—яже не достояше—самое теплое расположеніе и одобряющую дружбу, указываютъ намъ посвятить дорогой памяти одного изъ талантливейшихъ дѣятелей русской науки эти послѣднія строки.

Скиталець, обычно невольный, въ теченіе своей довольно непродолжительной жизни (род. 1835, въ Брюковѣ), скитальцемъ онъ и заключилъ свое поприще земное—вдали отъ любимой имъ родной земли, среди чужихъ, едино на рукахъ свбего друга-жены, всю жизнь дѣлившей и его радости—немногія, и горе—многое.

Правда, мысль о находившей минутъ разлуки съ нашей юдолью скорьби не была гостью неожиданною: съ ней онъ свмься давно, къ ней онъ притотавлиалъ, нерѣдко, шутя—а добрая шутка была спутникъ его духа—и присныхъ себѣ. Уѣзжая въ послѣднее путешествіе за границу, онъ прощаясь писалъ намъ (8 мая): «Недугъ гонить меня въ Европію—городокъ Reichenhalle... Хочется вѣрить, что еще увижу въ семъ мірѣ». Но тонъ послѣдняго къ намъ письма—изъ Рейхенгалле, 20 авг., добродушный, веселый, исполненный шутокъ, предъ наставшимъ, наконецъ, освобожденіемъ отъ «нѣмецкой кухни»: «лихорадка прекратилась и кровензлінія какъ-то

утишились» — удалилъ было всякую мысль о близости опасности. Но увы! недолго было наше успокоеніе. Съ небольшимъ мѣсяцъ послѣ тѣхъ строкъ, и онъ — уже въ Пизѣ — упокоился, истинно, сномя праведника (29 сентября). За часъ до смерти выходилъ на балконъ, велѣлъ подавать обѣдъ, кушалъ съ аппетитомъ, много острялъ и затѣмъ вдругъ поблѣднѣлъ... Минуть черезъ пять онъ началъ замѣтно страдать — «дышать не могу»... Минуть черезъ 10 онъ умеръ, не сознавая опасности. Но еще минуты за двѣ до этого онъ просилъ затворить окно и балконъ, говоря: «я потный, простужусь»¹⁾... Это были его послѣдніе звуки на землѣ — а какъ нужно было ему еще жить и жить...

Не много жилъ пов. Александръ Александровичъ, не многое успѣлъ сдѣлать, — но это немного оставило дорогіе, неизгладимые слѣды на страницахъ русской науки.

Если мы пробѣжимъ его научно — литературную (критическую) дѣятельность, начавшуюся очень рано, почти на студенческой скамьѣ — въ концѣ 50-хъ годовъ («Старина и народность» — одна изъ первыхъ критическихъ монографій — сейчасъ же указала его научныя симпатіи), не одна крупная черта его духовной особыности останавливаетъ наше сочувственное и благодарное вниманіе.

Старина и народность — вотъ та живая область, въ которой сосредоточивались интересы Александра Александровича. «Я хочу не только строить домъ, но и жить въ немъ», обыкновенно повторялъ онъ слова любимца своего, Я. Грима, опредѣляя свое научное направленіе. Онъ занимался языкомъ не для языка, а чтобы имѣть средство для проникновенія въ заманчивый и поучи-

¹⁾ Изъ сообщенія Е. Е. Котляревской, за которое почтительнѣе всего приносимъ искреннѣйшую благодарность.

тельный сумракъ давно минувшей жизни человѣчества. Онъ былъ славистъ-филологъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Школа знаменитаго учителя, Ѡ. И. Вуслаева, послужила ему для знакомства съ филологіей нѣмецкой. Въ ней онъ, естественно, остановился и прильпился къ главѣ ея — Яв. Гриму, чтобы въ русской наукѣ работать въ направленіи Гримма¹⁾).

Чтобы успѣшно дѣйствовать въ обширной, но шаткой, области народной старины и быта, съ ихъ почти ежедневно растущимъ матеріаломъ, необходимо соединять обширное общее образованіе съ специальнымъ—филологическимъ, соединять знаніе съ критическимъ, острымъ умомъ. Эти требованія совмѣщались въ покойникѣ, какъ не часто въ комъ.

Дѣйствительно, народное творчество съ воспомина-ніями языческой поры, славянское язычество въ его бытѣ, нашли въ Александрѣ Александровичѣ примѣрнаго критическаго изслѣдователя — съ знаніемъ, съ методомъ и результатами.

Извѣстно, какъ соблазнительна и опасна «шаткая» область миеологій: заманчивость живой новизны, свобода истолкованія.

Въ противоположность направленію Аванасьева — громоздить матеріалъ на матеріалъ, связывая его непрочнымъ цементомъ внѣшняго, случайнаго сближенія, покойникъ сообщалъ немного—необходимое, что имѣло прямое и ясное отношеніе къ дѣлу, давая мѣсто лишь осмотрительнымъ догадкамъ. Отсюда, въ туманной, съ расплывающимися

¹⁾ «Дать 20 тому назадъ, изучая «Нѣм. Миеологію» Гримма, я, говоритъ Ботляревскій, составилъ для себя подробный указатель къ ея славяно-литовскому матеріалу. Переглядывая его теперь, не могу не изумляться богатству этого матеріала»... (По поводу 4-го изд. того соч. Гримма).

очертаніями области его мнѣологическія основанія отмѣчены ясностью и опредѣлительностью. Одинъ примѣръ. Онъ устанавливаетъ образованіе и характеръ мнѣ. «Каждый актъ мнѣическій и вообще дѣйствительно художественнаго творчества есть вмѣстѣ актъ познанія... Мнѣическій образъ не выдумка, не сознательно-произвольная комбинація имѣвшихся въ головѣ данныхъ, а такое ихъ сочетаніе, которое казалось наиболѣе вѣрнымъ дѣйствительности. Мнѣеъ можетъ быть усвоенъ народомъ только потому, что пополняетъ извѣстный пробѣлъ въ системѣ знаній. Гдѣ есть научныя свѣдѣнія, тамъ нѣтъ мѣста мнѣамъ» («О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ» 12 — 13). Система мнѣевъ — система науки. Дорожныя обращенія реальнаго толкованія темныхъ преданій можетъ служить и кратенькій этюдъ: «Das erste Zusammentreffen der Menschen mit Riesen» (въ «Archeolog. «Späne»).

Онъ выступалъ рѣдко съ печатнымъ словомъ. Чаще вызывался работами другихъ. Отсюда онъ являлся съ словомъ критика, и властнаго. Какъ хозяинъ въ мнѣологій, онъ указывалъ тогда приемы и путь мнѣологическаго изслѣдованія, а не «призраковъ». Таковы его двѣ статьи въ присужденіи Увар. наградъ: «Къ вопросу объ обработкѣ славянскои мнѣологій» (С.-Пб. 1872), по поводу Аванасьева. Какъ проста и мѣткая его характеристика первой мнѣологической школы Гримма, теории М. Миллера, уясненіе двухъ главныхъ задачъ Сравнительной мнѣологій (внизъ и вверхъ), сущности мнѣологическихъ воззрѣній, какъ «первыхъ формъ мысли» человѣка и пр.

И другую область—реальную область быта—любилъ онъ не менѣе. Онъ зарывался въ старинѣ, въ началахъ нашей человѣческой гражданственности. Выборъ

этотъ указало ему какъ влеченіе сердца, воспитаннаго на Гримиѣ, свободное, безъ принужденія, такъ и интересы ума. Правда, однажды онъ писалъ намъ (30 авг. 1880), что «хотя иногда—зачѣмъ скрывать—и ворчу я, что вы измѣняете старой любовницѣ, наукѣ, а въ сущности сочувствую вамъ, потому что самъ лишень всякаго бѣнія современной жизни: болѣзни, все возрастающія, исключили меня изъ общества, ухажу болѣе и болѣе въ пещеры науки, а иногда становится страшно: что какъ окаменею и стану живыхъ мертвецомъ»... Но одна рѣчь объ этой опасности указываетъ, что на дѣлѣ онъ былъ далеко отъ нея. Это напрасное самостращаніе достаточно опровергается быстрою отзывчивостью его къ жизни въ виду того или другаго обстоятельства, напр., когда ему приходилось посвящать благоговѣйныя строки памяти Григоровича, Водянскаго (см. «Слав. Ежегодникъ» Задерацкаго 1877 г., 315, 1878 г., 351), не говоря о другихъ жгучихъ вопросахъ, которыхъ не мѣсто здѣсь касаться. Да и въ томъ же письмѣ онъ продолжаетъ: «что привезли изъ-за границы... Разумѣю, научнаго..., ибо во все иное не вѣрю и къ нему равнодушенъ». Тутъ-то онъ говорилъ правду. Такимъ, «не вѣрующимъ», мы его знавали всегда. Онъ вѣрилъ и исповѣдывалъ одну науку, ея высокую нравственную силу, и потому политики сторонился..

Кромѣ мелкихъ археологическихъ работъ, замѣтокъ, критикъ, всегда интересныхъ, покойный извѣстенъ какъ авторъ первыхъ обширныхъ историко-сравнительныхъ трудовъ по бытовой старинѣ славянской: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ» и «Древности юридическаго быта Балтійскихъ Славянъ, опытъ сравнительнаго изученія права», трудовъ, и первыхъ, и образцовыхъ.

Въ своихъ «Погребальныхъ обычаяхъ» авторъ видитъ одну переборку уже извѣстнаго. Но эта переборка въ результатѣ, удаливъ гаданія изъ области дѣйствительности, дала намъ первую главу будущей «Славянской миеологiи». Предъ нами «живой и вѣрный образъ прошедшаго», трудъ, полный «убѣждающей, поучительной силы». Нѣмые свидѣтели старины несутъ отовсюду живыя, нелицепріятныя показанія, и сѣдая старина воскресаетъ. Только чедовѣкъ, съ глубокимъ умомъ и широкимъ образованіемъ, каковымъ былъ повойникъ, въ состояніи освѣтить, дать высокой исторической интересъ такому обыденному явленію, какъ погребальный обрядъ. Къ нему позволю прилѣпить его же характеристику К. Вера: «Варъ вышелъ изъ той широкой многосторонней школы естествоиспытателей, которая теперь становится преданіемъ, изъ школы, воспитавшейся подъ вліяніемъ могучихъ идей энциклопедизма»... (Изъ чтеній въ Общ. Нестора, 19 дек. 1876).

И въ послѣднемъ (по времени) трудѣ своемъ, посвященномъ внутренней жизни Славянъ, самыя вѣшнія, политическія отношенія которыхъ намъ такъ скудно извѣстны, Александръ Александровичъ остается въ той же роли инициатора, руководителя. Какъ художникъ въ мозаикѣ, и онъ искусной рукой собираетъ скудныя отрывочныя данныя, помогаетъ себѣ, вводя въ дѣло сравненіе, и, очистивъ, приготовивъ изъ нихъ матеріалъ, творить живыя, новыя страницы изъ похороненной исторіи давно погибшаго племени. «Не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность—составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ», опредѣляетъ онъ свой трудъ, и

онъ достигъ цѣли. И тутъ Виргилиемъ его былъ тотъ же Гриммъ: «мы стремились обработать тѣсный участокъ славянскаго юридическаго поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ гениальный Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой древности».

Сильный, оригинальный талантъ изложенія и выраженія, о чемъ бы, о какой бы сухой вещи онъ ни писалъ, свѣтился изъ-за каждой страницы. Его изложеніе, по гармоніи частей, мастерское, языкъ всегда сильный, живой, образный. И строгость мысли, и южно-русская пластичность. Все въ мѣру, возьмемъ ли его крошки-исслѣдованія, какъ «Археологическія лучины», или такія крупныя монографіи, какъ «О погреб. обычаяхъ», «Древности права». Бытовые порядки и отношенія давно отошедшей родной или родственной намъ жизни выступаютъ какъ рядъ живыхъ картинъ, въ ихъ естественномъ освѣщеніи, въ трудахъ, которые для автора были только «корректирными листами». Сухая этимологія облекается въ плоть, и разбросанныя въ языкѣ слова, истертая, какъ старая монета, употребленіемъ, объединяются въ живой образъ, напр., въ «Долѣ».

Нигдѣ недосказа, намѣреннаго или случайнаго, лишнихъ экскурсовъ, эпизодовъ, тормозящихъ правильное теченіе мысли. Нигдѣ пошленныхъ фразъ, вездѣ — оригинальный съ юморомъ языкъ, оригинальность выраженія.

Онъ былъ образцомъ систематическаго труда, былъ рѣдкою трудолюбивою пчелой. Его библиографическія свѣдѣнія и работы возбуждали справедливое удивленіе. Книга — была его страсть. Только изъ его кабинета могъ войти и его «Библиолог. опытъ», и книга его юнаго ученика, г. Стороженка, по Любушину Суду и Краледворской рукописи. Говорятъ, собственноручныхъ карточекъ съ выписками осталось нѣсколько десятковъ тысячъ.

Эта ибнецкая систематичность соединилась съ горячимъ, страстнымъ характеромъ, съ умомъ живымъ, всегда съ рморомъ. Онъ часто напоминалъ Копитара, но не раздѣляя его злаго сердца — былъ одна доброта. Онъ былъ типъ идеальнаго человѣка науки.

Какъ высокій, безкорыстный и преданный слуга чистой науки, онъ и умеръ за задачей своей жизни — на чредѣ науки. Онъ уѣхалъ, чтобы поправить себя, почить отъ работы — и не былъ въ состояніи. И въ минуты тяжкаго недуга онъ не забываетъ своей старой «любви» — науки. «Испытываю муки классическаго Танталя, писалъ намъ покойный 4 августа, жалуясь на лѣченіе (вызвало «обильнѣйшія горло-крово-изліянія»): душа рвется къ работѣ, а тѣло — не пускаетъ. Однако, кой-что скрѣблю: обрабатываю «Введеніе» къ Исторіи и Энциклопедіи Славистики, обнимающее обзорнѣе наукъ вспомогательныхъ: языковѣдѣніе, мѣлологію, древностей, этнологію etc. Удастся ли привести къ концу — не знаю; а не удастся — Нестору (т. е. снну) завѣщаю»...

Это писано за два мѣсяца до роковаго дня Предчувствіе неудачи не обмануло...

Наука ждала и, казалось, дождалась, когда, послѣ многого подвижническаго бдѣнія, покойный рѣшился было подѣлиться плодами своихъ молчаливыхъ работъ: но — до временно палъ «на лесѣ — книжнаго ученія — свой день скончавъ».

Многое еще достоинло бы сказать о високомъ другѣ: но «отъ многа же убо мы украцѣше въ малѣ положитомъ селико, памяти ради»... Прости, друже!

ИМЕНА АВТОРОВЪ ¹⁾.

<p> Эалицкий 314, 315
 Барсуковъ 279
 Бардинковъ 257, 278
 Богдановъ 275
 Богомолецъ (Синайскій), арх. Анто-
 ния? 274
 Бодуэнъ-де-Буртона 246, 451
 Бриссеніанецъ (Трейландъ) 260
 Базовъ 437
 Великановъ 300
 Верхратскій И. 459
 Вестеаль Р. 431, 462
 Войниковъ Д. 437
 Востоновъ А. Х. 244, 250, 255
 Вашеновъ С. 437
 Ганевичъ Кл. 462
 Гель (Hehn) В. 309
 Гальсертингъ А. 298
 Головацкий Я. Ф. 281
 Греть Н. И. 250
 Григоровичъ В. И. 457, 462, 463
 Давидовъ И. И. 256, 257
 Данчичъ Ъ. 362, 419, 420
 Дановъ 438
 Дювернуа 284
 Зеленецкий К. 287, 454, 457, 462
 Жлобайскій Д. И. 294
 Ипатьевск. Лэтонскъ 441
 Женпепъ П. 285, 460, 461
 Кондаковъ Н. П. 268
 Константиновъ 418
 Коропачинскій 316 </p> | <p> Костыръ 455
 Котляревскій А. А. 260
 Крушевскій 414, 442
 Жавренко 298
 Левцкий І. 457
 Левченко 459
 Лучнай 457
 Милуцкий Стан. 285
 Миллеръ Всев. 260
 Жадеждитъ Н. Н. 460
 Некрасовъ Н. 456
 Новиковъ Ст. 418
 Жавловскій А. 459
 Панаретовъ 437
 Паллонскій 304, 455
 Петрушевичъ А. С. 281, 459
 Піскуновъ Ф. 459
 Погодинъ 256
 Поренрій Успенскій, арх., еп. 265,
 340, 463
 Потебня 260
 Примецлавскій О. А. (Ципринусъ) 249
 Пръвановъ Н. 438
 Ржига 321
 Снегиревъ 244
 Сомоловъ 258
 Сомоловъ М. 294
 Срезневскій В. И. 264
 Срезневскій И. И. 275, 458
 Стоюнинъ 258, 455
 Стровъ П. 256
 Толмачевъ 258 </p> |
|--|---|

¹⁾ Изъ статей въ периодич. издаваніяхъ приняты во вниманіе болѣе важныя.

- Трейландъ (Бривземландъ) О. Я. 260
 Фортунатовъ Ф. 260, 316
 Шевыревъ 256
 Шейковский Е. 459
 Шерцъ 307, 309
 Шашковъ А. С. 251
 Черный О. 456
 Ahlquist 260
 Angermann C. 399, 402
 Ascoli 308, 374, 375, 376
 Ayuso García F. 320
 Bechtel F. 340
 Benfey Th. 319, 407
 Benloew L. 453
 Berčić 418
 Bergaigne A. 414, 415
 Bezzenberger A. 309, 315, 320, 412
 Blahoslav 434
 Bopp F. 283, 290, 292, 298, 302, 364, 462
 Brandl V. 318
 Braune W. 407
 Bréal M. 301, 303, 416
 Brückner A. 254, 410, 456
 Brugman K. 322, 330, 382, 384, 397, 400, 402, 404
 Brunnhofer H. 308
 Čelakovský L. 289
 Chavée H. 328
 Chodáko A. 301
 Cihac, de, A. 340
 Collitz H. 412
 Daničić G. 348, 349, 350, 422, 438
 Diefenbach L. 289, 297, 371, 372, 375, 457
 Dietz 430
 Dozon 453
 Ebel 373
 Fick A. 310
 Fontane Marius 453
 Förstemann 314, 369
 Fortunatow F. 412
 Fritzsche A. 400
 Gebauer J. 344, 345, 353, 354, 361, 433, 436
 Curtius G. 294, 298, 311, 363, 364, 387, 397, 401, 402, 428
 Geiger Wilh. 452
 Geitler L. 263, 266, 317, 319, 344, 345, 350, 351, 353, 463
 Gesner (Mat. & Michow) 441
 Grassmann 369, 370, 372, 384
 Grimm J. 284
 Grohmann 370
 Hanka W. 288
 Hankiewicz Cl. 462
 Hannš*L 294
 Harlez, de, 452
 Haaden-Petriceica 317, 319, 419
 Hassencamp R. 317
 Hattala M. 343, 344, 347, 348, 435, 461
 Havet L. 414, 415, 417, 429
 Heymann W. 314
 Hovelague A. 287, 452
 Hübschman 316, 381, 384, 385
 Jagić V. 249, 300, 347, 348, 349, 350, 409, 410, 418, 422, 423, 462
 Janežić A. 290
 Jarník I. 453.
 Jočević M. 263
 Jolly-Whitney 430
 Jordan 356
 Jung J. 293
 Kalužniacki 418
 Karłowicz 317, 352, 353
 Kayssler L. 462
 Kolař I. 344, 345
 Kotljarevský A. A. 345
 Krauschaar L. 306
 Krek G. 298
 Kuhn Ad. 288, 295, 302, 363, 364, 375, 376
 Kukuljević S. 418
 Květ F. 297
 Kvičala I. 353
 Lassen 284
 Lavrovský P. 343
 Lefman S. 284, 425
 Leger L. 267
 Lesar A. 297
 Leskien 318, 410, 424, 426, 441
 Linde B. 304
 Ljubid S. 297, 463

- Lottner 366, 368, 370
 Ludwig A. 307, 345, 358, 370
 Maciejowski W. 304
 Mahlow G. H. 325, 426
 Małecki A. 297, 339
 Malinowski Fr. 303, 309
 Malinowski Luc. 313, 317
 Małkowski K. 404
 Marie, de, T. 299
 Marj I. 291
 Matzenauer A. 352, 354
 Metelka 291
 Meyer G. 313, 316, 388, 400, 401
 Meyer L. 306, 311
 Miklosich (Miklošić) 292, 293, 336,
 349, 351, 355, 356, 358, 359, 360,
 390, 409, 422, 423, 461
 Miller Wsew. 345, 393
 Miller 385
 Mintani 275
 Mollenhof K. 292, 321
 Müller Fr. (Mueller) 357, 359, 360,
 361, 370, 413
 Müller H. D. 341
 Müller Max 366, 447, 448, 461
 Neuhring 339
 Neumann G. H. 313
 Novotrujev K. 350
 Novaković St. 351, 413
 Nowonowski E. 325
 Ohoff H. 316, 318, 322, 382, 384,
 385, 449
 Olacký F. 355
 Opra A. 345, 346, 433
 Or H. 480
 Orli 314, 376
 Orłowski A. 267, 428
 Orsa K. 325
 Orsi D. 319, 453
 Orszul 291, 299, 300
 Orszul Ad. 294, 366
 Orszul F. 439
 Pohl W. 305
 Potebnja A. 410
 Pott A. 283, 295, 339
 Przeborowski 304
 Puchmayer Jar. 462
 Rački F. 275, 423
 Radařik P. J. 290, 293, 342, 343, 344,
 355
 Saussure, de, F. 329
 Savelsberg 374, 379
 Sayce A. H. 458.
 Scherer W. 301
 Schleicher A. 283, 295, 302, 308, 343,
 356, 363, 364, 365, 367, 368, 371,
 390, 391
 Schmidt Joh. 285, 298, 307, 309, 375
 377, 379, 380, 382, 384, 385, 391, 392.
 Scholvin R. 410
 Schrader O. 405
 Smith C. C. 291, 316, 391
 Smoler I. 298, 300
 Sreznevski I. I. 351, 422
 Suchecki H. 307
 Šulek B. 350, 351
 Techmer F. 453
 Tobler L. 301
 Tocilescu 419
 Tomaschek W. 361
 Trithen Fr. 291
 Valjavac M. 352
 Van-Helten W. 314
 Verchratskij I. 462
 Walter K. 371
 Westphal R. 310
 Whitney 296, 447
 Wilhelmus Eug. 430
 Windisch E. 394
 Winkler H. 314
 Wocel J. 299
 Zehetmayr S. 314
 Zimmer 319
 Zubrzycki D. 458.

ОПЕЧАТКИ:

<i>Стран.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано</i>	<i>должно бити</i>
338	14 св.	vјeб	vјeс
339	14 св.	многосложная	многословим
429	10 св.	послѣ: «богатаго»	изследовании
437	3 св.	Пацаретовъ	Пацаретовъ.

III. Приложеніе.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СИНАЙ

въ 1881 году.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Древности Синайскаго монастыря.

О. пр. Н. П. Кондакова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I
Изъ путевыхъ впечатлѣній. Дорога изъ Суеца черезъ Эль-Торъ на Синай	1
Синайскій монастырь	33
Дорога съ Синая въ Суецъ	54
Древности Синайскаго монастыря	67
Мозаика Синайскаго монастыря	75
Библиотека рукописей Синайскаго монастыря	99
Греческія рукописи съ миниатюрами въ библиотекѣ Синайскаго монастыря	119
Приложеніе : оглавленіе 100 фотографическихъ снимковъ «Синай- скаго альбома»	157

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поѣздка на Синай, предпринятая мною частнымъ образомъ, въ сообществѣ фотографа г. Рауля, весною 1881 г., имѣла своею цѣлью спеціальную, чисто археологическую, задачу. Мы предположили себѣ лишь одинъ пунктъ — самый монастырь св. Екатерины на горѣ Синаѣ, и осмотромъ его памятниковъ древности и художественно-украшенныхъ рукописей его библиотеки, а также изготовленіемъ, по возможности, вѣрныхъ фотографическихъ снимковъ, эта задача вполнѣ исчерпывалась. Все, выходящее изъ ея рамки, могло явиться только случайнымъ образомъ и, слѣдовательно, играть въ нашемъ путешествіи второстепенную роль. Въ тоже время обильная литература путешествій на Синай ¹⁾ ученыхъ богослововъ и библиологовъ, столь-

¹⁾ Литература путешествій на Синай и записокъ богомольцевъ и паломниковъ обильна и начинается рано; отмѣчаемъ важнѣйшія: муч. *Антонина* изд. Titus Tobler, De locis, quae perambulavit b. Antoninus a. D. 570. 1863. *Титмара* въ XII в., Peregrinatio etc. ed. Laurent. 1871. *Людольфа* изъ Сухена между 1336—1341 гг. *Вильгельма* Балдегенсера Hodoeporicon ad T. S. a. D. 1332 въ Thesaur. mon. Eccles. ed. Basnage 1726, II. **Рудольфа Фрамелсгейера* Itinerarium in Pal., ad m. Sinai a. D. 1346, ibid. VI. *Sigoli*, Viaggio al monte Sinai. елор. изд. 1829 г. *I. Тухера* въ 1479 г. изд. въ Feurabends Reyszbuch 1584; *Фабра* въ 1483 г. Evagatorium изд. 1843 г.; *Брей. дебаха* изд. 1486 г.; *Фарнада* въ 1518 г.; Францис. вѣстост. въ Ег. изд. Клейтономъ въ 1753, затѣмъ въ 1810 и др. XVI стол. **Трифона Коробейникова* пут. въ 1583 г., у Сахарова, Сказанія рус. нар. II. **Вишескаго, Им.* «Пелгримація» въ 1708 г. изд. арх. Леонидомъ въ 1877 г. *Thévenot*, Relation d'un v. 1665 въ Voyages tant en Eur. etc., V. du Levant изд. 1727 г. *Morrison*, Relation d'un v. au m. Sinai 1704. **Барскаго*, путеш. къ св. мѣст. (1728 г.), изд. 1778. **Росоцка*, Voyages etc., trad. 1772—3, т. I. **Seetzen* (+1811), Reisen durch Syrien etc., Arab. Petr., herausgg. v. Kruse, 1855. *Henriker*, Notes

ко разъ (и все съ одинаковымъ успѣхомъ, т. е. болѣе или менѣе бесплодно—на нашъ взглядъ) изслѣдовавшихъ пути странствія и стоянки Евреевъ въ пустынь Синайской, или разгадывавшихъ между вершинами Синайскаго хребта истинный Синай и Хоривъ, или, наконецъ, описывавшихъ святаыя мѣста, часовни и капеллы, развалины и пещеры. — Эта литература, казалось, избавляла отъ обязанности рассказывать о самой повѣздѣ. И, однакоже, занявшись этою литературою по возвращеніи, мы пришли къ убѣжденію, что передача путевыхъ впечатлѣній повѣдки на Синай еще долго останется обязательною въ извѣстномъ смыслѣ, какъ вообще, такъ въ особенности въ русской литературѣ, подъ однимъ важнѣйшимъ условіемъ — правдивости.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на замѣчательныя въ свое время по полнотѣ и ясности описанія путешествій, какъ напр. арх., нынѣ еп. Порфирія, Эберса и пр., Синай, какъ и вообще

during a visit to Eg. M. Sinai, 1823. **Burchhardt*, Reisen. 1824, II. *Fazakerley*, Journey etc. изд. въ *Walpole*, Travels, 1820. *Carne*, Letters from the East, 1826. **Laborde* Voyage dans l'Arab. Pétrée. 1830. *Stephens*, Incidents of travel in Eg., Arab. Petr., Edinb. 1839. *Schubert*, Reise in das Morgenl. 1838. **Robinson*, deutsche Ausg., Pal. u. d. südl. angrenz. Länder, 1841. **Уманецъ*, Повѣдка на Синай, 1850. *Fisk*, A Pastor Memor. of Eg. . ., Sinai, 1847. *Bartlett*, Forty Days or Journey to M. Sinai, 1848. **Успенскаго*, *Порфирія*, арх. Первое пут. въ Синайскій монастырь въ 1845, изд. 1856. *Его-же. Второе пут. въ 1850, изд. 1856, съ атл. въ л. **Lepsius*, Briefe aus Aeg., Aeth. u. d. Halbinsel des Sinai, 1852. **Roberts*, The Holy Land, Syria, Arabia etc. 1855 съ рис. *Lottin de Laval*, Voyage dans la Péninsule arab. du Sinai, 1855—9. *Grash*, Reise nach Aeg. u. d. Sinai, 1854. *Strauss*, Fr. A. Sinai u. Golgatha. **Brugsch* Wander. nach d. Türkisminen u. n. d. Sinaihalbinsel, 1866. *Fraas*, Aus d. Orient, Geolog. Beobacht. 1867. *Stanley*, Sinai and Palestine, изд. 1865 и 1871. *Palmer*, The Desert of the Exodus, 1871. **Tischendorf* (пут. въ 1844, 1859 г.) Aus d. heil. Lande, 1862. *Его-же: Die Sinaibibel, ihre Entdeckung etc. 1871. **Ebers*, Durch Gozen zum Sinai, 1873, 2-е изд. 1881. **Норова*, *Асп.* Иерусалимъ и Синай, Зап. 2 пут. 1868, съ атл. А. (арх. *Антокина*), Изъ записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской дух. ак. за 1871—3 гг.

Наконецъ, особенно важное значеніе имѣетъ томъ Землеописанія Риттера, въ которомъ сдѣланъ сводъ всѣхъ историческихъ и топографическихъ показаній по старымъ и новымъ путешественникамъ: *C. Ritter*, Die Erdkunde v. Asien, VIII, 2 e Abth., Die Sinaihalbinsel, Pal. и Syrien. 1-r Abschnitt, Die Sinaihalbinsel, 1141 стр.

далекій Востокъ все еще остается мѣстностью свѣжею, мало тронутою изслѣдованіемъ, и европейскій путешественникъ неизбежно превращается въ наивнаго паломника, подчиняется совершенно чуждой, обступившей его средѣ. Въ ней единственно найдетъ онъ и все нужныя ему свѣдѣнія, если не захочетъ подчиниться предписаніямъ гида Изамбера, которые, по вкусамъ и, следовательно, по цѣнамъ рассчитаны единственно на громадные средства. Между тѣмъ, самая поѣздка на Синай имѣетъ свой собственный археологическій характеръ, и не по тому одному, что здѣсь нѣсколько шаговъ удаляютъ васъ отъ новой культуры и ведутъ къ тому Востоку, гдѣ еще живутъ формы отдаленной древности, гдѣ многое говоритъ вамъ о старинѣ временъ Юстиніана, а эта культура кажется только случайнымъ, чуждымъ наростомъ. На дальнемъ Востокѣ вообще, и въ Синайскомъ монастырѣ въ частности, древность и ея памятники еще остаются въ своей собственной, родной обстановкѣ, и путешественникъ не находитъ здѣсь ни различныхъ приспособленій, спеціально на него рассчитанныхъ, ни готоваго матеріала, assortированнаго для разныхъ степеней его любознательности. Между тѣмъ, эта самая необходимость искать, открывать самому, блуждать, рискуя найти то, чего не искалъ и что оказывается болѣе интереснымъ и поучительнымъ, и составляетъ ту заманчивую прелесть путешествій по Востоку, которая кроется въ присущей человѣку чертѣ дорожить лишь тѣмъ, что дорого и съ трудомъ достается, какъ собственная работа. И такъ какъ, въ тоже время наши интересы, интересы русской науки къ этой, еще свѣжей, нетронутой области древностей христіанскаго Востока держатся пока въ сферѣ чисто платоническихъ привязанностей, болѣе и болѣе потухающихъ, за недостаткомъ матеріала, то мы рѣшились присоединить къ своимъ археологическимъ замѣткамъ и краткое содержаніе веденнаго во время путешествія дневника; оправданіемъ намъ послужатъ такіе примѣры, какъ Эберса, Бругша и другихъ.

Такой же характеръ замѣтокъ и записокъ носитъ на себѣ и вторая часть сочиненія, или статья о древностяхъ Синайскаго монастыря. Спеціальною задачею нашею было личное обзоръ-

ніе греческихъ рукописей съ миниатюрами и извѣстной мозаики Преображенія. Краткость времени, проведеннаго нами въ монастырѣ (нѣсколько менѣе трехъ недѣль), котораго мы достигли только черезъ 23 дня путешествія изъ Одессы, отсутствіе необходимаго пособія въ лицѣ рисовальщика или писца не дали автору возможности воспользоваться своею далекою поѣздкою съ большими результатами. При этомъ онъ, однакоже, рассчитываетъ современемъ придать больше цѣльности въ описаніи мозаики въ будущемъ своемъ сочиненіи по исторіи византійской мозаики и ввести новыя рукописи съ миниатюрами въ среду другихъ уже извѣстныхъ.

Автору приходится также сожалѣть о томъ, что ему не удалось найти средствъ и пути для снабженія своей записки необходимыми иллюстраціями. Составленный имъ и исполненный г. Раулемъ альбомъ ста десяти фотографическихъ снимковъ съ видовъ, древностей и рукописей Синайскаго монастыря остается, такимъ образомъ, безъ употребленія и играетъ лишь роль документа для провѣрки словъ и показаній описателя. Быть можетъ, автору слѣдовало бы подождать, поэтому, съ самымъ изданіемъ своихъ записокъ, интересныхъ лишь въ кругу спеціалистовъ, но различные запросы, имъ полученные, убѣдили его, что откладывать долѣе изданіе значило бы удерживать добытые результаты исключительно для себя.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Дорога изъ Суеца черезъ Эль-Торъ на Синай.

... Поѣздъ желѣзной дороги въ Суецъ выходитъ изъ Александріи рано утромъ и идетъ цѣлый день. Въ Бен'га большинство пассажировъ высадилось на Каиръ, а отъ Загазига поѣздъ окончательно опустѣлъ, и, когда мы миновали Измаилію, то насъ, иностранцевъ, осталось всего четверо. Дневной жаръ, доселѣ томившій насъ,—мы ѣхали въ первыхъ числахъ Апрѣля — къ вечеру свалилъ, воздухъ сталъ суше и легче, но ни прохлады, ни освѣжающаго вѣтра не чувствовалось даже на платформѣ вагона. Утомленные шестидневною качкою на большомъ, но валкомъ пароходѣ, хлопотами и бѣготнею въ Александріи, мы безучастно смотрѣли, какъ охватила насъ кругомъ, отовсюду, песчаная пустыня. Въ гидѣ Изамбера стояло, что линія желѣзной дороги пересѣкаетъ здѣсь знаменитую «дорогу каравановъ», о которой откуда-то выцлывали воспоминанія, что она усѣяна костями; но, какъ ничего подобнаго нигдѣ не примѣчалось, то и дорогу каравановъ мы равнодушно пропускали мимо. На станціяхъ уже не такъ роились толпы туземцевъ, какъ за три часа передъ тѣмъ, и уже не слышалось европейскаго говора, и даже одна туземка отказалась взять за абрикосы франкъ, требуя турецкаго или египетскаго піастра. Уже къ намъ въ вагонъ вошли кондукторы съ ворохомъ яицъ, лепешекъ и травъ, и въ теченіи часа мы имѣли удовольствіе присутствовать при туземной трапезѣ и лично убѣдиться въ томъ, что восточные собраты далеко пре-

взошли европейскіхъ вегетаріанцевъ. По обѣ стороны рельсъ розоватѣмъ пологомъ раскинулась далеко песчаная пустыня, — зрѣлище любопытное, но такъ мало походившее на образъ пустыни, созданный воображеніемъ. Поперемѣнно видѣлись то обширныя плоскогорья, совершенно обнаженныя, то глубокія расщипы песку, то пространства, устланныя кочками, на которыхъ безобразно торчали колючки и верблюжья трава; но временамъ, на нѣсколько минутъ появится оазисъ, и въ немъ купы пальмъ, рвы съ водою, и валяющіеся въ нихъ буйволы, и люди, уставившіеся на поѣздъ, но все это проносится быстро, оставляя по себѣ лишь недоумѣніе. На одной изъ станцій еще свѣжи были слѣды песчаного заноса: около рельсъ кучи песку и разбросанныя лопаты; убогая деревушка противъ станціи до верху занесена пескомъ: ее будетъ откапывать тотъ же вѣтеръ. Сошли на полотно, пробовали пройти къ станціи, но ноги вязнуть или грузнуть въ нагроможденныхъ сугробахъ песку — приходится вернуться. Такъ, не смотря на наше желаніе, и не получалось отъ всѣхъ этихъ видовъ одного цѣльнаго впечатлѣнія, и казалось даже, что оно было бы сильнѣе, если бы въ данную минуту, вмѣсто всей этой природы, пронесившейся мимо, можно было видѣть хотя бы лубочную декорацию или панораму. Или для лицезрѣнія песчаной пустыни надо и свою особую обстановку, и, во всякомъ случаѣ, иную, чѣмъ окно вагона? Но чѣмъ же восторгается тогда туристъ—англичанинъ, ѣдущій въ одномъ съ нами вагонѣ взглянуть на каналъ и пишущій въ книжкѣ свои дорожныя замѣтки?

Уже поздно ночью пріѣхали мы въ Суецъ. Покинувъ станцію, гдѣ все представляло смѣсь британскаго — компанія желѣзной дороги англійская — съ туземнымъ и, пробившись силкомъ сквозь толпы сбѣжавшихся на скудную поживу арабовъ, мы перебѣжали въ Hôtel d'Orient, гдѣ и имѣли разомъ удовольствіе найти, что все, и цѣны, и порядки тамъ были англійскія. Первые, т. е. цѣны были высокія, джентльменскія, а порядки были еще выше. Такъ неуютно и угловато было все въ нашемъ номерѣ, отъ громадныхъ кроватей, занявшихъ

три четверти комнаты, до жесткаго дивана и единственнаго стула, который намъ подали для того лишь, чтобы джентльмены могли на чемъ нибудь присѣсть у стола. Вездѣ царила Англія, и поданный намъ ужинъ былъ обильно насыщенъ соями и перцемъ—имъ былъ посыпанъ густо даже салатъ. Передъ нами были и самыя представители этихъ пріятныхъ вкусовъ — англичане, съ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ полинялую бронзу, —которымъ запасаются въ Индіи. Это были агенты и коммерсанты, вѣхавшіе изъ Бомбея и Сингапура и дожидавшіеся здѣсь завтрашняго поѣзда. Мы разговорились о Суецѣ съ племянникомъ русскаго вице-консула—плохія рекомендаціи! И здѣсь тоже, что во всемъ Египтѣ, кромѣ Каира и Александріи. Обширныя коммерческія перспективы, игра промыслами и землями сѣялись теперь застоємъ, тяжелымъ разочарованіемъ. Безумныя затѣи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, баснословныя затраты и сумасшедшія постройки, въ родѣ Измаиліи — города, по мановенію волшебнаго жезла, возникшаго въ пустынѣ, европейская отдѣлка Каира, все это оставило современному населенію въ наслѣдіе долги, тяжкіе налоги и эксплуатацію иностранныхъ фирмъ. Нищіе арабы и забитые феллахи сбѣгаются толпами на англійскія суда въ Александрію, чтобы, работая на нихъ день и ночь, получать за то полтора франка и нищенствовать. Злыми насмѣшками пріивѣтствуютъ теперь Каиръ туристы, которые, пріѣхавъ туда созерцать волшебный спектакль древняго восточнаго города, еще десять лѣтъ тому назадъ неприкосновеннаго, видятъ вдругъ передъ собою систематическое разрушеніе этой картины, и обязанные (только тамъ и есть гостиницы) помѣститься въ пышномъ отелѣ новаго европейскаго квартала, созерцаютъ жалкую конію парижскаго бульвара и его кофеенъ, наполненныхъ оборванцами. Такъ, первый эффектъ накопленнаго, послѣ многихъ вѣковъ нищеты, благосостоянія тратится на лихорадочно-безумное разрушеніе и малярную закраску памятниковъ Каира — этой восточной Помпеи. Впрочемъ, гдѣ же этого не было, и гдѣ штукатурка и казенная аляповатая наружность не скрывали драгоценныхъ

мозаикъ, нѣжныхъ красокъ фаянса. Только въ глухихъ улицахъ Каира, въ предмѣстьяхъ Константинополя, да дворахъ покинутой Альгамбры не возмущается зритель наглымъ отноше-
ніемъ новыхъ меценатовъ—выродковъ Востока къ своимъ роднымъ древностямъ.

Впрочемъ, Суецъ по неволѣ избѣгъ скороспѣлыхъ реставраторовъ, именующихъ себя возстановителями Востока. Городокъ, на который возлагали такъ много упованій до самаго послѣдняго времени, для устройства котораго на широкую европейскую ногу съ начала открытія работъ по каналу было истрачено много средствъ,—какъ былъ, такъ и остался глухимъ городкомъ. Слава Богу, что въ первые годы горячки провели въ Суецъ каналъ прѣсной воды (теперь, пожалуй, и этого бы не сдѣлали!) Разъ, что морской каналъ прошелъ мимо Суеца, и пароходы стали останавливаться въ особомъ портѣ, судьба Суеца была рѣшена. Нахлынувшіе предприниматели удалились, населеніе съ 30 тысячъ уменьшилось на десять, начатыя постройки брошены, о новыхъ предпріятіяхъ или переѣздахъ нечего и думать. Все отошло къ Портъ-Саиду. И если бы на набережной не высилось громаднаго, но пустыннаго дворца Пеннсуларной компаніи, то, можетъ быть, не пришлось бы и вспомнить о грезахъ и миражахъ, тѣшившихъ Суецъ не болѣе десяти лѣтъ назадъ. Отнынѣ и на долго это только транзитный пунктъ для путешественниковъ, предпочитающихъ послѣ качки въ Индійскомъ морѣ слѣдовать въ Александрію по желѣзной дорогѣ. Правда, въ день нашего пріѣзда Суецъ получилъ извѣстіе о скоромъ посѣщеніи Хедива и теперь готовится почиститься и похорошѣть: всюду штукатурятъ и красятъ, и голубая окраска первыхъ консульскихъ домовъ скрываетъ меланхолическій сѣро-коричневый тонъ натурального камня, столь успокоительно дѣйствующій на глазъ на фонѣ бирюзоваго неба. Городъ расположенъ лицомъ къ заливу, спиной къ негостепріимной пустынѣ, отовсюду его охватившей. Улицы покрыты этимъ горячимъ пескомъ пустыни. Нѣкоторые построились по-европейски, широко и прямолинейно, и какъ на-

рочно, ориентированы такъ, что бываютъ залиты весь день солнцемъ, а ходить по нимъ истинное испытаніе. Видъ европейскихъ домовъ крайне убогій, но еще жалче выглядятъ европейскія лавки и магазины. Есть между ними большіе колониальныя магазины—все англійскіе, но и тѣ, видимо, утрачиваютъ свой европейскій фасонъ: большія окна занавѣшены, выставки покрыты сѣрою пылью, и пустота магазина, въ которомъ едва дозовешься соннаго комми, производитъ крайне унылое впечатлѣніе. Товаръ больше бракованный, и его разнообразіе въ магазинахъ таково, что или не знаешь, куда итти, или зайдя, удивляешь своими спросами. Какъ отрадно, поэтому, было намъ очутиться на туземномъ базарѣ. Узкая улица, извивающаяся, подобно рѣченкѣ, укрытая отовсюду, отъ солнца навѣсами, то изъ пальмовыхъ рогожей, то просто изъ досокъ, ведетъ насъ отъ центра города къ набережной; по обѣ стороны ея, изъ подъ мрачныхъ сводовъ старинной мавританской конструкціи, выдвигаются подъ самый вашъ носъ выставки—широкіе рундуки, покрытые всякимъ товаромъ, какой Богъ послалъ. Тутъ и издѣлія изъ кожи, веревки и посуда, пряности, и овощи, и восточныя матеріи, и сладости. А какое оживленіе въ этихъ лавкахъ: за рундукомъ сидитъ хозяинъ, и около него непремѣнно двое, трое гостей, пришедшихъ поболтать и выпить чашку кофе. Кофеенъ нѣтъ, какъ и въ константинопольскомъ базарѣ, но вы можете спросить кофе вездѣ, и вамъ дадутъ его за грошъ и чудесный. Улица постоянно полнится самими лавочниками, и если вы отъ чего либо страдаете, то отъ сильнаго запаха пряностей, которыя такъ страстно любятъ Востокъ. Но какъ же несправедливы и пристрастны наши легкомысленные приговоры, какъ недоказаны наши аксіомы о свойствахъ азіатской торговли! То, что мы о ней знаемъ, по фасонамъ московскаго гостиннаго двора и нижегородской ярмарки, походитъ ли сколько нибудь на настоящую восточную торговлю? Мы много хлопотали узнать о ней въ Константинополѣ отъ живущихъ въ немъ иностранцевъ и слышали, что они по опыту предпочитаютъ скорѣе итти въ во-

сточную лавку, гдѣ продаетъ турокъ, чѣмъ въ самый фешё-небельный магазинъ парижской или вѣнской фирмы, конечно, если только нужные товары можно найти у турка. Но Константинополь зараженъ уже давно помѣсью парижскаго съ армянскимъ. Еще хуже дѣло въ Александріи: тамъ подъ именемъ базара разумѣются лишь succursales торговыхъ домовъ Вѣны и Парижа, продающихъ здѣсь только свой хламъ; много лавокъ чисто туземныхъ. Восточный базаръ основанъ совсѣмъ на иномъ принципѣ: торговецъ продаетъ то, что производитъ самъ, или его семья, или его земля и мастерская и т. д. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній, и левантийцы, замѣняющіе на Востокѣ нашихъ евреевъ, представляютъ собою многочисленный классъ посредниковъ, который отрѣсняетъ мало по малу туземное населеніе отъ промышленности. Пусть вы и не поклонникъ новой манеры вводить археологію въ вопросъ о томъ, что лучше, прежнее или настоящее, но, ходя по суетскому базару, вы не можете отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній. Кому, глядя на планы древняго греческаго дома, кругомъ обставленнаго лавками, не приходило въ голову сравнить эту торговлю хозяина дома и его квартирентовъ — все производителей, сначала съ восточнымъ базаромъ, затѣмъ съ магазинами европейскихъ городовъ, торгующими промышленностью изъ всякихъ рукъ и мѣстъ, потомъ съ колоссальными акціонерными компаніями, которыя торгуютъ всѣмъ, и которыя, кажется, принадлежатъ будущему. Чтѣ лучше, чтѣ хуже — говорить объ этомъ и спорить не стоитъ, но можно было бы согласиться, что на Востокѣ лучше — восточное. Кто не согласенъ, пусть попробуетъ въ Суетѣ прожить нѣсколько дней, чтобы убѣдиться. Намъ надобно было запастись здѣсь на дороге всякаго рода провизіею, и все было сравнительно очень не дорого, чтѣ мы покупали на базарѣ, и запросъ продавцовъ, дѣйствительно, не лѣзъ въ карманъ. Я заговорился объ этомъ потому, что до сихъ поръ непріятно вспомнить, какъ ведетъ себя Европа въ этомъ скромномъ уголку; я долго смотрѣлъ, какъ арабъ покупалъ себѣ гнилой коленкоръ вмѣсто полотна,

и какъ кричалъ на него наглый мальтїецъ, получая съ него звѣтные франковики. Принято соболѣзновать объ исчезновеніи расъ Сѣверной Америки подъ давленіемъ тяжелой лапы и гнусныхъ пріемовъ янки; скорбятъ о Полинезійцахъ, вымирающихъ отъ оспеннаго платья, проданнаго имъ услужливой англійской компаніей. Но, право, безъ савтиментальности можно сказать: для этихъ расъ лучше, что они вымираютъ. Посмотрите, какая наглая эксплуатація заплонила теперь весь Востокъ, какое униженіе, какую нищету терпитъ тамъ всюду туземное населеніе.

Тѣмъ временемъ, пока мы гуляли и осматривали городъ, предупредительный русскій консулъ хлопоталъ объ устройствѣ нашей поѣздки въ Синайскій монастырь. Хлопоты эти были несложны, но зато и томительны до послѣдней степени. Въ Суецъ оканчивались для насъ цивилизованные пути, и мы еще съ Александріи знали, что единственный для насъ подобный ресурсъ — пароходныя сообщенія съ Синайскою гаванью на Красномъ морѣ—Эль-Торомъ, открытыя на полгода тому назадъ, по случаю учрежденія въ Эль-Торѣ карантинъ, теперь были вновь прерваны. Ими воспользовался ученый палеографъ (проф. Гардтгаузенъ) изъ Лейпцига туда и обратно, но это была особенная удача. Оставались лишь верблюды, но и ихъ не оказывалось на наше счастье, и надо было ожидать дней десять, прежде нежели пѣшій посланецъ успѣетъ побывать въ горахъ, куда верблюды уведены. Было еще средство въ запасъ — ѣхать въ парусной лодкѣ. Но и тутъ выдвигалось сильное, если не непреодолимое препятствіе. Такихъ лодокъ было много, и много было охотниковъ свезти насъ въ Эль-Торъ, но они могли это выполнить лишь при попутномъ вѣтрѣ. А именно вѣтеръ во время нашего пріѣзда былъ противный, т. е. юго-западный, тогда какъ намъ нуженъ былъ сѣверо-восточный. Рассказываю такъ потому, что все это мы узнавали постепенно, и неизвѣстность не мало способствовала окраскѣ нашего предпріятія въ мрачныя краски. Сезонъ для подобныхъ поѣздокъ по морю уже прошелъ—говорили намъ—но еще не наступило

и иногда неблагоприятное время, и потому можно попытаться. И вотъ начались совѣщанія и переговоры съ лодочниками. Ихъ приходило много, иногда группами, всегда попарно, и въ такомъ случаѣ одинъ представлялъ собою самаго капитана — (райсъ), а другой коммерсанта—арматора. Сначала, казалось, дѣло шло лишь о томъ, какъ помирить нашу поѣздку съ доставкой товаровъ въ Джедду, и о цѣнѣ, которую изъ уваженія къ консулу набивали не очень высоко и охотно спускали. Въ концѣ-концовъ дѣло слаживалось на сотнѣ франковъ съ небольшимъ. Но надо ждать погоды. «Сколько же времени?» — Да не менѣе недѣли. «А если и тогда не будетъ попутнаго вѣтра?» — Вѣтеръ будетъ. «А то еще ждать?» Мой спутникъ горячился, пытаясь доказать, что и съ противнымъ вѣтромъ можно подвигаться, лавируя, впередъ. Намъ объясняли, что этого не дѣлается, что поѣздки въ лодкѣ избѣгаютъ и туземцы, что лодка при противномъ вѣтрѣ въ Красномъ морѣ не можетъ лавировать, потому что берегъ его покрытъ подводными камнями. Бываетъ, что въ полтора, двое сутокъ лодка приходитъ изъ Эль-Тора, а бываетъ и три недѣли, мѣсяцъ. Тѣмъ и кончились переговоры. Съ утра на слѣдующій день мы увидали, что наши надежды окончательно разрушены: дулъ жесточайшій хамсинъ, и половина неба была затянута грязнымъ желтымъ пологомъ. Тѣмъ не менѣе идемъ опять на мѣсто нашихъ совѣщаній и узнаемъ, что явился старикъ лодочникъ, — этотъ самый ужь опытный, — который берется свезти насъ дня черезъ два, три; старикъ намъ очень нравится, онъ долго кричитъ намъ что-то по арабски и улыбается, мы хлопаемъ по рукамъ, отдаемъ деньги, не думая уже о томъ, что изъ всего этого выйдетъ. Наше положеніе, томительное отъ ничего недѣланія, отъ невозможности что-нибудь предпринять, становилось особенно тягостнымъ при жизни въ номерѣ гостиницы. По счастью, доброму человѣку пришло въ голову предложить намъ помѣщеніе въ своемъ частномъ домѣ и мы, оставивъ въ сторонѣ тонкія деликатности, немедля долго, къ нему перебрались. Самъ онъ и его сынъ въ своей конторѣ пока-

звались намъ въ европейскомъ костюмѣ, и родина ихъ обнаруживалась развѣ въ цыновкахъ, да постоянно подававшихся чашечкахъ кофе, но за порогомъ официальной передней начиналась своеобразная жизнь, и Востокъ вступалъ въ свои права. Домъ дѣлился на три части: фасадъ, выступавшій на улицу, занятъ былъ внизу конторою и лавкою, а вверху большою залю или гостинойю, въ которой убранство представлялъ забавную смѣсь восточнаго съ европейскимъ. Большія окна уже не были закрыты мушарабіями — наружными сквозными балконами и вѣстѣ ставнями, которыхъ чудные переплеты, набранные въ разнообразныхъ рисункахъ изъ крохотныхъ деревянныхъ палочекъ, такъ украшаютъ улицы Каира. Кругомъ стѣнъ шли восточные диваны, но передъ ними не было уже табуретовъ и мангаловъ, а зато посрединѣ залы стоялъ французскій передиванный столъ. И гости, и хозяинъ чувствовали себя крайне неловко въ этой пустынной залѣ, но послѣдній былъ очень доволенъ, когда гости хвалили его европейскіе вкусы. Два боковыхъ крыла дома, поставленные такъ близко другъ къ другу, что изъ окна одного легко можно было подать руку въ окно другаго, составляли мужскую и женскую половину; большія окна послѣдней были закрыты мушарабіями. Задняя часть дома занята была прислугою и амбарами. На мужской половинѣ все безмолвствовало, за то шумно было на женской: шли приготовленія къ празднику Пасхи. Черезъ открытыя форточки въ мушарабіяхъ видно было, какъ суетливо бѣгали и сновади тамъ семья и прислуга, хлопая по всему дому деревянными сандалями; покрытая розовымъ шарфомъ дѣвочка великолѣннаго типа левантинки выглядывала изъ окошечка рядомъ съ старухой нубійкою, разодѣтою въ яркожелтый халатъ; на дворѣ ловятъ цыплятъ; все кричитъ, жестикулируетъ и радуется. Мы отправились въ церковь, гдѣ уже съ вечера пятницы распоряжалась безцеремонно православная греческая и сирійская община; несеніе плащаницы особенно сопровождалось крайнимъ неистовствомъ: пары проскакивали одна за другою подъ нею, маша свѣчами и крича на всѣ лады; свѣчи,

двѣты и ленты были мгновенно оборваны толпою. И здѣсь, какъ во всей Сиріи христіане находятся еще подѣ сильнымъ нравственнымъ давленіемъ магометанства; женщины въ церкви всѣ помѣщаются на хорахъ, зажиточныя ходятъ подѣ покрывалами, обыкновенно шелковыми, иногда съ головою окутываются въ черныя шелковыя мантии, и на улицѣ встрѣчаешь только иностранокъ. На слѣдующій день — это была Страстная Суббота — насъ извѣстили, что есть надежда на перемиѣу вѣтра, и мы сами видѣли расчищавшееся мало по-малу небо; жаръ спалъ, и мы могли сдѣлать прогулку въ портъ и видѣть его колоссальныя сооруженія, присутствовать при распродажѣ мануфактуръ Китая и Индіи и нюхать тонкій запасъ свѣжихъ ананасовъ, наваленныхъ грудями и продававшихся по 1 фр. за штуку. Длинный молъ, ведущій отъ города, былъ усыянъ людьми; шли англійскіе рабочіе и матросы, проѣзжали на дорогихъ лошадяхъ коммерсанты и быстро бѣжали ослы, неся на себѣ молодыхъ и старыхъ англичанокъ, спѣшившихъ на аукціонъ индійскихъ шалей и матерій. Въ 6 ч. вечера все это движеніе прекращается, начинается приливъ, свѣжій вѣтерокъ начинается рѣять дотолѣ сонную поверхность залива, и картина горъ, лежащихъ за Суецемъ, мѣняется каждый получасъ своей колоритъ. Простоявъ долго въ нѣмомъ созерцаніи чудной ночи, напомнившей намъ картины Палермской бухты, мы отправились домой, гдѣ праздникъ былъ уже во всемъ восточномъ разгарѣ. Шумъ, крики, снованье всякаго люда, стрѣльба со всѣхъ сторонъ. Не покойнѣе было и въ церкви, гдѣ въ срединѣ службъ, когда женщины удалились, началась такая отчаянная стрѣльба у каждой двери и каждаго окна, что никакимъ нервамъ нельзя было выдержать. За веревки колоколовъ ухватывались сотни рукъ, падали изъ такихъ пищалей и мушкетовъ, въ которые входило по фунту пороху, сдѣлали соломеннаго Іуду и сожгли его тутъ же; однимъ словомъ, дѣлали все возможное, чтобы изобразить торжество; недоставало только тѣхъ сценъ арабскихъ плясокъ, которыя такъ неприятно поражаютъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ. Церковь была переполнена пороховымъ

дыномъ; группы и толпы ходятъ и перебѣгаютъ, заглушая по временамъ совершенно, что было очень кстати, гнусливые хоры и еще болѣе гнусливое чтеніе. Наконецъ съдой, какъ лунь, священникъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ красныя яйца—единственная эмблема Пасхи здѣсь и служба кончилась.

Раннимъ утромъ перешли мы на нашу барку. Это была громадная лодка, вѣрнѣе, цѣлое судно, но плавающее подъ однимъ лишь парусомъ; для насъ она болѣе всего походила на тѣ вольныя венеціанскія суда, которыми обыкновенно установлена бываетъ Riva degli Schiavoni: въ Венеціи. Не разъ, живя когда то на концѣ этой Riva, любовались мы на эти барки, наблюдая движеніе на ихъ палубѣ, и задумываясь о привольной жизни ихъ хозяевъ;—и всего то у иного нѣсколько сотенъ франковъ капитала, и экипажъ, Богъ знаетъ, изъ какихъ матросовъ, а ходятъ эти суденушки по всему Средиземному морю, и вездѣ въ каждомъ портѣ у хозяина свои знакомые, которыхъ онъ видитъ разъ въ пять лѣтъ, и свои дѣлишки. Но увѣ теперь предстояло не любоваться издали, не восторгаться изъ принципа предприимчивостью природнаго моряка, но плыть съ нимъ, и плыть, можетъ быть, нѣсколько дней. Оказалось, дѣло имѣло совсѣмъ иной вкусъ, и не потому только, что вмѣсто Грека или Итальянца нашимъ капитаномъ былъ Арабъ. Когда насъ встали на верхъ борта и спустили внизъ; когда, перебравшись съ опасностью сломить себѣ шею, черезъ бревна, сундуки и всякій хламъ, мы очутились въ назначенномъ для насъ помѣщеніи, гдѣ уже былъ разставленъ и разложенъ нашъ многочисленный багажъ, мы долго не могли притти въ себя. Представьте себѣ самыя грязныя нары, часть которыхъ занята другими нарами, еще болѣе грязными и мрачными, на которыя нагроможденъ всякій хламъ: керосинныя ящики, шкуры, мѣшки съ запасами, мѣшки съ платьемъ экипажной прислуги и прочими прелестями. Представьте полъ изъ неотесанныхъ досокъ и бревенъ, на которомъ выросла годами грязь на вершокъ, и главное, потолокъ, который изъ подобныхъ же досокъ и бревенъ подымался лишь

на два аршина отъ пола, такъ что ходить можно было только на четверенькахъ. Мы вылѣзли на верхъ — надъ нами находилось палубное помѣщеніе кормы, гдѣ сидѣлъ за рулемъ хозяинномъ, маневрируя его длинною рукоятью черезъ головы расположившихся со всѣми своими пожитками поломниковъ и купцовъ, вѣхавшихъ въ Джедду. Было излишне разспрашивать, какъ очутились здѣсь всѣ эти народы, когда мы наняли лодку только для себя. Но еще болѣе непріятное зрѣлище представлялось намъ, когда, забившись въ свои нары и растянувшись на грязномъ парусѣ, мы глядѣли прямо передъ собою. Нашъ помостъ оканчивался, не доходя одной четверти судна, и все дно его было завалено сундуками, жестянками, перинами и людьми въ перемежку съ этимъ разнокалибернымъ хламомъ. Судно имѣло обшивку только снаружи, а внутри нѣтъ; большія козла изъ бревенъ поддерживали десятокъ балокъ, тянувшихся во всю длину судна и замѣнявшихъ палубу для экипажа; мачта единственнаго громаднаго паруса была укрѣплена въ такихъ же козлахъ. На носу опять была небольшая настилка и на ней помѣщался очагъ — большой ящикъ съ золою. Но всего любопытнѣе была помпа этого примитивнаго корабля: поперекъ лодки наверху помѣщенъ жолобъ, въ срединѣ котораго укрѣплена корыто; одинъ нубійскій геркулесъ стоитъ широко разставивъ по балкамъ ноги, и выжимаетъ — а не выливаетъ — въ корыто кожаное ведро съ водою, которое подаетъ ему одно за другимъ подъ нимъ стоящій другой нубіецъ; этотъ черпаетъ изъ вонючей лужи, которая постоянно собирается въ центрѣ дна. Помпа дѣйствовала быстро: 60 ведеръ вычерпывалось въ полчаса, но — что могла сдѣлать она, если мы черпемъ бортами?

Но всѣ эти, насъ ожидавшія, прелести мы разсмотрѣли не сейчасъ, а уже вечеромъ. Теперь мы шли на причалъ, тащимые лодкою, по заливу въ направленіи порта. Вѣтеръ совершенно упалъ, и жаръ, и тяжелый запахъ въ нашей коютѣ дошли до послѣдней степени. Но высунуть носъ на солнце нечего было и думать, и вотъ мы сидѣли и созерцали, какъ

приготовлялся къ плаванію пашъ экипажъ: его было до 15 человекъ, все нубійцы и негры, черные какъ смоль и какъ она, блестящіе своимъ природнымъ лакомъ. Между ними бронзово-коричневое тѣло араба свѣтлѣло, какъ на египетскихъ барельефахъ. Весь этотъ людъ въ часъ досуга приводилъ себя и свой хламъ въ порядокъ: сбросивъ свою коленкоровую голубую рубашку и оставшись въ одномъ передникѣ, каждый внимательно ее обследовалъ и затѣмъ стряхивалъ тутъ же, — надолго ли, не трудно угадать. Наконецъ притащились мы къ порту, но уже намъ было не до его чудесъ: громадные пароходы Индіи, колоссальный отель, кофейни, садики, музыка, въ нихъ раздававшаяся, пестро разодѣтыя англичанки, катающіяся въ катерахъ, вся эта культура только дразнила насъ и дѣлала намъ нашу обстановку еще тягостнѣе. Мы искренно желали только бы скорѣе распрощаться съ этими прелестями, но, благодаря нашему капитану, который ушелъ на берегъ и заставилъ прождать себя цѣлыхъ три часа, и этого нельзя было сдѣлать. Наконецъ мы стали выходить изъ порта и имѣли удовольствіе видѣть, какъ семья англичанъ, вышедшая на балконъ и замѣтившая насъ въ нашей печальной обстановкѣ, долго стояла, показывала на насъ пальцами, но — спасибо и за то — не смѣялась.

Предательскій вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и мы шли, дѣлая, можетъ быть, по два узла въ часъ, говоря по морскому. И мы вдоволь могли любоваться масляною поверхностью разстилавагося передъ нами моря и на свободѣ разсчитывать, гдѣ именно могли здѣсь пройти по суху Евреи, преслѣдуемые Фараономъ. Ученымъ вѣдь извѣстно, что именно въ сѣверозападномъ углу суэзскаго залива это совершилось, и что даже одинъ корабль когда-то наблюдалъ здѣсь раздѣленіе водъ сѣверозападнымъ вѣтромъ. Жара наконецъ спала, и мы вылѣзли на палубу, т. е. на бревна; послѣ дневнаго томленія было истинною нѣгою сѣсть на бортъ лодки, спустить ноги къ водѣ, однакоже, съ опаскою — здѣсь, какъ и во всемъ Красномъ морѣ, много водятся акулы, — такъ какъ лодка сидѣла низко. Очнувшійся

отъ своего оцѣпенѣнія экипажъ составилъ концертъ; сначала тянули что-то очень заунывно и нестройно; но мало по-малу ожили и лютия, и барабанъ; дружно и въ тактъ хлопая въ ладоши, пристало къ нимъ все, что было въ лодкѣ, кромѣ раиса, не отлучавшагося отъ своего руля. Сварили кофе, все на той же примитивной кухнѣ, и за кофеемъ свели знакомства. Мой спутникъ, знавшій кое-что по-турецки, нашелъ между пассажирами одного, знавшаго нѣсколько словъ по-турецки же, и разговоръ ихъ начался, вертясь, однакоже, исключительно на практической почвѣ, т. е. на счетѣ дней, которые намъ предстояло пребыть въ плаваніи до Эль-Тора, и на вопросѣ о томъ, будетъ ли у насъ попутный вѣтеръ. Еще болѣе вяло шли мои арабскіе разговоры, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, я имѣлъ неудовольствіе констатировать во первыхъ, что арабское произношеніе столь же трудно, если не труднѣе, какъ англійское, и имѣеть, кромѣ всѣхъ его прелестей, еще свои особенныя, и что во вторыхъ, очень трудно вести разговоры при пособіи одного лексикона арабскихъ словъ, приложеннаго при египетскомъ гидѣ Изабера. Драгомана же съ нами не было, какъ не было и слуги, необходимаго лица въ путешествіи на Востокъ, и намъ прислуживалъ одинъ изъ Махмудовъ экипажа. А море кругомъ было такъ тихо, какъ будто застыло; красно-желтыя коймы берега слѣва только изрѣдка прерываются оврагами или трещинами, образовавшимися отъ текущихъ здѣсь въ сезонъ дождей ручьевъ; мѣстами въ этихъ ложбинахъ видны были темнѣющія пятна жалкой растительности: такъ представляется съ моря Синайскій полуостровъ. Справа одинъ, прокатившійся на далекое пространство хребетъ горы Атаки, отвѣсный и мрачный, безъ излучинъ и вершинъ, ровный и угловатый, не мало способствуетъ общему тону унынія и жертвенности.

Едва прошли мы до Бубердейса, какъ упали сумерки, парусъ перебросили отъ вѣтра и мы легли въ дрейфъ. Настала ночь, тяжелая отъ какой-то непонятной духоты. Мы влѣзли изъ своей каюты, гдѣ насъ столько же мучили всевоз-

ожня настькомья, сколько сирадъ, томительный жаръ и крайне возбужденіе нервовъ, которое мы поняли только впослѣдствіи. Но едва улеглись мы на свернутомъ парусѣ, какъ переполохъ, поднятый моимъ товарищемъ, разогналъ и мою дремоту: ему послышалось, что на нашъ мѣшокъ съ хлѣбомъ—почти единственную нашу провизию—напали крысы. Дѣйствительно, мѣшкать было нельзя: изъ глубины нашей каюты слышался сильный шорохъ и шумъ. Преодолевая заранѣе подступавшее къ горлу чувство отвращенія, и зажегши свѣчу, мы осматриваемся,—ничего не видно, а возня отчаянная, и происходитъ она въ самомъ мѣшкѣ; открываемъ его и— вмѣсто мышей— видимъ тучу большихъ таракановъ, стремительно разсыпавшихся во все стороны. Товарищъ мой съ ожесточеніемъ навидывается на запоздалыхъ, но я поднимаю свѣчу и указываю ему на потолокъ: доски какъ будто ожили, изъ всякаго шва выглядывали мириады шевелившихся усовъ... Чтѣ тутъ было дѣлать? Завязали мѣшокъ и ушли, и не сочли нужнымъ даже рассмотреть породу: знаю только, что эта была порода *побѣдителей* т. е. бурныхъ таракановъ, и необыкновенно большихъ. Такъ и не спали мы всю ночь, и едва забрезжилось, начали будить прислугу, чтобы ставили парусъ. Парусъ поставили, но онъ, не начавъ даже полоскаться, падаетъ. Къ срединѣ дня томленіе усиливается до нельзя; вода слегка булькаетъ около лодки. Буссоль приносятъ къ намъ въ каюту и старательно увертываютъ. Чтѣ такое, въ чемъ дѣло? Требуемъ капитана. Онъ указываетъ на горизонтъ справа, но мы ничего особеннаго не замѣчаемъ, кромѣ легкой желтизны.—Хамесинъ! Такъ чтѣ же? Раздосадованный райсъ машетъ руками и уходитъ, чему-то смѣясь. Въ три часа начинается довольно задорная качка. Вѣтеръ дуетъ порывами и вмѣсто того, чтобы освѣжать, жжетъ лицо и тѣснить грудь. Вотъ перебросили парусъ, и лодка стремительно рѣжетъ воду; кругомъ бурлитъ, шумитъ и пѣнится, такъ что въ головѣ дѣлается круженіе. На лѣво совсемъ близко берегъ, какой-то заливъ. Спрашиваемъ, чтѣ это за мѣсто.—Вубердейсь. «Какъ, все тотъ же Вубердейсь,

что и вчера!» Но вот вдали слыва передъ нами высокой мисъ. Явно, мы стремимся его обогнуть, и когда обойдемъ его, то пойдёмъ быстро. Ничего не бывало! Раздается команда капитана. Тѣснясь бѣгущею толпою черныхъ, нагихъ матросовъ, прыгаемъ обратно съ палубы въ свою каюту. Толпа тащитъ канатъ паруса, одни передаютъ его другимъ, и вотъ у нашего помѣщенія начинается борьба геркулесовъ съ парусомъ, который натянулся тѣмъ временемъ, какъ яйцо. Не стройно, но ловко, и съ дикими воплями замыкаютъ канатъ въ большой блокъ. Одинъ изъ колоссовъ, сорвавшись, летитъ къ намъ, но сейчасъ же, какъ мячикъ, подымается на ноги. Наконецъ, все успокаивается, кромѣ отчаянной качки; мы вылазаемъ на верхъ—и видимъ все тоже мѣсто, все тотъ же мисъ вдали. Такъ повторяется четыре раза, и только, когда мы настолько приблизились къ берегу, что увидали камни на немъ, и среди отчаяннаго розвала качки бросили два якоря, мы поняли маневры нашего судна. Всѣ эти пріятныя катанія имѣли цѣлю приблизиться къ берегу и стать на якорь въ защитѣ отъ вѣтра. Намъ объяснили, что мы должны ждать бури—*фортуны* (подъ этимъ названіемъ шеваль оказался извѣстенъ и арабамъ), и видя берегъ возлѣ, мы соглашались претерпѣть и бурю. На что же будетъ съ нами дальше—этотъ вопросъ, вопросъ чисто европейскаго характера, не давалъ намъ столько же успокоиться, какъ и отчаянная качка. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, вопросъ, дѣйствительно, празднаго любопытства, которое осуждаетъ всякій истинный правовѣрный. На всѣ наши распросы и призывы райсъ отвѣчаетъ намъ отъ своего руля только смѣхомъ. Но мы таки добиваемся своего; онъ приходитъ, и при пособіи турецкаго переводчика, мы его допрашиваемъ. Вотъ теперь хамсинъ, а сколько онъ будетъ дней: одинъ, два, пять, больше?—Кто знаетъ? Если хорошій вѣтеръ, туда, завтра Эль-Торъ?—А если не завтра, то когда? Можетъ быть, десять дней?—Нѣтъ, теперь не хорошо (мушъ таибъ), завтра—хорошо! Райсъ уходитъ, на наши предложенія съ теперешнимъ вѣтромъ ѣхать назадъ въ Суецъ и

переждать, отвѣчаетъ смѣхомъ. — Я боленъ, не могу плыть десять дней! — А Аллахъ на что? И торжественно указываетъ на небо.— Среди бушующихъ у берега волнъ появляется лодка—знакомый нашему райсу рыбакъ подплываетъ на лодкѣ, въ которой гребутъ три черные и совершенно нагіе туземцы. И хотя намъ нѣтъ причинъ сомнѣваться въ наклонностяхъ этихъ людей, но мы невольно думаемъ о возможныхъ непріятностяхъ, если сойдемъ на берегъ. Ихъ лодку отчаянно видать во всѣ стороны, и только обезьянья цѣпкость нубійцевъ способна на то, чтобы причалить въ это время и влѣзть на судно. Въ виду нашихъ немощей, капитанъ самъ стелитъ намъ изъ паруса постель наружи и даже пробуетъ тащить меня за ноги. Половина неба совершенно потемнѣла, но тѣмъ ярче горять звѣзды на другой. Къ полночи завыванія вѣтра вдругъ прекращаются, и слышится свистъ, сначала слабый, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе; звѣзды скрываются, и закрывшись пледомъ, я чувствую, какъ насъ осыпаетъ сначала брызгами воды, а потомъ пескомъ, съ такою силою, какъ если бы чьянибудь рука бросала песокъ намъ въ лицо; лодку, и все, что ни есть въ ней, и наши пледы рветъ съ мѣста. Добрые полчаса свиститъ и гудитъ самумъ, и наконецъ утихаеъ, среди полной, наступившей тьмы. Я не дождался окончанія и заснулъ: и мнѣ снилось, что я спѣшу попастьъ въ отходящій поѣздъ и наконецъ врываюсь въ вагоны на полномъ ходу.

Насъ разбудили въ три часа ночи: стали разбирать парусъ, чтобы закрѣпить его. Вытащили всѣ три якоря, и разомъ, съ страшною силою мы понеслись. Буря перемѣнила направленіе, и вмѣсто западнаго самума съверо-западный шквалъ погналъ насъ впередъ. Райсъ сидѣлъ на рулѣ и просто заливался отъ хохоту—онъ предчувствовалъ успѣхъ и то угощеніе, которымъ онъ долженъ былъ насъ поподчивать. Происходило ли это отъ крайней быстроты, или же отъ близости воды, но кругомъ нашей лодки поднялась какая-то вакханалія. Качка перешла въ розмахи, разомъ была боковая и килевая, и при каждомъ розмахѣ судно забирало воду. Лежа въ по-

валку у себя въ каютѣ и держась, за что привелъ Господь, чтобы не очень мотало и обо что нибудъ не стукнуло, и имѣли удовольствіе видѣть, какъ пришелъ въ движеніе и наш багажъ. Сначала поползъ медленно и осторожно одинъ ящикъ и постукивая и подпрыгивая, старался выбраться на середину: но какъ было у насъ очень тѣсно, то послѣ нѣкотораго раздумья, онъ вдругъ отчаянно стукнулъ о другой, какъ бы пытаясь прочистить себѣ дорогу. Затѣмъ и всѣ наши четырнадцать мѣстъ освободились разомъ, слышался уже звонъ отъ боя фотографическихъ аппаратовъ, сбѣжалъ сверху сапъ раисъ на шумъ, но мы были уже вполне безпомощны и безучастны. Вдругъ сбоку нашего логовища отрывается отъ свода гнѣзда маленькая фокъ-мачта—ужь послѣ мы увидѣли, что гнѣзда для нея настоящаго не было, а просто вставлена была она въ доску, и эта доска пришита къ полу однимъ толымъ гвоздемъ. Нельзя стало и лежать, и приходилось только сидѣть у блока, крѣпко держась за веревки. Но мы были счастливы и тѣмъ, что идемъ и идемъ поразительно быстро. Правда мы ничего не видали, кромѣ тромозящихся волнъ, да непрерывнаго дѣйствія нашей помпы, за которою мы ревниво слѣдили. И когда послѣ полудня насъ извѣстили, что скоро будетъ видно Эль-Торъ, то и качка уже мало сравнительно чувствовалась. Какъ стрѣла пронеслась лодка по тихой бухтѣ залива и до половины зарылась въ песокъ. Наше морское путешествіе кончилось, и право, было пора. Скоро подымаютъ карантинная шлюпка, но сидѣвшій въ ней сторожъ итальянецъ безъ всякаго осмотра разрѣшилъ намъ съѣхать на берегъ. Въ наши мѣста оказались снаружи въ цѣлости, и недоставаило всего только одного ремня: имъ прельстился, вѣроятно, Мухомудъ, но, во вниманіе къ его услугамъ и особенно къ тому, что онъ показалъ намъ, какъ можно собственною подошвою чистить полъ вмѣсто щетки, мы не требовали возвращенія.

На спинахъ арабовъ перебрались мы изъ шлюпки на берегъ—иначе нельзя было за волненіемъ—и на маленькой бережной были привѣтствованы цѣлой толпою. То была и

мужская половина и всѣ домохадцы добрѣйшаго русскаго вице-консула. Войдя внутрь маленькаго дворика и взобравшись по ветхой лѣстницѣ наверхъ въ жилыя комнаты, мы были введены затѣмъ въ пріемную, гдѣ насъ ожидали привѣтствія женской семьи хозяина, и усажены на диванъ. Подали угощеніе: сладкія пасочныя лепешки въ видѣ рогулекъ или варениковъ, кусочки финиковой колбасы, ракі и кофе. Политичныя разговоры, въ которыхъ, главнымъ образомъ, напирала на побѣды наши надъ турками и оказывались совершенно неизвѣстными послѣднія событія, были затруднены опять языкомъ: хозяева говорили только по арабски. Но, и объѣвиваясь, на манеръ дикарей, запасомъ словъ взаимно, кто что зналъ по русски, гречески, арабски и по турецки, при чемъ всякій малѣйшій успѣхъ служилъ предметомъ общаго восхищенія, мы чувствовали несказанное удовольствіе и не находили словъ для выраженія его. Любезность нашихъ хозяевъ была такъ искренна, задушевна, такъ легко и покойно сидѣли мы въ новой средѣ, что эти немногосложныя бесѣды составляютъ одно изъ лучшихъ воспоминаній. Вся семья, состоявшая изъ женатыхъ дѣтей хозяина, оказывала своему отцу знаменію искренняго почтенія и полной привязанности, и въ то время, когда онъ сидѣлъ съ нами за столомъ, прислуживали ему и, не смотря на всѣ наши просьбы, никто не хотѣлъ сѣсть рядомъ. Таже патриархальность поражала насъ здѣсь и въ другихъ семьяхъ. Даже кофе подавался только гостямъ и хозяину, и когда мы разъ настояли на томъ, чтобы старшій сынъ — человѣкъ лѣтъ сорока пяти — пилъ кофе вмѣстѣ съ нами, то онъ долго смѣлся, наконецъ, приложивъ руку ко лбу передъ отцомъ, взялъ чашку, по его уговору, хотѣлъ пить, но не выдержалъ: покачавъ головою, всталъ и выпилъ. Православныхъ арабовъ въ Эль-Торѣ не много, и обширная церковь, въ итальянскомъ вкусѣ, недавно здѣсь выстроенная (отчасти на средства изъ Россіи), хотя посѣщается въ утреннія и вечернія службы всею общиною, все же остается пуста. При церкви выстроена прекрасная и обширная монастырская гостиница, но и въ ней

только изрѣдка и мало гостить паломниковъ, исключительно русскихъ. Бывалые странники всегда изъ простыхъ, посѣтивъ Афонъ, заходятъ передъ Іерусалимомъ, а иногда и послѣ на Синай, но ихъ рѣдко бываетъ въ годъ болѣе 20 человекъ; между ними бываютъ и женщины — матушки, какъ ихъ здѣсь зовутъ. Иногда паломники ѣдутъ изъ Суеца на верблюдахъ, но чаще трактъ ихъ лежитъ черезъ Эль-Торъ. Для русскаго странника пространство не составляетъ собственно никакого серьезнаго препятствія, развѣ онъ боится опоздать въ другое мѣсто къ великому празднику. Поэтому, какъ мнѣ случилось слышать и самому, русскій паломникъ, отправляясь къ Святымъ мѣстамъ, думаетъ не о трудностяхъ своего странствія и рѣдко ихъ предвидитъ, если онъ не бывалый, но о томъ, чтобы воспользоваться плодотворнѣе для своихъ цѣлей своимъ временемъ. Расчетъ подробный ведется и тому, сколько времени и гдѣ именно паломникъ можетъ выжить на мѣстѣ, и рассчитывается по средствамъ — это вопросъ чести и особой деликатности; но этому правилу мало слѣдуютъ бабы. Не будь итальянскихъ построекъ, Торъ походилъ бы на обыкновенную арабскую деревушку, какою онъ и есть въ дѣйствительности. Дома его, расположенные по берегу и образующіе нѣсколько улицъ, покрытыхъ мусоромъ и всякою падалью, какъ на подборъ похожи одинъ на другой: четырехъугольныя сѣрыя стѣны, сложенныя изъ коралловъ и раковинастаго песку, снабжены маленькими оконцами; домъ внутри дѣлится на амбары и завчонки, въ верхнемъ этажѣ имѣетъ жилыя комнаты, а вмѣсто крыши земляную террасу, на которой спитъ вся семья и которая окаймлена глинянымъ парпетомъ. Словомъ, ничего новаго даже для того, кто видалъ лишь рисунки арабскихъ деревушекъ, Торъ не представляетъ. Два главные дома въ годѣ принадлежатъ двумъ мѣстнымъ представителямъ иностранныхъ государствъ, которые и находятся по этому въ давней, не примиримой враждѣ, проистекающей изъ соперничества, а намъ и обидно, и забавно было видѣть при случаѣ, какъ выступила разомъ немногосложная, иптимная среда этихъ араб-

скихъ Монтекки и Капулетти. Болѣе поучительно было наше знакомство съ Синайскими монахами, завѣдующими Христіанскою церковью въ Торѣ. Ихъ всего трос, и церковь эта бѣдна и скромна и ничѣмъ, конечно, не напоминаетъ дѣятельности древней Раиенъ — такъ назывался Христіанскій Эль-Торъ и доселѣ такъ слыветъ у Грековъ, — когда жилъ Іоаннъ Климакъ и велъ переписку съ аббатомъ Раиенъ. Но въ этой пустынѣ люди сохранили и прежнюю искренность, и силу чувства, и энергію. Одинъ изъ этихъ монаховъ — видомъ новій Геркулесъ — самъ, своими руками вырубилъ въ горахъ камень для постройки и свезъ его на верблюдахъ на мѣсто; онъ же сдѣлалъ громадныя контрфорсы для Юстиніановыхъ стѣнъ Синайскаго монастыря. Онъ разсказалъ намъ свою исторію: природный Грекъ, въ дѣтствѣ былъ онъ гдѣ то въ Абиссиніи рабомъ, и разъ, пріѣхавъ въ Каиръ съ хозяиномъ, услышалъ вдругъ неизвѣстную ему греческую рѣчь; какія то воспоминанія въ немъ проснулись, и онъ бѣжалъ отъ хозяина; въ Александріи вновь выучился по гречески, посѣтилъ свою родину, и благодаря знакомству съ купцомъ изъ Тора, зашелъ на Синай, гдѣ и нашлось для него много дѣла. Дѣйствительно, это былъ человекъ на всѣ руки, веселый и словоохотливый, говорившій по немногу на всѣхъ языкахъ; онъ одинъ справлялъ всю черную работу въ гостинницѣ, и приводилъ въ трепетъ непокорныхъ Бедуиновъ. Мы дошли до убѣжденія, что онъ не знаетъ усталости и отдыха, и, подобно другимъ, обращались за его помощью за всѣмъ. Бываютъ такіе люди и именно среди монаховъ. Онъ же устраивалъ намъ и всѣ возможныя развлеченія въ Эль-Торѣ, гдѣ намъ пришлось двое сутокъ ждать верблюдовъ. Мы побывали въ финиковыхъ садахъ.—мнимыхъ садахъ Моисеевыхъ (будто-бы библейскій Элимъ), гдѣ текутъ теплыя сѣрные ключи и гдѣ больной Аббасъ—паша вздумалъ было выстроить себѣ дворецъ и лѣчебницу, да умеръ, не кончивши. Ручьи, хотъ ихъ и не 12, какъ было въ Элимѣ, обильны и поддерживаютъ богатую растительность; они вытекаютъ изъ подошвы известковыхъ скалъ. Пріятно лежать на

газонѣ высохшихъ финиковыхъ листьевъ въ самой чащѣ; всюду громадныя стволы благороднѣйшей пальмы въ крайне причудливыхъ положеніяхъ; одни устремляются одиноко въ самый верхъ; другія, столпившіеся группою или кущою, сперва ползутъ по землѣ, какъ гигантскія змѣи и разбрасываются затѣмъ въ разныя стороны. Послѣ Александріи и даже Каира, гдѣ финиковыя пальмы садятся какъ яблони въ огородахъ правильными и скучными рядами, эти хаотическіе, запущенныя сады съ ихъ величіемъ и волшебнымъ очарованіемъ, былъ тотъ Востокъ, о которомъ мечталось. Культуры здѣсь никакой не полагается, и урожай, достигающій до 15 тыс. окъ, бываетъ только разъ въ три года. Отсюда же наши богомольцы набираютъ палокъ или посоховъ—«благословенія» на подвигъ. Другая наша экскурсія на коралловыя мели была руководима тѣмъ-же золотымъ человѣкомъ, который оказался по этому случаю жаркимъ поборникомъ естественныхъ наукъ; потроша одинъ кустъ коралловъ за другимъ, и разгоняя потревоженныхъ его обитателей по дну лодки, онъ все увѣрялъ, что найдутся другіе новыя типы паучковъ и жучковъ кромѣ тѣхъ, которые мы закупили въ спиртъ. Нашъ извѣстный зоологъ, проф. Ковалевскій вывезъ изъ Эль-Тора нѣсколько ящиковъ съ подобными рѣдкостями, которыми здѣсь промышляютъ нѣсколько рыбаковъ: больше загнанные нуждою итальянцы. И, правда, что загонять сюда, кромѣ нужды, европейца? Судьба, затаскившая сюда нѣмца изъ Мюнхена—карантинный докторомъ и итальянца—инспекторомъ, ничего не дала имъ взаимно: скука и глазныя болѣзни—первая, отъ полного безлюдья, вторая—отъ песку и соленой почвы, которой блескъ при солнцѣ становится невыносимъ. Мы не видали ни одного жителя безъ воспаления глазъ; много кривыхъ и вовсе слѣпыхъ.

Наконецъ то пришли Бедуины съ верблюдами, и мы поспѣшили въ дорогу. Рано утромъ началось навьючиваніе, и пока Бедуины кончили эту работу, въ которой надо было соблюсти полнѣйшую справедливость при распредѣленіи тяжестей, прошло много времени. Толпа жителей вышла насъ провожать

и помогать намъ ѣсть въ первый разъ на верблюдовъ. Дѣло въ сущности нетрудное, но считается опаснымъ для новичковъ. Верблюдъ (дромадеръ или одногорбный) нагружается — я невольно говорю какъ о кораблѣ, — когда онъ лежитъ на землѣ, подвернувъ весьма аккуратно свои ноги; нагрузка состоитъ въ томъ, что что на большое вьючное сѣдло, идущее отъ шеи до хвоста, подвязываютъ по срединѣ всѣ тяжести, сохраняя равновѣсіе, и затѣмъ на подсланныя одвѣяла садится верхомъ ѣдокъ. Понуждаемый особымъ крикомъ, верблюдъ вскакиваетъ разомъ, сперва сильно поднимая задъ; сѣдокъ долженъ быть само вниманіе все это время и, откинувшись назадъ, крѣпко переться обѣими руками въ луку; мгновеніе онъ чувствуетъ себя какъ бы на краю подоконника, готовымъ упасть, но вотъ верблюдъ поднимаетъ и свой передъ и устанавливается прочно. Въ этихъ маневрахъ весьма краснорѣчиво, однакоже невѣрогноразсказываютъ туристы по Востоку, но что они могутъ быть опасны лишь для усталого сѣдока, тому во всю нашу ѣздку былъ одинъ лишь приѣвръ. Одинъ изъ насъ, сѣвъ верблюда, не успѣлъ найти рукою луки, какъ верблюдъ двинулся; потерявъ точку опоры, сѣдокъ сильно подался впередъ; также сильно его оттолкнуло потомъ назадъ, и онъ упалъ верблюда головою внизъ, по счастью въ песокъ, между камнями, повредивъ лишь свою каску. Не опасно, но тяжело, natomiast того, слѣзть съ верблюда, особенно, когда онъ усталъ, ноги его утратили эластичность своихъ мускуловъ: тогда онъ даетъ стремительно, а не подгибаетъ колѣна, и совершивъ быстрый волнообразное движеніе всею своею машиною, наконецъ садится; мы предпочитали послѣ слѣзть съ верблюда какъ лошади, ухватившись за луку, при чемъ Бедуинъ подхватываетъ васъ снизу очень ловко. Такъ какъ разъ уже разошійся верблюдъ не любитъ подъ вьюкомъ ложиться и часто реветъ и негодуетъ, когда хозяинъ приглашаетъ его въ звукомъ гхи!, выражающимъ его шипѣніе при этомъ въ, то тѣже Бедуины услуживаютъ вамъ, поднимая васъ сѣдло на своихъ плечахъ. Тема о верблюдѣ достаточно

была бы исчерпана, если бы иные туристы не позаботились и тут напутать небылицъ, въ родѣ завѣреній, напр. Эдмонда Абу (очевидно, никогда не ѣздившаго на верблюдахъ), что верблюдъ качается, и что отъ этой качки съ слабыми особами случается морская болѣзнь. Верблюдъ не качается, а толкаетъ и довольно чувствительно, и въ этихъ толчкахъ взадъ и состоитъ вся особенность и вся непріятность этого путешествія верхомъ. Эта громоздкая машина на четырехъ подпоркахъ движется медленно, систематически, безъ всякихъ варіацій и отклоненій въ своемъ движеніи, и къ ней гораздо легче было бы приспособиться и привыкнуть, если бы не сила толчковъ. По ихъ причинѣ ѣзда на верблюдѣ не можетъ имѣть обычныхъ приспособленій—кавалерійскаго сѣдла и стремянъ: если, при подъемѣ на гору, тяжелые вьюки лѣзутъ на хвостъ верблюда и сползаютъ обратно ему на шею, при спускѣ, то спрашивается, что же должно дѣлаться съ сѣдломъ? Такихъ образомъ, способъ передвиженія на верблюдахъ можетъ назваться однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, и вполне понятно, почему путешественники на Синай такъ много и такъ скорбно говорятъ объ этомъ; одни изъ нихъ придумывали для себя особня помѣщенія въ корзинкѣ, привѣшенной къ верблюду, другіе — носилки съ креслами, помѣщавшіяся на двухъ верблюдахъ, но всему, въ концѣ концовъ, предпочитали итти пѣшкомъ. Ызда эта убиваетъ крайнею систематичностью, монотонностью и несносными привычками верблюдовъ носильщиковъ. Равнообразно переступая и ежеминутно двигая своею длинною шею, какъ корабль своимъ носомъ, верблюдъ этотъ, живущій всегда здѣсь въ проголодь, не пропуститъ малѣйшей травки, едва видной на пескѣ былинки; ежеминутныя остановки и позукачя — предметъ развлеченія въ первое время и терзанія въ остальное. Сладострастно жуя схваченную травку или хвою, обдернутую съ придорожнаго куста, верблюдъ ревниво слѣдитъ за своимъ хозяйномъ,—который все время дороги посвящаетъ, гдѣ возможно, на отысканье травы,—и идетъ усердно лишь тогда, когда Ведуинъ прикармливаетъ его.

Наблюдая нравы умнаго животнаго, мы прошли источникъ сладкой воды, бывшій виновникомъ основанія Эль-Тора, и оставили позади себя все живое; пустыня охватила насъ уже отовсюду. Было ли это новизна впечатлѣнiя, или, въ самомъ дѣлѣ, отерывшаяся передъ нами раннимъ утромъ пустыня Эль-Баа казалась при утреннемъ освѣщенiи болѣе красивой и величавой, чѣмъ другiя видѣнныя нами мѣста, но первые часы путешествiя были одними изъ самыхъ сладкихъ. Съ своей полуторасаженной высоты мы обозрѣвали громадное пространство; воздухъ ясный и чистый до того, что горы, начинавшiяся отъ насъ слишкомъ въ 8 часахъ разстоянiя, казались такъ близко—хоть рукою подать; дышалось легко и свободно, и верблюды, соя и нюхая, шли бойко, какъ то шурша по причесанному послѣднимъ вѣтромъ песку. Какъ будто море разлилось и застыло, рассыпавшись сперва мелкимъ, дробнымъ прибоемъ! Я не могъ не сравнить этихъ гофрированныхъ драпировокъ пустыни съ прическою ассирийскихъ царей и бахромою ихъ одеждъ. Мѣстами на возвышенностяхъ песокъ былъ сметенъ до послѣдней песчинки, мѣстами въ логахъ онъ скопился до большой глубины, и только широкiя ступни верблюдовъ препятствовали намъ въ него погрузиться. Но семичасовой переѣздъ уже началъ насъ утомлять, когда къ этому присоединился еще жаръ. Часамъ къ 10 утра солнечный припекъ сталъ до того силенъ, что наши сѣрыя каски уже не помогали: пришлось обвертывать ихъ платками, сколько было въ запасѣ; бедуины безъ церемонiи завернули себѣ на голову всю верхнюю одежду; оставшись въ однихъ короткихъ, равныхъ рубашкахъ. Затѣмъ почувствовалось утомленiе и боль въ глазахъ: свѣтъ былъ до того ослѣпительнъ, яркъ, пространство передъ нами до того однообразно затянуто какою то маслястою, сѣроватою охрою, что глазъ уже не различалъ деталей и успокоивался только на отдаленномъ хребтѣ. Когда я надѣлъ темныя очки, то блескъ пустыни, слившейся передо мною въ одно голубое искрящееся море, казался какимъ то фантастическимъ сiянiемъ, которымъ декораторы окружаютъ на театрѣ

свои апофеозы. Но здѣсь было не до созерцанія, и наши утомленные, еле двигавшіеся верблюды и молча шлепающіе сандаліями бедуины составляли весьма унылый балетъ съ несчастными сѣдоками. Всѣ члены были, во рту какъ то неповоротливо двигался языкъ, возбуждая ощущеніе горькаго вкуса, а глотки протухлой воды, хотя и съ виномъ, нисколько не освѣжали. Снизу, съ боковъ падало какииъ то полнѣмъ, какъ изъ печи. И вотъ, когда мы добрались до горъ, и Бедуины остановились, чтобы вылить изъ мѣховъ негодную воду, а мы слѣзли съ верблюдовъ и, ища какой либо тѣни, ползли подъ первый камень, то оказалось, что у одного изъ насъ лицо потемнѣло. Но мы были передъ первымъ ущельемъ, и, бѣжа съ усиліемъ, чтобъ расправить ноги и поясницу, знали, что впереди была стоянка и вода. Дорога шла внутрь Синайскаго хребта ущельемъ Ишли — путь необычный (обыкновенно идутъ черезъ уади Фейранъ, или Гебранъ, вообще съ С. З.), но намъ рекомендованный, какъ кратчайшій; тяжелые и опасные перевалы заставляютъ большіе караваны избѣгать его. Мы познакомились здѣсь впервые съ тѣмъ, что называется въ каменистой Аравіи оазисомъ — *уади*, и такъ какъ разница между настоящимъ уади и дѣйствительнымъ оазисомъ крайне велика, то необходимо объясниться. Уади называется всякая долина и ложбина, принимающая въ себя вешнюю воду съ горъ, но не во всякой долинѣ вода эта производитъ и поддерживаетъ растительность, и только въ очень немногихъ есть сочащіеся источники или ручьи. Чаще всего эти уади представляютъ собою громадныя котловины или ущелья, или засыпанныя камнемъ и щебнемъ, или даже покрытыя сплошь пескомъ, какъ та пустыня, которую мы проходили. Въ нихъ столь же мало жизни, какъ въ ней, и только у источниковъ видишь обглоданные кусты хвойной гарфи да слышишь изрѣдка квііе птицъ. Одинъ изъ путешественниковъ (Авр. Норовъ) даже утверждаетъ, что на всемъ пути на Синай онъ не слышалъ журчанья ручья, ни шестеста листьевъ, не встрѣтилъ ни путника, ни звѣря, ни птицы; не зналъ, какъ было тамъ, гдѣ онъ проходилъ, но на своемъ пути встрѣ-

лъ всего по немногу. Все таки впечатлѣвіе, прозгеденное
 теми долинами, было бы очень унылое, если бы не выкупало
 го чудное архитектурное построеніе горъ. Передъ нами ото-
 сную громоздились горы и скалы, замыкая ту сторону, куда
 мы шли, до такой степени, что мы невольно спрашивали бе-
 уиновъ, куда же мы поидемъ и неужели намъ придется дѣзть
 ть тамъ на верхъ, по какому то ущелью, подымавшемуся къ
 бесамъ. Мы ничего не понимали, пролѣзая съ верблюдами
 густому тростнику, росшему надъ источникомъ, въ такомъ
 стѣ, гдѣ кругомъ обложившія дорогу скалы принудили насъ
 йти съ верблюдовъ; впереди была стѣна; наша долина или
 щель сзужилось въ корридоръ. Вдругъ слѣва просвѣтлѣло,
 стѣна, какъ декорація, стала отходить на право, — передъ
 ми открылся другой, расширявшійся корридоръ. И, въ са-
 мѣхъ дѣлѣ, это были какіе то причудливые ходы внутри горъ,
 когда мы, послѣ длиннаго ряда поворотовъ и скучно — ши-
 скихъ долинъ, вступили въ одинъ особенно узкій ходъ или
 ридоръ, то восторгамъ нашимъ и одобреніямъ самихъ Бе-
 уиновъ не было конца. Дарьяльское ущелье, которымъ ѣдемъ
 ло десяти верстъ на почтовыхъ, любясь то прекраснымъ
 се, то облаками, протянувшимися по стѣнамъ, подобно
 ффу изъ газа, то журчащимъ Терекомъ у ногъ, великолѣпно,
 его впечатлѣніе совсѣмъ иное. Здѣсь горы были ниже,
 ей не гремѣлъ и даже журчалъ только по мѣстамъ, но
 мы красного гранита сдвинулись здѣсь такъ близко, что небо
 о видно лишь впереди, какъ сѣровая трещина. Освѣ-
 іе разсѣяннымъ, отраженнымъ свѣтомъ придавало особый
 ой колоритъ всему, въ немъ господствовали красноватые
 ричневые тоны. Скользя по влажнымъ и гладкимъ какъ
 ало камнямъ, взбираясь по ступенькамъ, вымытымъ водою,
 подымались выше и выше, пока добрались до источника,
 вшагося изъ подъ камней, подъ кущею финиковыхъ пальмъ.
 гѣхъ палящей дневной жары, такъ страстно хотѣлось отдох-
 въ этой чащѣ, посидѣть, прислонясь къ прохладному зер-
 нависшей скалы, на стѣнѣ которой мерцало отраженіе

ручейка, журчавшаго у ногъ, по падо было спѣшить и до ночи пройти этотъ первый перевалъ. Насильно продираясь сквозь тростниковыя чащи и толкая своими вьюками о камни, медленно и пыхтя, подымались верблюды; дорога потемнѣла, но пошла наконецъ ровно, и въ расширившейся долинь, покрытой кустами манноваго дерева — тарфы и тростникомъ изъ вида агиндо, мы раскинули наконецъ бивакъ. Не успѣли мы приготовить себѣ чай и отвѣдать своей провизіи, какъ разомъ стемнѣло; Бедуины обложили насъ кругомъ разгруженнымъ вьюкомъ, верблюды легли тутъ же рядомъ, и ночлегъ былъ готовъ; на часахъ было только семь. Удалившись нѣсколько отъ скалъ, по совѣту бедуиновъ, такъ какъ въ нихъ прячутся змѣи, и положивъ нѣкоторое разстояніе между собою и верблюдами, чтобы не обонять ихъ невыносимаго запаха, легли и мы, прямо на песокъ, наглухо покрывшись отъ комаровъ. Еще не брезжило, насъ разбудилъ утренній холодъ и говоръ бедуиновъ, разведшихъ костеръ изъ пучковъ сухой травы и тростнику. Ущелье, по которому мы шли, казалось намъ еще прекраснѣе отъ утренней свѣжести, бодрившей тѣло: бедуины, пройдя съ нами около часу, разсѣялись по сторонамъ; мы видѣли, какъ съ цѣпкостью кошекъ лазили они по скаламъ, набирая травы для своихъ верблюдовъ. Трава эта была суха, не сочна, но необыкновенно душиста, а цвѣты ромашки просто дурманили голову. Шейхъ подалъ намъ плодъ дикаго арбуза, величиною съ яблоко, но съ костяною коркою, внутри которой прыгали сѣмена. Бедуины, видимо, были довольны нашими вчерашними восторгамъ ихъ родиною и выражали желаніе сойтись съ нами поближе; къ сожалѣнію, у насъ не было переводчика, и провожавшій насъ житель Эль-Тора говорилъ только по арабски. Знакомство наше ограничивалось только наблюденіемъ другъ друга, при чемъ на нашей сторонѣ было болѣе, конечно, интереснаго. Бедуины эти вовсе не отвѣчали тому представленію, какое мы прежде составили себѣ о типѣ «сына пустыни» по книгамъ. Неловкая, даже неуклюжая фигура, съ обезьяньими плоскими ногами, съ рѣзкими чертами

лица, непріятно худая и изморенная, одѣтая въ какія-то коленкоровныя лохмотья, вмѣсто рубашки, и чернѣй плащъ,—вотъ какимъ увидали мы Синайскаго Бедуина. Ни слѣда величавыхъ, благородно-простыхъ жестовъ, ни тѣни натуральной, своеобразной гордости въ выраженіи лица. Но изъ разговоровъ въ Суецѣ и Торѣ мы уже узнали, что дѣйствительность и на этотъ разъ не сходилась съ поэзіею, и, однакоже, какъ бываетъ особенно часто, расходясь съ нею, была не ниже ея. *Bido-vino non é uoto*—говорилъ намъ геркулесъ-монахъ; человекъ не можетъ вынести того, что безъ труда сдѣлаетъ бедуинъ; верблюдъ отъ Тора въ Синай идетъ два, три дня, а онъ въ сутки: тому нужна тропка, а Бедуинъ идетъ прямо; нужно ли послать письмо изъ Синая въ Суецъ, дадутъ его Бедуину и онъ въ десять дней сходитъ и вернется, взявъ въ дорогу только мѣшочекъ муки да табакъ для трубки; Бедуинъ неутомимѣе и выносливѣе верблюда, которому онъ служить. Но какъ бы ошибся тотъ, который, судя по своему, принялъ бы затѣмъ расу Бедуиновъ за несчастную, приженную самую природою, расу, которая въ этомъ вѣковомъ униженіи перешла въ племя, близкое къ обезьянамъ. Въ этихъ высушенныхъ, несвободно, подъ тяжкимъ трудомъ и лишеніями, развившихся натурахъ жизни было болѣе, чѣмъ въ итальянцѣ; неумолчный говоръ и болтовня, неизвѣстно о чемъ, подъ которую мы засыпали и которая насъ будила; неизмѣнно веселое настроеніе духа, ладъ и дружба этихъ отрепанцевъ,—все располагало съ перваго шага въ ихъ пользу. Меня долго смущали ноги нашего молодого шейха, чрезвычайно мнѣ понравившагося: они вовсе не походили на сложеніе Аполлона Вельведерскаго, — но когда мнѣ пришлось идти по песку и вытаскивать ноги, грузнувшія по щиколку, я понялъ, какъ некрасивъ былъ бы здѣсь Аполлонъ; Бедуинъ же шелъ легко, ровно и изящно, едва оставляя свою сандалию слѣдъ. Именно изящны, граціозны были Бедуины въ своей средѣ, идя ширингомъ передъ нами, болтая и треща всю дорогу, какъ птицы; всегда съ веселою улыбкою отвѣчая на всѣ несносныя для нихъ вопросы

наши, довольные своею монотонною пѣснью, какъ и трубкою съжаго табаку. Вся обстановка такъ гармонировала, видно, съ ихъ привычками, чувствами: иногда думалось, что видишь передъ собою именно тѣхъ людей, которые, какъ птицы небесныя не сѣютъ, и не жнутъ, и не собираютъ въ житницы. Тогда послѣ долгихъ усилій удалось намъ на одномъ привалѣ открыть среди вьюковъ ихъ собственный багажъ и дорожные запасы, когда Бедуины, передъ прибытіемъ въ монастырь, стали ихъ прятать подъ камни близъ дороги: жалкіе и тощія грѣшочки съ мукою для себя и сѣменемъ для верблюдовъ. Все свое собственно они несли на себѣ: шапочку, перевязку мѣтлыми лентами у шейха, и простую у другихъ; черныя изъ тонкой и вмѣстѣ грубой шерсти плащъ, и свой арсеналъ. Этотъ арсеналъ былъ наиболѣе любопытенъ: непогнѣно длинное ружье, стволъ котораго былъ весь перехваченъ идущою оковкою, съ длиннымъ фитилемъ вмѣсто курка; подобный пистолеть и ножъ въ кожаномъ футлярѣ съ мѣдью и въ тѣ же родѣ трубка; у шейха вмѣсто ножа длинный, прекрасный сабельный клинокъ.

Мы взобрались наконецъ на вершину перевала по пути проложенному водою и сдѣлали привалъ въ разсѣлинѣ громады камня подобно разрушенной башнѣ, торчавшаго на край обрыва. Спрятавъ голову въ тѣни и выглядывая изъ подъ скалы въ открывшійся кругомъ видъ, мы долго осматривали окружающую картину, угрюмость которой только усиливалась свѣтомъ вѣсно палащаго солнца. Все было такъ дико и пусто кругомъ, такъ мертвенно уныло торчали отовсюду скалы и утеса, что, если бы Дантъ могъ видѣть эту картину, то, вѣроятно, выбралъ бы ее для своего послѣдняго адскаго круга. Притомъ насъ, съ 3. тѣснились громадныя высоты хребта Уиль-Шамъ какъ будто расколотыя и иззубренныя; его подножія проламывались въ навороченныхъ отовсюду утесахъ; слѣва видѣлась уходящая по буграмъ полоса, на которой хаосъ безпорядочныхъ брошенныхъ камней указывалъ дорогу водъ и нашего похода направо плоская, сѣро-коричневая возвышенность, которая

какъ будто безчисленными шлаками, составляла продолженіе перевала. Сзади утесы и скалы, съ которыхъ даже мохъ, сожженный солнцемъ, былъ сорванъ вѣтромъ, закрывали собою пропасть; кругомъ, повсюду въ самомъ дикомъ, беспорядочномъ, ширятомъ хаосѣ, гдѣ только глазъ могъ видѣть, все было авалено, засорено камнями; нигдѣ ни слѣда какой либо ратительности. Наша уединенная платформа имѣетъ лишь вѣсколько десятковъ шаговъ въ окружности и отовсюду окружена оврагами и стремнивами, одна другой безотраднѣе и хагичнѣе. То спрыгивая съ уступа на уступъ, то переползая переваливаясь по камнямъ, спускаемся мы внизъ, чтобы податься вновь. Проходимъ рядъ уади, въ которыхъ мѣстами орчатъ сухіе и недающіе тѣни тамариски (тарфа), гдѣ окружающіе холмы спускаются ниже и ниже, до высоты обыкновенныхъ стѣвъ, и приближаемся къ другому склону перевала. О карнизу горы, висящему надъ бездною, въ видѣ громаднаго доконника, изъ выложенныхъ известковыхъ плитъ, гдѣ нельзя се полагаться на свои ноги и гдѣ приходится отдаться въ полное распоряженіе верблюда, огибаемъ вершину. Раздаются чайныя понуканія Бедуиновъ: хот! хотти! хот! арри! и оловныя вскрикиванія гха! на которыя верблюды отвѣчаютъ протяжнымъ злобымъ рычаніемъ, то жалобными криками. ретьъ нами безконечно-длинный, но отлогій спускъ къ Сѣбу. Разложившійся гранитъ усѣялъ почву красноватыми аками, среди которыхъ пробивается трава. Спѣшно процимъ зигзагами холмы и овраги; почти на шеѣ верблюда, мящаго своимъ вьюкомъ, скатываемся внизъ въ долину; реть съ неожиданнымъ удовольствіемъ останавливается на поляхъ и кустахъ; это уади Рутухъ, мѣсто горнаго пастда Бедуиновъ Синайскаго монастыря. Но съ сѣвера оазисъ ыкается цѣпью страшныхъ горъ, и въ немъ нѣтъ воды. дѣлаемъ привалъ въ боковомъ ущельи. Съ наступленіемъ и начинается пронизывающій холодъ; все, что есть теплоаго, пологи и подстилки пускаются въ ходъ; Бедуины и вердды всю ночь не отходятъ отъ ярко пылающаго костра.

Еще не брезжило, во второмъ часу ночи, просыпаемся отъ холода, который дошелъ до 6° по Реом., и сильнаго тумана, и молча укладываемся въ темнотѣ: многія вещи закопались въ песокъ — приходится искать ихъ ощупью. Но уже близка цѣль и, по словамъ Бедуиновъ, благодаря нашимъ усиленнымъ маршамъ, мы черезъ семь часовъ должны быть въ Синайскомъ монастырѣ. Правда и то, что этимъ часомъ мы привыкли уже не давать особенной вѣры, но, какъ оказалось, на этотъ разъ напрасно. По положимъ долинамъ, то взбирался, то спускаясь, направляемся на Востокъ, пропуская мимо себя хребетъ слѣва, и вотъ въ этой колоссальной, непрерывной стѣнѣ шейхъ указываетъ одну вершину въ видѣ конической шапки—*Джебель Муса!* Гора Моисея видѣется здѣсь наиболѣе эффектно; подобно бастиону въ углу какой-то колоссальной крѣпости, она видна съ Юга вся разомъ, до подножія; справа отъ нея, по жѣрѣ приближенія, свѣтлѣетъ трещина ущелья, а еще правѣе уходитъ вдаль пикъ Св. Еватеринны. Вновь взбираемся по гребнямъ и кручѣ, трещина расширяется и образуетъ глубокое ущелье, внизу котораго, какъ бы замыкая дорогу, видѣется и самый Синайскій монастырь. Добрый часъ еще бѣжали мы отсюда внизъ по ужасной дорогѣ и истомленные до нельзя восьмичасовою прогулкою пѣшкомъ въ этотъ день, были впущены въ монастырь. Было очень кстати, что прежній обычай Синайскаго монастыря подымать путешественниковъ по стѣнѣ въ корзинѣ дѣтъ пять тому назадъ окончательно оставленъ какъ для высокихъ, такъ и простыхъ особъ. Обычай этотъ возникъ, какъ известно, вслѣдствіе страха постоянныхъ нападений Арабовъ и Бедуиновъ въ XVIII стол. Но давно уже эти нападенія прекратились, и развѣ изрѣдка попытки мелкаго и невиннаго воровства плодовъ и овощей тревожатъ мирныя отношенія Синайскаго монастыря къ свободнымъ жителямъ пустыни. Голодъ и всякія лишения, ежедневная забота о хлѣбѣ насущномъ и истощеніе всѣхъ прежнихъ промысловъ для его добыванія давно сложили непокорную силу сыновъ пустыни. Сложили, но, однако, не уничтожили. Хотя Бедуины теперь стали почти вѣ вассаль-

ную зависимость отъ монастыря, исполняютъ всякія для него послуги, и сотнями толпятся у стѣнъ при раздачѣ хлѣба, однако между ними совсѣмъ нѣтъ христіанъ. И когда нашъ маленькій караванъ вступилъ во внѣшній дворъ, съ сѣвера пристроенный къ монастырскому квадрату, надо было видѣть нашихъ оборванцевъ, съ какою горделивою осанкою подходили они пожать руку отцу ризничему. Они, по правиламъ монастыря, должны были оставаться за стѣнами его, въ то время, какъ мы, нагнувшись, проходили въ узкій, изворотливый корридоръ, ведущій внутрь стѣнъ и снабженный тройными тяжелыми и вѣковыми воротами. Новая, строящаяся для паломниковъ на внѣшнемъ дворѣ, гостинница не готова и не скоро еще можетъ быть кончена, за недостаткомъ средствъ, и наше помѣщеніе отводилось въ томъ ряду келій внутри монастыря, прислоненныхъ къ его сѣверной сторонѣ, гдѣ останавливались едва ли не всѣ путешественники и туристы, посѣтившіе Синай въ наше столѣтіе.

Синайскій монастырь.

По узкимъ, булыжниковымъ мостовымъ разныхъ переулочковъ и ходовъ, по дрожащимъ деревяннымъ лѣстницамъ, подъ какими-то ветхими навѣсами на потемнѣвшихъ столбикахъ, едва переводя духъ, достигли мы нашихъ келій. Все было въ нихъ точно также, какъ я читалъ въ путешествіяхъ арх. Порфирія и Эберса, Норова и Тишендорфа; тѣ же узкія окна съ деревянными рѣшетками, тѣ же жесткіе диваны по стѣнамъ кругомъ, обитые ситцемъ, съ подушками, къ которымъ или нельзя, или больно прислониться. Послѣдовало то же угощеніе, съ араки и финиковыми пряниками, и даже разговоръ вертѣлся около событій, минувшихъ ровно двадцать лѣтъ тому назадъ. На стѣнахъ карандашемъ и на дверяхъ ножичкомъ нацарапаны были имена постояльцевъ, и между ними встрѣчались посѣтители сороковыхъ годовъ, и ученые богословы изъ Оксфорда и Мюнхена мѣшались здѣсь съ перами Англіи и купчихами изъ Симбирска.

Когда я вышелъ на корридоръ, или террасу, на которую открывались двери кельи моей и десяти смежныхъ, то же впечатлѣніе запущенности, чего-то, всѣми покинутого, охватило меня еще сильнѣе. Не будь передъ глазами недавно построенной бѣлой колокольни и ободранной мечети, и крыши Юстиніановой базилики, легко было бы, особенно вечеромъ, представить себя въ одномъ изъ пройденныхъ уади. Такъ смѣшивалось все въ сѣрый цвѣтъ, такъ пожелтѣла штукатурка, такъ примитивно были устроены крыши и циклопическія повоненія стѣнъ, что глазъ не сразу могъ отыскать передъ собою жилье. Еще болѣе хаоса рождало въ общемъ представленіи восточная манера постройки, и всѣ маленькіе дворики и переулочки, подъезы и спуски.

Синайскій монастырь, какъ я вижу изъ книгъ, передо мною лежащихъ, производилъ особенно странное впечатлѣніе на западныхъ туристовъ. Но и тотъ, кто видалъ наши монастыри и знакомъ вообще съ древностями Востока, найдетъ въ немъ много интереснаго и поучительнаго. Громадный по размѣрамъ своихъ стѣнъ и по монументальности ихъ гранитной кладки, четырехугольный ящикъ какъ бы опущенъ сверху въ глубину ущелья; одною стороною онъ поднимается по подошвѣ горы Хорива, другою спускается къ подножію горы Св. Еписипіи; такимъ образомъ, крѣпость стоитъ поперекъ ущелья, и сбоку ея остается лишь узкій проходъ для каравановъ. Извѣстно, что послѣ построенія монастыря Юстиніаномъ, сложилась скоро и кажется, именно у Арабовъ, интересовавшихся этимъ особенно, легенда, что Императоръ казнилъ своего легата — строителя монастыря, за то, что онъ соорудилъ его не на вершинѣ горы, гдѣ ему было повелѣно, но у ея подножія, гдѣ, хотя были источники, но монастырь былъ доступенъ сверху, съ горъ дѣйствию метательныхъ орудій. Въ дѣйствительности, положеніе монастыря, какъ крѣпости, хотя и отступаетъ отъ обычая Востока, но достаточно объясняется нуждою въ водѣ. Ущелье Шу'ейбъ, въ которомъ помѣщенъ Синайскій монастырь, бесплодно до крайности и одно изъ наиболѣе мрачныхъ во всемъ

полуостровѣ; на Югъ оно подымается и тамъ замѣнито горою, которая зеленѣетъ весной и по преданію считается мѣстомъ, гдѣ пророкъ Моисей пасъ стада теста своего Іооора до тѣхъ поръ, пока призванъ былъ видѣніемъ купины. На С. В. ущелье, напротивъ спускается и становится шире, впадая въ обширный уади Эль-Раха, который иныи изъ богослововъ, отождествляющіе одну изъ вершинъ Хорива съ Синаемъ, считаютъ за библейскій Рефидимъ, гдѣ Евреи ополчились станомъ передъ чудеснымъ дарованіемъ заповѣдей. По эту сторону монастыря расположенъ за его стѣнами ви́шній дворъ и садъ.

Но если Синайскій монастырь не производитъ своимъ расположеніемъ особенно сильнаго впечатлѣнія, сравнительно напр. съ древними крѣпостями Грузіи, Малой Азіи и даже Сициліи, или средневѣковыми замками Европы, то онъ выкупаетъ этотъ недостатокъ массивною величавостію своихъ стѣнъ и картиною обступившихъ его съ боковъ горъ. Видъ стѣнъ тѣмъ эффекти́е, что всѣ внутреннія зданія почти не выступаютъ надъ ними, и что весь ансамбль удивительно гармонируетъ съ архитектурою самихъ горъ. Крѣпость имѣетъ въ ширину лишь около 30 сажень и немного болѣе въ ($38\frac{3}{4}$) длину, и потому понятна крайняя, чисто восточная тѣснота всѣхъ строеній внутри нея; всѣ стѣны ими буквально облѣплены; всюду, куда ни взглянешь, видны навѣсы, большіе и малые, поднятые на ветхихъ, деревянныхъ столбикахъ, и въ то время, какъ низъ служитъ для амбаровъ, мастерскихъ, верхъ представляетъ безпорядочные ряды келій; иныи изъ нихъ, словно гнѣзда, подняты на самыя стѣны и выдвинулись даже наружу, точъ въ точъ улья или гнѣзда ласточки. Шаткія, наскоро сколоченныя лѣстницы, приступки и крылечки ведутъ внутрь этихъ убогихъ келій, гдѣ жесткая постель, пальмовая циновка и самодѣльный столъ составляютъ все неприхотливое убранство. Кругомъ базилики всякаго рода пристройки налѣзли до такой степени, что видна только одна свинцовая крыша ея средняго корабля. Исторія бѣдствій, претерпѣнныхъ монастыремъ въ теченіи его 1500 лѣтъ существованія, и многолѣтнихъ осадъ, имъ выдержанныхъ,

одна можетъ объяснить намъ это скопленіе всякихъ построекъ и надстроекъ, надобившихся вдругъ, когда въ стѣны монастыря стекалось все христіанское населеніе полуострова. И какъ тогда, во времена жестокаго халифа Эль-Гахема въ XI вѣкѣ, и въ XIV в., когда землетрясеніе развалило нѣкоторыя стѣны, и въ XVI вѣкѣ, когда, при покореніи Египта Турками, монастырь на время почти опустѣлъ, такъ и понинѣ Синайское монашество устроивается какъ то временно, мало заботясь о будущемъ и своемъ удобствѣ. И еслибы среди монастыря не возвышалась недавно построенная модная колокольня, то, право, трудно было бы указать что либо новое противъ того, что видѣлъ Титмаръ и Трофимъ Коробейниковъ. Не то, что бы всѣ налѣпленные кельи или сакли были древни, — многія изъ нихъ сдѣланы, можетъ быть, въ послѣдніе годы, но ихъ хилость, убожество, ветхозавѣтные приемы ихъ постройки такъ удивительно гармонируютъ съ исторически древними стѣнами, что взоръ невольно принимаетъ и ихъ въ среду древности. Одинъ изъ монаховъ поправилъ недавно южную стѣну, и его циклопическіе контрфорсы удовлетворяютъ самаго притязательнаго туриста — археолога; поправки, сдѣланныя при генералѣ Клеберѣ, выглядятъ, напротивъ, модернизациею. Отъ всѣхъ этихъ пристроекъ и навѣсовъ, внутренность монастыря скорѣе подобна люку, заваленному кипами товаровъ; узкіе переулки, ходы, лѣстницы составляютъ такую путаницу, что путешественнику нѣсколько дней требуется нѣтъ съ собою проводника, чтобы найтись въ этомъ лабиринтѣ. Посреди всего видѣляется длинная базилика, а рядомъ съ нею полуразрушенный минаретъ, нынѣ обращенной въ амбаръ, мечети, которую, по преданію, велѣлъ выстроить султанъ Селимъ, чтобы обезопасить монастырь отъ нападенія мусульманъ. Невольно вспоминаешь при видѣ этой мечети о дипломатическихъ переговорахъ Синайскихъ монаховъ съ самимъ Магометомъ, о дарованномъ имъ будто бы *Синаюахтинамѣ*, и еще болѣе понятенъ становится здѣсь аскетизмъ, возникающій прежде всего изъ небреженія жизни, которая въ подобныхъ тяжелыхъ условіяхъ пе-

ростаётъ быть самымъ дорогимъ даромъ для человѣка. Но, когда бывало подынешься на одну изъ верхнихъ террасъ или въ лунный вечеръ стоишь у парапета, въ видѣ хилой рѣшетки своего корридора, то заснувшій и погруженный во мракъ монастырь получаетъ совсѣмъ иной, глубокой смыслъ. Какъ-то особенно ясно, рѣзко чувствуется его гармонія съ окружающимъ миромъ; легко понимаешь, что жизнь съ ея сутолокою были бы здѣсь болѣе, чѣмъ неумѣстны. Такъ, развалины древнихъ зданій тѣмъ величественнѣе намъ кажутся, тѣмъ больше говорятъ намъ о своемъ великомъ прошломъ, чѣмъ менѣе суетится около нихъ повседневная жизнь; если бы римскій форумъ или Колизей помѣщались на парижскомъ бульварѣ,—на нихъ врядъ ли вздиль бы глядѣть весь свѣтъ. А здѣсь кругомъ монастыря вѣтъ даже и лачугъ, и за стѣнами его царитъ таже дикая пустыня; горы, надъ нимъ нависшія, имѣютъ такой торжественно-строгий, почти мрачный характеръ; отвѣсные склоны горы Св. Моисея или Хорива бѣлѣютъ при лунномъ освѣщеніи и на голубоватомъ свѣтѣ неба представляются какимъ-то волшебнымъ, чуднымъ зданіемъ, а свалившіеся съ нихъ утесы и скалы очарованными его обитателями изъ временъ давно минувшихъ. Безжизненно—мрачный видъ монастыря при дневномъ свѣтѣ, съ его убогою, едва дышащею жизнью, съ томительнымъ сѣрымъ колоритомъ всего окружающаго, смѣняется въ лунную ночь какою-то туманною, но привлекательною картиною. Извѣстно, что и вообще всѣ виды восточныхъ городовъ, исключая развѣ Константинополя, производятъ сильное впечатлѣніе лишь послѣ заката солнца, и нельзя сказать, что бы отсутствіе растительности было въ этомъ случаѣ исключительною или даже и главною причиною. Причина эта кроется, повидимому, въ субъективности нашего созерцанія и художественнаго наслажденія.

Когда, на другой день, подняты частыми ударами въ било, раннимъ утромъ мы пошли обозрѣвать монастырь, начавъ съ базилики, то впечатлѣніе задержанной, затаенной жизни стало еще сильнѣе. Все, что было замѣчательнаго, восходило

болѣе или менѣе ко временамъ Юстиніановымъ, въ VI — VIII столѣтіямъ, къ той эпохѣ въ жизни восточной церкви и византійской имперіи, когда та и другая совместно стремились къ уложенію, обособленію. Первые чистые порывы религиознаго воодушевленія прошли и уже выродились въ явленія безпорядочнаго, тревожнаго характера. Національная рознь уже обозначилась и прорвалась при первомъ движеніи мусульманства на Египетъ; на далекихъ окраинахъ греческаго христіанства являлись обособленныя церкви. Въ эту эпоху Синайскій монастырь дѣлался самъ по себѣ оплотомъ національнымъ и церковнымъ, и распорядливость, сообразительность Грека находила здѣсь матеріалъ въ искренней, жгучей зѣрѣ обращеннаго Араба. Синайскій монастырь явился, такимъ образомъ, если не оплотомъ, то вѣрнымъ пріютомъ православія на мусульманскомъ Востокѣ, и если не игралъ никакой исторической роли послѣ эпохи уложеній и уставовъ, то счумѣлъ сохранить свое значеніе даже до настоящаго времени. Забудьте вѣкоторыя, оскорбляющія васъ подробности, попробуйте взглянуть поверхъ будничныхъ условій и ея обстановки, и все въ немъ напомнитъ вамъ бывшее.

Массивныя стѣны базилики изъ тесаннаго, золото-коричневаго гранита просты и лишены всякихъ украшеній; одно узкое окошечко западнаго фаса въ формѣ креста да двѣ пальмы, исполненныя барельефомъ по сторонамъ, напоминаютъ церкви центральной Сиріи и Грузіи. Но, пройдя узкій нартексъ или преддверіе, вы видите колоссальную дверь изъ кипариса, всю рѣзную, съ изображеніемъ различныхъ эмблемъ и символовъ — работу VIII . IX столѣтій; монахи — любители старины — прибили на ней плитку съ ликожскими эмальями. Напрасно, однако, ожидали бы мы встрѣтить внутри церкви драгоценныя древности: все, что было когда то, пошло въ разныя времена на выкупъ монастыря отъ хищничества Арабовъ и Турокъ. Послѣ того Синайское монашество много разъ, конечно, пыталось по своему исправить дѣла и украсить храмъ; съ потолка теперь висятъ множество лампъ серебряныхъ и мѣд-

ныхъ, по стѣнамъ развѣшаны ряды иконъ Аѳонскаго и Московскаго производства; гранитныя стѣны, колонны и ихъ украшенныя капители приличнымъ образомъ оштукатурены.

Въ алтарѣ находится массивная серебряная рака для мощей великомученицы Екатерины, и надпись говоритъ, что въ 1689 г. «великіе Государи цари Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая Государыня Софія Алексѣевна . . . извѣстіе пріеише отъ присланнаго къ намъ и оныя святныя горы отъ Преосвященнаго архіепископа Іоанникія архимандрита Кирилла, яко оно святое тѣло (вм. Екатерины) не имать серебряныя раки, тѣмъ же воусердствовахомъ блохотѣ и царскимъ нашимъ желаніемъ възелажомъ тощѣ оному святому тѣлу сію серебряную и позлащенную раку изъ нашея царскія казны» и пр. и пр. Однако, и доселѣ мощи великомученицы находятся въ низкомъ мраморномъ саркофагѣ, древнемъ, простомъ и изящномъ, и нельзя, увидавъ серебряную раку, не похвалить за то монаховъ. Но время архіепископа Іоанникія было для Синая своего рода эпохою процвѣтанія: прекрасныя образа иконостаса, амвоны, наои и киворіи, украшенныя перламутровою мозаикою по дереву и по черепахѣ, исполнены искусствомъ и усердіемъ самихъ монаховъ въ концѣ XVII вѣка. Смотря на эти работы, истинно вздыхаешь: такъ близко уже время, когда и это восточное производство, вслѣдъ за многими другими, отойдетъ въ область древности, археологіи. Уже въ самомъ Каирѣ кустарные промыслы мозаистовъ прекратились и замѣнены фабричными издѣліями, грубѣющими болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ и привлекающими къ себѣ только англичанъ. И опять Синайскій монастырь, въ простотѣ и неизмѣнности своихъ вкусовъ, запаса настолько этими издѣліями, что будетъ весьма естественно, когда именно сюда пріѣдетъ будущій изслѣдователь восточныхъ мозаическихъ рисунковъ. Когда мы попросили на дворѣ одного монаха дать изъ своей келии какой либо стулъ, то онъ вынесъ намъ кресло съ инкрустациями столь торжественнаго характера, что любитель-парижанинъ пришелъ бы въ энтузіазмъ и хорошо заплатился бы за него въ

отелѣ Друб. Но надъ всѣми драгоцѣнностями восточнаго искусства возвышается покрывающая полу-куполь алтаря древняя мозаика Преображенія, обрамленная медальонами и орнаментами, работы VII—VIII столѣтій. Изъ своего отдаленія, какъ бы пропавшее среди пустыни произведеніе древняго художества съ давнихъ поръ уже тревожитъ покой археологовъ, пытливо гадавшихъ о времени его происхожденія. Пышно, по восточному, убрана капелла Неопалимой Купины, находящаяся за алтаремъ; стѣны ея облицованы въ концѣ XVII вѣка синими кафлями съ цвѣтными разводами на нихъ, а полъ, на который вступаютъ, снявъ всякую обувь, покрытъ старыми восточными коврами; мѣсто явленія Купины, приходящееся въ срединѣ капеллы, у подножія алтаря, закрыто серебрянымъ помостомъ, на которомъ вычеканены иконы. По своимъ размѣрамъ и устройству, капелла столь походитъ на подобныя сооруженія въ Визеэемѣ, Римѣ, что, ея позднее убранство не должно смущать какъ поклонника святыни, такъ и изслѣдователя старины.

Не подалеку отъ базилики, повернувъ отъ нея на право, проходишь затѣмъ подъ сводами, образующими длинный, непомерно длинный корридоръ, въ родѣ катакомбъ, и, вновь поднявшись по наружной каменной лѣстницѣ, входишь въ крохотную церковку, и наконецъ, уже по деревянной лѣстницѣ, въ залъ, надъ дверьми котораго читалась еще недавно надпись: *ἰατρῆϊον ψυχῆς*—*лѣчебница души*. Если вѣрно, что подобная надпись появилась впервые надъ гробницею Озимандіаса при Рамзесѣ II, то врядъ ли Синайскіе монахи понимали ее такъ, какъ знаменитый угнетатель Евреевъ и, конечно, не думали о той ироніи, которая будетъ звучать въ этихъ словахъ. Эта мнимая лѣчебница есть знаменитая библіотека рукописей, тотъ богатѣйшій складъ древнихъ пергаменныхъ кодексовъ, къ которому уже съ XVI вѣка устремляются одинъ за другимъ изслѣдователи, палеографы и библіоманы Европы. Венеціанская библіотека *Марціана* обогатилась изъ этого склада, а наша публичная библіотека украсилась изъ него дивнымъ *Си-*

найсими кодексомъ Евангелій, который, хотя бы и не былъ столь древенъ, какъ утверждалъ привезшій его лейпцигскій библиологъ Тишендорфъ, все же драгоценность, можно сказать, величайшая. Ничего подобнаго, быть можетъ, не найдутъ въ нашешъ столѣтїи по древней палеографїи, и увѣ! ничего такого именно въ Синайскомъ монастырѣ. И, однакоже, одна масса рукописей его стоитъ вниманїя: около полутора тысячъ греческихъ, семьсотъ арабскихъ и грузино-армянскихъ и т. д. Есть свитки пергаменные, развернувъ которые, надо держать нѣсколькимъ человекамъ. Есть и Псалтырь микроскопическаго письма, убравшаяся вся въ шесть страничекъ въ 12-ю долю. О. ризничій рассказывалъ мнѣ, что одинъ англійскій лордъ, увидавъ писанное золотомъ Евангеліе съ богатою живописью миниатюръ, сулилъ за него монастырю суммы отъ 1000 фунтовъ и выше, но Синайское монашество твердо помнитъ завѣты своихъ предковъ, налагающіе осужденіе за продажу рукописей, и это, несомнѣнно, дѣлаетъ ему большую честь. Конечно, съ XVI вѣка, когда въ Синай поступила масса рукописей, вывозившихся изъ Константинополя и Крита, и когда сдѣланы на нихъ едва ли не послѣднія поимѣтки самими монахами, ихъ любовь къ древнимъ манускриптамъ превратилась въ платоническую. Великолѣпные и рядомъ же сгнившіе, или истлѣвшіе манускрипты кучами разложены по ящикамъ и мирно покоятся тамъ до тѣхъ поръ, пока не прїѣдетъ любитель. Толстый, добродушный о. экономъ принесетъ тогда связку ключей въ полпуда вѣсомъ, отомкнетъ завѣтные ларцы и начнетъ носить вамъ, трудясь истинно въ потѣ лица своего, груды за грудой. Рукописи, положимъ, и понумерованы, да номеровъ нельзя никакъ добиться: все сложено по формату въ ларцы, а шкаповъ сдѣлать не на что. Рукописи находятся притомъ въ трехъ мѣстахъ, перемежаны съ инкунабулами; инны сохраняются только потому, что ихъ никогда не трогаютъ, а тронь, такъ разсыпется мелкимъ мусоромъ,—такъ она истлѣла. Какъ во времена Тишендорфа, двадцать лѣтъ назадъ, такъ и теперь есть и корзины съ листьями, только ихъ не употребляютъ уже

на приманку для удочек и не дают туристамъ. Синайскій кодексъ, вѣдь, былъ открытъ на днѣ подобной корзины. Какъ начнешь рыться въ такой корзинѣ, такъ просто дѣлается дурно отъ затхлости, и о. экономятъ упрощиваетъ оставить хламъ: ему самому неприятенъ этотъ духъ, и онъ старается держаться ближе къ окну; десятки насѣкомыхъ и пауковъ торопливо разбѣгаются, потревоженные въ своихъ жилищахъ. И, конечно, мало пріятнаго видѣть древніе, едва держащіеся папирусы завернутыми въ тряпку, или смотрѣть на выставку наиболѣе любопытныхъ листовъ унциальнаго письма, наколоченныхъ гвоздиками на доски, но вѣдь причиною этого варварства та же бѣдность. Конечно, у Синайскихъ монаховъ остается одно, такъ сказать, историческое право на владѣніе всѣми этими сокровищами и никакого, повидимому, нравственнаго права держать ихъ въ такой дали отъ всѣхъ центровъ науки и въ такомъ убожествѣ, хотя бы эти рукописи и составляли ихъ неотъемлемую юридическую собственность. Мало того: у англичанъ и нѣмцевъ изыатіе тѣмъ или инымъ способомъ рукописей изъ монастыря, гдѣ ими горшки заклеиваютъ, или на кусочки пергамента рыбу ловятъ, считается вѣдь спасеніемъ древности и заслугою для науки. Но, Боже мой, какъ рѣдко, въ дѣйствительности, разграбленіе подобныхъ историческихъ складовъ дѣлается для науки, а не для удовлетворенія тщеславія, суетнаго самодурства, и какъ много рѣдкостей, восхищавшихъ восточнаго туриста и оторванныхъ отъ своего гнѣзда и обезображенныхъ, попадаютъ затѣмъ въ кладовыя лорда—маніака и тамъ подъ покровомъ цивилизаціи на многія столѣтія пропадаютъ для науки. Потому ужъ пожелаемъ лучше Синаю и Аѳону хранить свое вѣковое достоинство: настанутъ когда либо лучшія времена, и разумное право будетъ приложено къ незамѣнимымъ сокровищамъ науки и древностей Востока. А пока, конечно, тѣ, кто нынѣ распоряжаются Востокомъ, держать на откупъ Египетъ, правятъ сами или чрезъ другихъ въ Турціи,—англичане, однимъ словомъ, закупаютъ и забираютъ, не стѣсняясь ничѣмъ, все, чѣмъ можетъ похвалиться чудовищный

Кенсингтонскій музей, или что можетъ быть скрыто въ подвалахъ Британскаго музея; и текутъ туда по прежнему греческія и славянскія рукописи, и лежатъ онѣ тамъ десятинами лѣтъ, пока французъ, или нѣмецъ, или русскій ученый не придутъ ими заняться. Пока же тѣ ученые, которые жаждутъ покинуть на время перетолчѣнный матеріалъ своей науки и вмѣсто того, чтобы перевертывать этотъ тришкинъ кафтанъ, вздумаютъ заpastись свѣжимъ и влить немного молодого вина въ иѣхи старне, вынуждены страствовать, искать, и иногда искать не положеннаго, или давно взятаго. Однихъ приводитъ пылливость изъ Лейпцига и Берлина (Тишендорфъ, Эберсъ, Гардтгаузенъ), другихъ изъ Загреба (Гейтлеръ), и сидятъ иныя по цѣлымъ мѣсяцамъ, разбирая и дешифрируя мелкія глаголическія рукописи Псалтыри и Служебника, или записи греческихъ манускриптовъ.

Да и что же другаго дѣлать въ Синайскомъ монастырѣ? Развлеченій въ немъ крайне мало. Ночью еще, часу въ пять, вась пробуждаетъ церковное било, на которомъ дробно и громко выбиваетъ ключарь призывъ къ службѣ. Утренняя тянется часа полтора или два, если есть какой либо праздникъ иѣстный, или поминованіе одного изъ синаитовъ; тянется медленно, монотонно, заунывное пѣніе смѣняется чтеніемъ, въ которомъ не разберешь ни одного слова; разъ даже я видѣлъ, какъ упалъ задремавшій въ своемъ мѣстѣ монахъ. Послѣ службы монастырь распыается по своимъ занятіямъ: кто плотничаетъ и столярничаетъ, кто мелетъ хлѣбъ, кто готовитъ трапезу, стираетъ бѣлье, шьетъ и чинитъ. Послѣ трапезы, обильной, но тяжелой и мало прихотливой, изъ чечевицы, бобовъ, кореній, овощей, — козье мясо подается только гостямъ, да и то не часто, — монастырь укладывается отдыхать. Въ половинѣ четвертаго опять служба, и только въ шесть часовъ монахи и калогеры или послушники освобождаются отъ обязательныхъ дѣлъ и могутъ предаться своимъ любимымъ занятіямъ; кто ухаживаетъ за своимъ садикомъ, разведеннымъ на крышѣ или балконѣ своей кельи, кто идетъ работать въ садъ. Мо-

настырскій садъ—единственное мѣсто прогулки въ Синайскомъ монастырѣ; имъ гордятся монахи и его лелѣютъ и берегутъ, пуще всего остальнаго. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ этого стоитъ, но вовсе не потому, чтобы онъ былъ красивъ и великъ, а потому, что онъ питаетъ монастырь, скрашиваетъ монахамъ ихъ однообразную пищу и еще болѣе однообразную жизнь. Нѣтъ ни одного между ними, который бы не имѣлъ своего уголка въ саду, специально имъ завѣдуемаго и обрабатываемаго. Вечеромъ, когда всѣ соберутся въ саду, начнутъ пускать воду по грядкамъ, ощипывать и полоть, цапать и подвязывать, всѣ эти угрюмые и молчаливые отшельники словно преобразаются: слышны шутки, смѣшки, окрики, и только присутствіе отца ризничаго сдерживаетъ разгулы веселья. Днемъ нашъ мѣтръ-д'отель Косма, молча подающій намъ кушанье, вино и кофе, глядитъ такъ сдержанно и мрачно, и когда мы начинаемъ его спрашивать, или съ нимъ разговаривать, ограничивается тревожнымъ взмахомъ рукъ и однимъ отвѣтомъ на все: кало, кало! Вечеромъ этотъ самый отецъ неузнаваемъ: такъ любовно лавитъ онъ по рядамъ артишоковъ и огурцовъ и съ такимъ дѣтскимъ энтузіазмомъ сажаетъ арбузы и дыни. И не даромъ любятъ всѣ монахи свой садъ—онъ имъ достается тяжелымъ и неуспыннымъ трудомъ. Синайскій монастырь лежитъ на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря; по ущелью его вѣчно тянетъ утромъ въ одну сторону, вечеромъ въ другую вѣтеръ; въ ущельѣ рѣдко бываетъ жарко, но часто холодно; два мѣсяца свирѣпствуетъ зима; весна поздняя и теплое лѣто кратко. Климатъ, хотя и суровый, горный, мало или вовсе не влажный, благодаря обилію солнца, однако же довольно благопріятенъ для растительности. Но для нея, кромѣ солнца, надобна вода, и провести ее изъ глубокихъ родниковъ, распределить всюду, оросить все, отъ громадныхъ смоковницъ до кочана капусты, трудъ не малый. Все бы ничего, если бы не было постоянного и страшнаго врага—полой воды съ горъ весной, которая уноситъ издалека навоженную землю, роетъ ямы и канавы, разрушаетъ иногда треть и половину сада; противъ этого

врага трудолюбіе калогеровъ и сербалье (б. вѣрѣстныхъ Арабовъ) монастыря выставило цѣлыя циклоническія сооруженія, стѣны, террасы, рвы и канавы. Здѣсь, какъ и на почвѣ Зеландіи, наибѣйшее несмотрѣніе и небрежность готовятъ гибель культурѣ: прорвалась стѣна, хлынулъ страшными массами потокъ, и въ два, три часа на мѣстѣ плодороднаго сада воцаряется пустыня, и многолѣтняго труда будетъ стоять убрать горы наваленныхъ камней и песку и создать вновь производительную почву. Саранча, хотя и рѣдко попадаетъ на Синай, также обижаетъ монаховъ; столѣтніе кипарисы сада стоятъ отъ нея и доселѣ, подобно обглоданнымъ метелкамъ; вся кора на нихъ съѣдена. Финики здѣсь расти не могутъ, за то процвѣтаютъ смоквы, яблони и груши, абрикосы, вишни и сирень; виноградная культура слабая, и монастырь все вино свое получаетъ съ Крита и изъ Малой Азіи. Вообще же Синайскіе монахи, видимо, удержали еще Гомеровскій взглядъ на природу: ея красота для нихъ въ полезности, производительности и богатствахъ, даруемыхъ человѣку; поэтому въ саду нѣтъ уголка, назначеннаго единственно для удовольствія. На одной сторонѣ сада длинный двойной склепъ назначенъ для храненія останковъ умершихъ монаховъ: кости, руки, головы, ребра расположены по стѣнамъ и составляютъ разныя рисунки; но впечатлѣніе этой камеры мертвыхъ уныло и скудно, и она совершенно не идетъ въ сравненіе съ подобными кладбищами монастырей Италіи и Сициліи. На другой сторонѣ сада ветхая башня служила когда-то темницею; черезъ люкъ верхней камеры нѣкогда опускали монаховъ, осужденныхъ за большія вины, на лишеніе пищи и свѣта деннаго, въ нижнюю глухую тюрьму, подобную знаменитой мамертинской въ Римѣ. Варварство это давно вышло изъ употребленія, да и монахи стали, говорятъ, болѣе самостоятельны; едва только выговоритъ кому либо ризничій, какъ тотъ уже и разсердился: «давай, говоритъ, верблюда,—я въ міръ хочу». Да и монаховъ-то немного: всего 18 человѣкъ, а монастырю жить становится тяжеле и труднѣе съ каждымъ годомъ; ему нужны свои рабочія руки, а къ нему

приходятъ лишь увѣчные и убогіе, и неграмотныя. На самомъ Синаѣ пришлось оставить пустыни всѣ капеллы и большой монастырь 40 мучениковъ; дѣла стоятъ по цѣлымъ годамъ безъ движенія, какъ напр. поправки, починки и постройки; покупать же издалека стоитъ дорого. Каждая доска, привезенная изъ Триеста и доставленная на верблюдѣ, обходится въ полтора франка. Монахи всѣ изъ Грековъ, и одинъ только русскій, отецъ Симеонъ, изъ отставныхъ, котораго при насъ не было, — онъ ушелъ въ Тифлисъ. Почтенный архіепископъ, встрѣчаясь съ нами, часто намъ объ о. Симеонѣ рассказывалъ, какой тотъ умный и ловкій, и какъ онъ его намѣренъ въ іеромонахи произвести, хотя онъ и неграмотный. Живутъ монахи на Синаѣ долго, доживаютъ до 120 лѣтъ и больше; инне ходятъ согбенными до земли и совсѣмъ впадаютъ въ дѣтство, а все таки просятъ постоянно въ отлучку, въ Каиръ, Александрію, на Критъ, гдѣ монастырь имѣетъ свои подворья, имѣнія или иное имущество, управлять конии посылаютъ самыхъ умныхъ и вѣрныхъ. И это страстное желаніе поглядѣть на Божій міръ усиливается еще болѣе потому, что онъ, этотъ міръ, такъ далекъ, и между нимъ и монастыремъ легла десяти дневнымъ путемъ мертвая пустыня; отсюда и Суецъ, и даже Эль-Торъ представляются монаху раемъ, ибо тамъ приволье, свобода, а не эта клѣтка — монастырь. Мы поняли скоро, отчего Синайское монашество высыпаетъ вечеромъ на стѣны и въ садъ. Молодые чувствуютъ свою ссылку сильнѣе и глубже, и держатъ себя поѣтому мрачно и сосредоточенно, тогда какъ старики спрашиваютъ васъ съ большимъ удовольствіемъ и о томъ, какая въ Россіи зима, и растутъ ли тамъ финики и смоквы, и какъ русскіе задавали макаронны туркамъ, т. е. о послѣдней войнѣ.

Такіе милые старики — подобнаго добродушія старыхъ людей въ монашествѣ часто найдешь и нынѣ — сами заманиваютъ васъ на прогулки внѣ стѣнъ, и на Хоривъ, и въ монастырь Сорока мучениковъ. По отвѣсной стѣнѣ Хорива, по неправильнымъ, частью природнымъ, частью же искусственнымъ

ступенямъ, устроеннымъ отшельниками, здѣсь въ стѣнахъ горы съ III-го вѣка жившими; тамъ, гдѣ восходилъ Моисей, мимо источника свѣжей воды, вымоленного когда-то святымъ, капелли Маріи и пещерныхъ капелль Иліи и Елисея, мимо вѣковаго, одинокаго кипариса, черезъ двое вратъ, паломники достигаютъ, вершины святой горы, и кромѣ прелестныхъ видовъ, открывающихся здѣсь во все стороны, уносятъ отсюда въ сердца своемъ отзвукъ дивныхъ повѣствованій. Вотъ одно изъ нихъ. Убивъ пророковъ Ваала, служителей нечестивой Іезавели, пророкъ Ілія (III кн. царствъ, XIX, 9—13) «бѣжалъ изъ Іудей; онъ шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей до горы Божіей, Хорива. И вошелъ онъ тамъ въ пещеру и ночевалъ въ ней. И вотъ, было къ нему слово Господне, и сказалъ ему: что ты здѣсь, Ілія? Онъ сказалъ: возревновалъ я о Господѣ, Богѣ Савваоѣ; ибо сыны Израилевы оставили заветъ, Твой, разрушили Твои жертвенники, пророковъ Твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ, но и моеѣ души ищутъ, чтобы отнять ее. И сказалъ: выйди и стань на горѣ предъ лицемъ Господнимъ. И вотъ, Господь пройдетъ, и большой, и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь. Послѣ землетрясенія огонь, но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня *сильнѣе тихаго вѣтра*, и тамъ Господь...» Число ступеней до вершины считаютъ разное, отъ трехъ тысячъ и больше; самая же вершина подымается до двухъ съ половиною тысячъ футовъ высоты надъ монастыремъ, такъ что приходится на 7300 англ. футовъ надъ моремъ и даетъ удивительные виды на эти безснѣжные Альпы Синайскаго полуострова. Мѣсто равно священное для Евреевъ, Христіанъ и Мусульманъ, ибо послѣдніе твердо вѣрятъ, что пророкъ ихъ дважды посѣщалъ монастырь, и слѣдъ верблюда, несшаго пророка, показывается на срединѣ пути. Восторженными отзывами о впечатлѣніяхъ этого восхожденія наполнены и переполнены дневники Эберса, Фр. Штраусса, Робинсона, Стефенса, Фрааса, Станлея, гр. Лоттенъ де Лаваль,

Норова, арх. Порфирія и пр. и пр.; иные изъ нихъ называютъ день восхожденія счастливѣйшимъ днемъ своей жизни. Впрочемъ, для англичанъ счастье заключается въ самомъ процессѣ восхожденія, и какъ нѣтъ той горы на свѣтѣ, куда бы ихъ туристы не слазили, такъ и здѣсь ихъ инженеры вычислили, а гидъ Робинсона собралъ размѣры всѣхъ высотъ Синайскаго полуострова: Хоривъ или Джебель Муса—гора Моисея имѣетъ 7359 англ. футовъ; Расъ есъ Сафсафъ — другая вершина на сѣверъ отъ нея—6830 ф., и гора Св. Екатерины—8526 ф. и т. д. Но если всѣ измѣренія горъ исполнены съ крайнею точностью, то самая произвольная, отчаянная путаница овладѣла теперь важнѣйшимъ вопросомъ о библейскихъ именахъ этихъ вершинъ, хребтовъ и долинъ. Одни изъ ученыхъ и богослововъ: де-Лабордъ, Фр. А. Штраусъ, Тишендорфъ, арх. Порфирій опираются въ этомъ вопросѣ на преданіи, притомъ на преданіи Христіанскомъ, такъ какъ всѣ мѣстности Синаи, стояція въ связи съ библейскимъ повѣствованіемъ, получили свои имена и различными капищами и часовнями были окрещены еще у древнѣйшихъ обитателей Каменистой Аравіи въ первые вѣка христіанства. Другая партія, которая считаетъ между своими приверженцами такихъ ученыхъ, какъ Лепсіусъ, Вругшъ, Эберсъ, исходя изъ того взгляда, что это преданіе не стоитъ въ непрерывной связи съ временами Исхода Евреевъ и, напротивъ, находится въ противорѣчій съ указаніями географовъ и путешественниковъ VII вѣка, — эта партія подвергаетъ сомнѣнію всѣ общепризнанные пункты и въ личныхъ наблюденіяхъ ищетъ основанія для непреложныхъ опредѣленій. Помоему, самый видный результатъ всѣхъ этихъ споровъ и состязаній былъ пока тотъ, что они внесли теперь путаницу, такъ сказать, въ самое преданіе: монахъ-проводникъ не рѣшается теперь вамъ сказать прямо: вотъ Синай!, а скажетъ обинякомъ: говорятъ, что это и есть самый Синай, а, можетъ быть, и нѣтъ! Такъ напугали ихъ ученые англійскіе богословы. Споръ вертится, вотъ уже сорокъ лѣтъ, на томъ, гдѣ искать Синай или *гору закона*: возлѣ Хорива (иначе самаго

монастыря) и притомъ въ крайней съ Юга или Сѣверной вершинѣ хребта, именуемаго горою Моисея, центръ которой составляетъ Хоривъ? Или же видѣть Синай со всѣми священными мѣстностями въ уединенной горѣ Сербаль, на день пути въ сѣверномъ направленіи отъ монастыря, тамъ, гдѣ обширное и водное уади Фейранъ съ развалинами города можетъ быть сочтено за долину Рафидимъ, пріютившую станъ Евреевъ противъ подножія Синая, на три дня, на срѣтеніе Богу? Не рѣшая вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, замѣтимъ, однакоже, что, прежде чѣмъ разрушать или оспаривать преданіе, должно его во всѣхъ подробностяхъ изучить — таковъ приемъ современной науки. Отъ дней Исхода до Христа, въ синайскомъ преданіи, конечно, есть перерывъ и громадный, но прежде нежели это преданіе стало руководить христіанъ, оно было извѣстно Евреямъ. Ибо во дни царя Давида малолѣтній царевичъ Адеръ спасся въ Синайскій городъ Фаранъ, а Соломонъ и Иорамъ строили на берегахъ Синайскаго полуострова свои флоты и отсюда торговали съ Офиромъ, а затѣмъ явились туда Греки, эти собиратели преданій и мѣстовъ, передавшіе ихъ своимъ потомкамъ христіанамъ. Возможно, что самъ Ап. Павелъ въ своемъ путешествіи изъ Дамаска въ Аравію въ 40 году по Р. Х. посѣждалъ здѣсь сѣмена новой вѣры; вѣрно затѣмъ, что уже во времена Траяна христіанство имѣло здѣсь много истинныхъ и еще больше рьяныхъ того послѣдователей, а въ 285 году, гдѣ-то на берегу Краснаго моря поселился Св. Антоній, знаменитый другъ Аванасія. Согласимся затѣмъ, что для первыхъ поселенцевъ-христіанъ былъ столь же извѣстенъ Хоривъ — гора Божія, около которой селились отшельники, и при Юстиніанѣ между 527 и 557 годами на предполагаемомъ мѣстѣ явленія Кунины, построенъ монастырь, какъ знакомъ и единственный городъ на полуостровѣ и епископская резиденція — Фаранъ. Какъ же будемъ понимать мы тогда опредѣленія Синайскихъ мѣстъ, данныя отцомъ церковной исторіи Евсевіемъ Памфиломъ? По его свѣдѣніямъ, Рафидимъ — мѣстность въ пустынѣ *у Хорива*, тамъ, гдѣ совершилось чудесное изведеніе

воды, — мѣсто искушенія, гдѣ, *вблизи Фарана* Иисусъ Навинъ побѣдилъ Амалека. Итакъ, Рафидимъ есть долина у подножія Хорива, и Синай долженъ быть тамъ же, въ одномъ ряду съ нимъ, только особой вершиною этого ряда или хребта, какъ и гора Св. Екатерины. Къ тому же мы знаемъ, какихъ трудовъ и какого времени требовало передвиженіе громаднаго стана Евреевъ въ пустынныхъ долинахъ Синайскаго хребта: «въ третій мѣсяць по исходѣ сыновъ Израиля изъ земли Египетской, пришли они въ пустыню Синайскую. И двинулись они изъ Рафидима и пришли въ пустыню Синайскую, и расположились тамъ станомъ въ пустынѣ; и расположился тамъ Израиль станомъ противъ горы». Съ своей стороны я не знаю картины болѣе грандіозной, какъ видъ Синая съ юга изъ долины Себайъ и потоку присоединяющъ къ старому мѣстѣ.

Кто пожелаетъ, въ бытность свою на Синаѣ, еще болѣе погрузиться въ эти безплодныя гаданія о библейскихъ его мѣстностяхъ, тотъ пусть совершитъ и вторую прогулку изъ монастыря пѣшкомъ, или на вѣрблюдѣ, въ уади Леджа, къ уединенному и нынѣ совсѣмъ пустынному монастырю *сорока мучениковъ*. Обычная дорога ведетъ на сѣверъ по склону долины Шу'эйбъ въ широкое уади Эль-Раха, проходитъ подъ отвѣсными стремнинами Расъ-эль-Сафсафъ или сѣверной вершини Хорива, огибааетъ затѣмъ мимо сада бывшаго монастыря Апостоловъ, гдѣ текущій источникъ принимается за изведенный чудесно Моисеемъ, и вступаетъ налѣво въ узкую лощину, замыкаемую этимъ монастырькомъ. Вся мѣстность образуетъ около хребта Хорива родъ подковы, и чего только не показываютъ монахи и Бедуины на этомъ пути: и ямочку, въ которой отлить былъ Евреями телець, и скалы, съ которыхъ Моисей сбросилъ скржалы, и тотъ самый камень, изъ котораго онъ извелъ воду; онъ испещренъ надписями, старыми и новѣйшими. Этотъ камень, и засыпанный пескомъ, раза въ четыре выше челоуѣка; на одной сторонѣ онъ имѣетъ въ порфировой жилѣ, проходящей сверху до низу двѣнадцать природныхъ или искусственныхъ ступенекъ и вмѣстѣ углубленій и, вѣроятно, въ глубо-

чайшей древности служилъ фетишемъ, какъ догадывается еп. Порфирій. Но, не смущаясь этимъ родомъ преданій, должно сосредоточить свое вниманіе на чудномъ строеніи горъ, въ которыхъ потрескавшійся гранитъ представляетъ то зеркальныя желтокоричневныя стѣны, то подымается зубцами наверхъ, подобно золотымъ колоссальнымъ сталактитамъ. Отсюда всходить — трудный и головоломный путь установленъ англичанами — на иррациѣйшую гору Св. Еватерены, и оттуда, съ высоты какихъ либо семи тысячъ футовъ созерцаютъ на мгновеніе острую пирамиду Синая — Синая монашескаго, приходящуюся въ южномъ углу подковы. Влѣзши на гладкій желтоватый утесъ, имѣя подъ собою пропасть, покрытую острыми, разодранными и сокрушенными скалами, а направо тутъ же, какъ бы рядомъ, гранитную гору, видишь Синайскую вершину въ яркомъ розовомъ колоритѣ. Подобно древней шапкѣ Казанскаго или Сибирскаго царства, она уставилась тонкимъ пикомъ въ небо; опушкою ей служатъ колоссальныя вертикальныя утесы, а стремнины внизу уходятъ куда-то вглубь, между горъ. Можетъ быть, кого либо убѣдитъ и то обстоятельство, что единственно эта вершина сводится въ острый пикъ, уподобляющій ее вулкану, и что Сербаль подобнаго пика нигдѣ не имѣетъ, а гл. 19-я книги Исходъ говоритъ: «Гора же Синай вся дымилась отъ того, что Господь сошелъ на нее въ огнѣ; и восходилъ отъ нея дымъ, какъ дымъ изъ печи, и вся гора сильно колебалась». Долина Леджа обильна водою, но совсѣмъ напрасно сомнѣвается и остритъ Эберсъ надъ тѣмъ, что монахи въ ней то и помѣстили чудо изведенія воды въ безводной пустынѣ: вѣдь еслибы, наоборотъ, преданіе указывало на безводное мѣсто, то острили бы еще болѣе. Въ той же долинѣ на скалахъ находится нѣсколько и знаменитыхъ Синайскихъ надписей, о которыхъ поднялось такъ много спору изъ за догадокъ, кому онѣ принадлежатъ, прежде, чѣмъ онѣ прочитаны и поняты. Монастырекъ 40 мучениковъ или Эль-Арбаннъ, въ память пострадавшихъ при Діоклеціановомъ гоненіи въ 305 году, построенъ на подобіе монастыря Св. Еватерины,

но гораздо меньше, уютнѣе и красивѣе его; при немъ прекрасный садъ съ маслинами; нинѣ самый монастырь повинутъ на двухъ арабовъ, и въ немъ нѣтъ ни одного монаха. Вообще же, всѣ Синайскія святія мѣста окончательно опустѣли; часовни и церковки разваливаются, пещеры засыпаются пескомъ и камнями, и въ такомъ видѣ показываютъ паломникамъ даже мѣста, гдѣ потрудился Іоаннъ Клымакъ, или гдѣ обиталъ пророкъ Ілія. Тѣ паломники и туристы, которые прїѣзжаютъ сюда, поглядѣвъ на многоязычную толчею Іерусалима, горько жалуются и наполняютъ свои дневники описаніями Синайской запущенности; имъ бы хотѣлось, вѣроятно, чтобы въ каждой пещерѣ сидѣлъ монахъ и своимъ пребываніемъ свидѣтельствовалъ наглядно, что здѣсь могъ жить и жилъ такой-то отшельникъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Пусть каждый, по своему личному вкусу рѣшаетъ, что лучше и что хуже, а мы предпочитаемъ эту пустынную и запущенность.

Правда, однако же, и то, что эти стороны Синайскаго пейзажа и жизни не всегда дѣйствуютъ благотвительно на человѣка, примиряя его съ дѣйствительностью, заставляя его находить и открывать въ ней многое, къ чему уже притушился пресыщенный взглядъ современнаго чада европейской культуры, и цѣнить то, чѣмъ привыкли пренебрегать. Продолжительное пребываніе въ Синайскомъ монастырѣ дѣйствуетъ на туриста — говоримъ по собственному опыту, проживъ тамъ до трехъ недѣль — угнетающимъ образомъ. Вѣдь и Евреи, приведенные сюда Моисеемъ на срѣтеніе Богу и претерпѣвшіе свое страстіе по пустынѣ, ради приготовленія къ закону, готовились въ будущемъ наследовать землю обѣтованную. А если высокіе духомъ отшельники стремились сюда, на Синай, чтобы каждый часъ ихъ жизни походилъ на часъ смертный, и находили здѣсь полное удовлетвореніе своимъ требованіямъ, то какъ должна дѣйствовать ихъ неизмѣнившаяся въ тысячелѣтіе обстановка на живаго человѣка? Здѣсь человѣкъ работаетъ усиленно, снѣшить; здѣсь мысль объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ не приходитъ никому въ голову, и рѣдко услышите вы въ мо-

настырь оживленный разговоръ. Рядомъ съ нами, въ кельѣ томится больной епископъ съ Крита и въ долгія бессонныя ночи слушаетъ монотонное чтеніе молитвъ или миней; но и этотъ разбитый на ноги девятистолѣтній старикъ радуется, какъ дитя, когда, по нашему совѣту, воспаление его глазъ проходитъ отъ примочекъ холодною водою. И онъ держится за ниточку, привязывающую его къ жизни. Монахи съ большимъ рвеніемъ помогаютъ намъ въ фотографическихъ работахъ и живо интересуются ихъ успѣхомъ. При фотографированіи темныхъ дверей и погруженныхъ во мракъ мозаикъ, намъ, уже отчаявавшимся добиться какого либо толку, вспало на мысль, что можно было бы освѣтить ихъ отраженіемъ черезъ зеркало отъ лучей, бившихъ въ окно, но разомъ другая мысль: гдѣ же тутъ, у монаховъ найти зеркала? Однако же нашлись и были принесены, и зеркальца эти имѣли видъ владимірскихъ издѣлій, весьма бывшихъ въ употребленіи. Туристы любятъ подмѣчать подобныя слабости у монаховъ: по нашему малодушію, непременно требуется хотя какъ нибудь подкопаться подъ другою челоуѣка, если онъ на насъ не похожъ, или почему либо стоитъ выше насъ. Но подъ конецъ нашего пребыванія въ монастырь намъ было не до этого невиннаго занятія, и мы охотно готовы были признать за Синайскимъ монашествомъ ту силу духа, которая дала имъ довольство своимъ положеніемъ и завоевала мирнымъ путемъ каменистую Аравію. Потому что, дѣйствительнымъ, — хотя не особенно счастливымъ — владѣтелемъ этой пустынной страны, населенной двумя, тремя тысячами Бедуиновъ, является теперь монастырь. И то правительство, которое догадалось бы подарить монастырю парходикъ для регулярныхъ сообщеній Суеца съ Эль-Торомъ, легко пріобрѣтало бы своего рода протекторатъ надъ всѣмъ Синайскимъ полуостровомъ или Петрэю. А вѣдь это что нибудь да значить по сосѣдству съ тою частью Британскихъ владѣній, которая носитъ названіе Египта! Пока же Синайское монашество, копошась въ своемъ ульѣ, собирая и сберегая, едва сводитъ концы съ концами, но въ монастырь, а не къ англійскому консулу притекають толпы

Бедуиновъ, прося хлѣба. Находясь въ постоянномъ общеніи съ Бедуинами, монахи мало по малу усвоиваютъ себѣ и строгіе нравы этихъ сыновъ пустыни. Немногіе изъ нихъ пожелали сняться въ нашемъ фотографическомъ аппаратѣ и только на наши просьбы, что мы хотимъ сами имѣть ихъ портреты, согласились позировать. Дѣло удалось легко съ самими монастырскими Бедуинами, но стоило страшныхъ хлопотъ съ тремя бедуинками, которыя пришли къ монастырю вслѣдъ за своими мужьями; уговоры, деньги, приказанія монастырскаго начальства лишь черезъ нѣсколько часовъ сломили неукротимую натуру и консерватизмъ арабскихъ дамъ. И надо было видѣть, затѣвъ, какъ сидѣли онѣ передъ аппаратомъ, ежеминутно срываясь съ мѣста, укрывшись своими дырявыми голубыми покрывалами до того, что были видны только уголки глазъ, да бронзовые кружочки, унизывавшіе ихъ *буру*; это родъ цилиндра на переносицѣ, въ который пропущенъ вязанный вуаль, закрывающій вверху лобъ, а внизу подбородокъ и вообще нижнюю часть лица и грудь.

Дорога съ Синая въ Суецъ.

Работа наша кончалась, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе хотѣлось уйти: къ тому же побуждалъ и прямой расчетъ: еще недѣля, и жары должны были стать нестерпимы. Томительная скука овладѣвала нами, какъ только не было подъ руками экстреннаго дѣла, и не надо было слѣшить и торопиться; прискучили до нельзя и садъ, въ которомъ приходилось вертѣться каждый день по однимъ и тѣмъ же градкамъ, боясь выглянуть изъ него, чтобы не увидать знакомой картины песчаной пустыни, съ которою скоро приходилось ознакомиться еще поближе. Нашъ вѣрный шейхъ — его звали Саббá — уже приходилъ узнать, когда ему явиться съ верблюдами, и послѣ долгихъ настояній, удалось вырвать отъ него обѣщаніе, что онъ постарается доставить насъ въ Суецъ въ пять сутокъ, если только мы будемъ идти такъ, какъ онъ потребуетъ. Мы рѣ-

шались на усиленный маршъ черезъ пустыню, зная отчасти всё его пріятности, во первыхъ для того, чтобы попасть къ сроку отхода русскаго парохода изъ Александріи, а также для того, чтобы возможно скорѣе совершить то путешествіе, для котораго мы нисколько не были приготовлены: легче выпить чашу горечи разомъ, чѣмъ по глоткамъ. Обыкновенно изъ монастыря до Суеца идутъ отъ 7 до 8 дней, съ большими роздыхами днемъ и остановками на всю ночь — десять дней; намъ надо было отказаться вполне отъ первыхъ и отчасти отъ вторыхъ.

Добрые монахи наложили намъ громадный мѣшокъ хлѣбовъ для насъ самихъ и Бедуиновъ, свѣжаго овечьяго сыру и вина; большой боченокъ налили водою, и мы отправились, конечно, не безъ опозданія на нѣсколько часовъ противъ назначеннаго срока. Мы замѣтили, что одинъ изъ монаховъ, наиболѣе живой человѣкъ, бывалый и даже говорившій по-итальянски, ремесломъ плотникъ и столяръ, не вышелъ насъ провожать: еще не укротилось, знать, его сердце, и ему тошно было видѣть, какъ люди уѣзжаютъ, а онъ остается. Съ нами было четыре бедуина, три старые знакомые: шейхъ Саббá, оборванецъ Муса и юноша изъ состоятельной семьи Фарраджъ; четвертымъ былъ пожилой Гассанъ, у котораго грудь и спина была искривлена, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ, горбами, и одна нога была короче другой. Видъ его и неумолчная болтовня, вѣчная возня и заботы о своемъ пропитаніи и доставленіи себѣ удобствъ, живо напоминали извѣстный типъ конюха-горбуна изъ «Тысячи и одной ночи». Но, вмѣсто условленныхъ четырехъ верблюдовъ мы видѣли пять, и при одномъ изъ поворотовъ насъ нагналъ затѣмъ и пятый Бедуинъ и пошелъ рядомъ съ прежними. Въ этой сторонѣ чужой человѣкъ чуть не врагъ, но мы напрасно сначала добивались узнать, кто этотъ Бедуинъ и зачѣмъ онъ присталъ къ каравану; лишь по усиленной и тревожной канонадѣ восклицаній, окриковъ видѣли, что произошла какая-то путаница въ наймѣ верблюдовъ. Истопивши, очевидно, въ спорахъ всё средства убѣжденія и

отчаявшись разрѣшить дѣло семейнымъ образомъ, Бедуины обратились къ намъ уже вечеромъ. Дѣло оказалось очень не-сложно, просто, но хитро задумано. Монастырь нанялъ для насъ четырехъ верблюдовъ съ проводниками, но какъ у одного изъ послѣднихъ—оборванца Мусы—не было своего верблюда, то ему пришлось нанять у знакомаго Бедуина. И вотъ, когда уже мы были далеко отъ монастыря, Бедуинъ явился самъ и съ другимъ верблюдомъ, требуя двойной платы за двухъ, и грозя въ противномъ случаѣ увести и того верблюда, какого прежде далъ. Серьезно выговаривалъ ему, оспаривая наглые требованія, шейхъ, ежеминутно призывалъ Аллаха и Магомета хромой Гассанъ, но ничто не дѣйствовало на хитреца. Такъ таки добился онъ своего, получивъ приплату за второго верблюда, котораго тотчасъ же увелъ, какъ только получилъ деньги. Споры кончились бы, конечно, и раньше, но намъ хотѣлось убѣдиться, не подстроили ли эту каверзу намъ сами Бедуины, и убѣдившись послѣ, что они сами были жертвою обмана, мы готовы были просить прощенія у нихъ за свои сомнѣнія. Наши проводники представляются мнѣ теперь вдали людьми особаго нравственного разряда, и ужь, конечно, не мусульманство и Коранъ, изъ котораго они знали лишь двѣ, три молитвы, и не утренняя звѣзда, которой они молятся, сдѣлали ихъ таковыми. Тяжелая бѣдствіями и лишеніями, горькая и убогая жизнь сына пустыни воспитала его, закалила его житейскія и несложныя нравственныя понятія; ничто не смущало его убѣжденій, сложившихся еще въ дѣтствѣ, и опытъ лихорадочной погони, столеновеній съ людьми, легкаго очарованія и тяжелаго раздумья не развратилъ его. За всю тяжелую дорогу, со всѣми ея трудностями, ложившимися на Бедуиновъ, мы, и страдая, и терпя всяческія невзгоды, не нашли ни одного случая, чтобы придратъся къ нашимъ проводникамъ, выместить на нихъ горечь нашего существованія. Мы могли и должны были теперь познакомиться поближе съ Бедуинами—предстояло вѣдь прожить съ ними дней пять, шесть, а можетъ быть, и болѣе. Пока во время первой стоянки налаживался

разговоръ, и мы пріучали Бедуиновъ къ чаю, мы узнали, что нашъ обоюдный лексиконъ обогатился еще ихъ свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ. Фарраджъ напр. зналъ слова: батѹшка, матѹшка, вода, нога и пр., наслышавшись ихъ отъ паломниковъ; съ гордымъ сознаніемъ своего превосходства и опытности шейхъ подносилъ намъ такія фразы: «ога стой, давай шап-гіаге верблюды, тѣ проѣ, проѣ пошелъ» — то есть: часъ стоять, чтобы покормить верблюдовъ, а потомъ рано, рано пошелъ впередъ! Когда намъ встрѣтился разъ караванъ уже въ концѣ дороги — всего только и было встрѣчъ — то шейхъ объяснялъ намъ: «Араби, давай антика Суеэзъ» — т. е. арабскій караванъ, везущій рѣдкости на продажу въ Суецъ, и т. под. Одинъ только Гассанъ до конца не хотѣлъ признать нашего незнанія и всегда болталъ намъ что-то по арабски и затѣмъ смѣялся намъ въ лицо. На какомъ-то привалѣ онъ выказалъ и явныя наклонности къ гастрономіи; не довольствуясь уже черствымъ хлѣбомъ, онъ, какъ пекарь въ нашемъ караванѣ, сталъ готовить свой тахх'юнь — опрѣснокъ въ видѣ лепешки изъ дурѹ; перевернувшись на своемъ собственномъ сѣдалищѣ въ песокъ, сдѣлалъ ямку, наложилъ въ нее сухой травы и верблюжьяго кала и запалилъ; затѣмъ, смочивъ слегка дурѹ въ чашкѣ, сдѣлалъ изъ нея какое-то мѣсиво, распласталъ и засыпалъ въ ямкѣ готовую лепешку пескомъ. Эта полугорѣлая, полусырая и горькая снѣдь была затѣмъ ровно разрѣзана на четыре части и съѣдена съ водою; мы пробовали съѣсть кусочекъ, но онъ рѣшительно не шелъ въ горло.

Нашъ путь лежалъ вдоль широкаго уади Шейхъ въ уади Селафъ къ горѣ этого же имени; это былъ путь наторенный, обычный при возвращеніи съ Синая. Ровнымъ, незамѣтнымъ уклономъ спускается широкая долина; ее пересѣкаютъ съ боковъ, поперекъ и вкось рядъ другихъ, иногда еще болѣе широкихъ ложбинъ и ущелій. На лѣво виднѣется масса Зербала. Мѣстами обильная растительность съ главнымъ ея представителемъ манновымъ деревомъ — тарфѣ, съ котораго здѣсь собираетъ монастырь черезъ Арабовъ свою ежегодную весеннюю

провизию манны. Изъ старинныхъ разсказовъ Бурггардта, наблюдавшаго лично процессъ собиранія манны, извѣстно, что она въ видѣ бѣлыхъ крупинокъ усыпаетъ густую хвою манноваго кустарника; по аналогіи съ происхожденіемъ манны въ южной Европѣ заключаютъ, что эти крупинки образуются на деревѣ отъ укула особой породы цикады, но, кажется, ниго доселѣ этого не наблюдали на самомъ Синаѣ. Та манна, которую, какъ «благословеніе» *eulogismos* въ жестянкахъ по $\frac{1}{3}$ фунта раздають въ монастырѣ, имѣетъ видъ полужидкаго, густаго меда, который въ сухомъ мѣстѣ твердѣетъ и крошится какъ кусокъ смолы; вкусъ имѣетъ сладковатый.

Но, и не смотря на растительность, почва этихъ долинъ вся покрыта пескомъ, по которому тянутся гребни камней и раздробленныхъ скалъ, указывая дорогу воды; мѣстами, на цѣлыя версты видны мыльные разливы известняка съ пескомъ, покрытые отвердѣлою коркою. По сторонамъ дороги горы то обрываются отвѣсными стѣнами, то отклоняются, образуя холмы; стѣны изрыты, источены, по сѣрокоричневому фону тянутся черныя и красноватовирпичныя жилы; по холмамъ во всѣхъ направленіяхъ расходятся еще болѣе невзрачныя гребни, иззубренные и раскрошенные до того, что удивляешься, какъ вся ихъ масса не катится внизъ. Днемъ въ этихъ долинахъ господствуетъ жара и духота, доводящая до одурѣнія; ночью холодно. Съ перваго же дня мы настояли, не смотря на всѣ протесты лѣиваго Гассана, чтобы имѣть переходы въ 7 часовъ, отъ 5 утра до 12 и отъ 2 до 7 пополудни; затѣмъ, дождавшись луны, которая появлялась между 8 и 10 часами вечера, идти еще часа два, три при лунномъ освѣщеніи. Иногда семичасовой переходъ оказывался намъ не по силамъ; слѣзши съ верблюда часовъ черезъ пять, я пробовалъ идти пѣшкомъ часъ, полтора, но силы окончательно измѣняли въ глубокомъ пескѣ; Бедуины же все время, кромѣ Гассана, шли пѣшкомъ, шириною, и слушали пѣніе Шейха. Такъ прошли мы, направляясь на С. З., уади Шейхъ, Себайѣ, Ахдаръ, Беррахъ, Барахъ, оставляя влѣво плодоносную долину Фейранъ,

гдѣ древнія развалины свидѣтельствуютъ о существовавшей нѣкогда культурѣ. На другой день налились свѣжею водою и напоили верблюдовъ: впереди вода была не ближе, какъ черезъ двое сутокъ. Привалы наши днемъ наиболѣе насъ затрудняли: иногда уже совсѣмъ пора бы остановиться и сдѣлать роздыхъ, а негдѣ, потому что ни клочка тѣни кругомъ, а мы не соглашались, какъ дѣлаютъ Бедуины, сидѣть на припѣкѣ: еще еслибы можно было сѣсть въ тѣни отъ верблюда, но ни одинъ изъ нихъ, разъ онъ развьюченъ, не постоятъ и минуты, всѣ или бродятъ, или валяются. Одинъ разъ мы проискали тѣни на часъ, все идя впередъ, пока Гассанъ не нашелъ мѣста: надо было, правда, лѣзть вверхъ и карабкаться по камнямъ, но все же нашли подъ расщелиною мѣсто тѣнистое на часъ, а два; оно все было усыяно козьимъ пометомъ. Другой разъ — дѣло было къ вечеру — мы слѣзли уже съ верблюдовъ, но насъ прогналъ пронзительный вѣтеръ изъ боковаго ущелья — въ этихъ долинахъ иногда танетъ настоящій сквознякъ — опять шли до полной тьмы, отыскивая, гдѣ бы лечь, и шли пѣшкомъ, овѣрившись слову Гассана, что онъ знаетъ прекрасное мѣсто близи, а когда, наконецъ, дошли, то шатались, какъ пьяные.

Къ вечеру втораго дня пути горы кругомъ стали болѣе и болѣе понижаться; мѣстами это были еще тѣже гранитныя скалы, а затѣмъ пошли холмы известковые, цвѣта поблеклой глины. Въ послѣдней уади Тарфа — съ этимъ названіемъ великій цѣлый рядъ мѣстъ — растительность вся была опичаега верблюдами и имѣла видъ крайне жалкій, но за то мимо нашего каравана стрѣлою пролетѣлъ слугнутый заяцъ. Въ этотъ вечеръ мы имѣли самый пріятный ночлегъ, особенно, когда увидишь его съ послѣдующими; мы ночевали какъ будто въ маадномъ дортуарѣ. Солнце уже закатилось за горы, но свѣженіе его лучей отъ освѣщенныхъ вершинъ наполняло пространство розово-шоколаднымъ колоритомъ; мы остановились въ глубинѣ боковаго ущелья, куда то поворачивавшаго направо; вокругъ насъ съ трехъ сторонъ, словно нефы громаднаго храма, тянулись къ овалному центру широкіе корридоры; мы были

въ защитѣ отъ вѣтра и наслаждались полнымъ покоемъ; въ залѣ были устланы песчанымъ ровнымъ ковромъ, такимъ мягкимъ и нежнымъ, словно пухъ; угловая скала выдавалась широкою плитою и послужила намъ для сервировки ужина. Полчаса не сводили мы глазъ съ картины, затѣмъ все потухло, и смотря на искрившіяся отовсюду звѣзды, приготовлялись и рошенъко выспаться, такъ какъ, по случаю этихъ прелестей, и рѣшились сами у себя выторговать на этотъ разъ нѣсколько часовъ отдыха.

Утро третьяго дня было такъ свѣжо, мимо насъ проходили одна за другою такія чудныя перспективы, что наше востребіе представляется теперь какою-то мечтою, а въ то время восхищало насъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; восточныя скалы то суживаютъ долину, оставляя на предѣлѣ лишь нѣсколько шаговъ, то раздвигаются. Вотъ въ сторонѣ видится словно окаменѣлый городъ и крѣпость съ башнями и углами, вотъ какъ будто разрушенный домъ съ окнами, и изъ это сталякитовое издѣліе воды вдругъ пропадаетъ при воротѣ. Въ концѣ цѣлаго ряда изворотовъ, которыми нѣтъ и не было никогда имени, находилось широкое уади Хамиле и мы знали, что влѣво отъ него въ долину нѣются намятки египетской древности, уцѣлѣвшія отъ храмовъ и поселковъ лѣтшаго времени, когда египетскіе фараоны разработывали въ мѣстахъ у Краснаго моря руды. Въ наши времена англійскій полковникъ пробовалъ заняться тѣмъ же, но дѣло не пошло; предприниматель кончилъ полнымъ раззореніемъ. Мы, конечно, все спускаемся, потому что жаръ становится все непереносимѣе; руки, неосторожно выставленныя на солнце, краснеютъ и пузурятся; приходится надѣть на нихъ чулки — перчатки были бы нестерпимы, — а въ чулкахъ прекрасно. И ежеминутно смотримъ на часы; ѣдешь, ѣдешь, кажется больше часу ужъ прошло, а посмотришь — три минуты, а чтобы и полнить маршрутъ, надо идти еще три часа. Мой спутникъ все вздыхаетъ о морѣ: «гдѣ оно, да скоро ли мы его увидимъ; кажется, если бы мнѣ видѣть море, мнѣ было бы легче».

я вѣдь говорилъ, что надо ѣхать ближе къ морю», упрекаетъ онь. Но море гдѣ-то тамъ далеко — «одинъ день, два день — море», говорятъ Бедуины. Мы все крутимся въ различныхъ ходахъ и логахъ; вотъ теперь начали почему-то опять подниматься по песчаному ложу, между двухъ стѣнъ; но стѣны понижаются болѣе и болѣе и, задумавшись надъ чѣмъ-то, я вдругъ вижу себя вѣдь горъ; сзади — какъ будто ворота крѣпости — стоятъ по обѣ стороны четыре утеса, а передъ нами разстилается на громадную даль равнина. Дѣйствительно, передъ нами обширное плоскогорье Деббетъ ель Рамль, замыкаемое справа цѣпью невысокихъ холмовъ: куда непривлекательная картина! Верблюды грузнуть въ песокъ, и при каждомъ погруженіи ихъ передней ноги сотрясается грузъ, и сѣдокъ получаетъ толчекъ сильнѣе обыкновеннаго; но нечего и пробовать идти пѣшкомъ, — не пройдешь и версты. Вотъ спустились со сѣмъ низко, горы сзади обрисовались уже въ неопредѣленныхъ контурахъ и окрасились въ сѣро-фіолетовые цвѣта. Впереди, справа выросла новая цѣпь скалистыхъ горъ и потянулась на западъ, какъ бы преграждая намъ дорогу; подъ стѣною ихъ внизу видна какъ будто вода и пятна садовъ — миражъ! А моря не видать и признаковъ. Опять поднимаемся черезъ оврагъ наверхъ и около двухъ часовъ идемъ по обнаженнымъ известковымъ наливамъ, гдѣ песокъ держится только въ расщелинахъ; вильный вѣтеръ уноситъ съ моей каски одинъ платокъ за другимъ. Дѣлаемъ привалъ подъ прикрытіемъ двухъ утесовъ; динъ лежитъ, но изъ подъ его основанія вода вымыла давно есь песокъ, и камень едва держится, упираясь тремя углами въ площадь; другая скала упала на него и уперлась концомъ; ажется, едва держится она, а между тѣмъ, залѣзши внутрь, между камней, позавтракавъ и соснувши въ прохладной — равнительно — тѣни, мы благополучно уѣхали, а камни остались въ томъ же видѣ до новаго посѣщенія. Ночное путешествіе въ эти третьи сутки памятно мнѣ странными картинами, которыя рисовалъ нашъ утомленный взглядъ и настроенное воображеніе. Мы проходили болѣе двухъ часовъ узкимъ

уади Гам'ръ или Ум'ръ, спускающимся поперекъ нашего пути къ морю; тотъ же ровный корридоръ параллельныхъ стѣнъ, тѣже причудливыя очертанія известковыхъ холмовъ, но при лунѣ намъ казалось, что мы ѣдемъ по улицамъ восточнаго города. Когда, проѣхавъ мимо Амманъ-Фаруна, мы подошли еще ближе къ морю и услышали его прибой, то при свѣтѣ лунъ, бившемъ въ бѣлне намывы известняка, — картина восточнаго мертваго города смѣнилась видомъ провинціального мѣстечка на Югѣ Россіи; забившись въ средину разгруженнаго вѣка, чтобы сколько нибудь защититься отъ вѣтра, мы забылись на два, три часа. Моря не было видно, но оно было близко, и мы были теперь убѣждены, что ужь какъ нибудь попадемъ въ Суецъ въ свое время. Намъ смущала только рана на ногѣ нашего шейха, о которой мы только что допытались; еще двѣ недѣли назадъ шейхъ ранилъ себя щиколку одной ноги острымъ сандалии другой, такъ какъ подошва этой сандалии до того изнасилась, что стала острою; образовавшуюся рану, когда она начала гноиться, онъ закрывалъ хлопкомъ и присыпалъ порошкомъ, но рана не только не проходила, но увеличилась: разиѣровъ пятака и проникла до кости; промывая эту рану, мы не знали, чему больше дивиться, терпѣнію ли Бедуина, или его натурѣ. Въ этомъ отчаянномъ пеклѣ неосторожный обрѣзъ можетъ родить гангрену, а тутъ была рана, покрытая пескомъ, и хотя шейха была сильная лихорадка, но не было и признаковъ воспаления—очевидно, этотъ народъ спасаетъ худоба: у нихъ нѣтъ мяса, нѣтъ и искушенія, нѣтъ и многихъ болезней нашихъ; хотя вообще Бедуины скоро старѣются и рано умираютъ, но еще надо знать, отъ какихъ причинъ. Целочъ шейхъ мы ничѣмъ не могли, кромѣ глицерина и чулка, въ которыхъ онъ отнынѣ и странствовалъ, да еще требованіемъ сидѣть на верблюдѣ и не идти пѣшкомъ, чего, конечно, онъ не исполнялъ!

По печальнымъ мѣстамъ, ныряя изъ одного оврага въ другой, и сбивая ноги себѣ объ острые камни на спускахъ и подъемахъ, шли мы на другое утро съ 4 до 12 къ югу

Гаранделю; вмѣсто мрачныхъ, но грандіозныхъ картинъ горной природы передъ нами была, казалось, самая убогая мѣстность, какая только существуетъ гдѣ либо, именно убогая и жалкая до послѣдней степени; вся она была окрашена въ цвѣтъ бѣлесоватой, грязной охры, и рѣзала глаза при блескѣ солнца; трава въ оврагахъ была или попалена уже въ это время, или затянута грязными, мыльными намывами; такіе виды имѣютъ мѣстности, окаймляющія большое ржавое болото гдѣ нибудь на сѣверѣ Россіи. Да и самое уади Гарандель, — библейскій Элимъ, есть тоже болотистая долина, въ которой держится съ весны вода, текущая изъ горъ Этти, что на Востокѣ тянутся длинною грядою; мѣстами, по наклонамъ вода здѣсь бѣжитъ довольно сильными ручьями, мѣстами же застаивается и образуетъ широкіе разливы, покрытые тростникомъ и питающіе богатую растительность финиковъ, смолистыхъ акацій и манповаго дерева, или вовсе пропадаетъ въ песокъ. Конечно, Евреямъ, пришедшимъ сюда изъ Дельты, отъ котловъ съ мясомъ, мѣстность эта, напоминавшая имъ покинутый Гозень, могла нравиться, и по всѣмъ расчетамъ, она то и есть пресловутый Элимъ, гдѣ Израиль нашелъ 12 источниковъ и 75 финиковыхъ деревьевъ. Но очень понятно также, почему, не желая ученой точности, жители Синая предпочитаютъ видѣть Элимъ въ живописныхъ садахъ Моисеевыхъ близъ Эль-Тора. Для насъ Гарандель былъ пунктомъ тяжелыхъ и своеобразныхъ расчетовъ; мы были сильно утомлены своимъ маршемъ въ теченіи трехъ сутокъ съ половиною, — *marche des forcés*, и бессонницею, и жаромъ, и неудобствами, и мало надѣялись на себя дальше; между тѣмъ на картѣ видѣли, что осталось сдѣлать еще добрую треть пути. Жгучій вопросъ, не по напрасну-ли будутъ всѣ наши усилія попасть къ сроку! Мы имѣли полдень Вторника, а самый крайній срокъ — утро Четверга. Шейхъ былъ въ лихорадкѣ и несъ околѣсую; Муса предводительствовалъ караваномъ и распорядился нашими остановками. Мы стали вычислять, сколько часовъ придется намъ еще итти, принимая въ расчетъ, что верблюды уже устали и что они обыкновенно идутъ не

болѣе 6—7 верстѣ въ часъ; но вычисленія не давали ниче-
утѣшительнаго, а помѣщеніе наше подѣ вустами тарфы, в
отчаянномѣ вѣтрѣ, который два раза сваливалъ мой чайный
аппаратъ, не имѣло ничего привлекательнаго. Поднялись съ
трудомъ и опять пошли, изъ оврага въ оврагъ, по плоскогорью,
гдѣ вѣтеръ рѣзалъ лицо и глаза, черезъ уади Амара или
«горькія воды», гдѣ предполагаютъ стоянку Евреевъ въ Мерра
— что значитъ тоже самое. Глубокая тѣма заставила насъ оста-
новиться, и мы раскинули привалъ свой у груды песку; вѣ-
теръ крутилъ песокъ и засыпалъ вьюкъ и насъ самихъ; ку-
сокъ хлѣба, намоченный чаемъ, едва подносился ко рту, какъ
забивался пескомъ; вздумали разбить черную фотографическую
палатку, но едва успѣли въ ней устроиться, какъ вѣтеръ сор-
валъ ее, не смотря на всѣ наложенные камни; пришлось ле-
житься въ песокъ и дожидаться, пока онъ настолько насъ те-
крайней мѣрѣ покроетъ, что не будетъ холодно. Надо отдать,
однакоже, должное и пустынѣ: усталость, даже изнеможеніе въ
ней не дѣйствуетъ на нервы; какъ бы ни было неудобно, едва
легъ, засыпаешь сейчасъ же, и трехъ часовъ такого сна де-
ловольно, чтобы возстановить силы. Ночью, еще не брезжило,
поднялись мы, при свѣчахъ собрали вьюкъ и нагрузили вер-
блюдовъ; повѣдка въ эту темь обазывалась крайне неприятна
и тяжела; верблюды шагаютъ въ какомъ-то невѣдомомъ пре-
странствѣ, и когда спускаются, то кажется, что верблюдъ подъ
тобою падаетъ; мы потеряли дорогу и долго ее искали; Бедуины
уронили часть вьюка, у меня упала спичечница. Кончилось
тѣмъ, что рѣшили ждать свѣта. Изъ слѣдующаго семичасоваго
перехода нечего припомнить, кромѣ томительной скуки и фи-
зическихъ страданій; сидѣніе на верблюдѣ стало истинное
пыткою; сидѣть верхомъ à califourchon больно, състь боковъ
еще больше, потому что такимъ образомъ развинченная уже
спина ноетъ еще сильнее; нѣкоторое облегченіе получалось,
сидя верхомъ, въ томъ, чтобы перебрасывать на шею верблюда
то одну, то другую ногу; какъ жестка эта шея, и какъ, вѣсть
съ тѣмъ, непреклонна его страсть водить шею справа направо

и обратно, я узналъ, когда пятка моихъ кожаныхъ башмаковъ оказалась послѣ протертою насквозь о верблюжью шею. Съ часъ искали мы около полудня, гдѣ бы остановиться, и наконецъ нашли лучшее мѣсто: это былъ жидкій кустъ тарфы, который пришлось покрывать пледомъ, чтобы устроить защиту ходя для головы. Вздыхаемый вѣтромъ и заносившій насъ песокъ прогналъ насъ и оттуда. Нашимъ страстнымъ желаніемъ, единственною, ясно сознаваемою теперь цѣлью, было достигнуть Аювъ-Муса или источниковъ Моисеевыхъ, отъ которыхъ, какъ мы знали, не болѣе четырехъ часовъ пути до Суеца; разговоры и даже споры объ Аювъ-Муса не прекращались, но напрасно каждую минуту этого восьмичасоваго перехода мы, — говоря высокимъ слогомъ — вопрошали горизонтъ; ни одного пятяшка не видѣлось на небосклонѣ впереди, за то знаменитый уже желтый пологъ затягивалъ окраину неба; уже темнѣло, когда мы завидѣли, наконецъ, финиковыя сады первой стоянки Евреевъ въ пустынѣ аравійской. Сады эти обширны, имѣютъ видъ рощъ, и разбиты на участки, принадлежащіе суезскимъ негодіантамъ; это обычное ихъ гульбище и сборный пунктъ для ливниковъ. Ключи, бьющіе въ садахъ, солоноваты и горьки на вкусъ, отъ обильно фильтрующей здѣсь морской воды; и когда мы раскинулись тутъ на послѣдній привалъ, то были немедленно облѣплены мокрымъ пескомъ. Влажность почвы, вмѣстѣ съ ночнымъ туманомъ оковывала и цѣпенила члены; было опасно оставаться здѣсь долго, но, чтобы подняться, пришлось отливать заснуваго Гассана холодною водою. Еще пять часовъ, томительно считая каждую минуту, тащились мы вдоль морскаго берега; силы измѣнялись, и, боясь упасть съ верблюда, мы плелись пѣшкомъ часть дороги; намъ надо было попасть выше Суеца на мѣсто переправы черезъ каналъ; уже мы совсѣмъ отчаялись его видѣть, какъ вдругъ, при сѣромъ свѣтѣ брезжащаго утра, словно вынырнули передъ нами рыбачьи хаты. Верблюды грузно хлопнулись на песокъ, вьюжъ перенесли на барку, насъ перетасили по водѣ туда, же и медленно поплыли мы мимо пройденнаго берега, въ Суецъ.

Через нѣсколько часовъ мы уже прощались на поѣздѣ, отходившемъ въ Александрію, съ своими Бедуинами, а около полудня того же дня, не безъ удовольствія созерцали, какъ неся страшный шумъ и слѣдомъ за нимъ ливень мимо насъ, туда, назадъ, въ повинутую нами пустыню. . .

1881 г. Декабрь.
Одесса.

Н. Кондаковъ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Памятники монументального искусства и христианской древности, сохранившіеся въ Синайскомъ монастырѣ, были предметомъ любознательности многихъ ученыхъ и образованныхъ путешественниковъ, но ихъ краткія замѣтки и общія соображенія, лишенные научной археологической критики, не доставили доселѣ матеріала, которымъ могла бы пользоваться историческая наука. Замѣтки эти только указывали на существованіе памятниковъ, а соображенія общаго характера имѣли цѣлью представить ихъ историческую важность и древность происхожденія. Благодаря счастливымъ и поразительнымъ открытіямъ — мозаикѣ Преображенія, какъ бы найденной впервые Лабордомъ и отнесенной къ Константину Великому, и кодексу Евангелія, вывезенному Тишендорфомъ, мало по-малу сложились въ европейской наукѣ легендарныя гаданія о древностяхъ Синайскаго монастыря. Его историческія судьбы подтверждали эти чаянія. Въ самомъ дѣлѣ, Синайскій полуостровъ или каменная Аравія представляетъ собою ту мѣстность, гдѣ издревле сходились и смѣшивались двѣ важнѣйшія культуры древняго міра: египетская и сирійская. Египтологи и семитологи находили для себя любопытный матеріалъ въ развалинахъ египетскихъ храмовъ и арамейскихъ надписяхъ полуострова. Въ христианскую эпоху Синай есть мѣстность, выступившая вмѣстѣ съ Оиваидою въ исторіи православнаго монашества на Востокѣ и запечатлѣвшая свою дѣятельность древнѣйшими его уставами и монументальными сооруженіями. Къ тому же, эта исторія христианскаго

Синая въ древнѣйшую эпоху была, такъ сказать, задержана мусульманскимъ завоеваніемъ Сиріи и Египта. Уже въ 633 году изъ войскъ четырехъ Эмировъ, отправленныхъ Абубекромъ для завоеванія Палестины, Египта и христіанской Аравіи, отдѣльные отряды проникли на Синай (по свидѣт. Теофана) и положили тамъ начало брани, междоусобіямъ и пропагандѣ новой вѣры. Въ 636 году былъ взятъ мусульманами Дамаскъ, а въ 639, послѣ четырехмѣсячнаго обложенія, Александрія. Царствованіемъ Гераклія какъ бы заканчивается, такимъ образомъ, связь Синая съ Византією и его участіе въ общихъ политическихъ судьбахъ и религіозной жизни Восточной Имперіи. Знаменитая своею древностью и святынями обитель вынуждена, для своего сохраненія, или искать поддержки въ иноземномъ владычествѣ, или же покумать себѣ права на существованіе дарами и дипломатическими уступками. Тяготѣніе къ центру православія прервано, и съ XI вѣка аббаты Синая собираютъ свою милостыню въ Болоньѣ и Венеціи, а римскіе папы—жалуютъ монастырю грамоты, укрѣпляющія за нимъ его имѣнія въ Сиріи. Такимъ образомъ, связи Синая съ Византією и затѣмъ со всѣми православнымъ Востокомъ возобновились уже въ довольно позднюю эпоху, но сдѣлались болѣе тѣсными лишь съ Россією, и то въ XVII вѣкѣ.

Эти данныя, какъ-бы они ни были скудны для построенія собственной исторіи Синайскаго монастыря, казались, однако, достаточными для опредѣленія археологическихъ, въ особенности произносимыхъ не специалистами, но любителями древности, тамъ, гдѣ, по самой отдаленности, оторванности этихъ памятниковъ, требовалась бы строгаѧ критика. Привитое любителями старины пристрастіе относить открытыя на Востокѣ произведенія искусства къ глубокой древности, только въ ней видѣть достоинство ихъ, и пристокающее отсюда неумѣіе отличать стили, эпохи, находить интересъ именно въ позднѣйшихъ періодахъ, однимъ словомъ, всѣ существенные недостатки византійской археологіи отражались, поэтому, всегда въ сужденіяхъ по преимуществу западныхъ ученыхъ, посѣщавшихъ

Синайскій монастырь. Но, конечно, и здѣсь не скоро еще преувеличенныя надежды и бесплодныя гаданія уступятъ мѣсто дѣйствительнымъ фактамъ, добытымъ и утвержденнымъ наукою.

Между тѣмъ, и число памятниковъ древности въ Синайскомъ монастырѣ куда какъ незначительно, и самыя вопросы о нихъ могли бы легко разрѣшиться, если бы къ попыткамъ ученыхъ, ѣздившихъ взглянуть на эти памятники, присоединились удовлетворительныя снимки, которые столько же способствуютъ разсвѣтлѣнiю различныхъ заблужденiй, сколько и дѣлаютъ памятники предметомъ общаго научнаго достоянiя. Не имѣя въ своемъ распоряженiи средствъ для изготовленiя подобныхъ снимковъ, кромѣ какъ для тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые составляли главнѣйшую цѣль моей поѣздки, я считаю, однакоже, нужнымъ обозрѣть вкратцѣ всѣ сохраняющiеся въ Синайскомъ монастырѣ памятники древности, прежде нежели перейду къ этимъ важнѣйшимъ.

Благодаря извѣстiю Прокопiя (De aed. Just. V, 8), пополняемому также извѣстною греко-арабскою надписью на вратахъ монастыря, знаемъ, что какъ стѣны монастыря, такъ и его главнѣйшее зданiе — базилика, построены въ царствованiе Юстинiана между 527 и 557 годами. Церковь имѣетъ три нефа, отдѣленные двумя рядами гранитныхъ колоннъ, по шести въ каждомъ; высота средняго нефа почти въ 2¹/₂ раза превышаетъ боковыя; потолокъ плоскiй, въ которомъ промежутки между стропилъ зашиты досками, образующими т. наз. кассетты; весь потолокъ заново орнаментированъ, въ подражанiе старому, который видѣлъ еще Пококъ, по античному шаблону, исполненному зеленою и красною красками и золотомъ. Передъ церковью имѣется узкiй нартексъ съ 3 дверями (одна заложена), ведущими внутрь церкви, изъ которыхъ средняя, т. наз. царская, сохранилась отъ древности и украшена рѣзбою. Вдѣланный здѣсь въ стѣну недавно фiалъ для омовенiя не замѣняетъ древне-христіанской купели, стоявшей прежде въ срединѣ передняго двора, а явился въ силу обычая, существующаго и въ Грузiи. На В. сторонѣ церковь имѣетъ боль-

шую открытую абсиду и двѣ малыхъ, которыя нынѣ отдѣлены стѣнами; изъ правой (древнѣй діакониконъ) дверь на лѣво приводитъ въ капеллу Неопалимой Купины, находящуюся, такимъ образомъ, за стѣною главнаго алтаря. Въ этомъ типѣ древне-христіанской базилики, наиболѣе сходной съ ц. Аполлинарія во Флотѣ въ Равеннѣ, обращаютъ на себя вниманіе сильно повышенныя, не плоскія и широкія арки, стягивающія колоннаду, и самыя колонны. Онѣ грузны, имѣютъ низкіе базисы съ четырьмя выпущенными листами, и разнообразно орнаментированныя капители; теперь эти капители заштукатурены и покрыты темнозеленою окраской (колонны же голубою) и потому особенно кажутся тяжелыми и безвкусными. Между тѣмъ, въ ихъ массивной орнаментикѣ, издавѣка берущей главнѣйшія черты коринтскаго ордена, есть своего рода величавость: особенно замѣчательны капители съ завернутыми наискось волютами, которыя напоминаютъ типъ капителей Геркулесовой базилики въ Равеннѣ. Въ отличіе отъ общаго плана и архитектурнаго типа, детали указываютъ на преданія древнѣйшія. Самая базилика, кромѣ трехъ нефовъ, видимо, много претерпѣла измѣненій, въ видѣ пристроенныхъ сбоку капеллъ, распредѣленія алтарей и пр. Въ главной абсидѣ имѣется двойной поясъ мраморныхъ ступеней, и стѣны облицованы мраморомъ; она освѣщается однимъ узкимъ окномъ. Кромѣ мозаики въ сводѣ алтаря и на аркѣ надъ нимъ, также свода въ капеллѣ Купины всѣ остальные стѣны церкви и нартекса покрыты штукатуркою, (кромѣ этой же капеллы, стѣны которой покрыты фаянсовыми изразцами въ XVII в.) и въ монастырѣ не сохранилось никакихъ воспоминаній о томъ, какъ были и были ли украшены эти стѣны иначе въ старину. Невысокій иконостасъ (1672 г.) надстроенъ еще колоссальнымъ Распятіемъ, по католическому типу; нижній поясъ большихъ мѣстныхъ иконъ замѣчательнаго письма Іереміи Британнина 1612 г. и другихъ конца XVII и XVIII столѣтій¹⁾; надъ ними недавно же установлены въ два ряда мелкія иконы Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ.

¹⁾ См. собранныя арх. Поренріемъ надписи, Второе пут., 242 — 266.

Равно и по отдѣлу церковной утвари, древностей сохранилось очень мало: амвонъ, балдахинъ надъ престоломъ, замѣчательные своею инкрустаціею изъ перламутра и черепахи, не восходятъ далѣе XVII и даже XVIII стол.; большинство работъ относится ко временамъ архіепа. Іоаннікія между 1675—1682 гг. и исполнены самими монахами. Множество иконъ, кромѣ того, и нѣсколько Святцевъ Лицевыхъ на доскахъ, — письма аеонскаго и московскаго прошлаго столѣтія — развѣшаны по стѣнамъ базилики, ея придѣламъ и многочисленнымъ капелламъ монастыря. Великолѣпный складень иконы Неопалимой Купины въ капеллѣ этого имени съ Календаремъ или Лицевыми Святцами на боковыхъ доскахъ, такъ же какъ изображеніе самаго монастыря на архіепископскомъ креслѣ и иконы, украшающія высокій амвонъ или каеэдру, по своему изящному и тонкому миниатюрному письму, заслуживаютъ вниманія передъ всѣми прочими, но также принадлежатъ началу и концу XVIII столѣтія.

Монастырь столько разъ лишался всего своего достоянія, т. е. по преимуществу церковной утвари изъ драгоценныхъ металловъ, что и въ этомъ отношеніи не представляетъ вещей особенно древнихъ, или замѣчательныхъ по художественной работѣ. Нѣсколько напрестольныхъ съ окладами изъ серебра Евангелій и крестовъ не восходятъ ранѣе XV вѣка (по крайней мѣрѣ, изъ вещей, которыя мнѣ привелось видѣть), но и тѣ довольно грубой западной работы. Наиболѣе интереса представляютъ четыре большіе свѣтильника, которыхъ подножки въ видѣ львовъ гіератическаго стиля показались Эберсу (стр. 283) древнѣе христіанской эры.

Ръзная изъ кипариса дверь, ведущая изъ нартекса или преддверія въ церковь, представляетъ замѣчательное произведеніе старинны и художества¹⁾. Порфиновый архитравъ или косякъ покрытъ на передней сторонѣ тремя медальонами съ

¹⁾ Упомянута въ соч. *Lenoir*, l'Archit. monastique, стр. 308 и *Эберса* l. c. p. 279.

крестами (равноконечными) внутри, — на подобіе древних щитовъ, и надписью уставомъ: Καὶ ἐλάλησεν Κύριος Μωϋσῆ ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ λέγων: ἐγὼ εἰμὶ ὁ Θεὸς τῶν πατέρων σου, ὁ Θεὸς Ἀβραάμ καὶ ὁ Θεὸς Ἰσαάκ; ἐγὼ εἰμὶ ὁ ὢν. Внизу, т. е. по исподней сторонѣ надпись: Αὕτη ἡ πόλις τοῦ Κυ; δίκαιοι εἰσελεύσονται ἐν αὐτῇ. Боковыя устои, изъ дерева, украшены напередѣ бѣгущею вверхъ виноградною лозою, а по бокамъ акаатовыми листьями. Затѣмъ оба полотнища или створы двери раздѣлены тремя тонкими лентами и подѣлены на 4 полосы, и каждая изъ нихъ содержитъ по 7 тябелъ или кессоновъ съ изображеніями, притомъ такъ, что малыя тябла чередуются съ большими—въ видѣ одной полосы изъ четырехъ малыхъ, другой—большихъ, и т. д. внизъ. Рамки кессоновъ раздѣланы гнѣздами и багетками, и только внутренняя рамка украшена пальметтами. Такимъ образомъ, устройство двери и тябелъ тождественно съ дверью въ базиликѣ Св. Сабины въ Римѣ, другимъ и доселѣ единственнымъ памятникомъ древности этого рода, но если въ этомъ отношеніи подаетъ поводъ къ сравненію обихъ, то различіе сюжетовъ, орнаментики и вообще стили ихъ указываетъ на совершенно инныя эпохи и инныя начала въ искусствѣ.

Мы имѣемъ въ Синайской двери образецъ византійской рѣзбы, въ которой пластика отрѣшается отъ своихъ существенныхъ чертъ и переходитъ въ живопись; это есть рѣзба вглубь контуровъ, при чемъ все изображеніе и самая доска сохраняютъ свою поверхность, и ни одна часть не выступаетъ надъ нею рельефомъ. Углубленные контуры какъ бы въ живописи заполняются гипсомъ, разцвѣченнымъ въ красную краску (цвѣта вина), для уподобленія верхнему косяку изъ порфира. Такимъ образомъ, техника этой рѣзбы близка съ техникою византійскихъ бронзовыхъ дверей, на которыхъ—по темной бронзѣ—контуры заполняются серебрянными нитями (памятники XI и XII вѣка въ Италіи и въ Россіи); разница однакоже, та, что кромѣ контуровъ при работѣ на деревѣ углубляется и весь фонъ.

Далѣе, Синайская дверь, въ отличіе отъ этихъ монументальныхъ памятниковъ съ религіозными сюжетами, исполнена вся въ одноѣмъ *декоративномъ* направленіи, и въ ея орнаментахъ только слабо сквозитъ привычная символика христіанскихъ эмблемъ и религіознаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, сюжеты, которыми украшены всѣ табла, не имѣютъ другаго значенія, кромѣ орнамента: въ первомъ поясѣ малыхъ табель изображены орлы; въ третьемъ, таковомъ же, козлы, каменный козель; въ пятомъ—два зайца, павіанъ и козуля (?); въ нижнемъ седьмомъ—пѣтухъ, куропатка, неизвѣстныя птицы и, по-видимому, сирена (птица съ человѣческой головою). Въ большихъ таблахъ: втораго ряда — античныя чаши съ растущею изъ нихъ виноградною лозою; въ четвертомъ — подобныя же чаши съ растеніями, которыхъ плоды клюютъ голуби, также два павлина, или же дерево съ 2 птицами; наконецъ, въ шестомъ изображены смоковницы, плоды которыхъ клюютъ птицы. Заключенные въ сюжетахъ символы, очевидно, затерты орнаменткою, какъ и въ многочисленныхъ пальмахъ, и крестахъ «процвѣтшихъ», ромбахъ и медальонахъ, которыя изображены въ 28 соответствующихъ таблахъ на задней сторонѣ двери.

Но всѣ рисунки исполнены чрезвычайной стилистости, выдержанной не только въ растительныхъ орнаментахъ, но и въ фигурахъ животныхъ и птицъ, исполненныхъ натурально и живо. Типы орнаментовъ этихъ развились впоследствии и извѣстны намъ во всей подробности въ византійскихъ миниатюрахъ IX—XI вѣковъ: зубчатые денестки розъ (трилистники), мелочной рисунокъ аканта и винограднаго листа, жемчужныя повязки по кайшамъ, фоны для животныхъ изъ листьевъ и условныхъ цвѣтковъ, каннелированныя чаши и фонтаны, все это знакомо намъ изъ рукописныхъ заставокъ. Рѣшickeъ выполнилъ эти орнаменты грубо, неуклюже, но передалъ еще пошибъ ранняго типа, не отступилъ ни на шагъ отъ вычурной декораціи, усвоенной живописью.

Этотъ стиль рисунковъ, эта смѣшанная декоративная манера заставляеть отнести Синайскую дверь къ разряду любо-

пытнѣйшихъ памятниковъ эпохи, непосредственно слѣдующей за иконоборческимъ періодомъ, когда орнаментальное направление, усвоенное по преимуществу скульптуръ, рѣзбъ на драгоценныхъ металлахъ, по дереву и слоновой кости, было еще сильно и свѣжо. Лабартъ¹⁾ указываетъ на два изящные образца этой орнаментаціи между работами по слоновой кости: окладъ рукописи *Liber Sacramentorum* въ Монцскомъ соборѣ — работы конца IX или начала X столѣтія, и триптихъ или тройной складень Ватиканскаго Музея, изд. *Gori* въ его *Thes. vett. dipt.*, III таб. 25; исключительными темами для рѣщика послужили здѣсь растительные орнаменты съ фигурами львовъ, птицъ и фантастическихъ животныхъ, или же съ разукрашенными крестами. Предѣломъ этого направленія въ произведеніяхъ скульптуры и глистики служитъ появленіе тѣхъ инкрустированныхъ бронзовыхъ дверей съ религіозными сюжетами, самые ранніе образцы которыхъ на Западѣ относятся къ концу XI вѣка, но которыя на Востокѣ должны были появиться, конечно, гораздо ранѣе. Такимъ образомъ, для нашего памятника, уже на этихъ основаніяхъ, почерпающихъ поддержку въ стилѣ, получаемъ періодъ его происхожденія между IX и концомъ X столѣтія. Къ сожалѣнію, если характеръ буквъ въ надписяхъ двери, типы медальоновъ и крестовъ и подтверждаютъ вновь это опредѣленіе, то среди многочисленныхъ надписей, покрывающихъ дверь и начерченныхъ разными паломниками, не оказывается все таки столь древней, которая бы давала еще болѣе точныя основанія, равно какъ нѣтъ имени мастера и года работы, столь аккуратно сообщенныхъ на позднѣйшихъ памятникахъ Синайскаго монастыря. На двери имѣются также древніе бронзовые кресты (четвероколенные и равноколенные), которыхъ типъ древнѣе обычнаго въ X стол., и эмалированный диптихъ XIII вѣка Лиможской работы съ изображеніемъ Христа въ Славѣ среди эмблемъ Евангелистовъ. Наконецъ, дверь прекрасно сохранилась и, очевидно, никогда не была реставриро-

¹⁾ *Histoire des arts industr.*, 1864, I p. 47—8, pl. VIII.

вана, а различныя части запоровъ, застѣжекъ изъ жѣлѣза и свинца представляютъ много любопытнаго по древности и оригинальнымъ типамъ. Всѣ вѣрзанные въ дверь кресты съ кольцами вмѣсто ручекъ имѣютъ форму, предшествующую известному типу четвероконечнаго креста съ удлиненною нижнею вѣтвью IX—X столѣтій. При крайней сухости климата, кипарисовое дерево, изъ котораго сдѣлана дверь, сохранило крѣпость и плотность, тогда какъ рыхлость кипарисовой двери въ базиликѣ Св. Сабинны въ Римѣ была причиною многихъ переломовъ съ V—VI вѣка, когда эта дверь была исполнена.

Мозаика Синайскаго монастыря.

Мозаика Преображенія въ абсидѣ или алтарѣ церкви Синайскаго монастыря — его важнѣйшій памятникъ — представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній христіанской древности на Востокѣ и византійскаго искусства въ древнѣйшемъ его періодѣ. Но неизвѣстность этого памятника, зависящая отъ того, что доселѣ ни одинъ изъ спеціалистовъ археологовъ не видалъ его самолично, и отсутствіе сколько нибудь удовлетворительныхъ снимковъ были причиною того, что произведеніе это оставалось бесплодно для археологической науки. Хотя, со времени путешествія де-Лаборда въ двадцатыхъ годахъ¹⁾, привезшаго съ собою небрежный очеркъ какой-то туманной картины, до крайне невѣрнаго рисунка, изготовленнаго спутникомъ Авр. Норова²⁾, записки путешест-

¹⁾ Литература по вопросу о мозаикѣ Синайс. м-ря (см. списокъ путешествій въ предисловіи), представляющая нѣсколько болѣе обыкновенныхъ замѣтокъ каждаго его посетителя, не обильна: *de Laborde, Voyage dans l'Arabie Pétrée*, pl. XX; рис. повторенъ въ изд. *Rohault de Fleury, l'Évangile*, pl. XLIII, 1, и въ изд. о. *Гарручи, Storia della arte cristiana nei primi otto secoli di chiesa*, Prato, vol. IV, p. 75, tav. 268, fol. Далѣе *Эберса*, 1. с. изд. 1873 г., стр. 273—7, и 2-е изд. 1881 г., p. 283—7.

²⁾ *Норова, Авр.* Иерусалимъ и Синай. Записки втораго путеш. на В. М. 1879, съ атл. Рисунки мозаики сдѣланы г. Поливановымъ.

венниковъ, какъ и ни одно изданіе по исторіи искусствъ, не обходились безъ нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ мозаикѣ, но всѣ эти замѣтки, какъ и оба рисунка, не давали вовсе прочной почвы для научныхъ изслѣдованій. Рисунокъ де-Лабурда не давалъ ничего, кромѣ контуровъ, которые позволяютъ угадывать сюжетъ, и потому понятно вполне, оставлялъ полный просторъ для всякаго рода догадокъ о стилѣ, эпохѣ и значеніи памятника: одни относили его ко временамъ Константина, другіе — Юстиніана, третьи къ VII вѣку и произвольно сопоставляли съ мозаиками Рима. Рисунокъ, сообщенный въ соч. Норова, передаетъ въ хромофотографіи, повидимому, всѣ детали памятника, но смущаетъ всякаго археолога, знающаго черты древнихъ типовъ и стилей византійскаго искусства; и въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о различныхъ непонятныхъ въ древнюю эпоху формахъ и деталяхъ, на этомъ рисункѣ — всѣ головы пророковъ въ медальонахъ явно скопированы съ итальянскихъ гравюръ или современныхъ иконъ. И потому, г. проф. Усову¹⁾ въ своемъ почтенномъ трудѣ, основанномъ исключительно на данныхъ этого рисунка, пришлось идти путемъ догадокъ и ощупью отыскивать тотъ древній памятникъ, который долженъ былъ скрываться подъ новою оболочкою, накинутою на него неопытнымъ рисовальщикомъ — иконописцемъ. Намъ помнится, затѣмъ, то чувство сомнѣнія и удивленія, какое овладѣвало всѣми специалистами и знатоками, видѣвшими этотъ рисунокъ; отправляясь на Синай, я полагалъ даже возможнымъ, что подъ именемъ древняго памятника скрывается грубая и поздняя реставрація или даже цѣликомъ новая работа.

Тѣмъ болѣе пріятно было лично констатировать и убѣдиться, что древній памятникъ дѣйствительно существуетъ и сохранился въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, хотя многихъ другихъ уже нѣтъ, благодаря передѣлкамъ. И, хотя намъ, не

¹⁾ Усова, С. А. Мозаики въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ. М. 1879. 18 стр. съ рис., оттискъ изъ «Древности или Трудовъ Моск. Арх. Общ.»

смотря на всѣ наши усилія ¹⁾, не удалось получить такого фотографическаго снимка, который - бы могъ послужить для убѣжденія другихъ и для полного воспроизведенія мозаики въ рисунокѣ, но послѣдующее описаніе по личному наблюденію дастъ, можетъ быть, новыя свѣдѣнія о важномъ памятникѣ.

Мозаикою, какъ извѣстно, украшены слѣд. части алтара: 1) полукруглый сводъ абсиды или алтарной ниши — самая конха или раковина съ картиною Преображенія и каймою изъ серебряныхъ медальоновъ на пурпурно-фіолетовомъ фонѣ, содержащихъ погрудныя изображенія Пророковъ; 2) оба полупаруса стѣны до верхняго карниза, отдѣленные отъ внутренняго свода узкою каймою изъ звѣздочекъ и другою широкою изъ золотыхъ медальоновъ съ птичками на малиновомъ фонѣ; по угламъ два серебряные же бѣльшей величины медальона съ погрудными изображеніями, а надъ ними два ангела, летящіе съ вѣнками, и 3) двѣ картины подъ потолкомъ, по сторонамъ двойнаго окна, изображающіе Моисея передъ кущиною и Моисея же, приемлющаго скрижали; арки оконъ окаймлены малиновою каймою съ звѣздчато-лиственнымъ орнаментомъ; та же кайма отдѣляетъ также и всю мозаическую декорацію отъ боковыхъ стѣнъ.

По причинамъ, которыя уяснятся тотчасъ же, намъ приходится начать съ этой третьей части или картинъ, представляющихъ Моисея у подошвы Хорива и его же на Синаѣ. Обѣ эти картины *цѣликомъ* представляютъ *позднѣйшую работу*, и по счастливному стеченію обстоятельствъ, рисунокъ г. Поли-

¹⁾ Алтарь освѣщается двумя окнами (новой работы) надъ аркою и однимъ окномъ внутри ари, внизу; свѣтъ бьетъ прямо въ аппаратъ и препятствуетъ снимку; мы должны были прибѣгать къ пособію зеркала, чтобы хотя отраженіемъ отъ этихъ лучей освѣтить боковыя части, что также плохо удавалось; наконецъ, снимокъ издали невозможенъ, благодаря иконостасу. Памятникъ, между тѣмъ, заслуживалъ бы быть исполненъ въ натур. величину калками, какъ-то дѣлается французскими мозаическими мастерскими для мозаикъ равенскихъ; но для этого надо бы было дѣлать гѣса. Даже для точнаго описанія требовалось бы устроить подмости, такъ какъ за бьющимъ свѣтомъ трудно рассмотреть верхнія части, въ особенности сцены подъ потолкомъ, что и было сдѣлано напр. г. Полявановымъ.

ванова передаетъ довольно близко этотъ типъ. Впрочемъ, черты его бросаются въ глаза и таковы, что не могутъ быть достаточно скрыты, чтобы не быть признанными. Слѣва отъ оконъ Моисей въ *розоватой* (отъ огней купины) туникѣ, поставивъ на скалу лѣвую босую ногу и смотря вверхъ передъ собою, видимо, распутываетъ повязки недостающей сандаліи; за нимъ скала (недоходящая до земли), передъ нимъ купина въ видѣ *большаго зеленого* куста, въ листьяхъ котораго видны огни; *лѣвая* (sic) Десница указываетъ однимъ пальцемъ, выходя изъ голубаго сегмента неба. Направо пророкъ, стоя между таковыхъ же двухъ скалъ, но одѣтый поверхъ туники въ *блѣое* покрывало, принимаетъ отъ Десницы (на этотъ разъ правая рука) скрижали въ видѣ *двухъ закрученныхъ на верху стѣрнхъ досокъ*. Всѣ особенности этихъ картинъ, или необычныя, или прямо неизвѣстныя въ древней живописи, указаны и г. Усовымъ, но, видимо, не довѣряя рисовальщику, онъ полагалъ возможнымъ найти, такъ сказать, подъ его картиною древне-христіанскій остовъ. Между тѣмъ всѣ эти особенности указываютъ только на новую работу, которая, можетъ быть, имѣла своею точкою отправленія разрушенный отъ времени древній оригиналъ, но не оставила отъ него, по нашему убѣжденію, *ни одной части древней мозаики* ¹⁾. Отсюда именно объясняется и характеръ цѣлаго, и всѣ детали. Типъ Моисея выбранъ изъ новѣйшей греческой иконописи; скалы съ своими разнообразными тонами, коричневыми, зелеными и пр., представлены такъ, какъ бы въ плохой масляной картинѣ; Купина явилась въ видѣ пышнаго куста ²⁾; Десница явилась слѣва въ видѣ лѣвой руки, и наконецъ скрижали приняли ту форму, какую онѣ имѣютъ только съ XVI вѣка. Далѣе, мы считаемъ также подозрительною древность двойнаго окна, котораго орнамента-

¹⁾ За отсутствіемъ подмостковъ, я не могъ констатировать даже, что это мозаическія изображенія, а не фресковая живопись, — таковъ характеръ этихъ работъ.

²⁾ Ср. изобр. Купины въ моз. у. Св. Виталія, въ рки. Косимъ Надоплова, фрескахъ кат. Каллиста, у Perret, Catac. I pl. 57, и пр.

ція уподоблена кайму арки съ медальонами изъ различныхъ птицъ и боковыхъ стѣнъ; въ рисункѣ же Поливанова и вообще малиновый фонъ всей каймы не передаетъ точно пурпура, употребленнаго въ оригиналъ. Мы не хотимъ, однакоже сказать этимъ, чтобы затѣмъ детали самой орнаментики были новыя, и, несомнѣнно, основной орнаментъ каймы — условная звѣзда изъ лепестковъ, извѣстная по многимъ раннимъ памятникамъ византійскаго искусства, принадлежитъ здѣсь древнему образцу.

Но реставрація, или вѣрнѣе, модернизация древней мозаики проникла и дальше, а именно въ орнаментальную группу двухъ летящихъ ангеловъ, помѣщенныхъ надъ самою аркою. Эта часть, столь тѣсно связывающая памятникъ Синая съ мозаиками Равенны, въ которыхъ мы находимъ такія изящныя по своей античности фигуры ангеловъ, увѣнчивающія алтарныя арки ц. Св. Виталія и друг., казалась бы, на первый взглядъ, несомнѣнно древнею, но что же представляютъ намъ детали и самый рисунокъ фигуръ въ Синайской мозаикѣ?

Во первыхъ, фигуры обоихъ ангеловъ отличаются такимъ удлинненіемъ пропорцій, какого нельзя ни предположить себѣ возможнымъ въ древнѣйшую эпоху византійскаго искусства (до иконоборцевъ), ни объяснить себѣ напр. неумѣlostью провинціального художника или мозаиста; по нашему мнѣнію, это преувеличеніе произошло отъ передѣлки верхнихъ частей въ фигурахъ, почему и явились также детали, вовсе не соответствующія стилю и характеру основной абсидальной мозаики. Таковы голубоватая крылья ангеловъ, въ тѣневыхъ частяхъ зеленые, съ павильными глазками на концахъ, таковы и непонятныя драпировки гиматія, который на протянутыхъ рукахъ ангеловъ образуетъ родъ рукава. Но другія, болѣе мелкія детали, надѣмся, будутъ болѣе убѣдительно свидѣтельствовать для всякаго спеціалиста о своемъ позднѣйшемъ происхожденіи. Ангелы держатъ въ вытянутой рукѣ по *ельку*, а не по *ельну*, — какъ мы видимъ безусловно на всѣхъ древнихъ памятникахъ; это вѣтки маленькія и представляютъ ободокъ вѣтки съ

листьями; они и изображены, такъ сказать, en face, не въ профиль. Очевидно, въ исчезнувшемъ оригиналѣ оба ангела или держали большіе вѣнцы, или же поддерживали большой медальонъ съ монограммою Христа, какъ-то видимъ на мозаикахъ равеннскихъ. Здѣсь мѣсто этого медальона занялъ небольшой кружокъ съ крестомъ внутри, образованнымъ изъ тѣхъ же лепестковъ на голубомъ фонѣ, и мы считаемъ совершенно бесполезнымъ пытаться объяснить себѣ этотъ убогій орнаментъ и искать въ немъ эмблемы монастыря, Св. Екатерины и т. д. Именно въ этой части мозаики мы замѣтили крайне перебитые слои кубовъ и грубую работу, но въ то же время, верхній бюстъ того ангела, который летитъ слѣва (отъ зрителя), представляетъ прекрасную и антично юношескую фигуру; составляетъ ли только эта часть остатковъ отъ древняго оригинала, рѣшить не беремся. Наконецъ, мы можемъ не нуждаться въ остроумныхъ доводахъ г. проф. Усова, пытавшагося оправдать появленіе на головахъ ангеловъ чего-то въ родѣ пестрой чаши съ полосами,—послѣ нашего осмотра, оказавшейся здѣсь плодомъ досужаго воображенія рисовальщика. Но за то въ рукавахъ ангеловъ, дѣйствительно, находятся длинныя и тонкія жезлы съ крестиками на концахъ: въ этой формѣ мѣрила извѣстны не ранѣ XI вѣка въ миниатюрахъ, и мы считаемъ эту часть передѣлкою. Мы назвали наконецъ верхнія одежды ангеловъ гиматіями, и не находимъ нужнымъ измѣнять какъ либо это обыкновенное наименованіе; но рисовальщикъ снимая въ атласѣ Норова такъ искажилъ покрой этой одежды, что ее, пожалуй, легко смѣшать съ различными церковными облаченіями.

Что касается двухъ медальоновъ съ погрудными изображеніями, находящихся подъ ангелами, въ углу парусовъ, то мы совершенно раздѣляемъ мнѣнія Эберса и проф. Усова, что въ нихъ никакимъ образомъ нельзя видѣть портретовъ Юстиніана и Феодоры, съ которыми эти типы не имѣютъ рѣшительно ничего общаго. Въ рисункѣ г. Поливанова медальоны переданы сравнительно вѣрнѣе и представляютъ: лѣвый — фл.

гуру мужидины съ черною бородою и густыми всклокоченными волосами; правый — женскую фигуру въ голубомъ покрывалѣ, напоминающую тиць Богородицы. Затѣмъ, изъ предложенныхъ двумя учеными догадокъ, что фигуры эти изображаютъ: Моисея и Св. Еватерину (Эберсъ), или же Иоанна Крестителя и Богородицу (Усовъ), — мы выберемъ послѣднее, какъ наиболѣе вѣроятное. Такимъ образомъ, мы, дѣйствительно, будемъ имѣть здѣсь, какъ вѣрно заключаетъ проф. Усовъ, по сторонамъ центрального образа Христа въ славѣ, представленіе иконы *Деисуса*, весьма извѣстной въ позднѣйшей византійской и русской иконографіи. Наше разногласіе будетъ, однакоже, заключаться въ томъ, что оба эти медальона кажутся намъ также весьма поздняго происхожденія и, во всякомъ случаѣ, по своему рисунку, краскамъ, ничего не имѣютъ общаго съ центральною аркою. Самую икону Деисусъ мы не знаемъ, кстати, ранѣе XI столѣтія и въ первый разъ встрѣтили ее въ рукописи I. Климака Синайской библіотеки XII вѣка (см. ниже).

Въ отличіе отъ этихъ частей синайской мозаики, которыя, по нашему мнѣнію, ясно представляютъ или и вовсе позднѣйшую работу, или же передѣлку и реставрацію, центральный отдѣлъ, т. е. самая мозаика Преображенія, съ окаймляющимъ ее бордюромъ изъ медальоновъ, охватывается столько же древнимъ, сколько и замѣчательнымъ памятникомъ ранняго византійскаго искусства, заключающимъ въ себѣ важнѣйшія данныя для иконографіи: достаточно указать на одинъ общій фактъ — *отсутствіе нимбовъ* (кромя Христа), чтобъ понять ихъ значеніе. Лишь очень немногія сравнительно части реставрированы, но передѣлка здѣсь рѣзко выдѣляется отъ общаго тона и самыхъ слоевъ и потому можетъ быть, если не прямо узнава, то отгадана.

И, однакоже, наблюдая вообще стиль всего цѣлаго, нельзя не замѣтить извѣстнаго различія въ типахъ медальоновъ съ главнымъ изображеніемъ, а именно: тогда какъ первые стоятъ замѣчательно близко къ равеннскимъ оригиналамъ, второе, видимо, удаляется отъ нихъ. Мы начнемъ, поэтому, съ

первыхъ. Рисунокъ г. Поливанова ¹⁾ (крошѣ немногихъ, сравнительно вѣрнѣ переданныхъ верхнихъ медальоновъ) въ данномъ случаѣ только вводитъ всѣхъ въ заблужденіе, и я, въ частности, отправляясь на Синай, ожидалъ именно въ этой части найти совершенно новую работу, — *итальянщину*, какъ говорятъ иконописцы. По нижнему поясу кайма содержитъ 17 медальоновъ съ изображениями 4 большихъ и 12 малыхъ пророковъ съ Давидомъ въ центрѣ; по каймѣ расположены 12 медальоновъ съ Апостолами по сторонамъ золотого, равноконечнаго креста въ кругу; наконецъ, въ углахъ сходящихся коймъ находятся медальоны Іоанна діакона (слѣва) и Логгина игумена (справа). Всѣ медальоны имѣютъ серебряный фонъ и отдѣлены другъ отъ друга внизу—стилизованннми линиями,—вверху, по арчѣ—стилизованнми же пальметтами; орнаментъ представляетъ двѣ цвѣтныя чашечки по ту и другую сторону стержня или смыкающей багетки; образцы этого орнамента въ болѣе сложной, но менѣе ясной архитектурической формѣ встрѣчаются въ каймахъ равеннскихъ мозаикъ ц. св. Виталія. Затѣмъ фонъ нижней каймы золотой, арочной — лилово-зеленый, т. е. древняго пурпура; всѣ изображенія снабжены надписями по сторонамъ головъ.

Легко понять порядокъ размѣщенія Апостоловъ: по сторонамъ креста помѣщены медальоны Андрея и Павла, причемъ Андрей заступилъ мѣсто Петра,—котораго изображеніе дано въ картицѣ—, какъ братъ, какъ первозванный и второй Апостолъ въ спискѣ Ев. Маттея; остальные расположены по тому же списку, при чемъ наблюдается соотвѣтствіе той и другой стороны; Іуда замѣненъ Маттеемъ; перечень фигуръ удобнѣе начинать слѣва. Первое изображеніе *Луки* представляетъ оригинальную черту въ иконографіи: извѣстно, что изъ всѣхъ Евангелистовъ онъ изображается обыкновенно наиболѣе молодымъ, съ маленькою черною бородкою; здѣсь же, напро-

¹⁾ Самъ Норовъ 1. с. стр. 87 замѣчаетъ, что не ручается за вѣрность рисунка въ этой части.

типъ того, мы видимъ Луку *сѣдымъ*, и типъ его напоминаетъ близко Ап. Петра. И, однако, этотъ самый типъ мы находимъ и въ мозаикахъ ц. св. Виталія и ц. св. Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ¹⁾, гдѣ тоже округлое лицо, также небольшая, сѣдая борода. Ап. *Симона Зилота*—тяжелый, грузный мужчина съ продолговатою бородою. *Иаковъ Алфеевъ*—молодой и черново-лосый, борода только опушаетъ лицо—подобный типъ въ ме-дальонахъ церкви св. Виталія и капеллы св. Петра Хризолога въ Равеннѣ²⁾. *Маркъ*, съ длинною сѣдою бородою, какъ у египетскихъ отшельниковъ; въ ц. св. Виталія также сѣдъ, но борода круглая. *Варооломей* въ типѣ полнаго мужчины, съ темнокаштановою густою бородою; напротивъ того, въ церкви Виталія и въ капеллѣ Хризолога видимъ молодого и пріят-наго лицомъ Апостола съ коротко-стриженными волосами и легкою бородкою. Апостолъ *Андрей* сѣдъ, волосы развѣваются кругомъ головы: замѣчательное тождество этого любопытнаго типа представляютъ медальоны въ ц. Виталія и въ той же архіепископской равеннской капеллѣ, на которыхъ волосы Апостола, какъ бы поднявшіеся дыбомъ, окружаютъ своего рода ореоломъ оригинальный варварскій типъ³⁾. Считаеиъ вообще указанный типъ наиболее осмысленнымъ въ иконогра-фіи Апостола. Справа отъ креста Ап. *Павелъ* ближе всѣхъ подходитъ къ обычному типу, но не имѣетъ лысины; одутло-ватая фигура; борода темнокаштановая. *Филиппъ*, на оборотъ, имѣетъ остроконечную черную бороду, тогда какъ обыкновенно онъ изображается или юнымъ и вовсе безбородымъ, или же съ небольшою бородкою, какъ напр. въ медальонѣ упомянутой капеллы; но, опять таки, въ ц. св. Виталія, типъ Апостола тождественъ съ синайскимъ⁴⁾. Далѣе, *Тома* юнъ и безбородъ; оригинальное лицо совершенно тождественно съ медальономъ въ ц. св. Виталія (также фотогр.) но во взглядѣ, брошенномъ

¹⁾ Фотографіи г. Луиджи Риччи, №№ 19 и 19, tavole aggiunte.

²⁾ Тѣ же фотографіи, №№ 15 и 29 tav. agg.

³⁾ Тамъ же, №№ 29 и tav. d'agg. 17.

⁴⁾ Тамъ же, № 17.

направо, мозаистъ послѣдняго изображенія, явно искалъ выразить нѣкоторое легкомысліе и свойственный ему скептицизмъ, тогда какъ синайскій медальонъ изображаетъ болѣе простоватаго, толстаго юношу ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, оба эти изображенія, по нашему мнѣнію, лучше другихъ въ древнехристіанскомъ искусствѣ. Типъ *Матвея* Евангелиста, съ Евангелиемъ въ лѣвой рукѣ, близокъ къ каноническому, грузенъ и сѣдъ, но далеко не такъ суровъ и тяжелъ, какъ въ тѣхъ же двухъ равненскихъ церквахъ. Ап. *Фаддей* черноволосый и полный, довольно близокъ по типу съ изображеніемъ въ капеллѣ Хризолога, гдѣ фигура Апостола съ тонкими чертами лица и острою небольшою бородкою должна, конечно, считаться болѣе типическою ²⁾). Наконецъ, фигура *Матвія* (ошиб. *Манвіаса*) въ Синайской мозаикѣ съ большою сѣдою бородою и короткими, сѣдыми же волосами, очевидно, уподоблена извѣстному типу Ев. Матвея и отстываетъ, потому, отъ молодаго типа капеллы Хризолога.

Много любопытнаго и оригинальнаго представляютъ также образы Пророковъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ руководства равненскихъ мозаикъ и должны ограничиться миниатюрами рукоисей, правда, или современныхъ предполагаемой датѣ синайскихъ мозаикъ, или немногимъ позднѣйшихъ: таковы Россанскій кодексъ Евангелія ³⁾, ркп. Косин Индоплова Ватиканской бібліотеки и «Пророки» Туринской библ. ⁴⁾. Первая фигура сдѣва въ синайскихъ мозаикахъ пред-

¹⁾ Напротивъ, въ Капеллѣ Хризолога, ест. № 33 tav. agg., типъ Ас съ чертами Вароолома странно отстываетъ отъ принятаго, но такъ какъ ниже помѣщенный Матвей изображенъ, какъ Фома, то полагаемъ что здѣсь недвѣи были ошибочно помѣщены, или даже, вѣрнѣе, перепутаны при реставраціи.

²⁾ Въ ц. Св. Виталія, ест. № 20, типъ строже, борода гуще и длиннѣе, такъ что фигура приближается къ Синайской мозаикѣ.

³⁾ *Gebhart* u. *Harnack*, *Evangeliorum codex Rossanensis*. L. 1889. Проф. Усова. О миниатюрахъ и пр. М 1881 Но изъ пророковъ этой ркп. вид. только 4 енг. (Taf. III) и, повидимому, неудовлетворительно.

⁴⁾ См. мою «Исторію виз. иск. и иконогр. по миниат.», иконогр. указ. *В. И. Буслаева* «Общія понятія о русск. иконоп.» въ Сборникъ общ. древнерусскаго иск. за 1866 годъ, стр. 86 слѣд.

ставляетъ *Данила* юнаго и безбородаго, въ лиловопурпурной хламидѣ, застегнутой напередѣ золотомъ фибулою; на головѣ пророка шапочка (персидская витра), шестигранная, съ зеленою гранью посреди; волосы выбиваются кудрями. Типъ, однакоже, значительно отошелъ отъ античнаго, прелестнаго образа юноши, котораго находимъ въ Ватик. рукописи. *Иеремія* съ курчавыми волосами и небольшою черною бородою, смотритъ прямо передъ собою; замѣтимъ сходство съ типами въ указ. рукописи и мозаикѣ ц. Св. Виталія. *Малахія*—съ длинными сѣдыми волосами и окладистой бородой. *Аней* съ черноватомъ бородою, но лысъ; между тѣмъ въ ркп. Космы юнъ и безбородъ¹⁾. *Авакумъ* курчавъ, съ бородкою, сѣдъ; напротивъ того, въ туринской миниатюрѣ видимъ изящный типъ юноши, въ ркп. Космы Авакумъ молодъ, но имѣетъ небольшую бородку. *Иона*—грузный человѣкъ, лысъ и сѣдъ—тоже и въ туринскомъ спискѣ. *Иоиль* юнъ, съ темнокаштановыми волосами; наоборотъ, въ туринской миниатюрѣ, Иоиль въ типѣ пожилаго мужщины, а по русскому подлиннику, онъ «сѣдъ, аки Илія», слѣдовательно и «косматъ», т. е. въ извѣстномъ аскетическомъ типѣ Іоанна Предтечи, Илія, Андрея и др. *Амосъ* съ просѣдою—въ Ватиканской рукописи юнъ и безбородъ. Наиболѣе любопытно и важно изображеніе *Давида* посреди Пророковъ: онъ представленъ юнымъ и безбородымъ, въ родѣ извѣстнаго типа царя Соломона; на головѣ Давида діадема изъ створокъ или граней, съ крестомъ посреди. Слѣдовательно, въ основу мозаическаго изображенія положенъ тотъ древнѣйшій типъ Орфея, юнаго пастыря, съ которымъ Давидъ представляется въ иныхъ миниатюрахъ псалтырей, тогда какъ обычный образъ престарѣлаго царя устанавливается уже съ IX вѣка въ монументальномъ искусствѣ и парадныхъ миниатюрахъ. *Осія*—сѣдой старикъ съ короткою округлою бородкою и длинными волосами: въ ркп. Космы—молодъ, бородка какъ у Авакума. *Михей*—приблизительно тождественный

¹⁾ Атласъ къ «Ист. вѣв. иск. и мон.», табл. VII.

типъ съ рукописью Туринскою — пожилаго, съ сѣдиномъ въ волосахъ, мужа борода остроконечная, волосы курчавы. *Авдій* и *Наумъ*—тоже; отношеніе по типамъ мозаики и рип. Космы, какъ для Аввакума; притомъ Авдій имѣетъ круглую бороду и моложе. *Софонія*—пожилой, съ лысиною; на головѣ чубъ: въ спискѣ Космы онъ безбородъ. *Захарія* — сохранилъ иношескій типъ, какъ въ туринской миниатюрѣ, тогда какъ въ Ватик. рип. пророкъ представленъ сѣднимъ: въ мозаикѣ Захарія держитъ пастушескій посохъ, а въ послѣдней рукописи около него серпъ. Типы *Исаія* и *Иезекіиля* приблизительно сходны съ изображеніями ихъ въ указанной рукописи и мозаикахъ церкви Св. Виталія, но оба пророка здѣсь много моложе. Особенно *Исаія* представляетъ замѣчательный типъ горячаго темперамента, съ рѣзкими, нѣсколько негритянскими чертами; волосы темные, шапкою. *Иезекіль* съ легкою просѣдою. Наконецъ два послѣдніе угловые медальона, любопытные въ историческомъ отношеніи, представляютъ налѣво — *Іоанна діакона* (Ἰωάννης δὲ διάκονος), по типу сходнаго съ изображеніями известнаго І. Лѣствичника: продолговатое лицо, съ черною, остроконечною бородою, большимъ, открытымъ лбомъ (какъ у І. Златоуста); на головѣ его лиловокоричневый, четырехугольный кукуль¹⁾ Въ правомъ медальонѣ изображенъ Игуменъ Логгивъ, пожилой и одутловатый мужчина, въ такомъ же четырехугольномъ и подобнаго цвѣта монашескомъ кубукліи.

Оставляя пока въ сторонѣ общую постановку данныхъ объ установленіи иконографическихъ типовъ какъ Апостоловъ, такъ и Пророковъ, въ монументальномъ искусствѣ Византіи, замѣтимъ, что изъ представленнаго нами краткаго очерка от-

¹⁾ *Cuculla, cucullo*, см. Smith and Cheetham, Dict. of christ. antiqu. v. См. также П. Каванскою, «Исторія правосл. монаш. на Востока», М 1871, стр. 11: «кукуль — дѣтская шапочка, до шеи, символъ незлобія въ V—VI вв., указ. въ патерикѣ Фотія; чернаго цвѣта». Здѣсь, во первыхъ изъясненъ цвѣтъ, во вторыхъ, недостаетъ пурпурнаго креста, нашивавшагося на верхъ. Ср. фреску Урлуба въ Каппадокіи: Texier, Archit. byz. pl. V.

ношеній Синайской мозаики къ равенскимъ памятникамъ того же вида и миниатюрамъ, явствуетъ: 1) сходство или близость между собою мозаическихъ изображеній, 2) античный, еще не опредѣлившійся характеръ тѣхъ же изображеній въ миниатюрахъ, 3) значительныя отступленія или движеніе впередъ въ опредѣленномъ аскетическомъ направленіи въ Синайской мозаикѣ въ особенности, и 4) перевѣсъ, который съ теченіемъ времени, пріобрѣли иконографическіе типы миниатюръ, благодаря ихъ распространенности, и переходъ ихъ въ русскую иконопись. Въ частности же, для самой Синайской мозаики путемъ этого сличенія мы приходимъ къ выводу, что ея типы уже значительно отошли по пути *историческаго* направленія живописи, установившагося въ VI—VII столѣтіяхъ, и покидая античныя, символическія формы, держатся древнихъ образцовъ, представляемыхъ Равенною, лишь въ общемъ пошибѣ. Иначе говоря, эти типы восполняютъ тотъ наиболѣе темный промежутокъ или пробѣлъ, который, подъ именемъ иконоборческой эпохи, составляетъ переходъ отъ вѣка Юстиніанова къ періоду Македонской династіи и извѣстенъ намъ лишь по слабымъ и второстепеннымъ даннымъ нѣсколькихъ лицевыхъ рукописей VIII—IX столѣтій.

Эти общіе выводы и взгляды подтверждаются, затѣмъ, содержаніемъ и стилемъ центральной мозаики. Рисунокъ г. Поливанова передаетъ довольно близко композицію фигуръ и отчасти стиль, но грѣшитъ въ деталяхъ и особенно въ типахъ лицъ, что въ данномъ случаѣ едва ли не важнѣйшее обстоятельство для сужденія о времени происхожденія мозаики Преображенія.

Христосъ, облеченный въ бѣлый хитонъ и бѣлый же гиматій съ золотыми клавами, стоитъ внутри голубаго миндалевиднаго ореола, благословляя именованно десницею передъ собою и держа въ лѣвой рукѣ свитокъ; фонъ ореола около фигуры сдѣланъ темносинимъ, для усиленія интенсивности одеждъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и отдѣленъ особою чертою; вторая полоса рядомъ голубаго цвѣта и третья, крайняя или внѣшняя—

свѣтло-голубая. Такимъ образомъ, для этого тройнаго пояса сіяній всего естественнѣе принять древнія наименованія εἶθεκ и υερελαλ, — какини обозначены четыре неба у подножія Христа — Судіи въ рукописи Восьми Инд.¹⁾ Далѣе, отъ тѣла Христа исходятъ шесть серебряныхъ лучей, а голова его окружена серебрянымъ нимбомъ съ золотымъ крестомъ. Типъ Христа представляетъ крайне важное посредствующее звено между древнѣйшими историческими типами, какіе знаемъ въ мозаикахъ Равенны и рукописяхъ V—VI столѣтій, и сложившимся окончательно въ IX вѣкѣ каноническимъ изображеніемъ. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе самой серіи предшествующихъ изображеній, замѣтимъ, какъ самое существенное, родство типа Синайскаго съ фигурою Христа въ Евангеліи Рабулы съ одной стороны и миниатюрами Жлудовской Псалтыри. Лицо еще округлое, не удлиненаго типа, глаза большіе и широко-открытые, брови густыя, волосы, падающіе на плеча, борода небольшая, остроконечная. Разница съ указанными образцами будетъ заключаться въ темно-каштановомъ цвѣтѣ волосъ и тонкомъ, длинномъ носѣ, но существенныя черты прежняго типа еще сохранены, какъ удержано и мягкое, кроткое выраженіе лица, смѣнившееся въ мозаическомъ типѣ X—XI стол. строгостью, почти жестко-суроваго характера²⁾. По сторонамъ Христа справа стоитъ на землѣ Илія, слѣва — Моисей (на мозаикѣ въ ц. S. Apollinare in Classe въ Равеннѣ и другихъ памятникахъ расположеніе обратное) Фигуры пророковъ имѣютъ между собою много сходнаго, родственнаго: обѣ грузны, тяжеловаты и представляютъ пожилыхъ мужщинъ, но Илія моложе, и волосы его не имѣютъ сѣдины, какъ у Моисея. Илія, кро-

¹⁾ «Исторія виз. иск.» р. 97.

²⁾ Сужденіе о типѣ Христа въ Синаиской мозаикѣ, за отсутствіемъ необходимыхъ иллюстрацій, мы принуждены отложить до общаго обзора всѣхъ фазисовъ развитія историческаго типа Спасителя. Здѣсь же замѣтимъ только, что эта важнѣйшая часть христіанской иконографіи остается до сего не тронутою, и что соч. Дидрона «Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu», изслѣдующее въ подробности всѣ типы и детали символическія, даетъ едва двѣ, три (260—2) страницы по вопросу о развитіи типа историческаго.

иъ того, представляет собою любопытный типъ аскета, нѣ- сколько грубаго характера, съ влокастою бородою; поверхъ лиловокоричневаго хитона, на немъ надѣта милоть, мѣхомъ внутрь, съ покрышкою изъ матеріи того же цвѣта. Но на нашъ, покрайней мѣрѣ, взглядъ нѣкоторыя черты этого типа Иліи кажутся модернизациею, и подобный ему типъ аскета въ фигурѣ Іоанна Крестителя на барельефѣ (слоновой кости) каедрны Максимина въ Равеннѣ рѣшительно инаго характера, инаго стиля; тамъ волосы распущены по плечамъ, борода длинная и волнистая, во всемъ видна ясная простота античной манеры; здѣсь неуклюжій образъ аскета съ претензіею на эффектъ. Еще страннѣе для насъ жестъ Иліи, который лѣвою рукою держится за шнуръ пояса (!) и странная, явно позднѣйшая деталь, въ изображеніе милоти. Милоть, какъ объяснялъ еще Пахомій, была просто овечья шкура, надѣвавшаяся отъ вѣтра пастухами и прикрывавшая или грудь, или спину или-же бока, и потому застегивавшаяся, смотря по обстоятельствамъ, то на груди, то на лѣвомъ плечѣ; но эта натуральная шкура—что очень понятно—надѣвалась всегда мѣхомъ вверхъ, какъ и представленъ на упомянутомъ изображеніи Предтеча, тогда какъ на синайской мозаикѣ видимъ обратное ¹⁾. Еще болѣе затрудненій представляет для объясненія фигура Моисея. Во первыхъ, голова этого Моисея съ длинными сѣдыми волосами и окладистою, сѣдою-же бородою, напоминаетъ намъ даже фигуру Иліи въ мозаикѣ S. Apol. in Cl. въ Равеннѣ и невольно вызываетъ вопросъ: не произошло-ли здѣсь путаницы подъ рукою реставратора, причѣмъ Илія, бывшій налѣво отъ Христа, какъ въ той мозаикѣ, сталъ Моисеемъ. Во вторыхъ, правая рука Моисея, благословляющая по направленію къ Христу, явно передѣлана неискуснымъ возобновителемъ: она грузна и толста до нелзя, и слои мозаики

¹⁾ Въ куполѣ известной ц. *Марторамы* или S. Maria del Ammiraglio въ Палермо находимъ изображеніе Иліи въ такой же милоти—шуба съ покрышкою;—мозаики эти—произведеніе 1113—1143 гг. По извѣщейей у насъ естографіи.

кругомъ ея ясно перепутаны. Далѣе: длинныя волосы пророка образуютъ такія завитки на концахъ, которымъ ужь, конечно, не найдется другаго примѣра въ древнемъ искусствѣ. Наконецъ, должно отмѣтить и то главнѣйшее обстоятельство, что во всемъ византійскомъ искусствѣ, до позднѣйшаго времени, мы знаемъ изображеніе Моисея юнымъ и безбородымъ пастыремъ; всюду: въ мозаикахъ церквей Св. Виталія и Аполлинарія, миниатюрахъ Космы Инд.¹⁾ и пр., Моисей — ветхозавѣтный прообразъ Христа — обязательно представляется молодымъ. Однакоже, мы находимъ и примѣръ (пока единственный) изображенія Моисея пожилымъ и даже сѣдымъ въ миниатюрахъ, а именно въ рукописи IX вѣка Словъ Григорія Божественнаго въ Амвросіанской библ. въ Миланѣ (за № 49 и 50)²⁾, въ которой всѣ пророки, кромѣ Даніила, изображены старцами, и самъ Моисей представленъ сѣдымъ. Важность этого образца, въ сопоставленіи съ мозаикой, усиливается и тѣмъ, что иллюстраціи этой рукописи, грубо монашескаго издѣлія, копируютъ древній оригиналъ, какъ мы легко можемъ усмотрѣть изъ ихъ содержанія.

Ниже Христа, — притомъ такъ, что одна фигура Петра приходится подъ ореоломъ, а двѣ остальные по его сторонамъ, въ промежуткахъ между Христомъ и Ілією съ Моисеемъ, — представлены въ живыхъ позахъ три апостола: Іоаннъ, Іаковъ и Петръ; вмѣсто обычнаго холма, представляющаго собою Оаворъ, или даже трехъ холмовъ, какъ напр. на мозаической иконѣ XII — XIII вѣка въ Луврѣ³⁾, на которыхъ размѣщены Христосъ возносящійся, Ілія и Моисей, — здѣсь, кромѣ Христа, всѣ фигуры стоятъ на ровной зеленоватой полосѣ земли. Въ той же иконѣ и фигуры апостоловъ сгруппированы и въ отдѣльности скомпонованы гораздо удачнѣе, а именно: Петръ

¹⁾ «Исторія виз. иск. и иконогр. по миниат.», гдѣта по указат. имену «Моисей».

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

³⁾ Инд. Лабартонъ, Hist. des arts industriels, Atlas pl. 120; безъ достаточныхъ причинъ отнесена авторомъ къ X вѣку.

справа отъ Христа, ставъ на одно колѣно, обращается ко Христу; Іоаннъ, павъ ницъ подъ Христомъ, закрываетъ лицо свое, а Іаковъ, стоя на колѣнахъ, выражаетъ изумленіе. Но эта композиція вся соткана изъ разныхъ условностей, схемъ, принятыхъ въ художественномъ обиходѣ, непонятныхъ мастеру и намъ, поэтому, обезображенныхъ; мелкія, угловатая и рѣзущія складки одеждъ, мыльные наливны на одеждахъ, все включительно до излюбленной охры, представляетъ застывшее искусство. Въ мозаикѣ синайской композиція груба, почти также, какъ въ римскихъ и равенскихъ мозаикахъ V вѣка (ср. пророковъ и апостоловъ въ усыпальницѣ Галлы Пладиіи), но отличается еще жизнью: юный Іоаннъ и Іаковъ, взмахнувшіе обѣими руками и ослѣпленные лицезрѣніемъ преображенного Христа, хотя поставлены въ уродливой симметріи, живы и натуральны; въ фигурѣ Петра, ползущаго (sic) по землѣ и поворачивающаго кверху голову, чтобы посмотреть, много простаго натурализма. Эти безхитростные приемы, свойственные искусству, перешедшему въ эпоху иконоборства въ исключительное достояніе монашества, и выработанному имъ аскетическому направленію, отражаются и въ типахъ, и въ одеждахъ. Типы апостоловъ, прекрасно сохранившіеся и явно чуждые всякой реставраціи, сохранили еще античныя контуры, данные мозаиками Равенны, и древнюю характерность; но по лицу молодого Іоанна уже прошли тѣ характерныя морщины около рта, которыя знакомы намъ въ миниатюрахъ IX—X столѣтій; носъ сталъ тоньше, суше и длиннѣе, хотя большіе глаза, мягкость чертъ остались прежнія. Одежды апостоловъ, какъ и всѣхъ описанныхъ фигуръ въ мозаикѣ сохранили также широкую античную драпировку, которая, правда, утратила красоту складокъ, покой, ищетъ уже эффектовъ въ складкахъ, прилегающихъ плотно къ тѣлу, но моделирована съ умѣньемъ и выѣстъ простотою.

Итакъ, какія историческія данныя и указанія стиля почерпаемъ мы изъ самаго памятника для опредѣленія его эпохи? Мы видѣли: 1) что типы синайской мозаики, хотя находятся

еще въ тѣсной связи съ иконографіею равеннскихъ мозаикъ, однакоже удаляются отъ нихъ по пути дальнѣйшаго развитія историческихъ идеаловъ; 2) что въ этомъ развитіи замѣчается, кромѣ дифференцированія общаго античнаго типа, даннаго Равенною (мозаики въ усыпальницѣ Галлы Платидіи), и несомнѣнное вліяніе аскетическаго принципа, внесеннаго въ искусство православнымъ монашествомъ на Востокъ, 3) но также, что въ исторіи развитія стиля синайская мозаика далеко не достигаетъ ни той схематической манеры, ни тѣхъ художественныхъ приѣмовъ, которыми отличается византійскій стиль IX—X столѣтій¹⁾. Одежды имѣютъ широкую, античную драпировку, округлыя и свободныя складки, и цвѣта этихъ одеждъ носятъ еще на себѣ тотъ характеръ Юстиніанова вѣка, въ теплыхъ промежуточныхъ тонахъ, который такъ рѣзко мѣняется съ IX вѣкомъ; мы не видимъ здѣсь вовсе одеждъ голубыхъ и розовыхъ, попеременно чередующихся, а напротивъ, коричневато-лиловой пурпуръ древнихъ, бѣлый и зеленый цвѣтъ по преимуществу; простота окраски напоминаетъ еще работы V—VI столѣтій. Тому же соответствуетъ широкая модельировка, еще довольствующаяся простыми приѣмами древнехристіанской мозаики.

Итакъ, по стилю и типамъ мозаика Синайскаго монастыря должна относиться къ концу древнѣйшаго періода византійскаго искусства. Эта эпоха, какъ нельзя болѣе ясно, представляла въ сюжетѣ и самой его композиціи.

¹⁾ Въ виду крайней малочисленности—кромѣ миниатюръ—памятниковъ собственно византійскаго искусства, въ эпоху VII—IX стол., должно и можно пользоваться мозаиками римскими, въ которыхъ уже теперь, при нашемъ относительно слабомъ знаніи древнѣйшаго византійскаго искусства, мы отмечаемъ постоянное и сильное его вліяніе. Таковы мозаики: Св. Нерая и Ахиллея (795—816), ораторіи папы Іоанна VII въ Ватиканѣ (706—7), S. Maria in Domnica (817—824), Св. Пракседы (тоже), Св. Цециліи (тоже), Св. Марка (827—844), Св. Маріи въ Трастеверѣ (855—8) и другихъ. Синайскую мозаику должно поставить между этими памятниками и мозаиками: Аполлинарія во елогахъ въ Равеннѣ (671—7), Рима: Св. Агнесы (626—638), ораторіи Св. Венанція въ Латеранѣ (637—642), Св. Стефана Круглаго (642—9) Св. Севастіана въ ц. S. Pietro in Vincoli (680 г.).

Извѣстно, что именно въ VII—VIII стол. закончена была въ сочиненіяхъ Софронія, патріарха Іерусалимскаго и Германа Константинопольскаго ¹⁾ мистическая теорія храмовой архитектуры, и различнымъ частямъ церкви приданы соотвѣтствующія литургическія назначенія или духовный смыслъ; согласно съ этимъ осмысленнымъ типомъ церкви, совершалась и роспись ея, и вызывалось появленіе въ искусствѣ новыхъ сюжетовъ. Изъ нихъ сюжетъ Преображенія Господня замѣнилъ, какъ историческая композиція изъ Евангелія, символическое изображеніе Христа, дающаго законъ и возвѣщающаго миръ Петру и Павлу; это былъ образъ откровенія Славы Господней въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, наиболѣе приличный для украшенія алтаря. Но какъ сюжетъ этотъ, главнымъ образомъ, заключалъ въ себѣ любимую идею Восточной Церкви о примиреніи стараго съ новымъ, іудейства съ христіанствомъ, такъ и изображенія его до позднѣйшаго времени относятся прямо или косвенно къ византійскому искусству. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ сомнительнаго барельефа, изданнаго Даженкурромъ, и саркофага изъ Остіи (у Миллена)—неопредѣленной эпохи (по крайней мѣрѣ, для меня, не выдавашаго самыхъ памятниковъ) ²⁾, мы имѣемъ, кромѣ Синайской мозаики, лишь два монументальныхъ изображенія сюжета: въ алтарной мозаикѣ ц. Св. Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ (574—595 гг.) и мозаикѣ триумфальной арки ц. Свв. Нерая и Ахиллея въ Римѣ (795—816). Кромѣ того, встрѣчаемъ сюжетъ Преображенія въ миниатюрахъ греческихъ рукописей: *Евангелія* IX—X стол. въ Имп. Пуб. Библ. за № 21 (сохранилась лишь нижняя часть сюжета), *Словъ Григорія Богослова* въ Нац. Париж.

¹⁾ Софронія п—ха (629—638), λόγος περιέχων τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἱστορίαν v. Aug. Mai Spicil. Rom. t. IV, 31 и Migne, P. gr. c. c. t. III, p. 3981—4001. Германа (715—740) Ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ καὶ μυστικὴ θεωρία, Migne ibid. t. 98, p. 384 sq.

²⁾ См. въ перечнѣ изображеній у Martigny, Dict. d. ant. chr., v. Transfiguration, при чемъ авторъ указываетъ рѣдкость изображеній сюжета на западѣ.

библ. № 510, IX вѣка и другихъ позднѣйшихъ. Остальные памятники относятся уже къ XII—XIII столѣтіямъ, но также исключительно греко-восточнаго происхожденія.

Много разъ было уже указано на символическій характеръ равеннской мозаики, въ которой Христа заступаеъ крестъ, украшенный драгоценными камнями и снабженный ореоломъ и медальономъ въ перекрестъ съ погруднымъ изображеніемъ Христа; Моисей и Илія предстазлены здѣсь, на подобіе эмблемъ Евангелистовъ, въ облакахъ, закрытыя ими на половину, — это, слѣдовательно, эмблемы откровенія Ветхаго Завѣта. Мозаика эта, однакоже, сближается съ синайскою, въ томъ, что по сторонамъ арки, содержащей Преображеніе и Св. Аполлинарія среди агнцевъ, изображены два архангела: Михаилъ и Гавріилъ, держащіе лабарумы: тоже какъ-бы архангелъ ветхозавѣтный и новозавѣтный? Вообще же, удостоившись въ греческомъ типѣ всей композиціи этой картины можно лишь сравненіемъ съ другими равеннскими мозаиками, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить особо въ другомъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ, только нѣкоторыя детали этой мозаики и композиціи другой въ церкви Св. Нерее носятъ на себѣ вліяніе традицій римской школы¹⁾, и, что особенно замѣчательно, по сторонамъ Преображенія въ послѣднемъ случаѣ изображены Благовѣщеніе (по гречески, съ веретеномъ) и Слава Божіей Матери съ младенцемъ на рукахъ, охраняемой Архангеломъ—т. е. повторены опять два архангела. Эти подробности имѣютъ капитальное значеніе для пониманія многихъ сюжетовъ равеннскихъ и Константинопольскихъ мозаикъ, о чемъ позволимъ себѣ также сказать въ своемъ мѣстѣ. Но изображеніе сюжета въ ц. Св. Нерее представляетъ и манеру болѣе древнюю: тема обработана въ стилѣ древне-христіанскаго барельефа; всѣ фигуры помѣщены на одномъ уровнѣ, и Апостолы приближаются, только преклоняясь до земли, къ

¹⁾ Изображена (кроме фотографіи Паррелля) въ изд. *Garrucci, Storia della arte cristiana, tav. 284.*

Христу; въ Синайской мозаикѣ художникъ уже переходитъ къ раздѣленію композиціи на двѣ части: верхнюю и нижнюю, или Христа съ Пророками и Апостолами, что затѣмъ и развито окончательно въ указанныхъ миниатюрахъ, мозаической иконѣ Лувра и Флорентійской ризницы, согласно съ общимъ параднымъ стилемъ IX—X стол. «Ерминія» или подлинникъ Діонисія Фурноаграфіота описываетъ сюжетъ такъ: «Преображеніе. Изображается гора съ тремя вершинами; на средней стоитъ Христосъ въ бѣлыхъ ризахъ и благословляетъ. Изъ него исходитъ свѣтъ съ лучами. По правую сторону Его Моисей, держащій скрижали, а по лѣвую Ілія стоятъ на вершинахъ, оба молясь, и смотрятъ на Христа. Ниже Петръ, Іаковъ и Іоаннъ припали къ горѣ, но смотрятъ вверхъ въ изумленіи». Итакъ, уже въ подлинникѣ значительно смягчено грубое выраженіе страха, которое уподобляетъ Христа съ Апостолами Императору съ его подданными, но извѣстно также, какъ изъ этого византійскаго образца Рафаэль сумѣлъ сдѣлать дивную религіозную картину.

Всѣ общія соображенія и доводы были-бы въ данномъ вопросѣ, можетъ быть, второстепенными, если-бы мы владѣли въ строчной надписи, окаймляющей снизу центральную мозаику Преображенія, и другой на правомъ концѣ фриза медальоновъ, дѣйствительно, точную дату. На самомъ дѣлѣ, этого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, извлечъ ее въ настоящее время изъ надписей не представляется способомъ.

Первая надпись читается:

EN ONOMATI $\overline{\pi\rho\varsigma}$ $\overline{\kappa\omega\omega}$ $\overline{\kappa\alpha\gamma\iota\varsigma}$ $\overline{\pi\eta\varsigma}$ ΓΕΓΟΝΕΝ ΤΟ ΠΑ-
ΝΕΡΓΟΝ ΤΩΤΟ ΥΠΕΡ ΣΩΤΗΡΙΑΣ ΤΩΝ ΚΑΡΠΟΦΟΡ-
ΣΑΝΤΟ ΕΠΙ ΔΟΓΜΙΝΩ ΤΩ ΟΣΙΩΤΗΡΕΩ ΚΗΓΣΜ:

Вторая:

ΣΠΕΔΗ ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΠΡΕΣΒ ΚΛΕΤΤ(Υ?) ΙΝΔΔΙ

Мы считаемъ первую надпись по формѣ буквъ позднѣйшаго происхожденія, противъ указанныхъ въ ней фактовъ и именъ, какъ и надпись на воротахъ, называющую игумена Ду-

ла при Юстиніанѣ. Всѣмъ достаточно извѣстны подобныя примѣры надписей на христіанскомъ Востокѣ; факты, въ нихъ указываемыя, иногда исторически точны, иногда-же сообщаютъ только преданіе, хотя изъ послѣдняго обстоятельства еще не вытекаетъ прямо ихъ недостоверность. Извѣстно также, какія трудности и неясности представляетъ палеографія монументальныхъ византійскихъ надписей.

Но мы имѣемъ рядъ косвенныхъ доказательствъ о позднѣйшемъ происхожденіи первой надписи. Эберсъ (I. с. р. 293—5) списалъ упоминаемыя Пококомъ надписи на прежнихъ балкахъ потолка, которые въ сороковыхъ годахъ были замѣнены новыми, и въ этихъ надписяхъ, кромѣ именъ Юстиніана и (покойной) Θεодоры, упоминается какой-то рабъ Стефанъ и архитекторъ монастыря Айлисій и неизвѣстная иначе (его жена) Нонна. Пусть эта надпись тоже возникла нѣсколько позднѣе фактовъ, ею сообщаемыхъ; она даетъ, однакоже пункты опоры въ годъ смерти Θεодоры (548) и въ имени Стефана, котораго тотъ-же авторъ весьма правдоподобно отождествляетъ съ извѣстнымъ святымъ аскетомъ, упоминаемымъ у Іоанна Климаса и скончавшимся около 580 г. Дѣйствительно возможно, поэтому, что и Айлизій строитель съ Нонною умерли также между 560—580 годами. Такъ какъ, затѣмъ въ этихъ надписяхъ Эберса указана только смерть Θεодоры, словами (ὄπερ μνήμης), а остальные лица: Юстиніанъ (ὄπερ σωτηρίας), Айлизій и Нонна (σῶσον καὶ ἐλέησον) предполагаются еще въ живыхъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ смерть не указана, то время, данное въ надписи, а слѣдовательно, и время окончанія самого потолка мы должны полагать между 548 и 565 (годъ смерти Юстиніана), притомъ ближе къ первой датѣ, такъ какъ смерть Θεодоры почти называется недавней: τῆς ἀναπαύσεως γενομένης.

Но если эти надписи указываютъ намъ на первые 550-е годы, то какъ согласовать ихъ съ мозаикою и ея надписями! Еп. Порфирій («Первое Путеш.» стр. 82—6) предлагаетъ слѣд. истолкованіе ихъ: первая надпись говорить, что мозаик-

ка кончена при Лонгинѣ, игуменѣ и пресвитерѣ, а извѣстно, что Юстиніанъ до 553 г. присвоилъ Синайской обители достоинство епископіи, такъ какъ въ этомъ уже году игумень-епископъ Константинъ подписалъ опредѣленіе четвертаго Константинопольскаго собора. Вторая надпись свидѣтельствуешь, что пресвитеръ Феодоръ исполнилъ ее въ 24-мъ году¹⁾ 14-го индикта, и по мнѣнію еп. Порфирія, указываетъ на 551 годъ—двадцать четвертый годъ царствованія Юстиніана, — въ который приходится, дѣйствительно, 14-й индиктъ. Объясненія эти не только остроумны, но и наиболѣе правдоподобны.

Но какъ объяснить себѣ тогда изображенія въ медальонахъ самого Лонгина и Іоанна діакона, который, по всей вѣроятности, и есть самъ извѣстный Іоаннъ Климакъ, жившій приблизительно до 580-хъ годовъ? Предположить, что они были изображены здѣсь еще при жизни, мы отказываемся, въ виду отсутствія подобныхъ примѣровъ въ восточно-православной древности. Можно думать, что эти два медальона прибавлены впоследствии, но тогда и первая надпись съ именемъ Лонгина дѣлается явно подозрительною.

Но существенно важное, наконецъ, и ясное противорѣчіе дать, выводимыхъ изъ надписей и указывающихъ настоятельно на 550-е годы, съ самымъ стилемъ мозаики, который, по нашему мнѣнію, носитъ на себѣ характеръ VII столѣтія (по крайней мѣрѣ, его начала), заставляетъ насъ относиться съ недоувѣрчивостью ко всѣмъ этимъ надписямъ. Странно уже то обстоятельство, что по именамъ, въ нихъ приводимымъ, мы имѣемъ конецъ VI столѣтія, а по датамъ его средину. Извѣстная неполнота надписи съ именемъ Феодора (указаніе года безъ опредѣленія того, откуда его считать) — настолько не обычна, что можетъ быть объяснена только передѣлкою или

¹⁾ Сличая надписи собранныя въ *Cogrus inscr. gr.*, мы также полагаемъ, что ΚΑ ΕΤΥ должно обозначать ΚΑ ΕΤΟΥΣ, т. е. двадцать четвертаго года, или въ 24 году, а не двадцать четыре года, чему противорѣчило бы обозначеніе индикта въ простѣйшей формѣ, безъ всякаго указанія на счетъ индиктiонныхъ цикловъ, какъ полагаетъ проф. Усовъ.

прямо реставрацію. На то же обстоятельство указывает и палеографія первой съ именемъ Лонгина, рѣзко различающаяся съ начертаніемъ буквъ въ именахъ Пророковъ и Апостоловъ въ стилѣ письма V—VI стол.

Но когда могли быть исполнены эти передѣлки и реставраціи? Нивакихъ прямыхъ указаній по этому важнѣйшему пункту въ изслѣдованіи всякой древней мозаики намъ найти не удалось, но, быть можетъ, тѣ, которымъ удастся разобрать акты, грамоты и счетныя книги монастыря, будутъ счастливѣе насъ. Однакоже, мозаическія работы въ Синайской обители не ограничивались только алтарнымъ украшеніемъ. Свидѣтельствомъ этого служить мозаическое украшеніе небольшой алтарной ниши (опять только полукупольнаго ея свода) въ капеллѣ Непопалимой Купины; на золотомъ фонѣ этой ниши изображенъ равноконечный крестъ въ кругу, а съ правой стороны имѣется надпись (см. факсимиле въ соч. еп. Порфирія, стр. 245): ἐπισκοπῆ τῶν παρὸν ἐργῶν τούτων ἐν ἡμερῶν σολομωντος τῆ ἐπισκοπῆς ἐνταῦθα ἐτος Τ(?)ΝΩV (?); буквы года на столько разсыпались, что прочесть невозможно, но еп. Порфирій въ Ω видитъ 800-е годы послѣ Р. Хр. Затѣмъ, въ концѣ XVII столѣтія такъ много, видимо, обновлялось въ Синайскомъ монастырѣ, что было-бы даже трудно, зная исторію мозаикъ Сициліи и Южной Италіи, предполагать, что Синайская мозаика могла избѣгнуть передѣлокъ въ это время. Наконецъ, мы знаемъ, что Лабордъ видѣлъ ее въ такомъ законченномъ и, вѣроятно, разрушенномъ видѣ, что считалъ невозможнымъ сдѣлать съ нея ясный рисунокъ. И опять таки, припоминая себѣ безчисленныя аналогіи новѣйшихъ передѣлокъ въ мозаикахъ Италіи, мы не можемъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ свидѣтельству, что іеромонахъ Самуилъ при поновленіи Синайской мозаики ограничился будто-бы только тѣмъ, что «вн-свѣтлилъ и закрѣпилъ» ее; объ этомъ подвигѣ свидѣтельствуеетъ надпись золотыми буквами на мраморной доскѣ въ той-же нишѣ: Ἀρχιεπισκοπῆς τοῦ παναγιώτου Κ. Κωνσταντῆς Βυζαντ. διὰ χειρῶν Σαμὴλ ἱερομον. τοῦ ἐκ Ρωσσίας. 1847.

Пожелаемъ, въ заключеніе, чтобы замѣчательный памятникъ былъ когда нибудь удовлетворительно снятъ и изданъ, — что повело бы, можетъ быть, къ разрѣшенію всѣхъ сомнѣній о времени его происхожденія и дало-бы, навѣрное, въ руки археологіи драгоценный матеріалъ.

Библиотека рукописей Синайскаго монастыря.

Болѣе, чѣмъ прочимъ древностямъ Синайскаго монастыря, посчастливилось его знаменитому хранилищу рукописей ¹⁾, Правда, большинство изслѣдователей и ученыхъ, посѣщавшихъ Синайскій монастырь, руководилось и въ этомъ дѣлѣ не столько общимъ научнымъ обзорѣмъ всей библиотеки, сколько поисками по отдѣльнымъ областямъ: ими ограничился напр. извѣстный Тишендорфъ, еп. Порфирій, въ послѣднее время (по 2 глаголическимъ рукописямъ) г. Гейтлеръ изъ Загребской Академіи. Арх. Антонинъ (см. его Записки въ Трудяхъ Кіев. Акад.) перенумеровалъ всѣ греческія рукописи и составилъ рукописный каталогъ номеровъ, хранящійся въ

¹⁾ Для многихъ, вѣроятно,—какъ и для меня, до путешествія,—остается неяснымъ, какъ хранятся въ Синайскомъ монастырѣ рукописи, иначе говоря, что представляетъ изъ себя это хранилище,—пунктъ весьма, какъ извѣстно, важный для изслѣдователя. Благодаря арх. Антонину, порядокъ содержанія рукописей улучшился, но не достигъ особеннаго совершенства. Рукописи пергаменныя хранятся въ описанной «лѣчебницѣ»; это одна комната при залѣ («Синодика», на Западѣ «Капитульной»), и въ ней стоятъ ящики, набитые кодексами по формату; здѣсь все лучшее и важное, кромѣ Евангелія Феод. III, Псалтыри Кассія и Глагольскихъ рукописей, которыя хранятся у о. ризничаго. Далѣе, мембраны плохой сохранности и листки находятся въ кладовой, гдѣ въ шкапахъ стоятъ грузино-армянскія и арабскія рукописи. Наконецъ, остальные греч. рукописи находятся въ шкапахъ вмѣстѣ съ книгами новѣйшими и икунубулами и славянскими рукописями въ библиотекѣ, на другомъ концѣ монастыря. Прибавлю,—что это всѣ тѣ мѣста храненія, которыя я самъ видѣлъ и обобравалъ, но я нисколько не ручаюсь, что въ монастырѣ нѣтъ и другихъ книгохранилищъ, хотя меня положительно убѣряли, что рукописей больше нѣтъ; завѣдующіе монастыремъ могутъ сами не знать существованія другихъ складовъ.

одномъ экземплярѣ въ Синайскомъ монастырѣ. Въ недавнее время (въ 1880 году) проф. Гардтгаузенъ, извѣстный палеографъ изъ Лейпцига, авторъ лучшаго нынѣ сочиненія по греческой палеографіи, пересмотрѣлъ (какъ мы знаемъ изъ словъ самихъ монаховъ) всѣ греческіе манускрипты, но, какъ кажется, еще не публиковалъ добытыхъ имъ результатовъ. Но все это не замѣняетъ, повидно, необходимаго описанія всего состава Синайскаго книгохранилища, которое, однакоже, несмотря на всѣ хищенія, сохраняетъ много интереснаго и, конечно, заслуживало-бы имѣть по крайней мѣрѣ каталогъ, подобный тому, какой составленъ недавно для аеонскихъ библіотекъ Ламбросомъ.

Моею спеціальною задачею было обозрѣть лишь греческія рукописи съ миниатюрами, но какъ для ихъ отысканія мнѣ пришлось пересмотрѣть все, отъ перваго до послѣдняго номера, то, въ виду отсутствія какихъ либо свѣдѣній о составѣ Синайскаго библіотеки, я считаю своимъ долгомъ начать съ общаго ея обозрѣнія и указать тѣ рукописи, которыя по чему либо показались мнѣ наиболѣе заслуживающими вниманія или не упомянуты арх. Антонинимъ въ извлеченіи изъ его описанія, сообщенномъ при «Запискахъ».

Составъ рукописной греческой библіотеки въ порядкѣ слѣдованія рукописей по нумерамъ слѣдующій: 1) Отдѣлъ общій — Ветхій Завѣтъ: а. Законъ и Пророки — 20 рукописей. б. Псалтыри — 127 номеровъ. 2) Новый Завѣтъ: а. Четвероевангелій 56 рукописей. б. Евангелій кат. ἀναγνώσεις — 55. с. Евангелій съ Апостоломъ — 14. d. Дѣяніи Апостольскихъ — 28. 3) Толковниковъ и схолиастовъ 17. 4) Отцовъ Церкви — 87 ркп. 5) Патериковъ и ἀσκητικά — 95. 6) Житій Святыхъ: похвальныхъ словъ, Διηγήσεις, Συναξάρια — всего 58 ркп. 7) Минеи разл. ред. 90 номеровъ. 8) Ἀνθολόγια καὶ διάφοροι ἀκολουθίαι — 91 рукопись. 9) Τριῶδια καὶ πεντηκостάρια — 42. 10) Παρακλητικά καὶ Ὁκτώηχοι — 62 номера. 11) Θεοτοκάρια — 23. 12) Ὁρολόγια, μηνολόγια, εἰρημολόγια καὶ κοντακάρια — 92 ркп. 13) Εὐχολόγια — 55. 14) Литургиче-

скихъ — 82. 15) Типиковъ 16 нум. 16) Немикъ — 27 рлп.
 17) Догматическихъ 13 рлп. 18) Куриакодрѣмта — 30 нум.
 19) Сивсь — 18 нум. 20) Псалтива 94. и 21) Историче-
 скихъ 11 отъ № 1183 — 1193.

Разсматривая эти отдѣлы рукописей библиотеки по нумерамъ, мы останавливались на многихъ, замѣчательныхъ или въ палеографическомъ отношеніи, или же по своему составу и содержанію, но какъ намъ (въ ряду указанныхъ въ предисловіи обстоятельствъ) было невозможно изслѣдовать ихъ, то мы и ограничились только указаніемъ соответствующихъ номеровъ; отдѣлы теперь подведены подъ общую нумерацію, отъ 1-го и далѣе до конца.

1. Осьмивѣнжіе съ 4 книгами царствъ XII в., въ л.

2. Пятонижіе, со сколіями in 4°, XII или XI в.

3. Книга *Иова* съ толкованіями и миниатюрами (см. ниже).

14. Профитологіонъ, XII в., съ именемъ писца Георгія Амартола.

16. Профитологіонъ, съ записью:

Ἐγράφη διὰ ἐξόδου καὶ συνδρομῆς Νικολάου ἀναπησ (?).

23. Псалтырь съ толкованіями разл. Отцовъ Церкви, XII—XIII в. въ л., 756 листовъ.

32. Псалтырь въ 12-ю д., VII—VIII в., унциальнаго косаго письма, съ удареніями обложенными и тяжелыми; писана на грубомъ пергаментѣ и пострадала.

34. Псалтырь греко-арабская, VII—VIII в., того же наклоннаго унциальнаго письма.

35. Псалтырь эллино-арабская, in 4°, VII — VIII в., безъ удареній, того же письма.

40. Псалтырь въ 4-ю д., XIII—XIV в., съ трактатомъ «о спасеніи души».

55. Псалтырь въ 12-ю долю, на 16-й стр. запись съ 1344-мъ годомъ:

+ Θεοῦ το ὄψρον καὶ χαρίτωνος πόνος;
 ἐτελειώθη ἐν ἔτει ,σωνβ' ἰνδικιάνος ιβ'.

67. Псалтырь XII — XIII в., особенно мелкаго письма; ркп. им. 1½ вер. дл. и 1 вер. шир.

68. Рукопись Псалтыри съ Мѣсяцесловомъ, въ 12-ю д., XII в.

69. Псалтырь, на бумагѣ, XVI вѣка, съ рис., изображающимъ Давида и ангела.

Между многими позднѣйшими рукописями Псалтырей (нумера отъ 101 и д.) есть до 40 XV—XVI вв., украшенныхъ цвѣтистыми и фигурными буквами по старопечатнымъ изданіямъ; наши Лицевыя Псалтыри, пошедшія въ своей редакціи отъ греческихъ оригиналовъ IX—X вѣковъ, не имѣютъ ничего общаго съ позднегреческими. Съ неизв. номеромъ ркп. *Псалтыри*, будто бы писанная Св. Кассіею, вся на 6 пергам. листкахъ, мельчайшаго письма, принадлежитъ XIII вѣку.

Отдѣлъ Евангелій въ Синайскомъ монастырѣ великъ и представляетъ много замѣчательныхъ образцовъ.

№ 150. Четвероевангеліе съ Мѣсяцесловомъ, XII или XIII стол., съ любопытною орнаментикою каноновъ въ примитивномъ стилѣ и раскраскою примарными красками: красной, зеленой, желтой, синею; крестъ изъ плетеной тесьмы; инициалы въ видѣ благословляющей руки. Ркп. входитъ въ среду народныхъ иллюстрацій, о которыхъ будетъ сказано ниже по поводу Евангелія Хоривскаго.

152. Четвероевангеліе съ любопытною записью 1346 года.

Ἐκτελεσθήθη ἡ παροῦσα βιβλος τοῦ ἁγίου
 τετραευαγγέλου διὰ χειρὸς ἐμοῦ
 Γεωργίου τοῦ Γαλησιώτου. ἐξ ἐπι-
 ταγῆς τοῦ περιποδήτου θεοῦ κραταίω
 καὶ ἁγίου ἡμῶν ἀθιέντου καὶ βασιλέως,
 πανυπερβαθέου κύρ Ἰσακίου
 Παλαιολόγου τοῦ ἁγίου. κατὰ μῆνα
 αὐγουστον τῆς τέσσαρες καὶ δεκά-
 τῆς ἰνδικτιῶνος τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ
 ὀκτακοστοῦ πεντηκοστοῦ τετάρτου ἔτους¹⁾

¹⁾ Правописание подлинника сохраняется при передаче всехъ записей.

6854 годъ = 1346 по Р. Х. и соотвѣтствуетъ 14 индиктіону. Что касается рода Асана, то, кромѣ Михаила пангиперсеваста (1341 годъ, *Murali*, Chron. byz. II p. 582), въ Актахъ, изд. *Миклошичемъ* и *Миллеромъ* (1312 — 3, 1351 года) упоминается и Исаакъ нашей записи съ тѣмъ же саномъ: *ὁ περιπόθητος θεῖος πανυπερσέβαστος κύρ Ἰσαάκιος Παλαιολόγος ὁ Ἀσάνης ἕκτερος*.

155. Четвероевангеліе in 8, съ записью: Βροντίης (?) Θεώρανος Ἰωάννης πανάριστος: πρωτοτόκου Σοφίης ὑπεράρχων εὐρατο ἀρχλῆν: πρωτοφανῆ γενετῆρα Θῶ... αὐτογένεθλον.

162. Четвероев. in 4°, XII в, съ именемъ писца Макарія, монаха и іеродіакона, безъ года.

170. Четвероев., XII или даже XIII стол., въ малую четв., мелкаго письма, съ изображеніемъ Евангелистовъ. На тонкомъ, почти просвѣчивающемъ пергаментѣ.

174. Четвероев., въ 32-ю д., XI в. съ прекрасною миниатюрною орнаментикою каноновъ.

175. Четвероев., XII в. съ именемъ писца Арсенія.

178. Тоже, XIV в., съ дурными миниатюрами—изображенія Евангелистовъ; надъ Матѳеемъ надпись *μα θεως* (sic); каноны въ видѣ плетеній.

188. Евангеліе XI вѣка, хорошаго письма и красиво орнаментированное, но въ извѣстномъ уже родѣ.

193. Четвероев., со схоліями и записью 1124 года.

Ἐγράφη ἡ θεία αὐτῆ τῶν ἱερῶν εὐαγγελίων
βιβλος διὰ χειρὸς τοῦ εὐτολοῦς (εὐτελοῦς) καὶ ἀνωζῶς (?) γέροντος
καλοῦ σκουδῆ καὶ προθυμίας τοῦ ὀσιωτάτου ἐν μο —
ναχοῦ μοναχοῦ κισμᾶ πόθω πολλῶ καὶ κόπῳ
ἀγωνισαμένου κτῆσιν τὴν τάφου συνδεῖ (?)
οἱ καὶ ἀναγινώσκοντες εὐχεσθε εἰς τὸν κύριον, εὐχεσθε ὑπὲρ τῆς
ψυχῆς μου τοῦ ταπεινοῦ καλουγέροντος· λειπειθεῖσα
μην ἰουλίῳ κγ εἶτ' ,σγλβ'· δόξα τῷ θῶ παντ'
ἐνεχα, αμῆν.

199. Четвероев. харатейное, хорошаго письма, съ записью 1548 года:

,αφμη'. πάπας γειάριος.

№ 204, которымъ начинается теперь отдѣлъ Евангелій по чтеніямъ (Εὐαγγέλια ἐκλογαδια, κατ' ἐκλογὴν, τὸ κατ' ἀναγνώσκας), представляетъ драгоцѣнность Синайской библіотеки, такъ наз. «Евангеліе Θεодосіа III», будто бы даръ этого императора монастырю, писанное золотомъ и украшенное миниатюрами. Объ этой рукописи, относящейся къ X—XI вѣку, см. въ отдѣлѣ миниатюръ.

211. Евангеліе древнѣйшаго унциального письма, VIII стол., съ удареніями, писецъ рабъ В. Леонтій.

213. Менѣе драгоцѣнная, но болѣе замѣчательная въ историческомъ отношеніи рукопись такъ наз. «Хорискаю Евангелія» 967 года, замѣчательнаго унциального письма, съ любопытными инициалами и заставками. См. ниже.

216. Евангеліе XII вѣка, съ нѣсколькими миниатюрами обычнаго типа.

218. Евангеліе Апракосъ, гр. in 4°, им. 700 листовъ, великолѣпнаго письма и орнаментировано роскошно въ XII стол. Выходная заставка изображаетъ 2 павлиновъ по сторонамъ источника. Зачала въ крестахъ, исполненная золотомъ, окантованная богатыми пологами. Инициалы обычнаго типа изъ суставчатыхъ растительныхъ формъ, наведены золотомъ по контурамъ, но не иллюминированы красками, какъ и въ Ев. Θεодосіа.

220. Новый Заветъ, въ л., 1167 года, съ любопытною записью, указывающею, можетъ быть, на извѣстный въ древности монастырь Пророка Иліи близъ Виелема¹⁾, гдѣ принялъ схиму писецъ нотаріусъ Василій:

Ἐπληρώθη τὸ παρὸν ἄγιον εὐαγγέλιον διὰ χειρὸς βασιλείου ἀμαρτωλοῦ νοταρίου τοῦ σκν... (?); καὶ ἤ τις τῷ ἀναγινώσκῃ εὐχεσθαι μοι ψυχὴν σώσαι μοι τῷ ἀμαρτωλῷ; ἵνα εὐρω ἔλαιος

¹⁾ Монастырь этотъ *Маръ Елиасъ*, существующій и теперь, основанный, по преданію, пророкомъ, на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, іер. патриархомъ Илією († 518), былъ разрушенъ при Франкахъ землетрясеніемъ и восстановленъ Имп. Эммануиломъ Комненомъ около 1160 года. См. Sepp, Jerusalem n. d. Heilige Land, 1873, I p. 535—8. Слово *κελλι* = *κελλιῶτου* или *κελλιῶτων* ?

τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ὁμοίως καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες τῷ αὐθέντι τοῦτο τημιωτάτω καθηγουμένῳ τῆς ἐν ἐμῇ ἐν τῇ ἀγία σεβασμία (?) μονῇ τοῦ ἁγίου (τῶν (?); μηνὶ φευρουαρίῳ ἰνδ. ιε τοῦ ,σχος' ἔτους.

Евангеліе XIV в., любопытнаго, по близости къ заставу, письма; заглавныя буквы простѣишаны красною и зеленою красками. Въ концѣ ελεσθαι παρακαλά διὰ τὸν κύριον ὅπερ τοῦ γράψαν- τηγοῦ (?) ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ, но ни имени, ни года дано. Подобная ркп. № 224.

227. Евангеліе съ мѣсяцесловомъ XI в.; инициалы прервосходнаго рисунка, не окончены.

228. Великолѣпная ркп. Евангеліе XI в., въ л., образцоваго письма въ два столбца, какого немногіе образцы находятся и въ европейскихъ библіотекахъ. Заставки и инициалы исполнены по наведенному особо золотому фону, первыя, однако же, сухаго и скуднаго рисунка (стрѣловидныя листья и цвѣтки въ кружкахъ); вторыя по тонкости работъ соперничаютъ съ лучшими кодексами XI в. константинопольскаго происхожденія.

231. Евангеліе въ л., съ записью, 1032—3 года:

καὶ τοῦ γράψαντος αὐτὴν μοναχοῦ Γερασίου καὶ ἁμαρτωλοῦ μοναχοῦ ὁμοῦ καὶ διακόνου; ἐπὶ βασιλείᾳ εὐσεβεστάτων καὶ αὐτοκρατόρων τῶν ρωμαίων μιχαὴλ καὶ ζωῆς; ἔτους ἀπὸ ἀδάμ ,σφμα' ἰνδ. ιε; ὡσπερ ξένοι ἐγλίχοντο πατρίδα ὃ περισθῆναι (?) οὗτο καὶ οἱ γράψαντες βιβλίου τέλος.

Имя писца Герасима, но другаго (?) столѣтія, см. въ спискѣ *Гардтаузена*, *Griech. Palaeogr.* стр. 232; тамъ же см. коночный стихъ, въ иной редакціи, стр. 378.

Годъ $\overline{\text{сфм}}=1032$ и соотвѣтствуетъ инд. 15-му. Но этотъ 1032 годъ есть пятый годъ царствованія Романа Аргиропуло, тогда какъ царствованіе Михаила и Зои, упоминаемое въ записи, относится (по Муральту) къ 1034—1041 годамъ. Поэтому мы полагаемъ возможнымъ читать годъ $\overline{\text{сфма}}=1033$, считая 15-й индиктъ уже пропущеннымъ. Въ Апрѣлѣ 1034 года,

слѣд. по византийскому счету, еще въ 1033 году Романъ былъ задушенъ Михаиломъ, и этотъ послѣдній женился на его женѣ, известной Зоѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ вопросъ объ этомъ годѣ оставить открытымъ для рѣшенія болѣе компетентными судьями.

234. На послѣднемъ листѣ этого Евангелія читается записъ съ 1155 годомъ:

Νόμοις σοῖς καὶ δόγμασι
καὶ ὑποθήκαις:
ταῖς ἐνθάδε κειμέναις
ἀναξ ἀνάκτων:
παρασκευάσον σὺν-
ἔναι καὶ εἶκεν:
διατηρεῖν τε ἄχρι τέρ-
ματος ζωῆς:
χθαμαλὸς ἰερώντιος
δεῖται σοὶ ταῦτα:
ὁ καὶ τῆς ἡδὲ κτήτωρ
σεπτῆς πτυκτίδος:
ἦ τις καὶ ἐγράφη ἐν τῷ σχηγ'
ἔτει, εἰς δόξαν τῆς μαχαρίας
καὶ πανυμν. τριάδος: πρς, υῦ καὶ ἀγ. πνε.

238. Въ рукописи имѣется много инициаловъ растительныхъ формъ, изящнаго пурпурнаго цвѣта.

239. Евангеліе съ записью 1374 года, инд. 12:

Θεῶ τὸ δῶρον καὶ ἰωασάφ πόνος;
Ἐταλειώθη ἐν ἔτει σωπβ' ινδ. ιβ μηνι νοεμβρ. κδ.

242. Рукопись, повидимому, XIV в., съ любопытными инициалами въ примитивномъ типѣ.

274. Дѣянія Апостольскія съ подробнымъ оглавленіемъ, толкъ Θεодорита, XIII в.

302. Θεοφιλακτᾶ Болгарскаго схоли въ 4 Евангеліяхъ, мелкаго письма въ два столбца, съ записью и 1306 годомъ:

Ἐπληρώθη σὺν θῶ ἡ θεόπνευστος βίβλος δι' ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου καὶ ἀγιωτάτου ἡγουμένου (?) τοῦτο μωσιον (?) τοῦ κῦρ λουκά; ἐν μηνι μαι, ινδ. δ, τῷ σωιδ' ἔτει.

319. Соч. Діонисія Ареопагита, in 4, 1048 года, которому соотвѣтствуетъ 1-й индиктъ, съ слѣд. записью, содержащею новое указаніе на студійскій монастырь, мѣстонахождение многихъ писцовъ и каллиграфовъ съ VIII—XII стол., и нашего писца Христофора. Молитвенное обращеніе данной формы повторяется не разъ въ записяхъ, снятыхъ Мопфоконемъ; обращивъ у Гардтгаузена ib. стр. 377—8.

Ἐτελειώθη σὸν Θεῷ ἡ ἱερὰ καὶ ψυχοφελὴς καὶ θεολογικωτάτη βιβλος τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν διονυσίου μηνὶ ἰουλίῳ ᾧ ἡμέρα κυριακῆ, ἔτ. ,σφνς' ἰνδ. α̅. Графе (ἰσα διὰ) χειρὶς χριστοφόρου ἐλαχ (ιστου) καὶ ἀναξίου διακόνου; ἐπὶ μιχαήλ τοῦ εὐλαβεστάτου ἡγουμένου μονῆς τοῦ Στουδίου. Δυσωπῶ δε πάντας τοὺς ἐντυγχάνοντας ἐνταῦθα ἵνα εὐχεσθε ὑπὲρ τῆς ταπεινῆς καὶ ἀμαρτωλοῦ μου ψυχῆς, ὅπως εὐροίμι ἔλθωσ ἐν τῇ ἡμέρᾳ (κρ)ίσεως τοῦ Θυ̅ ἰς̅ χ̅ν̅ διδόντος ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἴδια ἔργα.

339. Слова Григорія Богослова, въ л., лзящнаго письма, со многими миниатюрами; см. ниже объ этой замѣчательной рукописи.

342. Слова Григорія Богослова, съ указаніемъ 1052-го года написанія.

352. Слова св. Григорія Богослова въ л. со схоліями Никиты Серрѳона. Въ концѣ запись киноварью изъ 46 стиховъ:

Ἦ πάρθενε, δέσποινα, μήτ' ἔτι τοῦ Θυ̅ μου
 Ὅν ταῖς ἄνω δυνάμεσι, χειροῦβιμ σεραφήμ τε
 Ὅν ἀποστόλοις ἅπασι καὶ σὺν τῶν ἱεράρχων
 Ὅν γυναικῶν ἁγίων τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων
 Δώρησε λύσιν καὶ συχάρισιν πολλῶν σφαλμάτων
 Καὶ ἱεσάαν ποιήσον τοῦ σοῦ οἴκτροῦ ἱκέτου
 Πρὸς τὸν διδόν σου καὶ θυ̅ ἐμοῦ τοῦ παναθλίου
 Νεῖλωνος λέγω μοναχοῦ τοῦ σοῦ οἴκτροῦ ἱκέτου
 Πρωτοσυγκέλθ δύσεως. τοῦ καὶ χαλκεοπούλου
 Ἄλλὰ καὶ τὸν συγγράψαντα, φύλαξεν εἰς αἰῶνας
 Ἰωάννην τ' ὄνομα τὸ ἐπίκλην μαγκλαβίτης
 Καὶ πάντας τοὺς προστρέχοντας τῇ σῇ σκέπη παρίενε
 Καὶ τοὺς ὁμολογοῦντας σε μῆτ'α τοῦ ὀψίστου
 Μισίτριαν σε εὐβρομεν ἐν τῇ μελλούσῃ κρίσει

Ἐν τῇ μεγάλῃ καὶ φρυκτῇ δευτέρᾳ παρουσίᾳ
 Ὁ σὸς υἱὸς φανήσῃται κρίναι τὴν ἐκτεταμένην
 Ἀΐωθώμεν καὶ ἡμεῖς, ἐκ δεξιῶν σταθῆναι
 Ῥουθειήμεν ἀριστερᾶς μερίδος τῶν ἐρίφων
 Δέσποινα, πάντων δέσποινα, πρέσβεβε ὑπὲρ πάντων.
 Ἐγράφῃν ἢ παροῦσα βίβλος αὕτη διὰ χειρὸς
 Ἐμοῦ τοῦ παναθλίου καὶ οἰκτροτάτου τάλανος
 Ἰωάννου δὲ τ' ὄνο, τοῦ μαγλαβότου λέγω,
 Περιπατεῦντος ἔτους ἀπὸ συστάσεως κόσμου
 Ἐως νῦν τὴν σήμερον μηνὸς Ἰαννουαρίου
 Ἐἴεν (sic) ἑξακισχίλιοι σὺν τοῖς ὀκτακοσίοις
 Πλὴν καὶ ἐπάνωθεν τούτων εἴκοσι ἑκτὼ λέγων;
 Θέλωμεν καὶ τοὺς ἑκατὸν εβδομήκοντα καὶ δύο
 Ἴνα ὁ αἰὼν ὁ ἑβδομος καὶ αὐτὸς πληρώσῃ
 Καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ ἑβδόμου αἰῶνος
 Ἐμενεν εἰς τὸν ποιητὴν καὶ χτίστην τῶν ἀπάντων
 Οὐδείς γινώσκει ἀδελφοί, τί δόξει τῷ κυρίῳ
 Μόνον ἀγωνισώμεθα ἀγάπην ὑπὲρ πάντα.
 Μὴ λοιδοροῦμεν ἀδελφοῦς, μὴ φθονοῦμεν ἀλλήλους
 Καὶ εἴαν ἔχωμεν ἀγάπην, ὃ φθόνος να λείπει
 Ἐλπίζομεν εἰς τὸν χϚ οἱ πάντες να σωθοῦμεν
 Ἐγὼ δε καὶ πορεύομαι ἐν ἀσωτία πάσα
 Καὶ σφάλω ἐν τῇ βίβλῳ μου ἐνθυμούμενος ταύτην
 Σκοτιζονται οἱ ὀφθαλμοὶ καὶ αἱ χεῖραι μου τρέμουν
 Καὶ ὄνοός μου ἐπαίρεται, εἰς ἀπόγνωσιν πίπτω
 Διὰ τοῦτο νῦν παρακαλῶ καὶ δέωμαι πάντας
 Οἱ ἀγαπῶντες τὸν χϚ μὴδέεν (sic) με βλασφημεῖτε
 Ἄλλ' εἰ τι σφάλμα εὑρηται, διορθώσατε τούτω.
 Καὶ δε τις κόψει δὲ χαρτὴν ἀπὸ τὴν βιβλον ταύτην
 Μητὰ γραμμάτων ἀριθμὸν καὶ λέξεων παντοίων
 Ἐχέτω τὴν καταραν σου καὶ πάντων τῶν ἀγιῶν
 Τοῦ παντοκράτορος ὀργὴν καὶ δεσπότου τῶν ὄλων.

Писецъ указываеѣтъ на годъ 6828 отъ сотв. м. («до 7000 л. надо прибавить 172») = 1320 г. по Р. X. и называетъ себя *Иоанномъ Манглавитомъ*. Имя этого писца изъ Вѣвской рѣк. I. Златоуста, приобрѣтѣнной нѣкогда Бузбекіемъ въ Константинополь и илѣющей слѣд. запись:

ἢ βίβλος αὕτη τῆς μόνης τοῦ Προδρόμου, τῆς κειμένης ἔγγιστα

τῆς Ἀσιαίου, ἀρχαίῃ δὲ τῇ μονῇ κληῖσις Πέτρα. Ἰωάννης γέγραφε νῦν Μαγκλαβίτης. Эту рукопись *Монфоконь*, Pal. Gr. p. 59 и 100, на основаніи тождества мѣста написанія, т. е. монастыря Пётра или I. Предтечи близъ цистерны Аэція въ Константинополѣ, съ другою рукописью Пар. библи., писанной въ 1127 году, отнесъ къ тому же времени. Но теперь, въ виду нашей записи ясно, что и Вѣнскій кодексъ долженъ относиться къ XIV стол., а не къ XII. Меурсій, Дюканжъ и Ламбедій согласно объясняютъ происхожденіе имени *Манклавита* отъ срв. латинскаго *manusclavita* = *janitor aulae impregatoriae*, но возможно, что въ данномъ случаѣ оно обозначало и специально одинъ патриціанскій родъ, котораго членъ, и поступивъ въ монашество, сохранилъ имя какъ прозвище.

402. Тоже, прекраснаго письма X вѣка.

410. Дидаскаліи Варсонофія и Іоанна, XIII в., in 4.

Между 350—450 нумерами есть много заслуживающихъ вниманія списковъ словъ, рѣчей и сочиненій: *Максима Омолота* (περὶ ἀγάπης — 399), *Палладія* (431 — Лавсанконъ), *Марка Подвижника* (436), *Нила* (437), I. Мосха (Лимонарій, 34 гл., 208 л., XII—XIII в. № 438), Паннокты Антиоха (439), I. Схол. и *Марка Филокалія* (455). Подъ 485 замѣчательный сборникъ: «Κοινὰ τῆς γραφῆς καὶ τῶν ἕξω σοφῶν», in 4°, XII—XIII в.

456. Εὐαγγελικὸς, въ 4, съ записью: Ἐπληρώθη τὸ παρὸν βιβλίον ἐν ἔτει ,σση' = 1300 годъ.

Но самое замѣчательное въ этомъ отдѣлѣ собраніе (до 15) списковъ «*Листвицы*» *J Климаса*, особенно полное и различныхъ вѣковъ, отъ IX по XIV включительно. Изъ нихъ № 417, in 4°, съ толкованіями, взященной скорописи VIII или начала IX стол., замѣчательнѣе своими инициалами, въ видѣ геометрическихъ фигуръ изъ плетеной тесьмы, наведенныхъ преимущественно зеленою, голубою и отчасти красною красками; не смотря на всю свою грубую простоту, рисунки эти отличаются своеобразною, древнею красотою. Одна изъ миниатюръ представляетъ самого автора съ воздѣтыми руками. См. ниже.

418. Рук. I. Климака, въ малую 4-у, XII в., со многими миниатюрами. См. ниже.

421. Тоже, въ малую 4, IX вѣка, прекрасной скорописи, съ оглавленіями унциального письма безъ удареній (ср. Лобковскую или Хлудовскую Псалтырь, по факсимиле, изд. Арх. Амфилохіемъ). Въ началѣ приложены посланія Іоанна игумена Районы къ Климаку и обратно. Буквы заглавныя, въ видѣ рыбъ, завитковъ, искусно скомпонованныхъ, расцвѣчены красною и желтою красками.

422. Реп. «Лѣствицы», съ записью 1100 года на посл. листѣ:

πόριζε χε λύσιν πλημμελημάτων:
 λουκᾶ μοναχῷ καὶ ἱεροαζύτῳ:
 γράψαντι τήνδε τὴν πανίερὸν βιβλίον: ἐν ἔτει ,σχη'.

448. Патерикъ съ слѣд. записью 1004 года, инд. 2:

Ἐτελειώθη ἡ βιβλίος αὕτη μηνὶ ἰουνίῳ ἰθ', ἡμέρα β', ἰνδικτιῶνος β', ἔτους ,σφιβ', γραφεῖσα διὰ χειρὸς λέο... ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ. εὔχεσθε διὰ τὸν Θεὸν ὑπὲρ τοῦ γράψαντος αἱ ἀναγινώσκοντες. Имя Льва, клирика изъ *Euphonia*, въ реп. съ 1001 годомъ, см. Gardthausen p. 328.

456. Εὐεργετικὸς, съ записью 1300 года: ἐπληρώθη τὸ παρὸν βιβλίον ἐν ἔτει ,σωη'.

500. Λόγοι πανηγυρικοὶ за Ноябрь мѣсяцъ, съ миниатюрою (см. ниже). Съ послѣднихъ нумеровъ пятой сотни идетъ рядъ большихъ *Четий-Миней* или *метафрастовъ* (57) за отдѣльные мѣсяцы или за два, три мѣсяца, а въ концѣ шестой сотни много *антологій* или праздничныхъ миней; изъ первыхъ арх. Антонинъ ¹⁾ указываетъ, какъ замѣчательную рѣдкость въ своемъ родѣ, четыре рукописи унциального письма IX, можетъ быть, даже VIII вѣка, содержащія сборники словъ на празд-

¹⁾ «Изъ записокъ Синайскаго богомольца», Труды Киев. Дух. Акад. 1873 г., Сент., стр. 334. Авторъ, къ сожалѣнью, во всѣхъ своихъ статьяхъ не сообщилъ нумеровъ рукописей, какъ и въ данномъ случаѣ. Намъ же, просматривавшимъ всю библиотечку, но не порядку, какъ было объяснено выше, нумера эти не попались, а искать ихъ въ грудѣ оказалось не возможнымъ.

ники, легенды, а также житія Саввы молчальника, Авраамія еп. Братинскаго и др. Всѣ остальные относятся въ XI—XII столѣтіямъ. Изъ «Словъ» обращаютъ на себя, затѣмъ, вниманіе слова Льва Мудраго (№ 522), рукопись, писанная въ Италіи, въ Каламитскомъ монастырѣ Св. Николая, м. Лаврентіемъ; есть и позднѣйшаго времени списки житій Θεодора Едесскаго, Андрея Юродиваго, Василія Новаго и пр.

541. Житіе и пренія Григентія, архіеп. Гомиритскаго съ іудеями, in 4°, 1180 года. Въ концѣ рукописи находится неграмотная записъ: Ἐτελιώθη ἡ βίβλος αὐτῆ δια χειρὸς μιχαήλ διοῦ ἐπιφανίου τῷ τοῦ σιπίδι: μὴν. φεβ. κ̄ ἰνδ. ιγ̄, ἔτους ,σϣπη̄'; οἱ ἀναγινόμεσονται εὐχεσθὲ μοι διὰ τῶν κύριον, ὅπως λαβῶ λίσην τῶν ὀφλημάτων.

Изъ Миней слѣдуетъ отмѣтить также тѣ рукописи, которыя имѣютъ годъ или имя писца, или замѣчательны по письму, сравнительно раннему. Такъ: № 580—Минеи за Сент. и Окт. писаны кавимъ-то Евстаѳіемъ; № 595: Январскія съ годомъ ,σφνζ' = 1049; 596 — унциальнаго письма X вѣка и 607,—можетъ быть, даже IX столѣтія.

Отдѣлъ триодей замѣчательнѣе нѣсколькими рукописями съ годами. Изъ нихъ: № 736 съ записью 1029 г., инд. 12: μνηστει, κύριε, τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ καὶ ἀναξιολόγου ἰωσήφ τοῦ μετὰ.... καὶ σπουδῆς γράψαντος τότε τὸ ἱερόν τριωδίων... ἐν ἔτει ,σφλζ' ἰνδ. ιβ̄.

742. Триодионъ, замѣчательный по своей записи 1090 года:

Ἐγράφη ἡ ἱερά αὕτη βίβλος τῶν τριωδίων καὶ κανόνων καὶ λοιπῆς πάσης ἀκολουθίας τῆς ἀγίας τεσσαρακιστῆς, καὶ τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης ἑβδομάδος τῶν ζωοποιῶν παθῶν τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰϋ Χϋ τοῦ διοῦ τοῦ Θϋ καὶ Θϋ, ἐν τῇ σεβασμίᾳ λαύρα τοῦ ἀγίου σάβα τῆς (?) ἐν ἱεροσολύμοις. χειρὶ τοῦ εὐτελοῦς καὶ ἀμαρτωλοῦ θρασίμου (Γερασίμου) τοῦ ἀντιοχίτου, καὶ τῇ ζεοῦση σπουδῇ τοῦ τιμιωτάτου μοναχοῦ καὶ δευτερεύοντος τῶν πρεσβυτέρων τῆς ἐν ἀσκά (?) καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κϋρ Ἰωάννου, λόγω

τοῦ σεβασμίου ναοῦ τοῦ ἐνδόξου μεγαλο-
 μάρτυρος γεωργίου ἐν αὐτῇ τῇ ἀσκά (?) τὸ λεγόμενον
 κατὰ τὴν ἐγγώριον γλῶσσαν τὸ χάδρα.
 ἀρχιεραρχοῦντος τῆς αὐτῆς πόλεως τοῦ βασιτάτου
 καὶ παναγίου γέροντος κύρ ἀντωνίου; μηνι
 ἰαννουαρίῳ κε, ἰνδ. ζ' ἐν ἔτει ,σχζ'; οἱ ἐν αὐτῇ
 τῇ ἀγία βίβλω μελετῶντες καὶ εὐχόμενοι, εὐξασθε
 διὰ τὸν Θῶ καὶ τὴν αὐτοῦ ἐντολὴν τοῦ γραψαντος:
 εὐραῖν αὐτὸν ἔλεος ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως: ὁ Θς
 συγχώρη τῷ γραψαντι ταῦτα ἕσα σοι ἡμαρτεν. ἀμήν.

Запись эта требует некоторых объяснений, хотя бы при-
 близительныхъ. Герасимъ (?) писецъ, родомъ изъ Антиохіи, на-
 писалъ книгу триодеи и каноновъ въ Лаврѣ *Св. Саввы въ Іе-
 русалимѣ*, споспѣшествованіемъ *двотерарія* греческой церкви
 въ *Аскалонѣ* (?) Іоанна, во славу честнаго храма великому-
 ченика Георгія въ томъ же Аскалонѣ, по мѣстному нарѣчію—
Хадра, въ управленіе епархією этого города архіеп. *Антонія*,
 января 25, инд. 7, 1099 года.

Весьма естественное было бы, на первый взглядъ, пред-
 положеніе, что здѣсь разумѣется монастырь Св. Саввы, на бе-
 регу Кедрона, въ 12 километрахъ отъ Винолема, знаменитый
Mâr Saba, пещерный монастырь, на границѣ пустыни Мер-
 тваго моря, древнѣйшая обитель Палестины, съ 11 столѣтія
 именуемая *лаврою* (какъ называется монастырь запись); нѣ-
 когда многолюдная обитель, заключавшая въ себѣ цѣлый городъ
 (по Тоблеру до 10 тысячъ монаховъ и 4000 виновитовъ) и про-
 славленная Іоанномъ Дамаскиннмъ. Но это предположеніе не
 можетъ быть принято безусловно, въ виду точнаго выраженія
 записи: *лавра Св. Саввы въ Іерусалимѣ*. Кромѣ самой зна-
 менитой лавры, указывается въ хроникахъ и ея подворье или
 братскій монастырь Св. Саввы въ самомъ Іерусалимѣ на Сіонѣ,
 на Ю. отъ воротъ Давида; туда укрылась часть братія въ
 1103 году отъ нападенія Сарацинъ¹⁾. Далѣе, названіе лавры
 усвоивалось не только самому монастырю, но и его отдѣль-

¹⁾ *Serr*, Jerusalem und des Heilige Land, 1873, I стр. 843.

нымъ частямъ, такъ напр. многими частями обители Св. Саввы, тянувшейся на 14 миль до Мертваго моря. Однакоже, если мы имѣемъ много свѣдѣній какъ о литературной дѣятельности монастыря Саввы, изготовлявшаго церковныя книги для всей Палестины въ XII и XIII стол., прославленнаго своею библиотекою рукописей, то ничего не знаемъ объ упомянутыхъ по дворьяхъ. Наконецъ, врядъ ли было бы умѣстно писцу именовать отдѣленіе словами: *σεβασμια λαύρα*. Итакъ, мы рѣшаемся принять мѣсто написанія за самую лавру Св. Саввы на Кедронѣ.

Закащикомъ книги былъ нѣкто Іоаннъ, дѣвтарій, или второй по протоіереѣ пресвитеръ греческой церкви въ городѣ *Аска* (?). Имя этого города, ясно написанное писцомъ, но съ *титломъ* и *острыми удареніемъ въ концѣ*, предполагаетъ, по нашему мнѣнію, сокращеніе; остается или добавить *ἐν ἀσκαλωνι, ἀσκαλωνι*¹⁾, или предположить иное дополненіе, намъ неизвѣстное²⁾.

Имя города, нѣкогда сильнѣйшей крѣпости, Аскалона предположить легко и потому, что запись называется неизвѣстную *аска* городомъ, въ которомъ живетъ епископъ, нѣкто Антоній. Аскалонъ принадлежалъ къ 1-й (по Героклесу) епархіи Палестинской, подчиненъ былъ патриархату Іерусалимскому, но имѣлъ (по Нилу Доксипатрію) автокефальнаго епископа, который и могъ быть, по этому, упомянутъ въ записи, помимо наименованія патриарха³⁾. Существенное затрудненіе состоитъ

¹⁾ Не отрицаемъ возможности и другихъ догадокъ: средневѣковая греческая номенклатура различныхъ мѣстностей и городовъ Палестины далеко не вскрыта еще изъ современныхъ описаній и хроникъ. Кромѣ имени Аскалона, ближе другихъ стоятъ Аса, Асконъ или Аскона, наз. также Акра, откуда St. Jean d'Acce, въ которой, въ эпоху крестовыхъ походовъ была державъ Св. Саввы, нѣз за которой происходили раздоры между Венеціанцами и Генуэзцами. см. Recueil des hist. des Croisades, II, p. 443, b.

²⁾ Напр. *ἀσκρα* . . . или *ἀσκρα* и пр. Если только имя *аска* не есть перестановка, вмѣсто *аска*, что указывало бы опять на Іерусалимъ, гору, гдѣ магомет. святилище El akva, и часть города акра. Но это противорѣчитъ записи, гдѣ названъ *городъ*. Или даже названіе монастыря см. *ἀσκητήριον*.

³⁾ *Hierocli: Synecdemus et Nili Doxapatrii ex. recogn. Gust. Parthei, B. 1866, v. Ascalon.*

въ томъ, что въ томъ же самомъ городѣ указывается не только пресвитеръ православной церкви, но даже и честный храмъ во имя великомученика Георгія ¹⁾. Какъ ни много почитался Св. Георгій по Палестинскому побережью, однако, кромѣ мелкихъ капеллъ (напр. въ томъ же монастырѣ Св. Саввы), большихъ храмовъ великомученика намъ неизвѣстно, кромѣ храма (нынѣ разрушеннаго) въ Лиддѣ. Возможно, поэтому, что съ переходомъ Аскалона во власть египетскихъ халифовъ Фатимитовъ, или самое христіанское поселеніе въ Лиддѣ, или какой либо городъ по близости былъ названъ именемъ этой крѣпости (если не просто именемъ однозвучнымъ), и что подъ именемъ храма Св. Георгія запись разумѣетъ именно святилище въ Лиддѣ. Тѣмъ болѣе, что въ Аскалонѣ, съ его завоеваніемъ мусульманами, христіанство какъ бы совершенно было задумано ²⁾, древнія церкви (V — VI в.) обращены въ мечети, и съ VI вѣка неизвѣстно ни одного епископа.

Во всякомъ случаѣ, запись эта представляетъ столь много новаго и любопытнаго матеріала, что заслуживаетъ критическаго анализа. Ея содержаніе, имена и факты падаютъ притомъ на любопытнѣйшую эпоху — самый канунъ завоеванія крестоносцами Іерусалима и знаменитой битвы Готфрида съ 20000 противъ 200 (или 300) т. Египтянъ подъ стѣнами Аскалона въ 1099 же году, 12-го Августа, тогда какъ запись указываетъ на Январь этого года.

754. Трїодъ съ Пентикостаріемъ, писана рукою писца Симеона и кончена въ мѣсяцѣ Мартѣ 6685 года (1177 г.), инд. 10».

¹⁾ Имя *хадра* есть арабское имя Георгія *el chadr* (иногда *Kidr*), подъ которымъ и нынѣ извѣстны даже храмы и церкви во имя Святого, см. у Зеппа въ указ. соч., многіе пункты. Впрочемъ, въ перечнѣ Палестинскихъ епархій упоминается городъ — *Габара*, *Parthey*, p. 44. Греческая передача арабскаго *хадра* въ *хадра* понятна сама по себѣ. Для точности, однако, укажемъ на то, что «зеленый дворецъ» Моавитъ, основателя династїи Омїидовъ въ Дамаскѣ назывался также *хадра*, см. *Kremer*, *A. Culturgeschichte Orients unter den Chalifen*, 1875, I p. 134. Но мы затруднились бы найти, затѣмъ, какую либо связь этого дворца хадры съ ц. Св. Георгія и Дамаска съ нашимъ городомъ *Аска*...

²⁾ *Guérin*, *Palestine, Judée*, p. II.

756. Тоже; послѣ благодарственныхъ обычныхъ стиховъ запись писца: Ταπεινῷ μιχαήλ ἱεροσολυμήτη. ἔτος δ' ὑπῆρχεν ἡνίκα τοῦτεγράφεαι σφίγ' = 1205 г. 849. Θεοτοκarioνъ или Богородичникъ съ записью, отъ которой сохранился лишь годъ σωιβ' — 1304.

Между многочисленными часословами и требниками (эвхологиями) Синайской библиотеки особенно много рѣдкихъ манускриптовъ VII (?), VIII и первой половины IX столѣтiя, иногда унциальнаго письма, иногда скорописнаго; но многія рукописи весьма плохой сохранности, оттого, что были въ повседневномъ употребленiи. Таковы напр. № 864 — Горологiй, 3 в. шир. и 2 в. дл.; 870 — тоже, въ 12-ю д., писанный нѣкимъ Георгиемъ; одинъ требникъ безъ нумера, косаго унциальнаго письма, безъ ударенiй; № 926 — контокарionъ X вѣка, съ моленiемъ о писцѣ и др.

929. Прологiй съ годомъ — 1348 отъ исчезнувшей записи.

961 — 6 и др. — рядъ почти тождественныхъ экземпляровъ, одной руки, въ 16-ю д.

968. Евхологiй, 4°, 1426 года, съ записью:

Ἐτελειώθη τὸ παρὸν εὐχολογiὸν διὰ χειρὸς καὶ μου τοῦ ἀμαθοῦς ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ βαρθολομαίου τάχα καὶ ἱερέως τὸ ἐπίκλην ῥόσου (sic). διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου πρὸς ἡμῶν μωϋσέως διακόνου καὶ οἰκονόμου τῆς σεβασμίας μονῆς τῆς ἁγίας ἐνδόξης μεγαλομάρτυρος αἰκατερίνης ἐν τῇ νήσῳ κρήτη. Καὶ οἱ ἐντυγχάνοντες εὐχεσθαι ἡμῶν διὰ τὸν κν'.

Ἐν ἔτει ἐξακισχιλιοστῷ, λ δ' μηνὶ αὐγουστῷ ιε'.

О формулѣ: διὰ συνδρομῆς см. въ соч. Gardthausen, Paläogr. 377. Здѣсь она обозначена яснѣе прибавкою: καὶ ἐξόδου — по заказу и на средства». Монастырь Св. Вел. мученицы Екатерины на о. Критѣ составлялъ отдѣленiе Синайскаго монастыря, гдѣ именно и доселѣ этотъ послѣднiй владѣеть землями, чѣмъ и объясняется легко переносъ ркп. въ Синайскую библиотеку. Годъ 6934=1426 обозначенъ безъ указанiя индикта.

Съ № 1116 по 1143 рядъ позднѣйшихъ списковъ такъ наз. *вогика*, между ними семь—Номоканона, причемъ 1115 — Номоканонъ въ 40 параграфахъ, древнѣйшій; 1116 — Номоканонъ I. Зонары; 1117 — Θεοδωρα Власамона 'Ερμηνεία на Номоканонъ: 1119 — Н. Матоея; 1121 Алекс. Аристинна Толкованіе въ 77 главахъ и друг.

Въ отдѣлѣ *смыси*, изъ 18 ркп. мало любопытныхъ, тѣмъ менѣе важныхъ: схоліи на Эврипидя, различные письменники, лексиконы и пр.

Историческихъ рукописей десять; изъ нихъ:

1183. *Εβσεβία*. Памфила Церковная Исторія въ 10 книгахъ, 4^о, XI, в.

1185. *Νικηφορα* II—ха Б. польскаго *χρονογραφήων σύντομον* въ 57 главахъ.

1186. *Κοσμά* *Ινδοπλοια* «Христіанская Топографія» съ миниатюрами, XI стол, замѣчательная рукопись, о которой см. ниже.

1187. 'Ιερὰ *ἱστορία*, ркп. XVIII в.

1188. 'Ιστορίων Михаяла Глики, бумаж. 338 л.

1189. «Синописисъ» философа и монаха Константина, до царств. Никифора Вотаниата, ркп. им. 265 л., писана въ 1540 г.

1191—3. Различные хронографы, доведенные до султана Селима, до 1794 г. и т. д.

Въ отдѣлѣ псалтика (большою частью на бумагѣ и позднѣйшихъ) замѣчательны:

1216. *Στιχηρарь* въ л., съ нотными знаками, XIII в., съ прекрасными, но только заготовленными въ контурахъ миниатюрами ко всѣмъ Господскимъ и Богородичнымъ праздникомъ. См. ниже.

1220. Тоже приблизительно одного времени, или не позже XIV стол.; палимпсестъ въ одной части.

1221. Стихиарь съ записью 1321 г.

'Ετελειώθη τὸ παρὸν στιχηράριον διὰ χειρὸς ἐμοῦ *μανουῆλ* τοῦ χαλκιοπόβλου, μηνὶ ἰαννουαρίῳ χγ, ἰνδ. δ, τοῦ ,σικχδ' ἔτους,

διὰ χάριτος καὶ ἐξόδου ἱερομονάχου κυροῦ Βαρθολομαίου τοῦ χορινθιώτου καὶ ποτὲ ἀποστόλη (?).

Наконецъ, что касается рукописей славянскихъ, считаемъ излишнимъ сообщать нумера и содержаніе ихъ, такъ какъ именно для этого отдѣла каталогъ всѣхъ его 38 рукописей съ указаніемъ записей и иныхъ палеографическихъ признаковъ уже напечатанъ самимъ составителемъ рукописнаго каталога Синайской библіотеки арх. Антониномъ¹⁾. Но изъ этого же перечня явствуетъ, что въ числѣ славянскихъ рукописей нѣтъ ни особенно важныхъ по древности, ни любопытныхъ по содержанію. Единственное исключеніе составляютъ двѣ глаголическія рукописи: № 37 Службникъ въ 16 д., безъ начала и конца, особенно тщательно мелкаго письма и № 38—*Псалтырь* (177 листовъ) въ 16-ю же д., подобнаго, но менѣе тонкаго письма и, повидимому, древнѣйшаго. Первая рукопись имѣетъ чрезвычайно любопытные инициалы, расцвѣченные слегка свѣтло-зеленою, кирпично-красною, свѣтло-зеленою и желтою (хромъ) красками²⁾; рисунокъ состоитъ изъ плетеній, съ примѣсю многихъ растительныхъ формъ, напр. стрѣльчатыхъ листьевъ, также фигуръ, напр. руки, птичьей и змѣиной головы и т. п. Что касается содержанія первой рукописи (въ которой оказывается напр. «молитва о трысавицѣ»), языка и, главное, глаголическаго письма обоихъ манускриптовъ, то интересъ этихъ памятниковъ и всѣхъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, поднятый въ послѣднее время г. Гейтлеромъ, загребскимъ ученымъ, посѣтившимъ Синайскій монастырь въ 1880 году спеціально ради изслѣдованія глагольскихъ рукописей, настолько высокъ и значителенъ, что, конечно, вызоветъ въ ближайшемъ будущемъ спеціальныя ихъ изслѣдованія, а потому и избав-

¹⁾ «Труды Кіев. Дух. Академіи» за 1873 г., Сент., стр. 348 — 354, примѣч.

²⁾ Форма этихъ инициаловъ, равно какъ и заглавныхъ буквъ другой рукописи, можетъ послужить для опредѣленія вѣка рукописей, по своей характерности, но, понятно, какъ доказательство второй руки послѣ палеографическихъ признаковъ.

ляетъ насъ отъ нужды говорить о предметѣ, не входящемъ въ нашу компетенцію.

Въ заключеніе этого краткаго и отрывочнаго обзорѣнія Синайской бібліотеки рукописей, спеціально-церковной по своему составу, не можемъ не остановиться на ея общемъ научномъ значеніи. Въ настоящее время, благодаря составленію каталога и приведенію въ извѣстность значительной массы рукописей, если не вполне по своему содержанію, то, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, стало яснымъ, что изумительныя открытія, подобныя Тишендорфовскому, врядъ ли могутъ имѣть мѣсто. И, однакоже, кромѣ указанныхъ нумеровъ, Синайская бібліотека заключаетъ въ себѣ еще много важнаго для палеографіи; таковы напр. листки древнѣйшей греческой Псалтыри (V—VI стол.), расположенныя теперь на двухъ доскахъ, отрывки другихъ рукописей, не позже VII стол., папирусы и иные листки, нынѣ бережно хранимые. Наконецъ, кромѣ этихъ рѣдкихъ драгоценностей греческой палеографіи, Синайская бібліотека имѣетъ въ нашихъ глазахъ особую важность для изслѣдователя значительнымъ числомъ своихъ рукописей изъ той промежуточной и наиболѣе темной въ исторіи греческой палеографіи эпохи VII, VIII стол. и первой половины IX вѣка, которая и обращаетъ нынѣ на себя преимушественное вниманіе¹⁾. Полный мракъ, который и доселѣ окутываетъ Востокъ и его древности и скрываетъ громадную, по своей численности, Синайскую бібліотеку отъ взоровъ науки, разсѣется, конечно, не разомъ, и усиліями не одного, пронишаго въ пустыню, палеографа. Тамъ, гдѣ потребны были бы для полнаго освѣщенія труды ученыхъ миссій со всѣми нужными средствами и полномочіями, частная инициатива должна ограничиваться указаніемъ и намѣкомъ.

¹⁾ Частнымъ образомъ на мѣстѣ мы слышали, что извѣстнымъ палеографомъ, проф. Гардтгаузенъ, посѣтившій Синайскій монастырь за годъ до насъ, изслѣдовалъ всѣ его рукописи по письму, но состоялось ли изданіе въ свѣтъ прибрѣтенныхъ имъ матеріаловъ, намъ неизвѣстно.

ГРЕЧЕСКІЯ РУКОПИСИ СЪ МИНИАТЮРАМИ

въ библіотекъ Синайскаго монастыря.

Подобно тому, какъ въ Синайской библіотекѣ трудно найдѣться на палеографическую находку въ родѣ кодекса Тишendorfа, такъ и по своимъ лицевымъ, или украшеннымъ миниатюрами, рукописямъ, она не представляетъ ничего равнозначительнаго ни Россанскому кодексу Евангелій, ни Ватиканскому списку Космы Индоплова, ни даже Евангелію монаха Рабулы Лаврентіанской библіотеки. Тѣмъ менѣе можно сравнить Синайскую библіотеку греческихъ рукописей, хотя наиболѣе численную послѣ ватиканской, съ роскошною по составу Национальной Библіотекою Парижа. Многое, наиболѣе любопытное для гуманистовъ XVI—XVII стол., было отсюда вывезено и поступило въ библіотеки Флоренціи и Венеціи ¹⁾, и въ томъ числѣ, конечно, не мало именно лицевыхъ манускриптовъ, до которыхъ всегда были охочи любители древности. И все же, не смотря на возможность многихъ случаевъ вывоза и хищеній, самый составъ Синайской библіотеки одинъ объясняетъ достаточно, по нашему мнѣнію, ея бѣдность иллюстрированными рукописями; тамъ, гдѣ запасались преимущественно богослужебными, поучительными и настольными книгами, мало мѣста предоставлялось роскоши или даже искусству.

¹⁾ *Naniana* въ Венеціи обогатилась рукописями Синая, перешедшими послѣ въ *Marciana*.

Правда, общія свѣдѣнія наши по греческой палеографіи все болѣе и болѣе указываютъ намъ, что въ древнѣйшую эпоху греко-христіанской письменности и каллиграфіи мѣстомъ наибольшаго ихъ развитія были Юго-восточныя провинціи Византійской Имперіи и въ частности Александрія и ея епархія¹⁾. Если нынѣ всѣ согласны въ томъ, что масса рукописей X—XII вв., происходящихъ изъ Константинополя и его монастырей, объясняется безусловно тѣмъ, что именно тамъ сосредоточивалась письменность въ эту эпоху на потребу всего греческаго Востока, то весьма позволительно заключить отсюда тоже самое: для Александріи въ эпоху IV—VII стол. и для Сиріи въ VI—VIII столѣтіяхъ. Не естественно ли думать, что и первые иллюстрированныя списки Космы Индоплова появились въ Александріи, на родинѣ автора, и что внѣшнее и внутреннее сходство извѣстной Библии съ миниатюрами въ Вѣнской библіотекѣ, Россанскаго кодекса Евангелій и Синайскаго—не случайно? Вѣковое существованіе Александрійской библіотеки, сила традицій древней культуры, богатствъ и могущества египетской епархіи, обиліе монастырей и каллиграфовъ достаточно иллюстрируютъ фактъ развитія александрійской письменности въ эпоху IV—VII стол. и позволяютъ угадать ея характеръ и возстановить ея общія внѣшнія черты. Весьма естественно также предположеніе, что и въ синайскихъ обителяхъ господствовала та же письменность, съ ея типическою внѣшностью, направленіемъ и содержаніемъ, и что мы съ полнымъ правомъ можемъ переносить свѣдѣнія и общія понятія о письменности въ обителяхъ Нитрійской и всей Оиванды на Синайскій монастырь. Именно здѣсь должны были изготовляться

¹⁾ Авторитетный палеографъ г. *Гардтаузенъ*, Griech. Paläogr. 1879, L. p. 407—8, не отрицая значенія александрійскихъ традицій въ дальнѣйшемъ развитіи христіанской письменности и признавая возможнымъ, что «Синайскій кодексъ» принадлежитъ къ александрійской школѣ, все же считаетъ случайнымъ то обстоятельство, что «древнѣйшіе образцы письменности» христіанской намъ стали извѣстны именно изъ Египта, объясняя его климатическими условіями и суевѣріемъ, способствовавшими здѣсь сохраненію рукописей.

многочисленные карманные экземпляры богослужебных книг и Псалтыри, а полныя Библии цѣною не выше 18 солидовъ.

Но, на смѣну пышнымъ кодексамъ въ большое in 4°, на тончайшемъ свѣтящемся пергаменѣ, изящно каллиграфированнымъ и украшеннымъ миниатюрами, письменность византийскаго Востока со времени арабскаго завоеванія (638 г.) принуждена была выставить уже работы повседневныя, обиходныя. Это завоеваніе въ первыя времена не задавило ни греческаго языка, ни христіанской письменности, но оно сообщило тому и другой болѣе тѣсное, церковное направленіе и придало иной характеръ самой внѣшности производства. Пока мы не въ состояніи различить памятники письменности, возникшіе въ собственной Сиріи, въ ея городахъ или знаменитыхъ своею литературною дѣятельностью многочисленныхъ обитателей (Св. Саввы), отъ работъ Синайскихъ или Александрійскихъ, мы обязаны принимать для всѣхъ существованіе одного общаго типа: таковы многочисленныя рукописи Псалтырей, паравлитиевъ и под. въ библіотекѣ Синая; многія изъ нихъ снабжены или арабскими оглавленіями и глоссами, или даже писаны на двухъ языкахъ. Самая скоропись греческихъ манускриптовъ VII — IX вѣка, заимствовала много отъ письма арабскаго, какъ и формы рукописей, сорта пергамена, размѣры буквъ стали въ тѣсную зависимость отъ связей съ магометанскимъ міромъ, разрыва съ Византією и возникающей малограмотности. Именно эта эпоха VII — IX вѣка наименѣе благопріятствовала развитію миниатюры: мы не знаемъ ни одной рукописи этой эпохи съ художественными украшеніями; едва, едва оглавленія пишутся киноварью, да простая ленточка отдѣляетъ главы; пергаменъ грубый и толстый, письмо небрежное и грязное. Между тѣмъ, едва ли не всѣ древнѣйшія рукописи Синайской библіотеки принадлежатъ именно къ этой эпохѣ и къ этому разряду монастырскихъ издѣлій. Какой, казалось бы, интересъ художественно-историческій возможенъ въ этой области? Однако, интересъ есть и, на нашъ взглядъ, первостепенной важности въ общей исторіи христіанскаго искусства, и для его объяс-

ненія матеріалы существуютъ именно въ Синайской бібліотекѣ (какъ, навѣрное, и въ другихъ собраніяхъ Востока)—въ чемъ доказательствомъ послужать описываемыя ниже рукописи и сопоставленіе ихъ съ данными, уже извѣстными.

Но, прежде нежели мы приступимъ къ анализу самихъ этихъ рукописей, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое общее отступленіе о тѣхъ художественно историческихъ матеріалахъ, которыми мы владѣли доселѣ въ сферѣ миниатюръ въ частности и византійскаго искусства вообще въ періодъ VIII — IX стол., иначе въ эпоху иконоборства ¹⁾).

Уже сдѣлалось фактомъ, что періодъ отъ конца VII по послѣднюю четверть IX столѣтія, наиболее темный въ исторіи византійскаго искусства, есть, въ тоже время, и наиболее интересный: но онъ не только имѣетъ богатое внутреннее содержаніе, выразившееся въ появленіи редакціи (Толковой по смыслу своихъ миниатюръ) Лицевой Псалтыри ²⁾, а является еще подготовительною эпохою, имѣвшею рѣшительное значеніе въ будущихъ судьбахъ христіанскаго искусства.

Въ самомъ дѣлѣ: если мы справедливо видимъ въ древнѣйшемъ (IV—VI в.) періодѣ византійской миниатюры исключительное господство *античнаго* вкуса и древнегреческаго, т. е. еще языческаго взгляда, и затѣмъ, переступивъ черезъ эпоху иконоборства, встрѣчаемъ въ концѣ IX столѣтія уже специализировавшееся *византійское* искусство, то не обязаны ли мы спросить себя, какинъ образомъ совершился этотъ переходъ и произошла такая крупная перемѣна не только въ бытовыхъ условіяхъ, но и внутри самого искусства? Отрицая существованіе положительныхъ направленій, будто бы данныхъ

¹⁾ О самомъ иконоборствѣ и его значеніи для искусства см. «Истор. вѣд. иск. по миниатюрамъ», стр. 101—9. Замѣтимъ, что самая эпоха точнѣе определяется періодомъ отъ конца VII по конецъ IX вѣка.

²⁾ Мое изд. «Миниатюры греч. ркн. Псалт. IX в. изъ собр. Лугова въ М., М. 1878 и Springer, A. Die Psalter-Illustrationen im frühen Mittelalter», VIII Bd. d. Abh. d. phil. Cl. d. K. Sächs. Ges. d. W. p. 210 — 17 Leipzig. 1880.

искусству самимъ иконоборствомъ, и признавая, что оно имѣло лишь вліяніе отрицательное, какъ перерывъ въ развитіи, или преграда въ вѣковой античной, иначе языческой, системѣ, мы легко можемъ допустить, что самымъ противодѣйствіемъ искусству и выработаннымъ художественнымъ школамъ вызывались къ жизни заглушенныя народныя элементы. Пусть даже въ X и XI стол.—въ эпоху полной спеціализаціи византизма—рукописи наполняются копіями съ античныхъ миниатюръ (какъ увидимъ и ниже, по синайскимъ образцамъ), все же въ этихъ копіяхъ видна ясно совершенно иная художественная и религіозная мысль, чѣмъ та, которая создала самыя оригиналы. Въ ней, этой мысли, заключается и смыслъ всѣхъ искаженій оригинала. Всѣ усилія придворныхъ живописцевъ и миниатюристовъ не въ состояніи, видимо, побѣдить эту мысль или тенденцію и возвратить искусство къ его высокому древнему образцу, и самыя блестящія произведенія этого времени производятъ наиболѣе ясное впечатлѣніе лжеклассическихъ имитацій. Въ то же время народный вкусъ, излюбивъ болѣе скромную, но богатую мыслями и содержаніемъ сферу, казалось, стремился направить художественную мысль вглубь задачи и выработать наиболѣе содержательныя и высокія стороны религіознаго искусства. Самый антикъ принимался здѣсь только, какъ форма, готовая для ея наполненія и выраженія чувства. Въ эпоху побѣды надъ иконоборческою ересью, какъ и во все время борьбы иконопочитатели устами своихъ вождей не переставали повторять, что искусство имѣетъ высокое назначеніе учить людей, просвѣщать невѣждъ, дѣйствовать на сердце массы, сблизать ее съ божествомъ.

Почему же пусты оказались эти обѣщанія и на половину напрасны всѣ ожиданія, когда, вмѣсто развитія души въ искусствѣ, разработки идеаловъ религіи и христіанскаго чувства, византийское искусство съ конца IX стол. столь рѣшительно вступило на путь формы и внѣшности, ограничивъ все развитіе своего содержанія богословскими варіаціями на ту же тему? Отчего, вмѣсто живаго чувства и истинной экспрессіи

византийская иконопись X—XI стол. выработала только шаблонъ немногихъ условныхъ выраженій и заговорила навсегда языкомъ приторнымъ и слащавымъ? Изъ за чего, наконецъ, искусство это, покидая путь широкаго и свободнаго развитія мыслей, поторопилось, напротивъ, обезличить и то, чѣмъ доселѣ владѣло, унижая то, за что такъ долго боролось, такъ какъ отъ старнхъ импозантныхъ, хотя сухихъ мозаическихъ образовъ оно перешло теперь къ крохотнымъ эмалямъ и орнаментивъ различными заставками и инициалами подносныхъ рукописей, втискивая, такимъ образомъ, въ игрушечныя формочки то самое содержаніе, къ которому такъ недавно требовало благоговѣнія? Дѣйствовали ли здѣсь, какъ говорятъ, только привычки, усвоенныя искусствомъ во время его опалы при иконоборческихъ императорахъ, или же самому усвоенію этихъ привычекъ и проведенію ихъ въ самое сердце художественной дѣятельности Византіи способствовали иныя силы, выступившія на его поприщѣ?

Вотъ вопросы внутренней исторіи византийскаго искусства, которые, конечно, уяснятся не скоро, лишь въ результатѣ научнаго анализа всѣхъ матеріаловъ, но разрѣшеніе которыхъ, настоятельно необходимое, хотя бы и было не полно, или даже ошибочно, должно содѣйствовать интересу предмета, столь долго и намѣренно устранимому.

Правда, мы узнаемъ лишь очень немногое объ искусствѣ этого періода изъ историческихъ свидѣтельствъ: таковы свидѣнія о мозаическихъ украшеніяхъ дворцовъ и церкви времени Θεοφιλα (+842; Cedr., ed. Bonn., Theoph. cont. III p. 140 — 7), о травныхъ мозаическихъ орнаментахъ стѣнъ триклинія во дворцѣ Константина Порфиророднаго (Theoph. cont. ib. p. 456) и о пестрой мозаической росписи византийскихъ мастеровъ (?) въ мечети Омніадовъ въ Дамаскѣ начала VIII стол. Но и эти немногія свидѣнія важны по тому единогласію, которое заключается въ нихъ и устанавливаетъ общій взглядъ на эпоху: иконоборство, стало быть, прямо или косвенно способствовало развитію вкуса къ *орнаментамъ*. Всѣ

темы этой орнаментики, нѣкогда созданныя Востокомъ и усвоенныя Греціею и Равенною, затѣмъ жившія еще и въ V стол., когда синайскій подвижникъ Нилъ счелъ нужнымъ возстать противъ этой дѣтской потѣхи, съ новою силою выступили теперь въ VIII вѣкѣ, когда, выражаясь его же словами, πᾶν εἶδος ἐκράναι δαίχνεται πρὸς ἡδονὴν ὑφ'αλμῶν ἐν τῷ οἴῳ τοῦ Θεοῦ.

Но къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ бѣдныя извѣстія о внутренней жизни лѣтописи Византійской Имперіи, приходятъ на помощь и самые памятники искусства. Конечно, монументальныя памятники этого рода сохранились только отъ гораздо позднѣйшаго времени, но не менѣе ихъ живо говорятъ о новомъ художественномъ направленіи миниатюры рукописей. Уже, повидимому, во второй половинѣ VIII стол. ¹⁾ и безусловно въ первой половинѣ IX вѣка находимъ нѣсколько греческихъ рукописей, иллюстрація которыхъ, не предлагая уже обычныхъ иконописныхъ или «историческихъ» миниатюръ, состоитъ исключительно изъ различныхъ заставокъ, инициаловъ, виьетокъ и пр., непременно фигурныхъ и иллюминированныхъ красками ²⁾. Такъ изъ рукописей, уже ставшихъ извѣстными, укажемъ на *Евангеліе* Ватик. б. № 354, писанное нѣкимъ Михаиломъ въ 949 году, съ крайне любопытною орнаментикою канонровъ, въ простѣйшихъ краскахъ: желтой, зеленой и красной. Въ аркахъ этихъ канонровъ помѣщены крупныя медальоны съ звѣрями, оленями, слонами, зайцами, птицами, также сфинксами и драконами внутри, иногда крестами

¹⁾ Лабартъ, *Hist. des arts ind.*, t. III, p. 31—2 указываетъ только на одну рип. *Евангеліа* въ нац. библ. Пар. fonds Colbert № 63, м. 6. VIII вѣка. См. «Ист. виз. иск. по миниат. стр. 106.

²⁾ *Monfaucon*, *Palaeogr. gr.*, p. 254, по поводу фигурной азбуки изъ рип. Грег. Богосл. Пар. Нац. б. № 510 (880 года) и друг. рип. IX—XII стол. «съ VIII уже столѣтія въ греч. рип. замѣчаются большіе инициалы, искусно составленные каллиграфами изъ фигуръ людей, звѣй, птицъ, рыбъ и пр.». Но снимки М. относятся къ IX—XII стол. Ср. буквы P и X съ Синайскими рукописями, также O въ снимкѣ Монѣ. тождественно съ фигурою буквы въ Синайской рип. I. Климака № 417.

изъ плетений. Подобное греч. *Евангелие* Британ. Муз., собр. Арунд. № 547 (IX в.?) интересно множествомъ инициаловъ въ видѣ рыбъ, птицъ, иногда благословляющей руки, и даже уродовъ, напр. Т въ видѣ человѣка на одной ногѣ¹⁾.

Значительное число подобныхъ рукописей мы имѣли случай встрѣтить въ библ. Синайскаго монастыря Св. Екатерины. Таковы напр. *два рукописи* *Г. Климаса* за № 417 и 421, обѣ прекраснаго письма IX в. въ мал. 4^о со сколіями; инициалы этихъ рукописей, то фигурныя, въ видѣ рыбъ и птицъ, то изъ плетеной тесьмы, или даже суставчатныя изъ растительныхъ колѣнцевъ, разнообразны и изящны въ своей древней простотѣ и грубости. Еще любопытнѣе тамъ же манускриптъ *поученій Св. Θεодора Студита* за № 401, также IX стол.; его змѣвидные инициалы и заставки поражаютъ своею близостью къ романскому стилю рукописей XII—XIV в. на Зап. и въ Россіи; здѣсь плетеніе само образуется изъ извивовъ змѣй и драконовъ, красныхъ, желтыхъ, синихъ и пр., на которыхъ нападаютъ большія птицы; нѣкоторая причудливость и пестрота формъ²⁾, а равно и самый выборъ темъ указываетъ намъ какъ будто бы на Египетъ, откуда могутъ вести начало эти рип., а м. б., и самая орнаментация, которая, коренясь въ самыхъ условіяхъ жизни этой страны Востока, не чужда также и духовнаго принципа—символизма. Если же мы припомнимъ, для подкрѣпленія нашей гипотезы (общій характеръ александрійской письменности повторяется также въ этихъ рукописяхъ), что Египетъ издревле былъ склоненъ къ ориге-

¹⁾ Сюда же отнесемъ мы и нѣкоторыя латинскія рукописи, иллюстрированныя явно по греческимъ образцамъ: церемональ при рип. *Exultet* библ. Минервы въ Римѣ, б. предметомъ изученія для Чампини и д'Аженкура; большое Д этой рип. все составлено изъ плетений, обвивающихъ крестъ и звѣрей. Латинское *Евангелие* IX в. въ Париж. Нац. б. № 265 имитируетъ орнаментуку визант. рип. IX стол., тогда какъ рип. 11959 той же библ. сочетаетъ ее съ англосаксонскими образцами.

²⁾ Къ сожалѣнію, чаще всего повторяется А (*ἀδελφοί*) и Т (*τίτμα*) въ началѣ поученій, и поэтому рисовальщику мало простора для воображенія и труда.

визму и отъ него къ иконоборческимъ тенденціямъ, какъ о томъ свидѣтельствуется напр. борьба антропоморфитовъ и оригенистовъ (атеевъ) въ V вѣкѣ, то намъ уяснилась бы значительно почва происхожденія этой орнаментики. Въ подобной темной сферѣ приходится итти ощупью и довольствоваться всякаго рода указаніями и преданіями. Остановимся, наконецъ, на *Евангеліи Синайской библии*. № 213, въ м. 4^о, пис. 2 столбцами, которое, по мѣстному преданію, происходитъ изъ б. монастыря горы Хорива. На первомъ листѣ читается запись молитвы о рабѣ Божиѣмъ пресвитерѣ Евстаѣи, написавшемъ это Евангеліе, а на послѣднемъ, что оно кончено писаніемъ въ м. Январѣ 30-го числа индикта 10, года отъ сотворенія міра 6475 = т. е. въ 967 году.

Вотъ эти записи (въ точной передачѣ): Μνησθειη (sic) κᾱ τοῦ δουλου σοῦ ευσταθειου πρεσβυτερου ἀμαρτωλου και ταπεινου τοῦ π θω (?) γραψαντος τὸ εἰσαχ τοῦτω. ἀμην.

2) Ἐπληρωθη συν θῶ τῶ εἰσαγγελειον τουτω μη ἰαννουαριω εις τ λ ηνδ ι ετους ἀπο κτισεως κοσμου ,σουε'.

Обращикъ письма (одинъ листъ) сообщенъ еп. Порфиріемъ Успенскимъ въ приложеніи къ его соч. «Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты ч. 2-я, отдѣл. 1-с, Кіевъ, 1877, табл. № 3.

Рукопись наполнена заставками въ видѣ ленточныхъ плетеній, багетками, culs de lampe и передъ каждымъ чтеніемъ имѣется фигурный инициалъ. Краски всѣхъ этихъ орнаментаций простыя, не ломаныя, безъ всякой моделировки; сяная служитъ фономъ для киновари, охра заступаетъ мѣсто золота, яркозеленая и изрѣдка свѣтлокориичневая появляются въ деталяхъ изображенія животныхъ. За то рисунокъ и формы инициаловъ крайне характерны и важны для восточно-византійской орнаментики. Мѣстами плетеніе заставокъ превращается въ плетеніе змѣй, на концахъ котораго появляются то головы драконовъ, то голова или руки поглощенной ими челоуѣка (Іоны): въ концѣ нѣкоторыхъ главъ изображены геральдическаго стилия грифоны, архаизмъ которыхъ повторенъ Запа-

домъ въ XI — XII стол. Заглавныя буквы большихъ размѣровъ совмѣщаютъ въ себѣ и обычныя растительныя формы виз. инициаловъ X стол., и самыя причудливыя черты звѣрнаго романскаго стиля.

Ⲙ (чаще всего, при словахъ ⲉⲓⲧⲉⲛ ⲃ ⲓⲥ) въ видѣ благословляющей руки епископа (суда по обозначенному шитью ризъ), но также въ видѣ двухъ драконовъ, извивающихся по сторонамъ руки или цвѣтка и пр., и даже двухъ грифоновъ, охватившихъ человѣческую фигуру. Буква A въ видѣ колонны, обвитой тесьмою или цвѣтами, къ которой слѣва подпрыгиваетъ зайчикъ, птица и пр. Сколько разъ ни повторяется инициаль T [ⲧⲱⲓ ⲕⲁⲓⲣⲱⲛ̅ ⲉⲕⲗⲏⲱⲛ̅ (sic)], всякій разъ оно даетъ различныя рисунки, въ которыхъ растительныя извивы и плетенія оканчиваются головами птицъ и грифоновъ; под. видъ имѣетъ буква Ц, тогда какъ въ V и др. повторяется еще форма рыбы и пр.

И присутствію деталей той же самой орнаментики въ изящныхъ рукописяхъ X стол., под. напр. Евангелію Пар. Нац. библ. за № 70 964 года, доказываетъ, что она не ограничивалась провинціальными сферами, но рано перешла въ общее достояніе. Элементы этой орнаментики, а именно звѣрныя формы инициаловъ, мы встрѣтимъ впоследствии въ великолѣпномъ кодексѣ книги Бытія Vat. Christ. I, X вѣка, въ Пар. Нац. б. Coisl. 20—Еванг. X же стол., во многихъ рукописяхъ XI вѣка: Еванг. Пар. Нац. б. № 163, Коммун. библ. въ Сіенѣ, ркп. Гомилій Іакова Нац. б. № 1162, Vat. код. Григ. Богосл. № 463, Vat. № 1156, Словахъ Григ. Богосл.: Нац. б. 543 и Снн. библ. № 339 и т. д., въ XII вѣкѣ даже въ Псалтыряхъ: Снн. библ. № 38, 61 и мног. друг. Но въ цѣломъ, эта орнаментика родственна лишь съ восточными, хотя бы и позднѣйшими рукописями: таковы для XII вѣка буквы въ коптскомъ Евангеліи 1173 года въ Нац. № 41 Пар. б. № 13, и двухъ сирійскихъ Ев. ib. 40, 1191 г и 1195 г., для XIII—XIV стол.—Еван. армянское Пар. Нац. б. № 10 а, Іова Vat. № 1231 и пр. Въ этомъ послѣднемъ манускриптѣ каллиграфа Іоанна изъ Тарса, мы находимъ напр.

любопытный инициал мѣстнаго происхожденія: левъ терзаетъ плечо человѣка.

Но особенно много говоритъ въ нашу пользу сходство армянскаго указа. Евангелія съ образцами X вѣка: хотя здѣсь уже иная техника, и крохотная рукопись эта можетъ считаться за одно изъ блестящихъ произведеній поздневииз. жанра, въ которомъ фонъ и контуры исполнены золотомъ, и въ многочисленныхъ виньеткахъ и заставкахъ видимъ собственно растительный орнаментъ, но въ видѣ сложныхъ плетеній, однако заглавныя буквы даютъ все тѣже странно причудливыя формы. Большая часть ихъ представляетъ птицъ въ удивительныхъ перегибахъ, съ неестественно длинными клювами и хвостами, а иногда съ змѣйнымъ тѣломъ; буквы оканчиваются или птичьей или змѣйною головкою, иногда въ видѣ крылатыхъ драконовъ, львовъ, даже въ видѣ двухъ львовъ архаическаго типа, поднявшихся на заднія лапы. Заставки пестрѣютъ уже не одними растительными побѣгами, но и плодами; чаши или фонтаны на верху этихъ заставокъ обставлены пѣтухами, павами, деревьями, пальмами, но также львами, обезьянами, которыя держатъ въ рукахъ факелы и имѣютъ на головахъ дурацкія короны.

Въ отдѣлѣ Лицевыхъ Евангелій Синайской бібліотеки, какъ и слѣдовало ожидать, весьма многочисленномъ, первое мѣсто занимаетъ драгоценная рукопись за № 204, in 4°, вся съ начала до конца писанная золотомъ. Упциальное письмо носитъ на себѣ явно характеръ того ренессанса въ письмѣ, когда круглыя буквы вновь вытѣснили продолговатыя, писцы стремились подражать старинѣ и выработали новую форму для подносныхъ и церковныхъ кодексовъ, почему этотъ инициалъ и принято называть «литургическимъ»¹⁾. За отсутстві-

Евангелие
№ 204

¹⁾ Образецъ особенно крупнаго письма у. Montfaucon, l. c. p. 229; *Gardthausen* l. c. 161—2 справедливо понижаетъ памятники этого письма на два столѣтія, съ VIII на X-е, и съ IX на XI и даже XII вѣкѣ. Характеристика буквъ Д, круглаго Ф, У какъ лат. V и друг. вполнѣ приходится къ нашей ркп. Позднѣйшее оя происхожденіе свидѣлствуется зубчатыми буквами въ заголовкахъ.

емъ рукописей съ датами именно въ этомъ разрядѣ, нельзя и приблизительно рѣшить, когда возникаетъ этотъ шрифтъ, но, послѣ остроумныхъ сближеній и доводовъ Гардтгаузена, нельзя также и сомнѣваться, что господство письма устанавливается не въ VIII столѣтіи, какъ думали, но со второй половины X вѣка и принадлежитъ особенно XI вѣку. Наша рукопись написана особенно изящно, и ради этого изящнаго уніала всегда возбуждала въ себѣ особенное вниманіе путешественниковъ и палеографовъ. Установилось даже, повидимому, безъ всякихъ основаній, преданіе, что она принесена въ даръ монастырю Имп. Θεοδοсіемъ, при чемъ, очевидно, разумѣется Θεодосій III Имп. (715 и 716 г.) такъ наз. *хризографъ*. Но рукопись, явно, не только позднѣе начала VIII стол., но не можетъ принадлежать даже и началу X вѣка, а писана, всего вѣроятнѣе, во второй пол. X или въ началѣ XI и притомъ, по признакамъ письма, въ Константинополѣ.

Главнѣйшія доказательства въ пользу этой эпохи даются фигурными инициалами и миниатюрами. Первые представляютъ обыкновенный типъ заглавныхъ буквъ въ роскошныхъ рукописяхъ XI вѣка и состоятъ или изъ растительныхъ побѣговъ условной формы, или изъ птичекъ, которыя держатъ въ клювѣ вѣтки; фигуры исполнены только въ контурахъ, золотомъ же, и не иллюминированы красками. Миниатюры, числомъ 7, писаны по золотому фону и размѣщены по обѣ стороны трехъ выходныхъ листовъ, и такъ какъ Евангеліе это представляетъ изъ себя кодексъ по чтеніямъ, то, вѣроятно, это размѣщеніе было и первоначальное. Христосъ на первой стр. стоитъ на четырехугольномъ подножіи, усыпанномъ жемчугомъ, держа въ лѣвой рукѣ Евангеліе и благословляя правой; одѣтъ въ пурпурный хитонъ съ широкими золотыми клавями и голубой гиматій; складки угловатыя, ломающіяся. Типъ Христа повторяетъ извѣстныя мозаики XI и XII вѣка, но лицо болѣе продолговато и худо, а взглядъ на право не мало усиливаетъ строгость выраженія. Вообще говоря, иконописный типъ данъ здѣсь въ прекрасныхъ еще формахъ, хотя крайнес удлинненію

пропорцій наминаеть даже работы XII столѣтія. *Богородица* (μῦρ Θυ) наиболѣ изящная и замѣчательная миниатюра, хотя съ тѣмъ же недостаткомъ въ пропорціяхъ; М. одѣта въ голубой хитонъ и лиловое покрывало, окутывающее ее съ головою; правую руку она прижимаетъ къ груди, а въ лѣвой держитъ свитокъ, смотритъ на лѣво. Ап. *Матвей* въ прекрасномъ, строгомъ, но не лишенномъ добродушія типѣ, держитъ на покрывалѣ своего гиматія Евангеліе и берется за него правую рукою. *Маркъ* указываетъ правую рукою на свое Евангеліе, также *Лука*, а *Іоаннъ* благословляетъ. Типы, такъ сказать, канонизованные, т. е. окончательно установившіеся въ X и XI стол., и уже утѣряють выраженіе строгости и величавости. Всего ближе изображенія эти подходятъ къ извѣстнымъ по своему изяществу Евангелистамъ въ миниатюрахъ Евангелія Имп. Никифора (Никифора Фоки, около 964 года) въ Пар. Нац. библ. за № 70¹⁾, но не имѣють ни ихъ живости, ни натуральности въ передачѣ тѣла и карнаціи. Последняя и важнѣйшая для опредѣленія эпохи миниатюра представляетъ *преподобнаго Петра* (δεῦρος Πέτρος), мрачную, аскетическую фигуру старца, съ бородою до пояса, какъ у Павла Фивейскаго, въ темнокоричневомъ монашескомъ одѣяніи, но безъ кукулліи; на хитонѣ видны: *аналава* (ἀναζωλεός) или шерстяной шнуръ, который, опускаясь съ шеи, обвиваетъ плечи и препоясываетъ крестообразно одежду, и кожаный съ металлическимъ наборомъ поясъ, съ котораго спускаются вериги; на плечи накинутъ сзади и застегнутъ на груди *маворіи*. Изъ всѣхъ Святыхъ²⁾ греческой церкви съ именемъ Петра подходитъ только одно лицо, а именно: *Петръ* (δ ἅγιος πατὴρ Ἰμῶν) б. патрицій временъ царицы Ирины, сынъ Константина, донестякъ школь при Никифорѣ, молитвою освободившійся отъ болгарскаго плѣна и разрѣшенный отъ узъ I. Богословомъ, послѣ

¹⁾ Labarte, Hist. d. a. ind., атласъ, pl. 84.

²⁾ См. «Полный Мѣсяцесловъ Востока» арх. Сергія. Кромиъ указ. Свв., подъ 28 Ноября, въ Ватик. Менологіи, изд. Кард. Альбани, т. I р. 216 *Петръ муч.* при Константинѣ Копр., представленъ въ монашескомъ (?) одѣяніи.

покинувшій міръ и ставшій монахомъ сперва на Олимпѣ, затѣмъ въ Константинополь въ мѣстности имени Эландра. Его житіе передано подъ 1 Юля въ греч. Менологіи Имп. Василія, что въ Ватик. б. (изд. Albani, III р. 148)

Изъ числа прочихъ кодексовъ Евангелія въ Синайской бібліотекѣ обращаютъ на себя вниманіе: № 149, ркп. XIII в., съ любопытными канонами, которые украшены башнями фантастической архитектуры.

№ 152, Четвероевангеліе, in 4°, прекраснаго письма 1340 г. (см. запись). Миниатюры Евангелистовъ любопытны тѣмъ, что каждый изъ нихъ подноситъ свою книгу Спасителю, благословляющему чело ученика; этому утрированному представленію соответствуетъ и преувеличенность движеній, слащавость экспрессіи. Мутнорозовая и бѣлесовато-голубая краска, съ мыльными наливами, отличаютъ собою вообще лучшія рукописи XIV в.

154. Тоже, XII в., въ малую 4, съ изображеніями Евангелистовъ дурнаго письма, грязныхъ красокъ; въ этомъ монашескомъ издѣліи больше старанья, нежели искусства; канони раздѣланы пестро павлинами, свѣтильниками, чашами и пр.

156, тоже, XII в., отличается полнымъ безвкусіемъ рисунка заставокъ и, напротивъ, гармоническимъ подборомъ свѣтлыхъ красокъ; свѣжее и молодое лицо черноватаго Марка не лишено пріятности.

157, тоже, XIV в., съ 4 Евангелистами; имѣется запись, указывающая, что книга написана «на островѣ Патмосѣ», въ пещерномъ монастырѣ І. Богослова рукою монаха Іоанна.

165, какъ и №№ 170, 240 и нѣкоторые другіе, любопытно уже не столько самими миниатюрами, сколько по орнаментикѣ; первыя совершенно помертвѣли, а во второй еще сохранилась жизнь, и голубые разводы въ заставкахъ этихъ рукописей, растительные побѣги, львиныя маски и пр., какъ и фигурныя инициалы, въ звѣриныхъ и фантастическихъ формахъ, могутъ еще служить доказательствомъ силы греко-восточныхъ художественныхъ преданій.

За № 166 находится замѣчательное по своему изяществу Евангеліе XII в. Тонкая роспись цвѣтовъ, фонтановъ, птицъ, шраффировка золотомъ, и свѣтлоричневый фонъ каноновъ, напоминающій Альгамбру, находится въ оригинальномъ противорѣчii съ водянистою мазнею миниатюръ. Тѣсную связь византійскихъ орнаментовъ съ арабскими иллюстрируетъ № 233, Евангеліе съ двумя миниатюрами, рамки которыхъ близко напоминаютъ мозаическую орнаментику мечети Омара въ Иерусалимѣ.

№№ 153, 160, 170, 179, 187, 196—XI—XIII в. включаютъ въ себѣ изображенія 4 Евангелистовъ. ординарнаго типа, какъ и сотня подобныхъ рукописей въ библіотекахъ Востока и Запада.

Напротивъ того, № 216, Евангеліе Апракосъ, хотя принадлежитъ уже XIII—XIV в., и дурнаго письма, представляетъ заставки прекраснаго рисунка. Въмѣсто изображенія Ев. Іоанна представлено Распятіе въ позднѣйшемъ перевозѣ (глаза Христа закрыты, на немъ препоясаніе), съ сотникомъ; фономъ служитъ стѣна съ 2 башнями.

221¹⁾, тоже въ л., XIII в. съ выходнымъ изображеніемъ Христа, къ которому подходятъ всѣ Евангелисты, съ Евангеліями въ рукахъ, какъ бы собираясь читать ихъ; рисунокъ—крайне отяжелѣвшій.

Сравнительно съ этими ординарными рукописями XI—XIII стол., гораздо болѣе любопытны даже плохія рукописи XIV и XV вв., въ которыхъ самое разложивіе византійскаго шаблона дало возможность прорваться паружу мѣстнымъ, народнымъ элементамъ. Много подобнаго рода важныхъ для исторіи художества на Востокѣ памятниковъ остаются доселѣ неизвѣстными или недоступными. Изъ рукописей Сия. м-ря укажемъ нап. Евангеліе за № 237 со множествомъ инициаловъ, растительныхъ, звѣриныхъ формъ и даже въ видѣ плетеній; многія ленты оканчиваются здѣсь головами птичьими, драконами

¹⁾ Листы этого Евангелія подклеены обрѣзками какого то древнѣйшаго кодекса, быть можетъ, даже извѣстнаго «тшшендорфовскаго.

ни пр.; каноны обставлены фантастическими башнями, интересными для восстановления исторіи готической архитектуры.

№ 275 — рип. Дѣяній Апостольскихъ, XIII в., въ томъ же крохотномъ жанрѣ, какъ и экземпляръ Апостола въ библ. Московскаго Унив., любопытна для иконографіи. Въ началѣ рукописи изображенъ Христосъ, посылающій учениковъ своихъ на проповѣдь, а въ концѣ Саваоѣ (съ обнаженными ногами), держащій красную, т. е. огненную книгу; по сторонамъ его чаши съ цвѣтами знаменуютъ рай. Чаше другихъ Апостоловъ представляется Павелъ, обыкновенно въ собесѣдованіи съ Христомъ; Апостолъ окруженъ даже облакомъ или ореоломъ. Іаковъ, какъ еп. церкви Іерусалимской, стоитъ внутри портика, обставленнаго капарисами. Во всемъ видна копія съ монументальнаго оригинала.

«Книга
Іова»,
Синайс.
б. № 3

По особо изящному исполненію миниатюръ и также по своей рѣдкости представляется важною рукопись въ л. *Книги Іова* за № 3, относящаяся по всемъ признакамъ письма, но не живописи, къ XII вѣку. Хотя въ настоящее время и трудно опредѣлить мѣсто происхожденія греческихъ рукописей, однако извѣстныя качества рисовки и особенно колорита заставляютъ насъ думать, что этотъ кодексъ, вмѣстѣ съ Осьмичижіемъ Ват. библ. № 746, не константинопольскаго или столичнаго письма, но провинціального. Не даромъ въ немъ такъ много сохранено отъ древнѣйшаго оригинала и такъ мало парадныхъ, показныхъ формъ греческихъ рукописей этого времени. Одинъ взглядъ на миниатюры ¹⁾ этой рукописи, — которыя то напоминаютъ указанный кодексъ, то должны быть сближаемы даже съ Вѣнскою Библіею V вѣка, — и на прекрасное древе-

¹⁾ Изъ 24 миниатюръ, украшающихъ начало рип. до 25-го л. включительно и прекрасно сохранившихся, не сохранилась лишь одна: изображение жены Іова на л. 16 об., которое вырвано монахами, потому вѣроятно, что плачущая жена была представлена разодравшей на себѣ одежды свои; диаволъ мѣстами по обычаю вытертъ. Заставки рукописи въ видѣ жгутовъ крайне просты, и инициалы типа VIII—IX стол., но нѣсколько фигуративны.

уніціальное письмо самого священнаго текста¹⁾, указываетъ намъ, что мы видимъ передъ собою копію древняго оригинала, переданную близко и вѣрно. За неизвѣстностью, однако, этого самого древняго оригинала²⁾, мы можемъ только сравненіемъ и гадательно опредѣлить себѣ его типъ. Лишь одно общее заключеніе, что рукопись относится къ разряду подражательныхъ работъ и копій, наполняющихъ собою начальную эпоху утвержденія византійской иконописи послѣ иконоборства, можетъ жеть выставляться болѣе или менѣе положительно.

Всѣхъ миниатюръ 24. Каждая образуетъ полосу подъ текстомъ, выш. 0,09 с., овайленную киноварною рамкою, какъ во всѣхъ указ. выше кодексахъ; фонъ каждой картинки представляетъ античный ландшафтъ, и горизонтъ до половины залитъ лилово-пурпуровымъ заревомъ, которое въ виз. живописи IX—X стол. составляетъ излюбленный мотивъ и сообщаетъ лучшимъ миниатюрамъ оригинальный колоритъ.

Самые сюжеты даны здѣсь въ условно-античномъ характерѣ: иллюстраторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на бытовыхъ подробностяхъ, изображая ихъ, однако, кратко и пластически, и его оригиналь не навязываетъ ему ни символической, ни иконографической манеры.

Между двумя замками, внутри шатра на высокихъ пестро-раморныхъ колоннахъ, видимъ Іова и жену его, возсѣдающими на высокихъ тронахъ съ подушками; оба мирно бесѣдуютъ; опъ сѣдъ, но мужественъ, она—юная царица въ діадемѣ. Золотая зубчатая діадема, голубыя клави на бѣломъ хитонѣ и

¹⁾ Текстъ самой «Книги» приводится лишь въ нѣсколькихъ строкахъ наверху. Внизу скорописью X го вѣка написаны толкованія Олимпіодора. Рукопись полная, имѣетъ оглавленіе 52 отд. въ 36 пер., которые носятъ заглавія: Экзегетики, діалоговъ, о Господѣ, діаволѣ, ангелѣ, Іовѣ, женѣ его, о Иліи, Моисѣи и пр Далѣе идутъ слова, которыя писаны въ 2 столбца.

²⁾ Большая рукопись Книги Іова въ библиот. г. Патмоса, о которой мы имѣемъ лишь краткое свидѣніе, что она принадлежитъ VII—VIII стол., остается неизданной и намъ не известна. Съ другой стороны позднѣйшая редакція XIII—XIV стол. *Житіи Іова* отходить въ совершенно иную среду. См. мою «Исторію мин. р. 100, 265 др.

античныя серьги — скопированы здѣсь съ древняго оригинала. Прекрасные, чисто античныя типы (коричневые — помпейскіе тоны тѣла) трехъ дочерей Іова, встрѣчающихъ у дома своего отца съ сыновьями, видимъ въ слѣдующей сценѣ. Далѣе, миниатюрность ведетъ подробную иллюстрацію изобильной жизни праведника, видимъ многочисленныя стада Іова, пасущіяся на обильныхъ лугахъ; пастухи охотятся съ собаками за зайцемъ; видимъ дружбу дѣтей; вечерю всей семьи съ плясками молодыхъ рабовъ; жертвенныя приношенія Іова на altarѣ всесоженія, и затѣмъ рядъ сценъ богатства и вообще земнаго счастья Іова. Многое въ этихъ сценахъ смѣшно или забавно въ своей дѣтски-грубой и наивной передачѣ; кони и верблюды походятъ на дешевыя игрушки: рисунокъ и композиція слабы или просто вполне безпомощны. Но то, чѣмъ сильно византийское искусство вообще, и здѣсь является съ блестящей своей стороны: античныя образы ангеловъ¹⁾ съ ихъ женственно-нѣжнымъ оваломъ, съ свѣтло-лиловыми и голубыми одеждами, бѣлыми лентами въ волосахъ, просты и прекрасны. Въ этомъ типѣ небснаго вѣстника, которому подобный есть только въ моз. М. Маджоре въ Римѣ и миниатюрахъ Вѣнской Библии, нѣтъ еще и слѣда того вычурнаго и утрированнаго характера кудрявыхъ женственныхъ юношей, которые составили позднѣйшій иконографическій шаблонъ.

Такимъ образомъ «Книга Іова», выдѣлившись изъ библии помощью Феодоритовыхъ толкованій, получила здѣсь еще древнюю иллюстрацію; впоследствии же она составила главнѣйшее поучительное чтеніе и въ рукахъ богослововъ и проповѣдниковъ стала неизсякаемымъ источникомъ нравственныхъ темъ, или догматическихъ толкованій о союзѣ Ветхаго Заветъа съ Новымъ, и самъ Іовъ явился ветхозавѣтнымъ образомъ Христа. Та иллюстрація, которую мы видимъ послѣ (въ XIII—XIV вв.), хотя и повторитъ прежнія темы, но дастъ намъ, однако, уже

¹⁾ Изъ любопытныхъ деталей отмѣтимъ золотой пастырскій посохъ (baculus или lituus) въ рукахъ дымчатаго сатаны.

новый характеръ житія или даже восточной поучительной сказки. Мы видѣли, съ какими наивными натуральными подробностями живописуется бѣдственную исторію страдальца миниатюристъ Синайскаго кодекса (№ 3), и какъ мало онъ занятъ символизациею проходимыхъ имъ событій. Всѣ эти детали будутъ со временемъ приурочены къ инымъ цѣлямъ, которыя выставляетъ иное печальное время.

Въ данную эпоху только одинъ сюжетъ изъ этихъ миниатюръ встрѣчается съ характеромъ поучительнымъ: это сцена свиданія жены съ Ювомъ смердящимъ, подающей ему хлѣбъ на палецъ: частое повтореніе этого сюжета въ Словахъ, Житіяхъ и даже Святцахъ X—XI в., намъ кажется, указываетъ на специальную монашескую тенденцію.

Архаистическій или подражательно-античный пошибъ, господствовавшій въ византійскомъ искусствѣ X—XI стол., выступаетъ конечно, сильнѣе всего въ иллюстраціи такихъ кодексовъ, которыхъ сложеніе принадлежитъ древнѣйшему времени, иногда V — VI столѣтіямъ, а самые списки завѣдомо представляютъ собою не болѣе, какъ копіи этихъ древнихъ оригиналовъ, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ, что въ стилѣ миниатюръ явно чувствуется поздневизантійская тонкость, вычурность и такъ сказать, изношенность античнаго преданія. Эти списки, если они не прямыя копіи — какъ напр. Лаврентіанскій или Синайскій списокъ Космы — узнаются уже потому, что въ нихъ мы встрѣчаемъ, при широкомъ стилѣ композицій господство миниатюрнаго пошиба въ размѣрахъ фигуръ, мелочную отдѣлку деталей и т. д. Рисунокъ не имѣетъ прежней простоты, сюжетъ обработанъ непремѣнно каждый порознь, въ видѣ картинки, которая встаетъ окаймляется ленточкою или рамочкою красною, или золотою. Если миниатюристъ не списываетъ просто въ меньшемъ масштабѣ, то онъ обязательно хлопочетъ о подобномъ, чисто внѣшнемъ изяществѣ своихъ композицій, и видимо становится въ положеніе окончательно подчиненное или второстепенное по отношенію къ писцу.

Космы
Индоплава
«Топографика
№ 1188.

Разсмотримъ сначала оба кодекса *Христианской Топографіи* Космы Индоплова: Лаврент. библ. Plut. 9¹⁾, cod. 28 и Синайскаго монастыря № 1186²⁾, изъ которыхъ первый, отличающійся лучшимъ исполненіемъ, позднѣе, по нашему мнѣнію, второго, и если, дѣйствительно, принадлежитъ, какъ считаютъ со времени Монфокона, къ X стол., то заставляеть этия самыя помѣстить и вторую рукопись въ X или въ началѣ XI вѣка (подписная іота помѣщается въ строку). Съ этимъ согласуется и характеръ письма обѣихъ рукописей и ихъ украшеній. Синайскій кодексъ и по полнотѣ своей можетъ считаться образцовою копіею древнѣйшей рукописи. Эта копія обратила наиболѣе вниманія на просвѣтительное, лучше сказать, научное значеніе труда Космы, и схолиастъ-гlossаторъ его, равно какъ и иллюстраторъ занялись главнымъ образомъ разъясненіемъ самой топографіи вселенной: въ противоположность древней редакціи (Ист. виз. иск. стр. 90), изобиліе миниатюръ, поясняющихъ космографическія теоріи Космы, или наглядно изображающихъ предметы, о которыхъ у него трактуется, указываетъ на су-

¹⁾ Кодексъ этотъ въ малую in 4°, совершенно одного размѣра съ Синайскимъ. *Шнаазе*, по указанному уже правилу, различаетъ въ миниатюрахъ, достоинству исполненія, руки двухъ живописцевъ. Каждая миниатюра обрамлена узкою коричневою ленточкою. Рукопись имѣеть двѣ особыя выходныя миниатюры въ стилъ и вкусъ X стол., указывающія въ ней подлосыми экземпляръ: 1) Давидъ пастырь убиваетъ волка, напавшаго на стадо, и 2) по сторонамъ креста, водруженнаго на холмѣ, вѣтъ подъ котораго истекають 4 рѣки, изображены Ап. Петръ и Павелъ. Эта разрушенная миниатюра наведена въ каталогъ *Bandini* I p. 437. См., кромѣ того, мою «Ист. виз. иск. по мнѣнію» стр. 86—7.

²⁾ Синайская рип. известна была еп. *Порфирію*, *Первое путешествіе въ Синайскій монастырь*, 1855 г. p. 241, но нашъ путешественникъ ограничился лишь замѣткою, что она ранѣе X-го вѣка. Вездѣ писана и разрисована одною рукою, сохранилась хорошо, но многихъ листовъ нѣтъ: всего 211 листовъ. Начинается прологомъ: πρῶτον μὲν πάντων παρακαλῶ τοὺς πολλοὺς ἐντυχίαν τῇ δευτέρῃ βίβλῳ. Последній 12-й логосъ оканчивается словами: τῆ ἀλεξάνδρειαι ἀπολέσαι διὰ τῶν ἐλεφάντων καὶ..., послѣдняя страница смыта. Въ рип. затѣмъ слѣдуетъ τίμαξ, ὁλόθεος и λόγος. На поляхъ имѣются схолія и glossы киноварью Любопытны русскія glossы, переводъ грец. оглавленій позднѣйшаго времени. Немногіе инициалы растительнаго стила, встрѣчаются выветили: двѣ куропатки влючія и пр.

щественную переѣлпу въ интересахъ читателя. Миниатюристъ опустилъ изображенія малыхъ Пророковъ, Давида съ хорами, Давіила во рву, Икону Христа съ Предтечею, Страшный Судъ и др., но развилъ и прибавилъ сцены схоластическаго содержания. Къ описанію Александрии, ея памятниковъ, близко знакомныхъ Космѣ, и окрестностей, нарисовалъ «путь, ведущій изъ города Адуліи въ Аксому» и трехъ Эѳіоповъ идущихъ, далѣе колонну вел. Птолемея съ его статуею и тронъ его (*δῆμος πτολεμαϊκός* — въ видѣ апалоя съ барельефомъ — двѣ фигуры вельможъ). Схемы и планы странъ свѣта, положенія солнца, восхода и запада, суши и океана, обтекающаго землю, неба и земли, зодіака и пр. и пр. помѣщены въ первой половинѣ сочиненія. Иллюстраторъ останавливается на деталяхъ историко-географическаго интереса, рисуетъ напр. городъ Раиоу на Синайскомъ полуостровѣ, Елимъ въ видѣ града и путь къ морю. Всѣ рисунки скинии, ковчега, трапезы — алтаря и пр., находящіяся въ древнемъ кодексѣ, удержаны. Но, кромѣ того, въ концѣ сочиненія (Синайской ркп. л. 148, 182, 183, 204, 208) прибавлены изображенія: (индійскихъ) финиковыхъ пальмъ, поугаевъ, *цикла* питательныхъ растений: китры, энтиби, алатин, малахи, аспараги, финиковъ, елаиородаклины, синастафилии, костулии, ситось скопомора, каріи арменской и индійской, винне, сикіюйроды, перца и пр. Также представлены животныя: мосхъ, единорогъ, кабанъ, гиппопотамъ, фока или морская корова, дельфинъ, черепаха, левъ и тигръ, вспрыгнувшій на хребетъ коня.

Въ остальномъ обѣ рукописи представляютъ снимокъ съ ватиканской редакціи, измѣняя въ ней только немногое, напр. изображая Исаака или Адама сѣдыми, а не юношами, какъ ихъ представляетъ первая, но сохраняя даже тѣже самыя краски¹⁾.

¹⁾ Интересъ этихъ копій удваивается, въ виду того, что именно онѣ послужили въ свою очередь оригиналомъ для редакціи славяно-русской, представленной, по нашимъ свѣдѣніямъ, двумя рукописями: Библия. Синод. XVI в., № 997 изд. въ «Очеркахъ» Ф. И. Буслаява, т. I, II рис. къ стр. 617, 206, 325

Для сличенія съ славянскою редакціею и съ другою стороною съ древнимъ оригиналомъ предлагаемъ перечонъ и описаніе миниатюръ Синайскаго кодекса:

Листъ 23: *ὁδὸς ἀπ'αγούσα ἀπὸ ἀδούλας εἰς ἀξώμην*: три юныхъ Эііона, держа знамена, идутъ отъ дома (городъ Адулъ) къ крѣпости (Аксоме); на нихъ только препоясанія. Ниже на треугольномъ пьедесталѣ воинъ съ поднятымъ щитомъ и копьемъ, въ низкомъ шипакѣ—*βασιλεὺς μέγας πτολεμαῖος*; справа *δίσφρος πτολεμαϊκός*—мраморное кресло въ видѣ наоя, на четырехъ колонкахъ; барельефы представляютъ двухъ молодыхъ патриціевъ.

Л. 30 об.: Ангелъ Господень, съ мѣриломъ, на концѣ котораго видна лилія, лѣвою рукою обнимаетъ мертваго, правую указываетъ на небо. Справа четыре всадника, указывая передъ собою правую рукою, ѣдутъ: вавилонскій—на львѣ, мидійскій—на медвѣдѣ, персидскій—на леопардѣ, македонскій—на барсѣ; всѣ всадники—юноши, въ соответствующихъ шапочкахъ, македонскій—въ діадемѣ (б. м., указаніе на эпоху происхожденія редакціи).

Л. 33 об.—иллюстрація четырехъ странъ свѣта по сторонамъ (sic) земли и восхода и заката солнца. Л. 34: то же, съ добавкою народовъ: на Ю. Эііоновъ, на С. Скиновъ, на В. Индусовъ, на З. Кельтовъ, и четырехъ вѣтровъ: *νότος, βορρᾶς, ἀπηνιώτης* и *ζέφυρος*.

Л. 49 об. Грѣхопаденіе. Разрушено.

Л. 64 об.—къ исторіи творенія: схема вселенной, земли, океана и неба; земля по срединѣ въ видѣ горы.

Л. 65 об.: схема въ видѣ арки: вверху *ὄβατα ἐπάνω τοῦ στερεώματος*; посреди: *καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερεώμα*

и вторую рип. Общ. Люб. Др. Писемъ. № 399, обв въ четвертку. Въ этой послѣдней выходной листъ представляетъ по сторонамъ креста образы Ап. Петра и Павла, Исая и Ноеміи, Іакова брата Господня и Сильвестра папы римскаго. Планы и ветхозавѣтныя сцены цѣликомъ переведены съ греческаго подлинника; затѣмъ иллюстрація (во второй рип.) на этомъ и оставшается и евангельскихъ событій не изображаетъ. Латинскихъ копій намъ неизвѣстно.

οὐρανὸν и στερέωμα συνδεδεμένον τῷ πρώτῳ οὐρανῷ; внизу: γῆ συνδεδεμένη τῷ πρώτῳ οὐρανῷ κατὰ τὸ πλάτος.

Л. 66: построение въ видѣ параллелепипеда: на верху написано: στερέωμα; по бокамъ οἱ στόλοι τοῦ οὐρανοῦ; внизу подь горою ὠκεανός. Л. 66 об.—схема Океана, обтекающаго съ четырехъ сторонъ землю, въ медальонахъ четыре вѣтра — юноши съ трубами; на сѣверѣ вдается заливъ — κάσπια θάλασσα, на Югѣ два — ἀραβικὸς κόλπος и περσικὸς κόλπος; на З. три малые залива (?) безъ названій и схема Средиземнаго моря съ Адриатическимъ и Чернымъ (безъ названій) — ρωμαϊκὸς κόλπος. На В., за предѣлами земли садъ — ὁ ἐν ἐδέμ παράδεισος.

Л. 67: вновь схема земли, обтекаемой океаномъ, и вселеннаго круга.

Л. 70 об. — распределение свѣта и тьмы, дня и ночи, полудня и полуночи.

Л. 71—построение въ видѣ ларца — ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν: на крышѣ ларца среди золотаго переплета медальонъ съ изображеніемъ Христа; на голубыхъ же стѣнахъ по бокамъ написано τοῦχος δυτικὸς τοῦ οὐρανοῦ и τ. ἀνατολικὸς; посреди земля съ 4 κόλποι, съ солнцемъ восходящимъ и заходящимъ; вершина земной горы — βόρεια μέρη ὑψηλά. Л. 71 об.—зодіакъ съ 7 внутренними кругами (отъ земли): Луны, Гермеса, Афродиты, солнца, Ареса, Зевса, Крона, и 12 знаковъ зодіака.

Л. 75 — Переходъ Израильтянъ: Моисей (юный) и Ааронъ ведутъ народъ; впереди колонна и облако радужное, въ небѣ Десница. Об.—городъ Элимъ и 6 финиковъ; Евреи гонятъ стада, четверо собираютъ манну въ видѣ комковъ снѣга на землѣ; внизу Моисей и Ааронъ съ группою передъ колонною, на которой горитъ огонь; въ полѣ сосудъ—στάμνος. Въ небѣ Десница.

76 — вверху крѣпость Элимъ и храмъ — πόλις ραϊθοῦς; вверху летятъ перепела; внизу группа со стадомъ и другая съ Моисеемъ, который изводитъ воду.

Л. 77—Моисей передъ Купиною; сзади него группы народа, онъ принимаетъ заповѣди.

Л. 79 — Οἱ ἔξωθεν ἄττικοί — два молодыхъ ученыхъ со свитками. Об. — Скинія, въ видѣ четырехугольника, съ забороми изъ копій; посреди, въ одномъ отдѣленіи, въ планѣ изображено: ἡ κιβωτός τοῦ μαρτυρίου, ἑσωτέρα σκηνή, ἄγια ἄγιων, въ другомъ—ἡ τράπεζα, καταπέτασμα, λυχνία, ράβδος, στάμνος, αἱ πλάκες и ὄφεις.

Л. 81. Τὰ σκεπάσματα τῆς σκηνῆς — прѣдта, δευτέρα и трѣта. Л. 83—видъ трапезы и семисвѣщника съ лампочками въ видѣ голубей, испускающихъ пламя.

Л. 84. Первосвященники: Захарія и Авія по сторонамъ ἱλαστήριον α въ формѣ алтара и кивота завѣта. Об.—Планъ Скинии по странамъ свѣта.

Л. 86. Τὸ σχῆμα τοῦ ἱερέως: Ааронъ ὀπισθοφανής и προσδοφανής. Копія.

Л. 88. Посреди кивотъ, окруженный Моисеемъ, Аарономъ и Левитами; всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ и представлены въ позахъ древнихъ ораторовъ — правая рука выставляется изъ складокъ гиматія съ жестомъ обращенія говорящаго.

Слѣдуетъ рядъ сценъ, скопированныхъ съ Ватик. ркц.— л. 91—Ис. Навичъ (сѣдой) и Левиты съ ковчегомъ; об.— Адамъ и Ева въ нимбахъ; л. 93—Авель со стадомъ; л. 97—Енохъ и смерть, отъ него отвертывающаяся; л. 98 — Ной принимаетъ голубя съ вѣтвью; 99 — Мельхиседекъ въ типѣ виз. Императора: 100 — жертвоприношеніе Исаака — живая сцена съ юношами рабами, ведущими коня, Исаакомъ, несущимъ дрова и пр.; алтарь—θυσιαστήριον въ видѣ сосуда безъ ручекъ, въ которомъ пылаетъ огонь. Л. 101—Исаакъ—сѣдой патриархъ, въ Ват. ркц.— юноша. Л. 102—Иаковъ и юный Иуда, тождественно съ Лаврент. ркц. Л. 103—Моисей, пасущій стада, и Купяна въ видѣ сосуда (βάτος); Моисей принимаетъ свитою отъ Десницы. Л. 109. Вознесеніе — точная копія съ Ватик. миниатюры: Илія, стоя лицомъ къ зрителю, въ колесницѣ между 2 коней, протягиваетъ Елисею мантию

(шкуру) Елисею; направо лежащая фигура ἰωρδάνης, ὄρος, держащая сосудъ опрокинутый, изъ котораго льется вода; вверху голубь, несущій хлѣбъ, и группа, около которой слова «отче, отче, колесница и кони его»: Илія съдой, съ длинными: волосами; Елисей въ типѣ Павла, лысый. Л. 112—Иону бросаютъ 2 корабельщика въ море, китъ въ видѣ дракона, онъ извергаетъ Пророка въ видѣ ребенка; вверху Иона юноша подъ тѣнью, нагой и въ печали. Л. 127 об. и 128—Савлъ стережетъ одежды Евреевъ, и Еврей, избивающіе Стефана—точная копія Ватик. списка. Л. 128 об.—Савлъ на дорогѣ в, Дамаскъ—тоже, но съ прибавкою двухъ архіереевъ на тронѣ отдающихъ свитокъ Савлу. Л. 144 и 147 — Лучи солнца, по его положенію. Л. 148 — два финика съ попугаями и воза—ταῦτά εἰσι τὰ λεγόμενα μοσᾶ; οἱ φοίνικες οἱ ἰνδικοί. 176 об.—сцена уже извѣстная бѣгущаго Езекиа. 182—Цвѣль питательныхъ растений. 183 об.—зодіакъ съ ангелами. 204—206 — животныя.

Мы уже имѣли случай кратко пояснить въ другомъ мѣ-
стѣ ^{Слова Григорія Богослова № 339.} 1) роль иллюстрированныхъ кодексовъ Григорія Богослова въ византійской миниатюрѣ и искусствѣ вообще IX—XIII столѣтій, но замѣчательная рукопись Синайской библии за № 339 требуетъ особыхъ поясненій. Она не представляетъ ничего относительно новаго, даже, напротивъ, даетъ слишкомъ мало свѣжаго матеріала, особенно для иконографіи, но самымъ повтореніемъ излюбленныхъ формъ указываетъ на важность той редакціи, къ которой она принадлежитъ. Эта редакція, и принятая къ древнему типу IX вѣка, настолько, однакоже, самобытна, характерна, что должна быть выдѣлена въ особый отдѣлъ миниатюры XI—XIII в. Намъ извѣстно теперь восемь рукописей Григорія Богослова съ миниатюрами этой эпохи, замѣчательно близкими, а часто и тождественными въ разныхъ спискахъ. Даже орнаментика заставками, фигурными инициа-

¹⁾ См. «Ист. виз. иск. по миниат.», стр. 168—185—кодексъ Пар. Нац. б. № 510 и стр. 198—204—рик. *ibid.* №№ 543, 550 и Лаврент. библии. Первый IX в. вторые—XI—XIII

лами или прямо указываетъ на слѣдованіе одному оригиналу, или, по крайней мѣрѣ, ясно представляетъ намъ одинъ общій типъ.

Главная черта миниатюръ въ этой редакціи—ихъ *декоративное* направленіе: каждая композиція, хотя бы главнаго сюжета, дается здѣсь внутри широкой орнаментальной рамка, и что особенно характерно,—чѣмъ позднѣе рукопись, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, отходитъ она отъ древняго типа, тѣмъ шире эта рамка и тѣмъ сложнѣе она по своему рисунку. Сопоставимъ эту частность съ общимъ декоративнымъ направленіемъ поздневизантійскаго искусства, выразившимся напр. въ эмаляхъ, мы легко поймемъ, почему и какимъ образомъ на мѣсто свободнаго развитія религіознаго искусства водворялся иконописный шаблонъ, который и способствовалъ наиболѣе усвоенію византійской манеры на всемъ Востокѣ и на Западѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Весь общій складъ этой орнаментики до того проникнутъ элементами восточнаго характера, что онъ казался всегда западнымъ ученымъ ближе къ индоперсидской и арабской декорации, нежели къ греческому искусству, и что даже, какъ бы втихомолку, установилась теорія вліянія арабскаго орнамента на византійскій, тогда какъ, если что либо существовало въ данномъ случаѣ, то, скорѣе, обратное. Свѣтлыя краски: голубая и розовая, золотыя блики и темносиніе фоны, обиліе изящныхъ, условныхъ схемъ листа, цвѣтовъ, каемокъ, ковровыхъ пологовъ, пестрыхъ лентъ, вычурныхъ завитковъ, оживленіе орнамента животными формами, личинами, античными группами, олицетвореніями, самое смѣшеніе міра реальнаго съ художественными формами, напр. кипарисовъ съ колонками, цвѣтка съ крестомъ, растительныхъ побѣговъ съ волютами, или фигуры животнаго съ буквою, формъ архитектуры съ пластическими—таковъ основной типъ. Намъ кажется затѣмъ, что самое развитіе этой декоративной системы именно въ миниатюрахъ, т. е. въ области, отчасти принадлежащей къ производству промышленному, художественной индустріи, указываетъ болѣе всего на оригинальность, народность этого ор-

намета въ Византіи. Тѣмъ важнѣе его собственное и непосредственное вліяніе на живопись: внутри этихъ пышныхъ, пожалуй, дѣтски игривыхъ и веселыхъ рамокъ заключены сюжеты религіозные, и такимъ образомъ наблюдается замѣчательное противуположеніе: чѣмъ богаче и пестрѣе становится кайма, тѣмъ серьезное содержаніе данного сюжета усиливается стать строже, суриачнѣе, какъ будто иллюстраторъ старается прикрыть эту мрачность сюжета внѣшнею приглядностью и, съ другой стороны, вознаграждаетъ благочестиваго читателя. Такъ зачашую говорить языкъ ханжества! Какъ высоки и истинно строги, чисты въ своемъ благочестіи, кажутся, сравнительно съ этими мелкими, щеголеватыми декораціями, фрески итальянскихъ мастеровъ XIV вѣка! Однакоже, было бы прямою ошибкою въ сужденіи своемъ объ источникахъ этого направленія византійскаго искусства забывать, что мы имѣемъ дѣло съ Востокомъ, воспитаннымъ на антикѣ, и что прирожденная потребность изящной формы главенствовала здѣсь рядомъ съ аскетическимъ отрицаніемъ всякой внѣшности.

Тѣмъ менѣе можемъ мы отрицать и въ этихъ крохотныхъ рисункахъ движеніе мысли, если не чисто художественной, то богословской, которая отнынѣ исключительно руководитъ иконографіею. При всемъ стѣсненіи мысли и чувства, при всемъ однообразіи варіацій на однѣ и тѣже темы, все же искусство еще задается высокою цѣлью—отысканія внутренняго сокрытаго смысла въ самой художественной формѣ, которой придано значеніе посредника между священнымъ текстомъ и мыслью читателя. Лирической характеръ религіозныхъ сценъ, экстазъ въ средѣ сценъ повседневныхъ, конечно, навѣяны миниатюристу нашихъ рукописей возвышенными тирадами Григорія Богослова, но онѣ такъ сроднились, такъ связались, съ мышлениемъ художника, что становятся главнѣйшею чертою самой иконописи и являются существенною причиною созданія въ художествѣ такихъ сферъ, которымъ вполне чужды и мозаики, и древнія миниатюры. Путемъ книжныхъ толкованій богословской доктрины развилось направленіе, которое стало народнымъ и

поддержало жизнь искусства, хотя въ узкой средѣ, позднѣе, среди полнаго хаоса разваливающагося государства и общаго варварства. Выработка же этого направленія художественно-религіозной мысли принадлежит всецѣло миниатюрѣ: сначала лицевымъ Псалтырямъ, затѣмъ спискамъ словъ Григорія Богослова, Менологіевъ, Гомилій Іакова, Житій и пр.

Первая редакція миниатюръ къ тексту Григорія Богослова занялась, главнымъ образомъ, иллюстраціею рѣчей и дѣяній великаго учителя; въ ней открылась для насъ вся пышная, церемониальная обстановка константинопольскаго патріархата. Но въ то же время миниатюра встрѣтила въ этихъ рѣчахъ столь обильный матеріалъ для развитія иконописи въ богословскомъ направленіи, что уже во второй позднѣйшей редакціи остановилась исключительно на этомъ направленіи. Понятно, затѣмъ, что при бѣдности нашихъ свѣдѣній объ иконописи предъидущаго періода, намъ трудно было бы показать, что въ частности позаго дала здѣсь миниатюра, и только тѣсная связь многихъ иконописныхъ композицій и типовъ съ изображеніями въ миниатюрахъ данныхъ кодексовъ указываетъ намъ на путь ихъ сложенія.

Отсылая читателей къ своему общему сочиненію объ исторіи византійской миниатюры, гдѣ разобраны иллюстрированные списки рѣчей Григорія Б. въ европейскихъ библіотекахъ, мы перейдемъ къ описанію замѣчательнаго по полнотѣ и богатству миниатюръ и украшеній кодекса *Григорія Богослова* въ Синайской библіотекѣ, за № 339, въ л. Кодексъ относится къ XII вѣку по письму и рисунгамъ, но долженъ быть помѣщенъ на второмъ планѣ послѣ Парижской рукописи № 550, такъ какъ имѣетъ уже меньше миниатюръ (10 конченныхъ и 2 оставленныхъ въ видѣ контуровъ), а относительная полнота иллюстрацій въ данномъ случаѣ указываетъ на сравнительную близость къ оригиналу. За то, по богатству, замысловатости и тонкости декоративной стороны наша рукопись, напротивъ, превосходитъ парижскую. Рукопись начинается выходнымъ ли-

стомъ съ пятью строками, писанными золотомъ, продолговатыми, фигурными буквами:

ἌΦΙΕΡΘΗ Η ΠΑΡΘΣΑ ΒΙΒΛΟΣ ΤΗ ΜΟΝΗ ΤΗΣ
 ΠΑΝΤΑΝΑΣΣΑΣ ἈΓΙΑΣ Θεοτόκου (ἐν) ΤΗ ΝΗΣΩ ΤΗΣ
 ἈΓΙΑΣ ΓΛΥΚΕΡΙΑΣ ΠΑΡΑ Τῆ ΚΑΘΗΓΜΕΝΗΣ ΤΗΣ ΒΑ-
 ΣΙΛΙΚΗΣ ΜΟΝΗΣ Τῆ ΠΑΝΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ Τῆ ΜΟΝΑΧῆ ΚΥΡῆ
 ΙΩΣΗΦ Τῆ ἈΓΙΟΓΛΥΚΕΡΙΤΣ.

Изъ этого *посвященія* книги (въ буквальный смыслъ) мы узнаемъ, что она изготовлена была по заказу каѳгумена «царскаго» монастыря Пантократора Юсифа для монастыря Всеволодичины Богородицы на островѣ Св. Гликеріи. Подъ именемъ царскаго монастыря Пантократора ¹⁾, очевидно, разумѣется, *μονή τοῦ Παντοκράτορος Χριστοῦ* въ Константинополѣ, мужской монастырь, основанный Ириною, сурругою Іоанна Комнена (+1124), и въ аѳтахъ носящій названіе *ἡ σεβασμιὰ βασιλικὴ μονή, ἐπεξεκλημένη τοῦ Παντοκράτορος*, весьма извѣстная въ византийской исторіи обитель, нынѣ превращенная въ мечеть *Зейрек-Джами*. Въ обители были погребены императоры Іоаннъ и Мануилъ Комнены, число монаховъ доходило тогда до 700; при Латинянахъ монастырь былъ превращенъ въ католическій, а кельи сдѣлались дворцомъ Венеціанцевъ. Затѣмъ изъ исторіи этого монастыря знаемъ также, что «во времена» Имп. Мануила Комнена (1143—1181), при игуменѣ монастыря Пантократора Юсифѣ, была привезена въ обитель съ большою помпою изъ Θεσσαλονίκης честная икона Св. Димитрія Солунскаго ²⁾, но былъ ли этотъ Юсифъ тотъ же самый, что и вкладчикъ нашей записи, рѣшить, понятно, не можемъ. Имя

¹⁾ Монастырь этого же имени на Аѳонѣ, близъ Ватопеда, во первыхъ, основанъ только Іоанномъ Примикеріемъ, братомъ имп. Алексія, и въ древности (т. е. въ XI стол.) представлялъ нѣсколько обителей съ именами Фалагру и Факиву. См. «Описаніе Аѳонской горы», кн. VII, *Montsaion*, Pal. Gr. p. 481 и еп. Порфирія Успенскаго «Исторіи Аѳона», ч. 3-я, стр. 180.

²⁾ *Πασιπότης, Α. Γ. Βυζαντινὰ μελετὰ τοπογραφικὰ καὶ ἱστορικὰ. Ἐν Κωνσταντ. — λσ: 1877, σελ. 310.*

монастыря, наконецъ, встрѣчается впервые, сколько намъ извѣстно, на рукописи и прибавляетъ, поэтому, новый фактъ къ исторіи византійской письменности.

Далѣе: Іосифъ дѣлаетъ владѣть рукописи въ монастырь Богородицы, находящійся на островѣ Св. Гликеріи и самъ называетъ себя *агиоликеритомъ*¹⁾, т. е. онъ былъ родомъ съ этого острова. По различнымъ даннымъ можемъ догадываться, что островомъ Св. Гликеріи названъ о. *Лемносъ*. А именно въ Актахъ, изд. Болландистами, находимъ, что мощи Св. Гликеріи, мученицы II вѣка въ Гераклеѣ Фракійской, были когда то перенесены (послѣ имп. Маврикія, при которомъ онѣ находились въ Гераклеѣ) на островъ, близъ Проконнеса и Пропонтиды, и въ городѣ этого острова послѣ того былъ храмъ во имя мученицы. Житіе Св. Евфиміи передаетъ, затѣмъ, о чудесномъ перевесеніи мощей этой Святой на о. Лемносъ (*πρὸς τὴν ἀδελφὴν καὶ συμμάχουρα Γλοκερ(αν)*), гдѣ онѣ были положены рядомъ съ Св. Гликеріей²⁾.

Тоже самое обстоятельство занесено и въ запись ямбическими стихами золотомъ на послѣднемъ листѣ рукописи, къ сожалѣнію, безъ помѣты года.

Τὴν χρυσοτεκτὸν στικτὸν ἀργυρῆ βιβλὸν
 ἦν ἐκρότησε τοῦ θεοῦ τελεῖν (?) στόμα
 τῶν ποιμεναρχῶν γραμματῆς (?) ἀκρότατος,
 τεύξεν μοναστῆς ἰωσήφ ἀρχηγέτης
 μονῆς μοναστῶν παντοκράτορος λόγου
 τῆς παντανάσεως τῆ μονῆ δῶρον νέμων (?),
 εἰς λύτρον εἰς κάθαρσιν ἀγνοημάτων.

«Золотомъ писанную, расцвѣченную, блестящую книгу, которую прогремѣлъ совершенный глашатай Бога, величайшій книжникъ между пастыре-начальниками — изготовилъ инокъ Іосифъ, глава обители иноковъ всемогущаго Слова, принося

¹⁾ Под. прозванія монаховъ: агіооритъ, агіоѳеодоритъ и пр. извѣстны.

²⁾ Acta SS., Mai, t. III p. 189—192; Septemb., t. V, p. 277. Также *Serail*, арх. Полный мѣсяцесловъ Востока, II, замѣтки, стр. 134.

даръ обители Всеволодичицы, во искупленіе, во очищеніе грѣховъ невѣдѣнія».

Наконецъ, позднѣйшая припись, гласящая: «я, Германъ, монахъ и экономъ Брита», привезъ съ собою эту книгу для Синайскаго монастыря въ годъ, $\zeta\upsilon\eta=1550$, вновь указываетъ намъ путь собиранія греческихъ рукописей по завоеваніи Византіи.

Изъ всѣхъ миниатюръ, украшающихъ ркп. № 339, едва ли не самая замѣчательная—*выходная*. Внутри трехъ-арочнаго портика, составляющаго лицевой фасадъ большого трехкупольнаго храма съ пристройками въ видѣ башенъ и домовъ, Григорій Богословъ пишетъ свои «слова», сидя на большомъ игуменскомъ креслѣ; Христосъ, изображенный въ сегментѣ неба, его благословляетъ справа. Субструкціи портика образуютъ родъ монументальнаго сооруженія въ рустуку, съ тремя окнами и двумя входами въ видѣ широкихъ арокъ; въ нихъ изображены два фонтана—символическая деталь; по сторонамъ портика, внутри двухъ мраморныхъ киворіевъ, или алтарныхъ бадахиновъ, съ затворенными дверцами, видны растенія и цвѣты—также образъ «рая затвореннаго». Въ сводѣ раскрытой главной абсиды видно изображеніе Богородицы—Знаменіе, съ Младенцемъ передъ собою, на колѣнахъ. Все это, дѣйствительно, носитъ характеръ *стихтѳ*—пестрѣтъ разноцвѣтными мраморами, блестящими красками и богатствомъ деталей. Кромѣ различныхъ любопытныхъ данныхъ по архитектурѣ, кладкѣ и т. д., слѣдуетъ особенно замѣтить изображенія рѣзныхъ дверей и крестовъ на куполахъ. Затѣмъ: къ слову на Пасху, крохотная миниатюра, внутри пестрѣющаго цвѣтами полога, представляетъ Воскресеніе Христа, стоящаго на поверженныхъ вратахъ ада и изводящаго за руку Адама, Еву и Авеля съ одной стороны, тогда какъ съ другой видны Давидъ, Соломонъ и пр. Буква А представляетъ тотъ же сюжетъ. — Ко 2-му слову на Пасху изображено *Вознесеніе* Христа въ типѣ юнаго Эммануила (?), внутри голубаго овальнаго ореола, несоматаго четырьмя эмблемами Евангелистовъ; Христосъ держитъ въ лѣ-

вой Евангеліе, правую простеръ, но не благословляя (что указываетъ на слѣдованіе древнѣйшему типу); фигура какъ бы восходитъ вверхъ, хотя видна en face; по сторонамъ, въ полѣ видны Григорій и его ученикъ съ развернутымъ свиткомъ. Буква Е представляетъ Григорія, проповѣдующаго ученику, и Христа въ небѣ. Кромѣ того, сбоку изображено тоже Вознесеніе (схема символическая) въ видѣ *ангела*, возносящагося въ ореолѣ, посреди сонма ангеловъ съ копьями, на острияхъ которыхъ блестятъ звѣзды: замѣчательное приложеніе эмблематическаго образа Слова Божія и Ангела Господня къ богословскому опредѣленію Славы Господней; Ангелъ — Христосъ представленъ здѣсь въ *античномъ* костюмѣ, т. е. какъ христіанское олицетвореніе по преимуществу, а остальные ангелы въ императорскомъ орнатѣ (лоратныя туніки, атрибуты власти) являются образами «силъ небесныхъ». — Слово «εις τὴν καινὴν χουραχὴν καὶ εἰς τὸ ἕαρ. καὶ εἰς τὸν μάρτυρα Μάμαντα. Въ заставкѣ Григорій благословляетъ сидящаго на горкѣ враго Маманта. Въ полѣ представлено: сцена невѣрія Фоми передъ затворенною дверью и Григорій, обнимающій подножіе мраморнаго престола внутри киворія (ср. аналогическія сцены изъ Псалтири: Давидъ передъ престоломъ). Буква Е заглавная въ видѣ Гр. Богослова проповѣдующаго и женъ у отверстой ротонды Гроба.—На Пятидесятницу: въ кругу извѣстная сцена; внутри арки четыре фигуры изъ народа. Тоже представляетъ и инициалъ П (Περὶ τῆς ἑορτῆς).

Слѣдуетъ рѣчь¹⁾ εἰς τὸν ἐξισωτὴν Ἰουλιανόν—къ Юліану (не Юліану отступнику), лучшему другу Григорія Богослова, родомъ также изъ Назіанза (что въ Каппадокіи), поставленному въ этомъ городѣ префектомъ для уравниенія податей. Проповѣдникъ приглашаетъ друга къ продолженію своего дѣла милосердія и благодѣтельствованія бѣднымъ, клирикамъ, монахамъ или «философамъ», пересылая свою проповѣдь указаніями на исторію рожденія Христа и его правило: воздадите

¹⁾ *Migne, Patrol. c. c. ser. gr., t. XXXV, p. 1043 sq.*

Кесарево Кесареви и т. д. Миниатюра въ заставкѣ изображаетъ Григорія и Юліана на креслахъ, пишущими передъ группою Каппадокіянъ. Сбоку въ полѣ, за столомъ вѣшаютъ золотыя монеты чиновники той же страны, и группы выражаютъ умиленіе передъ справедливостію ихъ. Буква Г въ видѣ фигуры Святителя. — На *Рождество* — обычная композиція этого сюжета, съ ангелами, славословящими вверху, Богоматерью съ Младенцемъ въ срединѣ, омовеніемъ его внизу, 3 волхвами слѣва и 3 пастырями справа. Буква Б скомпонована изъ той же сцены очень искусно. — Эпитафія на Василія Вел. — сцена погребенія. Рядъ любопытныхъ инициаловъ, о которыхъ скажемъ ниже. — На Крещеніе — сцена съ олицетвореніемъ Іордана и фигурою моря; три ангела, преклоняющіеся на берегу, и Григорій съ ученикомъ. Буква П въ видѣ Іоанна, возлагающаго руку на голову Спасителя при крещеніи. — Три миниатюры, тождественныя съ древнимъ оригиналомъ: проповѣдь Григорія (къ рѣчи на Крещеніе), святые Кипріанъ и Пелагія и сцены мученій Маккавеевъ. Буква Т въ видѣ 7 фигуръ столбикомъ юношей Маккавеевъ, ихъ отца и матери въ волютахъ.

Но главное достоинство рукописи заключается во множествѣ фигурныхъ инициаловъ, украшающихъ не только начало рѣчи, но и отдѣльныхъ параграфовъ ея. Въ виду этого богатства и малаго вниманія, которое доселѣ посвящалось этой сторонѣ виз. манускриптовъ, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Буквы эти зооморфическаго состава, но съ примѣсю растительныхъ формъ, въ видѣ ли столбовъ и стволовъ, покрытыхъ зеленью, листву которой вляютъ птицы, или даже въ формѣ вѣпечныхъ лепестковъ розы и т. п.; согласно съ обычною въ виз. иск. манерою, буква представляетъ не просто животное, но его движеніе, скорѣе сцену изъ жизни его. Главную роль играетъ змѣя, своими извивами наиболѣе подчиняющаяся формамъ буквъ; ея перевитыя кольца покрыты сѣтью параллельно идущихъ красныхъ и желтыхъ или бѣлыхъ пятенъ. Нужно видѣть въ оригиналѣ всю неподражаемость этой тонкой эмалевой работы и красоту изгибовъ, чтобы убѣдиться

въ первенствѣ этой орнаментики. Символическій характеръ имѣютъ сцены борьбы птицъ со змѣемъ, ихъ взаимной вражды, и античныя фигуры грифоновъ, помѣщенныхъ внизу.

Волкъ, лиса съ своими проказами, собаки, олени и козлы, вступившіе въ бой, но только перепутавшіеся рогами, верблюдъ (П) медвѣдь пляшущій—руки въ боки фертожь (буква Ф) и изъ міра птицъ аисты и голубки,—таковы прекрасныя, но уже извѣстные мотивы инициаловъ. Но есть между ними и болѣе любопытныя: К въ видѣ женщины—кентавра съ лютнею въ рукахъ: до пояса женщина съ распушенными волосами, отъ пояса барсъ; и Т—копія извѣстной античной фигуры Беса—варлика, съ львинымъ обличьемъ и туловищемъ, выпускающаго изъ рта вѣтви, и многія фигуры обезьянъ, наливающихся горячее вино, играющихъ на скрипкѣ, мартышки, смотрящейся въ зеркало, играющей на трубѣ и т. д. Весь этотъ зооморфическій орнаментъ развился, конечно, задолго до нашей рукописи—въ VIII—IX в., на что указываетъ изв. свидѣтельство о томъ, что будто бы имп. Теофилъ († 842) ввелъ въ моду звѣринаую орнаментацию стѣнъ въ церквахъ и дворцахъ своихъ. Доказывается же это косвеннымъ образомъ западными подражаніями этому стилю въ рукописяхъ IX в. Такъ *Библия* изв. подъ им. *Ноайля* въ Пар. Нац. б. за № 6 lat. представляетъ, говоритъ Лабартъ l. с. III, р. 127, разнообразныя сочетанія этихъ формъ: F въ видѣ павлина, котораго сверху хватаютъ двѣ лисы, O въ видѣ двухъ павлиновъ изогнутыхъ. Напрасно Лабартъ относитъ, однако, эти сочетанія къ смѣлой фантазіи западнаго каллиграфа: его дѣломъ было только широкое пользованіе виз. рисункомъ, который, будучи исполняемъ перомъ, приобрѣлъ болѣе подвижности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потерялъ прежнюю натуральность. Отсюда, главнымъ образомъ, и развитіе чудовищныхъ каллиграфическихъ сплетеній XIII—XIV в., извѣстныхъ подъ именемъ звѣринаго стиля.

Слова
Григ. Б.
№ 347.

Еще далѣе въ томъ же направленіи идетъ рукопись библ. Синайскаго монастыря in 12 за № 347¹⁾, мельчайшаго письма,

¹⁾ Въ концѣ ркп. панегирикъ Григорію въ 10 стиховъ и въ заставкѣ исчезающія монограммы.

съ крохотными золотыми инициалами и прелестными маленькими заставками. Изношенный стиль конца XII вѣка отразился въ этой копіи въ преобладаніи оливковыхъ тоновъ и темнокоричневыхъ одѣвнiяхъ, въ сухой и скудной манерѣ письма, исполненнаго сплошь, по золоту, отъ чего многія миниатюры слупились. Чтобы дать ясное понятіе о томъ, къ какому уродству можетъ приводить натурализмъ, не коренящійся въ самомъ художественномъ содержаніи, исходящій отъ монашества, которое въ самой природѣ видитъ только необходимое условіе нашего брэннаго существованія, а въ ея уродованіи — путь ко спасенію, приведемъ лишь одинъ, но яркій образецъ этой неуклюжей живописи. Въ числѣ обычныхъ выходныхъ миниатюръ, изображающихъ, какъ Григорій сочиняетъ, проповѣдуетъ и т. д., представлено также, какъ великій учитель и Богословъ удить людей т. е. буквально удою вытаскиваетъ чловѣчковъ изъ воды, уподобляясь такимъ образомъ Ап. Петру, которому, по слову Спасителя, назначено было стѣть ловцомъ людей. Больше безвкусіа трудно встрѣтить даже и въ миниатюрѣ индоперсидской.

Точно такая же рукопись крохотнаго размѣра (2½ вер. Слова Григорія № 346. выш. и шир) находится въ Синайской библиотекѣ за № 346, съ нѣсколькими инициалами: П = Христось, благословляющій 12 Апостоловъ, сидящихъ по сторонамъ его; М = въ видѣ 3 Святителей, остальные изъ сценъ поученія.

Менѣе замѣчательная въ художественномъ отношеніи, но столь же любопытная по силѣ выраженного аскетизма, рукопись *Іоанна Климака* отъ XII стол. находится въ библиотекѣ Синайскаго монастыря, за № 418 ¹⁾. Судя потому, что въ той же библиотекѣ находится нѣсколько списковъ *Ллстваицы*, (№ № 417, 421 и др.) украшенныхъ искусными инициалами, отъ IX — XII в., можно думать, что списокъ съ миниатюрами исполненъ былъ на самомъ Синаѣ, мѣстѣ происхожденія самаго

¹⁾ Рукопись им. 3 вер. выш. и 2¼ шир. Писана повдн. полууставомъ, но красиво, съ большими золотыми инициалами и золотыми же звѣздочными передъ каждымъ параграфомъ.

сочиненія'). Двѣ выходныя миниатюры представляютъ крестъ, окруженный 4 символическими животными, и Христа, приѣмлющаго книгу отъ игумена Іоанна. Кромѣ обычныхъ сценъ писанія, пересылки посланій и поучительныхъ бесѣдъ, исполненныхъ въ слащавомъ тонѣ, миниатюры иллюстрируютъ подвиги аскетизма слѣд. образомъ. Къ главѣ ἐπὶ ἀπροσπαθείας изображенъ старецъ, раздающій, отвернувшись, свои одежды нищимъ; ἐπὶ ζεμιτείας — онъ уже уходитъ въ пустыню и тамъ видитъ въ пещерѣ отшельника; — ἐπὶ ἐνοπνίων ἐπακόλου — онъ уже спасается, и два демона его искушаютъ на одрѣ и т. д. Ἐπὶ μνημῆος θανάτου — старецъ стоитъ передъ гробомъ съ четырьмя мертвыми юношами (намекъ на современную легенду о Макарії и мертвецахъ). Многія миниатюры представляютъ попытки перейти къ реализму, но сочиненіе отличается скудостью мысли и убогою буквениостью. Такъ видимъ, какъ передъ правителемъ въ клѣтчатомъ таларѣ слуги бьютъ его вельможъ палками (μνηστιακία), или же вельможа въ голубомъ таларѣ сидитъ передъ своими скрынями, а слуги его гонятъ нищихъ, въ то время какъ пахарь имъ отдаетъ свое зерно (φωλαργυρία); безумецъ пируетъ, а кругомъ неистовствуетъ чума, и земля покрылась уже жертвецами. Добродѣтели и пороки уже не являются въ видѣ античныхъ олицетвореній, а представлены въ самыхъ фактахъ: болтливость представлена напр. такъ, что одинъ старецъ говоритъ, а другой ему въ отвѣтъ закрываетъ ротъ, смиреніе — въ видѣ послушника, котораго бьетъ монахъ, а тотъ умиленно складываетъ на груди руки; клевета — въ видѣ послушника, который у престола наговариваетъ на іерея, но его тащутъ прочь за шиворотъ и т. д. Въ иконографическомъ отношеніи замѣчательна миниатюра, изображающая *Cofbio* въ видѣ ангела на престолѣ съ сферою и крылатого, сзади него Христосъ погрудь, по сторонамъ два архангела. Такиимъ образомъ грубый и скучный реализмъ этой редакціи лишаетъ

¹⁾ На самомъ Синаѣ доселѣ намъ извѣстенъ только одинъ писецъ Нектарій, неизвѣстнаго времени, исполнившій *Catena Patrum*, рки. въ библ. д. Св. Гроба. Sathas, Biblioth. m. aevi, I, p. 305.

ее прежнихъ античныхъ прикрасъ и приближаетъ изображеніе аскетическаго подвига къ дѣйствительности, но, благодаря убогому содержанію, самъ не вноситъ никакого обновленія въ живопись. И если въ византійской иконописи пришлось бы указывать на источники того мертвящаго начала, которымъ она стала отличатся въ эпоху упадка искусства, то прежде всего должно искать ихъ въ этомъ навязанномъ со стороны аскетико-поучительномъ направленіи.

Эти полныя редакціи миниатюръ Лѣствицы рѣдко, повидимому, воспроизводились, и въ обиходъ изъ нихъ попало только изображеніе самой Лѣствицы. Оно встрѣчается въ спискѣ Климка Вѣн. библ. № 207 (рис. у Ламбеція, Cat. IV, 421), въ Hortus Deliciarum и многихъ другихъ латинскихъ кодексахъ.

Подобною же скудостью мысли и сухою манерою иконописанія отличаются двѣ иллюстрированныя *Минеи Синайской библ.*¹⁾ Первая изъ нихъ за № 500 содержитъ въ себѣ Житія Святыхъ за Ноябрь мѣсяць и относится къ XII столѣтію или концу XI в. Выходной листъ представляетъ крестъ среди розъ и цвѣтовъ съ надп.: *χρσμος πέφυκα τῆς παρούσης ποιήδος*. Изъ миниатюръ живѣе другихъ начальная, къ житію Восмы и Даміана: Свв. безсребренники и лѣкаря словомъ своимъ изводятъ змѣю изъ внутренностей крестьянина, которому она заползла черезъ ротъ во время сна; они же лѣчатъ ногу того верблюда, который послѣ, провѣщавъ человѣческимъ голосомъ, побудилъ похоронить вѣстѣ обоихъ Святыхъ, тогда какъ вѣрные ихъ хотѣли разъединить по старому недоразумѣнію, о чемъ и гласятъ киноварью мелкія надписи на поляхъ самыхъ миниатюръ. Дальнѣйшія изображенія Свв. Иоаннікія, Мина (съ лорономъ на зеленой одеждѣ), сѣдаго Виктора и юнаго Иоаннікія въ княж. одѣянїяхъ, исповѣдниковъ: Гурія, Симона и Авивы (всѣ юны), Ев. Матѳея и пр. ничѣмъ особымъ не вы-

Минеи
№ 500

¹⁾ Вообще говоря, Минеи иллюстрируются рѣдко и то исключительно въ XII—XIII столѣтіяхъ. Изъ 90 рукописей Минеи и 58 Житій Синайской библ. съ илл. оказались только двѣ. Тоже самое отношеніе въ библ. Европы.

дѣляются изъ среды обычныхъ фигуръ Святцевъ и представляютъ заодно съ ними сухую, мертвенную манеру и оливковыя тѣни.

Вторая рукопись Минеи за Января, № 512 XII—XIII в., имѣетъ лишь одну миниатюру съ изобр. Павла Фивейскаго, сѣдаго Полиевкта, Маркіана, Θεодосія, муч. кончину Стратоника и Ерилу, Антонія и чудесное освобожденіе Петра.

Бъ X же и началу XII стол. относится въ визант. литературѣ появленіе различныхъ сборниковъ для церковнаго и домашняго чтенія, пѣнія и пр. Однѣ изъ нихъ *Стихирарь* Синайской библи. XII или XIII в. въ л. № 1216 съ музыкальнымъ переложеніемъ всѣхъ стиховъ представляетъ и многочисленныя иллюстраціи, къ сожалѣнію, оставленныя въ видѣ контуровъ. Мы видимъ здѣсь изображеніе Свв. Ананіи, Космы и Даміана, пророка Наума, Евдокіи, архангеловъ Гавріила и Михаила съ сонмомъ силъ небесныхъ, далѣе сцены евангельскія: Введенія, Рождества, Срѣтенія, Благовѣщенія, Преображенія, Успенія, Воскрешенія Лазаря, Входа въ Иерусалимъ, Тайной Вечери, Распятія, (уже съ пропоясаніемъ), Погребенія, Женъ у гроба, Омины невѣрія, Вознесенія и Пятидесятницы. Во всѣхъ этихъ рисункахъ любопытно наблюдать копировку древнѣйшихъ оригиналовъ; таковы дѣтскія маленькія фигуры Апостоловъ въ Вознесеніи, ребенокъ мытарь и нѣжный юноша фарисей, молящійся и т. п., которыя мы привыкли видѣть въ иконописи до X стол.

ПРИЛОЖЕНИЕ

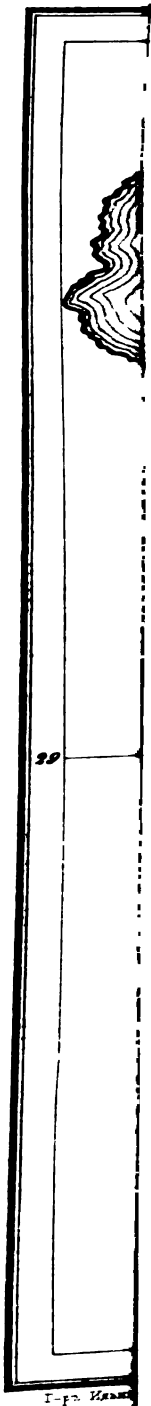
Представляемъ, въ заключеніе, переченьъ фотографическихъ снимковъ, исполненныхъ г. Раулемъ и входящихъ въ составъ нашего *Синайскаго альбома*.

1. Новая греко-православная церковь Синайскаго монастыря въ Эль-Торъ—древней Ранаѣ, на берегу Чернаго моря.
2. Подворье Синайскаго монастыря въ Эль-Торъ.
3. Группа Бедуиновъ изъ окрестностей Эль-Тора.
4. Общій видъ монастыря Св. Екатерины на горѣ Синаѣ.
5. Възвѣшій видъ Юстиніановой базилики въ Синайскомъ монастырѣ.
6. Видъ древней мечети (XIV в.) и новой колокольни въ Синайскомъ монастырѣ. Гора Моладжа.
7. Садъ и въѣздный дворъ Синайскаго монастыря съ Ю. В. стороны.
8. Помѣщеніе бібліотеки рукописей въ Синайскомъ монастырѣ и видъ на гору Хоривъ.
9. Главная вершина горы Хорива или Джебель-Мусл.
10. Подъемъ на гору Хоривъ отъ стѣвъ монастыря.
11. Видъ изъ монастырскаго ущелья (уади-Шувѣбъ) на уади Эль-Раха — біблейскій Раедидитъ (?).
12. Вершина Саесаѣ или сѣверная часть горы Хорива съ мѣстомъ б. монастыря 12 Апостоловъ.
13. Садъ б. монастыря 12 Апостоловъ и подножіе горы Хорива.
14. Общій видъ сѣверной части горы Хорива.
15. Видъ горы Селаѣ изъ долины Эль-Раха.
16. Видъ долины—уади Эль-Раха, при входѣ въ уади Эль-Леджа.
17. Высоты Дербъ-эль-Роухъ въ долину Леджа.
18. Тагъ наз. «Камень Моисеевъ» въ уади Леджа.
19. Видъ монастыря 40 мучениковъ или Эль-Арбанитъ въ уади Леджа.
20. Видъ горы Ом'ръ за монастыремъ 40 мучениковъ, или «станъ Евреевъ».
21. Ущелье ва Ю. З. отъ долины Леджа.
22. Вершина горы Св. Екатерины, видимая отъ монастыря 40 мучениковъ.
23. Вершина горы Синая, видъ съ горы Св. Екатерины.
24. Видъ на гору Ескуѣ изъ уади Эль-Раха.
25. Группа Бедуиновъ изъ окрестностей монастыря Св. Екатерины.
26. Бедуинки изъ окрестностей Синайской горы.
27. Видъ внутренности юстиніановой базилики въ монастырѣ Св. Екатерины.
28. Алтарная мозаика «Преображенія» въ базиликѣ Юстиніана.

29. Входная, рѣзная дверь Юстиниановой базилики. Верхняя часть.
20. Рѣзная дверь базилики Юст., средняя часть.
31. Рѣзная дверь базилики Юст., нижняя часть.
32. Греческое Евангеліе Синайской бібліотеки, писанное золотомъ, № 204, по преданію, даръ Θεодосія III, принад. X—XI в. Выходная миниатюра—Христосъ.
33. Евангеліе № 204. 2-я миниатюра—Богородица.
34. Евангеліе № 204. 3-я миниатюра—Ев. Матей.
35. Евангеліе № 204. 4-я миниатюра—Ев. Маркъ.
36. Евангеліе № 204. 6-я миниатюра—Ев. Іоаннъ.
37. Евангеліе № 204. 7-я миниатюра—Преподобный Петръ.
38. Евангеліе № 204. образчикъ письма двухъ листовъ.
39. Космы Индоплова «Христіанская топографія» № 1186, XI в., л. 23-й. Миниат.—путь Эѳіоповъ, *δῆρος πτολεμαϊκός*.
40. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 71 об. Зодіакъ.
41. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 30 об., л. 71, 144 (съ каленъ).
42. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 75 об. и л. 76. Собираніе маннъ и введеніе воды Моисеемъ.
43. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 66, 79, 79 об. и 83 (съ каленъ). Схема міра, скннія, семисвѣщникъ и аттическіе мудрецы.
44. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 88. 12 племень Израильскихъ.
45. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 91. Несеніе ковчега.
46. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 100. Жертвоприношеніе Исаака.
47. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 103. Моисей передъ Купиною.
48. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 109. Вознесеніе Ілїи.
49. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 112. Історія Іоны.
50. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 127 об. — миниатюра: Савлъ, стерегущій одежды, и л. 128—Избавленіе Стефана.
51. Космы Индоплова рип. № 1186, л. 128 об.—Павелъ на пути изъ Іерусалима въ Дамаскъ.
52. Космы Индоплова рип. № 1186, л. 147 об. и 148—схема странъ свѣта и финиковыя деревья.
53. Космы Индоплова рип. № 1186, л. 183 об.—кругомъ земли движеніе солнца, луны и пр.
54. Книга Іова, греч. рип. № 3, XI вѣка, л. 2, съ началомъ и миниатюрою—Іовъ съ женою на тронахъ.
55. Книга Іова, рип. № 3, XI в., л. 2 об. Іовъ съ сыновьями и жена его съ дочерьми.
56. Книга Іова, рип. № 3, л. 12 об.; миниат.—вечера въ домъ Іова.
57. Книга Іова, рип. № 3, л. 14 об.: миниат.—нападеніе на стада.
58. Книга Іова, рип. № 3, л. 25 об., двѣ миниатюры: три цара передъ Іовомъ на гноищѣ.
59. Книга Іова, рук. № 3. двѣ стр. письма, 4-е слово.
60. Слова Григорія Богослова, рип. XII в., № 339, листъ 1. Миниатюра. Григорій Б., пишущій Слова.
61. Слова Григорія Богослова, рип. № 339, Слово I-е на Пасху. Миниат.—Вознесеніе Христа.
62. Слова Григорія Богослова, рип. № 339, Слово II-е на Пасху. «Сомѣщеніе во адъ».
63. Слова Григорія Богослова, рип. № 339, Слово III-е; миниат.—«Муч. Мамагъ».

64. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339: Слово IV-е, изобр. Пятидесятницы.
65. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, Слово V-е; Григорій и Юліанъ.
66. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, Слово VI-е, Рождество.
67. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, Слово VII-е, «Погребеніе Василя Великаго.
68. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, Слово VIII-е, Крещеніе.
69. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, Слово XIV-е, Мученич. Маккавеювъ.
70. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, Слово XV-е; Григорій, Кипріанъ и Пелагія.
71. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, обрацикъ письма.
72. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, обрацикъ письма.
73. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, инициалы отъ А—М (кальки).
74. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, инициалы отъ N—Ω (кальки).
75. Слова Григорія Боюслова, ркп. № 339, выходной листь.
76. Минеи на Ноябрь мѣсяць, греч. ркп. № 500, XII в. Выходной листь — чудеса Свв. Космы и Даміана.
77. Лѣствица I. Климака, ркп. за № 418, XII в. Къ § «о матери всѣхъ добродѣтелей» — миниатюра: моленіе.
78. Лѣствица I Климака, № 418, «Слово къ пастырю» — поученіе Іоанна.
79. Евангеліе «Хоривскоо», № 213, 967 года, письмо на 2 листахъ.
80. Евангеліе греч., за № 213, 967 года, другой обрацикъ письма.
81. Евангеліе греч., за № 213, 967 года, обрацики письма, вишѣтки и инициалы (съ калекъ). Запись.
82. Евангеліе за № 213, 967 года. Инициалы отъ А—Е (съ калекъ).
83. Евангеліе за № 213, 967 года. Инициалы отъ Е—Т.
84. Стихиарь греч. за № 1216, XIII в. Миниатюра: Вознесеніе Христа (калька).
85. Катѣхизисъ Θεодора Студита, за № 401, X-го в. Инициалы (кальки).
86. Слова Григорія Боюслова, ркп. за № 352. Запись.
87. Слова Григорія Боюслова, ркп. за № 352. Обрацикъ письма.
88. Лѣствица I. Климака, ркп. за № 417, X-го в., снимокъ 2 листовъ начальныхъ.
89. Снимки съ греч. рукописей VI—X стол.: 1) Евангеліе, № 211: 2) Псалтырь № 32; 3) тоже № 37; 4) тоже № 36; 5) Параклитика № 776; 6) ркп. № 493; 7) ркп. № 30; 8) запись Евангелія № 213 перв. л. Кальки.
90. Снимки записей (кальки): 1) Патерикъ № 448 — запись 1004 года; 2) Евангеліе № 23, 1033 г. 3) Дионисія Ареопагита № 319, 1048 г. 4) Евхологий № 968, 1426 г.
91. Снимки записей (кальки): 1) Триодъ № 736, 1029 г. 2) Триодъ № 742, 1099 г. 3) Лѣствица I. Климака № 422, 1100 г. 4) Евангеліе № 193, 1124 г. 5) Псалтырь № 55, 1344 года.
92. Снимки записей (калька): 1) Новый Заветъ № 220, 1167 года. 2) Триодъ № 754, 1177 г. 3) Житіе Григента № 541, 1180 г. 4) Триодъ № 756, 1205 г. 5) Евангеліе № 234, 1155 г. 6) Евергетидъ № 456, 1300 г. 7) Теофилакта № 302, 1306 года.
93. Снимки записей: 1) Евангеліе № 152, 1346 года. 2) Стихиарь № 1221, 1321 г. 3) Евангеліе № 239, 1374 г. 4) Евангеліе № 199, 1548 г. 5) Слова Григорія Б., № 339, посл. л. 6) Профитологий, № 16. 7) Минеи, № 580.
94. 1) Евангеліе греч. № 152, 1340 года. 2) Часословъ слав. № 12. 3) Псалтырь слав. № 6. 4) Служебникъ слав. № 29. 5) Триодъ, № 23. (кальки).

95. *Псалтырь* глаголическая, № 38 ; снимки листовъ : 3 об. и 4; 4 об. и 5.
96. *Псалтырь*, пис. глаголицею, № 38; листы 5 об. и 6; 56 об. и 57.
97. *Псалтырь* глаголическая, № 38 ; листы : 64 об. и 66 ; 65 об. и 66.
98. *Псалтырь* глаголическая, № 38 ; листы : 131 об. и 132.
Служебникъ глаголическій, № 37 : двѣ страницы (молитва о трясавицѣ).
99. *Служебникъ (Трѣбникъ)* глаголическій, № 37. Инициалы (кальки).
100. *Псалтырь* греч., XIII в., по преданію, Св. Кассія (рип. на 6 листахъ):
два листа.

Г-р. М...

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

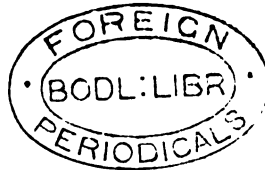
НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ,

изданный подъ редакцію орд. проф. А. А. Кочубинскаго

XXXIII

РДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1882.

вышелъ 1-го Мая 1882 г., 51 листъ.

Въ редакціи «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются и прежніе томы этого изданія, заключающіе въ себѣ:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интегрированія двѣхъ уравненій движенія свободной точки. *Лашинъ В. И.* О вулканическихъ явленіяхъ близъ остр. Сваторина. *Брунъ Ф. К.* Путешествіе Ив. Шнальбергера по Европѣ, Азіи. . . . *Леонтовичъ Ф. И.* Древнее хорватско-долматское законодательство. *Юревичъ В. Н.* De Jovis Lysaei natura. . . . *Берлиштейнъ.* Отчетъ о командировкѣ. *Абашевъ Д. Н.* О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей.

Томъ II. *Смирновъ М. П.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшою. *Беркевичъ Л. Ф.* Исслѣдованіе движенія пл. Юноны. *Патлаевскій И. I.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762.

Томъ III. *Орбимскій Р. В.* Англійскіе денгеты XVII—XVIII ст. *Соколовъ Н. Н.* О молочной кислотѣ изъ β -іодопропіоновой кислоты. *Вольскій М. М.* Рабочая обработка земли. *Струевъ Ф. А.* Путевыя замѣтки.—Празднованіе въ н. нов. ун.—тѣ тысящелѣтія со дня кончины св. Кирилла (14 севр. 1869).

Томъ IV. *Некрасовъ И. С.* Зарожденіе національной лит.—ры въ сѣв. Руси. *Бондаковский А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н.* О механическомъ анализѣ почвъ. *Шнедговъ Ф. Н.* О законахъ превращенія электричества въ теплоту.

Томъ V. *Ярошенко С. П.* О размысаніи особенныхъ рѣшеній двѣхъ уравненій 1 порядка. *Брунъ Ф. К.* О странствованіяхъ дари пресвитера Юанна. *Бекетовъ.* Рецензія соч. г. Абашева «О тепловыхъ явленіяхъ. . . ». *Лашинъ В. И.* Мнѣніе о томъ же. *Соколовъ Н. Н.* Разборъ того же сочиненія. *Абашевъ Д. Н.* Замѣчанія на разборъ пр. Соколова. *Григоровичъ В. И.* Рѣчь на 11 мая 1869.—Отчетъ о состояніи н. нов. ун.—та за 18⁶⁹/₇₀ ак. г.; при немъ: *Шнедговъ Ф. Н.* Объ отношеніи языка къ естественной наукѣ.—Протоколы засѣданій совѣта: 4 янв.—30 мая 1870. *Бошницъ В. В.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VI. *Некрасовъ И. С.* Пахомій сербъ, писатель XV в. *Патлаевскій И. I.* Теорія денежнаго обращенія Ринардо. *Шмилевскій М. М.* Политика народонаселенія въ царствованіе Елизаветы II. *Григоровичъ В. И.* Изъ лѣтописи науки славянской.—Протоколы засѣданій: 19 авг.—21 дек. 1870 г.

Томъ VII. *Павловъ А. С.* Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. ч. I. *Лашинъ В. Н.* Вступ. лекція. *Ярошенко С. П.* Вступ. лекція.—Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18⁷⁰/₇₁ ак. г.; при немъ: *Некрасовъ И. С.* Разборъ соч. «Объ азовскомъ сидѣніи». *Мечниковъ И. И.* Позвоночная теорія черепа.—Протоколы зас. сов.: 18 янв.—21 мая 1871 г. *Берлиштейнъ Н. О.* Отчетъ о командировкѣ. *Мечниковъ И. И.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VIII. Протоколы засѣданій совѣта: 16 авг. 1871—29 мая 1872. *Кочубинскій А. А.* Славянскія нарѣчія и сравнительное языкованіе (вст. лекція). *Бондаковъ Н. П.* Наука классич. археологій и теорія искусства (вст. л.). *Марковичковъ В.* Двѣ вст. лекціи. *Головкинскій Н. А.* Двѣ вст. лекціи. *Павловъ А. С.* Нѣмкановъ при большомъ требніи.

Томъ IX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—23 дек. 1872. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18⁷¹/₇₂ ак. г. *Вольскій М. М.* Задача политической экономіи и отношеніе ея къ прочимъ наукамъ. *Брунъ Ф. К.* Перилъ каспійскаго моря по картамъ XIV ст. *Павловъ А. С.* Еще наказный списокъ по Стюгаву. *Умовъ Н. А.* Историческій очеркъ теоріи сѣвта. *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи.

Томъ X. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М. И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процессѣ. *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н. А.* Теорія простыхъ средъ. *Его же.* Замѣтка о соч. г. Лигна «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣн. системы».

Томъ XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая—18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18⁷²/₇₃ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Братья—подобны и чешскіе католики въ началѣ XVII в. *Лашинъ В. Н.* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

Томъ XII. Протоколы зас. сов.: 6 сент.—5 дек. 1873. Программа курса церковнаго законодѣнія. *Бондаковъ Н. П.* Памятникъ гарцій изъ Есапеа въ Ливіи. *Лашинъ В. Н.* Объ ускореніяхъ вышшихъ порядковъ.

Томъ XIII. Протоколы зас. сов.: 6 янв.—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А.* Записка о путешествіи по славян. землямъ. *Лебедевъ Д. П.* Федотъ, переводъ съ привѣчаніями. *Павловъ А. С.* Каноническія рукописи моск. синод. бібліотеки.

Томъ XIV. Каталогъ дублетовъ бібліотеки и. нов. ун.—та. *Кудряцевъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. П.* Анализъ Федона. *Шмидтскій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Томъ XV. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 187⁹/₇, ак. г. *Лыгинъ В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. *Спиро П. А.* Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній. *Лыгинъ В. Н.* Кинематика. I.

Томъ XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ѡ. И.* Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи сравненія исторіи. *Цитовичъ П. П.* Отзывъ о соч. г. Дювернуа «Ося. форма корреляльнаго обязательства». *Симюевъ И. Ѡ.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шмидтскій М. М.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣднія. *Павловъ А. С.* Замѣчанія на програму изданія церк. правилъ.

Томъ XVII. Протоколы зас. сов.: 25 янв.—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи и. нов. ун.—та за 187⁴/₇, ак. г. *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ асимиліаціи. *Шельшима А.* Изъ исторіи развитія предостереженій папоротниковъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Сперанскій М.* Опытъ понятія военной контрбанды.

Томъ XVIII. Протоколы зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Вальвусъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы раст. жизни. *Спиро П. А.* О возможныхъ реалексахъ. *Коломоичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звездъ. *Головкинскій Н. А.* Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Шельшима А.* Вліяніе тепла на растенія. *Колдаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро П. А.* Прибавленіе къ ст. «О возмож. реалексахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 февр. 1875.

Томъ XIX. Протоколы зас. сов.: 19 янв.—29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи бібліотеки. *Коломоичъ А.* Способы . . . (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Ся. М.* О поднеканціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмъхъ. *Карастелевъ К. И.* Приложеніе теоріи функцій.

Томъ XX. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 187⁴/₇, ак. г. *Вальвусъ Я. Я.* Отзывъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассим.» *Малининъ М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григоровичъ В. И.*: 1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ 1875 г.; 2. Объ участіи сербовъ въ нашихъ обществ. отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2. и 3. 1 февр. 1875—1 февр. 1876. *Колдаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 сент. 1875—1 марта 1876. *Палаузовъ В. Н.* Къ вопросу о еоріи участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. *Вальвусъ Я. Я.* О размноженіи растеній частями съмыянъ. *Кудряцевъ А. Н.* Мохамеданская религія.

Томъ XXI. Протоколы зас. сов.: 18 авг.—7 окт. 1876. *Колдаковъ Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и иконографіи по миниатюрамъ греч. рукописей. 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index vetitum an. 1876.

Томъ XXII. Протоколы зас. сов.: 21 окт.—16 дек. 1876. Докладъ помѣскимъ о спец. средствахъ. *Войтковскій В. М.* Разборъ соч. «Константинъ Вел.». *Малининъ М. И.* Судебное признаніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 іюня 1876. *Лыгинъ В. Н.* О способѣ Кеппе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѡ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Томъ XXIII. Протоколы зас. сов.: 20 янв.—20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за 187⁶/₇, ак. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализациа плавныхъ сочетаній. I. *Брунъ Ф. К.* О разныхъ названіяхъ Керчи. . . . *Клименко Е. Ф.* Отзывъ прое. Алексѣеву.

Томъ XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологическія и мнелоогическія замѣтки. Чаши изъ человѣческихъ череповъ. *Посникова А. С.* Общинное землевладѣніе. *Перетятковичъ Е. И.* Вступ. лекція. *Петриѣвъ В. М.* О моно- и двоесмалоновыхъ кислотахъ

Томъ XXV. Протоколы зас. сов.: 7. апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣчій. . . II. 1. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панкевичъ А.* Объектъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русск. гражд. права I Общая часть.—Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ и. нов. ун.» (187⁶/₇,—187⁷/₇).

Томъ XXVI. Протоколы зас. сов.: 6 окт.—8 дек. 1877 г. *Умовъ Н. А.* Курсъ математ. физики. I. Введеніе. Съ 2-мя табл. *Цитовичъ П. П.* Новые приемы защиты общиннаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общинное землевладѣніе». А. *Посникова. Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв.—*Ею же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Сабининъ Е. Ѡ.* Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощью рядовъ. *Кочу-*

Билекій А. А. Памяти товарищей. Двѣ рѣчи. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I. Общая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Томъ XXVII. Краткій отчетъ о дѣятельности и. нов. ун. за 1871, ак. г. Протоколы зас. сов. 19 янв.—23 авг. 1878 г. Прил. къ нимъ: *Кочубинскій А. А.* Polapani. Разборъ соч. на еаж. премію: «Очеркъ языка славянъ Балт. Поморья, Бранд.» *Некрасовъ И. С.* Отзывъ о комед. «Свищи», увѣнч. преміей И. Ю. Вучины. *Поломаревъ И.* Къ исторіи производныхъ группы моч. кислоты. *Трачевскій А. С.* Соврем. задача истор. науки. *Успенскій Ѡ. И.* Образованіе втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Провкт. геометрія.

Томъ XXVIII. Протоколы зас. сов.: 7 сент.—9 дек. 1878 г. *Преображенскій В. В.* О логариям. потенциалахъ. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. явлс. по ист. геогр. и ж. Россіи. Ч. I. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Древн. монг.-калм. или ойрат. уст. ввысь. (Цааджинъ-Бичигъ). *Ярошенко С. П.* Провкт. геометрія (продолж.)

Томъ XXIX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—31 мая 1879 г. *Цомаковъ Ѡ. М.* Электропров. газ. *Конюховъ А.* Законъ отр. свѣта разл. длинн волнм отъ пов. гипса. *Мелингъ Оланджановъ П.* Разгр. подс. ком. суд. отъ подс. суд. учр., общ. и мир. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Къ истор. права рус. ипор. Калм. право.

Томъ XXX. Протоколы зас. сов.: 20 авг.—3 дек. 1879. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. II. *Воводскій Л. Ф.* О занят. по крѣт. и мнѳол. гомер. эпоса. *Ярошенко С. П.* Провкт. геом. (прод.).

Томъ XXXI. Протоколы зас. сов.: 24 янв.—31 мая 1880 г. Отчетъ о сост. и. нов. ун. за 1879—1880 уч. г. *Трачевскій А. С.* Нам. вопр. во Франціи при Люд. XVI. *Колоновъ А.* Выч. орб. двойн. звѣз. (Virg. *Сабиниъ Е. Ѡ.* Доп. къ моей стат. въ 9 т. Мат. Сборн. *Бучинскій П.* Объ общ. черт. въ строеніи нерв. сист. позв. жив. и кольч. черв. *Мечниковъ И. И.* Отчетъ *Кодаковъ Н. Л.* Мозаики мечети (Мои тѣ; Храма) въ Констант. (съ отд. атл. рис.) *Малининъ М. И.* По поводу мнѣя. пр. Дювернуа о ви. г. Палаузова. День памяти Пушкина въ унив. Здѣсь: *Кочубинскій А. А.* Правда явлени и правда творч. *Яковлевъ В. А.* О гум. знач. поэзіи Пушкина. Отчеты ист.-явл. еаж. о драм. на прем. И. Ю. Вучины. *Ярошенко С. П.* Провкт. геом. (прод.). *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц. Объявленіи.

Томъ XXXII. Протоколы зас. сов.: 20 авг.—15 дек. 1880 г. *Delectas vet. in bot. Un Saes. N. Ros. Ершескій Н. О.* Къ вопросу о позем. пред. *Успенскій Ѡ. И.* Соч. Мих. Акомината. *Палаузовъ В. Н.* Вступит. лекціи по уголов. судопр. *Сабиниъ Е. Ѡ.* О началѣ навм. дѣйств. *Успенскій Ѡ. И.* Фил. Карл. Брунъ 1804—1880 гг. *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц. (прод.).

Цѣна тома 2 р. 50 коп. (томъ I, XXVII 3 р., XXVIII 4 р., XXIX 4½ р., XXX 3½ р., XXXI 4 р.).

Складъ изданія въ университетѣ. Выписка чрезъ всѣ книжныя магазинны Одессы.

«Записки императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 3 до 4 томовъ въ годъ, отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8° (съ протоколами).

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы вступить съ редакціей «Записокъ» въ общіиъ своими изданіями, благоволятъ обращать свои заявленія въ Правленіе имп. нов. университета.

Редакторъ:

Орд. проф. А. Кочубинскій.

Цѣна XXXIII т. 4 руб. 50 коп.

